

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

XQCA

1000

ВЕЩЬ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Матери
Олег
Киев
се буди
матри
грядом
руским
1866

ВИЛЬНА

1866.

ВѢСТНИКЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

В. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 1866

ВИДѢНІА VII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY
648499 A
ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS
R 1933 L

Доволено Цензурою 24-го Марта 1866 года. Вильна.

NEW YORK
PUBLIC
LIBRARY

I.

№ 11-й.

**МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.**

1.

**Грамота польскаго короля Александра, дан-
ная православному смоленскому епископу
Юскѣу Солтану (*) на нивіа Тонилонь,
Батюты и Шичево. 1504 г.**

Александръ Божю милостию Король Польскій Великій
Князь Литовскій Русскій Жомойтскій Мазовет-
скій и иныхъ.

Членимъ знаменито оумъ нашимъ мотомъ, кто на
доге посмютрите, або чгучи его услышите, нынѣшнимъ
и потомъ будущимъ, кому будетъ потреба того вѣдати.
Порозумели есмо вѣрную и справедливую службу наре-
ченнаго владыки смоленскаго Юскѣа, котороужся онъ
намъ оказалъ напротивъ неприятеля нашего, и служилъ
намъ вѣрне во впадъ (лишеніе) и шкѣду (убытокъ): не-
малую впадъ. И мы з ласки (по милости) нашей за то
пожаловали есмо его данн ому людъ у бѣлскои повѣ-
те (уѣздѣ) у саржаской волости шесть служебъ тяг-

(*) Упоминаемый здѣсь епископъ Юскѣу Солтанъ, въ мѣстѣ
Александръ, происходилъ отъ знаменитой беретой дворянской за-

лыхъ у топилицъ а у ботютичъ а в пыщевѣ, на имя волоса, (Власа) а Яца (Якова) Озимковичовъ и з ихъ дѣтми, а Малика (?) а Маца (Матвея) Рыжковичовъ и з ихъ дѣтми, а Леца а Заня Скорупичовъ и з ихъ дѣтми, а Мися а Хаца и з ихъ дѣтми, а Пыха а бобра и з ихъ дѣтми, и з службами ихъ и з дзялы (надѣломъ) а з землями пашными и бортными и съ сеножатми старыми и новыми, з лѣсы з дубровами и з боры и з ган (рощи)

падно-русской фамилиі Солтановъ (*) и до поступления въ монашество, былъ бресткимъ кастеляномъ и великимъ подскарбіемъ великаго княжества Литовскаго. Не смотря, однакожъ, на свою знатность и санъ, онъ, будучи еще міряниномъ, высказывалъ необыкновенное благочестіе и ревность къ созиданію храмовъ Божіихъ въ разныхъ мѣстахъ обширныхъ его имѣній, преимущественно въ воеводствахъ гродненскомъ и минскомъ и, между прочимъ, онъ первоначально въ своемъ имѣніи Жировицахъ (Слонимскаго уѣзда) построилъ церковь во имя Пресвятой Богородицы, гдѣ помѣстилъ найденную въ этой мѣстности пастухами икону Божей Матери, прославившуюся въ послѣдствіи безчисленными чудесами, и по настоящее время чтимую въ журовицкой обители. Потомъ, совмѣстно съ сосѣдними богатыми дворянами Мелешко и Тризноу, онъ основалъ тамъ до сихъ поръ существующій монастырь.

Эта-то преданность вѣрѣ и благочестію заставили въ послѣдствіи Солтана замѣнить шумный свѣтъ, въ которомъ онъ занималъ такое важное мѣсто, на тишину иноческой кельи, гдѣ бы онъ свободно могъ посвятить всего себя на служеніе православной вѣрѣ и церкви. По поступленіи въ монашество, онъ тотчасъ былъ сдѣланъ настоятелемъ слущаго св. Троицкаго монастыря, который, въ короткое время, успѣлъ обогатить хорошею ризницею, частью вывезенною имъ изъ Константинополя, и многими учительными книгами (**).

(*) Базиліанецъ Стебельскій въ своей Chronolog. Rozdz. 1 стр. 50, іезуитъ Кулешъ—Wiąga prawosławna, стр. 183, называютъ его Ивановъ; но митрополитъ Евгений, въ описаніи Кіев. Соф. собора, стр. 113, Транквиціонъ въ Совершат. Богословіи, стр. 3, и другіе называютъ его Александромъ—съ этими послѣдними и мы согласны.

(**) Акты зап. Рос. № 117.

и сѣщи (кустарники) и з рѣками и з рѣчками, и скрыницами и ихъ потоки и ставищами (пруды) и млыны (мельницы) и ихъ вымелки (доходъ за мливо муки) и тотъ млынъ которы ихъ есть на насъ справленъ, у тыхъ же людей земли на рѣцѣ на Неводницы, и з бобровыми гоны (*) и з озерамяны, и з ловы и з ловицы зѣринными и пташыми, и з езы рыбными, и з даню грошевою и медовою и купничною, и съ всякими иными

Въ 1494 г. Иосифъ нареченъ былъ, правиллегіей короля Александра, за его заслуги государству, смоленскимъ епископомъ, а въ 1504 году, король пожаловалъ ему въ вѣчное владѣніе, за эти заслуги, означенныя въ этомъ документѣ имѣнія, которы онъ, два года спустя, подарилъ основанному Александромъ Ходкевичемъ Супральскому монастырю, и т. обр., совместно съ Ходкевичемъ былъ втиторомъ сего монастыря, которому въ 1506 году далъ уставъ общаго иноческаго житія. Въ 1507 году, Иосифъ возведенъ былъ на коедру кievской митрополіи, по благословенію патріарха константинопольскаго Іоакима, приславшаго на посвященіе его въ этотъ санъ одного изъ своихъ крестовыхъ священниковъ, въ присутствіи котораго три православные епископа оставили Иосифа въ митрополиты въ Вильнѣ, 10 мая.

Призванный къ высшему служенію, онъ обратилъ свою почетильную мысль на бѣдственное положеніе духовенства и церкви, страдавшей главнымъ образомъ отъ неопредѣленности отношеній между духовною и свѣтскою властями, по которой эта послѣдняя кѣпчивалась въ такія дѣла церкви, въ которыхъ должна бы участвовать одна власть—духовная, отъ чего происходили въ ней разныя безпорядки и неуройства. Поэтому Иосифъ, тотчасъ же своимъ нареченіи въ митрополита, показалъ Александру Сви-

(*) Въ старину во всѣхъ почти большихъ и малыхъ рѣкахъ западной Россіи водились въ большемъ количествѣ рѣчные бобры (Castor Fiber), составлявшіе предметъ промысла, изъ кожи которыхъ выдѣлывается извѣстный мѣхъ, мясо употребляется въ пищу, а находящая у него въ особой сумочкѣ бобровая струя составляетъ дорогое аптечное снадобье. Бобры эти, обыкновенно устройваются въ заливахъ и бухтахъ рѣкъ и рѣчекъ своимъ домъ изъ колеень и хвороста, въ родѣ двухэтажныхъ, а иногда и болѣе, шалашей, которые устройвались группами, такъ сказать, цѣлыми селеніями;—эти то селенія назывались *гонями*.

поплатки (платежами) и податми которымъ колвекъ (какимъ либо) именемъ могутъ названы або менены быть нынѣшними и на потомъ будучими, и съ всимъ правомъ и панствомъ, ничего неоставляючи и отъ насъ, и на наши наслѣдники. А граница тымъ людемъ и землямъ почонши з нарвы рѣки выголовкою рѣкою у верхъ, а з выголовки к заднему истоку, по роговские грани. А отъ западного истока к перелоной горѣ по хвороще

токъ Ярославъ и просилъ его, чтобы онъ, по силѣ сего свитка, какъ святительскій судъ, такъ равно и церковныя имущества сдѣлалъ неприкосновенными. Александръ, всегда благосклонный и признательный къ Иосифу за прежнія его заслуги государству, подтвердилъ Свитокъ Ярославъ и своею жалованною грамотой повелѣлъ, чтобы *кляжата* и *памята* какъ римскаго, такъ и греческаго закона въ доходы и прочія церковныя дѣла не вѣдѣвались и вообще не дѣлали бы никакихъ притѣсненій церкви Божіей. Въ этихъ же видахъ, митрополитъ Иосифъ, въ 1509 году созвалъ въ Вильнѣ соборъ. Соборъ этотъ принадлежитъ къ числу важнѣйшихъ дѣяній митрополита Иосифа, — на немъ установлены 15 правилъ церковнаго благочинія и благоустройства, а главнымъ образомъ вниманіе собора обращено было на устройство правильныхъ отношеній между свѣтскою и духовною властями. Митрополитъ Иосифъ скончался въ Вильнѣ въ 1517 году.

Уніятскіе писатели: базилианцы Янъ Дубовичъ, Стебельскій, Суша, Кояловичъ и другіе, въ оправданіе своей измѣны древнему православію, въ сочиненіяхъ своихъ любили многихъ, въ особенности болѣе знаменитыхъ, русскихъ митрополитовъ и епископовъ, называть уніятами. Такую клевету они внесли и на Солтана. Но это противорѣчитъ во первыхъ тому, что Солтанъ на посвященіе свое въ санъ митрополита испросилъ благословеніе константинопольскаго патріарха, приславшаго ему благословенную свою грамоту чрезъ своего крестоваго священника, который присутствуя лично при посвященіи Солтана въ Вильнѣ, представлялъ собою лице самаго патріарха; во вторыхъ посвящали его въ санъ митрополита три малороссійскіе православные епископа; въ третьихъ митрополитъ Иосифъ, въ дошедшихъ до насъ его грамотахъ и актахъ называетъ себя пастыремъ подъ *послушенствомъ* вселенскаго святейшаго патріарха константинопольскаго; въру свою называетъ върою „древняго православія святые апостольскіе вос-

Ходкевичью, и гаевника (лѣсничаго) саражскаго грани. А отъ перелонной горы к шандину истоку. А отъ шандина истока к борщовце, а отъ борщовки дорогою саржскою к добрыводѣ, а добрыводою рѣчкою зася у нарвы, а нарвою внизъ до тоежъ вышеписаное рѣчки выголови. А дали есмы ему тыи вышеписаныи люди и з землями ихъ вѣчно и непорушно ему и по немъ его ближнимъ тымъ которымъ онъ откажетъ. Моценъ (властень, имѣеть право) онъ тые люди и земли собѣ розширити, и 'осадити розробити, и тежъ моценъ и воленъ тое свое имѣнїице у тыхъ вышеписаныхъ границахъ одати заменить, какъ самъ налпей (лучше) разумѣючи куды хотя къ своему лѣпшему (лучшему) обернути. Нѣжди если бы онъ хотель тое свое имѣне кому продати на пенязя маеть на то узьявити, и будетъ ли потреба имѣнїица к нашей рuce взяти, ино кто коли бу-

точные церкви," а въ уставѣ своемъ, данномъ суспральскому монастырю 1506 года, прямо говоритъ, что монастырь этотъ съ братьею долженъ быть ввренъ навсегда православию, подъ благословенїемъ вселенскаго константинопольскаго патріарха, и въ грамотѣ своей, данной монастырю въ 1512 году на право свободнаго избранїя игумена изъ среди братїи и освобождающую его отъ непосредственной власти кїевскихъ митрополитовъ, внушается имъ, чтобъ были въ повиновенїи отъ константинопольскихъ патріарховъ и подъ благословенїемъ кїевскихъ митрополитовъ. Наконецъ, онъ не могъ быть унїатомъ и потому, что тогда и унїи еще не было на всемъ пространствѣ тогдашней Россїи. Флорентская же унїя была слѣшкомъ скоротечна; она и на Востокѣ началась за нѣсколько лѣтъ предъ взятїемъ турками Константинополя и окончилась его паденїемъ, а въ Россїи она началась митрополитомъ Исидоромъ, бѣжавшимъ въ Римъ, и окончилась ученикомъ его Григорїемъ, которому, впрочемъ, ни одинъ изъ епископовъ не хотѣлъ повиноваться:—всѣ сносились съ московскимъ митрополитомъ Іоною, такъ что Григорїй былъ митрополитъ безъ паствы, только по имени. Нужно также замѣтить, что Іосифъ Солтанъ помѣщенъ въ каталогахъ кїевскихъ православныхъ митрополитовъ, подъ именемъ Іосифа II Солтана, чего, конечно, не случилось бы, если бы онъ былъ унїатомъ.

детъ ему которую суму пѣнезей давати, тогда мы маемъ ему тую суму пѣнезей совито (щедро) отложить и дати, а то есмо ему вчинили для его вѣрной службы, а будетъ ли намъ того имѣнїица к нашей руде непотреба тогда онъ воленъ тое куды хотя обернути. А при томъ были велебный (преподобный) велеможный (многомошный) врожный (урожденный) князь Войтехъ бискупъ виленскїй, а воевода виленскїй канцлеръ нашъ панъ миколай радзивиловичъ (Радзивилъ). А воевода троцкїй маршалокъ земскїй панъ янъ юревичъ. А панъ троцкїй староста жомойтскїй, панъ станиславъ яновичъ. А маршалокъ панъ станиславъ петровичъ. А маршалокъ дворный намѣстникъ мерецкїй и утенскїй князь миханло лзовичъ глинскїй. А маршалокъ намѣстникъ полоцкїй панъ станиславъ глѣбовичъ. А подчашный намѣстникъ бѣльскїй панъ миколай миколаевичъ радзивловичъ. А на твердость того и печать нашу казали есмо привесити к сему нашему листу. Писанъ у вилини. В лѣто 7012 (отъ Р. Х. 1504) мѣа сентября 15 дня, индикта 7.

Списано изъ современной копїи этой грамоты, хранящейся въ архивѣ супральскаго монастыря, состоящей въ описи подъ № 2. Копїя эта писана на пергаминахъ, составляющемъ послѣднїй листъ тетради, содержащей копїи фундушевыхъ записей Ходкевича и митрополита Іосифа Солтана. Шрифтъ церковно-славянскїй, уставомъ; копїи этого документа въ монастырскомъ архивѣ находятся нѣсколько экземпляровъ.

2.

Фундушевая записъ епископа смоленскаго Іосифа Солтана супральскому монастырю имѣнїи Топилецъ, Батють и Пищева. 1506 г.

Во имя Божїе святаыя Троица станся такъ. Призовлемъ господаря моего александра короля польскаго, великаго князя литовскаго и рускаго Іосифъ епископъ

смертнскій, чиню знаменито еимъ моимъ листомъ, кому будетъ потреба его видати, або чути его слышати, нынѣшнимъ и на потомъ будущимъ. Икъ же есть обычай живущимъ во вѣрѣ христіанскій, подобаетъ болши всего печаловатись о душевномъ спасеніи. А наболей нынѣ мнѣ мѣшаючи (находясь) у службѣ господарьской, часу неспокойного отъ неприятели господарьского боится пригоды (приключенія, несчастія), упаду смертнаго (на случай смерти). И для того хотя мѣти память вѣчную по своей души у церкви божей пречистой благоуощенія еже есть у скран (у берега) рѣки супряслы, у отчизнѣ благородного и велеможного пана александра ивановича ходкевича. Будячи у полкомъ моемъ здорови, и въ доброй памяти, ни скотораго принуженія и людской порады нѣжали самъ своею доброю волею и хотеніемъ дѣлалъ есми такъ. Тыи люди и земли што мнѣ господарь далъ у бѣлскомъ повѣтѣ саражское волости шесть служебъ тяглыхъ, у топилицы а у ботютичохъ а у пыщовѣ. На имя волоса а Яца Озимковичевъ изъ ихъ дѣтми, а курца и нивовара и зъ ихъ дѣтми, а леца а зана скоруничовъ, а мися а хаца и зъ ихъ дѣтми, а кыха а бобра и зъ ихъ дѣтми и зъ ихъ землями и водами и съ всеми платы (платежами) и податки, за мою службу и шкоднѣи унадожъ, и подтвердилъ его милость мнѣ своимъ привидеємъ такъ ижъ я воленъ отдати и продати и куды хотя къ своему дѣлицему обернути. И я для господарьского божомоля, абы за его милости здорове Бога прошено и своего душевного спасенія, и вѣчное памяти, тыи вышеписаныи люди мой и мой дворець владычны и земли пащныи, и бортныи, и обножати а старыи в новыи, лѣсы и дубровы, и гай, и чащи, и рѣкы и криницы и потоки, и ставы и млыны, и бобровыи гонны и ловы, и ловница зверыи и птици и езы рыбныи и дань грѣловую и медовую и куничую и иныи всякыи поплатки и податки, которымъ кодьвекъ именемъ могутъ названы або менены быти нынѣшными

и на потомъ будущими, и съ всимъ правомъ ничего себе неоставляючи, и на мои прирожоны, никому ничимъ непенное ани винное, мое властное имѣне придаю и даль еси къ церкви божіей пречистыя благовѣщеню служителю нынѣшнему игумену пафнотію, и всимъ еже о Христъ брати живущимъ въ томъ монастырю нынѣшнимъ и на потомъ будущимъ церкви божіей ку чти (чести) и хвале а и служителемъ церковнымъ на поживленіе (на содержаніе) есть вѣчно и непорушно съ всимъ такъ какъ еси сам мѣлъ водле данный привилей господарского. И тотъ привилей господарскый, мнѣ на то данный на паркгаминѣ с привѣсистою печатю, даль еси въ церковь божію игуменца брати того монастыря, нынѣшнимъ и на потомъ будущимъ, тое имене топилце а батютичи, апыщеве в тыхъ границахъ какъ въ господарскомъ привилей стоитъ тое все они мають дрѣжати, и мѣти къ церкви божей и розширити и розробити и припахати, и осадити какъ наболѣи умѣючи къ своему лѣпшему и пожиточному (полезному) моцни (вправѣ) чинити такъ какъ бы я и самъ, а моя братя и мои прирожоны (родные), не маются в тое вѣступати, ани поискивати, бо еси даль той на церковь божію свою властную выслугу маючи ее вѣчно, нижли ктобъ были на потомъ роду моего живи, тотъ повиненъ тое имѣне отъ кривдъ боронити для того абы церкви божіей сполна былъ. А што стого имѣня пожитку (пользы) есть нынѣ и потомъ што можетъ быти грошевого пѣняжного медового хлѣбного жита яри и овощнаго и млынного и водного и рыбного, и иншого всякого што можетъ стого имѣня з людей из земли быти, то все мають мѣти и брати тое церкви божей служители собѣ на пожитокъ (на пользу). А ѣжли въ пеку и отъ кривдъ (обидъ) боронити того имѣня и людей земли полецаю (поручаю) и приказую пану александру ивановичу Ходкевичу. И по немъ его дѣтемъ и его щадкомъ (челядиномъ) и ихъ бояромъ и слугамъ, для того ижъ тотъ монастырь у его отчизнѣ стоитъ. Поне-

же они суть ктитори того монастыря. Они мають (имѣють) отъ всихъ кривдъ беронити по тыи границы, какъ въ господарскомъ привилеи стоять. А богъ милостивый за тотъ ихъ трудъ дать ихъ милости отпушеніе грѣховъ, и наслѣдіе царства небеснаго. А пакли бы они нехотѣли за церковное постояти имѣне и отъ кривдъ беронити ино за то имъ Богъ судя на страшномъ судѣ. А чтобы имѣлъ тое имѣнѣе кривдити черезъ тыи границы какъ мнѣ господарь король далъ, аобы што кто хотѣлъ того имѣня отлучити або отняти отъ церкви божее на томъ не буди милости божя, и буди на таковыхъ клятва стыхъ отцевъ трехсотъ и осминадесять и разсудится тотъ съ мною на страшномъ судѣ христовѣ. А на лѣпшую (для лучшей) тврѣдость тыхъ всихъ вышеписанныхъ рѣчей далъ есми у тую церковь божію угумену и брати нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, сеєъ мой записный листъ з моею печатю привесистою. А при томъ были люди добрые: панъ александро ивановичъ ходкевичъ маршалокъ господарскый намѣстникъ троцкый, князь иванъ ивановичъ околичыи смоленскый. А панъ богданъ солѣга околичый смоленскый, степанъ чапля бояринъ пана александра ходкевича. Писанъ у вили. Въ лѣто (1506) мца мая 11 дня, индикта 9.

На пергаминахъ изъ той же тетради. Тамъ же.

8.

648499 A

Фундушевая записъ Александра Ивановича Ходкевича, данная супрасльскому монастырю на имѣніе Хвороще. 1510 года (*).

Во имя Божіе сватыя тройцы. Я александръ сынъ пана ивана ходкевича, самъ свою доброю волею, безъ

(*) Ходкѣвичи принадлежали въ началѣ 16 вѣка къ знатнѣйшимъ литовско-русскимъ дворянамъ, Нѣседкій производитъ

принуженя и норады людское, чиню знаменито симъ моимъ листомъ кому будетъ потреба вѣдати або чтучи слышати, што были есмо монастырь соружили общину, во отчизнѣ моей пуши (большой дремучій лѣсъ) у экранъ (на берегу) рѣки супраслы. И потомъ у томъ монастыри учинили есмо городъ нашъ на жаданіе (желанье) игумена пахнотя (Пафнутія) собѣ и слугамъ нашимъ на схованіе, ино мовилъ намъ господинъ и отецъ нашъ митрополитъ кыевскій и въсеа руети осифъ, и въси старцы еже о христѣ братія тое честное лавры, иже имъ для доукы мирское общого монастыря жительства немошно дръжати. И просили мене абыхъ имъ далъ мѣсто оттуду переселитись у нашей же пуши и тое же рѣки супраслы берегъ грудь сухой, между дву источникъ рѣчокъ, грабовки и брезовки. И мы о томъ помовивши (переговорявъ) съ господиномъ и отцомъ нашимъ митрополитомъ іосифомъ и по благословенію его дали есмо имъ

ихъ отъ древняго бѣлорускаго рода Борейковъ, потомокъ которыхъ, за личную услугу литовскому князю Витену, былъ имъ взысканъ многими милостями и находился при его дворѣ въ числѣ первыхъ придворныхъ чиновъ. Современники прозвали его Ходакомъ, вслѣдствіе чего происшедшіе отъ него потомки, вмѣсто Борейковъ, стали называться Ходкевичами. Они, будучи природными русскими обитателями западной Руси, наравнѣ со всѣми жителями ея, исповѣдывали православную вѣру, какъ свидѣтельствуешь, между прочимъ, и этотъ документъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ половинѣ 16 вѣка, приняли протестантскую вѣру, первый же изъ Ходкевичей перешелъ въ латинство изъ православія Иванъ Ивановичъ, въ латинствѣ принявшій имя Карла, — воевода виленскій и гетманъ литовскій, — въ половинѣ 16 вѣка. (*Guagnin Cronica Litvan., Stegorovolscius in Bellator. etc.*)

Изъ фамилии Ходкевичей многіе занимали высшія должности въ бывшемъ великомъ княжествѣ Литовскомъ и сдѣлались известными по усердію къ древнему православію и созиданію православныхъ храмовъ и монастырей. Изъ нихъ болѣе известны въ исторіи западнаго края Россіи были Иванъ Бортковичъ, гетманъ смоленскихъ и сѣверскихъ войскъ, участвовавшій въ походахъ

тое мѣсто, и тотъ монастырь тамъ преселити. И дозволить еси имъ с тое пуци на мое, на тое будованіе дерево брати што будетъ потреба на тотъ монастырь и дрова и лучину и лыка и губы и ягоды брати и огородъ, и садъ мети близъ монастыря, и сѣнжати прокопати, гдѣбъ было нешкодно ловищемъ нашимъ, и на тыхъ рѣчкахъ вышечисанныхъ сажави рыбные дръжати, и на рѣце на супрасле изъ (загородъ для ловли рыбъ). Тое все игумень з братією мають мѣти вѣчно и непорушно к тому монастырю. А мнѣ самому, и ближнимъ (родственникамъ) моимъ, и почадкомъ нашимъ того нерухати (не трогать) и не възбраняти монастырю. А инога ничого игумену и з братією непочинати у той нашей пуци нашего вѣдана и черезъ тые рѣчки далей у боръ у наши ловища не мають ходити. И по благословенію господина и отца нашего митрополита кыевского и въсея руси іосифа, и помовивши зъ его милостью, для богомоля нашего,

в. кн. Витольда; Иванъ Ходкевичъ намѣстникъ витебскій, жившій около 1453 г. Онъ извѣстенъ по сильному домогательству у воляковъ на парчевскомъ сеймѣ, гдѣ онъ находился въ качествѣ депутата земли волинской, возвращенія Руси, Волыни и Подоля, по свидѣльству самихъ же польскихъ историковъ Стрыйковского (*Chronika Litewska fol. 618*) и Кояловича (*Miscellanea rerum Lithuanicar. fol. 2*). Его также встрѣчается подпись, съ братомъ его Павломъ, намѣстникомъ каменецкимъ, въ актахъ кыевского собора 1476 года православныхъ русскихъ архіереевъ. *Александръ* Ивановичъ Ходкевичъ, воевода новогрудскій, основатель и ктиторъ супрасльскаго монастыря, ревнитель православія, былъ женатъ на княжѣ Василицѣ Ярославовнѣ и имѣлъ трехъ сыновей: *Григорія*, бывшаго воеводою кыевскимъ около 1555 г., *Юрія* (Александра) и *Иеронима*.

Первый женатъ былъ на княжнѣ Екатеринѣ Ивановнѣ Вишневецкой, вслѣдствіе чего досталось ему во владѣніе, въ приданое ея имѣніе Княжиниъ. Въ послѣдствіи онъ былъ каштеляномъ виленскимъ и гетманомъ великаго княжества литовскаго, около 1569 г.

Братъ Григорія Иеронимъ, каштелянъ виленскій и троцкій,

и памяти душъ знатныхъ родителей моихъ, и всего роду нашего. Богу милому къ чти и хвале и мнѣ грѣшному на вѣчную память, з дозволеніемъ господаря нашего великого короля жигимонта казимировича, хотячи видѣти абы тотъ монастырь общинъ на нашей отчизнѣ (вотчинѣ), твердо спривоженными моими братею моею князи и паны моею доброю волею, далъ еси церкви божей на тотъ общи монастырь игумену и братии, мой отчизный дворъ и мѣсто хворощу со всимъ и ничего на себе неоставляючи. И на прѣвей церкви подаваня греческого и римского закону и з мѣщаны и слугами, и з людьми путными и данными (платящими дань, оброкъ) и тяглыми и зъ ихъ службами и платы и з дяклы (благодарственными подарками) и землями пашными и бортными и съ сеножатми старыми и новыми з лѣсы и з дубровами, и з боры и з ган, и з чащи и з реками, и з рѣчками и с крыницами и з ихъ потоки и з ставы и ставици, и з млыны (мельницы) и ихъ вымелки (доходъ

умеръ въ 1562 году. Послѣ его остались только три дочери, изъ которыхъ старшая, неизвѣстная по имени, вышла замужъ за князя Ярослава слуцкаго, Софія за Чарторыйскаго, а младшая за Паца воеводу витебскаго. Говорять такъ же, что у него была и четвертая дочь и два сына Иванъ и Геронимъ, но объ ихъ не упоминается въ конституціи 1564 года, тогда какъ перечисляются въ ней три первыя дочери. Иванъ Геронимовичъ, — стольникъ литовскій, каштелянъ жмудскій, потомъ виленскій, великій маршалъ литовскій, наконецъ гетманъ войскъ инфантскихъ. Онъ въ молодости отступилъ было отъ православія и принялъ протестантское вѣроисповѣданіе, но подъ старость іезуитомъ Францишкомъ Толетомъ обращенъ былъ въ р. католичество и т. образ., онъ первый изъ древней русской и православной фамиліи Ходкѣвичевъ измѣнилъ православной вѣрѣ своихъ предковъ. Скончался около 1580 года. Но другіе Ходкѣвичи оставались преданными сынами православной церкви почти до конца 16 столѣтія, а въ 17 вѣкѣ уже видимъ ихъ ревнителями папства. Впрочемъ этотъ вѣкъ былъ вѣкомъ общаго ренегатства почти всѣхъ православныхъ вельможъ западной Руси.

отъ молотья). И з бобровыми гоны из зеремяны. И з езы рыбными и з даню грошвою и медовою и куничною, и съ всякими иными полатки и податки, которымколвекъ (взиди бы то ни было) именовъ могутъ названы або менены быти и нынѣшними и на потомъ будущими и с всемъ правомъ и панствомъ (господствомъ) и никого неоставляючи на себе и на наши наслѣдники. А граници тому имѣню хворощи и земли з нарвы рѣки супрясою рѣкою у верхъ до бѣлогостока, а бѣлымъ стокомъ у верхъ до студеной воды, а отъ студеной воды подле поль клепачевичъ до хворощи рѣки, и черезъ хворощу подле межъ клепачевичъ до истока, а отъ истока подле межъ олишковыхъ до порослаго лѣса, а отъ порослого лѣса дорогою отца моего пана Ивана Ходкевича по грани слуги моего степана чаплича, а по грани владыки смоленского іосифа до роговки, а роговкою внизъ подле граней роговскихъ до нарвы, а нарвою внизъ до вышеписаное рѣки супряслы, и сеножати тые которыже еси мѣли подле супряслы за бѣлымъ стокомъ по служалцу въ тыхъ границахъ тое имѣніе хворощу даю, и далъ еси церкви божои пречистое благовѣщенію вѣчно и непорушно нынѣшнему игумену калисту и брати, и по нихъ напотомъ будущимъ. Мають (имѣють) то они мѣти и дрѣжати сами у своей моцы (власти). А мнѣ александру дастли мнѣ богъ жену и дѣти мѣти, ино и дѣтемъ моимъ и счадкомъ моимъ втое вышеписаное придане церковное не маемъ (не имѣемъ) ни въ што вступатись и вподати своемъ не имѣти игумена, коли внихъ игумень преставится. Ино брати того монастыря сами межи себе мають обрати брата на игуменство. Которыиже бывъ мель дрѣжати и справовати подле ихъ принятого устава. По благословенію и заповѣдан господина и отца нашего іосифа архіепископа митрополита кыевского и всея руси з нашимъ вѣданіемъ безъ питія піаного жити имъ. Меду и пива в монастыри томъ недрѣжати. А который бы игумень хотѣлъ нѣ-

како подле неприятаго уставу дрѣжати, ино мы и по насъ будучи з братею того монастыря мощни вси посподу (вообще) такового игумена выставовити воиѣ. А миѣ александру и женѣ и дѣтемъ и ближнимъ моимъ, и исчадкомъ роду нашего втое приданіе церковное ни въ што не въ ступатисѣ. Нижли я александръ и по миѣ ближніи мои и счадки наши маемъ и повини есмо церковь божію и тое имѣніе церковное все атъ всякихъ кривдъ (обидъ) боронити, и за не стояти и очищати абы ни отъ кого было невмалено и некрывжено (обижено) во всехъ правахъ судовыхъ маемъ мы отпоръ чинити и оправляти. А игумень з братею мають готового смотрети, штобъ царкви божіей сполна было неуйма. И билъ есми о томъ чоломъ господарю моему жикгимонту королю полскому, великому князю литовскому, абы его милость пожаловаль тому нашему монастырю, на тыи вышписанныи вси дѣла листь свой даль. И его милость своимъ господарскимъ привилеемъ потвѣрдилъ и церкви божіей даль. А естли я и по миѣ ближніи мои хтобъ коли былъ отъ роду нашего и нишихъ хто хотелъ бы церкви божей кривду чинити. Або ся во што церковное уступати черезъ сесъ мой записный листь и господарское потвѣрждене. На такомъ не наречетя имя христіанское, и буди на немъ клятва вселенского седмого собора святыхъ отецъ трехсотъ осмынадесять. Сесъ мой листь записный церкви божей справляхъ и дахъ з вѣданемъ господина отца нашего митрополита кыевского и всея Руси іосифа и братиіи моее крѣвное, князя ивана лвовича, князя Василя, князя миханла глинскихъ, пана мартина Хребтовича, брата его пана еедка подскарбега земского, а пана богуша боговитиновича, писаря господарского. И для дѣшпей твердости тыхъ всехъ вышписанныхъ речей жесми церкви божей игумену съ всеубитею сесъ мой листь з моеи печатью привесистою. Писанъ вгородку на супряслъ. Въ лѣти 7018 мца Октября, 13 день, индикта 14.

Тождъ на пергаминѣ, тамъ же.

4.

Записъ Константина Богдановича Долмата на Евангеліи для причта ценерской церкви восьми уволокъ земли, а для самой церкви евангеліа и разныхъ серебрянныхъ церковныхъ утварей. 1622 г.

Изволениемъ Бога отца и хотениемъ сына и дарствомъ светое, и животворащаго Духа, я многогрѣшный Костанѣтинъ Богдановичъ Долмать, сію книгу зовемую Евангеліе тертро (?) сребромъ оправленую позлотистую, на которомъ сребра гривени чотири и сколци осмь, што учинить з роботою копъ семьнадѣцать и грошей двадцать на позолоту червоныхъ золотихъ осмь што учинить копъ шесть и грошей двадцать чотири, за акъсамить грошей осмьдесятъ, инътроликгаторови (переплетчику) грошей тридцать, за самое Евангеліе грошей копъ две всего чинить копъ двадѣцать семь и грошей тридцать чотири, Келнхъ (чаша) серебряный позлотистый, сребра важить (вѣсомъ) гривень полтрети, и сконци чотыри, червоныхъ золотыхъ на позолоту шесть чинить петънадѣцать и грошей трыдѣцать шесть, Звезда важить (вѣситъ) сконци дести на позолоту чрвоныхъ золотыхъ чинить копъ две и грошей тридцать шесть, Мисечка (тарелочка) сребрна позлотиста сребра важить полъ гривни и сконци полътрети, на позолоту чрвоный золотый чинить копъ две и грошей трыдѣцать шесть, мисечька сребрена позлотиста сребра важить полъгривни и скуйци полътрети на позлоту золотыхъ чрвоныхъ полтрети што чинить копъ четири и грошей тридцать, ложьна серебряная важить скуйци (скуловъ) девять, чинить копу одну и грошей сорокъ осмь, в образку скуйци три што чинить грошей трыдѣцать шесть. Што все надалемъ и положишемъ на престоле

в церькви ;воздвигенъя честного и животворящего Креста мною грешнымъ ктиторомъ храма того до которе церькви моее ойчизное надалемъ вечъне а непорушне священъникови цеперьскому отцу Богдану, и напотомъ по немъ будучимъ священникомъ цеперскимъ шести волокъ, дьяконови отцу Матфею, и напотомъ по немъ будучимъ дьякономъ две волоки и юръкгелтъ (жалованье) который я ему на каждый рокъ (годъ) платилъ што есть в особливомъ фундушу моемъ, ему варувано (за нимъ обеспечено) и дано в имену моемъ отчизномъ на цепре ку чти (чести) и ку хвале господу Богу в тройцы единому сотворителю неба и земли и ку вечной а не смерътельной памяти мое и душного моего збавенъя, а хтобы смель сее Евангелие мое аьбо штожь колвекъ (или что нибудь) которую часть серебра менованого къ церкви цеперское честного и животворящего креста взялъ або чого Боже недай къ потребе своей обернути, любъ тежъ священъника з дому его рушилъ, аьбо тые волоки отнялъ, любо тежъ з шести волокъ тыхъ одну волоку або полволоки взялъ и в чомъ же колвекъ шкоду (вредъ) и переказу в маетности его учинилъ, такъ же и дьяконови в чомъ же колвекъ в маетности его и въ тыхъ волокахъ якую шкоду и переказу учинилъ и скрывдилъ (обидилъ). На томъ нехай (пускай) будетъ клятва светыхъ апостоловъ, и светыхъ отецъ триста и осмънадесять иже в никей всемъ веце и в будущемъ и тотъ таковой каждый розсудится со мною на страшномъ суде и второмъ прышествии Христовомъ збавителя (Спасителя) искупителя нашего. А такъ я менованый многогрѣшный конъстантий Богдановичъ Долмать Бога вседержителя в тройцы единого свидетеля, на свою душу призываю и се все наданье мое в сую Евангелию вечъне испорушне вписую и повторе (вторично) то варую (объусловливаю) если бы хто по смерти моей с кровныхъ и повинныхъ (свойственниковъ) моихъ або жона моя або обчы (чужой) и якогожь

колвекъ стану (сословія) человекъ, А меновите ясне велможные ихъ милости Панове радвилове и потомки по ихъ милости будучые хотели церковь добре уфундованую еще годное памяти отъ небощыка отца моего Богдана Матеевича Долмата будутъ и на томъ местци костелы католицкіе будовати (строить) любо (или) сребра церковные рушатъ або инъшой (другой) церкви албо костеломъ давать, такъ изъ . . . сее церкви цеперское вси албо который колвекъ з нихъ хтожь бы колвекъ рушилъ (тронулъ, взялъ) любо до инъшое церкви албо костела отдалъ любо тежь священника и дьякона вмаестностяхъ ихъ и в кгрунътехъ (земляхъ) имъ одъ мене вечне наданныхъ скрывдилъ (обидилъ) и отнялъ тыхъ всихъ и каждого зособна на страшный судъ позываю, передъ страшивый маестать (величіе) живого Бога таковый кожый хто бы выкročилъ (преступилъ, нарушилъ) зъ сее воли и наданя моего разсудится со мною на страшномъ суде Христовомъ кгда (когда) приде судити живыхъ и мертвыхъ, которое сее наданье и воли мою властною рукою моею двоимъ писмомъ рускимъ и полскимъ подписаломъ: Констанътий Богдановичъ Долмать властною рукою.

Документъ этотъ, подлинникъ котораго написанъ на упоминаемомъ въ немъ Евангеліи Цеперской церкви, теперь уже едвали гдѣ нибудь существующей, списанъ съ выписи изъ книгъ трибунальныхъ новогрудскихъ, данной витебскому городничему Николаю Василевскому въ 1622 году, которая хранится въ архивѣ виленскаго св. Духовскаго монастыря и записана въ описи подъ № 876. Писана на древнемъ русекомъ языкѣ, славянскою скорописью; печать в. княжества литовскаго и собственно ручныя подписи членовъ новогрудскаго трибунала и Юрія Протосовича писаря.

II.

КТО БЫЛЪ ПЕРВЫЙ ЛЖЕДИМИТРІИ?

(Найденный въ 1851 году въ Загоровскомъ монастырѣ историческій памятникъ, относящійся къ рѣшенію этого вопроса).

(По поводу историческаго изслѣдованія о первомъ Лжедимитріи г. Н. Костомарова).

(Окончаніе).

Отъ Варлаама обратимся къ самому *Григорію*. Уличимъ этого обманщика въ самозванствѣ собственноручнымъ его свидѣтельствомъ. Въ самомъ дѣлѣ, одно изъ двухъ: или надобно доказать, что надпись, сдѣланная на упомянутой книгѣ Василія Великаго, принадлежащей нынѣ Загоровскому монастырю, подложна, не принадлежитъ Григорію Отрепьеву и вмѣстѣ тому лицу, которое царствовало у насъ подъ именемъ перваго Лжедимитрія; или необходимо согласиться съ тѣмъ общепринятымъ и на самомъ дѣлѣ наиболее достовернымъ мнѣніемъ, что *первый Лжедимитрій нашъ былъ не кто другой, а только именно Григорій Отрепьевъ*. Дѣло въ томъ, что этотъ историческій памятникъ вовсе не говоритъ въ пользу мнѣній гг. Н. Костомарова, Н. Бицына и Иконникова, а напротивъ, говоритъ въ пользу тѣхъ показаній, которымъ они, безъ достаточнаго основанія, мало довѣряютъ;— говоритъ въ пользу показаній Борисова правительства, патриаршей грамоты, Авраамія Палицына, грамоты царя Василія Ивановича Шуйскаго, челобитной чернеца Варлаама, и многихъ другихъ, положительно свидѣтельствующихъ, что первый самозванецъ нашъ былъ именно *Григорій Отрепьевъ*;— доказываетъ, что показанія этихъ лицъ составлялись вовсе не по догадкамъ, не на-обумъ, какъ думаютъ наши историческіе скептики, а на основаніи достоверныхъ и несом-

ивныхъ свидѣтельствъ, хотя дѣло въ сущности было таково, что можно было запутать его, иначе не было бы никакой возможности и вести его съ какимъ-нибудь успѣхомъ.

Помянутая книга „Василія Великаго о постничествѣ“ въ первый разъ найдена мною и надписи на ней Григорія Отрепьева разобрана *въ июль 1854-го года*. Съ тѣхъ поръ я внимательно слѣдилъ и теперь скажу за всѣмъ, что можетъ говорить въ пользу или противъ этого историческаго факта и моего объ немъ мнѣнія, но и до сихъ поръ я не встрѣчалъ и не встрѣчаю ничего, что могло бы заставить меня основательно усомниться какъ въ истинности факта, о которомъ говорить эта подпись, такъ и въ подлинности самой подписи, — не исключая и всего того, что писавалось о первомъ Лжедмитріи напечатанъ въ поминковой брошюрѣ г. Н. Костомарова и статьяхъ гг. Н. Бицына и Иконникова. Всѣ возраженія, какія можно сдѣлать противъ него, и вообще противъ общепринятаго мнѣнія, что первый Лжедмитрій нашъ былъ именно Григорій Отрепьевъ, на основаніи этихъ новыхъ по времени изслѣдованій гг. Костомарова, Бицына и Иконникова, — легко рѣшаются, или тѣмъ, что безъ достаточнаго основанія дано предпочтеніе свидѣтельствамъ, выражающимъ сомнѣніе, что первый самозванецъ нашъ былъ именно Григорій Отрепьевъ; или тѣмъ, что возраженія эти основаны на неправильномъ пониманіи и толкованіи съ одной стороны историческихъ свидѣтельствъ, а съ другой психическихъ явленій, (въ самозванцѣ, мнимой его матери, обличителяхъ самозванца и нѣкоторыхъ свидѣтеляхъ историческихъ); или тѣмъ, наконецъ, что возраженія эти и ихъ доказательства построены на однихъ только чистыхъ догадкахъ и предположеніяхъ, а не на фактахъ и достоверныхъ свидѣтельствахъ (*).

А между тѣмъ, въ 1853-мъ году, послѣ изданія „Русскаго Историческаго Альбома“ г. М. Погодинымъ, я нашелъ возмож-

(*) Подробный разборъ мнѣній гг. Костомарова, Бицына и Иконникова о первомъ Лжедмитріи нашемъ, какъ мы выше это замѣтили, не входитъ въ планъ настоящаго изслѣдованія нашего, при всемъ томъ мы не можемъ не сдѣлать здѣсь во крайней мѣрѣ краткаго замѣчанія нашего на эти мнѣнія.

Вся сила доказательства г. Н. Костомарова противъ мнѣнія, что первый нашъ Лжедмитрій былъ именно Григорій Отрепьевъ, основывается на сомнѣніи въ достоверности свидѣтельствъ, подтверждающихъ это мнѣніе. Но основательно ли это сомнѣніе г. Костомарова?

Важнѣйшія, по мнѣнію самого г. Костомарова, свидѣтель-

ность считать поминутую подпись, сохранившуюся на книгѣ Василія Великаго, принадлежавшей князю Загоровскому монастырю, со списаннымъ подписемъ перваго Лжедмитрія, и только болѣе утвердился въ той мысли, что это должна была подлинная подпись перваго мнимца Лжедмитрія. Откудажъ, въ самомъ дѣлѣ, такое сведеніе въ пошлѣткѣ? Отвѣно такъ следовало, особенно въ нѣкоторыхъ случаяхъ, (санчи с и р), эта надпись на книгѣ, съ поминутыми списками, (случай со всѣми списками, особенно съ польскими), не смотря на то, что съ того време-

ства принадлежать: 1) Борисову правительству; 2) патриарку Іову, 3) Авраамію Палицыну; 4) царю Василію Ивановичу Шуйскому и 5) чернецу Варлааму.

О важности и историческомъ значеніи показаній участника происшествія, чернеца *Варлаама*, выше, въ самомъ текстѣ, мы уже довольно сказали.— Что касается оффиціальнаго показанія *Борисова правительства*, то вотъ что замѣчаетъ объ немъ *Карамзинъ*. „Царь Годуновъ,“ говоритъ онъ, „искалъ способы открыть истину. Тысячи лазутчиковъ ревностно служили ему не только въ Россіи, но и въ Литвѣ, когда онъ развѣдывалъ о происхожденіи обманщика. Взвѣряно имъ, чтобы въ случаѣ столь важной Борисъ легкомысленно, безъ удостоверенія, объявлялъ Лжедмитрія бѣглецомъ чудовскимъ, коего многіе люди знали въ столицѣ и въ другихъ мѣстахъ, естественно узнали бы и неправду при первомъ взорѣ на Самозванца? Наконецъ москвитяне видѣли Лжедмитрія, живаго, мертваго, и все еще утвердительно признавали *облакомомъ Григоріемъ*; ни одинъ голосъ сомнѣнія не раздавался въ неточетѣ до нашего времени.“ (Истор. Госуд. Росс. XI. 320—321.) Можно ли не согласиться съ этимъ голосомъ здраваго смысла и непредубѣжденнаго сужденія?...— Приведенное замѣчаніе *Карамзина*, мы думаемъ, являете и въ грамотѣ *патріарха Іова*. Какъ лицо правительственное, онъ тоже имѣлъ подлинную возможность знать истину. Можно прибавить только, что *Григорій Отрпшевъ* былъ лично извѣстенъ патриарку Іову, потому что служилъ при немъ для нижняго письма; слѣдствѣн съ большою осторожностію и осмотрительностію патриархъ долженъ былъ говорить объ немъ, чтобы быть чистымъ передъ своею совѣстью, не обманувъ самому и не обманувъ другихъ;— что, какъ ему, такъ и *Авраамію Палицыну*, самый санъ ихъ, епископскій и священнослужительскій, не дозволялъ утверждать того, что не было имъ положительнаго и достовернаго извѣстія.— *Авраамій Палицынъ*, свидѣтельствующій объ обманчикѣхъ самозванца дворяниномъ *Петромъ Тургеновымъ*, *Феодоромъ Калачниковымъ*, *дьякономъ Тимофеемъ Осиповымъ*, а также и о томъ, что чудовскій игуменъ *Пафутій*, знавшій прежде *Гришку*, узналъ его въ царѣ,— заслуживаетъ, по нашему мнѣнію,

ни, какъ сдѣлана поминутая надпись, до возвращенія Лжедмитрія, по прошествіи почти 4-хъ лѣтъ, и послѣ пребыванія Григорія въ школѣ езуитовъ, почеркъ его значительно могъ измѣниться? Не говоримъ уже о томъ, что почеркъ можетъ нѣсколько разниться, между прочимъ, отъ поспѣшности и медленности писанія, и даже отъ разныхъ качествъ самаго пера. А между тѣмъ обратите вниманіе на смыслъ подписи и скажите: откуда такая точность, ясность и опредѣленность мысли, выраженной въ ней? *Указанъ годъ, мѣсяцъ, число. Показано: кто далъ, что далъ*

полное довѣріе, между прочимъ и потому, что онъ былъ весьма близокъ, и по времени и по мѣсту, къ тѣмъ событіямъ, о которыхъ свидѣлствуетъ: въ самое царствованіе этого Лжедмитрія, онъ жилъ частью въ Сергіевой лаврѣ, какъ ея келарь, а частью въ самой Москвѣ, какъ настоятель Богоявленскаго монастыря, принадлежавшаго Сергіевой лаврѣ.—Какъ можно сомнѣваться въ достовѣрности свидѣтельства царя *В. Н. Шуйскаго*,— для насъ это вовсе непонятно. Этоъ Шуйскій, какъ извѣстно, нѣмалъ смѣлости обличать Лжедмитрія перваго въ самозванствѣ, при полнѣйшемъ успѣхѣ дѣла сего послѣдняго, и явно рисковалъ тутъ за это обличеніе своею жизнію. Будто возможно было это сдѣлать, не будучи вполне увѣреннымъ, что утверждаешь несомнѣнную истину?... А Шуйскій, какъ извѣстно, утверждалъ, что *нѣмалый* Дмитрій есть именно *Григорій Отрепьевъ*. Намъ очень страннымъ кажется слѣдующее мнѣніе г. Костомарова: „Судъ надъ Шуйскими былъ совершенъ боярами и выборными изъ всѣхъ сословій, слѣдовательно Лжедмитрій *сильно рисковалъ* тогда, предавая собственное дѣло на обсужденіе націи. Значить, онъ былъ *твердо увѣренъ, что невозможно доказать, что онъ Гришка Отрепьевъ*.“ Спрашивася г. Костомарова: Развѣ не все дѣло самозванца было *рисковое*, отъ начала до конца его? Могъ ли въ этомъ случаѣ Лжедмитрій поступить иначе? Не отдавши дѣла Шуйскаго и своего собственного на обсужденіе націи, не призналъ ли бы онъ этимъ самымъ истинности заявленій Шуйскаго? Не естественно ли предполагать, что, при тогдашнемъ, наиболѣе счастливомъ положеніи его дѣла (это событіе произошло тотчасъ послѣ прибытія Лжедмитрія въ Москву), онъ *былъ увѣренъ, что никто не осмѣлится поддерживать Шуйскаго*, хотя въ душѣ и убѣжденъ будетъ вполне въ истинности словъ его? Оно такъ и вышло. *Новый лѣтописецъ* прямо замѣчаетъ объ этомъ дѣлѣ, что *на соборѣ естъ были увѣрены, что царь—Гришка Отрепьевъ, да сказать не смѣли*.

Прибавивъ, что всѣ эти свидѣтельства, какъ мы уже выше показали, подтверждаются и *достовѣрнѣйшими и имостранными* современными свидѣтельствами.

„Всѣ историки и лѣтописцы“, замѣчаетъ г. Костомаровъ,

и кому именно. Лицо писавшаго указано словами: *далъ намъ Григорію*. Значеніе его, или мнѣніе о себѣ, выражено словами: *чероу мѣстоу московскому...* Затѣмъ, откуда такая естественность и приличіе подарка, сдѣланнаго московскимъ гостямъ князю Острожскимъ? А что всего важнѣе, — откуда такое согласие мысли, выраженной въ этой подлиннѣ, съ другими, по нашему мнѣнію наиболее достовѣрными историческими свидѣтельствами, а въ особенности съ показаніями челобитной чернеца *Варлаама, очевидца и соучастника* этого дѣла? Такъ, на

„признающіе Дмитрія Гришкой, повторяють, съ разными видоотличіями, слухи, которые образовались первоначально, вследствие внушеній отъ власти, что обманщикъ былъ Гришка.“

По нашему мнѣнію, это-то *повтореніе* и доказываетъ истинность показаній офенціальныхъ заявленій, внушеній отъ власти, что самозванецъ былъ именно *Гришка Отрепѣевъ*. Будь эти внушенія отъ власти *несправедливы*, ихъ не стали бы повторять наши лѣтописцы и историки, особенно тогда, когда обстоятельство совсѣмъ пережилось, когда В. И. Шуйскаго уже не было, и на престолъ Россіи вступила совершенно другая династія. Не помѣшали же внушенія отъ власти людямъ неразумительнымъ и злонамѣреннымъ пристать къ обманщику и признать его законнымъ наследникомъ престола?... Что же касается разныхъ *видоотличій*, на которыя указываетъ г. Костомаровъ, какъ на доказательство невѣрности свидѣтельствъ, то мы думаемъ, что они весьма натуральны, какъ потому, что одному могло быть хорошо извѣстно одно обстоятельство, другому другое; такъ и по различію возрѣній на фактъ. Дѣло въ томъ, что эти видоотличія и разнорѣчія касаются какихъ—нибудь мелочныхъ обстоятельствъ, а не того главнаго факта, что *первымъ нашимъ Лжедмитріемъ былъ именно Григорій Отрепѣевъ*. Важно ли тутъ, напр., такое разнорѣчіе, что по однимъ Гришка постригся въ Суздальскомъ монастырѣ, а по другимъ въ монастырѣ Борки, галичской земли; или то, что по однимъ онъ рукоположенъ въ санъ діакона самимъ патриархомъ, а по другимъ какимъ-то другимъ епископомъ? Отвергается ли такія видоотличія и разнорѣчія не только тотъ фактъ, что онъ все такъ *Гришка Отрепѣевъ*, а не другой кто; но даже и тотъ, что онъ *чернецъ и діаконъ*?

Офенціальные объявленія правительства, по мнѣнію г. Костомарова, не имѣютъ права на довѣріе; свидѣтельства современниковъ, даже очевидцевъ и участниковъ, — тоже: кому же можно вѣрить затѣмъ? Не отрицается ли такимъ, недостаточнымъ отчетливымъ подозрѣніемъ и сомнѣніемъ, всякая истина историческая въ самомъ ея основаніи?... Далѣе, какъ доказательства, такъ и опроверженія свои г. Костомаровъ не рѣдко

пр., въ челобитной чернеца Варлаама сказано, что Григорій Отрепьевъ съ Варлаамомъ и Мисаиломъ въ 1602-мъ году въ домъ князя Острожскаго были; что они тамъ хорошо были приняты; что они тамъ лжовали, слѣд. былъ въ августѣ мѣсяцѣ 1602-го года; что князь Острожскій послалъ ихъ въ свое богомолье *Дерманскій монастырь*, не подалеку отъ котораго и поминутая книга сохранилась, (отъ Дерманскаго монастыря до Загоровскаго не болѣе ста верстъ); что диаконъ Григорій, бывши еще въ Киевѣ, въ Печерскомъ монастырѣ, выражалъ уже

основываетъ на неправильномъ, по нашему мнѣнію, пониманіи и толкованіи психическихъ явленій и историческихъ свидѣтельствъ; оттого онъ находитъ иногда странности въ этихъ явленіяхъ, противорѣчія въ показаніяхъ свидѣтелей и историковъ тамъ, гдѣ ихъ вовсе нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Наконецъ, къ нѣкоторымъ, весьма важнымъ въ рѣшеніи предложеннаго г. Костомаровымъ вопроса, историческимъ свидѣтелямъ, онъ относится съ явнымъ предубѣжденіемъ. У г. Костомарова Шуйскій — не болѣе, какъ только плутъ, патриархъ-недобросовѣстный, Авраамій Палицынъ не заслуживаетъ доверія, особенно, когда о чемъ-нибудь говоритъ одинъ, чернецъ Варлаамъ все вымышляетъ... (Историч. изслѣд. Н. Костомарова стр. 12. 14. 19. 20.) Положимъ, что какой-нибудь частный случай подтверждаетъ такое мнѣніе г. Костомарова: можно ли на этомъ основаніи допустить общее заключеніе? Можетъ ли быть правильнымъ выводъ, основанный на предубѣжденіи, слѣд. на заблужденіи?... Вообще, мы находимъ, что въ „Историческомъ изслѣдованіи г. Н. Костомарова о первомъ Лжедмитріи“ (1864 г.), едвали не болѣе самого Шуйскаго и патриарха Іова, невинно пострадали логика, психологія и герменевтика, — наиболее важные помощники и пособники въ исторической критикѣ.

Г. Бицынъ, какъ мы показали это въ самомъ текстѣ, въ началѣ нашего изслѣдованія, полагаетъ, что царствовалъ на Москвѣ подъ именемъ Дмитрія (Лжедмитрія I-го) не Григорій Отрепьевъ, а *нѣкто другой, подставной*, особо и самостоятельно въ Польшѣ и Литвѣ *езуитами пригоселенный*. Но, при такой мысли, г. Бицыну, какъ и г. Костомарову, необходимо было: 1) доказать недостоепность положительныхъ свидѣтельствъ, какъ нашихъ отечественныхъ, такъ и иностранныхъ, о томъ, что 1-й Лжедмитрій нашъ былъ именно *Григорій Отрепьевъ*; — а такихъ доказательствъ мы не находимъ у г. Бицына, — 2) — разрѣшить слѣдующіе вопросы, изъ коихъ нѣкоторые и самими г. Бицынымъ предложены: Куда дѣвался Григорій Отрепьевъ, по мнѣнію самого г. Бицына, особо и самостоятельно къ самозванству русскими боярами на Москвѣ пригоселенный? У г. Бицына не достаетъ второй половины біографіи Григорія Отрепьева и первой половины біографіи цар-

ннѣя сдѣлать съ собою именованное платиѣ и идти съ миръ... Совершенно тоже самое говорить и неминутая надпись на книгѣ Василія Великаго, которая столько же согласна и съ другими достовернѣйшими историческими свидѣтельствами. Однимъ словомъ, все говорить въ пользу подлинности этой подписи и истинности факта, о которомъ она свидѣлствуетъ, такъ что остается развѣ только считать подлинную подпись книги съ подлинною подписею перваго Лжедмитрія, находящуюся въ государственномъ архивѣ, чтобъ убѣдиться окончательно, что подписав-

ствовавшаго на Руси Лжедмитрія 1-го. Какъ это такъ могло случиться, что именно *ескортъ затѣмъ*, какъ въ Литвѣ и на Волынѣ (у кн. К. К. Острожскаго) явился Григорій Отрепьевъ, тамъ-же, у кн. Адама Вишневецкаго, объявился совершенно другой самозванецъ, особо и самостоятельно езуитами приготовленный? Одинъ неизвестно куда пропалъ, другой неизвестно откуда взялся. Гдѣ и когда похищенъ былъ езуитами ребенокъ, гдѣ и какъ они готовили его къ необычайной роли? Возможно ли было приготовить къ такой роли кого-бы-то ни было, даже настоящаго Дмитрія Ивановича Углицкаго, безъ внутренняго его къ ней призванія и расположенія? Возможно ли было угадать напередъ езуитамъ, или кому-бы-то ни было, что приготовляемый будетъ вполне способенъ къ такой не легкой роли? Откуда такое сходство 1-го Лжедмитрія именно съ Григоріемъ Отрепьевымъ, сколько мы знаемъ сего послѣдняго еще въ монашествѣ? Всѣ эти вопросы, невольно рождающіеся при чтеніи изслѣдованія г. Бицына о первомъ Лжедмитріи, остались у него безъ отвѣта и рѣшенія. Мы думаемъ, что гораздо легче было езуитамъ докончить приготовленіе Григорія Отрепьева, нежели воспитать своего самозванца, другаго, совершенно самостоятельно. Да не таковъ былъ и Григорій, чтобъ онъ уступилъ роль свою кому-нибудь другому совершенно свободно, безъ всякой борьбы. Мы думаемъ, что въ этомъ дѣлѣ гораздо болѣе нужна была въ самомъ самозванцѣ природная способность, смѣлливость, смѣлость, энергія и предприимчивость, нежели внѣшнее содѣйствіе, расположеніе и приготовленіе со стороны враждебныхъ Борису русскихъ бояръ и езуитовъ. Только самому можно было вызваться на такую роль, а не принять ее по одному стороннему внушенію и вліянію. Таковъ именно и былъ Григорій Отрепьевъ. Во всѣхъ словахъ и поступкахъ его (онъ-же, по нашему мнѣнію, и Лжедмитрій первый), можно видѣть, что онъ вовсе не былъ слабымъ орудіемъ другихъ, не былъ оболоченъ другими; напротивъ, онъ самъ былъ вполне сознательный обманщикъ и оболстатель. Въ подтвержденіе своей мысли о первомъ Лжедмитріи, г. Бицынъ ссылается, между прочимъ, на авторитетъ *митрополита Платона*. Но митрополитъ Платонъ не занималъ

шил эту книгу Григорій Отрепьевъ и первый наши Лжедмитрій есть одно и тоже лице.

Да мудроно, кажется, и предполагать, чтобъ эта надпись была подложная, а не подлинная. Кому и какая была надобность сдѣлать такой подлогъ? Почему онъ сдѣланъ именно въ такой, а не въ другой формѣ? Откуда такая естественность, точность и определенность, съ одной стороны, подписи, а съ другой— факта, на который она указываетъ? Какимъ чудомъ показанія этой подписи такъ вѣрно сошлись съ показаніями дру-

ся, какъ извѣстно, рѣшеніемъ вопроса о Лжедмитріи первомъ специально, а говорятъ объ немъ въ своей церковной исторіи только мимоходомъ, и высказываетъ свою мысль, сходную съ мыслию г. Бицына, только въ видѣ предположенія, прибавляя притомъ, что „*можетъ быть это былъ и самый Гришка Отрепьевъ, галицкаго мелкаго дворянина сынъ, но давно къ тому отъ злоумышленниковъ приготовленный, расположенный и обработанный.*“

Студентъ Иконниковъ, какъ мы это выше замѣтили, склоняется на сторону мнѣнія *Маржерета*, принимающаго перваго Лжедмитрія нашего за истиннаго сына *Иоанна Грознаго*. Это тотъ самый Маржеретъ, который такъ хорошо извѣстенъ намъ сколько своимъ французскимъ легкомысліемъ и неразумительностію, столько же и своею недобросовѣстностію и недоброжелательностію къ Россіи. Это тотъ самый Маржеретъ, который пользовался, какъ извѣстно, особенною милостию Лжедмитрія перваго и принималъ потомъ живое участіе въ дѣлѣ Лжедмитрія втораго, вора тушинскаго, противъ Россіи. Вотъ ему исполнѣ справедливая и достопамятная оцѣнка современника его, нашего князя *Пожарскаго*: „*А мы чаяли, что за его (Маржерета) неправду, что онъ, не памятуя государей нашихъ жалованья, Московскому государству зло многое чинилъ и кровь крестьянскую проливалъ, ни въ которой землѣ ему, отъиць Польши, мѣста не будетъ.*“ (Чит. письмо 1612-го г. кн. *Пожарскаго* къ иностранцамъ Эгону, Гилю и другимъ, желавшимъ вступить въ русскую службу, сохранившееся въ московскомъ архивѣ. См. Сказанія современниковъ о Дмитріи Самозванцѣ, ч. I. стр. 424.) Въ самомъ дѣлѣ, заслуги *Маржерета* покойной Польши противъ отечества нашего, воинскія и литературныя, весьма немаловажны; а потому и нынѣшніе патриоты польскіе должны быть не только ему, но и нашимъ восторженнымъ почитателямъ и защитникамъ его мнѣній, весьма признательны и благодарны.... Мнѣніе *Маржерета* о первомъ Лжедмитріи нашемъ, принимаемое и защищаемое г. *Иконниковымъ*, мы считаемъ явно нецѣльнымъ, не заслуживающимъ вниманія и опроверженій. Нецѣльность этого мнѣнія въ настоящее время для каждаго здравомыслящаго и безпристрастнаго изслѣ-

гихъ современныхъ историческихъ свидѣтелей и свидѣтельствъ о томъ же предметѣ? Откуда такое сходство этого лица, подписавшаго книгу, съ тѣмъ, которое было извѣстно подъ именемъ монаха Григорія Отрепьева, и съ тѣмъ, которое царствовало на Москвѣ подъ именемъ Дмитрія Ивановича Углицкаго? Современники и очевидцы перваго Лжедмитрія свидѣтельствуютъ, что онъ былъ родомъ великороссъ и хорошо говорилъ по-русски, на московскомъ нарѣчїи; что Григорій Отрепьевъ писалъ четко и красиво, и что патриархъ употреблялъ его, поэтому, для книжнаго письма; что онъ, равно какъ и Лжедмитрій первый, былъ умный и бойкій молодой человекъ и любившій высказаться эксцентрикъ; что оба были необыкновенно честолюбивы и предприимчивы, и что Григорій Отрепьевъ, бывши еще въ монашескомъ званїи, въ Москвѣ и Новгородѣ-Сверскомъ проговаривался уже о своемъ царственномъ происхожденїи. Всѣ эти черты имъ видны и въ помянутой надписи на книгѣ. Книга надписана бойко, смѣло, рукою вѣрною и искусною; писавшій выражается по-русски свободно и притомъ съ выговоромъ и правописанїемъ именно великорусскимъ, московскимъ, („далъ намъ Григорію съ братемъ, съ Ворламомъ да Мисаиломъ... во светомъ...“)*; онъ высказывается прямо и откровенно, у кого онъ былъ, съ кѣмъ, когда именно, и за кого слѣдуетъ принимать его, Григорія. Въ словахъ надписи: „царевичу московскому,“ высказанныхъ здѣсь такъ преждевременно и нетерпѣливо, такъ и слышится намъ голосъ того самого Лжедмитрія, который съ такимъ-же нетерпѣнїемъ и настойчивостію требовалъ потомъ отъ польскихъ пословъ, столько-же преждевременно, титула *непо-*

дователя исторической нетины вполне очевидна, и полная несостоятельность Маржеретовскихъ защищенїй этой нелѣпности давнымъ—давно уже доказана (*).

(*) Замѣчательно сходство словъ, выраженїй и оборотовъ надписи на книгѣ Василія Великаго съ тѣми, которые встрѣчаемъ въ договорѣ перваго Лжедмитрія нашего съ воеводою еспдомирскимъ, — писанномъ 25-го мая 1604-го года, на польскомъ и русскомъ языкахъ. Такъ, на пр., мы встрѣчаемъ въ этомъ договорѣ выраженїя: „Великій Новгородъ да Псковъ со всѣми уздами;“ „Мы, *Димитрій Ивановичъ*“ а въ подписи этого договора: „*Царевичъ Димитрій.*“ Въ надписи на кни-

(*) Г. Иконниковъ, должно быть, писалъ свою фантазію подъ сильнѣмъ вліяніемъ статьи на ту же тему и такого же направленїя въ старыхъ „Отечествен. Запискахъ“, издававшихся Сивильскимъ. Ред.

блудливый маго императора (*). Если бы эта надпись была подложена, то этот подлогъ былъ бы сдѣланъ съ какою-нибудь цѣлюю, и эта цѣль и стремленіе къ ней до сихъ поръ должны были бы, такъ или иначе, непременно открыться; но мы этого не видимъ:— и надпись, и книга, оставались до 1851-го года въ совершенной неизвѣстности. Еще бы можно было конять побужденіе для такого подлога въ бывшемъ Московскомъ государствѣ: можно было бы думать, что тамъ хотѣли оправдать мнѣніе, что первый Якедмитрій нашъ былъ именно Григорій Отрешевъ; но для чего такой подлогъ въ бывшемъ владѣніи Царства Польскаго, въ одномъ изъ монастырей Волыни, въ соседствѣ съ г. Острогомъ, Дерманью, Гощей, Вишневцомъ, Брагннемъ, Самборомъ и Краковомъ? Для насъ тамъ гораздо болѣе понятны побужденія скрыть, или даже совершенно истребить книгу съ такою надписью, которая совершенно ясно и определенно говорила о томъ, кто былъ на самомъ дѣлѣ тотъ обманщикъ, котораго польскіе селямужи и правительство принимали и бывшему Московскому государству выдавали за царевича Дмитрія Угличкаго, истиннаго сына Иоанна Грознаго.

„Но для чего,“ скажутъ, „дѣлать было будущему самозванцу такую надпись на книгѣ, которая могла послужить ему потому умною въ обманѣ?“ Мы думаемъ, что Григорій Отрешевъ не заставлялся надъ такою мыслию, а сдѣлалъ это по свойственному ему легкомыслию и увлеченію, какъ дѣлалъ онъ многое, и бывши еще монахомъ, и сдѣлавшись потомъ царемъ. По весьма вѣрному замѣчанію Карамзина, онъ очень рано оказывалъ уже много ума, но мало благоразумія. Въ известную минуту могло представиться ему, что сдѣлать такую надпись весьма будетъ хорошо, выгодно и полезно для него. Быть можетъ онъ находилъ сперва выгоднымъ для себя показать другимъ вниманіе къ себѣ и радушный пріемъ князя Острожскаго, а потомъ заявить, за кого слѣдуетъ принимать его. Слова: „царевичу московскому,“ — хотя и тоюже рукою, но, кажется, послѣ прибавлены въ подписи, судя по перу и черниламъ. Весьма знаменательно о такомъ нравственномъ явленіи выражается

гъ Василія Великаго читаемъ: „далъ намъ Григорію, царевичу московскому, съ братею, съ Ворламомъ да Мисанломъ.“ Сказ. современ. о Дмитріи Самозв. ч. I. стр. 417—419, изд. 1859 г.

(*) Сказ. современ. о Дмитріи Самозв. ч. II. стр. 210, изд. 1859 года.

простой народъ знаетъ, когда говорить, что *сера и ложечкажа* Боссъ помышала, т. е. попустила самому запутаться.... Такъ вотъ эта собственноручная надпись Григорія Отрпѣева служить ему теперь действительно ушкою въ его мошеннической продажѣ, въ его самозванствѣ, и въ достойно полученномъ имъ за эту продажку возмездіи.

„Но какъ же,“ скажутъ еще, „въ самомъ дѣлѣ, могла уцѣлѣть до сихъ поръ въ Загоревскомъ монастырѣ эта книга, оставаясь притомъ въ совершенной безвѣстности?“ Очень просто. Прежде всего можно думать, что *оہ талъ мѣстала*, гдѣ книга эта просуществовала благополучно 250 лѣтъ, не обратила на нее должнаго вниманія (*). Книга эта и теперь почти нова, и селѣбъ на заглавномъ листѣ ея не показанъ былъ 1594-й годъ, и г. Острогъ, мѣсто и время ея печати, то можно было бы подумать, что ей не болѣе какого-нибудь десятка лѣтъ. По всему видно, что даже не многіе читали ее. Затѣмъ, большая часть читавшихъ эту книгу, я думаю, вовсе не безповаали себя трудомъ разбирать надпись ея, тѣмъ болѣе, что и разобрать-то эту надпись не совсѣмъ легко. Другіе, хотя и любознательствовали прочесть эту надпись, но вполнѣ не разобрали ея. Иные, хотя и разобрали, но, мало знакомые съ русскою исторіей, смысла и значенія ея не поняли. Еще иные, хотя и поняли смыслъ надписи, но не считали ея такъ важною, или считали по чему-нибудь къ обнародованію неудобною. Уніатскіе монахи, сколько мнѣ извѣстно, интересовались болѣе деньгами и фундушевными записками, нежели книгами и надписями на нихъ. И въ 1851-мъ году, въ бытность мою въ Загоревскомъ монастырѣ, никто мнѣ не сказалъ, и, по всей вѣроятности, никто изъ братіи монастыря и не зналъ объ этой надписи и ея значеніи, хотя двое изъ монашествующихъ, именно настоятель монастыря и казначей, были люди вполнѣ образованные, изъ воспитанниковъ бывшаго виленскаго университета. Я обратилъ особенное вниманіе на эту книгу и надпись на ней потому, что такихъ именно свѣдѣній я и искалъ, имѣвши порученность бывшаго начальства моего, собирать мѣстные историческія свѣдѣ-

(*) При первомъ обнародованіи этой книги въ 1862-мъ году, я высказалъ мысль, что можетъ быть она, по какому-нибудь случаю, перенесена *оъ Загоревскій монастырь изъ Дерманскаго*, въ которомъ, по крайней мѣрѣ спутники Григорія, Варлаамъ и Мисаилъ, несомнѣнно были. (VIII, т. Зап. Имѣ. Русск. Археол. Общ.) Остаюсь и теперь при этой мысли.

нія, необходимы для составленія историческаго и статистическаго описанія Волынской православной епархіи. Въ самой этой невнимательности къ этому памятнику, какъ это я уже замѣтилъ выше, я вижу доказательство его подлинности. Повторяю: сдѣлавши подлогъ съ известною цѣлю, его давнымъ—давно пустили бы уже въ ходъ и дѣло. Да не потому ли именно и сохранилась эта книга въ цѣлости въ Загоровскомъ монастырѣ, что на нее никто не обратилъ надлежащаго вниманія и цѣны ей не знали? Такъ, нѣкоторые, известные мнѣ письменные памятники пропали безъ-вѣсти немедленно, какъ только показано было еще не печатно, а только изустно, ихъ историческое значеніе (*). Если же образованнѣйшіе изъ базилянъ (уніятскихъ монаховъ) читали эту надпись, вполне разобрали ее и поняли ее значеніе, и при всемъ томъ не истребили этой книги и не передали ея кому-нибудь изъ польскихъ патріотовъ, — то можно видѣть въ этомъ не только людей просвѣщенныхъ и заботливыхъ по отношенію къ церковному монастырскому имуществу, но и истинно-русскихъ душою, сочувствовавшихъ тайнѣ историческимъ судьбамъ и интересамъ бывшаго Московскаго государства и общаго отечества нашего, Россіи, чему нашелъ я не мало и другихъ несомнѣнныхъ доказательствъ, и притомъ именно въ томъ-же Загоровскомъ, бывшемъ уніятскомъ, монастырѣ (**).

Собравши все вышесказанное мною объ этой книгѣ и сохранившейся на ней подписи, я не усомнился сообщить объ этой случайной находкѣ моей свидѣніе какъ Московскому Обществу исторіи и древностей, при московскомъ университетѣ, (отъ 21-го февр. 1853-го г.), такъ и Императорскому Русскому Археологическому Обществу въ С. Петербургѣ, (отъ 21-го марта 1853-го г.), съ приложеніемъ снимка подписи, для сравненія съ подлинною подписью перваго Лжедмитрія на актахъ, и вообще для свидѣнія и соображенія. Я сдѣлалъ это, бывши еще въ г. Кременецъ, Волынской губерніи. Уже въ 1856-мъ году, въ г. Нѣжинѣ, имѣлъ я честь получить отъ Императорскаго Русскаго

(*) Между прочимъ, тамъ не известно куда дѣвалась рукописная книга стиховъ, писанныхъ на западнорусскомъ нарѣчій, въ XVII^{мъ} в., изъ которой нѣкоторые, замѣчательнѣйшія въ историческомъ отношеніи, стихотворенія напечатаны въ Вѣстникѣ Югозападной и Западной Россіи за 1868/64 г. кн. 2-ой.

(**) См. Описаніе Загоровскаго монастыря и его библиотеки въ Вѣстн. Югозапад. и Запад. Россіи за 1863-й г. кн. за июль, авг. и сент.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

ДО И ВО ВРЕМЯ ПОСЛѢДНЯГО ПОЛЬСКАГО МЯТЕЖА 1831—63 г.

(Продолженіе).

ГЛАВА 10.

ВОСТОЧНАЯ ВОЙНА.

Эмиграція послѣ 1849 года.— Преобладаніе Ламберова отеля.— Неудачное домогательство польскаго легіона.— Михайль Чайковскій.— Польская неурядица и польская интрига.

Поляки считали Людовика Филиппа непреодолимымъ тормазомъ въ принятіи Франціею ближайшаго участія въ домогательствахъ польской эмиграціи. Наконецъ совершилось столь желаемое событіе, при полныхъ симпатіяхъ и усердіи ея демографической партіи, возникла французская республика, а за нею быстро при полныхъ симпатіяхъ и усердіи партіи Ламберова отеля, возникла имперія. Послѣдствія заставили польскихъ демагоговъ вспомнить о Людовикѣ Филиппѣ, ихъ централизація нашла себя при новыхъ порядкахъ, вынужденною выбраться изъ Франціи и перейти въ болѣе гостепріимный Лондонъ. Казалось что на долю европейскихъ революцерамъ пришлось сложить оружіе, а съ нимъ показѣсть уложить и польскія надежды.

Польскіе эмигранты испытывали быстрые переходы отъ великой радости къ великой печали и обратно; они могли вспомнить что дни одинъ за другимъ слѣдуютъ, но одинъ на другой не похожи. На очереди стало событіе для нихъ самое счастливое, о которомъ такъ долго мечтали и хлопотали поляки, и котораго исполненіе они едва ли почитали сбыточнымъ— западъ ополчился на Россію, и Россія въ готовящейся борьбѣ стояла одна. Со времени удаленія польскихъ выходцевъ за границу, они были неутомимыми работниками, чтобы общественное мнѣніе возстановить противъ ими провозглашаемыхъ *московскихъ варваровъ*, а дипломатія западныхъ кабинетовъ весьма удачно повела дѣла такъ, что Россіи пришлось одной бороться снова, если не со всей Европой, то противъ значительнѣйшей ея части.

Польскія сердца встрепенулись, умы оживились, надежды воодушевились,—заговоры закипѣли и въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи, закипѣли тѣмъ съ большею силою, что образовавшій-

ся нарывъ въ 1848 и 1849 не прорвался, и возбужденные мятежные элементы, не выйдя тогда наружу, заглохли съ подавляемъ венгерскаго мятежа (*).

Съ 1812 года никогда еще столько какъ во время крымской войны, польскія мечты не гуляли въ такомъ безпредѣльномъ мѣрѣ фантазій, обильно застроенномъ воздушными замками; паны готовились и не щадя денегъ, высылаемыхъ за границу, готовилось все шляхетство всѣхъ партій, готовились студенты-поляки по университетамъ, какъ за границею такъ и въ Россіи. Въ московскомъ университетѣ студентъ Іосифъ *Розенталь* собиралъ цѣлые сеймы изъ *студентовъ*, для непремѣннаго принятія всѣми товарищами принциповъ централизаціи. Онъ достигъ полной побѣды сколько силою своею краснорѣчія, столько угрозою, что противники будутъ исключены изъ общества поляковъ. Изъ московскаго университета *Розенталь* перешелъ въ кievскій и тамъ устроилъ тройки, для окончательнаго перехода отъ дѣятельности заговорной къ дѣятельности мятежа, но Ламберовъ отелъ парализовалъ пылъ дѣятельности.

Съ разгромомъ революціонныхъ сборищъ въ Парижѣ, съ изгнаніемъ централизаціи въ Лондонъ, послѣ всѣхъ матеріальныхъ потерей, которыя съ 1849 года понесла демократическая партія

(*) Паны въ 1848 и 1849 годахъ, напуганные галиційскими событіями 1846 года, положительно боялись мятежей; сдерживали молодежь и перечили ея замысламъ; они уничтожали нѣтъ попадавшіеся въ руки революціонныя возванія и распоряженія; готовя средства, они, въ 1848 году, ожидали прибытія французовъ, но какъ дѣла въ Европѣ къ концу первой половины года, приняли другой поворотъ, а Царство Польское и западная Россія стали наполняться войсками, то всякія попытки являлись совершенною невозможностью. Едва выяснялось что на Францію рассчитывать нечего какъ паны, первые, торопливо пріѣзжали сообщать фельдмаршалу въ Варшавѣ о всякихъ готовящихся замыслахъ. Это не мѣшало однако демократической партіи работать своими путями, но они могли только работать между одною молодежью, которой вожаки не были принимаемы даже, оставшимися правительству неизвѣстными, членами литовскаго жонда 1831 года, въ рукахъ которыхъ все оставалась верховная дирекція заговорнаго польскаго *regretuo mobile* въ западной Россіи. Часть молодыхъ заговорщиковъ была открыта; въ главѣ дѣятелей стоялъ 19 лѣтній гимназистъ *Францъ Далесскій*, сосланный тогда въ каторжную работу, и который, помилованный въ 1856 году, снова принялся за организовапія заговора къ мятежу 1863 года.

польской эмиграціи и разсеяніи ея членовъ, партія Ламберова отела достигла совершеннаго преобладанія. Всѣ мятежныя дѣйствія поляковъ, начиная со времени раздѣла Польши, были убѣдительными доказательствами для всѣхъ партій, что если папы не возмутся за дѣло, то всякая попытка обращается только въ кратковременную потѣху конспираторовъ-проказниковъ, которая мечетъ за собою казни, заключенія и ссылки.

Всѣ услуги, которыхъ союзники могли ожидать во время войны отъ польской эмиграціи, конечно были достаточно побудительными причинами, для того чтобы ей, среди дипломатическаго міра идти, какъ говорится, быстро въ гору. Партія Чарторыйскаго взяла въ это время рѣшительный перевѣсъ; демократическая партія, заявивъ своею многолѣтнею дѣятельностью свое революціонно польское настроеніе, понимала что на это настроеніе, съ императорскою Франціею, мода прошла и потому ей оставалось только всѣ свои надежды возложить на дипломатическое искусство князя Адама.

Но князь Адамъ не могъ добиться многого, тщетны были всѣ его усилія составить особый польскій легионъ, который рядомъ съ сардинскими войсками, сталъ бы въ лагерьъ союзныхъ армій, и потомъ при окончательномъ расчетѣ, потребовалъ бы своей доли, если даже не потребовалъ бы ратне, извѣстныхъ гарантій. Не съ достоинствомъ западныхъ державъ было набирать себѣ союзниковъ въ ряду воображаемыхъ безземельныхъ государствъ; а еще менѣе связывать себѣ руки условіемъ; и Мѣрославскій съ грустью говоритъ, что поляки въ севастопольскомъ гарнизонѣ, тщетно прождали появленія польскихъ орловъ. Подобно Наполеону I, Наполеонъ III и Англія дозволили только полякамъ, по примѣру прежнихъ лѣтъ, проявить свою вражду къ Россіи усердіемъ въ пожертвованіяхъ деньгами и людьми и горячими симпатіями къ Франціи.

Тогда Ламберовъ отель особенно началъ заискивать у Австріи, эрцъ герцогъ Карлъ отправился въ Галицію; по мановенію князя Чарторыйскаго, поляки восторженно принимали эрцгерцога, какъ будущаго короля Польши, и польскія дамы громко провослашали, махая платками: „Ah qu'il est beau notre jeune roi.“

Чѣмъ болѣе разгоралась война, тѣмъ натянутѣе становилась связь между Франціею и Англіею. Наполеонъ III воспользовался давнишними усиліями польской эмиграціи, возстановить общественное мнѣніе Европы противъ Россіи; союзу давало въ-

которую прочность, а еще болѣе силу, то обстоятельство, что Россія казалась была оставлена всеми; на нея точно была наложена печаль всеобщаго недоверія, но это искусственное положеніе дѣлъ не легко было поддерживать. Волненія въ Польшѣ, могли заставить Австрію явше высказать свои побужденія и опасенія, но Пруссію ни въ какомъ случаѣ не устроивало возстановленіе Польскаго королевства, которое бы не только заняло свои притязанія на Познань, но и на другія ея области, бывшія нѣкогда подъ польскимъ владычествомъ; поляковъ преслѣдуетъ постоянно одна, и та же идея: Польша 1772 года. Императоръ Наполеонъ самымъ положительнымъ образомъ провелъ черту польскимъ домогательствамъ. *Чарторыйскій* въ своемъ органѣ, „Вѣдомости Польскія“, 16 іюня 1854 года напечаталъ, для свѣдѣнія своихъ соотчичей: „Мы формально уполномочены лицомъ самымъ достойнымъ уваженія, которое только можетъ быть въ мірѣ, довести до свѣдѣнія нашихъ соотечественниковъ, что высоко поставленная особа, именно та, которая преимущественно рѣшила не образовать польскаго легіона въ Константинополь, совѣтуетъ полякамъ въ этомъ отказъ, не искать причины къ утратѣ ихъ надеждъ, но напротивъ чтобы они во всякое время были готовы дѣйствовать, смотря по обстоятельствамъ.“ Краеугольнымъ камнемъ польскихъ традицій, надъ которыми парить польская интеллигенція, стоитъ „непозволяемъ“ съ нимъ не можетъ разстаться шляхетство. Непозволяемъ, единогласно произнесла демократическая партія, когда *Бель* въ 1833 году заключилъ съ *Донъ Мигуалемъ* португальскую конвенцію, а въ 1854 году, когда въ первый разъ князь *Чарторыйскій* действительно упирался на нѣчто въ родѣ официального дипломатическаго сношенія, не только демагоги, но и магнаты средней руки заволновались; по какому дескать праву князь *Чарторыйскій* трактуетъ съ кабинетами; кто его уполномочилъ? „Эти слова въ Польскихъ Вѣдомостяхъ, (16 іюня 1854 года) не допускаютъ двойкаго толкованія, пишетъ графъ *Тышкевичъ* (*), всакій зналъ что именно Наполеонъ III рѣшительно не согласился на формированіе польскаго легіона въ Константинополь, а князь *Чарторыйскій* говоритъ полякамъ: императоръ французовъ приглашаетъ васъ чрезъ меня не отчаяваться, но быть постоянно въ готовности. Онъ и англійская королева *мелл* призвали представителемъ и главою польской справы; правда я не могу вамъ доказать это иначе какъ собствен-

(*) Тышкевичъ „Письма о современной Польшѣ“, стр. 174.

князь возить увѣреніемъ, но мое слово, слово честнѣйшаго изъ честнѣйшихъ людей, это не слова перваго понавшагося социалиста, потому что я занимаю почетное мѣсто, я не какойнибудь безпопалый; всѣ сознають во мнѣ политическую опытность; извольте меня слушаться“.

Но знаемъ хотѣла ли польская эмиграція чтобы союзныя державы создали всю ее на митингъ и чтобы онѣ на этотъ митингъ выслали своихъ министровъ договариваться съ эмигрантами, но видимъ только что эмиграція никакъ не хотѣла перейти изъ міра фантазій въ міръ дѣйствительный. Она не понимала что никогда, ни одно европейское правительство не признавало никакого офіціального характера ни въ ея келейныхъ сеймахъ, ни въ одномъ изъ ея безчисленныхъ комитетовъ. Она не понимала что западныя державы никакой особенной необходимости въ польскихъ эмигрантахъ не имѣють, а какъ они сами навязываются въ дѣло, и своимъ вліяніемъ на край могутъ принести косвенную пользу, то онѣ при закрытыхъ дверяхъ, заговорили съ тѣми изъ польскихъ выходцевъ, которые всегда стояли у этихъ дверей, умоляя о позволеніи войти.

Поляки надѣялись что выговорятъ для себя особыя условія, забывая что въ нихъ никто особенно не нуждался, и что правительства очень хорошо понимаютъ, что съ поляками имъ церемониться нечего, что они радостно возмутъ на себя роль козодѣровъ, при хорошемъ жалованьи, подстрѣкаемые мыслью что идутъ воевать противъ Россіи. При громаднѣхъ приготовленіяхъ для борьбы съ Россією, кромѣ самой польской эмиграціи, никто не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Во время этихъ приготовленій поляками было произнесено много пламенныхъ рѣчей за и противъ князя Адама, а кончилось тѣмъ, что всѣ поляки, послѣдовавшіе на востокъ, всѣ стали подъ знамя *Чарторыйскаго*, кто былъ по богаче на собственномъ иждивеніи, а кто побѣдѣе на усиленномъ жалованьи.

Край оставался спокойнымъ; дабы предупредить всякую своевольную выходку какого либо отчаяннаго патріота—туземца, которая могла бы быть искрою бѣльшаго пожара и надѣлать хлопотъ западнымъ комбинаціямъ и опасеніямъ, то въ шляхетное общество были пущены слова, какъ сказанныя Наполеономъ: первый выстрѣлъ на Вислѣ заставитъ замолчать севастопольскія батареи ⁽¹⁾, а

(1) Le premier coup de fusil, parti sur la Vistule fera taire les batteries devant Sébastopole“.

въ утѣшеніе туземному шляхетству было сообщено, что „въ тотъ моментъ когда театръ войны коснется ихъ предѣловъ, то неожиданнымъ ударомъ всей возставшей Польши, они нанесутъ Россіи рѣшительный ударъ и она будетъ рада согласиться на всякій миръ, который ей будетъ предписанъ, что Наполеону III, въ дружбѣ съ Англією, почему церемониться съ Россією, какъ Наполеонъ I поцеремонился съ ней въ Тильзитѣ“.

Хотя цѣлая русская армія охраняла Царство Польское, но Австрія повидимому тоже опасалась какой либо сумятицы и настояла чтобы Придунайскія Княжества были признаны нейтральными.

Послѣдуемъ за эмигрантами въ Турцію, болѣе или мѣнѣе уже известную польской эмиграціи. Князь *Чарторыйскій* въ демократической партіи всегда видѣлъ злѣйшихъ противниковъ своимъ планамъ; онъ не довѣрялъ чтобы революціонными стремленіями, Польша когда либо достигла независимости, а демагогическія ея ученія низвергали его династическія мечты. Неудавшіяся поляками затѣянныя революціи только подтверждали князя *Чарторыйскаго* въ томъ его убѣжденіи, что его планъ медленнаго, постепеннаго, прочнаго укрѣпленія камень за камнемъ въ *великолюбудованіи* для возстановленія Польши, только терпѣлъ отъ демократической партіи, что шальные ихъ выходки только разрушали часть уже сдѣланной работы. Онъ посылалъ искалъ какихъ либо занятій неутомимнѣйшъ противникамъ, своимъ товарищамъ по изгнанію. Желая разослать ихъ въ Португалію, Испанію, Алжиръ, Египетъ и Америку, онъ искалъ давно уже пристроить часть ихъ и въ Турцію.

Въ началѣ сороковыхъ годовъ князь *Адамъ Чарторыйскій* заключилъ условіе съ орденомъ константинопольскихъ лазаристовъ ⁽¹⁾, по которому часть земель имъ принадлежащей въ азіатской Турціи, была предоставлена для земледѣльческихъ работъ польскихъ выходцевъ и тамъ основано польское селеніе *Адамполь*, но по отзывамъ самихъ поляковъ, много эмигрантовъ тамъ перебивало и мало тамъ оставалось. Выгодныя условія заманивали, работа отталкивала и эмигранты изъ Адамполя разсыпались по Турціи, искать пропитанія болѣе легкаго. Польскій легионъ, вышедшій изъ Венгріи въ 1849 году въ Турцію увеличилъ тамошнее число польскихъ выходцевъ. Въ европейской Турціи до начала восточной войны, насчитывали болѣе 2,000 поляковъ, такъ

(1) Латинскій орденъ монаховъ, тамъ водворившійся въ XVIII вѣкѣ.

что вновь прибывавшіе искатели приключеній застали тамъ много земляковъ.

Вѣстѣ съ тѣмъ князь *Чарторыйскій* искалъ утвердить свое званіе и искалъ вондти въ связь съ правительственными личностями, тамъ гдѣ онъ надѣялся что могутъ явиться враги *Россіи*. Такъ и въ Константинополѣ онъ имѣлъ своего человѣка, *Михаила Чайковскаго*. Онъ былъ литераторъ Ламберовскаго отела, писалъ повѣсти изъ быта Украины, въ 1840 роду былъ посланъ къ запорожскимъ казакамъ, обитающимъ въ турецкихъ владѣніяхъ Малой Азіи и принималъ участіе въ постройкѣ Адам-поля; поселился въ Константинополѣ, онъ сталъ государственнымъ человѣкомъ и знаткомъ военнаго дѣла; онъ составлялъ разныя записки о пересозданіи Турецкой Имперіи и ея войскъ, которыя онъ представлялъ султану, и для лучшаго себя утвержденія на турецкой почвѣ, онъ принялъ исламизмъ въ 1850 году и называлъ себя *Садикомъ*. Предъ началомъ восточной войны, поддерживаемый *Чарторыйскимъ*, онъ получилъ согласіе султана на сформированіе султанскихъ казаковъ, и получилъ званіе пашы.

Русскія войска вступили въ Княжества, Порта торопливо готовилась къ войнѣ, *Чайковскій* предлагалъ султану выписать четырехъ опытныхъ польскихъ генераловъ съ ихъ штабами, для укомплектованія начальствующихъ формируемыхъ войскъ и указывалъ что подъ ихъ начальство сберется множество поляковъ, отважныхъ опытныхъ войновъ. Султанъ согласился. *Чайковскій* тотчасъ адрессовался къ своему патрону *Чарторыйскому*. *Чарторыйскій* не очень торопился, а генералы заломили цѣну своему искусству, и требовали еще гарантій въ исправной уплатѣ жалованья. *Чайковскій* писалъ *Чарторыйскому*, что этимъ путемъ на счетъ султана можно будетъ устроить войско, которое потомъ можно будетъ употребить на дѣло Польши, но что бы для увеличенія средствъ, князь *Чарторыйскій* потребовалъ бы экстерныхъ взносовъ отъ туземцевъ, въ которыхъ они не откажутъ. Осторожный *Чарторыйскій* не поддавался подъ пылія рѣчи *Садикъ Пашы*; Франція принимала участіе въ турецкихъ дѣлахъ и князь *Адамъ* ждалъ позволенія или вѣрнѣе приказаній. Пріѣхали генералы *Брезтскій* и *Быстрѣжковскій*: занялись формированіемъ польскихъ легіоновъ, по дѣлу вели такъ вяло, что рѣшительное заявленіе Наполеона противъ формированія подобныхъ легіоновъ остановило далеко не оконченное предположеніе.

Если паны, туземцы, послушные Ламберову отелю си-

дѣли смиренно, и отъ нихъ не требовалось экстерныхъ взносовъ, то ксендзы и поляки дѣятельно выступили впередъ. При волшебномъ словѣ „польскіе легіоны“ составлялись концерты въ пользу бѣдныхъ, сборы въ пользу бѣдныхъ, лотереи въ пользу бѣдныхъ, и не одинъ рубль русскаго офицера а можетъ быть и пишущаго эти строки, очутился въ Парижѣ, въ кассѣ Ламберова отеля. Князь *Чарторыйскій* былъ между двумя огнями, съ одной стороны летѣли посланія изъ Турціи; тамошніе поляки своимъ путемъ знали что обильные оферы собирались въ край, съ другой стороны какъ мы упомянули, Наполеонъ не изъявлялъ на нихъ согласія. Молва о польскихъ легіонахъ была на всѣхъ устахъ; тогда князь *Адамъ* напечаталъ нами сказанное свое объявленіе отъ 16 Іюня 1854 года.

Съ потерей надежды на формировавіе легіоновъ, поляки кинулись въ султанскіе казаки *Садикъ Паши*; хотя самъ паша былъ и преданный сторонникъ Ламберова отеля, но масса прибывшихъ принадлежала почти вся демократической партіи, и недостатка не было въ порицаніяхъ и критикѣ польскихъ дипломатовъ; настроеніе лагеря *Садикъ Паши* разносилось въ край; демократы стали брать рѣшительный перевѣсъ, тѣмъ болѣе, что *Высоцкій* бывший предводитель польскаго легіона въ Венгріи, одинъ изъ вожаковъ демократической партіи, другъ *Мирославскаго*, заклятаго врага Ламберова отеля, отправился тоже въ Турцію искать службы у султана. Среди громаднхъ событій восточной войны, какъ поляки не были ничтожны своею численностью, силою и значеніемъ, но успѣхъ на блестящій исходъ войны шель еще возвышаясь, а въ подобное время аристократическая партія всегда старается сохранить во чтобы то не стало преобладаніе на своей сторонѣ, точно также какъ при наступленіи неудачъ, она старается ступшеваться, снять свою булавку съ игры, какъ говорятъ французы, и отрекаться по возможности отъ всякаго принятаго участія. *Чайковский* приписывалъ что ничтожная роль, которая выпала на долю поляковъ среди союзниковъ, была слѣдствіемъ недостаточнаго представительства польской эмиграціи, и какъ истинный поклонникъ Ламберова отеля настоятельно требовалъ отъ него высылки подобнаго представителя, но Ламберову отелю было гораздо важнѣе возвратитъ въ подчиненности неугомонную демократію, и онъ обратился къ обычному оружію, къ интригѣ. На этотъ разъ польская интрига въ лицѣ графа *Владислава Замойскаго* поспѣшила въ Турцію; князь

Адмиръ отправилъ туда своего способнѣйшаго и усерднѣйшаго стороженка наладить дѣло.

Графъ *Замойскій*, какъ говоритъ *В. Мицкевичъ*, прибылъ въ Константинополь, встрѣтился съ *Высоцкимъ*, радостно облобызавъ его, и тотчасъ же предупредилъ султанскихъ чиновниковъ, чтобы *Высоцкому* ничего не довѣряли, потому что онъ былъ революціоннымъ агентомъ. Радостно расцѣловался онъ при свиданіи съ *Чайковскимъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмами къ сераскиру и къ Омеръ Пашѣ предостерегалъ ихъ отъ запальчивости *Садикъ Пашу*, что у него только на умѣ внести войну въ Польшу, что онъ наравитъ только на то, чтобы ему прорваться на Вольны, что при его своеволіи его не удержишь настоятельное требованіе Австріи, не переходить ею назначенную черту. Если графъ *Замойскій* не достигъ того, чтобы слишкомъ пылкого *Садикъ Пашу* замѣстить болѣе послушнымъ другимъ сторонникомъ *Ламберова* отела *Косцельскимъ*, то все же онъ добился того, что пашамъ было предписано сноситься съ *Садикъ Пашею*, какъ хорошо знающимъ мѣстность, но не допуская чтобы онъ увлекъ ихъ впередъ; подчиненные же *Чайковскаго* получили приказъ исполнять его распоряженія, ни подъ какимъ предлогомъ однако не дозволить чтобы части артиллеріи или пѣхоты переправились на лѣвый берегъ Серета. Графу *Замойскому* не удалось однако своимъ кандидатомъ замѣстить *Садикъ Пашу* и сторонники послѣдняго говорили, что если *Косцельскій* желаетъ сдѣлать блистательную карьеру въ турецкой службѣ, то при нѣкоторой твердости духа и безстрашіи передъ ланцетомъ, онъ можетъ поступить въ свнухи серала.

Устранивъ *Высоцкаго*, поколебавъ довѣренность Порты къ *Садикъ Пашѣ Чайковскому*, графъ *Замойскій* принялся устраивать свои дѣла. Онъ отказался отъ званія турецкаго бригаднаго генерала, не довѣряя акуратности турецкаго жалованья, а предложилъ свои услуги Англіи, взявъ на себя формировать полкъ изъ поляковъ, который ей обойдется гораздо дешевле вербуемыхъ въ Европѣ волонтеровъ. Англія приняла предложеніе и пожаловала *Замойскаго* генераломъ. Графъ *Замойскій* разомъ составилъ свой полкъ, добывъ позволеніе отдѣлить половину отъ козаковъ султана, сформированныхъ *Чайковскимъ*. Оба эти, по народностямъ пестрые полки съ значительнымъ числомъ поляковъ, скоро представили разительную разницу. У *Чайковскаго* нагайка была въ сильнѣйшемъ ходу, и въ честь мастера этого дѣла, служившаго тамъ полковни-

комъ, *Киркора* и самыя нагайки получили названіе киркорокъ, а въ полку графа *Замойскаго* преимущественно занимались обращеніемъ въ латинство.“ Какой страмъ говорили поляки въ полку *Чайковскаго*, что тамъ превзошли даже москалей, въ употребленіи нагаекъ, сколько козаковъ тамъ умерло подъ ударами киркорокъ.“ За то о полку графа *Замойскаго*, получившему названіе англо-турецкаго, держались другія рѣчи: „тамъ рѣдко учатся, даже мало занимаются коннымъ и пѣшимъ строемъ; время проводить въ молитвахъ, исповѣдяхъ и обращеніи схизматиковъ. Тамъ случались примѣры что русскіе бѣглые солдаты, которыхъ палками хотѣли обратить въ латинство кричали, „убей, не перекрещусь.“ Графъ *Замойскій* отлично устроивалъ однако свои собственныя дѣла; получая снабженія на оба полка, отъ англчанъ, французовъ и турковъ, онъ расходовалъ ихъ весьма экономически, и Садикъ Паша—*Чайковскому* за все время выдалъ только 3,000 фр. жалованья. Получая на собственную свою личность столько раціоновъ, что на нихъ могъ бы содержать цѣлый госпиталь, онъ однако для его улучшенія собиралъ добровольныя приношенія по подпискѣ съ офицеровъ, даже и такихъ, которымъ не выдавалъ жалованья.

Раздоры и сплетни охватили польскій лагерь, князь *Чарторыйскій* послалъ изъ Парижа примирителемъ сына своего *Владислава* и какъ бы въ дядьки къ нему послалъ поэта *Адама Мицкевича*. „Пишите мнѣ, прошу васъ, о моемъ сынѣ, писалъ ему князь *Адамъ* 27 Октября 1855 года, весьма желалъ бы узнать что вы были имъ довольны.“ Князь *Владиславъ Чарторыйскій* прибылъ въ Турцію съ обстановкою какого то принца крови. Поляки живущіе въ мірѣ фантазій къ какой бы партіи они не принадлежали, съ самодовольствіемъ встрѣтили молодого князя; они точно дождались, что ихъ посѣтилъ принцъ чистой крови владѣтельнаго дома; они парадировали заявленіемъ чувства глубокой преданности, но въ польскомъ обществѣ съ необыкновенною быстротою совершаются всякія перевороты нравственнаго настроенія. При неестественно фальшивомъ воспитаніи, нѣтъ въ нихъ твердыхъ убѣжденій, выработанныхъ, усвоенныхъ правильныхъ понятій; всякій кидается разыгрывать какую нибудь имъ избранную роль, согласно обстоятельствамъ, *Алкibiада*, *Ликурга*, *Брута*, *Цицерона*, *Гракха*, то маркиза временъ *Людовика XIV*, то якобинца 1789 года, то англійскаго лорда, пока роль не надоесть; тогда они обращаются въ первобытное состояніе, пока при новыхъ обстоятельствахъ, они

не разбирать новыхъ ролей, — прямое слѣдствіе не нормальнаго положенія, въ которое себя поставило польское шляхетство, и въ которомъ оно упорно держится. Прибытіе князя *Владислава Чарторьйскаго* и *Адама Мицкевича* водворили согласіе на короткое время и скоро ихъ присутствіе только увеличило распри съ новою силою. Князь *Владиславъ* присталъ къ графу *Замойскому*, *Адамъ Мицкевичъ* къ демократамъ и перетаскивалъ туда окончательно и *Чайковскаго* Садикъ Пашу.

Князь *Владиславъ* пріѣхалъ въ Турцію искушаемый восточными обычаями. „Вы пріѣхали на Востокъ, писалъ ему поэтъ *Мицкевичъ*, 17 ноября 1855 года, гдѣ столько надеждъ можетъ воспрянуть. Взоры стальныхъ поляковъ были обращены на васъ; сѣпа на которую вы восходили еще болѣе васъ возвышала, и что же? на этой землѣ нашей будущности, первые слѣды, которые вы оставляете на вашемъ пути состояли въ томъ, что вы приказали опубликовать, что женщина, которую вы съ собою привезли, оказала такіа то и такіа то заслуги. Князь! если госпитали требовали улучшенія, то должно было поручить дѣло медикамъ, предоставивъ имъ должныя средства, но ни въ какомъ случаѣ нельзя было требовать подписки отъ офицеровъ, неполучающихъ жалованья. Ваши походы въ монастырѣ, чтобы помѣстить тамъ бесплатно еще другихъ женщинъ, выставляютъ предъ иноземцами позоръ и скандалъ. Мы можемъ потерять случай возстановить наше національное знамя на землѣ, столь близкой къ нашей родинѣ. Это первый польскій лагерь, который послѣ стальныхъ лѣтъ является снова.“

„Мы все сдѣлали для *Чарторьйскихъ*, писалъ *Чайковский*; мы доставили имъ политику на Востокъ, вліяніе на славянъ, сношенія съ кавказскими горами, а чрезъ это кредитъ у кабинетовъ французскаго и англійскаго, мы образовали польскую колонію и казаковъ съ военнымъ устройствомъ, доставили имъ знамя, положеніе, я употребилъ всѣ возможныя старанія, чтобы не допустить раздѣленіе казаковъ, я дѣйствовалъ такъ для настоящихъ выгодъ и имѣлъ въ виду будущность Польши, достоинство польскаго имени; поступки *Замойскаго* отъ насъ навсегда могутъ удалить казаковъ, они содѣйствуютъ только тому, чтобы навсегда раздѣлить восточную церковь отъ западной. Почему князь *Адамъ Чарторьйскій*, въ самомъ началѣ борьбы, не обратился къ краю и не потребовалъ нужныхъ суммъ для организаци и содержанія польскихъ легионовъ; почему не были употреблены миліоны, заштыцанные двѣдцею Сициліею ***, духовнымъ ея завѣщаніемъ ис-

ключительно назначенные для *народной справки*, а не на какіе другіе предметы. Много было кромя того подписокъ и пожертвованій, всё эти суммы вмѣстѣ были бы болѣе чѣмъ достаточными,.. „Мы имѣли свои капиталы, край дополнилъ бы ихъ въ случаѣ надобности, а мы сохранили деньги для Ламберова отеля, мы пошли на жалованье англичанъ и должны переносить нарѣканія, что живемъ на счетъ союзниковъ а ихъ золото льется въ карманъ графа Владислава“ (Замойскаго).

Князь Адамъ *Чарторыйскій* дипломатически отвѣчалъ *Мицкевичу*, сообщившему ему раздоры между *Замойскими* и *Чайковскими*:

„Садикъ обладает большими способностями, но онъ быстръ и пылокъ, и дѣйствуетъ слишкомъ запальчиво въ минуту раздраженія; что касается *Замойскаго*, то я хорошо знаю его недостатки, отъ которыхъ онъ нажилъ много враговъ, особенно между своими земляками; но вмѣстѣ съ тѣмъ у него много и прекрасныхъ качествъ“. Прекраснѣйшее его качество, говорили поляки, то, что онъ племянникъ князя Адама.

При раздорахъ, существовавшихъ въ обѣихъ польскихъ партияхъ въ Турціи, подъ руководствомъ поляковъ войска послѣ Калафата не могли быть употреблены. Войска Садика во всемъ нуждались, даже въ людяхъ, которыхъ задерживалъ *Замойскій*, и его подчиненные все не достигали боеваго образованія. Поляки не попали ни въ Крымъ, ни въ Малую Азію.

„Насъ не послали даже въ Азію, пишетъ *Чайковский*, когда интервенція Австріи насъ лишила доступа къ Дунаю, и когда какимъ нибудь громкимъ подвигомъ намъ было необходимо поднять ту военную славу польскаго имени, которая доселѣ была нашимъ драгоцѣннѣйшимъ наслѣдіемъ и существенной силой нашей ойчизны. Вмѣсто того мы отдѣлялись отъ Польши, наше знамя было запятнано двусмысленною репутаціею наемнаго войска, безъ всякой гарантіи для края; одно только честолюбіе графа *Замойскаго* было удовлетворено послѣ трудовъ двухъ съ половиною лѣтъ, время, въ которое мы могли бы устроиться при нашихъ для насъ благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ, войны съ Россією“.

Разбирая всѣ похождения поляковъ во время восточной войны, когда дѣйствительно въ первый разъ раскинулся польскій лагерь въ арміяхъ, которыя не были арміями матежниковъ, нельзя не отдать справедливости словамъ Моллера, въ сочиненіи *Situation de la Pologne*.

„Едва только Польша снова появилась на сценѣ, какъ уже являются *Чарторыйскіе* съ стремленіями къ верховной власти; но въ ихъ покровомъ *Замойскіе* ищутъ выгодныхъ мѣстъ, либерализмъ эмиграціи проявляется *киркорками*, для ясней популярности патріотическая кампанія обращается въ крестовый походъ противъ схизматиковъ; демократы ругаютъ аристократовъ, аристократы предъ турками изобличаютъ и выдаютъ демократовъ и интригуютъ противъ всѣхъ; словомъ въ пресловутой ойчизнѣ, всякой работаетъ въ пользу собственныхъ своихъ дѣлъ, а польская справа раздробляется въ sprawy личныхъ выгодъ патріотовъ, навязываемыхъ польской націи.“ Кто же наконецъ польскіе патріоты? идущіе ли за знаменемъ Ламберовскаго отела, который выдаетъ демократическую партію за враговъ польской націи, или демократы, которые тысячами подписей засвидѣтельствовали что князь *Чарторыйскій*, глава и руководитель аристократической партіи, предатель и отверженный врагъ отечества.“

Адамъ Мицкевичъ умеръ къ окончанію войны въ Турціи, князь *Владиславъ Чарторыйскій* и графъ *Владиславъ Замойскій* возвратились въ Парижъ.

Въ январѣ 1856 года, когда многочисленная толпа собралась въ Парижѣ къ церкви *Madelaine* для панихиды по *Мицкевичу*, *Язвинскій* предъ оградою, встрѣтя графа *Владислава Замойскаго* отхлысталъ его своею тростью. По жалобѣ *Замойскаго* и по приговору суда, *Язвинскій*, былъ заключенъ въ тюрьму на 4 мѣсяца.

Парижскій миръ ни однимъ словомъ не упомянулъ о полякахъ.

(Продолженіе впереди.)

ИСТОРИЧЕСКАЯ МОНОГРАФІЯ ГОРОДА ГРОДНЫ.

Было время, когда Гродна имѣла весьма важное значеніе въ военномъ и даже въ политическомъ отношеніяхъ. Какъ столица удѣльнаго Гродненскаго княжества и весьма важный пунктъ на Нѣманѣ, Гродна дѣлается жертвою разореній и опустошеній, которыя, начавшись нашествіемъ татаръ въ 1241 году, представляются въ болѣе яркихъ краскахъ во взаимной борьбѣ русскихъ, литовцевъ и меченосцевъ, продолжавшейся въ теченіи почти двухъ столѣтій. Потомъ съ XV столѣтія Гродна, какъ лучший городъ Трокскаго воеводства, видить въ своихъ стѣнахъ многихъ вѣнценосцевъ, любившихъ здѣсь проводить время и жизнь, и становится резиденціей Стефана Баторія.

Съ XV же столѣтія въ немъ рѣшаются важныя государственныя дѣла и заключаются договоры и союзы; въ началѣ XVIII происходитъ трехмѣсячная борьба двухъ могучихъ государей сѣвера—Петра 1-го и Карла XII, а во второй половинѣ—Гродна достигаетъ высшей славы своего восьмидѣляковаго историческаго существованія.

Наконецъ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, въ 1802 году, Гродна изъ уѣднаго дѣлается губернскимъ городомъ вновь учрежденной литовско-гродненской губерніи.

Основаніе Гродна еще не раскрыто исторіей. Неизвѣстно, правда-ли, что этотъ городъ существовалъ въ половинѣ седьмаго вѣка (*), извѣстно только (**), что онъ былъ древнимъ достояніемъ русскихъ князей и около 1120 года, принадлежалъ Всеволоду Давидовичу, именуемому лѣтописцами *Гродненскимъ*, правнуку Ярослава Великаго. Быть можетъ (догадка г. Кукольника), внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, женившій Всеволода на своей дочери Агаѣи, овладѣвъ этимъ краемъ, отдалъ Гродну своему зятю въ видѣ приданого; Всеволодъ умеръ въ 1142 году, оставивъ въ Гроднѣ сыновей Бориса и Глѣба, положившихъ основаніе древнѣйшему православному храму въ губерніи во имя Бориса и Глѣба (что на Коложѣ). Не подлежитъ однако сомнѣнію, что Гродна основана славянами, и вѣроятно ранѣе XI столѣтія. Что Гродна была поселеніемъ славянъ, доказываетъ первоначальное назнаніе ея *Городемъ, Городно*, т. е. городъ, означавшес у славянскихъ народовъ укрѣпленное мѣсто, обведенное валомъ со рвами и палисадникомъ, а что она существовала ранѣе XI вѣка, подтверждается многими историческими фактами (***).

*) Гроднен. губ. вѣдом. 1848, N 17.

**) Лѣтопис. *Лука Давидъ*.

***) По раздѣленіи владѣній Владиміра Святаго между его потомками, на западѣ Руси образовались удѣльныя княжества: Мниское, Новогородское (Новогрудское), Туровское (Шинское), Брестское и Гродненское, жители которыхъ исповѣдывали православную вѣру, говорили русскимъ языкомъ и управлялись законами, одинаковыми съ жителями великаго княжества Ки-

Какъ столица удѣльнаго княжества, Гродна въ теченіе XII вѣка отстраивается и улучшается, и къ концу онаго становится городомъ многолюднымъ съ каменными церквами, ибо по Стрыковскому въ 1185, а по другимъ въ 1184 году, *городъ загорѣлся отъ молніи и добычею пожара сдѣлалось множество каменныхъ церквей*. Однако усердіемъ своихъ князей городъ быстро отстроился.

Въ первой половинѣ XIII столѣтія, въ Гроднѣ княжилъ Юрій Глѣбовичъ, когда въ 1241 году сподвижникъ Батяя, опустошившаго всю Русь, Венгрію и Польшу до р. Вислы, военачальникъ Кайданъ ворвался въ Гродненское княжество, разорилъ всю страну и осадилъ столицу Юрія.

При впаденіи въ Нѣманъ р. Городничанки, на лѣвомъ берегу ея, при самомъ устьѣ, стоитъ одиноко высокій холмъ, на вершинѣ котораго недавно построено прекрасное двухъ-этажное зданіе, занятое частію квартирующихъ войскъ. Здѣсь въ XIII столѣтіи былъ деревянный замокъ, окруженный землянымъ валомъ, вооруженный сильнымъ гарнизономъ; это была единственная опора князя Юрія противъ полудикихъ варваровъ, выступившихъ съ яростію къ рѣшительной осадѣ. Ни укрѣпленія, ни отчаянное сопротивленіе войска, воодушевляемое мужествомъ своего храбраго князя, не могли спасти столицы отъ паденія. Геройское сопротивленіе вызвало ожесточеніе хищнаго непріятеля: князь погибъ, войско истреблено, замокъ сожженъ, городъ обращенъ въ груду развалинъ, а окрестности Гродны опустошены огнемъ и мечемъ; фанатически изступленные, многочисленныя полчища, насытивъ кровожадною местию надъ мирными, беззащитными жителями, отступили, оставивъ на берегахъ Нѣмана груду обгорѣвшихъ и окровавленныхъ развалинъ, въ которыхъ жители, избѣжавшіе гибели, оплакивали смерть отцовъ и братьевъ, женъ и дѣтей, потерю имущества, роднаго города, своего князя, своего самостоятельнаго существованія. Съ тѣхъ поръ Гродна, въ теченіи двухъ столѣтій, терпитъ постоянныя разоренія и опустошенія, а бѣдные жители безпрестанно теряютъ свое имущество, гибнутъ отъ оружія враговъ, или отдаются ими въ неволю.

Съ паденіемъ столицы, пало удѣльное Гродненское княжество. Среди опустошенной страны еще стояли укрѣпленія,

евскаго. Еще Ярославу I (1054 — 1078) принадлежали земли между Нѣманомъ и Наревомъ, отъ Гродна до Остроленки (*Нарбутъ*, т. III, стр. 228 и 235; лѣтописи *Даниловича*, стр. 113, 116 и 117; собраніе древнихъ документовъ и актовъ). Ярославу I принадлежали земли на западѣ Руси до р. Буга, потоковъ Вислы и горъ Карпатскихъ; онъ же сталъ алса обуздывать кичивыхъ и упорныхъ ятвяговъ. (*Устряловъ*, ч. I, стр. 122 и 123). Въ половинѣ XI столѣтія, в. к. кievскій Ярославъ I (1019 — 1054), въ двукратномъ походѣ 1040 и 1044, доходилъ до Вилейки, Ошмянъ и Эйшишекъ. Владѣльцъ Мономахъ и сынъ его Мстиславъ I повторили походы Ярослава; въ первый разъ Мстиславъ вторгнулся въ Литву со стороны Ошмянъ 1131, а въ другой—со стороны Гродны (*Ярошевичъ* *Obraz Litwy*, ч. I; § 20).

когда въ томъ же году пришли съ сѣвера литовцы подъ предводительствомъ своихъ князей Эрдзивилла, Викинда и Товцилла Монтвилловичей, высланныхъ дядею своимъ, великимъ княземъ Мендогомъ (Миндовгомъ), для занятія опустошенныхъ и беззащитныхъ земель славянскихъ. Эрдзивиллъ безъ сопротивленія сдѣлался властелиномъ Гродны, возобновилъ укрѣпленія и близъ вала съ деревянною стѣною, по обыкновенію славянъ, соорудилъ столпъ или укрѣпленную башню. Все это было сдѣлано съ такою быстротою и съ такимъ успѣхомъ, что, когда монголы, въ надѣждѣ новой добычи, двинулись съ юга подъ начальствомъ царевича Шейбака и разбили Мендога на берегахъ Нѣмана близъ Лунны, Эрдзивиллъ, имѣя въ тылу опору въ гродненскихъ укрѣпленіяхъ, смѣло двинулся на помощь своему дядѣ и содѣйствовалъ блистательному пораженію монгольскихъ полчищъ—гдѣ-то въ лядскомъ уездѣ. Шейбакъ погибъ, монголы удалились и Мендогъ, восторжествовавъ еще въ другихъ побѣдахъ надъ опасными врагами, сдѣлался повелителемъ земель, составляющихъ нынѣшнюю Гродненскую губернію. Покровительства его стали искать всѣ русскіе князья между Смоленскомъ, Пинскомъ, Брестомъ и Гродной, а Гродна, Волковыскъ, Слонимъ и Новогрудокъ признали его своимъ государемъ. Только болѣе сильные князья галиціе пытались отнять русскія области, завоеванныя литовцами, пока превосходство оружія и родственныя связи Гедимина и его потомковъ, не утвердили окончательно за Литвою всей западной и юго-западной Руси. Въ тоже самое время литовцамъ пришлось бороться и съ тевтонскимъ орденомъ, который, стремясь силою оружія обратить язычниковъ въ христіанскую вѣру, вступилъ въ XIII столѣтіи въ упорную борьбу съ князьями литовскими. Въ этой тройственной борьбѣ, склонившейся въ пользу могучихъ потомковъ Гедимина, Гродна, какъ пограничный пунктъ Руси, Польши, Литвы, а съ первой половины XIII столѣтія и тевтонскаго ордена, и, кромѣ того, по своему выгодному географическому положенію, приобрѣла весьма важное стратегическое значеніе. Рыцарямъ со стороны Гродны открывался свободный доступъ въ Литву, которая въ свою очередь, стремясь къ завоеваніямъ, получившимъ въ XIII столѣтіи цѣль болѣе опредѣленную, старалась удержать Гродну во чтобы то ни стало. Для князей галицкихъ Гродна была дорога частію какъ достоинствѣ ихъ предковъ, частію же потому, что, утвердившись на Нѣманѣ, они надѣялись положить предѣлъ завоевательнымъ планамъ литовскихъ князей надъ западною Русью.

Въ 1253 году Гродна еще была во власти литовцевъ.

Въ 1259 г. городъ взятъ королемъ галицкимъ Даниломъ Романовичемъ; но вѣроятно скоро поступилъ во владѣніе литовцевъ, потому что въ 1275 году русскіе снова осадили Гродну.

Въ 1276 году князь галицкій Ромаль Даниловичъ и князь волынской взяли Гродну, но въ томъ же году лишились ее.

Въ 1277 г. князья галицкіе Мстиславъ, Владиміръ и Юрій,

въ союзѣ съ Менган-Гирей-Тимуромъ (Менгитимуръ), выступили противъ великаго князя Тройдена двумя путями: монголы двинулись къ Новогрудку, а русскіе пошли на Гродну. Расположившись на ночлегъ за Волковыскомъ, Мстиславъ и Юрій, безъ вѣдома Владислава Васильковича, выслали для занятія Гродны часть отборнаго войска подъ начальствомъ нѣкоего Туйши, который сталъ въ виду крѣпости безъ всякихъ предосторожностей. Гродненскіе пруссы—наздравцы и бортияне, принятые подъ защиту Тройдена (*), пользуясь такою оплошностью неприятеля, сдѣлали вылазку, разбили и многихъ забрали въ плѣнъ. Огорченный ошибочнымъ распоряженіемъ своихъ подчиненныхъ, Владиславъ поспѣшилъ къ Гроднѣ и на другой день произвелъ решительный приступъ; но, успѣвъ овладѣть только высокою каменною баннею, стоявшею у воротъ и занятою пруссами, долженъ былъ заключить перемиріе, по которому освобождены были всѣ русскіе плѣнные (**).

Вслѣдствіе родства князей литовскихъ съ князьями галицкими и побѣдъ литовцевъ, въ началѣ XIV столѣтія на западѣ Руси, раздробленной еще на удѣлы, образовалось могущественное Литовско-Русское государство.

Между тѣмъ тевтонскій орденъ, покоривъ Судавію, составившую юго-западную часть Пруссіи, вошелъ въ соприкосновеніе съ владѣніями великихъ князей литовскихъ и, съ конца XIII столѣтія, устремилъ свои дѣйствія на занятіе гродненской крѣпости. Небольшой отрядъ судауцевъ, покоренныхъ рыцарями, подъ предводительствомъ Скурдо, избѣжавшій истребленія, искалъ покровительства у великаго князя Тройната, который въ 1276 году поселилъ ихъ въ гродненскомъ предмѣстіи. Это было поводомъ къ первому нашествію рыцарей на Гродну.

Въ 1284 (по Балнискому въ 1283) окружной (провинціальный) магистръ тевтонскаго ордена Конрадъ Тирбергъ (Konrad Tierberg), негодуя на литовцевъ за оказанное покровительство судауцамъ, съ сильнымъ войскомъ переправился черезъ Нѣманъ и осадилъ Гродну, гарнизонъ которой отразилъ всѣ приступы неприятеля. Но проводникъ рыцарей Скомундъ, родомъ изъ Судавіи, принявшій христіанскую вѣру, зная отлично свойства крѣпости, помогъ имъ взять укрѣпленія. Городъ былъ сожегъ и разрушенъ до основанія, множество жителей отведено плѣнниками въ Пруссію, окрестности опустошены и походъ христіанъ-рыцарей нанесъ такія же глубокія раны Гроднѣ, какія испыталъ этотъ городъ прежде, за сорокъ три года передъ тѣмъ, отъ варваровъ—монголовъ.

Великій князь литовскій Витенесъ быстро отстранилъ и во-

(*) Пруссы или пруссоны изъ наздравин (наздравцы) и бортиин (бортияне), избѣжавшіе гоненія тевтонскихъ рыцарей, нашли убѣжище у в. к. литовскаго Тройдена, который дозволялъ имъ поселиться въ Гроднѣ и Слонимѣ. *Harbat.*

(**) У Балнискаго это событіе отнесено къ 1278 году.

возобновлять укрѣпленія, сдѣлавъ ихъ достаточно сильными, чтобы успѣшнѣе противиться усиліямъ рыцарей, дѣйствія которыхъ, по мѣрѣ возрастанія могущества Литвы, принимали характеръ болѣе рѣшительный и упорный. Въ 1296 году командоръ Зигфридъ (Siegfriede) Рейбергъ напалъ на Гродну съ сильнымъ войскомъ, сжегъ предместья, ограбилъ окрестности, но не могъ взять укрѣпленій. Еще безуспѣшнѣе дѣйствовалъ подъ Гродной, въ томъ же году, Генрихъ Зугшвертъ, который, будучи отраженъ съ значительнымъ урономъ, отступилъ съ поспѣшностью въ Пруссію. Въ 1306 году рыцарь Албертъ Гагелъ, пользуясь отсутствіемъ храбраго Витенеса (*), занятаго войною съ Польшею, напалъ на Гродну, сжегъ предместья, но отъ крѣпости былъ отбитъ съ урономъ; негодуя на такую неудачу, кенигсбергскій командоръ Эбергардъ Вирнембергъ двинулъ противъ Гродны значительный отрядъ, состоявшій изъ 100 рыцарей и 6,000 конницы. Атака замка шла неуспѣшно; осажденные, усиленные подкрѣпленіями, сдѣлали рѣшительную вылазку и вступили въ упорный бой, который продолжался цѣлый день, и окончился полною удачею для гарнизона, ибо неприятель въ ту же ночь отступилъ за Нѣманъ (**). Въ 1311 г. окрестности Гродны опустошилъ Отто фонъ-Берганъ, а въ концѣ этого же года, великій командоръ Генрихъ фонъ-Плецке собралъ грозное ополченіе съ рѣшительною цѣлью овладѣть Гродной, къ чему подавалъ надежду какой-то литовскій дворянинъ, въ благодарность за освобожденіе изъ плѣна. Предувѣдомленный объ этомъ Витенесъ сдѣлалъ распоряженіе къ упорной оборонѣ крѣпости и подъ ея стѣнами расположился съ многочисленнымъ войскомъ. Неожиданное противодѣйствіе дѣятельнаго государя заставило Плецке отступить, съ неудавшеюся надеждою.

Упорство тевтонскаго ордена къ овладѣнію Гродной заставило великаго князя обратить особенное вниманіе на этотъ стратегическій пунктъ еще и потому, что въ немъ хранились значительные склады военныхъ и продовольственныхъ запасовъ. Испытанному искусству рыцарей, у которыхъ военное дѣло стояло на высокой степени совершенства, надлежало противопоставить болѣе прочныя преграды, а потому Витенесъ и наследникъ его Гедиминъ распространяютъ гродненскія укрѣпленія, усиливаютъ гарнизонъ, и первый, въ концѣ своего правленія, назначаетъ военнымъ начальникомъ Гродны сына псковскаго вѣтязя Довмонта, храбраго и благороднаго *Давида*. Послѣ того всѣ усилія опаснѣйшихъ враговъ Литвы къ овладѣнію Гродной, были парализированы благоразумными и рѣшительными дѣйствіями до самой смерти этого славнаго полководца и админист-

*) Витенесъ былъ грозною сосѣдей: въ 24 года своего правленія онъ предпринялъ 11 походовъ въ Пруссію, 5—въ Ливонію и 9 разъ ходилъ въ Польшу. Ярошевичъ т. I, § 24.

***) У другихъ это событіе отнесено къ 1312 году.

стратора, доказавшаго, что при хорошихъ мѣрахъ, литовцо-руссы могли защищаться за укрѣпленіями противъ враговъ, которыхъ война была такъ хорошо знакома и которые, благодаря грабствамъ и опустошеніямъ языческихъ земель, основали на берегахъ Балтійскаго моря сильное государство.

По смерти Давида, послѣдовавшей въ 1326 году, удары рыцарей не прекращались и Гродна, въ теченіе еще многихъ лѣтъ, была предметомъ дѣйствій тевтонскаго ордена, на этотъ разъ болѣе усильныхъ.

Въ 1328 году, при grosмейстерствѣ Вернеръ Орселена, отрядъ изъ 60 рыцарей и 3,000 ратниковъ, послѣ трехъ-недѣльной упорной осады, овладѣлъ крѣпостью, собралъ съ города сильную контрибуцію и опустошилъ окрестности на пространствѣ 6 миль въ окружности Гродны. Но въ 1361 г. рыцари безполезно покушались переправиться близъ Гродны черезъ Нѣманъ.

Мы уже видѣли, что въ послѣдніе годы правленія Витенеса и при Гедиминѣ гродненскою областію управлялъ родственникъ послѣдняго, знаменитый Давидъ, извѣстный подъ именемъ гродненскаго коменданта (каштеляна) и гродненскаго старосты. При Ольгердѣ эта область входила въ составъ Трокскаго княжества, составлявшаго удѣлъ Кейстута, сынъ котораго Витольдъ, получивъ въ замѣнъ княжества Трокскаго и Жмудскаго—Берестье и Подлясье, избралъ Гродну своею столицею и сталъ именоваться *гродненскимъ княземъ*; эту же область утвердилъ за нимъ и дядя его Ягелло въ 1385 году. Сдѣлавшись великимъ княземъ, Витольдъ, какъ истый литвинъ, съ недоувѣрчивостію и подозрѣніемъ смотрѣлъ на внимательство польскаго короля въ дѣла западной Руси, и хотя уважалъ Ягеллу, какъ своего дядю, дѣйствовалъ съ нимъ за одно въ дѣлѣ обращенія язычниковъ въ христіанскую вѣру и водилъ полки свои вмѣстѣ съ воляками противъ тевтонскаго ордена, но всѣми мѣрами старался дѣла Литвы не смѣшивать съ дѣлами Польши. Такое стремленіе Витольда, видѣвшаго въ Ягеллѣ опаснаго врага своего отечества, и незабытая месть за убійство своего отца, мужественнаго Кейстута, съ одной стороны, а съ другой—ненасытное честолюбіе польскаго короля, произвели междоусобную войну, въ которой Гроднѣ суждено было испытать удары попеременно—сперва отъ Ягеллы, потомъ отъ Витольда. Витольдъ, не надѣясь на свои силы, искалъ помощи у тевтонскаго ордена; отправляясь для этого въ Пруссію, онъ оставилъ въ Гроднѣ сильный литовско-русско-нѣмецкій гарнизонъ, подъ начальствомъ рыцаря Маркварда Зальцбаха (Markwarda Salzbacha). Ягелло подступилъ къ городу съ сильнымъ войскомъ, въ мартѣ 1390 года, и тотчасъ осадилъ крѣпость. Витольдъ, пришедши съ рыцарями на помощь, не могъ подать пособія осажденнымъ, потому что весенній разливъ Нѣмана воспрепятствовалъ переправѣ; между тѣмъ въ крѣпости нѣмцы не поддавались литовцо-руссамъ и Гродна сдавалась польскому королю Ягеллѣ. Неутомимый Витольдъ въ слѣдующемъ 1391 году,

въ союзъ съ знаменитымъ гроссмейстеромъ Конрадомъ Валленродомъ, снова осадилъ гродненскую крѣпость и взялъ ее, не смотря на упорную оборону, причемъ значительная часть поляковъ отведена въ плѣнъ въ резиденцію гроссмейстера Мальборгъ (Маріенбургъ), а многіе даже казнены. Въ благодарность за оказанную помощь, Витольдъ позволилъ рыцарямъ поселиться на лѣвой сторонѣ Нѣмана, выстроить тамъ новый замокъ и занять оный нѣмецкимъ гарнизономъ; вновь выстроенный замокъ рыцари назвали Новою Гродной (Neu Garthena) (*). Но въ томъ же году, помирившись съ польскимъ королемъ, Витольдъ былъ вынужденъ, по политическимъ видамъ и по недовѣрчивости къ властолюбивымъ замысламъ ордена, удалить нѣмецкій гарнизонъ, разрушить замокъ Новую Гродну, а въ старомъ — поставить гарнизонъ литовско-русскій. Оскорбленный измѣнчивостью политики великаго князя, гроссмейстеръ направилъ къ Гроднѣ сильное войско подъ предводительствомъ маршала Вернера фонъ-Тетингенъ и командора Вильгельма фонъ-Гельфенштейнъ, которымъ сопутствовали многіе французскіе и нѣмецкіе рыцари. На третій день осады Гродна пала, причемъ погибло до тысячи человекъ гарнизона, а 3,000 отведено въ плѣнъ, верхній и нижній замокъ разрушены, городъ сожженъ и окрестности опустошены. По примиреніи съ орденомъ, Витольдъ отстроилъ городъ, возобновилъ укрѣпленія, и, прибывъ въ Гродну въ 1398 году со всѣмъ своимъ дворомъ, многими литовскими вельможами и съ повѣренными гроссмейстера: Вильгельмомъ фонъ-Гельфенштейнъ, Конрадомъ графомъ Квебургъ, Марквардомъ фонъ-Зальцбахъ и Иоанномъ фонъ-Шенфельдъ, заключилъ 23 апрѣля союзъ, по которому ордену уступлена Самогитія, а границею великаго княжества признана черта, проходящая отъ Саливандера до Нарвы.

Съ концомъ XIV столѣтія прекращается двухвѣковая брань, въ которой Гродна испытывала тяжкіе удары честолюбія, жестокости и алчности чужеземцевъ; въ началѣ XV вѣка надъ нею взошла заря мира, тишины и спокойствія; жителямъ улыбнулась жизнь болѣе привольная, а самый городъ отстранялся и улучшался, такъ что въ концѣ XVIII столѣтія готовъ былъ оспаривать первенство у Вильны. Мрачныя тучи нависли надъ нимъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій; но бѣдствія, постигшія городъ, на этотъ разъ были непродолжительны и удобовосприимчивы.

Еще въ 1413 году Гродненское и Троцкое княжества образовали Троцкое воеводство, которое простиралось по западной границѣ великаго княжества и граничило на югѣ по р. Нарвѣ съ княжествомъ Володимірскимъ, составлявшимъ часть бывшаго королевства Галицкаго, а на западѣ по рр. Нѣманъ

(*) Вообще въ тевтонскомъ орднѣ Гродна была известна подъ названіемъ Garthena, Garthen, а прилегающая къ нему страна называлась Land Garthen.

и Бобру съ Мазовіей, какъ свидѣтельствуеть положеніе комисіи, назначенной въ 1358 году въ Гроднѣ, для опредѣленія границъ Литвы со стороны Мазовіи. Гродненскій уѣздъ (*), составлявшій южную часть Трокскаго воеводства, граничилъ въ 1501 году— на сѣверѣ съ Ковенскимъ уѣдомъ, на западѣ съ Пруссіей, на югѣ по р. Супрасли съ воеводствомъ Подлясскимъ (Подляшскимъ), на востокѣ съ воеводствомъ Новогрудскимъ, на сѣверо-востокѣ съ Лидскимъ уѣдомъ, до р. Ротнички. Стало быть, Гродненскій уѣздъ въ то время заключалъ нѣкоторыя уѣзды Гродненскій и Сокольскій и часть уѣзда Бѣлостокскаго; западная часть его по лѣвому берегу Нѣмана, до границъ Пруссіи, называлась Запуцанскимъ трактомъ.

Витольдъ, его наслѣдники на велико-княжескомъ престолѣ и многіе польскіе короли часто пребывали въ Гроднѣ и рѣшали въ немъ важныя государственныя дѣла обѣихъ государствъ.

Въ 1414 году Ягелло съ Витольдомъ провелъ въ Гроднѣ Рождество Христово и устранялъ вновь возникшія недоразумѣнія съ великимъ княземъ. Отсюда въ 1416 году Ягелло писалъ къ германскому императору Сигизмунду, жалуясь на орденъ за то, что онъ возмущаетъ его подданныхъ въ Литвѣ, входитъ въ сношеніе съ мятежными вассалами и мѣшаетъ устроить черезъ Нѣманъ переправу, и послалъ въ подарокъ убитаго на охотѣ зубра. Отсюда въ 1418 году, король, въ сопровожденіи королевы Елисаветы, гроемейстера Кухмейстера и многихъ сенаторовъ, отправился по Нѣману на достопамятный сѣздъ въ Веллону; здѣсь въ томъ же году Витольдъ вступилъ въ третій бракъ съ Іуліаніей, въ присутствіи короля, королевы, литовскихъ и польскихъ вельможъ и иностранныхъ гостей. Здѣсь въ 1425-мъ году Ягелло велъ переговоры съ гроемейстеромъ Кухмейстеромъ, касательно опредѣленія точныхъ границъ между Польшею и Пруссіей; переговоры кончились едва осенью 1426 года на охотѣ.

О частомъ пребываніи въ Гроднѣ наслѣдника Витольда, Свибригайла, доказываютъ договоры и официальная переписка, веденная имъ отсюда съ особою дѣятельностью, въ 1432 году, съ Польшею и орденомъ, результатомъ которой былъ сѣздъ въ Торнѣ. Въ заботливости о развитіи торговли, Свибригайло вступилъ въ сношеніе съ иностранцами, особенно съ слезянами, которые доставляли хорошее сукно, и письмами изъ Гродны приглашалъ ихъ въ Литву.

Въ 1432 г. Сигизмундъ Кейстutowичъ (17 октября), вопреки совѣту лучшихъ бояръ, подписалъ актъ подданства и присяги на вѣрность польскому королю.

По смерти Владислава III, погибшаго подъ Варною, поляки въ 1445 году, въ торжественномъ посольствѣ, отправленномъ въ Гродну, предложили Казиміру польскую корону, ко-

(*) Воеводство составляли: Трокскій, Ковенскій, Упитскій и Гродненскій уѣзды.

тору ю онъ, послѣ убѣдительноѣйшей просьбы пословъ, хода тайства матери своей, четвертой супруги Ягелла, Софіи княжны Ольшанской (*), и многократныхъ совѣщаній съ своими боярами, едва согласился принять. Продолжительное правленіе Казимира немало способствовало къ улучшенію состоянія Гродны, въ которой онъ провелъ большую половину своего царствованія. Казимиръ, еще будучи великимъ княземъ, призналъ Гродну вмѣстѣ съ *Дрогичиномъ* и *Брестомъ* въ числѣ лучшихъ городовъ (*celniejsze miasta*) великаго княжества, а въ 1444 году даровалъ Гроднѣ магдебургское право. Привиллегія эта обращена въ законъ на бѣльскомъ сеймѣ въ 1564 году, а признанное за Гродной значеніе подтверждено во 2-мъ изданіи Литовскаго Статута. Король этотъ скончался въ Гроднѣ, въ 1492 году 7 іюля, отъ водяной болѣзни.

Король Александръ дозволялъ жителямъ имѣть: ратушу и собственное городское управленіе, свою мэру, вѣсы, воскобойню и баню, построить мельницу при устьѣ Городничанки; освободилъ отъ пошлянъ продажу вина; подарилъ городу плацы или земли, по лѣвую сторону Нѣмана, съ дозволеніемъ построить тамъ форштадтъ и селиться въ немъ вновь прибывающимъ; учредилъ въ Гроднѣ три однопедальныя ярмарки; утвердилъ привиллегію, дарованную городу въ 1444 году отцемъ его Казимиромъ IV, на основаніи которой мѣщане имѣли право покупать земли, сѣнокосы, даже населенныя деревни и пользоваться лѣсомъ и сѣнокосами въ Прутчанской казенной пушчѣ.

Въ 1506 году, знаменитый князь Глинскій, осужденный впослѣдствіи поляками на изгнаніе изъ отечества, умертвилъ въ Гроднѣ великаго литовскаго маршала Забржезинскаго въ собственномъ его домѣ. Въ 1522 году постановлено на гродненскомъ сеймѣ не допускать иновѣрцевъ ни къ какимъ государственнымъ должностямъ. Однако Сигизмундъ I, снисходя къ усиленнымъ просьбамъ сенаторовъ и другихъ русскихъ и литовскихъ вельможъ, постановилъ вышеозначенный законъ относить только къ гражданскимъ должностямъ; избраніе же митрополита Руси предоставлялъ ихъ собственному усмотрѣнію.

Сигизмундъ I и сынъ его Сигизмундъ II Августъ, еще будучи великимъ княземъ въ 1543 году, пробылъ въ Гроднѣ довольно долгое время и охотился въ пушчахъ, въ присутствіи всего литовскаго двора. При немъ въ іюнѣ 1568 года былъ первый генеральный сеймъ чиновъ короны (Польши), Литвы и Руси, достопамятный тѣмъ, что его конституціей во 1-хъ утверждены всѣ права и привилегіи города Вильны и даровано ему особое преимущество, заключавшееся въ томъ, что виленскіе мѣщане, за усердную службу въ городскихъ должностяхъ, получали право дворянства; во 2-хъ утверждено право дворянства всѣмъ литовскимъ татарь и въ 3-хъ дарованы дворянству многія права и преимущества, единственно съ тою

(*) Сладуя Нарбуту; но другимъ Софія была княжна кievская.

цѣль, чтобы приготовить и расположить литовцевъ къ окончательному соединенію съ Польшею, послѣдовавшему въ 1569-мъ году, на генеральномъ сеймѣ въ Люблинѣ.

Особенно же благоволила къ Гроднѣ королева Бона, супруга Сигизмунда I, подѣ непосредственнымъ вѣдѣніемъ которой выходила гродненская экономія. Она строго слѣдила за порядкомъ и правосудіемъ въ городѣ, правильностью расходованія городскихъ суммъ, за безопасностью отъ пожара, исправностью мостовъ и чистотою въ городѣ. Изъ льготъ (przywilei) той же королевы, 25 июля 1541 года, видно, что въ Гроднѣ, какъ и въ Вильнѣ, кромѣ одного городского президента или войта (vocht), всѣхъ чиновъ городского управленія, какъ то: бурнистровъ, гласныхъ, сборщиковъ, было по два—одинъ литовскій, другой русскій, чѣмъ доказывается двойное происхожденіе жителей.

Но блистательнѣйшею эпохою для Гродны было царствованіе Стефана Баторія: здѣсь онъ рѣшалъ государственныя дѣла, принималъ разныхъ пословъ, обдумывалъ планы военныхъ дѣйствій, здѣсь отдыхалъ по окончаніи походовъ, здѣсь часто жилъ, здѣсь и окончилъ свою жизнь этотъ знаменитый король и полководецъ, 12 декабря 1586 года. Стефанъ Баторій первый разъ прибылъ въ Гродну въ 1579 году, потомъ въ 1581 году принималъ здѣсь пословъ Іоанна Васильевича Грознаго, въ 1582— созвалъ сюда совѣтъ сенаторовъ для разсмотрѣнія притязаній Швеціи, въ 1584— рѣшилъ важныя дѣла, касающіяся г. Данцига и принималъ Герберта, посланника королевы англійской; здѣсь тоже, въ 1586-мъ году, кородемъ Стефаномъ рѣшено было дѣло рижскихъ жителей, которые не хотѣли принять новаго лѣтосчисленія.

Достопамятнѣйшія благодѣянія короля Баторія для Гродны были: грамотою 5 ноября 1576 года, данною въ Торнѣ, онъ утверждалъ всѣ льготы, дарованныя Гроднѣ его предѣстниками; постановилъ, чтобы мелкая соль, доставляемая изъ Гданьска и Королевца, не шла по Нѣману выше Гродны, для чего учредилъ здѣсь соляной магазинъ и предоставилъ городу право исключительной продажи соли; освободилъ горожанъ отъ платежа поземельнаго, а также отъ уплаты пошлинъ за винокурни и пивоварни, наконецъ король Стефанъ Баторій построилъ на крутомъ возвышенномъ берегу, при впадѣніи р. Городничанки въ Нѣманъ, вмѣсто деревяннаго— каменный замокъ, укрѣпилъ его и сдѣлалъ почти неприступнымъ, окруживъ глубокимъ рвомъ (*).

Немаловажныя льготы даровалъ Гроднѣ и Сигизмундъ III Ваза, 2 февраля 1589 года, подтвердивъ его прежнія права и преимущества, увеличивъ всѣ статьи городского дохода и осво-

(*) Нынѣ такъ называемый Старой Замокъ, отъ котораго уцѣлѣла только часть стѣны. Впослѣдствіи черезъ прокопъ устроенъ каменный мостъ, соединяющій Старый Замокъ съ Новымъ.

бодивъ отъ военнаго поста. Постановленіемъ сейма въ Краковѣ, 28-го декабря 1588 года, гродненская экономія (*), съ г. Гродной, назначена столовыми королевскими имѣніями, т. е. доходы съ оной шли на содержаніе королевскаго двора. По повелѣнію короля Сигизмунда III, построенъ въ Гроднѣ на Нѣманѣ деревянный мостъ, которому, по мнѣнію Старовольскаго, не было подобнаго въ Литвѣ и Польшѣ.

Владиславъ VI часто жилъ въ Гроднѣ; въ 1633 году, онъ принималъ венеціанское посольство, а въ 1639 году великолично угощалъ Георгія-Вильгельма, курфюрста бранденбургскаго.

Тогда Гродна была красивымъ и многолюднымъ городомъ. Несчастныя событія, разразившіяся надъ Польшою и Литвою при королѣ Іоаннѣ-Казимірѣ, коснулись и Гродны. Здѣсь въ 1653 году, передъ брестскимъ сеймомъ, литовскіе сенаторы совѣщались о мѣрахъ, какія слѣдовало принять противъ враговъ своего отечества. Черезъ два года (1655), царь Алексѣй Михайловичъ, овладѣвъ почти всею Литвою, занялъ Гродну, опустошенную пожаромъ, отъ котораго сгорѣла большая часть города. Вскорѣ пришелъ въ Литву побѣдоносный пшеды, и занималъ Гродну четыре года. По окончаніи виѣшнихъ войнъ, изнурившихъ Польшу и разстроившихъ благосостояніе Литвы, городъ возобновился медленно. При королѣ Михаелѣ, конституціею 1675 года, Гродна назначена мѣстомъ обыкновенныхъ законодательныхъ генеральныхъ сеймовъ, кромѣ экстраординарныхъ или по необыкновеннымъ-какимъ либо случаямъ созванныхъ, равно кромѣ сеймовъ для избранія короля, которые обыкновенно были въ Краковѣ, а со времени Сигизмунда III въ Варшавѣ.

Въ 1678 г., въ Гроднѣ, подъ предсѣдательствомъ Франциска Сапѣги, былъ первый генеральный сеймъ, на которомъ, между прочимъ, совместно съ російскими посланми, клятвенно утверждены андруссовскій договоръ и продолжено перемиріе съ царемъ Феодоромъ Алексѣевичемъ, а также заключенъ съ Россіею союзъ противъ Турціи; однако же послы и сеймовые депутаты разѣхались, по окончаніи сейма, жалуясь, на невыгоды и неудобства помѣщенной города, въ то время еще душно обстроенаго. Другой генеральный сеймъ былъ въ 1688 г., въ присутствіи короля Іоанна III, его супруги Маріи-Казиміры, всего королевскаго двора и дипломатическаго корпуса (**), продолжавшійся съ конца января до половины марта, въ безпрестанныхъ спорахъ депутатовъ, которыхъ поддерживали Сапѣги противъ короля и его семейства. Споры и несогласія продолжались пять недѣль; сеймъ былъ прерванъ по интригамъ Домбровскаго и депутаты

(*) Гродненская экономія состояла изъ слѣдующихъ имѣній и сохаварковъ: Городница, Новый Дворъ, Лавно, Крички, Одельскъ, Красникъ, Кузница, Котра, Скидель, Верцелишки, Езіоры, Салаты, Мильковщина, Мосты.

(**) На этомъ сеймѣ присутствовали: папскій нунцій архіепископъ кесарійскій, германскій посланникъ баронъ Зоравскій, французскій—маркграфъ Бетюнь, бранденбургскій—графъ Дона, и посланникъ російскій.

разъѣзжались, не сдѣлавъ никакого постановленія. Напрасно король созвалъ совѣтъ сенаторовъ: страсти бушевали и король долженъ былъ выслушать оскорбительныя объясненія отъ своихъ недоброжелателей. Третій сеймъ въ 1693 г., подъ предсѣдательствомъ Михаила Кириешштейна, также остался безъ всякаго послѣдствія.

Въ Гроднѣ, въ 1705 году, было свиданіе Августа II съ Петромъ I, который прибылъ сюда съ значительною вспомогательною арміею, согласно заключенному въ 1704 году наступательному и оборонительному союзу противъ Карла XII; договоръ этотъ теперь былъ утверждёнъ здѣсь въ такъ называемомъ *великомъ союзѣ* (Wielka gada), причемъ приняты строгія мѣры противъ партіи Сапегинской, враждебной королю и дѣйствовавшей за одно съ шведами; постановленія короля Станислава Лещинскаго отвергнуты; определено количество податей и число войскъ, какое слѣдовало выставить; по недостатку звонкой монеты, разрѣшено чеканить новую и установленъ орденъ Благаго Ораа съ девизомъ: Pro fide, lege et rege. Отсюда Петръ I, по окончаніи дѣйствій упомянутаго совѣта, отправился въ Россію, оставивъ вспомогательное войско въ полное распоряженіе союзника.

Между тѣмъ шведскій король Карлъ XII, рѣшивъ вытѣснить Августа II изъ всѣхъ его владѣній, двинулся въ Литву, въ концѣ декабря 1705 года, изъ Варшавы на Гранино, Тыкоцинь и прибылъ къ Гроднѣ 15 января 1706 года. Движеніе это, среди местовой стужи, было такъ быстро и неожиданно, что союзники едва успѣли сосредоточить въ городѣ 45 баталіоновъ пѣхоты и 6 драгунскихъ полковъ. Армія Карла, не считая войскъ Потockаго и Сапегги, состояла изъ 8 пѣхотныхъ, 4 драгунскихъ и 5 кавалерійскихъ полковъ. Карлъ перешелъ черезъ Нѣманъ въ трехъ верстахъ выше Гродны и сталъ на сообщеніяхъ союзной арміи, которая отступила къ Гроднѣ подъ прикрытіе сильныхъ оконцовъ, построенныхъ на правомъ берегу Нѣмана, вокругъ всего города, и обонни флангами приныкавшихъ къ рѣкѣ *). Сильная оборона этихъ оконцовъ заставила Карла, послѣ рекогносцировки, произведенной 15-го января изъ дер. Деятовцевъ, перевести свою армію на кантонирь-квартиры за 10 верстъ отъ города. Въ такомъ положеніи обѣ арміи оставались всю зиму и терпѣли сильный недостатокъ въ продовольствіи; жители края разбѣжались, закопавъ въ землю всѣ припасы. Шведская армія должна была расширять мало по малу свое квартирное расположеніе, болѣе и болѣе отдаляясь отъ города; наконецъ она была расположена уже въ 40 верстахъ отъ Гродны. Это дало возможность части союзной арміи скрытно уйти изъ своего заключенія. Узнавъ объ отступленіи короля Августа, который увелъ съ собою, не только всю самсонскую кавалерію, но и 4 русскихъ драгун-

*) Остатки этихъ оконцовъ можно видѣть за Скидельской заставой, по правой сторонѣ дороги, близъ православнаго кладбища.

скихъ полка, Петръ 1-й, находясь въ Дубровкѣ, приказалъ фельдмаршалу Огильви, оставленному въ Гроднѣ съ остатками союзной арміи, не вступая въ бой, найти удобный случай скрытно вывести войска изъ Гродны. Такой случай скоро представился. Когда по вскрытіи Нѣмана, ледъ разломалъ непрочный мостъ, построенный шведами въ мѣстечкѣ Оран, выше Гродны, тогда союзная армія спокойно перешла по мосту, болѣе прочному въ Гроднѣ. Переправа продолжалась три дня. 30 марта Огильви былъ уже на лѣвомъ берегу Нѣмана, оставивъ въ Гроднѣ въ видѣ арріергарда драгунскій полкъ Горбова. Шведскій король, переправясь черезъ Нѣмень, по вѣномъ построенному мосту, едва 3 апрѣля, не могъ уже нагнать русской арміи, которая безостановочно двигалась черезъ Брестъ въ Припять.

Въ 1708 году, узнавъ о движеніи шведовъ къ Гроднѣ, Петръ I самъ отправился къ этому городу 21 января изъ Дзенціола. Но обманутый ложнымъ извѣстіемъ, что съ Карломъ все шведская армія, царь двинулся въ Вильну, оставивъ для обороны Гродны и переправы черезъ Нѣманъ бригадира Мюллендорфа съ 3,000 кавалеріи. Устрашенный извѣстіемъ о многочисленности непріятеля, Мюллендорфъ оставилъ городъ въ рукахъ непріятеля, не уничтоживъ даже моста. Но, по приказанію Петра I, Мюллендорфъ атаковалъ внезапно городъ, въ ночь съ 27 на 28 января, и, пользуясь замѣшательствомъ, ворвался безпрепятственно, однако подъ конецъ былъ отбитъ и, приговоренный къ смерти, бѣжалъ къ шведамъ. Въ теченіе наступившаго дня въ Гродну пришла шведская армія.

Такимъ образомъ въ сѣверную войну Гродна привлекла вниманіе двухъ могучихъ государей сѣвера; подъ его стѣнами разыгрывалась драма упорная и жестокая, хотя не столько знаменитая, какъ разыгранная въ 1709 году на поляхъ полтавскихъ.

По смерти Карла XII, Станиславъ Лещинскій, потерявъ всю надежду на польскую корону, ухажалъ за границею, а король Августъ II, утвердившись на престолѣ, въ 1718 году созвалъ генеральный сеймъ въ Гроднѣ, достопамятный тѣмъ, что на немъ уничтожены права инновѣрцевъ (*dyssydentów*) и нарушена неприкосновенность сеймоваго депутата, изгнаніемъ изъ сейма Петровскаго, депутата великопольскаго (диссидента). Другой замѣчательный сеймъ въ Гроднѣ былъ въ 1726 году, когда, въ присутствіи многихъ иностранныхъ посланниковъ*), разсуждали о назначеніи герцога курляндскаго, въ случаѣ смерти послѣдняго изъ Кетлеровъ, бездѣтнаго Фердинанда. Курляндскіе штаты избрали наследникомъ герцога Морица Саксонскаго**), незаконнорожденнаго сына Августа II; но эти выборы оставлены безъ вниманія, и Курляндія была присоединена къ Польшѣ. На этомъ же сеймѣ постановлено, чтобы особыя ком-

*) Французскаго, англійскаго, російскаго, прусскаго и голландскаго.

**) Виссавдстайн французскій маршалъ де-Саксъ *Maréchal de Saxe*.

ишеры занялись окончательнымъ раздѣленіемъ литовской Руси на воеводства, съ сохраненіемъ правъ и привилегій, и обезпеченіемъ спокойствіе диссидентомъ.

Уже прежде было замѣчено, что сеймовые депутаты жаловались на тѣсноту помѣщенія въ Старомъ Замкѣ. Жалобы эти повторялись неоднократно, а потому Августъ II приказалъ построить вблизи Старого, Новый Замокъ, что нынѣ военный госпиталь. Въ Новомъ Замкѣ особенно замѣчательны были обширностію и великолѣпіемъ залы: сенаторская, депутатская, общаго собранія, канцелярія или дворцовая церковь, а вокругъ этого замка построено много примѣчныхъ каменныхъ зданій для канцелярій, службъ, сараевъ и конюшенъ. Сеймъ въ 1768 году назначилъ на нѣкоторыя исправленія замка и на мебель 300,000 злот. польск., и сверхъ того ежегодно на ремонтъ по 10,000 злот. По опредѣленію сейма варшавскаго въ 1775 году, перенесены въ Гродну каденція главнаго суда или трибунала изъ Минска и Новогрудка. Еще были здѣсь сеймы въ 1778 и 1781 годахъ, на которыхъ сдѣлано много полезныхъ для этого края постановленій. Наконецъ на послѣднемъ гродненскомъ сеймѣ, продолжавшемся съ 17 июня по 21 декабря 1793 года, утверждена второй раздѣлъ Польши и распущена торговничья коннедерація. Здѣсь 25 декабря 1795 года, король польскій Станиславъ-Августъ въ гродненскомъ Новомъ Замкѣ подписалъ отреченіе отъ престола и короны польской, а 15 февраля 1797 года выѣхалъ изъ Гродны въ Петербургъ.

Вообще сеймы XVIII столѣтія часто совѣщались относительно обезпеченія городской собственности и сильно заботились о поднятій упавшаго благосостоянія горожанъ, вслѣдствіе непрерывныхъ войнъ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій. Однако, во второй половинѣ послѣдняго вѣка, Гродна была уже однимъ изъ лучшихъ городовъ въ Литвѣ и Польшѣ. Такому высокому значенію, выше котораго никогда не достигалъ этотъ городъ, онъ обязанъ знаменитому своему старостѣ Тишенгаузу, подскарбію великаго княжества Литовскаго. Одаренный силою творческаго генія, обширнымъ и высокимъ отъ природы умомъ и благороднѣйшимъ сердцемъ, Тишенгаузъ въ короткое время, въ продолженіе десяти лѣтъ, грязный городъ, въ которомъ смѣренно выселись вершины христіанскихъ храмовъ и, какъ осиротѣлый, стоялъ королевскій замокъ, изрядка посрамленный бурными и несогласными сеймами, успѣлъ отстроить и украсить новыми зданіями, вывелъ жителей изъ обычной тому городу будничной апатіи и поставилъ Гродну средоточіемъ промышленности и просвѣщенія всей Литовской Руси. Сперва онъ учредилъ въ Гроднѣ, подъ управленіемъ Якова Бею, *кутешскую контору*, приобрѣтшую значительный кредитъ за границу, причемъ шло въ виду облегчить обихъ сырыхъ матеріаловъ—хлѣба, пеньки, дерева, потапу, на такіе иностранные матеріалы, безъ которыхъ не могли обойтись гродненскія фабрики. Потомъ открылъ *ветеринарное учи-*

лице, которое подъ руководствомъ доктора и профессора изъ Монпелье, Жильберта, преобразовано было въ медицинскій институтъ. При этомъ институту устроены были: отащенный ботаническій садъ, библиотека, музей естественной исторіи и особое отдѣленіе повивальнаго искусства. Затѣмъ образовала школу земледельцевъ и образцовое хозяйственно-административное отдѣленіе, для приготовленія способныхъ къ сельскому хозяйству управляющихъ. Не ограничиваясь этимъ, Тизенгаузъ учредилъ въ Гроднѣ кадетскій корпусъ для воспитанія литовско-русскаго юношества и основалъ школу строительнаго искусства. Образование въ этихъ заведеніяхъ привязано было къ нуждамъ общественнымъ, вмѣсто прежняго іезуитскаго наставленія, гибельнаго для общества. Тизенгаузу Гродна обязана также улучшеніемъ типографіи, оставшейся послѣ іезуитовъ, и заведеніемъ словолитни, которая немалое время снабжала и виленскихъ типографчиковъ печатью. Для оживленія Гродны, Тизенгаузъ устроилъ постоянный театръ, открылъ училище балета и составилъ оркестръ, которымъ управляли иностранцы, обучавшіе мальчиковъ и дѣвочекъ, выбранныхъ изъ экономическихъ крестьянъ. Для балета же выписаны были Ледуксъ, братья Петтинети, Кавтанъ и Людовикъ. Чтобы оживить промышленную дѣятельность и торговлю, Тизенгаузъ выписалъ изъ Германіи и Голландіи искусныхъ мастеровъ, а въ той части города, называемой Городницю, гдѣ помѣщены были всѣ означенныя заведенія, въ особыхъ каменныхъ домахъ, подъ руководствомъ извѣстнаго Якова Бекю, устроилъ рязныя фабрики: а) фабрику тонкаго полотна, особенно скатертей и салфетокъ, съ отличной бѣлизной, устроенной на р. Лососнѣ; б) фабрики лучшаго сукна, холста, кисей, шелковыхъ тканей, шелковыхъ и шитыхъ золотомъ кушаковъ; в) фабрики шляпъ, булавокъ, прядильни шерсти, шелку и бумаги, и г) фабрики экипажей, на подобіе парижскихъ. Сверхъ того, Тизенгаузъ открылъ нѣсколько богоугодныхъ заведеній, а именно: челолюбиваго общества, госпитали для городскихъ жителей и фабрикантовъ и воспитательный домъ для подкидышей или дѣтей незаконнорожденныхъ, и устроилъ ботаническій садъ на Городницѣ. Въ саду этомъ въ короткое время были собраны весьма рѣдкія растенія, частію покункою за границею, частію же посредствомъ подарковъ отъ знаменитыхъ ботаниковъ того времени: Палласа въ Петербургѣ, Жакена въ Вѣнѣ и Солагдера въ Англій, или ивною туземныхъ растеній на заграничныхъ изъ садовъ страсбургскаго и единбургскаго. Дѣятельность и предпримчивость этого знаменитаго мужа, этого истиннаго благодѣтеля города Гродны болѣе и болѣе усилилась; не преходило нѣсяца, чтобы въ головѣ его не рождалась новая мысль, новый планъ для украшенія города и усиленія въ немъ промышленной дѣятельности и торговли. Неизвѣстно на чемъ остановилась бы предпримчивость Тизенгауза. Съ его паденіемъ исчезли всѣ учрежденія, которыя съ своимъ разви-

тѣхъ могли бы поставить Гродну на высокую степень благосостоянія: фабрики закрыты, фабриканты разѣхались или остались въ крайней бѣдности, учебныя заведенія уничтожены или перенесены въ разныя мѣста; медицинскій институтъ, со всѣми принадлежностями, въ 1781 году перенесенный въ Вильну, послужилъ основаніемъ медицинскаго факультета при университетѣ; бібліотека досталась гродненскому училищу доминикановъ, изъ котораго впоследствии образовалась губернская гимназія; садъ, въ которомъ старательно собирались деревья съ разныхъ странъ Европы и даже изъ Америки, далъ начало ботаническому саду при виленскомъ университетѣ; астрономическіе, механическіе и физическіе инструменты поступили частью въ виленскую обсерваторію, частью же достались губернской гимназіи. Оркестръ и балетъ переведены въ Варшаву, произведя фуроръ даже въ тамошней изысканной публикѣ. Такии-то образомъ вдругъ исчезли въ Гроднѣ учрежденія Тизенгауза къ улучшенію сельскаго хозяйства, ремеслъ и мануфактуръ, въ дѣлѣ развитія, просвѣщенія и оживленія торговли, не только Гродны, но и всей страны. Съ тѣхъ поръ ушла и самая Гродна, сохранивъ на Городницѣ въ нѣсколькихъ домахъ, потерявшихъ свое прѣжнее назначеніе, и на берегахъ Лососны (въ 2-хъ верстахъ отъ Гродны), въ развалинахъ нѣсколькихъ каменныхъ домовъ, память о предпримчивости гениальнаго Тизенгауза.

Однако выгодное коммерческое положеніе и слава о прошедшихъ событіяхъ обратили вниманіе нашего правительства на этотъ городъ, ибо вскорѣ, по присоединеніи Гродненской губерніи къ Россіи, въ 1802 году онъ признанъ городомъ губернскимъ.

По недостатку данныхъ, мы не можемъ судить о послѣдующемъ развитіи Гродны до настоящаго времени; можемъ сказать только, что теперь она весьма мало разнится отъ большей части губернскихъ городовъ Имперіи, хотя въ послѣдніе годы сдѣлано много попытокъ для ея улучшенія.

(Матер. для Геогр. и Стат. Россіи).

II. Бобровскій.

III.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ „ГОЛОСУ“.

Некоторые люди, известнаго настроенія, ежели бывают поставлены въ необходимость похвалить кого-нибудь, или отстаивать чьи-либо интересы, обыкновенно употребляют *манеру* хвалить, или отстаивать въ такомъ родѣ: „N. N. очень умный, честный человекъ, и безъ всякаго сомнѣнія сдѣлаеть очень много добра, хотя, впрочемъ, онъ часто выдѣлываетъ такія глупости и гадости, что отъ него никакъ не можно ожидать ничего добра.“ Или: „вся эта земля, безспорно, принадлежитъ г-ну N; въ его пользу говоритъ не только свидѣтельство всѣхъ современниковъ, но даже историческіе документы,— однакожъ противникъ его, въ свидѣствіе разныхъ обстоятельствъ, объявляющій свои права на эту землю, не менѣе твердъ въ своихъ основаніяхъ, на которыхъ онъ утверждаетъ свои притязанія.“ Это значитъ: чему хочешь, тому и вѣрь, или—помоги Богъ и нашимъ и вашимъ.— Такой именно *манера* всегда слѣдуетъ с. петербургская газета „Голосъ“, когда говоритъ о русскихъ интересахъ въ столкновеніи ихъ съ польскими интересами; а случается говорить объ этомъ въ нынѣшнее время такъ много, что „Голосъ“ почти въ каждомъ своемъ номерѣ прибѣгаетъ къ этой *манерѣ*. За такіе свои подвиги, „Голосъ“, отъ всѣхъ благомыслящихъ людей, заслужилъ уже названіе „*полонофильской газеты*“, а некоторые называютъ ее даже „*исуитскою*“, въ смыслѣ лукавства и двоядушія. Оба эти названія не только не противорѣчатъ одно другому, но еще превосходно дополняютъ одно другое.

Такъ-какъ мы теперь пишемъ еще не полное и совершенное обвиненіе „Голоса“ въ его антипатріотическомъ, т. е. въ антирусскомъ направленіи, но только рѣшаемся сдѣлать ему, по-

каждѣсть, маленькое предостереженіе, то и беремъ, на выдержку, только два ММ „Голоса“, 265-й и 269-й нынѣшняго (*) 1865 года.

Въ 265 М „Голосъ“ озаглавилъ свою передовую статью такъ: „Положеніе дѣлъ въ Югозападномъ Краѣ.“ На эту статью мы теперь и просимъ читателей обратить вниманіе.

На первыхъ строкахъ этой статьи, вниманіе читателя поражается слѣдующимъ мнѣніемъ, чрезвычайно вопиющимъ противорѣчіямъ: „въ десяти губерніяхъ западнаго края преобладающая масса русскаго населенія задерживается въ своемъ политическомъ развитіи, въ слѣдствіе того справедливаго недовѣрія, которое питаетъ правительство къ тамошнему одицеству польскихъ землевладѣльцевъ, протѣкающему, идею польской національности.“ А чрезъ восемь строкъ послѣ того высказывается слѣдующее мнѣніе: „преобладающая, крупная польскихъ землевладѣльцевъ наиболее парализуется развитіе сплошной массы православнаго населенія на поприщѣ гражданской жизни.“— По сведеніи этихъ мнѣній воедино, выходитъ вотъ-что: сплошная, преобладающая масса православно - русскаго народа въ десяти западныхъ губерніяхъ задерживается въ своемъ политическомъ развитіи именно потому, что правительство не довѣряетъ тамошнимъ полякамъ—землевладѣльцамъ. Перестань только правительство не довѣрять тамошнимъ полякамъ, и тамошніе русскіе люди тотчасъ начнутъ развиваться и блаженствовать (каково?!). Если правительство „справедливо недовѣряетъ тамошнимъ полякамъ и чрезъ такое справедливое недовѣріе затрудняетъ политическое развитіе тамошняго русскаго населенія, то оно, для блага и развитія этого населенія, должно бы, кажется, рѣшиться даже на несправедливость, т. е. должно перестать не довѣрять тамошнимъ полякамъ. Впрочемъ развитіе сплошной массы тамошняго православнаго населенія на поприщѣ гражданской жизни наиболее парализуется преобладаніемъ крупныхъ польскихъ землевладѣльцевъ, которыхъ— слѣдовательно— не должно довѣрять. Слѣдовательно— само правительство поставлено въ необходимость задерживать политическое развитіе тамошняго русскаго населенія. Куда ни обороти, какъ ни поверни это мнѣніе, а конецъ выходитъ одинъ: пора правительству— дескать— перестать задер-

(*) Статья писана въ прошломъ году; теперь „Голосъ“ пустился въ патриотизмъ. Ред.

жить политическое развитіе русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ, т. е. перестать не довѣрять тамошнимъ полякамъ. А чтобъ читатели не подумали, что „Голосъ“ благопріистствуетъ полякамъ, то вѣдь онъ самъ указываетъ на крупныя польскія землевладѣльцевъ, какъ на причину, парализующую тамошнее развитіе. Совершенно по-іезуитски! Самъ генералъ іезуитскаго ордена не сдумалъ бы искуснѣе запутать истину и вывернуться отъ ответственности!

Къ числу энергическихъ мѣръ, для скорѣйшаго политическаго развитія русскаго населенія въ западныхъ губерніяхъ, (говорить „Голосъ“) *относили замѣну вѣсть польскихъ чиновниковъ русскими.*“ Посвятивши всю свою передовую статью обсужденію этой мѣры, „Голосъ“ прежде всего самъ себя спрашиваетъ: *„что собственно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ; русскію въ югозападномъ краѣ?“*— Православную вѣру „Голосъ“ не признаетъ непремѣннымъ условіемъ русскаго человека. Вотъ подлинныя слова „Голоса“: *„Во враждѣ двухъ національностей (т. е. польской и русской) играетъ роль не религія, а цивилизація. Религія въ этомъ случаѣ была дѣйствующимъ элементомъ только въ слѣдствіе своей связи съ цивилизаціей, и во всякомъ случаѣ служитъ скорѣе средствомъ (къ чему?) нежели цѣлю.“*— Приглашаемъ читателей прислушаться къ іезуитскимъ хитросплетеніямъ въ этихъ словахъ „Голоса“. Религія была дѣйствующимъ элементомъ во враждѣ польскаго племени къ русскому; религія была средствомъ къ ополченію русскаго человека (припомните унию); и между тѣмъ религія вовсе не имѣла цѣли ополчивать русскихъ, и во враждѣ двухъ національностей вовсе не религія играла роль, но цивилизація... Согласитесь, мастерская игра словъ и путаница понятій! Авторъ „Роковаго Вѣща“ долженъ сожалѣть, что онъ не научился этому мастерству у „Голоса“.

Далѣе „Голосъ“ говоритъ, что законъ 30хъ годовъ, требовавшій, чтобъ дѣти отъ смѣшанныхъ браковъ (православнаго лица съ латинскими) были воспитываемы въ православной вѣрѣ, имѣлъ печальныя слѣдствія, отразившіяся неблагоприятно на ходѣ польскаго вопроса особенно въ западныхъ провинціяхъ.“ Эти печальныя слѣдствія, по мнѣнію „Голоса“, суть слѣдующія: *„число смѣшанныхъ браковъ уменьшилось“* (и слава Богу!); *„польскій элементъ пріобрѣлъ большую замкнутость, приводящую къ разрозненности и безъ того враждебныя національности“* (а развѣ лучше было бы, если бы польская національность открыто поглотила русскую?!); *„въ тѣхъ же семействахъ, гдѣ*

„на расчету устроились смѣшанные браки, всегда была ущербъ для православія, что лучше всего можетъ быть доказано многожествоу дѣль въ западномъ край по соображенію изъ православія въ католицизмъ.“— Ежед смѣшанные браки были причиною многихъ случаевъ, соображенія изъ православія въ р. католицизмъ, то надобно радоваться, что, въ слѣдствіе закона 30-хъ годовъ, число такихъ браковъ уменьшилось. А потому мы, во имя здраваго смысла, спрашиваемъ у „Голоса“: для чего онъ — уменьшенье смѣшанныхъ браковъ называется „печальнымъ слѣдствіемъ“? „Голосъ“ далѣе поправился слѣдующимъ образомъ: „наконецъ, соображенія эти (изъ православія въ латинство) не всегда имѣютъ религіозный (?) характеръ: есть много православицъ (разумеется, только по имени), не оставившихъ своей вѣры, но подвергшихся политическому соображенію.“— Очевидно, что религіозный индифферентизмъ, происходящій иногда отъ смѣшанныхъ браковъ, „Голосъ“ не считаетъ равносмыслнымъ соображенію въ адиязмъ, хотя самъ же общается такимъ индифферентистовъ, говоря, что „ополченный русскій не естаетъ ни въ грошъ сочувствія ко всему русскому.“— Какъ бы то ни было, но „Голосъ“, при всѣхъ своихъ противорѣчій въ пользу то того, то другаго враждебнаго лагеря, справедливо, однакожъ, признаетъ всѣхъ ополченныхъ русскихъ по способнымъ занимать мѣста русскихъ чиновниковъ въ югозападномъ край, — и мы въ этомъ совершенно согласны съ нпмъ.

Устранивши, какъ и слѣдуетъ, ополченныхъ русскихъ отъ права быть русскими чиновниками въ югозападн. край, „Голосъ“ принялся за тамошнее православное духовенство. По мнѣнію „Голова“ „туть выходитъ, къ сожалѣнію, другая крайность. „Духовный элементъ — чисто кастовый и жалочисленный, и по „своему образованію (слушайте! слушайте!) далеко не пригоденъ для современной служебной дѣятельности. Къ тому же, по не-„счастию, этотъ элементъ находится въ такомъ озлобленномъ „востояніи противъ поляковъ (такъ вотъ оно-что!), что участіе „его въ административной дѣятельности, при извѣстной системѣ „управленія (т. е. при какой? договаривайте!), скорѣе „можетъ приносить вредъ, нежели пользу. Подтвержденіемъ „этого могутъ служить органы этой партіи (?), Югозападный Вѣст-„никъ.“— Слѣдовательно, по мнѣнію „Голоса“, замѣщать должности русскихъ чиновниковъ въ югозападномъ край лицами, вышедшими изъ соювія тамошняго православнаго духовенства, „если „още не совершенно не возможно, то не крайней мѣрѣ рано.“—

ду, ужь это несносное православное духовенство! Далось вам звать поповцами и колокошниками! Какъ острая песть, стоитъ у васъ въ горлѣ! На что уже „Голосъ“ умѣеть по-юзупетски сдерживать себя и скрывать свою печальность, но и онъ не вытерпѣлъ, — поперхнулся. Въ словахъ „Голоса“ о негодности духовнаго элемента къ государственной службѣ въ югозап. край сколько мыслей, столько и слезъ, пропитанной враждою. Во первыхъ: наше православное духовенство — вовсе не замкнутая каста; изъ него выходили у насъ и министры, и генералы, и творъ очень много во всей Россіи чиновниковъ, высшихъ и низшихъ, въ многообразныхъ родахъ службъ: неужели редакция „Голоса“ не знаетъ объ этомъ? — Во вторыхъ: по своему образованию, чиновники изъ духовнаго сословія не только пригодны для служебной дѣятельности, но еще пригодны многимъ другимъ, получившихъ образъ ваше не въ духовныхъ училищахъ. Штудіозная, развѣдающій молодая сила нашего юношества въ светскихъ училищахъ, который уже не составляетъ секрета, но ежедневно вызываетъ вопли и жалобы противъ себя, — испускаемъ (ничтожество, рѣшительная неспособность ни къ чему доброду) еще, слава Богу, почти не коснулася нашихъ духовныхъ училищъ, — и въ нихъ постоянно выносятся добрые юноши, способные ко всякой государственной службѣ. Само собою разумеется, что воспитанникъ духовной семинаріи или академіи (равно какъ и университета) съ перваго дня службы не можетъ съчасу же управлять высшими административными мѣстами, подобно Ивану Александровичу Хасистикову, „информантому (у Гога) Департаменту“; но дайте ему присмотрѣться къ дѣлу и возможно по-привыкнуть, тогда вы сами согласитесь, что лучшаго чиновника трудно сыскать. Подтвердите этому вы можете видѣть на всемъ пространствѣ Россіи, въ разныхъ мѣстахъ и родахъ службы. Неужели редакция „Голоса“ и объ этомъ не знаетъ?.. Въ третьихъ: что касается вообще православнаго духовенства въ югозападномъ край, то всѣ честные и просвѣщенные современники уже единогласно признали, а исторія записала на своихъ страницахъ, что это почтенное духовенство было единственнымъ оплотомъ русской національности въ томъ край, и что оно только одно своею просвѣщенною ревностью и самоотверженіемъ спасло и доселѣ спасаетъ тотъ край отъ ополченія: неужели и это не извѣстно „Голосу“?.. Ахъ, какъ же онъ далеко отсталъ и отъ современности, и отъ исторіи! — Если православное духовенство не умѣеть, или не хочетъ

болтать по-французски, как болтают сплоснь и рядомъ всё поляки и полонофилы, выдающіе себя за просвѣщенныхъ людей, такъ это еще не доказываетъ того, будто оно не образовано. Если наше духовенство не можетъ въ своихъ домахъ представить вамъ такого комфорта, какимъ отличаются богатыя жилища латинскихъ еседазовъ, то и этого нельзя назвать необразованностью; это скорѣе—бѣдность, не дѣлающая, впрочемъ, никакого безчестія нашему духовенству, но даже дѣлающая ему честь.— Въ четвертыхъ: „Голосъ“ называетъ православное духовенство югозападнаго края „озаобленнымъ“ противъ поляковъ и потому неспособнымъ къ административной дѣятельности, въ которой оно (по словамъ „Голоса“) скорѣе принесло бы вредъ, нежели пользу.“ А въ подтвержденіе этого, онъ указываетъ на „органъ этой партіи, Югозападный Вѣстникъ.“—Ужъ, въ самомъ дѣлѣ, несносный этотъ Вѣстникъ! Зачѣмъ онъ печатаетъ эти несносные документы и матеріалы противъ польской пропаганды. Эхъ, водобрый Вѣстникъ! Ну, кто просилъ тебя рыться въ архивахъ, выкапывать и обнародовать всё эти документы о древней русской національности западнаго края? Зачѣмъ ты первый вѣлся въ протѣже „Голоса“ терзать и терзаешь его разностороннимъ образомъ и невыпускаешь изъ своихъ когтей невинной жертвы и досадѣ?! Вотъ ты, недуманно—не гаданно, и попалъ въ „органы“ какой-то, вовсе неизвѣстной тебѣ „партіи“!—„Голосу“ трудно угодить: ополченные русскіе не годятся быть русскими чиповниками потому, что они будутъ сочувствовать полякамъ и помогать имъ въ ихъ революціонныхъ затѣяхъ; а лица изъ православно-духовнаго сословія не годятся потому, что, по своему озаобленію противъ поляковъ, будутъ преслѣдовать всё польскія затѣи и обнаруживать все зло польской пропаганды.— Въ свидѣствіе чего, „Голосъ“, какъ будто съ добрымъ намѣреніемъ, продолжаетъ такъ: „Остается прибѣгнуть къ помощи русскихъ, призжающихъ на службу (въ югозападный край) изъ внутреннихъ губерній.“ „Голосъ“ какъ будто хвалитъ эту мѣру и какъ бы(т) сочувствуетъ ей; но хвалитъ по-своему, съ слѣдующю оговоркою: „оптовой нынѣшнѣ этихъ людей (т. е. русскихъ чиповниковъ, призжихъ изъ внутреннихъ губерній) скорѣе можеть произвеста замѣстительство въ дѣлахъ, нежели принести пользу.“ Что же касается мировыхъ посредниковъ изъ этихъ „людей“, то „въ эгомъ отношеніи полученный результатъ далеко не соответствовалъ сдѣланнымъ отъ правительства пожертвованіямъ.“ Въ какой мѣрѣ справедливы эти слова „Голоса“, мы не знаемъ.

не замѣчать, что въ семьѣ не безъ уroda, — и вѣроятно, между чиновниками пріѣзжими изъ внутреннихъ губерній было немало неспособныхъ и ненадежныхъ, были, то есть, жалкія и несправдливыя исключенія изъ нормы. Сказать же такъ голословно о неспособности всѣхъ ихъ, какъ говорить „Голосъ“, это — по нашему мнѣнію — болѣе нежели дерзость. Многие чиновники, изъ пріѣзжихъ въ югозападный край на службу, могутъ потребовать у „Голоса“ отчета въ такомъ голословномъ нареканіи на всѣхъ ихъ. — Но „Голосъ“ предупредилъ этихъ чиновниковъ, и доказалъ ихъ слѣдующимъ искуснымъ образомъ: „Въ рукахъ „поляковъ“ доселѣ еще остается сильное орудіе (скажете лучше: оружіе), имѣющее известную цѣну въ глазахъ административныхъ властей. Это — вѣчныя жалобы на то, что въ судобныхъ мѣстахъ берутъ взятки.“ — „Голосъ“, какъ видите, прямо не говоритъ, будто русскіе чиновники, пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній, берутъ взятки, но косвенно, самымъ искуснымъ, подлинно-иезунтскимъ образомъ, какъ будто даже обвиняя поляковъ, набрасываетъ на этихъ пріѣзжихъ чиновниковъ тѣнь взяточничества... Правда, мастерски?! Конецъ концовъ: не годятся для югозападнаго края всѣ эти чиновники „пріѣзжіе изъ внутреннихъ губерній!!“ „Голосъ“ доказалъ это по всѣмъ правиламъ иезунтской казуистики. — Бѣдная наша администрація! —

Подлинно бѣдная! Ну, что она будетъ дѣлать? гдѣ она возьметъ для югозападнаго края способныхъ, честныхъ и дѣльныхъ чиновниковъ?.. Какіе же вы, читатели, недогадливыя! Для этого есть одно, самое вѣрное и благонадежное средство, рекомендуемое „Голосомъ“: Надо бы оставитъ въ томъ краю попрежнему поляковъ — чиновниковъ, которые несравненно способнѣе, умнѣе и полезнѣе всѣхъ вашихъ, и пріѣзжихъ и непріѣзжихъ, русскихъ чиновниковъ. Эту послѣднюю, свою задумчивую мысль „Голосъ“ проводитъ такъ хитро и искусно, что и прѣдрагся къ нему, кажется, не возможно. Онъ постоянно будто сидитъ на поляковъ и бранитъ ихъ, и постоянно будто стоитъ за русскіе интересы; но смотри — го тамъ, го здѣсь и прорывается у него задушевное желаніе водворитъ по-прежнему въ югозападномъ край польскихъ чиновниковъ. Вотъ — что онъ говоритъ объ этомъ, употребляя грамматическую форму прошедшаго времени вѣселаго жалеящаго будущаго: „Ваша мѣстная администрація по необходимости должна была удержать нѣкоторыхъ поляковъ на службѣ, въ особенности тѣхъ, которые ей были хорошо извѣстны, или на которыхъ она могла положиться.“

„По некоторымъ вѣдомствамъ, какъ на примѣръ по министерству финансовъ, многія мѣста и даже важныя (казначейскія) находились еще не давно въ рукахъ поляковъ; но опыты показали, что казна нигдѣ (и въ варшавскомъ государственномъ казначействѣ и многихъ другихъ?!) отъ того не потеряла уже, ба; къ тому же и замѣнить всѣхъ чиновниковъ казначейства пріѣзжими изъ Россіи, при скудости содержанія, нѣтъ никакой возможности.“ — „Польскіе чиновники (замѣтите: уже не казначей, но вообще чиновники), обзаведенные домами и другимъ хозяйствомъ по г родамъ и ихъ окрестностямъ, въ службѣ, и даже при маломъ жалованьи, видятъ для себя подспорье въ жизни, и потому дрожатъ этими мѣстами.“ (Еще бы!) Ну, скажите на милость: для чего такихъ прекраснѣйшихъ чиновниковъ замѣнять „пріѣзжими русскими людьми“?!. Притомъ же, пускай себѣ администрація, сколько захочетъ, хлопочетъ о замѣнѣ польскихъ чиновниковъ русскими людьми, но само дѣло, устами „Голоса“, говоритъ вотъ что: „Въ недрахъ самыхъ присутствій польскій элементъ получилъ прочное основаніе, въ слѣдствіе выборнаго пачала; но мало способствуетъ этому и то обстоятельство, что выборныя лица изъ поляковъ знакомы, лучше пріѣзжихъ изъ Россіи чиновниковъ, и съ прежними мѣстными законами, и съ самою исторіей процессовъ, продолжающихся иногда десятки лѣтъ.“ — Ну, можно ли послѣ этого промѣнять этихъ достойнѣйшихъ чиновниковъ — туземцевъ на какихъ-нибудь „пріѣзжихъ русскихъ?“ Еще ли не ясно вамъ доказано, что поляки — чиновники въ югозападномъ краѣ не замѣнимы, необходимы, преполезны?!. Остается только желать и ожидать, чтобъ эти чиновники, въ знакъ своей благодарности, воздвигли памятникъ „Голосу“, на примѣръ, хсть колонну изъ цукерекъ съ павидломъ, — на верху колонны прилично было бы помѣстить хамелеона (разумѣется, сахарнаго) псуловинаго цвѣта, съ постоянно — пережвняющимися отбѣнками, а по четыремъ сторонамъ шедсгала — отчеканить лядиарнымъ стилемъ такую надпись: „Голосъ за насъ, отъ насъ, для насъ.“

Въ 269 номерѣ „Голоса“ (29 Сент. 1865 года), подъ рубрикою Библиографіи, напечатана рецензія недавно — изданной книги: „Документы, объясняющіе исторію западно-русскаго края и его отношенія къ Россіи и Польшѣ.“ С. П. б. 1865. — Всѣ просвѣщенные русскіе, разсмотрѣвшіе и читавшіе эту книгу, единогласно признаютъ ее капитальнымъ изданіемъ, самымъ своевременнымъ и самымъ полезнымъ. Это — историческій протестъ

Россіи, предъ литвою всей Европы, противъ незаконныхъ притязаній поляковъ къ западно-русскому краю. Эта книга такъ же разумляетъ и обезоруживаетъ общественное мнѣніе Европы кастельно польскаго вопроса, какъ знаменитыя дипломатическія ноты князя Горчакова. И что же? Можетъ быть, вы думаете, „Голосъ“ уважилъ и пощадилъ эту книгу? Ничуть не было! Онъ воть какъ отнесся къ ней. Всѣ эти документы, по словамъ „Голоса“, „не представляютъ какой-либо несбытавой новости, и тѣ взгляды (?) о древнемъ русскомъ господствѣ въ „областяхъ, подпавшихъ подъ владычество Польши, которые были высказаны въ послѣднее время нашими публицистами, какъ на арміадъ гг. Козлявичемъ и Гильфердингомъ, не представляютъ въ сущности ничего новаго и самобытнаго.“ Такъ поужасавъ всѣ эти документы и взгляды и не стоютъ никакого вниманія потому только, что они для васъ не составляютъ новость. По вашей логикѣ выходитъ такъ: „для меня не ново, следовательно ни для кого не годится,“ — такъ ли?.. Въ доказательство недостатка новости и самобытности во всѣхъ этихъ документахъ и взглядахъ, „Голосъ“ между прочимъ приводитъ вотъ-какое страшное свидѣтельство: „когда въ 1772 году Екатерина II въ письмѣ своемъ къ королю Станиславу—Августу Польшскому заявляла о древнихъ правахъ Россіи на Литовско-русское княжество, то король не отвергалъ, въ отвѣтномъ своемъ письмѣ, этихъ правъ, но только спрашивалъ: почерпнуты ли эти права во мракѣ временъ отдаленныхъ, въ эпоху случайныхъ переворотовъ, которые создавали, разрушали, и передавали государства изъ рукъ въ руки на короткое время? и далѣе замѣчалъ, что если допустить эти права, то тремъ державамъ, домогающимся отъ Польши разныхъ областей, пришлось бы самимъ уступить Польшѣ нѣкоторыя, принадлежащія имъ области (sic!)“ — Читатели видятъ, что этотъ анекдотъ объ отвѣтѣ короля польскаго Екатерины II-й вовсе не служитъ и не можетъ служить доказательствомъ тому, что изданные теперь Археогрфическою Коммисіей „Документы“ не представляютъ ничего новаго и самобытнаго; для чего же этотъ анекдотъ приведенъ „Голосомъ“? Очевидно— для того, чтобы заподозрить права Россіи на русско-литовское княжество, и подорвать довѣріе къ „Документамъ“ на эти права. Не надобно и удивляться, если польки, нѣтъ въ русской журналистикѣ такого адвоката за свои мнѣнія прана на югозападный край Россіи, не скоро еще разстанутся съ безразсудною идеей о возстановленіи Польши въ

предѣлахъ 1772 года.—Послѣ того, „Голосъ“ вспомянулъ о сумасбродномъ полякѣ *Духинскомъ*, котораго „положительно не признають русскихъ славянами и считаетъ азіатцами,“— а вспомнилъ объ этомъ „Голосъ“ для того, чтобы къ сумасброду *Духинскому* приравнять— знаесто ли, кого изъ нашихъ достойнѣйшихъ дѣятелей на поприщѣ науки? Профессора *Бодянского*! Вотъ въ чемъ дѣло: простой народъ въ Польшѣ, именующій себя поляками, и происходящій дѣйствительно отъ славянъ, не считаетъ паповъ своихъ поляками, и не называетъ изъ этого имени, но величаетъ ихъ „ляхами“,— такъ что слова „полякъ“ и „ляхъ“— совсѣмъ не одно и то же по понятію поляковъ—простолюдниковъ (*). По ихъ понятію, полякъ— славянинъ, а ляхъ— не славянинъ, но потомокъ древней азіатской орады, вторгшейся когда-то въ Польшу и завладѣвшей ею,— хоть бы сарматы. Народную память трудно переспорить. Г. *Бодянский*, на основаніи народныхъ историческихъ преданій и другихъ памятниковъ, доказалъ, что ляхи (не поляки, а ляхи!) собственно не славяне, но азіатскіе выходцы, только переродившіеся подѣ влияніемъ окружавшаго ихъ славянства. И досталось же за это г. *Бодянскому* отъ „Голоса“!— Сравнялъ его... съ *Духинскимъ*!!!

По мнѣнію „Голоса“, „вопросъ о національности западнаго края Россіи можетъ быть понимася на западѣ Европы иначе, нежели въ Россіи, гдѣ отличительными признаками русской народности считается православная вѣра и русскій языкъ (а развѣ иначе можетъ быть?) Поэтому (достопамятными слова „Голоса“) ежели мы почему-либо (?) считася пужнымъ доказывать бывшее и настоящее господство русской народности въ Западномъ Краѣ, то мы можемъ это дѣлать съ своей собственной точки зрѣнія (?), и не должны нисколько удивляться, если на Западѣ, гдѣ— какъ мы сказали— религія и языкъ не представляютъ главныхъ условій національнаго единства— доказательствамъ нашимъ не отдадутъ должной справедливости.“ То есть: „документамъ“ о русской національности югозападной Россіи не повѣрятъ?! Не повѣрятъ тому, что Россія непременно русское государство?! Нѣтъ, ужъ, кажется, слишкомъ чрезчуръ заговорилася почтеннѣйшій „Голосъ“!

(*) Это мнѣніе, съ указаніемъ на народное убѣжденіе и историческія свидѣтельства, мы высказали впервые во 2-й книжкѣ Вѣстника юго-западной Россіи за 1861/62 годъ. Ред.

„Документы“ и предисловіе къ нимъ, съ изложеніемъ сущности исторіи юго-западнаго края, напечатаны съ французскимъ переводомъ en regard; поэтому „Голосъ“ справедливо догадывается, что эта книга „предназначена не столько для русскихъ, сколько для иностранныхъ читателей.“ И действительно, кажется, такъ. Самъ же „Голосъ“ сказалъ, что для русскихъ читателей нѣтъ ничего „новаго“ въ этихъ документахъ; а иностранцы не только не знаютъ этихъ документовъ, но и вообще плохо знакомы съ русскою исторіей. Казалось бы, „Голосъ“ долженъ былъ похвалить переводъ документовъ на французскій языкъ;— напротивъ того, онъ осуждаетъ и это, говоря: „нельзя не пожалѣть о такомъ невниманіи издателей къ русскимъ читателямъ, такъ какъ „многіе изъ нихъ, незнакомые съ языками латинскимъ, польскимъ и французскимъ, не въ состояніи будутъ ознакомиться съ болѣею частью документовъ.“ Помилюйте! на что же русскимъ читателямъ „ознакомиваться съ этими документами, когда всѣ эти документы, по вашимъ же словамъ, „не представляютъ какой—либо новости,“ слѣдовательно—уже знакомы русскимъ читателямъ?!.. Лучше признайтесь, что вы хотѣли бы сказать вотъ какъ: нельзя не пожалѣть, что эти документы переведены на французскій языкъ потому, что теперь вся Европа узнаетъ объ вѣконныхъ, естественныхъ правахъ Россіи на западный край, и увидитъ лицомъ къ лицу всю нелѣпость польскихъ притязаній къ этому русскому краю.

Изданные нынѣ археографическою комиссіей „документы“ собраны г. Кояловичемъ. Онъ же написалъ и изслѣдованіе, въ видѣ предисловія къ документамъ. Ну, какъ же послѣ того оставаться „Голосу“ равнодушнымъ къ г. Кояловичу, надѣлавшему столько зла польскому вопросу! Невозможно! Вотъ „Голосъ“ и возсталъ противъ нашего ученаго, и возсталъ обыкновеннымъ своимъ, іезуитскимъ образомъ: „г. Кояловичъ, набившій въ послѣднее время руку по вопросу о западномъ краѣ (какъ учтиво и „благородно сказано!), въ своемъ изслѣдованіи объ этомъ краѣ „не сказалъ ничего новаго. Конечно, для иностранцевъ изслѣдованія г. Кояловича покажутся, пожалуй, новымъ ученымъ „трудомъ, но едва ли они признаютъ его удовлетворительнымъ.“ Конечно, подобный трудъ заслуживаетъ почтенія, но онъ будетъ гораздо лучше, если не будетъ связанъ съ политическими вопросами, а пойдетъ своимъ путемъ, какъ обыкновенное „научно—историческое изслѣдованіе.“ Опять, во имя здраваго смысла, просимъ редакцію „Голоса“ объяснить: какъ это сдѣ-

лать, и—даже можно ли сдѣлать, чтобъ научно-историческое изслѣдованіе о политическихъ судьбахъ какого-либо народа не было связано съ политическими вопросами?!?!?

Чтобы наконецъ совсѣмъ подорвать довѣріе къ изданнымъ „документамъ“ и къ изслѣдованію г. Коляловича о западно-русскомъ краѣ, „Голосъ“ не посовѣстился забросать ихъ вотъ—какою грязью: „вообще весьма трудно въ эпоху плачевной борьбы заниматься учеными изслѣдованіями, которыя имѣли бы цѣлью установить извѣстный (?) взглядъ на эту борьбу съ политической точки зрѣнія. При этомъ условіи, человѣка самаго безпристрастнаго (напримѣръ, г. Коляловича) заподозрять или въ преувеличеніи, или въ умолчаніи, или въ искаженіи какихъ—либо фактовъ; да, чего добраго, и онъ самъ легко можетъ впасть въ односторонность“.... Въ переводѣ затаенной тенденціи этихъ словъ на общепонятный языкъ, это значитъ вотъ-что: „не ругаемся, дескать, мы за то, чтобъ изданные нынѣ „документы“ не были какъ-нибудь искажены, и именно не въ пользу поляковъ. А какъ нѣкоторые изъ этихъ документовъ вынуты изъ архива униатскихъ митрополитовъ, хранящихся при св. Синодѣ, и г. Коляловичъ увѣряетъ въ ихъ несомнѣнной достовѣрности, то „Голосъ“ вотъ—какъ поражаетъ и эту достовѣрность: „намъ кажется, однако, что многіе (кто?) будутъ имѣть право не соглашаться съ мнѣніемъ г. Коляловича, особенно имѣя въ виду, что „копіи напечатанныхъ г. Коляловичемъ актовъ относятся къ той порѣ, когда въ польскихъ областныхъ вопросъ о диссидентахъ стоялъ на первомъ планѣ, и когда по поводу этого вопроса политическія и личныя статьи были въ самомъ сильномъ разгарѣ“.... Приглашаемъ всѣхъ здравомыслящихъ людей потрудиться вмѣстѣ съ нами,—авось общими силами не успѣемъ ли отыскать какую-нибудь логическую связь въ этихъ мысляхъ „Голоса“: слушайте, пожалуйста! „Вопросъ о диссидентахъ на первомъ планѣ; политическія и личныя статьи (можетъ быть, страсти) въ самомъ сильномъ разгарѣ... Слѣдовательно—свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ, содержащіяся въ официальныхъ бумагахъ того времени, подлежатъ подозрѣнію въ достовѣрности“.... Послѣ этого—кому же и чему вѣрить?!!

Вообще—недобросовѣтность, двоедущіе, іезуитское лукавство и отвѣщенное полонофильство „Голоса“ такъ уже надоѣли многими читателямъ, что они рѣшаются просить редакцію „Голоса“ переимѣнить, ежели можно, такое вредное направленіе своей газеты. Политическій преступникъ Чернякъ, разстрѣлянный въ Казани

IV.

СВЕРЖЕНІЕ ЯЗЫЧЕСТВА ВЪ ВИЛЬНѢ *).

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СЦЕНЫ ИЗЪ ВРЕМЕНЪ ВЕЛИКАГО
КНЯЗЯ ОЛЬГЕРДА,

ВЪ 3-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

ВАРВАРА Тимофѣевна Челнокова, дѣвица, дочь новгородскаго купца, торгующаго въ Вильнѣ.

ИВАНЪ Яковлевъ, прикащикъ Челнокова, лѣтъ 20-ти, изъ литвиновъ.

ВИКОЛЬТЪ, молодой видный бояринъ царедворецъ, язычникъ изъ знатныхъ бояръ литовскихъ.

КНЯЗЬ Ѳеодоръ Крюкъ, молодой бояринъ русинъ.

НЕИЗВѢСТНЫЙ БОЯРИНЪ.

КРИВЕ.

ЖРЕЦЪ 1-й.

ЖРЕЦЪ 2-й.

ВАЙДЕЛОТЬ.

А.
Б. } Вайделоты.
В. }

ИЛЮША, юродивый-русинъ.

ГАВРИЛО, латникъ.

ВАЙДЕЛОТКИ, вайделоты, жрецы, бурты, гуслары, — народъ, латники, трубачи, оруженосцы, тѣлохранители великокняжескіе.

Дѣйствіе происходитъ въ Вильнѣ.

Между первымъ дѣйствіемъ и вторымъ проходитъ годъ.

Digitized by Google

*) Слѣдуетъ замѣтить, что изъ древней Печерской рукописи изъ Псковѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

На Зарѣчьи.

Простой садъ,—нѣсколько кустовъ рябины, черемухи и прочихъ мѣстныхъ растеній; скамейка, заборъ и калитка, въ глубинѣ сцены. За заборомъ, въ туманѣ, видны: Замковая гора съ верхнимъ замкомъ,—Лысая гора и Гедиминова. Вечеръ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

(При открытіи занавѣса свищетъ соловей):

ВАРВАРА. (*Выходитъ тихо и задумавшись*). Свищи, щелкай соловьюшко!... Тебѣ привольно здѣсь... У тебя есть крылушки,—полетишь ты, куда глаза глядятъ,—поешь ты, когда хочешь... Ты на волюшкѣ... Тебѣ нѣтъ запрету ни въ чемъ... Вьешь гнѣздушко, гдѣ выберешь. Только дѣвичья жизнь не на волюшкѣ... И любить нельзя и глядѣть нельзя. А хоть и полюбишь, такъ не на радость.—Узнають люди, узнаеть родной батюшка, узнаеть родная матушка, запруть тебя подъ двѣнадцать замковъ, и прощайся тогда съ волюшкой, съ другомъ миленькимъ... Изсохнешь, завянешь въ душной горенкѣ, исплачешься слезами горючими по своему сердешпилькомъ!... Вѣдь до сватъбы-то грѣшно любить!? Грѣшно-не грѣшно, а вотъ я взяла, да и сорвала сердце,—полюбила... Да еще кого?—Нехристя, язычника... Охъ, Господи помилуй!... Что тутъ дѣлать? чѣмъ тутъ горю пособить?... Ни чѣмъ не пособишь!... Бѣда моя! полюбила я его моего красавчика писанаго больше жизни своей, по сердцу пришлись его рѣчи сладкія, его очи черныя, его походка богатырская; нѣтъ мнѣ, дѣвицѣ, покоя ни днемъ, ни темной ночью: взымаетъ все мое сердечушко,.. все по немъ, все по немъ!... Точно на грѣхъ мой батюшка изъ Новгорода въ Вильну перѣхалъ... А въ Новгородѣ жила я покойно, въ церкви Божіей, у святой Софіи, молилась усердно. Изъ теремка своего на Ильмень озеро глядѣла безъ кручинушки... А здѣсь?... О, Господи помилуй—Господи помилуй!... Вѣдь за чѣмъ я сюда-то вышла?... Чтобъ повидать его... поклониться ему... Сама же просила прятти сегодня... Что ужъ тутъ много толковать!...

Попрошу-ка я его перекреститься въ нашу вѣру; коли любить меня, перекрестится... а коли не любить? (*молчаніе*). О, Господи помилуй!.. Нѣтъ лучше не скажу... Пожалуй, разсердишь его... А какъ же передъ Богомъ то отвѣчать?... Вѣдь Онъ видитъ все... Онъ видитъ, какъ я сижу съ язычникомъ... цѣлуюсь съ нимъ!... Нѣтъ, пусть что будетъ, то и будетъ, а скажу... Если любить, такъ согласится, не любить, и не надо!... Изведу я себя зельемъ лютымъ, а женой язычника не буду... (*Свищетъ соловей*). Господи! что со мной стася?... Прежде и соловьюшко не такъ жалобно пѣлъ, и ясное солнушко свѣтлѣе выглядывало, а теперь!... (*Задумывается*). Только и радости, что его увидишь—слово вымолвишь... поцѣлуешься... А сердечушко такъ и ёкаетъ,—такъ и ёкаетъ, словно выскочить хочеть... А ну какъ увидятъ наши?... Нѣтъ, кому увидать? Батюшка съ матушкой пошли въ церковь... Няюшка дома молится. Чу! кто-то словно идетъ! (*прислушивается и смотритъ въ сторону*). Нашъ прикащикъ Иванъ Яковлевъ идетъ... Зачѣмъ это?.. Ахъ! Господи, какъ же тутъ быть-то!.. Вѣдь онъ помѣшаетъ..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

ВАРВАРА и Иванъ Яковлевъ.

Иванъ Яковлевъ. (*Входя, кланяется*) Молодой хозяикъ - красавицъ низкій поклонъ... Добраго здоровья желаю...

Варвара (*стыдливо*). Благодарю покорно, Иванъ Яковлевичъ. За чѣмъ это ты въ садъ-то пожаловалъ?

Иванъ Яковлевъ. Да такъ, хозяйюшка... красавица... Вѣточку черемухи сорвать для снадобья...

Варвара. Для какого же это снадобья?

Иванъ Яковлевъ. Отъ тоски злодѣйки, отъ кручишки... Извела меня красна дѣвица, опостылѣлъ мнѣ Божій свѣтъ.

Варвара. Кто же эта красная дѣвица? какого она роду?... крещеная, или не крещеная?

Иванъ Яковлевъ. Крещеная...

Варвара. Дѣвица или вдова?

Иванъ Яковлевъ. Дѣвица, да такая красавица, какихъ мало на бѣломъ свѣтѣ... Весь исходи, а такой другой не сыщешь.

ВАРВАРА. Такъ зачѣмъ же дѣло—то сталося?... женись на ней.

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Женись?! Легко сказать—женись... И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ...

ВАРВАРА. Чтожъ такъ?...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Не любить она меня,—вотъ что! А любить другова,—нехристя, великокняжескаго рыцаря, Викольтя.

ВАРВАРА. (*Вздрыгивая*). Викольтя!?...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. (*Пристально смотря на нее*). Да, Викольтя...

ВАРВАРА. Викольтя!... Викольтя!... Какъ же это такъ?... Ктожъ она?... Говори скорѣй, Иванъ Яковлевъ, кто она?...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Да не въ обиду тебѣ будетъ сказано, красавица распрекрасная,... это ты...

ВАРВАРА. (*Дластятъ нѣсколько шаговъ отъ него*). Я?... я?... Ахъ, Боже мой!.. что это ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ?...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Да ужъ сердись — не сердись, а видѣть Богъ правду молвить... Изнылъ по тебѣ... Заколдовала ты меня чѣмъ нибудь, сожгли меня твои очи ясныя, погубили меня твои брови темныя!

ВАРВАРА. Ахъ, грѣхъ... грѣхъ; не говори ты этого!...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Грѣхъ нехристя любить, а меня нѣтъ!... Роду я хоть не знатнаго, да за то богатаго; служу у отца твоего не ради денежной корысти, а ради ученья, какъ торговлю вести съ заморскими купцами. Изъ себя станешь, пригожь... Коли молвишь ласковой рѣчью, да согласишь,—въ тотъ часъ къ твоему батюшкѣ пойду просить благословенія.

ВАРВАРА. Ахъ, нѣтъ... нѣтъ!... Отойти ты отъ меня!.. Дѣвушкѣ грѣхъ любить...

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. А Викольтя любишь?!..

ВАРВАРА. (*Забывшись*). Ну да, люблю... (*Спохватившись*). Ты вѣдь батюшкѣ не скажешь... нѣтъ, не скажешь?... Да?

ИВАНЪ ЯКОВЛЕВЪ. Сохрани меня Господи! Что я ворогъ тебѣ—что ли?... Да я за тебя готовъ головушку свою буйною сложить, а не токмо, чтобы тебѣ сдѣлать разладину какую...

ВАРВАРА. Спасибо тебѣ, Иванъ Яковлевичъ... спасибо!...

Иванъ Яковлевъ. Не начѣмъ, моя красавица... Экъ, была-не-была, повидался... Дай хоть рученьку твою бѣденъ-кую поцѣловать.

Варвара. На! (*протыкиваетъ руку*) да уходи отсюда, а то, не ровень часъ, кто увидить, бѣда будетъ!

Иванъ Яковлевъ. (*Цѣлуетъ нѣсколько разъ*). Еслибъ моя была, умеръ бы, а не ушелъ отсюда; да ужъ что дѣлать!.. Экая ручка то,—настоящая янтарная, а ногти-то что жемчугъ твой!... А ужъ какъ бы я тебя, мою лебедку, любить-то сталъ... голубить!... Варвара Тимофѣевна! взмилуйся надо мной! вѣдь совсѣмъ погибаю. Брось ты этого нехристя, полюби меня, а за сватьбой остановки не будетъ!..

Варвара. Ахъ, что ты говоришь, Иванъ Яковлевичъ! Я и слушать то боюсь. Ну какъ это можно двухъ любить?... ну гдѣ это видано? Нѣтъ, уйди... уйди лучше!..

Иванъ Яковлевъ. Да зачѣмъ двухъ? меня одного люби, а его разлюби... Вѣдь ему же жениться на тебѣ твои родители не позволяютъ...

Варвара. Онъ вѣру нашу приметъ...

Иванъ Яковлевъ. Хорошо какъ приметъ, а коли нѣтъ? тогда что будетъ?... А меня по крайности маленькаго твой батюшка вывезъ отсюда да окрестилъ въ Новгородѣ.— Я ужъ такъ привыкъ къ Новгороду, словно къ родной сторонкѣ... Сейчас умереть, не вру!

Варвара. Иванъ Яковлевичъ, не мути ты сердце красной дѣвицы, пожалѣй ты ее безталанную!... Уйди отсюда, прошу тебя!..

Иванъ Яковлевъ. (*Сквозь слезы*) Не печалься, хозяйка-красавица... уйду... уйду далеко!... Со свѣта бѣлаго уйду; жизнь не мила мнѣ теперь... И такъ ужъ я изстрадался, измучился... Ни днемъ, ни ночью покою не зналъ... Загубила ты меня... Пропадай, моя головушка буйная, непобѣдная!— Уйду я въ темный боръ... къ звѣрямъ лютымъ,—пусть растерзають меня по кускамъ!... А не то, брошусь въ рѣку Вилюю... Прощай же, красавица писаная... (*плачется и хочетъ идти*)!

Варвара. Что ты это? что ты это вымолвилъ? Богъ съ тобой!... Очнись, перекрестись, постой... постой!... не губи своей душеньки изъ—за меня грѣшницы, живи ты у батюшки, или уѣзжай ты въ Новгородъ; можетъ статья приглянется тебѣ другая... Заживешь ты съ ней пригѣваючи, меня не

вспоминаючи... А руки на себя накладывать грѣхъ большой... Твоя душенька въ смолѣ будетъ горѣть... Лучше помолись ты Богу... Онъ услышитъ тебя и помилуетъ.

Иванъ Яковлевъ. (*Приходя въ себя*) Охъ, Господи милостивый!... И въпрямь, я согрѣшилъ окаянный... (*Крестится*) Дьявольское навожденіе!... Нѣтъ не бойся, Варвара Тимофѣевна, не сдѣлаю я ничего надъ собой... Буду жить, да гужить по тебѣ... да на твое счастье съ другимъ радоваться... А послѣ, можетъ, въ монастырь уйду... Не бери моихъ словъ ты на сердце, не услышишь ты болѣе ничего отъ меня... И поминку не будетъ про рѣчи сегодняшнія. Буду рабъ твой и холопъ молчаливый (*кланяется*). Не гнѣвись на меня за мои рѣчи глупыя... Прощай (*кланяется еще ниже и уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

ВАРВАРА одна.

ВАРВАРА. (*Посмотрѣвъ ему въ слѣдъ*). Ушелъ. Ишь что выдумалъ, грѣховодникъ!... Топиться изъ за меня!... Вѣдь грѣхъ то мнѣ будетъ... (*слышитъ звонъ колокола*). Звонятъ!... звонятъ въ Пятницкой церкви... ко всеночной... молиться будутъ, а я то что дѣлаю... что я дѣлаю?... Вышла повидать своего милаго... нехристя... О, Господи помилуй!—(*Садится*). Чтожъ это онъ долго нейдетъ?... Вѣдь онъ говорилъ: какъ заблаговѣстятъ въ колоколъ, такъ я и тутъ, а вотъ ужъ и отзвонили, а его нѣтъ какъ нѣтъ. (*Задумывается*). Придетъ не обманеть... (*поетъ*).

Какъ во теремкѣ,
 Какъ въ высоконькомъ,
 У окошечка,
 У косящата,
 Сидитъ дѣвица,
 Сидитъ красная,
 Сидитъ слезы ронять,
 Мила дружка поджидаетъ:
 Ты приди, милый мой,
 Миленькой сердешненькой!

(*Въ это время слышенъ ударъ въ ладоши. Варвара встаетъ и отвѣчаетъ тѣмъ же. Хлопанье повторяется за заборомъ.—Варвара робко идетъ къ калиткѣ, отодвигаетъ щеколду, отходитъ на прежнее мѣсто и хлопаетъ вторично. Изъ калитки выходитъ Викольтъ, за нимъ князь Ѡ. Крюкъ. Во время этого дѣйствія до разговора слышатъ соловей*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Барвара, Викольтъ и князь Ѡ. Крюкъ..

Викольтъ (*къ Крюку*). На твой глазъ, князь, я надѣюсь... Въ твою волю отдаюсь.... Посмотри, что бы кто насъ не подкараулить....

Крюкъ. Бояринъ, положиись на меня... Одно слово: кто только глазъ къ забору приставить, такъ въ глазъ вонзится этотъ мечъ. (*Смотритъ на Барвару*). А она, бояринъ, что твоя лебедь бѣлая!... Взаправду говорилъ ты мнѣ, что она красавица... краше Мильды ковенской.. Ну дай вамъ Богъ миръ да любовь... Иди же здоровайся, а я пойду сторожить васъ. Въ случаѣ чего, ты, бояринъ, только свисни, а я какъ тутъ буду. (*Скрывается*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Тѣ же, безъ князя Ѡ. Крюка.

Викольтъ (*Подходитъ къ Барварѣ Тимофѣевнѣ*). Здравствуй, Варя.... здравствуй, моя голубка бѣленькая! (*снимаетъ шлемъ*). Позволь поцѣловаться....

Барвара. (*Кланяется ему*). Здравствуй, Викольтъ, здравствуй, мой желанный! (*цѣлуются*) Стосковалась я по тебѣ, мой миленькой!....

Викольтъ. Не тоскуй, моя дорогая.... не почему кручиниться, все будетъ по нашему... Я твой, ты моя, и никто насъ не разлучитъ, — развѣ только одна смерть... Пусть лучше булатный мечъ мой, купавшійся въ крови польской, ливонской и татарской иступится; пусть пищаля моя, отправившая на тотъ свѣтъ сотни грабителей — крестоносцевъ испортится, а ужъ не покину я тебя до могильнаго кургана....

Барвара. (*Со вздохомъ*). Да, до могильнаго кургана!.... Ахъ, Викольтъ, Викольтъ! Вѣдь подъ курганъ — то владутъ только нехристей язычниковъ....

Викольтъ. Такъ ты объ этомъ задумала горевать? Ахъ, Варя, Варя!.... Хоть я и не принялъ еще христіанства, но давно позналъ Бога живаго, сотворившаго человѣка и весь видимый міръ.... Я давно чувствую омерзѣніе къ нашему бездушному истукану Перкуну, къ нашимъ узамъ освященнымъ.... Я давно узналъ все заблужденіе идолопоклонства.... Отецъ Несторъ, духовникъ покойной княгини Маріи Ярославовны, наставилъ меня на путь истинный; онъ просвѣтилъ мои очи мысленныя — и я вѣрю въ вашего христіанскаго Бога....

ВАРВАРА. Вѣришь, а не крестишься?...

ВИКОЛЬТЪ. Я приму крещеніе!... Дай время!... А теперь нельзя еще... Великій князь Ольгердъ, хотя давно отсталъ отъ идолопоклонства, хотъ и покровительствуетъ христіанамъ, хотя жена его была христіанка. и дѣти христіане, хотъ каждый день я съ радостью вижу обращенныхъ въ православную вѣру, хотъ монастыри православные умножаются съ каждымъ днемъ въ нашемъ великомъ княжествѣ еще со временъ Миндовга; но все таки суевѣріе народное не со всѣмъ ослабѣло... Криве-кривейтъ и старшіе жрецы все еще имѣютъ великую власть надъ народомъ. Хотя дворъ великокняжескій и состоитъ больше чѣмъ на половину изъ христіанъ православныхъ, — но родъ мой знатный... Отецъ мой Ренгольдъ (1) — заклятый язычникъ... тѣла моихъ предковъ сожигались всегда въ долиніѣ Святаго Рога... Стоить только мнѣ заикнуться о крещеніи и меня жрецы вытребуютъ у великаго князя и замучатъ, какъ вытребовали извѣстныхъ трехъ — праведныхъ царедворцевъ, принявшихъ православную вѣру, и замучили... На простой народъ жрецы не смотрятъ, — они боятся за знатныхъ бояръ литовскихъ... Но не печалься, Варя, — великій князь женится на тверской княжнѣ Іуліаніи Александровнѣ, и тогда, повѣрь, что язычество падеть совершенно; послы ужъ поѣхали съ дарами въ Тверь — челомъ бить тверскому князю...

ВАРВАРА. Викольтъ!... желанный ты мой! Ты говоришь, что не вѣришь языческимъ богамъ, а самъ не крѣпокъ духомъ... Будь твердъ, укрѣпись въ вѣрѣ нашей и положиись на Бога. Какъ же другіе-то — знатные бояре литовскіе переходятъ въ нашу вѣру, а ты боишься, — и кого? — Служителей бронзовыхъ болвановъ, огня и ужей!

ВИКОЛЬТЪ. Не упрекай меня, Варя, въ слабости! Я не трусь.... Но я теперь не одинъ, я боюсь... что бы насъ не разлучили съ тобой.

ВАРВАРА. Ты боишься этого? Ахъ, ты маловѣрный!... Какой же ты христіанинъ, когда для тебя я дороже истинной вѣры!.. По твоимъ рѣчамъ видно, что нашей сватъбѣ не бывать никогда....

ВИКОЛЬТЪ. Какъ не бывать?

(1) Не должно смѣшивать Ренгольда съ Рингольдомъ (литовскимъ княземъ), существованіе котораго подлежитъ большому сомнѣнію — хотя Стрыйковскій составилъ подробно повѣствованіе его царствованія (Авт.)

ВАРВАРА. Да такъ.... Я лучше изведу себя зельемъ лю-
гимъ, а ужъ женою язычника не буду.... А нѣтъ, порѣши ты
меня горемычную однимъ разомъ: вынь свой мечъ обоюду—
острый; да ударь ты мнѣ прямо подъ сердце, али сними мою
головушку несчастливую; легче мнѣ будетъ тогда.

ВИКОЛЬТЪ. Да что ты, Варя!— я приму христіанство....

ВАРВАРА. Нѣтъ, Викольтъ.... нѣтъ, желанный мой!... Изъ
твоихъ рѣчей я вижу, что тебѣ не хочется принять нашу вѣру...
За чѣмъ же ты смутилъ тихій покой красной дѣвицы.... засу-
шилъ ее, обманулъ ее,— загубилъ ее!...

ВИКОЛЬТЪ. Варя! образумься.... Что ты говоришь? Я
обманулъ тебя?... Да въ умѣ ли ты? Я люблю тебя!...

ВАРВАРА. Не вѣрю.... не вѣрю!...

ВИКОЛЬТЪ. Люблю, клянусь честью этого боярскаго
знака (1) *(показываетъ на знакъ, который виситъ на груди)*.

ВАРВАРА. Что это за клятва твоимъ знакомъ? на немъ
и креста вѣту-ти....

ВИКОЛЬТЪ. Клянусь пепломъ моихъ предковъ....

ВАРВАРА. Нѣтъ, все не такъ! Твои предки грѣшники...
постой! ты видишь *(показываетъ рукой на тѣло)* вотъ этотъ
крестъ на святой церкви-Прасковіи-пятницы?

ВИКОЛЬТЪ. Вижу... ну что жъ?

ВАРВАРА. Клянись имъ—животворящимъ, что ты по охотѣ,
а не для меня примешь православіе.... Но знай Викольтъ,
если обманешь, то Господь накажетъ тебя съ небеси...

ВИКОЛЬТЪ. *(Поднимаетъ руку)*. Клянусь!...

ВАРВАРА. Клянись, что ты истинно вѣруешь въ Бога
христіанскаго?

ВИКОЛЬТЪ. Клянусь!

ВАРВАРА. Клянись, что ты меня любишь?

ВИКОЛЬТЪ. Клянусь!

ВАРВАРА. *(Съ любовью смотритъ на него)*. Ну—вотъ
теперь, мой желанный, позволь поцѣловать тебя сладко—
сладко....

ВИКОЛЬТЪ. Охотно *(цѣлуются)*.

(Въ это время пролетаетъ воронъ).

ВАРВАРА. Ахъ!...

ВИКОЛЬТЪ. *(Оглядываясь)*. Чего ты испугалась?

ВАРВАРА. Боюсь сказать тебѣ, ты гнѣваться будешь...

(1) Эти знаки давались боярамъ за отличіе. Діагнотическій экземпляръ такой хранится въ Визенскомъ музеѣ.

Викольтъ. Ахъ, Варя! — Развѣ ты не знаешь, что для тебя у меня нѣтъ гнѣва?

Варвара. Примѣта больно нехорошая...

Викольтъ. Какая?

Варвара. Да вотъ, мой миленькій, когда мы съ тобой цѣловались, пролетѣлъ черный воронъ... не къ добру это!...

Викольтъ. Да бѣлыхъ — то вороновъ и не бываетъ. Объ чемъ тутъ тужить!... это бабьи сказки, моя дорогая.

Варвара. Ахъ, нѣтъ... нѣтъ не къ добру это!... Вотъ тоже знахарка у насъ была, такъ мнѣ ворожила: налила она воды въ ковшъ, положила на него двѣ лучинки — крестъ на крестъ — и начала что-то причитывать, да какъ ахнетъ... крѣпко испугалась — я и спрашиваю ее, — чго, молъ, такое вышло?... худо, говорить... Пропадешь ты, говорить, дѣвонька за мила дружка....

Викольтъ. Я тоже прежде вѣрилъ въ звѣзды, а теперь вѣрю только въ твои глаза (*цѣлуетъ ее*). Не кручинься, Варя, все будетъ хорошо.

Варвара. Нѣтъ, мой сердешнишкой!... Ужъ видно мы не на радость съ тобой слюбились!

Викольтъ. На радость да на счастье, милая Варя. Я вотъ такъ бы все и сидѣлъ подлѣ тебя, такъ бы всю жизнь и любовался на твои щеки алая, на твою косу черную... Для тебя я все сдѣлаю, что прикажешь... (*молчаніе*). Да вотъ, что я сейчасъ придумалъ.... Зашлю ка я на послѣ-завтра къ твоему батюшкѣ свата, храбраго витебскаго князя Теодора Петровича Крюка, любимца великаго князя Ольгерда, — вотъ что со мной сейчасъ пришло... пусть онъ попроситъ твой рученьки, а окрещусь я, съ Божиимъ благословіемъ, завтра....

Варвара. Богъ да благословитъ тебя, мой желанный! кстати же завтра праздникъ угодника Божьяго Николая... Ты вотъ Николаемъ и назовися.

Викольтъ. Охотно.... да и креститься то буду въ Николаевской церкви.... Вѣдь я ужъ и молитвъ знаю много наизусть....

Варвара. Ну вотъ, дай за это я тебя благословлю (*благославляетъ его крестнымъ знаменіемъ*). Да будетъ надъ тобой милость Бога, который просвѣтилъ твой разумъ... Ну теперь иди, успокойся... да приготовься къ великому таинству... И я пойду домой, затеплю лампаду, буду молиться за своего

Николай... за милого-желаннаго Колянку, что бы Богъ послалъ ему всякаго благополучья (*чълуетъ его нѣсколько разъ*); прощай, до завтра! (*убѣгаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Викольтъ одинъ.

Викольтъ (*посмотрѣвъ ей въ слѣдъ*). Чистое небесное сознанье! Да она непорочнѣ всякой Вайделотки (*благоговѣнно поднимаетъ глаза къ небу и становится на одно колено*). Ты, Господи, создавшій все изъ ничего и могущій все, однимъ маніемъ, обратитъ въ ничто, прими меня въ лоно твоей православной церкви, укрѣпи меня въ заповѣдяхъ твоихъ!... Благодарю Тебя, Господи, что Ты осѣнилъ меня новымъ свѣтомъ и посылаешь мнѣ подругу—ангела хранителя. (*Викольтъ надеваетъ шлемъ и идетъ къ забору*). Князь Феодоръ Петровичъ! гдѣ ты?

Крюкъ (*появляясь въ калиткѣ*). Я здѣсь, бояринъ... Все ли благополучно?

Викольтъ. Все, князь!... Мы великое дѣло порѣшили! Я завтра принимаю крещеніе!

Крюкъ. Для мила дружка и сережко изъ ушка.... понимаю, бояринъ!...

Викольтъ. Нѣтъ, князь, не грѣши,— я по своей охотѣ.... не грѣши!...

Крюкъ. Доброму дѣлу святой часть, бояринъ; я, пожалуй, крѣстнымъ буду.

Викольтъ. Да еще и сватомъ:

Крюкъ. Значитъ на сватѣбѣ пировать, сладкіе меды распивать.... хвалю, бояринъ (*оба скрываются, выходитъ Иванъ Яковлевъ*).

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ.

Иванъ Яковлевъ одинъ.

Иванъ Яковлевъ. Экое сердце у меня ретивое! Какъ разгорится, такъ ни чѣмъ не уговонишь. Не вытерпѣлъ, окаянный, согрѣшилъ, подслушалъ ихъ рѣчи!... завтра креститься хочеть, опосля и женится!... И прощай, Варя, прощай мое счастье! (*думаетъ*). Да вѣдь крещеныхъ-то и безъ него много.... Вѣдь русская половица-то велика, — широко раскинулась-то, дальше мѣдникскихъ воротъ.... А въ ней живутъ христіане православные... Да и литовцевъ-то, почидай,

половина окрещенныхъ здѣсь въ нашу вѣру есть (*забылись*). Дьяволь-то такъ и шепчетъ, такъ и наушничаетъ!... Иди, говоритъ, ты въ долину Рога къ наибольшему попу поганскому, криве-кривейту, скажи ты ему, что знатный бояринъ литовскій завтра креститься будетъ, онъ и не попуститъ этого.... Варя тогда твоя будетъ (*очнувшись*). Господи, оборони меня!... Что я только затѣваю, грѣхотворникъ?! Вѣдь нужно радоваться, что язычникъ обращается въ нашу вѣру, а я что хочу дѣлать?.. Да вѣдь съ сердцемъ-то никакъ не сообразишь; ишь какъ оно прыгаетъ!... А коли я не скажу?... Такъ она будетъ его женой, его подругой милой.... Эхъ, Иванъ, Иванъ!... видно не въ рубахѣ родился на бѣлый свѣтъ... Индо тошно хенько становится (*думаетъ*). Гм!... Поиду, — право поиду, скажу.... лучше пускай обрушится на меня гнѣвъ Божій, а ужъ небывать ей женой Викольты... Эхъ-ма! Изъ за этого маленькаго кусочка мяса, который въ лѣвомъ боку—вотъ здѣсь стучитъ, столько бѣдъ и напастей бываетъ у людей!... Вотъ я теперь задумалъ такое дѣло, на которое не всякій и татаринъ рѣшился бѣ. (*Махаетъ рукой и идетъ.— Звонъ колоколовъ. Онъ быстро останавливается, крестится, задумывается, потомъ махаетъ съ отчаяньемъ рукой и уходитъ*).

Конецъ 1-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Комната въ зданіи Криве-кривейты, 2 окна, — очень узкія, съ желѣзными рѣшетками. Справа желѣзная дверь, между оконъ лежитъ толстое бревно, къ которому прикованъ за обѣ руки Викольтъ.

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Викольтъ, Вайделоть и Жрецъ 1-й.

Викольтъ. (*Прикованный, спитъ, костюмъ его и лице совершенно измѣнились. Викольтъ бредитъ во снѣ*). Варя!.. Варя!... дорогая моя!..

Вайделоть. Онъ бредитъ во снѣ?!

Жрецъ 1-й. Вотъ ужъ годъ, какъ онъ здѣсь и каждый разъ, когда спитъ, бредитъ этимъ нечестивымъ именемъ христіанки...

Вайделоть. Ты, братъ мой, говорилъ ему, что отецъ его умеръ, и что завтра будетъ сожиганіе его тѣла предъ святымъ неугасимымъ Значемъ?

Жрецъ 1-й. Говорилъ, да онъ ничего не сказалъ мнѣ на это; но замѣтно выразилъ неудовольствіе и что-то проворчалъ...

Вайделотъ. Что же онъ въ разговорахъ съ тобой раскисается въ своемъ заблужденіи?

Жрецъ 1-й. Нѣтъ, братъ мой; онъ не слушаетъ меня и читаетъ вслухъ христіанскія молитвы... Водить какъ то гресто-образно головой своей... и часто плачетъ...

Вайделотъ. Нечестивый!... Да будетъ проклятіе надъ нимъ нашихъ боговъ!

Жрецъ 1-й. Любезный братъ!... Въ послѣднее время наши боги стали глухи къ нашимъ мольбамъ... Христіанство растетъ,—наша вѣра слабѣетъ. Съ каждымъ восходомъ яснаго солнца изъ великаго Новгорода, изъ великаго Пскова, изъ Тверскаго княжества прибываютъ христіанскіе священники, строятъ церкви и монастыри; литвины цѣлыми сотнями принимаютъ ихъ вѣру... Да и самъ великій князь Ольгердъ, женившись на тверской княжнѣ, построилъ при своемъ замкѣ домовую церковь... Поговариваютъ, что и вѣру ея принялъ... При дворѣ—и рѣчи и письма ведутся на русскомъ языкѣ... почти всѣ царедворцы—крещеные. При дворѣ нѣтъ ни одного криве, ни одного сигоноты. Ольгерду вездѣ сопутствуютъ русскіе чернецы, дружина его состоитъ вся почти изъ русиновъ,—почти всѣ знатные бояре литовскіе перекрестились и пережилились на русскихъ... Народъ литовскій съ недоувѣріемъ слушаетъ теперь нашего верховнаго жреца, ко двору его не принимаютъ... Вѣрно прогнѣвали мы святаго Перкуна...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

Тъ же и Жрецъ 2-й.

Жрецъ 2-й. (*Входитъ, затихавшись, смотритъ на Виколта, потомъ обращается къ жрецамъ*) Горе!... горе намъ! (*Показываетъ свертокъ бумаги*) За этого... (*показываетъ на Виколта*) нечестивца намъ приходится дорого поплатиться... Я посланъ къ вамъ отъ Криве-кривейта...

Вайделотъ. А что такое, нашъ братъ, случилось?

Жрецъ 2-й. (*Развертываетъ свертокъ*) Великій князь Ольгердъ, возвратившись съ битвы, разослалъ гонцовъ на всѣ четыре стороны, съ такими грамотами. Слушайте (*читаетъ*): Мы, великій князь Литвы и Руси Ольгердъ, оновѣ-

щаемъ нашимъ подданнымъ и чужестранцамъ: полякамъ, ливонцамъ, татарамъ всѣмъ и каждому, кому доведется читать нашу грамоту. Буде гдѣ либо окажется, назадъ тому около года, пропавшій безъ вѣсти нашъ любимецъ, храбрый и доблестный бояринъ Викольтъ, въ тяжкомъ ли заточеніи, въ плѣну ли, или на волюшкѣ, мы дадимъ за него выкупъ большой. Коли у поляковъ найдется, дадимъ за него пять тысячъ плѣнныхъ, коли у ливонцевъ пять тысячъ плѣнныхъ и сто дорогихъ звѣриныхъ кожъ, коли у татаръ, дадимъ десять тысячъ плѣнныхъ и сто золотыхъ монетъ. Коли нашъ подданный его отыщеть, то великими щедротами его осыплемъ, не жалючи богатыхъ даровъ. Буде же изъ нашихъ подданныхъ кто его скрываетъ и томить въ тяжелой неволѣ, то лучше пусть покается намъ и привезетъ его живаго и невредимаго. А коли кто не захочетъ открыться, плутовство и кривду какую учинить боярину, а послѣ намъ вѣдомо будетъ, то весь нашъ гнѣвъ и немилость обрушится на него. Будетъ онъ въ опалѣ нашей казненъ смертельно... *(Перестаетъ читать и смотритъ то на вайделота то на жреца)*. Намъ угрожаетъ разореніе, изгнаніе, если узнаютъ, что онъ у насъ цѣлый годъ въ цѣпяхъ томился...

Вайделотъ. Да на какую потребу его цѣлый годъ мы держали?... Слечь бы его тогда на кострѣ, на радость нашимъ богамъ, и дѣло бы съ концомъ... А то теперь купайся за него!... Еще не прошло двухъ сотъ лѣтъ, какъ изъ далекихъ Пруссъ, отъ своего моря, нѣмецкая погань выгнала сюда Криве-кривейто, жреца жрецовъ, судію судей,—а теперь выгнать и отсюда, и придется бѣжать въ Жмудъ,—въ дремучіе лѣса...

Жрецъ 1-й. А нѣтъ, такъ къ Кейстуту, въ Трови...

Жрецъ 2-й. Да, пожалуй, и до этого дойдетъ дѣло... Но нужно съ этимъ поганцомъ порѣшнить *(показываетъ на Викольту)*. Великій нашъ судья приказалъ его до захода солнца отправить ядомъ... *(къ жрецу 1-му)* И такъ, братъ нашъ, исполни волю Криве-кривейта!... Вотъ ядъ *(подаетъ мѣшочекъ)* Не говори ему объ этомъ, а насыпь въ питье, если пить захочетъ, или въ купанье, если ѣсть захочетъ. Да съплъ побольше... Пусть онъ нечестивый околѣетъ въ страшныхъ судорогахъ... Пусть предсмертные его мученія будутъ жертвой богамъ нашимъ... пусть тѣло его разорвется на мелкія части!... А какъ издохнетъ, завязать его въ мѣшокъ, да тем-

ной ночью вынести на берег и бросить въ Вилію... Пускай быстрая волна умчитъ его въ Нѣмань, а оттуда на дно морское, и мы спасены...

1-й Жрецъ. Святую волю Крвек-кривейта я исполню, братъ мой...

2-й Жрецъ. Не даромъ нашъ братъ Гинтовтъ говорилъ намъ, что онъ видитъ въ движеніи сѣверной звѣзды предзнаменованіе для насъ дурное... Но вы еще не знаете, братья мои, что завтра будетъ со святой нашей рощей... Плачьте, рыдайте... молитесь боговъ нашихъ, да изольютъ они весь гнѣвъ свой на Ольгерда и всѣхъ христіанъ!... Завтра, съ первымъ разсвѣтомъ утренней зари, мы должны очистить и покинуть святую рощу, должны взять все, что намъ священно въ ней... Но если не успѣемъ въ этомъ, насъ выгонитъ дружина Ольгерда.

Вайделотъ. Но какъ мы возьмемъ наши вѣковые дубы?

2-й Жрецъ. Ихъ не дадутъ намъ... Ольгердъ приказалъ срубить ихъ и изъ нихъ, на святомъ мѣстѣ, выстроить церковь. Такая же участь постигнетъ завтра святую рощу, какая постигла, лѣтъ двадцать тому назадъ, бога Рагутиса... (1) О, лейтесь—лейтесь ручьями слезы!... Плачьте вѣрные поклонники боговъ Перкуна и Атримпоса!... Пусть эти слезы будутъ вмѣсто чистой жертвы богу Пеклусу, на погибель несчастивыхъ христіанъ! (*Уходитъ съ Вайделотомъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Тѣ же, безъ жреца 2-го и вайделота.

Жрецъ 1-й. Рыдайте всѣ вы, жрецы, вайделоты и вайделотки... служители Перкуна!... Оплакивайте свои тяжкіе грѣхи, которыми вы прогнѣвали боговъ!—Вы достойны наказанія великаго... Въ долинѣ Рога, въ святомъ урочищѣ, гдѣ горитъ нашъ отецъ Зничъ, гдѣ приносились жертвы,—вы сдѣлали вертепъ разврата... Каждый изъ васъ находится въ порочныхъ связяхъ съ вайделотками; каждый годъ рѣка Вилія принимаетъ въ свои воды и выбрасываетъ плодъ вашего разврата... Гнѣвъ нашихъ боговъ справедливъ!... Намъ нечего

(1) Литовскій Вахкъ. Капище его было уничтожено по приказанію великой княгини Маріи Ярославны, а на томъ мѣстѣ воздвигнута церковь Пятницкая и была многое время придворной. Впослѣдствіи она долгое время была въ жалкомъ заустѣннн, а унія довела ее до развалинъ, изъ которыхъ въ настоящее время заботами графа Михаила Николаевича Муравьева—явилась—во всемъ великолѣпнн. (Авт.)

роптать на глухоту нашихъ боговъ... Намъ нечего жаловаться, что народъ литовскій явшается съ русинами и охотно перенимаетъ отъ нихъ обычаи и вѣру... и не слушаетъ болѣе у жертвенника предсказаній и рѣчей Криве-кривейта... Намъ нечего жаловаться, что Ольгердъ, вотъ ужъ много лѣтъ, не прислалъ ни одной благодарственной и очистительной жертвы вѣчному Звичу... не бываетъ у насъ и уничтожаетъ капища въ Вильнѣ... Мы сами довели его до этого... Эхъ! не то было при покойномъ великомъ князѣ Гедиминѣ!... Тотъ хотъ и покровительствовалъ христіанамъ, да и насъ не забывалъ... За то и тѣло его сожгли мы съ честью... Онъ теперь на небесномъ конѣ развѣзываетъ... Пойди приготовить для этого нечестивца питье сладкое (*уходитъ*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Викольтъ одинъ.

Викольтъ. (*Бредитъ во снѣ*) Нѣтъ... нѣтъ!... я останусь съ тобой... Ахъ!... (*Просыпается*). Я еще здѣсь... (*Качаетъ головой, смутно обводитъ глазами всю комнату*). Въ этой душной тюрьмѣ... куда ясное солнце едва проглядываетъ слабымъ лучемъ своимъ, гдѣ холодно и сыро! (*Смотритъ на себя*). Еще желѣзныя оковы рѣжутъ мои руки... Еще ржавчина входитъ въ кровь и въ кости!... Уже ли я еще долго промучусь такъ?... Боже христіанскій! я вѣрю въ Тебя... молюсь Тебѣ!... Услышь меня, некрещеннаго, но знающаго Тебя!... Ты видишь мои страданія, муки; возьми меня скорѣй въ тотъ міръ, гдѣ нѣтъ людской ненависти!... гдѣ душа не рвется отъ горести на части и думы не морщатъ чела!... Могла мнѣ дать отдыхъ послѣ мучительнаго заключенія... Силы меня оставляютъ, хотя духомъ я еще крѣпокъ... Викольтъ!... Викольтъ! Я не узнаю тебя: ты ли тотъ храбрый витязь, отъ меча котораго валились горами скверные латинцы, крестоносцы, ливонцы, меченосцы, лахи?! Ты ли тотъ неустрашимый и смѣлый вождь малой рати, бросавшійся въ многочисленныя полчища татаръ и обращавшій ихъ въ бѣгство?... Стыдъ и горе!... Отчего я не умеръ съ честью на ратномъ полѣ, въ бою, отъ вражеской руки?!... Я бы теперь не томился въ тяжелой неволѣ, прикованный къ этому бревну... Не вижу людей, кромѣ этихъ нечестивыхъ жрецовъ, — моихъ мучителей... Ахъ, Варя, Варя!... гдѣ ты теперь? Ты, быть можетъ, страдаешь не меньше меня... (*Вздыхаетъ*) Только

и радости теперь у меня осталось, что во снѣ... Въ каждомъ снѣ вижу ее, блѣдною, печальною; должно быть, бѣды, сгущаются... Вогъ и сегодня видѣлъ ее, говорилъ съ ней, цѣловался съ ней,... летали мы вмѣстѣ надъ какимъ-то большимъ городомъ... Бывалъ я и въ латинскихъ и разныхъ нѣмецкихъ городахъ, но такого не видывалъ. Церквей много, очень много!... И всѣ въ золотыхъ рѣсницахъ горять... Потомъ видѣлъ я будто бы латинцы-крестоносцы разоряютъ церкви,—жгутъ.... А церкви какъ будто сами изъ земли выходятъ, да краше прежнихъ. Народъ какой-то собрался на улицахъ, зашумѣлъ—выгналъ латинцевъ изъ города... Звонъ пошелъ большой... У всѣхъ радостныя лица... Гляжу я на городъ, и вижу горы такія же, какъ въ нашей Вильнѣ... только лѣсу нѣтъ дремучаго, да хоромъ такихъ нѣтъ высокихъ и каменныхъ... Гляжу—и рѣчка течетъ между горъ въ большую рѣчку... Ну точь въ точь Вильна... Что же это?... Не ужели Вильна такъ скоро перемѣнилась? спросилъ я Варю... А она ничего не сказала, только головой качнула и полетѣла отъ меня... Тутъ я что-то закричалъ, да и проснулся...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Викольтъ и Жрецъ 1-й.

Жрецъ 1-й. (*Входитъ съ кувшиномъ въ рукахъ, смотритъ на Викольта. Въ сторону*). Проснулся (*къ Викольту*)... Вотъ тебѣ, доблестный рыцарь Викольтъ, питье... Можешь хочешь испить послѣ сна?

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. Ну такъ пускай кувшинъ стоитъ здѣсь... коли захочешь пить, онъ будетъ у твоего изголовья...

Викольтъ. Поставь...

Жрецъ 1-й. (*Ставитъ кувшинъ возлѣ изголовья*) Можешь ѣсть хочешь?—я принесу...

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. (*Въ сторону*) Коли не станетъ ѣсть да пить, такъ придется вѣрно задушить его. (*къ Викольту*) Я принесъ тебѣ надгробную слезницу (*показываетъ пузырьки*), которая почти полна слезъ плакальщицъ по твоемъ покойномъ отцѣ и которую завтра положить въ урну вмѣстѣ съ пепломъ покойнаго. Ужели ты не хочешь прибавить къ нашимъ общимъ свою слезу?!...

Викольтъ. Не хочу...

Жрецъ 1-й. (*ордо*) Да что я безумный предлагаю тебѣ... тебѣ-невѣрному отступнику!... Твоя слеза не достойна смѣшиваться съ слезами праведниковъ... Надъ тобой виситъ проклятіе твоего отца и бога Перкуна и богини Прауримы.

Викольтъ. (*Съ улыбкой*) За то не лезитъ проклятіе отъ богини Мильды...

Жрецъ 1-й. Нѣтъ, и она прокляла тебя за любовь къ невѣрной...

Викольтъ. Не горячись, вѣрный служитель небывалаго Бога... Лучше выпей вотъ этой воды... Успокойся тогда.

Жрецъ 1-й. (*Лукаво*) Я-то спокоенъ, мнѣ нечего печалиться; вотъ тебѣ слѣдовало бы этой водой успокоиться...

Викольтъ. Меня успокоитъ не вода, а смерть. Но не радуйтесь, взувѣры, моей кончинѣ! Со смертью, власть ваша на домной кончится. Если бездыханный трупъ мой будетъ въ рукахъ вашихъ, за то душа будетъ не ваша и полетитъ она не къ вашимъ деревяннымъ и каменнымъ богамъ, а предстанетъ предъ истиннымъ Богомъ, предъ Царемъ всѣхъ царей... предстанетъ она предъ Тѣмъ, Кто ее сотворилъ по образу и подобию Своему... И скоро настанетъ время, когда за мои страданія Онъ, правосудный, сотретъ васъ съ лица сей земли...

Жрецъ 1-й. Умолкни, нечестивый грѣшникъ; а не то я задую тебя... (*Дѣлаетъ движеніе къ Викольту*).

Викольтъ. Какъ я тебѣ за это буду благодаренъ!... Чтожъ остановился? начинай?... я въ твоей власти...

Жрецъ 1-й. (*Бросается на него*) Задую, проклятый!.. издыхай ты, вагъ...

(*Въ это время за сценой слышенъ шумъ и грозный голосъ князя Крюка: «Отпирай старый чортъ эту дверь»*).

Викольтъ. О, Боже милостивый!... Голосъ Крюка?.. Прочь! скверная тварь; (*отталкиваетъ ногой жреца 1-го*). Слышишь? за мной пришли; (*кричитъ*) князь! я здѣсь.. сюда!..

Жрецъ. Нѣтъ, я не отдамъ тебя живаго! (*снова бросается на Викольта; происходитъ упорная борьба. Дверь распахивается входитъ князь Ѡ. Крюкъ, Иванъ Яковлевъ и много латниковъ съ стѣкирами*).

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ.

Тѣ же и князь Крюкъ, Иванъ Яковлевъ и много латниковъ.

Князь Ѡ. Крюкъ. Онъ—здѣсь!...

Викольтъ. Помогите!... спасите... меня душатъ!

К. Крюкъ. Поздно, бездѣльникъ, вздумалъ шутки шутить!... Пошолъ же къ чорту, окаянный! (*закалываетъ мечъ жреца 1-го, который, застонавъ, падаетъ*) Викольтъ, голубчикъ мой! Насилу я тебя нашелъ!... Благодарю Господа, что во время поспѣлъ я на твое спасеніе!... Молодцы мои узорскіе!... сбивайте съ рукъ боярина цѣпи... (*два латника сбиваютъ цѣпи*) Ишь, окаянные душегубцы! какъ крѣпко приковали!... Ну — вотъ такъ... Позволь, бояринъ, я помогу тебѣ привстать... Чай давно не ставалъ на ногахъ? (*поднимаетъ его*). Да, дай поцѣловаться (*они обнимаются и целуются*). Викольтъ качается) Что, видно тяжело стоять?... Павелъ, Иванъ, держите боярина!...

Викольтъ. (*Отираясь на руки латниковъ*) Тяжело и душно... Князь-Ѡеодоръ Петровичъ, какъ Господь тебя надумелъ отыскать меня?... А я ужъ не чаялъ видѣть тебя!..

К. Крюкъ. Да и я тебя тоже.—Ка бы не Богъ, вразумляющій грѣшниковъ на покаяніе (*бросаетъ тѣпный взглядъ на Ивана Яковлева, который плачетъ*). Павелъ! принеси изъ сѣней пенъ дубовый, я видѣлъ его тамъ,—пусть бояринъ сладеть (*Павелъ уходитъ*).

Викольтъ. А Варя, князь... жива,—здорова?

К. Крюкъ. Не кручинься по ней, бояринъ! Она жива, ты ее скоро увидишь... (*Павелъ приноситъ дубовый пенъ и ставитъ*). Садись, Викольтъ, успокойся!...

Викольтъ. (*Садится*) Что она вспоминаетъ меня?

К. Крюкъ. Еще бы! Чуть было въ монастырь не ушла... Отецъ ей и келью хотѣлъ строить...

Викольтъ. Такъ пойдѣте скорѣе къ ней... къ моей дорогой!...

К. Крюкъ. Погоди, бояринъ, отдохни. Хотя съ сердцемъ-то и не легко сладить, а все-таки ты успокойся спервоначала,—да расскажи мнѣ, какъ и когда здѣсь ты очутился?... А потомъ я тебѣ расскажу, какъ узналъ о тебѣ.

Викольтъ. Въ тотъ же вечеръ, князь, когда мы были у Вари... ты помнишь? (*князь утвердительно качаетъ головой*) пошолъ я домой, на пути зашелъ къ отцу Нестору,

объявить о моемъ желаніи креститься, онъ благословилъ меня, прочелъ я у него предъ кіотомъ молитвы и отправился домой. Прихожу къ себѣ въ покои, легъ спать,—не спится, сердце чуть не выпрыгнетъ. Проворочался я съ боку на бокъ до первыхъ пѣтуховъ... потомъ слышу отворилась дверь, вошелъ мой отецъ съ десятью вайделотами... Я не зналъ, что и подумать... Говори, окаанный сынъ, сказалъ мнѣ отецъ, ты принимаешь завтра христіанскую вѣру? Принимаю, отвѣчалъ я твердо... Ну такъ берите его, тащите эту тварь, сказалъ отецъ мой вайделотамъ; тѣ бросились на меня, я началъ искать свой мечъ, но его уже не было на стѣнѣ; меня обезоружили, связали мнѣ руки, ноги, завязали глаза, заткнули мнѣ ротъ... и понесли... Съ тѣхъ поръ я томился здѣсь на цѣпи...

Иванъ Яковлевъ. (*Плачетъ*) Ахъ, я окаанный предатель!...

К. Крюкъ. Ну—теперь, бояринъ, очередь за мной; сей часъ расскажу тебѣ все... Вотъ дай съ этой тварью покончить. (*Подходитъ къ жрецу*) Околѣлъ, коршунъ! (*къ латникамъ*) Эй, добрые молодцы мои! вытащите на дворъ эту свдую крысу, эту мышъ поганую; пусть плакальщицы завоюютъ по немъ, пусть этотъ старый плутъ Криве-кривейто принесетъ эту падалъ въ жертву богамъ своимъ! (*латники выносятъ тѣло жреца 1-го*).

Викольтъ. Такъ Варя... моя милая Варя здорова?

К. Крюкъ. Здорова, благодареніе Богу!.. Но позволь мнѣ рассказать тебѣ, бояринъ, какъ я нашелъ тебя.

Викольтъ. Охотно, князь.

К. Крюкъ. Вотъ, видишь ли: какъ пропалъ ты,—нѣту день, два, три... вотъ цѣлая недѣля прошла, а тебя нѣтъ какъ нѣтъ! Задумали мы думу вѣрную, куда это Викольтъ пропалъ?... Великій князь Ольгердъ велѣлъ искать тебя,—а я отъ тоски—не ѣмъ, не пью, не сплю... И пиво не въ пиво, и медъ не въ медъ!... Ищемъ—ищемъ, а тебя все не находимъ. Закручинились всѣ по тебѣ... Тутъ отецъ Несторъ и говоритъ намъ: вѣрно онъ уѣхалъ, говоритъ, въ великій Псковъ—вѣру нашу принимать. Онъ, говоритъ, сказывалъ мнѣ о крещеніи, заходилъ ко мнѣ. У насъ на сердцѣ не много полегчало... А тутъ свадьба подошла,—великій князь женился на княжнѣ тверской... Мѣсяцъ цѣлый пировали-ликовали, проводили гостей тверскихъ. Начали молодыхъ потѣшать забавами, да

охотой... Княжна тверская не охотница до забавъ людскихъ, — болно богомольна! Не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ повѣнчались, а ужъ монастырь Троицкій выстроила для монашеской братіи, (1) да домовую церковь сдѣлала въ верхнемъ замкѣ.—Ну, мы, признаться тебѣ, въ этой радости-то, о тебѣ, бояринъ, и позабыли. Потомъ заслышали мы, что въ нашу землю татары забрели... Великій князь Ольгердъ собралъ рать... Затрубили въ рога, пошли первоначально мы съ дружиной за Мѣдникскія ворота, — знаешь у Остраго конца?... Отецъ Несторъ, со всѣмъ православнымъ соборомъ, отслужилъ намъ съ водосвятиемъ молебень Корсунской Божіей Матери, — помнишь, бояринъ, что мы въ Корсуніи-то у татаръ отбили?... Еще великій князь Ольгердъ покойной супругѣ своей отдалъ, а теперашняя великая княгиня Іуліанія Александровна Троицкому монастырю *въ даръ принесла*... Монахи поставили ее на Мѣдникскія ворота, окропили насъ святой водой, мы приложились къ иконѣ, поплакали досыта и — бывали таковы! Цыль такую отъ конскихъ копытъ подняли, что словно нашла туча градовая... Настигли татаръ... пошла свалка... татары побѣжали, мы за ними, да до самаго Чернаго моря добрали, въ Золотой ордѣ были... Богачества сколько привезли! страсть!... Тамъ мы и зимовали... А когда возвращались домой, на пути грабителей-крестоносцевъ встрѣтили, они было намѣревались безъ насъ въ Вильну въ гости пожаловать, — да не удалось, — поколотили мы ихъ порядкомъ, — плѣнныхъ литовцевъ нашихъ отбили, которыхъ они успѣли насильно въ латинскую вѣру перекрестить, а тѣ, понимаешь, бояринъ, какъ только очутились у насъ, и давай въ рѣкѣ смывать это крещеніе латинское... *Мы, говорятъ, будемъ сами креститься въ русскую вѣру, а въ этой оставаться не хотимъ*... И вотъ, на дняхъ только мы въ Вильну воротились. Я какъ нрѣхалъ, и спрашиваю о тебѣ; а тутъ какъ на грѣхъ — ни тпру-ни-ну, ни кто ничего о тебѣ не знаетъ, не вѣдаетъ. Великій князь какъ узналъ, что твой и слѣдъ простылъ, разослалъ грамоты. А меня, понимаешь, горе взяло... Ужъ дужо думалъ, а ничего не надумалъ; былъ и у Варвары Тимофѣев-

(1) Въ Твери — есть древняя церковь Бѣлая-Троица за рѣкой Тьмой, изъ которой провожали Іуліанію Александровну въ Вильну. Въ этой церкви, гласитъ преданіе, она дала обѣтъ — по приѣздѣ въ Вильну построить дерловъ во имя Троицы. (Авт.)

ны,—насилу къ ней меня допустили; тоскуеть, бѣдная, сидитъ молча, пригорюнившись, либо мечется изъ угла въ уголь, словно ищетъ кого; ничего тоже не знаетъ... Эхъ—ма! дай, думаю себѣ, съѣзжу-ка въ Керново; тамъ говорятъ вѣдьма-колдунья есть,—не знаетъ ли она чего о тебѣ? Грѣшный человекъ, поѣхалъ; приѣзжаю туда, сворачиваю во дремучій боръ, ѣду по тропинкѣ; вдругъ слышу не подалеку кто-то блажью рветъ... точно рѣжутъ кого; я свернулъ коня съ тропинки, пробираюсь между молодымъ ельникомъ, осинникомъ—прямо на крикъ; выѣзжаю на поляну, гляжу на травѣ, растянувшись навзничъ, вотъ этотъ соколикъ (*показывается на Ивана Яковлева*) роетъ землю и бьется головой... Что ты за человекъ? спросилъ я его... Онъ вскопчалъ, посмотрѣлъ на меня дико, да и повалился мнѣ въ ноги... Грѣшный, говорить, я, окаянный!... Пришиби, говорить, меня только выслушай! Я говорить, загубилъ Викольту... У меня и глаза забѣгали. Я, говорить, донесъ на него Криве-кривейту, что онъ вѣру нашу хочетъ принять; боярина, говорить, схватили... Можеть и душеньку загубили,—а можеть томать въ тяжкомъ заточеньи... За что же ты, говорю, душегубецъ, донесъ-то на него, изъ какой корысти?... Не изъ корысти, говорить, а по досадѣ... Онъ, видишь, бояринъ, служилъ въ прикащикахъ у отца Варвары Тимофѣевны; Варя ему больно приглянулася, а онъ-то ей—вишь—нѣтъ... Да какъ узналъ онъ, что тебя она любитъ, ну и не стерпѣлъ,—пошелъ ябедничать... Хотѣлъ я ея злонаманника на томъ же мѣстѣ пришибить, да ужъ такъ спустилъ, не знаю почему... Ну вотъ, я думаю, мѣшкать нечего,—велѣлъ ему идти за мной въ Вильну, прибыли въ Вильну, я сей часъ къ великому князю, рассказалъ ему все. Онъ приказалъ вытребовать тебя у Криве-кривейто. Я взялъ два десятка своихъ молодцовъ-удальцовъ, да къ этому старому плуту... Запирается; не знаю, говорить, не вѣдаю, и его (*показалъ на Ивана Яковлева*) не призналъ. Врешь, думаю я. Дружки мои, обыскивайте всѣ строенія, всѣ клева, всѣ подземелья, всѣ амбары... Ну, вотъ и нашли, слава Тебѣ, Царю небесный!... Дай еще обнять тебя и поцѣловать! (*Обнимаются и цѣлуются*).

Иванъ Яковлевъ. (*Въ рыданіяхъ бросается въ ноги Викольту*). Батюшка, бояринъ!... Сними, ты, съ меня тяжкій грѣхъ; не замолишь мнѣ его никогда... Ужъ я и въ Кіевъ-то къ святымъ угодникамъ печерскимъ ходилъ молиться

и въ Новгородѣ Великомъ былъ, и въ Москвѣ, и во Псковѣ былъ.. все по напрасну! и руки-то на себя я накладывалъ, такъ и смерть не беретъ... Два раза вѣшался,—обрывался; три раза горло надрѣзывалъ,—всегда мѣшали.. Уходилъ въ темный боръ къ звѣрямъ лютымъ, звѣри мимо меня ходили, а не трогали окаяннаго.. Ни о чемъ не думалось мнѣ, только о твоей душенькѣ, бояринъ!... Дрожалъ я, аки листъ осиноый, не отъ холоду, а отъ недуга душевнаго.. Стоналъ я не отъ боли, а отъ кары Божіей... Не подымалъ я очей своихъ на ясное солнце не отъ слѣпоты, а отъ укора совѣсти; обѣгалъ людей, не отъ боязни, а отъ стыда... Бояринъ добрый! взми-луйся надо мной!... Убей ты меня изъ своихъ рукъ, только развяжи ты меня съ грѣхомъ великимъ, чтобы мать сыра земля меня не отвергла... *(Захлебывается въ рыданіяхъ)*.

Викольтъ. Встань!... Проси Бога, чтобы Онъ простилъ тебя... А я тебя отъ всей души прощаю...

Иванъ Яковлевъ. *(Хватаетъ его за руку и цѣлуетъ)* Бояринъ добрый!... дай Богъ тебѣ всю свою жизнь не звать ни горя, ни печали!... Снялъ ты съ моей грѣшной души камень тяжелый... Легко мнѣ теперь стало!... Открылся для меня опять свѣтъ Божій!... Безъ кручинушки теперь пойду я къ великому князю Ольгерду, понесу я ему свою повинную головушку на плаху... Пусть по дѣніямъ моимъ окаяннымъ воздастся казнь позорная!...

Викольтъ. Не хочу я, чтобы за меня христіанская кровь пролилась; не будешь ты казненъ... Я самъ буду челомъ бить великому князю о помилованіи тебя...

Иванъ Яковлевъ. Нѣтъ, добрый бояринъ!.. На что мнѣ теперь жизнь?... Не мила она будетъ... И такъ я начался, настрадался... Лучше пусть порѣшати со мной... Хотя душа моя и въ аду будетъ, да по крайности тѣло приметъ мать сыра земля... А жить для мученій, да для людскихъ издѣваній не хочу... Вѣдь что я сдѣлалъ окаанный; вы только подумайте, люди добрые!

К. Крюкъ. Ну, да что ужъ тутъ калякать-то по-пусту!... Бояринъ тебя простилъ, какъ повелѣваетъ слово евангельское.. Ну такъ нечего распинаться-то... Теперь тебѣ нужно всю жизнь Господа замаливать о прощеніи... Онъ прощаетъ грѣшниковъ, съ вѣрою раскаевающихъся.

Иванъ Яковлевъ. Охъ! не замолить мнѣ грѣшному мой тяжкій грѣхъ!...

К. Крюкъ. Захочешь духомъ смириться, да плотъ свою заморить, да съ теплою молитвою обратиться къ Богу, такъ замолишь... А теперь спервоначала иди-ка ты къ Варварѣ Тимофѣевнѣ, выпроси у нее прощеніе, да оповѣсти что Викольтъ живъ и здоровъ... И тебѣ, молю, красавица кланяется... Сегодня, молю, къ тебѣ будетъ, только въ замокъ къ великому князю сходить да передѣнется. А коли тебя не допустятъ къ ней, возми моихъ двухъ латниковъ... Павелъ иди съ Гаврилою за нимъ!... Скажите, что онъ посланъ отъ меня!..

Иванъ Яковлевъ. *(кланяется)* Твоей милости, княже, слушаюсь... *(Входятъ латники, которые вынесли тѣло жреца)*.

Викольтъ. Скажи ей отъ меня низкій поклонъ!..

Иванъ Яковлевъ. *(кланяется въ ноги)* Слушаю, добрый бояринъ!... Дай тебѣ, Мати Пресвятая, всякаго счастья да благополучія; миръ да любовь съ Варварой Тимофѣевной!... Спасибо и тебѣ князь *(кланяется въ ноги князю)*, что воскресилъ ты мою душеньку погибшую... Да пошлетъ Господь Богъ вамъ, храбрые доблестные бояре, всякаго благополучія! *(кланяется и уходитъ съ двумя латниками)*.

ЯВЛЕНІЕ СЕДЬМОЕ.

Тѣ же безъ Ивана Яковлева и двухъ латниковъ.

К. Крюкъ. *(къ Викольту)* Дай еще обнять тебя Викольтъ! *(обнимаетъ)* ты поступилъ съ этимъ предателемъ по христіански... За смерть платить смертью слѣдуетъ... Но когда ты слава Богу здоровъ, и живъ, такъ—пусть и онъ живетъ,—а вось замолишь за себя. *(Къ латникамъ)* Ну что же вы, дружки мои, выкинули на дворъ эту погань, которую я въ тартаръ отправилъ?

Гаврило. Выбросили, князь!... Смѣхъ да и только!... Какъ увидали эти окаленные своего собрата мертвымъ, такъ только и видали мы ихъ пятки.—Оттуда, подумаешь, прыть взялась?... Всѣ попрятались и зничъ свой „бросили, тотъ теперь погасъ...“

К. Крюкъ. Завтра взвоюгъ они не такъ! Радуйся, бояринъ! завтра изъ святой рощи ихъ выгонять, а на томъ мѣстѣ церковь заложать. А какъ узнаетъ великій князь, что ты у нихъ сидѣлъ-то цѣлый годъ, такъ, пожалуй, и съ этого

главного гнѣзда дубьемъ погонить... Ну, бояринъ, чай ужъ отдохнулъ?... Теперь пойдемъ до моего терема. У меня перебяса, доспѣхи надѣнешъ, да къ великому князю пойдемъ целюмъ бить...

Викольтъ. Готовъ, князь! только меня жажда мучить; вели твоимъ латникамъ подать вонъ тотъ кувшинъ съ водой... я вапьюсь...

К. Крюкъ. Подайте кувшинъ съ водой боярину. (*Латникъ подаетъ Викольту*).

Викольтъ. (*Пьетъ*) Изнемогъ я здѣсь совсѣмъ!.. Вотъ и прѣсная вода кажется горькой... (*отдаетъ кувшинъ латнику*) Погоди, князь, дай перевести мнѣ духъ... А то еще гажело дышать... Еще не могу опомниться что я не на волѣ.

К. Крюкъ. Какъ тебѣ лучше, такъ и дѣлай!..

Викольтъ. (*Схватывается за животъ*) Князь... Θεодоръ! что-то тошно мнѣ!.. подводитъ животъ!.. Сдается мнѣ, что въ водѣ зелье было... я отравился... рѣжетъ!..

К. Крюкъ. Съ нами крестная сила! Господи, помилуй насъ!... Гаврило! бѣги что есть духу въ нижній замокъ пригнати живѣе грека врача великокняжескаго!... Да скажи ему, чтобы онъ отъ зельевъ разныхъ, отъ травъ и кореньевъ волшебныхъ, захватилъ снадобья... (*латникъ постынно уходитъ*) Ахъ, проклятые душегубцы!..

Викольтъ. Отравили... Отравили!.. Жжетъ... горитъ!.. Князь, будь братомъ... пошли за священникомъ, пусть окрестить меня, дабы я умеръ христіаниномъ!... Да пошли за Варей!... Хоть глазкомъ на нее бѣдную взгляну въ послѣдній разъ!... Охъ! охъ!...

К. Крюкъ. Наше мѣсто свято! Иванъ! бѣги за отцомъ Несторомъ... попроси скорѣй его сюда, — требу совершить!... (*Латникъ Иванъ уходитъ*) А ты, Игнатій, бѣги за Варварой Тимофеевной Челноковой! она живетъ на русской половицѣ... Забѣги спервоначало къ ея отцу въ гостинный дворъ, онъ торгуетъ... (*Входитъ Варвара, Иванъ Яковлевъ и два латника*) Викольтъ! Господь услышалъ твою молитву!... Варвара Тимофеевна сама пришла...

ЯВЛЕНИЕ ВОСМОЕ.

То же и ВАРВАРА, Иванъ Яковлевъ и два латника.

ВАРВАРА. Гдѣ онъ мой голубчикъ?... гдѣ мое красное солнушко?...

ВИКОЛЬТЪ. Варя! *(порывается къ ней)*.

ВАРВАРА. Викольтъ! *(падаютъ другъ другу въ объятія)*.

К. КРЮКЪ. Она ничего не вѣдаетъ... бѣдная!...

ВАРВАРА. Не во снѣ ли мнѣ мерещится мое счастье, моя радость... мой желанненькой!... *(Цѣлуетъ его)*.

ВИКОЛЬТЪ. *(Бользненно опускается на пень)* Варя... милая моя!... Ты ничего не знаешь... Охъ!.. Дай мнѣ всмотрѣться въ твои очи передъ смертью!... Я умираю!... Вѣдь меня отравили... отравили зельемъ смертельнымъ!...

ВАРВАРА. *(Оторотъвъ)* Отравили?... отравили?... Какъ отравили?!.. *(смотритъ было и пристально на Викольта)*. И впрямь отравили... злодѣи!... *(плачетъ)* О, Господи, помилуй!.. Чтожъ это такое?!.. За что же ты, Господи, меня наказываешь... Молилась я Тебѣ, просила я Тебя увидать моего суженаго... Ты услышалъ мою молитву, зачѣмъ же Ты теперь его у меня отнимаешь, на вѣки съ нимъ разлучаешь.

ВИКОЛЬТЪ. Варя, милая Варя!.. Нетужи!.. Молись Богу, чтобы въ томъ лучшемъ мѣрѣ мы увидались съ тобой!.. Охъ, душно!.. горить!... Варя, благослови ты меня... крестнымъ знаменіемъ!... Охъ!...

ВАРВАРА. *(Благословивъ его)* Не на радость мнѣ безталанной батюшка съ матушкой, жизнь дали!... Не даромъ я молодешенька тосковала, не понапрасну видно кукушечка жалобно куковала!... пролетѣлъ надъ нами черный воронъ!.. Улѣтаетъ мой сердечный другъ далеко!... *(Рыдаетъ)*.

К. КРЮКЪ. *(Къ Ивану Яковлеву)* Что Иуда предатель!... Видишь теперь слѣды дьявольскихъ твоихъ козней?... Бѣги отсюда, нечестивецъ!... Иди, говорятъ, — пока я тебя не зарубилъ!... Э! да что я говорю! что въ смерти твоей!... Нѣтъ, пусть кара Божія постигнетъ тебя какъ Кайна... *(Вонь!.. вонь, жидъ скверный! (Иванъ Яковлевъ, качаясь, уходитъ))*.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ.

Тъ же безъ Ивана Яковлева, потомъ Грекъ Врачъ.

К. Крюкъ. Разорвись мое сердце на мелкія части!... Викольтя скоро не будетъ съ нами!...

ВАРВАРА. (*Благоговѣнно*) Онъ будетъ здѣсь (*показываетъ на сердце*),--здѣсь—у меня... Я уловлю его душу... Мы съ нимъ соединимся и никогда не разлучимся... Я пойду въ монастырь оплакивать его, молиться за него, а послѣ смерти (*показываетъ на небо*) мы будемъ оба тамъ... Тамъ, гдѣ нѣтъ людской зависти, злобы и неправды (*Въ изнеможении опускается на полъ и плачетъ. Входитъ Грекъ съ латинками*).

К. Крюкъ. (*къ Греку врачу*) Боярина Викольтя отравили зельемъ смертельнымъ поганые жрецы. Онъ еще живъ... Коли ты спасешь его, половину моего имѣнія съ угодами я отдаю тебѣ... Принесъ ли снадобья.

ГРЕКЪ-ВРАЧЪ. Принесъ, князь!.. А гдѣ же то зелье и въ чемъ дали ему?

К. Крюкъ. Вотъ въ водѣ (*подаетъ кувшинъ*); но не мѣшкой врачъ, время дорого...

ГРЕКЪ-ВРАЧЪ. (*Смотритъ въ кувшинъ*) У меня есть, князь, снадобье противъ всякаго зелья... Вотъ я попробую, коли оно отъ моего корешка побѣлѣетъ, то благородный рыцарь Викольтъ жить будетъ, а коли нѣтъ, такъ смерть неминуемая (*Беретъ изъ ящика, съ которымъ пришелъ, свертокъ и сыплетъ въ кувшинъ, изъ котораго выливается на полъ не много бѣлой жидкости*) Слава Небу! Викольтъ спасенъ! Пусть выпьетъ изъ этого пузырька настоеннаго корешкомъ (*подноситъ пузырекъ къ Викольту*) и живъ будетъ...

ВАРВАРА. Спасенъ!?! Спасенъ, ты говоришь?!.. Господи! возврати мнѣ Викольтя!...

Конецъ 2-го дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

СВЯТАЯ РОЩА.

Въ глубинѣ сцены деревянный заборъ, со входомъ безъ воротъ. Возлѣ входа стоитъ четырех-угольный столбъ, на которомъ поставлена каменная ступа, въ ней пылаетъ огонь (вѣчный зничъ). По срединѣ сцены возвышеніе, съ ступеньками. На возвышеніи дубовый толстый пенъ, на которомъ поставленъ вдоль „Перкунусъ“, въ рукахъ у него—въ правой—молвіи, въ лѣвой—головни. На право лежать дрова, на лѣво догорающій костеръ. За заборомъ, на темномъ фонѣ, видѣтъ дремучій лѣсъ. На сценѣ полусвѣтъ. Блещетъ молвіи, гремитъ грохъ...

ЯВЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Криве, жрецы, вайделоты, вайделотки, гусляры, бурты и народъ.

КРИВЕ. (1) *(Въ рукахъ у него двойная кривоуля. Она стоитъ противъ идола и что-то шепчетъ ему, — дѣлая руками таинственные жесты. Потомъ обходитъ кругомъ идола, кланяется и беретъ изъ рукъ идола голову, зажимаетъ ее у алтарика «вѣчнаго зничъ» и становится на прежнее мѣсто, къ нему подходятъ сперва вайделотки, потомъ всѣ присутствующіе, — онъ раздаетъ имъ головы. Потомъ Криве становится лицомъ къ идолу).* Святне боги!... Перкунасъ! встрѣчай въ свой домъ вѣчной радости и веселья своего слушителя и нашего брата, который съ этого костра ѣдетъ къ тебѣ по орлиной дорогѣ (2) на небесномъ конѣ!... Вы, грозные Атримпось и Пеклосъ (3), пошлите моръ и язву на убійцъ его, нечестивыхъ христіанъ!...

(Становится на колѣно и что-то шепчетъ).

ВАЙДЕЛОТКИ. *(Обходятъ идола, окружаютъ жертвенникъ «зничъ» и подкладываютъ топливо. Дѣтъ изъ нихъ, золотыми щипчиками, мѣшаютъ огонь; друіія дѣтъ, посылъ ихъ, подходятъ къ алтаріку съ золоченными пузырьками, изъ которыхъ льютъ поочередно какую-то жидкость, отчего встѣкиваетъ пламя розовое и бѣлое...*

(1) Жрецъ и судія: у Криве кривоуля или жезлъ былъ вверху съ двумя раздѣленіями на подобіе вилъ.

(2) Млечный Путь.

(3) Атримпось — богъ морей и рѣкъ; Пеклосъ — богъ зла. Литовская мифологія.

Хоръ вайделетокъ.

„Ты пылай огонь священный
„Яркимъ пламенемъ всегда“.

ГУСЛЯРЫ И БУРТЫ. (*Гусляры играютъ на цитрахъ, а бурты поютъ лелованіе*).

„Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Хоръ вайделетокъ.

„Освящай насъ правовѣрныхъ,
„Чисто любящихъ тебя“.

ГУСЛЯРЫ И БУРТЫ.

Лело... лело... лело... лело... лело!... (Bis).

Всѣ вмѣстѣ.

„Ты пылай огонь священный,
„Яркимъ пламенемъ всегда
„Освящай насъ правовѣрныхъ,
„Чисто любящихъ тебя“.

Лело... лело... лело... лело... лело...

КРИВЕ. (*Подходитъ къ костру и кладетъ въ него юлотно*). Ты слышишь, нашъ братъ, по тебѣ наше лелованіе?... (1) Радуйся и веселися, боги встрѣчаютъ тебя у входа своего вѣчнаго царства...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

КРИВЕ. Тебя убили вчерась скверные христіане;—но за кровь твою наши боги отомстятъ имъ...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

КРИВЕ. Мы по тебѣ плачемъ и рыдаемъ, твои добродѣтели восхваляемъ...

(Гусляры играютъ, бурты повторяютъ лелованіе).

КРИВЕ. (*Наклоняется къ костру и что-то шепчетъ. Ему подають двѣ посудыны, одну съ яствомъ, друую съ напитокомъ. Попробовавъ того и друаго, онъ выбрасываетъ во немногу въ костеръ, а посудыны отдаетъ*) Да будетъ тебѣ

(1) Лелованіе,—это значить убаженіе, — припѣвъ во время обрядовъ. (Крашевскій).

вѣчно, братъ, тамъ такъ же сладко, какъ это явство и пріятно, какъ этотъ нашюгокъ улусъ (1). *(Всѣ подходятъ къ костру и кладутъ въ него соломи).*

Хоръ вайделотекъ.

„Поѣжай, нашъ брате...

„На небесномъ конѣ...“

Гусляры и вурты...

Дело... дело... дело... дело... (Bis).

Хоръ вайделотекъ.

„Твой покой на златъ,

„На богатомъ сѣдлѣ“.

Гусляры и вурты.

Дело... дело... дело... дело... (Bis).

Всѣ шѣотъ.

„Поѣжай, нашъ брате...

„На небесномъ конѣ...

„Твой покой на златъ...

„На богатомъ сѣдлѣ“.

Дело... дело... дело... дело... дело!...

(Вайделотки берутъ кувшины съ водой и заливаютъ костеръ).

К р и в ь. Ну прощай, нашъ братъ, вѣрный поклонникъ нашихъ боговъ *(къ вайделотамъ)*. Давайте урну *(ему подаютъ урну и лопатку, — форма которой похожа на желѣзный продоловатый ковшъ, съ отверстіемъ въ боку; имъ онъ сребаетъ пепелъ и пережженныя кости и кладетъ въ урну)*. Ступай, нашъ братъ, съ этаго несчастнаго свѣта, который полонъ всякихъ мерзостей и зла! Ступай на вѣчную радость туда, гдѣ тебя обижать не стануть ни хищный ляхъ, ни поганый врестоносецъ, ни дикій татаринъ, ни коварный русинъ... Проси нашихъ боговъ, чтобъ они истребили всѣхъ христіанъ, гонителей нашихъ, и уготовъ для насъ твоихъ братьевъ веселыя вѣчныя обители! *(Беретъ слезницу изъ рукъ вайделота, приставляетъ ее къ глазамъ своимъ и что-то шепчетъ, потомъ подноситъ слезницу сначала къ вайделоткамъ, а послѣ ко всѣмъ присутствующимъ. Всѣ приставляютъ ее къ глазамъ своимъ)*.

(1) Улусъ литовское пиво или брага.

Хоръ вайделотъ.

„Плачемъ и рыдаемъ
„Тебя вспоминаемъ!“

Бурты и гусляры.

Дело... дело... дело... дело... дело!... (Віз).

Хоръ вайделотъ.

„Не оставь насъ, брате
„Въ покояхъ на златѣ“.

Бурты и гусляры.

Дело... дело... дело... дело... дело!... (Віз).

Всѣ знаютъ.

„Плачемъ и рыдаемъ
„Тебя вспоминаемъ,
„Не оставь насъ, брате,
„Въ покояхъ на златѣ!“

Дело... дело... дело... дело... дело!...

Криве. *(Обойдя встѣхъ, обращается къ вайделоту, который держитъ урну). Задѣлай слезницу! (Вайделотъ передаетъ урну Криве, а самъ начинаетъ задѣлывать слезницу. Криве держитъ урну и что то шепчетъ надъ ней. Всѣ присутствующіе начинаютъ бормотать, — стучать ножками и проч. визжать, крикаться и вертѣться. Слышно завыванье вѣтра, раскатъ грома).*

Криве. Ты слышишь, нашъ братъ?... Самъ Гардеольдъ (1) тебя встрѣчаетъ на своей колесницѣ?!... Слышишь какъ его дѣти бурно мчатся къ тебѣ?!... Слышишь ли, какой вопль поднимають Дугны (2), Роганы и Мейдзоны... Иди же смѣло въ обитель вѣчнаго счастья и проси боговъ нашихъ о казни всѣхъ христіанъ за смерть свою!

Вайделотъ. *(Подаетъ слезницу Криве).* Готово, отецъ нашъ!

Криве. *(Кладетъ въ урну и обращается ко всемъ присутствующимъ).* Волю боговъ возвѣщаю вамъ: живите такъ же, какъ жилъ нашъ покойный братъ Вруба; умирайте такъ, какъ умеръ онъ! Смерть такая пріятна нашимъ богамъ. На насъ теперъ гоненіе, и мы должны бороться съ нечестивыми.

(1) Богъ бурн и вѣтровъ.

(2) Дугны, водные а Роганы и Мейдзоны дѣтскія дивы.

Если будетъ нужно, сожгите всѣ богатства и пожитки, готовьтесь умереть, какъ достойные служители Перкуна! У насъ отнимають и эту послѣднюю святую рощу и даютъ только одну божницу—въ стѣнахъ Криве-кривейто, гдѣ вчера нечестивые христіане осквернили чертоги нашего верховнаго жреца убійствомъ брата нашего, котораго мы сейчасъ леловали и сожгли на святомъ кострѣ. Но время приближается,—скоро пробьется сквозь тѣнистыя священныя дерева роковая утренняя заря, послѣ которой мы оставаться здѣсь не можемъ (*обращается къ вайделоткамъ*). Вы, дѣвы непорочности, служительницы вѣчнаго зничя, поклонницы богини Прауриме,—берите этотъ святой камень, гдѣ пылаетъ божественный огонь, несите его съ лелованіемъ въ стѣны нашего верховнаго жреца Криве-кривейта, — онъ приказалъ поселиться вамъ съ тамошними вайделотками. (*Къ вайделоткамъ*). Четверо изъ васъ, братья мои, останьтесь здѣсь, окропитесь водою небесной и принесите въ послѣдній разъ жертву хлѣбную святому Перкуну; въ честь его подожгите всю рощу со всѣхъ концовъ и всѣ наши опустѣлыя строенія, потомъ поставьте его на святыя носилки и чрезъ подземный ходъ, что у святаго дуба, перенесите въ стѣны криве-кривейта,—гдѣ будетъ святое сожиганіе тѣла Ренгольда,—отца проклятаго отступника Викольтя, за котораго вчера убитъ нашъ братъ Вруба, (*къ буртиникамъ и проч.*). А мы, братья, пойдемъ за непорочными двами во слѣдъ, съ прахомъ нашего брата (*передаетъ урну одному изъ вайделотовъ*), котораго похоронимъ въ кривомъ градѣ, близъ нашего отца Зничя. (*Кланяется на четыре стороны*). Прощай, святая роща!... Прощайте, святыя деревья!... Плачь вся природа!... Загораются костры священныя!... Потрясись земля и поглоти въ свои нѣдра всѣхъ христіанъ!... О, Пеклусъ... Пеклусъ!... пошли въ Вильну черную птицу, которую зовутъ лютой смертью... Пусть она замахаетъ надъ ней своими страшными крыльями и клювомъ своимъ вольетъ язву въ уста гонителей нашихъ. (*Обращается къ народу*). Начинайте лелованіе и пойдите!

Вайделотки. (*Подходятъ къ каменной ступѣ, снимаютъ ее, ставятъ на носилки и поютъ*).

„Ты пылай огонь священный,

„Яркимъ пламенемъ всегда

„Освящай насъ правоярныхъ Digitized by Google

„Чисто любящихъ тебя“. (*Уходятъ*).

БУРТЫ И ГУСЛЯРЫ. (Несутъ урну).

„Плачемъ и рыдаемъ
 „Тебя вспоминаемъ,
 „Не оставь насъ, брате,
 „Въ покояхъ на златъ“.

(Уходятъ. Раскатъ грома).

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ.

На сценѣ ВАЙДЕЛОТЬ и А. Б. В.

ВАЙДЕЛОТЬ. (Беретъ кувшинъ, и дубовой вѣткой окропляетъ себя и другихъ. Потомъ всѣ перепоясываются бѣлыми поясами и, сдѣлавъ изъ дубовыхъ листьевъ 4 вѣнка, кладутъ на свои головы и кланяются по 3 раза, что то нашептывая, — явственно только слышно: Перкунусъ... Атримпусъ... Пеклусъ).

ВАЙДЕЛОТЬ. Давайте хлѣбъ и соль! (Ему подаютъ). Зажигайте жертвенникъ (одинъ изъ вайделотовъ подаетъ маленькій котелокъ, кладетъ туда топливо и зажигаетъ его головней. Когда старшій вайделоть разноситъ хлѣбъ и бросаетъ его съ солью въ котелокъ, то трое входятъ на возвышеніе и держатъ котолокъ. Старшій вайделоть кланяется идолу, беретъ котелокъ и ставитъ на голову идола, потомъ всѣ сходятъ и падаютъ ницъ).

ВАЙДЕЛОТЬ. О, боги! внемлите нашему моленью, спасите насъ отъ гоненія нечестивыхъ христіанъ!

А. Святой Перкунусъ! затми лучезарное солнце, да не проглянетъ оно вѣчно сквозь грозныя тучи на Вильну!

Б. Святой Атримпусъ! повели морямъ и рѣкамъ выступить изъ береговъ своихъ и потопить гонителей нашихъ.

В. О, Пеклусъ... Пеклусъ!... Выдь изъ своего подземнаго царства и накажи зломъ свверныхъ христіанъ! (Ударъ грома и молнія).

ВАЙДЕЛОТЬ. Умоли всякая тварь, дышущая на землѣ!... Ударьте громы, лейтесь слезы небесныя!... О, святой Перкуне!... Тебѣ приносимъ мы жертву, услышь наши стоны и вопли! Порывистой молніей обрати въ прахъ и уголь всѣ дома христіанскіе и всѣ божицы ихъ. Сокруши ихъ, непризнающихъ твоего божества, громомъ! (Молнія ударяетъ прямо въ идола съ страшнымъ трескомъ. Истуканъ, на легионѣе обдаетъ голубой огонь, потомъ онъ валится съ пня,

который тоже разваливается на четыре части. Вайделоты въ ужасъ падаютъ).

ВАЙДЕЛОТЬ. (*Становясь на колѣна*). Молитесь... молитесь братія!—Божество съ небомъ соединяется. (*Слышенъ звукъ рожка. Въ смященіи отступаютъ къ забору*). О, горе намъ!... Конецъ насталь!... Спасайтесь братія!... давай-те носилки!.. Это рожокъ великовняжеской дружины; она перебьетъ насъ. (*Звукъ рожка повторяется*). Носилки... носилки... братія!... (*Ударъ грома и рожекъ. А. Б. В. въ испугъ убѣгаютъ*). Трусы проклятые, убѣжали, меня одного оставили!... Будеть вамъ отъ Криве-кривейты. Ну какъ я одинъ повесу?... Чего добраго наткнешься на дружину, отобьетъ его... да и меня на тотъ свѣтъ отправить... Развѣ въ подземелье пока спрятать?... послѣ можно... (*Рожокъ слышенъ не въ далекомъ разстояніи*). Уже близко невѣрные... Ну, святой Перкунъ, ты соединился съ небомъ, — проявиже свое божество въ гнѣвъ и поварай смертельнымъ недугомъ нечестивцевъ намѣревающихся осквернить твой храмъ. (*Рожокъ слышенъ очень близко. Вайделотъ поспѣшно уходитъ; на сценѣ свѣтаетъ*).

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена нѣсколько времени пуста, потомъ вбѣгаетъ Илюша.

Илюша. (*Вбѣгаетъ съ рожкомъ, прыгаетъ и прихлываетъ въ ладоши*). Кшми... кшми!... Спугнулъ... разбѣжались... гу, гу, гу, да, да, да,.. меня испугались... (*Смотритъ на идола*) Э!... Э!... Кшми... кшми... что это ты' дядя разлегся?... Али недужится?... али пивока выпилъ?... а?... Али глухъ сталъ?... Али спишь?... Такъ я разбужу (*Трубитъ ему*). Не слышишь? оглохъ?... проснись, говорятъ тебѣ, посмотри, вотъ дубровушка, точно матушка. Новымъ свѣтомъ облачилась... Ну спи, отдохни... Пора отдохнуть!... Я тебѣ пѣсенку спою... (*поетъ*).

„Чурбанъ,
„Болванъ,
„Баюшки баю...
„Баюшки баю...

Что? вѣрно не по нутру тебѣ эта пѣсенка, а? ась? громче говори, не слышу... кшми... кшми... (*хлопаетъ и кричѣется*). Не гнѣвись на меня... не боюсь, не страшно. (*Шлѣтъ ему*

взлама), го... го... го... да.. да... да... Отдохни, отдохни, голубчикъ, и я отдохну; усталъ! бѣжавши ужъ я думалъ, что опоздать — анъ ни кого нѣтъ, кромѣ твоей милости, дядя... (*Отходитъ къ дровамъ и ломится*). Вотъ мы по тебѣ поминки устроимъ... только, дядя, плакать не станемъ... а можеть и заплачемъ такъ не по тебѣ... Да... да... да... не по тебѣ... (*Смычекъ въ отдаленіи раскатъ грома*).

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Илюша и Иванъ Яковлевъ.

Иванъ Яковлевъ. (*Входитъ, озираясь кругомъ*). Куда я это забрелъ окаанный. Никакъ въ капище?... Ну такъ и есть!... У дьявола... Вонъ онъ и самъ лежитъ... Ни кого нѣтъ здѣсь!... Страшно, батюшки, страшно!... Все кто то шепчетъ мнѣ... что-то страшное, про муку вѣчную, про смолу кипучую... Въ ухахъ свистъ то такой... въ глазахъ все покойники мерещатся... Проклятый я... душегубецъ!.. Ужъ коли Богъ и люди отступились, не уже-ли и дьяволъ отступится?.. Попытаюсь, а вось онъ покончатъ со мной скорѣе другихъ (*развязываетъ поясъ и дѣлаетъ петлю на шею*).

Илюша. Въ такое время и дьяволъ прячется... кшми... кшми... Его и съ фонаремъ теперъ не найдешь.

Иванъ Яковлевъ. (*Испугавшись, отступаетъ къ забору*). Ай... Кто тутъ?... Кто тутъ?..

Илюша. (*Вскакиваетъ и прыгаетъ*). Не кричи, Ванюша... не кричи... а не то неравно дядю разбудишь (*показываетъ на идола*) Прибѣтъ тебя... го... го... го... да... да... да!...

Иванъ Яковлевъ. Это ты, Илюша?... За чѣмъ ты!

Илюша. Кшми... кшми... А ты зачѣмъ?...

Иванъ Яковлевъ. Я?... да... такъ...

Илюша. А я такъ, Ванюша, не такъ... не такъ... Вотъ небо очищается, тучи разбѣгаются, загорится зорюшка, проглянетъ красно солнышко, оболеть оно своимъ свѣтомъ добрыхъ людей, которые придуть сюда... А ты не добрый Ванюша... кшми... кшми... нѣтъ... нѣтъ!... Ты Бога прогнѣвилъ... И тебя Богъ забылъ... да... да... да...

Иванъ Яковлевъ. По дѣламъ мнѣ окаанному...

Илюша. Ты вѣдь грѣшникъ?!...

Иванъ Яковлевъ. Охъ, батюшка! грѣшникъ... великій грѣшникъ!...

Илюша. Кшми... кшми... Такъ за чѣмъ же ты, Ванюшка, петлю-то дѣлалъ... Али воробьевъ хочешь ловить?...

Иванъ Яковлевъ. *(Мутно обводитъ глазами)*. Петлю?... какую петлю?...

Илюша. А что тебѣ рукавъ-то у тебя...

Иванъ Яковлевъ. *(Отворачивается отъ него)*. Да такъ... поясъ мой, хочу на немъ покачаться... провѣтриться... чтобы тѣло съ душевнкой разсталось...

Илюша. *(Тихо подходитъ къ Ивану Яковлеву и трубитъ изъ рожка подъ самое ухо)*.

Иванъ Яковлевъ. Ай!... охъ!... охъ!... *(бѣжитъ къ забору)*.

Илюша. Что ты испугался, Ваня?... Чего ты боишься?... Звукъ моего рожка?... Это вѣдь еще не небесный рожокъ... Вотъ какъ затрубить на небеси, тогда пугайся!.. А теперь, Ванюшка, молись Богу... молись Богу... да, да, да... молись Богу... А на дьявола плюнь... Кшми... кшми... плюнь на него!... Вотъ такъ *(плюетъ на идола)*.

Иванъ Яковлевъ. Не замолишь мнѣ прощенья во грѣхахъ моихъ... Вѣдь грѣхъ—отъ великъ.

Илюша. Господь то пришелъ на землю не для праведниковъ, а для грѣшниковъ... Молись и ты... Да пострастуй по святымъ мѣстамъ... Сходи къ намъ въ Кіевъ.

Иванъ Яковлевъ. Вѣдь чрезъ меня вчерась душевненька погибла Викольты... Охъ, горе мое!... Вѣдь я проклятой...

Илюша. Анъ не погибла... кшми... не погибла... Викольты живы... да, да, да... живы. Вчерась окрестился... святыхъ тайнъ приобщился... да на Варенькѣ женился... да, да, да... на Варварѣ Тимофѣевнѣ... Го, го, го!.. И тебя, Ванюшка простили... я знаю... простили кшми... я знаю... я вѣдаю... Его теперь Николаемъ величаютъ.

Иванъ Яковлевъ. Батюшка, Илья Кузмичъ!... Божій ты человекъ!... Не томи напрасно, а скажи ты мнѣ поистинѣ... Не уже-ли живъ Викольтъ?... Вѣдь его вчерась отравили... Зельемъ напоили...

Илюша. Богъ его спасъ, Ванюша... Богъ спасъ... отъ живъ... да, да, да... живъ, здоровъ... Тебя не прощаютъ, а частенько вспоминаютъ.

Иванъ Яковлевъ. Неужели?!... Батюшка, Илья Кузьмичъ, рабъ Божій! (*кланяется въ пояс*). Видно самъ Богъ послать тебя на мое спасенье... Вѣдь я руки хотѣлъ на себя положить, окаянный... удавиться хотѣлъ... А теперь, пусть что будетъ, то будетъ... Пойду я опять къ боярину Викольту, уаду я ему на землю, буду просить его неизмѣнно, что бы онъ простилъ меня, потомъ надѣну сумку свою и пойду я въ обитель къ угодникамъ, поступлю въ монастырь... буду плакать и молиться... за добрыхъ людей, а колыми паче за себя... (*кланяется и хочетъ идти*).

Илюша. Пстой, Ванюша, помѣшкай!... Ты погляди на небо!—видишь, какъ ясно сдѣлалось? Зорынька загорѣлась. (*Вдали слышна музыка*) Слышишь музыка играетъ?... Дружина князя идетъ... И Викольтъ, въ православіи Николай, придетъ, и Варя придетъ, всѣ придутъ..., молиться будемъ... рубить дубы будемъ, церковь строить будемъ... (*сквозь слезы*) радоваться будемъ. И ты не уходи...

Иванъ Яковлевъ. Но какъ я буду смотрѣть на честныхъ людей?...

Илюша. Глазами, Ванюша... глазами... Вѣдь ты еще не ослѣпъ... Бѣда слѣпымъ быть, а зрячимъ не бѣда... да, да, да... не бѣда...

(*Входятъ трубачи, за ними латники, съ съкирами и лачугами, потомъ царедворцы, тѣлохранители, рыцари. Викольтъ въ бѣломъ дорогомъ костюмѣ и красныхъ сапогахъ, съ крестомъ на шеѣ, Варвара, кн. Крюкъ, неизвѣстный бояринъ съ хоругвью въ рукахъ, на которой блеститъ золотой крестъ. Разный народъ. Войско и народъ не входятъ въ капище, а остаются за заборомъ у входа*).

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ.

Крюкъ. (*къ народу и войску*) Православный народъ! Великій князь самъ скоро сюда придетъ, со всѣмъ своимъ дворомъ и духовенствомъ, а теперь, православные выслушайте грамоту великаго князя... Вотъ бояринъ ее прочтеть...

Неизвѣстный бояринъ. (*Развертываетъ свертокъ и читаетъ*). Вѣдомо да будетъ каждому, что мы великій князь Литвы и Руси Ольгердъ,—во святомъ крещеніи Александръ, заботясь о спасеніи душъ человѣческихъ, ввѣрившихъ неутомимому попеченію нашему, повѣлеваемъ уничтожить въ этой роцѣ языческое капище, очистить и освятить это мѣсто и

изъ бѣлаго камня и вѣковыхъ дубовъ выстроить церковь въ честь Пречистыя Богоматери, для дома молитвы нашей и нашихъ подданныхъ литвиновъ и русиновъ и гостей русскихъ, нашихъ старшихъ братьевъ, отъ которыхъ мы приняли и вѣру, и обычай, и языкъ—на погибель идолопоклонству, которое просимъ Бога со всѣмъ искоренить въ нашей странѣ и водворить христіанство (*перестаетъ читать и обращается къ присутствующимъ*). И такъ, православные христіане, вознесемъ молитву къ Богу! Будемъ просить Его, что бы Онъ не попустилъ навѣтовъ вражьихъ на церковь православную отъ рукъ ляховъ, ливонцевъ, крестоносцевъ, татаръ... И пусть два брата по крови, языку, будутъ братьями и по вѣрѣ! (*Преклоняется на одно колено и держитъ хоругвь*).

К. Крюкъ. Аминь!...

(*Войско, народъ и всѣ присутствующіе благоговѣнно преклоняютъ колѣни*).

С. Калутъ.

Вильна 1866 года.

К О Н Е Ц Ъ .

НАРОДНЫЯ ДВИЖЕНІЯ ВЕНГЕРСКИХЪ РУСИНОВЪ *).

До 1850 г. животворный духъ народности не проникалъ въ нашу угорскую Русь. И хотя нѣкоторыхъ изъ нашихъ русскихъ священниковъ и одушевляло чувство народности и любовь къ своему племени; однакожъ подѣ нравственнымъ и физическимъ гнетомъ, не могъ нашъ народъ являть никакихъ знаковъ народной жизни. Пропитанные въ школахъ и общественной жизни латино-мадіарскимъ духомъ, — наши священники безсознательно несли ярмо духовной неволи. Во время мадіарскаго мятежа въ 1848 и 1849 годахъ, почти всѣ русскіе наши священники явились весьма ревностными пособниками мадіарскому дѣлу, другіе по нуждѣ и по натиску обстоятельствъ. Тѣ, которые съ цѣлымъ сердцемъ прильнули къ мадіарамъ, проповѣдями, уговариваніями возбуждали народъ русскій къ мятежу, являясь во главѣ вооруженныхъ гражданъ. У прочихъ народовъ Венгріи, Сербовъ, Словаковъ и Румыновъ, менѣе или болѣе, уже возбуждено было народное чувство и самопознаніе; потому они взялись за оружіе противъ мадіаръ, желавшихъ поработить и уничтожить всякую туземную народность, и на могилѣ Славянъ и Румыновъ основать мечтательное свое государство отъ Карпатъ до Адриатическаго моря! Одинъ только простой русскій народъ, будучи бѣдною, темною и безсознательною массой, хотя и не слишкомъ горячился за дѣло мадіаровъ, но и не возставалъ противъ нихъ. Мучачевскій епископъ Поповичъ былъ ревностнымъ приверженцемъ мадіаровъ, и не только всѣ приказанія и наставленія

*) Мы весьма рады, что венгерскіе русскіе такъ свободно владѣютъ обще русскимъ литературнымъ языкомъ. Еслибъ имъ подражали разные К. Д. и другіе, то на львовскомъ сеймѣ не смѣли бы поляки сказать русскимъ, что у нихъ нѣтъ выработаннаго литературнаго русскаго языка, который можно было бы избрать официальнымъ сеймовымъ языкомъ.

Въ письмѣ, при которомъ мы получили эту статью, авторъ ея вотъ что пишетъ, между прочимъ... При семъ увѣдомляю Васъ, что у насъ въ Венгріи, нѣтъ русскихъ, оставшихся вѣрными православію, за то вѣрю, что Вы намъ, хотя и унитамъ, не откажете въ своей любви; — тѣмъ болѣе, что всѣ наши лучшіе люди, усердно любящіе свою народность, убѣдились въ томъ, что унія только поработила насъ и отняла отъ насъ автономію... Впрочемъ я постараюсь обширно и искренно познакомиться Васъ съ состояніемъ нашей церкви... и проч...

Мучачевъ 25 января 1866 г.

народнаго мадіарскаго правительства вѣрно исполнялъ и подчиненное себѣ духовенство къ дѣятельному участию въ защитѣ свободы и независимости края воззывалъ; но и самъ-своимъ личнымъ усердіемъ пріобрѣлъ себѣ славу отличнаго патриота у мадіаровъ. Многіе изъ воспитанниковъ—богослововъ поступили въ войско, будучи обнадѣжены епископомъ, что, по окончаніи войны, опять будутъ приняты въ число духовенства; что со многими и стало послѣ мятежа. Что возбуждало бл. памяти епископа такъ ревновать въ пользу мятежа: искреннее ли сочувствіе мадіарамъ, понудительныя ли обстоятельства, или онъ, въ случаѣ удачнаго рѣшенія мятежа, видѣлъ залогъ улучшения участи нашего народа?— Это не вполне извѣстно.

По усмирѣніи мятежа, отправлена была депутація, состоящая изъ 6 мужей, и представила вѣнскому правительству желанія русиновъ, въ которыхъ просила обезпечить права своей народности заведеніемъ русскаго языка въ школы и присутственныя мѣста въ странѣ, заселенной чистымъ русскимъ народомъ, и также соединенія венгерской Руси съ галицкою въ одинъ русскій край. Депутація была принята ласково и все обѣщано русскому народу, въ силу конституціи и равноправности, данной отъ 4 марта 1849 года всѣмъ австрійскимъ народамъ. Но эта конституція и австрійская народная равноправность, вынужденная грознымъ требованіемъ обстоятельствъ,— по кратковременности своей и малочисленности образованныхъ русскихъ людей, не могла принести желаемаго блага нашему народу. Но все таки исходъ 1849 и 1850 году, мы можемъ назвать эпохою въ скудной лѣтописи нашей народной жизни. Многіе изъ русскихъ получили службу, чего прежде, когда дворянинъ лишь могъ занимать должность, и при томъ мадіарь-латинской или протестантской вѣры,— не бывало. Священникамъ нашимъ назначено жалованье, дополнительное до 300 гульденовъ, въ тѣхъ приходахъ, въ которыхъ не выручалось этой суммы съ доходовъ прихода. Въ ужгородской гимназіи катехизисъ и нѣкоторые другіе предметы преподавались на русскомъ языкѣ; но это русское преподаваніе, за исключеніемъ катехизиса и грамматики русскаго языка, въ одинъ годъ прекратилось. Ученики гимназіи ужгородской уже не были принуждены ходить въ латинскую церковь, а ходили въ свою русскую каждый день и по воскресеньямъ. Въ семинаріи, отъ 1853 до

1858, всѣ богословскія науки преподавались, вмѣсто латинскаго языка, на русскомъ языкѣ. Но латинскій митрополитъ Остригомскій, которому подчешены двѣ наши русскія епархіи, прислѣлъ нашего епископа Поповича, — велѣтъ запретить русское преподаваніе и замѣнить его латинскимъ. Епископъ извинялся слабымъ знаніемъ латинскаго языка воспитанниковъ своихъ, не получившихъ, при настоящемъ слабомъ преподаваніи его въ гимназіяхъ, достаточнаго упражненія въ немъ; вслѣдствіе чего воспитанники теперь одинъ только годъ обучаются латинскому языку. Отъ 1850 года епископомъ Поповичемъ, вмѣсто мадіарскаго, введенъ русскій языкъ при епархіальномъ управленіи въ Ужгородѣ (Ungvar); въ которомъ городѣ наши музаческіе владыки отъ 1777 года имѣютъ свое мѣстопробываніе. Страніемъ Адольфа Добрянскаго, по должности пребывавшаго тогда въ Ужгородѣ, имена улицъ были названы не только по мадіарски и по нѣмецки, но и по русски. Эти русскія названія улицъ чрезмѣрно колоди глаза мадіарамъ, и при данной свободѣ 1860 года первою заботою мадіаръ было — замѣнить ихъ чисто мадіарскими. Явились начатки и литературнаго движенія, въ главѣ котораго стоялъ Александръ Духновичъ (1865) каноникъ Пряшевской епархіи, издавшій въ 1850 году маленькій мѣсяцесловъ и 1851 году «Поздравленіе Руссиновъ», — тоненькій сборникъ стиховъ и прозы. Сверхъ того издавалъ онъ русскій букварь, молитвенники и мѣсяцесловы. Кромѣ незабвеннаго у насъ отца Духновича, Андрей Балудянскій, каноникъ музаческой капитулы, глубокоученый мужъ, павшій жертвою неусынаго трудолюбія, издалъ церковную исторію, въ коей онъ, на сколько лишь возможно уніату, защищаетъ права восточной церкви и неприкосновенность, святость обряда ея. Издалъ онъ свою церковную исторію на трехъ языкахъ — на латинскомъ, польскомъ на мадіарскомъ, и въ 1852 г. на русскомъ; это послѣднее изданіе исполнено въ болѣе пространномъ объемѣ. Уваженія и признательности достойны и труды пріезжанаго труженика нашего въ вертоградѣ Христовомъ Андрея Поповича, издавшаго букварь, учебникъ исторіи ветхаго и новаго завѣта, а въ этомъ году «Великій Сборникъ» пѣсней церковныхъ на весь годъ, съ картинами праздниковъ, «какъ» (по словамъ предисловія) «памятникъ церковному языку, спасшему русскую народность отъ гибели.» Эти дѣятели наши заслуживаютъ тѣмъ большаго признанія и благодарности, что

издавая книги, они не только кладутъ на олтаре своей народности, но и имуществомъ своимъ жертвуютъ во благо церкви и народа, такъ какъ рѣдко покрываются,— при изданіи у насъ русской книги,— даже издержки печатанія. Изъ пламенной любви къ народу, занимаются еще у насъ литературными трудами: Александръ Павловичъ священникъ прашевской епархіи; Николай Гомичковъ русскій учитель при ужгородской гимназіи, издавшій учебникъ вѣроученія; Александръ Гомичковъ, издававшій на 1864 и 1865 годы мѣсяцесловы, Анатолій Кралицкій—іеромонахъ, помѣщающій свои статьи въ галицко-русскихъ повременныхъ изданіяхъ, Иванъ Рѣпаевъ, издавшій «народное господарство (хозяйство)» и Кириллъ Сабовъ, издавшій учебникъ грамматики русской, подъ заглавіемъ: *Грамматика письменнаго Русскаго языка*, съ краткимъ русско-мадіарскимъ словаремъ.

Но всѣ эти предпріятія и усилія передовыхъ нашихъ людей, преимущественно труды незабвеннаго Духновича, хотя относительно и способствовали первоначальному нашему народному движенію; но все таки не могли всецѣло разсвѣять мертвящаго равнодушія и нерѣдко противодѣйствія большей части нашего духовенства, съ какимъ оно относилось къ народному дѣлу. Мало было такихъ, которые проникнуты были русскимъ духомъ; большая же часть священниковъ и немногихъ свѣтскихъ образованныхъ людей— были ослѣплены блескомъ мадіаризма и вмѣстѣ съ мадіарами ожидали лучшихъ временъ! Семейства нашихъ священниковъ до того омадіаризованы, что русскій языкъ совсѣмъ изгнанъ изъ круга ихъ. Особенно женскій полъ нашихъ священниковъ на столько чуждъ нашей церкви и народности, что даже и молитвы свои не совершаетъ на языкѣ нашей церкви. Наши священники, не покупая рѣдко являющуюся у насъ русскую книгу, въ то же время ревностно покровительствовали деньгами, добытыми трудомъ и потомъ русскихъ людей, мадіарской литературѣ, такъ что мадіары нашихъ священниковъ стали величать отличными сынами отечества и апостолами мадіарской письменности. Епископъ Поповичъ хотя и любилъ свою народность, и въ частныхъ случаяхъ возбуждалъ свое духовенство въ любви къ народности, но не смѣлъ показаться открытымъ поборникомъ русской народности, боясь потерять свою репутацію предъ мадіарами.

Поднять былъ у насъ и вопросъ народнаго образованія;

издаю мною распоряженій свѣтской и духовной властей о заведеніи сельскихъ школъ. Но частію по нерадѣнію приходскихъ священниковъ, частію же по слабому содѣйствію должностныхъ лицъ, — народное образованіе очень мало подвинулось у насъ. И въ тѣхъ школахъ, которыя были уже устроены, — ученіе шло не удовлетворительно, бессмысленно. Обыкновенно чтеніемъ, изученіемъ истинъ вѣры и затверживаніемъ молитвъ ограничивалось все школьное образованіе нашего народа. По выходѣ изъ школы, кое-что научившіеся скоро позабыли и читать, такъ что и нынѣ не много такихъ поселенъ, кои бы знали читать, а еще меньше писать. Причины такого дурнаго состоянія нашихъ народныхъ школъ: не образованность и не способность нашихъ дьячковъ, занимающихъ во многихъ селахъ должность учителей, скудное жалованье ихъ отъ поселенъ, нерасположеніе простолюдиновъ къ грамотности и непосыланіе дѣтей въ школу зимою, за не имѣніемъ обуви и теплой одежды, а лѣтомъ — по причинѣ употребленія дѣтей въ полевыхъ работахъ, — неимѣніе учебниковъ и проч.

Такъ какъ молодежь, по воспримчивости своей природы, легко усволяетъ себѣ новыя идеи, — то и наша учащаяся молодежь стала мало по малу одушевляться чувствомъ народности. Съ 1857 года въ ужгородской семинаріи, въ которой воспитанники двухъ нашихъ епархій получаютъ богословское образованіе, — духъ русскій началъ водворяться; всѣ лучшіе воспитанники были на сторонѣ русской народности и съ великимъ усердіемъ предавались изученію русскаго языка, по нѣмецко-русскимъ грамматикамъ Шмида, Павловскаго и Больца. Воспитанники даже хотѣли между собою учредить общество, съ цѣлью самообразованія и усовершенствованія себя въ русской письменности. Но всѣ ихъ усилія, за недостаткомъ поддержки со стороны наставниковъ и настоятелей, и даже по противодѣйствію ихъ, — были, къ несчастію, уничтожены.

Въ епархіи мукачевской, за принятіемъ лишнихъ воспитанниковъ, такъ размножилось число духовенства, что окончившіе курсъ богословія и рукоположенные молодые священники, только по истеченіи 5, 6 лѣтъ отъ рукоположенія, могли получить приходы. Это зло, впрочемъ, послужило къ добру нашему народу. Консисторією 1861 года установлено нормальное число духовныхъ воспитанниковъ, и стипендіи, употребляемыя на содержаніе ихъ, — розданы свѣтскимъ юношамъ, окончившимъ курсъ гимназій и отправляющимся въ универси-

тетъ, или въ академіи, для слушанія законовѣденія. Этою благоумудрою мѣрою многіе изъ нашихъ учащихся частію принуждены были идти въ свѣтское званіе, частію же, получивъ денежное пособіе, могли и бѣднѣйшіе—продолжать свое научное образованіе. Такимъ образомъ, если Господь сохранитъ эту надежду—молодежь нашу отъ мадіарской заразы,—мы будемъ имѣть и свѣтскую интеллигенцію, малочисленность которой у насъ крайне поразительна.

Въ Пряшевѣ же, усердными жертвами тамошняго духовенства, основано воспитательное заведеніе, подъ именемъ «св. Іоанна Крестителя,» въ которомъ бѣдные и даровитые мальчики, — въ настоящее время болѣе 30, учащіеся въ гимназіи, получаютъ жилище, столъ и одежду, или совсѣмъ бесплатно, либо за самую малую плату.

Но обратимся отъ этой внутренней, мрачной работы нашихъ народныхъ дѣятелей ко внѣшней, политической жизни нашего народа.

Не безъ скорбнаго воспоминанія прошумѣли для насъ годы 1861 и 1865, когда и мы старались избрать представителей народныхъ на сеймъ пештянскій. Но какъ 1861 года, такъ и въ истекшемъ 1865, намъ лишь горькая неудача досталась въ удѣлъ. Въ 1861 году полмилліонный нашъ народъ, не смотря на законъ, въ силу котораго на 30 тысячъ душъ приходится одинъ посолъ,—мы имѣли на сеймѣ только трехъ представителей, изъ которыхъ одинъ, передовой поборникъ нашихъ народныхъ правъ, Адольфъ Ивановичъ Добрянскій, безпричинно былъ отвергнутъ сеймомъ. Послѣ распущенія сейма, Добрянскій отнесся съ воззваніемъ къ мучкачевской консисторіи, чтобы она, вмѣстѣ со всѣмъ духовенствомъ и народомъ, дала ему, или кому нибудь другому,—уполномоченіе представить вѣнскому правительству желанія русскаго народа и выхлопотать обезпеченіе правъ народности нашей. Но консисторія, не находя такое уполномоченіе и представленіе сходнымъ съ духомъ конституціи, и боясь нареканій мадіаровъ, отвергла предложеніе Добрянскаго, довольствуясь посланіемъ къ императору австрійскому просьбы о томъ, что бы онъ предложилъ будущему сейму, въ королевскихъ пропозиціяхъ, желанія угорскихъ (венгерскихъ) русиновъ, для обезпеченія ихъ народныхъ правъ, наравнѣ съ другими національностями.

Время, протекшее между 1861 и 1865 годами, нѣсколько благопріятствовало намъ. Правительство видя упорную неуступчивость мадіаровъ на сеймѣ 1861, не хотѣвшихъ и одною собою пожертвовать изъ своихъ законовъ въ пользу единой Австріи,—стало, для противодѣйствія мадіарамъ,—угрожать прочимъ немадіарскимъ народностямъ. Такъ, заведены въ ужгорской гимназіи, для русскихъ учениковъ, двѣ русскія каѳедры для исторіи и для русскаго языка. Многимъ чиновникамъ русскаго происхожденія даны высшія мѣста; два русина были назначены начальниками комитетовъ мораширашскаго и ужанскаго, и что удивительнѣе, одинъ изъ нихъ, Александръ Негребецкій, возвышенъ въ санъ наджупона ужанскаго комитета, въ какомъ достоинствѣ русскій человекъ у насъ еще никогда не бывалъ. За это возвышеніе Негребецкаго мадіары чрезмѣрно злились, и теперь еще злятся, и клеветами, доносами и всякими, злобою внушенными, мѣрами стараются низвергнуть его съ этого высокаго сана, на которомъ они никакъ не могутъ терпѣть русскаго плебса, сына русскаго священника.

Но правительственная политика выжиданія не могла успѣть противъ страдательнаго дружнаго отпора мадіаровъ. Видя, что мадіары своею сосредоточенною силою, богатымъ дворянствомъ, многочисленнымъ образованнымъ сословіемъ,—составляютъ, при слабомъ еще развитіи прочихъ народностей, ядро и силу Венгріи, правительство покинуло не мадіарскій народъ и бросилось въ объятія мадіаровъ, для достиженія предположенной цѣли устройства, безъ ущерба Австріи, государственныхъ отношеній Венгріи къ Австріи. Эта примирительная политика относительно мадіаровъ и предоставленіе имъ всего административнаго вліянія, была главною причиною того, что на настоящемъ сеймѣ русины имѣютъ только одного истинно-русскаго посла А. И. Добрянскаго, а словаки, коихъ считается больше 2-хъ милліоновъ, не имѣютъ ни одного представителя! Мадіары, въ пользу которыхъ, при выборахъ сеймовыхъ пословъ, усильно дѣйствовала мѣстная администрація, воспользовались всякими нечестными средствами для устраненія русинами назначенныхъ пословъ и для избранія своихъ. Не было мѣры подкупамъ, обманамъ, коварствамъ, угроженіямъ, употреблены для достиженія цѣли даже убійства и кровопролитія. Что бы достигнуть цѣли, мадіары клеветали на нашихъ священниковъ, возбуждали противъ нихъ про-

стой народъ, говоря, что помы для того хотять избрать русиновъ въ послы, чтобы чрезъ нихъ умножить свои доходы на счетъ простаго народа. Такими уловками мадіары въ березницкомъ избирательномъ округѣ до того довели нашъ простой народъ, что онъ отвергъ русскаго кандидата посла и избралъ мадіарскаго чиновника, который ложными и неисполнимыми обѣщаніями привлекъ народъ на свою сторону. Въ другихъ же округахъ, гдѣ нашъ народъ твердо стоялъ за своихъ кандидатовъ, какъ въ Берегахъ и Севлюши, нашихъ избирателей не допустили даже къ мѣсту избранія. На кроткій и безоружный нашъ народъ нападали съ ружьями, саблями, желѣзными вилами, дубинами и полѣнами (1), нападали на тотъ народъ, который, по сознанію самихъ же мадіаровъ, всегда братски относился къ нимъ и ни когда не возставалъ противъ нихъ.

Такое дикое отрицаніе нашихъ гражданскихъ правъ, всецѣло разочаровало въ братолюбіи и либеральности мадіарской и нѣкоторыхъ мадіаромановъ нашихъ. Положено было отправить депутацію въ Вѣну съ просьбою о защитѣ насъ отъ грубыхъ насилій мадіаровъ и огражденіи нашихъ гражданскихъ правъ. Но узнавъ, что теперъ правительство, въ видахъ примиренія, потакаетъ мадіарамъ и что мы ни чего не успѣемъ, мы отказались даже отъ мысли о депутаціи.

Послѣ такихъ пораженій при выборахъ сеймовыхъ пословъ, мы убѣдись во внутреннемъ безсиліи нашемъ, стали помышлять о необходимости образованія народа и пробужденія въ немъ чувства сознательной народности. Но, по причинѣ крайней бѣдности нашего народа, лишеннаго всякаго богатого, вліятельнаго сословія, и по небрежности большей части духовенства, намъ все таки трудно добиться прочныхъ успѣховъ. Еще въ 1861 году прашевскимъ преосвященнымъ Іесифомъ Гаганцемъ, сдѣлано было воззваніе къ епископу мучачевскому объ основаніи литературнаго общества, съ цѣлью издавать книги для сельскихъ училищъ и народа. Правила общества, названнаго именемъ св. Василія великаго, были составлены въ Ужгородѣ и посланы на утвержденіе правитель-

(1) О насиліяхъ этихъ смотри весьма любопытную и грустную корреспонденцію въ „современную лѣтопись“ 1866 года. № 2, стран. 6, 7 и 8, подъ заглавіемъ: „Избіеніе русскихъ“ и проч. Статья эта помѣщена и въ концѣ, предыдущей книжки Вѣстника.

ства. Правила уже болѣе полугода подтверждены и присланы обратно въ Ужгородъ; но настоящій блюститель епархіи, избранный канитулою послѣ смерти епископа Поповича, въ 1864 году, для управленія епархіей, не знаю по какимъ благоуднымъ причинамъ, не открываетъ общества и доселѣ. А между тѣмъ потребность литературнаго общества весьма чувствуется у насъ: мы не имѣемъ даже для народныхъ училищъ нужныхъ книгъ, съ 1858 года послѣ прекращенія «Церковной газеты», издаваемой Иваномъ Раковскимъ, не имѣемъ ни какого литературнаго органа, столь необходимаго для обмѣна мыслей по части мѣстныхъ нашихъ потребностей! Попытки были дѣланы нѣкоторыми частными нашими людьми для издаванія газеты, но напрасно. Подписка не удалась. Прошлаго же года Иванъ Даниловичъ просилъ позволенія для изданія въ Ужгорѣ неполитическаго содержанія газеты; но правительство и въ этомъ намъ отказало. Что же намъ дѣлать? Терпѣть и надѣяться перемѣны къ лучшему. Мы надѣемся и на пештянскій сеймъ, который, если не будетъ опять распущенъ, быть можетъ, удовлетворитъ законнымъ требованіямъ народностей. Надѣяться на это мы имѣемъ тѣмъ болѣе права, что между членами сейма есть больше такихъ, которые сознаютъ важность вопроса національностей для Венгріи, отъ рѣшенія котораго зависитъ будущность края.

Отрывокъ изъ рѣчи на галицкомъ сеймѣ русскаго депутата Петрушевскаго, произнесенной имъ въ защиту равноправности русскаго на рѣдѣ въ Галиціи.

Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій галиційскаго сейма русскій депутатъ Петрушевскій требовалъ для русскаго языка равноправности съ языкомъ польскимъ. Ораторъ доказывалъ историческими фактами, что русскій языкъ никогда не переставалъ существовать и не потерялъ права быть признаннымъ языкомъ національнымъ.

„До XIV столѣтія, сказала онъ, между прочимъ, Русь не употребляла никакого другаго языка кромѣ русскаго. Когда Казимиръ Великій завоевалъ галицкую землю, онъ ввелъ въ употребленіе латинскій языкъ, потому что на польскомъ языкѣ тамъ никто не говорилъ.

„Но русскій языкъ все таки не исчезъ, какъ это доказываютъ документы временъ Казимира и Ягеллона. Два главные удара русскои національности нанесены были Казимиромъ и Ягеллономъ. Первый поставилъ во Львовѣ митрополита греческой церкви, отдѣлявъ этимъ галицкую Русь отъ

вляній кіевского митрополита, вопреки желанію константинопольскаго патріарха. Это было сдѣлано по принципу: раздѣли и властуй. Ягеллонъ, промѣнявшій въ Краковѣ православіе, въ которое онъ былъ крещенъ младенцемъ, на латинство, нанесъ второй ударъ Руси, обращая се въ латинство. Онъ закрылъ кафедру митрополита во Львовѣ, отнялъ у Галиціи ея пастыря, и она должна была обращаться къ архіерею сосѣднихъ странъ. Въ то же время бояре и придворные обратились въ латинскую вѣру. Но Провидѣніе хранило Русь. Со времени люблинской униі, Русь получила такія же права, какъ и поляки: въ школахъ, управленіяхъ и судахъ, также въ королевской канцеляріи въ Варшавѣ, гдѣ даже всякіе документы, указы публикуемы были на русскомъ языкѣ для всехъ воеводствъ. Статутъ литовскій былъ изданъ сначала на русскомъ языкѣ, ибо въ Литвѣ времени Ягеллона, народнымъ языкомъ былъ языкъ русскій; только въ XVI столѣтіи статутъ былъ переведенъ на польскій языкъ, когда въ Литвѣ употребленіе русскаго языка было запрещено. Русскій языкъ сохранился только въ семейномъ быту и въ церкви. Русь нашла спасеніе въ ассоціаціяхъ и братствахъ подъ покровительствомъ церкви; эти ассоціаціи и братства, распространенныя по всему краю, поддержали народный духъ; основались типографіи и спасли то, что королевская власть думала уничтожить.“

Ораторъ перечисляетъ многія семейства, которыя своими пожертвованіями поддерживали ассоціаціи, основанныя для защиты русской національности, и называетъ между прочимъ Островскихъ, Тышкевичей, Поцѣвевъ, Сапѣгъ и проч., и говорить, что молодежь, вмѣсто борьбы, предпочитала эмигрировать и основала за Днѣпромъ казацкую общину.

„Напрасно, говорить Петрушевскій, русскій епископъ Григорій ходатайствовалъ за Русь у польскаго короля. Длинный рядъ преслѣдованій и несправедливостей къ нашей національности прервался на время только при одномъ изъ саксонскихъ королей, который допустилъ холмскаго епископа Фердинанда Кохановскаго быть въ Варшавѣ представителемъ Руси. Когда императрица Марія-Терезія присоединила нашъ край къ Австрійской имперіи, какъ часть Венгерскаго королевства, назвавъ его Галиціей и Лодомиріей, русскій языкъ былъ введенъ въ употребленіе только въ философскихъ и богословскихъ классахъ,—но въ послѣдствіи, стараніями епископа Левицкаго, онъ вошелъ въ народное образованіе; нынѣ онъ распространенъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, и здѣсь въ сеймѣ правительство говоритъ съ русинскими депутатами на русскомъ языкѣ. Изъ этого видно, что Австрія умѣетъ различать русскихъ отъ поляковъ. Наконецъ, въ 1861 году постоянный комитетъ сейма былъ приглашенъ замѣнить въ школахъ нѣмецкій языкъ русскимъ и польскимъ языками. Русскій языкъ есть языкъ народный, и Русь никогда не отказывалась отъ своихъ естествен-

ныхъ правъ въ этомъ отношеніи. Такъ какъ австрійское правительство признало законнымъ употребленіе русскаго языка, то отчего же не можетъ онъ быть признавъ языкомъ официальнымъ?

„Послѣ пробужденія 1848 г., галицкая Русь не можетъ остаться въ забвеніи; она навсегда потеряна для полонизма; русскій никогда не будетъ полякомъ. На русскомъ соборѣ 1848 года, русскіе поклялись защищать свою національность; они надѣялись, что поляки не пойдутъ по слѣдамъ своихъ предковъ, что, напротивъ, они дружески протянутъ руку русскимъ, въ чувствахъ искренняго примиренія, и что всѣмъ просіяетъ лучшая будущность, потому что, я убѣжденъ, галиційская Польша, не можетъ быть свободна, пока не будетъ свободна галиційская Русь. Исторія разрѣшила уже русскій вопросъ: пусть сеймъ остережется рѣшеній, противныхъ исторіи.“

Эта рѣчь, заключаегъ газета „le Nord“, есть лучшее опроверженіе всѣхъ польскихъ розказней о постоянномъ преслѣдованіи полонизма, тогда какъ онъ самъ являлся притѣснителемъ и является теперь, какъ только чувствуетъ свою силу.

ПИСЬМА О ПАПСТВѢ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

СВѢТСКАЯ ВЛАСТЬ ПАПѢ.

Я очень хорошо знаю, м. г., что не мало есть на русскомъ языкѣ статей, посвященныхъ разрѣшенію вопроса о свѣтской власти папы. Тѣмъ не менѣе я никакъ не могу согласиться съ мыслию, что этотъ предметъ окончательно исчерпанъ и что объ немъ не осталось болѣе ничего сказать послѣ того, что сказано въ статьяхъ, написанныхъ объ этомъ предметѣ на русскомъ языкѣ. Дѣло въ томъ, что люди, принимавшіеся за рѣшеніе этого вопроса, смотрѣли на него съ официальной, такъ сказать, канонической точки зрѣнія и не находили по временамъ ничего сказать противъ свѣтской власти папы кромѣ того, что папѣ-епископу не прилично быть свѣтскимъ государемъ: кромѣ того ограничивались иногда изложеніемъ только первой половины дѣла, т. е. касались только того какъ на па въ первый разъ сдѣлался свѣтскимъ государемъ при Пипинѣ, ничего не говоря о томъ, какъ папамъ досталось такъ называемое Матильдино наслѣдство. Я между тѣмъ хочу 1., рассказать это дѣло вполне и 2., обратить ваше вниманіе на не официальную сторону всего этого дѣла и обозначить и тѣ тайныя причины, которыя за-

ставляли папѣ сдѣлаться свѣтскими государями и тѣ средства, которыя пущены были папами въ ходъ для достиженія своей цѣли, своихъ желаній.

Вы знаете, м. г., что папы сдѣлались свѣтскими государями въ первый разъ въ 755 г. вслѣдствіе того, что король франковъ Пипинъ подарилъ папѣ Стефану III, отнятыя имъ у лонгобардовъ Пентаполисъ, Экзархатъ равенскій и Римъ. Что же заставило Пипина подарить земли, завоеванныя франками папѣ и что заставило папу принять этотъ подарокъ, хотя папа, конечно, не хуже насъ съ вами зналъ, что епископу не прилично быть свѣтскимъ государемъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ не трудно. Пипину, бывшему маіордому франкскаго короля Хильдерика III, очень хотѣлось сдѣлаться королемъ. Но Пипинъ очень хорошо зналъ, что сдѣлаться королемъ можно только тогда, когда Хильдерикъ и вся династія Меровинговъ будутъ лишены престола. А какъ лишить ихъ престола? Вѣдь, кто знаетъ,— можетъ быть найдется не мало защитниковъ древней королевской династіи въ случаѣ насильственнаго низложенія Хильдерика съ престола, и что будетъ съ самимъ хищникомъ престола? Будетъ ли крѣпко онъ самъ на немъ сидѣть, укрѣпится ли на престолѣ его династія, не постигнетъ ли и его та же участь, какая постигаетъ не рѣдко хищниковъ престола? Подобныя соображенія, естественно, могли приходиться на умъ Пипину. А быть королемъ между тѣмъ хотѣлось... Чтожь тутъ дѣлать? Пипинъ рѣшился обратиться съ просьбой о помощи къ папѣ, власть котораго стояла тогда уже очень высоко на западѣ, и на котораго смотрѣли тогда, какъ на провозвѣстника воли небесной. Дипломатъ былъ Пипинъ! Будь папа не въ такихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ, въ какихъ онъ тогда находился, и Пипинъ не посмѣлъ бы обратиться къ намѣстнику Христа (какъ думалъ Пипинъ о папѣ) съ подобнымъ предложеніемъ. Западъ очень хорошо зналъ, что папы не хотѣли потворствовать слабостямъ и тѣхъ государей, отъ которыхъ они непосредственно зависѣли. Память о Мартинѣ, Григоріяхъ I и II была еще свѣжа на западѣ. Тѣмъ менѣе, значить, могъ разчитывать на содѣйствіе своимъ хищническимъ замысламъ генералъ, отъ котораго папа нисколько не зависѣлъ. Но въ томъ-то и дѣло, что при Пипинѣ папы находились въ критическихъ обстоятельствахъ. «Нечестивые черги,» какъ называли папы лонгобардовъ, всевозможно стѣсняли Римъ. Айстульфъ, король лонгобардовъ,

прямо требовалъ, чтобъ Римъ призналъ его своимъ государемъ и платилъ ему ежегодную подать. Къ кому было обратиться папамъ въ этихъ обстоятельствахъ съ просьбой о помощи? А помощь была нужна. Побуждаемые этой нуждой, папы хотѣли купить помощь даже цѣной послушанія константинопольскимъ императорамъ; но и это не удалось... Въ это-то время Пипинъ обратился къ папѣ Захаріи II съ просьбой о помощи. Захарія радъ былъ этому случаю и (хоть не прямо) далъ свое согласіе на низверженіе Хильдерика, а папа Стефанъ III нарочно ѣздилъ въ Галлію, чтобы помазать на царство Пипина, его жену и дѣтей. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ разрѣшилъ подданныхъ Пипина отъ вѣрности присяги Хильдерика и грозилъ отлученіемъ всякому, кто захотѣлъ бы выбрать себѣ короля не изъ дома Пипина. Папа оказалъ такимъ образомъ неоцѣненную услугу Пипину, а Пипинъ постарался отплатить папѣ тѣмъ же. Въ 754 г. онъ явился въ Италію и разбилъ лонгобардовъ. Но въ томъ же году, тотъ часъ послѣ ухода Пипина изъ Италіи, Айстульфъ еще болѣе началъ угнетать Римъ, чѣмъ прежде. Это обстоятельство ясно говорило папамъ, что плохо надѣяться на защиту отъ врага, который былъ подъ бокомъ, отъ заальпійскаго государя, что этому врагу нужно противопоставить свою собственную силу, однимъ словомъ, что, для защиты себя отъ короля лонгобардовъ, папѣ нужно самому быть королемъ.. И, благодаря Пипину, Папа дѣйствительно сдѣлался королемъ, хоть и не вполне независимымъ. Въ 755 г. Пипинъ снова перешелъ Альпы, разбилъ Айстульфа и заставилъ его отдать папѣ отнятые у него Пентаполисъ, Экзархатъ равенскій и Римъ... Вы видите такимъ образомъ, м. г., какъ и почему папы сдѣлались государями, и какъ содѣйствіе хищническимъ планамъ Пипина позволило папамъ осуществить свое желаніе.

Такъ папы сдѣлались въ первый разъ свѣтскими государями! Но ихъ государство было еще слишкомъ мало. Непремѣнно нужно было его увеличить.— И оно, дѣйствительно, увеличилось скоро, посредствомъ присоединенія къ папской области Матильдина наслѣдства. О немъ-то я и поведаю теперь рѣчь.

7 Мая 1052 г. умеръ маркграфъ Бонифацій. Владѣнія Бонифація были очень велики. Уже его отецъ маркграфъ Теодандъ владѣлъ, какъ ленами римской имперіи, Моденой, Бресціо, Феррарой, Мантуей, а Бонифацій такъ хорошо слу-

жилъ императорамъ, что Конрадъ II въ прежнихъ ленныхъ его владѣніяхъ прибавилъ еще Тоскану и Парму. Кроме того, Бонифацій владѣлъ герцогствомъ Сполетскимъ, маркграфствомъ Камерино и множествомъ такъ называемыхъ аллодіальныхъ имѣній... (1) Такимъ образомъ владѣнія Бонифація обнимали собой четверть Италіи. Наслѣдницей Бонифація осталась дочь его, тогда девятилѣтняя Матильда. Богатая наследница — всегда лакомый кусочекъ для окружающихъ ее честолюбцевъ и корыстолюбцевъ. Но особенно лакомымъ кусочкомъ представлялась Матильда для римской куріи. При дворѣ папскомъ, дѣйствовавшемъ уже подъ вліяніемъ Гильдебранда, все болѣе и болѣе созрѣвала мысль о необходимости освободиться отъ свѣтскаго вліянія императоровъ, — о томъ, ut рраре possent unius sit in orbe christia christiano, т. е., что папа долженъ быть единственнымъ судьей и правителемъ міра христіанскаго. Въ свѣдѣствіе этого, въ виду предстоящей борьбы съ императорами, римскій дворъ долженъ былъ благовременно искать средствъ для этой борьбы и однимъ изъ такихъ средствъ представлялось забрать въ свои руки Матильду, обладательницу четверти Италіи. Правда, это дѣло было не легкое: искоръ послѣ смерти Бонифація Матильда обручена была съ малолѣтнимъ еще тогда герцогомъ лотарингскимъ Готфридомъ, и думать о разрывѣ предстоящаго брака было нельзя, потому что иначе императоръ, любившій отца Готфрида, могъ не дать согласія на передачу Матильды ленныхъ владѣній ея отца... Тѣмъ не менѣе папы все таки достигли своей цѣли. Едва только получено было согласіе императора на передачу Матильды ленныхъ владѣній ея отца, Матильда прогнала своего мужа и начала управлять маркграфствомъ, какъ независимый король-ва.. Дѣло это было направляемо очень искусною рукою. Послѣ этого папамъ легко-уже было удерживать ее въ своей власти. И мы видимъ, что она дѣйствительно, была вѣрной союзницей папъ и особенно Григорія VII, съ которымъ была знакома еще тогда, когда онъ не былъ папой и умѣянно котораго вести свои дѣла, вѣроятно, нужно приписать то обстоятельство, что Матильда прогнала своего мужа. А что папы сочувствовали Матильдѣ въ этомъ дѣлѣ, въ томъ

(1) Различіе ленныхъ имѣній отъ аллодіальныхъ состояло въ томъ что аллодіальныя имѣнія владѣлецъ могъ передать кому было угодно, а ленныя могъ передать только съ согласія императора.

не может быть ни малѣйшаго сомнѣнiя; самое молчанiе папъ по поводу этого факта подтверждаетъ мою мысль. Другой женщи онъ, конечно, никогда не позволили бы прогнать своего мужа, если бы это изгнанiе не было выгодно для нихъ... Какъ бы то ни было, только Матильда въ борьбѣ папъ съ императорами стала на сторону папъ и (повторю еще) была вѣрной союзницей Григорiя VII, который имѣлъ такую сильную власть надъ Матильдой, что уговорилъ ее письменно отдавать римской церкви всѣ аллодiальныя имѣнiя и владѣнiя, находившiяся въ ея распоряженiи. Это было въ 1080-хъ годахъ. Матильда, тогда была уже не молода и, кромѣ того, дала слово, конечно, вслѣдствiе благочестивыхъ увѣщанiй папъ, остаться на всегда вдовой. По этому и Григорiй VII могъ надѣяться, что завѣщанiе Матильды не будетъ намѣнено.... Но чего не случается на свѣтѣ? Едва прошло два года послѣ смерти Григорiя VII, какъ ей захотѣлось выйти за мужъ (Готфридъ, первый ея мужъ умеръ 1079 г.). Подъ руку попался ей 18-лѣтнiй Вельфъ баварскiй. Не надѣясь получить его своей, увы! уже увядшей красотой, Матильда достигла своей цѣли — женила его на себѣ, — давъ ему обѣщанiе оставить ему въ наследство всѣ свои владѣнiя. Папъ Урбану II, который могъ съ увѣренностию рассчитывать на это наследство, конечно, была крайне неприятна выходка Матильды и онъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока Матильда, — эта добрая Матильда, — не прогнала отъ себя Вельфа, какъ прежде прогнала отъ себя Готфрида... Не могу не замѣтить, что этотъ фактъ много можетъ говорить въ пользу моего предположенiя, что и прежнiй мужъ прогнанъ былъ не безъ внушенiя Григорiя VII.. Это послѣднее изгнанiе мужа Матильдой случилось въ 1095 г. Спустя не много времени, папа Урбанъ II настоялъ на томъ, чтобы Матильда составила второе завѣщанiе въ папскую пользу, такъ какъ первое завѣщанiе было уничтожено, когда Матильда вышла за мужъ. Это второе завѣщанiе было выгоднѣе для папъ, чѣмъ первое, потому что теперь Матильда отдавала въ наследство церкви (такъ по крайней мѣрѣ говорилъ папа, толкуя по своему слова завѣщанiя) даже тѣ владѣнiя, которыми она немогла распоряжаться (ленныя). Съ этого времени Матильда оставалась вѣрной папамъ до самой своей смерти, послѣдовавшей 24 iюля 1115 года. Что же папы? Тогдашнiй папа Пасхалисъ II сдѣлалъ повидимому промахъ: онъ не предъявлялъ императору завѣщанiя Матильды и препятствовалъ

ему раздать имѣнія Матильды своимъ приближеннымъ—имцамъ. Ту же ошибку сдѣлалъ, повидимому, и Каллисть II. Но это только повидимому. Вспомните, что императоромъ тогда былъ Генрихъ V—императоръ сильный, съ которымъ папамъ бороться было не подь силу. Совсѣмъ иначе пошло дѣло, когда на престолъ императорскій взошелъ Лотарь, герцогъ саксонскій. Лотарю, который и императоромъ-то сдѣлался только потому, что его права, по распоряженію папы, поддерживали три духовные курфирста и легать папскій,—Лотарю, говорю, можно было предъявить завѣщаніе Матильды. И Иннокентій II не замедлил сдѣлать это. Только папы все таки находили еще несвоевременнымъ стараться о приобрѣтеніи наслѣдства Матильды во всей ея цѣлости. Папа очень хорошо зналъ, что императоръ не могъ отдать папѣ всѣхъ земель Матильды, не вызвавъ страшнаго негодованія со стороны своихъ подданныхъ и особенно со стороны тѣхъ лицъ, которымъ розданы были участки изъ наслѣдства Матильды. И потому дѣло было устроено такимъ образомъ: договоромъ 1133 г. императоръ призналъ завѣщаніе Матильды относительно аллодіальныхъ ея владѣній, при чемъ ленныя ея владѣнія должны были поступить во власть императора. Повидимому, статья договора была ясна, но опятъ таки только повидимому.... Папа утверждалъ, что невозможно теперь отдѣлять аллодіальныхъ владѣній отъ ленныхъ, такъ какъ они во время продолжительнаго управленія Матильды совершенно перемѣшались. Что было дѣлать Лотарю? Не начинать же войны съ папой.... Нужно было сдѣлать какое либо соглашеніе... И сдѣлали. Папа уступалъ императору помѣстья Матильды, которыя онъ считалъ аллодіальными, съ тѣмъ, чтобы и онъ и послѣ его смерти, мужъ его сестры Генрихъ, герцогъ баварскій и саксонскій, платили ежегодно святому отцу по 100 марокъ серебра. По смерти Генриха эти имѣнія должны были подлежать новой переоцѣнкѣ со стороны папы. Дѣла такимъ образомъ затягивались и затягивались при ближайшихъ преемникахъ Лотаря, видимо въ худшему для папъ... Дѣло въ томъ, что Фридрихъ Барбаросса и его сынъ Генрихъ VI и знать не хотѣли притязаній папскихъ и распоряжались владѣніями Матильды, какъ имъ было угодно, не обращая вниманія на протесты папскіе. Не скоро эти худыя времена для папъ прошли. 1197 г. умеръ Генрихъ VI, оставивъ послѣ себя однолѣтняго сына (въ послѣдствіи Фридриха II). Въ Германіи, какъ обыкновенно, собрался сеймъ для избранія новаго

императора. На этот сейм отправился изъ Италии и братъ Генриха-герцога Филиппъ швабскій, чтобы лично стоять за права дяди Гогенштауфеновъ вообще и въ частности своего одиознаго племянника. Съ отъездомъ изъ Италии Филиппа, Италия, подчиненная германскимъ императорамъ, осталась безъ главнаго своего начальника и папа Иннокентій II какъ нельзя лучше воспользовался этимъ обстоятельствомъ. Все наследство Матильды находилось въ рукахъ вѣмцевъ. Папа постарался разыграть роль патріота: онъ позаботился раздуть въ итальянцахъ ненависть къ чужеземному игу, далъ имъ и войско и денегъ и всѣ другія средства къ возстанію противъ вѣмцевъ, освободилъ ихъ отъ вѣрности присяги и предалъ анаемѣ вѣмцевъ правителей взбунтовавшихся областей. Маневръ былъ сдѣланъ такъ ловко и кетати, что едва прошло три года, какъ оказалось, что въ руки папскія попало все наследство Матильды, кромѣ Тосканы, съ которой папа ничего не могъ дѣлать потому только, что тосканцы, по смерти Генриха заключили со многими итальянскими баронами оборонительный союзъ и рѣшились отстоять свою независимость... А въ Германіи, между тѣмъ, все еще избирали императора.... На императорскій престолъ предъявили свои права два герцога: Оттонъ саксонскій (Гвельфъ) и Филиппъ швабскій—Гогенштауфенъ. За Оттона стояли духовные курфирсты, за Филиппа—свѣтскіе и никто не зналъ, кто будетъ, наконецъ, императоромъ. Тогда папа Иннокентій III отправилъ пословъ къ Оттону и обѣщаль ему употребить все свое вліяніе на избирателей, если только онъ согласится на извѣстныя, предлагаемыя папой, условія; въ противномъ случаѣ Иннокентій грозилъ поддерживать соперника Оттона. Оттонъ, конечно, согласился. Тогда 8 іюня 1201 г. заключено было между Иннокентіемъ и Оттономъ слѣдующее соглашеніе: Иннокентій обязывается содѣйствовать избранію Оттона въ императоры, а Оттонъ торжественно клянется признавать и поддерживать всѣ права св. престола, уступить ему всѣ провинціи и владѣнія, пріобрѣтенныя папой въ послѣдніе три года и, наконецъ, всѣми силами, находящимися въ его распоряженіи, содѣйствовать пріобрѣтенію св. престоломъ недостающей части Матильдина наследства. Т. е. папа хотѣлъ, чтобы въ его управленіи были Анкона, Герцогство Сполеттское, Мантуя, Модена, аллодіальныя имѣнія Матильды, графство Бертиноро, равно какъ и всѣ граничащія съ ними земли, которыя уступилъ будто-бы римской церкви Людовикъ Благочестивый, сынъ Карла Вели-

наго. О такой дарственной грамотѣ прежде ничего не слышали, тѣмъ же менѣе легаты представляли ее, какъ актъ подлинный, данный папѣ 817. Подлогъ былъ очевиденъ. Этимъ актомъ Людовикъ Благочестивый дарилъ папѣ всю территорию около Неаполя, островъ Сицилію и другія различныя территории, лежащія въ южной Италіи. Такимъ образомъ, Людовикъ дарилъ папѣ и тѣ земли, которыя въ 817 г. принадлежали не ему, а императору византийскому!... Почему бы уже не подарить встать папѣ и Константинополя? Подлогъ, говорю, былъ очевиденъ. Но знаніе исторіи не шло тутъ въ строку, и этотъ документъ признанъ былъ подлиннымъ. Нужно-ли рассказывать дальше? Едва-ли! Конецъ понятенъ самъ собой. Всемогушій Иннокентій III возвелъ Оттона на императорскій престолъ, а Оттонъ далъ папѣ санкцію, отдававшую въ руки папы все наслѣдство Матильдино.

Вотъ, м. г. правдивая исторія присоединенія Матильдина наслѣдства къ папской области! Судите послѣ этого, до какой степени правы защитники папства, утверждающіе, что папы честно и правильно приобрѣли права на управленіе церковною областію. Судите сами, честно-ли поступали папы, различая мужа съ женой, благословляя подданныхъ на клятвенныя преступленія, на бунтъ противъ своихъ государей, содѣйствуя мятежу и фабрикуя небывалые документы!...

Этимъ я и покончу свое первое письмо о папствѣ. Въ слѣдующемъ письмѣ я постараюсь указать тѣ отношенія, въ какія стали папы къ подданнымъ и подданные къ папамъ. Раскрыть эти отношенія, по моему, очень поучительно, особенно въ виду современныхъ толковъ о необходимости удержатъ за папами свѣтскую власть.

И такъ до слѣдующаго письма.

А Елецкій.

С Л О В О,

сказанное при освященіи владѣщеніемъ Михайловской церкви, въ Фастовскомъ приходѣ, Бѣлостокскаго уѣзда, 1888 года генваря 24 дня. (*)

Поимъ Господеви славно бо прославися (Наход. Г. 15 е!)

Тяжко было иго народа Божія въ Египтъ; бѣдственно положеніе восточныхъ христіанъ подъ владычествомъ невѣрныхъ, но здѣшній православный народъ не менѣе ихъ страдалъ

(*) Помѣщаемъ здѣсь два поученія, замѣчательныя по своему религіозно-патріотическому характеру.

отъ вѣнцовъ. Знаете ли, православные, что во времена польскаго вѣ стравѣ сей владычества запрещено было строить (1) православныя церкви? Наша вѣра называлось схизматическою, арианскою и была предметомъ презрѣнія и порицанія. (2) Странно было тогда священникамъ приносить безкровную жертву Господу; поляки врывались иногда въ церкви и стрѣляли въ алтарь. (3) Опасно было совершать крестные ходы: поляки иногда ломали хоругви, отнимали и сокрушали кресты. (4) Съ православныхъ священниковъ, приступавшихъ къ литургіи, иногда снимали облаченія. (5) Въ м: Дрогичинѣ, во время проводовъ православнаго умершаго, студенты езуитской школы отняли хоругвь, а изображеннаго на ней Спасителя кололи, рѣзали ножами и, полирая ногами, приговаривали: *для чего схизматическій Боже, немстишь обиды своей?* (6) Духовенство римское пересѣзало отъ храма къ храму въ повозкахъ, въ которыя впрягали до 20 и болѣе человекъ вмѣсто скотовъ. (7) Изувѣрство поляковъ простиралось даже на умершихъ. Тѣла православныхъ иногда выбрасывали изъ гробовъ, какъ недостойныя погребенія. (8) Мрачная картина! страшное время!

Съ грустью и скорбію я говорю о прошедшемъ; но и послѣ присоединенія страны сей къ Россіи, домашніе враги наши не дремали. Не было, правда, явныхъ, прежнихъ гоненій на православіе, но тайныя козни и ухищренія римской пропаганды не менѣе прежняго вредили дѣлу нашей вѣры и народности. Былъ законъ объ устройствѣ и починкѣ помѣщанъ православныхъ церквей, но только на письменн, а римскіе костелы умножались на дѣлѣ, не столько для славы Божіей, сколько для истребленія здѣсь православія; ибо часто строились въ такихъ мѣстахъ, гдѣ не было римскаго населенія, а для большаго успѣха въ своей миссіи, въ нѣкоторыхъ римскіе пропагандисты полагали кости святыхъ, канонизованныхъ папою, (9) Православныя же церкви, ни кѣмъ не-

(1) Исторія объ увѣи Бантышъ Каменскаго, стр. 55. (2) Тамъ же, стр. 271. (3) Тамъ же, стр. 239. Тамъ же, стр. 214. (5) Тамъ же, стр. 133. (6) Тамъ же, стр. 260. (7) Вѣстникъ Западной Россіи за 1863/64 годъ, томъ IV, стр. 190. (8) Тамъ же, стр. 3.

(9) Удивляюсь легкомыслію римлянъ. Въ полоцкомъ доминиканскомъ костелѣ, я видѣлъ почернѣвшія кости езуита Боболя, канонизованнаго папою. Онѣ возбуждаютъ какостю тяжкое грустное впечатлѣніе!

поддерживаемыя, разрушались отъ времени, и мы, смотря на ихъ запустѣнїе, говорили въ душѣ, подобно инокамъ аеонскимъ: *Боже приидоша языцы въ достояніе Твое!* Спорныя дѣла православнаго духовенства съ польскими панамъ о собственности церковной почти всегда рѣшались въ пользу сихъ послѣднихъ; ибо судебная и административная власть находилась въ рукахъ поляковъ. (1) Поляки хулили обряды нашей церкви. (2) Языкъ русскій презирали даже чиновники, состоявшіе на государственной службѣ. (3) Ненависть къ намъ римскаго духовенства особенно обнаруживалась при бракосочетаніяхъ лицъ православныхъ съ римлянами. На предъбрачной исповѣди, патеры римскіе всегда внушали своимъ прихожанамъ, что римляне, вступающіе въ бракъ съ православными, прокляты римскою церковію и вѣчно будутъ мучиться въ адѣ. По правиламъ своего катихизиса, польскіе паны вредили православному духовенству въ его матеріальномъ быту и нерѣдко вводили на него самыя гнусныя клеветы. Народъ православный шесть дней буднихъ работалъ своимъ панамъ, а въ воскресные дни иногда занятъ былъ собираніемъ на полѣ камней,— какъ такимъ дѣломъ, которое, по мнѣнію поляковъ, не было противно заповѣди Божіей, и потому не могъ присутствовать въ храмѣ и молиться Господу Богу. Недавно бывшій мятежъ поляковъ вполне объяснилъ ихъ замыслы. Имъ хотѣлось устроить царство папизма въ той странѣ, гдѣ еще въ 14-мъ и 15-мъ столѣтіяхъ процвѣтало православіе. Ибо что заставило римскихъ ксендзовъ быть предводителями нѣмтиниковъ, жандармовъ-вѣшателей и, съ револьверами и кинжала-

(1) Въ 1862 году, въ Гродненской губерніи было только 40 чиновниковъ православнаго исповѣданія; изъ нихъ, кажется, 15 были женаты на полякахъ

(2) Мнѣ случилось слышать замѣчаніе поляковъ, видѣвшихъ въ нашей церкви вѣнчаніа: „и уѣтихъ схизматиковъ такіе же обряды, какіе у жидовъ: даютъ вино пить и три раза обводятъ.“

(3) Знакомый мнѣ чиновникъ гродненской казенной палаты рассказывалъ мнѣ слѣдующее: однажды я представилъ совѣтнику отдѣленія № № дѣло и содержаніе его объяснялъ по русски. Совѣтникъ бросилъ дѣло на землю, приговаривая: я не понимаю твоего собачьяго языка!

ни въ рукахъ, проливать кровь христіанъ православныхъ, какъ не таже вѣковая ненависть къ намъ православнымъ? Да, трудное и тяжкое было тогда для насъ время! Бѣдствовала здѣшній православный народъ, страдало православное духовенство. За отеческіе законы и преданія одни переносили злословія и клеветы, другіе—оплеванія и заушенія, иные потерю всего своего достоинства, а нѣкоторые воспріяли и мученическую кончину. Все уже, повидямому, клонилось къ разрушенію и истребленію здѣсь всего православнаго—русскаго. Но дивенъ Господь въ своей правдѣ и благодати! По слову Благочестивѣйшаго Царя нашего, коего сердце въ рудѣ Божіей, прибылъ въ страну сію мудрый государственный сановникъ—бывшій начальникъ края, графъ Михаилъ Николаевичъ, и дѣла перемѣнились! Воскресло православіе, ожива русская народность, возстали изъ развалинъ православные храмы, возстановленъ законный порядокъ. Хвала тѣбѣ доблій вождь! Имя твое будетъ безсмертно въ странѣ сей. Ты спасъ здѣшній край отъ полонизма и папизма, которые, подобно ненасытному чудовищу, готовы были пожрать нашу народность и вѣру, наши права и святыни. Хвала и тебѣ, достойный преемникъ нашего архистратига! хвала всемъ вамъ, благочестивые братья наши, сыны Великой Россіи. Всѣ вы тогда возстали за насъ, за святое православіе, народъ литовско-русскій нынѣ наслаждается миромъ, и на родной своей почвѣ покоится, какъ *Израиль во дни Соломона*. А враги наши пусть стыдятся своихъ злодѣяній; Господь видимо положилъ на насъ свое знаменіе. Поимъ же; православные, Господеви, славно бо прославися!

Три года тому назадъ, въ самое время неистовства поляковъ, васъ православные постигло великое бѣдствіе. Бѣдная церковь ваша, въ которой молились вы, со всемъ имуществомъ, истреблена пожаромъ. Вы скорбѣли, и было о чемъ скорбѣть! Но благословенъ Богъ отецъ нищихъ! Нашлись благочестивые люди, любящіе благолѣпіе храмовъ Божіихъ, далекіе отъ васъ по разстоянію, но близкіе по чувствамъ любви и благотворительности, изъ первопрестольной столицы нашей—братчики здѣшняго прихода. (1) Они прислали же

(1) Братчики: Священникъ церкви {Успенія, что въ Казасей, Александръ Семеновичъ Ильинскій, учитель 3-го московскаго уѣзднаго училища Петръ Николаевъ Поляковъ, московскій купецъ Никандръ Магвѣевичъ Аласинъ, священникъ

много пожертвованій на вашу церковь; открыли подписку на сооруженіе у васъ каменной церкви, и мы несомнѣнно надѣсьмся, что, при нѣхъ христіюлюбивой заботливости, вторая слава храма вашего будетъ больше первой. Если о бѣдной евангельской вдовѣ, которая отъ усердія пожертвовала двѣ лепты на храмъ іерусалимской, проповѣдуется въ цѣломъ христіанскомъ мѣрѣ; то можемъ ли мы умолчать о дарахъ и щедротахъ нашихъ благотворителей? А если бѣ и умолчали, то громче нашего слова возоніютъ сами камни, изъ которыхъ они воздвигнули вашъ храмъ! Да воздастъ же имъ Господь за нѣхъ благотворительность въ день праведнаго издвозадавія, а въ мірѣ семъ да будутъ дни нѣхъ долги и благословенны! А между тѣмъ, по мысли, заботамъ и усердію вашего священника, при содѣйствіи нѣкоторыхъ благочестивыхъ чиновниковъ, (15) и при вашей помощи, построена здѣсь, на мѣстѣ упокоенія вашихъ отцевъ и сродниковъ церковь сія, освященная молитвеннымъ священнодѣйствіемъ. Да возрадуется душа ваша, православные; исполнилось желаніе вашего сердца! Пойте Господеву, славно бо прославился.

Но, радуясь и торжествуя, не будьте, православные, слишкомъ самонадѣянны и безпечны. Вы живете на границѣ Царства Польскаго и окружены тѣми же врагами, которые недавно презирали нашу вѣру и хулили имя русское. Они теперь молчатъ; ибо увидѣли на дѣлѣ силу своихъ безразсудныхъ замысловъ. Но время и опытъ увѣрили насъ, что у нѣхъ всегда однѣ и тѣже убѣжденія, тѣже намѣренія, таже къ намъ ненависть, прикрываемая иногда лестію, коварствомъ, лицемеріемъ. Они могутъ усыпить васъ и при случаѣ говорить вамъ о величій римской церкви, святости своего первосвященника и тому подобное. Не вѣрьте нѣхъ мудрованіямъ! Ихъ вѣроученіе противно духу евангелія, не было извѣстно древней апостольской и вселенской церкви. *И если бы Ангелъ съ неба, скажу словами Апостола, благовѣстествовалъ вамъ иное ученіе, а не то, какое мы благовѣстуету-*

церкви Св. Симсона, что на Поваренной, Алексѣй Ивановичъ Соколовъ, д. с. совѣтникъ Константинъ Петровичъ Побѣдосцевъ, купеческій сынъ Николай Павловичъ Чамовъ.

(15) Участковаго чиновника Бѣлостокскаго уѣзда Павла Васильевича Чернецова и командира 4-го эскадрона 13 владимирскаго уланскаго полка, Маіора Михаила Михайловича Сучочева.

есть вамъ, да будетъ амадема! Къ вамъ (16) недавно прибыли на постоянное жительство великороссіане. Надѣюсь, они полюбятъ васъ, долгое время бѣдствовавшихъ подъ игомъ влнзла. Будьте же съ ними въ единодушїи! Да не будетъ у васъ съ ними раздѣленїя, или же вражды, ради какихъ либо мѣстныхъ обычаевъ, непротивныхъ духу православїа! Не говорите подобно христіанамъ временъ апостольскихъ: *я Павловъ, я Кифинъ, я Атолосовъ*, да будетъ у всѣхъ васъ одно сердце, одна душа. *О семъ разумѣютъ вси, जो мои ученицы есте*, сказалъ Спаситель, *аще любовь имате между собою* (Іоаннъ 13 гл. ст. 35). Вотъ отличительная черта истиннаго православїа! *А гдѣ нѣтъ любви, тамъ нѣтъ Христа*, сказалъ святитель Тихонъ.

Святый Архистратиге Михаиле, предстоящїй престолу Господа славы! Во имя Твое мы сиодобились нынѣ освятить церковь сію. Молимъ Тебя, мы недостойные, будь ея хранителемъ и руководителемъ въ многотрудномъ дѣлѣ служенїа нашего среди иновѣрія, а въ случаѣ опасности и бѣдствїй, ополчись съ небесными силами окрестъ насъ, боящихся Господа, да гласомъ радованїа воспоемъ ему: *славно бо прослави-ся. Аминь.*

Священникъ Итолитъ Мироновичъ.

С Л О В О

на день Веществїа на всероссїйскїй престолъ Благочестивѣйшаго ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА, Самодержца Всероссїйскаго. 1866 года, Февраля 19.

Приидите, да идемъ въ Галгалы, и обновимъ тамо царство. 1 Цар. XI. 14.

Когда новопоставленный надъ Израилемъ царь Саулъ явилъ первый опытъ царской власти, какъ проявленїе присутствїа въ немъ Духа Божїа, — тогда пророкъ Самуилъ созываетъ всѣхъ израильтяпъ въ Галгалы, дабы тамъ, предъ кнзотомъ Божїимъ, какъ бы предъ лицемъ Самаго Бога, утвердить и освятить власть царя надъ людьми и сердца людей привязать къ царю.

(16) Въ Яворовку, сожженную во время мятежа за то, что въ ней находилось много жандармовъ — въшпатель.

Нашъ Благочестивѣйшій Монархъ АЛЕКСАНДРЪ II-й, въ одиннадцатилѣтне своею благополучнаго царствованія, явилъ не первый, а уже многократные опыты Своего мудраго и благого управленія народомъ. Всѣ благія Его начала, всѣ мудрыя Его учрежденія, всѣ благодѣтельныя Его преобразованія въ государственномъ строѣ, сколько приносятъ счастья и благополучія намъ, вѣрнымъ Его подданнымъ, столько возбуждаютъ удивленія и зависти въ чуждыхъ намъ народахъ.

Придите же и вы, православные россияне, соберись нынѣ новый Израиль въ домъ Господень и обнови здѣсь уже въ двенадцатый разъ русское православное царствованіе нашего Благочестивѣйшаго МОНАРХА. Здѣсь, предъ святымъ алтаремъ, на которомъ присутствуетъ Самъ Господь Спаситель нашъ, въ страшныхъ таинахъ Тѣла и Крови Своей, возобновимъ свои сердечныя обѣты вѣрности, преданности и любви нашей къ Августѣйшему МОНАРХУ нашему, — скрѣпимъ сей священный союзъ ЦАРЯ съ подданными благословеніемъ святой православной церкви нашей и помолимся о здравіи Его, долгоденствіи и благоденствіи.

А для лучшаго и болѣе осмысленнаго выполненія сихъ благихъ нашихъ желаній, рассмотримъ нынѣ внимательно, почему обновленіе мірскаго царства полезнѣе и приличнѣе можетъ и должно совершаться по зову и указанію церкви и среди церкви Божіей?

Древняго Израиля созываетъ въ Гагалы для обновленія царства пророкъ Самуиль. Самуиль облеченъ былъ высшею духовною властію, какъ имѣвшій великій даръ пророчества, какъ провозвѣстникъ людямъ воли Божіей, какъ посредникъ между Богомъ и Его людьми. Онъ всю жизнь свою, отъ юности своей до глубокой старости, судилъ Израиля кротко, милостиво, немздоимно, — и приобрѣлъ расположенность и любовь къ себѣ всего народа израильскаго: *не обидѣлъ еси насъ, ниже насильствовалъ еси намъ, ниже утѣснилъ еси насъ, ниже взял еси отъ руки чѣя что*, — такъ свидѣтельствовали ему всѣ израильтяне предъ лицомъ Самаго Бога и Христа Его. И сей-то святой и великій предъ Богомъ и людьми мужъ, при всѣхъ своихъ правахъ во Израили на власть мірскую, коль скоро Богъ избралъ и поставилъ надъ Своимъ народомъ царя, не стремится къ пресобладанію, не заявляетъ народу

о своихъ правахъ на власть гражданскую,—напротивъ, при первомъ случаѣ, старается прославить богоизбраннаго царя, утвердить, возвысить и освятить его власть предъ лицомъ всѣхъ его подданныхъ и самъ, съ дѣтьми своими, охотно становится въ ряду повинующихся царской власти: *и се ныне царь предходитъ предъ вами*, говоритъ онъ людямъ, *азъ же состарьхся и судити буду и сынове мои се съ вами*, т. е. въ числѣ подданныхъ царя.

Вотъ правый путь, которымъ шествуетъ и долженъ идти истинный представитель истинной религіи. Онъ вѣренъ своему долгу,—вѣренъ религіи и, для блага самой религіи, заботится объ утвержденіи власти царской.

Этимъ именно правымъ святымъ путемъ всегда неуклонно слѣдовала и слѣдуетъ и наша святая православная церковь. Она, въ лицѣ своихъ первосвятителей—іерарховъ, никогда не выходила изъ предѣловъ своей, чисто духовной и чисто религіозной власти; не старалась усвоить себѣ непринадлежащую мірскую власть; она помнитъ слово Спасителя, что *царство Его не отъ міра сею*, а потому всегда старалась и старается въ своихъ рукахъ свято держать и право являть только слово истины Христовой, научая чадъ своихъ воздавать *Божія Богови и кесарева кесареви*,—благоговѣть предъ властію царскою, какъ предъ Божіею: *нѣсть бо власть аще не отъ Бога, сущія же власти отъ Бога учинены суть*.—Это благое свое настроеніе православная церковь выносить, какъ изъ правоты и чистоты своего ученія, такъ и изъ высокой святости и истинно христіанскаго и апостольскаго своего духа. Ибо смиренно-апостольскій ея духъ служитъ основаніемъ неразрывнаго союза, сближенія и единомыслія ея съ властію царскою,—въ чемъ собственно и находится вѣрный залогъ достиженія высшаго предназначенія церкви и власти Царской,—предназначенія, состоящаго въ руководствѣ людей къ вѣчному ихъ спасенію путемъ мирнымъ, надежнымъ и безопаснымъ,—въ духѣ кротости и христіанскаго смиренномудрія.

Но далека отъ достиженія такой святой цѣли та церковь, которой духовный представитель всячески силится удержать въ своихъ рукахъ скиптръ и державу царскую,—духовную власть свою употребляетъ не для спасенія душъ, а для выгодъ и славы мірской, подвергаетъ, напримѣръ, вѣнценосца проклятію и отлученію отъ церкви не въ видахъ душевнаго его спасенія, не изъ заботъ о чистотѣ и славѣ церкви Хри-

стовой, а ради собственной временной славы и корысти,— для ограждения своего вѣнца и скипетра царскаго,— думаетъ, нововведенные въ ученіе христіанское догматы и обычаи своей церкви, утвердить между христіанами не силою убѣжденія въ ихъ истинности, а силою мірской власти и страхомъ свѣтскихъ наказаній,— требуетъ подъ видомъ духовной власти, подчиненія свосму царскому скипетру „не только каждаго человека въ частности, но и всѣхъ народовъ и ихъ государей,“— требуетъ, чтобы всѣ не только религіозныя, но и „внутреннія гражданскія учрежденія государствъ зависѣли отъ его воли.“— Отличительный и самый необходимѣйшій признакъ истинной церкви Христовой есть кротость, христіанское смиреніе и любовь. Какъ же могутъ совмѣститься эти высокія христіанскія добродѣтели въ лицѣ того человека, который въ одной рукѣ держитъ крестъ, символъ смиренія, терпѣнія и спасенія людей, а въ другой мечъ, отнимающій жизнь у человека? Вотъ почему происходитъ разъединеніе этой церкви съ властями мірскими! Вотъ почему въ этой церкви даже служители алтаря, какъ это мы видѣли во время польскихъ мятежей, такъ святотатственно злоупотребляли духовною властію—и своими руками, тѣми руками, которыми приносили безкровную жертву Господню, подносили мечи, книжаы и огнестрѣльное оружіе, для испроверженія законной царской власти и для нанесенія смертныхъ ударовъ своимъ ближнимъ! Это отъ того, что исходное начало подобнаго святотатства они видятъ въ верховномъ своемъ представителѣ,— величающемся такъ дерзко непогрѣшимымъ. Пора, наконецъ, этому, такъ называемому, наследнику престола апостола Петра понять слова Спасителя, наиболѣе теперь къ нему относящихся: *Петре, возврати ножъ твой въ мѣсто его*, потому что тебѣ неприлично, опасно и бесполезно носить это оружіе!

Православные Россіяне! Правда, для насъ нѣтъ ни большаго добра, ни горя отъ того, что происходитъ внѣ предѣловъ нашего драгоцѣннаго отечества и нашей православной церкви. Но, при взглядѣ на эти событія въ нѣдрахъ западной церкви, на эти мятежныя словопрѣнія между ея представителями и враждебныя отношенія ея къ народнымъ правительствамъ,— сколько мы должны возчувствовать благодаренія Богу за то, что Онъ благоволилъ утвердить въ нашемъ любезномъ отечествѣ господствующую церковь православную! Во сколько кратъ должны въ насъ возрасти и усилиться любовь, при-

нительность и уваженіе къ нашей святой православной и единой вселенской церкви, которая, въ продолженіи восьми съ тысячу лѣтъ, безматемно ведетъ сыновъ Россіи къ вѣчному спасенію, внушая имъ уваженіе и благоговѣніе къ царской власти и святымъ, правымъ и истиннымъ своимъ ученіемъ, охраняя ихъ отъ всякихъ смуть внутреннихъ!

Обновленіе царства мірскаго всего причитѣе и необходимо совершать въ церкви Божіей. Такъ, пророкъ Самуилъ, для обновленія царства созываетъ евреевъ въ Галгалы. Галгалы— это одно изъ селеній въ израильской землѣ, въ которомъ, во приходѣ евреевъ въ землю обѣтованную, до времени, находилась скинія свидѣнія; тамъ былъ кивотъ завета, и въ немъ скривали законъ, золотая стамна съ манной и прозябшій жезлъ Аароновъ;— слѣдовательно Галгалы было такое мѣсто, въ которомъ находилась самая большая святыня евреевъ, напоминавшая имъ великія и дивныя чудеса Божіи,— святыня, у которой евреи ощущали присутствіе славы Божіей, и жили общеніе съ Богомъ,— словомъ, это мѣсто было средоточіемъ церкви Божіей. Сіе-то мѣсто Самуилъ счелъ причитѣйшимъ для обновленія царства,— желая тѣмъ показать, что царская власть и религія немислмы одна безъ другой, что онѣ начала— не разнородныя, другъ другу не противрѣчающія и другъ друга не исключаютъ, но что та и другая исходятъ отъ одного начала Бога и должны стремиться къ одной цѣли,—именно, вести человѣка къ возможному благополучію на землѣ и блаженству въ вѣчности; а потому онѣ не должны раздѣляться въ своихъ стремленіяхъ, но и не должны быть поглощаемы одна другой, или сливаемы въ одномъ и томъ же лицѣ; но должны идти совокупно,— рука-объ-руку, другъ-другу вспомошествовать и другъ друга поддерживать. Прославляется, напримѣръ, царь Саулъ воинскими подвигомъ, и пророкъ Самуилъ ради того учреждаетъ нарочитое торжество въ церкви Божіей. Такъ и наша православная церковь радуется и торжествуетъ при всякомъ событіи въ государствѣ, имѣющемъ благотворное вліяніе на ея чадь. Она торжествуетъ дни возмезствій государей на престолѣ, дни ихъ коронацій, рожденій и тезоименитствъ, равно празднуетъ дни побѣдъ царей русскихъ и ихъ христіолюбиваго воинства надъ врагами. Не остается она невнимательной и равнодушной и въ годны бѣдствій отечества; напротивъ, тогда-то она особенно и усугубляетъ моленія ко Господу о покореніи враговъ ногъ ногъ

православнаго **МОНАРХА** нашего;— возбуждаетъ чадъ своихъ къ мужественной защитѣ престола и отечества; охотно, въ лицѣ своихъ представителей, полагаетъ на алтарь отечества и жизнь, и всѣ свои блага земныя. Бытописанія Россіи особенно богаты самыми поучительными и самыми поразительными примѣрами дѣятельнѣйшаго участія церкви православной въ защитѣ отечества отъ озлобленія его врагами,—такъ что чѣмъ большее горе когда либо постигало Россію, тѣмъ православная церковь неуныннѣе и бдительнѣе стояла на стражѣ ея спасенія. Даже тогда, какъ подъ бременемъ бѣдствій и испытаній изнемогали и падали физическія силы Россіи, православная церковь была крѣпка духомъ, неутомима и несокрушима: и сама твердо стояла и своимъ примѣромъ и убѣжденіемъ возбуждала, воскрешала и поддерживала мірскую сторону государства—и спасала отечество! Для сего довольно указать на времена междуусобій русскихъ князей, на времена ига татарскаго и времени избавленія Москвы отъ крамольныхъ поляковъ. Не менѣе того святая православная церковь сочувствуетъ и всякимъ внутреннимъ благимъ учрежденіямъ, или преобразованіямъ въ государствѣ и, по мѣрѣ силъ своихъ и возможности, оказываетъ имъ сродное ей содѣйствіе. Она благословляетъ всякое полезное изобрѣтеніе и открытіе наукъ и искусствъ, — слѣдитъ за полетомъ ума человѣческаго въ области познаний, старается поддерживать его направленіе къ добру, проводя въ среду его дѣятельности Христа и Его благодатію осеящая, оживляя и совершенствуя всѣ честныя и полезныя стремленія человѣческаго духа.

Не то видимъ мы въ церкви, состоящей подѣ управленіемъ, такъ называемой, непогрѣшимой видимой главы церкви! Тамъ, какъ это видно изъ соборнаго посланія нынѣшняго римскаго первосвященника, всякое стремленіе духа человѣческаго къ полезнымъ усовершенствованіямъ называютъ „великимъ извращеніемъ самыхъ преступныхъ мнѣній и ученій,“ всякое благодѣтельное для народовъ гражданское учрежденіе, принятое обществомъ безъ согласія и утвержденія самозваннаго апостольскаго престола, порицаютъ, отвергаютъ и осуждаютъ, какъ „противное католическому догмату полновластія, будто бы, даннаго Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ римскому папѣ.“ Тогда какъ на самомъ дѣлѣ свободно разумныя стремленія, усовершенствованія и гражданскія учрежденія современныхъ народовъ нисколько не проти-

вручить началамъ истинной церкви Христовой, а только не благопріятствуютъ внѣшнимъ интересамъ мнимой главы церкви,—главы, отуманенной несвойственными для служителя Христова заботами мірской власти.

При семъ мы, православные россияне, опять должны благословлять и тысячекратно благодарить Промыслъ Божій, благоволившій утвердить православную вѣру среди нашего любезнаго отечества. Убѣжденные долговременными опытами, мы сознательно можемъ сказать, что одна православная вѣра, и только она одна, послужила самымъ твердымъ основаніемъ могущества, цѣлости и невозмутимаго внутренняго спокойствія Россіи. Все насъ убѣждаетъ, что православная церковь одна на землѣ есть истинная церковь Христова, которая совершеннѣйшимъ образомъ выполняетъ свое высшее назначеніе,—т. е. совместно, согласно и дружно съ мірскою властію, не вторгаясь въ предѣлы сей послѣдней и не присвоивая себѣ ея правъ,—ведетъ своихъ чадъ къ вѣчному спасенію путемъ правымъ и безопаснымъ.

Если же такъ очевидно превосходство нашей православной церкви предъ всѣми прочими вѣроисповѣданіями; если она такъ благотѣльно вліяетъ какъ на душевное спасеніе людей, такъ и на общественную жизнь государства; то стыдно и грѣшно намъ, православные соотчичи, отставать отъ ея обычаевъ, обрядовъ и постановленій, часто имѣющихъ догматическую важность и ведущихъ свое начало отъ временъ апостольскихъ, или по крайней мѣрѣ отъ первыхъ вѣковъ христіанства. А мы должны сознаться, что у насъ православныхъ, живущихъ въ такомъ краѣ, который долгое время стоялъ подъ преобладаніемъ латинства,—многое въ православныхъ обычаяхъ забыто, иное замѣнено, или искажено нововведеніями папизма. Поэтому, когда являются среди насъ ревнители православія, заботящіеся о возстановленіи его чистоты и объ очищеніи его отъ всякихъ насильно или *люстино* навязанныхъ обычаевъ неправой религіи; то мы должны такимъ людямъ вполне сочувствовать и всемірно поддерживать благія ихъ стремленія, а не пререкать и противиться ихъ дѣйствіямъ и желаніямъ.—Какъ же прискорбно намъ встрѣчать среди себя такихъ людей, которые, дѣло усердія и святой ревности о чистотѣ православія, публично порицають и осмѣиваютъ, криво толкуя правое и вымышляя противъ него то, чего въ дѣйствительности не бывало! Тѣмъ болѣе

прискорбно намъ православнымъ встрѣчать это протѣиводѣйствіе отъ православнаго народа!...

Если такое разногласіе проявляется между избранными, общенародными православными дѣятелями; то чего, какъ не окончательнаго совращенія и отступленія отъ православія, ожидать отъ тѣхъ лицъ, только числящихся между православными, которыя издавна, или издѣтства, покойныя для ихъ извѣженнаго и полусоннаго тѣла скамы въ костелѣ, предпочитаютъ благоговѣйному и бодрственному стоянію въ храмѣ православномъ,— или пріятныя для слуха, нѣмыя звуки бездушныхъ органовъ предпочитаютъ православному церковному пѣнію, правда, не всегда до совершенства благозвучному, но всегда осмысленному, говорящему непосредственно съ умомъ молящагося и сознательно дѣйствующему на его сердце,— или, наконецъ, вовсе непонятныя для нихъ возгласы латинянъ предпочитаютъ богохваленіямъ православныхъ священно служителей, возвѣщающихъ славу Божию въ простотѣ и чистотѣ слова, удобопонятнаго всякому возрасту, полу и званію!

Православные собратія! Когда въ семь краѣ православіе подвергалось великимъ насиліямъ и преслѣдованіямъ отъ иновѣрцевъ,— тогда наши предки дружно стояли за чистоту вѣры, вынесли всѣ пытки, всѣ страданія,—непоколебались сами и намъ завѣщали наслѣдіе вѣры цѣлое и неспорченное въ основныхъ догматахъ; теперь намъ остается только дружно примкнуть къ нашей православной русской собратіи по вѣрѣ *и очистить и страхнуть всякую пыль, упавшую на нашу обрядность отъ насильственнаго вліянія иновѣрія,—прилипшую къ ней отъ продолжительнаго соприкосновенія къ навязанной нашимъ предкамъ уніи съ папствомъ.

Россія, Богомъ благословенная Россія! храни крѣпко, блюди въ чистотѣ вѣру православную, Самимъ Богомъ тебѣ завѣщанную! Въ Ней залогъ твоего благополучія, твоего величія и счастья. Аминь.

Острожскій соборный священникъ
Инатій Залитинскій.

ГРОДНЕНСКІЯ ПИСЬМА.

I.

Очутившись въ Гроднѣ, въ качествѣ ея жителя, беру съ перо, чтобы дѣлиться съ прежними читателями своими впечатлѣніями и знакомить своихъ великорусскихъ и малорусскихъ соотечественниковъ съ тѣмъ, что небезынтересно знать имъ касательно здѣшняго края.

Прежде всего, по приѣздѣ въ этотъ городъ, меня заставило задуматься самое имя его. Сельскіе жители Гродненской губерніи называютъ этотъ городъ не *Гродномъ*, а *Городней*, точно также, какъ черниговцы называютъ одинъ изъ своихъ уѣздныхъ городовъ: *Городня* и только, чтожъ это значить, что интеллигенція твердитъ: «Гродно», а *масса народа* говорить «Городня?» Кто изъ нихъ правъ?... Заглянемъ-ка въ «*Поэсти временныхъ мѣтъ*» и посмотримъ, нѣтъ ли тамъ чего-нибудь пригоднаго къ разрѣшенію этого вопроса? Есть, есть! можемъ радостно воскликнуть! Въ Ипатьевской лѣтописи, во II томѣ, подъ 1120 годомъ, упоминается объ одномъ князѣ Всеволодѣ Давидовичѣ, который положительно, буквально названъ *Гродненскимъ*, а не Гродненскимъ,.. Это обстоятельство доказываетъ, какъ $2 \times 2 = 4$, что еще въ началѣ XII вѣка нашъ городъ назывался *Городнею*, а не Гродномъ. Сельскіе жители до сихъ поръ сохранили въ своихъ устахъ это имя, лѣтопись Ипатьевская тоже согласна съ народною памятью, народнымъ преданіемъ... Откуда же взялось «Гродно» вмѣсто *Городни*? Увы и ахъ! это явленіе объясняется очень просто: оно есть дѣло рукъ нашихъ благопріятелей поляковъ, желавшихъ положить на всемъ древле русскомъ штемпель польщизны... Трудно вѣдь *хлоповъ* (это было, т. е. животное по ксендазовскимъ и панскимъ понятіямъ) заставить говорить вмѣсто славяно-русскаго имени «Городня» хоть, напримѣръ, *Казимъжовка*, или какой-нибудь Грудекъ и пр. т. под., гораздо легче было ляхамъ поступить въ этомъ случаѣ такъ: исковеркать русское слово на нерусскій ладъ; и концы въ воду. Вотъ и породились: «Вильно, Ковно, Гродно» вмѣсто Вильны, Ковны, Городни и т. д. Любопытно знать однако, почему два конечные пункта въ западной Россіи Варшава и Рига, не измѣнили своихъ окончаній на о?... Это произошло, безсомнѣнія отъ того, что въ Варшавѣ, и безъ коверканья имени города, пропалъ славянскій элементъ. Про Варшаву никто теперь не скажетъ, что она родной уже намъ славяно-пра-

вославленный городъ... А вотъ, чтобы въ городахъ и городкахъ сосѣдней къ Польшѣ Западной Россіи ступевать словяно-русское начало, пущены были въ ходъ издавна разные приемы ополченья, между которыми не послѣднее мѣсто занимаетъ и коверканіе чисто-древле русскихъ именъ городовъ и сель на не-русскій ладъ (*). Нельзя было вырвать изъ усть, изъ памяти народа завершенныхъ именъ, нельзя было переименовать *wroda* въ *miasto*, такъ нужно было хотъ выбросить характерную гласную,—изъ города сдѣлать *grodek* какъ Новогрудекъ) или *Grudno*. Такъ исковеркано и названіе «Городскихъ книгъ», въ которыхъ заявлялись разные акты, жалобы и прч., которые въ документахъ вездѣ называнныя *wrodскими* и даже, для большаго уродства, *инородскими*. Пусть, дескать, молодое поколѣніе убѣждается, что это древняя Польшка, а не Русь, пусть молодое поколѣніе не только Великой, Малой и Бѣлой Россіи, но даже Польши и западной Европы съ дѣтства заучиваетъ нерусскія имена городовъ и замѣчательныхъ сель зап. Россіи! Вѣдь извѣстно, что не все же молодое поколѣніе будетъ на столько исторически развито и любознательно, что станетъ розоблачать ложь... Большинство молодого поколѣнія вырастетъ съ заученными, исковерканными именами городовъ зап. Россіи... Изъ молодого поколѣнія дѣлается немолодое; а между этимъ послѣднимъ явится яко бы общественное мнѣніе, потому сочувствіе къ *умищенной невинности*, во имя гуманности, прогресса и т. д. и т. д. Попятно-ли, гг. читателя?..

Въ Ригѣ не было польщизны. Тамъ пришлый, нѣмецкій элементъ издавна затѣялъ радикальную германизацію края, не считая даже нужнымъ обращать вниманіе на имена городовъ и сель. Нѣмцы, говорятъ, философы... Вотъ вѣроятно, они по своему рѣшили такъ:

«Что имя?—звукъ пустой!»

Давай-ка, мы примемся за вещи поважнѣе именъ; задумали нѣмцы... и дѣйствительно принялись...

Намъ же русскимъ, да еще изъ западной окраины, *теперь* много значить и вѣрное древнее названіе города. Оно об-

(*) Если угодно редакціи, то въ слѣдующихъ *Гродненскихъ Письмахъ* постараюсь посылно изобразить какъ вытѣснялся православно-русскій элементъ изъ западно-русскихъ городовъ, помимо гоненій за вѣру.

рапашть вашъ умственный взоръ въ глубь времяя и, по выраженію покойнаго Гоголя, вызываетъ на размышленіе...

Вотъ первое мое гродненское впечатлѣніе. Теперь поговоримъ о здѣшнихъ церквахъ и вообще о церковности, что въ этомъ краю составляетъ особенно важный предметъ. Пока не вышла еще «Памятная книжка Гродненской губ. на 1866 годъ», общающаяся подѣлиться собранными ея редакторомъ свѣдѣніями о бывшихъ древле православныхъ церквахъ въ Гроднѣ, мы воздержимся отъ сообщенія своихъ замѣтокъ по этому предмету и ограничимся бесѣдою о теперешнихъ нашихъ гродненскихъ церквахъ. Въ настоящее время, въ Гроднѣ два монастыря: мужской и женскій. Въ первомъ и во второмъ по двѣ церкви; въ соборѣ тоже двѣ церкви. Кромѣ ихъ есть еще слѣдующія: *Предтеченская*, при архіерейскомъ домѣ, *Георгиевская*, при военномъ госпиталѣ, полковая, тюремная и кладбищенская. Всѣхъ престоловъ къ Гроднѣ 11, всѣхъ священно іереевъ 15. Но, къ великому прискорбію въ Гроднѣ положительно никогда не бываетъ раннихъ обѣдней и утрени по-утру; между тѣмъ слышно, что въ Варшавѣ даже, гдѣ такъ мало русскихъ, бываютъ раннія обѣдни по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ. Здѣсь раньше 10 часовъ никогда не начинаются обѣдни. Пѣніе здѣсь вообще неудовлетворительное; пріятное исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ женскій монастырь, гдѣ хотя и мало поющихъ, зато поютъ стройно и задушевно. Церковное чтеніе находится на образцовой степени: желать лучшаго, значитъ прихотничать. Въ Гроднѣ нельзя сказать словами Грибоѣдова: «читай не такъ, какъ пономарь», потому что здѣсь дьячки, и даже пономари, читаютъ прекрасно. Бываютъ и печальныя исключенія, но не въ средѣ причетниковъ, а только между старыми ех-унитскими священниками, которые жительствоуютъ въ монастырѣ, въ составѣ его братьей. Слушая ихъ чтеніе, такъ и переносишься мысленно въ м. *Жировицы*,—этотъ свѣточъ унитскаго просвѣщенія на весь сѣверо западъ Руси, въ былыя времена, гдѣ, какъ говорятъ, учили читать по словянски, но съ польскими удареніями. Вообразите, читатель, какъ это выходило и выходитъ курьезно! Но что было, то прошло; нечего, стало быть, и винить отживающихъ свой вѣкъ заштатныхъ старичковъ. Всѣ нынѣшнія церкви въ Гроднѣ, за исключеніемъ немногихъ, устроены не такъ давно; нѣкоторые изъ нихъ помѣщены въ закрытыхъ монастыряхъ латинскихъ.

По вышнему виду, почти всё громаденіе деревъ, за исключе-
ніемъ женскаго монастыря, — сущіе костелы. Ахъ еслибъ намъ
возможно было сообщить византійско-русскую наружность, — а
особенно, еслибъ было обращено больше вниманія на тѣ
священныя мѣста, на которыхъ были въ древности православ-
ныя церкви въ Гроднѣ и на которыхъ и теперь мерзость и за-
пустыніе. Однако о церковной сторонѣ послѣ. Теперь ставлю
вока точку.

Григорій Кулажинскій.

6 февраля 1866 года.
Гродна.

СТРЫВОСЬ ИЗЪ ПИСЬМА.

Люблю я искренно нашъ край,
Сѣверо-Западную Русь,
Старинной жизни новый строй,
Которымъ только и люблюсь...
Здѣсь, что ни шагъ, то старина,
Остатки древности родной...
Но эта цѣлая страна
Подъ вражьей была въдъ рукой;
Не удивляйтесь же, что здѣсь
Ксендзы наставляли каплицъ:
Обманъ, лукавство, сила, лести
Изъ вѣтихъ сыпались бойницъ!...
Прошли вѣка, и много чадъ
Изъ православія въ костелъ,
Ксендзы съ лѣхами заурядъ,
Царетачили... Кто пошелъ,
Кто плавалъ въ собственной крови
И православнымъ умиралъ
Среди сочувственной толпы,
Которой вѣру завѣщаль...
Вѣка прошли, и полонизмъ
Надѣлалъ много зла странѣ,
И „человѣческій“ папизмъ
Губилъ страну съ нимъ на—равнѣ...
Припомнимъ Туровъ и Мозырь,
И Петряковъ, Борысовъ, Пинскъ,
Иль, наконецъ, и самый Минскъ!
Все было тамъ: иль полный клиръ,
Иль былъ и властвовалъ тамъ князь...
Но грянулъ громъ на старину...
Лѣхи, жиды... вся эта грязь,
Перекалѣчили страну....
Теперь во многому слѣда

Дни съ сонаренъ ужъ не найдешъ;
 Но воелъ долгаго труда
 На правду-видѣ попадешъ.

Григорій Кулжинскій.

8-го февраля 1866 года.
 г. Гродна.

ИЗВЛЕЧЕНИЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Инструкція о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія, служащимъ въ томъ краѣ или желающимъ водвориться тамъ на постоянное жительство.

I. Общія основанія. 1. Для привлеченія чиновниковъ русскаго происхожденія военнаго и гражданскаго званій на службу по гражданскому вѣдомству въ западныхъ губерніяхъ и для поощренія ихъ къ продолженію тамъ службы, а другихъ благонадежныхъ лицъ, русскаго же происхожденія, къ постоянному въ томъ краѣ водворенію, назначаются въ продажу таковыми лицамъ, безъ торговъ, лежація въ тѣхъ губерніяхъ свободныя, за надѣломъ государственныхъ крестьянъ и другаго состоянія людей, казенныя земли, фермы и имѣнія, а равно поступившія въ казенное вѣдомство недвижимыя имущества въ городахъ. **Ирригаціи.** Не производится продажа безъ торговъ такихъ конфискованныхъ имѣній и имуществъ въ городахъ, къ которымъ предъявлено долговыхъ и другаго рода претензій на сумму, превышающую назначенную 8 статьею сей инструкціи оцѣнку.

II. О составленіи участковъ для продажи и о производствѣ или оцѣнки. 2. Изъ свободныхъ земель, фермъ и имѣній составляются, по усмотрѣнію министерства государственныхъ имуществъ, участки двухъ разрядовъ: 1) отъ 300 до 600 дес. и 2) отъ 600 до 1,600 дес., а по особымъ уваженіямъ и свыше сего размѣра. На такіе же участки дѣлятся конфискованныя имѣнія. 3) Къ земельнымъ участкамъ присоединяются состояція на нихъ хозяйственныя строенія и оброчныя статьи, какъ-то: мельницы, корчмы, селитренныя, известковые, кирпичныя и другіе, для обработки сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, заводы, равно такъ-называемыя рудни, для выдѣлки чугуна и желѣза. 4) Раздѣленію на участки не подлежатъ такія имѣнія, въ которыхъ состоятъ фабрики, значительныя заводы, или обширныя хозяйственныя заведенія, поддержаніе которыхъ невозможно при владѣніи небольшимъ отдѣленнымъ отъ имѣнія участкомъ. 5) Состоящіе въ городахъ казенныя дома, фабрики, заводы, торговыя заведенія и пустопорожнія мѣста продаются въ томъ объемѣ, въ какомъ каждое изъ нихъ подъ особымъ номеромъ значится по городскимъ обывательскимъ книгамъ. 6) Составленные изъ свободныхъ земель и имѣній участки, а равно и состояція въ

городахъ подъ домами и другими строеніями земли или пусто-порожніе участки снимаются на паяль; засимъ производится подробная опись всѣмъ жлымъ хозяйственнымъ, промышленнымъ и заводскимъ строеніямъ и всѣмъ принадлежностямъ заводскаго производства и особая каждому строенію и предмету оцѣнка, и вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляется приносящій земельнымъ участкомъ, заводомъ, или зданіемъ годовою доходъ.

Ирригаціе. Министръ государственныхъ имуществъ, по соглашеніи съ мѣстными генераль-губернаторами, снабдить кого слѣдуетъ инструкціями о порядкѣ исчисленія дохода, приносимаго земельными участками и казенными имуществами въ городахъ. 7) Опись съ оцѣнкою и планомъ представляется на разсмотрѣніе и утвержденіе министерства государственныхъ имуществъ. 8) Исчисленный съ земельного участка или казеннаго въ городахъ имущества доходъ, помноженный на десять, принимается за оцѣнку имѣнія. 9) По сей оцѣнкѣ, съ надбавкою 10% продаются имущества безъ торговъ, съ расрочкою уплаты денегъ, согласно 13, 14 и 15 ст. настоящей инструкціи.

III. О лицахъ, коимъ можетъ быть предоставлено приобрѣтеніе земельныхъ участковъ и казенныхъ имуществъ въ городахъ, и представляемыхъ имъ льготамъ. 10) На приобрѣтеніе земельныхъ участковъ, съ установленными въ настоящей инструкціи льготами, предоставляется право: а) служащимъ въ западныхъ губерніяхъ по гражданскому вѣдомству, военнымъ и гражданскимъ чинамъ не польскаго происхожденія и б) вообще лицамъ русскаго происхожденія, оказавшимъ заслуги на поприщѣ государственной службы или общественной дѣятельности, и желающимъ водвориться въ западномъ краѣ на постоянное жительство. 11) Находящіеся въ городахъ казенныя имущества дозволяется приобрѣтать какъ означеннымъ въ предшедшей статьѣ лицамъ, такъ равно русскимъ купцамъ и мѣщанамъ. 12) Земельные участки и находящіеся въ городахъ казенныя имущества, съ означенными ниже въ ст. 13-й и 14-й льготами, предоставляется приобрѣтать вызваннымъ съ 1863 г. на службу въ западномъ краѣ лицамъ, по удостовѣренію ихъ начальствъ въ усердной ихъ службѣ и совершенной благонадежности въ политическомъ отношеніи; при этомъ, участки втораго разряда, т. е. свыше 600 дес., предоставляются лишь лицамъ, отъ вліянія которыхъ въ краѣ можно ожидать существенной пользы. 13) Военные и гражданскіе чины, служащіе въ западныхъ губерніяхъ, удостоиваемые приобрѣтенія земли или казеннаго въ городѣ имущества, въ видѣ награды за отличную службу, не внося, при самомъ полученіи участка, никакого задатка, уплачиваютъ всю слѣдующую за участокъ по оцѣнкѣ, съ надбавочными 10%, сумму въ теченіе 20 лѣтъ, начиная съ 1-го января наступающаго, за вводомъ во владѣніе, года, каждый годъ по равной части, безъ процентовъ. 14) Означенныя въ предыдущей статьѣ лица могутъ, по хо-

дателямъ ихъ, быть освобождены, для облегченія имъ средствъ къ устройству своихъ хозяйствъ, отъ уплаты срочныхъ взносовъ въ теченіе первыхъ двухъ лѣтъ послѣ покупки участковъ; но въ такомъ случаѣ они обязаны, начавъ пятипроцентный взносъ съ 1-го января третьяго года по покупкѣ участковъ, производить взносы эти въ теченіе двадцати двухъ лѣтъ, вмѣсто двадцати лѣтъ. 15) Лица русскаго происхожденія, какъ служащія, такъ и неслужащія въ западномъ крайѣ и приобретающія земельные участки и казенныя въ городахъ имущества въ западныхъ губерніяхъ, не въ видѣ награды за службу, а по собственному ихъ о томъ ходатайству, обязаны, при самой покупкѣ участка, внести наличными деньгами не менѣе одной-пятой части оцѣночной, съ надбавочными 10% суммы; затѣмъ они производятъ уплату остальныхъ денегъ по правиламъ, существовавшимъ для 37-лѣтнихъ займовъ изъ бывшихъ кредитныхъ учрежденій, внося ежегодно по 6% съ полной оставленной въ долгу суммы. Срокъ платежа означенныхъ шести процентовъ начинается съ 1-го января наступающаго, за принятіемъ имѣнія во владѣніе, года, причемъ въ первомъ году вносятся сверхъ того 5% съ долговой суммы и за время, протекшее отъ ввода во владѣніе участкомъ до наступленія сего срока. 16) Лица, приобретающія участки въ видѣ награды, освобождаются отъ уплаты, съ цѣны тѣхъ участковъ, крѣпостныхъ пошлинъ.

IV. *О порядкѣ удостоенія къ приобрѣтенію участковъ.* 17) Поименованные въ ст. 13-й чины удостоиваются права на приобрѣтеніе земли и казенныхъ въ городахъ имуществъ, по представленію ихъ начальства, генераль-губернаторомъ; лица же, въ ст. 15-й означенныя, о желаніи своемъ приобрѣсти землю или городское имущество, заявляютъ генераль-губернатору или министру государственныхъ имуществъ. 18) Земельные участки и находящіяся въ городахъ казенныя имущества за лицами, удостоиваемыми приобрѣтенія оныхъ, утверждаются каждый разъ высочайшею властію, по представленію министра государственныхъ имуществъ.

V. *О выдачѣ покупщикамъ крѣпостныхъ актовъ и о вводѣ ихъ во владѣніе имуществомъ.* 19) По воспослѣдовавшій высочайшаго соизволенія на продажу земли или находящагося въ городѣ казеннаго имущества, выдается приобрѣтателю, изъ мѣстнаго, по состоянію имѣнія, учрежденія для совершенія крѣпостныхъ актовъ, купчая крѣпость, которая подписывается, въ качествѣ продавца, управляющимъ палатою государственныхъ имуществъ, вручается покупщику и вмѣстѣ съ тѣмъ на его счетъ налагается на купленное имъ имущество запрещеніе до полной уплаты оставленной въ долгу суммы. 20) По выдачѣ купчей крѣпости, приобрѣтатель вводится установленнымъ порядкомъ, при бытности чиновника со стороны управленія государственныхъ имуществъ, во владѣніе куплен-

ныиъ имуществомъ; причеиъ передаются приобриателю, по составленной при исчисленіи дохода описи и оцѣнкѣ, всѣ состоящіи на приобритенномъ участкѣ строения и заведенія, со всѣми къ нимъ принадлежностями; если же чего-либо, означеннаго въ описи, не окажется, то о томъ дѣлается на ней отмѣтка. Подъ описью росписывается въ принятіи имущества приобриатель и подписываются чиновники, производившіе вводъ во владѣніе, и присутствующій при вводѣ со стороны управленія государственныхъ имуществъ. Съ описей составляются, за подписомъ тѣхъ же чиновниковъ, двѣ копіи, изъ коихъ одна приобщается къ вводному листу, а другая выдается приобриателю. Выстъ съ тѣми покупщикъ земельного участка снабжается отъ управленія государственныхъ имуществъ и планомъ на землю.

VI. *Объ уплатѣ денегъ за купленные участки.* 21) Деньги за купленное имущество уплачиваются, въ причитающемся по разсрочкѣ (ст. 13, 14 и 15) количествѣ, каждый годъ въ мѣстное, по состоянію мѣстна, казначейство, 22) Если причитающаяся къ каждагодной уплатѣ часть долга не будетъ внесена въ теченіе того же года и по прошествіи года—въ четыре слѣдующіе мѣсяца, то купленное имущество возвращается окончательно въ казенное вѣдомство, причеиъ не только всѣ уплаченные покупщикомъ до отобранія имущества деньги обращаются въ пользу казны, но и числящаяся на немъ недоника взыскивается съ его собственности. Буде при приѣмѣ имущества не окажется чего-либо означеннаго въ сдаточной описи, то за все недостающее также взыскиваются съ неисправнаго плательщика деньги, по оцѣнкѣ, определенной въ той же описи; возведенныя же покупщикомъ вновь хозяйственныя и заводскія или фабричныя строения и принадлежащую ему движимость онъ можетъ продать на сносъ или самъ вывезти изъ мѣстна. *Примѣчаніе.* Предоставляемое настоящей статьею право продажи или сноса вновь возведенныхъ строеній не относится къ домамъ и другимъ строеніямъ, состоящимъ въ городахъ, которые, въ случаѣ неисправности покупщика въ платежъ долга, обращаются въ казну, со всѣми произведенными покупщикомъ пристройками и вновь возведенными строеніями. 23) Наблюденіе за своевременною уплатой денегъ возлагается на мѣстную палату государственныхъ имуществъ. Она сообщаетъ подлежащему казначейству о каждомъ проданномъ имуществѣ съ объясненіемъ: кому продано, за какую сумму, на какое время разсрочена уплата, когда начнется срокъ уплаты и по сколько должно быть уплачиваемо каждый годъ. 24) Казначейство, по полученіи такого извѣщенія отъ палаты государственныхъ имуществъ, заноситъ въ окладъ причитающуюся съ каждаго покупщика къ уплатѣ сумму и, въ случаѣ просрочки, доноситъ палатѣ государственныхъ имуществъ, для поступленія согласно статьѣ 22.

VII. *О назначеніи денегъ, уплачиваемыхъ за проданныя*
 участки 25) Уплачиваемыя за проданные имущество деньги въ

основаніи 28-й и 42-й ст. высочайше-утвержденнаго 5-го марта 1864 года Положенія о льготахъ, преимуществахъ и ссудахъ, предоставляемыхъ при покупкѣ землѣи въ западныхъ губерніяхъ, обращаются на усиленіе ссуднаго фонда и отсылаются изъ казначейства, для обращенія въ трехъ процентовъ, въ Государственный Банкъ, до востребованія вторыми департаментомъ государственныхъ имуществъ, въ завѣдываніи коего состоитъ ссудный фондъ. О каждомъ поступленіи и отсылкѣ по принадлежности таковыхъ денегъ казначейства немедленно извѣщаютъ второй департаментъ государственныхъ имуществъ.

VIII. *Объ особыхъ обязанностяхъ пріобрѣтателей участковъ.* 26) Имущества, пріобрѣтенныя на основаніи еей инструкціи, не могутъ ни отъ первыхъ пріобрѣтателей, ни отъ ихъ наследниковъ быть передаваемы чрезъ куплю, дареніе, или инымъ какимъ-либо образомъ, а равно и черезъ наследство, какъ по завѣщанію, такъ и по закону лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ. Воспрещается также отдавать таковыя имущества въ аренду, или управленіе и въ залогъ лицамъ польскаго происхожденія и евреямъ. Евреи могутъ быть только винокурами и арендаторами корчемъ. 27) Пріобрѣтатели имуществъ и ихъ наследники могутъ продавать и инымъ образомъ передавать купленные имущества лицамъ русскаго происхожденія, но не иначе, какъ съ согласія министра государственныхъ имуществъ, даваемаго по соглашенію съ мѣстнымъ генераль-губернаторомъ; причемъ переводится на покупателя какъ неуплаченный долгъ, такъ и всѣ другія принятыя первымъ пріобрѣтателемъ обязанности. При передачѣ участка другому лицу, наложенное на него запрещеніе переводится на новаго пріобрѣтателя, на его счетъ, до окончательной уплаты долга. 28) Объ указанныхъ выше въ ст. 26 и 27 ограниченіяхъ при передачѣ купленныхъ участковъ и вообще имуществъ поставляются циркулярно министромъ юстиціи въ извѣстность какъ всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ, которыми совершаются и свидѣтельствуютъ акты, такъ и тѣмъ лицамъ, комъ, на основаніи существующаго порядка, наблюдаютъ за дѣйствіями сихъ мѣстъ. Нарушеніе указанныхъ выше ограниченій, во всякомъ случаѣ, влечетъ за собою отобраніе участковъ въ казну, безъ всякаго вознагражденія за убытки лицъ, участвовавшихъ въ заключеніи сихъ сдѣлокъ и актовъ.

IX. *Особое постановленіе.* 29) Установленная сею инструкціей продажа земельныхъ участковъ не должна останавливать продажи лицамъ не польскаго происхожденія казенныхъ земель съ публичныхъ торговъ, съ разсрочкою уплаты покупной суммы на основаніи ст. 29—40 высочайше-утвержденнаго 5-го марта 1864 г. Положенія.

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВЕИ: въ мѣстечкѣ Судинишкахъ.

20-го февраля, благочиннымъ церквей Виленскаго уѣзда, кафедральнымъ протоіереемъ Викторомъ Гомолицкимъ освященъ былъ латинскій костелъ въ м. Судинишкахъ на православною церковь. Зданіе это—каменное; передано въ вѣдомство православнаго духовенства, потому что прихожане этого костела, въ предшедшее время присоединившіеся къ св. церкви, просили о томъ начальство. Новоосвященная церковь отстоитъ отъ Шумской приходской въ 5 верстахъ, и будетъ приписною къ послѣдней. На Божественной литургіи произнесено было приличное торжеству поученіе мѣстнымъ священникомъ Шверубовичемъ. Торжество этого освященія почтилъ своимъ пощщеніемъ г. начальникъ Виленской губерніи; само собою разуметсяя, что здѣсь присутствовали мѣстныя военныя и гражданскія власти; на освященіе собралось значительное множество народа; впечатлѣніе освященія, и вообще всего Богослуженія на народъ—отрадное и утѣшительное.

Въ мѣстечкѣ Рукойникахъ.

Кто проѣзжалъ въ Вильну изъ Москвы чрезъ Минскъ, или обратно; тотъ могъ замѣтить на послѣдней станицѣ предъ Вильной, въ 16 верстахъ отъ ней, костелъ, въ 1821 году сложенный довольно красиво изъ булыжнаго камня, и стоящій на востокъ; вблизи—волостное правленіе и сельское училище. Сердце чувствовало, что тутъ должно быть православному храму: все здѣсь смотрѣло на православнаго путника какъ-то привѣтливо. Ближайшее знакомство прихожанъ этого костела съ русскими людьми и съ православнымъ Богослуженіемъ, семейныя преданія о томъ, что въ древнія времена дѣды и прадѣды ихъ были инокгда русскими и православными, память о панскомъ господствѣ виленской римско-католической капитулы, которой, до отобранія въ казну, принадлежали Рукойни на правахъ крѣпостной зависимости; а особенно, кажется, не искреннія, въ послѣдніе годы, дѣйствія мѣстнаго латинскаго духовенства и недуховныя мѣры его при устройствѣ нѣвѣстныхъ обществъ трезвости съ затаенными цѣлями, и еще,—не смѣемъ скрыть,—взаимныя искреннія, проникнутыя полнымъ согласіемъ и ревностію по св. вѣрѣ, стремленія дѣятелей духовныхъ и свѣтскихъ, и многое другое,—все, можно сказать, склоняло и прихожанъ Рукойнскаго костела въ пользу искренняго присоединенія къ св. церкви, особенно съ того времени, когда присоединился къ ней Шумскій костелъ съ прихожанами;—родное чувство заговорило, и, едва ли бы умолкло, если бы даже постарались заглушить его польско-ксендзовекіе прожекты. И вотъ, до 180 домохозяевъ—лучшихъ и вліятельнѣйшихъ подають о къ гражданскому начальству просьбу съ выраженіемъ горячаго желанія быть,—

и съ своими семействами, — дѣтьми православной церкви, — при условіи, чтобы и костелъ былъ обращенъ на церковь православную. Было бы незаконно отказать такой просьбѣ. Недали въ двѣ устроенъ и поставленъ очень приличный иконостасъ въ бывшемъ костелѣ; а 27-го февраля (въ Воскресенье) совершено было освященіе его въ святыню храма православнаго, преосвященнѣйшимъ епископомъ Александромъ, въ сослуженіи о. ректора семинаріи, кафедральнаго протоіеря, соборнаго священника и законоучителя виленской гимназіи Андрея Кургановича, достопочтеннѣйшаго дѣятеля по усвоенію латинянъ въ чадѣ церкви православной, соборнаго священника Антонія Петкевича и 2-хъ мѣстныхъ священниковъ, въ присутствіи г. начальника Виленской губерніи, вице-губернатора, военныхъ начальниковъ виленскаго и ошмянскаго, чиновъ палаты государственныхъ имуществъ, мировыхъ учреждений и многихъ другихъ, а также при стѣченіи весьма великаго множества крестьянъ изъ всехъ окрестныхъ селеній, съ женами и дѣтьми, даже малолѣтними. На божественной литургіи произнесено ниже печатаемое Слово, которое не осталось не понятымъ слушателями. Здѣсь же, приобщались св. Христовыхъ Тѣлъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ описываемаго торжества князь Н. Н. Хованскій и 2 мировыхъ посредника, за тѣмъ человекъ до 32 сподобился приобщенія — возрастныхъ и дѣтей, — многія матери приобщались и съ своими грудными дѣтьми. Велика сила любви св. матери нашей — православной церкви! И какъ плѣнительно дѣйствуетъ она на неиспорченныя сердца простолюдиновъ! Послѣ Бож. литургіи была произведена преосвященнѣйшимъ Александромъ раздача крестиковъ, св. иконъ и молитвенниковъ, исполненная многихъ умилительныхъ картинъ. Послѣ Богослуженія народъ праздновалъ, по православному, и свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости.

С Л О В О

ПО ОСВЯЩЕНІИ РУКОЙНСКОЙ ЦЕРКВИ.

Желаю видѣти васъ, да нѣкое подамъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, сіе же есть, соутѣшитися въ васъ въпрою общемоу-вашею же и моею (Рим. 1, 11, 12).

Такъ въ свое время писалъ въ своемъ посланіи св. Апостолъ Павелъ къ чадамъ римской церкви. Поучительная заботливость апостольская! Св. Павелъ имѣлъ на своемъ попеченіи многія церкви азійскія, греческія, македонскія, большею частію имъ основанныя и имъ руководствуемыя: но и на римскую, не столь близкую, и не имъ основанную, простиралъ вниманіе; и не только писалъ къ ней посланіе, но и лично посѣтитъ ее желалъ.

И мы смиренные преемники, если не власти и ревности апостольской, то наследники отъ апостоловъ другъ-друго-принимательно преданнаго намъ жребія священно-служительства, по устроению Божию, подъ начальствомъ святителя пришли къ вамъ, новые наши братія во Хри-стѣ, да нѣкогда подадимъ вамъ дарованіе духовное ко утвержденію вашему, — *соутѣшитися въ васъ върою общею*. Вы нынѣ пристали къ пристанищу тихому, необуреваемому: какъ не утѣшаться видѣть съ вами вашимъ счастьемъ? Вы теперь чада св. матери—церкви истинной, единой спасительной: какъ не радоваться намъ о приумноженіи сыновъ нашей матери и наследниковъ царствія Божія?

Велико и разнообразно дарованіе духовное, принятое вами отъ священнодѣйствія, архипаствырей совершеннаго съ ономъ пастырей, надъ храмомъ симъ. Вы недавно привились къ единой живой и животворящей лозѣ духовной и Божественной—святой церкви православной, истинной непорочной невѣсты Христовой. Надобно было подать вамъ духовныя средства ко *утвержденію вашему*: и вотъ, прежній вашъ домъ молитвы, святительскимъ Богослуженіемъ, освященъ на православный храмъ церкви Христовой, въ которомъ отсель будетъ приноситься по заповѣди Христовой безкровная жертва о спасеніи, а не о пагубѣ людей, будутъ возноситься молитвы о мирѣ, а не о раздорахъ и нятежахъ—всего міра, о соединеніи и благосостояніи, а не о раздѣленіи всѣхъ, и въ которомъ вы станете утверждаться въ своей вѣрѣ—единой истинной, православной, чистой, непорочной, отъ Господа Спасителя чрезъ св. Апостоловъ и Богоносныхъ Отцовъ преданной, и непрерывнымъ и неизмѣннымъ преданіемъ до насъ достигнутой. Будьте же достойны этого спасительнаго дара; крѣпко храните его въ душахъ и совѣсти вашей; не слушайте смутныхъ рѣчей, которыя врагъ нашего спасенія діаволъ, конечно, станетъ разсѣивать между вами чрезъ недобрыхъ, завистливыхъ людей!

Великаго, любвеобильнаго дарованія духовнаго сподобляетесь вы нынѣ, съ воспріятіемъ св. вѣры вашей, съ присоединеніемъ къ чадамъ св. церкви православной. Бывши въ прежней вѣрѣ, вы и тамъ исповѣдывали Св. единосущную и нераздѣльную Троицу; и тамъ полагали въ основаніе своей вѣры и спасенія крестную смерть и живоносное воскресеніе І. Христа; и тамъ именовались христіанами,— только римскими, папскими, латинскими. Но тамъ вы не были въ безопасности потерять Христово ученіе; не пользовались всеми дарами св. Духа, которые Господь І. Христосъ благоволяетъ раздавать истинно вѣрующимъ въ Него;— лишены были нѣкоторыхъ дарованій духовныхъ, необходимыхъ для душевнаго спасенія. Теперь же, отрѣкшись отъ незаконнаго главенства, надъ церковію, римскаго папы, который, какъ человекъ, можетъ и самъ погрѣшать въ вѣрѣ и другихъ вводить въ и-

блужденіе, такъ что и примѣры были, что сами папы впадали въ ереси и расколы, и были предаваемы анафемѣ отъ св. вселенскихъ соборовъ и отъ самихъ же папъ,— вы нынѣ состоите подъ единою истинною невидимою главою — Самимъ І. Христомъ, Господомъ и Спасителемъ нашимъ. Вы нынѣ сподобляетесь св. причастія Тѣла и Крови Христовой въ полнотѣ, какъ предалъ самъ І. Христосъ, подъ обими видами хлѣба и вина. Ваши малютки дѣти, младенцы, эти невинные чада Божіи, которыхъ самъ І. Христосъ обнималъ и ласкалъ во время своей жизни, въ латинствѣ лишены были дарованія св. причастія; а въ св. церкви нашей и они сподобляются чрезъ св. причастіе принимать въ себя самого Христа, котораго они—чистыя созданія Божіи, достойныя, чѣмъ мы-грѣшныя, оканьяныя. Скажите же новые чада—свѣтообразная, церковная, малыя ли дары, которыхъ участниками содѣлались вы, ставши членами св. церкви православной? О, какъ же вы горячо должны возсылать хвалу милосердому Господу, что Онъ, заботясь о вашемъ спасеніи, даровалъ вамъ возможность принимать эти дары въ снабденіе живота вѣчнаго! Какъ часто должны хвалиться предъ совѣстію и людьми, что вы нынѣ—христиане православные—т. е. правовѣрующіе исповѣдники Христа, а не послѣдователи Рима.

Мало того, ставъ чадами св. церкви православной, вы содѣлались членами всего славнаго семейства русскаго, глава коего—Благочестивѣйшій Царь нашъ! Доселѣ вы были русскіе только по крови и происхожденію, хотя предки ваши несомнѣнно были русскими и по вѣрѣ, потому что держались вѣры православной, и отъ нея увлечены были въ латинство обманомъ и насиліемъ іезуитовъ и усердныхъ служителей ихъ—иановъ—поляковъ. Но нынѣ и вы уже русскіе во всѣхъ отношеніяхъ—и по языку, и по крови, и по вѣрѣ, исповѣдуя ее, какъ и Благовѣрный нашъ Императоръ. И вотъ, въ ознаменованіе этого, для раздѣленія радости всей русской семьи, притекли сюда къ вамъ единовѣрные и единокровные ваши начальники, начиная отъ г. начальника губерніи, до послѣдняго чина;—и отеческое сердце ГОСУДАРЯ възграетъ о вашемъ обращеніи. Долго вы были въ рабской неволѣ. Благочестивѣйшій ГОСУДАРЬ нашъ, подвизаемый животворнымъ духомъ любвеобильной православной вѣры, 5 лѣтъ назадъ освободилъ васъ отъ неволи, и тогда же въ своемъ Всемилостивѣйшемъ Манifestѣ приглашалъ всѣхъ вѣроподданныхъ своихъ этими отеческими словами: „Освѣи себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго.“ Не знаешь, бр., такъ ли послѣ того и доселѣ праздновали вы свое освобожденіе отъ крѣпостной зависимости; потому что не знаемъ, освѣили-ль себя тогда крестнымъ знаменіемъ какъ—православный народъ русскій? Теперь же настало время для этого

возможное и благопотребное къ исполненію воззванія Царства; теперь вы народъ православный, законно и правильно можете и должны осѣнить себя крестнымъ знаменіемъ, въ благодареніе отъ искренняго сердца Богу и великому ГОСУДАРЮ за свое освобожденіе отъ всѣхъ бѣдъ и золъ, и съ надеждою испрашивать Божіе благословеніе на свободный трудъ свой, залогъ домашняго благополучія и блага общественнаго, въ душевное спасеніе и въ залогъ блаженства вѣчнаго на небесахъ. Крестное знаменіе, творимое, вами нынѣ по православному, по апостольской заповѣди, да служить для васъ вѣнчающимъ обязательствомъ, соблюдать непоколебимую вѣрность и преданность ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ, какую, съ сердечною любовію и благоговѣніемъ, всегда являлъ и являетъ къ Нему православный народъ русскій.

Братіе-православные соотечественники, съ любовію притекшіе сюда *соутьштитися* здѣсь, въ новыхъ чадяхъ св. нашей церкви, *общемо вѣрою!* Пріятно видѣть, что вы въ такомъ множествѣ явились въ новоосвященный храмъ сей, дабы раздѣлить радость съ новыми братіями по вѣрѣ; еще отраднѣе и вожделеннѣе то, что нѣкоторые изъ васъ нынѣ же предходятъ предъ ними къ св. алтарю, чтобы, приобщаясь св. Тѣла и крови Христовой во спасеніе свое, и имъ показать добрый примѣръ этого; вообще же юворожденнымъ въ св. вѣру нашу братіямъ подадите образъ вашей вѣры, въ вѣрѣ вашей добродѣтель, въ добродѣтели же—искусство, въ искусства—терпѣніе, а терпѣніе не посрамить. Всѣ же мы, составляя одно стадо единаго Пастыря Иисуса Христа, и благодаря Его о васъ и о себѣ, да пребудемъ въ единеніи вѣры и любви, и единѣмъ сердцемъ, и единомысленно исповѣдывать Отца, и Сына, и св. Духа-Троицу единосущную и нераздѣльную, всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь.

А. I.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ПЕТЕРБУРГА.

I.

Перечислая событія дня, я обязанъ упомянуть о прїѣздѣ въ Петербургъ русскаго посла въ Парижъ, барона Будберга и начальника свѣро западнаго края, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана, а равно объ ожидаемомъ прїѣздѣ генерала Безака. Казалось бы, что такое-прїѣздъ въ Петербургъ того или другаго лица, хотъ бы и изъ числа вышихъ сановниковъ! А между тѣмъ всѣ эти три прїѣзда страннымъ образомъ стягиваютъ или растягиваютъ мускулы на лицахъ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ субъектовъ, надъ которыми я дѣлаю свои обычныя наблюденія. Однѣмъ такой субъектъ, польскаго происхожденія, поспѣшилъ сказать мнѣ при встрѣчѣ: „А proros, vous savez que la cour de Tuilleries s'intéresse à vous?“ „Изъ чего-жъ вы это заключаете.“ отвѣчалъ я: „изъ прїѣзда генерала фонъ-Кауфмана, котораго на дняхъ ожидаютъ?..“ Субъекта покоробило.

Я долженъ сообщить вамъ при этомъ слухъ, которому нѣтъ причины придавать болѣе вѣры нежели желалъ бы; а чтобы ваши читатели яснѣе уразумѣли все его значеніе, то позволю себѣ припомнить сущность послѣднихъ распоряженій относительно землевладѣнія въ западномъ краѣ. Они состоятъ изъ двухъ существенно различныхъ частей, а именно: 1) лица, скомпрометтированныя въ послѣднихъ политическихъ беспорядкахъ, обязаны продать свои имѣнія въ двухъ-годичный срокъ и 2) никому изъ лицъ польскаго происхожденія не дозволяется покупать помѣщичьихъ имѣній въ западномъ краѣ. Эти двѣ мѣры, повторяю, существенно различны, и я именно настанываю на различіи между ними. Первая мѣра есть, несомнѣнно, мѣра строгая, но она относится только къ лицамъ уличеннымъ въ преступныхъ дѣйствіяхъ. Вторая же мѣра—часто охранительная. Тѣ, которые суть дѣйствительно, или только объявляютъ себя вѣрными подданными, могутъ, пожалуй, съ точки зрѣнія теоріи, говорить, что запрещеніе пріобрѣтать имѣнія въ данной мѣстности ограничиваетъ ихъ полноправность, но они же должны и одобрять это ограниченіе. Ставлю себя на ихъ мѣсто, дѣлаюсь на минуту виленскимъ или подольскимъ помѣщикомъ и положительно говорю, что охотно отказался бы отъ покупки имѣнія въ своей губерніи до тѣхъ поръ, пока дворянство въ ней не перемѣнитъ своего характера: мое имѣніе вѣдь останется при мнѣ, а если я хочу покупать новыя имѣнія, то предо мной открыта вся необъятная Россія, кромѣ западнаго края. Нѣкоторые добиваются въ этомъ отношеніи для себя изытій. Съ какою цѣлю они это дѣлаютъ, желалъ бы я знать? Если вы русскій, какъ увѣряете, русскій по убѣжденію, хотя и католикъ, сказалъ бы я такому господству, то должны помогать русскому правительству

и русскому дѣлу, а не подкладывать ему палки подъ колеса. Вы—русскій? Но давно ли вы стали имъ? Васъ въ край считаютъ полякомъ, а вы должны понять, что распоряженіе, которымъ ограничивается право на пріобрѣтеніе недвижимой собственности, направлено не противъ католиковъ, а противъ поляковъ. Разсудите же: васъ считаютъ полякомъ, и между тѣмъ въ вашу пользу дѣлается изъятіе изъ только-что изданнаго закона противъ поляковъ! Видя это, что должны подумать ваши есѣды, такіе же поляки какъ вы, или какими они васъ считаютъ? Они должны подумать, что, немного погодя, очередь изъятій дойдетъ и до нихъ, и что, при маленькой выдержкѣ съ ихъ стороны, все останется по прежнему. Вы—русскій,—все продолжалъ бы я, обращаясь къ подобному господину и постепенно воодушевляясь,—но знаете ли, что достаточно малѣйшаго намеса на непрочность указа 10-го декабря для полной неудачи дѣла, къ которому онъ насъ призываетъ. Нѣтъ (все-таки продолжалъ бы я, воодушевляясь до послѣдней степени); вы не—русскій, если хотите подрываться подъ основанія указа 10-го декабря; вы—полякъ.

Вотъ что мнѣ казалось необходимымъ высказать по поводу слуховъ, и—новторяю,—очень вѣрныхъ слуховъ, о проискахъ, имѣющихъ цѣлю обойти указъ 10-го декабря. Они нарочно смышлены объ вышепоказанныя стороны этого указа и протѣствуютъ противъ экспроприаціи. Мы, говорить они, не причастны политическимъ беспорядкамъ; мы состоимъ на государственной службѣ; если наши родственники скомпрометтированы, то за что же насъ лишаютъ нашей собственности?.. Вашей собственности васъ не лишаютъ и не хотятъ лишить, но необходимо лишить васъ возможности скупать имѣнія вашихъ скомпрометтированныхъ родственниковъ и такимъ образомъ обходить законъ объ экспроприаціи политическихъ преступниковъ; необходимо лишить мѣстное польское дворянство надежды, что оно побѣдитъ законъ и правительство; необходимо, наконецъ, позаботиться и о цѣломъ край, который, изъ-за упорства вашихъ польскихъ надеждъ, не можетъ быть освобожденъ отъ военнаго положенія.

II.

Лица, знакомыя съ дѣлами западныхъ губерній, рассказываютъ, что въ западномъ край продолжаютъ носиться въ средѣ русскаго общества тревожные слухи объ изъятіяхъ, которыя будто бы выхлопатываютъ себѣ въ Петербургѣ мѣстные крупные землевладѣльцы польскаго происхожденія,—изъятій, въ силу которыхъ законъ 10-го декабря можетъ фактически остаться мертвою буквой. Не берусь судить о степени достоверности этихъ странныхъ слуховъ, хотя въ обществѣ громко называются имена не только польскихъ пановъ, но и

русскихъ патроновъ ихъ; ограничусь изложеніемъ причинъ, которыя заставляютъ меня относиться къ слухамъ этихъ подозрительно и даже считать ихъ преувеличенными, а можетъ быть и преднамѣренно распускаемыми поляками и помещиками.

По порядку службы, вопросъ о такихъ изытіяхъ можетъ проводиться по иниціативѣ или одного изъ генераль-губернаторовъ западнаго края, или же кого-либо изъ петербургскихъ патроновъ колонизма на западно-русской почвѣ.

Въ первомъ случаѣ трудно представить себѣ, чтобы ходатайство объ изытіи было предъявлено въ пользу лица не только подозрительнаго въ отношеніи политическомъ, но даже и такого, которое равнодушно относится къ вопросу о томъ, составляютъ ли западныя губерніи нашу часть Польши, или же часть Россіи. Трудася теперь въ западномъ крайъ нашестъ надъ задачей, отъ разрѣшенія которой, болѣе или менѣе удачнаго, прямо зависятъ будущія судьбы Россіи, и зная на мѣстѣ всея прелести колонизма, мѣстная администрація можетъ ходатайствовать развѣ о такомъ только полякѣ, расширеніе правъ котораго отзовется съ пользой на возстановленіи въ западномъ крайъ русской народности.

На другомъ пути ходатайство объ изытіяхъ можетъ быть вчлнено панамъ или по собственной иниціативѣ, или черезъ посредство какого-нибудь патрона. Такъ какъ въ томъ или другомъ случаяхъ *ближайшія и точныя свѣдѣнія* о степени благонадежности лицъ, домогающихся привилегій, могутъ имѣться только на мѣстѣ нахождения ихъ низній, то испрошеніе какихъ бы то ни было изытіи въ пользу этихъ лицъ по вопросу о землевладѣніи въ западномъ крайъ *логически невозможно безъ заключенія одного изъ генераль-губернаторовъ*, какъ лицъ, на которыхъ Монаршимъ довѣріемъ возложено устройство края и которыхъ, конечно, должны знать дѣло ближе изъ мѣстныхъ источниковъ. Обойдти этихъ лицъ, при возбудженіи такого вопроса, невозможно, не говорю уже о естественному чувству деликатности, но и по соображеніямъ административнымъ. Согласно ли было бы, напримѣръ, съ здравою логикой, чтобы административное лицо одного департамента испрашивало у министра распоряженіе по дѣламъ совсѣмъ другаго департамента,—по дѣламъ, состоящимъ въ нѣкоторой связи между собою, не снесясь съ симъ послѣднимъ и не представивъ министру какъ своихъ доводовъ, такъ равно и доводовъ того департамента, до котораго это дѣло касается? Допустить возможность такой неурядицы, значило бы допустить возможность или полной дисгармоніи въ администраціи, или же преднамѣренный разладъ между различными ея отдѣлами.

Появляю, что при нашей строго-организованной административной системѣ подобная неурядица невозможна; а при невозможности ея, нѣтъ никакого основанія думать, чтобы о

лицахъ, ходатайствующихъ объ изыятіяхъ не было предварительно собрано на мѣстѣ самыхъ точныхъ данныхъ, и чтобы данныя эти не служили главнымъ основаніемъ при разсмотрѣніи столь важнаго по своимъ послѣдствіямъ вопроса, какъ вопросъ о томъ—съ какой точки зрѣнія слѣдуетъ смотрѣть на ходатайство объ изыятіи.

Повторяемъ, до полного разъясненія дѣла, мы не придаемъ большаго значенія распространяемымъ объ изыятіяхъ слухамъ и даже полагаемъ, что слухи эти могутъ принадлежать къ тѣмъ уткамъ, которыя пускаются иногда въ нашемъ обществѣ разнаго рода внутренними доброжелателями, съ цѣлю подорвать въ русскихъ довѣріе къ собственному дѣлу. Напротивъ того, помня, что послѣ изданія указа 10-го декабря, прямо и откровенно высказывающаго національное направленіе нашей внутренней политики, не прошло еще и трехъ мѣсяцевъ, мы глубоко убѣждены въ томъ, что предначертанія высшаго правительства скоро начнутъ приводиться въ исполненіе, и что съ тѣмъ вѣстѣмъ мы въ состояніи будемъ поздравить Россію съ окончаніемъ создавнаго нашими же ошибками польскаго вопроса. (*).

(Моск. Вѣд.)

«Страхонудъ» подаетъ львовскому сейму способъ рѣшить русскій вопросъ такъ, чтобы и Руси привды не сдѣлать и Польшу отъ опасности сохранить.

Поляки въ львовскомъ сеймѣ, боятся литературнаго соединенія галицкой Руси съ прочою Русью и хотѣли бы по той причинѣ Галицкую Русь или спольщити или по крайней мѣрѣ надати ей литературному развитію такое направленіе, которое бы препятствовало духовному соединенію русскихъ силъ. Не такъ какъ польскій сеймъ не въ состояніи вліати на направленіе галицко-русской литературы, то предлагаетъ Страхонудъ львовскому сейму другое средство къ достиженію той-же самой цѣли. Тое средство о столько практичнѣйше, що оно и не стеснитъ свободы русскихъ писателей Галиціи и не поставитъ галицкихъ поляковъ въ свѣтлѣ угнѣтателей народности. Упомянутое средство состоитъ въ слѣдующемъ: Высокій сеймъ благоволятъ большинствомъ голосовъ установить: 1) Запрещается 45 милліонамъ великорусского племени говорить по русски. 2) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ называти себе „русскими“, свой языкъ „русскимъ“, и свою землю „святою Русью“. 3) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ называти свою вѣру—„православною“, быти греческаго обряда, и

(*) Въ изыятіи некоторыхъ поляковъ отъ примѣненія къ нимъ указа о землевладѣніи (10 декабря) всего опаснѣе то, что извѣстный заслуженный панъ будетъ покупать разныя—и секвестрованныя и не секвестрованныя панскія имѣнія, не теряя на то ни одного рубля своихъ денегъ, и потомъ продавать эти имѣнія другимъ панамъ, или устроить дѣла такъ, что въ купленныхъ имѣніяхъ будутъ въ роли управляющихъ, заправлять дѣлами наследники либо родственники прежнихъ владѣльцевъ и проч.. и проч.

вѣли тѣже церковнорусскіи книги. 4) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ употреблять кирилицу. 5) Запрещается тѣмъ же 45 милліонамъ сѣвернорусскаго племени, производить себе изъ Кіева и называть тотже Кіевъ—своею колыбелью. 6) Приказуется истребити все преданія о Кіевѣ и его богатыряхъ—сохраняющіяся по нынѣ въ сѣвернорусскомъ племени. 7) Приказуется 45 милліонамъ тогоже племени сознаться Моголами, Финнами, Чудами, Татарамъ и Самоедами — еврейско-магометанско-паганско-схизматическаго вѣроисповѣданія. 8) Приказуется 45 милліонамъ того же племени выйти изъ Европы и поселиться въ сѣверновосточной Австраліи. 9) Приказуется 45 милліонамъ тогоже племени — повиноваться настоящимъ опредѣленіямъ установленнымъ большинствомъ голосовъ львовскаго сейма.
„Страхопудъ“.

ПРАЗДНОВАНИЕ

19-го февраля 1866 года въ молитвенномъ домѣ вилленскаго раввинскаго училища.

Въ субботу, 19-го февраля, въ высокаторжественный день Восшествія на престолъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, совершено въ молитвенномъ домѣ вилленскаго раввинскаго училища молебствіе о здравіи и благоденствіи ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и всего Августѣйшаго ЕГО Дома, въ присутствіи и. д. инспектора, еврейскихъ учителей, старшаго и дежурнаго надзирателей, при огромномъ стеченіи какъ казенно-коштныхъ, такъ и вольно-приходящихъ учениковъ и нѣкоторыхъ городскихъ лицъ. По окончаніи молитвы, хоръ, состоящій изъ питомцевъ того-же училища, подъ управленіемъ г. Натансона, пропѣлъ на русскомъ языкѣ 148 псаломъ. Псалѣ того казенно-коштный воспитанникъ училища Я. А. Каванъ произнесъ нижеслѣдующее слово.

Небесный Отче нашъ!

Ты видишь, какъ невыразима радость, которою сегодня наполнилъ Ты сердца сыновъ Сіона о Царь своемъ (1). Ты внимаешь нынѣ нашей о немъ молитвѣ, окрыленной и усиленной молитвою многихъ миліоновъ русскихъ нашихъ согражданъ. *Приклони же ухо Твое къ молитвѣ нашей: пошли ему Духъ Твой, духъ премудрости и разума, духъ соотвѣта и мужества, духъ вѣдѣнія и страха Господня* (2);

(1) Псал., СІХ. 2.

(2) Исая гл. ХІ. 2.

пошли Ему долготѣіе, отъсни отъ Него и народовъ Его всякіе недуги, лишенія, напасти и смятенія; содѣлай Его для слѣпыхъ зрѣніемъ, для узниковъ спасителемъ, соотомъ для сидящихъ во тмѣ темничнаго дома (1). *Пойте Богу тѣсны, ибо Онъ сдѣлалъ великое дѣло; въдомо сіе по всей землѣ* (2).

Любезные братья! «не смотрите, скажу съ однимъ мудрецомъ,—на сосудъ, а смотрите на то, что въ немъ». Настоящій день, казалось бы, подобенъ всѣмъ другимъ днямъ Божиимъ, но этотъ день есть 19 февраля, день въ который одиннадцать лѣтъ тому назадъ вступилъ на престолъ ГОСУДАРЬ нашъ. Съ этого дня царское слово ЕГО повѣло на всѣ ЕГО народы новымъ настоящимъ, которое ведетъ насъ къ счастливому будущему. Но, если всѣ радовались воцаренію нашего МОНАРХА, то мы тѣмъ болѣе; ибо душа израиля угадала Его значеніе. Мы веселились и веселимся Его воцаренію, *какъ веселятся только во время жатвы, какъ радуются при раздѣлѣ добычи* (3). 19-ое февраля 1855 года, можно предсказывать, не будучи пророкомъ, составить эпоху не только въ отечественной исторіи, но и въ общечеловѣческой.

19-го февраля 55 года засіяло свѣтоварное солнце надъ нашимъ полумрачнымъ горизонтомъ; *народъ ходившій во тмѣ, увидѣлъ свѣтъ великій, свѣтъ возсіялъ надъ нимъ* (4). Лучи этого свѣта прорѣзали черныя тучи, надвинутыя на насъ временемъ и бурями историческими, отогрѣли и наши полузамершія кости. Хотя они грѣли и грѣютъ всѣхъ сыновъ Россіи, но мы болѣе другихъ въ нихъ нуждались; наши братья много потерпѣлись до этого дня, они ждали столь долго своего избавителя, и вотъ Онъ явился 19-го февраля. Онъ простеръ свою Монаршую руку равно ко всѣмъ.

«Къ узнику, къ еврею, къ западному краю,

Къ рудникамъ Сибири, къ падшимъ виновнымъ».

Словомъ, день этотъ благославляютъ миллионы.

Я не дерзаю говорить теперь обовсемъ, что совершилъ въ одиннадцать лѣтъ нынѣ царствующій ИМПЕРАТОРЪ Всероссийскій. Тѣсныя рамки моего слова лишаютъ меня этого

(1) Исаія гл. XI. II. 7.

(2) Тамъ же гл. XII 5.

(3) Тамъ же гл. IX 2.

(4) Тамъ же гл. IX. 1.

спроста; но объ изговорихъ Его дѣвнѣяхъ я обяванъ говорить потому, что считаю святою обязанностью пройти ихъ въ этотъ день, въ этомъ мѣстѣ, молчаніемъ. Драгоценнѣйшій алмазъ въ коронѣ нашего ГОСУДАРЯ, драгоценнѣйшая страница въ русской исторіи—это, безсомнѣнія, освобожденіе крестьянъ. Хотя это величайшее изъ дѣяній государей не касался нашъ лично, но надо быть живантропомъ, чтобъ не говорить о немъ. 22 миліона людей, столь долго стонавшихъ подъ игомъ рабства, такъ мало имѣвшихъ правъ на названіе человека, — существа *разумно-свободнаго*, получили вдругъ эти права; рука МОНАРКА сокрушила на нихъ тяжкій и ѣдкій ярмо неволи. Отъ Ледовитаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго до Каспійскаго, отъ горъ Кавказскихъ до Карпатскихъ, повнеслись къ престолу Царя Царей молитвы миліоновъ о здравіи, благоденствіи и долгоденствіи Царя нашего, Которому по праву усвоится и будетъ усвоено исторіей священное имя-Освободителю. Даже враги Россіи вынуждены были оцѣнить это дѣяніе русскаго Монарха сообразно его качествамъ.

Но, товарищи мои! это одинъ только перлъ въ великолѣпномъ вѣницѣ Его дѣяній. Скоро послѣ освобожденія крестьянъ, одна окраина Россіи освободилась отъ тѣхъ диникъ ея обитателей, съ варварствомъ и кровоеядностью которыхъ болѣе ноль вѣла боралась могучая Россія. Едва ли можно и говорить, что я разумно здѣсь говорю о Кавказѣ. Современо съ этою эпохою раздавлена гидра вражды, затѣланной ксендзо-шляхетствомъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ долге—терпѣливая западная Россія воскресла для новой жизни соціальной, гражданской, моральной и матеріальной. Но не одинъ только крестьянинъ исхланился отъ неволи, не одинъ только малороссъ, бѣлороссъ и литвинъ защищенъ отъ насилія и произвола польскаго десницею нашего Монарха; теперь даже участь самихъ преступниковъ защищена отъ тѣхъ глумленій и истязаній, которыми такъ недавно водвертали ихъ тѣло; даже тѣ, которые работаютъ на шельзу общую и во исполненіе своихъ тяжкихъ грѣковъ въ рудникахъ, дышать теперь свободнѣе, одѣты теплѣе, навормлены сытнѣе. Извѣстные умѣряи, что для Россіи еще слишкомъ преждевременно прекращеніе эпохи разныхъ насилій и неуваженій къ правомъ челоуѣчества, но, ГОСУДАРЬ нашъ доказалъ, что онъ слишкомъ долге держался яреди насъ. Это доказалъ опытъ: тотъ, кто видѣлъ Россію однадцать лѣтъ тому назадъ, не узналъ бы

ее теперь, а особенно не узналъ бы въ прежней много - стра-
дальной, полупольской, полулатинской западной Россіи, те-
перешней западной Россіи. Понстивъ ГОСУДАРЬ нашъ
украшилъ шапку Мономаха такими безцѣнными камнями, которые
вѣчно будутъ сіять въ вѣнцѣ Его, и какими не украсился
никто изъ Его славныхъ и великихъ предшественниковъ. Но и
на томъ не остановился МОНАРХЪ нашъ. Онъ посылалъ въ
нашемъ отечествѣ несмѣтное множество народныхъ школъ,
больше десятки гимназій, университетъ въ Одессѣ, Петровскую
академію въ Москвѣ, Высшую школу въ крамольной даже
Варшавѣ и много другихъ разсадниковъ просвѣщенія, при-
способленныхъ въ разнымъ потребностямъ населяющихъ Россію
людей и народовъ. Мы ихъ исчислять не будемъ, чтобы не
опередить историковъ.

А вотъ, рядомъ съ свободой, такъ, сказать физической
пошла свобода русскаго слова и чувства. Новое уложеніе о сво-
бодѣ печати спасло отъ небытія множество дѣльныхъ мыслей,
задушевныхъ чувствъ, полезныхъ соображеній и положило основу
тому нравственному росту Россіи, безъ котораго ростъ физичес-
кій едва ли не приноситъ всякому организму больше вреда,
нежели пользы. О новомъ суде-производствѣ, о земствѣ и
многихъ другихъ великихъ учрежденіяхъ и дѣяніяхъ нашего
ГОСУДАРЯ говорить не буду какъ потому, что иначе слово
мое никогда бы не было окончено, такъ и потому, что не въ
настоящемъ бѣгломъ очеркѣ обрисовать и исчерпать всѣ вели-
кія и благодѣтельныя реформы послѣдняго царствованія съ ихъ
результатами.

Плодами такихъ благодѣній наслаждаются вообще всѣ
народы, населяющіе предѣлы обширнаго нашего отечества;
но воснулись ли эти благодѣнія насъ, евреевъ? Для рѣше-
нія этого вопроса поднимемъ на нѣсколько минутъ занавѣсъ
на сцену минувшаго и посмотримъ, что было прежде и что
сдѣлано для насъ теперь, — и если намъ хорошо теперь жить
на свѣтѣ, то кому мы обязаны этимъ?

Любезные братья! не знаете ли вы изъ нашей исторіи той
мрачной эпохи, которую переживали предки наши со времени
разрушенія втораго храма до новѣйшаго времени? Обломки
прекраснаго прошедшаго были сглажены грознымъ, ничего
не щадившимъ временемъ; однѣ грустныя развалины покри-
ли осѣдлица израильтянъ, вороны и филины поселились въ
священныхъ памятникахъ Иерусалима. Вила всю невозможность

оставаться долѣе въ родной землѣ, предки наши бѣжали въ сосѣднія страны. Но не слишкомъ дружелюбно приняли ихъ сосѣди: послѣдніе прежде всего позаботились отчуждать ихъ отъ себя и заковать поголовнымъ презрѣніемъ. Наши предки, скрѣпя сердце, должны были покориться своей участи. Потомъ на нихъ обрушилось повсюдное, самое репрессивное и продолжительное гоненіе; глаза ихъ покраснѣли отъ слезъ, грудь иссушилась отъ рыданій. Чтобы составить объ этой злополучной эпохѣ вѣрное попятіе, надобно было быть евреемъ. За одно желаніе жить еврею платили огромныя суммы денегъ; вездѣ и всегда гоненія за гоненіями: сперва въ самомъ Иерусалимѣ, потомъ въ цѣлой Палестинѣ, далѣе въ Вавилонѣ, въ Аравіи, Германіи, Италіи, Испаніи, во Франціи, въ Англіи и въ другихъ мѣстахъ. Но эпоха страданія евреевъ особенно рѣзко выдается во Франціи, съ царствованія Филиппа Августа, въ Англіи, со времени жестокаго Іоанна, и въ Германіи, съ перваго крестоваго похода. Вездѣ, куда только проникло свирѣпое и всемогущее латинское духовенство, евреи тысячами бѣжали изъ страны, тысячами гибли на кострахъ инквизиціи, испускали духъ въ звѣрскихъ пыткахъ, истлѣвали живыми въ подземельяхъ кляшторевъ,—этихъ подобійъ ада. Съ тѣхъ поръ, какъ латинскія корпораціи и конгрегаціи стали заниматься іудейскими дѣлами, евреи такъ привыкли къ этимъ мученіямъ, что они едва отмѣчали ихъ въ своихъ лѣтописяхъ и только Богу въ молитвѣ жаловались на мучителей и просили у Него помощи. Они жили только надеждою на лучшее будущее и съ нею они дожили до настоящаго времени. Предки наши бросались въ разныя стороны, но большею частью попадали «изъ огня въ полымя». Бѣгая изъ деревни въ деревню, изъ города въ городъ, изъ государства въ государство, думая найти гдѣ нибудь, хотьбы за Геркулесовыми столбами, надежное пристанище; будучи изгоняемы изъ всѣхъ почти государствъ, они бросились въ Рѣчь Посполитую; они думали, что на безърыбьи и какъ рыба; утопающій хватается и за бритву. Перечислять всѣ бѣдствія нашихъ предковъ въ Польшѣ намъ не станетъ ни времени, ни терпѣнія. Это дѣло историка польскихъ евреевъ; но мы считаемъ нужнымъ, по случаю настоящаго торжества, мимоходомъ поблагодарить Польшу за то, что она, помимо своего желанія, доставила намъ отечество въ Россіи, что, одѣвая въ шутовскій костюмъ она отбросила насъ отъ себя къ москалямъ:

последніе не погнушались нами. Въ отношеніи къ намъ мы были довольно неблагодарны, хоть и бессознательно; потому что мы были только орудіемъ польской интриги и латинскаго фанатизма, а между тѣмъ, мы же въ отвѣтъ. Хотя Польша была мѣстомъ селенія предковъ нашихъ, но все таки нельзя простить ей за ея оскорбленія и назвать отечествомъ, подобно тому какъ потомки вѣчнаго узника никогда не захотятъ наименовать тюрьму отечествомъ ихъ предковъ. Мѣсто бичеванія не есть отечество, а мѣсто пытки.

Наконецъ намъ удалось освободиться изъ этой тюрьмы, мы вышли уже, слава Богу, изъ подъ опеки нашей матушки; нашимъ отечествомъ сдѣлалась Россія. Но и здѣсь не безъ партій, нареканій, недовѣрій; видно, что полная чаша радости не для насъ! Большинство упрекаетъ насъ въ томъ, что у насъ нѣтъ отечества. Оно не обращаетъ вниманія на множество учрежденій, дарованныхъ для насъ правительствомъ, какъ для сыновъ Россіи; оно не смотритъ на то, что еврей-солдаты присягаютъ служить вѣрою и правдою ГОСУДАРЮ и отечеству, какъ его предки нѣкогда служили иудейскому царству. Предъ этою партіею и сама аксіома склоняетъ смиренно свою голову и ждетъ своего защитника. Эта партія не хочетъ и знать того, что каждый человѣкъ, какого бы происхожденія, какой бы вѣры онъ нибылъ, считаетъ своимъ отечествомъ то мѣсто, гдѣ родился, гдѣ впервые выучился лепетать дорогія имена: «отецъ, отечество», гдѣ выросъ, воспитывался, гдѣ обзавелся различнаго рода преданіями, гдѣ страдалъ, радовался, волновался разнородными ощущеніями, гдѣ, по выходѣ изъ утробы матери, сталъ питаться воздухомъ страны. Отечество каждаго есть страна, морозъ и зной которой онъ охотно переноситъ, плодами которой питается, законами которой онъ управляется, счастію и безопасностію которой, по мѣрѣ своихъ силъ, онъ способствуетъ, гдѣ бродитъ онъ по лугамъ и нивамъ въ дѣтскомъ возрастѣ, гдѣ онъ трудится, сражается, гдѣ въ молодости находитъ себѣ жизнь, въ старости — покой, *идѣ сыны ея, какъ вышедшіе изъ корня отъцы, ея окружаютъ* (1), — гдѣ онъ прочитаетъ надъ своими родителями отходную молитву и, закрывъ имъ глаза своею рукою, надѣется, въ назначенное Богомъ время, получить

туже услугу отъ своихъ дѣтей. Да, мѣсто, гдѣ покомтся прахъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, намъ дорого, оно никогда—никогда не выгладится изъ нашей памяти! Евреи, оставивъ Египетъ и желая навсегда забыть его, вынесли оттуда кости дорогого имъ Иосифа.

Другая партія говорить, что у насъ есть отечество, но ни его не любимъ, живемъ въ немъ особнякомъ. Эта партія мѣтитъ, также какъ и первая, прямо въ сердце и таинни ле острыми стрѣлами. Она говорить, что мы ждемъ какого то освободителя, Мессію, что наши взоры направлены къ Востоку, къ обѣтованной землѣ, къ Иерусалиму. Она не знаетъ, что такое Мессія—это нашъ идеалъ счастья, къ которому мы стремимся, что это—вѣчно носящееся предъ нашими глазами *отвлеченное* изображеніе переменъ къ лучшему. Мессія—это гранитная скала, объ которую сокрушались всѣ, до новѣйшаго времени, страданія Израиля. Мессія вынесъ мужественно напоръ нашихъ несчастій. Въ то время, какъ евреи, перебѣгая огромныя пространства, спотыкались о камни, подложенныя заботливою рукою враговъ,—надежда на Мессію спасла ихъ отъ отчаянія, отъ гибели. Не одинъ разъ они стояли лицомъ къ лицу съ своимъ паденіемъ, но надежда на Мессію выручала ихъ. Были времена, въ которыя евреи громко вопіяли: я предпочитаю смерть жизни; были времена, когда они другъ друга спрашивали: *для чего я не умере въ утробѣ, изъ чрева исходилъ и не скончался? Зачѣмъ срыгали меня колына—и на что было мнѣ сосать сосцы? Теперь лежалъ бы я, и почивалъ, сталъ бы: тогда было бы мнѣ покойно* (1). Кто же спасъ ихъ отъ отчаянія, отъ гибели? Мессія—ожиданіе лучшаго будущаго! Онъ открылъ ихъ надеждами, и они прошли почти невредимо чрезъ всѣ эти ужасныя эпохи, какъ предки ихъ чрезъ Черное море. Время, которое приноситъ бальзамъ для яругихъ ранъ, время, которое даетъ евреямъ полноправіе, свободу есть мессіанское время въ полномъ значеніи этого слова. Каждый государь, имѣющій въ своемъ государствѣ евреевъ, знаменителенъ ихъ, даруя имъ полноправіе, не забывая ихъ при всѣхъ своихъ манифестахъ, дѣлается ихъ Мессіемъ *de facto*. Но Мессія, въ понимаемомъ мною смыслѣ, появится для евреевъ въ особенности тогда, когда каждый индивидуумъ бу-

детъ проникнуть справедливостью словъ, произнесенныхъ пророкомъ Малахією: *не однихъ ли у оставъ насъ отецъ, не однихъ ли Богъ сотворилъ насъ, такъ почему же мы такъ долго другъ друга ненавидѣли?* (1). Тогда будемъ сожалѣть о томъ только, что такъ долго жили между собою во враждѣ и раздѣленіи. Надежда на Мессію, любезные братья, нисколько не препятствуетъ намъ любить свое отечество, а русскіе не вправѣ ненавидѣть насъ за эту надежду, какъ и за то, что мы не забываемъ Іерусалима, — мѣста, гдѣ наши предки такъ привольно жили, и такъ трагически скончались, гдѣ долѣваются гробницы дорогихъ намъ пророковъ, гдѣ были обломки чудеснѣйшаго въ мірѣ храма, гдѣ нѣкогда создатель его Соломонъ просилъ Всемогущаго, чтобы Онъ услышалъ въ немъ молитвы евреевъ и не евреевъ. *Нѣтъ, скорѣе мы забудемъ свою десницу нежели Іерусалимъ* (2). Да, намъ нечего стыдиться этой любви и потому, что окружающіе насъ народы тоже любятъ Іерусалимъ какъ мы, онъ имъ не менѣе дорогъ, какъ и намъ. Но вѣдь они не перестали же отъ того любить отечества; и мы, любя этотъ священный для насъ городъ, можемъ быть душою и тѣломъ истинными гражданами новаго для насъ отечества, — Россіи. Іерусалимъ намъ дорогъ потому, что онъ былъ отечествомъ нашихъ предковъ и напоминаетъ намъ о счастливомъ прошедшемъ; Россія же дорога намъ потому, что она наше отечество отнынѣ и во вѣки. Въ Россіи мы будемъ жить и за Россію будемъ умирать. Доказательствомъ, что мы любимъ Россію и ГОСУДАРЯ нашего могутъ служить русскіе войны изъ евреевъ, которые умираютъ за отечество и ГОСУДАРЯ съ такою же охотою и любовью, какъ всякій истинный русскій. Въ одномъ, правда, мы отстали отъ другихъ нашихъ соотечественниковъ, — мы говоримъ испорченнымъ нѣмецкимъ языкомъ, а не отечественнымъ-русскимъ. Этотъ грѣхъ лежитъ на нашей душѣ тяжелымъ камнемъ; сбросимъ же его какъ можно скорѣе, очистимся не только въ главахъ русскихъ, но и въ своихъ собственныхъ отъ этой историко-филологической ржавчины. Эта работа предстоить нашему молодому поколѣнію, въ томъ числѣ и нашему училищу. Мы должны нагнать изъ среды себя чуждый жаргонъ, должны

(1) Малахія гл. II. 10.

(2) Псалмы СXXXVII. 5.

ввести въ жизнь живой русскій языкъ, который породитъ насъ съ другими русскими, заличить много ранъ, нанесенныхъ намъ рукой изолированности. Русскій языкъ долженъ своею повзвиею пробудить въ насъ замолокшій, нѣкогда бордовавшій надъ нами, поетическій геній. Сбросимтежъ, наконецъ, эту въ лохмотья изорванную нѣмецкую мантию, которая заплата и переплатана различнаго рода матеріями! Живо надо браться за дѣло и скорѣе заговорить русской рѣчью, чтобы никто не смѣлъ обзывать насъ пасынками Россіи. Мы обязаны къ тому и тѣми благодѣяніями, которые такъ обильно излились на насъ щедротами русскаго **МОНАРХА** и тою признательностью, которою переполнены къ нему души наши. Если всѣ народы, населяющіе Россію, должны электризоваться одною общою любовью къ **ГОСУДАРЮ** и отечеству, то мы тѣмъ болѣе. Русскій Царь поднялъ насъ изъ той неизмѣримой глубины, въ которую мы были ввергнуты нашими прежними гонителями. Мы долго—долго почти не имѣли и здѣсь отечества, не принимали участія ни въ какихъ дѣлахъ общеземліи; евреевъ не брали въ солдаты (глупцы были тому и рады, но не такого мнѣнія были люди дальновидные), считая ихъ негодными къ военной службѣ и чуждыми въ дѣлѣ защиты интересовъ Россіи. Прежде мы были что то въ родѣ пришельцевъ, которые платили за помѣщеніе. Намъ велико было сбросить шутовскую ливрею, въ которую нарядило насъ время и панство и надѣтъ костюмъ людей свободныхъ не только отъ польскаго ига, но и отъ фанатическихъ предрассудковъ. Это былъ важный шагъ къ сближенію съ отечествомъ и соотечественниками. Сіи послѣдніе перестали насъ презирать и явно отталкивать отъ себя. Не много погода, надъ нашимъ горизонтомъ стало еще свѣтлѣе. Мы сначала думали, что небо только на мгновеніе очистилось отъ накопившихся тучъ, но мы пріятно ошибались. Нашъ небосклонъ озарился полнымъ свѣтомъ лучей солнечныхъ, брызнувшихъ отъ престола нашего **МОНАРХА**. Мы сдѣлались равноправны другимъ сынамъ Россіи; мы не отдѣлены по прежнему китайскою стѣною отъ остальной Россіи; всѣ храмы и со кровища наукъ, отъ низшихъ до высшихъ, открыты для насъ, какъ и для другихъ дѣтей Россіи; тому что я имѣю счастье говорить теперь, мои братья, съ вами, въ этомъ святомъ мѣстѣ, объ этихъ предметахъ, по русски, мы обязаны мудрости и великодушію нашего **МОНАРХА**.

Правда, въ отношеніи къ Богу, мы—евреи; образуемъ особый кружокъ,—въ особомъ молитвенномъ храмѣ изливаемъ нашу печаль и радость, благодарность и молитвы за ГОСУДАРЯ и отечество; но въ отношеніи къ ГОСУДАРЮ мы вѣрно-подданные ЕГО на равнѣ со всѣми прочими; религія повелѣваетъ намъ служить всѣмъ сердцемъ ГОСУДАРЮ и отечеству. *Бойся Бога, чини Царя* (1) гласитъ религія наша.

Мы заключаемъ наше слово тѣмъ, чѣмъ начали, т. е. молитвою къ Богу. *Господи Боже нашъ! велика слава еси Твоимъ спасеніемъ; Ты возложила на него красоту и великолѣпіе. Ты сдѣлала еси предметомъ вѣчныхъ благословеній, возвеселила еси радостію лица Твоего; ибо Царь уповаеъ на Господа и на милость Всевышняго; и не колеблется* (2). Господи Боже нашъ! благослови Твоими щедротами и Великую ГОСУДАРЫНЮ ИМПЕРАТРИЦУ МАРІЮ АЛЕКСАНДРОВНУ и Наслѣдника Престола русскаго, Цесаревича Великаго Князя Александра Александровича и весь Царствующій Домъ.

Царь нашъ земной!

Да благославить тебѣ Господь,

И да сохранитъ тебѣ!

Да возрритъ на тебѣ Господь свѣтлымъ лицомъ Своимъ,

И помянетъ тебѣ!

Да обратитъ Господь лице Свое на тебѣ.

И дастъ тебѣ миръ (),*

Боже, Царя храни!

Аминь.

По окончаніи этой рѣчи, хоръ пѣвчихъ пропѣлъ народный гимнъ: «Боже Царя храни!» и проч.

Яковъ Казанъ.

ЯРМАРКИ ДЕРЕВЯННОГО ПОСУДОЙ ВЪ ВИЛЬНѢ.

4 Марта (въ день польско-римскаго святаго королевича Казимира) ежегодно бываетъ въ Вильнѣ самая оригинальная ярмарка: на нее привозятъ изъ всей окрестности, верстъ на 50, исключительно раз-

(1) Притчи Соломона гл. XXIV. 21.

(2) Псаломъ XXI. 6. 7. 8.

(*) Числа гл. VI. 24. 25. 26.

ную деревянную, домашняго издѣлія, посуду, приспособленную къ разнымъ потребностямъ быта хозяйственнаго. — Вся площадь возлѣ ринско-католическаго кафедральнаго костела, въ которомъ будто бы почиваютъ мощи, а на самомъ дѣлѣ нѣсколько положенныхъ костей королевича Казимира, биткомъ набита повозками или санками производителей и толпами покупателей этой рухляди; съ утра до ночи тротуары и улицы виленскіе загромождены несущими и везущими ее по домамъ купившихъ.

Меня брало любопытство развѣдать время и цѣль учрежденія этой ярмарки, найти, если можно, историчность ея происхожденія; но я остался почти при одномъ неудовлетворенномъ любопытствѣ. Одни, желая навязать ярмаркѣ историко-религіозное значеніе, утверждали, что, якобы, королевичъ Казимиръ, нелюбившій пышности и суеты двора королевскаго, часто предавался уединенію и, для избѣжанія праздности, занимался издѣліемъ разныхъ вещей изъ дерева, и что потому, якобы, въ честь его, и ярмарка, ежегодно собирающаяся въ посвященный памяти его день, ограничивается привозомъ и сбытомъ однихъ деревянныхъ издѣлій. Другіе находятъ въ особомъ свойствѣ этой ярмарки обыкновенное удовлетвореніе мѣстнымъ потребностямъ жителей Вильны, двѣ трети которой составляютъ евреи. Извѣстно, что евреи на свой пейзахъ (пасху) должны употреблять исключительно новую посуду; (1) этотъ праздникъ еврейскій приходится всегда въпервое полнолуніе послѣ весенняго равноденствія, слѣдовательно всегда раньше 4 Марта; крестьяне все свободное зимнее время употребляютъ на разныя издѣлія изъ дерева, — и вотъ, имѣя въ виду вѣрный сбытъ разной новой деревянной рухляди — и для евреевъ, и не для евреевъ, — они везутъ въ Вильну 4 Марта, для обоюдной пользы, свои издѣлія. На такой

1) Такъ какъ металлическою посудой обзаводиться вновь на всякую пасху было бы слишкомъ накладно, то евреи довольствуются тѣмъ, что употребляютъ эту посуду въ одну только пасху, а цѣлый годъ она поконится въ какомъ нибудь сундукѣ, чуланѣ и т. под.

поводъ къ ярмаркѣ намекаетъ и то обстоятельство, что, вмѣстѣ съ деревянною посудой, продается весьма много и новой глиняной,— произведенія туземныхъ горшечниковъ. То только сообщаетъ ярмаркѣ 4 Марта латинско-религіозный характеръ, что во время ея продается весьма много кропиль, сдѣланныхъ по способу устройства ихъ въ римской церкви, и что ярмарка приурочена, по здѣшнему обычаю, къ костелу и *отпусту* (храмовому празднику).

Если нужно здѣсь выразить какое нибудь личное мое желаніе, то я только пожелалъ бы, чтобы ярмарка деревянною посудой, въ пендантъ латино-польскимъ традиціямъ, была перенесена съ 4 марта на 4-й воскресный день великаго поста— и съ площади возлѣ кафедральнаго римско-католическаго костела на площадь возлѣ ратуши и отчасти на сосѣднюю ей площадь предъ православнымъ кафедральнымъ соборомъ. Тогда бъ и праздникъ св. Казимира меньше отвлекалъ отъ дѣла разныхъ христіанъ, меньше возмущалъ бы религіозное чувство хозяевъ страны (1), и ярмарка, не теряя своего характера и назначенія, была бы расположена далеко центральноѣ настоящей. Для такихъ ярмарочекъ, какъ здѣшнія *отпустовыя*, не требуется какихъ либо домогъ, разрѣшеній; это торжки чисто мѣстные, мелкіе, которые весьма удобно и *весьма необходимо* видоизмѣнять мѣстными средствами, для видоизмѣненія фizioноміи края. Эти торжки—одна изъ главнѣйшихъ приманокъ и ловушекъ латино-польской пропаганды: на отпустовыя ярмарки стекается вся околица; органъ гудитъ, ксендзы гремятъ фанатическими проповѣдями, отпускають грѣхи (отсюда и названіе *отпустова*), въ костелѣ весело, на площади еще веселѣй; словомъ для пропаганды полное раздолье; не одного она поймаетъ бывало во время отпуста и православнаго, пріѣхавшаго на *керманъ*, что либо продать, кунить, и возвращающагося домой съ извращенной на ксендзовской исповѣди совѣстью.

(1) Королевичъ Казимиръ (внукъ Ягеллы) былъ упорнѣйшимъ изъ гонителей православія. Этотъ фанатизмъ да желаніе сочинить святаго, который былъ бы *памятникомъ* и олицетвореніемъ политической идеи соединенія Литвы съ Польшей и былъ, конечно, поводомъ къ канонизаціи Казимира.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ НОВОГРАДЪ-ВОЛЫНСКА.

Распоряженіе правительства относительно воспрещенія лицамъ польскаго происхожденія вновь приобрѣтать помѣщичьи имѣнія въ западномъ краѣ встрѣчено было съ большимъ сочувствіемъ всѣми благомыслящими людьми на Волини. Русскіе люди прочитывали по нѣскольку разъ знаменательныя строки высочайшаго повелѣнія 10-го декабря, находя, что только подобными мѣрами нашъ край будетъ успокоенъ и прочно связанъ съ остальною Русью, и что всѣ наліативныя средства или полумѣры способны только поддерживать и питать то враждебное настроеніе поляковъ къ Россіи, которое тѣмъ бываетъ опаснѣе, чѣмъ болѣе получаетъ нравственной поддержки извнѣ. Всѣ усилія шляхетскія, всѣ ихъ тенденціи, какъ вамъ извѣстно, клонились, къ тому, чтобы сохратить въ неприкосновенности въ своемъ тѣсно сожнутомъ кругу землевладѣніе, — и вдругъ нежданно, негаданно они ошеломлены и, повидимому, дѣйствительно озадачены, повѣсили носы и не знаютъ какъ имъ быть и за что приняться.

Кого же слѣдуетъ считать поляками? Этимъ вопросомъ мы задаемся потому, что при точномъ примѣненіи упоминаемаго выше распоряженія правительства, онъ получаетъ существенное значеніе. Поляками у насъ называются обыкновенно люди, исповѣдующіе римско-католическую религію и говорящіе по-польски. Но кромѣ ихъ есть много и такъ называемыхъ *русскихъ семействъ*, употребляющихъ польскій языкъ по привыкѣ, смотрящихъ съ польской точки зрѣнія, усвоившихъ себѣ всю ту фальшь и двусмысленность въ своемъ поведеніи, какими отличаются поляки. Интересы Россіи имъ столько же и чужды, и непонятны; а между тѣмъ они причисляютъ себя къ русскому люду, хотя и краснѣютъ за это имя, когда находятся въ польскомъ кружку. Мало того, подобные русскіе люди громко предъявляютъ свои права на полученіе должностей по всѣмъ родамъ службы и на льготы и пособія при покупкѣ имѣній! По нашему мнѣнію, одна (*) принадлежность къ православной церкви такихъ лицъ еще не можетъ служить ручательствомъ въ томъ, что они способны къ осуществленію видовъ правительства, а потому водвореніе русскаго элемента въ западномъ краѣ, какъ дѣло серьезное, требуетъ большаго вниманія, опыта и предусмотрительности со стороны лицъ облеченныхъ административною властію.

(*) Наружная, — непременно наружная. Только индифферентизмъ нагнетъ къ космополитизму или полонофильству.

Польскій вопросъ все еще шевелится на западѣ Европы. Если не правительства, то газеты не перестаютъ ничъ усердно заниматься, а пока онъ существуетъ, хотя бы только въ печати, легковѣріе пановъ всегда будетъ тяготѣть къ этому призраку. Да и русскимъ людямъ представляется онъ какъ бы не вполне разрѣшеннымъ. До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, русскихъ покупателей мѣтній, сколько намъ известно, останавливало не только опасеніе очутиться въ одиночествѣ и притомъ въ соседствѣ съ пріятелями, копающими ямы, но и то неопредѣленное и ненормальное положеніе, въ которомъ находится нашъ край. Много ли будетъ покупателей мѣтній въ Волынской губерніи и много ли найдется мѣтній для продажи? Эти любопытные вопросы пока загадочны. Безъ сомнѣнія, продающихся мѣтній окажется болѣе прежняго. Превращенія публичныя продажи не заключали въ себѣ никакихъ ограниченій для покупателей въ отношеніи происхожденія ихъ: тогда русскій покупатель былъ рѣдкимъ явленіемъ, и поляки употребляли всѣ усилія, чтобъ отстранить такого покупателя. Если же ему удавалось приобрести мѣтніе, да еще отъ поляковъ-помѣщиковъ, то ему не было житья между ними, и волей не волей онъ долженъ былъ или подчиниться условіямъ жизни и духу польскаго дворянства, или же убраться отсюда пришель. Теперь совсѣмъ другое дѣло. Но все же однако желательнo бы знать: много ли казенныхъ и секвестрованныхъ мѣтній будетъ назначено въ продажу, чтобы можно было судить наглядно, въ какомъ числительномъ отношеніи будетъ состоять элементъ русскихъ землевладѣльцевъ къ элементу польскому, тѣмъ болѣе что посредствомъ обязательнаго выкупа, который приняло на себя правительство въ западныхъ губерніяхъ, устраниются и случаи продажи частныхъ мѣтній за банковые и другіе долги.

Нѣдобно при этомъ замѣтить, что не только лица польскаго происхожденія, но и евреи, въ рукахъ которыхъ сосредоточены капиталы и торговля, одни прямо и положительно, другіе косвенно и пассивно вредятъ русскимъ интересамъ. Къ счастью, во время подоспѣло воспрещеніе евреямъ покупать помѣщичьи мѣтнія, а то бы они оказались самыми крупными представителями землевладѣльческаго класса и сопряженныхъ съ нимъ правъ. Но и теперь они не дремлютъ. Многіе изъ нихъ доселѣ покупали земли на имя владѣльцевъ польскаго происхожденія за безцѣнокъ. Напримѣръ, десятина полевой земли обходилась имъ отъ 6—9 руб. и притомъ земли не худой, принадлежащей къ пятой и нерѣдко ко второй мѣстности. Разумѣется, они покупали мѣтнія для барышей, и сейчасъ же сбывали ихъ колонистамъ, но эти спекуляціи, поддерживая денежными средствами гибнущее шляхетство, тѣсно связали обоюдные ихъ интересы и тѣмъ очевидно причинили много вреда русскому дѣлу; ибо ревнители польщины охотнѣе согласятся въ конецъ разорить себя въ

нелю евреевъ немели видѣть свои имѣнія въ рукахъ русскихъ людей; отъ евреевъ же не такъ-то легко купить съ выгодою имѣніе.

Я упоминалъ о колонистахъ и долженъ сказать, что намъ не мало озабочиваетъ ихъ наплывъ въ Волынскую губернію. Съ какою цѣлію совершается это переселеніе народовъ и во имя какихъ началъ? Понятно, что нѣмецкіе колонисты ищутъ себѣ простора и выгоды, но что нѣмцамъ изъ подвинуть лагерь свой даѣе къ востоку? Съ нѣкотораго времени они переходятъ къ намъ большими массами изъ Польши и Пруссіи. Положимъ, что въ этомъ передвиженіи не заключается ничего преднамѣренно-враждебнаго, но спрашивается, какая предстоитъ существенная надобность въ губерніи, сопредѣльной съ Австріей, усиловать нѣмецкій элементъ именно теперь, когда дѣло идетъ о прочномъ водвореніи у насъ русскаго элемента? Притомъ же нѣмецкіе колонисты, вовсе (1) не понимая по-русски, превосходно владѣютъ польскимъ языкомъ, а нѣкоторые изъ нихъ, вышедшіе изъ Пруссіи, хотя принадлежать къ протестантской церкви, но вовсе не говорятъ даже по-нѣмецки и умѣютъ только по-польски! Какъ хотите, а эта колонизація съ польскимъ нарѣчіемъ какъ-то не вяжется съ идеей обрусевія края. За то для нашихъ капиталистовъ-евреевъ колонисты находка. Нѣмцы и нѣмецкіе поляки, для которыхъ, при ихъ муравьиной дѣятельности, всякая земля хороша, платятъ евреямъ по 12 и болѣе рублей за десятину.

У насъ распространились добрыя вѣсти изъ Киевской губерніи. Говорятъ, что тамъ появилось уже много покупателей на помѣщичьи имѣнія, и въ числѣ ихъ есть лица состоящіе на службѣ въ разныхъ вѣдѣнствахъ. Безъ сомнѣнія, въ желающихъ приобрести имѣнія, на выгодныхъ условіяхъ, не будетъ недостатка и у насъ, особенно если опубликованы будутъ заблаговременно условія, даруемыя льготы и пособія для лицъ, желающихъ покупать имѣнія; но для насъ, знакомыхъ съ положеніемъ края, съ обычаями, образомъ мыслей и взглядомъ на вещи туземцевъ, было бы желательнымъ, чтобъ явилось побольше такихъ покупателей, которыхъ русское происхожденіе не подвергалось бы никакому сомнѣнію. Мы вполне убѣждены, что все русскіе благонамѣренные люди найдутъ поддержку какъ въ центральной, такъ и мѣстной администраціи, представители которой не на словахъ только или письмѣ, но на самомъ дѣлѣ усердно трудятся для русскаго дѣла. Отраднo вспомнить, что прошло уже безвозвратно то время, когда думали только объ одномъ, чтобъ и себя не уронить, и гусей не раздражить.

К.

(Совр. Лѣтоп.)

Digitized by Google

(1) Нужно понимать: *почти*; потому что кто „превосходно“ владѣетъ польскимъ языкомъ, тотъ не можетъ вовсе не понимать по-русски.

ОЧЕРКЪ ОТНОШЕНІЙ ПОЛЬСКАГО ГОСУДАРСТВА КЪ ПРАВОСЛАВІЮ И ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.

Состоящая при кievскомъ, подольскомъ и волинскомъ генералъ-губернаторѣ временная коммисія для разбора древнихъ актовъ издала въ нынѣшнемъ году, въ Кіевѣ, брошюру подѣ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Въ предисловіи къ этой брошюрѣ говорится, что „въ издаваемомъ очеркѣ, кievская археографическая коммисія имѣла въ виду совокупить, въ исторической послѣдовательности, всѣ законодательныя мѣры, которыми польское правительство старалось вытѣснить изъ своихъ предѣловъ православіе и замѣнить его латинствомъ. Въ этомъ очеркѣ нѣтъ, повтому, новыхъ фактовъ; но факты, въ немъ собранныя, не были еще никогда сгруппированы, а потому о правительственной системѣ Польши, относительно православія, трудно было составить себѣ ясное и отчетливое представленіе.“

Вполнѣ раздѣляя мысль, выраженную затѣмъ въ предисловіи предсѣдателемъ коммисіи, М. Юзефовичемъ, что изданный очеркъ не лишень для нашей публики ни историческаго интереса, ни современнаго значенія, мы позволяемъ себѣ привести нашимъ читателямъ возможно полное изъ этого очерка извлеченіе.

Систематическое преслѣдованіе польскимъ правительствомъ православія и православной церкви началось съ послѣднихъ лѣтъ XVI столѣтія,— съ того именно времени, когда, руководимый іезуитами, Сигизмундъ III, задумавъ, посредствомъ церковной уніи, подчинить православную церковь папѣ, и успѣлъ склонить въ колысу своей политики кievскаго митрополита Михаила Рогозу и большинство православныхъ епископовъ, находившихся въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой. Но въ началѣ, эта политика не принимала оффиціальнаго характера: православный элементъ былъ слишкомъ силенъ для того, чтобы можно было его подавить сразу, онъ имѣлъ слишкомъ много защитниковъ, недозволявшихъ вносить въ законы враждебныя для православной церкви постановленія. Давленіе католическое, въ продолженіе всей первой половины XVII вѣка, имѣетъ болѣе видъ частныхъ наслій и правительственной интриги, чѣмъ гнета, возводимаго въ законую норму. Давленіе это развѣвается, со стороны правительства, рядомъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ стѣсненію православныхъ, къ поощренію безнаказанностью наглыхъ обидъ, наносимыхъ ревнителямъ православія, и къ поддержанію ревностной іезуитской пропаганды въ школахъ, въ проповѣдяхъ, въ частныхъ сношеніяхъ. Короли надѣляютъ чинами, должностями, сенаторскими мѣстами, доходными староствами, всякими бенефіціями, исключительно католиковъ и, особенно, переходящихъ изъ православія въ католицизмъ, и, не смотря на всевозможную преданность и заслуги, обходятъ людей православныхъ,

оставшихся верными своей церкви. Православные дворянские роды, вслѣдствіе этого, бѣдѣютъ или, болѣею частью, не выдерживаютъ и поддаются заманчивой іезуитской пропагандѣ, подкрѣпленной надеждою на мірскія блага. Такой характеръ борьбы продолжается съ 1596 по 1660 годъ. За все это время мы не находимъ ни одного постановленія, внесеннаго въ польскіе законы въ ущербъ православію, хотя знаютъ, что на дѣлѣ православіе тяжело страдало въ борьбѣ съ уніей.

Но съ шестидесятыхъ годовъ XVII столѣтія, со вступленія на престолъ польскій Яна-Казимира, бывшаго іезуитскаго монаха, подчинившагося душою и тѣломъ вліянію своего ордена, и по характеру склоннаго къ крутымъ и насильственнымъ мѣрамъ, гнетъ начинаетъ принимать все болѣе и болѣе оффиціальныи характеръ. Въ 1667 году вышло первое сеймовое постановленіе, въ силу котораго уніятское духовенство освобождалось отъ постоя и другихъ военныхъ повинностей, которые должны были тяготѣть исключительно на православныхъ духовенствѣ. Въ то время, мѣра эта была не маловажна: полное отсутствіе дисциплины въ польскомъ войскѣ, своеволье составлявшей его шляхты дѣлали изъ постоя неизбежный источникъ разоренія и неисчислимыи обидъ для хозяина. Цѣлыя сотни доказательствъ на это существуютъ въ актахъ кievскаго центрального архива.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 1668 и 1675 годахъ, вступавшіе на польскій престолъ короли, Михаилъ Вишневецкій и Іоаннъ III Собьскій, обязывались къ повторенію присяги, данной Яномъ-Казиміромъ о томъ, что они будутъ предоставлять должности и староства исключительно р. католикамъ.

На сеймѣ 1676 года былъ постановленъ законъ, которымъ православнымъ всѣхъ сословій, подъ опасеніемъ смертной казни и конфискаціи имущества (*sub poena colli et confiscationis bonorum*), воспрещалось подѣ такимъ бы то ни было предлогомъ выѣзжать за границу или пріѣзжать оттуда, и строго поручалось пограничнымъ староствамъ слѣдить за исполненіемъ этого закона. При разстройствѣ православной іерархіи въ предѣлахъ Польши, мѣра эта стремилась къ тому, чтобы православные не могли получать поддержки извнѣ и чтобы заставить православныхъ священниковъ принимать рукоположеніе отъ епископовъ уніятскихъ, такъ какъ православныхъ епископовъ въ предѣлахъ Польши не было, а общеніе съ пастырями, живущими въ Россіи и Молдавіи, пресѣкалось. Въ 1696 году, новый король, Августъ II, бывший саксонскій курфюрстъ, повторилъ опять присягу своихъ предшественниковъ относительно исключенія изъ должностей лицъ не католическаго исповѣданія. На первомъ сеймѣ, бывшемъ въ его царствованіе, въ 1699 году, опредѣлено было изданіе новаго закона противъ православныхъ. Закономъ этимъ только уніаты допускались къ исправленію выборныхъ магистратскихъ должностей; пра-

вославные же признавались неспособными къ отправленію ихъ. Православнымъ также, наравнѣ съ евреями, запрещалось навсегда жить въ Каменцѣ, самомъ торговомъ и пользовавшемся магистратскими учрежденіями городѣ. Въслѣдствіе сеймоваго распорядженія, православныя церкви въ городѣ были опечатаны и духовенство изгнано изъ него. Далѣе, на сеймѣ 1712 года, изданъ былъ законъ, въ силу котораго запрещалось канцлерамъ прикладывать государственную печать ко всякимъ актамъ, даже къ актамъ королевскаго помилованія, если только акты эти, прямо или косвенно, вообще или въ частности, содержали что-либо выгодное для лицъ некаатолическаго вѣроисповѣданія. Такимъ образомъ, послѣдніе лишались покровительства закона и представлялись на произволъ буйства ничьей необузданной р. католической шляхты.

Послѣ смерти Августа II, конфедераціею, устроенною во время междуцарствія, въ 1732 году, постановленія которой получили силу закона, опредѣлены были слѣдующія узаконенія: „Церковь католическая не должна терять рядомъ съ собою, никакимъ образомъ, другихъ вѣроисповѣданій; иновѣрцы, то-есть православные и протестанты, лишаются права избранія въ депутаты на сеймы, въ трибуналы (областные суды) и въ спеціальныя комиссіи, составленныя по какому бы то ни было дѣламъ. Права ихъ сравниваются съ правами евреевъ. Духовные ихъ не должны явно по улицамъ ходить со св. дарами; крещеніе, бракъ, похороны они имѣютъ право совершать не иначе, какъ съ разрѣшеніемъ р. католическаго епископа, за установленную послѣднимъ плату. Публичныя похороны воспрещаются иновѣрцамъ вовсе: они должны хоронить мертвыхъ ночью. Въ городахъ иновѣрцы должны присутствовать при р. католическихъ крестныхъ ходахъ. Въ селахъ не должны имѣть колоколовъ при церквяхъ. Дети, рожденныя отъ смѣшанныхъ браковъ, должны причисляться къ р. католической церкви, и даже православные пасынки отчима-католика должны принимать католичество. Каноническіе законы р. католиковъ должны быть обязательны и для иновѣрцевъ“ (*). Напрасно, послѣ изданія этого закона, всѣ протестантскія державы: Англія, Пруссія, Данія, Голландія, Швеція и, сильнѣе всѣхъ, православная Россія, употребляли всѣ зависѣвшія отъ нихъ усилія, чтобъ облегчать участь православныхъ и протестантовъ въ Польшѣ. Дипломатическія ноты, самыя рѣшительныя требованія Россіи, безпрестанныя протесты иностранныхъ пословъ, все это оставалось безъ вниманія и королямъ,

*) Морачевскій Польш. древности, I, 195.— Въ петербургскомъ изданіи „*Volamina legum*“, I. Огрызко, постановленія конференціи 1732 г. не внесены; 1., Причина этого пробѣла—понятна: онъ не могъ внести въ свои *Volamina legum* закона такъ сильно компрометирующаго то воображаемое королевство, для котораго подготавливалось это законодательство, и противъ котораго можно было сильно возбудить разныя диссидентскія тѣнныя варварскія законы.

и сенатомъ, и сеймами, и р. католическимъ духовенствомъ. Напротивъ того, при каждомъ удобномъ случаѣ, прибавлялась къ законамъ, уже существующимъ, новая какая-нибудь стѣснительная мѣра: такъ, на сеймѣ 1764 года постановлено было карать смертью тѣхъ, кто перейдетъ изъ католицизма въ другое вѣроисповѣданіе, и опредѣлено было записывать въ крѣпостные сыновей православныхъ священниковъ, если они до 15-ти-лѣтняго возраста не выберутъ себя рода жизни. Въ 1766 году, епископъ краковскій Солтыкъ предложилъ сейму объявить врагомъ отечества каждого, кто осмѣлится сказать на сеймѣ рѣчь въ пользу иновѣрцевъ. Предложеніе это было принято съ восторгомъ и получило силу закона. Тогда всѣ дворяне не-католики составили союзъ (конфедерацію) и, требуя равноправности и терпимости вѣроисповѣданій, обратились за помощью къ Россіи и къ протестантскимъ державамъ.— Императрица Екатерина II приняла союзъ подъ свое покровительство, и только рѣшительными угрозы русскаго посланника, князя Репнина, и страхъ передъ русскими войсками, заставили одуматься сеймъ, созданный королемъ по настоянію Репнина. На этомъ сеймѣ назначена была коммиссія изъ 70-ти лицъ, которая заключила съ Репнинымъ трактатъ, хотя отчасти облегчавшій участь православныхъ въ Польшѣ.

Но это облегченіе, доставленное вліяніемъ Россіи православнымъ подданнымъ Рѣчи Посполитой, было непродолжительно. Фанатическая шляхта озлобилась противъ трактата; вспыхнула такъ-называемая барская конфедерація, волновавшая Польшу цѣлые четыре года и усмиренная, наконецъ, русскими войсками. По окончаніи войны, Россія возвратила отъ Рѣчи Посполитой Белоруссію; но за то сдѣлала въ новомъ трактатѣ, заключенномъ 1775 года въ Варшавѣ, значительныя уступки общественному мнѣнію польской шляхты, относительно православныхъ, живущихъ въ Польшѣ. Такъ, въ особомъ прибавленіи, приложенномъ въ трактату, сказано было, что русское правительство соглашается, чтобы впродъ православные были исключены изъ сената и министерствъ; что, хотя шляхетскіе православные роды и будутъ пользоваться всѣми правами наравнѣ съ дворянами католическими, однако, законъ этотъ не будетъ относиться къ тѣмъ, которые приняли бы впродъ православіе. При томъ, на сеймѣ не должно быть никогда больше трехъ депутатовъ не-католиковъ. Сѣдшаный судъ уничтожается и дѣла его переносятся въ королевскій ассессорскій судъ. Публичныя похороны вновь запрещаются православнымъ. Наконецъ, православнымъ церквамъ воспрещается употребленіе колоколовъ.—Въ такомъ положеніи православные подданные Польши и дожили до ея паденія.

По мѣрѣ того, какъ польскіимъ правительствомъ постепенно тѣснилось православіе посредствомъ цѣлаго ряда вышеприведенныхъ узаконеній, съ другой стороны имъ были приняты дѣятельныя и послѣдовательно обдуманныя мѣры для

того, чтобъ обезоружить православіе, отнять у него возможность сосредоточиваться и лишить народъ единственнаго словія, поддерживавшаго его нравственными силы и защищавшаго его въ неравной борьбѣ съ врагами. Мѣры эти были направлены на православное духовенство вообще и на высшую церковную іерархію въ особенности.

Послѣ брестъ-литовской уніи, митрополитъ и большинство православныхъ епископовъ, признавъ ее, стали на сторону религіознаго нововведенія. Правительство рѣшилось утверждать преемниковъ ихъ только въ такомъ случаѣ, если они признаютъ унію и, такимъ образомъ, намѣревалось, раньше или позже, захватить и поставить подъ знамена уніи всю православную, зависѣвшую отъ него, іерархію, полагая, что паства безъ правителей, рано или поздно, должна будетъ подчиниться вліянію пастырей. Но обстоятельства помѣшали осуществленію сразу этого плана. Польское правительство, вслѣдствіе безпрестанныхъ казацкихъ возстаній и невозможности овладѣть мѣстiemъ массы южно-русскаго народа, должно было выносить присутствие православныхъ святителей. Правда, короли не утверждали ихъ въ должностяхъ, подобно уніятскимъ епископамъ, не гарантировали ихъ правъ, ихъ епископскаго суда, ихъ имѣній и доходовъ и считали существованіе ихъ фактомъ незаконнымъ, непріятною необходимостью, вытекающею изъ невозможности, какъ выражались современники, „успокоенія Руси“; но тѣмъ не менѣе, бывали минуты, когда, по требованію обстоятельствъ, польское правительство входило въ переговоры съ непризнанными имъ законно владыками.

Послѣ окончательнаго отдѣленія Малороссіи отъ Польши и послѣ андрусовскаго договора, польское правительство начинаетъ смѣло дѣйствовать противъ православія въ оставшейся подъ его властью части южно-русскаго края, какъ въ законодательномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи къ православноіи іерархіи. Уже въ 1664 году, по приказанію короля Яна-Казимира, послѣдній православный митрополитъ, проживавшій въ предѣлахъ Рѣчи Посполитой, Іосифъ Нелюбовичъ-Тукальскій, былъ, безъ всякой вины и повода, безъ всякаго суда, какъ сознаются въ томъ даже польскіе историки, схваченъ и заточенъ въ маріенбургскую крѣпость. Преемники его, конечно, не отваживались болѣе выѣзжать изъ предѣловъ Россіи. Но въ границахъ Рѣчи Посполитой оставалось до 10-ти православныхъ епархій, епископы которыхъ могли сноситься съ митрополитомъ, управлять своею паствою и удерживать ее отъ перехода въ унію. Для упраздненія этихъ кафедръ, былъ принятъ правительствомъ рядъ послѣдовательныхъ мѣръ, и въ теченіе 80-ти лѣтъ, православіе, тѣснимое самыми крутыми мѣрами правительства, шляхты и уніятскаго духовенства, лишено было всякой іерархіи, всякаго центра, въ которомъ могли бы сосредоточиваться силы для защиты своей

зирь.—Польское правительство достигло своей цѣли: оно разрушило православную іерархію. Но православное престонородье, лишенное церковной іерархіи, продолжало, по старинному обычаю, выбирать приходскихъ священниковъ изъ собственной среды и посылать ихъ, не смотря ни на какія препятствія и угрозы, для рукоположенія, за границу Речи Посполитой,—то въ Кіевъ, то въ Переяславль, то въ Молдавію. Каждый приходъ дружно окружалъ своего приходскаго православнаго священника и велъ отчаянную неравную борьбу съ навязываемымъ администраціею, а иногда и военною силою, уніатскимъ духовенствомъ. Между тѣмъ и низшее православное духовенство не было забыто польскимъ законодательствомъ. По древнему обычаю, міряне cadaго прихода выбирали себѣ священника. Но въ 1647 году сеймъ постановилъ новый законъ, по которому занятіе священникомъ прихода было поставлено въ прямую зависимость отъ фанатической католической шляхты, которая, въ рѣдкихъ случаяхъ, и то, по большей части, только за плату довольно значительную, соглашалась давать православнымъ на занятіе приходовъ свои подтвердительныя грамоты, или такъ-называемыя *презенты*. Тѣсное, православное духовенство должно было отправляться искать ижды за Днѣпромъ. Если, воспользовавшись какии-нибудь благопріятнымъ случаемъ, прихожане и успѣвали выхлопотать *презенту* для православнаго священника, то встрѣчали затрудненіе въ выборѣ лицъ и весьма часто принуждены были обращаться къ малообразованнымъ и едва грамотнымъ своимъ собратамъ-поселянамъ. Въ такомъ случаѣ, шляхтичи удерживали надъ священникомъ помѣщичье право, гнали его на барщину, въ случаѣ отлучки изъ села, преслѣдовали и наказывали, какъ бѣгло крестянина, и. т. п. Оскорбленія, обиды сыпались градомъ на низшее православное духовенство. Гродскія книги, за весь XVIII в., наполнены фактами такого рода. Изумительную картину насилій представляютъ два послѣдніе тома, изданные кіевскою археографическою комиссіею. Всѣ эти насилія продолжались до самаго паденія Польши.

Изъ этого очерка ясно видно, что угнетеніе православія и православной церкви было дѣломъ не частнаго латино-шляхетскаго произвола, а результатомъ политики польскаго государства, задачей зрѣло обдуманной правительственной системы. Роль шляхты была тутъ не болѣе, какъ ролью медвѣдя, услуживавшаго своему другу.

Какое же заключеніе слѣдуетъ сдѣлать объ этой политикѣ? Историческое безпристрастіе не позволяетъ осудить еѣ, потому что она находитъ полное оправданіе въ политической необходимости. (*)

(*) Прямой необходимости не было, а былъ чистый расчетъ и произволъ. Такихъ гоненій, какія терпѣли подъ властью Польши православные, ничѣмъ — *решительно ничѣмъ* — оправдать нельзя: иначе, по закону политической необходимости, повѣстимъ вездѣ и всегда обязаны встать другъ

Для правительствъ государственный интересъ есть высшій интересъ, которому должны подчиняться всѣ другіе интересы. Политическое объединеніе государства, какъ первая потребность его бытія, какъ необходимое условіе его крѣпости и прочности, было именно такимъ интересомъ для польскаго правительства, которое и дѣйствовало въ этомъ смыслѣ. Объединяющимъ началомъ въ Польшѣ служилъ католицизмъ, сдѣлавшійся символомъ польской народности, а потому въ русскихъ областяхъ, вошедшихъ въ составъ польскаго государства, Польша хотѣла, во что бы ни стало, поставить католицизмъ на мѣсто православія, какъ символа народности русской. Къ этой цѣли и были направлены всѣ дѣйствія польскаго правительства: придумана унія, которая не вдругъ, но вѣрно вела русскій народъ къ латинству; потомъ принимались мѣры, которыя, прямымъ или косвеннымъ путемъ, вели къ уніи или, гдѣ было можно, прямо къ латинству. Результаты доказали вѣрность принятой польскимъ правительствомъ политической системы: русское дворянство, лишенное политическихъ правъ, не выдержало изолированнаго положенія среди дворянства католическаго, полноправнаго и господствующаго; оно быстро примкнуло къ нему, то-есть окатоличилось и ополчилось; высшее православное духовенство, лишавшееся ниущества, значенія и не признаваемое правительственною властью, покорялось неизбежной необходимости и подчинилось папству; монашество, лишавшееся монастырей и убижищъ, разсѣвалось и исчезало; священство, теряя каждый день храмы, отдаваемые уніатамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и возможность продолжать пастырское служеніе, уступало нуждѣ, признавало папство или убѣгало за границу; наконецъ, упраздненіе іерархіи должно было неизбежно окончиться и упраздненіемъ самой церкви. Простой народъ, поработенный и во множествѣ присоединенный уже къ уніи, оставшись безъ пастырей и безъ общественной руководной силы, не могъ бы долго устоять, — и не вмѣшай анархическая шляхта своихъ дикихъ наскоковъ въ процессъ постепеннаго разложенія, православной русской стихіи, дай она ей время разлагаться на ночвѣ правительственныхъ изropriатій и не вызови она, своимъ нестойкимъ своеволіемъ, народныхъ массъ на борьбу за политическую независимость, — борьбу, поразившую смертельно польское государство, — политика правительства восторжествовала бы надъ нею. Но шляхетская Польша не носила въ себѣ никакихъ задатковъ жизни: въ нее, съ самаго зарожденія, залегло начало разрушенія, и шляхта спасла западный край для Россіи, которая, пользуясь уроками исторіи и своимъ неотъемлемымъ правомъ самосохраненія, безъ сомнѣнія, не станетъ терять времени на полумѣры, но будетъ дѣйствовать энергично и послѣдовательно, направляя всѣ свои способы къ одной цѣли — восстановленію и укрѣпленію истиннаго русскаго элемента въ западномъ край, къ чему счастливое начало уже положено.

Исторія свидѣнія о католическихъ православныхъ церквяхъ и р. католическихъ костелахъ.

Со времени просвѣщенія Равноапостольнымъ Владимиромъ св. крещеніемъ Подолиі, вѣра православная всегда была господствующею въ г. Каменцѣ и его окрестностяхъ. Послѣ татарскаго погрома западной Россіи, литовскіе князья Киріатовичи отняли у нихъ Подолю; но православная вѣра не только при нихъ была преимущественно господствующею, какъ это доказываютъ привиллегіи этихъ князей, данными имъ нѣкоторымъ подольскимъ церквамъ, но даже и послѣ соединенія Литвы съ Польшею, православная вѣра долго еще преобладала въ Подоліи предъ прочими вѣроисповѣданіями. Уже со времени введенія несчастной уніи, въ 1596 году, влияние православія на жителей г. Каменца и его окрестностей начало мало-помалу уменьшаться, а особенно въ высшихъ слояхъ общества; но жители средняго и низшаго класса, руководясь примѣрами благочестивыхъ православныхъ своихъ пастырей львовскихъ, какъ то епископа Гедеона Балабана и другихъ ревнителей православія, къ наставію которымъ принадлежала Подоля съ г. Каменцемъ, крѣпко держались еще прародительской вѣры. Въ 1700 году, а по Кожловичу еще ранѣе, львовскій епископъ Іосифъ Шумлянскій принялъ унію, но, и въ это время, весьма не значительная только часть отстала отъ православія, а прочіе, полагать можно, зависѣли отъ кievскаго епархіальнаго начальства.

Изъ плана г. Каменца, современнаго владѣнію Каменцемъ турками, въ 1672 году, видно, что, кромѣ уцѣлѣвшихъ, до сего времени, древнихъ православныхъ церквей а) Иоанно-Предтеченской, б) Троицкаго-монастыря, в) Петро-Павловской, г) Николаевской, д) Георгіевской на Польскихъ Фольваркахъ, почти до половины XVIII вѣка существовали въ г. Каменцѣ еще слѣдующія церкви: Пресвятой Богородицы, Спасская или Преображенская, Михайловская, Онуфриевская и Рождества Христа Спасителя.

Всѣ эти церкви отчасти турками, а больше всего, въ прошломъ столѣтіи, при содѣйствіи р. католиковъ, уніатами истреблены, а утварь ихъ перенесена по католическимъ костеламъ. Слѣдовательно, православныхъ церквей въ г. Каменцѣ въ прошломъ столѣтіи больше было, чѣмъ теперь.

Хотя православіе въ г. Каменцѣ издавна господствовало, но, когда онъ подпалъ власти польскаго правительства, въ разныя смутныя времена для православія, поляки успѣли основать и свои костелы, а именно: а.) р. католическій кафедральный костель, б.) доминиканскій, в.) кармелитскій, г.) монастырь или кляшторъ монахинь доминиканокъ д.) и тринитарскій. Армяне въ прошломъ столѣтіи составляли большую часть народонаселенія г. Каменца, занимаясь коммерціею, ведя таковую со всѣми соседними царствами въ большихъ размѣрахъ, и они основали для себя настоящій е.) армянскій костель. Кромѣ сихъ костеловъ, во время владычества турокъ г. Каменцемъ, были еще слѣдующіе: ж.) Св. Николая, з.) францисканскій (нынѣ архіерейская церковь), и) иезуитскій, і.) Св. Екатерины, к.) Св. Михаила Архангела л.) и Св. Станислава въ Замкѣ (крѣпости).

Краткія свѣдѣнія о каменецкой архіерейской церкви.

Францисканскій Подольскій монастырь (кляшторъ), находившійся въ г. Каменцѣ, по распоряженію польскаго правительства, въ 1787 году, былъ упраздненъ. Польское правительство тогдаже назначило зданіе упраздненнаго монастыря для помѣщенія военныхъ снарядовъ; но, предъ ваятіемъ г. Каменца русскими, строеніе это оставалось уже въ запустѣніи.

Въ послѣдствіи времени, зданіе бывшаго францисканскаго монастыря назначено было русскимъ правительствомъ, для помѣщенія православнаго архіерея съ его штатомъ. Первый Подольскій архіепископъ Іоанникій, въ 1799 году, прибывъ изъ м. Шаргорода въ г. Каменецъ, безъ замедленія, приступилъ къ перестройкѣ этого зданія: верхія и тѣсныя кельи въ верхнемъ жилѣ передѣлалъ въ покои для себя, а въ нижнемъ этажѣ устроилъ помѣщеніе для пѣвчихъ и прочихъ служащихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ приступилъ къ надлежащему устройству холодной Успенской церкви, вызвавъ самыхъ лучшихъ иконописцевъ Подолія. Въ то же время, сей архіепастырь позаботился устроить, на первый случай, въ верхнемъ корридорѣ, малую теплую церковь, которая существовала до 1834 года. Покойный преосвященный Курилль, архіепископъ подольскій, на исходатайствованную сумму въ свѣтѣйшемъ им-

иже существемъ снудъ, бывшую малую теплую церковь расширилъ и устроилъ въ ней новый иконостасъ, такъ что теперь въ зимнее время, во время архіерейскаго служенія, воздухъ не бывастъ такъ стѣсненъ, какъ прежде. Церковь эта была освящена тѣмъ же преосвященнымъ во имя Рождества Христа Спасителя, въ 1835 году 21 Нолбра. Сей преосвященный, собравъ изъ приписныхъ сельскихъ церквей Проскуровскаго уѣзда колокола, повелѣлъ вылить большой колоколъ въ архіерейскую церковь. Около 1829 или 1830 года большая Успенская церковь, лѣтнимъ временемъ, ночью, была обворована неизвѣстными злоумышленниками. Въ это время похищены изъ церкви двѣ рипиды серебрянныя старой хорошей работы, архіерейскій дикирій съ трикиріемъ такой же работы, и дароносица большая серебряная съ золотою решеткой, обложенная драгоценными камнями превосходной старой греческой работы: дароносица эта похищена съ запасными дарами.

Въ архіерейской церкви находятся слѣдующія драгоценныя вещи, привезенныя изъвнутри Россіи и уважаемыя православными жителями г. Каменца: а.) сосудъ, устроенный Павломъ, митрополитомъ сибирскимъ для монастыря Троицкаго, въ 7187 году отъ сотворенія міра, а отъ Р. X. 1679 году; б.) золотой ручный крестъ съ св. мощами, сооруженный намѣстникомъ игуменомъ Варсофіемъ смоленскимъ и брянскимъ къ Николѣ Чудотворцу, въ 7060 году отъ сотворенія міра, а отъ Р. X. 1552 году, при благочестивомъ царѣ Иоаннѣ Васильевичѣ.— Сосудъ и крестъ привезены Иоанникіемъ первымъ архіепископомъ подольскимъ; в.) списокъ съ иконы Божіей Матери Владимірской, замѣчательный по своей древней живописи, украшенный золотымъ вѣнцемъ съ серебряной ризой. Икона эта привезена, около 1821 года, покойнымъ преосвященнымъ Ксенофонтомъ, архіепископомъ подольскимъ, изъ губернскаго города Владиміра, гдѣ онъ епископствовалъ. Сей архипастырь установилъ предъ этой иконой совершать соборнѣ акаѣистъ Божіей Матери, въ каждое воскресенье послѣ вечерни, дакое благочестивое установленіе продолжалось до послѣднихъ дней управления его подольскою паствою. Нынѣ же акаѣистъ предъ иконою Владимірской Божіей Матери читается сменѣваемо по субботамъ, послѣ литургіи, и большею частію са-

Вообще холодная архіерейская церковь внутри лучше и обширнѣе всѣхъ церквей г. Каменца: начинала съ перваго подольскаго архіепископа Іоанникія до настоящаго преосвященнаго Леонтія, каждый изъ подольскихъ архипастырей заботился объ украшеніи сего храма. Въ настоящее время устроятся три перемѣны богатой ризницы для архіерейскаго служенія на сумму исходатайствованную его преосвященствомъ у святѣйшаго снуда.—

Благочинный священникъ М. Орловскій.

ИЕЗУИТЫ, КАКЪ ВОСПИТАТЕЛИ ПОЛЬШИ И ЗАПАДНОЙ РОССИИ ВЪ XVI СТОЛѢТІИ (1)

Общество іезуитовъ вскорѣ, по своемъ учрежденіи, начало распространяться вездѣ по Европѣ съ своимъ извѣстнымъ правиломъ: *добрая члѣмъ освящаетъ дурныя средства*. Это пронырливое общество не замедлило посѣтить въ скоромъ времени и славянскія земли. Сначала іезуиты появились въ собственно такъ называемой Польшѣ, а затѣмъ поселились и въ западной Россіи, которая тогда, по случаю соединенія литовскаго княжества съ польскимъ королевствомъ, перешла въ подданство Польши.

Иезуиты были введены въ Польшу кардиналомъ Гозіемъ, въ слѣдствіе распространенія въ ней реформатскихъ идей. Кардиналъ Гозій, не смотря на всѣ протесты, со стороны польскихъ пановъ, успѣлъ ввести въ Польшѣ постановленія тридентскаго сбора, касательно лишенія правъ диссидентовъ.

(1) Мы взяли для своей статьи эпизодъ изъ дѣятельности іезуитовъ въ Польшѣ и въ западномъ краѣ Россіи въ XVI в.; но этотъ эпизодъ имѣетъ современное значеніе, потому что характеръ дѣятельности іезуитовъ во всякое время одинаковъ, съ тѣмъ только различіемъ, что при болѣе благоприятныхъ для нихъ политическихъ обстоятельствахъ, ихъ дѣятельность бываетъ болѣе размахистою; а если политическія обстоятельства какой нибудь страны имъ не благоприятствуютъ, тогда они дѣствуютъ поскромнѣе, или лучше сказать, дѣствуютъ нез—подлинна, не давая своей дѣятельности большой гласности. Съ характеромъ скромной дѣятельности, но неутраченной первоначальнымъ качествомъ іезуитской нравственности, является общество іезуитовъ на обширнѣе дѣятельности въ нашей странѣ, въ наше время.

Папы протестовали противъ такого постановленія, говоря: «свободный шляхтичъ не подчиняется самому королю, а тѣмъ богѣ папѣ. Такое постановленіе убиваетъ польскую свободу.» Но Гозій имѣлъ на своей сторонѣ короля и потому для него не страшень былъ этотъ протестъ. Будучи недоволенъ первою побѣдою, онъ, съ позволенія королевскаго, введши въ Польшу іезуитовъ, отдалъ имъ въ распоряженіе училища и поощрялъ преслѣдованіе разновѣрцевъ безъ милости.

Извѣстно, что обществу іезуитовъ даны были папами широкія права, изъ которыхъ они сдѣлали въ Польшѣ самое громадное примѣненіе. Папы позволили іезуитамъ заводить, гдѣ имъ угодно, коллегіи и школы, учить языкамъ, свободнымъ наукамъ, философіи, богословію, даже тамъ, гдѣ находятся университеты, и раздавать ученые степени; имъ поручена была цензура книгъ, пересматриваніе и исправленіе библіотекъ. Такимъ образомъ орденъ іезуитовъ превратился въ общество со всѣми правами администраціи и юрисдикціи, составляющее какъ бы нѣкоторую монархію, «*statum in statu*» во всѣхъ европейскихъ государствахъ.

Главная цѣль іезуитовъ—владѣть общественною мыслию, потому что это было единственнымъ средствомъ поддерживать власть папы и ставить препону всѣмъ нововведеніямъ въ дѣлѣ религіи, даже предотвращать самыя покушенія къ какимъ нибудь нововведеніямъ и препятствовать свободному развитію ума человѣческаго.

Стремясь къ достиженію своей цѣли—владѣть умами людей, іезуитскій орденъ видоизмѣнялся, соотвѣтственно потребностямъ времени, нисколько не измѣняя своимъ кореннымъ положеніямъ. Въ этомъ заключалась сила іезуитизма, что онъ, оставаясь вѣрнымъ своимъ основнымъ началамъ, принималъ различныя формы и такимъ образомъ всегда казался обновленнымъ и примѣненнымъ къ потребностямъ своего вѣка. Такъ, сначала іезуиты старались склонять на свою сторону правительство и знатнѣйшихъ людей; когда это имъ не удавалось, то они заводили интриги и старались уничтожить, или по крайней мѣрѣ, вредить тому, кто противодействовалъ ихъ интересамъ. Такъ они были противниками королевской власти во Франціи, при обоихъ Генрихахъ; въ Англіи противились аристократіи, при Карлѣ I и Іаковѣ II; въ Венеціи—олигархіи; въ Голландіи—демократіи.—Но когда такой образъ дѣйствій встрѣчалъ сильную реакцію и въ

правительствѣ и въ общественномъ мнѣніи, то іезуиты цѣремѣняли свой образъ дѣйствій и старались достигать своихъ цѣлей другими путями. Они сдѣлались духовниками р. католическихъ монарховъ, а вскорѣ и всѣхъ набожныхъ людей. Овладевши такимъ образомъ совѣстію двора и знаменитыхъ людей въ странѣ, они могли уже свободно дѣйствовать въ пользу своего ордена.

Далѣе, іезуиты вездѣ захватывали въ свои руки народное образование и приспособляли его къ своимъ цѣлямъ. Этимъ путемъ они приобрѣтали вліяніе на настоящее и будущее поколѣнія и конечно самое зловерное. Снядецкій говорить, «кто основательно знаетъ исторію Польши, тотъ не можетъ отвергать того особеннаго явленія, что науки, процвѣтавшія въ Польшѣ при Ягеллонахъ, спустя нѣсколько лѣтъ, по введеніи іезуитовъ въ Польшу, начали извращаться и упадать; но съ уничтоженіемъ этого ордена, науки опять начали возвышаться и подвигаться впередъ. Подобное явленіе было не только въ Польшѣ, но и вездѣ, куда ни проникали іезуиты... Вообще орденъ іезуитовъ, предоставленный самому себѣ, оказывается неспособнымъ поддерживать усовершенствованіе науки и проводить общественное образованіе».

Это явленіе объясняется тою задачею, которую дали себѣ іезуиты. Мы сказали, что главная цѣль іезуитовъ была—владѣть общественною мыслию; а для этого необходимо было стѣснять и подавлять всякое свободное развитіе человѣческаго разума. Что дѣйствительно таково было стремленіе іезуитовъ—это доказываютъ предписанія ихъ инструкціи, программа наукъ въ школахъ іезуитскихъ и самые плоды ихъ воспитанія, которые, конечно, должны были обнаружиться. Да и какъ могли іезуиты заниматься съ пользою воспитаніемъ молодыхъ людей, по преимуществу, предназначенныхъ къ свѣтской службѣ, когда образованіе съ такою цѣлію было для нихъ дѣломъ совершенно чуждымъ. Свѣтскія науки, по уставу ихъ ордена, если не запрещены, то оставались совершенно безразличными; всѣ ихъ усилія клонились къ тому, чтобы сообщить своимъ воспитанникамъ познанія богословскія—казуистическія; но объ усовершенствованіи науки они не заботились. Отсюда, всякій новый взглядъ науки не проникалъ въ школы іезуитскія, потому что это считалось вреднымъ и опаснымъ для цѣлей ордена. Безъ позволенія генерала ордена, нельзя было ни переводить, ни печатать по-

вой книги, ни дѣлать переменъ въ преподаваніи наукъ, соответственно потребностямъ времени. Кромѣ богословія и при томъ казуистическаго, на которое особенно іезуиты обращали вниманіе, съ особеннымъ усердіемъ они преподавали въ своихъ школахъ философію схоластическую, которая, по ихъ мнѣнію, должна быть опорой для самаго богословія. Схоластическая философія—сущность іезуитской мудрости,—проникла во всѣ науки, какія были преподаваемы іезуитами. Іезуиты внесли въ свои школы всѣ недостатки схоластики и научили своихъ воспитанниковъ не логикѣ, но искусству спорить, поставляя наибольшую славу, ученость и образованіе въ діалектикѣ, основанной на софистикѣ. И неудивительно, что іезуиты старались забивать головы молодыхъ людей отвлеченною схоластическою философіею;—если бы они знали своихъ воспитанниковъ съ науками и гуманными и естественными, то они не могли бы долго держать въ оковахъ умы молодыхъ людей; рано или поздно ихъ воспитанники поняли бы всю несостоятельность ихъ системъ. Учебники въ іезуитскихъ школахъ были составляемы самими іезуитами и приспособлены къ цѣлямъ ордена; при чемъ іезуиты нисколько не задумывались, если имъ нужно было для своихъ цѣлей искажать историческіе факты, или же выдумывать совершенно новые небывалые. Съ древними классическими произведеніями воспитанники знакомились по отрывкамъ, выбраннымъ самимъ ректоромъ іезуитской школы.

Народное образованіе не было для іезуитовъ цѣлю, а только средствомъ для достиженія своихъ намѣреній. Самый способъ ихъ преподаванія показываетъ, что народное образованіе не было для нихъ важною статьею. Науки свѣтскія они обыкновенно поручали читать схоластикамъ, людямъ еще молодымъ и мало знакомымъ съ наукою; если же кто нибудь изъ нихъ оказывалъ большія способности, то его сейчасъ переводили на предметъ богословскій. Вообще іезуиты никогда не позволяли, чтобы учитель посвятилъ себя одной отрасли науки и изучилъ ее хорошо; у нихъ принято было за постоянное правило, чтобы учителю каждый годъ поручать совершенно новый предметъ. Это показываетъ, что іезуиты не интересовались пользою учениковъ, а заботились о томъ, чтобы приобрѣсть въ свой кружокъ людей съ мнимымъ универсальнымъ образованіемъ. Такіе учителя, будучи орудіемъ своего ордена и примѣняясь къ предполагаемой

цѣли—вкоренить обскурантизмъ, при чтеніи лекцій, избѣгли всего того, что могло просвѣтить умъ и развить природныя способности каждаго, затрудняли приобрѣтеніе полезныхъ познаній и все образованіе приспособляли къ цѣлямъ своего ордена. Лучшіе воспитанники оставались іезуитами противъ воли своихъ родителей;—это очень легко было сдѣлать потому, что папа далъ іезуитамъ особыя права, по которымъ въ ихъ орденъ можно было поступать въ четырнадцать лѣтъ.

Съ такими правами были введены іезуиты въ Польшу и здѣсь начали дѣйствовать, какъ полные хозяева, стараясь уничтожить всякую препопу, которая сколько нибудь ограничивала ихъ дѣятельность. Мы сказали, что іезуиты вездѣ главною заботою поставляли забирать въ свои руки народное образованіе, потому что чрезъ это имъ легче всего было достигать своихъ цѣлей; тоже самое они сдѣлали и въ Польшѣ. По водвореніи своемъ въ Польшѣ, іезуиты стали заводить училища и воспитывать молодое поколѣніе. Но чтобы совершенно прибрать въ свои руки народное образованіе, іезуитамъ нужно было уничтожить существующій порядокъ учебныхъ заведеній въ Польшѣ. Извѣстно, что въ Польшѣ краковская академія была главнымъ учебнымъ заведеніемъ, съ правомъ раздавать ученые степени,— это былъ центръ, откуда распространялось народное образованіе. Почти всѣ учебныя заведенія Польши находились въ зависимости отъ краковской академіи. Отселѣ всѣ усилія іезуитовъ были направлены къ тому, чтобы снести съ пьедестала эту знаменитую академію и подвѣдомственные ей школы. Для этой цѣли іезуиты стали вездѣ заводить свои коллегіи.

Призванные для того, чтобы сражаться съ религиозными нововведеніями протестантовъ, они хотѣли, во имя р. католической вѣры, владѣть Польшею, пользуясь слабою стороною общества. Тогда шляхта польская проводила время въ домашней роскоши и разныхъ политическихъ несогласіяхъ, какія могли произойти отъ слишкомъ развитившейся личности поляковъ; и вотъ являютя іезуиты съ мистицизмомъ, вращающимся по своей новости,—лестію, ласкающею шляхетское самолюбіе,—и съ фанатизмомъ, который, подъ предлогомъ ревности по вѣрѣ, производилъ несогласія и ссоры. Нигдѣ іезуитамъ такъ не посчастливилось, какъ въ Польшѣ. Шляхта любила пышность и торжество,—іезуиты здѣсь обслуживали своими процессіями, церемоніями,—далѣе діалогами и ди-

слугами іезуитскими; шляхта любила свои гербы, а іезуиты любили риторическія фигуры. Когожь могъ возставать противъ испорченности вкуса, когда въ поэзи шляхетскіе гербы были сравнимаемы съ луною и звѣздами! Шляхта повѣрила, что владѣтели гербовъ въ самомъ дѣлѣ владѣютъ и тѣми доблестями, которыхъ изображены на гербахъ,—и ей не могли не нравиться іезуиты, которые научили читать въ шляхетскомъ величій похвалу роду и доблестямъ, которые какого нибудь офицера называли Марсомъ, а какого нибудь аристократа Іовомъ, которые для дѣтей знатныхъ домовъ назначали особенныя школьныя лавки.

Роль іезуитовъ, какъ защитниковъ вѣры и бесплатныхъ учителей, располагала въ ихъ пользу богатыхъ родителей, которые щедро надѣляли ихъ своими богатствами. Такъ были увлекаемы поляки въ сѣти іезуитовъ! Какъ же послѣ этого могла соперничать съ іезуитами краковская академія, съ педантизмомъ предавшая наукѣ, гдѣ происхожденіе или богатство не имѣло вліянія на приобрѣтеніе ученыхъ степеней, гдѣ изучали латинскую литературу, но не для того, чтобы выступать съ панегириками предъ знатными особами и родителями учениковъ, какъ это водилось у іезуитовъ. Академія, бѣдная средствами, но гордая своею ученостію, не преклоняла своей головы предъ сильными свѣта, опираясь на свои привилегіи; а іезуиты, надѣясь на силу короля, который имъ благопріятствовалъ и на то значеніе, какое они уже успѣли приобрѣсть у народа, порѣшили, во что бы то ни стало, разровнять поляковъ съ краковскою академіею и такимъ образомъ захватить въ свои руки народное образованіе.

Познань—первая была свидѣтельницаю борьбы іезуитовъ съ академіею. Тамъ рядомъ съ академическою школою Любранскаго, нѣкогда знаменитою, а въ началѣ царствованія Сигизмунда III пришедшею въ упадокъ, возвышались стѣны іезуитскаго коллегіума. Обѣ эти школы стояли на высокой степени, но академическая школа держалась своей престарѣлой рутины, была небольшая и бѣдная, а іезуитская школа заманивала своею новостію, имѣла значительное число учениковъ и владѣла богатыми средствами. Легко было іезуитамъ выхлопотать возведеніе іезуитско-познанской школы на степень академіи. 19 сентября 1612 г. король далъ іезуитской школѣ привилегію, которою позволялось ей преподавать религію, метафизику, физику, математику и логику и раздавать

ученыя степени бакалавровъ, магистровъ и докторовъ. Краковская академія протестовала противъ нарушенія своихъ привилегій,—она просила защиты у народа, своего канцлера и у апостольской столицы. Къ счастью академіи, народъ и цѣлый сеймъ варшавскій торжественно протестовали противъ этого, папа также отдалъ справедливость Краковской академіи. Такимъ образомъ іезуитамъ не повезло на первый разъ. Пораженные въ Познани, они ударили на Краковъ. Академія защитила свои права, но недостатки іезуитской школы проникли и въ ея образованіе. Познанская школа, зная, что способствовало успѣхамъ іезуитовъ, и считая ихъ стремленіе за духъ времени, завела у себя іезуитскій методъ воспитанія, начала преподавать риторику, писать панегирики, словомъ: льстить старому и портить вкусъ молодого поколѣнія поляковъ. Академія, зная недостатки іезуитскаго воспитанія, вмѣсто того, чтобы спасти образованіе отъ дурныхъ послѣдствій, перенала и себѣ ихъ недостатки.

Послѣ неудачной попытки іезуитовъ возвести свою познанскую школу на степень академіи, они теперь сосредоточили все свое вниманіе на томъ, чтобы ослабить привилегіи краковской академіи и уничтожить ея значеніе и совершенно прибрать въ свои руки образованіе въ Польшѣ. Еще прежде краковская академія съ гостепріимствомъ приняла новыхъ защитниковъ католицизма и уступила имъ два костела. Іезуиты своею ревностію къ богослуженію сразу привлекли къ себѣ сердца людей. «Когда начинается свѣтать, пишеть одинъ современникъ, они совершаютъ богослуженіе и говорятъ проповѣди, и всегда народа бываетъ полонъ костелъ, потому что богослуженіе начинается рано». Такой порядокъ показался очень выгоднымъ для простаго набожнаго класса людей. Рассчитывая на первыя благопріятныя для себя впечатлѣнія, іезуиты завели при своемъ костелѣ братство св. Дѣвы, съ цѣлію заманить къ себѣ академическую молодежь. Профессоры академіи не подозрѣвали затѣй іезуитовъ, сами ходили къ нимъ на богослуженіе и дали имъ позволеніе открыть школу съ тѣмъ условіемъ, чтобы она была въ зависимости отъ ректора академіи. Получивши это право, іезуиты не обращали вниманія на условіе быть въ зависимости отъ ректора академіи,—они считали это для себя необязательнымъ и выжидали только благопріятной минуты для открытія своей школы. Имѣя сильную опору въ поддержкѣ короля и знаменитыхъ магнатовъ, іезуиты

сбросили съ себя маску и открыли школы съ крайнимъ насильемъ академическихъ правъ. Академія, видя, что молодежь отъ нихъ переходитъ къ іезуитамъ, завела процессъ судебнымъ порядкомъ и, при приѣмѣ воспитанниковъ, заставляла ихъ присягать, что они, въ продолженіе пребыванія своего въ Краковѣ, не пойдутъ къ другимъ учителямъ, кромѣ тѣхъ, какіе находятся въ вѣдѣніи ректора академіи, наконецъ подали жалобу въ Римъ и на сеймикъ. Но теперь было другое время. Іезуиты уже успѣли овладѣть умами въ Польшѣ и паши много себя покровителей. Столица апостольская признала за іезуитами право учить въ Краковѣ, король имъ благопріятствовалъ, магнаты поддерживали ихъ; а шляхта, которой толковали, что это нарушеніе свободы—заставлять, чтобы дѣти ихъ непременно учились въ академіи, всѣмъ сердцемъ прильнула къ іезуитамъ. Ректоръ академіи Наймановичъ принесъ предъ тронъ Сигизмунда III академическія привиллегіи и сравнивая науку съ младенцемъ на судѣ Соломона, просилъ короля отнять привиллегіи у академіи и отдать іезуитамъ, вмѣсто того, чтобы раздѣлять науку между двумя соперниками и наносить ей такимъ образомъ смертельный ударъ. Тронутый этимъ поступкомъ Сигизмундъ III возвратилъ ректору привиллегіи академіи, придавъ къ ея гербу третій скипетръ, но школы іезуитской не заперъ.

Съ большимъ удобствомъ, чѣмъ въ Польшѣ, удалось іезуитамъ овладѣть общественнымъ образованіемъ въ Литвѣ, тѣмъ болѣе, что здѣсь, при покровительствѣ правительства, были удалены и малыя къ тому препятствія, да и при томъ власть краковской академіи, которая всегда шла противъ іезуитовъ, не могла такъ далеко простираться. Правда, послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшею, 1569 года, академія, какъ главная школа королевства, могла простирать свои права и на литовскія школы; но, такъ какъ сама академія была стѣсняема іезуитами, которые угрожали ей уничтоженіемъ ея существованія, то она, занятая защитой своихъ правъ и преимуществъ, не имѣла времени подумать о распространеніи своей дѣятельности и своего вліянія на Литву; а между тѣмъ буллы папъ дозволяли іезуитамъ вездѣ заводить школы и коллегіи, и такимъ образомъ устраняли отъ нихъ чуждое вмѣшательство въ этомъ дѣлѣ. Свободно и безъ препятствія могли заняться іезуиты столь важнымъ для Литвы дѣломъ, какъ народное образованіе, и можно было бы ждать много пользы, если бы они поставили для себя цѣлію народное образованіе,

а не средством къ достиженію своихъ предпріятій; тѣмъ болѣе, что въ Литвѣ было возбужденіе къ образованію и она не скупилась на матеріальныя для этого средства. Но можно ли было отъ іезуитскаго образованія ждать надлежащихъ плодовъ, когда намъ извѣстно, что іезуиты, сообразно съ духомъ и природою ихъ общества, старались болѣе задерживать, чѣмъ развивать умственное образованіе, чтобы этимъ воспрепятствовать развитію реформаціонныхъ идей?... Съ такимъ стремленіемъ и съ такимъ намѣреніемъ заняли іезуиты училищныя каведры въ Литвѣ.

Первая литовская школа, открытая іезуитами, была въ Виленѣ. Іезуиты вскорѣ, по прибытіи своемъ въ Литву, такъ успѣли расположить къ себѣ вліятельныхъ людей, что мѣстный епископъ разослалъ повсюду приглашенія, чтобы родители присылали своихъ дѣтей въ новооткрытую іезуитскую школу. Въ то же время они предположили завести и семинарію для воспитанія будущихъ ксендзовъ; но эта мысль осуществилась позже, въ 1584 году. Для удобнѣйшаго содержанія воспитанниковъ и лучшаго надзора за ними, заведены были бursы для бѣдныхъ учениковъ. Пожертвованія для іезуитовъ, какъ посвятившихъ себя такому добродѣлю, сыпались со всѣхъ сторонъ. Самъ король Сягизмундъ Августъ, при смерти своей, подарилъ значительное собраніе книгъ, которое послужило основаніемъ библіотеки. Примѣру короля послѣдовали и другіе знаменитые люди, которые, при смерти своей, записывали виленской іезуитской школѣ свои библіотеки.

При такихъ жертвованіяхъ и неослабной заботливости самихъ іезуитовъ о своихъ интересахъ, скоро разнеслась слава о виленскомъ коллегіумѣ между р.-католиками, и тѣмъ болѣе, что первые ректора этого коллегіума были люди образованные и пользовались извѣстностію, какъ то: Петръ Скарга и много другихъ. Но виленскій коллегіумъ еще не вполне соответствовалъ іезуитскимъ видамъ. Чтобы имѣть большее научное вліяніе и тѣмъ болѣе содѣйствовать защитѣ р.-католицизма, нужно было украсить свой коллегіумъ болѣе громкимъ титуломъ, приобрести для него большія преимущества, увеличить число преподаваемыхъ наукъ, словомъ: поставить свою школу на такую степень, чтобы она могла соперничать съ браковскою академію. Для достиженія этой цѣли іезуиты внушили своимъ приверженцамъ—авторитетнымъ людямъ въ государствѣ, чтобы они предложили королю возвести виленскій коллегіумъ на степень академіи.

Приверженцы іезуитовъ предложили королю, что для большаго удобства молодымъ людямъ получать высшее образованіе и въ видахъ предостереженія ихъ отъ заграничныхъ заблужденій, они считаютъ выгоднымъ возвести виленскій коллегіумъ на степень академіи. Король согласился на ихъ предложеніе. Многіе изъ магнатовъ протестовали противъ новой привилегіи, которая дана была іезуитамъ и не хотѣли прикладывать своихъ печатей на новомъ приготовленномъ дипломѣ для виленской академіи, но король Стефанъ Баторій угрожалъ имъ отнятіемъ печатей, если они будутъ упорствовать, и такимъ образомъ заставилъ ихъ дать свое согласіе на возведеніе виленскаго коллегіума въ академію, въ 1578 году. Въ дипломѣ, данномъ на имя виленской академіи, позволено ей давать всѣ ученые степени философіи и богословія. Вскорѣ, послѣ этого Стефанъ Баторій далъ другую привилегію на имя виленской академіи, которою утвердилъ фундуши, завѣщанные епископомъ Валеріаномъ для богословской кафедры, и сравнилъ виленскую академію въ преимуществахъ съ краковскою.

Утвердившись въ Вильнѣ и упрочивши здѣсь существованіе своей академіи, іезуиты начали простираť свои виды дальше. Чтобы не оставить ни одного закоулка, который бы не былъ отъ нихъ зависимъ, они всюду старались втерѣться, не обращая вниманія на то, — охотно или неохотно ихъ принимаютъ. Они собирали фундуши для заведенія новыхъ школъ, а между тѣмъ старались приводить въ бѣдность, гдѣ только можно было, доселѣ существующія диссидентскія школы, и преслѣдовать всѣхъ тѣхъ, которыхъ соперничество въ наукѣ, рано или поздно, могло повредить имъ.

Въ это время много было школъ въ Литвѣ, но можно ошибиться, если судить объ образованіи народа по количеству школъ, потому что все это были школы іезуитскія съ своимъ исключительнымъ направленіемъ, мертвящимъ свободное развитіе ума. Трудно было въ эту пору существовать, кромѣ іезуитскихъ, другимъ школамъ, а особенно диссидентскимъ; потому что іезуиты употребляли всю свою хитрость для того, чтобы какъ нибудь уничтожить подобныя школы. Такъ, по ихъ старанію была закрыта въ Вильнѣ школа кальвинистовъ; подобная судьба была и съ другими диссидентскими школами. Сигизмундъ III, въ началѣ своего царствованія, давалъ грамоты на открытіе русскихъ школъ въ Вильнѣ, Минскѣ и Брестѣ, но по старанію іезуитовъ пздаль приказаніе, чтобы исповѣ-

дующіе православную вѣру не смѣли заводить своихъ школъ въ Оршѣ и въ окрестныхъ мѣстахъ. Наконецъ, съ того времени, какъ іезуиты овладѣли школами, знаменитая Краковская академія начала забываться и литовская молодежь перестала ее посѣщать.

Мы представили доселѣ въ краткихъ чертахъ ходъ того плачевнаго для Польши и западной Россіи событія, когда услужливые пріатели ея—іезуиты захватывали въ свои руки всѣ школы, существовавшія въ тогдашней Польшѣ и подвластной ей западной Россіи. Мы видѣли какъ отцы іезуиты ловко умѣли расположить къ себѣ царственныхъ особъ и овладѣть умами лучшихъ и вліятельнѣйшихъ людей древней Польши, которые, въ чадѣ іезуитскаго ласкательства, отдали въ руки отцовъ-іезуитовъ образованіе польскаго народа и его судьбу, съ явнымъ и насильственнымъ нарушеніемъ правъ стародавнихъ польскихъ школъ.

Теперь посмотримъ, — оправдали ли отцы іезуиты тѣ надежды, которыя возлагала на нихъ Польша; подвинули ли они ея образованіе впередъ и сдѣлали ли они лучшими ея сыновъ, которые, въ своемъ ослѣпленіи, такъ довѣрчиво бросились въ ихъ объятія; вознаградили ли іезуиты народъ польскій за тѣ жертвы, которыя онъ принесъ ихъ обществу; повѣли ли они дѣтей Польши къ будущей ихъ славѣ, или, быть можетъ, они своимъ вліяніемъ положили начало ея постепенному истощенію и, наконецъ, совершенному ея паденію. Вотъ вопросы, которые естественно возникаютъ въ душѣ читателя, когда онъ вспомнить, — какъ Польша радушно приняла къ себѣ іезуитовъ, дала такой большой просторъ у себя ихъ дѣятельности и подчинилась имъ совершенно, чего не сдѣлала въ пользу іезуитовъ ни одна европейская страна.

Отвѣтъ на эти вопросы мы получимъ тогда, когда рассмотримъ внутреннюю сторону іезуитскихъ школъ, какъ то: методъ ихъ образованія, нравственное ихъ вліяніе на своихъ воспитанниковъ, и вообще всѣ ихъ дѣйствія и приемы, которые были выработаны долговременною дѣятельностію іезуитовъ и приняты ими, какъ самыя лучшія въ воспитательномъ отношеніи.

Мы уже имѣли случай замѣчать, что іезуиты давали въ своихъ школахъ образованіе богословско-казуистическое (1),

(1) Желающимъ познакомиться, въ краткихъ чертахъ, съ казуистическимъ богословіемъ іезуитовъ мы рекомендуемъ прочитать статью во-

а свободныя науки у нихъ были на заднемъ планѣ. Для магнатской молодежи іезуитскія школы очень нравились. Здѣсь магнатскія дѣти не трудились много. Возрастному, который оканчивалъ ученіе въ ихъ школахъ, давали торжественно, среди большаго собранія, титулъ ритора или философа, называли его Демосееномъ, Златоустомъ, Сократомъ, Платономъ, а тотъ, ничего не зная, былъ убѣжденъ, вмѣстѣ съ своими родителями, что онъ одинъ изъ мудрѣйшихъ. Съ бѣдными обходились иначе, ихъ заставляли учиться и сѣкли безъ милости.

Но главная цѣль іезуитской школы въ Вильнѣ и въ цѣлой Литвѣ состояла въ томъ, чтобы пробудить въ молодежи глубокую ненависть къ диссидентамъ. Для этого употребляли слѣдующія средства. Собирали всю молодежь въ залъ на сценическія представленія. Одинъ іезуитъ играетъ роль Христа, другіе двенадцати апостоловъ. Начинается послѣдній судъ. Предъ судилище Спасителя приводятъ Гусса, Виглефа, Лютера, Кальвина, Цвинглія и греческаго патріарха. Каждый изъ этихъ духовъ долженъ исповѣдываться и признаваться въ такихъ вещахъ, какія для изуродованія этихъ людей могли выдумать только одни іезуиты, и все это такъ варварски представлялось, что молодежь остервенялась. Судъ назначаетъ ихъ во адъ. Когда низвергаютъ во адъ Іуду, выходятъ черти и тогда начинается комедія. Дѣти лопаютъ со смѣху, смотря на то, что дѣлаютъ черти съ невѣрными и, оставивши іезуитскій коллегіумъ, стараются и сами дѣлать тоже, если имъ удастся схватить какогонибудь диссидента.

Другимъ средствомъ для этой цѣли были публичныя диспуты. Собирается молодежь. Среди зрѣлища засѣдаютъ, съ одной стороны, отцы іезуиты, а съ другой стороны, тоже іезуиты, только переодѣтые въ невѣрныхъ, какъ то: Кальвинъ, Гуссъ, Лютеръ, греческій патріархъ и проч. Начинается ученое разсужденіе. Представители ереси говорятъ о предметахъ, облеченныхъ покровомъ правды, но такъ глупо, что молодежь смѣется; іезуиты довольно ловко сражаются языкомъ своихъ противниковъ и доводятъ ихъ до того, что тѣ принуж-

ищенныя въ газетѣ >День> за 1865 годъ №№ 45, 46, 47, 48, 49 и 50 >Письма Юрія Самарина> іезуиту Мартиниову. Въ этихъ письмахъ довольно обстоятельно обрисованы всѣ приемы іезуитскаго ума въ сужденіяхъ богословскихъ и ихъ взглядъ на нравственную оцѣнку поступковъ человѣка, въ разныхъ обстоятельствахъ его жизни. Здѣсь читатель особенно можно увидѣть, какъ іезуиты лстали страстями человѣка и снисходили до самыхъ низкихъ средствъ, чтобы влюбить плать его совѣстн.

дѣши бываютъ сознаться, что ихъ попуталъ діаволь и что они тяжело согрѣшили противъ Бога.

Употребляли еще и другія средства для этой цѣли, напр. приказывали ученикамъ играть на театрѣ комедію, въ которой выступаетъ кальвинскій или лютеранскій пасторъ или православный священникъ: онъ бьетъ свою жену, бранится съ своими дѣтьми, запиваетъ свою совѣсть водкою, дѣлается во всѣхъ отношеніяхъ достойнымъ смѣха. Кромѣ того іезуиты составляютъ сатиры и пасквили на разновѣрцевъ и задаютъ своимъ ученикамъ для декламаціи, рассказываютъ имъ ложные анекдоты, учатъ ихъ смѣшнымъ пѣснямъ и проч.

Послѣ этого неудивительно, если виленскіе диссиденты начали подвергаться ужаснѣйшимъ преслѣдованіямъ, когда іезуитскіе ученики подросли и рассыпались по литовскимъ и западно-русскимъ имѣніямъ. Ученики виленскіе особенно подкарауливали евангелическихъ священниковъ, укрывавъ за домами и, поймавши кого нибудь изъ нихъ, били почти до смерти, снимали одежду и гнали нагаго по городу, или бросали съ моста въ воду. Подобныя сцены совершались среди дня и почти безпрестанно. Протестанты-Радзивиллы, не видя другаго средства для защиты угнетенныхъ, должны были выставить противъ іезуитскихъ школьничковъ войско. Но едва войско на минуту оставитъ городъ, какъ опять совершаются ужасныя сцены. Церковь кальвинская остается безъ оконъ, потому, что, лишь только сдѣлаютъ окна, какъ сейчасъ же ученики іезуитскіе разбиваютъ ихъ. Схвативши диссидентовъ въ гостинницахъ, школьнички били ихъ и грабили. Іезуиты научали слугъ мучить своихъ иновѣрцевъ-пановъ. Не оставляли въ покоѣ и мертвыхъ. Справедливости нигдѣ нельзя было найти, потому что въ судахъ тѣ же воспитанники іезуитовъ и смѣются надъ иновѣрцами, когда тѣ думаютъ заносить жалобу. Іезуиты сами всегда наставляли молодежь на такіе подвиги и, если вліятельныя особы хотѣли принять мѣры противъ подобныхъ безпорядковъ, то іезуиты извиняли вину молодежи своеволіемъ, свойственнымъ ученикамъ всего свѣта. Таковы были плоды воспитанія въ іезуитскихъ школахъ!

Чтобы окончательно уничтожить всякое разумное движеніе, которое не приходилось по духу іезуитовъ, и чтобы болѣе гарантировать то направленіе, въ которомъ они старались держать народъ, іезуиты постарались прибрать въ свои руки цензуру книгъ. Появились реестры книгъ, запрещен-

ныхъ тридентскимъ соборомъ, наступило очищеніе библіотекъ и стѣсненная цензура для нововыходящихъ сочиненій. Всякое сочиненіе, въ которомъ мало-мальски просвѣчивалось несогласіе съ догматами р.-католической вѣры, или просто было направлено противъ іезуитовъ, что на языкѣ іезуитовъ считалось ересью, всякіе памятники народной древности и пѣсни, въ которыхъ оставался слѣдъ языческихъ временъ, извлеченія изъ греческой мѣологии, были уничтожаемы подъ тѣмъ предлогомъ, что онѣ поддерживаютъ суевѣріе въ народѣ; таковой же участи подвергались сочиненія, въ которыхъ хотя не было ничего еретическаго, но авторы ихъ были подозрѣваемы въ ереси, или, если эти сочиненія печатались въ типографіяхъ, откуда выходили разновѣрческія сочиненія.— Все подобное назначено было къ уничтоженію, и цѣлыя кучи книгъ были сожигаемы палачами на рынкахъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ. Чтобы представить безсмысленный деспотизмъ іезуитовъ въ дѣлѣ цензуры, довольно вспомнить тотъ фактъ, что книга «De vanitate mundi» была сожжена публично палачемъ, при громѣ колоколовъ, за то только, что она была переведена съ французскаго языка протестантомъ и посвящена сестрѣ р.-католическаго короля. Переводчикъ былъ оштрафованъ денежною пеней и посаженъ въ тюрьму, хотя на французскомъ языкѣ позволено было читать эту книгу. Поэтому обстоятельству Сигизмундъ III издалъ эдиктъ: «Кто переводитъ и приноситъ въ Польшу, читаетъ и хранитъ книги, запрещенныя іезуитами, тотъ теряетъ честь, имѣніе и жизнь.» И панамъ польскимъ іезуиты такъ отуманили голову, что подобное явленіе считалось совершенно естественнымъ. Польскіе писатели замѣчаютъ, что козацкіе пожары и двукратный грабежъ шведовъ не могли нанести большей потери для библіотекъ, какъ іезуитская цензура. Іезуиты уничтожали не только такія книги, которыя имъ казались вредными, но и такія, которыя, по ихъ взгляду, казались старыми и ненужными; а если остались какія нибудь сочиненія, то онѣ носили на себѣ печать очищенія, которое производилось съ безпощаднымъ искаженіемъ сочиненій. Это очищеніе простиралось даже и на самихъ классиковъ, которые были употребляемы въ школахъ. Кромѣ книгъ, іезуиты старались уничтожить и свѣтскія типографіи, такъ что, благодаря заботливости іезуитовъ, осталось очень малое число типографій въ рукахъ свѣтскихъ людей. Въ это время, подъ вліяніемъ

іезуитовъ были такіе фанатики между свѣтскими людьми, что закупали запрещенныя іезуитами книги и сожигали ихъ.

Іезуиты теперь совершенно торжествовали въ Польшѣ, теперь уже не было ничего, чтобы могло ихъ стѣснить. При королѣ ближайшими совѣтниками были іезуиты, а въ дома магнатовъ и подавно былъ открытъ имъ входъ. Вездѣ высшія государственныя должности занимали приверженцы іезуитовъ и ихъ воспитанники. Вообще должно сказать, что іезуиты заботились о своихъ питомцахъ. Они, управляя Сигизмундомъ III по своей волѣ, доставляли своимъ воспитанникамъ сенаторскія кресла, староства и другія должности; бѣдныхъ воспитанниковъ поручали магнатамъ, которые, по просьбѣ іезуитовъ, должны были позаботиться объ ихъ обезпеченіи. Іезуиты до того простирали услуги своимъ воспитанникамъ, что даже сватали имъ богатыхъ дѣвицъ. Кто кончалъ курсъ въ ихъ школахъ и показалъ добрый духъ, т. е. ненависть въ диссидентамъ, тотъ совершенно не безпокоился за свою участь. Отцы іезуиты постараются выхлопотать для такихъ воспитанниковъ теплое мѣстечко. Это заставляло даже многихъ диссидентовъ и православныхъ отдавать въ іезуитскія школы своихъ дѣтей.

Теперь посмотримъ—какъ относились современники къ іезуитамъ;—ужели не нашлось ни одного человѣка, который бы понялъ тотъ вредъ для страны, который принесли ей іезуиты своимъ вліяніемъ? Нѣтъ, были люди, которые понимали то гибельное положеніе страны, до котораго довели ее іезуиты, и совѣтовали удалить ихъ, но совѣты этихъ людей были напрасны. Часто слышались голоса не въ пользу іезуитовъ, ихъ называли заразою, которую трудно замѣтить, пока не воспалитъ все тѣло. Епископъ краковскій Петръ Мышковскій часто повторялъ, что выдуманное общество монаховъ, украшенное именемъ Іисуса Избавителя, кажется, для того учреждено, чтобы искажать догматы римской церкви и добрые нравы республики и производить въ ней смутеніе. Янъ Замойскій, въ своемъ отзывѣ объ іезуитахъ, едва соглашается уступить имъ нѣсколько каедръ для проповѣди и предостерегаетъ, чтобы они не вмѣшивались въ дѣла республики. Завадскій, ректоръ краковской академіи, говоритъ, что слѣдовало на первыхъ порахъ выгнать іезуитовъ изъ Польши. Находятся такіе, говоритъ онъ, которые, по поводу множества школъ, заведенныхъ іезуитами, считаютъ ихъ людьми

полезными для страны, даже нѣкоторые изъ лучшихъ семей стараются повѣрить имъ воспитаніе своихъ дѣтей, замѣчая у нихъ высокую науку, религіозность и особенный какой то способъ обученія; при чемъ и то бросается имъ въ глаза, что они ничего не берутъ за труды при воспитаніи своихъ учениковъ; но они не подмѣчаютъ, къ чему все это клонится. Іезуиты заботятся о томъ, чтобы совершенно овладѣть народнымъ образованіемъ. Но какая изъ этого польза для отечества? Ихъ воспитаніе приспособлено къ монастырской жизни и тѣмъ болѣе губительно для насъ, что іезуитскіе учителя иностранцы, которые не понимаютъ нашихъ обычаевъ и потребностей страны. При этомъ совѣтуетъ своимъ соотечественникамъ, чтобы іезуитское воспитаніе, неизвѣстное нашимъ предкамъ, бесполезное для молодежи и вредное для страны, было оставлено, а вмѣсто того возвратились къ прежнему народному образованію. За тѣмъ онъ показываетъ вредъ отъ іезуитовъ для общественной жизни, именно, что они были причиною многихъ смутеній и бунтовъ, что они захватывали въ свои руки богагня страны, пользуясь для этого всякими средствами и довели чрезъ это до бѣдности и нужды многіе шляхетскіе дома. Совѣтуетъ, чтобы правительство строго слѣдило за ихъ направленіемъ и не увлекалось ихъ льстивою рѣчью и наружною набожностію.— Далѣе, шляхта на сѣздѣ просовецкомъ требовала отъ короля, между прочимъ, чтобы онъ удалил отъ двора іезуитовъ, которые вмѣшиваются въ свѣтскія дѣла, портятъ молодое поколѣніе и возбуждаютъ людей къ мятежамъ, чтобы очистилъ Польшу отъ иноземцевъ и положилъ предѣлъ ихъ распространенію. На этомъ сѣздѣ явилось одно замѣчательное письмо безыменнаго автора, въ которомъ онъ, излагая свою программу народнаго образованія, требуетъ для блага отечества непременно удалить іезуитовъ, потому что они своимъ воспитаніемъ приносятъ большой вредъ отечеству. Ученые люди, говоритъ авторъ письма, которые исповѣдуютъ и защищаютъ римско-католическую религію, доказали цѣлому свѣту, что іезуиты, по самой идеи своего общества, приносятъ возраждающимся наукамъ болѣе зла, чѣмъ добра, что ихъ образованіе есть не болѣе какъ искаженіе ума и притупленіе счастливыхъ дарованій: Не одинъ, говоритъ далѣе, изъ знаменитыхъ людей страны, занимающихся высшія мѣста въ отечествѣ, жаловался, что, недостатки іезуитскаго образованія долженъ былъ выправлять, во время путе-

шестивъ за границу. Далѣе, авторъ требуетъ восстановленія правъ краковской академіи и запрещенія польской молодежи, подъ угрозой строгаго наказанія, отправляться за границу въ іезуитскія школы. Явились многія другія письма, въ которыхъ изображалось то гибельное положеніе страны, до котораго доводили іезуиты своимъ гибельнымъ вліяніемъ въ Польшѣ.

Для позднѣйшей характеристики іезуитовъ, мы приведемъ отзывъ профессора краковской академіи Божки. Въ первой части своей брошюры «Gratis» онъ говоритъ о бесплатномъ воспитаніи іезуитовъ. Лишь только іезуиты отворили свои школы, какъ всѣ бросились отдавать туда своихъ дѣтей подѣтъмъ предлогомъ, что тамъ даромъ учать, — и каждому, кто поверхностно смотритъ на дѣло, кажется, что даромъ учать, потому что и шести грошей не берутъ въ треть.... Но всмотрѣвшись въ поступки іезуитовъ, при основаніи ихъ школы, и за тѣмъ какая бываетъ польза отъ ихъ науки, каждый умный человѣкъ долженъ признать, что іезуиты учать не даромъ, но очень дорого.... Они неначе приступаютъ къ открытію своей школы, какъ если напередъ выманять достаточное для ней обезпеченіе, т. е. приобрѣтутъ имѣнія, на доходы которыхъ можно содержать предполагаемое количество учениковъ и учителей. Но іезуиты этимъ не ограничиваются: они, принимая учениковъ, не требуютъ отъ нихъ условленной платы, но за то они получаютъ отъ родителей подарки, которыхъ сами они домогаются, и эти подарки равняются необходимой за обученіе платѣ, если еще не превышаютъ ее. Такъ, отцы іезуиты постоянно выманиваютъ у родителей своихъ учениковъ разные хозяйственные продукты. Такъ, они предлагаютъ имъ жертвовать на ихъ церковь, требуютъ для себя въ подарокъ полотна, сукна, рыбу, медъ, масло и другія произведенія, и, чего только ни потребуютъ, родители никакъ не могутъ отказаться..... Далѣе, — одну и ту же грамматику раздѣляли на нѣсколько частей, которыя проходились въ особыхъ классахъ: Infima, Grammatika, Sintaxis, Humanitas и проч., а для простыхъ и не обращающихъ никакого вниманія на воспитаніе дѣтей-родителей кажется очень лестнымъ, когда услышать, что ихъ сынъ въ первомъ, второмъ, третьемъ, и т. д. классѣ, что онъ получилъ степень imperatores graecorum или romanorum, или praetorem; или получилъ какую нибудь премію-иконку, или что нибудь другое; а не знаютъ того, что онъ изучилъ одну только науку грамматику.

Придетъ ли отецъ къ своему дитяти, или дядя, тетка, дитя превосходно приветствуетъ ихъ рѣчью, или оно прекрасно играетъ комедію, или же съ вѣнчикомъ на головѣ ловко услуживаетъ предъ алтаремъ, или же свѣчки длиннымъ шестомъ тушить, звонить въ колокольчикъ, искусно кланяется, исповѣдывается каждую недѣлю..... Іезуиты обучаютъ дѣтей грамматикѣ Альвара, которая очень трудна для пониманія и этихъ только отнимаютъ у нихъ время. Причины такого обученія сѣдующія: 1) чтобы, при долгомъ пребываніи дѣтей въ школахъ, имѣть болѣе отъ нихъ пользы т. е. долѣе получать подарки отъ родителей, 2) чтобы, чрезъ долгое пребываніе дѣтей въ школахъ лучше узнать ихъ нравъ, 3) чтобы воспитать дитя сообразно своей цѣли и такимъ образомъ управлять его молодостію, 4) чтобы имѣть отговорку, когда захотятъ отобрать дитя,—пусть пройдетъ по крайней мѣрѣ, грамматику, которая служитъ основаніемъ образованія и послѣ того его можно будетъ взять, 5) чтобы задержать въ школахъ до мужескаго возраста.—Если послѣ этого іезуиты подмѣтять, что кто нибудь изъ ихъ учениковъ хорошихъ способностей, или степенный, или ожидаетъ наслѣдства или пособія отъ родственниковъ, словомъ, если іезуиты подмѣтять въ немъ какую нибудь пользу для себя, то они стараются такого ученика задержать у себя и не выпускаютъ его; а если ученикъ кое—какихъ способностей, или родители желаютъ взять его, или же самъ не хочетъ учиться—такого свободно отпускаютъ. Вышедши изъ іезуитской школы, ученики обращаются съ просьбой къ отцамъ іезуитамъ, чтобы они пристроили ихъ къ жизни. Іезуиты обыкновенно выхлопочутъ имъ такія должности, при которыхъ они могли бы быть вѣрными ихъ орудіями; богатыхъ же учениковъ, оставляющихъ ихъ школу, они заклинаютъ, чтобы они не забывали полученныхъ отъ нихъ благодѣній, помня постоянно то, что Богу, родителямъ и учителямъ нельзя довольно отблагодарить. Въ силу этого правила требуютъ не забывать ихъ, какъ благодѣтелей и учителей—навѣщать ихъ, часто исповѣдываться у нихъ, содѣйствовать ихъ обществу, часто ходить въ ихъ конгрегацию и много другихъ условій навязываютъ своимъ ученикамъ, которыми такъ опутаютъ молодаго человека, что ему трудно бываетъ прійти къ сознанію неправоты всѣхъ этихъ требованій.

Въ такихъ чертахъ представляли современники образъ

дѣйстви́й іезуитовъ, какъ воспитателей древней Польши и подвластной ей тогда западной Россіи, несшей вѣсть съ нею горькую долю іезуитскаго вліянія.

Руководства при составленіи статьи: *Obraz Litwy pod względem jej cywilizacji od czasów najdawniejszych do końca wieku XVIII—Яршевича. Historia narodu polskiego.—Нарушевича. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w Litwie.—Лукашевича. Dzieje kościołów wyznania Helweckiego w dawnej małej polsce—Лукашевича. Historia szkół w Koronie i w wielkim Księstwie Litewskiem od najdawniejszych czasów aż do roku 1795—Лукашевича. Słowo dziejów polskich—Короновича.—Chowanna—Третовскаго. Pisma rozmaite—Снядецкаго. (См. Под. Еп. Вѣд.)*

А. Павловичъ.

В О З В А Н І Е

**настоителя съ братією жиролицкаго монастыря
въ усудію благодѣтелей.**

Христоролюбивыя благодѣтели!

Литовской епархіи, въ Гродненской губерніи, въ 8-ми верстахъ отъ уѣзднаго города Слонима и въ 25-ти отъ московско-варшавскаго шоссе, при почтовой дорогѣ, въ живописномъ положеніи, находится мѣстечко Жировицы и въ немъ удивленно стоитъ мужской второклассный монастырь Жировицкій. Маленькое чистенькое мѣстечко это, мало замѣтное при громадныхъ монастырскихъ церквахъ и жилыхъ зданіяхъ, пользуется громкою извѣстностью въ сѣверо-западномъ краѣ съ той поры, какъ прошла молва о прославленномъ многочисленными чудесами явленномъ образѣ Божіей Матери, именуемой Жировицкою.

Нерукотворенный образъ этотъ, съ рельефою на камнѣ выдавшимся ликомъ Богоматери, на рукахъ держащей Предвѣчнаго Младенца, по преданію и сохранившимся письменнымъ памятникамъ, являлся дважды: первый разъ въ 1470 году на грушевомъ деревѣ, надъ источникомъ, другой, лѣтъ 50 спустя, на большомъ камнѣ. На обоихъ мѣстахъ явленія Богоматери основаны и донынѣ существуютъ два храма. Одинъ, въ память перваго явленія,—соборный Успенія Божіей Матери, и въ немъ явленный образъ Пречистой въ великолѣпномъ неоготическѣ византійскаго стиля помѣщается на правой сторонѣ у царскихъ вратъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ впервые явился на деревѣ. Подъ образомъ сохранился источникъ, струившійся вовлѣ дикой груши, гдѣ являлась чудотворная

икона. Вѣра народа всегда питала къ этому источнику особенное уваженіе и приписывала ему чудодѣйственную силу. Другой храмъ устроенъ на камнѣ, на которомъ была обрѣтена чудотворная икона Богоматери. Благочестіе христіанъ уважаетъ на равнѣ съ святою водою источника камень этотъ, служащій основаніемъ престолу.

Къ этой святынѣ не только православные, но и иновѣрцы питали и питаютъ глубокое благоговѣніе. Едва былъ положенъ первый камень въ основаніе храма, гдѣ Матерь Божія явила благодатное свое присутствіе, какъ къ нему съ вѣрою и молитвою притекали знатнѣйшіе вельможи края и, смиривъ царственное величіе, являлись простыми богомольцами въипеносцы.

Въ половинѣ XVI столѣтія, въ Жировицахъ уже существовалъ православный монастырь съ многочисленнымъ братствомъ, знаменитый во всей Бѣлоруссіи и Литвѣ, по строгому подвижничеству иноковъ и по упорной борьбѣ, которую до послѣдней крайности велъ онъ съ усилившимся тогда въ западномъ краѣ латинствомъ и уже появившеюся униєю. Въ эту несчастную годину, въ началѣ XVII столѣтія, Жировицкій монастырь сдѣлался добычею униатовъ.

Но отъ перехода святыни въ руки неправославныхъ не померкла слава чудотворной Жировицкой иконы. Къ ней по прежнему стекались оставшіеся вѣрными своей святой матери сыны православной церкви и тѣмъ пламените заливали свою душу предъ чудотворнымъ образомъ, чѣмъ большимъ подвергались гоненіямъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что святыня жировицкая, ежегодно привлекая къ себѣ изъ разныхъ странъ десятки тысячъ пѣллонниковъ, спасла народъ отъ забвенія и вѣрѣ православной и предохранила его отъ совращенія въ латинство.

Православная обитель жировицкая болѣе двухъ столѣтій находилась въ рукахъ иновѣрцевъ. Когда настала конецъ испытанію здѣшняго края, Провидѣнію угодно было избрать обитель жировицкую мѣстомъ подготовленія великаго дѣла—возвращенія униатовъ на лоно церкви православной. По духу и мысли великаго іерарха литовскаго, 1828 года въ основанной имъ жировицкой семинаріи образовались и подготовлялись ревностные пастыри церкви, будущіе дѣятели и участники торжественнаго воссоединенія. По благодати Божіей, подъ руководствомъ опытнаго кормчаго, главнаго виновника воссоединенія, послѣднее мирно совершилось въ 1839 году.

„Премудрый Зиждитель“, говорилъ доблестный архипастырь нашъ въ одномъ изъ своихъ словъ, „избралъ для обновленія литовской церкви не блестящій градъ, а смиренный уединенный уголокъ, находящійся подъ особеннымъ покровомъ пречистыя Дѣвы, прославленной въ чудотворной иконѣ жировицкой. Здѣсь, благодію Божіею, предстательствомъ небеснаго Владычицы преобразилась мы вѣрою, возвратясь къ

чистымъ догматамъ древнїи православныи церкви; преобразились духомъ, возвратясь въ сообщество съ родною нашею матерію—всероссійскою церковію, преобразились сердцемъ, обновя чувства родственной любви къ великому нашему русскому племени и русскому отечеству“.

Въ своемъ особенномъ вниманіи къ святыни жировицкой незабвенный архипастырь нашъ, вслѣдъ за воссоединеніемъ, здѣсь же, въ жировицахъ, сосредоточилъ управленіе обновленной имъ Литовской церкви, возвысивъ храмъ жировицкій въ кафедральный соборъ, а бывшую униатскую семинарію преобразилъ въ чисто православную. Въ 1845 году, по особымъ видамъ и цѣлямъ правительства, и соборъ и семинарія перенесены въ Вильну; въ Жировицахъ же остались монастырь, штатомъ возведенный уже во второй классъ, и при немъ духовное уѣздное училище.

Таковы судьба и исторія жировицкой обители. Много тревогъ и радостей испытала она. Воссоединеніе униі съ православіемъ было важнѣйшимъ, совершившимся въ ней событіемъ: оно было вѣнцомъ славы, которою съ самаго явленія пользовалась жировицкая чудотворная икона Божіей Матери. Стоя на западной границѣ православной Россіи, обитель жировицкая безспорно стала первою въ православной литовской странѣ и въ ряду лучшихъ обителей сѣверо-западнаго края.

И по своему наружному виду жировицкая обитель, заслуживаетъ полнаго вниманія. Въ народныхъ религіозныхъ вѣснѣхъ сохранилось преданіе, что вельможи и царственные лица, прїѣзжавшія въ Жировицы на поклоненіе, смотрѣли на монастырь, какъ на рѣдкость по его красотѣ и устройству. Въ немъ три отдѣльныхъ каменныхъ храма: соборный, съ тремя прїдѣлами, явленія Божіей Матери на камнѣ, воздвиженіе честнаго Креста и четвертый деревянный кладбищенскій Святаго Великомученика Георгія. Всѣ эти храмы имѣютъ для мѣстной обители и края глубокое историческое значеніе. Всѣ зданія обители, называемыя подъ названіемъ древняго и новаго монастыря, съ огромными службами—каменные, крытыя гонтомъ.

Было время, когда обитель жировицкая была надѣлена богатыми угодьями: громадныя храмы ея поддерживались тогда собственными средствами; но съ 1842 года всѣ имѣнія ея, въ видахъ обезпеченія духовенства, отошли въ казну, а обитель осталась при скудныхъ угодьяхъ и при очень ограниченномъ, сравнительно съ прежнимъ, штатномъ содержаніи.

Ни глубокое уваженіе народа къ святыни жировицкой, во множествѣ стекающагося сюда, ни историческое значеніе и заслуги обители не охранили ея отъ убожества, въ которомъ она находится нынѣ. Съ сороковыхъ годовъ обитель поставлена въ невозможность поддерживать приличное благолѣпіе и цѣлость своихъ храмовъ и каменныхъ зданій; они изъ году въ годъ приходятъ въ большій упадокъ и разореніе; въ величественныхъ зданіяхъ храмовъ своды повреждены отъ

течи сквозь гонтовую крышу; въ теплоѣ храмъ приходится прекратитъ богослуженіе по причинѣ течи, поврежденія сводовъ и ужасной сырости; карнизы во всѣхъ храмахъ опадаютъ; покоши повреждены, окна сгнили, службы монастырскія разваливаются. Рѣзко бросается въ глаза лицевой соборнаго храма фасадъ, который съ 1821 года стоитъ несовершеннымъ и временно только прикрытъ. И этой недоконченности нельзя не видѣть особеннаго о жировицкой обители промышленія Божія: владѣвшіе ею базилиане имѣли намѣреніе придать жировицкому храму видъ латинскаго костела. Вообще обитель очень бѣдна и ризницю и церковною утварью и св. образамъ: притомъ монастырю негдѣ дать приюта для стекающихся сюда богомольцевъ.

Причина такой бѣдности жировицкой обители главнымъ образомъ—въ силѣ всеразрушающаго времени, въ скудости средствъ, которыми она владѣетъ, и въ нищетѣ богомольцевъ, бѣднаго здѣшняго, еще не оправившагося простаго народа, копѣчными своими приношеніями немогущаго поддержать обители, и ей, безъ поддержки извнѣ, угрожать скорый упадокъ и быть можетъ опустѣніе.

И ей ли печально склонять свою главу тогда, когда ютѣйшіе храмы радостно возносятъ свои отъ усердія ревнителей православія!?

Такое жалкое и безотрадное положеніе жировицкой обители побудило настоятеля съ братією испросить архипастырское разрѣшеніе члена святѣйшмаго синода, высокопрощеннѣйшаго *Иосифа*, митрополита литовскаго и виленскаго на сборъ добротныхъ подаваній. Упованіе на помощь Божію и Царицы небесной увѣчалось благословеніемъ и даромъ виновника воссоединенія, равно какъ и вкладомъ имѣвшаго начальника края; оно же ободряетъ насъ небезусѣбно обратиться къ усердію почитателей святынь и чудотворнаго образа Божіей Матери жировицкой съ смиреннѣйшимъ прошеніемъ—оказать обители жировицкой посильное пособіе для поддержки ея святыни и окончательнаго завершенія въ постройкѣ соборнаго храма.

Убѣжденіе говорить намъ, что зачинъ такихъ сановниковъ найдеть благотивныхъ подражателей.

Христіане-благотворители! вѣрные сыны и дщери православныя церкви! не откажите въ помощи и посильномъ пособіи жировицкой обители и вѣстѣ явите усердное содѣйствіе къ распространенію нашей просьбы между лицами, извѣстными вамъ своею благотворительностію; пригласите ихъ, молимъ васъ, Христа ради, къ пожертвованіямъ.

Ваша помощь воскреситъ обитель жировицкую; она же, възно благодарная, приметъ всякій даръ вашъ съ признательностію, и, пока будетъ существовать, не престанетъ въ своихъ безкровныхъ жертвахъ и молитвахъ предъ чудотворнымъ образомъ Божіей Матери поминать имена Христо-любивыхъ дате-

телей, вкушъ съ именами ихъ ближнихъ и сродниковъ, живыхъ и отшедшихъ ко Господу.

При семъ усерднѣйше просимъ сообщать имена благодѣлателей для внесенія ихъ въ синодикъ обителей на вѣчное поминовеніе.

Усердствующихъ къ Божіей Матери жировицкая обитель искорнѣйше проситъ присылать свои приношенія къ настоятелю Жировицкаго монастыря, архимандриту Николаю, или въ Жировицкій монастырь. О полученіи ихъ огласится въ литовскихъ епархіальныхъ вѣдомостяхъ и газетахъ. По окончаніи работъ, будетъ объявленъ подробный отчетъ о приходѣ и расходѣ пожертвованій.

Усерднѣйшій богомолецъ, настоятель Жировицкаго монастыря, архимандритъ *Николай съ братією.*

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ ВЪ М. ПОДБЕРЕЗЬѢ

3 апрѣля.

Кромѣ частныхъ случаевъ воссоединенія съ православною церковью отдѣльныхъ овецъ Христова стада, блуждавшихъ по распутіямъ папства, Пастыре-начальнику Иисусу угодно было даровать намъ недавно, не первую уже въ здѣшнемъ краѣ, усладу сорадоваться духомъ обращенію въ православіе самаго пастыря (*), съ своимъ духовнымъ стадомъ. Это отрадное для всей церкви православной событіе священнодѣйствовано преосвященнымъ Александромъ, епископомъ Ковенскимъ съ сослужащимъ, между прочимъ, и новообратившимся священникомъ о. Іоанномъ Стрѣлецкимъ, окончательно

(*) Это настоятель прежняго Подберезскаго костела ксендзь Іоаннъ Стрѣлецкій. Онъ, 20 марта, въ воскресенье, отслуживши мшу, взошелъ на кафедру и сказалъ, обращаясь къ многочисленному приходу, слово, въ коемъ изложилъ вкратцѣ исторію христіанской церкви отъ Иисуса Христа до нашихъ дней. Выводъ былъ тотъ, что единая, снятая, вселенская, т. е. католическая церковь есть православная, къ которой онъ присоединился, приглашая и своихъ прихожанъ, буде кто пожелаетъ послѣдовать его примѣру. Присоединенія въ этомъ мѣстечкѣ начались впрочемъ еще въ февралѣ, такъ что до 20 марта было уже тамъ болѣе 1000 душъ принявшихъ православіе. Ксендзь прѣхалъ въ Вильну и 24 марта, въ чистый четвергъ, былъ присоединенъ въ церкви св. Троицкаго монастыря на совершенной торжественно архіереемъ литургіи. Въздъ за тѣмъ онъ возвратился въ свой приходъ, гдѣ, подъ руководствомъ православнаго священника, въ продолженіи остальныхъ дней страстной седмицы и всей недѣли Пасхи, совершалъ въ костелѣ положенное въ эти дни уставомъ православной церкви богослуженіе, за исключеніемъ Литургіи, и разныя церковныя требы и главнымъ образомъ занимался присоединеніемъ въ православіе своихъ прихожанъ. Онъ остается главнымъ настоятелемъ своего прихода, который возведенъ на степень двупричного. Присоединеніе о. Іоанна совершенно добровольное, чистое и безупречное.

3 апрѣля въ м. Подберезьи, Виленскаго уѣзда, въ 28 верстахъ отъ Вильны.

Великое торжество православія совершалось съ подобающею ему торжественностию и сочувствіемъ къ нему весьма многихъ представителей здѣшней администраціи. Пользуясь свободнымъ отъ служебныхъ занятій временемъ, близостью разстоянія и прекрасною весенней погодой подберезскій праздникъ почтили своимъ посѣщеніемъ: начальникъ Виленской губерніи, попечитель виленскаго учебнаго округа, съ своимъ гостемъ изъ С. Петербурга Ѳ. М. Сухотинымъ, и многими лицами служащими по министерству народнаго проsvѣщенія, игуменя виленскаго дѣвичьяго монастыря съ нѣкоторыми сестрами, виленскій вице-губернаторъ, голова города Вильны, чиновники по крестьянскимъ дѣламъ и мировымъ учрежденіямъ, мѣстный ксендзъ деканъ (благочинный), съ однимъ изъ сосѣднихъ приходскихъ ксендзовъ, нѣсколько окрестныхъ помѣщиковъ р. католическаго вѣроисповѣданія, редакторы Вѣстника западной Россіи и многія другія лица изъ г. Вильны. Что касается простаго народа, мы выразимся безъ преувеличенія, если скажемъ, что его собралось, по различнымъ побужденіямъ, изъ всей окрестности несмѣтное множество. Не смотря на обширность храма, — недавняго костела (площадь котораго можетъ вмѣстить до 2000 человекъ), не только весь онъ былъ переполненъ народомъ, но и просторные хоры, и погостъ церковный, и площадь передъ храмомъ и волостнымъ управленіемъ. Само собой, большинство собравшагося на православный праздникъ народа было — не православное. Этотъ религіозный дуализмъ оказался замѣтно во время подхожденія ко кресту по окончаніи всего богослуженія, а особенно при раздачѣ архиереями крестиковъ народу, на память совершившагося событія. Такихъ крестиковъ осталось довольно нерозданными, не смотря на многочисленность присутствовавшихъ во храмѣ христіанъ и красоту устройства крестиковъ на розовыхъ, голубыхъ и бѣлыхъ ленточкахъ. Когда мы подходили къ нѣкоторымъ неподвижнымъ кружкамъ и заохочивали ихъ къ полученію крестиковъ, не смотря на ясные резоны наши на счетъ безразличія крестиковъ,

чьибъ они ни были,—пятились назадъ, возражая, что они уже имѣютъ *польскіе* крестики. Обратите вниманіе на этотъ эпитетъ тѣ, которые не видите связи между полонизмомъ и папизмомъ, и знайте, что пока будутъ заправлять народной совѣстью латино-польскіе ксендзы — фанатики, вся сила перваго будетъ исключительно почерпаема въ послѣднемъ. Даже не весь приходъ отца Іоанна Стрѣлецкаго принялъ православіе: много его прихожанъ коснѣтъ еще *пока* въ латинствѣ, укоренявшемся здѣсь вѣками и встрѣчающемъ, какъ кажется, особенно сильную поддержку въ женскомъ полѣ простолюдыя, какъ болѣе невѣжественномъ, живущемъ сердцемъ и воображеніемъ, на которыя дѣйствовать ксендзы — безпримѣрные артисты. Въ настоящее время принявшихъ православіе слишкомъ 1500 жителей м. Подберезья. Но судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно съ достовѣрностью полагать, что въ скоромъ времени присоединится и весь приходъ бывшаго подберезскаго костела и примѣру его послѣдуютъ многіе другіе сосѣдніе приходы, съ ихъ ксендзами — настоятелями. Мы слышали также, что нѣкоторые, болѣе благоразумные помѣщички, — прихожане этого костела, — выразили готовность принять православіе съ своими семействами и поэтому не только не препятствовали, но даже содѣйствовали къ обращенію въ православіе своимъ *оффиціалистамъ*, т. е. прислугѣ, состоящей болѣею частию изъ р. католической шляхты.

Освященіе храма началось въ 10 часовъ. По окончаніи его, инспекторъ виленской д. семинаріи, о. архимандритъ Модестъ произнесъ назидательное слово, приспособленное къ характеру событія. Непосредственно послѣ него сказалъ поученіе на жмудскомъ языкѣ извѣстный священникъ о. Антоній Петкевичъ, тоже принявшій назадъ тому четыре года православіе со всѣмъ своимъ приходомъ. Движеніе народныхъ массъ къ проповѣднику, напряженное вниманіе къ проповѣдуемому, наглядно говорили въ пользу проповѣди для жмудиновъ, — разумѣется, преходящаго поколѣнія, — на ихъ народномъ языкѣ, который не имѣетъ того сходства съ русскимъ, какое имѣетъ польскій

языкъ. Въ концѣ литургіи, виленскій священникъ о. Петръ Левицкій произнесъ энергичное слово, направленное къ обличенію важнѣйшихъ заблужденій напаста, и заимствованное весьма удачно изъ дневнаго евангелія, именно— изъ обстоятельствъ невѣрія и увѣрованія апостола Фомы. Въ обычное время литургіи, о. Іоаннъ награжденъ набадренникомъ, а новообращенные сподобились тѣснѣйшаго единенія со Христомъ и православною церковію посредствомъ приобщенія тѣла и крови Христовой. Послѣ благодарственного молебствія, обычнаго многолѣтія и отпуста, предъ раздачею крестиковъ, преосвященный Александръ сказалъ рѣчь, поистинѣ миротворную: онъ указалъ и уяснилъ новообращеннымъ тотъ миръ, какой они обрѣли въ православіи со Христомъ, Его церковію и своею совѣстью. Все богослуженіе окончилось въ 3 часа.

По окончаніи богослуженія, г. начальникъ губерніи, преосвященный Александръ и всѣ гости отправились къ волостному управленію, возлѣ котораго накрыты были столы для угощенія народа и особый столикъ съ русскимъ виномъ и хлѣбомъ—солью. Наполнивъ чарку виномъ, С. Ѳ. Паниютинъ провозгласилъ тостъ за здоровье Государя ИМПЕРАТОРА и всего Царствующаго Дома; оркестръ военной музыки исполнилъ тушь и народный гимнъ: Боже царя храни; потомъ г. начальникъ губерніи провозгласилъ тостъ за здравіе г. начальника края, высокопреосвященнѣйшаго митрополита Іосифа, преосвященнаго Александра и всего православнаго духовенства, и военнаго начальника виленскаго уѣзда, князя Н. Н. Хованскаго, какъ главнаго виновника событія. Князь Хованскій, въ свою очередь, провозгласилъ тостъ за здоровье г. начальника губерніи и новообратившихся въ православіе съ ихъ пастыремъ. Всякій тостъ былъ сопровождается тушемъ военнаго оркестра и громогласнымъ ура съ подбрасываніемъ шапокъ. Въ этихъ изьявленіяхъ восторга не отставали отъ христіанъ и еврей-обитатели мѣстечка, стоявшіе на первомъ планѣ и, къ немалому удовольствію первыхъ, особенно восторжав-

шесѣ при послѣднемъ тостѣ, не понимая, быть можетъ, его значенія.

Послѣ немногосложныхъ, но вкусныхъ и сытныхъ закуски и обѣда, приготовленныхъ частію въ волостномъ управленіи, частію въ домѣ настоятеля Подберезекой церкви, гости оставили Подберезье, унеся съ собою ту полноту душевнаго счастья, которая достается въ удѣлъ не часто, не многимъ, и которая никогда не забывается.

ВИЛЬНА 5 Апрѣля 1866 года.

Съ самаго утра нашъ городъ представлялъ необыкновенное зрѣлище. Русскіе, поляки, а особенно евреи толпами расхаживали по улицамъ, группировались въ кружки, то тихо, въ испугѣ, то съ жаромъ и сильною жестировкой, толковали о чемъ-то необыкновенномъ. Чѣмъ ближе къ полудню, тѣмъ больше и больше разширялись кружки, росли толпы народа, заливаго и площадь возлѣ ратуши, и улицы, и тротуары. Вотъ потянулась безконечная вереница экипажей къ Духову монастырю, звонкій большой колоколь котораго призывалъ людей русскихъ на молитву.

Что случилось? Отчего это все народонаселеніе Вильны покрыло ея площади и улицы? О чемъ толкуютъ эти группы народа? Зачѣмъ это всѣ спѣшать въ обитель Св. Духа, не въ урочный часъ молитвы? Все это отъ того, что услужливый телеграфъ извѣстилъ Вильну о не слыханномъ доселѣ въ православной, доброй, царелюбивой Россіи покушеніи на жизнь лучшаго изъ царей земныхъ, на жизнь Воскресителя, Просвѣтителя, Освободителя, Монарха—отца Россіи; все это отъ того, что Вильна пошла благодарить Царя царей за чудодѣйственное спасеніе Имъ той жизни, за которую мы отдалибы тысячи нашихъ, еслибъ ихъ имѣли.

Да, въ Россіи случилось великое горе, окончившееся безграничнымъ восторгомъ. Въ числѣ 70 миліоновъ сыновъ Россіи напелся выродокъ—безъ ума и сердца, который думалъ, движеніемъ своей святотатственной руки, погасить нашъ свѣтъ и жизнь, убить наше счастье и радость. Развѣ этотъ безумецъ не

зналъ, что „жизнь царя нашего въ рукѣ Божіей, что безъ воли Его, рана не приблизится къ тѣлу Христа Господня, что, хотя бы смерть похищала вокругъ него тысячи и тмы, къ нему не приблизится, потому что Богъ повелитъ ангеламъ своимъ защищать его, во всѣхъ путяхъ его, отъ всякаго зла“? Развѣ этотъ извергъ, мѣтившій разомъ въ главу и сердце Россіи, думалъ, что „Богъ оставилъ насъ“, что око Провидѣнія перестало бодрствовать надъ вертоградомъ православія, что судьбы Россіи можетъ измѣнить одинъ гнусный убійца? Развѣ этотъ цареубійца думалъ встрѣтить сочувствіе своему злодѣянію хоть бы въ душѣ враговъ и завистниковъ Россіи? Они не такъ ужъ испорчены и безнравственны, чтобы жаждали крови Вѣнценосца, осыпавшаго подвластные ему народы тѣми благодѣяніями, одна перечень которыхъ составить лучшее украшеніе всемірной исторіи. Не только современники, но и отдаленное потомство поставитъ имя злодѣя, сквернившаго своимъ дыханіемъ русскій воздухъ, рядомъ съ именами Каина, Иуды, но отнюдь не съ именами записанныхъ въ исторіи цареубійць; потому что рука нашего цареубійцы была устремлена на жизнь, достойную безсмертія; потому что ни одинъ вѣнценосецъ не былъ болѣе достоинъ благословеній человечества; потому что нашъ Монархъ меньше всѣхъ въ мірѣ заслуживалъ тотъ ударъ, которымъ хотѣлъ поразить обожаемаго нами царя и насъ самихъ, быть можетъ, наемный убійца. — Когда мы читали о покушеніяхъ на жизнь нѣкоторыхъ вѣнценосцевъ, мы съ негодованіемъ относились къ ихъ злодѣяніямъ, хотя отчасти понимали причины этихъ замысловъ, и потому намъ никогда не приходило и на мысль, что подобная опасность можетъ угрожать милостивому, благосердому и мудрому Повелителю Россіи. Но опытъ показалъ, что и въ „семьѣ Россіи не безъ уродъ“. Такой опытъ не пройдетъ для насъ безъ назиданія: теперь мы тѣснѣе сгруппируемся вокругъ престола русскаго, зорче будемъ слѣдить за движеніемъ не только руки, но и мысли сомнительныхъ личностей, и если подмѣтимъ въ комъ либо хоть одинъ косій взглядъ на Того, кто сидитъ на этомъ престолѣ, мы вырвемъ

движеніе глазъ на какое нибудь другое, болѣе блестящее.

Мы не предрѣшаемъ вопроса: кто посягнулъ на драгоценнѣйшую для Россіи жизнь; но все таки не можемъ уединиться отъ предположенія, что злодѣй долженъ быть или изъ среды кинжалщиковъ, вѣшателей, отравителей, или изъ малаго числа тѣхъ представителей нигилизма, тѣхъ духовъ отрицанія, которые готовы принять на себя *заказную* роль *подставныхъ* убійцъ и посягнуть на царубійство для самоубійства.

Съ такимъ волненіемъ разнородныхъ ощущеній и мы поспѣшили въ домъ Божій на горячую благодарную молитву къ Царю царствующихъ за спасеніе жизни Царя нашего. Богъ видитъ, какъ тепло мы молились о здравіи, благоденствіи и долгоденствіи Ангела - хранителя Россіи и, конечно, „милостивно услышитъ мольбы рабовъ своихъ о Царѣ своемъ“ и приложитъ Ему лѣта на лѣта, радость на радость. На многихъ глазахъ мы подмѣтили слезы умиленія и ту смѣсь грусти съ радостью, которая была отраженіемъ характера событія, и которая не можетъ быть уловлена ни перомъ, ни кистью. Молебствіе совершилъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ. Обширный храмъ Св. Духа такъ былъ переполненъ молившихся, что съ трудомъ можно было колѣнопреклониться. Пришли благодарить Бога за печаль русскую, претворенную Имъ на радость, не только всѣ православныя власти и дѣти Россіи, но и латинствующіе, и полякующіе, и даже ученики раввинскаго училища и многіе другіе евреи. Изъ храма Божія всѣ чины военные и гражданскіе, всѣ воспитанники учебныхъ заведеній, въ томъ числѣ и раввинскаго училища, люди всѣхъ званій, сословій, поспѣшили въ домъ г. главнаго начальника края, генераль-адъютанта фонъ-Кауфмана—выразить въ лицѣ его свои восторженныя, вѣрнопоподаннѣйшія чувства предъ обожаемымъ Монархомъ. Залы дворца не могли вмѣстить всѣхъ, желавшихъ подѣлиться съ любимымъ начальникомъ своимъ восторгомъ. „Привѣтствую васъ, русьзя, сказалъ Константинъ Петровичъ. съ сохране-

нѣтъ десницею Провидѣнія драгоцѣннѣйшей для насъ жизни, нашего безцѣннаго Монарха. Душевно радуясь, что это грустное и вмѣстѣ радостное событіе встрѣчено вами, не смотря на разность вѣроисповѣданій, съ тѣмъ искреннимъ сочувствіемъ, которое воодушевляетъ теперь всѣхъ насъ.“ Громовое ура! потрясло своды зданій и не умолкало долго—долго!

Съ нами Богъ, разумѣйте языцы и покоряйтесь, яко съ нами Богъ!

Виленскіе евреи отнеслись къ событію, поразившему и обрадовавшему Россію, такъ же сочувственно, какъ и всѣ другіе сыны ея. 6-го апрѣля, въ главной виленской еврейской синагогѣ, совершенно было слѣдующее благодарное молитвословіе: а) народъ читалъ хвалебныя псалмы Давида, а канторъ съ хоромъ повторяли послѣдніе ихъ стихи; б) народный проповѣдникъ совершилъ молитву предъ кивотомъ; в) раввинъ произнесъ молебствіе на русскомъ языкѣ; г) канторъ произнесъ съ хоральнымъ пѣніемъ псалмы 19, 20, 71 и 90; д) хоръ пропѣлъ народный гимнъ на священно-еврейскомъ языкѣ. Синагога не могла вмѣстить и пятой части евреевъ, желавшихъ возблагодарить Бога за спасеніе русскаго Монарха; остальные стройными рядами стояли и молились на улицѣ. Замѣчательно, что вмѣстѣ съ мужчинами молились, вопреки обычаю, и почетнѣйшія женщины и дѣвы еврейскія. По исполненіи народнаго гимна, евреи долго и дружно провозглашали: ура! да здравствуетъ Императоръ! Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ.

**ПОСВѢЩЕНІЕ ВАМЪТѢ С. ПЕТЕРБУРГСКИХЪ ГАЗЕТЪ
О ДОУМЛЕНІИ НА ЖИЗНЬ ГОСУДАРЯ ИМПЕ-
РАТОРА, 4-го апрѣля.**

Сегодня, въ четвертомъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ на Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоценныя дни Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится.

С. Петербургъ 4 апрѣля.

Возблагодаримъ Бога. Его десница отвратила отъ Росіи величайшее бѣдствіе, которое ее могло бы постигнуть. Жизнь Государя Императора сохранена Его Царственному семейству и великой семьѣ русскаго народа. Преступный замыселъ не осуществился; пуля злодѣя не коснулась Государя, и Его чудесное спасеніе видимо обнаруживаетъ, что драгоценныя дни Его охраняются Провидѣніемъ. Въ ту минуту, когда Государь Императоръ, въ сопровожденіи Герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго и Его сестры Принцессы Маріи Максимиліановны Баденской, выходилъ изъ воротъ Лѣтняго сада у Невы, неизвѣстный человекъ, въ простомъ платьѣ, направилъ пистолеть на Его Величество и готовился выстрѣлить, почти въ упоръ. Это замѣтилъ находившійся вблизи городской; онъ вскрикнулъ, а преступникъ, случившійся подлѣ преступника, толкнулъ его руку. Выстрѣлъ раздался; но пуля вылетѣла, не причинивъ Государю никакого вреда. Имъ крестьянина, которому Богъ даровалъ счастье быть орудіемъ Своего благаго Промысла, отнынѣ принадлежитъ нашей исторіи. Мы спѣшимъ передать его. Онъ крестьянинъ Осипъ Ивановъ Коммиссаровъ, уроженецъ Буйскаго уѣзда Костромской губерніи. Неизвѣстный преступникъ задержанъ тотчасъ, на самомъ мѣстѣ преступленія, съ двухствольнымъ пистолетомъ въ рукѣ; одна пуля въ немъ еще оставалась. Государь Императоръ, сохранивъ свойственное Его обычной неустранимости спокойствіе духа, приказалъ отправить арестованнаго къ шефу жандармовъ, а Самъ тотчасъ посѣтилъ Казанскій соборъ, для принесенія молитвы о Своемъ спасеніи, и затѣмъ изволилъ возвратиться въ Зимній

дворецъ. Между тѣмъ Герцогъ Дейхтвинбергскій и Принцесса Баденская прибыли въ комнаты государственнаго совѣта для извѣщенія о случившемся предсѣдательствовавшаго въ совѣтѣ Великаго Князя Константина Николаевича. Засѣданіе только что кончилось. Великій Князь поспѣшилъ въ Государю, а члены совѣта и чины канцеляріи, бывшіе еще въ сборѣ, отправились въ большую церковь Зимняго дворца для совершенія благодарственнаго Господу Богу молебствія, и затѣмъ къ Его Величеству, для выраженія одушевлявшихъ ихъ вѣронощданническихъ чувствъ. Государь Императоръ соизволилъ благосклонно принять ихъ. Вскорѣ Его Величество, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей и въ сопровожденіи всего Августѣйшаго Семейства, снова посѣтилъ Казанскій соборъ, а по возвращеніи оттуда изволилъ принимать собравшихся между тѣмъ въ Зимнемъ дворцѣ генераловъ, офицеровъ гвардіи, артиллеріи и флота и разныхъ другихъ чиновъ и лицъ, со всѣхъ концовъ города сѣвшихшихъ во дворецъ при первомъ извѣстіи о случившемся. Тамъ же находился и крестьянинъ Коммиссаровъ, котораго Государь соизволилъ возвести въ потомственное дворянское достоинство. Вѣсть о чудесномъ спасеніи Государя быстро разнеслась повсюду. Уже на площади предъ Казанскимъ соборомъ собралась толпа народа, привѣтствовавшая Ихъ Величества радостными восклицаніями. Вокоръ вся Дворцовая площадь покрылась массами народа. Крики ура не умолкали. Государь, какъ намъ сказывали, выходилъ на балконъ и потомъ проѣзжалъ въ коляскѣ среди густыхъ рядовъ привѣтствовавшихъ его вѣронощданныхъ. Общій восторгъ воодушевлялъ ихъ. Вечеромъ во всѣхъ церквахъ столицы совершалось благодарственное моленіе, и толпы народа, входившія и выходившія изъ храмовъ, служили очевиднымъ доказательствомъ тѣхъ чувствъ, которыя наполнили въ это время сердце каждаго изъ жителей Петербурга.

О личности преступника мы ничего еще не можемъ сообщить опредѣлительнаго. Ему сѣ. небольшимъ 20 лѣтъ. Онъ чисто говоритъ по русски. Разслѣдованіе производится.

(Сѣвер. Поч.)

Въ Русск. Инвалидѣ пишутъ: Сегодняшній день намъ предостойтъ прежде всего говорить о совершившемся событіи, гибельные результаты котораго предотвращены были всеблагимъ Божиимъ Промысломъ. Судя по тому напряженному положенію, въ которомъ находился сегодня весь городъ, мы убѣждены, что всѣ наши городскіе читатели, не смотря на то, что мы по недостатку времени не имѣли возможности разослать особаго прибавленія всѣмъ здѣшнимъ подписчикамъ, уже знаютъ о томъ злодѣйскомъ покушеніи, которое совершенно было противъ Особы Государя Императора, точно также, какъ знаютъ они и то, что Провидѣнію

угодно было для счастья Россіи сохранить драгоценную жизнь Царя, Который Своєю Державною рукою начерталъ такой широкой планъ для нашей новой государственной жизни. Всевышнему угодно было отворотить руку позорнаго злодѣя, который однимъ движеніемъ могъ лишить Россію царствениаго Руководителя, открывшаго намъ новый путь для развитія благоденствія, положившаго твердыя и неизблennyя начала для нашей народной дѣятельности, которая въ будущемъ принесетъ обильные плоды для русскаго государства. Съ ужасомъ и чувствомъ глубокаго омерзѣнія заносимъ мы этотъ печальный фактъ на страницы нашей газеты, съ искреннимъ сожалѣніемъ думаемъ о той средѣ, въ которой могутъ выработываться такія личности, если только человекъ, покушавшійся на жизнь Государа Императора, не безумецъ, лишившійся послѣдней капли здраваго разсудка, и съ радостію возносимъ молбы за спасеніе жизни Государа, драгоценной для каждаго русскаго гражданина. — Ниже мы приводимъ подробности злодѣйскаго умысла.

Видѣвъ съ тѣмъ, мы обязаны указать и на того человека, которому выпала завидная доля быть орудіемъ Провидѣнія и предохранить жизнь Царя. Какъ въ XVII вѣкѣ родоначальникъ нынѣ Царствующаго Дома былъ спасенъ отъ злодѣйскихъ рукъ крестьяниномъ Костромской губерніи, такъ и сегодня завидный жребій—отвести руку злодѣя—выпалъ на долю костромскаго же крестьянина Комисарова. Всякій русскій живетъ всегда съ готовностію не только защищать своего Царя, но и ежeminутно пожертвовать своею жизнью за Него. Въ этомъ отношеніи нѣтъ различія между состояніями: первый образованный дворянинъ, воспитанный въ роскоши, и послѣдній поселянинъ, едва имѣющій понятіе о первоначальныхъ потребностяхъ для человѣческаго существованія, однаково готовы положить свою жизнь за Царя. Въ этомъ нѣчто не усумнится, тѣмъ болѣе, что русская исторія во бѣдѣ подобными призрами. На этотъ разъ однако руку злодѣя отъ царственной груди отвелъ человекъ, принадлежащій къ тому сословію, которое своею гражданскою жизнью и всѣмъ своимъ настоящимъ и будущимъ обязано Царю-Освободителю.

Монаршая милость возвела Комисарова въ дворянское достоинство: Фамилія эта, съ которою отнынѣ будетъ соединяться воспоминаніе радостнаго для Россіи дня, будетъ однимъ изъ лучшихъ украшеній русскихъ дворянскихъ фамилій.

Вчерашній день, 4-го апрѣля, въ то время, когда Его Величество изволилъ прогуливаться въ Лѣтнемъ Саду, народъ въ ожиданіи выхода Государа изъ сада, собрался у Его экипажа. Среди этой толпы, воодушевленной чувствами преданности и любви къ Монарху, имя котораго проносится народомъ

вечные какъ съ благоговѣиємъ и признательностью, находилась злодѣй съ позорнымъ намѣреніемъ покуситься на драгоценную для насъ жизнь. Но, благодаря Бога, злодѣйскій умыселъ не осуществился, намѣреніе не перешло въ дѣло, и страницамъ русской исторіи суждено было остаться по прежнему незапятнанными кровавыми преступленіями. Наши лѣтописи не сохранять на память потомкамъ того гнуснаго преступленія, которое неслѣдственно русскому народу. Благодарственный Промыслъ хранилъ судьбу Того, Кто такъ необходимъ въ настоящую минуту для Россіи. Въ то время, когда преступная мысль, созрѣвшая въ головѣ злодѣя, готовилась перейти въ дѣло, Провидѣніе, для отвращенія несчастія отъ Россіи, избрало своимъ орудіемъ простаго крестьянина Осипа Ивановича Комисарова.

Осипъ Комисаровъ молодой человекъ, 25 лѣтъ отъ роду, родился въ селѣ Молвитино, Буйскаго уѣзда, Костромской губерніи (1). Имѣніе это принадлежит барону Кистеру, а самъ Комисаровъ былъ временно-обязаннымъ крестьяниномъ барона. Будучи отданъ довольно давно въ ученіе въ Петербургъ, къ шапочному мастеру Садову, онъ дошелъ до званія подмастерья и женился на крестьянкой дѣвушкѣ, отъ которой имѣеть восьмилѣтнюю дочь. Подмастерьемъ у Садова оставался Комисаровъ до 4-го числа, когда судьбѣ угодно было вдругъ измѣнить всю его жизнь. Будучи въ этотъ день именинникомъ, онъ отправился помолиться Богу на Петербургскую сторону въ часовню, находящуюся при домикѣ Петра Великаго. Подойдя къ Невѣ у Мраморнаго дворца, онъ увидѣлъ, что мостки разобраны и переправиться на ту сторону рѣки нѣтъ уже возможности. Тогда онъ вернулся обратно и, подходя къ Лѣтнему Саду, увидѣлъ, что у воротъ стоитъ экипажъ, около котораго собралась толпа народа. Узнавъ, что коляска эта Государя, который Самъ прогуливается по Лѣтнему Саду, Комисаровъ, желая имѣть счастье видѣть Государя, присоединился къ толпѣ и началъ ожидать имѣть съ другими. Вскорѣ толпа зашевелилась и онъ увидѣлъ Государя въ сюртукѣ. Подойдя къ коляскѣ, Государь началъ надѣвать шинель. Въ это самое время, какой-то молодой человекъ сталъ весьма сильно проталкиваться впередъ мимо Комисарова. Уже давно человекъ этотъ старался пробраться впередъ, однако Комисаровъ, желая самъ видѣть ближе Государя, не пропускалъ его. Въ это же время злодѣй особенно сталъ напирать на Комисарова, который, уступая его усиліямъ, пропустилъ его наконецъ впередъ. Но въ то же время, видя особенную назойливость этого человека, Комисаровъ пропустивъ его впередъ, началъ за нимъ слѣдить. Едва только злодѣй очутился вблизи Государя, который въ это время надѣвалъ шинель, какъ Комисаровъ замѣтилъ, что выступившій впередъ, вынулъ изъ подъ

(1) Въ 12 верстахъ отъ рѣчки Сусалына.

своего пальто пистолетъ и началъ цѣлить въ Государя. Тогда Комисаровъ быстро ударилъ злодѣя подъ локоть. Рука выстрѣ съ пистолетомъ поднялась къверху; курокъ щелкнулъ, но выстрѣлъ, благодаря Бога, принялъ направленіе вверхъ. Вслѣдъ затѣмъ злодѣй былъ арестованъ, а Комисаровъ остался смущеннымъ и растерявшимся въ толпѣ.

Такимъ образомъ драгоценная для Россіи жизнь Государя Императора была спасена. Вслѣдъ затѣмъ Его Величество возволилъ отправиться въ Казанскій Соборъ для принесенія благодарности Создателю, Который чрезъ Свое скромное орудіе отклонилъ руку злодѣя отъ Царской груди.

Вѣсть о злодѣйскомъ покушеніи разнеслась по городу съ быстротою. Всѣдъ пошли разговоры, всякій интересовался знать, въ какой степени былъ справедливъ слухъ о событіи, подобнаго которому не было еще примѣра въ русской исторіи. Вскорѣ все дѣло разъяснилось. Государственные сановники—члены государственнаго совѣта, бывшіе въ это время въ зазданіи въ Зимнемъ дворцѣ, первые нѣзли счастье видѣть Государя и выразить Ему то тягостное чувство страха, которое возбуждаетъ подобный гнусный умыселъ и ту радость, которая повята въ сердцѣ каждаго русскаго при извѣстіи, что десница Божія предохранила Царя. Къ семи часамъ собрались въ Зимнемъ дворцѣ всѣ генералы, офицеры и всѣ лица, имѣющія прѣздъ ко двору. Всякій съ нетерпѣніемъ ожидалъ выхода Государя и каждый передавалъ другому чувства его волновавшія при полученіи имъ извѣстія о совершившемся покушеніи. Во всемъ этомъ собраніи не было человѣка, который бы могъ составить себѣ хотя какое нибудь понятіе о цѣлѣ гнуснаго преступленія и о характерѣ личности, задавшей такую преступную мысль. Всѣ душевно радовались только тому, что злодѣйство не успѣло осуществиться. Восторгъ былъ неописанный, когда Государь изволилъ появиться среди собравшихся. Сказавъ нѣсколько милостивыхъ словъ присутствующимъ, Онъ пожелалъ видѣть Комисарова. Взоры всѣхъ съ жадностію устремились на молодого человѣка весьма обыкновенной наружности и едва средняго роста. Выразивъ ему свои Монаршія чувства, Государь Императоръ тутъ же изволилъ заявить, что жалуется Комисарову дворянское достоинство. Громогласное и многократное ура было единодушнымъ откликомъ на выраженіе Монаршей милости.

Затѣмъ всѣ, бывшіе въ Зимнемъ дворцѣ отправились въ Преображенскій Соборъ на благодарственное молебствіе. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ, а около дворца собралась до самаго поздняго вечера огромная толпа народа, желавшая видѣть своего Царя-Освободителя и лично убѣдиться, что спасена драгоценная жизнь Того, Который такъ необходимъ для прочнаго развитія и укрѣпленія началъ, обуславливающихъ нашу гражданскую жизнь, цѣлостъ и единство государства, его безопасность и его будущую судьбу.

Отнынѣ имя Комисарова будетъ извѣстно цѣлой Россіи; оно будетъ переходить отъ одного поколѣнія къ другому, а къ многочисленнымъ русскимъ дворянскимъ родамъ, стяжавшимъ себя заслугу предъ отечествомъ своими доблестями, присоединится еще одинъ—родоначальникъ котораго, освобожденный Царемъ Александромъ II, спасъ для Россіи жизнь своего Освободителя.

Въ *С.-Петербургѣ*. *Вѣдомостяхъ*, между прочимъ пишутъ:

Вѣсть объ ужасномъ событіи быстро распространилась по всему городу и глубоко поразила умы всѣхъ. Жизнь того, кого Россія привыкла считать своимъ державнымъ преобразователемъ, въ комъ видитъ она залогъ своего благоденствія, кого русскій народъ при жизни чтитъ своимъ Царемъ-Освободителемъ, Государемъ народолюбивымъ и благодѣтелемъ,—находила въ опасности! Болѣзненнымъ, тяжелымъ впечатлѣніемъ отзовется это ужасное событіе по лицу всей земли русской и еще кричитъ, еще сердечнѣе оно свяжетъ всѣ сословія съ обожаемымъ Монархомъ, еще ревностнѣе и еще дружнѣе они станутъ всѣ около престола охраняя Его державный покой (1). Перстъ Провидѣнія указываетъ ясно, что Ему вручены судьбы Россіи; что надѣляя русскій народъ тѣми благами, которыя исходили изъ Его любящаго сердца, Помазанникъ Божій исполнялъ волю охраняющаго Его Провидѣнія. Да благоденствуетъ же обожаемый Монархъ и да спасетъ Его покровъ Всевышняго отъ всякой бѣды и напасти, отъ всѣхъ скорбей и несчастій. Въ этой искренней, задушевной молитвѣ сольются шестьдесятъ милліоновъ русскихъ людей, на всемъ пространствѣ благодарной, облагодѣтельствованной имъ Россіи.

(1) Статья наша написана до полученія газетъ, и сходство этого мѣста съ нашимъ подобнымъ же доказываетъ только вѣрность и нормальность воззрѣнія на предметъ. Ред.

ОПЕЧАТКИ VI КНИЖКИ:

Напечатано:

нужно читать:

Отд. IV, стран. 368 строка 15—тѣмъ

тамъ

< строка 17—кирилловку

кулишовку.

< < 33—обороты

обороты польскіе.

Подстрочное примѣчаніе въ Отд. I., стран. 62 помѣщено по ошибкѣ.

ВИЛЬНА 10-го АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Радости нашей нѣтъ предѣловъ; не будетъ конца. Торжество русской Вильны 5 апрѣля было только предтечей того праздника русскаго, который дарованъ Россіи Богомъ, спасшимъ безцѣнную для насъ жизнь Царя русскаго, и который Россія не преминетъ, конечно, освящать нарочитымъ торжествомъ церковнымъ и гражданскимъ въ роды вѣчныя. Начальникъ сѣверо-западнаго края Россіи, генераль-адъютантъ Фонъ-Кауэманъ отправился 6-го апрѣля въ столицу—съ тѣмъ, что бы лично повергнуть съ стопамъ Монарха чувства безграничнаго, невыразимаго восторга русской Вильны по случаю чудеснаго избавленія Его отъ страшной опасности, а Россіи отъ безпримѣрнаго злополучія. Возвратъ Константина Петровича и отвѣтное слово на привѣтъ Вильны великодушнаго Монарха дало ей новый поводъ и побужденіе къ воспроизведенію праздника 5-го апрѣля въ болѣе широкихъ и грандіозныхъ размѣрахъ. Этотъ праздникъ совершился 10-го апрѣля; къ нему мы теперь больше были подготовлены душою, чѣмъ нѣтъ дней тому назадъ и последнее торжество Вильны явилось въ такомъ отношеніи къ первому, въ какомъ является колоссальная картина къ своей миниатюркѣ.

Праздникъ нашъ, какъ и должно быть въ православной Россіи, начался въ Домѣ Того, Кто другой разъ даровалъ Россіи обожаемаго Монарха, начался въ храмѣ „Царя небеснаго, Утѣшителя, Сокровища благихъ и жизни Подателя—Святаго Духа,“ пославшаго на мѣсто грозившей Россіи тяжелой утраты человека, который шелъ на молитву, по случаю своего новолѣтія въ „домикъ“ Великаго предка нашего Монарха и тѣмъ уже подготовленъ былъ и освященъ къ совершенію святаго, незабвен-

наго въ летописяхъ Россіи подвига (*). Богослуженіе и молебствіе совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій со всѣмъ виленскимъ духовенствомъ; задушевное и ошогичное слово произнесъ священникъ о. Антоній Пщолко. Въ главѣ г. главнаго начальника края, принимали участіе въ благодарной къ Богу молитвѣ всѣ начальствующіе, всѣ чины воинскіе и гражданскіе, всѣ сословія разныхъ вѣроисповѣданій и прибывшіе на праздникъ русскій старшины, старосты и выборные всѣхъ волостей Виленскаго уѣзда. Обширный храмъ Св. Духа не могъ вмѣстить въ себѣ и двадцатой части всѣхъ, желавшихъ молиться Царю небесному „о Царѣ своемъ.“

Второй актъ праздника начался въ домѣ любимаго начальника края, привезшаго Царское спасибо восторженной Вильнѣ. Въ залахъ дворца могло вмѣститься только духовенство, начальствующіе и служащіе разныхъ вѣдомствъ и представители разныхъ сословій и званій, въ томъ числѣ и выборные отъ народа Виленскаго уѣзда. Скоро въ средѣ собравшихся появился генераль-адъютантъ Фонъ-Кауфманъ; мертвое молчаніе воцарилось въ залахъ дворца, наполненныхъ 2000 человекъ. „Я былъ свидѣтелемъ, — сказалъ начальникъ края, — неопианнаго восторга Вильны, выраженнаго ею по случаю извѣстія о чудесномъ спасеніи Провидѣнемъ нашего Монарха отъ руки посягавшаго на Него злодѣя. Я счелъ своимъ долгомъ повергнуть лично вѣрнопопданнѣйшія чувства ваши къ стопамъ Монарха нашего и теперь имѣю счастье объявить вамъ Его душевную благодарность за преданность вашу и сочувствіе къ совершившемуся надъ Нимъ событію. Государь Императоръ приказалъ мнѣ увѣрить васъ, что заявленные, по случаю покушенія на Его жизнь, новые опыты преданности Ему сыновъ нашего отечества усугубятъ Его ревность и силы на поприщѣ Его великаго служенія и поднятія нравственныхъ и матеріальныхъ интересовъ подвластныхъ Ему народовъ.“ Восторженное ура! бы-

(*) Мы думаемъ, что, для болѣе нагляднаго увѣковѣченія подвига О. И. Комисарова, прилично было бы наградить его золотой медалью на георгіевской (или другой) лентѣ, право ношенія которой преемственно переходилобы къ старшему въ родѣ Комисаровыхъ. Медаль могла бы быть исполнена хоть такъ: на одной сторонѣ можетъ быть означено: 4 Апрѣля 1806 года; на другой изображеніе портрета Государя Императора, надъ Нимъ око Провидѣнія, а вокругъ подпись: „за спасеніе жизни Императора Всероссійскаго АЛЕКСАНДРА II Осипомъ Ивановичемъ Комисаровымъ.“

ло отвѣтомъ Вильны на слова Константина Петровича и переданнымъ имъ слова Государя Императора. Тѣже почти слова повторилъ начальникъ края во всѣхъ кружкахъ и всякій разъ взрывъ всеобщаго восторга потрясалъ стѣны зданія. Когда Константинъ Петровичъ обошелъ всю залу, всѣ присутствующіе пропѣли народный гимнъ; безконечное и громовое ура! снова потрясло стѣны зданія; г. главный начальникъ края общался и это новое выраженіе восторга и вѣрноподданческой преданности Вильны повергнуть къ стопамъ Государя Императора; новое громовое и безконечное ура!

Третій актъ виленнаго праздника произошелъ на дворцовой площади. Чтобъ описать его, нужно бы выдумать краснорѣчіе, составленное изъ красокъ, словъ и звуковъ; потому что порознь ни одно изъ этихъ краснорѣчій не можетъ передать и одной трети явленія, а особенно той полноты душевнаго восторга, который искрился во взорахъ, свѣталъ на физиономіяхъ, слышался то въ глухомъ гулѣ, то въ громовыхъ взрывахъ восторга огромной массы народа. Только верхняя сторона явленія отчасти можетъ быть уловлена слухомъ и зрѣніемъ и передана словомъ. Но и эта сторона была полна такой торжественности, нарядности, широты, величія, что нужно перо весьма искусное для того, чтобы набросать хоть слабый эскизъ нашего праздника. Не обладая такимъ перомъ, мы назовемъ только предметы по имени, перечислимъ детали картины. Обширная площадь предъ дворцомъ, смежныя съ нею улицы и тротуары были покрыты сплошными массами народа; кто не могъ добиться мѣста на площади, особенно дѣти, тѣ вскарабкались на деревья, на фонарные столбы, разобрали на домахъ черепичныя крыши, глядѣли оттуда на сцену и сообщали картинѣ оригинальныя частности и усложняли ея разнообразіе. Посрединѣ площади уставлены были длинный рядъ столовъ, для угощенія прибывшихъ на виленскій праздникъ выборныхъ отъ народа. Возлѣ фонтана расположился военный оркестръ. Генераль-адъютантъ фонъ-Кауфманъ, въ сопровожденіи генералитета и другихъ сановниковъ, обошелъ всю площадь, всѣхъ привѣтствовалъ радостнымъ для Россіи событіемъ; оркестръ игралъ народный гимнъ, десятки тысячъ голосовъ, отъ полноты души, полной грудью, гремѣли безконечное и оглушительное ура! Съ площади начальникъ края возвращался въ дворецъ. Предъ параднымъ въ него входомъ—новый сюрпризъ: воспитанники и воспитанницы разныхъ еврейскихъ учебныхъ заведеній составили хоръ и дважды повторили народный гимнъ, сопровождавшійся тѣмъ же кличемъ

восторга, которымъ такъ былъ богатъ этотъ незабывный день и который, на этотъ разъ, почти исключительно выходилъ изъ устъ евреевъ, наполнявшихъ внутреннюю предъ дворцомъ площадь. Не можемъ, говоря объ этомъ финалѣ нашего торжества, не замѣтить, что онъ могъ бы быть исполненъ далеко удачнѣе въ артистическомъ отношеніи, но мы цѣнили и цѣнимъ въ этомъ финалѣ болѣе намѣреніе, нежели исполненіе.

Вечеромъ данъ былъ для сельскихъ гостей Вильны даровой спектакль, которымъ, особенно „Ночнымъ“ они восторгались до безконечности. Танцы только не на всехъ изъ нихъ произвели благоприятное впечатлѣніе. Съ трудомъ можно было увѣрить навѣрныхъ сельскихъ зрителей, что ноги танцовщицъ обтянуты трико; нѣкоторые изъ нихъ краснѣли, закрывали глаза, особенно при болѣе смѣлыхъ и замашистыхъ па. Замѣчательно, что выборные отъ народа умѣли кричать *bis*, послѣ исполненія народнаго гимна.

10-го и 11-го городъ былъ иллюминированъ (*).

12-го АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Какъ въ жизни частныхъ людей, такъ и въ жизни царей и царсвъ, радость весьма часто смѣняется горемъ и наоборотъ. Апрель 1866 года едва не принесъ Россіи большаго горя, чѣмъ апрѣль 1865 года, едва не осиротилъ ее, не утасилъ ея свѣта и жизни. Всеблагое Провидѣніе сохранило православное наше отечество отъ этого страшнаго злополучія; намъ не доставало чувствъ и мыслей, словъ и слезъ умиленія для выраженія нашей благодарной молитвы Богу, для выраженія нашего восторга. Русская Вильна явилась на всероссійскомъ праздникѣ благородною соперницей всехъ другихъ городовъ и веселъ русскихъ, не исключая и столичныхъ. Ея молодые русскія силы полнѣе, быть можетъ, другихъ ощущали ту новую жизнь, которая повѣла на нее и на весь здѣшній, такъ еще недавно—вполнѣ—русскій край, отъ русскаго Престола, задушевѣе, быть можетъ, другихъ прочувствовали ту опасность, которая угрожала ея Об-

(*) Описаніе виленскихъ праздниковъ 10-го и 12-го апрѣля предлагается подписчикамъ Вѣстника въ видѣ отдѣльныхъ приложеній, потому что оно писано по выходѣ книжки.

ковителю, и то счастье, которое объяло всю Россію во случаѣ чудеснаго избавленія отъ этой опасности.

Но и среди увлеченій нашего восторга, мы не забыли несчастья, поразившаго Россію вообще и Виновника недавнихъ торжествъ въ частности, въ прошломъ году. 4-е апрѣля 1866 года не изгладило изъ нашего сердца и памяти роковаго 12 апрѣля 1865 года, унесшаго въ вѣчность Первенца Отца отечества нашего, Любимца и надежду Россіи. Мы вспомнили этотъ тяжкій день и послѣзили къ Тому, въ десницѣ Котораго жизнь царей и царствъ, предъ престоломъ Котораго мы бывали слагать и наши мольбы и благодаренія, и наше горе и радость. Въ храмѣ Святаго Духа 12 апрѣля собрались тѣ же русскіе, которые молились въ немъ 5 и 10 апрѣля, но они уже молились не „о здравіи и долгоденствіи,“ а объ „упокоеніи со святыми“ того, кто молится теперь за Россію на небѣ и молитвами котораго, быть можетъ, отведена рука убійцы, устремленная на жизнь его Отца. Заупокойную литургію совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, въ сослуженіи, между прочимъ, двухъ архимандритовъ, а панихиду о упокоеніи со святыми блаженной памяти Наслѣдника всероссійскаго престола, Великаго Князя Николая Александровича, онъ же, со всѣмъ виленискимъ духовенствомъ. На лицахъ молившихся проглядывала глубокая грусть сквозь неуспѣвшую еще вполне застыть недавнюю радость. Отъ глубины души всѣ вторили сердцемъ заупокойному пѣнію клира: вѣчная память!

ВЪРЖАНІЕ 7-Й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 18⁶⁵/₆₆ ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

I. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.—1) Грамота польскаго короля Александра, данная смоленск. еп. Іосифу Солтану на разныхъ имѣніяхъ. 1504 г. Стр. 1.—2) Фундушеская записка епископа смол. Іосифа Солтана супрасльскому монастырю имѣній Топляца, Батюты, и Пыщова. 1506 г. Стр. 6.—3) Фундушеская записка Александра Ивановича Ходковича, данная супрасльскому монастырю на имѣніе Хороща. 1510 г. Стр. 9.—4) Дароушеская записка Константина Богдановича Долмата для причта цеперской церкви 8 уделокъ земли, а для самой церкви разныхъ церковныхъ утарей. 1622 г. Стр. 15.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

БЫЛЪ первый Іжедмитрій? (окончаніе) А. Добротверскаго. Стр. 1.
БСКАЯ эмиграція до и во время послѣдняго польскаго мятежа. 1831-63 г. Глава 10-я. Стр. 15.
ГОРИЧЕСКАЯ монографія г. Гродны. Ш. Вебротскаго. Стр. 28.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ДОСТОРОЖЕНІЕ „Голосу.“ Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

РЖЕНІЕ ямчества въ Вильнѣ. Драматическія сцены изъ временъ вел. кн. лит. Ольгерда. Соч. С. Жалутина. Стр. 1.
ОДНЫЯ движенія венгерскихъ руссиновъ. Стр. 39.
ЫВОКЪ изъ рачи на львовскомъ сеймѣ русскаго депутата Петрушевскаго. Стр. 47.
ЪМА о папствѣ. Письмо 1-е. Святская власть папъ. А. Елещнаго. Стр. 49.
ВО при освященіи св. Михаиловской, кладбищенской церкви въ Фастовскомъ приходѣ. Стр. 56.
ВО въ день восшествія на престолъ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Стр. 61.
ДНЕНСКІЯ письма. Стр. 69.
ХОТВОРЕНІЕ: Отрывокъ изъ письма. Стр. 72.
ДЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— Инструкція о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія. Стр. 73.— Освященіе иерархическія въ мѣс. Судимшчахъ и Рухойняхъ Стр. 78.— Слово по освященіи рухойнской церкви. Стр. 79.— Корреспонденціи изъ Метербурга 1 и 2. Стр. 83.— Совѣтъ газеты „Страхопудъ“ львовскому сейму о способѣ рѣшенія русскаго вопроса. Стр. 86.
ЗДНОВАНІЕ 19 февраля 1866 г. въ молитвенномъ домѣ вилненскаго раввинскаго училища. Стр. 87.
МАРКА деревянной посуды въ Вильнѣ. Стр. 96.
ПРЕСПОНДЕНЦІЯ изъ Новогродъ-Волынска. Стр. 99.
ЕРКЪ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви. Стр. 102.
АТКІЯ сзденія о каменецкихъ православныхъ церквахъ и р. католическихъ костелахъ. Стр. 109.
ВУНТЫ какъ воспитатели Польши и западной Россіи въ XVI столѣтіи. Стр. 112.
ЗВАНІЕ настоятеля жировицкаго монастыря. Стр. 121.
ВЯЩЕНІЕ церкви въ м. Подберезян. Стр. 134.
ЛБНА 5 апреля 1866 г.— Шашкетія и замѣтки с.-петербургскихъ газетъ о поку-

О Т Д Ъ Л Ъ I.

11. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССИИ. — 1) **Възвѣщеніе** польскаго короля Александра, дающая Смоленск. еп. Юсефу Солтану на разные имѣнія. 1506 г. Стр. 1.— 2) **Оундушевскія** записи епископа ехона Юсефа Солтана супрасльскому монастырю имѣнія Топидецъ, Батюлы, и Пыщеза. 1506 г. Стр. 3.— 3) **Оундушевскія** записи Александра Гваномича Ходкевича, доннаго супрасльскому монастырю на имѣніе Хороше. 1510 г. Стр. 9.— 4) **Дарственные** записи Константина Богдановича Додмата для причта цеперской церкви 8 унгольскихъ земель, а для самой церкви разныхъ церковныхъ утварей. 1622 г. Стр. 15.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

О БЫЛІИ перваго Ежидимітрія? (окончаніе) **А. Добротворскаго**. Стр. 1.
 ПИСКАЯ эмиграція до и во время послѣдняго польскаго мятежа. 1831-63 г. Глава 10-я. Стр. 15.
 ИСТОРИЧЕСКАЯ эмиграція г. Цодны. **И. Боброевскаго**. Стр. 28.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

ВДОСТОГОЖЕНІЕ „Годосу“ Стр. 1.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

ВЕРЖЕНІЕ дѣлчества въ Вильнѣ. Драматическія сцены какъ времена вел. кн. лит. Ольгерда. Соч. **С. Казукина**. Стр. 1.
 ВРОДЫИ движенія венгерскихъ руссификовъ. Стр. 39.
 ВЪЗНОКЪ изъ рѣчи на львовскомъ сеймѣ русскаго депутата Петрушевскаго. Стр. 47.
 ВЪСѢМА о панетѣхъ. Письмо 1-е. Сѣвтекская власть папѣ. **А. Елецкаго**. Стр. 49.
 ВЪЗНО при освещеніи св. Михаиловской, владимирской церкви въ Фастовскомъ приходе. Стр. 56.
 ВЪЗНО въ домъ исповѣданій на престолѣ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II. Стр. 61.
 ВДНЕНСКІИ письма. Стр. 69.
 ВХОТВОЖЕНІЕ: Опынокъ изъ письма. Стр. 72.
 ВЪЗМѢЩЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.— **Иностранціи** о порядкѣ продажи казенныхъ земель въ западныхъ губерніяхъ лицамъ русскаго происхожденія. Стр. 73.— **Освященіе церквей**: въ мѣ. Судничкаль и Рухойнѣхъ. Стр. 78.— **Слово** по освещеніи рухойнской церкви. Стр. 79.— **Корреспонденція** изъ Петербурга 1 и 2. Стр. 83.— **Совѣтъ** газеты „Страхъпудъ“ львовскому сейму о способѣ ршенія русскаго вопроса. Стр. 86.
 ВЪЗДНОВАНІЕ 19 февраля 1866 г. въ молитвенномъ домѣ вилненскаго раввинскаго училища. Стр. 87.
 ВЪЗМЪРКА деревенной посуды въ Вильнѣ. Стр. 96.
 ВЪЗСНОДЕНІИ изъ Новогродъ-Вольнска. Стр. 99.—
 ВЪЗРКЪ отношеній польскаго государства къ православію и православной церкви. Стр. 102.
 ВЪЗТКІИ свидѣнія о каменецкихъ православныхъ перевалахъ и р. католическихъ костелахъ. Стр. 109.
 ВЪЗУЩІИ какъ воспитатели Польши и западной Россіи въ XVI столѣтіи. Стр. 112.
 ВЪЗМѢЩЕНІЕ пастораля жиролицкаго монастыря. Стр. 131.
 ВЪЗМѢЩЕНІЕ церкви въ м. Подберезьѣ. Стр. 134.

ВЕСТНИК

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Вильна

1866.

M
P
E
A
C

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18⁶⁵₆₆

ВЫШЛА VIII.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Digitized by Google

Дозволено Цензурою 18-го Мая 1866 года. Вильна.

К.

№ 12-й.

**МАТЕРІАЛЫ ДЛѢ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ
ЗАПАДНОЙ РОССІИ.**

1.

**Уставъ общежитія, данныйъ супрасльскому
монастырю ктиторами его Іосифомъ Сол-
таномъ, митрополитомъ кіевскимъ, и Але-
ксандромъ Ивановичемъ Ходкевичемъ, мар-
шалкомъ в. кв. литовскаго. 1510 г.**

Указъ устава общаго монастыря у скрай (на берегу) рѣ-
кы соуприясы.

Въсе святыхъ святого въ тройци единого всесилнаго
Бога произволеніемъ, якоже преблагый господь нашъ
Іисусъ Христось вся творить промышленіемъ нашему
спасенію и тотъ единый да просвѣтитъ и вразумитъ
насъ, благодатию святого духа еже на пользу нашу
вѣся строить:— Сего ради мы Іосифъ милостию божію
архіепископъ митрополитъ кыевскій и галицкый и вѣсея
руси, О церкви божіей имѣя попеченіе и богомъ по-
рученнѣмъ ми стадѣ братства нашего иноческаго обще-
го жительства. Хотючи създати монастырь и благо-
вѣрный и христіолюбивый сынъ нашего смѣренія панъ
Александръ Ивановичъ Ходкевичъ маршалокъ госпо-

даря самодержавного короля и великаго князя Жигимонта, съ нами единоумно съвѣщавше, хотя быти оба два посполитые (общіе) ктиторы, тоя ново цѣвѣтуща ангелскыя ограды Промышленіемъ и даромъ госнода нашего іисуса христа, и заступленіемъ царицы богородицы матере бога нашего, и ихъ святыя милости угодирика святого апостола и евангелиста ноанна богослова, молитвами и помощію и въсѣхъ святыхъ угодишнихъ христу богу. Похотѣхомъ единоумно нашею доброю волею и накладомъ (иждивеніемъ) сружити монастырь инокомъ мнишескаго общаго равножителства у пана александра ивановича ходкевича, у отчизной пущи блудовской, на край рѣки супраслы, на островѣ межн дву источниковъ водныхъ рѣчокъ грабовки и березовки:— Въ лѣто 7018 (1510), индикта 14 при дрѣжавѣ господаря короля и великаго князя жигимонта казимировича. Мы іосифъ митрополитъ, и панъ александръ ивановичъ, нашею любовію и желаніемъ, начахомъ създати сій монастырь общій, мѣсяца октовря. И напервей сружена бысть церковь невелика теплаа, въ имя святого ноанна богослова, и трапеза на прихождение братіи. И освященна бысть таа церковь, преосвященнымъ митрополитомъ кыевскимъ и въсея руси іосифомъ, на обрѣтеніе святыя главы предтечи и крестителѣ іоанна, маіа 25 дне индикта 14. И потомъ сружена бысть великаа церковь пречыстыя богоматере, честнаго ея благовѣщенія, съ предѣлы святыхъ мученикъ бориса и глѣба, нареченныхъ въ святомъ крещеніи романа и давида. И святыхъ преподобныхъ отецъ печерскыхъ антоніа и ееодосіа. Сіа же святыя божіа церкви освященны быша прѣосвященнымъ митрополитомъ кыевскимъ и въсеа руси.

Въ честь и хвалу и славу и поклоняніе и гнѣніе всерѣшителной, единосушной тройци, отцу и сыну и свя-

тому духу единому богу, А събраннымъ живущимъ въ сеі святѣй лаврѣ посполито всему еже о христѣ братству обще въ купѣ живящимъ, на отпущеніе грѣховъ, и на спасеніе душамъ. а отшедшимъ отъ тѣлесъ душамъ въ наслѣдіе царства небеснаго егоже и господь богъ сподобитъ и насъ всѣхъ получитьи о христѣ ісусѣ господи нашемъ, ему же слава вѣкы аминь:—

И помовивши (переговоривши) о томъ и съ сыномъ нашимъ паномъ александромъ ивановичомъ ходкевичомъ, и съ всимъ еже о христѣ братствомъ. хотячи утврѣжденіе мѣти общему жилелству, по уставу божественнаго писанія. добровольне единоумно завѣтъ положихомъ. игумену и братіи в томъ монастыри живущимъ. питія піаного всякого меду и пива. и вина горѣлого недрѣжати и не пити. и въ приношеніи, питія піаного непримати. пити имъ квасы овощевы и солодовыи безъ хмелю. такожде и въ господскыя праздники. и въ свята великыхъ святыхъ кваса медовеныи добрыи безъ хмелю мѣрно по указу по коновце (ковшу), а не до піана. такожде и ястіе итѣти. Понедѣльникъ, срѣда. пятокъ сухояденіе по 9 часѣ. вторникъ дважды безъ масла. а в четверкѣ з масломъ. ащели в кои отъ сихъ дній прилучитя праздникъ великій. тогда ясти по уставу божествному. А итѣне и молитву въ церкви съборнѣ дрѣжати имъ, по уставу святыхъ отецъ. въсенощное на кѣждую неделю итѣти имъ. заутреня и часове. обѣдня. и вечерня. и павечерня. и послѣ павечерни ити кѣждому въ своа келія змѣчаніемъ. одному здругимъ бесѣды не творити и не пити. удрѣжано бысть сіе мнихомъ отъ святыхъ отецъ. а на работу монастырскую исходити имъ всимъ равно кромѣ неделника. по уставу и по повеленію игумену. И игумену, и всей братіи, никакова стяжанія в келіахъ всебе не мѣти. развѣ одежда тѣлесныя. а книгъ и работу келейныя. Всякую потрѣбу и одежду мѣти всимъ съ скарбу (казны) церковного. Одежду всѣмъ носити равну. сукни (рясы) костиньскыя. кожухы бараніи. нижли игу-

мену, и священно инокомъ тымъ носити сукни ческыя. а игумену з монастыря отъ братія неотлучатись. Развѣ нужда и потребности великыя. О што коли ехати до господаря земского, или до пана ктиторе. або до именій церковныхъ для осмотра. ино игумену ехати звѣданіемъ братскимъ. и братя обравши духовнѣйшихъ братовъ дву или трехъ, снимъ посылають. а въ имѣніахъ церковныхъ безчине (до безобразія) не упиватись а немешкати много. дѣла осмотревши исправивши зася ехати въ монастырь. И всякыя дѣла и справы монастырскыя, справовати игумену съ икономою. и посполу (совмѣстно) стою братією, которыежъ уставлены на строеніе монастырское. и не мытися у мылни (въ бани). токмо кромѣ нужда великыя, или немощнота. А приходы монастырскыя, пѣнязи, сорокоусты и задушныя уписы. изъ именій платы грошевыя и куничныя. и тежъ хто што на монастырь дастъ. или игумену, или которому брату, то все имѣти имъ общо. и вси тые рѣчи и дачки маеть брати икономъ, посполу с тою братією ихъ же уставлено на то. и повеленіемъ игуменовымъ дати мають у скарбъ церковный. а которому брату пригодитъ взяти милостыню, ино тогдажъ отдати подскарбіему, а всебе не дрѣжати. а што коли тые врядники монастырскыя възмьятъ въ монастырь золотыхъ и пѣнезей и платіа и коней и иныхъ подачокъ. то все они мають писати у реистръ приходъ оный подъ свѣдомомъ. а што тежъ кому або на которые потребности съ скарбу церковного выдадутъ тое все мають писати у реистръ расходъ оный на память и въ каждый годъ они мають игумену и всей брати приходу и расходу личбу (счетъ) выдати. а которые православные хрестіане старыя и младыя, усхотятъ иноческое общее житіе тое лавры. игумену тыхъ въскорѣ не пострыгати, но дати имъ два мѣсяци або три, а иному и 7 мѣсяць. да пребудуть расмотря уставъ житія монастыря, кому да сподобаеть и слюбить неисходно жити въ монастыри до кончины жи-

вота но обѣту своему такового постричь. и постриженна своего игумену з братією вонъ з монастыря не пускати, развѣ нужда великыя. а приписать в монастырь всякого входящего въ мнишеское житіе братолюбезно безъ укупа. Нижли хто што маєтъ, своею доброю волею в монастырь дастъ тое приимати у скарбъ церковный. а вбогаго ничтоже имущаго такожде приимати въ общее братство. а входящихъ мниховъ, три дни дрѣжати, пока осмѣрятъ житія тое лавры. усхочетъ жити неисходно з монастыря, таковаго приимати. а тые одежда мнишескыя хто в чомъ приидетъ снять съ него и захвати у скарбу церковномъ. и на него дати всяку одежду, какъ на котораго брата того монастыря и таковаго з монастыря не пускати. а естли бы нѣкако дяволскимъ навоженіемъ, или нужда ради великыя. таковаго входящаго мниха лучится пустити з монастыря. ино съ таковаго вся одежда монастырская сняти. а за ея дати ему его пръвую одежду в чомъ пришолъ, и с тымъ его отпустити. а игумену братю всю имѣти въ любви. и внаказаніи. Яко всимъ имъ имѣти общее пребываніе по уставу божественнаго писанія дрѣжати. а нерадивыхъ и ленивыхъ навчати игумену з братією на путь господень какъ ихъ богъ въразумитъ. ащели которыи преслушникъ и ропотникъ будетъ иметъ в недбалости (въ нераденіи) жити наказаніа и игумена, таковаго игумену казнити. за пръвый выступъ у подклете дваи дни дрѣжати. и постъ о хлѣбе и о водѣ, а за другый выступъ 4 дни. а за третій выступъ 6 дней. а на седмый пустити. а естли и черезъ тое иметъ допускаться винъ. ино игумену събравши братѣ, токоваго стязати словы и прозбою братскою. абы отъ таковаго безчинія просталъ. пабли о таковыя заповѣди нерадити начнетъ. таковый прииметъ казнь церковную, рекше сѣденіе. аще ли таковаго наказаня церковнаго nebudeтъ послушенъ. таковый будетъ яко преступникъ закону и уставу общаго житія. ино таковаго из монастыря вы-

слати вонъ. абы однимъ безчинникомъ болшая съблозна у братію невходила. а самому игумену и иишимъ отъ братіи кромѣ трапезы не ясти, развѣ нужда ради великы. аще пригодится (случится) игумену где послати потребности ради монастырскыя, никако единого брага да не посылаетъ, но дву или трехъ. а робять в монастыри не дрѣжати ни на науку ни на послугу не принмати. а женскому полу всякому в монастырь не ходити. сій чинъ единоумно съ вѣщавше положили есмо штожь игумену и з братею тое все тврѣдо дрѣжати и не порушно. И тое все утврѣдили есмо симъ нашимъ листомъ. записнымъ, з нашими печатми привѣсемъ. Писанъ у монастыри на супраслы. В лѣто 7018, мца октября индикта 14.

Списано изъ находящейся въ архивѣ супрасльскаго монастыря тетради, состоящей изъ нѣсколькихъ документовъ, къ этому монастырю относящихся, написанныхъ славянскимъ уставомъ на пергаментѣ. Тетрадь эта въ описи состоитъ подъ № 1.

2.

Выписъ изъ минскихъ уголовныхъ трибунальныхъ книгъ фондушевой записи Раины изъ Воловичей Огинской (*) на учрежденіе при церкви въ Кронѣ (ковенскаго уѣзда) мужскаго монастыря. 1629 г.

Я раина григоровна воловичовна огинская подьморина троцка вѣсмъ вообще и каждому сособни теperешнимъ и потомъ будучимъ людямъ чиню явно тымъ

(*) Огинскіе ведутъ свой родъ отъ русскихъ князей дна Владимира Св. Польскіе летописцы, а за ними и позднѣйшіе писатели (Koiat. in Miscell. и авторъ книги Annibal ad portas) говорятъ, что одинъ изъ предковъ Огинскихъ сражался съ поганцами Батыя вмѣстѣ съ русскими князьими. Праправнукъ Владимира Св., въ 9 поколѣніи, *Юрій Федоровичъ* князь на Ко-

вѣсто фундаціоннымъ записомъ, ижъ што еще славной памяти зошлѣи съ сего свѣта его милость князь Богданъ окгинскій подкоморій троцки малжонокъ (мужъ) мой за жизни своей весполъ (совмѣстно) со мною ранною воловичевою малженкою своею маючи отъ всемогущаго бога великія добродѣйства, а хотячи, абы зато уставичная (постоянная) хвала имени его святому была добровольнѣ з великою охотою въ маетности нашей на имя кронъ въ поветѣ ковенскомъ лежащей, церковь заложеня пресвятой и живоначальной тройцы змуровали (построили изъ камня—кпрпча) а умысливши одностайне при той церквѣ монастырь заложити и офондovati (основать), въ записѣ расправы своей на тую церковь и монастырь кронскій записать рачилъ (извоилъ) певную (извѣстную) сумму пѣнязей двѣ тысячи копъ грошей литовскихъ; таковымъ способомъ позволяти мнѣ

звльскѣ, около 1514 года, при королѣ Сигизмундѣ I. переселился съ двумя сыновьями въ Литву изъ смоленской области, вскорѣ послѣ покоренія ее поляками, и получилъ здѣсь отъ короля во владѣніе богатая *маетности*. Старшій сынъ его *Владимиръ* (у Нѣсецкаго, всячески старавшагося скрывать православіе описываемыхъ имъ литовско-русскихъ фамилій, даже въ тѣ времена, когда на всемъ пространствѣ литовско-русскихъ областей не было ни одного р. католика и вовсе не было еще уни, названъ онъ Владиславомъ) былъ сутудовать, вельдствіе чего прозвали его пузыромъ, а потомъ въ устахъ народа названіе это измѣнилось въ Пузыну, отъ котораго произошла фамилія Пузынговъ; а другой, младшій, *Григорій*, по пылкому, или какъ выражаются метафорически, огненному характеру прозванъ былъ во русски Огнемъ, отъ котораго собственно и ведутъ свой родъ Огнискіе. У Григорія было два сына *Димитрій*—стольникъ литовскій и *Матсей* ловчій литовскій и тивунъ виленскій.—У Димитрія тоже было два сына *Романъ* и *Федоръ*, у Федора три сына: *Григорій Богданъ* и *Петръ*, у Петра сыновья *Иоанъ*, маршалокъ брестскій, *Богданъ* и *Михаиль*. Второй сынъ Федора *Богданъ*, подстолий Брацлавскій.

Отъ *Матсея*, ловчаго литовскаго—*Федоръ*, виленскій каштелянъ, маршалокъ литовскій, отъ него сынъ *Богданъ*, каштелянъ виленскій, отъ Богдана *Матсей*, ловчій литовскій,—отъ него два сына—*Иоанъ*, стольникъ литовскій и *Мартинъ-Богданъ*, подкоморій троцкій, праправнукъ, въ 15-мъ поколѣніи, Влад. Св. Объ немъ упоминается въ конституціи 1601 г. (fol. 761), гдѣ

за тую сумму маетность какую купити и на тую церковь и монастырь кронскій фундовати, аже еще до того часа за тую сумму отъ небощика пана малжонка моего назначеную, маетности якої прикупить нездарилось (неслучилось), зачимъ и тоя фундація до skutku (до осуществленія) прийти не могла, однако я ведлугъ (согласно), по воли годной (достойной) памяти его милости пана малжонка моего маю стараніе чинить, абымъ за тую сумму вышпененную за живота своею маетность якую купити и тотъ монастырь за имя его милости пана малжонка моего надати и фундовать могла, а я тежъ сама отъ себя на тую церковь и монастырь кронскій мурованный въ маетности моей кроняхъ, гдѣ тѣло зошлого небощика (покойника) пана малжонка моего погребено есть и мое тожъ въ той же церкви грешное положить умысливши жебы (дабы) тамъ уставичная хва-

называется онъ княземъ. Сказано выше, что Огинскій переселился изъ смоленской области, но Нѣсвѣцкіи утверждаетъ, что предки Огинскихъ, вмѣстѣ съ другими русскими боярами, прибыли въ Литву изъ Москвы, вмѣстѣ съ Еленою Іоанновною, по случаю замужества ея съ королемъ Александромъ (Bielski fol. 524, Niesiecki—Kogona Polska изд. 1740 г. Т. III. fol. 417).

Этотъ то *Мартинъ-Богданъ* Огинскій славился въ битвахъ, получалъ въ награду отъ короля Сигизмунда III много староствъ и исправлялъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Онъ былъ ревнителемъ православія и осповалъ нѣсколько православныхъ монастырей и церквей: въ Кроняхъ, въ Витебскѣ—Марковъ монастырь, въ Полоцкѣ Богоявленскій и Вевейскій въ трокскомъ уездѣ. У него отъ супруги Анны Волловичевой было два сына: *Александръ*, каштелянъ троцкій, потомъ воевода минскій, былъ церковнымъ старостой минскаго православнаго Петро-Павловскаго монастыря, около 1648 года, гдѣ и скончался въ 1653 году схимникомъ, подъ именемъ *Алексѣя* (Акты г. Минска и проч. № 121, стр. 249; архивъ полоцкой дух. консисторіи, связка. 31, *de Schyzmate*), и *Иванъ*, староста кормалевскій. У Александра сыновья были первый *Богданъ*—надворный хоронжій литовскій, второй *Иванъ*—маршалокъ брацлавскій, умеръ около 1680 г. и третій *Марціанъ*—воевода троцкій, умеръ канцлеромъ Вел. Кн. Литовс. въ 1690 году.—Онъ, кажется, первый изъ рода Огинскихъ измѣнилъ православію, перешедши въ латинство. Примѣру его послѣдовали и его родственники.

ла Божія и читане молитвъ за збавеніе (спасеніе) душъ нашихъ и потомства нашего было, хотячи надать и вѣчными часы фондовать для выхованя иноковъ, которыхъ масть быть въ томъ монастырѣ особъ духовныхъ неменше десяти, и гдыжъ и больше можетъ выховати въ общемъ житіи ведлугъ преданя святыхъ отецъ тоже спсавковъ и опатрованя (надзора той церкви и монастыря певные добра (извѣстныя имѣнія) отъ имени моего кронъ и войтова которые я отъ небожника славной памяти пана малжонка моего правомъ и животнымъ себѣ записанные мѣла, а потомъ у сыновъ моихъ всѣхъ трехъ за вѣчность имъ служащую на фольваркахъ межиковскихъ и Ивановцизнѣ и селѣ названомъ жидейнамки местъ тысячей золотыхъ польскихъ заплативши, вжо вѣчистымъ правомъ въ посесію (владѣніе) свою взяла тые теды фольварки помененные межиковскіе другіи надъ рѣчкой лемшой въ которомъ иванъ панъ смоличъ мѣшкаль (жилъ) бояринъ, и село жидойнишки и кгрунты (земли) прикупные мяновито (именно) штомъ купила у пана винцентаго тавбута небожника, то есть двѣ нивы одно прозываемое резнишки, а другое ужилицки, въ повѣтѣ ковенскомъ лѣжачіе зовсімъ навсѣмъ тые фольварки и село съ кгрунтами прикупными въ своихъ границахъ, якъ се здавна передъ тымъ мѣли и теперъ мають съ будованісмъ (постройками) дворнымъ и гуменнымъ съ кгрунты великими оромыми и неоромыми съ лѣсы гаи сѣножатыми съ застѣнками (одиночные усадебы) съ подданными въ томъ селѣ мѣшкаючими съ ихъ женами и дѣтьми и съ маетностію и со всимъ и совсѣмъ, никому ни къ чему не ценные (неоштрафованные), свободные, и ниякими долгами и презысками необтяженные, велебному (преподобному) въ боژѣ гесподину отцу архимандритукронскаго монастыря въ общемъ житію будучому и всимъ по нимъ наступающимъ архимандритомъ благочестивымъ подъ послушенствомъ зверхнѣйшаго пастыря церкви святой верховной апостольской святейшаго патриарха константинопольскаго и ми-

трополита благочестиваго подъ благословеніемъ и послушенствомъ его будущимъ въ общинѣ мѣшкающимъ, дам дарую тымъ листомъ вѣчистое фундаціи моеи на помененный монастырь вѣчно запишу и фундую въ мощь и держаніе спокойное и вѣчистое уживанье вѣчными часы подаю и поступаю, а сама я съ тыхъ добръ вышъ помененныхъ не zostавуючи себѣ а ни потомству моему и жадному (никакому) съ ближнихъ кровныхъ и повинныхъ нашихъ жадного приступу, вѣчнѣ зрекаю, и вже отъ дати (числа) сего листу вѣчистое фундаціи моеи я сама ани тоже потомки мои и никто съ близкихъ и повиноватыхъ нашихъ въ тые добра вышъ помененные вступовати и жадной переказы чинити не мають и не могутъ, одна только я сама заживота своего подайцею той церкви а по животѣ моемъ веддугъ воли и росправы пана малжонка моего потомство мое которын въ благочестіи его старожитномъ подъ послушенствомъ церкви святой верховной будутъ, и они также подавцами (ктыторами) и оборонцами (защитниками) того монастыря кронскаго и добръ отъ меня записаніемъ быты мѣють однакоже жадной перешкоды въ епокойномъ держаню и уживаню тыхъ добръ чинити и наименшіе той части съ того отыскивати не мають и могчи не будутъ вѣчными часы подъ заруюю шести тысячъ копъ грошей литовскихъ и подъ нагороженемъ шкодъ (убытковъ) и накладовъ на тотъ же монастырь, о который зарую даю вольность себѣ и каждаго переказу чинячаго позвами до вшелякаго (всякаго) суда и права окомъ статутовымъ, а по заплаченю заруки предъсе тая фундація моя при зуполной (совершенной) мощи (силѣ) своей у каждаго суду и права вѣчно при той церкви заставовати маеть, а штосмо тежъ въ полъ съ небожчикомъ малжонкомъ моимъ перве сего съ доброй воли своей на честь и хвалу Бога всемогущаго въ маетности нашей въ вевейской въ повѣтъ троцкомъ лежачой на монастырь въ той маетности будущій певны добра въ фундушу нашомъ полнымъ описанные феи-

довали и подвладзу (власть) и послушенство архимандрита благочестиваго и братства церкви сошествія святого духа въ вильни будучи поддали, заставивши однакъ вольность себѣ естлибы чего боже уховай (сохрани) зьякихъ кольвекъ мѣръ помененный архимандритъ церкви святого духа виленскій благочестивыя церкви восточной и послушенства святѣйшаго патриарха константинопольскаго отступилъ; потомъ монастырь евейскій и добра до него фундованные въ моць (подъ власть) и владзу нашу взять; пре то тымъ листомъ монимъ варую (обезпечиваю), естлибы недай боже ототупникомъ отъ благочестія архимандритъ виленскій зосталъ (сдѣлался) тогда тотъ монастырь помененый намъ вевейскій зовѣми принадлежностями ему фундованными до монастыря нашего кронскаго надлежати въ моцы и въ держаніи и въ вѣды архимандрита кронскаго въ благочестіи будущаго вѣчно быти маеть, еслибы тежъ уховай боже который архимандритъ кронскаго монастыря выламаючись (уклонившись) отъ послушенства звѣрхности пастыря церкви святой восточной патриарха константинопольскаго доступка благочестія пришло; тогда таковому отступному архимандриту другія братія монастыря кронскаго не мають быти послушными але (но) межи собою альбо тожъ зъ иншаго монастыря благочестиваго обобрати мають, а естлибы—тежъ межи собою обирать и таковой згоды (согласія) мѣти не хотѣли то себѣ тымъ листомъ монимъ и конечно мѣти хочю, ижъ вольно мнѣ и потомству близкимъ и повиноватымъ (роднымъ) сынамъ церкви восточно апостольской под послушенствомъ святѣйшаго патриарха константинопольскаго отступнаго архимандрита, монастырь кронскій и вевейскій з добрами (имѣніями) имъ подданными отобразъ и в владзу (владѣніе) свою взять и знову благочестивому архимандритови отъ митрополита благочестиваго назначенному и уставичному заскимъ подать мають, и то тежъ тымъ листомъ варую ижъ послушенію зась сего свѣта архимандриты монастыря крон-

скаго монастыря весполь (совѣстно) съ подавцами (съ кти-
 торами) заразь (сейчасъ) между собою безъ жаднаго (ни-
 какаго) замѣшанія и проволокн иншаго на архимандрит-
 ство благочестиваго и ни въ чомъ неподозреннаго обо-
 брата, съ такимъ докладомъ ажъ бы въ предъ на общее
 житіе зезволилъ ведлугъ котораго естли бы тотъ архи-
 мандритъ незаховалъ братіе о томъ мають подавцомъ
 ознаимить и сполне на него, еслибы тамъ тожъ обще
 житіе нехотѣлъ поставитъ а еслибы такъже межн со-
 бою на то годнаго метъ немогли тогда маются старат-
 ся о такого побожнаго зъ иншаго монастыря и въ бла-
 гочесіи будущаго, и того межн собою за архимандрита
 мѣти безъ жаднаго сиротивленства, а еслибы который
 колвекъ архимандритъ теперешній, або который нотомъ
 будетъ общежитія примовати и въ ономъ жити не хо-
 тѣлъ тогда таковаго опустивши, волно будетъ тѣмъ же
 инокомъ при памененые церкви иннаго архимандрита въ
 обще обрати; а потомство наше такъ же и кровные и
 повиноватые наши которые бы недай Боже въ отступ-
 ствѣ православія вѣры найдовали, таковые до подавана
 монастыровъ кронскаго и вевейскаго и всѣхъ принадле-
 жностей до нихъ фондованыхъ жаднаго приступу мѣти
 не мають, и тымъ листомъ моимъ тыхъ отъ подавана
 вѣчными часы атадаляю, а митрополитови благочестиво-
 му патриархи константинопольскаго послушному въ до-
 зоръ (вѣденіе), въ моць (власть) и подаване тотъ мо-
 настырь мой даю, который будетъ повиненъ дозрѣти
 (досмотрѣть) абы никуды хвала божа вѣчными часы не-
 уставала; и то все штосе въ томъ листѣ моимъ помѣ-
 нуло моцно и непорушимо на вѣчные часы мѣти хочу,
 велебному въ бозѣ господину отцу архимандриту крон-
 скому и по немъ наступающимъ архимандритомъ благо-
 честивымъ сей мой вѣчисто фундованный листъ съ пе-
 чатью и подписомъ руки моеи власной даю а для лѣп-
 шей (лучшей) певности (вѣрности) и моцы (силы) сего
 листу моего, просили есмы о приложене печати и о под-

и ски рукъ ихъ, ихъ милости пановъ пріятелей монахъ, людей зацныхъ (достойныхъ) и пановъ сыновъ монахъ его милости пана яна огинскаго старосты кормяловскаго, его милости пана александра огинскаго хорунжаго троцкаго, его милости пана дмитра быховца подсудка троцкаго и его милости пана владыслава чаевского, которые ихъ милость на прозьбу мою учинить рачили руками своими до своего листа моего подписавши и печати свои притиснули. Писанъ въ вильни року тысяча шесть сотъ двадцать девятого мѣсяца августа втораго дня (слѣдуютъ подписи и пять приложенныхъ печатей).

Выписъ этаго документа, съ надлежащими подписями и скрѣпою секретаря троцкаго суда, находится въ архивѣ Св. Духовскаго монастыря, по описи подъ № 206/227. Писана славянскою скорописью, на большемъ пергаминаномъ листѣ, съ иллюминированными рисунками, въ родѣ бардюра, въ верху и съ правой руки. Печать виленскаго воеводства повѣшена на шелковой тесемкѣ, изъ сургуча, заключеннаго въ деревянный точенный кружокъ.

3.

Копія привилегіи короля Владислава IV, данной виленскому Св. Троицкому церковному братству и св. Духовскому монастырю, съ подтвержденіемъ прежнихъ привилегій, прежними королями (Стефаномъ Баторіемъ и Сигизмундомъ III) этому братству данныхъ. 1633 г.

Владиславъ четвертый з ласки Божой Король Польски Велики князь Литовски, Руски, Прусски, Жомойтски, Мазовѣцки, Инфлански а Шведски Кюгдски Вандальски дедичны Король. Обраны Велики Царь Московски.

Ознаймуемъ Тымъ Листомъ Привилеемъ нашимъ всемъ вобець и каждому зособна комубы о томъ вѣдати належало ижъ на томъ сеймѣ щастливой Коронаціи нашей

покладали передъ Нами братія братства виленского титуломъ святое Троицы святого Духа оудучаго духовныи и свѣцкии, чотыри Привилеи выписами с книгъ Трибунальскихъ Виленскихъ. *Одынъ* святое памети короля. Йего Милости *Стефана* писмомъ латинскимъ данный на то ижъ безъ позволеня Патриарховъ людемъ Релии Греческое до отмѣны Календаря приступовати не вольно. Подъ датою (числомъ и мѣстомъ) въ Неполомичахъ року тысьча пятсотъ осмдесять пятого мѣсяца мая осмндцатого дня. *Другий* с свѣту въ Пану Богу зешлого Пана *Отца нашего* на волное распостирание юриздикци (управленія, завѣдыванія) въ томъ панствѣ (государствѣ) Йереміи Патриарше Константинопольскому, данный подъ датою у Вильни року Тысьча пятсотъ осмдесять девятого Іуля пѣтнатцатого дня, *Третий* зась (же) тогожъ Короля Йего милости Пана Отца Нашого, на фундованне Брацтва виленского подъ тымъ Послушенствомъ Патрыаршимъ и на порядки братскне и инные sprawy церковные въ Дать Року тысяча пятсотъ осмдесять девятого мисяца Іуля дватцать первого дня. *А четвертый* отъ тогожъ Пана *Отца* нашего въ дать Року тысяча пятсотъ девяностъ третего мисяца Іуля пятого дня. До книгъ головныхъ Трибунальныхъ актыкованы (заявленны) и з нихъ выняты слово отъ слова таксе въ себе маѣть: Жикгимонтъ трети Божою милостию Король Полскій . . и проч . . . Ознаймуемъ сымъ нашимъ листомъ кому того вѣдати будетъ потреба нынѣшнимъ и напотомъ будучимъ, штожъ мы Государь щастливо пануючий надъ людомъ народовъ хрыстіанскихъ, не только стародавнихъ правъ свободъ и волностей сторожомъ и оборонцю будучы але завжды пры надаваню и при множаню ихъ обывателемъ Панствъ нашихъ ласкавъ становѣчися и тымъ большою хутію (желаніемъ) надовсе помноженя хвалы Божое и порядковъ слушныхъ (законныхъ) захованя жычачи (желая), за донесеніемъ намъ просбъ на чоломбитне становъ многихъ розныхъ,

нѣ особѣ певныхъ (извѣстныхъ) з Пановъ Радѣ на-
шытъ, якъ з кола рыцарскаго (военнаго) и славетныхъ
ищящъ мѣста нашего столечнаго Виленскаго, Людей
народу Рускаго, закону Греческаго братни Брацтва цер-
ковнаго заложена святое Тройцы монастыря Виленскаго
ласкаве (милостиво) имъ позволивши, для свободнаго
и спокойнаго ужываня всякихъ обходовъ церковныхъ
и разшыреня хвалы Божое набоженства ихъ воддугъ
артыкуловъ и порядковъ ихъ братскихъ на писмѣ друку
выданныхъ и передъ Нами Государемъ покладанныхъ, так-
же воддугъ листовъ и Благоселевенства зверхнѣйшаго
Пастыря въ релии ихъ Патріарха Константинопольскаго
отца Іереміа надавши имъ до того з особливое ласки
нашее государское и иныхъ певныхъ (извѣстныхъ) ар-
тыкуловъ и слободъ немало Прывилеевъ государскихъ—
перво сего въ року прошломъ тысяча пятсотъ осмде-
сятъ девятомъ мѣсяца Іуля двадцать первого дня выда-
ннымъ имъ іесмо ствердили о чомъ з выображенемъ якої
речи шырей и достатечней есть внимъ описано и до-
ложено, в которомъ Прывилею а межы иными артыку-
лами волностями и свободами помененому Братству ихъ
церковному отъ насъ Государя наданными и то есть опи-
сано ижъ мы з особливой ласки (милости) нашой госу-
дарское тое Брацтво ихъ церковное отъ всякихъ пры-
судовъ (судовъ) трибунальскихъ маршалковскихъ зем-
скихъ Гродскихъ Мѣскихъ подъ владзу и оборону и шу
вынявши Домъ ихъ братски и людей в пемъ мѣшкаю-
чыхъ Духовныхъ и свѣцныхъ отъ циншовъ подзчокъ
платовъ и объ всякихъ повинностей мѣскихъ, также и
отъ стоянія гостей въ Дому ихъ братскомъ іесмо вы-
звалише. Школа тожъ ихъ братская в монастыре свя-
тое Тройцы въ мѣствѣ Виленскомъ быти мѣла где и
передъ тымъ бывала, нижи самого того Дому ихъ
братскаго которому тая волность служити маеть в о-
номъ Прывилею перво сего отъ насъ Господаря надан-
номъ мѣновитѣ не описано ижъ еще они на тотъ часъ

певниго собе на то Дому не мѣли. А такъ теперь впрод
менованные братие Брацтва церковного монастыра ви
ленского, Домъ прозываемый Намшеѣвски каменицу му
ромъ и деревомъ побудованную на вечность купили со
бѣ у ловчого нашего великого князства литовского уро
жоного Яна Нарушевича а другии Домъ также муромъ
и деревомъ побудованный вечностію надалъ имъ на то же
Брацтво ихъ церковное мѣщанинъ нашъ виленскій Братъ
ихъ до того Брацтва уписный Яковъ Кондратовичъ, ко
торые Дома оба два посполужъ (рядомъ) съ собою ле
жать въ местѣ нашомъ столечномъ виленскомъ наудчы
з рынку до Остроге Брамы по левой Руце у певныхъ Гра
ницахъ межы Домами з одное Филиповое Шишковичо
вое а теперешное Яновое Завишиное Настазыи Трыз
нянки а з другое стороны подле Дому мурованого (ка
менного) детей мещанина нашего виленского зешлого
Богдана Пашкевича Видбленина (Витеблянина), тые оба
два Дома заодно на Домъ Брацтва ихъ церковного слу
чонные на школы и на выховане въ немъ людей ученыхъ
духовныхъ и свѣцкихъ и иныхъ всякихъ слугъ брат
скихъ Привилеемъ нашимъ ствѣрдили. Вчомъ Мы Го
сударь видѣчи быти Прозбу ихъ слушною (справедливою)
на чоломъбитие ихъ есмо то учинили и якъ перво сего
з шчодробливое ласки наше на волное уживание (упо
требленіе) всякихъ свободъ въ набоженствѣ (богослуже
ніи) къ розширенію хвалы Божое — Брацтво церковное.
Ихъ есми надали и Привилеемъ нашимъ на вси потом
ные часы ствѣрдили, которое Братство ихъ поменено
и симъ Привилеемъ нашимъ во вѣчные роды непору
шно зо всеми волностями и свободами отъ насъ Госу
даря наданными умоцняемъ, такъ оные дома ихъ на
Брацтво церковное купленные, дарованные въ границахъ
звыжъ описаныхъ въ одно местце спущонные, В кото
ромъ вжо они школу Греческую, Русскую, заложивши,
людей на то годныхъ Духовныхъ и свѣцкихъ тамъ до
науки народу хрыстіянскаго и Детокъ малыхъ якъ и

до всякихъ послугъ и оздобъ (украшеній) того Братства и набоженства своего ховають, з ласки Нашое Государское вѣчно и непоколебимо утвержаемъ. Мають и вольны будутъ они поменены Братія Братства церковного яко въ Монастыри светое Тройцы въ мѣстѣ виленскомъ на звыкломъ (обычномъ) мѣстцу сажки (сходбища) свое мѣти где и ператымъ мѣвали, Такъ и до того Дому своего братского сходячыся намовляти (совѣщаться) и вшелякие (всякіе) potrzeby Братства своего отпраовати где имъ потреба того окажетъ, также людей въ письмѣ учоныхъ духовныхъ и свѣцкихъ, такъ много колько того потреба окажетъ ховати, школы братские науку детемъ языка Греческого Русского Латинского и Польского въ томъ дому своимъ братскимъ мѣти, книги всякіе нового и старого закону (завѣта) дитемъ оного народу христіанского и инныя всякіе sprawy (дѣла) духовныя и свѣтскіе письмомъ Кгрецкимъ Русскимъ Латинскимъ и Польскимъ друковати (печатать), дѣтей Братства уписаного народу христіанского и убогихъ сиротъ въ школе ихъ братской дармо (безвозмездно) учити и инныя учынки (дѣла) побожныя и милосердныя водле постановенія и артикуловъ братскихъ на письмѣ з друку (печати) выданныхъ, и переднами Государемъ показываныхъ отпраовати мають водлугъ преможенія (по силамъ) своего, и церковъ набоженства своего на тыхъ помененыхъ кгрунтахъ Домовъ ихъ братскихъ яковуку мѣти похочуть, вольно имъ будетъ муромъ и деревомъ збудовати (построить) и всякихъ обыходовъ набоженства ихъ водлугъ звычайу христіанского свободнѣ и добровольнѣ уживати (употреблять) позволяемъ. А нжъ перво сего з ласки наше Государское Монастырь Церковъ заложенія святое Тройцы закону Греческого въ мѣстѣ нашомъ Виленскомъ съ фольварками до него належачыми также з Домами на Кгрунтехъ церковныхъ и с плацами ку той Церкви и Монастыру здавна прыслушаючыми (принадлежащими) въ опатрность (въ досмотръ) и въ дозоръ Бурмистромъ и Радцомъ места нашего виленского

людемъ закону набоженства Греческаго дали есмь. А тое Братство ихъ въ постановленіи ихъ братскомъ есть названое церковнымъ заложена светое Троицы Монастыра Виленскаго ижъ што они чинячи для справъ побожныхъ онымъ именемъ тое братство свое назвали; ижъ се то на милосердныя и побожныя учынки постановило. Лечь (но) абы се то подъ владою и юрисдикцію ихъ вradoвою з онымъ монастыромъ быти не розумѣло тогда з тыхъ причинъ и для свободнѣйшого отправления (совершенія) оныхъ всихъ справъ у постановенію ихъ и у Прывилеяхъ нашихъ Государскихъ описаныхъ яко оное самое братство церковное съ всеми правами его—Такъ и тые обадва Дома вpredменованные купленыя и дарованыи въ одинъ Домъ на Братство церковное звучные якъ и то штобы они напотомъ до того Дому своего помененого в ширь и в должныю буди купнымъ дарованымъ и якымколкекъ обычаемъ кгрунтовъ плацовъ Домовъ и будованя (строеній) набыти и прибавити могли, тогда яко то все такъ и людей въ томъ Дому ихъ братскомъ мѣшкающихъ—духовныхъ и свѣтскихъ которыхъ они для потребъ того Братства своего ховати восхочуть яко речь (вещь) церковную подъ владою (власть) и оборону нашу Государскую вынявши ихъ вшелякихъ присудовъ и правъ Трыбунальныхъ Маршалковскихъ земскихъ Кгородскихъ Мѣскихъ, также и отъ послугъ платовъ подачокъ мѣскихъ, звѣрхностію (властью) нашою Государскою на вси потомныя часы вызваляемъ. Вѣдже гдѣбы и комуколкекъ (кому либо) с того Дому ихъ братскаго отъ людей в немъ мѣшкающихъ якоколкекъ стану кривда якая дияла, тогда такового старостове и справци того братства рочные (годичные) каждому укrywжоному (обиженному) справедливость чинити будутъ повнины водлугъ права посполитого (общественнаго) и статуту земскаго а гдѣбысе такому с кривдою справедливость видѣла быти тогда тыхъ старость рочныхъ въ особе (въ лицѣ) всего Брат-

ства до суда земского воеводства Виленского припозвати таковыя укrywжоны (обиженые) мають, а судъ земскій водлугъ права справедливостъ з нихъ чынити будеть повиненъ отъ которого вжо апеллацыя нигде нидей одно до насъ Государа яко подавцы и оборонцы того Братства вти маеть и тотъ судъ ее каждому такому допускать повиненъ будеть, и вжо отъ даты сего Листу при небытности нашей Государской въ томъ мѣстѣ нашомъ виленскомъ и подъ часомъ зъездовъ Трыбунальныхъ роковъ явочковъ судовыхъ зѣмскихъ и кгородскихъ въ тыхъ Домехъ ихъ брацкихъ всякій гостъ ани Дворъ нашъ Господою становитись ани з уряду жадного Трыбунального Маршалковскаго Земскаго Кгородскаго и мѣйскаго никому господа (квартира) записывана быти немаеть. И хтобы з доброе воли своее на тое Брацтво ихъ церковное што надалъ або Тестаментомъ (духовнымъ завѣщаніемъ) отписалъ, и потомъ хотя и безъ Тестаменту што надасть або отпишетъ тамъ речы рухомые (движимые) яко и лежачыя (недвижимые), то на вси потомныя часы пры ономъ Братствѣ ихъ церковномъ вечно зоставати маеть чого имъ никоторый врадъ Трыбунальный Маршалковскій, Зѣмски кгородскій Мѣски такъ при бытности яко и безъ бытности нашее въ томъ Панствѣ (государствѣ) нашомъ великомъ княствѣ литовскомъ николи боронити аниже вто вступовати и переказы жадное в томъ чынити имъ немають и небудуть мочи, такъ якобы кромъ жадныхъ перешкодъ во всякихъ свободахъ и волностяхъ въ томъ Братствѣ церковномъ хвала Божая въ наукахъ и оздобахъ закону ихъ належачихъ розширяться и множитись могла. Што все яко перво сего имъ з ласки нашее Государское особливимъ Привилеємъ нашимъ есмо надали такъ и теперъ утвержаемъ. дали есмо тому Братству церковному сесь Листъ Привилей нашъ с подписомъ руки нашее Государское до которого и Печать нашу великаго Князства литовскаго привесить есмо велели. Писанъ у Варшавѣ на сеймѣ вальномъ

(генеральномъ). Лега отъ нароженя Ісуса Христа сына Божого тысяча пятьсотъ деведесать второго мисѣца октѣбра девятого дня. Sigismundus Rex. *Ярош Воловичъ Цисарь.*

Мы теде (тогда) Государь съ Паны Радными нашими видячи бытъ прозбу ихъ слушную и прихляючися (примѣняясь) до Конституцій сеймовыхъ которыми Братства церковные при правахъ и привилеяхъ своихъ суть захованы, Тые вси Привилія предъ нами Государемъ покладаные, во всихъ Пунктахъ артыкулахъ и прерогативахъ (преимуществахъ) аппробуемъ подтверждаемъ и при зуполной mocy (въ полной силѣ) на вечные и потомные часы оставуемъ, А ижъ тыежъ братія верху помененые потребовали по насъ абысмы въ никоторыхъ только артыкулахъ тотъ Привилей свѣтое памяти Пана Отца Нашого тутъ слово въ слово вписаны объяснили поневажъ (поелику) по одержанію того Привилею отъ нихъ въ никоторыхъ речахъ (дѣлахъ) для розширенясе дальшой хвалы Божой записныхъ спольнымъ (общимъ) стараніемъ ихъ примноженесе стало вчомъ мы видячи бытъ Прозбу ихъ слушную и пристойную за причиною Пановъ Радъ нашихъ и Пословъ земскихъ при насъ на сеймъ Коронации Нашой будучыхъ ласкаве на то позволяемъ и тотъ Привилей Пана Отца Нашого объясняемъ, и такъ въ потомныи Часы мѣти хочемъ: Наперодъ ижъ въ томъ Привилею светое памяти Пана Отца Нашого есть выразное (ясное) позволеніе на кгрунтахъ (земляхъ) шляхетскихъ описаныхъ въ немъ именованыхъ Церковь яковую мети похочуть Муромъ (изъ кирпича) и деревомъ будовати. А же на онъ часъ еще названой церкви Соществія светого Духа отъ нихъ збудовеной (построеной) небыло теперъ зась и церковь деревяная знайдуется и новую муровати имъ волно, до того и Братство тытуломъ светое Тройцы названное при тойже церкви теперъ знайдуется, тогда для тыхъ Прычинъ во вси потомныи часы при той помененой церкви светого Духа Брат-

ство тытуломъ Светое Тройцы названое здавна безъ жандныхъ перешкодъ (препятствій) знайдоватисе и вечныи часы тымъ тытуломъ называтисе и Печатею светое Тройцы Образомъ печататисе мають и повинны будуть. При которой то церкви светого Духа и Монастырь презъ першого Архимандрита ихъ братского Виленского годные памяти отца Леонтіа Карповича на общежительное мешканіе (жительство) законниковъ иноковъ) есть заложонъ, который мы Государь снмъ Привилеемъ нашимъ подтверждаемъ, и до сего часу въ Церкви служачи и у школахъ працюючи (трудясь) законницы (монахини) въ немъ знайдовалисе (находились), Тогда помененой той духовной Братіи и з свѣцкою за одно въ томъ Братією во вси потомные часы Архимандрита з Посродку духовныхъ обирати позволяемъ, а обраны згодне (согласно) отъ нихъ кожды Архимандритъ маеть общежительне з братією своею жити, заховуючися водлугъ рекулы (устава) светого Василія Великого и водлугъ порядковъ отъ першого Архимандрита на Письмъ зоставленныхъ справоватися. А если бы не хотѣлъ досытъ чинити (исполнять, удовлетворять) повинности своей и напоминаніе (увѣщаніе) братіи духовной зневажалъ (презиралъ), тогда либо у Митрополита небудучого во Уніи албо у Екзархи Патріаршого доходити справедливости на немъ помененое Братство маеть, В справы (дѣла) однакъ духовные духовному суду належачіе свѣтскіе братіа вступатися немають и мочи небудуть, которы то отъ нихъ згодне (согласно) обраны Архимандритъ обраны маеть радити справовати (правити) и в послушенстве своемъ мети не только тотъ братский Виленскій Монастырь, але и вси монастыри подъ владою (властію) монастыря Виленского знайдуючися теперь, яко Монастырь Минскій светыхъ апостоль Петра и Павла, Монастырь въевейскій— въ Воеводствѣ Троицкомъ Монастырь Цеперскій и Сновскій— въ Воеводствѣ Новгородскомъ, монастырь Новодвор-

скій и Купятицкій въ Повѣтъ Пинскомъ, Монастыръ Стѣлецкій въ Воеводство Минскомъ и другіе монастыри и церкви влады (власть) и Юрисдице (управленію) его подлеглые—але иншіе которые напотомъ з доброе воли свсее на помененыхъ монастыровъ фундаторове (учредители) учинили подъ владзу тогожъ монастыря братского Виленско-го з фундушами своими подаванные будутъ. И ачкольвекъ (и хотя) въ Привилею светое памети Пана Отца нашего который мы симъ Привилеемъ нашимъ во всемъ потвердилисмо доложено и описано есть ижъ яко сами Кгрунты (поля) тые шляхетскіе на которыхъ церковь и монастыри два, одинъ для законниковъ (монаховъ), а другій для паненъ законныхъ (монахинь), притомъ искали мешканя (помѣщенія) для убогихъ студентовъ, и шпитали суть побудованы такъ и все тое хтобы што з доброе воли своее на тое Братство ихъ церковное надъзъ албо тестаментомъ (духовнымъ завѣщаніемъ) отписалъ а потомъ хотя и безъ Тестаменту што надасть албо отпишетъ такъ речи рухомые (движимое имущество) яко и лежаціе (недвижимые) то на вси потомные часы маеть быти въ спокойномъ держанію ихъ имѣло быти—конечне. Лечъ (но) же до сего часу якъ въ томъ самомъ такъ и въ иншихъ многихъ речахъ помененое Братство нерешкodu (препятствіе) великую себе мети поведало, и разными процессами (тяжбама) того доводило (доказывало), тогда абы и въ томъ што ужъ выразнѣ (ясно) есть описано и положоно жадного (никакого) безправя (беззаконія) далей ни откого непоносили и жадной трудности отъ вшелякого (всякого) ураду нашего Трыбунального земского Маршалковскаго Кгродскаго и мѣстскаго, а поготовію отъ людей свовольныхъ розрухи (возмущенія) и тимулты (бунты) въ мѣстахъ нашихъ чиничихъ нетерпело конечне мети такъ хочемо и всимъ врадомъ нашимъ земскимъ кгродскимъ и мѣстскимъ забегати (препятствовать) такому безправію приказуемъ. А ижъ до сего часу вонтпливость (сомнѣніе) иѣкоторыхъ чинило въ томъ же Привилею слово тое старостовъ, и находитисе

нѣкоторыя разумѣющыя мѣстной Кондыцы (сословія) лю-
дягъ тое назвиско служить, лечь (но) же тамъ и водлугъ
статуту справедливость каждому укrywжоному (обижен-
ному) чинити будутъ повинны. А гдѣбысе таковому
кrywдою справедливость видѣла быть, тогда тыхъ ста-
рость рочныхъ въ особе (въ лицѣ) всего Братства до
суду земского Воеводства Виленского припозвати тако
укrywжоный маеть. Такъ теда тое назвиско (прозва-
ніе) объясняемъ ижъ то о обывателехъ (помѣщикахъ) Ко-
ронныхъ и Великого Князства Литовского разумѣтисе
маеть, и з стану (сословія) шляхетского два персоны
за старостовъ рочныхъ, якъсе то по тые вси часы дія-
ло обираны и разумены быти мають. А якъ до того
часу вси sprawy тому Братству належачыи у суду го-
ловного Трибунальского въ коле великомъ (въ большомъ
собраніи трибунала) судилисе, на што килканадцать декре-
товъ передъ нами Государомъ покладали, Такъ и во вси
потомныи часы въ томъ коле великомъ вовсихъ спра-
вахъ (дѣлахъ) Fogus (судъ) помененному Братству Ви-
ленскому быти узнаваемъ. И на то дали есмо поме-
ненному Братству Виленскому подъ послушенствомъ
Церкви Веходней (Восточной) будучому тотъ Привидей
нашъ з подписомъ руки Нашой, До котораго и печать
Нашу Великого Князства Литовскаго Пр. тиснути веле-
ли есмо. Данъ въ Кракове на Сеймѣ вальномъ (гене-
ральномъ) Коронацы нашой Року тысяча шесть сотъ
тридцать третего мѣсяца Марца осемнадцатаго дня, па-
нования королевскихъ нашихъ и проч.

Wladislaus Rex.

Списано съ копіи, написанной съ подлинника польскими
буквами, хранящейся въ архивѣ виленскаго Св. Духовскаго Мо-
настыря и состоящей въ описи подъ № 3.

**Фундушевая записъ маршалка земли во-
лынской, старосты владимирскаго Федора
Андреевича Сангушки, данная Мѣлецкому
Св. Николаевскому монастырю на нѣкто-
рья имѣнія и угоды. 1542 г. (*).**

Во Имя Божіе я рабъ Божій Федоръ Андреевичъ Сангушко Староста владимирскій Маршалокъ землѣ во-лынской чиню вѣдомо симъ писаніемъ моимъ што есмы збудовалъ (построилъ) Церковь у Мѣлцехъ Монастырь на рецѣ Турье великому Господу Богу въ Тройцѣ славимому ку хвале—и пречистой его Матере и всѣмъ святымъ его и небеснымъ его силамъ, на заложеніе храма святого ве-

(*) Документъ этотъ помѣщаемъ здѣсь, какъ одинъ изъ ты-сячи подобныхъ ему, находящихся въ разныхъ общественныхъ, казенныхъ, монастырскихъ, церковныхъ и фамильныхъ архивахъ, отчасти уже во множествѣ напечатанныхъ,—въ подтвержденіе той несомнѣнной исторической истины, что здѣшніе вельможи, не говоря уже о мелкой шляхтѣ и всемъ народонаселеніи, до введенія злосчастной уніи, исповѣдывали всѣ православную вѣру, наследованную ими отъ своихъ предковъ, а въ числѣ ихъ и князя Сангушки.

Упомянутый въ этомъ документѣ Св. Николаевскій, перво-классный Мѣлецкій монастырь состоитъ Волинской губерніи, Ковельскаго уѣзда, въ м. Мѣлцахъ, и былъ православною оби-телью, еще за сто лѣтъ до уніи. Основаніе ему, какъ общежи-тельному, положилъ въ первой половинѣ XVI столѣтія право-славный князь Федоръ Андреевичъ Сангушко, владѣлецъ бога-тыхъ въ здѣшнихъ мѣстахъ имѣній. Подобно своимъ предкамъ, будучи движимъ любовью и усердіемъ къ православнои вѣрѣ, онъ, надѣлавъ мѣлецкую обитель значительными имѣніями и угодами, далъ отъ своего лица на это документъ, и при игу-менѣ Арсеніѣ, вписалъ оный въ евангеліе, хранящееся доселѣ въ монастырскомъ архивѣ.

Нынѣшній настоятель этаго монастыря, о. архимандритъ Амвросій, списавъ его слово въ слово съ евангелія и завѣривъ собственноручнымъ подписомъ въ вѣрности съ подлинникомъ, сообщилъ его редакціи для помѣщенія въ нашеи журналѣ, что мы съ благодарностію и удовольствіемъ исполняемъ и покор-нѣйше просимъ его высокопреподобіе и впредь не оставлять насъ сообщеніемъ подобнаго рода документовъ.

Ред.

акого Чудотворного Микола у Мѣльцехъ и обще житіе у Монастыри составилъ и въ Евангеліе святое написалъ, при игумену Монастыря Арсенію и при братіи обще живущимъ имъ; а придаю ку Церкви Божой къ тому Монастыру моему ку Мѣльцомъ имѣніе мое вѣчно и непорушно со вѣмъ якое и оныя имѣніе въ себѣ мають, не оставуючи на себе ни чого, то вѣсть на имя дворъ мой песоченскій изъ людьми изъ съ ихъ работою, къ тому то двору спашнею дворною съ чиншомъ грошевымъ зданью медовою. къ тому Дворъ мой задыбскій зъ людьми спашнею дворною съ чиншомъ грошевымъ зъ данью медовою и зъ млынами задыбскими къ тому еще Комарово Соловьево Нецы Сомово Подсомовка, такъ же изъ ихъ работою съ чиншомъ грошевымъ зъ данью медовою и зъ млыномъ которой есть подъ монастыромъ зовсями ихъ повинностями а хтобы мѣль тое наданье мое отъ Церкви Божей отдалити або паки хто мало у чомъ закривдаты жона моя або паки сынъ мой або хто близній мой анаема да буди проклетъ отъ милости ваго Бога Исуса Христа Сына его единого и пречистой его Матери и отъ всѣхъ Святыхъ его и отъ мене человека грѣшного въ сей вѣкъ и въ будущій который будетъ судити живыхъ и мертвыхъ о второмъ его Святомъ пришествію и воздасть комуждо по дѣломъ нашимъ Аминь. Писано у Мѣльцехъ въ Святомъ Евангелію року Божого нароженія Исуса Христа отъ воплощенія Спаса нашего, тысеца пятсотъ чотыредесять второго Мѣсяца Мая 23 дня (**).

Съ подлиннымъ вѣрно: Настоятель мѣлецкаго первокласнаго Никольскаго монастыря, архимандритъ Амвросій.

(**) Потомки упоминаемаго въ этомъ документѣ князя Федора Сангушки существуютъ въ западной Россіи по настоящее время и владѣютъ огромными имѣніями въ разныхъ западныхъ губерніяхъ, преимущественно въ Волынской и Кіевской. Въ половинѣ 16 столѣтія, они обратились въ римско-католическую вѣру, но, какъ мы замѣтили выше, предки ихъ, до того времени, бы-

ли ревностными сынами православной церкви. Родъ свой они ведутъ отъ великихъ князей литовскихъ,—по однимъ,—отъ Любарта Гедиминовича, а по другимъ,—отъ Любарта Ольгердовича. Не правдоподобно, что предокъ ихъ родился отъ Любарта Гедиминовича, имѣвшаго въ супружествѣ дочь князя владимірскаго (на Волыни) Владиміра, которому въ приданое досталось это древнее русское княжество; потому то и князья Сангушки владѣли этимъ княжествомъ, сперва съ званіемъ князей этого княжества, а потомъ, послѣ присоединенія земли волынской къ Польшѣ — старостъ. (Смотри Strzykowski—Chronika Polska i W. X. Litt. lib. 13. cap. 13.; Kosiłowicz—Miscellanea p. 1. lib. 8.; Niesiecki—Kogona Polska,—слово Sanguszko, и друг.) Демъ Любарта, кромѣ Владиміра, владѣлъ еще Луцкомъ и Олескомъ, а сына его, *Федору*, прозванному Сангушко, король Ягайло пожаловалъ во владѣніе, въ 1396 г., княжество Сѣверское. Онъ оставилъ сына *Дмитрія*, владѣвшаго княжествами Луцкимъ, Ковельскимъ и Коширскимъ. По свидѣтельству Нѣсецкаго, Дмитрій пользовался благосклонностью императора греческаго, подарившаго ему часть, древа животворящаго креста. Князь Дмитрій умеръ въ 1440 году и погребенъ въ православной церкви луцкаго Замка. (Нѣсецкій стр. 8. изд. 1743 года).

Послѣ его смерти остались три сына, между которыми раздѣлены были владѣнія Любартовичей — княжество Луцкое досталось *Федору*, — Коширское *Михаилу*, — а Ковельское *Василію*. Вслѣдствіе чего родъ князей Сангушковыхъ развѣтвился на три отрасли: Сангушковыхъ, Луцкихъ, Коширскихъ и Ковельскихъ. (Kosiłowicz—Miscellanea Genealogia), но, по свидѣтельству другихъ, у Дмитрія осталось только два сына — *Михаилъ* и *Александръ*, изъ нихъ у перваго было три сына: *Янушъ*, отказавшій имѣніе свое Бѣляшеву Дерманскому православному монастырю, въ 1544 г. (Monimenta Collegii Ostrog.); *Василій*, князь ковельскій, и *Андрей*, князь коширскій. Отъ *Александра* родился упоминаемый въ настоящемъ документѣ *Андрей*, староста владимірскій, маршалокъ волынскій. Онъ былъ женатъ на Аннѣ, дочери Дешнота, воеводы валахскаго, отъ которой имѣлъ трехъ сыновей: *Романа*, *Дмитрія* и *Ярослава*. Изъ нихъ *Романъ* — воевода брацлавскій, гетманъ польный — литовскій, староста винницкій и житомирскій, прославился храбростію на полѣ брани съ неприятелями Рѣчи Посполитой. На сынѣ его, тоже *Романѣ*, умершемъ бездѣтнымъ, прекратился его родъ. *Дмитрій*, братъ его, воевода брацлавскій, староста черкасскій и

кавовскій, извѣстенъ по похищенію изъ Замка Острогжскаго Елисаветы, дочери Иліи, князя Острогжскаго, мать которой мечтала выдать ее за короля Сигизмунда Августа. Онъ бѣжалъ съ нею въ Богемію, но разгнѣванный король послалъ за нимъ погоню, которая, настигнувъ его въ Яромірѣ, отняла княжну, а его умертвила. *Ярославъ*, третій братъ Романа, умеръ бездѣтнымъ.

Вторая вѣтвь фамиліи князей Сангушковъ ведетъ свое начало отъ вышесказаннаго *Михаила* Дмитриевича, князя коширскаго, потомки котораго назывались уже Коширскими. Сынь его *Андрей*, староста лудкій, оставилъ пять дочерей и двухъ сыновъ. Дочери его выходили за мужъ за знатнѣйшихъ литовско-русскихъ, еще тогда православныхъ, вельможъ, именно: *Марія* за князя Дубровицкаго, *Анна* за *Ивана Сапѣгу*, воеводу подляскаго, *Софія* за князя Чарторижскаго, *Елена* за князя Массальскаго и *Василисса* за князя Соколинскаго. Сыновья его *Александръ* и *Левъ* мало извѣстны въ исторіи этого дома. Отъ *Льва* остался сынь *Григорій*, воевода брацлавскій— извѣстный только тѣмъ, что онъ первый изъ фамиліи князей Сангушковъ, на старости лѣтъ (и то послѣ смерти православной своей супруги, урожденной княгини Головчинской), измѣнилъ прародительской вѣрѣ своихъ предковъ и принялъ, съ двумя дочерьми и сыномъ, латинство, за что, быть можетъ, Провидѣніе и наказало его прекращеніемъ его рода въ сынѣ его *Адамѣ*, бывшемъ, около 1627 года, воеводой кievскимъ и умершемъ безъ потомства. (Нѣцкій, — pag. 10. и др.).

По свидѣтельству тогожъ ксендза іезуита *Нѣсецкаго* и *Ошальскаго* (*Sterilis*), въ кievско-печерской Лаврѣ погребены тѣла изъ фамиліи князей Сангушковъ: *Федора*, *Андрея*, *Александра* и княжны *Авксентіи*, а базилианецъ *Суша* (*Phoenix Graeciae, fol. 51.*) удостовѣряетъ, что въ 1616 году, въ Холмѣ, найдено было негнѣнымъ тѣло князя Сангушки, скончавшагося тамъ скимникомъ, подъ именемъ *Алексѣя*. Оно покрыто было черною монашескою рясою и такоюжъ мантией, съ вышитыми золотомъ на ней крестами.

Отъ другаго сына, выше сказаннаго *Михаила*, брата *Андрея*, сына *Василія* ведетъ вѣтвь фамиліи Сангушковъ *Ковельскихъ*. Этотъ *Василій* промѣнялъ королевѣ *Бонѣ* г. Ковель на Смоляны, *Оболедъ* и *Горволь*, умеръ въ 1558 году и погребенъ въ кievско-печерской лаврѣ. Оставилъ сына *Григорія*, женившагося на *Софіи* Горностаевнѣ, дочери воеводы новгородскаго, отъ котораго супружества родился сынь *Андрей*; онъ женатъ былъ на княжнѣ

Софін, дочери Павла Салтыга, канцелярна кievскаго, извѣстной ревнительницѣ православія, подарившей, между прочимъ, виленскому св. Троицкому православному братству два каменные дома въ г. Вильнѣ. Отъ этого брака родился сынъ *Симеонъ-Сажуль*, воевода витебскій, староста суражскій, потомъ воевода минскій, прославившійся въ молодости воинскими подвигами и любовью къ наукамъ, вслѣдствіе чего онъ завелъ въ своемъ замкѣ большую бібліотеку, поддерживаемую приращеніемъ книгъ его потомками по настоящее время. Но онъ обезславилъ память славныхъ своихъ предковъ измѣной православной вѣрѣ, чрезъ обращеніе въ латинство. Иезуитъ Нѣсцкій, восхваляя его за это ренегатство, говоритъ между прочимъ: „Онъ первый, изъ этой вѣтви фамиліи Сангушковъ, оставилъ *схизматическія* заблужденія и, присоединившись къ римской церкви, ни одного схизматика терпѣть не могъ въ своихъ владѣніяхъ.“ (Когопа Polzka. pag. 11.) Изъ оставшихся трехъ сыновей его, два поступили въ р.-католическіе монахи, изъ коихъ Иеронимъ былъ бискупомъ суфраганомъ виленскимъ и основалъ въ Минскѣ иезуитскій коллегіумъ, около 1657 г. Отъ третьяго сына его Яна—Владислава происходятъ нынѣ существующіе князья Сангушки, коснѣющіе еще въ латинствѣ, не смотря на то, что до половины 17 вѣка, какъ мы видѣли выше, всѣ ихъ предки, безъ исключенія, исповѣдывали православную вѣру—вѣру тогда общенародную и господствовавшую на всемъ пространствѣ юго-западной и западной Россіи, а большей частію и собственной Литвы.

Ред.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

во и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—32 г.

(Продолженіе).

Г Л А В А 11-я

Внутренняя жизнь Эмиграціи.— Устройство демократическаго товарищества.— Уставъ.— Сношенія съ туземцами.— Централизація, осуждаемая поляками.— Значеніе Ламберова отеля.— Организація заговорнаго дѣла.— Внущенія къ крамоламъ.— Взаимная ненависть.— Слѣдствіе посѣщенія Государемъ Варшавы.— Усиленная дѣятельность.— Крестьянскій вопросъ.— Сношенія съ русскими ренегатами.— Обширные замыслы.— Сводъ программъ къ мятежу 1863 года.

Ознакомясь съ внѣшнею дѣятельностью польской эмиграціи, взглянемъ на ея внутренній бытъ.

Тридцатилѣтняя конспиративная дѣятельность, со временъ раздѣла Польши 1795 года обратившаяся въ *perpetuum mobile* польской sprawy, конечно дала каждой партіи много данныхъ для правильнаго организованія конспиративныхъ ихъ работъ, согласно направленію, принятому каждою партіею. Ограничимся разборомъ двухъ главнѣйшихъ, такъ называемыхъ *демократической*, иначе *красной*, и *аристократической*, или *бѣлой*; всѣ остальные были для нихъ болѣе или менѣе пригодными подспорьями.

Изъ этихъ двухъ партій дѣйствительная сила и матеріальныя средства были въ рукахъ *бѣлыхъ*. Съ этою силою, въ ихъ руки должна была попасть и *власть*. *Красные* понимали это, и съ особенною настойчивостью, добываясь тоже власти, могли одержать

ся только на отуманеніи понятій. Настойчиво проводя свои ученіи они проповѣдывали, что всѣ существующія основанія общества наго устройства отжили свой вѣкъ, и *красные* не только предлага свои теоріи для пересозданія народной жизни, но и самихъ себя и взывали въ исполнители, какъ мы имѣли случай видѣть изъ прешествующаго разсказа; для того они работали *затаенными* отъ прстодушныхъ туземцевъ путями и стремились неожиданными, заран подготовленными событіями, *захватить* власть, и по временамъ дѣствительно кратковременно ее и захватывали. Въ средѣ демократической партіи составилось особое общество, подѣ званіемъ: „демократическаго товарищества.“ Это общество, д своего управленія имѣло свою *централизацію*; какъ знаменей партіи аристократической бѣлъ *Ламберовъ отель*, такъ знаменей польскихъ демократовъ была централизація.

Демократическая партія стремилась систематическими работами утвердиться и приобрѣтать силу, которою она могла бы бороться не только съ правительствами, но и съ противною партіею *бѣлыхъ*. Для своихъ работъ она хотѣла, вопервыхъ, дати правильную организацію своимъ членамъ, и во вторыхъ, по повсемѣст но проводимымъ ею началамъ, вести систематически и самыя работы, дабы усилія не терялись въ разнохарактерныхъ и разно стороннихъ тенденціяхъ, но направленные, согласно принятой программѣ, сливались бы въ одно и вели бы скорѣе и вѣрнѣе къ задуманной цѣли.

Польскіе эмигранты, какъ было сказано, во Франціи были раздѣщены по депю; въ Парижѣ, для продолженія веденія польской справы, они составили свой польскій комитетъ, который, вслѣдствіи интригъ, ненависти и зависти, безпрестанно мѣнялъ членовъ и названія. *Адамъ Чарторыйскій*, опытный въ дѣлѣ затаенныхъ походовъ, всегда умѣлъ сохранять преобладаніе; когда самыя ярые его враги составили демократическое общество, то онъ въ это общество успѣлъ посадить своего человека, графа *Адама Гуровскаго*, своего сотрудника еще по варшавскимъ конспираціямъ; *Гуровскій*, под постоянную маску сильнаго врага аристократической партіи, оказал не малое вліяніе на ходъ дѣла. Основатели демократическаго общества составили уставъ, и всякій его подписавшій поступалъ въ число это членовъ безразлично—находился ли онъ во Франціи, въ Польшѣ, въ Россіи, въ Турціи, или другомъ какомъ либо мѣстѣ. Это общество было самое значительное числомъ; члены-основатели

особенно обладали наукою искушающей пропаганды, поражали воображеніе необузданностью рѣчей и эксцентрическими своими доводами. Оно неутомимо заботилось поглотить въ своей средѣ большинство польскихъ эмигрантовъ и дѣйствительно добилося того, что изъ около 5 тысячъ польскихъ выходцевъ 1831 г., проживавшихъ во Франціи, болѣе 1,500 человекъ вступили въ товарищество.

Уставъ общества демократическаго товарищества былъ разбитъ на главы и статьи. Нѣкоторое знакомство съ уставомъ разъясняетъ работу польскихъ демократовъ.

Основной законъ: Цѣль польскаго демократическаго товарищества — независимость Польши. Основою и средствами къ тому — демократія.

Польское демократическое товарищество объявляетъ свои политія о демократіи публичными актами.

Глава I. Польское демократическое товарищество состоитъ изъ членовъ дѣйствительныхъ, природныхъ поляковъ, безъ ограниченія ихъ числа, и изъ членовъ корреспондентовъ, поляковъ или иностранцевъ (§§ 1 и 2).

Общество дѣлится на секціи (§ 5).

Особыя учрежденія (институціи) пользуются властью въ границахъ, имъ предоставляемыхъ товариществомъ (§ 6).

Товарищество вѣряетъ общее направленіе дѣятельности главному своему учрежденію — централизаціи.

Судебная власть предоставляется особой институціи. Общество товарищества рѣшаетъ только жалобы на централизацію (§ 8).

Глава II. Законодательная власть принадлежитъ обществу товарищества. Законъ безъ соизволенія и санкціи (утвержденія) общества не имѣетъ обязательной силы (§ 9).

Все обнародуемые акты, какъ то манифесты, деклараціи, прокламаціи, протестаціи, отзывы и т. п., требуютъ утвержденія общества, кромѣ случаевъ, предвидѣнныхъ въ § 58.

Для рѣшаются слѣдующимъ порядкомъ:

Проектирующій заявляетъ свое мнѣніе *секціи*, а оттуда, съ мнѣніемъ, препровождается въ *централизацію*; никакой проектъ не можетъ быть отвергнутъ безъ замѣчанія (§ 11).

Глава III. Члены, проживающіе въ одномъ городѣ или мѣстности, составляютъ *секцію*, если ихъ не менѣе 5; въ противномъ

номъ случаѣ, они принадлежатъ къ ближайшей. Въ каждомъ мѣстѣ должна быть одна секція, развѣ только мѣстныя прелесты не допустятъ многочисленныхъ собраній. (§ 15).

Секція считается основанною, если общество составитъ протоколъ и избересть секретаря. (§ 17).

Каждая секція должна имѣть избранныхъ секретаря и кассира и засѣданія одинъ разъ въ недѣлю, кромѣ чрезвычайныхъ (§§ 18 и 19).

Всѣ члены по списку председательствуютъ по очереди. Посторонніе на засѣданія не допускаются. Каждому засѣданію составляется свой протоколъ. (§§ 20, 21).

Пренія рѣшаютъ большинствомъ голосовъ. (§ 25).

Секція дѣлаетъ свои сношенія съ обществомъ товарищества только чрезъ централизацію. Разрѣшаемые вопросы — политико-соціальныя. (§ 31).

Глава IV. Обязанность каждаго члена трудиться, по мѣрѣ своихъ способностей и положенія, для общаго блага, но въ духѣ основаній, принятыхъ товариществомъ; совѣтами и состояніемъ содѣйствовать теченію дѣлъ въ виду настоящаго и будущаго; покоряться уставу, аккуратно вносить подать, согласно его постановленій. (§ 32).

Членъ не имѣетъ права принадлежать ни къ какимъ другимъ политическимъ союзамъ. (§ 43).

Глава V. Централизація (*) состоитъ изъ 5 членовъ, необходимое число членовъ въ комитетъ для занятій. Три члена председательствуютъ по очереди, кромѣ секретаря. (§ 48).

Централизація можетъ, въ случаѣ надобности, дополнить необходимое число членовъ изъ товарищества, но ихъ голосъ только присовѣтующихъ. (§ 50).

Централизація сама себя приписываетъ свое внутреннее устройство. (§ 51).

Централизація единственный органъ, чрезъ который товарищество заявляетъ свою волю (§ 53).

Она оглашаетъ и приводитъ въ исполненіе сужденія общества, издаетъ распоряженія, инструкціи, предписанія, постановленія,

(*) Централизація имѣла свое пребываніе съ 1834 по 1840 годъ въ Пуатье, съ 1840 по 1848 въ Версали, съ Марта 1848 до Юня 1849 въ Парижѣ; послѣ того, она, при неблагоприятныхъ для нея мѣрахъ новаго французскаго правительства, переехала въ Лондонъ.

сосредоточиваетъ сумми общества; каждыя три мѣсяца отдасть отчетъ объ общемъ ходѣ дѣла. (§ 57).

Въ чрезвычайныхъ неудобно-предвидимыхъ случаяхъ, (*) которые могутъ потребовать быстрыхъ распоряженій для дѣйствій, выходящихъ изъ предѣловъ атрибуціи централизаціи и не дозволяющихъ запроса воли общества, централизація предпринимаетъ всѣ мѣры и дѣлаетъ распоряженія, какія признаетъ нужными, и таковыя каждая секція и каждый членъ обязаны исполнять. (§ 58).

Члены централизаціи избираются на годъ. Бывшіе могутъ быть вновь избраны. (§ 63). (**)

Если централизація подвергнется такому респѣдованію, что ей нельзя перенести засѣданія въ другое мѣсто, тогда, въ наличномъ комплектѣ членовъ, она занимается дѣлами.

Глава VI. Провинившіеся члены подвергаются братскому суду въ секціяхъ (§ 74), а дѣла каждыя три мѣсяца сообщаются централизаціи (§ 77).

Отъ этой обязанности изъяты секціи, внѣ предѣловъ Франціи (§ 78).

Каждый членъ товарищества обязанъ ежемѣсячно вносить по 7^{1/2} процентомъ своего мѣсячнаго дохода. (§ 116).

Изъ обширнаго устава общества демократическаго польскаго товарищества мы привели свѣдѣнія, показывающія, какими путями всѣ товарищи-демократы были связаны съ централизаціею. Эти пять членовъ, давая направление непрерывной дѣятельности, правомъ объявленія и исполненія, сосредоточили всю ихъ дѣятельность въ своихъ рукахъ, или, по выраженію поляковъ, *„централизація оставляетъ за собою право высшаго обсужденія и мысли, предоставляя членамъ честь и величіе послушанія.“* Воспитанники учебныхъ заведеній въ секціи не принимались. Въ

(*) Въ случаѣ производимыхъ мятежей.

(**) За время съ 1836 по 1862 годъ члены избирались исключительно изъ числа 26: этотъ кружокъ составляли Янъ-Непомученъ Яновскій, Станиславъ Ворцель, Тома Малиновскій, Викторъ Гельтманъ, Робертъ Жмлевскій, Людвигъ Мьрославскій, Іосифъ Высоцкій, Янъ Амьто, Теофиль Висновскій, Генрихъ Якубовскій, Войцехъ Даранъ Левъ Зетковичъ, Викентій Мазурковичъ, Францъ Шнайде, Іосифъ Ордина, Александръ Мальддорфъ, Луцианъ Загитскій, Адольфъ Христовскій, Валерій Бранскій, Янъ Подолемскій, Антонъ Жабинскій, Карлъ Столицманъ, Людовикъ Гулевскій и Михаилъ Домальскій.

батинольской школы въ Парижѣ они образовали особыя патристическія товарищества, по правиламъ, даннымъ воспитателями; такое учрежденіе находимъ и между поляками-студентами въ Россіи.

Секціи товарищества развились не только во Франціи, но и по всей Европѣ — вездѣ, гдѣ находилось хотя пять поляковъ, согласныхъ подписать уставъ.

Такимъ путемъ всѣ секціи польскихъ демократовъ въ Россіи и въ Царствѣ Польскомъ работали согласно указаній централизаціи; *Мпрславскій*, одинъ изъ ея членовъ, посвященный во всѣ подземныя работы, заявлялъ въ своемъ сочиненіи о польской національности (*de la nationalité polonaise*), писанномъ во время крымской войны, когда полякамъ казался близокъ берегъ польской sprawy, что служащіе въ Россіи поляки образуютъ какъ бы франъ-масонское братство. Сколько взаимной помощи для польской sprawy могли доставлять въ Россіи не только таинственные члены мѣстныхъ секціи, но и всѣ служащіе поляки, при постоянномъ ихъ конспиритивномъ настроеніи и заботахъ о польской справѣ.

Члены централизаціи были въ постоянныхъ сношеніяхъ съ вожаками европейскихъ революціонеровъ, въ томъ числѣ и съ русскими ренегатами Герценомъ, Вакунинымъ и комп. и сообщая вели дѣло подготовленія къ мятежамъ. Съ вожаками французскихъ революціонеровъ, которыхъ знаменемъ или, вѣрнѣе, флюгеромъ былъ много лѣтъ *Лафайетъ*, сносились главы молодой Европы нѣмецъ *Франкъ*, италянецъ *Мадзини*, венгерець *Кошутъ*, со стороны поляковъ — старые дѣятели варшавскихъ заговоровъ, которыхъ имена мы привели, исчисляя членовъ разныхъ польскихъ комитетовъ. Когда польское демократическое товарищество выработало, въ 1836 году, свое устройство, то польскіе централизаторы, называемые туземцами *централизичиками*, стали главными представителями въ обще европейскомъ космополитическомъ революціонномъ ареопагѣ — космополитическомъ до того времени, пока собственные выгоды не побуждали каждого выказаться яснѣе. Личности, какъ *Лелевель*, *Дверницкій*, *Зверковскій*, *Ельзановскій*, не входя въ составъ централизаціи, продолжали участвовать въ этихъ сношеніяхъ. Въ 1836 году, въ возникшей централизаціи, вліятельнѣйшимъ членомъ былъ Янъ Непомецъ *Яновскій*, сторонникъ республиканскихъ началъ.

Изъ членовъ централизаціи 1845 *Мпрславскій* отправился

въ Пешавъ, и былъ схваченъ пруссаками, *Висниовскій* въ Галлицію, гдѣ былъ схваченъ и повѣшенъ австрійцами, *Высоцкій* не доѣхалъ, *Альціато* (*) прибылъ въ Краковъ и бѣжалъ со страху.

Наученная неудачный опытомъ 1846 года, въ 1848 г. централизація осталась во Франціи; послѣ 1849 года она переѣхала въ Лондонъ; въ 1855 году она сократилась на трехъ членовъ. Парижская секція, такъ называемая *батиньольская*, которой члены прикрывались своими обязанностями при польской батиньольской школѣ, приобрѣла подѣ конецъ значеніе гораздо большее самой централизаціи и, находясь въ Парижѣ, удобно могла присвѣтить себѣ ея права.

Польскіе демократы имѣли двухъ враговъ: правительства и партію *Чарторыйскаго* или аристократическую; первый врагъ вынуждалъ ихъ не прерывать съ бѣлыми всѣхъ сношеній, но, имѣя въ нихъ своего врага, соперника въ домогательствахъ къ властвованію надъ будущими судьбами Польши, они тѣсно связались съ европейскими революціонерами и неутомимо проводили свои кѣры къ распространенію своихъ польско-демагогическихъ ученій между туземцами. Имъ было необходимо вербовать себѣ сторонниковъ, способныхъ воспитывать подростящее поколѣніе въ этомъ духѣ. Труды членовъ товарищества представляютъ огромный отдѣлъ въ польской литературѣ. Главный органъ этой партіи былъ „Польскій демократъ“ — журналъ, содержавшій множество самыхъ эксцентрическихъ статей; къ нему должно прибавить массу брошюръ, рѣчей, самыхъ подзадоривающихъ, которыя ничѣмъ не стѣснялись, подобно произведеніямъ Адама *Мицкевича*: ни правдою, ни логикою, ни положительными свѣдѣніями; общій ихъ характеръ — судорожная распаленность страстей, озлобленная ненависть къ Россіи, а равно и противъ другаго врага — партіи аристократической. *Бѣлые* сочувствовали *краснымъ*, готовя ихъ, въ свои орудія, а *красные*, чуя ловку при этихъ обстоятельствахъ, проповѣдывали ненависть къ землевладѣльцамъ, — ко всему существующему порядку, стремились ко всеунничтоженію, къ пересозданію общества и прославляли коммунизмъ.

(*) Альціато былъ именно тотъ членъ, назначенный въ краковскій ржондъ 1846 года, котораго имя намъ оставалось неизвѣстнымъ. Вышедшая въ концѣ 1865 г. брошюра «Эмиграція польская» дала возможность дополнить этотъ пробѣлъ.

За тѣмъ, кромѣ дѣйствія литературою, ни одна партія высылала въ край такого множества эмигрантовъ; ихъ обязанность была образовывать мѣстныя секціи между туземцами, для большаго собиранія денегъ и распространенія своихъ ученій. Религіозное направленіе далеко не входило въ программу дѣятельности централизаціи, хотя она хотѣла имѣть есендзовъ на своей сторонѣ. Централизація со всѣхъ сторонъ обдумывала средства и собственному усиленію для борьбы съ аристократическою партіею но какъ эта, по указаніямъ *Чарторыйскаго*, стремилась клерикальную партію удержать за собою, то, для парализованія этой работы, централизація придумала пригодное средство: она склоняла молодыхъ людей, совершенно увлеченныхъ ея ученіями, поступать и есендзы, дабы въ этомъ духѣ дѣйствовать на женщинъ и на народъ. *Конарскій* былъ первый эмигрантъ отъ централизаціи, отправившійся въ край, для установленія правильныхъ поборовъ съ туземцевъ въ пользу демократическаго товарищества и образованія секцій, подчиненныхъ централизаціи. Для точнаго направленія дѣятельности туземцевъ, составлялись разныя инструкціи и катихизисы, которыя, въ микроскопическомъ видѣ, при чтеніи, возможно только при помощи увеличительныхъ стеколъ, въ пуговицаху въ карандашахъ и т. п. доставлялись въ край. Къ числу таковыхъ принадлежалъ и знаменитый польскій катихизисъ, для служащихъ въ Россіи поляковъ, который мы помѣстимъ въ приложеніяхъ за таковыя централизація уплачивала авторамъ преміи, и польскій катихизисъ попалъ въ руки русскаго правительства едва ли не въ новомъ, уже дополненномъ, исправленномъ изданіи.

При подобномъ подготовленіи поляковъ, находящихся въ русской службѣ, не удивительно, что поляки доставили во Францію планы русскихъ вѣрностей, не удивительно, что эмиграція ведетъ списки всѣхъ въ Россіи служащихъ поляковъ, съ обозначеніемъ ихъ лѣтъ, содержанія и способностей, что она изъ Парижа узнаваетъ на необходимыя для польской справы замѣщенія въ русской администраціи, что *Мтрославскій* поражаетъ своими численными свѣдѣніями о состояніи русскихъ войскъ, на привѣръ, — по числу въ полкахъ находящихся римско-католиковъ, наконецъ, что онъ въ средѣ эмиграціи выражался, что нѣтъ такого свѣдѣнія, въ которомъ ему встрѣтится надобность, и которое телеграфъ не принесъ бы ему чрезъ 24 часа.

Эмиграція, побывая съ края обильныя пожертвованія, вдал

стала какими то избраннымъ кружкомъ польской націи; поляки туземцы, преклоня колѣни предъ полнымъ обаяніемъ этихъ *высокорослыми*, наукою и опытностью себя выработавшихъ, своихъ старшихъ братьевъ, каковыми они называли своихъ выходцевъ, слѣпо вѣрили во всѣ обѣщанія, не видѣли обмана, а приписывали только некоторымъ уловкамъ, необходимымъ для проведенія польской правды, когда натыкались на ихъ продѣлки. Туземцы даже почтили своихъ долгомъ поддакивать, дабы поддерживать всю ложь (всю клевету, которая эмигранты находили пригодными разсеять; такъ, нѣсколько эмисаровъ централизаціи, какъ выше было сказано, съ Эдуардомъ *Дембовскимъ* во главѣ, предъ мятежемъ 846 года, обходили деревни Галиціи, всюду возбуждая народъ ругивъ землевладѣльцевъ, выставляя ихъ его отъявленными врагами, отъ которыхъ топорами должно избавиться; не менѣе того, они хорошо поддакивали, что австрійское правительство устроило бѣдства, и только сами высказали истину, когда разочаровались въ оныя, что эмиграція можетъ возвратить независимость Польшѣ. Когда винули всѣ надежды на грозную, громадную всеобщую революцію въ Европѣ, изъ которой новымъ сфинксомъ должна была возникнуть освобожденная Польша, когда, наконецъ, и гроза волоссальныхъ змѣй западной Европы, послѣ трехъ лѣтней борьбы, прошла, и Европа, казалось, забыла, что существуетъ польское шляхетство, тогда разсерженные поляки—туземцы взглянули пытливые на дѣятельность своихъ дальнихъ земляковъ. Приведемъ нѣкоторые отзывы туземцевъ о демократической ихъ партіи:

„Централизація, говорятъ поляки, (*) взялась проповѣдовать вольность, равенство и общее братство, но у нея вольность значить деспотизмъ, равенство—сѣсть народу на шею, братство—убійство. Война 1830—1831 года имѣла для Польши гибельныя послѣдствія, но доконать насъ Россія не могла и не умѣла; для того у нея не достало ни силы, ни разума. Польша не упала нравственно; эмиграція взяла на себя святое дѣло выказать Европѣ историческое значеніе Польши и Россіи; централизація демократическаго товарищества взяла на себя науку пересоздать Польшу, но она все разрушала, все разрывала и ничего не успѣла ни заложить, ни создать. Въ Лелевелѣ уважали проводника терро-

(*) Образъ товарищества демократичнаго польскѣго и ѣго централизаціи—напечатанъ въ Краковѣ, подъ псевдонимомъ Старогійскаго.

ризмъ и демагогизмъ, централизація проводила мысль, что, послѣ наденія исторической Польши, легче всего сотворить новый польскій міръ, дать жизнь, дать силы для возстанія и сильный народный бытъ; журналъ „Постемпъ“, основанный для провѣда ея теорій къ этому возобновленію Польши, объявилъ, что понятіе Бога вредитъ развитію правъ человѣчества, что мы всѣ равны, потому что равны по созданы изъ глины. Таковы были начала, на которыхъ централизація основала свои теоріи пересозданія польскаго народа.

Край поддался господству централизаціи, и съ этого времени начались ея домогательства къ самовластію надъ нимъ; съ этого времени мечты о диктатурѣ, мечты о пропагандѣ—путемъ кровопролитій. „У централизиовъ не было недостатка въ доходахъ; они придумали къ тому способъ наискуснѣйшимъ образомъ и выработали талантъ выжиманія; всюду были складчины какъ въ краѣ, такъ и во Франціи. Централизики жили въ Версали роскошно и на распашку; бросаньемъ денегъ они осуществляли свои демократическіе манифесты. Сколько лѣтъ собирали они деньги съ того добродѣтелиа дворянства, на головы котораго они приказали точить топоры, предъ рѣзней 1846 года!“

Злыми покушеніями, сатанинскими началами противъ всякихъ духовныхъ началъ, централизація выступила на попринце дѣйствія. Записной демократъ I. Н. Яновскій выразился: „человѣкъ (т. е. Графъ Гуровскій) вышелъ; но свою мысль онъ оставилъ.“ Въ 1832 г. манифесты объявляли, что Польша не имѣетъ собственныхъ силъ для возстанія; тогда европейскимъ революціонерамъ нужно было заставить эмигрантовъ имъ содѣйствовать. Черезъ четыре года централизація сдѣлала большое открытіе: манифестомъ она объявила, что Польша можетъ возстать собственными силами; тогда лѣнскія событія заставили притихнуть европейскихъ сотоварищей. „И такъ Польша не могла бы освободиться сама собою, но демократическое товарищество дало ей возможность, объявляя демократическимъ товариществомъ все для Польши, а Польшей для народа; то есть горячка и конвульсія 1846 г., по манифесту централизаціи, должны были служить къ освобожденію Польши. Централизики и централизація проповѣдовали коммунизмъ, а своею наукою они шли къ тому одинъ путь: *терроръ и кровь*. Дѣйствительно, рѣзней 1846 года, она близко была къ тому, что наступило бы въ самомъ дѣлѣ совершенное равенство. (Мяда настоящихъ правдивыхъ рунносць).“

Таковы были средства, придуманные наукою централизаціи для достиженія того, что объявлялъ краковской манифестъ: „У насъ будетъ вольность, каковой еще свѣтъ никогда не видѣлъ.“ Манифесты централизаціи выговорили ея символъ: „самовластіе и мечъ“ и сатанинская наука выразилась словами: „Кто не поддается убѣжденію, тотъ поддается убіенію (кто се не да пршеконаць, да се замордоваць).“

Освобожденіе ойчизны были одуряющія слова для поляковъ; паны, въ чаду своей патріотической похоти, были увѣрены, что когда настанетъ часъ избавленія, тогда они возвратятъ свое значеніе и, глядя на красныхъ, какъ на нужное пушечное мясо для перваго огня, ободрительно отзывались о настойчивой ретивости своихъ демократовъ, какъ они говорили до 1849 года, демагоговъ, какъ они называли ихъ впоследствии. Они открывали свои щедрые кошельки предъ эмиссарами эмиграціи, читали съ удовольствіемъ ихъ періодическія изданія и брошюры, подхваляли ихъ умъище религіозный фанатизмъ прежнихъ временъ переработать въ фанатизмъ политическій; на рѣчи центральщиковъ они смотрѣли, какъ на воодушевляющія слова начальника, готовящаго воинновъ на приступъ, въ полной надеждѣ, что взятая крѣпость перейдетъ въ ихъ руки; только послѣ всѣхъ неудачъ эмиграціи сороковыхъ годовъ смекнули, что паны такіе же враги для польскихъ демагоговъ, какъ и державы, раздѣлившія Польшу, и что, по достиженіи независимости, имъ грозитъ, со стороны этихъ дѣятелей - патріотовъ кровавая расправа. Паны поняли, что, въ предстоящихъ работахъ къ польской справѣ, они должны противъ этихъ сотрудниковъ-соперниковъ принять свои мѣры; сотрудники-соперники проводили мысль, что подготовленія къ кровавой расправѣ не должны ограничиться сицилійскими вечернями противъ войскъ, размѣщенныхъ въ границахъ Польши 1772 года; всѣ социальныя реформы, научно обработанныя централизацію, для пракческаго примѣненія принесли только одинъ исходъ: *убивать, кого не могли убѣдить словомъ или застрачиваніемъ.*

Конечно, всѣ личности, которыя въ теоріяхъ централизаціи черпали свои политическія убѣженія и въ ея кровавыхъ инструкціяхъ видѣли наставленія для ихъ общественной дѣятельности, съ полною справедливостію были названы *красными.*

В Среди судорожной, раздраженной дѣятельности, истинные представители партіи красныхъ, центральщики, съ своими сообщниками,

выработывали кровавыя теоріи, для сушняго благоденствія чело-
вѣчеству, которыя, по ихъ разсчетамъ, должны были доставить имъ
власть въ руки, какъ исполнителямъ новыхъ, спасающихъ общества,
идей. Съ этою дѣятельностью, дѣятельность Ламберова отела
составляла совершенную противоположность. Душею ея былъ
князь Адамъ *Чарторыйскій*; его мысли двигали къ конспиратив-
ной работѣ польскихъ магнатовъ и пановъ; онъ составляли ихъ
политическія убѣжденія. Польская аристократія и польскіе паны
вѣрили въ искусство князя Адама; они признавали его ге-
ниальнымъ государственнымъ мужемъ Польши; они не ошибались
въ томъ смыслѣ, что государственные мужи Польши славились
своими интригами, и конечно, едва ли на этомъ поприщѣ *Чарто-
рыйскій* найдетъ соперника. Поляки и ихъ сторонники говорятъ: (*)

„Князь Адамъ, будучи попечителемъ учебнаго округа, съ полнымъ
успѣхомъ для польской справы, совершилъ великое дѣло, но
онъ запутался въ своихъ соображеніяхъ, какъ русскій министръ
иностранныхъ дѣлъ и потерпѣлъ совершенное поражение; князь
Адамъ былъ обойденъ императоромъ Александромъ и, пона-
дѣясь на него, парализировалъ порывы патриотовъ; если бы *Чар-
торыйскій* не убаюкивалъ соотичей вѣстями въ добрыхъ на-
вѣреніяхъ Александра, то вся Польша не пропустила бы времени,
она возстала бы при Наполеонѣ и, конечно, при тогдашнемъ по-
ложеніи дѣлъ въ Европѣ, сьумѣла бы утвердить свое восстано-
вленіе; князь *Адамъ* погубилъ и возстаніе 1831 года, не имѣя
вѣри въ народныя силы, и упалъ духомъ, когда видѣлъ, что
на помощь иностранныхъ державъ уже нечего разсчитывать.»

Таковы отзывы поляковъ разныхъ партій; но не смотря
на то въ средѣ пановъ, болѣе справедливые патриоты иначе
оцѣнивали заслуги, оказанныя польской справѣ княземъ *Адамомъ*.
Князь *Адамъ*, по ихъ мнѣнію, оказалъ незабвенныя услуги дѣлу
Польши. Онъ, въ критическія для нея минуты послѣ раздѣла,
не далъ заглухнуть польской національности, онъ воскресилъ въ
1815 году, на Вѣнскомъ конгрессѣ, имя Польши и поляковъ
на картѣ Европы, въ международныхъ трактатахъ вычеркну-
тыхъ послѣднимъ раздѣломъ; на ихъ восстановленіе не рѣ-
шался и Наполеонъ; онъ, изъ вопроса, интересовавшаго только

(*) Мазадъ, В. Мицкевичъ, не назвавшійся авторъ «Эмиграція
польска.»

одни кабинеты, сдѣлалъ вопросъ, нынѣ заинтересовавшій все европейское общество, вдвинувъ въ свое время Польшу на шахматную доску европейской дипломатіи.

Подготавливаемый домашнимъ воспитаніемъ къ продолженію дѣятельной роли своей фамиліи на поприщѣ интригъ Рѣчи Посполитой, принявъ участіе въ передрыгахъ конституціи 1791 г. и возстаніи *Косцюшки*, князь *Адамъ* явился уже съ подготовившею его опытностью въ С. Петербургѣ, въ 1795 году, и по 1824 годъ оставался руководителемъ всѣхъ польскихъ интригъ, веденныхъ въ Россіи. Онъ глубоко изучалъ людей, отъ которыхъ зависѣла судьба Польши, людей вліятельныхъ и старался съ ними завязать ближайшія сношенія.

Онъ, играя на струнахъ чувства справедливости Монарха, работывалъ въ Императорѣ Александрѣ впечатлѣніе, произведенное въ немъ швейцарцемъ Лагарпомъ, что возвращеніе западной Россіи къ русской державѣ было политическимъ преступленіемъ. Воспоминанія и корреспонденціи князя Адама свидѣтельствуютъ, что онъ умѣлъ искусно во тьмѣ и мглѣ держать польскія дѣла предъ глазами русскаго правительства, дабы не допустить до того, чтобы они могли обратиться въ ясно понятый польскій вопросъ; преданныя печати отрывки, по волѣ *Чарторыйскихъ*, даже и тѣ указываютъ, что играя на струнахъ сердечной доброты Государя, съ видомъ глубокой скорби и нравственнаго потрясенія, онъ становился предъ Александромъ Павловичемъ всякій разъ, когда выходили правительственныя распоряженія, не пригодныя, или опасныя польской справѣ.

Филантропія и цивилизація стали между русскими сановниками лозунгомъ, пущеннымъ молодымъ воцарившимся императоромъ, который со всѣмъ пыломъ доблестной, прекрасной своей природы, жаждалъ благоденствія своихъ подданныхъ. Филантропія и цивилизація, въ рукахъ князя Адама *Чарторыйскаго*, стали чадомъ, который онъ напускалъ на русскихъ, домогаясь филантроповъ и цивилизаторовъ обратить въ полонофиловъ, въ сотрудниковъ къ польской справѣ; и на прочныя основанія онъ поставилъ приумноженіе между русскими служащими того, что польскіе эмигранты впоследствии прозвали *Пануровымъ стадомъ*. Онъ положилъ основаніе тому, что наука интригъ и революцій впоследствии выработалась до террора, до застрашанія людей, опасныхъ польской справѣ. Личности вліятельныя, которыхъ польскій чадъ не могъ отуманить, и которыя сквозь него видѣли и проводили русскіе интересы, но-

шрамыне полонизмъ, тѣхъ тщательно закутанная польская интрига устраняла отъ дѣлъ, и только предъ позднѣйшимъ воцѣлствомъ начинать разясняться давно забытыя событія. Чужими руками князь *Чарторыйскій* устроилъ паденіе опаснаго польской справѣ *Державина*, еще искусѣе и съ немалымъ успѣхомъ была ведена интрига противъ опаснѣйшаго противника, противъ *Сперанскаго*, — дѣла, затѣяннаго княземъ *Адамомъ*, и едва ли не по его ближайшимъ соображеніямъ, чужими руками вполне исполненнаго графомъ *Михайломъ Огинскимъ*, когда онъ заѣхистилъ *Чарторыйскаго* въ обязанности верховнаго руководителя къ охраненію пруссифкаціи работъ по польской справѣ въ С. Петербургѣ. Польская справа домогалась поставить вновь приобретенную Финляндію на тотъ путь, чтобы финляндцы уподобили себя полякамъ въ ихъ отношеніяхъ къ Россіи; польская справа, по дипломатическимъ соображеніямъ князя, надѣялась усилиться союзникомъ, и для того думала найдти орудіе въ Арнфельдѣ *мужа, состарѣвшагося среди стокоольмскихъ интригъ*, по словамъ современника, *и который, послѣ бурной служебной карьеры въ отечествѣ, переселяясь въ Россію, искалъ новаго значенія.*

Подъ высокимъ покровительствомъ князя *Чарторыйскаго*, польская интрига самымъ коварнымъ путемъ устраняла отъ дѣлъ и *Иоанна Крассовскаго*, энергическаго ревнителя русскаго дѣла въ западной Россіи, и когда, съ восшествіемъ на престолъ Императора Николая Павловича, при его прозорливо ясномъ взглядѣ, снова открылось широкое поприще предъ *Крассовскимъ* и не было надежды отъ него избавиться, тогда внезапная его кончина оставила не одну молву объ изворотливости польской справы, которую никакое средство не останавливаетъ для достиженія цѣли. Раскрытіе мятежнаго настроенія виленаго университета, вѣтви конспиративной дѣятельности, веденной въ Варшавѣ, подъ высокимъ покровомъ князя *Чарторыйскаго*, заставило его выпросить позволеніе и поспѣшно удалиться за границу, не ожидая конца дѣла, какъ того желалъ Александръ Павловичъ; убоился князь, чтобы *Новосильцевъ* не раскрылъ нить *perpetuo mobile* польскихъ заговоровъ и не дошелъ, хотя косвенно, и до него самаго. Гроза прошла благополучно; когда же раскрытіе польскаго заговора, союзнаго заговора декабристовъ, кое какъ въ Варшавѣ изслѣдованнаго, пришло къ тому, что судъ былъ наравненъ для приговора преступниковъ, тогда *Чарторыйскій*, увѣрен-

ний въ своей безопасности, тотчасъ вернулся и занялъ свое мѣсто въ варшавскомъ сенатѣ, дабы спасать людей, которые впродъ могли быть ему полезны и которыхъ удаленіе нанесло бы рѣшительный ударъ конспиративной его дѣятельности. Эти люди, рѣшительные, готовы не только конспиривовать, но и дѣйствовать, начать мятежъ и своимъ примѣромъ увлечь другихъ, были для *Чарторыйскаго* самые дорогіе, незамѣняемые. Такихъ людей онъ постоянно ободрялъ, поддерживалъ, спасалъ, къ какой бы партіи они ни принадлежали. Даже въ средѣ самыхъ непріязненныхъ ему рядовъ онъ парализировалъ ихъ ненависть къ себѣ подстрекающими, истинными отзывами: „позволено ли истинному поляку на него гнѣваться, когда все это у него происходитъ отъ одного чувства безпредѣльной, горячей любви къ ойчизнѣ?“ Это была постоянная его тактика во все время его многолѣтняго политическо-конспиративнаго поприща.

Начало царствованія Николая Павловича указало, что Государь, не смотря на тьму и иглу, покрывавшія польскія дѣла, приводя въ порядокъ государственное устройство, наносилъ страшные удары всѣмъ подготовленіямъ къ польской справѣ; многолѣтнимъ работамъ *великаго будованія* (1) угрожали съ каждымъ днемъ новыя разрушенія; нельзя было терять времени; князь *Чарторыйскій* постоянно рассчитывалъ, что только при сильномъ потрясеніи спокойствія въ Европѣ, Польша можетъ воспрянуть изъ развалинъ; іюльская монархія, возникшая въ Парижѣ, подавала много надежды, при развившемся духѣ къ революціямъ въ 1830 году, и по мановенію князя *Чарторыйскаго* мятежъ вспыхнулъ въ Варшавѣ; тогда, съ всегдашнею своею предусмотрительностью, онъ, во время уже загорѣвшагося мятежа, сношеніями съ *Цесаревичемъ*, сберегалъ для себя заднюю дверь для благополучнаго отступленія, въ случаѣ шапаста, съ поля крамолы.

Съ укрощеніемъ мятежа польскія надежды разсѣялись. Приговоръ князя Адама *Чарторыйскаго* къ смертной казни, въ случаѣ его возвращенія въ Россію, охранилъ предѣлы Имперіи, по крайней мѣрѣ отъ личнаго его посѣщенія.

Въ то время, какъ на одной окраинѣ ревностной польской справы стояла съ проявленіями кипучей, яростной, бѣшеной дѣятельности централизація, на другой стояла дипломатически холод-

(1) На языкѣ заговорщиковъ возстановленіе Польши.

ная личность хитраго князя Адама *Чарторыйскаго*. Каждое его слово, каждая его рѣчь была обманъ, а потому точно также въ томъ же смыслѣ, безошибочно онъ и принималъ всякое слово, всякую рѣчь своихъ противниковъ; во всѣхъ оглашаемыхъ заявленіяхъ онъ видѣлъ только средство увлечь и двигать близорукія и легко увлекаемыя массы поляковъ. Онъ неуклонно и въ эмиграціи продолжалъ проводить свои фамилійныя традиціи, въковую фамилію свою программу — сдѣлать изъ *Чарторыйскихъ* династію на польскомъ престолѣ и обратитъ его въ наследственный; это стремленіе было завѣщаніе его предковъ, онъ его передавалъ своему потомству; оно освѣщаетъ весь путь его столь разнообразнаго жизненнаго поприща.

Пребываніе князя *Адама* въ эмиграціи на много выдвинуло впередъ фамилію программу; онъ добился того, что, въ понятіяхъ всѣхъ поляковъ — сторонниковъ и враговъ, ясно обозначалось, что, если Польша воспрянетъ и воспрянетъ въ монархическихъ формахъ, то природный король можетъ быть только *Чарторыйскій*. Въ Варшавѣ, равно какъ и въ Петербургѣ, прежде онъ былъ только польскій вельможа, глава известной партіи, защитникъ польскихъ интересовъ, чиновникъ русскаго правительства, отставившій польщину предъ первенствующими русскими властями; въ эмиграціи же, не смотря на всѣ неистовыя провозглашенія демократовъ и ихъ централизаціи, которые сами жаждя власти, общественное мнѣніе Европы, и преимущественно поляковъ, видѣло уже въ *Чарторыйскихъ* какъ бы развѣчанную династію; онъ ловко успѣлъ занять такое положеніе и окружить себя пригодною обстановкою. *Делевелъ* признавалъ, что для восстановленія нужна династія и сожалѣлъ, что ее нельзя поддѣлать, *Можнацкій* доказывалъ необходимость династіи и указывалъ на *Чарторыйскихъ*; журналъ 3-го мая уже явно призывалъ Польшу къ признанію короля *Адама I*; ближайшіе сторонники его и призывали. Графъ *Владиславъ Замоискій*, для укрѣпленія сего факта совершилъ, вычеканилъ тысячи экземпляровъ медалей съ его изображеніемъ и съ надписью: „Боже, возврати намъ нашего короля, Отецъ *Ламберъ* имѣлъ всю обстановку королевскихъ чертоговъ; при *Чарторыйскомъ* былъ особый совѣтъ дирекція, (1) состав-

(1) Дирекцію называлось, послѣ раздѣла Польши, и польское аристократическое агенство, при французской директоріи, въ концѣ минувшаго столѣтія.

иный изъ аристократическихъ личностей эмиграціи. Подъ дирекціей состояли три департамента: *дипломатическій, военный и особызъ сношеній*. Эти три департамента Ламберова отеля обрисовываютъ его дѣятельность. Безопасное пребываніе за границей дало *Чарторыйскому* возможность, подъ сѣнью эмиграціи, въ полуофициальномъ видѣ, продолжать регретишши mobile польскихъ заговоровъ, начавшихся съ 1794 года.

Чарторыйскій пародировалъ претендента развѣнчанной династіи и, опираясь на большинство пановъ туземцевъ, въ ихъ глазахъ разыгрывалъ дѣйствительно роль короля *Адама I-го*. Проведеніе фамиліи программы *Чарторыйскихъ* приняло опредѣленные, ясныя формы.

Искусственное воспроизведеніе таинственнаго государства, безъ территоріи, проявлялось и въ своеобразныхъ формахъ его дѣятельности. Ламберовъ отель имѣлъ свою политику безгранично-либеральную для всего, что касалось конспиративной дѣятельности; Ламберовъ отель все прощалъ своимъ соотчичамъ противникамъ, даже централизаци: „Демократическое общество только увлекается избыткомъ своего патриотизма“, были постоянныя слова Ламберова отеля; за то его принципы были чисто шляхетско-консервативныя; эти принципы и составляли силу Ламберова отеля — силу дѣйствительною, не мечтательною, какъ сила централизаци, но осязательною, безъ содѣйствія которой всѣ затѣи польскихъ демагоговъ обращались въ ничто, такъ, напр., разыгрались кровавыя шутки *Элиевского, Потоцкого, Воловича*. При своеобразномъ положеніи, безъ территоріальнаго государства, во внѣшнихъ сношеніяхъ князя *Адама*, при нормальномъ положеніи Европы, литература едва ли не имѣла большее значеніе, нежели его сношенія дипломатическія.

Чарторыйскій созидалъ свои пресловутыя дипломатическія сношенія на остаткахъ прежнихъ связей и исканіемъ новыхъ съ вліятельнѣйшими сановниками въ Европѣ. Не имѣя официально доступа въ кабинеты, *Чарторыйскій* содержалъ однако своихъ агентовъ въ разныхъ столицахъ, подкарауливать моменты, дабы напоминать европейскимъ державамъ, что поляки, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, будутъ поддерживать, всеми своими видными и невидными средствами, всякія враждебныя дѣйствія противъ Россіи. Самыя успѣшныя и постоянныя сношенія велись съ Римомъ. Черезъ папу, *Чарторыйскій* всендзами усиливалъ

свое влияние на тѣ слои общества, въ которыхъ преимущественно могла дѣйствовать централизація; чрезъ него онъ надѣялся проводить и свои соображенія въ Россію, уясняя дѣла ватикану. При спокойномъ же положеніи Европы, Ламберовъ отелъ, безъ всякаго влияния на кабинеты, искалъ другой поддержки—въ европейскомъ общественномъ мнѣніи.

Европейскія общества, по національнымъ чувствамъ, оглядывались на возраставшее могущество Россіи. Поляки съумѣли раздуть эти опасенія до ненависти; держать польскія дѣла во мѣлѣ и тѣмъ было постояннымъ стремленіемъ поляковъ; относительно западной Европы имъ бѣло это тѣмъ удобнѣе, что даже и во Франціи вся польшизна смутно сливалась въ двухъ именахъ *Костюшки* и *Понятовскаго* (1), и разнообразная, разнохарактерная литература всѣхъ партій польской эмиграціи сливалась для Европы въ какой то непроницаемый хаосъ, изъ котораго она могла уразумѣть только то, что Россія врагъ человечества и опаснѣйшій противникъ европейскому развитію. Ламберовъ отелъ, издавая для туземцевъ свою польскую газету (*3-й Май*), привлекалъ къ себѣ и всякія польскія проявляющіяся интеллектуальныя знаменитости (*Мокнацкіи, Мьрославскій, Мишкевичъ, Красинскій, Чайковский* и пр.); всѣ не миновали замкнутаго Ламберова отеля. Но гораздо дороже ему обходилась закупка иностранной печати. Шпіоны и литература, во время послѣдняго члѣтежа, въ одинъ годъ обошлись въ 2 милліона франковъ; правда, что это было время особенной дѣятельности, но и предыдущая же многіе бѣла не бѣе. Закупая журналы, издаваемые на всѣхъ языкахъ, Ламберовъ отелъ искалъ и писателей иностранцевъ, кромѣ голландцевъ, проводившихъ польскую справу по французски, по нѣмецки и по русски; чужіе писатели были тѣмъ пользѣннѣйшіе сотрудники въ работѣ и проведеніи идей Ламберова отеля, что они могли дѣйствовать сильнѣе на общественное мнѣніе, какъ писатели *безпристрастныя*; таковыми мы видимъ для французской публики *Мазода*, для русской *Шедо-Ферроти*, которые со всѣмъ своимъ удовольствіемъ проводили идеи Ламберова отеля. Ежегодно въ польскомъ историко-литературномъ обществѣ, основанномъ подъ сѣнью *Чарторыйскаго*, бывали, въ день годовщины варшавскаго возстанія

(1) Костюшко и Понятовскій. (Notes pour servir a L'intelligence des affaires de Pologne. Оаддея Тышкевича).

1830 (17/29 ноября) и 3-го мая, торжественныя собранія. На нихъ, пародируя тронныя рѣчи, князь *Адамъ* приносилъ свои рѣчи, которыхъ образчикъ читатели найдутъ въ приложеніяхъ, дабы ознакомить нѣсколько съ способомъ, принятымъ *Чарторыйскимъ* для легальнаго изображенія мятежныхъ замысловъ. Дипломатическій департаментъ былъ ввѣренъ перекресту изъ еврей въ *Кляцко* (1).

Занятіемъ дипломатическаго департамента было назначено: 1) исправленіе польской журналистики Ламберова отеля, въ помѣщеніи пригодныхъ видамъ аристократической партіи приличныхъ статей въ закушленные иностранныя періодическія изданія; вообще въ кругъ дѣйствій департамента *Кляцко* входила вся литературная и ученая дѣятельность; *Кляцко* и самъ писалъ статьи въ *Revue de deux mondes* и въ ежедневныя большія парижскія журналы; 2) сношенія съ агентами *Чарторыйскаго*, разосланными по европейскимъ столицамъ, чтобы оживить тамъ воспоминанія о полякахъ, выставить значеніе князя *Адама* и стараться войти въ сношенія съ вліятельными личностями правительственными-литературными, или вліяющими на общественное мнѣніе. Ламберовъ отель хорошо помнилъ традицію польскаго заговора при его зародышѣ, въ концѣ минувшаго столѣтія: съ паденіемъ Польши, ея голова и сердце должны переселиться въ Парижъ, а ея руки должны быть, одна въ Константинополѣ, другая въ Стокгольмѣ; князь *Адамъ* не упускалъ изъ

(1) Мѣстные старожилы помнятъ *Кляцко* еще быстроглазымъ и быстроногимъ жидкомъ въ Вильнѣ, обратившимъ вниманіе своею способностью въ исполненіи скромныхъ и деликатныхъ порученій. Паны признали полезнымъ, чтобы онъ прослушалъ курсы заграничныхъ университетовъ; онъ отправился въ Пруссію, отуда перебрался въ Парижъ и добился высокаго довѣрія князя *Чарторыйскаго*. Кровавые поляки весьма обижались пріятными имъ горячо патріотическими шляхетскими ухватками. «*Кляцко* стыдился того, что онъ жидъ;» поэтъ *Адамъ Мицкевичъ*, вострогнутый за живое его выходками, перебилъ его однажды среди испранныхъ разглагольствованій вопросомъ: „не знаете ли вы, сколько раввинскихъ училищъ въ Польшѣ?“ и прибавилъ, что ему пріятнѣе было бы проповѣдывать полонизмъ евреямъ, чѣмъ выставить себя адвокатомъ шляхетскихъ притязаній“ *Вл. Мицкевичъ*, стр. 27)

виду эту традицію, и востокъ въ особенности. Мы видѣли различіе въ дѣятельности *Чайковского* (Садикъ Паши). „Чарторыйскіе похваляются въ обращеніи къ римско-католичеству, пишетъ В. *Мицкевичъ* (3), но мы опасаемся, что это обращеніе не послужитъ польской справѣ. Вунгары, чтобы добыть покровительство Франціи, согласились сдѣлаться: уніятами, т. е., неизмѣняя своему греческому закону, признавать папу вмѣсто константинопольскаго патріарха; нынѣ іезуиты вмѣшались въ это дѣло; событія Украины могутъ и тамъ повториться и нѣсколько фанатическихъ ксендзовъ могутъ заставить населеніе кинуться въ объятія Россіи. Но *Чарторыйскіе* получили отъ папы много воздравленій и благословеній.“

Военнымъ департаментомъ управлялъ *Йорданъ*. Въ него поступали всѣ планы и проекты для военныхъ дѣйствій въ случаѣ мятежей, свѣдѣнія о военныхъ силахъ трехъ державъ, раздѣлившихъ Польшу, и подробнѣйшія свѣдѣнія о полякахъ, находящихся въ войскахъ этихъ государствъ; свѣдѣнія о военныхъ польскихъ личностяхъ и о числѣ поляковъ, особенно принадлежащихъ спеціальнымъ оружіямъ. Если мы обратимся къ нашимъ собственнымъ воспоминаніямъ, то невольно кидается въ глаза то обстоятельство, что въ нашихъ спеціальныхъ военно-учебныхъ заведеніяхъ, въ концѣ тридцатыхъ еще годовъ, воспитанники поляки были рѣдкостью, но съ сороковыхъ годовъ число ихъ стало быстро возрастать. Военный департаментъ *Ламберова* отеля работать не даромъ; кромѣ того, онъ слѣдилъ за всѣми поляками, воспитывающимися во Франціи.

Самый значительный департаментъ *Ламберова* отеля былъ третій — особыхъ сношеній. Имъ управлялъ *Каміна*. Въ немъ велись счеты ежегодной подати какъ бы *liste civile*, по словамъ *Мицкевича*, уплачиваемой туземцами, то былъ нервъ, питавшій всѣ затѣи *Ламберова* отеля, статья весьма важная, при тѣхъ огромныхъ расходахъ, которые имѣлъ *Ламберовъ* отель. Не мало должны были вносить польскіе магнаты туземцы и танувшіеся въ магнаты, чтобы поддержать не только блескъ псевдо-королевскаго пребыванія въ Парижѣ, но и всѣхъ дипломатическихъ агентовъ, которые проживали въ Европѣ, со всею посланнической обстановкой; „безъ обѣдовъ, безъ

(1) *Skartogysky*; стр. 26, 1863 г.

блговъ, безъ наружнаго богатства и блеска имѣть и успѣховъ“ говорили туземцы, побывавшіе въ Парижѣ.

Въ третій департаментъ постунали всѣ тайныя донесенія сторишниковъ, отсюда разсылались инструкціи, приказанія, наставленія. Тамъ велись подробныя алфавиты туземцамъ, служащимъ въ администраціи Россіи, Австріи и Пруссіи, съ подробными ихъ кондунтами, оттуда разсылались увѣдомленія о пригодныхъ для польской справы назначеніяхъ. Однимъ словомъ, третій департаментъ долженъ былъ слѣдить, самымъ подробнымъ образомъ, не только за всѣми дѣлами, касавшимися польской справы, но и за всѣми личностями, на нее вліявшими и могущими имѣть вліяніе, какъ изъ поляковъ, такъ и русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.

Аристократическая партія въ эмиграціи не была значительна числомъ своихъ членовъ, но за то она была сильна поддержкою мѣстной аристократіи, которая, считая свои имена связанными съ исторіею Польши, и которую такъ сильно подымали фамильныя традиціи, была готова всѣмъ своимъ вліяніемъ содѣйствовать преуспѣванію работъ для великаго будованія. Польскіе магнаты, для своихъ корыстныхъ видовъ, охотясь за значеніемъ и властью, продавали нѣкогда Рѣчь Посполитую, устроясь такъ, что безпереромно, по уговору, получали тысячами червонцы отъ Австріи, Пруссіи, Россіи, Франціи, Англіи, Саксоніи, а утративъ *отчизну*, они не могутъ забыть золотое для нихъ время польской неурядицы.

Въ павшей своеобразной польской республикѣ съ королемъ во главѣ, польскіе магнаты, поддерживаемые шляхетствомъ, шляхтою и ксендзами, были истинными деспотами короля и народа; возвращенія золотого времени самоуправства и своеволія добивались снова магнаты и шляхетство, въ эмиграціи и на родинѣ, въ рядахъ бѣлыхъ и въ рядахъ красныхъ. Нѣмцы XVIII столѣтія говорили о Рѣчи Посполитой, что тамъ *шляхетству рай, ксендзамъ небо, крестьянину суціи адъ*, и дѣйствительно, гдѣ и когда крѣпостное состояніе достигало такого возмущающаго безобразія, какъ въ областяхъ Польши, въ которой шляхетство сумѣло провести весь его гнетъ мимо освобожденія крестьянъ въ герцогствѣ Варшавскомъ Наполеономъ, мимо всѣхъ инвентарей русскаго правительства, мимо всѣхъ гуманныхъ пышныхъ своихъ заявленій, которыми эмиграція пускала пылъ въ глаза Европѣ.

Разукрашенными легендами и чарующими традиціями шля-

хетство изучаетъ свою исторію; своеволю оно называетъ свободою. Чѣмъ дышать всѣмъ кудравымъ рѣчи эмиграціи, всѣмъ ихъ прокламаціи? Они народу сулятъ золотыя горы, а между тѣмъ всѣ они дышатъ однимъ задушевымъ порывомъ къ деспотической власти и вышнему значенію, такому значенію, чтобы каждому стать выше всякаго закона, выше всякаго постановленія. Ближайшія свѣдѣнія о послѣднемъ мятежѣ въ сѣверо-западной Россіи — радъ доказательствъ той непреложной истины, что не умеръ шляхетскій духъ старой Рѣчи Посполитой и всѣ ученики новѣйшей школы революціонеровъ отличаются развѣ только тѣмъ, что тонорами и кинжалами грозили всякому, кто смѣлъ имѣть свое собственное мнѣніе.

Князь Адамъ *Чарторыйскій*, графъ Михаилъ *Огинскій* и т. п. указали путь польскимъ магнатамъ, какъ имъ, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, проводить легально и безопасно польскую справу. По опытамъ выработанной тактики, польскимъ вельможамъ не подобаетъ возиться съ работниками, призванными ими на дѣло мятежа, а еще менѣе пачкать свои руки въ самомъ мятежѣ; конспиративная работа, для которой предназначались мѣстные аристократическіе дѣятели, не подвергала ихъ ни казнямъ, ни ссылкамъ, ни конфискаціи имѣній; они были обязаны, обращаясь въ высшихъ сферахъ, выдавать себя преданнѣйшими слугами правительствъ, отстаивать предъ ними постановленія, пригодныя для польской справы, парализировать прямое исполненіе невыгодныхъ, затемнять предъ властями настоящее положеніе дѣлъ и давать высшее направленіе такъ называемымъ *столбамъ* — *фильтрамъ великаго будованія*.

Преждевременный заговоръ былъ опасенъ возможностью раскрытія; *столбы будованія*, избираемые изъ второстепенныхъ слоевъ шляхетскаго общества, должны были поддерживать пригодное настроеніе, готовить съ осторожностью и благоразуміемъ, сводить связи и въ данный моментъ поставить требуемое число для дѣла мятежа; конечно, эти должности были болѣе рискованныя, но до послѣдняго мятежа, во всѣхъ предшествовавшихъ случаяхъ, нити слѣдственныхъ комиссій обрывались прежде, нежели онѣ могли до нихъ добраться.

Князь Адамъ *Чарторыйскій* считалъ недостаточнымъ двадцати такихъ столбовъ, для веденія всей работы конспираціи. „Мнѣ чудится, говорилъ онъ, въ одной изъ своихъ псевдо-тройныхъ рѣчей, что въ Польшѣ, въ разныхъ мѣстностяхъ, находят-

и нужи съ пылкииъ сердцеиъ, спокойнаго и обдуманнаго ума, неотрясаемой твердости и неутомимой настойчивости, и что эти люди чувствуютъ свое призваніе руководить своими братьями въ своей средѣ, для святаго дѣла освобожденія. Это призваніе главл дѣлъ ихъ существованія, единственный предметъ ихъ помысловъ, стремленій, усилій и пожертвованій. Людей такихъ каествъ много, очень много на нашей землѣ, но при способностяхъ, которыя я въ нихъ предполагаю, таковыхъ считаю человекъ двадцать совершенно достаточнымъ; они, равномерно размѣщенные, образуютъ тѣ столбы (филяры) для фундамента, на которомъ должно вѣдаться все зданіе освобожденія ойчизны.“

Со вступленіемъ князя Адама *Чарторыйскаго*, въ эмиграцію, то вліяніе на туземныя дѣла проводилось двумя путями; во первыхъ его сторонниками изъ мѣстной аристократіи; изъ этого числа были себод горячіе патриоты, которые шли по стопамъ его, князя Адама *Чарторыйскаго*, графа Михаила *Огинскаго*, князя Ксамерія *Друцкаго-Любецкаго*, послѣдовательно нѣкогда охранявшихъ польскіе интересы въ Россіи; графамъ *Дзялынскимъ* предстояли эти труды въ Пруссіи, но при маломъ значеніи, которое они могли тамъ приобрѣтати въ правительственныхъ сферахъ, поляки проводили свои интересы другимъ путемъ— поляками представителями въ палатахъ, между которыми особенно замѣчательнъ сталъ *Неголевскій*. Портреты этого ревнителя польской справы, сидящаго на креслахъ, разуверашенныхъ соединеннымъ гербомъ Польши и Литвы, стали принадлежностью жилищъ всѣхъ польскихъ патриотовъ; поляки приписывали наибольшее вліяніе на дѣла въ Австріи князю *Любомирскому*, проживавшему частью въ Вѣнѣ, частью въ Галиціи, и графу Адаму *Потоцкому*, жителю Кракова. Они были, въ числѣ легальныхъ руководителей, столбами польской справы.

Другой путь для дѣйствія изъ эмиграціи на туземцевъ князь *Чарторыйскій* нашелъ въ латинскомъ духовенствѣ. Если въ ревнителяхъ демократической партіи онъ видѣлъ для польской справы незамѣнимо-полезное зло, то это зло онъ думалъ парализировать вліяніемъ ксендзовъ. Всѣми силами стараясь, чтобы мѣстное духовенство слилось своей конспиративною дѣятельностью съ конспиративною дѣятельностію кановъ, въ эмиграціи онъ преобразился въ самаго ревностнаго сторонника костела, расточалъ предъ ватиканомъ увѣренія въ своемъ усердіи, въ Римѣ имѣлъ

постояннымъ агентовъ и щедро вымачивалъ туда приемыи высокаго польскаго шляхетства. Высшее польское мѣстное дувенство сдѣлалось естественно самымъ преданнымъ сторонникомъ *Чарторыйскаго*, подъ напскимъ вліяніемъ; оно по степенямъ и стельной іерархіи проводило внизъ данное направленіе; въ то время князь *Адамъ* внушалъ панамъ, чтобы они приближали къ себѣ въ своей средѣ сельскихъ есендзовъ и перестали, по старому обычаю, держать ихъ на одномъ уровнѣ съ своими управлящими, экономами и арендаторами. Бесѣды въ петербургск. духовной римско-католич. академіи съ выпускаемыми воспитанниками *Фелинскаго* (впослѣдствіи бывшаго архіепископомъ варшавскимъ во время возмущеній тамъ въ 1861 году безпорядковъ) указываютъ плоды этихъ стараній князя *Чарторыйскаго*. (*)

Мы не имѣемъ свѣдѣній объ сношеніяхъ князя *Адама* съ интимными сторонниками изъ туземцевъ; свѣдѣнія собраны только пріемъ въ Ламберовомъ отелѣ не столь высокопоставленныхъ личностей по дѣлу польской справы, которыя, кто по патріотически вліяніямъ, кто изъ любопытства, желали, посѣтивъ Парижъ, представиться своему псевдо—королю. Посѣщенія Ламберова отела не обходились безъ неизбѣжной въ этихъ случаяхъ офары.

При первомъ представленіи, пріемъ былъ съ торжественнымъ но съ холоднымъ благоволеніемъ, и сидящій старикъ, принявъ стоящаго гостя, въ рѣдкихъ случаяхъ подавалъ ему руку, и то только при откланываніи; но если посѣтитель удостоивался новаго приглашенія, то князь являлся нѣсколько уже привѣтливѣйшимъ хозяиномъ.

Не лишены интереса разговоры о домашнихъ польскихъ дѣлахъ; при всей краткости и отрывочности собранныхъ свѣдѣній онѣ вполнѣ характеризуютъ и всю дипломатическую осторожность *Чарторыйскаго* и всю легальную изворотливость, съ какою онъ внушалъ программу для мѣстной конспиративной дѣятельности. Князь *Адамъ* соглашался, что „Польша (т. е. шляхетство) переживаетъ тяжелые дни (сравнивая съ золотымъ ли временемъ Рѣчи Посполитой, или временемъ царствованія Александра Павловича?), но что надежда не должна оставлять шляхетство, и всю свою надежду оно должно возлагать на *цивилизацию Россіи*, которая принесетъ радикальное улучшеніе ихъ быта“.

На первомъ планѣ онъ ставилъ необходимость *допомогательствъ*

(*) Помѣщены въ „Вѣстникъ западной Россіи“ 1866 года.

къ восстановленію закрытыхъ польскихъ университетовъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ; польское юношество, избирающее гражданскую карьеру, должно особенно изучать юридическія науки, самыя полезныя для развитія ихъ интеллигенціи; поляки военные должны избирать спеціальныя оружія. Поляки обязаны содѣйствовать всѣми силами къ распространенію просвѣщенія въ Россіи, потому что отъ этого зависить ихъ будущее (ergo поляки должны быть цивилизаторами русскаго народа).

„Финляндія, прибалтійскій край, Малороссія, Кавказъ заняты только своими экономическими интересами; съ развитіемъ цивилизаціи, они на равнѣ съ поляками поймутъ свои національныя интересы“.

„Отъ окраинъ, болѣе подготовленныхъ, цивилизація со всѣхъ сторонъ проникнетъ во внутрь Россіи. Россія обречена на вѣчную борьбу съ Кавказомъ; ссылка туда поляковъ не есть бѣдствіе, напротивъ, они для соотчичей полезныя труженники; предъ ними широкое поприще; тамъ множество русской молодежи, обстоятельства вынужденной участвовать въ тягостныхъ военныхъ дѣятельностяхъ; поляки, руководя молодыми умами, готовятъ будущее поколѣніе, которое вовсе не враждебно будетъ смотрѣть на поляковъ; изъ среды этихъ новыхъ русскихъ дѣятелей, быстро возвышенные военными отличіями, внесутъ и въ Россію, на значительныхъ мѣстахъ, понятія, болѣе соотвѣтствующія нашему вѣку“.

Князь *Чарторыйскій* заявлялъ также, что, при трудныхъ временахъ, религія есть великое утѣшеніе и поддержка моральной твердости, потому онъ поручалъ есендзовъ заботливости пановъ, поддержку ихъ нравственнаго настроенія—щедротами и нравственнаго вліянія—поднятіемъ въ глазахъ общества и народа этого сословія, всегда отличающагося *своимъ патриотизмомъ*.

Сближая всѣ свѣдѣнія о дѣятельности князя Адама *Чарторыйскаго*, замѣчаемъ, что онъ оставался вѣренъ прежней системѣ дѣйствія. Разрушенныя мятежемъ 1831 года, возводимыя начала къ польской справѣ, онъ хотѣлъ восстановить исподоволь, для продолженія работъ великаго будованія. Цѣль была—поддерживать во всей силѣ польскую національность по всѣмъ бывшимъ областямъ Рѣчи Посполитой, пользуясь тѣмъ, что шляхетство оставалось землевладѣльцами въ западной Россіи, онъ внушалъ продолжать ее ополячивать, притягивать къ Варшавѣ, сковывать ее съ Царствомъ Польскимъ, подъ русскимъ владычествомъ достигнуть того сліянія польской

національности съ западно-русскою, каково не могла достигнуть Рѣ Посполитая, которая, предоставивъ костелу кормило внутренней политики, видѣла государственное единство только въ обращеніи латинство. Панажъ предстояло усыплять русскихъ своею мнимою преданностью, дабы русскіе проспали западную Россію и въ благопріятны для польскихъ замысловъ моментъ, во время какаго либо европейскаго политическаго потрясенія, вывести русскія высшія власти и войска: Днѣпръ, такъ, чтобы они за собою ничего русскаго въ край и оставили.

Всѣ производимыя слѣдственныя дѣла по польскимъ конспираціямъ и мятежамъ подвергали отвѣтственности тѣхъ виновныхъ, которые были уличены въ явныхъ покушеніяхъ къ бунтамъ, потому система дѣйствій, проводимая княземъ *Чарторыйскимъ* весьма устраивала пановъ; отъ нихъ требовались толы пожертвованія и дѣятельность, которыя всегда могли быть укрты легальностью, или укрывались побужденіями благотворительными, самыми благонамѣренными для преуспѣнія общественнаго благоденствія; за нихъ они не могли рисковать ни личною отвѣтственностью, ни конфискаціею своихъ имѣній.

Вожаки польскихъ демократовъ, проповѣдники демагогическихъ ученій, всякій разъ, когда собирались отъ теоріи перейти къ практикѣ, всякій разъ, когда они замышляли мятежемъ захватить власть въ свои руки, встрѣчали на мѣстѣ противодѣйствіе со стороны пановъ, а безъ средствъ, которыми располагали панскіе дѣла не вазалось. Забѣнивъ давній фанатизмъ религіозный фанатизмомъ политическимъ, центральщики съ своими сторонниками едвали не болѣе ненавидѣли пановъ-землевладѣльцевъ, нежели правительства, участвовавшія въ раздѣлѣ Польши. Вся литература, вышедшая изъ подъ вліянія централизаціи, конечно, дышетъ не меньшимъ озлобленіемъ противъ того сословія, которое она называла польскою аристократіею, нежели противъ Австріи, Пруссіи и особенно Россіи.

Но князь *Чарторыйскій* былъ далекъ отъ ожесточенной борьбы съ польскими демагогами; онъ смотрѣлъ на нихъ, какъ на необходимое, но полезное зло, какъ мы выше упомянули, и на красныя тѣмъ же глазами смотрѣло и все высшее шляхетство; красные давали имъ средства загребать жаръ ихъ руками; они поддерживали яркую ненависть къ участникамъ раздѣла; они, бездомные, но не менѣе востребованные, были готовы кидаться на всякія опасныя предпріятія; въ

ихъ рукахъ было только одно это средство для того, чтобы проводить польскую справу. Князь *Чарторыйскій* былъ увѣренъ, что однажды, достигнувъ независимости Польши, онъ, или его потомки, неизмѣнно превода въбовую фамильную программу, добьются того, что станутъ польскою королевскою династією, а наны устроятъ свои дѣла, найдя въ предшествовавшихъ польскихъ совершившихся фактахъ, достаточно указаній на гибель раздоровъ, достаточно темъ для самыхъ пламенныхъ прокламацій, которыми наны всегда съумѣютъ увлечь толпу, обстановивъ ее нѣкоторыми подготовленіями. Имѣемъ одно свѣдѣніе, нѣсколько характеризующее увѣренность пановъ въ совершенномъ успѣхѣ подобныхъ надеждъ. Когда, въ 1862 году, на *засѣданіяхъ сельскаго хозяйства*, въ Браковѣ, у пановъ возникъ вопросъ—*не чрезъ чуръ ли уже дана власть демократамъ*, обсуждения этого вопроса привели къ слѣдующимъ заключеніямъ: наны, безъ большого труда, всегда урезонять находящихся въ рядахъ красныхъ молодыхъ членовъ своихъ семействъ, представивъ имъ вещи въ настоящемъ видѣ, а эти поведутъ толпу въ обратную сторону, по пригодному панамъ пути, при содѣйствіи нѣсколькихъ пламенныхъ, патріотическихъ прокламацій; самыхъ же закоснѣлыхъ и опаснѣйшихъ противниковъ можно выставить заблаговременно правительству, возложивъ это порученіе на тѣхъ избранныхъ, которые предъ властями должны вести интересы ойчизны; эти, выдавъ главныхъ нарушителей общественнаго спокойствія, тѣмъ приобрѣтутъ новыя права на довѣренность австрійскихъ сановниковъ. Въ доказательство же силы прокламацій было приведено внезапное измѣненіе мнѣнія о князѣ *Адамѣ Чарторыйскимъ*, не смотря на всѣ ярны противъ него озлобленія, которыми туземцы демократы были пропитаны. Князя *Адама* поносили, какъ измѣнника, предателя ойчизны, котораго губительная, своекорыстная дѣятельность разрушала всѣ доблестные порывы и начатки истинныхъ патріотовъ. При началѣ варшавскихъ демонстрацій, красные *мърославчики*, желая доставить всю власть своему верховному руководителю и вручить ему кормило со дня на день ожидаемаго мятежа, возбуждали проклятіями противъ князя *Адама* всю ненависть къ аристократической партіи; когда же была прислана вѣсть изъ Парижа о кончинѣ князя (въ Іюнь 1861 г.), тогда явились два пламенные *омлошенія* о великой національной потерѣ; прокламаціи огласили великія національныя добродѣтели, великія заслуги величайшаго патріота, и всѣ демократы устремились въ востелы на панихиды; имя князя

Чарторыйскаго превозносилось до небесъ; тогда кому нибудь заикнуться въ смыслѣ, противномъ охватившему единодушному общественному мѣнью, было бы въ Краковѣ дѣломъ рискованнымъ. Такъ объяснялъ одинъ изъ подсудимыхъ быструю перемену, происшедшую въ Краковѣ, по полученіи извѣстія о смерти князя *Адама Чарторыйскаго*.

Князь *Адамъ* никогда не поддавался увлеченіямъ своихъ соотчичей и съ глубокимъ расчетомъ проводилъ свое дѣло. Въ числѣ средствъ имъ высокоусовершенствованной тактики для аристократической партіи было то, чтобы включать *своихъ людей* въ партію, когда онѣ становились ему опасными. Эти люди, являясь подъ маскою самыхъ горячихъ сторонниковъ, доводили идею, одушевлявшую партію, до наглѣйшаго безобразія. Для примѣра можно привести извороты ловкой теоріи *Ламберова* отела, въ ея дѣйствіяхъ относительно демократической партіи, на двухъ оконечностяхъ: въ 1832 году, въ самомъ началѣ ея появленія въ эмиграціи, и въ 1864 г., послѣ ударовъ, ею понесенныхъ мятежемъ.

Польскіе демократы, считая въ своихъ рядахъ *Делезеля*, поддерживаемые французскими революціонными знаменитостями, начали пріобрѣтать значеніе въ краѣ, внимательно слѣдившемъ за своими выходцами. Въ 1832 году графъ *Адамъ Гуровскій*, одинъ изъ варшавскихъ еще сотрудниковъ князя *Адама*, вошелъ въ общество демократовъ и сталъ едва ли не почетнѣйшимъ ея членомъ. Онъ провелъ до такой крайности идеи коммунизма, уравненія всѣхъ состояній и указывалъ на такія мѣры насилія, какъ необходимыя средства, что князь *Адамъ* тѣмъ сохранилъ многихъ себѣ сторонниковъ между туземцами собственниками, которые уже ни какъ не могли поддаться подъ ученья эмигрантовъ — демократовъ, какъ бы они ни были патриотично изложены, прославляемы демократическою литературою и сколько бы сами читатели ни считали себя истинными патриотами. Графъ *Адамъ Гуровскій*, сдѣлавъ свое дѣло, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ, вышелъ изъ общества “но сѣмена, имъ посѣянные, остались,” пишутъ поляки; (*) они и не допустили собственниковъ колебаться въ выборѣ, сочувствовать ли имъ *Ламберову* отелю, или централизаціи, и куда направлять свои посильныя пожертвованія.

Польскій мятежъ 1863 года былъ подавленъ безнадежно —

(*) Образъ товарищества демократычнго.

польскихъ патриотовъ; по испытаннымъ правиламъ надлежало дѣтелямъ ступенчатая, шимомъ преданностію и покорностію задобрить правительство, сберечь что можно послѣ разгрома, свалить на нѣсколькихъ шальныхъ подстрекателей всѣ бывшія затѣи, и смирениемъ парализировать строгія мѣры, которыя вызывалъ произведенный мятежъ и которыя прямо ложились на *блмызъ*; а въ это время неутомонные, кичливые *красные*, мечтали продолжать отчаянную борьбу, грозившую панамъ новыми напастями. Дрезденъ былъ центромъ скопищъ. Князь *Санта* вступилъ въ тамошній комитетъ демократовъ и до такой степени довелъ необузданность рѣчей, что провозглашалъ, что народы Европы обязаны низвергнуть свои правительства, за малое ими оказанное сочувствіе возставшимъ полякамъ. Князь *Санта* прямо шелъ къ тому, чтобы правительства разогнали скопища неутомонныхъ патриотовъ, собиравшихся въ ихъ предѣлахъ.

Свелько для князя *Чартеррыискаго* ни была выгодна дѣятельность демократовъ, которая въ судорожныхъ ожиданіяхъ держала поляковъ туземцевъ и будила въ нихъ непрестанно крамольное настроеніе, но онъ желалъ, чтобы вожаки демагоги только бы говорили и писали, но не переходили бы къ дѣйствіямъ; взбалмошныя затѣи только обращали вниманіе правительствъ на туземцевъ, отъ этихъ затѣй терпѣли паны матеріально, затѣи мѣшали вести въ тихомолку, безостановочно, подземную работу *великаго будованья*, наконецъ поляки вредили себѣ въ мѣтніи незаинтересованныхъ правительствъ тѣмъ, что они выставляли себя разрушителями всякаго общественнаго порядка, ревнителями революцій, что, конечно, не могло располагать въ ихъ пользу. Князь *Адамъ*, заискивая расположить правительства къ полякамъ, домогался, чтобы демократы на чужбинѣ, по крайней мѣрѣ, сидѣли смирно, но они имѣли у себя готовое войско, массу эмигрантовъ, и ворожали эту силою по своему усмотрѣнію, за что и пользовались особеннымъ значеніемъ въ кругу европейскихъ революціонныхъ вожаковъ.

Всѣ разумные хорошо понимали, что однажды когда выяснилось, что европейскія державы въ 1831 году участія въ польскомъ возстаніи не примутъ, то Польшѣ съ Россією уже бороться невозможно, и потому князь *Адамъ* хладнокровно переносилъ всѣ нареканія предателя, измѣнника, которыми его честили демократы себѣ въ извиненіе и для поддержанія себя въ глазахъ Европы;

но когда поляки эмигранты стали кидаться во всякія революціонныя эспедиціи, то онъ искалъ выпроводить праздную массу изъ Франціи и найти имъ какое нибудь занятіе.

Въ концѣ 1832 году князь *Чарторыйскій*, подкупами и разными, ему хорошо извѣстными, интригами, добылъ адресъ отъ всей эмиграціи, что она ему „ввѣряетъ свои дипломатическія сношенія“. Въ этомъ адресѣ читаемъ: „Ты обладаешь, князь, *глубокимъ* знаніемъ дипломатическихъ операцій; обширныя кабинетныя связи находятся теперь только въ твоихъ рукахъ, потому наша эмиграція почти единогласно проситъ, чтобы ты домогался передъ правительствами Европы о жизни свободной и независимой нашей ойчизнѣ.“ Первое употребленіе, которое князь *Чарторыйскій* сдѣлалъ изъ этого уполномоченія состояло въ томъ, что онъ въ тихомолку сталъ работать, чтобы выпроводить своихъ соотчичей изъ Франціи. Враги *Чарторыйскаго* провѣдали о тайныхъ его работахъ, раздраженные эмигранты, въ 1834 году, составили актъ слѣдующаго содержанія: „Польскіе эмигранты, съ удивленіемъ усмотря, что князь *Адамъ Чарторыйскій* дерзаетъ отъ лица всей эмиграціи вредить ея цѣлости и предназначенію, и принявъ во вниманіе, что чувства, которыя были возбуждены въ соотчичахъ поступками этого человѣка, относительно возстанія (1831) и эмиграціи, могутъ ввести въ заблужденіе самыхъ искреннихъ приверженцевъ народнаго дѣла, постановили — публично огласить, что *Адамъ Чарторыйскій* не только не пользуется ихъ довѣріемъ, но считается врагомъ польской эмиграціи.“

Странная была судьба этого акта; это оглашеніе эмиграція, въ своей средѣ, хранила въ тайнѣ; его подписали члены демократической партіи, которыхъ было тогда около 1200 человѣкъ, подписали и другіе привлеченные; актъ хранился въ централизаціи и въ теченіи 27 лѣтъ наполнялся подписями; всякій раздосадованный противъ Ламберова отеля приписывалъ свое имя, и ко дню кончины князя набралось 3076 подписей. Актъ оставался тайной эмиграціи только до 1839 года, когда для вѣдѣнія всѣхъ поляковъ централизація постановила его опубликовать особою брошюрою, а въ 1855 году, когда *Мьрославскій* опасался, что съ ожидаемымъ возстановленіемъ Польши, послѣ восточной войны, на долю *Чарторыйскаго* можетъ выпасть завидная роль, тогда онъ обнародовалъ этотъ актъ на французскомъ языкѣ, для всеобщаго свѣдѣнія Европы. Это официальное отверженіе князя *Чарторыйскаго* польскою эми-

градею не мѣшало однако тому, что они все какъ уживались; князь *Чарторыйскій* зналъ имена всѣхъ послѣдовательно подписавшихся, но онъ щеголялъ тѣмъ, что онъ не злопамятенъ, и не оставлялъ пособіями поляковъ эмигрантовъ подписавшихся, на равнѣ съ прочими; онъ постоянно хлопоталъ о томъ, чтобы первенствовать въ польской эмиграціи и первенствовалъ въ ней дѣйствительно; неуспынными трудами, подкупами, интригами и громадными расходами, поддерживая въ европейскомъ обществѣ и въ туземцахъ обаяніе представителя развѣнчанной династіи. Видимыми и не видимыми путями, онъ руководилъ на столько эмиграцію, что во всей Европѣ, а не въ одномъ только Парижѣ, его признавали за главу польской эмиграціи, (*le chef de l'émigration polonaise*, къ крайней досадѣ центральщиковъ, выходившихъ изъ централизаціи и въ ней засѣдавшихъ. На новомъ пути въ эмиграціи, князь *Адамъ* настойчиво проводилъ съ успѣхомъ свою фактическую программу; централизація силилась придать себѣ *политическій характеръ*, но центральщики были признаваемы только своими сторонниками за политическихъ дѣятелей; европейскіе революціонеры ее ласками, какъ распорядительницу нѣсколькихъ тысячъ всегда готовыхъ уличныхъ бойцовъ. Между всѣми демократическими партіями польскихъ эмигрантовъ, *демократическое товарищество* было самое многочисленное; въ сороковыхъ годахъ находилось во Франціи около 6000 польскихъ выходцевъ, и болѣе полуторы тысячи принадлежали этому обществу. Всѣ польскіе демократы подчинились вліянію демократическаго товарищества, оно располагало наибольшими средствами. Хотя централизація кокетничала аптеварскою акуратностью въ представленіи своихъ отчетовъ въ суммахъ но онъ вертѣлись, не превосходя 30 т. франковъ; главною статьею прихода считался положенный сборъ на членовъ товарищества, а высылки отъ туземцевъ были та таинственная статья, которая оставалась непроницаемою, подъ предлогомъ безопасности жертвователей. Всѣ партіи старались имѣть въ краѣ своихъ сторонниковъ для пожертвованій. Демократическая партія *соединенія* выслала было въ край своего эмиссара для этой цѣли въ 1844 году, но онъ съ прискорбіемъ донесъ, что всѣ мѣста уже заняты демократическимъ товариществомъ и привезъ только единовременныя *объяры*. Члены централизаціи избирались ежегодно изъ среды 26 человекъ, и когда неудачи начали разочаровывать туземцевъ въ искусствѣ и надежности ихъ эмиграціи, тог-

да посвящались вопросы, изъ какихъ средствъ эти господа, тогда названные *центральнощиками*, проповѣдуя такъ ретиво коммунизмъ и уравненіе состояній, живутъ на широкую барскую ногу (*), *откуда золото, которымъ они времятъ во Франціи?* Отношенія разныхъ партій къ краю и ихъ требованія были различны. Приверженцы Ламберова отеля слѣпо послѣдовали его внушеніямъ, платили въ его казначейство, отчетовъ не требовали и, согласно его предначертаній, между туземцами кокетничали демократическимъ направленіемъ, какъ имъ кокетничалъ и самъ князь *Адамъ Чарторыйскій*.

Демократическое товарищество, санюлоты, какъ ихъ называли сторонники Ламберова отеля, не могли найти сочувствія между тѣми землевладѣльцами, которые знали, что теоріи, признанныя централизаціею, имъ крайне враждебны. Щедрые, бездомные ревнители, которые ничего не теряли, а за чужое добро хотѣли купить власть, приняли за основаніе: „По праву собственности, земля принадлежитъ крестьянамъ, которые ее воздѣлываютъ; если у пановъ дѣти наследуютъ отцу, то и крестьяне за вѣковую обработку земли своими предками, должны получить ее въ наследственное владѣніе и какъ исключительные работники быть и исключительными ея хозяевами“. Съ такими правилами *грабежа шляхетскихъ имѣній*, эмиссары товарищества отправлялись въ край, пишутъ анонимный высокій почитатель эмиграціи (**), щеголюющій безпристрастіемъ, и продолжаетъ: „Очевидно, этого не могли допустить старые, отъ прародителей, изъ рода въ родъ, передаваемые предрасудки, вѣками узаконенные.“ Демократическая централизація домогалась всю конспиративную повсемѣстную дѣятельность своихъ сторонниковъ сосредоточить въ своихъ членахъ, которые должны давать и общее направленіе всѣмъ работамъ. Для прѣвнй по туземнымъ вопросамъ и обсужденію средствъ къ веденію пропаганды въ край, былъ особый отдѣлъ, въ которомъ засѣдали члены изъ того же кружка, изъ котораго избирались и центральнощики, съ нѣкоторыми особенно пригодными для дѣла личностями, совершенно преданными централизаціи. Къ числу таковыхъ принадлежалъ Симеонъ *Конарскій*, растрѣленный, какъ выше было сказано, въ Вильнѣ, и котораго въ эмиграціи по-

(*) Брошюры: Цожъ пшедъ нами? Образъ товарищества демократичного.

(**) Эмиграція польска, стр. 22.

считали какъ главнаго образователя мѣстныхъ конспиративныхъ секцій между туземцами и учредителемъ правльнаго въ нихъ теченія дѣлъ и сношеній. На общемъ собраніи демократическаго товарищества (1837) Карлъ Ружницкій предложилъ было, чтобы это особое отдѣленіе для сношеній съ туземцами не подлежало ни какому контролю; но предложеніе было отвергнуто 778 голосами противъ двухъ. Демократическое товарищество находило между туземцами сторонниковъ въ учащейся молодежи, чиновникахъ, лѣкаряхъ адвокатахъ, литераторахъ и разныхъ пролетаріяхъ, и въ Россіи, въ той массѣ служащихъ, которые туда устремлялись, какъ нѣкогда европейцы въ новооткрытую Америку; прежде выселившіеся готовили *клубныя* и вліятельныя мѣста для вновь прибывающихъ; съ каждымъ годомъ нѣоторныя вѣдомства стали особеннымъ предметомъ вторженія поляковъ. Польская пропаганда искусно направляла мѣстную интеллигенцію польскихъ недорослей, и еще искуснѣе умѣла превозносить эту интеллигенцію. Всѣ сношенія эмиграціи съ туземцами указывали, что преобладающею силою въ край остаются паны; во чтобы то ни стало демократическое товарищество хотѣло власть вырвать изъ рукъ ихъ. „Неуспѣхъ возстанія 1831 года былъ слѣдствіемъ того, что шляхетскія побужденія имъ руководили, провозглашали демократы“, только демократическая идея можетъ возвратити ойчизну; глубокая причина антидемократическаго движенія таится въ еще живущемъ шляхетскомъ духѣ; въ минуту положительныхъ рѣшительныхъ дѣйствій, онъ выплыветъ снова, потому съ привилегированныхъ должно сорвать маску притворства; это дѣло демократическаго товарищества, но искорененіе идеи привилегій, трудъ цѣлаго народа. Соціальное потрясеніе неизбежно съ началомъ движенія. Должно истребить нечестивый духъ возстанія 1831 года, духъ повсемѣстный не въ одной Польшѣ, но парализирующій вездѣ стремленія къ равенству, и противъ него товарищество должно всюду направлять свои удары“. (*).

Такими сужденіями, щекота въ туземцахъ чувство возстановленія Польши, центральщики подготавливали въ нихъ убѣжденія о необходимости вѣрнуть власть демократамъ. Приписывая невзгоды 1831 года губительному вліянію пановъ, они доказывали необходимость соціальнаго переворота, какъ вѣрнѣйшее средство къ

(*) Эмиграція Польска.

возстановленію Польши, когда весь народъ такимъ путемъ будетъ двинуть на великое дѣло избавленія ойчизны, а этимъ народомъ, по мнѣнію демократовъ, до окончательнаго его образованія, по теоріямъ, выработаннымъ демократическимъ товариществомъ, должно *управлять какъ баталіономъ*. Централизація, съ своимъ уставомъ, актомъ постановила: освобожденіе польскаго народа, въ границахъ республики до перваго раздѣла, произвести революціею, съ уничтоженіемъ привилегій на *демократическихъ* (?) началахъ братства, равенства и свободы; началомъ должно быть *безусловное* (?) надѣленіе крестьянъ поземельною собственностью.

По постановленіямъ польскихъ демократовъ должно установить, *при благоприятныхъ обстоятельствахъ, элементарныя школы для народа по городамъ и деревнямъ*, эмиграція должна распоряжаться возстаніемъ. Правителями должны быть тѣ, которые взяли на себя представительство націи и выработали знаніе ея нуждъ и потребностей; *только грудь, разоцрттая эмиграціоннымъ огнемъ* можетъ возстановить ойчизну; только въ эмиграціи жизнь и движеніе, а тамъ (въ областяхъ бывшей Рѣчи-Посполитой) онѣмѣніе (одрентвядосць) и смерть. По надлежащихъ приготовленіяхъ, назначенный комитетъ долженъ изъ эмиграціи перенестись въ край, принять начальство и направить народное возстаніе; комитетъ вызываетъ къ оружію всѣхъ жителей польской земли, назначаетъ начальниковъ вооруженныхъ силъ, устраиваетъ администрацію, суды, войско, освобождаетъ крестьянъ. Паны силою должны быть поставлены въ необходимость повиноваться. Смерть тѣмъ, кого не могутъ убѣдить начала, принятія эмиграціею. Лондонскій отдѣлъ польской эмиграціи избралъ специальнымъ для себя занятіемъ выработать науку производства самаго мятежа и издалъ цѣлый уставъ по этому предмету.

Авторъ брошюры „Эмиграція польска“ приводитъ, что „эмиграціонная шляхта“ (*), услышавъ суровыя слова правды, двинула всю находчивость прежнихъ сеймовъ, двинула всѣ свои пружины: публичныя собранія, частныя съѣзды, газеты, брошюры, письма, агентовъ, ложь, клевету, угрозы и обѣщанія. Прежде она вѣ-

(*) Т. е. помѣщики. Въ эмиграціи кто же не принадлежалъ въ *шляхту*? Были увлеченные солдаты, бывшіе какъ бы деньщиками при офицерахъ, но такихъ было не много, а строевые солдаты, оставшіеся во Франціи, въ работахъ эмиграціи не участвовали.

имѣлъ, что *власть* есть легальная ея принадлежность, какъ представительницы края, и смотрѣла на демократію, какъ на бунтовщика.“ Дабы отодвинуть назадъ наступающую централизацію, аристократическая партія пользовалась тѣмъ, что „масса эмигрантовъ, какъ масса вездѣ, согласна скорѣе держаться господскаго порота, чѣмъ брататься съ тѣми, которые ей сулятъ групи на мрбѣ.“ При условленной со всѣми европейскими революціонерами работѣ, 1846 года, для общаго мятежа по всей Европѣ, эмиграція выслала своихъ эмиссаровъ по бывшимъ польскимъ быностямъ; *Дембовскій* стоялъ въ главѣ посланцевъ; съ одной стороны разсыпавшись по панскимъ домамъ, они всякими иезуитскими изворотами, судя по личностямъ, искали втanutъ всѣхъ въ мятежъ; въ случаѣ настоятельной надобности, они отрезались же отъ своихъ основаній, объясняя ихъ временнымъ средствомъ для достиженія, съ содѣйствіемъ крестьянъ, возстановленія независимости Польши; а съ другой стороны, они, преимущественно въ Галиціи, толкались между простолюдинами, внушали крестьянамъ, что паны ихъ враги, что паны вымогаютъ у правительства чего хотятъ, а если пановъ истребить, то и настала бы свобода привольная. Подобные слухи о таинственныхъ странникахъ, появлявшихся по сельскимъ кортикамъ, въ платьяхъ простолюдиновъ, доходили до панскихъ ушей и парализировали дороховство. *Мьрославскій* обѣщался *провести стараго дипломата*; Демократы, для единодушной работы, склонились предъ княземъ *Адамъ*мъ, съ просьбою они обратились къ *Чарторыйскому* принять въ ринило затѣяннаго революціоннаго дѣла.

Князь *Адамъ*, при соображеніяхъ общей европейской революціи, не хотѣлъ отстать отъ *нации*; ему нужно было сохранить въ предстоящемъ движеніи *верхнюю руку*, какъ говорятъ французы. *Чарторыйскій* имѣлъ свою тайную полицію *Ламберова отеля*, едва ли не лучше организованную нежели ту, которую онъ еодержалъ нѣкогда въ Варшавѣ, предъ мятежемъ 1830 г. Ему хорошо были извѣстны затѣи централизовъ и инструкціи, данныя ими высланнымъ эмиссарамъ. Дабы парализовать замыслы, не допустить населеніе до кровавыхъ порывовъ, онъ, въ руководители движенія массъ хотѣлъ поставить *Бендзовъ*, за спиною которыхъ уже дѣйствовали бы паны со всѣми ихъ средствами. Клерикальная партія въ эмиграціи была слишкомъ близка *Ламберову отелю*, чтобы отказать ему въ помо-

щи; нѣсколько есендровъ было выслано на мѣста изъ Парижа для пригодныхъ внушеній мѣстному сельскому духовенству. Соображенія не оправдались; мы видѣли, въ событіяхъ 1846 г., что есендры, вмѣстѣ съ панями, гибли подъ крестьянскими ударами.

Просьба централизаціи весьма устраивала князя *Адама*; онъ становился главою эмиграціи, по собственнымъ ея побужденіямъ онъ видѣлъ ясное доказательство, что безъ пановъ демагоги обойтись не могутъ. Онъ согласился и издалъ свою прокламацію, изъ которой приведемъ знаменательнѣйшія мѣста.

Подписавшись президентомъ правительства, князь *Адамъ* посланиемъ отъ 14 Февраля 1846 года, объявлялъ между прочимъ.

„Братья! Мы рѣшились избавить васъ отъ тираническаго ига... соединеніе необходимо... Умоляемъ васъ, будьте послушны пастырямъ вѣры вашихъ отцевъ, они укажутъ вамъ, гдѣ и когда поднять оружіе... Служители алтаря васъ научатъ, какъ добыть свободу, какую они сами изучили въ метрополіи Св. Петра. Примите ихъ, помогайте имъ въ ихъ переѣздахъ и наказывайте смертью тѣхъ, которые захотятъ ихъ выдать врагамъ. Дабы болѣе васъ убѣдить въ святости нашего дѣла, я вышлю къ вамъ моего возлюбленнаго сына, въ его жилахъ течетъ кровь Пястовъ и Ягеллоновъ, онъ будетъ залогомъ моей преданности и любви къ ойчизнѣ“. Въ то же время *Петрашевскій* работалъ надъ заговоромъ въ Петербургѣ, а графъ *Владиславъ Замойскій*, правая рука *Чарторыйскаго*, уже заранѣе пробрался на Кавказъ къ горцамъ; мятежемъ на Кавказѣ онъ долженъ былъ оттянуть туда часть русскихъ силъ. Графъ *Замойскій* издалъ прокламацію къ полякамъ, находящимся въ рядахъ кавказской арміи. „Поляки, литвины и украинцы, писалъ онъ, вы все дѣти одной матки ойчизны, братья! слушайте меня... Волею нашего общаго главы, назначеннаго Провидѣніемъ, котораго образъ предъ вашими глазами, (изображеніе съ медали съ надписью *Адамъ I*), я прибылъ къ вамъ.... Онъ послалъ меня, дабы я оживилъ ваши надежды; я призываю васъ исполнить долгъ, который лежитъ на васъ, какъ на полякахъ,... нашъ народъ, чтобы стать поголовно, ждетъ только сигнала, перваго призыва къ мести; правительства и народы намъ сочувствуютъ, но они придутъ къ намъ на помощь, когда увидятъ, что мы умѣемъ исполнять нашу святую обязанность... Уничтожайте запасы, поджигайте пороховые магазины, убивайте казенныхъ лошадей и истребляйте нашихъ враговъ, и

потомъ бѣгите въ горы и увлекайте съ собою и русскихъ; приносите съ собою оружіе и патроны.... Не опасайтесь дурнаго приѣма горцевъ, я нахожусь въ средѣ ихъ, чтобы охранять васъ... Мы побѣдимъ врага, и отсюда мы двинемся въ Польшу. У насъ будетъ Польша съ нашимъ королемъ, свободою и независимостью, намъ стоитъ захотѣть и работать, Господь придетъ къ намъ на помощь."

Являсь на театръ готовящагося мятежа, *Мьрославскій* дукъ однимъ ударомъ порѣшилъ со всеми притязаніями князя *Чарторьскаго*; онъ провозгласилъ себя диктаторомъ. *Чарторьскому* угрожала тогда великая опасность; его прокламація попала въ руки австрійскаго правительства; великолѣпное его ивѣнне *Сънявы* въ Галиціи подлежало конфискаціи. Не знаешь сознавался ли самъ князь *Адамъ* въ своей ошибкѣ, что связался съ демократами ранѣе, нежели событія разъяснились; но сынъ его въ началѣ мятежа 1863 года медлил принять открытое участіе и говорилъ, что онъ не хочетъ повторить *опротечивый шагъ* (le pas de cierge) своего отца въ 1846 году.

Прусскій министръ взялся хлопотать, князь *Чарторьскій* написалъ униженную просьбу и признавалъ свою подпись подъ прокламаціей *поддѣльною*; *Меттернихъ* помиловалъ съ условіемъ, чтобы князь *Адамъ* письменно обязался „*впредь никакого участія не принимать въ усиліяхъ противъ существующаго порядка въ прежнихъ польскихъ провинціяхъ.*“ Князь мало того, что исполнилъ все, что отъ него требовали, но немедленно выслалъ своего племянника, графа *Владислава Замойскаго*, въ Лондонъ. Тамъ, на публичномъ балѣ въ честь лорда *Дублей Стюарта*, графъ *Замойскій* благодарилъ за возвращеніе *Сънявы* и публично оправдывалъ австрійское правительство въ возводимыхъ на него клеветкахъ о галиційской рязнѣ. При возстаніи 1848 года князь *Адамъ* былъ осторожнѣе, онъ прокламацій не издавалъ, но лишь только разошлась молва объ успѣхахъ польской справы, онъ немедленно отправился въ Пруссію укрощать *Мьрославскаго* и вырвать власть изъ рукъ его; князь пріѣхалъ поздно; пруссаки мятежемъ отрезвѣли отъ полонизма, и князю *Чарторьскому* пришлось возвращаться въ Парижъ съ *разтерзаннымъ сердцемъ*.

Неуспѣхъ всѣхъ революцій, столь горячо поддерживаемыхъ поляками, привелъ *Ламберовъ* отелъ къ новымъ комбинаціямъ. Князь

Адамъ призналъ невозможность возстановленія Польши съ удержаніемъ верховной власти въ своихъ рукахъ и возвратился къ прежнимъ своимъ планамъ, съ примѣненіемъ нововведеній. Онъ составлялъ политическія комбинаціи, войны съ системою взаимныхъ вознагражденій, съ цѣлью соединить Польшу 1772 года подъ одинъ скипетръ, какъ нѣкогда онъ предлагалъ императору Александру Павловичу. Польша добровольно должна была временно подчиниться иноземному владыкѣ, общимъ голосованіемъ (*suffrage universel*) по примѣру Франціи, а за первымъ избраннымъ, Польшѣ предстояла возможность со временемъ избрать природнаго короля, Пяста, т. е. *Чарторыйскаго*. Три державы являлись для того пригодными: Россія, Австрія и Франція; конечно, Россія была отвергнута, озлобленіе противъ *москалей* было безпредѣльное; принцъ Наполеонъ, такъ привѣтливо обращался съ поляками-эмигрантами, былъ такимъ предупредительнымъ ходатаемъ ихъ желаній, что аристократическая партія склонялась на его сторону; при этомъ не была упущена изъ виду та вѣроятность, что принцъ переживетъ императора, и тогда короля француза удобнѣе будетъ замѣстить своимъ природнымъ. Но князь *Адамъ* лично всѣ свои помысленія долгое время сосредоточивалъ на Австріи.

Событія 1848 и 1849 годовъ должны были ясно указать австрійскому правительству всю его непрочность, при разноплеменной монархіи и при недостаткѣ твердаго, сплошнаго зерна; въ это зерно поляки себя готовили для убѣжденія Австріи; способствовали къ тому и панславянскія броженія; старанія поляковъ были всѣ устремлены на то, чтобы въ проэктахъ панславистовъ взять преобладаніе надъ Россіею; чтобы не русскіе, а поляки стали бы притягательнымъ полюсомъ для славянъ; насупротивъ восточной славянской русской имперіи составить имперію западно-славянскую. Придунайскія княжества давно были знакомы полякамъ, а князь *Чарторыйскій* ретиво работалъ надъ подготовленіемъ болгаръ и началъ съ введенія уніи.

Одно обстоятельство было великою помѣхою польскимъ планамъ; какъ не увертливы польскія разъясненія, однако выводъ изъ нихъ одинъ; поляки понимали, что имя Польши оставило воспоминанія, непригодныя для попытокъ къ сліянью; всѣ славянскія племена поляковъ не любятъ и имъ не довѣряютъ; въ западной Россіи шляхетство, хотя и ополяченное, но все же оно помнило свое давнее соперничество съ Польшею; мятежъ 1863 года вынудилъ

его мнѣнїѣ, а населенїе западной Россїи питало одно только чувство озлобленїя къ полякамъ. Отъ Днѣпра до Карпатъ слово *ляхъ* обратилось въ брань. Рѣчь Посполитая, отдавъ въ руки всендзовъ заботы о государственномъ единствѣ, достигла того, что въ юго-западной Россїи и въ Галиціи русскїе люди, столь вѣротерпимые, излагають свои ощущенїя о латвиянахъ изрѣченіемъ: „ляхъ, жидъ, да собака, вѣра одинака.“

При такихъ антипатїяхъ къ польскому владычеству и при общихъ стремленїяхъ шляхетства возстановить золотое прошедшее, приведенїе къ соглашенїю славянъ могло быть достигнуто только искусственнымъ изворотомъ; — и на прочныхъ основанїяхъ утвердилась идея конфедеративнаго государства.

Разслѣдованїе мятежа указываетъ, что конфедеративное государство было основанїемъ стремленїй всѣхъ партїй, отъ крайне бѣлыхъ до крайне красныхъ. Эта идея нѣкогда соединяла декабристовъ съ польскими заговорщиками; сѣверо-американскїе штаты, не смотря на все различїе народныхъ элементовъ и различїе общественныхъ условїй жизни, были приняты, какъ истинно благодѣтельное учрежденїе для народовъ, при которомъ можетъ быть только братская любовь *между племенами*. Какъ эта братская любовь была нужна ревнителямъ только для пышныхъ прокламацій, а о народномъ благоденствїи они столько же заботились, какъ объ изношенныхъ сапогахъ, то обсужденїемъ этого вопроса съ разныхъ сторонъ никто и не занимался особенно. Было бы любопытно знать, какое влїянїе на шляхетскїя сужденїя произвела бы сѣверо-американская междоусобная война, если бы она случилась пятью годами ранѣе.

Велико было разочарованїе послѣ парижскаго мира (1856 г.); *Мазадъ* вошелъ въ кабинетъ *Чарторыйскаго* и засталъ его за работою; съ ранняго утра сидѣлъ онъ за письменнымъ столомъ. „Слышите ли, князь, громъ орудїй, сказалъ вошедшїй, пушки объявляютъ заключенїе мира.“ Князь задумчиво покачалъ головою и снова взялся за перо. „Къ чему продолжать, нынѣ уже нѣтъ бо-
льше надежды?— Нѣтъ, надо продолжать, возразилъ князь, оно можетъ послужить въ будущемъ.“

Дѣйствительно въ теченїи шестидесяти лѣтъ, проводя свою фамилїную программу, князь *Чарторыйскїй* могъ узнать вполнѣ свою націю; *regretting mobile* польскихъ заговоровъ въ теченїи шестидесяти лѣтъ пролетѣло мимо всѣхъ войнъ и всѣхъ мирныхъ договоровъ;

не парижскій миръ могъ остановить вѣковую вражду Польши къ Россіи, безсилную злобу предъ ея окрѣпшею соперницей, ставшею великою, могучею державою—борьбу латинства, стремившагося на востокъ и православіемъ остановленнаго въ западной Россіи.

Но если съ вѣрою на будущее князь *Чарторыйскій* принялъ вѣсть о мирѣ, то не таково было мнѣніе его соотчичей туземцевъ.

По вѣрѣ послѣдовавшихъ неудачъ польской справы, ввѣренной эмиграціи, въ туземцахъ росла досада и переходила въ раздраженіе; толки въ шляхетствѣ, письма и брошюры (*) свидѣтельствуютъ о томъ настроеніи, которое появилось въ средѣ шляхетства, особенно когда парижскій миръ ни слова не упомянулъ о полякахъ. Сведемъ вкратце разныя заявленія шляхетства, бывшія въ нашихъ рукахъ, которыми оно, въ минуты разочарованія, выказывало свое оскорбленное неудовольствіе противъ эмиграціи: (**).

„*Эмиграція*, выселяясь изъ края, подъ нравственными вліяніями потерянной ойчины, обрекла себя на постоянную борьбу, пока не достигнетъ цѣли. Давъ себѣ организацію, она дала правильность своимъ трудамъ и упрочила существованіе *настойчивыхъ усилій*. Всякая партія избрала себѣ спеціальныя занятія и, отдавая от-

(*) „Образъ товарищества демократичнаго;“ „До шпедъ нами“ и т. п.; не можемъ привести заглавій многихъ изданій, найденныхъ въ конфискованныхъ бумагахъ, въ которыхъ, вѣроятно для безопасности, оторваны заглавные листы; находятся также вырванныя печатныя страницы. Рѣчи большею частію встрѣчались литографированными. Современемъ, можетъ быть, кто нибудь возьметъ на себя трудъ, нѣсколько ознакомить русскую публику съ эмиграціонною литературою, которая, судя по оглавленіямъ на оберткахъ, должна быть чрезвычайно обильна, не считая множества польскихъ періодическихкихъ листовъ разныхъ партій. По бывшимъ въ нашихъ рукахъ обращикамъ, въ полномъ смыслѣ слова, она носитъ на себѣ характеръ *судорожно-озлобленнаго*; постоянная ненависть къ Россіи, къ императору Николаю Павловичу, заглушаемая въ ней раздраженною враждою партій, съ выводимыми на свѣтъ многочисленными фактами любостязанія, обмана, интриги, дрягъ и пакостей. Воспроизводитъ вполнѣ всю эту грязь едвали у кого будетъ охоты; а еще менѣе охоты у читателей видѣть польскую эмиграцію во всей ея наготѣ.

(**) Образъ товарищества демократичнаго польскаго и его централизаціи, С. Старовіейскаго (вѣроятно псевдонимъ), напечатано въ Краковѣ,—До шпедъ нами, начало рукописной копии и отдѣльные листки, вырванныя изъ неизвѣстныхъ книгъ или брошюръ; частныя письма, польская рукопись съ французскимъ заглавіемъ: *Une société, qui ne se comprend pas.*

четъ своихъ трудовъ нами, была обязана работать, чтобы показать, что она сдѣлала, а въ націи упрочилась бы вѣра и довѣренность къ своей эмиграціи; нація должна была видѣть въ ней свою покровительницу и опору. При всепоглощающемъ стремленіи къ одной общей цѣли, при усиленныхъ работахъ и готовности къ самопожертвованіямъ, могъ ли бы родиться антагонизмъ?!”

„Эмиграція представлялась тройкая работа: удержать наши сношенія съ правительствами, дружественныя тѣсныя связи съ народами Европы и близко родственныя съ соотчичами. Первая обязанность лежала на дипломатической партіи, вторая на лицахъ, входившихъ въ составъ польскаго комитета, третья на партіи демократической, которой предстояло *глубоко изучить, на что польскій патриотизмъ можетъ рассчитывать*, обсудить найсообразнѣйшій путь и указать его всѣмъ полякамъ, гдѣ бы соотчичи не находились, дабы работать и дѣйствовать въ согласіи и съ взаимною поддержкою.“

„Дипломатическая партія измѣнила своему призванію; она повторила ошибку прежней польской дипломатіи; она все рассчитывала на правительства, которыя всегда были и будутъ своекорыстны. Мы не противурѣчимъ случающемуся искусству дипломатіи, соглашаемся, что она могла даже искать при дворахъ, наиболѣе намъ враждебныхъ, но наши дипломаты въ свою дипломатію вложили всю свою вѣру, всѣ свои надежды и объявили ненависть и неистовую войну всякому, кто искалъ спасенія въ вѣчныхъ силахъ народовъ.“

„Съ самаго начала эмиграція употребила сверхъ естественныя усилія, чтобы сблизиться съ націей и европейскими народами; она заявляла готовность начать борьбу *для нашего спасенія со всемирнымъ спасеніемъ*; что же говорили тогда наши дипломаты эмигрантамъ: „ваше мѣсто ни во Франціи и ни въ Англіи, убирайтесь въ Алжирію къ бедуинамъ; тамъ у правительства руки не связаны и оно съумѣетъ принять васъ въ руки.“

„Эмиграція въ своихъ патриотическихъ стремленіяхъ предпринимаетъ экспедиціи савойскую, франкфуртскую, заливскаго, а наша аристократія намъ указываетъ на Португалію. Развѣ въ распряхъ между двумя претендентами мы могли истреблять нашихъ естественныхъ враговъ русскихъ, пруссаковъ и австрійцевъ.“

„Послѣ ряда неудачъ, наши дипломаты наконецъ увидѣли, что они идутъ по ложному пути, и применивъ къ демократической пар-

тін, которая такъ высоко подвинула свои работы, вѣстѣ съ нею провозгласила: Въ Польшу! въ Польшу! тамъ наши силы, тамъ наши средства. Аристократы съ *своимъ королемъ* развертываютъ свое знамя, наши демократы думали найти въ нихъ *страшныхъ соперниковъ*; но они не рѣшаются перейти границы ойчизны. Это монархическое возстаніе, съ своимъ королемъ впереди, вооруженнымъ скипетромъ и крестомъ, для избавленія Польши и утвержденія его королевскихъ правъ на престолъ, принимается за дипломатическія негоціаціи съ княземъ *Черногоріи* и *Черкесами* и кончается свои подвиги турецко-славянскою пропагандою, веденою Чайковскимъ — Садигъ-Пашею. Напрасно демократія ожидала подготовленій монархическихъ дѣятелей на берегахъ Вислы, Нѣмана и Днѣстра; дипломаты не пошли далѣе заявленія, что *Чарторыйскій* былъ прежде кураторомъ виленскаго университета и заграницею покровитель бѣдныхъ польскихъ выходцевъ.“

„Демократы эмиграціи, за исключеніемъ этихъ господъ, шли другимъ путемъ; они провозглашали, что безъ всякихъ личныхъ своекорыстныхъ побужденій, имѣя только народъ передъ глазами, они вполне пользуются возрастающимъ могуществомъ общественнаго мнѣнія въ Европѣ. Когда *торнашеская* политика Людовика Филиппа еще не вполне обозначилась, когда Германія, *воодушевленная пропагандистами*, разливалась ненавистью противъ священнаго союза и привѣтливо улыбалась революціи, когда Швейцарія и Италія съ нетерпѣніемъ ждали нашей революціи и даже сама столь разсчетливая Англія сильно протестовала противъ дуза коалицій, одинъ *Лелювелъ* добросовѣстно исполнялъ свое дѣло; желая руководить демократовъ, онъ вошелъ въ сношенія со всѣми европейскими комитетами и эти сношенія могли быть весьма полезны польскому дѣлу, возраждая симпатію народовъ къ Польшѣ, основанную на свободѣ и братствѣ.“

„Аристократы съиграли комедію на счетъ спасенія ойчизны и вызвали глубокія раздраженія, вызвали раздоръ, который парализировалъ тѣ великодушныя намѣренія, которыя стали распространяться въ краѣ (*), *чувства* братства могли заставить поляня участвовать *въ общемъ повстаніи*; они же тормозили дѣло, гдѣ могли; не содѣйствуя успѣхамъ революціонеровъ, наши дипломаты напротивъ всѣми своими усиліями хотѣли имъ перечить.“

(*) Проекты о надѣлѣ крестьянъ землею.

„Они возражали намъ, что не на буряхъ взволнованнаго населенія можно возводить прочное зданіе, что успѣхи медленные, но прочно укрѣпившіеся, послѣдовательно должны довести зданіе возстановленія Польши подъ крышу, и что демократическая партія, своими властолюбивыми и нетерпѣливыми буйствами, разрушаетъ глубоко обдуманное дѣло. Но развѣ не революціею мы достигли знаменательныхъ успѣховъ, тѣмъ болѣе важныхъ, что они, за исключеніемъ нашихъ провинцій, отданныхъ трактатами московскому царю, были всемістны. Для дѣла возстановленія ойчизны, какіе важныя приобрѣли мы уже залогомъ, свободное книгопечатаніе, разрѣшеніе гвардіи народной, разрѣшеніе комитетовъ народныхъ, это были уже такія завоеванія, которыя могли бы служить неизблемою основою, при ожидаемомъ замѣщеніи всей администраціи соотчичами. Всего этого мы достигли и намъ слѣдовало остановиться во время и предоставить другимъ за насъ вести дѣло далѣе (*); намъ слѣдовало только внушеніями направлять событія.“

„Мартовскими событіями 1848 года наша *справа* уже такъ была поставлена, что мы должны были только ждать, когда насъ народы поименуютъ и на переключкѣ отвѣтить: „мы здѣсь налице“ (естесмы) и для того не съ оружіемъ въ рукахъ поддерживать далѣе объ насъ память, а выжидая скромно, работать устройствомъ комитетовъ, клубовъ и охранительной стражи (стражи безпѣченства), литературою и періодическими изданиями. Если бы мы оставались на пути легальномъ, и выработывая все, что было возможно изъ дарованныхъ уже правъ (дозволенныхъ свободъ), никто не осмѣлился бы послануть на то наше нравственное могущество, противъ котораго въ дребезги должна была разбиться всякая матеріальная сила. Наши же руководители тотчасъ начали изъявлять свои неудовольствія, требовать большаго, стали создавать войска и поставили себя тѣмъ между двумя огнями—ими возбужденными контръ-революціями и русскими штыками. *Централизациа* употребляла всю свою партію для своихъ собственныхъ видовъ, дабы не потерять своихъ куруловыхъ кресель (курульскихъ кресель нѣ страциць); она отвергла средства, потому что она всегда въ разладѣ съ сотрудниками. Когда въ началѣ мая (1848 г.) патриоты разныхъ областей призывали въ Брацлавъ членовъ централизациі для согласія въ дѣйствіяхъ, какой получили они отвѣтъ?

(*) Т. е. Панургову стаду.

„Мы работаемъ, намъ не зачѣмъ развѣзжать по совѣщательнымъ совѣтамъ (на обрады испъ не потрѣбуемы), — точно будто они поль-Польша уже завоевали; сказалъ же имъ тогда А. П. (*), въ патриотизмъ котораго никто не сомнѣвается: *я вашей искренности повѣрю только тогда, когда ваши кости заблѣютъ рядомъ съ костями польскаго народа.*“

„Члены же централизаціи были далеки отъ самозабвенія, они всѣ до единого возвратились благополучно (**), хотя имѣли тысячу случаевъ своею кровью запечатлѣть свою *незаконнорожденную философо-демократическую идею.* „Демократа польски“ (***) все провозглашалъ о торжествахъ, вилъ себѣ лавровые вѣнки при всякомъ народномъ бѣдствіи, и дошелъ до того, что въ одномъ изъ своихъ нумеровъ провозгласилъ, что завоевалъ вселенную (*нашими принципами завоевалисьмы святъ*).“

„Дипломатическая партія, руководимая *Чарторыйскимъ*, при ея общественномъ положеніи, могла дипломатическими путями получать ободренія отъ европейскихъ кабинетовъ и ими питаться въ своихъ надеждахъ, но демократы, раздосадованные на Европу за ея непостоянство въ симпатіяхъ, провозгласили во всеуслышаніе: *Мы не нуждаемся въ Европѣ, Польша воскреснетъ собственными силами.*“

„Теоретически столь прекрасно обдуманная мысль *національнаго комитета*, который бы руководилъ и согласовалъ частную дѣятельность соотчичей, на практикѣ оказалась только вредною. Несогласіе мнѣній раздробляло еще болѣе элементы эмиграціи и вредно дѣйствовало на самый край *безконечными своими прѣніями, которыя и краю подавали поводъ къ несогласіямъ, бесполезно поглощающимъ жизненные ея силы.*“

„Эмиграція намъ выставила въ *Мѣрославскомъ* геніальнаго спасителя ойчизны; централизація въ немъ признала великаго государственнаго человѣка, великаго администратора, великаго полководца, а послѣ всѣхъ неудачъ, когда пришлось каждому искать утѣшенія и виновниковъ въ неуспѣхахъ, то *Мѣрославскій* обратился въ „гетмана *causi perda.*“ На столь недавно прославляемаго великаго дѣятеля централизаціи, главнокомандующаго, диктатора, посыпались со всѣхъ сторонъ, въ стихахъ и прозѣ, фдкіи критики, сатиры, насмѣшки, эпиграммы и самыя злыя каррикату-

(*) Въ подлинникѣ однѣ эти буквы.

(**) Не совсѣмъ точно.

(***) Журналъ издаваемый демократическою партією.

ри. Не одна Польша была свидѣтельница его талантовъ. Сицилійская экспедиція увѣнчала его военные подвиги. Втершись въ дружбу и въ довѣренность къ Гарибальди, онъ начальствовалъ сицилійскимъ возстаніемъ. Когда инсургенты были атакованы королевскими войсками, *Мирславскій* растерялся до того, что, какъ волунный, присказавшему за приказаніемъ адъютанту отвѣчалъ только нагѣвомъ: „Еще Польша не згинела,“ и наконецъ со страху бѣжалъ съ поля боя. Възбѣшенные итальянцы послали ему въ мѣдъ нѣсколько *срамныхъ пуль* (balle di vergogna), которыя просвистали мимо ушей „диктатора Польши.“

„Путь отъ Милославля до Вржесня, не путь изъ Мекки въ Медину, и *Мирславскому* никогда не быть пророкомъ Польши!“

„Вы ораторствуете 25 лѣтъ въ эмиграціи, вы пишете, печатаете, вы устроили цѣлую администрацію, ведете дипломатическія сношенія, производили революціи, десятки два людей юдали подъ висѣлицу, тысячи людей отправили въ казематы и въ каторгу Сибири, десять тысячъ легло въ одной Галиціи подъ косами и цѣпами своихъ же братьевъ. Панъ Эдуардъ *Дембовскій* твердилъ, что *людъ* должно приспособить къ понятію и возлюбленію революціи (успокоить людъ до поенца и ухаюан революціи). Людъ, дѣвольски увлеченный проповѣдями *инисаровъ* (штананско увѣдзіоны пшезъ науки высланцовъ централизаціи) показалъ свои способы пониманія и возлюбленія всеобщей революціи; въ одномъ тарновскомъ округѣ замучено 3000 безоружныхъ и невинныхъ. Чѣмъ кончили въ 1846 г. руководители этой потѣхи (дзялаче тей фарсы)? Диктаторъ *Тыссовскій* съ своими министрами, секретарями и военачальникомъ убѣжалъ съ деньгами. Какъ же отнеслась эмиграція о неистовой рѣзнь въ Галиціи? *Лелсвелъ* провозгласилъ, что крестьяне вспомнили наконецъ о своихъ правахъ. Приверженецъ монархической Польши, министръ 1831 года, Теодоръ *Моравскій*, очень сожалѣлъ о рѣзнь, но въ томъ смыслѣ, что убитыхъ было мало (же за мало замордовано), а *Мирславскій*, въ утѣшеніе соотчичамъ, говорилъ, что рѣзня была слѣдствіемъ недоразумѣнія (malentendu), что *Тыссовскій* былъ только малуць ил polisson de la bande de désordre social; 10 дневную оргію Бракова онъ, называя свободою, призналъ, что эти 10 дней стоятъ 70 лѣтъ рабства. Эмиграція тысячъ пятнадцать изъ увлеченной молодежи, изъ нашего будущаго поколѣнія, оторвала отъ роднаго крова и увлекла ихъ на баррикады, въ Венгрію и въ Турцію; изъ

нихъ болѣе половины нашли тамъ раннюю кончину подъ пулею, въ лазаретахъ, а нѣкоторые просто безъ помощи, съѣденные венгерскою холерою, или дунайскими лихорадками; остальные обратились въ скитальцевъ, искателей приключеній. Взгляните на наши семейства, есть ли хоть одно, которое бы не оплакивало родного; мы щедро давали вамъ средства для всѣхъ вашихъ проектовъ, мы не вступались, когда вы для вашихъ затѣй всякими ухищреніями удерживали нашихъ отъ возвращенія на родину, и оставляли тысячи привывшихъ дома къ иной жизни, съ трудомъ, среди развитой промышленности за границую, снискивать себѣ хлѣбъ насущный, стѣсняемые милліонами конкурентовъ; мы не вступались, когда ваши эмиссары и мѣстные агенты, преимущественно налагая на необходимость помочь бѣднымъ нашимъ выходцамъ, собирали щедрую дань, а вы выдавали имъ въ крайней нуждѣ по 25 франковъ и были къ нимъ щедры только тогда, когда высылали ихъ на опасныя подвиги; вы имъ внушали, что для ойчизны не страшны ни висѣлицы, ни казематы; сотни тысячъ нашихъ золотыхъ выкидали на покупки нѣмецкихъ книгъ, для поддержанія революціоннаго духа въ Германіи, *Лелевель* требовалъ средства для одного французскаго журнала, чтобы имѣть кресло въ *европейскомъ ареопатѣ*, вы имѣли ихъ десятокъ на всѣхъ языкахъ. Вы сотни тысячъ кидали на поддержаніе газетамъ симпатій къ Польшѣ, вы милліоны издерживали для поддержанія польской представительности, для вашихъ дипломатическихъ обѣдовъ, баловъ и праздниковъ, для связей, для вашихъ уполномоченныхъ, для вашихъ посланниковъ, на содержаніе вашихъ учебныхъ заведеній, въ которыхъ вы растили новыя жертвы, какъ старый наша накупленныхъ малютокъ невольницъ растить для своего гарема. Вы 25 лѣтъ насъ кормили обѣщаніями, что добьетесь европейской войны, изъ которой Польша возстанетъ, благодаря вашимъ усиліямъ, независимую, могучую, въ границахъ небывалыхъ, окруженная славой, величіемъ, уваженіемъ народовъ; вы говорили намъ: Польша станетъ восточною Франціею и превзойдетъ западную и къ чему вы насъ привели!? „Два молодые великіе генія (!?), дышавшіе высокимъ патріотизмомъ, разочаровались среди эмиграціи, *Мохнацкій* (*) умеръ въ уннѣи, *Мицкевичъ* сталъ мистикомъ и тованистомъ.“

(*) Въ концѣ 1865 г., въ вышедшей брошюрѣ „Эмиграція польская“ читаемъ также: *Мохнацкій*, самъ себя окончательно униживши, у-

„Даже Я. Н. Яновскій (одинъ изъ творцевъ централизаціи) высказался: послѣ февральскихъ восторговъ (въ Парижѣ, при низверженіи Людовика Филиппа въ 1848 г.)—іюньская картечь; польскіе аристократы работали—для имперіи, а польскіе демократы были—диктатора *Мѣрославскаго*.“ Трактатъ парижскаго мира и не ронзесь слова *Польша*.

Мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній о томъ, на сколько *са масса туземнаго шляхетства* сочувствовала раздраженному удовольствію противъ всей эмиграціи вообще, излившемуся въ риведенныхъ заявленіяхъ нѣкоторыми изъ его членовъ. Эти невольные силились доказать, что эмиграція идетъ по ложному пути; но мы не имѣемъ ни одного сознанія ни письменно, ни словесно выраженнаго въ средѣ туземнаго польскаго общества въ томъ, что само общество идетъ по ложному пути; даже и въ задній Россіи ни одинъ голосъ не заикнулся о томъ, что пора кончить съ многолѣтними затѣями и искренно слиться съ Россіею. Только послѣ рѣзни 1846 года, авторъ письма къ князю Геттерриху грозилъ Австріи, что всѣ поляки кинутся въ объѣма Россіи, но это искусственное раздраженіе въ письмѣ, было только для спасенія имени поляковъ передъ Европою; полякамъ, чтобы то ни стало, было необходимо замаскировать тотъ фактъ, что начало всѣхъ крестьянскихъ неистовствъ было только послѣдствіе неожиданно принявшаго въ сторону движенія, сообщеннаго *сретуо mobile* польской конспиративной дѣятельности. Это письмо польскаго дворянина (Маркиза В.) читалось съ жадностью, о единственномъ его слѣдствіемъ было возникшее опасеніе мѣстныхъ пановъ, чтобы въ конспиративныхъ ихъ работахъ не наткнулись на дѣятельность новыхъ *Эдуардовъ Дембовскихъ*. Видя а будущее время въ запоздалыхъ для Галиціи указаніяхъ князя *Гарторыйскаго* спасительный отводъ, паны тѣмъ ревностнѣе заотились приблизить къ себѣ есендзовъ и возвысить въ глазахъ арода значеніе своего духовенства.

Другое заявленіе было въ *Глосъ зъ Литвы*, ковенскаго поѣщика, напечатанное въ Познани. Если у автора, по общему правилу, не хватило гражданскаго мужества выставить свое имя, о по крайней мѣрѣ достало мужества, проводя мысль панславиз-

ѣдился, что аристократію среволюціонировать нельзя. Среди сомнѣній и величайшей меланхоли, онъ умеръ 14 Дек. 1834 г.

на, выразить, что въ нечтасоной славянской конфедеративной монархіи главою долженъ быть русскій императоръ. Изданная книга не встрѣтила одобренія общества, туземное шляхетство было слишкомъ пропитано ученіями эмигрантовъ, землевладѣльцы принципами Ламберова отела, а остальные, которыхъ терять было нечего, принципами централизаціи.

Во всякомъ случаѣ, послѣ парижскаго мира, туземному шляхетству предстояло снова направить свою неутомимую конспиративную дѣятельность къ исполненію мирной программы Ламберова отела. Часть этой программы обнаружилась трудами слѣдственныхъ комиссій, конфискованными письменными и печатанными свѣдѣніями и особыми разъясненіями, потребованными отъ подеудинныхъ.

Она можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ сводѣ: Возстановленная Польша должна составить монархію *военную и земледѣльческую*.

Возстановленіе Польши можетъ послѣдовать при политическихъ потрясеніяхъ въ Европѣ.

Патріоты, въ ожиданіи этого благопріятнаго событія, должны поддерживать и развивать польскую національность въ краѣ.

Для согласной дѣятельности общественное мнѣніе должно уважать направленіе, даваемое людьми избранными (*филярами великаго будованія*).

Варшава сердце Польши.

Значеніе правительственныхъ лицъ и должностей должно быть исподоволь уменьшаемо расширеніемъ значенія лицъ, официально избираемыхъ на дворянскихъ выборахъ; этимъ средствомъ конспиративная польская администрація легальными путями должна была вытѣснить администрацію правительственную. Правительствомъ установленное число выборныхъ лицъ должно быть усилено частнымъ образомъ *делегатами* по домашнимъ выборамъ дворянства.

Делегаты составляютъ совѣты при избранныхъ лицахъ, утвержденныхъ правительствомъ, и служатъ помощниками въ производствѣ дѣлъ.

Ксендзы должны пріобрѣтать подобное же значеніе въ сферахъ престолюдиновъ.

Доброхотнымъ согласіемъ сословій исподоволь образовать собственное національное управленіе, которое при политическомъ сотрясеніи удержитъ отъ внутренняго потрясенія и безпорядковъ.

Общественное мнѣніе должно способствовать возвышенію значенія духовнаго сословія.

Шляхетство должно заботиться о возстановленіи польскихъ университетовъ.

Польская молодежь должна по преимуществу заниматься юридическими науками; поляки военные должны быть спеціалисты. Поляки должны заботиться о внесеніи просвѣщенія въ Россію (вѣроятно заботиться о развитіи польской интеллигенціи) и преимущественно въ ея окраины, особенно на Кавказъ; поляки должны стараться быть воспитателями русской молодежи.

Если *Чарторыйскій* такъ налегаль на воспитаніе, то вѣроятно изъ собственнаго опыта онъ убѣдился, какую пользу онъ принесъ польской справѣ. Расточая предъ правительствомъ свою преданность, свою благонамѣренность, свои заботы о цивилизаціи, онъ вдругъ изъ вѣдомства иностранныхъ дѣлъ донскался попечительства учебнаго округа западной Россіи. На окраинѣ Россіи, еще не окрѣпшей въ русской народности, съ вліятельными классами русскихъ, пережѣванными съ поляками, *Чарторыйскій* тогда пропнталь ея учебныя заведенія *польщиною*, которой источникомъ былъ виленскій университетъ. Онъ особенно заботился о щедромъ снабженіи университетской бібліотеки всѣми возможными польскими историческими сочиненіями и всѣми польско-патріотическими литературными произведеніями, дабы держать всю учащуюся молодежь въ этой искусственной, чадной атмосферѣ полонизма. Таковъ обращеніе примѣровъ, имъ оставленныхъ для подражанія; тщательно между туземцами сохраняются традиціи о князѣ *Адамѣ*, иногда поражающія своими подробностями.

Мы изложили внушенія, дѣлаемыя Ламберовымъ отелемъ всей массѣ шляхетства, для систематической организованной его дѣятельности; но кромѣ того въ документахъ, собранныхъ по дѣламъ мѣтежа, находятся письменныя свидѣтельства, что и высшая конспиративная работа, нѣвогда веденная напримѣръ княземъ *Адамомъ*, графомъ *Михаиломъ Огинскимъ*, продолжалась по пути, указанному предшественниками. Предъ отечественною войною, въ то время, когда поляки, расточая обѣщанія, призывали Наполеона ко вторженію въ Россію, *Огинскій* получаль отъ *Армфельда*, выходившаго изъ кабинета государя, свѣдѣнія о всѣхъ тайныхъ совѣщаніяхъ на щетъ мѣръ и средствъ къ защитѣ имперіи; по-

добно тому снова поляки устроились такъ, чтобы получать немедленно свѣдѣнія о такихъ правительственныхъ работахъ, которыя до обнародованія были тайною. Основываясь на нихъ, поляки заблаговременно принимали свои мѣры; но для шляхетства наступили времена трудныя и, какъ ниже увидимъ, старыя комбинаціи оказались не всегда пригодными. Буквально слѣдуя примѣраи князя Адама *Чарторыйскаго*, аристократическіе сторонники Ламберова отела, какъ отпавшіе по личнымъ расчетамъ, такъ и непоколебимо ему преданные, старались во *тьмъ* и *мль* удержати польскія дѣла; предъ вліятельными людьми въ Россіи они силились извращать событія, посѣять разладъ между высшею и нѣстною администраціями, набрасывая на все, съ своей стороны, мантию усерднѣйшей, вѣрноподданнѣйшей заботливости о преуспѣяніи имперіи. Въ теченіи четырехъ царствованій, скопившіяся *польскія дѣла уже созрѣвали*, они были на кануѣ ихъ переходу въ ясно поставленный *польскій вопросъ*. При его разрѣшеніи настали для шляхетства времена еще труднѣйшія. Казалось, что въ теченіи пяти вѣковъ, окрѣпъ рубежъ по коренной русской землѣ, рукою поляковъ проведенный между восточною и западною Россією, но ТОТЪ, кто призвалъ Россію въ новой жизни, ТОМУ суждено и стереть оскорбительный и гибельный для Россіи рубежъ.

Въ то время, когда князь *Чарторыйскій*, по собственнымъ его словамъ (*), въ *своихъ мечтаніяхъ* создавалъ программу для конспиративной дѣятельности пановъ, *централизація* съ своими секціями выработывала систематически науку мятежей соображеніями и приобрѣтаемою опытностію.

Русскіе люди, не догадываясь о тайныхъ хитро задуманныхъ подземныхъ польскихъ возняхъ, не могли обороняться отъ ихъ потовимыхъ сѣтей; они не догадывались, куда ведутъ всѣ провозглашенія о благоденствіи рода человѣческаго, и многіе тѣмъ скорѣе попадали въ *Панурово стадо*, что поляки преимущественно лукавили предъ молодежью, издѣвались надъ элементами русской жизни, относили ихъ къ нашей неразвитости, твердили, что мы еще не *созрѣли* до высоты польской интеллигенціи. Всѣ русскіе коренныя начала, завѣщанныя предками, которыя правильныя

(*) Рѣчь князя Адама Чарторыйскаго на торжественномъ за сѣданіи польскаго учено-литературнаго общества въ Парижѣ, 17 (27) Ноября 1844 г.

народный развитіемъ будутъ достояніемъ нашего позднѣйшаго по-
 мства, столь пугавшія польскую справу, были, по ихъ провоз-
 глашеніямъ, только остатками московскаго варварства; всякое
 здравое ученіе, всякія истинныя свѣдѣнія, вѣрные историческіе вы-
 ходы они называли *казенными*, и дабы лишить русскихъ людей
 возможности пресѣчь съ ловкимъ искушеніемъ распространяемое зло,
 о они въ молодомъ, еще не окрѣпшемъ обществѣ, настойчиво про-
 одили тѣ понятія, чтобъ указать властямъ и обществу—посягателей
 а русское могущество, на наше народное достояніе, на государ-
 ственное единство, на нашу славу, на нашу честь есть *доносъ* и
инициатива. Многихъ русскихъ людей поляки, исподоволь втяги-
 ая въ свои сѣти, морочили подобными понятіями, приобрѣтены-
 и на школьной скамьѣ. Впрочемъ, не однимъ русскимъ пришлось
 заплатить дань за невѣдѣніе революціонныхъ конспиративныхъ
 еорій, напѣваемую поляками на музыку: „еще Польша не згине-
 а.“ Давно создалось общественное мнѣніе въ столь положитель-
 номъ нѣмецкомъ обществѣ, а и нѣмцы до 1848 года сочувство-
 вали сладкимъ польскимъ рѣчамъ о международной братской люб-
 ви, о благоденствіи рода человѣческаго, основаннаго на междуна-
 одныхъ симпатіяхъ и общественной свободѣ, утвержденной на но-
 выхъ началахъ, избрѣтенныхъ революціоннымъ ареопагомъ моло-
 дой Европы, при содѣйствіи польской централизаціи. Событіями
 1848 года предъ нѣмцами разоблачилось польское предательство,
 ткрылось, что изъ одной и той-же мастерской исходили увѣре-
 нія нѣжной любви, симпатіи и глубокаго уваженія поляковъ въ
 нѣмцамъ, одновременно съ инструкціями, какими предательскими
 редствами пригоднѣе нѣмцевъ передупитъ въ Галиціи и Поз-
 лани. Когда возникла на новыхъ началахъ устроенная свободная
 польская народность, въ анархическомъ сумбурѣ *народовыхъ* коми-
 тетовъ, когда новая свобода выяснилась неистовыми своеволіями
 противъ познанскихъ нѣмцевъ, когда польскія симпатіи выказались
 стремленіемъ подчинить польской національности національность нѣ-
 мецкую, когда нѣмцы увидѣли, что поляки посягаютъ на силы и
 могущество Германіи, считая ихъ вполне одураченными, тогда
 оскорбленные сыны Германіи, узвленные въ народномъ чувствѣ собст-
 веннаго достоинства, круто повернули дѣло; они заставили упорныхъ
 полонофидловъ замолчать на франкфуртскомъ сеймѣ, и пруссаки,
 въ своемъ раздраженіи, потребовали отъ генерала Виллизена, да-
 леко ушедшаго въ глубь Панургова стада, отчета въ его дѣйст-

вѣяхъ и доказательствъ, что служба, какъ говорится, и нынѣшнѣе и вашингъ, онъ не былъ измѣнникомъ своего отечества.

Выработанная теорія мятежей революціонною партіею въ Европѣ, усовершенствованная польскою централизаціею и многочисленными ея агентами, примѣненная къ бывшимъ въ сороковыхъ годахъ мятежамъ въ Европѣ, можетъ быть резюмирована въ слѣдующемъ видѣ:

Заранѣе подготовленный многочисленный заговоръ опасенъ своимъ раскрытіемъ.

Посвященные избранныя личности (столбы или филары), сносясь съ пятью членами совѣтовъ мѣстныхъ секцій, даютъ направление дѣятельности; для безопасности эта связь и сношенія хранятся въ тайнѣ. Члены секцій, укрывая свою дѣятельность въ легальныя и благонамѣренныя формы (*), поддерживаютъ національное революціонное броженіе въ умахъ.

Въ мѣстности, предназначенной для мятежа должно *пропитать воздухъ революціонною атмосферою.*

Для того дѣйствовать на слабыя и тщеславныя вліятельныя личности словами либерализма и прогресса, дѣйствовать на все общество литературою, дѣйствовать на учебныя заведенія, и особенно на наставниковъ, и готовить народъ, дѣйствуя на грубыя чувства корысти и возбуждая въ немъ новыя желанія, или какъ осязательно выразило сорвавшееся сожалѣніе у одного изъ главныхъ дѣятелей минувшаго мятежа, Людвига *Зейрждовскаго*, „населеніе Литвы представляетъ мало элементовъ *народъ преобразовать въ чернь.*“

Сожалѣніе о непризнаніи личныхъ достоинствъ, малой ихъ оцѣнки, несправедливой судьбѣ, изученіе общихъ слабостей общества (**), или личныхъ, всегда открываютъ ревнителямъ польской sprawy доступъ къ довѣренности вліятельныхъ личностей, а затѣмъ

(*). Русскіе въ Вильнѣ, до мятежа, считали самыми благонамѣренными, преданными правительству, двухъ: *Зейрждовскаго* (повѣшенъ) и *Ал. Оскерко* (сосланъ въ каторжную работу), почему въ этомъ смыслѣ они и были употребляемы. Въ это время первый былъ главнымъ работникомъ въ комитетъ *красныхъ*, а второй тѣмъ же въ комитетъ *бѣлыхъ*.

(**) Такъ Мѣрославскій указывалъ, что самое надежное средство — нѣмцевъ травить русскими, а русскихъ нѣмцами. Газирва, онъ помѣстилъ это средство и въ свое сочиненіе «*de la nationalité polonaise.*»

нѣ уже не трудно будетъ поставить ихъ въ свою нравственную зависимость.

Порядокъ веденія заговорнаго дѣла шелъ въ слѣдующей послѣдовательности: пропаганда, за нею являлись манифестаціи и наконецъ мятежъ.

Для пропаганды мы имѣемъ слѣдующія указанія:

Опытъ научилъ вождей, что заранѣе распространенный заговоръ почти всегда преждевременно становится извѣстнымъ правительству, потому верховные коноводы ограничивали свое число самыми необходимыми людьми, только содѣйствующими пропагандѣ своимъ вліяніемъ. Высшіе коноводы старались въ глазахъ правительства казаться самыми благонамѣренными, даже готовы были содѣйствовать ревностно его благимъ предначертаніямъ. Словесно и письменно они устранились отъ всякаго проявленія своихъ замысловъ, которое могло бы быть для нихъ уликою; дѣятельность верховныхъ вождей имѣетъ двойное направленіе: съ одной стороны, для достиженія своихъ замысловъ, они стремятся усилить свои средства, подготавливая пригодныя личности въ орудія своихъ плановъ, съ другой стороны, они стремятся ослабить правительства, сбивая ихъ распоряженія на путь содѣйствія къ осуществленію ихъ затаенныхъ проектовъ.

Смыслъ правительствъ, враждебныхъ польскимъ тенденціямъ, они хотѣли противопоставить общественное мнѣніе. Въ ихъ рукахъ для этой цѣли мощнымъ орудіемъ было іезуитское ученіе, что всѣ средства хороши, если они могутъ содѣйствовать цѣли.

Для извращенія общественнаго мнѣнія литература и журналистика были ихъ орудіями; историческіе подлоги, поддѣлка официальныхъ актовъ, извращеніе смысла постановленій, лживые толки и лживые слухи были подспорьемъ къ работѣ.

Ограничивая до крайней возможности число заговорщиковъ, польская пропаганда стремилась подготавливать людей, распалать умы, разжигать страсти, дабы въ данное время число заговорщиковъ могло вербоваться съ успѣхомъ и быстротою такими ревнителями, которыхъ безъ большаго труда можно было бы обратить въ офанатизированныхъ дѣятелей.

Учебныя заведенія были главными мѣстами для вербовки. Коноводы дѣйствовали успѣшно въ средѣ неопытной, учащейся молодежи, съ практической стороною жизни еще не знакомою, съ неутвердившимися еще понятіями гражданскаго долга.

Способны къ предательскому увлеченію молодежи были постоянно одни и тѣ же; коноводы льстили молодежи, указывали ей что она представительница новаго поколѣнія, что она заключаетъ среди себя государственныхъ людей и военныхъ предводителей, для совершенія того переворота, который разрушитъ утвердившіеся элементы государственнаго устройства, коноводами провозглашаемыхъ укоренившимися только предразсудками прежней зависти и невѣжества.

Коноводы особенно заботились заманивать наставниковъ юношества убѣжденіями, лестью, искусственными восторгами и матеріальными выгодами. Они любили и прославляли тщеславныхъ и ослѣпляемыхъ и сами искали официальныхъ сближеній съ воспитательными заведеніями.

Для одобренія къ дѣйствіямъ, коноводы отвергали, что власть дѣйствующая есть необходимый залогъ возможности существованія общества, они усиливались доказывать, что правительства шатки и слабы, и мнимая ихъ сила есть только наружное обаяніе, правительства производимое на недалновидныя массы.

Юридическіе факультеты по университетамъ обращали на себя наибольшее вниманіе верховныхъ коноводовъ; юристы являлись людьми наиболѣе пригодными законность обращать въ изворотливую польскую легальность. Польскіе юристы, во всякихъ обстоятельствахъ, могли быть, при польской изворотливости, самыми полезными дѣятелями для мятежной польской справы.

Для большихъ успѣховъ пропаганды верховные заговорщики старались имѣть своихъ мѣстныхъ агентовъ распространителями подпольной литературы и которые въ разныхъ кружкахъ совѣтами и ученіями осторожно развивали далѣе наущенія въ печатанныхъ произведеніяхъ революціонной литературы и побуждали ослѣпленныхъ къ пригодной инициативѣ. Агенты вездѣ давали толчекъ къ волненію умовъ и беспорядкамъ, и притаясь, руководили ими болѣе.

За учебными заведеніями, коноводы находили городское низшее сословіе слѣдующимъ слоемъ общества, пригоднымъ для усиленія своихъ средствъ. Въ этой средѣ, самымъ такъ называемымъ забубеннымъ (бирь-бантамъ), они выдавали жалованье; освобождая ихъ отъ работы, они доставляли имъ возможность постояннымъ пребываніемъ по кабакамъ и по трактирамъ, проповѣдывать о тягостяхъ мастерового сословія, которое они относили

къ тому, что, при обще-существующемъ общественномъ устройствѣ, хозяева устроишь фабрики или заведенія, обращаютъ потъ рабочаго класса въ золото, которымъ набиваютъ себѣ карманы.

Для сельскаго населенія назначались свои агенты, которые ходили по деревнямъ, подъ видомъ собиранія народныхъ пѣсней, сказокъ, изученія народнаго быта, и которые, по кабакамъ и борчмамъ, находя преимущественно разгульныя головы населенія, внушали имъ неудовольствія противъ существующей администраціи и существующихъ законоположеній, рассказывали о притѣсненіяхъ мѣстныхъ властей, о тягости налоговъ и искушающими толками о возможности лучшаго будущаго извращали понятія и сбъали новыя желанія. Изъ собираемыхъ памятникоевъ народной литературы, они нанизывали въ свои сборники то, что однажды напечатанное, распространяемое между народомъ, могло только тяжело лечь на душу простолюдина; для того они собирали въ видѣ пѣсней или сказокъ оставшіеся памятники бѣдственныхъ эпохъ въ предшествовавшіе вѣка народной жизни. Въ Варшавѣ въ литературныя произведенія для народа включались и вновь состряпанныя картины прежняго народнаго благоденствія, онѣ всегда относились къ времени минувшему независимой Польши (1).

Другую сторону дѣятельности нововодовъ при пропагандѣ представляютъ мѣры къ ослабленію правительствъ и усилія направлять правительственныя распоряженія на путь содѣйствія ихъ замнсламъ, или по принятому у нихъ выраженію *правительства стѣлать солидарными*, съ ихъ подземными планами и работою.

Литература и журналистика опять являлись первыми орудіями для отуманенія понятій. Краснорѣчивыя перья, съ лукавыми хитрыми софизмами, усиленно извращали общественное мнѣніе. Нововоды силились ловить въ свои сбты, пріятно щевота струну тщеславныхъ вліятельныхъ людей, ими провозглашаемыхъ друзьями человечества, свѣтилами современной эпохи, либеральными, передовыми людьми на пути прогресса народной жи-

(1) Любопытнымъ памятникомъ этихъ происковъ къ отуманенію народныхъ понятій можетъ служить выходившій въ 1862 году въ Варшавѣ, иллюстрированный народный журналъ „Кміотекъ.“ Конечно, если въ Польшѣ простолюдинъ вздохнулъ свободно отъ панскаго безграничнаго гнета и произвола, то только съ паденія Рѣчи Посполитой. Въ Кміотекѣ же видимъ исключительное вос-

зин; за то со всею яростью и жалчью затаненой злобы они бросались на тѣ личности, которыя проворачиво принимали истинныя требованія, на неутомимыхъ стражей тѣхъ краюатольныхъ правительственныхъ элементовъ, которые составляютъ прочную основу народнаго благосостоянія.

Не на однихъ людѣй высокопоставленныхъ въ правительственныхъ сферахъ обрушивалась вся ненависть честолюбивыхъ своекорыстныхъ враговъ общественнаго порядка; всѣ личности влиятельныя въ мірѣ литературномъ, журнальномъ, научномъ, твердыя въ своихъ знаніяхъ и убѣжденіяхъ, которые проводили понятія, противныя софизмамъ наборниковъ государственныхъ переворотовъ, обращались въ ихъ заклятыхъ враговъ. Ревнителі анархидеспотически навязывали общественному мнѣнію свои сужденія; нетерпимость въ полномъ смыслѣ слова обуяла людей, выдававшихъ себя ревнителями свободы человѣческихъ обществъ; наглая ложь, предательская интрига, локія, утонченныя, ухищренныя клеветы, глубоко обдуманно, дерзко выступали впередъ, дабы ввергнуть въ бездну сколько нибудь опасныхъ имъ противниковъ или застрашати ихъ. Дѣятелі польской справы указывали, что сила революціонной партіи такъ велика, что она всегда достигала того, что не завидна была судьба тѣхъ, которые слишкомъ ретиво выступали къ ея противодѣйствію; таково было одно изъ тѣхъ многостороннихъ проявленій польскаго *террора*, который нравственными и физическими застрашиваніемъ долженъ удерживать энергію опасныхъ противниковъ польской справы. Не даромъ же въ польскихъ конспиративныхъ традиціяхъ, относительно Россіи, сохраняются, проявившіяся послѣдовательными событіями польскихъ мятежей, имена *Державина*, *Сперанскаго*, *Красновскаго*, *князя Трубецкаго*, и множества другихъ именъ известныхъ. О Державинѣ былъ отзывъ (*) что онъ „осм-

хваленіе временъ независимой Польши. Его назначеніе было извратить понятія сельскаго населенія о тягостныхъ временахъ бывалыхъ и парализировать въ новомъ поколѣніи населенія вліяніе разсказовъ стариковъ, что прусское, а потомъ русское правительство первое оградило законами сельское сословіе отъ панскаго ига и отъ панскаго своеволія. Кміотежъ недостигъ цѣли. При первыхъ возгласахъ, пущенныхъ въ народъ, что независимость Польши будетъ восстановлена, сельское населеніе говорило: «Бѣда, бѣда, прежнее время возвращается» (Зле, эле, давне часы се врацаіонъ).

(*) Къ сожалѣнію русскаго вельможи.

плать своею немобовою къ полякамъ и ясно не виднть государственныя нужды;“ Сперанскаго признали предателемъ отечества, Красновскію—пьяницею, князя Трубецкаго—извергомъ. На немощь интриги являлись еще другія темныя средства.

Стремясь послѣдовательно закрѣплять за собою пріобретенныя успѣхи, они усиливались уловками сдѣлать правительства солидарными съ своими подземными работами. Правительственное распоряженіе, которое могло служить замысламъ, было встрѣчено хвалебными гимнами, дабы дальнейшее его развитіе направить въ свою пользу, неслѣдственно польская интрига направляла общественное мнѣніе, дабы подъ самыми благовидными предлогами гуманности и прогресса, приводить правительства къ пригоднымъ для ихъ цѣлей новымъ распоряженіямъ.

Высокостоявшіе въ обществѣ польскіе магнаты были обязаны для отчизны, не отказывать своимъ покровительствомъ, ходатайствомъ и содѣйствіемъ систематическому развѣщенію поляковъ въ государственной администраціи.

Повидавъ на вліятельныя мѣста, поляки умножали своими землями число служащихъ. Взаимною поддержкою, взаимнымъ прославленіемъ никакія маленькія способности не могли заглухнуть на служебномъ поприщѣ. Подобная дружная работа, конечно, въ правительственныхъ администраціяхъ давала особое значеніе польскому элементу, пока правительства не обратили вниманіе на это чуждое, вредное сѣмя. (*)

Цѣль пропаганды была разъединеніе населенія и правительствъ. Цѣлье томи потребовало бы изложеніе громадной работы къ уничтоженію взаимной довѣренности народа къ высшимъ верховнымъ властямъ и къ ослабленію правительственнаго организма; при этомъ нельзя не упомянуть на усилія внести заразу въ войска и втисненіе революціонныхъ ученій въ военный элементъ, который, конечно, въ данную рѣшительную минуту, являлся для нихъ самымъ опаснымъ противникомъ.

Воноводы, желая вести работу систематически, обманывая себя при желаніи обманывать другихъ силою пропаганды, при послѣ-

(*) Замѣчательно, что поляки и во Франціи пришли къ предположенію, что правительство слѣдитъ за накопленіемъ поляковъ въ одномъ мѣстѣ службы, даже и за тѣми, которые, миновавъ всѣ французскимъ правительствомъ принятые затрудненія, сдѣлались французскими подданными.

довательной своей работѣ, означали этапы выраженіемъ *факта совершившагося*. За факты совершившіеся принимались, дѣйствительныя или мнимо, достигнутыя для ихъ цѣли уступки правительствъ. Торопливо въ 1848 г. въ Познани и Галиціи боюводи записали *фактами совершившимися* данную свободу печати, освобожденіе политическихъ преступниковъ и разрѣшеніе народной гвардіи; за факты совершившіеся ими принимались и такіе вымыслы, въ истинѣ которыхъ они успѣвали убѣдить общественное мнѣніе.

Польская пропаганда, дѣйствуя по всей Европѣ и стараясь вооружить общественное мнѣніе противъ трехъ государствъ, участвовавшихъ въ раздѣлѣ Польши, работала тѣмъ съ большою настойчивостью и озлобленіемъ противъ Россіи; она дѣйствовала тѣмъ съ большимъ озлобленіемъ, что всѣ ухищренныя затѣи къ производству въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи поляками матажей, послѣ 1831 года, разлетались въ дребезги, силою правительственной власти и страхомъ, имъ внушаемымъ крамолѣ; въ Царствѣ Польскомъ и западной Россіи волнуемая, наущаемая и подстрекаемая масса шляхетства на словахъ высказывала свое сочувствіе, а на дѣлѣ старалась уклониться отъ прямого участія, могущаго компрометировать. Значеніе Россіи росло предъ лицомъ Европы, но тѣмъ съ большою злобою польская пропаганда трубила Европѣ о замыслахъ Россіи, и что въ Императорѣ Николаѣ олицетворяются и сосредоточиваются всѣ противудѣйствія свободному общественному развитію. Польская пропаганда стремилась увѣрить Европу, что Императоръ Николай опаснѣйшій для нея врагъ, готовый на нее кинуться съ милліономъ солдатъ и подавить въ ней всякія свободныя учрежденія, что онъ, поработавъ всѣ правительства морально своему вліянію, только думаетъ о поработеніи Европы и преобладаніи надъ нею; явилось снова на сцену пресловутое завѣщаніе Петра Великаго. Дюмогаясь помощи запада, поляки выставляли себя ретивыми заступниками его интересовъ и свободы отъ варварскаго нашествія съ востока; они брали на себя разъяснять правительствамъ запада объ опасностяхъ, имъ угрожающихъ, и себя выставляли единственными пригодными защищать Европу противъ Россіи. Не смотря на подобную грубую уловку, поляки столько наклеветали на Императора Николая, прозорливо понимавшаго всѣ тенденціи европейскихъ революціонеровъ, вообще, и поляковъ въ особенности, что они дѣйствительно достигли

вліянія на общественное мнѣніе Европы. Много времени потребуетъ безпристрастныя историческія разсканія, чтобы возстановить во всей истинѣ высокое значеніе Императора Николая въ европейскіихъ событіяхъ временъ его царствованія.

Таковы были способы дѣйствія польской пропаганды. За пропагандою, по правиламъ мятежей, слѣдуютъ манифестаціи и демонстраціи—работы окончательнаго подготовленія въ разжиганію страстей и мятежу.

Первымъ для того средствомъ—приобрѣтеніе пригоднаго книгопродавца, для болѣе удобнаго снабженія произведеніями подзадоривающей запрещенной литературы. Заговорщики запасались особыми издателями по этой части. Франкъ особенно снабжалъ Германію изданіями, пригодными для революціонныхъ возбужденій. По крайней мѣрѣ одно изъ мѣстныхъ періодическихъ изданій въ рукахъ ревнителей, талантливо владѣющихъ перомъ, должно быть органомъ дѣлу заговорщиковъ; подобный журналъ, при чтеніи между строками и легально провоя, мимо законовъ о печати, ловко написанныя, пригодныя статьи, долженъ давать тонъ и направленіе современной литературѣ. Единовременно съ тѣмъ всякія, польской справѣ опасныя, литературныя произведенія, разоблачающія искушенія, обманы, ложь должны быть встрѣчены издѣваніями и глумленіями хорошихъ всѣхъ ревнителей, для отуманенія общественнаго мнѣнія настойчивыми и неутомимыми ихъ нападками. Польская справа, деспотически не терпя чужихъ мнѣній, нахальными изворотами бичевала своихъ противниковъ; она, милліонами золотыхъ, собираемыхъ съ края, первенствуя между европейскими революціонерами, купивъ вліяніе на печать, приобрела силу для литературной вѣтви своего террора; того, кого поляки не могли залучить въ *Панурово стадо*, того они объявляли *ретроградомъ* и обвиняли въ *обсужукарантизмъ*—два слова, признанныя польскою справою особенно для нея пригодными. Даже, когда Адамъ Милкевичъ, столь высоко превозносимый поляками, заколебался, то польская справа не замѣдлила огласить, что у него умъ помрачился, что онъ близкій кандидатъ въ пріютъ умалишенныхъ. Революціонная мѣстная литература, по мѣрѣ приближенія условленнаго времени, должна высказываться постепенно съ большею ясностію, и наконецъ появленіями подпольныхъ прокламацій народъ призывать къ сборищамъ; тогда изъ таинственныхъ убѣжищъ крамола уже выходила на улицы и на площади. Обязанность вожаковъ со-

стояла въ томъ, чтобы первая сборища облечь въ самыя легальныя или благонамѣренныя формы; львовскія сборища въ 1848 году, послѣ недавнихъ событій 1846 года, были ведены съ необыкновеннымъ искусствомъ, опираясь на вѣнскія событія и извиваясь передъ *Гаммерштейномъ*, котораго поляки знали неколебимую энергію и предприимчивость. Коноводы одержали полную побѣду надъ догадливостью графа *Стадіона* и разыграли блистательно свою увертюру на слабыхъ струнахъ графа, на струнахъ его отуманенныхъ понатій о гуманности, либерализмъ и прогрессѣ. Надрескированные ревнителями, ученики учебныхъ заведеній, съ началомъ манифестацій, поступаютъ въ непосредственное распоряженіе вожаковъ. На нихъ, достаточно подготовленныхъ и офанатизированныхъ, возлагаются двоякія обязанности: сперва полицейскія, потомъ боевыя. Они составляютъ и первую ширину для вожаковъ. Воспитанники—*сыны общества*, когда они трибунами ораторствуютъ на площадяхъ или защищаютъ баррикады, они *дети*, когда, при неудачѣ, попадутся предъ судъ закона, потому коноводами они признаны особенно пригодными орудіями.

Уличныя безпорядки, послушные вождямъ, должны произвести оптический фокусъ, если удачно веденными уличными демонстраціями коноводы добьются, что мѣстныхъ власти предоставятъ взволнованной толпѣ изъ своей среды выбрать успокоителей. Тогда населеніе должно, какъ бы подъ влияніемъ магическаго жезла, временно успокоиться предъ новою властью, избранною изъ его среды, т. е. изъ среды заговорщиковъ, у которыхъ готовая программа для дальнѣйшихъ дѣйствій уже въ карманѣ; этигъ путемъ законная власть будетъ поставлена въ очевидную необходимость сдѣлать первую уступку; произведенный фокусъ парализируетъ употребленіе оружія, и крамола имѣетъ уже опору для доказательства беззаконности употребленія военной силы при дальнѣйшей неурядицѣ; такое застрашеніе мѣстной правительственной власти считается первой положительною побѣдою и становится *фактомъ совершившимся*. Вся солидарная журналистика должна провозглашать о спокойной покорности и стремленіи къ порядку угнетенныхъ, но кроткихъ, поднятыхъ массъ народа. Въ городскую чернь, манифестациями ободренную къ безнаказанному неуваженію законной власти, рубящую наглыми *биръ—бантами* (*) должно поселить увѣренность, что войска стрѣлять не дерзають.

(*) Въ Варшавѣ каждая изъ большихъ манифестацій (1861) г. обходилась *краснымъ*, по счету, представленнымъ *Мырославско-*

Для перехода къ болѣе рѣшительнымъ дѣйствіямъ, пововоды призывали, что женщины необходимы. По правиламъ мятежной тактики, употребленіе женщинъ при демонстраціяхъ и баррикадахъ, есть стратегема, на подобіе Камбизовой, который противъ египтянъ гналъ кошекъ и собакъ передъ своими войсками. Вообще женщины занимали не послѣднее мѣсто въ соображеніяхъ революціонеровъ, и по показанію одного изъ подсудимыхъ, собственно для этой цѣли, въ Краковѣ былъ издаваемъ журналъ „Невѣста“; впрочемъ это заглавіе должно было служить только для большаго подзадориванія его читательницъ; по комбинаціямъ польской справы най-пригоднѣйшія женщины для революціонной дѣятельности во всѣхъ періодахъ мятежной работы суть *перезрѣлые дѣвы* (не молодые паны), *особенно способныя къ раздражимости*, причемъ красота скорѣе вредитъ дѣлу; менѣе пригожія стараются замѣнить отсутствіе красоты *пикантностью*; отсюда и выраженіе бывшаго литовскаго псевдодиктатора *Калиновскаго*: „слишкомъ милويدна, чтобы быть истовою патриоткою.“

Вербовка вожаковъ-женщинъ преимущественно производится изъ слоя повивальныхъ бабокъ, гувернантокъ, компаньонекъ, проживалокъ, эконимокъ и эмансипированныхъ изъ такъ называемаго полусвѣта. Для отличныхъ боевъ, въ рѣшительные моменты появленіе красавицы-аристократки можетъ произвести двойное магическое дѣйствіе. Конечно, вожаки могли рассчитывать, что они всегда найдутъ таковую изъ мѣстныхъ аристократическихъ патриотокъ, преисполненныхъ традиціями временъ Рѣчи Посполитой. Во время накальванія національныхъ кокардъ дамами въ Краковѣ, въ 1846 году, Эдуардъ *Дембовскій*, ревностный сторонникъ коммунизма, про одну изъ этихъ (*) выразился: „Она вѣрно рассчитываетъ, что мы станемъ изъ ея башмачка (чревичка) пить венгерское.“

Впрочемъ событія послѣдняго мятежа далеко оставили за собою ту дѣятельность, которую революціонныя программы предназначили женщинамъ. Ихъ ретивость къ мятежу соразмѣрялась прямо ихъ преданностью къ кестелу; вліяніе въ латинской сферѣ

му, около 20,000 злотыхъ; сколько было израсходовано конюхамъ и дворовыми панскіихъ домовъ, неизвѣстно. Эти нанимали много солдатокъ прачекъ. *Мпрославскій* полагаетъ для нанимаемыхъ изъ городской черни актеровъ, представителями народнаго неудовольствія, *по два злотыхъ и по одному стакану вина*.

(*) Графиню I, или SS, въ рукописи буква не разборчива.

кесендзовъ на женщинъ всѣмъ извѣстно. Наконецъ должно освободить заключенныхъ, политическіе—ретивѣйшіе работники.

Сосредоточивая на покойномъ Государѣ всю ненависть и злобу, революціонеры съ прекращеніемъ восточной войны увидѣли свои замыслы нисколько не достигнутыми. Заря огромнѣйшихъ реформъ, озарившая вопареніе новаго Императора, не остановила ярыхъ провозглашеній.

Польская эмиграція ждала только первыхъ словъ Государя въ Варшавѣ, чтобы извративъ ихъ смыслъ, протрубить Европѣ, что новое царствованіе для запада будетъ продолженіемъ прежняго угнетенія, что посягательство на свободу европейскихъ обществъ есть уже, независящее отъ личности русскаго Государя, врожденное стремленіе русскаго правительства.

Слова Государя, сказанныя въ Варшавѣ 11/23 Мая 1856 года сенаторамъ, предводителямъ дворянства и духовенству были именно тѣ слова примиренія, при которыхъ поляки, если бы были бы движимы истинными чувствами патріотизма, могли ясно видѣть будущее благоденствіе страны. Они могли русское правительство освободить отъ задней мысли того недовѣрія, что всякая благодѣтельная реформа должна быть относительно поляковъ предварительно строго обсуждена; довѣренность къ подданнымъ, оказываемая Верховною властью, не открываетъ ли она лазейку, которую неутомимый духъ польшизы найдетъ возможность обратить на погубу страны.

„Я пріѣхалъ къ вамъ, господа, сказалъ Государь, съ забвеніемъ прошедшаго; съ самыми лучшими наміреніями для края. Вамъ предстоитъ помочь Мнѣ привести ихъ въ исполненіе, но прежде всего Я долженъ вамъ сказать, что наши взаимныя отношенія должны разъясниться. Я ношу васъ въ Моемъ сердцѣ, какъ и всѣхъ Моихъ русскихъ подданныхъ, но Я понимаю, чтобы порядокъ, установленный Моимъ отцемъ, былъ сохраненъ. И такъ, господа, прежде всего безъ мечтаній, безъ мечтаній. Кто не желаетъ разстаться съ ними, того я буду умѣть удержать, я съумѣю не допустить ихъ мечтаній далѣе сферы ихъ воображенія. Благоденствіе Польши зависить отъ ея полного слиянія съ народомъ Моей имперіи. Что мой отецъ сдѣлалъ, то сдѣлалъ онъ хорошо, и Я это удержу.“

„Въ послѣдней войнѣ, ваши дрались наравнѣ съ другими; вотъ князь *Горчаковъ*, онъ былъ очевидецъ и отдаетъ имъ справедливость, что они храбро дрались, защищая отечество. Финляндія и Польша Мнѣ дороги наравнѣ съ другими частями Моей

интерис. Но вы должны знать для блага самих поляковъ, что Польша остается соединенною навсегда съ великою семьею русскихъ императоровъ. Повѣрьте, господа, что Я воодушевленъ наилучшими намѣреніями относительно поляковъ; облегчите Мнѣ Мой трудъ; Я повторяю вамъ—безъ мечтаній, безъ мечтаній.“

„Что же до васъ касается, гг. сенаторы, то предоставьте руководить себя Моему намѣстнику, князю *Горчакову*, а вы, гг. епископы, не теряйте изъ виду, что основаніе всякой доброй нравственности это религія, и ванъ долгъ внушить полякамъ, что ихъ благоденствіе единственно зависитъ отъ ихъ совершеннаго сліанія съ Россією.“

Рѣчь Государя передавалась изъ устъ въ уста. Черезъ четыре дня дворянство дало блистательный балъ, поляки съ надеждою и радостью протягивали руки русскимъ; на другой день, ^{15/27} мая, депутація дворянъ явилась благодарить Государя за посѣщеніе. Государь, поблагодаривъ ихъ съ своей стороны за радушный приѣмъ и за блистательный балъ, между прочимъ, прибавилъ: „Я увѣренъ, что слова Мною сказанныя предводителямъ дворянства вамъ были переданы; живите въ дѣйствительномъ мірѣ, господа, соединитесь съ Россією и оставьте ваши мечтанія о независимости, невозможной ни установиться, ни удержаться. Моя непремѣнная воля сдѣлать благо и содѣйствовать благоденствію края, Я хочу ему гарантировать все, что ему можетъ быть полезно; вы должны облегчить Мои труды. На васъ на однихъ падеть отвѣтственность, если мои намѣренія встрѣтятъ химерическія противудѣйствія.“

„Чтобы доказать вамъ, что я подумалъ объ васъ, то Я объявляю вамъ, что Я только что подписалъ актъ амнистіи. Всѣмъ желающимъ эмигрантамъ, Я разрѣшаю возвратиться въ Польшу. Они могутъ быть увѣрены, что ихъ оставляютъ совершенно къ покою; ихъ гражданскія права, безъ всякихъ слѣдствій, будутъ имъ возвращены, Я исключилъ только старыхъ *неисправимыхъ* и тѣхъ, которые въ послѣднее время не переставали противъ насъ конспирировать и драться. Возвратившіеся, послѣ трехъ лѣтъ добраго поведенія и раскаянія, могутъ быть полезны краю, вступая въ государственную службу, но прежде, всего господа, дѣйствуйте такъ, чтобы предполагаемое добро было можно исполнить, и не оставьте Меня въ необходимости обуздывать и карать,

потому что, если по несчастью то потребовалось бы, у Меня на то есть и воля и сила.“

„Поняли ли вы, господа, Мнѣ богѣе по сердцу награждать, чѣмъ наказывать; мнѣ пріятнѣе, какъ сегодня, хвалить, дать надежды и возбуждать благодарность, но знайте, господа, и будьте въ томъ убѣждены, что когда потребуется, Я съумѣю сдерживать и карать, и тогда увидать, что Я наказываю строго.“

Повидному казалось, что шляхетское общество было готово вступить на новую дорогу; но среди того же высокаго польскаго дворянства, заявлявшаго предъ лицомъ Государя свою полную готовность примиренія съ Россією, были свои *неисправимые*, туземные затаенные представители польской эмиграціи вообще, и Ламберова отела въ особенности. Пользуясь торжественными интитами въ общественныхъ событіяхъ, праздниками такъ сказать въ народной жизни, подъ шумокъ этихъ ликований, они думали подвинуть впередъ конспиративную программу, а шляхетское общество слишкомъ легкоувѣрно, легкоувлекательно и слишкомъ пропитано конспиративною дѣятельностью, чтобы послѣ шестидесяти лѣтней работы, могло остановиться *regretuo mobile* польскихъ заговоръ, замедлившее на время скорость своего движенія.

Эмигранты демагоги въ дозволеніи возвратиться на родину видѣли только безопасное средство выслать въ край эмиссаровъ въ числѣ помилованныхъ; а изъ возвращенныхъ изъ ссылки явились старые дѣятели, которые тотчасъ завязали новыя кружки заговорщиковъ. Такими путями, предательски злоупотребляя великодушнее помилованіе Государя, *неисправимые* разомъ увеличили въ Польшѣ, въ западной Россіи, и въ великорусскихъ губерніяхъ число *столбовъ польской стравы*, по отдѣлу *партии красныхъ*. Они стали притягивать къ себѣ земляковъ, и истинными агентами, вооруженные „*Колоколами*“, повели пропаганду между русскими — вербовку въ Панургово стадо.

Затѣи красныхъ, предпринимаемые безъ позволенія нановъ, кончались всегда только плачевными вспынками, *фарсами эмиграціи*, какъ ихъ называли поляки; на этотъ разъ затѣи *красныхъ*, стали затѣями положительными, *бѣлые* со всѣми своими силами и средствами, съ новыми рвеніемъ, взялись горячо за работу *ослика будованія* — восстановления давней Польши.

Западная Россія въ теченіи пяти вѣковъ служить театромъ борьбы русскихъ элементовъ съ польщиною.

Поляки, принявъ латинство, стали невольными ренегатами славянскаго міра; къ юному славянскому дереву была привита съ христианствомъ старая щена западной интеллигенціи; неестественное соединеніе дало безобразные плоды — уродливую жизнь *Рачи Пестолаттой*.

Съ установленіемъ вѣроубѣжденности костела, дѣятельность епископско-шляхетскихъ сословій излилась только *непрерывными конспираціями противъ славянскаго міра*.

Представительницею православнаго славянскаго міра стала Россія; ослѣпленная Пельна увидѣла въ ней свою соперницу и пала изнеможенною въ неровной борьбѣ.

Подъ русскою властью, дѣятельность польско-есендзовскихъ шляхетскихъ сословій излилась *семидесяти-лѣтними конспираціями и мятесами противъ Россіи*.

Въ теченіи тридцати лѣтъ польскіе эмигранты, «цоты и представители націи, старшіе братья», руководили всѣми крамоульными замыслами противъ всего славянскаго міра и противъ Россіи; *польская справа* продолжаетъ мятесами пятидѣсяти-лѣтнюю борьбу. Ненависть, укорѣнившаяся въ теченіи вѣковъ, питаемая событіями, источникъ не легко угасяемаго очага крамолы. Онъ угаснетъ только утопленнымъ въ русской жизни, при полномъ и преобладаніи въ западной Россіи. Въ западной Россіи, сами поляки, столь способные увлекаться мечтами, не могутъ не принять возстаніе *компрессовки* (*) одною гибельною мечтою.

Политизна нашла средство, при малочисленной своей средѣ, продолжать борьбу съ могучею Россіею. Это средство состояло въ томъ, что поляки работали систематически, *тщательно разрабатывая польскій вопросъ*; при всѣхъ разукрашеніяхъ, поляки старательно сохраняютъ традиціи о всѣхъ, по дѣлу польской правды, *фактахъ совершившихся*, о всѣхъ для нихъ подготовленныхъ, дѣйствовавшихъ, подземныхъ пружинахъ; они, какъ на данныя, опираются на эти факты совершившіяся, и проводятъ замыслы, не надея никакихъ усилій и средствъ, чтобы вѣдать обо всемъ, что думается въ правительственныхъ сферахъ Россіи, Австріи и Пруссіи.

Подробно изучая противника и слѣдя за всѣми его дѣйствіями, поляки съ такою же заботливостью постоянно следили съ

(*) Царство Польское, образованное по вѣнскому конгрессу.

тѣмъ и мѣтъ держать польскія дѣла; прощипавшіе ихъ были и опаснѣйшими для нихъ противниками.

Послѣдній мятежъ 1863 года привелъ окончательно польскія дѣла къ всестороннему польскому вопросу, разиѣтавъ окончательно источникъ тумана, напускаемаго на нихъ поляками — упорно ими проводимое и защищаемое понятіе, что *западная Россія есть край польскій*; все это притязаніе въ сущности приводитъ къ тому, что живущему въ немъ шляхетству угодно, вопреки своихъ же семейныхъ генеалогій, себя признавать поляками.

Польскія дѣла послѣдовательно обратились въ польскій вопросъ, а вопросъ потребовалъ рѣшенія.

Знаменательнѣйшими сторонами вопроса стали: а) костелъ, б) положеніе крестьянъ, в) землевладѣніе и 4) различіе между правами дворянства русскаго и польскаго; при диаметрально противоположныхъ ихъ стремленіяхъ, русское дворянство искало быть прочною опорой верховной власти и силы русскіхъ элементовъ народной жизни, польское же искало низвергнуть верховную власть и взаимною опорой съ костеломъ искало разрушить русскія силы.

Въ царствованіе Николая Павловича вопросъ костела созрѣлъ до уничтоженія уни. Уродливое произведеніе іезуатской пропаганды, безобразный хаосъ по всему краю различной смѣси догматовъ, уставовъ и обрядовъ, омутъ, въ которомъ поляки-ксендзы съ поляками греко-унитскими монахами базильянами, презирая благочестіе вѣры, имѣли въ виду одни политико-конспиративные свои замыслы. — Унія въ 1839 году наконецъ утонула въ русскомъ морѣ. Вліяніе избавленія русской земли отъ этого искусственно, незаконно рожденнаго дитяти польщизны, неисчислимо парализировало въ 1863 году громадныя польскія замыслы.

Разрѣшеніе трехъ прочихъ сторонъ польскаго вопроса представляло ТОМУ, кто, призывавъ къ новой жизни всѣ сословія всего русскаго народа, ведетъ ихъ твердо впередъ къ развитію на нашихъ народныхъ, предѣлахъ намъ завѣщанныхъ, началахъ.

Предъ послѣднимъ мятежемъ положеніе о крестьянахъ стало на очереди. Семьдесятъ лѣтъ имъ занималось шляхетство; нами жаждали власти, ими утраченной паденіемъ Польши. Совѣщанія *пановъ* проходили въ борьбѣ между желаніями притянуть крестьянина къ польской справѣ панскимъ великодушіемъ и своими хозяйственными разсчетами; а *красные*, стремясь къ тойже власти, разсчитывали принципами коммунизма парализировать своихъ сопер-

ниязъ, и находя единственныя къ тому средства въ поддержкѣ простолудиновъ къ обузданію пановъ, они тѣмъ щедрѣе были въ своихъ проектахъ, чѣмъ большими обѣщаніями болѣе надѣялись увлечь простолудиновъ. Всѣ фазисы послѣдняго мятежа въ сѣверо-западной Россіи наглядно указываютъ эту шляхетскую подземную борьбу, а подробныя показанія подсудимыхъ указываютъ, что съ тою же яростію она велась и въ далекой эмиграціи. Преній шляхетскій возгласъ „неповоляемъ“ сохранилъ полную свою силу. Въ рукахъ польскихъ всендзовъ религія была только орудіемъ для вящаго могущества костела, такъ и *любовь къ ойчизнѣ*, въ рукахъ столбовъ польской sprawy, была только орудіемъ для пріобрѣтенія власти; всякій думалъ о настоящемъ, никто о будущемъ, никто о дальнѣйшихъ судьбахъ народа.

Простолудинамъ предстояло оставаться *быдломъ*, въ видѣ фермеровъ и батраковъ, отданныхъ подъ начало пановъ, по проектамъ *бѣлыхъ, быдломъ*, управляемымъ на первый случай, по проектамъ *красныхъ*, какъ баталіонъ, какъ военныя поселенія, заведенныя графомъ *Аракчеевымъ*, противъ котораго такъ ожесточается *издатемъ Колокола*.

Заявленный Государемъ вопросъ о положеніи крестьянъ, вѣсть съ надѣломъ ихъ землею, переполошилъ всѣхъ патриотовъ, иммигрантовъ и туземцевъ; бѣлые, красные, аристократы, дипломаты, демократы, консерваторы, демагоги, социалисты, коммунисты, мериканцы, ультрамонтанцы, товянисты, мессіанисты, всѣ въ одинъ голосъ провозгласили „неповоляемъ!“

Питательная надежда была необходима для вящаго ободренія съ дѣйствіемъ. Эта надежда явилась въ пущенныхъ французскою журналистикою, предъ италіанскою войною (1859 г.), трактатахъ *національностяхъ*. Вопросъ о національностяхъ, принаряженный въ новомодный костюмъ, электрическою искрою обѣжалъ шляхетство; воскресли пышныя надежды. Въ туземномъ шляхетствѣ явилось убѣжденіе, что французскіе орлы, однажды направленные въ Италію, возвратятся только во Францію, совершивъ донкишотскій походъ по Европѣ, и освободивъ всѣ народы, признанные польскою эмиграціею за угнетенныхъ; такъ гласили конфиденціальныя вѣсти отъ эмигрантовъ. Страшное броженіе овладѣло умами, много польской молодежи устремилось въ Италію, на службу Гарибальди, для вступленія въ польскіе легіоны, провозглашенныя *Мърославскимъ*. Миръ въ Вилла-Франкѣ не остановилъ броженія;

новым надежды смѣнили прежнія. Всѣ элементы къ новому польскому мятежу были пуцаны въ ходъ; regretuo mobile польскихъ заговорцовъ принялось за усмиренную, торопливую, ляхорядочную работу.

Опираясь на собственныя силы, regretuo mobile польскихъ конспирацій ознаменовало свое начало въ 1794 году избиеніемъ русскихъ войновъ въ Варшавѣ и въ Вильнѣ, призванныхъ одною изъ магнатскихъ партій. Паны бѣлорусскихъ губерній, возвращенныхъ къ Россіи по предшествовавшему раздѣлу, обманувъ русское правительство, усилили польскія средства горячимъ содѣйствіемъ. За этотъ предательствомъ послѣдовалъ окончательный раздѣлъ Польши. Опираясь на русское правительство, путемъ польской интриги, князь *Чарторыйскій*, русскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, думалъ возстановить всецѣлую Польшу, предварительнымъ подготовленіемъ, соединивъ снова, помощью русскаго могущества, всѣ области бывшей Рѣчи Посполитой въ одно отдѣльное государство, котораго королемъ былъ бы императоръ Александръ Павловичъ.

Государь уклонился отъ предательски-дипломатическихъ соображеній *Князя Адама*.

Опираясь на Францію, это regretuo mobile встрѣтило въ Польшѣ, въ 1806 году, войска Наполеона I-го, какъ избавителей, а въ сѣверо-западной Россіи паны, готовы продовольствію для ожидаемыхъ ихъ воскресителей, заперли свои закорны, и русскія войска голодали въ Пруссіи, потому что потомъ русскихъ людей добытыя зерна хранились для французовъ въ нѣлыхетскихъ амбарахъ.

Предъ нашествіемъ 1812 года, поляки призывали Наполеона, обѣщали, что на берегахъ Вислы и Нѣмана онъ найдетъ новую Францію; что надежнѣйшихъ союзниковъ, нежели нѣмцевъ, онъ найдетъ между Вислою и Днѣпромъ, что Днѣпръ замѣнитъ Рейнъ, и даже противъ Нѣмана сократитъ на половину разстояніе до Москвы. Русскихъ людей западной Россіи коендзовско-нѣлыхетское regretuo mobile гнало въ армію Наполеона. "Развѣ Польша не первая, писалъ въ 1861 году князь *Чарторыйскій* императору Французовъ, которая открывала дорогу въ Москву арміи Наполеона I-го, развѣ не та же Польша, при отступленіи прикрывала покрытые славой остатки французскихъ войскъ."

„Поведеніе польскихъ полковъ въ Россіи, писалъ императоръ Александръ Павловичъ тому же князю *Чарторыйскому* (въ 1813 году), ихъ грабежи въ Смоленскѣ и Москвѣ и разореніе этихъ странъ воскресили давнюю ненависть.“

Александръ Павловичъ полюбилъ имъ созданное дитя—Царство Польское. Щедрія русскія пособія лились въ край готовить этотъ образчикъ для устройства Россіи; въ конецъ разоренная Польша быстро воспрянула, поддерживаемая русскими средствами, и соперничала благоденствіемъ и благоустройствомъ съ Германіею. Александръ Павловичъ далъ ей собственную армію.

Опираясь на эту армію, поляки подняли знамя мятежа въ 1830 году. Русскія войска его подавили въ Царствѣ Польскомъ и Западной Россіи.

Не добившись помощи отъ правительствъ, польская справа заключила союзъ съ европейскими революціонерами; журналистскою начались провозглашенія *симпатіи* поляковъ къ народамъ западной Европы и обратно. Опираясь на европейскихъ революціонеровъ, поляки взяли на себя инициативу общей европейской революціи. Верховный ареопагъ довѣрилъ дѣло вожакамъ польской эмиграціи, руководившимъ тысячами польскихъ выходцевъ, готовыхъ идти въ кондотьеры, опытныхъ въ дѣлѣ мятежей и усовершенствовавшихъ себя свѣдѣніями баррикадной тактики, приобретенными въ уличныхъ бояхъ во Франціи. При неудачахъ мятежа 1846 г., общая европейская революція была въ 1848 г. поведена съ другаго конца Европы и кончилась столь же неуспѣшно для польской sprawy. Прямымъ слѣдствіемъ было общее разочарованіе въ *международныхъ симпатіяхъ* и новыя доказательства несостоятельности польскихъ затѣй и польской *фанатери*.

Опираясь на вооруженія западной Европы противъ Россіи, Поляки хотѣли приназаться къ союзу и—въ лѣтописяхъ восточной войны вписали только рядъ новыхъ польскихъ скандаловъ.

Польской справѣ, послѣ всѣхъ своихъ неудачныхъ попытокъ, при *разностороннихъ опорахъ*, осталось еще искать одну опору и поиграть въ *симпатіи* съ русскими.

Послѣ 25 лѣтней опытности, польская эмиграція оставалась въ прежнемъ убѣжденіи, что наилучшійшее къ тому средство—литература. Подобно тому, какъ некогда князь *Чарторыйскій* для

польской справы избралъ орудіемъ барона *Розетампфа*, такъ для новаго фазиса, онъ нашелъ пригоднымъ *Г. Шедо-Ферроти*.

Централизация, другая вѣтвь представителей польской справы, для этой же цѣли избрала *Герцена*, съ его компаніею русскихъ ренегатовъ.

При сводѣ всѣхъ затѣй, строго систематически выработываемой и проводимой польской справы, ясно обозначается вся дѣятельность *Шедо-Ферроти* и *Герцена*, на условный языкъ (*argot*) польскимъ заговорщицковъ, переведеннаго русскимъ именемъ *Сердечкина*.

Между этими работниками двухъ враждующихъ лагерей не могъ не возникнуть свой антагонизмъ. *Шедо-Ферроти* долженъ былъ проводить польскую справу по теоріямъ Ламберова отелъ; *легальными доводами*, дѣйствовать на правительственныя сферы, проводить въ нихъ *симпатію* къ полякамъ; по примѣранъ временъ Александра Павловича до крайней возможности во тѣхъ и во иждѣ удерживать польскія дѣла, и дипломатическимъ изворотомъ доставить свободный доступъ своимъ твореніямъ, подъ покровомъ *благонамѣренной* ихъ цѣли, какъ ратующихъ за прогрессъ, цивилизацію и, по теоріямъ *Чарторыйскаго*, за *преустыаніе* русской имперіи. *Герценъ* съ компаніею долженъ былъ дѣйствовать на русское общество, проводя въ него принципы польской централизаціи, и тоже *симпатію* къ полякамъ. Въ легальной вѣнѣжности *Колоколъ* не нуждался; затѣвными путями, которыми шли въ Россію произведенія демагогической литературы, тѣми же путями пошли и изданія русской лондонской типографіи; случалось даже, что подъ двойнымъ дномъ однихъ и тѣхъ же ящичковъ, съ разными учебными аппаратами и приборами, „рѣчи листопадовы“ *Мпрславскаго* укладывались съ веземплярими „голосовъ изъ Россіи“ и номеровъ „Колокола.“

Вражда между поляками *бѣлыми* и между поляками *красными* отразилась и на неприязненныя литературныя отношенія между *Шедо-Ферроти* и *Герценомъ*, но на чемъ сходились Ламберовъ отелъ и централизація, на томъ сходились и оба работника польской справы. Какъ дѣятели польской справы бывшихъ областей, Рѣчи посполитой, создали искусственную Польшу, такъ и *Шедо-Ферроти* съ *Герценовскою компаніею* хотѣли искусственно пересоздать Россію. Къ великому прискорбію поляковъ, въ отличіе отъ погибшей внутренними раздорами Рѣчи Посполитой, вся Россія отъ царя до простолюдина образуетъ одно сплоченное,

неразрывное цѣлое, потому, по революціонной теоріи польской sprawy, *подлинную Россію* должно было замѣнить *искусственно созданною Россією*; *Шедо-Ферроти* и *Герценъ* взялись за это дѣло. По польскимъ проектамъ, въ искусственно пересоздаваемой Россіи надлежало между правительствомъ и народомъ произвести разрывъ. По комбинаціямъ Ламберова отеля, *Шедо-Ферроти* взялъ на себя оторвать правительство отъ народа, а *Герценъ* съ компанією, по комбинаціямъ *централизаціи*, взялъ на себя оторвать народъ отъ правительства.

Польская справа должна была обойти Россію, какъ нѣкогда Германію, увѣреніями во взаимной *симпатіи* Россіи къ Польшѣ. *Герценъ* взялся навязать эту *симпатію* Россіи, а *Шедо-Ферроти*, принимая эту затѣю своего собрата за *фактъ совершившійся*, уже прямо вкладываетъ въ уста русскаго простолюдина, не тѣ прилагательныя, которыми русскій человѣкъ сопровождаетъ имя поляка, а очень любезныя слова: „нашъ братъ полякъ“. Любопытно бы было знать, гдѣ, какъ не на страницахъ *Колокола*, *Шедо-Ферроти* встрѣтилъ подобное изрѣченіе.

Не званемъ, какими путями *Шедо-Ферроти* сталъ почтительнымъ поклонникомъ хозяевъ Ламберова отеля; но *Герценъ*, переведя своихъ русскихъ крестьянъ на капиталы заграничныхъ капиталистовъ, проживалъ совершеннымъ джентельменомъ въ Лондонѣ и былъ предметомъ самыхъ усердныхъ ухаживаній *централизаціи*. При пламенныхъ мечтахъ и неудававшихся прежнихъ надеждахъ произвести мятежи въ Россіи, *централизики* могли ли не причислить къ числу гениевъ, великихъ дѣятелей гуманности и прогресса XIX вѣка, *Герцена и его спутниковъ*, и не доставить ему кресло среди ареопага молодой Европѣ, въ которомъ за сѣдали *Мадзини, Мърославскій, Лелевель, Кошутъ* и проч.

Герценъ не выступалъ лично на поприще баррикадъ, потому, въ этомъ случаѣ, онъ отличается отъ *Мърославскаго*, но въ другихъ отношеніяхъ нельзя не признать, что оба они, выработывая себя на одинаковыхъ началахъ, достигли тѣмъ и рѣдкаго сходства. *Мърославскій* своими рѣчами листопадными сталъ представителемъ *молодой Польши*; завидуя его славѣ, *Герценъ* явился представителемъ-самозванцемъ *молодой Россіи*. Вопреки давняго заявленія поляковъ, что дорога 1848 г. отъ Мирослава до Вржеся не путь отъ Мекки въ Медину, во время послѣдняго мятежа, со знаменемъ *Колокола*, если *Мърославскій* съ званіемъ *диктатора* и съ готовою ролью

новаго Магомета, поглядѣвъ на границу Царства Польскаго, то и Герцены, при помощи поляковъ, подготавливалъ для себя дорогу, пройденную Гришкою Отрепьевымъ; если для черной работы Мърославскій имѣлъ своего Куржину, то, въ такой-же точно должности для особыхъ порученій, при Герцены состоялъ Бакутинъ; Мърославскій и Герцены одинаково черпали свою государственную и законодательную премудрость изъ одного и того же источника, *принциповъ, вырабатываемыхъ польскою централизациею* и обнаруженныхъ польскими демократическими журналами. Речи *мстопадовы Мърославскаго* писались съ тѣмъ же расчетомъ, одуряющаго дѣйствія на молодежь, какъ и передовныя статьи Колокола. Литературныя произведенія Мърославскаго и Герцена представляютъ одинаково гоньбу за эффектами, кудрявыми картинками, озадачивающими переходами и сравненіями, пересыпкою *великихъ идей* коммунизма и социальной неурядицы съ балагурствомъ и весьма забавными остроумиями и шплетнями. Оба они русскихъ травятъ нѣмцами; оба они съ злобною яростью поносятъ Россію; но Мърославскій разить современную, а Герцены съ своею компаніею топчуть въ грязь и все наше прошедшее. Герценисты должны были уразумѣть, что въ теченіи тысячи лѣтъ у насъ „*все позади отератительно гадко*“ (*) и имъ остается только ожидать спасительной перестройки нашего отечества отъ самозванца - пророка. Мърославскій и Герцены, оба одинаково нахально облачаютъ свои нѣмціи въ форму декретовъ, хвастливо превозносятъ силу своего значенія и пускаютъ пыль въ глаза обширностью своихъ связей. Провозглашая на столбцахъ *своихъ журналовъ* величіе именъ: *Гарибальди, Мадзини, Кошута*, вмѣстѣ съ тѣмъ Мърославскій и Герцены выставляютъ на глаза своимъ ослѣпленнымъ читателямъ, съ какими *осмѣрными и съветковскими знаменитостями* они въ дружбѣ; они обнаруживаютъ разныя записки къ нимъ отъ *Гарибальди*. *Гарибальди*, сдѣлавшись моднымъ типомъ въ Европѣ, дѣйствительно обратился въ *парадера*, на которомъ особенно любили выѣзжать Герцены и Мърославскій; если *Гарибальди*, послѣ всѣхъ доблестей польскаго диктатора въ Сициліи, не прервалъ съ нимъ сношеній, то развѣ, по выраженію одного изъ подсудимыхъ, что „*Гарибальди* будетъ *любезничать* съ абиссинскимъ императоромъ, если онъ ему дастъ обѣщаніе выставить баталіонъ на помощь соединенія всей Италіи“.

(*) Колоколь № 122 и 123 (1862 г. 15 февраля).

Герценъ считаетъ нужнымъ повѣстить, что онъ спѣшилъ позвать руку *Оуэну* предъ его кончиною. Такими фиглярствами, пресловутые представители молодой Польши и молодой Россіи старались притянуть къ себѣ молодое поколѣніе. Оба они хотѣли увлечь могуществомъ своихъ сношеній съ Россією, доказать къ нимъ питаемое сочувствіе, озадачить общество, выставляя на видъ имъ доставленыя свѣдѣнія; а дѣло было очень просто.

Централизація, помощью своихъ *секцій*, раскинула по всей Европѣ свою тайную полицію, и *Мѣрославскій*, одинъ изъ членовъ того кружка, изъ котораго избирались *центральники*, конечно, не встрѣчалъ недостатка въ корреспондентахъ; даже самого князя *Марцелія Любомирскаго* онъ напугалъ громадностью и тонкостью шпіонства, устроеннаго централизаціею. *Герценъ*, человѣкъ близкій со столбами эмиграціи *Ворцелемъ*, *Мѣрославскимъ*, *Жебровскимъ*, *Зеновичемъ*, *Высоцкимъ*, *Эльзановскимъ* и др., конечно, при польскомъ къ нему доброхотствѣ, кромя своихъ собственныхъ, имѣлъ въ своихъ услугахъ и всѣхъ польскихъ ревнителѣй въ Россіи. Изъ дѣлъ по послѣднему мятежу видно, что не только *красные* служили корреспондентами „*Колоколу*“, но къ нему и *бѣлые*, туземные верховные представители *Ламберова* отела, обращались, какъ къ ревностному сотруднику польской справы.

Въ началѣ мятежа, *солдаты*, увидѣвъ коварнѣйшую *измѣну* и завадно, вымѣстили свое озлобленіе надъ предателемъ *Снѣжко*; поэтому случаю, панамъ на польскій ладъ составленный актъ для графа *Виктора Старжинскаго* немедленно появился въ *Колоколѣ*, подъ циническимъ заглавіемъ: „*Молодецкое поведеніе солдатъ*.“ Русскій шрифтъ, правда отлитый за моремъ, обвинялъ въ жестокости солдатъ, истившихъ въ пылу преслѣдованія за русскую кровь предательски убитыхъ товарищей.

Въ общей работѣ издателей *Колокола* съ издателями „*Прише-ленда ржъчи польской*“, черновыя статьи перелетали изъ Лондона въ Парижъ и обратно; послѣ всякаго рода прилаживаній, онѣ являлись передъ публикою въ изданіяхъ *высокаго взаимнаго восхваленія, взаимныхъ симпатій* и въ общихъ подготовленіяхъ козней и замысловъ.

Казалось бы, что *Герценъ* избралъ время, не пригодное для изданія *Колокола*; Государь озарилъ начало своего царствованія тѣми громадными преобразованіями, которыя призывали русскихъ людей къ обширнымъ и много-труднымъ работамъ; но *Герцену*,

нельзя было откладывать—польская эмиграция рѣшила необходимость мятежа; въ 1857 году, съ устранившимъ все нлхкетство *крестьянскимъ вопросомъ*, и съ кружками заговорщиковъ, завязанныхъ поляками, возвращенными изъ эмиграціи и изъ ссылки, появился и *Колоколъ*. *Герценъ* заявилъ, что изданіе журнала возможно, если онъ будетъ окупаться. Груды номеровъ *Колокола*, въ числѣ захваченныхъ бумагъ по мятежу въ сѣверо-западной Россіи, свидѣтельствуютъ, что поляки, какъ прежде въ Германіи, не щадили денегъ, чтобы поддержать изданіе, столь пригодное для польской sprawy; поляки усердно его распространяли между русскими; воспитанники поляки обратились въ поставщиковъ и *Колоколомъ* снабжили своихъ, или искушаемыхъ русскихъ товарищей, сперва по дорогой цѣнѣ, а потомъ даромъ, разсовывая имъ въ карманы. Подъ вліяніемъ *Филарова великаго будованія*, въ великорусскихъ губерніяхъ, даже одураченные русскіе воспитатели, на воспитательныхъ совѣщаніяхъ заведеній учебныхъ, предлагали свои услуги для доставленія *Колокола*, желающій органа для возвеличенія Польши и униженія Россіи. Въ такіе тупоумныя выходки приводили русскихъ людей польскій туманъ и полонофильскій чадъ, нагоняемый *Герценомъ* на Россію.

Герценъ не даромъ бесѣдовалъ съ лондонскими гостями, переселившимися туда *централъщиками*; много лѣтъ эмиграція трудилась надъ изобрѣтеніемъ и обработкою разныхъ стратагемъ, и, при опытныхъ совѣтникахъ, издатели *Колокола* искусно, систематически, старательными учениками повели свое дѣло. Въ искусствѣ одураченія своихъ читателей, они не отставали отъ своихъ учителей—польскихъ эмигрантовъ—пока, въ свою очередь, не были ими одурачены (*).

(*) По тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя были въ нашихъ рукахъ, нельзя не удивляться всей, вѣками выработанной находчивой польской изворотливости. Графъ *Адамъ Гуровскій*, польскій аристократъ, удержалъ туземцевъ землевладѣльцевъ въ лагерь *Ламберова отеля*, вогнавъ въ крайнюю нѣлпность ученя демократовъ, а въ то же время, посыпая соль на открытыя язвы, какъ выразились поляки, онъ печатно восхвалялъ Россію, выставялъ ничтожность Польши, могущество русскихъ, невозможность бо рьбы, но необходимость подчиниться судьбѣ; рядомъ съ нимъ одновременно, отъ *Журнала 3-го Мая*, даже до *Лелевеля*, почти всѣ эмигранты заявляли необходимость короля для возстановленія оицизны; партія *Чарторыйскаго* быстро стала усиливаться—новыя идеи за-

Правительство, быстро приступивъ къ громадному дѣлу, дало работамъ по крестьянскому вопросу основныя начала; тогда Герценъ торопливо, въ началѣ своего изданія, заявилъ себя „проводникомъ освобожденія печати отъ цензуры, крестьянъ отъ пошениковъ, податнаго состоянія отъ побоевъ.“ Во что бы то ни стало, онъ хотѣлъ быть *передовымъ*. Нынѣ послѣдствія и слѣдствія вышедши дѣло, конецъ связали съ началомъ, опредѣлили рядомъ идущія, согласныя работы польской эмиграціи и русскихъ ренегатовъ; нынѣ подземная работа выведена на свѣтъ дневной и эти слова *Колокола* можно сократить, сказавъ проще и вѣрнѣе: *Колоколъ* смѣлился быть *проводникомъ мятеза въ Россіи, одновременно съ шляхетско-ксендзовскимъ*. Русскіе конечно бы изучились въ 1862 году, узнавъ что такова была нижняя сторона медали, что пресловутые поборники русскаго благоденствія, Герценъ съ компанією, были работники польской sprawy, передовые въ Панурговомъ стадѣ (*). Свообразные поборники крестьянскаго освобожденія, ослѣпленные тщеславіемъ и злобою, съ полнымъ своимъ усердіемъ и удовольствіемъ, работали именно на тѣхъ, которые готовили новую кабалу крестьянамъ, въ новыхъ легальныхъ формахъ. Можно ли не признать за Герценовскою компанією, по всей

ставили помириться съ тѣмъ, кого демократы избрали въ козла-искупителя невзгодъ 1831 года. Изъ тысячей образцовъ, возьмемъ другой, изъ совершенно другой сферы польской дѣятельности. Начальникъ полиціи въ Пруссіи получилъ экземпляръ революціонной прокламаціи, изъ Лондона разосланной ко всѣмъ ревнителямъ польской sprawy. Онъ приказалъ немедленно ее перепечатать для сообщенія чиновникамъ полиціи, дабы они приняли свои мѣры. Тайная польская полиція, тотчасъ сообщивъ о томъ кому слѣдуетъ, получила и наставленіе; поляки-наборщики типографіи, отпечатали ее на бумагѣ и буквами, подобными лондонской. Филаръ великаго будованія, депутатъ изъ Познани, Неголевскій, среди прусской палаты обвинилъ полицію, что она страпаетъ прокламаціи для возбужденія къ безпорядкамъ поляковъ, мирно проживающихъ въ Пруссіи.

(*) Пишущій эти строки, не можетъ не привести отзывъ петербургскаго извозчика, въ 1861 году. „Что это, братъ, студенты по улицамъ разгуливаютъ?“ спросилъ я, желая знать, какъ простолюдины смотрятъ на студентскія демонстраціи. „Поляки бунтуютъ“, получилъ я въ отвѣтъ. Сознаюсь, что тогда и много времени спустя, я былъ въ тысячѣ верстахъ разстоянія отъ подобнаго предположенія и отнесъ отвѣтъ къ вкоренившемуся понятію въ русскемъ народѣ.

справедливости, титула шляжкинскихъ сановниковъ? но они имѣли наставниковъ, руководимыхъ многолѣтнею опытностью; во имя оборонниковъ свободы, поляки дрались подъ знаменами Наполеона I-го, чтобъ подчинить ему испанцевъ и нѣмцевъ, дрались за надьяровъ, чтобы подчинить имъ славянъ. Россія, на новомъ пути, тщательно искала всюду свѣданій; *Герцень*, облекшись въ плащъ неизмѣннаго русскаго патріота, сталъ выѣживаться въ вопросы, жизненные для Россіи; *Колоколъ*, искушая, какъ запрещенный плодъ, находилъ читателей и приобрѣлъ почитателей, особенно между молодежью; недаромъ же онъ постоянно обращался къ *друзьямъ-юношамъ*. Ободренный первымъ успѣхомъ, чувствуя почву подъ собою, *Герцень* сначала слегка коснулся *симпатій* къ полякамъ, а для большаго успѣха этой новой не весьма популярной въ русскомъ обществѣ идеи, онъ самъ провозгласилъ, что *развитый чело-вѣкъ не можетъ быть патріотомъ*. Для вновь образовавшихся *Герценистовъ* подобная исповѣдь ихъ пророка была достаточна, и всю Россію повторяемая строфа:

Не вѣрю чести игрова
Любви къ Россіи поляка,

начала терять свое остерігающее значеніе. Затѣмъ воззванія къ польскимъ симпатіямъ пошли crescendo и дошли до совершенной фуги.

Герцень и его компанія, подъ нравственною зависимостью поляковъ, игравшихъ на струнахъ ихъ тщеславія, признавая себя пересоздателями Россіи, вмѣстѣ съ тѣмъ и были обязаны проводить польскія *симпатіи* и, для подготовленія къ замышляемымъ мятежамъ, проводили польскія ученія о народномъ устройствѣ, что впрочемъ устраивало и самихъ этихъ *государственныхъ людей - кривосудовъ*.— *Колоколъ* варьировалъ постоянно на тему пресловутыхъ прокламацій членовъ краковскаго народоваго комитета 1846 г., признанныхъ „шалунами (polissons) изъ шайки общественнаго безпорядка.“ *Централизация* доставляла редакціи *Колокола* готовыя теоріи, оставалось ихъ прилаживать къ русской жизни, не заботясь о дѣйствительномъ призваніи, назначеніи, бытѣ и развитіи благосостоянія русскаго народа. *Герценовской* компаніи было не до коренныхъ предпринятыхъ великихъ преобразованій, для разработки и привитія которыхъ страна нуждалась въ полномъ внутреннемъ покоѣ; ей нужно было для *своихъ друзей*

полюбовной сдѣлѣ, къ данному времени поставить вѣтежь въ Россіи, и послѣдовательные нумера *Колокола* свидѣтельствуютъ, что *Герцень* надиривался для того, чтобы къ русской землѣ можно было пригнѣнить слова *Мехлаичаго*: „Да если бы русское правительство и наисвятѣйшимъ образомъ сохраняло бы конституцію, вѣтежь Польши 1831 г. былъ неизбѣженъ.“ — Среди любезностей къ полякамъ, *Колоколъ* сталъ самымъ угодливымъ ихъ прислужникомъ; ни наши народныя вѣрованія, ни наши преданія, ни русское могущество, купленное вѣвами, кровью русскаго народа, ни единство націи, дающее силу и независимость государству, ничто не останавливало этихъ ренегатовъ. Русскіе люди, по декретамъ *Колокола*, должны были все принести въ жертву польской справѣ, и пока, на раздробленіи нашего отечества, поляки приводили бы въ исполненіе свои завѣтныя, вѣковныя мечты, отодвигали бы Россію къ Волгѣ, и вновь созданною Польшею начерчивали бы восточныя границы Европы, русскіе люди должны были бы утѣшаться перестройкою своей общественной жизни на принципахъ польской централизаціи. Въ декретѣ *Колокола* отъ 15 Февраля 1862 года встрѣчаемъ курьезныя для XIX вѣка сужденія этихъ почтенныхъ поклонниковъ неурядицы погибшей Рѣчи Посполитой, поклонниковъ теоріи польской централизаціи, поклонниковъ великихъ, еще живыхъ дѣятелей, выказавшихъ всѣ государственныя способности поляковъ въ похожденияхъ ихъ „старшихъ братьевъ“, цѣптя польскаго народа, поклонниковъ эмиграціи, гнѣздилище интригъ, озлобленной борьбы безчисленныхъ партій, подкуновъ, происковъ для добытія власти и для набитія своихъ кармановъ. Таковы были залогъ для благоденствія славянскаго міра, которые воодушевляли *Герценовскую* компанію.

Для назиданія своихъ читателей, *Колоколъ* объявлялъ; „Большинство русскаго дворянства не понимаетъ этого (т. е. „уничтоженіе дворянства, даже до дворянскаго имени“), пойметъ, когда блеснетъ топоръ.... Дворянство будетъ разорено, Богъ съ нимъ, оно будетъ счастливо, если заплатится однимъ разореніемъ.... Мы должны подать руку всѣмъ славянамъ, но прежде всего нашимъ оскорбленнымъ братьямъ — полякамъ.... Необходимость польскаго освобожденія во время и послѣ крымской кампаніи сдѣлалась очевидною.... Отнимите у Россіи Польшу, Литву, Вѣлоруссію и Малороссію, отдѣлите отъ нея Финляндію, Остзейскія губерніи, Грузію и весь Кавказъ, останется велико-

русское племя въ 40 милліоновъ, которое до сихъ поръ только готовилось къ своей исторической жизни.... Вопросъ состоитъ въ томъ, какъ освободить Польшу. Поляки можетъ быть потребу- ютъ слишкомъ много; они не удовольствуются однимъ Царствомъ Польскимъ, изъяснять историческія притязанія на Литву, Бѣлорусію, даже включая Смоленскъ, на Лифляндію, Курляндію и на всю Украйну, включая Кіевъ. Я думаю, что поляки дѣлають ошибку, ставя вопросъ такимъ образомъ; ошибка, впрочемъ, понятная и простибельная.... Они съ страшною грустью смотрять на свое прошедшее, которое не то, что наше прошедшее; намъ жалѣть нечего; у насъ все позади отвратительно гадко.... въ прошедшей жизни поляковъ такъ много прекраснаго и благороднаго, что есть о чемъ и пожалѣть и погордиться.... Католицизмъ былъ во время оно душою рыцарской Польши.... Старинное польское королевство было преимущественно рыцарскимъ, аристократическимъ государствомъ; словомъ, пожалуй, демократическимъ, только въ античномъ смыслѣ.... (*)

• „Я требую только одного, чтобы всякому народу („Литва, Курляндія, Лифляндія, Бѣлоруссія съ Смоленскомъ, Украйна съ Кіевомъ“), были вполнѣ предоставлены возможность и право поступить по волѣ, хотеть онъ слиться съ Россіей или Польшей, пусть сливается, хотеть онъ быть самостоятельнымъ членомъ польской или русской или общеславянской федераціи, пусть будетъ иль.“

Могли ли Англія и Франція не рукоплескать подобнымъ машинистамъ политическаго равновѣсія. Колоколъ заявлялъ, что онъ смотритъ вдаль, но пока одинъ изъ Шемякинскихъ сановниковъ Колокола (Бакунинъ) такъ идеально устраивалъ славянъ, Горшковскій относился болѣе категорически и рѣшительнѣе къ петербургскимъ друзьямъ издателей Колокола, къ петербургской секціи или редакціонному комитету погибшаго польскаго журнала Слово (**). Маріанъ Горшковскій, одинъ изъ ретивѣйшихъ работниковъ польской справы въ Западной Россіи, прямо пишетъ: За предѣлами римско-католическаго вѣроисповѣданія нѣтъ вѣчной

(*) Сочиненіе *Мьрославскаго* «de la nationalité polonaise» указываетъ, что оно было источникомъ этихъ историческихъ свѣдѣній Герценовской компаніи. Если бы *Мьрославскій* не предостерегъ отъ доводовъ другого польскаго эмигранта *Дузинскаго*, то, чего добраго, *Колоколъ* отнесъ бы насъ по предѣламъ отъ славянъ къ *шурманамъ*.

(**) *Оурако* былъ его главнымъ редакторомъ.

безъ конца святой правды, святаго незапятнаннаго образа; это оружіе мудрости, оружіе Сократа, потомъ оружіе Христа, нынѣ оружіе Польши.... Не смотря на всѣ усилія малороссіянъ, Русь прудитъпровская, со всею своею настоящею жизнью, со всѣми своимъ духомъ, со всѣми своими традиціями, со всею своею индивидуальностію, должна войти въ составъ Польши, должна съ нею слиться и въ одной литературѣ“....

Польская эмиграція усердно хлопотала о помощи готовившему мятежу своихъ туземныхъ соотчичей и призывала враговъ виѣшнихъ; верховные вожаки обширнаго замысла почли пригоднымъ прибавить къ тому и мятежи въ Россіи, а дабы ее, среди предпринятыхъ преобразованій, и полагая ее изнеможенною тягостною недавнею войною, безпрекословно заставить исполнять то, что полякамъ будетъ угодно приказывать, то было рѣшено всѣми средствами деморализировать войска. Русскіе ренегаты, съ полнымъ своимъ удовольствіемъ, принялись за подземныя козни противъ Царя-Освободителя и Устроителя, за козни противъ всей русской земли, которому они, совмѣстно съ поляками, хотѣли устроить по своему. *Герцень* установилъ изъ своихъ учениковъ общество *Земля и Воля*, которое вошло въ сношенія съ польскою секціею въ Петербургѣ, для взаимной помощи по дѣлу мятежа, а офицеры, члены этихъ тайныхъ обществъ, поляки и русскіе силились развращать понятія солдатъ и прививать имъ неповиновеніе и измѣну. Везплодна оказалась работа, но усилій было употреблено не мало. Въ нашей рамкѣ лежитъ описаніе походовъ *Герценистовъ*; послѣднимъ ихъ актомъ, въ мятежѣ 1863 года, была просьба къ литовскому псевдо-диктатору *Калиновскому*, „о 150 руб. серебромъ и типографической машинкѣ, для подержанія Россіею польскаго мятежа.“

По всѣмъ правиламъ польскихъ конспираторовъ, *Герцень* систематически проводилъ Колоколожь въ Россію правила мятежа, для поддержки своихъ агентовъ и большей безопасности ихъ работы. Обращаясь ко всѣмъ сословіямъ, онъ преимущественно налегъ на молодежь университетовъ и духовныхъ академій (*), и пока поляки ретиво работали по всей имперіи, *Герцень*, подзадо-ривая „друзей-кношей“ своими корреспонденціями, добивался и повсемѣстныхъ смуть. Какъ *Клячко* былъ работникомъ для поль-

(*) Но эти послѣдніи на гнусный вызовъ его отвѣтили глубокимъ презрѣніемъ. (за исключеніемъ одного случая въ Казани). Ред.

ской эмиграціи, такъ и другой перекрестъ *Утинъ* (*), былъ изъ ретивѣйшихъ въ Петербургѣ.

Главный агентъ *Герцена* въ Царствѣ Польскомъ былъ *Потебня*, котораго, послѣ смерти, онъ огласилъ образцемъ измѣническихъ доблестей. — *Потебня* прапорщикомъ шлюссельбургскаго полка, въ офицерской стрѣлковой школѣ, былъ посвященъ въ общество *Земли и Воли*; подобно *Утину*, онъ съѣздилъ въ Лондонъ за инструкціями къ великому мастеру и вербовалъ союзниковъ польской справѣ между русскими офицерами въ Царствѣ Польскомъ. Малый разбитой, онъ, полевыми квартиристроимъ въ ожиданіи великой будущности, промоталъ нѣсколько тысячъ казенныхъ денегъ, которыя его товарищи должны были уплатить, бѣжалъ за границу, донесъ *Герцену* о великихъ своихъ успѣхахъ, и по возвращеніи, погибъ въ стнчѣ въ радахъ *Ланевича*; *Герценовская* компанія, предъ самимъ мятежемъ, разорилась съ *диктаторомъ Мпрславскимъ* и вступила въ союзъ съ его соперникомъ, другимъ *диктаторомъ* — *Ланевичемъ*, избраннымъ партією бѣлыхъ, *Ламберова* отела, призваннымъ въ защитники панскихъ интересовъ. *Оаревъ*, сотрудникъ *Герцена*, заявилъ въ *Колоколь*, что онъ *оплакиваетъ ея (Потебню), какъ сына* (**).

(*) Его значеніе можно видѣть изъ того, что онъ попалъ и въ лекціонъ польскихъ заговорщиковъ съ псевдонимомъ »Жидъ.«

(**) Петръ Петровичъ Пѣтухъ, въ Мертвыхъ Душахъ, ухаживалъ за съдѣненнымъ имъ теленкомъ, тоже, какъ за сыномъ. »Не знала русская пуля, сразившая *Потебню*, какую жизнь она остановила на первыхъ шагахъ ея, восклицаетъ *Герценъ*, чаще, самоотверженіе, преданіе жертвы очищенія Россія не могла принести на пылающемъ алтарѣ польскаго освобожденія.« *Колоколь* въ надгробномъ словѣ *Потебни*, адресованномъ въ друзьямъ-юношамъ изображаетъ всю утрату, расписываетъ его доблести, умоляетъ идти по его стопамъ. «Утрата его для дѣла огромна, гласитъ *Колоколь*.... Друзья! дайте другъ другу слово продолжать его дѣло.... Между тѣмъ, какъ *отцы и дѣти* касти уходили въ смерть, возникла и росла другая молодежь, которой нечего отрваться отъ дворянства и помѣщичества—образованная молодежь разночинцевъ. Изъ духоты семинарій, изъ подъ гнета духовныхъ академій, изъ бездомнаго чиновничества, изъ удрученнаго мѣщанства—она вырвалась къ жизни и взяла инициативу въ литературѣ. Этою молодежью Россія совершить свое отреченіе отъ *буржуазіи*.... она должна собрать себя въ общество, пополняя свои ряды солдатами, дворовыми, мужиками. Вотъ гдѣ вамъ людей искать на-

Русскіе ренегаты, какъ видно по послѣдовательнымъ номерамъ *Колокола*, по слѣдственнымъ дѣламъ и по показаніямъ подсудимыхъ, принимали самое горячее участіе въ польской справѣ, а что *Потебня* не пожалѣлъ красокъ, чтобы размашисто росписать свои конспиративные подвиги, то доказательствомъ тому можетъ служить слѣдующее письмо *Бакунина*, писанное въ Познань къ знаменитому *фильяру великаго будованія*, *Гутри*,

22 Января
3 февраля — 1863 года:

„Изъ вашего письма я заключаю, что для меня еще не настало время ѣхать въ Польшу; но я не хочу и не могу отказаться отъ этого плана, который принадлежитъ къ драгоцѣннѣйшимъ надеждамъ всей моей жизни. Для его исполненія я долженъ быть предварительно увѣренъ, что моего пріѣзда желаютъ въ Польшѣ; но напрасно я адресовался бы по этому предмету къ моимъ друзьямъ бывшаго польскаго центрального комитета; онъ былъ довольно плохой корреспондентъ, даже и предъ революціей; теперь же онъ долженъ быть погруженъ въ дѣла по горло; кромѣ того, мнѣ неизвѣстно, остались ли членами мнѣ знакомые. Пишу къ *Латевичу*, котораго я знаю и высоко цѣню, пишу ему о содѣйствіи и о той *симпатіи*, на которой я преимущественно основываю мои ожиданія; прошу васъ переслать къ нему мое письмо своль возможно скорѣе. Покажите я поѣду

до!» (Колоколъ 1-го Мая 1863 г.). Когда поляки, въ недоумѣніи, ожидали проявленія той силы *Молодой Россіи*, общества *Земли и Воли*, которую такъ хвастливо сулил имъ *Герценъ*, тогда *Колоколъ*, взятый въ расплохъ, окончательно натуживался разжигать и дурачить нашу молодежь, возбуждать распри между сословіями и, попирая заветныя чувства русскихъ, нагло проповѣдывалъ, что Царь чуждъ и враждебенъ своему народу. Тысячи адрессовъ, послѣ попытокъ иноземнаго вмѣшательства, заявляли негодованіе Россіи, заявляли, что Царь и Россія одно неразрывное цѣлое, что вся Россія встанетъ какъ одинъ человѣкъ, защищать свою честь и достоиніе, а пигмей-отступники съ того берега мечтали удержать порывы раздраженія оскорбленнаго, великаго, молодаго народа, и посягать предательскою рукою вырвать краеугольный камень изъ подъ русской силы и могущества, изъ подъ русской славы, русскаго бытія. Наущенія *Колокола* готовили Россіи иноземное ярмо; Россія доставила *Герцену* съ его компаніей возможность продолжать на страняцахъ *Колокола* дальнѣйшую оцѣнку доблестей его союзниковъ-поляковъ.

въ Стокгольмъ, что бы тамъ ожидать лучшихъ вѣстей, и употреблю всѣ мои усилія, чтобы произвести движеніе въ Финляндіи, котораго не только мы желаемъ; но *желаютъ вмѣстѣ съ нами и наши петербургскіе друзья*. Если движеніе въ Польшѣ продолжится еще съ мѣсяць или съ два, то почитаю дѣло вполне выиграннымъ. Позвольте мнѣ высказаться откровенно; по извѣстіямъ, нами полученнымъ въ Лондонѣ, познанскіе дипломаты гораздо болѣе довѣряютъ дипломатіи и иноземной помощи западныхъ дворовъ, чѣмъ собственнымъ силамъ польской революціи; но для того, чтобы дипломатія для насъ работала, необходимо, чтобы польское движеніе себя показало почти единогласнымъ и серьезнымъ, и въ особенности, чтобы оно продержалось нѣсколько времени. Если постигнетъ то бѣдствіе, что оно будетъ подавлено въ нѣсколько дней, то вы не приобретете ничего или приобретете весьма мало; я полагаю поляковъ патриотами; всѣ, какого бы цвѣта партіямъ они не принадлежали, должны желать продолженія начатаго революціоннаго движенія, должны содѣйствовать тому всѣми своими средствами. Что до меня касается, то *я стою на убѣжденіи, что если движеніе продержится одинъ только мѣсяць, то будетъ полная побѣда*, потому что подъ русское правительство подведены мины, а оно почитаетъ себя прочнымъ. На этомъ основаніи, я вовсе не досажую, что имѣю одну или двѣ недѣли передъ собою, чтобы побывать въ Стокгольмѣ. Если мнѣ удастся раззадорить честолюбивыхъ господъ въ Швеціи на движеніе въ Финляндію, то я почту себя *совершенно счастливымъ и довольнымъ*. Дѣйствія подобной диверсіи на русское правительство, на Европу, на всю Россію будутъ страшныя. Но *я хочу и я долженъ быть въ Польшѣ*.

„Знаете ли вы, что центральный комитетъ въ Варшавѣ сдѣлалъ *плачевную* ошибку; въ то время, когда *цѣлыя роты* русской пѣхоты (!?!!) хотѣли присягнуть нашему знамени „земли и воля“, и только ждали польскаго возстанія, чтобы къ нему присоединиться, поляки на нихъ напали и разрушили разомъ *драгоценную работу цѣлаго года*. Теперь онѣ считаютъ себя предательски обманутыми и ихъ нельзя возвратить на прежнюю дорогу; но дабы приобрести для инсуррекціоннаго движенія прочное основаніе, нужно сформировать русской революціонный легіонъ, дѣйствуя на плѣнныхъ, которые будутъ вами набираемы (?). Начало подобнаго легіона несомнѣнно будетъ сопряжено съ величай-

нии затрудненіями, но преодолѣвъ ихъ однажды, я стою на томъ, что примѣръ будетъ дѣйствовать и дѣло пойдетъ далѣе само собою. Польза подобнаго легіона будетъ для всѣхъ насъ разительная; дабы предпринять это дѣло, я долженъ быть предварительно увѣренъ въ полной симпатіи и содѣйствіи одного изъ польскихъ военачальниковъ, у котораго на то есть добрая воля и власть; потому я пишу къ Ламевичу, котораго я знаю; надѣюсь, что вы употребите все, что отъ васъ зависитъ, чтобы ему скорѣе доставить это письмо, а мнѣ его отвѣтъ; не теряйте духа, дѣла уже пошли не дурно; станемъ крѣпко держаться до конца и воскликнемъ: да здравствуетъ революція!”

Польскій мятежъ длился не мѣсяцъ и не два, а цѣлый годъ; но Бакунинъ не исполнилъ пламеннаго своего желанія, не исполнилъ долга вѣрнаго полякамъ союзника, отказался самъ отъ драгоцѣннѣйшей надежды всей своей жизни. Онъ не явился въ Польшу и оставилъ вопросъ неразрѣшеннымъ, — разочаровался ли онъ въ могущество своего знаменія, съ бѣгствомъ къ польскимъ мятежникамъ подпоручика Цотемни; поколебались ли въ немъ вѣра въ свое краснорѣчіе и надежда, что изъ нѣсколькихъ солдатъ, попавшихъ въ руки шашечниковъ, онъ образуетъ русский революціонный легіонъ, которымъ на твердое основаніе поставить польскій мятежъ; остановилъ ли его недостатокъ отвоеваннаго мѣста, на которомъ онъ спокойно могъ бы производить свои эксперименты изъ дюжиною русскихъ захваченныхъ солдатъ, или наконецъ военачальникамъ — доводцамъ — уцекинерамъ было не до симпатій.

Слѣдственные комиссіи, по предшествовавшимъ польскимъ мятежамъ, доселѣ разъяснили только степень виновности подсудимыхъ. Заговорная организація *Буонаротти*, усовершенствованная эмиграціею, шла въ виду подобныя запросы, или сужденія преступниковъ предъ чуждыми заграничными трибуналами; потому затемненіе передъ судомъ рѣшенія польской sprawy оказалось несостоятельнымъ предъ тѣмъ направленіемъ, которое Графъ М. Н. Муравьевъ далъ слѣдственнымъ комиссіямъ, по случаю послѣдняго мятежа, бывшаго въ сѣверо-западной Россіи. Тогда самыя разнообразныя свѣдѣнія разсѣли на двое толстый слой, нанесенный *regretto mobile* польскихъ заговоровъ; свѣтъ проникъ въ замыслы, таившіяся съ 1794 года; обнаженные корни дали возможность увидѣть подземное ихъ развѣтвленіе въ тепленіе десятковъ лѣтъ. Мы привели нѣкоторыя свѣдѣнія изъ отягченныхъ къ послѣдней тридцатилѣтней заграничной дѣятельности.

При той систематической организаціи, которую эмиграція дала ревнителѣмъ, и при неизбежной связи въ общей работѣ съ раскрытіемъ всѣхъ плановъ для съверо западной Россіи, вѣтъ ея, болѣе или менѣе, частями подробными свѣдѣніями, частями только указаніями, но всѣ громадныя проекты раскрылись однако на столько, что они выяснились съ достаточною полнотою; при свѣдѣніи всѣхъ слѣдственныхъ дѣлъ въ Варшавѣ, въ Кіевѣ, въ Петербургѣ и Казани можно надѣяться, что, при всей затаянности польской работы, русскіе люди обойдутся для яснаго цѣлаго и безъ польскихъ описаній послѣдняго мятежа, которыми поляки надѣялись когда нибудь читающую публику.

Въ сущности заграничныя дѣятели создали свою программу на слѣдующихъ мысленныхъ пузырькахъ: По разглашеніи издателей „Колокола“ всѣ условія въ Россіи были въ томъ враждебномъ настроеніи одно къ другому и въ такомъ настроеніи къ правительству, что при первой искрѣ, при мѣстныхъ ревнителяхъ полякахъ и герценистахъ, мятежи проявятся по первому мановенію. Гдѣ землевладѣльцы поляки, тамъ мятежъ былъ долженъ принять видъ благоустроенный; революціонныя власти, немедленно вступая въ дѣйствіе, должны охранять внутреннее спокойствіе; области, поляками признанныя *польскими*, должны стать на когу, какъ бы вопиющей страны, изгоняющей пришлецовъ; такъ предполагалось изгнать и русскія власти изъ западной Россіи; въ другихъ же частяхъ Россіи, для доставленія полной побѣды польской справѣ, мятежъ долженъ былъ сопровождаться, всѣми кровавыми обстановками *жасерів*.

Для достиженія этой цѣли, должно было воспользоваться двумя преобразованиями, вводимыми правительствомъ; ревнители польской справы должны были имъ дать пригодныя пригнѣнія; по польскимъ предположеніямъ, уничтоженіе унизительнаго тѣлеснаго наказанія должно уничтожить повинненіе въ войскахъ; по этой части *Спраковскій* избралъ свои спеціальныя занятія; съ уничтоженіемъ же пагубнаго откупа, свободное заведеніе кабаковъ должно было, при польско-кабацкихъ стратегическихъ соображеніяхъ, имѣть послѣдствія, подобныя галиційскимъ 1846 года; это вошло въ кругъ дѣйствія *Орызки*. Единовременное уничтоженіе нами кабаковъ, общества трезвости и предписанныя правила самой суровой дисциплины въ шайкахъ (*), должны были сохранить

(*) „Для уравненія нравственныхъ качествъ вонноу войскацкихъ сторовъ“; по отзыву одного подсудимаго, бывшаго начальника шайки.

внутренній порядокъ при ессендзевско-нижнотомскомъ восстаніи. Съ нѣтокъ на окраинахъ Россіи, мятежъ долженъ былъ вспыхнуть и на театрѣ давней Пугачевщины, а *Земародовскій*, устремляе изъ Могилевской губерніи, однимъ проходитъ чрезъ губерніи Смоленскую, Московскую и Тверскую подниметь все население до Волги; Калужская губернія была признана достаточно подготовленною, чтобы самой подняться и вести мятежъ далѣе на югъ. Западныя державы, помня, что Россія кончила крымскую войну съ 2 мил. пехъ ружьемъ, не откажутъ, въ виду легкой побѣды, поддержать польское движеніе и укрѣпятъ новыми трактатами, согласно польскихъ требованій, существованіе возникшей Польши.

Польская Эмиграція и русскіе ренегаты собирались къ скорому отъѣзду, на первый случай въ Варшаву, принять тамъ бразды власти, но легковѣрные мечтатели пришлось остаться мечтателями; они скоро убѣдились, что для нихъ дѣла пошли скверно.

(Продолженіе будетъ).

О НАЧАЛѢ АЛАТЫРСКАГО КИЕВО-НИКОЛАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(Эпизодъ изъ исторіи уни).

Въ началѣ XVII столѣтія униа, измышленная іезуитами для привлеченіе въ латинство православныхъ греческаго исповѣданія въ Польшѣ и Литвѣ, какъ извѣстно, была для нихъ причиною ужасныхъ бѣдствій и страданій. Силою королевской власти употреблены были тогда все мѣры іезуитства и фанатизма: всевозможными притѣсненіями, ругательствами, пытками приводили всякаго въ унию, твердыхъ въ православіи епископовъ и священниковъ угнетали, лишали мѣстъ и замѣняли унитскими, церкви и монастыри насильно отнимали и обращали въ унитскія, или грабили и окверняли, какъ язычники. Храбрые малороссійскіе гетманы, обмывавшіе мечъ на защиту вѣры, коварно и мучительно были умерщвлены съ ихъ единомышленниками, все, требуемое православіемъ, строжайше было запрещено. И сими мѣрами болѣе половины жителей было отторгнуто отъ православной церкви.

Аще хотите вы во градъ, блгавите въ друзиа, Мате. 10, 23. Слѣдуя сему гласу Спасителя, въ 1638 г. монашествующіе кievскіе епархіи, въ княжествѣ Литовскомъ (нынѣ въ Полтавской губерніи) густинскаго Троицкаго, лубенскаго Преображенскаго и ладинскаго Покровскаго монастырей рѣшили оставить свои обители и отечество и искать убѣжища у православнаго русскаго царя. Густинскій Троицкій мужской монастырь, основанный около 1600 г. Аеонокимъ іеросхимонахомъ Іоасафомъ, въ 7 верстахъ отъ города Прилуки, нынѣ собственнo ктиторомъ своимъ начальника пещеръ преподобнаго Антонія Исаію Копинскаго, съ 1631 г. избраннаго на кievскую митрополию (1). Сей же ревнитель монашества, около 1619 г. (будучи игуменомъ межигорскимъ, и въ тоже время густинскимъ) основалъ въ сосѣдствѣ лубенскій мгарскій мужской монастырь, въ 5 верстахъ отъ города Лубень, устроивъ оный братією и снабдивъ всѣмъ потребнымъ какъ для церковнаго богослуженія, такъ и для монастырскихъ работъ и прокормленія изъ густинскаго монастыря (2). Наконецъ имъ же (Исаією) обстроены и подгорскій ладинскій скитъ въ 16 верстахъ отъ города Прилуки и въ 10 отъ густинскаго монастыря, основанный еще въ 1614 г., который, по просьбѣ Исаіи грамотою княгини Рамны Вишневецкой (*) въ 1619 г. былъ обращенъ въ женскій монастырь и игуменьей его сдѣлана родная сестра Исаіи, инокиня Александра (3). Для всѣхъ сихъ монастырей Исаія Копинскій испросилъ у князя Михаила Корибута Вишневецкаго и означенной супруги его Рамны земли съ угодьями, и съ 1624 г. уже въ санѣ епископа Перемышльскаго (по неизмѣннo каедрн) попеременно жилъ въ нихъ, управлялъ и устраивалъ оныя, какъ владыка и попечитель (4). Въ 1625 г. онъ посылалъ изъ нихъ избранныхъ старцевъ ладинскаго монастыря строителя *Меводія* съ товарищи за милостынею на церковное строеніе къ царю Михаилу Ѳеодоровичу, который и награждалъ ихъ. Подобнымъ образомъ и въ 1632 посланы были густинскаго монастыря игуменъ Іовъ съ товарищи къ царю и патриарху за милостынею и съ жалобою на притѣсненія отъ римскихъ католиковъ (5). Въ слѣдъ за симъ въ 1637 г., когда эти притѣсненія вѣрѣ, доведенныя до крайности возстановили гетмана Павлюка противъ поляковъ, гнѣвъ послѣднихъ особенно устремился на монаховъ, которыхъ считали возмутителями казаковъ. Въ густинскомъ монастырѣ и въ Лубнахъ

(*) Она была дщерь Господаря Молдавіи Іеремія Могилы, двоюродная сестра митрополита Петра Могилы.

столеи роти польскихъ солдатъ (6). Говорили, что у короля скоро будетъ сеймъ о бытіи или небытіи грекороссійской вѣры въ польскихъ владѣніяхъ, и въ послѣднемъ случаѣ старцы приговорили обратиться къ Россіи. Вскорѣ по извѣстію отъ воеводы волынскаго, князя Коширскаго, покровитель и владыка ихъ Исаія Коширскій дѣйствительно писалъ имъ, что "однозначно король польскій и паны радные и ляцкіе архіепископы приговорили на сеймѣ, что въ ихъ Польской и въ Литовской землѣ православной Христіанской вѣрѣ не быть, и Христіанскіе церкви превратить на костелы Ляцкіе и книги Русскіе и монастыри вывезть, а Киевской де митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ, и благославленъ де митрополитъ Петръ Могила отъ папы Римскаго нынѣ въ великой постѣ въ патриархи, быть ему патриархомъ въ Виленѣ будто въ христіанской вѣрѣ, а присегалъ де онъ митрополитъ королю и всѣмъ панамъ раднымъ и архіепископомъ Ляцкимъ на томъ, что ему Христіанскую вѣру ученьемъ своимъ поправить и уставить все службу по повелѣнію папы Римскаго Римскую вѣру, и книги Русскіе вывезть, а въ митрополиты де въ Киевъ въ Печерской монастырь на ево Петрово мѣсто Могилина благославленъ нынѣ Борсакъ, бывшей владыко Пинской" (7). Здѣсь, хотя сказанное о Борсакѣ и притѣсненіяхъ православной вѣры подтверждается исторически (8), но извѣстіе относительно митрополита Петра Могилы оказывается совершенно несправедливымъ. Онъ, какъ всегда, такъ и въ это время былъ твердымъ столпомъ православія (9). Король польскій Владыславъ IV, еще въ 1636 г., окружнымъ посланіемъ приглашалъ православныхъ жителей Руси и Литвы вступить въ союзъ съ уніатами и избрать, по примѣру москвитянъ, особаго патриарха, какъ оказывается, имѣя въ виду кievскаго митрополита Петра Могилу (10). Въ настоящій сеймъ это и хотѣли исполнить (11). Къ этому присоединялось и то, что современи вступленія Петра Могилы на митрополию 1633 г., особенно по отходѣ въ слѣдующемъ году отъ Россіи къ Польшѣ нѣкоторыхъ новыхъ городовъ, не смотря на энергію митрополита, стали усиливаться р.-католицизмъ и уніатство, на Вѣлоруссіи и Новгородской области основано нѣсколько р. католическихъ монастырей, и латинское вѣроисповѣданіе болѣе и болѣе распространялось, какъ видно изъ того, что впоследствии въ самомъ Киевѣ явилось четыре латинскіе монастыря, а около 1646 г. Воппанъ насчитываетъ въ немъ только десять православныхъ русскихъ церквей (12). Отсюда въ вzwолно-

ванномъ обществѣ могли возникнуть и сомнѣніе о православіи итритолига, и такая молва, какую передаетъ Исаія, при чемъ, впрочемъ, имѣло силу и то обстоятельство, что Петръ Могила неожиданно избранный, хотя и православными, на польскомъ сеймѣ и утвержденный польскими королями, вступилъ на кѣвскую итритолигу съ удаленіемъ самого Исаія Копинскаго (13). Но старцы принимали полученное извѣстіе за чистую истину, и настояціи надъ вѣрой перуганія и жестокости поляковъ надъ защитниками православія вѣзаками показываютъ, что опасенія ихъ были не напрасны.

Таковы были: изданный предъ симъ законъ, повелѣвавшій православнымъ покупать пасхальный хлѣбъ непременно у жидовъ, сѣтіе (въ 1637 г.) въ Варшавѣ кожи съ Павлюма, колесование (1638) гетмана Острилицы и такая же звѣрская жестокость надъ его сподвижниками, ихъ женами и дѣтьми (14). Инокъ лубенскаго итарскаго монастыря, вѣстѣ съ настоятелемъ, по подозрѣнію въ возмущеніи вѣзаконъ, приговорены были отъ девяти десятыхъ въ смерти, и вся братія ожидали того же (15). И такъ, монашествующіе густинскаго Троицкаго и двухъ вышепоказанныхъ монастырей, посланы предварительно для извѣщенія и узнанія царской воли нѣсколько человекъ съ частію имущества въ Путивль, русскій порубежный городъ (нынѣ Курской губерніи) (16), вскорѣ послѣ нихъ всѣмъ братствомъ, со всѣми своими людьми и имуществомъ отправились туда же. Иисно прибыли въ Путивль 14 Іюня 1638 г. густинскаго Троицкаго монастыря игумень Василій съ братією, въ числѣ 66 человекъ, и 11 человекъ крестьянъ съ женами и дѣтьми (17). Съ ними же прибыли ладинскаго дѣвпча монастыря духовникъ игумень Меодій и настоятельница игуменья Елисавета Летинская (вѣроятно преемница Александры, скончавшейся въ 1631 г.), съ сестрами, въ числѣ 53, при нихъ 16 человекъ служекъ и пѣвцовъ (18). Братія же лубенскаго итарскаго монастыря прибывала и прежде и послѣ означеннаго времени. И какъ самъ настоятель, игумень Каллистратъ, вопреки своему намѣренію, волею или неволею, остался на мѣстѣ, то они и были причислены къ густинскимъ выходцамъ подъ начальство Василія (19). Чтоже касается до имущества густинскаго монастыря, то все оно, какъ церковное, такъ и монастырское, состоящее въ разныхъ вещахъ, хлѣбъ и скотъ, на дорогѣ отнято поляками. Равно и ладинскаго монастыря церковное и монастырское имущество, рухлядь, запасы на 20 возовъ и весь скотъ, вѣстѣ съ пожитками монашествующихъ, на пути тѣми же людьми все было раз-

грабленъ, такъ что старикъ пришелъ въ Путивль и въ мѣсто и въ мѣсяцъ (20). По донесенію о ихъ прибытіи путивльскаго воеводы, царь Михаилъ Ѳеодоровичъ такъ былъ милостивъ къ странникамъ, что самъ вошелъ въ ихъ положеніе и велѣлъ для ихъ скудости на первый разъ всѣмъ выдать хлѣбное жалованье на мѣсяцъ, а приказу Большаго двора прислать для помѣщенія ихъ удобные монастыри, и о томъ себѣ доложить (21). И для иноковъ густинскаго и игарскаго монастыря былъ назначенъ въ городѣ Бѣлевѣ (Тудьской губерніи) мужескій Преображенскій монастырь, а для ладинскихъ монашествующихъ въ городѣ Бранскѣ (нынѣ Орловской губерніи) Вознесенскій дѣвичій (22). Но потомъ первыя, по челобитью отправившихся въ Москву строителя Ирнарха съ келаремъ (такъ какъ игуменъ Василій еще до означеннаго указа умеръ въ Путивлѣ), вмѣсто бѣлевскаго велѣно помѣстить въ Амвросіевъ Дудинъ монастырь (нынѣ Нижегородской губерніи), куда всѣ они, съ своимъ имуществомъ, и были отправлены на казенный счетъ до Калуги сухимъ путемъ, а отселѣ (16, сентября) водою до мѣста (23). И для монашествующихъ ладинскаго монастыря бранскій Вознесенскій монастырь оказался неудобнымъ (24). Царь, по ихъ челобитью, въ сентябрѣ 1638 г. велѣлъ перевести ихъ въ городѣ Алатырѣ въ Никольскій дѣвичій монастырь, съ построеніемъ новыхъ нужныхъ для нихъ зданій, а бывшихъ здѣсь монашествующихъ вывести въ другое мѣсто, и какъ игуменѣ съ сестрами, такъ и причту и служителямъ щедро опредѣлилъ денежное и хлѣбное и на церковныя потребности жалованье (25). Этотъ выходъ монашествующихъ изъ Литвы, неизвѣстный исторіи, примѣчательнъ: онъ показываетъ, какъ давною надеждою древней Западной Руси на Восточную среди своего притѣсненія, такъ и одинъ изъ первыхъ опытовъ покровительства русскихъ царей тамошнему православію (26).

На пути въ городъ Алатырь ладинскіе странники, какъ видно, были въ Москвѣ и представлялись царю Михаилу Ѳеодоровичу. Отпуская ихъ, государь велѣлъ дать игумену Меодію изъ приказа большаго двора въ церковное строеніе евангеліе на престольное съ серебряными рѣзными распятіемъ и евангелистами и всѣ нужныя къ богослуженію книги, четверы ризы, изъ коихъ первая, праздничная, камки бѣлой съ оплечьемъ златоглавнымъ, вторья и третія тафты венечейской, шелковыя, четвертая изъ полотна колданскаго съ епитрахлями и поручами (27).

Въ Алатырѣ монахини въ назначенномъ для нихъ Никольскомъ монастырѣ нашли и недостатокъ и крайнюю ветхость наличныхъ зданій и тѣсноту монастыря для построенія новыхъ, для нихъ способныхъ. Притомъ, выведенныя изъ монастыря прежнія старицы съ великимъ воплемъ и плачемъ и слезами прихода въ нихъ жаловались на свою участь и тревожили ихъ такимъ образомъ на пути къ самой церкви Божіей на молитву. Потому въ февралѣ слѣдующаго 1639 года игуменья Елисавета просила отъ царя повелѣніи вмѣсто сего Никольскаго построить ей съ сестрами новый монастырь, въ томъ же городѣ, на пустомъ мѣстѣ, подъ гороховою крѣстію, подъ горою при рѣкѣ Сурѣ, вверху по теченію ея, (разстояніемъ отъ Никольскаго монастыря въ 340 шагахъ), и царскою грамотою велено на семь мѣстъ устроить на государевы деньги и церкви и трапезу и кельи и службы, и отцу духовному и служителямъ поставить близъ монастыря особый дворъ, а воеводамъ вмѣнено въ обязанность содержать игуменью съ сестрами во всемъ довольствѣ и покоѣ и отъ всякихъ обидъ оберегать (28). Свѣрхъ сего по указу царя въ юлѣ слѣдующаго года присланы изъ приказа казанскаго дворца въ церковное и монастырское строеніе образа, ризы, книги, царскія двери и колокола (29). Въ семь же 1640 году монастырь построенъ со всѣми указанными зданіями деревянный, и въ отличіе отъ прежняго алатырскаго Николаевскаго наименованъ новымъ Никольскимъ (а тотъ старинъ Никольскимъ) — потому — отъ выхода монахинь изъ кievскихъ предѣловъ — кievскимъ Никольскимъ новодѣвичьимъ, наконецъ (съ 1730 годовъ) кievо-николаевскимъ монастыремъ, какъ и доселѣ (30). Изъ — подъ горы на нынѣшнее мѣсто на горѣ онъ перенесенъ уже въ 1669 году. Нѣкоторые изъ вышепомянутыхъ и послѣдующихъ царскихъ вѣлдовъ уцѣляли доселѣ (31).

Источники и примѣчанія.

1) См. отпечатанную въ Чтеніяхъ Моск. Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ 1848 г. № 8. Лѣтопись Густинскаго монастыря, стр. 3—10.

2) См. тамъ же, стр. 20—21. Сличы въ приложеніяхъ къ Лѣт. Густ., стр. 52 — фундушъ княгини Вишневецкой на монастырь Мгарскій 1619 генв. 18.

3) См. Лѣтопись Густ. м-ря, стр. 22. Въ приложеніяхъ къ ней, стр. 54 — фундушъ на Ладинскій монастырь князя Михаила Бо-

рѣбута Винневецкаго 1614 г., стр. 54— фондущѣ княгини Винневецкой 1619 гект. 18.

4) См. Лѣтопись Густ. м-ра, стр. 19, 21 и дал.

5) См. въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ: малороссійскія дѣла въ связкѣ 1-й, 1625 г. № 6, 7, 8— Письма о семь Исаи Копинскаго къ царю и патриарху въ связкѣ 10-й №6— прїѣздъ въ Москву густинскаго монастыря игумена Юва съ товарищи въ 1632 г. См. тамъ же въ связкѣ 3. 1638 г. № 2— дѣло о прїѣздѣ въ Путивль Густинскаго Троицкаго монастыря строителя Иринарха, потомъ игумена Василія и прочіе, въ началѣ его докладъ или справку о прежней милостигъ монастырю. Составитель статьи пользовался дѣлами иностраннаго архива, по просвѣщенному и вполне обязательному соизволенію г. управляющаго архивомъ его сіятельства князя М. А. Оболенскаго.

6) См. Лѣтопись густ. м-ря стр. 28 (выписано ниже въ прим. 26) и показанный въ предыдущемъ примѣчаніи докладъ въ дѣлѣ иностраннаго архива).

7) Такъ объ этомъ показали густинскій игумень Василій и прочіе. Тоже самое говорили и прїѣхавшій передъ ними въ Путивль черный попъ Пафнутіи съ товарищами. См. вышеном. дѣло въ архивѣ иностр. дѣлъ, св. 3. 1638 г. № 3. (Помѣщено ниже въ приложенияхъ къ настоящей статьѣ № 1).

8) Рафаилъ Корсакъ, уніять, въплѣдствіи совсемъ перешедшій въ римско-католическую церковь, дѣйствительно правилъ кievскую митрополию, съ уніатской стороны, 1637—1639 г., а предшественникъ его, Велиминъ-Рудцкій, замышлялъ обратитъ въ унію всѣ монастыри и церкви въ отшедшихъ отъ Россіи къ Польшѣ земляхъ (Митр. Евгенія описаніе Кіево-софійскаго собора, Кіевъ 1825 г. стр. 177. 178).

9) См. въ Памятникахъ, изд. временною кievскою комиссією, т. 1 (изд. 2-е) стр. 149—пригласительное посланіе митроп. Петра Могилы луцкой братин на кievскій соборъ 1640 г., его же универсалъ 1640 г. въ чтеніяхъ Моск. истор. общества 1838 г. № 6. Но уже съ 1632 г. митрополитъ Исаія Копинскій въ письмѣ къ царю и патриарху жестоко жаловался на притѣсненія римско-католиковъ, называя ихъ не иначе, какъ супостатами и явственными гонителями восточнаго православія и благочестія: „Многою злобою и рвеніемъ супостаты на ны вооружившеса, между прочимъ писалъ онъ, хотяще всяко единою поглотити и до конца истребити благочестіе.“ И потомъ говорить, что отъ того гоненія нѣтъ въ епархіи его «благочестныхъ князей, нѣтъ благородныхъ вельможъ, оскудѣ всѣ, отъ восточнаго православія на западъ уклонившеса, едва кто уже отъ худыхъ и неславныхъ при благочестіи и православной вѣрѣ обрѣтается. Гоненіе до дого усилилось, что теперь митрополитъ, у котораго густинскій монастырь и вся ризница совершенно были ограблены, долженъ былъ послать къ патриарху за

милостивую своихъ инокѣвъ «сокровениѣ и тайнѣ», ради зѣланныхъ бѣды отъ стругущихъ по пути. (Смотри помѣнутое въ примѣч. дѣло о прїѣздѣ въ Москву густинскаго монастыря игумена Иова съ товарищи 1632 г. и самое письмо митрополита къ патриарху въ 5 кн. Вѣстника зап. Россіи, Отд. 1. № 9).

10) См. сіе посланіе 1636 сентяб. 5, на польскомъ языкѣ, въ Supplementa ad historica Russiae monumenta № 72. p. 174.

11) Изъ дѣла, показаннаго въ прим. 19, видно, что слухъ о назначеніи Петра Могилы патриархомъ, а Корсака преемникомъ его въ Кіевѣ, происходилъ изъ польскаго стана, что сему бытъ воспрепятствовала настоящая война съ казаками и сеймъ не сдѣлалъ никакихъ насилій православной вѣрѣ.

12) См. Описаніе Кіево-соф. собора, стр. 177. 179.

13) См. въ Supplementa ad historica Russiae monumenta № 69. п. 169—грамоту польскаго короля Владислава IV объ утвержденіи Петра Могилы въ санѣ кіевскаго митрополита 1633 мар. 14. Описаніе Кіево-софійскаго собора, стр. 170. 171. Только здѣсь, равно какъ и въ Словарѣ духовныхъ писателей, изд. 2., 1,212. несправедливо сказано, что Исаія Копинскій умеръ 1634 г.

14) См. преев. Филарета Исторія Русской церкви, періодъ IV, патриаршество, Рига 1847 г., стр. 91. 92. Сюда же относится, помѣнутый въ прим. 9, универсалъ Петра Могилы.

15) См. Лѣтоп. густ. м-я, стр. 28, что выписано въ прим. 26. Только это обстоятельство, подтверждающее опасность, какъ указываетъ означенное въ прим. 19 дѣло въ иностр. архивѣ, было не прежде, но послѣ того, какъ монашествующіе пришли въ Россію. Составитель лѣтописи на стр. 26 и вступленіе Петра Могилы на кіевскую митрополию отнесъ къ 1636 г., тогда какъ это было въ 1633 г.

16) См. въ вышепоказ. дѣлѣ иностраннаго архива (св. 3, 1638 г. № 1) отписку въ посольской приказъ путивльскаго воеводи Никифора Пшещѣва, начинающуюся: „Юня въ 5 день прїѣхали изъ Литвы въ Путивль Густинскаго монастыря черной большой пош Пафнотей, а съ нимъ старцовъ 10 человекъ, монастырскихъ 11 человекъ, а послалъ де, Государь, ихъ старцовъ изъ того Прилуцкаго монастыря игуменъ Василей и вся братія напередъ себя въ Путивль съ церковнымъ строеніемъ и съ животиною отъ гоненія за православную вѣру отъ Ляховъ, и чтобъ имъ довѣдаться въ Путивль подлинно, велишь ты, Государь, принять ихъ въ Путивль или не велишь, и какъ велишь, и они всѣ и съ остальнымъ имуществомъ будутъ въ Путивль. Въ приложенной за тѣмъ росписи значатся изъ привезеннаго церк. имущества кресты, сосуды, ризы, книги; скота приведено воловъ и коровъ 90, барановъ и овецъ 800, да всякаго запаса хлѣбнаго и ружья 11 возовъ.“

17) См. тамъ же другую отписку путивльскаго воеводи въ посольской приказъ, вполнѣ помѣщенную ниже въ приложенияхъ къ статьѣ № 1.

18) См. ту же отписку (приложенія № 1), въ архирѣ Алатир. кіево-ніколаевскаго м-ря сказку о монастырѣ игуменьи съ сестрами 1638 г. (свитокъ № 37), тоже въ челобитной монастырскихъ служителей 1701 г. (свитокъ № 40).

19) См. въ дѣлахъ малороссійскихъ (архива министерства иностран. дѣлъ), связка 3, 1638 г. № 3— дѣло о прїѣздѣ въ Путивль лубенскаго-мгарскаго монастыря старцевъ Сильвестра съ товарищи. По нему игумень Каллистратъ предварительно выслалъ въ Путивль съ монастырскимъ свотомъ 7 человекъ братіи, намѣреваясь прибыть туда вслѣдъ за ними съ церковнымъ и остальнымъ монаст. имуществомъ, какъ уговорился съ *Ладити* съ означенными игуменами Василиемъ и Меодіемъ. Потомъ хотѣлъ бѣжать (умнѣати) даже къ волохамъ и распустилъ въ разныя стороны всю почти братію: но по внимательству въ это дѣло лубенскаго *урядника*, оставшись на мѣстѣ, требовалъ къ себѣ изъ Путивля своихъ инокъ обратно. См. листы игумена Каллистрата (въ перечнѣ) и на оные отписки игуменовъ Василя и Меодія и старцевъ Сильвестра съ товарищи.— Со всѣмъ иначе и недостаточно представляетъ это дѣло составитель лѣтописи густ. монастыря.

20) См. означенную въ прим. 17 отписку (приложенія № 1). При отпискѣ приложена представленная монашествующими роспись пограбленнаго имущества ладинскаго дѣвicha монастыря, которая помѣщается здѣсь вполнѣ, кромѣ нѣкоторыхъ исключеній въ вещахъ незначительныхъ, съ объясненіемъ въ скобкахъ нѣкоторыхъ малороссійскихъ словъ.

Рестуръ забратскихъ ричи (вещей) церковныхъ и монастырскихъ Ладинскаго монастыря

Ризи патеры адаманшковые (камчатныя) красные, другіе мухiаровые красные, камья гафтованая (оплече вышитое), третьи мухiаровые вишневыя, четвертые гемлетовыя (шелковыя), пятые полуосамитныя черныя, патрахель три, воздуховъ пять, стихарей 4, заѣсовъ за царскими дверями пять; потиръ сребренный, позлоцѣстый, большой, двоухъ гривень (вѣсомъ), сребра Московскаго, крестъ сребренный, позлоцѣстый, полтретѣй гривны, и большей тогожъ сребра, лампадѣ сребреная, мало нто отъ гривны, ретязъ (дѣпока) сребренный позлоцѣсты, большей, гривны, ложка, звѣзда, коше сребренное, крестъ епископскій позлоцѣстый и другій крестъ и ретязикъ сребренный, кадѣльница сребреная.

Книга евангеліе напрестольное новое, оксамитомъ червонымъ покрытое, сребромъ исправное, большей двоухъ гривень, позлоцѣсто, другое евангеліе напрестольное, печатаные обоє, чернымъ оксамитомъ покрытое, также большей двоухъ гривень сребра.

Трефолой книга печатный, охтай печатный, евангеліе учительное печатное, требникъ печатный, часовникъ печатной, уставъ писаной, соборникъ писаной, другой соборникъ писаной, третей соборникъ писаной, дѣянія Апостольскія писаныя малая, книгъ съ десятирн разныхъ, ярмолю три, книга Іоасафа царевича пе-

чатная новая, часословъ новый печатной, трюдь печатная печатная, трюдь цвѣтная печатная, шестодневцеъ печатный, Московскіе всѣ три, книга Макарія Египетскаго печатная, книга цвѣтныкъ печатная, евангеліе писаное на престольное, другая книга Макарія Египетскаго печатная, житія святыхъ польскіе печатныя Іоанна Лѣствичника книга писанная.

Крестъ мосяжовый (изъ желтой мѣди), кадильница мосяжова звонувъ (волоколочъ) пять, казанъ (котель) великъ, а меньшихъ пять, еще меньшихъ пять, банъ (?) важкихъ двѣ, а меньшихъ четыре, пановоъ (сворородоъ) три, кордоъ три мѣдяныкъ.

Желѣза, олова и пр.

Зыггаръ (вертель) мосяжовый, моаджировъ (стугъ) два, ли тавровъ десять (отъ нѣм. Licht, польск. Lichtaгъ—подсвѣчивовъ, д. б. церковныхъ, слѣч. въ подобной сему малороссійской описи ризницы новгородо-сѣверскаго Спасо-преображенскаго монастыря XVII—XVIII в. въ Извѣстіяхъ Археологическаго общества, Спб. 1803 г. вып. 1 стр. 53: лихтаровъ серебряныхъ на престолѣ 2), грошей копѣ 15 (денегъ 15 полтинъ), нговъ пять подъ золотомъ и серебромъ, а единъ жемчугомъ гафтаваннй, соболочовъ два, кунецъ и пр.

Воловъ, коровъ всѣхъ поголовія сто, овецъ двѣстѣ, коней четверонадцатеро, свиной шестедесятъ, возовъ з борошною (съ мукой) 20 большныхъ.

Подъ сего росписью подписано: *все тоє Ляхи зграбили.*

21) См. въ вышеозначенномъ дѣлѣ ту же отписку (приложение № 1). Однако положеніе лядинскихъ монастыревицъ въ Путивлѣ, какъ сначала, такъ и теперь, было бѣдственное, и до указа о размѣщеніи они въ челобитной (при томъ же дѣлѣ) писали: *пришедъ изъ Литвы 146 году іюня 14 въ Путивль скитаемса мы межъ дворъ, кормимса Христовымъ именемъ, помираемъ голодомъ, а до поденнаго корму отъ тебя, Государь, такъ было недѣли съ четыре, а вышнѣшняго твоего корму намъ не доволѣло, потому что мы пришли въ Путивль ограблени, наги и босы и голодны, а монастырскаго никакого заводу ничего не осталось. И за тѣмъ просать, чтобы перевели ихъ въ какой нибудь монастырь всѣхъ *вмѣстѣ.**

22) Въ томъ же дѣлѣ отвѣтная память изъ приказа большаго дворца въ посольскій, гдѣ пишется, что государь царь и великій князь Михайлъ Θεодоровичъ всея Русіи указали тѣхъ Бѣлорусскихъ игумена и старцовъ изъ Путивля перевести на житье въ Бѣлевъ въ Преображенскій монастырь, а того монастыря игумена и старцовъ вывести въ Лихвинѣ и въ Перемышль, въ Доброй или въ Шаровкнѣ или въ Лютиковѣ монастыри, что въ которой похочетъ и устроить тѣхъ монастырей съ братію ровно, и игуменью и старицъ и отца ихъ духовнаго перевести въ Бранскъ и устроить въ Покровскомъ дѣвичь монастырѣ и велми имъ устроить своєю государевою казною.

23) См. въ томъ же дѣлѣ челобитную четырехъ старцовъ объ отпускѣ ихъ изъ Путивля въ Москву, записку объ ихъ бытности въ Москвѣ у царя на аудіенціи, протоколъ въ посольскомъ приказѣ объ отправленіи ихъ въ Амвросіевъ Дудинъ монастырь, и отписки по этому дѣлу калужскаго воеводы Ильи Стрешнева.

24) См. въ томъ же дѣлѣ отписку брянскаго воеводы Ивана Головина, гдѣ онъ доноситъ, что въ Воскресенскомъ монастырѣ всѣхъ 20 келій, въ которыхъ помѣщаются игуменья (Марѳа Мочкина) и 40 стариць, что поэтому ладинскихъ монахинь онъ размѣстилъ въ верхней (близъ монастыря) слободѣ по дворами, и что, если потребуется, къ постройкѣ новаго монастыря и лѣсу въ скорости достать нельзя и денегъ нѣтъ. См. и челобитную монашествующихъ ладинскихъ изъ Брянска 1638 г. (въ архивѣ Кіево-никол. монастыря, свитокъ № 2).

25) См. ниже Приложенія № 2.

26) Не неугодно теперь вспомнать объ оставленныхъ литовскими выходцами монастыряхъ густинскомъ и ладинскомъ. Составитель лѣтописи густ. монастыря (при неотъемлемыхъ ея достоинствахъ) поздній и, какъ видно, не совсѣмъ знакомый съ обстоятельствами тѣхъ выходцевъ, въ преданности своей обители жестоко порицаетъ ихъ бѣгство, какъ легкомысленное и малодушное. Выпишемъ сіе мѣсто вполнѣ. «Тогдапусти Богъ въ земли гнѣвъ свой, си есть междоусобную рать, возсташа бо Ляхи на родъ Россійскій, глаголемыхъ козаковъ, и зѣлоную брань творяху одини другимъ, по истинѣ бо тогда исполняхуса евангельскія слова, глаголемыи: *возстанетъ братъ на брата*, что се и событсѣя. Нещадно бо рѣваху мечи своими благочестныхъ и невинныхъ человекъ, а наипаче вооружи ихъ сатана на иноцескій родъ: глаголаша бо всѣ, яко калугоры исполняютъ казакомъ своимъ порохъ (доставляютъ имъ аммуницію (полск. *proch* — аммуниція), и ярахуса зѣло и много пострадаша братія тоя святыя обители монастыря Мгарскаго; си бысть и на смерть самодесять осужденъ и всѣ братія тогда готовяхуса на невинную смерть. Тогда игумена Калгистрата взяша и провожаху до Ляшескаго обозу предъ гетманы, и тамо ихъ исытовваху..... Здѣ же въ сей святой обители нашой Густинской игумень тогда бысть старецъ Василей и (тотъ же) Ириварха проигумень взятопаша со братіями своими страха ради заочесного, также и въ монастырѣ Ладинскомъ игумень Меоодей со инокинями своими, послышавше сія, яке тамо Мгарскіи калугеры и игумень сіе бѣдствование страждуть, убояшася зѣло, страхъ бо ихъ велий тогда объять: мняху, якоже и имъ сія бѣда имать быти, и совѣтъ себѣ даша не разсмотрительный и легкосердный, ужаси исполняхуса, еще же никимъ же гоними тогда бяху, и убояшася страха, идѣже не бѣ страха, но яко трость отъ вѣтру невѣрнемъ и малодушіемъ возшумѣша и возколебахуса, аки пьяны, и безъ разсмотрѣнія воскорѣ вдавшася пути бѣгства въ *чужую* землю Московскую, вся здѣ пусто оста-

выша, и излупиша храми церкви и вся внутренняя и внѣшняя монастырская, аки видѣ ума бѣху изумлены, вся разграбиа и ни во чтоже обратиа злонравіемъ своимъ. И бѣжущимъ же имъ до Путивля града Московскаго много зла пострадала и именіе ихъ все отъято бысть и вся церковная хранилища, аже съ собою взяли быша, си есть ашерата іерейская и дьявоискія и иная вся утварь церковная сребра, кресты, кадильницы, книги и вся прочая во злое расхищеніе рукамъ Лашескимъ и невѣрнымъ жидомъ осташа. Охъ, охъ, увы безумія и не разсмотрѣнія ихъ! Горько, болѣзненно и жалостно сердца всѣхъ вѣрныхъ, не толику святителя своего пастыся, глаголю отца митрополита, также и клятеровъ тоя святія обители, мяновите (имянно) князя, но и прочихъ окрестныхъ христіанъ всѣхъ православныхъ плача сердца исполнени бяху, видяще ихъ сицевое безуміе и истергѣніе и многимъ правовѣрнымъ даже и до днѣсь сердца и любви до насъ ихъ ради злаго поступку милость оскудѣна есть, аже до мѣстыца сего святаго.» За тѣмъ составитель говоритъ, что послѣ побѣга монашествующихъ густинская обитель около двухъ лѣтъ была въ запустѣніи и латинскіе *Бернардинцы* хотѣли совершенно разграбить и разорить монастырскія зданія; но иноками мгарскаго монастыря, оставшимися на мѣстѣ, были остановлены, и обитель 1639 г. восстановлена игуменомъ Исаіею Торскимъ, по распоряженію митрополита Петра Могилы, который тогда самъ посѣтилъ оную. Подобнымъ образомъ и ладинскій дѣвичій монастырь былъ восстановленъ, какъ видно изъ приложенныхъ къ лѣтописи Густинскаго монастыря, на стр. 58, размежеванія къ нему земли Петромъ Дорошенко, въ 1657 г., и на стр. 67 описанія его въ 1825 г. Оба сіи монастыря, упраздненныя еще впоследствии, въ недавніи времена снова восстановлены и существуютъ доселѣ (равно какъ и дубенскій-мгарскій). См. тамъ же—приложенія, стр. 65—73.

27) См. прим. 29, связку о м-рѣ 1706 (монаст. свитокъ № 50): въ прошлыхъ годѣхъ вышли изъ Кіевскихъ предѣловъ къ Москвѣ.

28) См. ниже приложенія № 2.

29) Въ архивѣ Кіево-николаевскаго м-ря, свитокъ № 3, здѣсь помѣщаемый, содержитъ въ себѣ описъ этихъ и вышепомянутыхъ царскихъ пожертвованій при сдачѣ ихъ въ вѣденіе игуменья:

«Никольскаго дѣвичь монастыря монастырскому строенію (что дано отъ?) великого князя Михаила Феодоровича всея Русіи (и?) грамотѣ изъ Приказу Казанскаго Дворца, за приписью дьяка Григорія Нечаева, Густинскаго монастыря игуменъ Меоодей Алатарскаго Нового Никольскаго дѣвичь монастыря игуменъ Елисаеви съ сестрами монастырскую денежную казну и всякое церковное и монастырское строеніе отдалъ все на лицо:

Въ прошломъ 147 году, что дано игумену Методію въ церковное строеніе ризъ и книгъ изъ Приказу Большаго Дворца.

Ризы правдичныя, камка бѣлая, отплетче златоглавное, патрахель и поручи златоглавыя жъ, у патракели и у поруча 25

пуговицъ серебряныхъ, стихарь подружной, тоета виницейка, шолкъ черлень да жолтъ, оплечье бархатъ рытой черленой, поясъ шолкъ бѣль, да черлень.

Другія ризы, тоета виницейка, шолкъ червнѣ да жолтъ, оплечье бархатъ рытый, червлень, патрахиль и поручи того жъ бархату черленова, у патрахили и поручей 25 пуговицъ серебряныхъ, оплечье бархательное, поясъ шолкъ жолтъ да червлень.

Третья ризы тоета виницейка, шолкъ зеленѣ да жолтъ, оплечье бархатъ рытый, червлень на бѣлой землѣ, патрахиль да поручи гогоже бархату, да у патрахили да у поручей 25 пуговицъ серебряныхъ, поясъ шелкъ жолтъ да червлень, стихарь подризной полотно коленское, оплечье бархательное.

Четвертая ризы полотно коленское, оплечье и патрахиль и поручи бархательныя, у патрахили и поручей пуговицы оловячныя, стихарь подризной холщевъ, оплечье выбойка, поясъ нитной.

Евангеліе напрестольное, распятіе и евангелисты сребренныя, рѣзныя, Евангеліе учительное, уставъ, Апостоль, охтой 1-го гласу, охтой 5 гласу, минея общая, треолой сентября мѣсяца, треолой декабря мѣсяца, треолой марта мѣсяца, треолой іюня мѣсяца, триодъ постная, триодъ цвѣтная, потребникъ, служебникъ, псалтирь, часовникъ.

Да въ нынѣшнемъ въ 148 году іюня въ 6 день прислано изъ Приказу Казанскаго Дворца со Казанскимъ головою Стрѣльцкимъ со Иваномъ Пановымъ въ тожъ церковное и минастырское строеніе образы, ризъ и книгъ:

Образъ Николи Чудотворца, налойной, штилистовой, да крестъ воздвизальной кипарисной, обложены серебромъ басменнымъ, позолочены.

Крестъ воздвизальной же, ериванъ писыленной, двери царскіе съ сѣню и съ столпцы, да дверь сѣверная на празелени.

Образъ Пречистые Богородицы, запрестольной на празелени.

Стихарь подризной — полотно коленское, оплечье и зарукавье бархательное.

Патрахиль да поручи бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленѣ, опушка дороги кашанскіе свѣтло-лазоревы нешиты, пуговицы серебряныя, поясъ шолкъ жолтъ да лазоревъ.

Другіе ризы полотно коленское, оплечье бархательное.

Стихарь подризной холщевый, оплечье и зарукавье выбойчатые.

Патрахиль да поручи бархательныя, опушка киндякъ лазоревъ, поясъ нитной.

Стихарь дьяконской таета виницейка, дволичная, шолкъ червлень да жолтъ, оплечье и зарукавье бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленѣ.

Стихарь да поручи бархатъ рытый по червленой землѣ, шолкъ зеленѣ, опушка дороги кашанскіе лазоревы.

Другой стихарь дьяковской полотно коленское, ошмечь и зрүгавье бархателное.

Стихарь да поручи бархателные, опушка киндяк газоравь.

Полотна пять аршинъ на руки утиральники въ освященіе церкви.

Губа морская, налой.

Да книгъ Марковскіе печати Евангеліе на престольное въ оболочкѣ бархателной, евангелисты серебрянные, бесменные позолочены, уставъ, апостолъ, часовникъ, служебникъ, псалтирь съ сльдваніемъ, псалтирь же учебная, шестодневецъ, потребникъ, мнѣя общая съ часы царскими, двѣ тріоди постная да цвѣтная, евангеліе учительное, ермалой писменной.

И всего 14 книгъ, всѣ подписаны, четыре колокола подписанныежъ, а вѣсу въ нихъ 24 пуда.

На оборотъ: «къ сей росписи игумень Меодій приложилъ.»

30) См. въ архивѣ м-ря свитовъ № 2— царская грамота на заводъ Старицу 7148 феврал., грамота 7175 г. № 7, дѣла 1730 годовъ.

31) А именно доселѣ сохранились: 1, въ главной Покровской церкви мѣстная икона Покрова Богородицы (длины 2 арш., ширины 1 арш.) и у праваго клироса образъ Спаса нерукотворенный (дл. 2¹/₂ арш., шир. 1¹/₂ арш.) древняго и лучшаго письма. 2. Ризы парчевыя по красной землѣ, плече золотого газета, употребляемныя только въ храмовый праздникъ Вознесенія Господня. Какъ выше означенныя двѣ иконы, такъ и эти ризы въ преданіи доселѣ называются *Кіевскими*, т. е. принесенныя киевскими выходцами изъ Москвы отъ щедротъ Царя Михаила Феодоровича. 3. Царскія двери, по царской грамотѣ присланныя изъ Приказу Казанскаго Дворца 1640 г. 4. Евангеліе (№ 4), печ. 1640 г. съ подписью по листамъ: «лѣта 7148 году мая въ 12 день сія книга Евангеліе Государева, царева и великого князя Михаила Феодоровича всея Русіи дана въ новой Алаторской Никольской дѣвичь монастырь.» 5. Книга Маргаритъ, печ. 1641 г. съ подписью же: «по Государеву, цареву и великого князя Михаила Феодоровича всея Русіи указу изъ Его Государевы казны изъ Приказу Казанскаго Дворца въ Алаторскій въ Никольской Новодѣвичь монастырь въ церковь Николы Чудотворца, лѣта 7160 мая 13. 6. На колокольнѣ два колокола съ сльдующею на обонхъ надписью: лѣта 7148 марта въ 14 день по Государеву цареву и Великого Князя Михаила Феодоровича всея Русіи указу данъ сій колоколъ изъ Государевы казны изъ Приказу Казанскаго Дворца въ Алаторской въ Никольской Новодѣвичь монастырь, а вѣсомъ сій колоколъ въ 5 пудовъ 25 гривеновъ, (на другомъ: въ 4 пуда, 26 гривеновъ).

К. Новоструевъ.

III.

НѢЧТО ОБЪ УЧИЛИЩАХЪ ДЛЯ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ.

(По переводу газетныхъ телеговъ объ этомъ предметѣ).

Казалось бы, гдѣ безспорнѣе предмета, какъ открытіе училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, между тѣмъ и это святое, можно сказать, дѣло не обошлось безъ кривыхъ толковъ, нареваній, словопрѣній, пессимизма. Мы ожидали, что кто нибудь изъ людей компетентныхъ въ дѣлѣ возьметъ на себя трудъ рапутать софизмы резонеровъ, трактовавшихъ объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія въ западной Россіи, укажетъ прямую точку зрѣнія на цѣль, характеръ и важность этихъ училищъ, но наши надежды и ожиданія почти не сбылись (*). Желая помянуть по силамъ этотъ важный пробѣлъ въ нашей прессѣ и, съ самообольщенія, предполагая въ себѣ достаточную пропорцію компетентности для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, и приступаемъ къ дѣлу тѣмъ охотнѣе, что это прямая, такъ сказать, присяжная обязанность публицистовъ западной Россіи. Белая разсуждать о предметѣ какъ можно послѣдовательнѣе, и будемъ развивать частности его посредствомъ рѣшенія вопросовъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ на логической чередѣ.

Какое назначеніе дѣвицы духовнаго званія? Кромѣ общаго значенія всякой дѣвицы, дѣвица духовнаго званія имѣетъ и свое особенное призваніе, — она по преимуществу предназначается въ подруги лицъ того же духовнаго званія. Права рожденія, условія и обстановка жизни, нравы, привычки, складъ міросозерцанія и характеръ симпатій влечетъ ея мысли и желанія въ духовному сословію, къ юношѣ-сыну сосѣдняго священника и

(*). Статья была набрана раньше появившейся прекрасной статьи объ этомъ предметѣ въ 80 №. «Сѣверной Почты.»

юности къ ней. Между ними такъ много всесторонней гармоніи, такъ мало диссонансовъ, что глумиться надъ ихъ другъ къ другу симпатіями, перечить ихъ обоюднымъ влеченіямъ, значить не имѣть ни ума ни сердца. Въ этихъ симпатіяхъ и влеченіяхъ нѣтъ какаго-либо нетерпимости и самовольной изолированности, — онѣ прямое требованіе тождества породы и общности склада обстоятельствъ. Если дочь военного человѣка съ малолѣтства бредитъ золотыми эполетами и черными усами, если кунаецъ большею частію ищетъ себѣ попутчицы жизни въ средѣ своего сословія, если мѣщанинъ, ремесленникъ женится на дочеряхъ знакомыхъ имъ собратій; то тѣмъ менѣе нужно сѣтовать или возмущаться, если кандидатъ священства ищетъ себѣ подруги въ средѣ своего сословія, если дѣвица духовнаго происхожденія съ младчества свыкается съ мыслию быть женою священника. Мы сказали *только менѣе*, и сказали не для одного соотвѣтствія частицъ въ періодѣ. Военный, кунаецъ, какъ люди богѣе или менѣе подвижны, мѣщанинъ, ремесленникъ, какъ буржуазія, могутъ сталкиваться въ жизни съ людьми разныхъ званій, сословій, состояній, могутъ въ спискѣ знакомыхъ имъ дѣвицъ считать сотни персонажей — одну другую достойнѣе; тоже самое нужно сказать и о дѣвицахъ изъ этихъ сословій, состояній едва ли не на вѣчной выставкѣ предъ свѣтомъ вообще и разнымъ множествомъ въ особенности. Не только участь юношей и дѣвицъ духовнаго званія! Первые, съ самаго малолѣтства, поступаютъ на скамьи училищныя, съ которыми не расстаются до самаго почти полученія билета на казѣнцу; послѣднія растутъ и цвѣтутъ одиноко, въ домахъ сельскихъ (большинство) священниковъ; первые не имѣютъ ни времени, ни охоты, ни возможности пробаваться въ свѣтъ, принимать серьезное участіе въ его дѣлахъ и развлеченіяхъ; большинство послѣднихъ во всю жизнь дѣвичью не видятъ своего губернскаго (не рѣдко и уѣзднаго) города; первые знакомятъ по преимуществу только съ послѣдними и, разумѣется, во время ваканцій, когда устанавливаются взаимныя симпатіи молодыхъ людей, а нерѣдко заключаются и обязательныя для обѣихъ сторонъ договоры и помолвки. Изрѣдка только какой-нибудь квартирующій въ селѣ прапорщикъ, подпоручикъ, или малый уѣздный чиновникъ выдернетъ изъ кружка дѣвицъ духовнаго званія одну-другую; но это исключеніе относится къ правилу чуть ли не какъ 1: 1000.

Нельзя ли освободить людей, а особенно дѣвицъ духовнаго званія изъ этого очарованнаго круга, отъ этой замкнутости, изолированности. Въ чему? для кого это необходимо, или хоть полезно? Ровно ни для кого и ни для чего. Подобныя вылазки изъ своей природной цитадели и безцѣльны и рискованы. Кандидаты священства, особенно на скамьѣ ученической, не имѣютъ досуга и возможности жуировать. Серьезность и духовность ихъ назначенія не позволяетъ имъ мѣшаться въ дѣла и бездѣлье людей, увлекаемыхъ водоворотомъ житейскихъ заботъ и спекуляцій, заставляетъ ихъ самоусовершенствоваться, свыкаться съ душой о важности обязанностей пастыря и учителя народнаго. Хотя никому изъ молодыхъ людей духовнаго званія невозбраненъ выходъ изъ своего сословія, хотя духовное званіе, въ настоящемъ его состояніи, не только не представляетъ въ своей перспективѣ ничего обаятельнаго, а, напротивъ, рисуетъ въ умѣ кандидата священства много отбивающаго охоту къ этому сану, безотраднaго, — при всемъ томъ эмиграціи изъ этого сословія въ другія, болѣе обольстительныя и привольныя, не совсѣмъ часты, а если участь духовнаго сословія улучшится, — и вовсе прекратятся. Къ этой устойчивости молодыхъ людей въ колеѣ, указанной рожденіемъ и привычками, немало способствуетъ и то обстоятельство, что они получили специальную подготовку къ духовному служенію въ школахъ, тогда какъ не получили ее ни къ какой другой службѣ.

Но дочери священника, особенно сельскаго, еще менѣе открываются случаевъ и побужденій къ выходу изъ своего сословія. Какъ существо домашнее, никому почти неизвѣстное, менѣе даже семинариста знакомое съ свѣтомъ, его настроеніями и приманками, — она спокойно и безстрастно ждетъ своего суженаго, въ лицѣ знакомаго, или неизвѣстнаго ей кандидата священства, доверчиво вручаетъ ему свою участь, мало опасаясь столь частыхъ въ другихъ сословіяхъ разочарованій и супружескихъ шероховатостей и не всегда разлучаясь, послѣ замужества, съ роднымъ кровомъ, съ лелѣвавшей ее матерью, съ любимымъ и любящимъ братомъ, сестрою. Рѣдкія попытки къ комбинаціямъ съ иными сословіями болѣею частью сопровождалась грустными диссонансами жизни для обѣихъ сторонъ. Семинаристъ, женившійся на дѣвицѣ свѣтскаго званія, кромѣ, можетъ быть, попрековъ со стороны жены происхожденіемъ, — мало встрѣчаетъ въ подругѣ своей жизни гармо-

ніи симпатій привычекъ, не слишкомъ завидную и опытную найдеть въ ней сотрудницу въ веденіи сельскаго хозяйства, не слишкомъ терпѣливую попутчицу на дорогѣ, обставленной грустными ландшафтами и монотонною перспективою. Свѣтскій человекъ, женившійся на дочери священника, не рѣдко, послѣ медоваго мѣсяца, начинаетъ замѣчать въ своей подругѣ рознь убѣжденій и наклонностей, выработаннымъ его воспитаніемъ и служебными случайностями, и если будетъ столько деликатенъ, что воздержится самъ отъ саркастическаго отношенія къ этой розни, то не всегда можетъ защитить свою жену отъ такого отношенія къ ней другихъ; а для сердца женщины такіа нравственныа оскорбленія большѣ пытокъ физическихъ. Въ такихъ явленіяхъ мы, равно какъ и всѣ мыслящіе люди, не находимъ ничего „страннаго, случайнаго, болѣзненнаго, роняющаго наше духовенство, причиняющаго ущербъ нашей церкви, оказывающаго вредное вліяніе на всю нашу духовную жизнь, противнаго духу христіанства“ (sic!) и проч., и проч. Напротивъ, мы находимъ въ этихъ явленіяхъ выраженіе тѣхъ законовъ необходимости, съ которыми борются пока не возможно, не разрушая строя жизни, выработаннаго исторіей и опирающагося отчасти на данныхъ каноническаго характера. Развѣ это „странно, противно духу христіанства“ и проч., что наше духовенство-семейное, что дѣти священниковъ приготавливаются съ колыбели къ будущему своему служенію, что другія званія для нихъ мало доступны, что невѣсть духовнаго званія обѣгаютъ женихи изъ другихъ сословій, что за кандидатовъ священства мало находится охотницъ выходить замужъ изъ свѣтскаго сословія? Собственно говоря, не духовенство держитъ себя въ изолированномъ отъ общества состояніи (если изолированность гдѣ либо существуетъ), а общество отъ духовенства, — не первое отталкиваетъ отъ себя послѣднее, а на оборотъ. Наши духовно-учебныа заведенія открыты для всѣхъ, желающихъ получить въ нихъ образованіе, а много ли приобрѣли они адептовъ изъ недуховнаго сословія? Самый ничтожный процентъ. Если бы священникъ получалъ содержаніе равное содержанію мірскаго посредника, если бы миссія православнаго священника требовала менѣе самоотверженія, была обставлена большимъ почетомъ общества, если бы изъ за скамьи семинарска, или хоть академическа, можно было прямо шагнуть на кафедру архіерейскую, или хоть бы въ санъ протопресвитера, тогда свѣтскій элементъ вытѣснилъ бы

изъ духовно-учебныхъ заведеній духовный. Но пока продолжается *status quo*, *нисколько независящій отъ духовенства*; пока духовенство, особенно сельское, будетъ считаемо почти самымъ низкимъ званіемъ; пока нѣкоторые господа будутъ принимать священниковъ на ногахъ, въ переднихъ; пока подсказанное іезуитами слово — *помощка* будетъ чуть не обычнымъ прозваніемъ православнаго священника; пока общество будетъ держать въ черномъ тѣлѣ своего молитвенника, не проникнется къ нему благоговѣніемъ, подобающимъ служителю Христову, представителю святаго православія, — до тѣхъ поръ, какого вы хотите единенія духовенства съ обществомъ, какого домогаетесь вліянія перваго на послѣднее? Вліяніе *духовное* существуетъ, іерейская миссія продолжается, только лишь первое иными отвергается, послѣдняя многими не признается, не цѣнится по ея заслугамъ и святости. Такое грустное отношеніе духовенства къ обществу слагалось еще со временъ татарскаго пораженія. Общество привыкло смотрѣть на духовенство, какъ на наемниковъ, получающихъ за свой трудъ определенную плату. Іерархія мало заботилась о поднятіи уровня духовенства ни въ моральномъ, ни въ матеріальномъ отношеніи. Въ западной Россіи униженіе духовенства пошло еще далѣе: священники, подъ гнетомъ враждебной пропаганды, сдѣлались синонимами *исповѣдниковъ*, *мучениковъ*; дѣтямъ ихъ были закрыты пути къ образованію; холопы получали *презенты* на званіе священниковъ для того, чтобъ ихъ можно было гнать на *панцизму*, бить ихъ, глумиться надъ ними, когда только захочется милостивому пану потѣшиться есендза, разразить на нихъ свою злобу на кого нибудь другаго, — поглумиться, въ лицѣ ихъ, надъ „хлопскою вѣрою.“ Теперь времена значительно перемѣнились; нравственный ростъ духовенства поднимается снѣжно; но взглядъ на него нашего общества, закрѣпленный вѣками, видоизмѣняется весьма медленно. Не желая сознательнѣе анализировать свои возрѣнія, съ ихъ индифферентизмомъ, либо предразсудками и скудомысліемъ, общество все еще коритъ много-страдальное, неповинное духовенство, въ глубинѣ своего духа часто повторяющее: не вѣдать, что творять, и только въ Христовомъ ученіи и терпѣніи находящее источникъ надежды и утѣшенія. Короче: какъ прежде, такъ и теперь, поднятіе значенія и благосостоянія духовенства зависитъ не отъ него самого, а отъ общества, которому наше заботливое, христіанское

правительство указываетъ прекрасные образчики для благороднаго соревнованія.

Отъ чегожъ латинское духовенство иначе поставило себя въ отношеніи къ своей паствѣ? Отъ того, что эта паства до фанатизма проникнута пристрастіемъ къ своей религіи, не смотря на ея недостатки; отъ того, что есендзъ съ малолѣтства готовится къ роли *пропагандиста* и политическаго интригана, — что онъ не столько священникъ, сколько іезуитъ и дипломатъ; отъ того, что онъ *не землепашецъ*, что онъ стоитъ совершенно въ независимомъ положеніи отъ прихожанъ, не имѣетъ нужды ни поддабриваться къ нимъ, ни входить съ ними въ оппозицію — для добыванія рабочихъ рукъ и нищенскихъ воплѣкъ; отъ того, что онъ челоуѣкъ не женатый и что, слѣдовательно, шеренги убылыхъ патеровъ пополняются изъ всѣхъ сословій, а преимущественно изъ шляхетскаго, съ которыми, поэтому, латинское духовенство состоитъ въ двойномъ родствѣ, — что есендзъ есть виѣствъ и панъ; подобно тому, какъ пана есть и епископъ и государь. Всѣ эти причины въ совокупности выработали есендзовской миссін тотъ независимый, повелительный, высокоумѣренный, политическій характеръ, который отчасти неприличенъ, отчасти преступенъ, а больше всего невозможенъ въ представителяхъ православія и служителяхъ истинно Христовыхъ. Желавшіе сообщить вліянію на общество послѣднихъ свойства вліянія на него латинскаго духовенства, рѣшительно не понимаютъ причинъ такого вліянія, не видятъ его неестественности, невозможности, а главное тѣхъ опасностей для общества, которыми грозитъ ему подобное вліяніе, и описаніемъ которыхъ обогрены всѣ почти страницы кровавой исторіи папства. Мы имѣемъ ясное понятіе о свойствѣ и направленіи есендзовскаго вліянія на народъ изъ безчисленныхъ эпизодовъ польскихъ бунтовъ.

Мы не уклонились отъ предмета нашего мышленія, трактуя о тѣхъ наблюденіяхъ и выводахъ, которые сейчасъ набросаны нами; они находятся въ прямой связи съ поставленнымъ выше вопросомъ, а особенно съ тѣми нападками и укоризнами, которыя позволяютъ себѣ непривзванные и некомпетентные судьи нашего кроткаго духовенства, резюмируя, по крайнему своему разумію, тему, стоящую въ заголовкѣ настоящаго размышленія. Мы сказали все сказанное для того, чтобы не сказать только, но и доказать, что наше духовенство, не будучи, «кастой, бра-

мишествомъ, левитствомъ,“ тѣмъ не менѣе есть *сословіе*, изъ котораго, по законамъ природы и необходимости, выходить и будетъ выходить огромное большинство служителей церкви, что изъ дѣвиць духовнаго сословія, по тѣмъ же причинамъ, огромное большинство выходило и будетъ выходить за мужъ за кандидатовъ священства. Да, „каста, браминство, левитство,“— слова, слова и слова, а сословность нашего духовенства, какъ „явленіе, будтобы, болѣзненное, роняющее духовенство, противное духу христіанства“ и проч.— фразы, фразы и фразы.

Далѣе слѣдуетъ вопросъ: нужно ли давать образованіе дѣвицамъ духовнаго сословія? Отвѣтъ на этотъ вопросъ такъ очевиденъ, что мы задались имъ потому только, что онъ стоитъ на логической очереди. Если кто нибудь имѣетъ нужду въ подругѣ образованной, то по преимуществу священникъ, какъ человѣкъ образованный, какъ учитель церкви, наставническую миссію котораго обязана отчасти и по силамъ раздѣлять съ нимъ и его жена, особенно въ средѣ своего пола.

Принимая за аксіому, что огромное большинство дѣвиць духовнаго сословія выходить и будетъ выходить за мужъ за кандидатовъ священства,— приступаемъ къ рѣшенію дальнѣйшаго вопроса: гдѣ воспитывать и образоватъ этихъ дѣвиць? Напередъ оговоримся, что мы ставимъ вопросъ на почвѣ западной Россіи, такъ какъ и настоящая статья была вызвана необходимостью отвѣчать на нападки, посыпавшіяся на школы для дѣвиць духовнаго сословія въ этомъ краѣ. И такъ, гдѣжъ воспитывать и образоватъ этихъ дѣвиць? Дома? Но священники, особенно сельскіе, едва ли обладаютъ тѣмъ досугомъ и средствами, какія необходимы для удовлетворительнаго образованія дочерей ихъ. Съ большимъ трудомъ могутъ они довести дочерей до совершенной грамотности, а о развитіи болѣе высокому и разностороннему, при настоящемъ складѣ ихъ быта и многосложности занятій, имъ некогда и подумать. Принимать учительницу? Такъ нѣкоторые, особенно достаточные, священники, и дѣлали; но дорого заплатились за свою прогрессивность— и матеріальнымъ состояніемъ, и моральною порчею дѣтей. Въ западной Россіи почти невозможно найти порядочную учительницу русскую, православную, въ полномъ значеніи этихъ понятій; за то весьма легко найти разныхъ шляхтянокъ, навязывающихъ всякому встрѣчному съ предложеніемъ своихъ педагогическихъ

услугъ, и притомъ за самое ничтожное вознагражденіе. Сознаваясь этою дешевизною и отчасти популярностью польскихъ паненокъ въ дѣлѣ развязности, граціи, въ искусствѣ нравиться, весьма многіе священники западной Россіи и ввѣрили имъ нравственное воспитаніе и умственное развитіе своихъ дочерей. Чему и какъ учили и учать эти паненки своихъ питомицъ, не трудно догадаться. Польскій говоръ, польская интеллигенція, польское міросозернаніе начинаютъ исподоволь прилипать къ уму и сердцу дѣвочки. Если не въ присутствіи родителей, то наединѣ, безъ свидѣтелей, учительница начинаетъ, разными сарказмами и софизмами, опщипывать на молодомъ сердцѣ ростки привязанности къ нашей вѣрѣ и народности, и очень часто съ успѣхомъ исполняетъ возложенную на нее ксендзомъ, или внутреннюю собственнымъ фанатизмомъ, миссію. Наставница не упуститъ удобнаго случая повести питомицу въ костель и въ радужныхъ чертахъ обрисовать ей удобства костельныхъ скамеекъ, прелесть органа, граціозность служенія ксендзовскаго и, въ ненаданъ, поглумиться надъ противоположными, мнимыми недостатками православнаго богослуженія. Латино-польская язва нерѣдко переходитъ отъ учительницы въ цѣлое семейство, „бараній языкъ“ скоро изгоняется изъ дома, простота, безыскусственность обхожденія, чистота и дѣвственность душевная — и того скорѣе. Объ этой нравственной заразѣ мы говоримъ не какъ о явленіи прошедшемъ, возможно, но какъ объ эпидеміи, отчасти продолжающейся въ разныхъ захолустьяхъ западнаго края. Еще довольно есть родителей изъ духовнаго сословія, для тщеславнаго уха которыхъ весьма обаятельно и гармонично звучитъ слово: гувернантка, то и дѣло-повторяемое въ разговорѣ съ сосѣдями и знакомыми. А если, вслѣдствіе искусственныхъ, или дѣйствительныхъ интимныхъ отношеній священника къ пану экзому, комиссару, или самому вельможному, ему предложить, въ родѣ особенной ласки, прислать свою дочь учиться вмѣстѣ съ ихъ паненками, нравственная порча дитяти идетъ еще скорѣе и успѣшнѣе. Тутъ нѣтъ ужъ и того слабого контроля, какой иногда встрѣчаетъ, или можетъ встрѣтить, панна гувернантка со стороны родителей дрессируемой ею дѣвочки. А между тѣмъ бывало (а можетъ быть и теперь бываетъ) иногда и такъ, что родители сами просили егомоспей доставить счастье дочерямъ ихъ учиться вмѣстѣ съ панскими. Паны бывали до того сис-

ходительны, что позволяли переселяться въ свои дома дочерямъ священниковъ на все время ихъ *эдукаціи*. Это дѣлалось подъ предлогомъ особенной дружбы къ родителямъ, непобѣдимого влеченія къ ихъ очаровательнымъ *шуркамъ* (дочерямъ), тогда какъ на самомъ дѣлѣ это дѣлалось для введенія латино-польскихъ прозелитовъ въ среду самую опасную для затѣи всендзо-шляхетскихъ.

Не отдавать ли дѣвицъ духовнаго происхожденія въ мѣстные пансіоны, въ женскія гимназіи? Не всегда удобно и не всегда безопасно. Не удобно какъ по дороговизнѣ этихъ заведеній для нашего бѣднаго духовенства, такъ и по недостаточному ихъ количеству на пространствѣ извѣстной мѣстности. Но опасность тутъ важнѣе неудобствъ. Въ пансіонахъ западно-русскихъ большинство ученицъ и наставницъ—латино-польскаго происхожденія. Это большинство всегда имѣетъ нравственное преимущество предъ меньшинствомъ, и религиозно-политическій недугъ перваго, большіе или меньше, явно или тайно, сообщается и послѣднему. Если нельзя вполне безопасно ввѣрить педагогій этихъ пансіоновъ бойкое дѣтя свѣтскихъ *русскихъ* родителей, то тѣмъ болѣе простодушную, наивную и довѣрчивую малютку сельскаго священника, изъ которой не трудно сдѣлать что угодно, взявшись за дѣло съ умѣньемъ и энергіей; а въ этихъ качествахъ едва ли кто выдержитъ конкурсъ съ польскими наставницами... Мы видѣли священническихъ дочерей, вышедшихъ изъ этихъ заведеній и не узнали въ нихъ прежнихъ добрыхъ Агафій, Лизъ; онѣ переродились въ такихъ бравурныхъ, вертлявыхъ, навязчивыхъ, двуличныхъ паненокъ *Агатъ, Эльжбетъ*, что нельзя было довольно удивиться искусству—эмансипировать и эксплуатировать тѣхъ заведеній, которыя способны творить такіе метаморфозы. Еслибъ мы захотѣли указать здѣсь тѣ тонкіе и саркастическіе намеки на *схизму*, на *москалей*, на *попузь-бродачи* и проч., которыми колютъ поминутно въ этихъ школахъ русскихъ дѣвочекъ ихъ польскія подруги,—тѣ едва замѣтныя и постоянныя униженія, придирки, запреты, обдѣлы, которыми стараются насолить опшонирующимъ пропагандѣ русскимъ дѣвицамъ польскія наставницы, мы никогда не окончили бы настоящаго разминшенія.

Но, кромѣ недостатковъ, какіе сейчасъ мы усвоили пансіонамъ западной (точнѣе сѣверо-западной) Россіи, и весьма замѣт-

ныхъ пробѣловъ въ научной программѣ, особенно въ ея исполненіи, заведенія эти представляютъ и много излишествъ, много роскоши образованія, не только бесполезной и непригодной въ быту жены священника (особенно сельскаго), но отчасти и вредной. Въ этихъ заведеніяхъ почти совершенно заброшена хозяйственная часть, домоводство, тогда какъ жена сельскаго священника, по преимуществу, — сельская хозяйка. За то въ этихъ заведеніяхъ обращено особенное вниманіе на болтовню французскую, на музыку, танцы и роскошь обстановки. Не боясь прослыть отсталыми, рутинерами, фанатиками, мы смѣло скажемъ, что эта лингвистика, эти искусства ни на что не пригодятся въ жизни сельскаго священника, не могутъ не забыться, при недосугѣ и недостаткѣ практики, его женой. Говоръ французскій могъ бы доставить ей только два — три случая въ жизни потщеславиться этимъ знаніемъ предъ тѣми, которые поставляютъ въ немъ апогеозъ образованія, а игра на фортепіано и потому уже мало приѣзжихъ въ быту сельскаго священника, что на покупку этого дорогаго инструмента станетъ избытка матеріальныхъ средствъ развѣ у одного изъ сотни священниковъ. Да и тотъ, кто обзаведется этимъ инструментомъ едвали не напрасно потратитъ на него трудовыя деньги; жена будетъ улаждать (а болѣею частію терзать) слухъ его немного развѣ долѣе медоваго мѣсяца; потомъ обыденныя хлопоты, долѣе возня съ дѣтьми и проч., и проч., сдѣлаютъ то, что инструментъ покосится, струны перервутся, въ клавиатурѣ паукъ широко раскинетъ свои сѣти, обзаведется многочисленнымъ семействомъ; громоздкой инструментъ будетъ только похищать слишкомъ чувствительную для углаго помѣщенія священника часть пространства. Пишущій это нисколько не фантазируетъ: онъ копируетъ съ натуры, и, — смѣетъ сказать безъ самохвальства, — копируетъ съ неподражаемой вѣрностью. Онъ видалъ нѣсколько разъ такіе инструменты въ домахъ священниковъ, и въ томъ числѣ даже у таковаго, который поставленъ своимъ общественнымъ положеніемъ далеко выше многихъ своихъ собратьевъ, живетъ въ довольно видномъ, людномъ — шляхетско-жидовскомъ мѣстечкѣ и въ добавокъ женился на дѣвицѣ, принадлежавшей къ высшему кругу губернскаго свѣтскаго общества. Едва ли нужно и оговариваться, что пишущій эти строки отнюдь не имѣлъ въ виду — уронить одно изъ изящнѣйшихъ искусствъ, или хотъ доказать неприличность его для жены священника, или черствость ея духа, неспособность цѣнить это искусство по его досто-

нству; онъ хотѣлъ только указать судьбу его въ домахъ священниковъ, или, пожалуй, невозможность посвящать ему столько досуга и вниманія, сколько бы того, быть можетъ, хотѣлось самой женѣ священника. Что касается танцевъ, пусть объ нихъ думаетъ всякій какъ захочетъ, какъ знаетъ, а мы рѣшительно стоимъ на сторонѣ того мнѣнія, что женѣ священника не совсѣмъ прилично „потрясать образъ Божій,“ какъ выражался одинъ изъ инспекторовъ кievской дух. академіи. Не нужно при этомъ забывать и того, что священникъ даетъ формальное обѣщаніе, въ эпоху рукоположенія, что жена его будетъ „непласавица.“ Если мужъ и жена составляютъ одно, то нельзя не признать той истины, что святость и серьезность служенія священника, должна отражаться въ жизни и поведеніи его жены, что для послѣдней многое — не къ лицу и званію, что считается безразличнымъ и даже прекраснымъ для другой женщины.

Установивъ такой (совершенно безошибочный) взглядъ на дѣвицы духовнаго происхожденія, на женъ священниковъ, на неудобства и опасности образованія ихъ, какъ дома, такъ и въ здѣшнихъ общественныхъ заведеніяхъ, — мы подходимъ къ послѣднему, самому важному, вопросу: не настоятъ ли нужда для дочерей и будущихъ женъ священниковъ открывать особыя заведенія, которыя были бы чужды неудобствъ, пробѣловъ, излишествъ и опасностей другихъ заведеній, и въ тоже время больше удовлетворяли бы потребностямъ нравственно-религіознаго образованія священническихъ дочерей и женъ нашихъ пастырей и учителей церковныхъ? Лишь только мы поднимемъ этотъ вопросъ, намъ могутъ предложить другой: „что это за дѣвицы духовнаго званія, развѣ онѣ какая то особая порода существъ?“ Что разумѣть подъ именемъ породы? Если происхожденіе, сословіе, то онѣ въ томъ же смыслѣ особая порода, въ какомъ и дѣвицы дворянскаго сословія, купческаго, крестьянскаго. Должно быть дѣвицы дворянскаго происхожденія — особая порода существъ, когда существуютъ институты и даже пансіоны для „благородныхъ дѣвицъ,“ въ которыя съ трудомъ можно было проникнуть неблагороднымъ и въ томъ числѣ, конечно, труднѣе всѣхъ — духовнымъ. Но, не будучи особой породой существъ потому только, что родились отъ людей духовнаго сословія, дѣвицы духовнаго происхожденія тѣмъ не менѣе должны быть больше всякихъ другихъ устранены отъ тѣхъ общеобразовательныхъ заведе-

ній, въ которыя, по мѣстнымъ обстоятельствамъ, такъ удобнѣе доступъ пропагандѣ или полонизма и напизма, или нигилизма и индифферентизма, должны образовываться въ тѣхъ заведеніяхъ, главною задачею которыхъ было бы нравственно-патріотическое воспитаніе женщины, озареніе ума ея и согрѣтіе сердца безиредѣльнымъ уваженіемъ и любовію къ родной вѣрѣ и народности. Такими качествами преимущественно, если не исключительно, и отличаются, такъ называемыя „училища для дѣвицъ духовнаго званія.“

Такихъ заведеній, ни по цѣли, ни по характеру получаемого въ нихъ образованія, ни даже по личности самихъ питомицъ, нельзя назвать „спеціальными“, хотя нѣкоторые и сочинили для нихъ это прозвище. Хотя спеціальность учебнаго заведенія ни сколько не унижаетъ его пользы и достоинства, не дѣлаетъ учащихся въ немъ „существами особой породы;“ но въ училищахъ для дѣвицъ духовнаго происхожденія нѣтъ и этого воображаемаго пугала. Эти училища не закрыты ни для какихъ дѣвицъ, и если въ нихъ не много найдете питомицъ не изъ духовнаго сословія, то это только потому, что огромное большинство людей свѣтскихъ желаетъ дать своимъ дочерямъ болѣе блестящее или модное, нежели благотворное и фундаментальное образованіе. Въ научной сторонѣ этихъ заведеній еще меньше спеціальности, исключительности, „кастичности, а особенно браминства.“ Мы не станемъ здѣсь повторять всѣмъ извѣстной программы училищъ для дѣвицъ духовнаго происхожденія, а только скажемъ, что она не упустила изъ виду ничего, что *существенно* необходимо для воспитанія и образованія русской, православной женщины и домовитой хозяйки. Въ этой программѣ на первомъ планѣ стоятъ науки, воспитывающія и возвышающія религіозно-патріотическую мысль и чувство, въ чемъ не худо бы подражать этимъ школамъ и другимъ заведеніямъ. Оттого въ нихъ законъ Божій, церковность православная, русская исторія, географія, русская и славянская словесность преподаются и изучаются съ такою полнотою, вниманіемъ и добросовѣстностью, что такое преподаваніе и изученіе сдѣлало бы честь любому, даже институтскому, образованію. Хозяйственная часть, руководствія и счетоводство занимаютъ въ программѣ обученія дѣвицъ духовнаго званія тоже довольно видное мѣсто. Окончивъ свое образованіе въ такой школѣ, дѣвица не будетъ думать, что печеный хлѣбъ растетъ на подобіи

грибовъ, что крупа падаетъ съ неба; она будетъ знать, что, какъ и когда нужно посѣять въ огородѣ, какъ ухаживать за раз-ной птицей, скотиной, какъ приготовить дешовое, но вкусное блюдо, кавая лучше метода стирки бѣлья, какъ обходиться, во всякомъ данномъ случаѣ, съ иглой, ножницами и утюгомъ, ее никто не обсчитаетъ, она даже не будетъ утверждать, подобно гѣкоторымъ пансіонеркамъ, что сама видѣла письмо, летѣвшее по телеграфной проволоцѣ (*). Первая половина этой програм-мы приспособлена къ важнѣйшимъ потребностямъ человѣческаго духа, къ обязанностямъ христіянки и гражданки Россіи, матери и руководительницы будущаго поколѣнія; выполнение второй половины программы снабжаетъ питомицу данными, необходимыми для будущей хозяйки дома и помощницы мужа въ устройствѣ и поднятїи внѣш-наго благосостоянія. Чтожъ тутъ, повторимъ по неволѣ,— специ-альнаго, „браминскаго, кастичнаго?“ Ужели только въ школахъ „для дѣвицъ духовнаго званія“ учать и должны учить любить Бога и Россію? Ужели никто, кромѣ дѣвицъ духовнаго происхожденія, не долженъ приготовляться къ обязанностямъ доброй хозяйки до-ма? Дай Богъ, чтобъ и въ другихъ учебныхъ заведенїяхъ было обращено такое же серьезное вниманіе на эти важныя стороны обра-зованія русской женщины! Тогда жены меньше рождалибъ и *про-стѣцями* нигилистовъ, космополитовъ, индифферентистовъ, тогда бы мужей ихъ меньше обкрадывали, обсчитывали разные аферисты и пролетарїи; тогда не мыслимы были бъ эти стриженныя дѣвы,— это униженіе женскаго пола, эта грязь челоуѣчества; тогда бы юно-на смѣло могъ ввѣрить свою честь и жизнь, участь своего потомства и состоянія любой дѣвицѣ, не опасаясь со стороны ея мотовства или неразумія ни моральнаго, ни матеріальнаго. Такихъ именно русскихъ, православныхъ, скромныхъ дѣвицъ и желаютъ воспитать „учили-ща для дѣвицъ духовнаго званія“, и тѣмъ хуже для тѣхъ юно-ней, которые предпочитаютъ имъ другой „породы“ дѣвицъ, не видятъ, не цѣнятъ въ нихъ тѣхъ качествъ, которыя составляютъ лучшее украшеніе, благоуханіе и богатство женскаго пола, и кото-рыя доставатся въ удѣлъ кандидатовъ священства по сочувствїю только душъ, но сходству міросозерцанія, но отнюдъ не потому, чтобъ эти дѣвицы давали подписки, не могли, не смѣли выходить за мужъ за юношей изъ другаго сословія, чтобъ „имъ на роду было

(*) Фактъ.

написано быть жемани и матерями священниковъ.“ Мы увѣрены, что дѣвцы, годныя въ жены священниковъ, вовсе не застрахованы отъ всякаго другаго супружества и составили бы лучшихъ жёнъ для него угодно.

Такимъ образомъ, „училища для дѣвицъ духовнаго званія“ нисколько не страдаютъ тою односторонностью нѣли, характера, субъективности и объективности, которую имъ хотять навязать нѣкоторые, нисколько не противорѣчатъ принципу *необходимому*, общаго образованія русской женщины, ни сколько не заявляютъ сами по себѣ замкнутости духовнаго сословія и даже не обмуживаютъ той сословной исключительности, какою драмуруется, напримеръ, дворянскіе институты, такъ ревниво сторожащие свои входы отъ вторженія въ нихъ дѣвицъ другихъ сословій, что нужны особыя усилія или протекція, чтобы двери этихъ заведеній открылись для весьма рѣдкихъ счастливицъ не дворянскаго происхожденія. Мы даже не совсѣмъ вѣрно назвали ихъ *счастливицами*; потому что двѣ-три дѣвицы, случайно попавшія въ эти заведенія изъ духовнаго, или купеческаго сословія, должны имѣть ангельскую доброту, чтобы избѣжать со стороны бойкихъ и свѣсивыхъ барышень — подругъ тонкихъ намековъ на неумѣтность ихъ въ средѣ „благородныхъ дѣвицъ“, а порой и грубыхъ попрековъ происхожденіемъ, — и ангельское терпѣніе и незлобіе духа, чтобы не прилагать этихъ намековъ и попрековъ къ сердцу.

Быть можетъ, нѣкоторыхъ публицистовъ раздражаетъ или вводитъ въ заблужденіе то обстоятельство, что училища для дѣвицъ духовнаго происхожденія ввѣрены контролю духовнаго начальства? Напрасно! Если училища эти открыты по преимуществу для дѣвицъ духовнаго происхожденія; если духовенство желаетъ какъ можно крѣпче гарантировать умъ и сердце, шкуру и бытъ своихъ дѣтей отъ напора окружающаго, атакующаго ихъ полонизма, латинизма и разнообразнаго нигилизма; если оно, въ возрастъ самой сильной восприимчивости своихъ дѣтей, желаетъ непосредственно защищать ихъ отъ слабостей и пороковъ современнаго намъ общества и образованія; если окрѣпость православно-русскаго элемента составляетъ главную цѣль и отличительную примѣту этихъ школъ; если духовенство, на поддержаніе ихъ, на образованіе своихъ дѣтей удѣляетъ большія крохи отъ своихъ скудныхъ матеріальныхъ источниковъ: то

кому жъ и вѣрить, по всѣмъ правамъ, контроль и руковод-ство этихъ школъ, какъ не духовенству? Но и этотъ, весьма законный, контроль раздѣляетъ съ духовенствомъ еще одна лич-ность, — мы разувѣемъ начальницъ училища, которыя не всегда выходятъ изъ среды духовнаго сословія, не всегда, поэтому, понижаютъ его бытъ, его нужды и характеръ необходимаго для него образованія, не всегда соответствуютъ, поэтому, видамъ и желаніямъ духовенства, и на выборъ и увольненіе которыхъ ду-ховное начальство не всегда имѣетъ то прямое вліяніе, какое принадлежитъ ему безспорно, во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ. Лишить такіа школы контроля духовенства, значило бы нанести ему самое тяжкое и безпричинное оскорбленіе и можетъ быть по-считать на испорченность правовъ его молодого поколѣнія.

Смѣемъ думать, что всѣ эти соображенія внушили свѣтло-му уму и женственному сердцу Великой Княжны, нынѣ Ея Величества Королевы Виртембергской, Ольги Николаевны первую счастливую, или точнѣе — вдохновенную мысль открытія, училищъ для дѣвицъ духовнаго званія: Мы беремъ на себя эту смѣ-лость потому, что въ проэктѣ, начертанномъ Ея царственною рукою и положившемъ инициативу образованія дѣвицъ, до того времени, за весьма небольшими исключеніями, остававшихся по-чти безъ всякаго образованія, — проведено большинство намѣчен-ныхъ въ настоящемъ размышленіи выводовъ и соображеній и указана цѣль и характеръ образованія тѣ самыя, которыя пов-торены теперь нами, и которыя остаются, какъ и должно быть, неизмѣнны и доселѣ. Но Ея Величество, королева Виртембергская не остановилась на одной моральной инициативѣ, на одномъ со-знаніи и заявленіи важности и необходимости „училищъ для дѣвицъ духовнаго званія.“ — Она, съ обычной Ей щедростью, положила первый прочный камень и въ фундаментъ матеріаль-наго зданія этихъ школъ, пожертвовавъ для того 15000 руб-лей серебромъ и расположивъ къ столь-же царственной щедро-сти и своимъ вѣнчаннымъ, блаженной памяти, Родителямъ. Идея распро-страненія такихъ школъ въ западной Россіи и осуществленіе ея обязаны многимъ покойному графу Влудову, вполне понимавшему важ-ность въ этомъ краѣ женщины русской, православной — безъ при-квса. — Съ тѣхъ поръ эти школы стали на прочномъ основаніи и приняты подъ непосредственное попеченіе и высокое покровитель-ство вѣнчанныхъ Особъ — сперва достойной вѣчной памяти Госу-

дарыни Императрицы Александры Феодоровны, потому преимущественно — нынѣ царствующей Государыни Императрицы Маріи Александровны, осыпавшихъ и осыпающихъ эти школы знаками незабвеннаго вниманія и безпригѣрной благотворительности. Чтобы еще болѣе, такъ сказать, сроднить эти училища съ царствующими въ Россіи православной Домомъ, одно изъ такихъ училищъ (житомирское) посвящено незабвенной памяти Государя Цесаревича, Великаго Князя Николая Александровича. Противъ такихъ ли училищъ, предназначаеыхъ и освященныхъ столь дорогими и приснопамятными для всякаго русскаго Именами, — противъ такихъ ли училищъ, съ такою инициативой, такими цѣлями и результатами, съ такими огромными, особенно въ Западной Россіи, значеніемъ, возставать русской публицистикѣ?!!...

КРУПНЫЕ И МЕЛКІЕ ЗЕМЛЕВЛАДѢЛЬЦЫ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

(По поводу газетныхъ толковъ объ этомъ предметѣ.)

Въ видахъ обрусѣнія *de facto* западнаго края Россіи, правительство издало цѣлый рядъ постановленій, вѣрно направленныхъ къ усиленію въ странѣ русскаго землевладѣнія, — какъ радикальнаго средства къ достиженію этой великой и благотворной цѣли. Наша пресса, какъ и слѣдовало ожидать, сочувственно отнеслась къ этой мѣрѣ; не сошлись въ мнѣніяхъ нѣкоторыя газеты только на счетъ частныхъ, а особенно на счетъ рѣшенія вопроса: какое землевладѣніе будетъ полезнѣе для края и русскаго дѣла — крупное, или мелкое?

Министерство государственныхъ имуществъ, какъ судія самый компетентный въ спорномъ вопросѣ, рѣшило его почти въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ. Мнѣніе министерства состоялось не безъ содѣйствія, конечно, другихъ, столь же компетентныхъ въ дѣлѣ судей, и большинства голосовъ, раздавшихся со стороны передовыхъ людей русскаго общества. Не смотря на очевидность истины, нѣкоторыя газеты наши все еще протезируютъ крупное землевладѣніе

въ западной Россіи, все еще усиливается доказать, что въ немъ одномъ — спасеніе и защита края отъ напора и преобладанія колонизма, что безъ него край обрустится не можетъ. Чтобы не резонировать, по примѣру нѣкоторыхъ публицистовъ нашихъ, голословно и бездоказательно, обратимъ вниманіе на тѣ положенія, которыми сикятся доказать нѣкоторыя газеты важность, въ данномъ намѣреніи, крупнаго землевладѣнія, и на тѣ очевидныя истины и явленія, изъ которыхъ обнаруживается несостоятельность этого мнѣнія.

Одна газета говоритъ: „правительство имѣетъ въ виду создать въ край (западномъ) партію, противную польской шляхтѣ, и пригрозъ такую, которая въ состояніи была бы противодѣйствовать сильной польской партіи, преимущественно польскихъ магнатовъ, которые до сихъ поръ держали край въ рукахъ; отъ нихъ зависѣли крестьяне, мелкая шляхта; вліяніе было на сторонѣ капитала и большой поземельной собственности. Поэтому, чтобы доставить перевѣсъ русскому элементу, нужно создать крупную поземельную собственность,.... надобно поддерживать не мелкихъ капиталистовъ,.... а крупныхъ.“

Мотивируя такимъ образомъ любимую свою тему, газета, извѣстная безъ названія, упустила изъ виду одно маленькое обстоятельство, — свободу крестьянъ. Просмотрѣвъ этого „слона“, газета неминуемо должна была наткнуться на тотъ софизмъ, съ которымъ мы сейчасъ познакомили своихъ читателей. Сама же газета говоритъ, что „магнаты до сихъ поръ держали край въ своихъ рукахъ, что отъ нихъ завистли крестьяне и шляхта.“ Что магнаты держали въ своихъ рукахъ край, изъ этого неслѣдуетъ, что они его держатъ, что они держали до сихъ поръ, изъ этого не видно, что они держатъ теперь, а особенно, что они могутъ и будутъ его держатъ. Древняя теперь мимо идоща. Могли когда то магнаты держатъ край въ рукахъ, когда ихъ была сила и воля, право и судъ, когда все остальное въ крайъ человѣчество была сила механическая въ рукахъ польскаго магнатства и чиновничества, когда народъ не имѣлъ права ни мыслить, ни желать, ни дѣйствовать вопреки мысли, желанію и дѣйствію панства, когда народа, какъ самоличнаго индивидуума, какъ собранія людей, вовсе не было, а былъ холопъ, рабочее животное, былъ предметъ, пригодный только для разныхъ панскихъ экспериментовъ — физическихъ, нравственныхъ, экономическихъ, соціальныхъ. Посмотрите, что значить теперь въ средѣ того же, да иного народа недавній магнатъ — повели-

тель! Магнаты почти понизились до степеней недавняго холопа — раба, холопы почти поднялись до уровня магната. Первый чуть не „надалѣ (въ 61, 62 и въ началѣ 63 годовъ) и не падаетъ до ногъ“, чуть не цѣлуетъ ножекъ послѣдняго, а послѣдній, при всемъ своемъ незлобїи, никакъ не можетъ забыть своихъ вѣковныхъ пытокъ, не можетъ не видѣть, не ощущать глубокихъ рубцовъ, оставшихся на его жизни послѣ тяжелыхъ цѣпей, такъ долго вѣдавшихся въ его душу, въ его тѣло подѣ милостивымъ „влияніемъ“ ясновельможныхъ, „державныхъ край въ своихъ рукахъ.“ Тѣ самые холопы, которыхъ юности и старцы, жены и дѣти, такъ еще недавно поливали магнатскія земли своимъ потомъ и кровью, не знали отдыха ни зимой ни лѣтомъ, ни въ будни ни въ праздники, теперь ни за какія деньги ни дѣ не соглашаются продать свой свободный трудъ тому же магнату и скорѣе пролежать оставшееся отъ своихъ занятій время на солодѣ, подѣ тѣнью своего деревца, чѣмъ услужать недавнимъ своимъ мучителямъ. Мы знаемъ кое-какихъ магнатовъ, которые собрали свой хлѣбъ съ поля, сѣно съ луговъ только по милости квартировавшихъ въ ихъ имѣніяхъ войскъ и 40—50 копѣечной поденной за рабочій день платы; еще больше мы знаемъ магнатовъ, которыхъ хлѣбъ, на огромныхъ пространствахъ, остался вовсе не снятымъ, или снятъ за такую поденную плату, что поневолѣ вспомнишь пословицу: игра не стоитъ свѣчей. Да, между 19 февраля 1861 г. и 19 февраля 1866 г., мы словно пережили цѣлое столѣтіе; „свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!“

Правда, магнатъ православно-русскій, быть можетъ, не встрѣтитъ въ западной Россіи такой оппозиціи со стороны народа, какую встрѣчаетъ и, кажется, будетъ встрѣчать магнатъ латино-польскій, быть можетъ даже, что народъ отнесется къ нему вполне сочувственно и дружелюбно; но это *рѣшительно* не потому, что онъ магнатъ, или баринъ, крупный землевладѣлецъ, а потому, что онъ православный, русскій, что у него съ магнатою одни друзья и одни недруги, что онъ будетъ совершать съ бариною одни и тѣ же праздники, молиться въ одномъ храмѣ, что между нимъ и бариною нѣтъ старыхъ, крупныхъ счетовъ, что они связаны узами сосѣдства и возможностью взаимныхъ услугъ и одолженій. Мы даже не безъ основанія предполагаемъ, что народъ далеко не такъ симпатично отнесется къ магнату, какъ къ мелкому землевладѣльцу русскому и что нервный далеко меньше будетъ имѣть на него вліянія, чѣмъ послѣдній. Это весьма естественно. Чѣмъ выше среда, въ которой на-

такого известного человека, тем меньше может он встретиться с собою сочувствия в человеке, стоящем на нижней ступени общественной значенія. У них так мало общаго, міросозерцаніе их так расходится, привычки их, обычаи так розны, симпатія, а иногда и антипатія так не одинаковы; что интимное сосѣдство между ними и общность интересов мыслимы подъ условіемъ эти сверхъ - естественнаго приниженія и самоотверженія съ одной и подвышенія и перерожденія съ другой стороны. Для малорусскаго и бѣлорусскаго мужичка, чѣмъ крупнѣе панъ, тѣмъ онъ отнесется къ нему недовѣрчивѣе и лукавѣе, тѣмъ труднѣе онъ повѣритъ въ то къ себѣ снисхожденіе и дружелюбіе, тѣмъ дальше будетъ онъ держаться отъ него, не смотря ни на какія приманки и притяженія. Это бы ни говорилъ, чтобъ ни дѣлалъ крупный землевладѣлецъ, рускій мужичокъ будетъ смотрѣть на него трусливо, изъ подлобыя, будетъ считать его заявленія — фразами, услуги — ловушкой. Его понятія о панѣ сложились такъ плотно, подъ внушеніемъ такихъ нечастныхъ историческихъ явленій, что онъ съ трудомъ отдѣлитъ въ своей головѣ идею крупнаго землевладѣльца русскаго, отъ идеи пана польскаго, что онъ никогда не обратитъ въ своемъ воображеніи того огромнаго разстоянія, въ какомъ находится его ничтожество отъ величія крупнаго землевладѣльца. А весьма легко можетъ случиться и то, что какой нибудь крупный землевладѣлецъ, социальныя идеи котораго развивались подъ обаяніемъ герольдическихъ традицій, слагавшихся въ архивѣ 17 генерацій, спѣсиво отнесется къ своимъ сосѣдямъ, потребуетъ отъ нихъ густаго куренія своей особѣ, не только идеальнаго, но и матеріальнаго, вообразитъ себѣ, что для мужичка слишкомъ много чести работать на барской нивѣ за одно спасибо да за рюмку водки, что здѣшній мужичокъ на то, дескать, и созданъ, чтобы копаться въ землѣ да въ навозѣ, работать на пана да на жида. Все это вещи не невозможныя.

При извинительности такого взгляда мужичка на крупнаго русскаго пана, при возможности большей безпрепятственности такихъ отношеній послѣдняго къ первому, и на оборотъ, — весьма естественно предположить отрицательное, высокохѣрное, или даже отчасти — репрессивное вліяніе иного крупнаго землевладѣльца на окружающее его простолюдые. А такъ какъ эпоха панскихъ величій и репрессивныхъ вліяній миновалась невозвратно, то спѣсивый землевладѣлецъ скоро окажется въ изолированномъ положеніи, скоро восчувствуетъ

неудобства реакціи со стороны громады, а *самосами* весьма искусно воспользуются этими недоразумѣніями, весьма ловко станут инстинктивно что слѣдует и мужичку и крупному землевладѣльцу, лишь бы натянуть до разрыва и безъ того натянуты ихъ другъ къ другу отношенія. Можно ожидать, что подобныя внушенія будутъ сообщаться и чаще, и непосредственнѣе паномъ барину, чѣмъ мужичку. Естественноѣе предположить интимность, или хотя знакомство интеллигенціи съ интеллигенціей, чѣмъ „съ какими нибудь мужичьемъ.“ Нельзя же прожить на селѣ, словно въ темницѣ, весь вѣкъ, особнякомъ, безъ ободнаго славянскаго гостепріимства, безъ практики въ французскомъ діалектѣ и проч. Загляните въ исторію западной Россіи, и вы увидите, кого скорѣе брала тамъ на арканъ латино-польская пропаганда: обыкновеннаго ли смертнаго, или магната; изъ какой среды больше, относительно, вышло космополитовъ, или ренегатовъ вѣры и народности, — изъ первой, или послѣдней. Да, въ немалыхъ случаяхъ, вліяніе крупнаго землевладѣльца на западный народъ русскій будетъ равняться нулю, если не хуже; народъ, въ подобныхъ случаяхъ, промѣняетъ только одного пана на другого.

Напрасно также газета обобщаетъ идею капитала съ идеей крупнаго землевладѣнія. Капиталы теперь вообще не у крупныхъ землевладѣльцовъ, а въ среднемъ классѣ, и отчасти у мужичковъ. Мы знаемъ многихъ крупныхъ землевладѣльцовъ, имѣнія которыхъ продавались и будутъ продаваться съ публичнаго торга за частныя и казенныя долги; великому кораблю великое и плаванье. У весьма не многихъ крупныхъ помѣщичьихъ сбережены дѣдовскіе, или вѣрнѣе — прадѣдовскіе капиталы, да эти капиталисты и не рискнутъ достояніемъ своихъ предковъ и потомковъ для того, чтобы бросить вѣрное, оставить могилы отцевъ, оставить родину, родныхъ, и пуститься на сомнительную аферу, въ странѣ невѣдомой, между сосѣдами враждебными. Огромное большинство землевладѣльцевъ, хотя бы то и крупныхъ, не принесетъ съ собою капиталовъ въ западную Россію, а придетъ сюда за ними, — воспользуется случаемъ пріобрѣсти большее или меньшее имѣніе почти, или во все, безъ денегъ.

Но, положимъ, что крупный землевладѣлецъ или привезетъ съ собой, или создастъ на новосельи большіе капиталы, — можно ли несомнѣнно положиться, что эти капиталы сдѣлаются достояніемъ

страны, удобрять почву ея фабричности, меркантильности, поднимуть довольство народа, прольютъ жизнь и свѣтъ въ край, столь долго страдавшемъ отсутствіемъ и первой и послѣдняго? Весьма и весьма сомнительно! Не таковы привычки, замашки, намѣренія иныхъ крупныхъ землевладѣльцевъ! Сами они рѣдко удостоятъ званія посѣщеніемъ новопріобрѣтенныя, неустроенныя свои имѣнія. Большую половину жизни они будутъ проводить въ столицахъ; большинство предметовъ прихоти и роскоши они выпнутъ либо изъ столицъ, либо еще скорѣе изъ заграницы, благо она подѣ бокомъ; губернеры и управляющіе ихъ наѣдутъ оттуда же и начнутъ первые портить умъ и сердце молодаго русскаго поколѣнія, послѣдніе станутъ хозяйничать не въ пользу хозяина, или, по крайней мѣрѣ, плотно придерживаясь половицы — своя рубашка ближе къ телу. Мы упускаемъ изъ виду шикозныя охоты, балы, вояжи и проч., и проч., въ которыхъ могутъ испариться и крупныя капиталы, безъ пользы для страны, со вредомъ для крупныхъ землевладѣльцевъ и съ пользою для однихъ евреевъ, которые весьма скоро пронохаютъ крупную поживу, легкую добычу, искусно вступаютъ барина въ сомнительную аферу, въ пору предложить ему денежныя услуги и заѣдятъ барина жидовскими процентами на проценты; а если еще барину захочется людей посмотреть и себя показать за границей, судьбу его капиталовъ, участь его имѣнія весьма легко предсказать, не будучи не только пророкомъ, но даже пессимистомъ: деньги, что называется, уйдуть въ трубу и, что еще вдвойнѣ прискорбнѣе, даже — не русскую. Такое предположеніе весьма логично: оно основано на извѣстномъ положеніи логики: *ab esse ad posse valet consequentia*; (*) а извѣстно, что нашихъ земляковъ живетъ за границей болѣе 30,000, что огромное большинство ихъ составляютъ, конечно, крупныя землевладѣльцы и что эти космополиты разоряютъ свое и наше отечество почти вдвое больше чѣмъ на цифру нашего дефицита, потому что разоряютъ его болѣе чѣмъ на 45,000,000, если даже принять за норму годовою расходъ каждаго вояжера въ 1500 рублей, — что, конечно, невозможно. Короче: крупный землевладѣлецъ едвали будетъ много способствовать обрусѣнію западной Россіи — и своею личностью, и своимъ вліяніемъ, и своею интеллигенціей, и своими капиталами.

(*) Т. е. отъ дѣйствительнаго къ возможному хорошо заключеніе.

Допустимъ, наконецъ, что крупный землевладѣлецъ, такъ или иначе, располагаетъ большими капиталами; допустимъ, что эти капиталы, всё безъ остатка, разсыпаны на пользу страны, на поднятіе въ краѣ русскихъ интересовъ; отъ чегожъ намъ не допустить и того, что тѣхъ же самыхъ результатовъ достигнуть и маліе землевладѣльцы—если не порознь, то въ совокупности? Переложимъ эту мысль на цифры: крупный землевладѣлецъ приобретаетъ въ западной Россіи 20,000 десятинъ и располагаетъ оборотнымъ капиталомъ въ 30,000; тридцать, пятьдесятъ мелкихъ землевладѣльцевъ приобретаютъ тоже 20,000 десятинъ и располагаютъ— всё вмѣстѣ— оборотнымъ капиталомъ тоже въ 30,000,—какая-жъ разница выйдетъ между первыми тысячами и послѣдними, почему первыя тысячи принесутъ больше пользы краю, нежели послѣднія и почему пятьдесятъ человекъ не могутъ сдѣлать того, что можетъ сдѣлать одинъ *Concordia res parvae crescunt*; умъ хорошъ, а два лучше; если только между многими известными дѣятелями будетъ согласіе (*concordia*), если дѣла (*res*) ихъ будутъ ведены съ умънемъ, естественное предположить успѣхъ на сторонѣ компаніи, чѣмъ на сторонѣ изолированной личности, ошибка или неумѣнье которой можетъ испортить самое великодушное и вѣрное предпріятіе, какъ это случается сплошь-да-рядомъ. На это преимущество работъ компанейскихъ предъ особичными мы намекнули почти только для устранения того возраженія, что крупный землевладѣлецъ (мы его признаемъ на время синонимомъ капиталиста) можетъ устроить въ широкихъ размѣрахъ фабрики, заводы,— почти для того только, чтобы доказать возможность устройства такихъ же заводовъ, фабрикъ компаніями и превосходство акціонернаго веденія даль фабричныхъ и заводскихъ на большой капиталъ, составленный изъ многихъ малыхъ капиталовъ. Что касается собственно сельско-хозяйственнаго производства, или земледѣлія, преимущество мелкаго землевладѣнія, при настоящемъ складѣ социальныхъ отношеній, предъ крупнымъ такъ очевидно, что едвали нужно его и доказывать. Если ужъ непремѣнно нужно показать и обратную сторону медали, то мы сдѣлаемъ это охотно,— хоть и торопливо. Мелкій землевладѣлецъ крѣпко будетъ дорожить своимъ маленькимъ затратнымъ капиталомъ, составляющимъ все достояніе его и его семейства; онъ самъ, его жена (мы ее предполагаемъ) зорко будутъ слѣдить за ходомъ своего негрошодкаго хозяйства; у него не будетъ ни ох-

ты, ни средствъ прожиться въ столицахъ и за границей; его капиталъ будетъ расходиться въ окружающей его средѣ; онъ не такъ высоко стоитъ надъ сосѣдами, чтобъ интимность взаимныхъ отношеній была немислива или затрудняема, — и самъ онъ, и его вліяніе на окружающую среду будутъ *de facto* способствовать укрѣпленію въ странѣ быта русскаго. Уже то одно, что пятьдесятъ русскихъ семействъ, съ великорусскою (отчасти) прислугой, поселятся на извѣстномъ участкѣ западнаго края, далеко нагляднѣй и дѣйствительнѣе можетъ усилить и сформировать въ немъ жизнь русскую, чѣмъ сомнительное пребываніе въ немъ одного барина, съ заморскими замашками, а нерѣдко и съ тяготѣніемъ къ западу.

Чтобъ окончательно напугать мелкихъ землевладѣльцевъ, поминутая газета разсуждаетъ такъ: „Владѣлецъ долженъ выписать изъ великой Россіи управляющаго, который будетъ получать въ годъ не меньше 300 р., да обрабатывать землю вольнонаемнымъ трудомъ и потерпѣть чистый убытокъ, да заплатить ссуду, отъ чего иманіе чрезъ годъ или два перейдетъ снова въ казну.“ Кроме того, говоритъ таже газета: „имѣнія страшно разорены.... и потребуютъ значительной затраты. Русскіе, продолжаетъ газета, очень хорошо понимаютъ, что при такихъ обстоятельствахъ и думать нечего о приобрѣтеніи участковъ, определенныхъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, почему не обращаютъ и вниманія на всѣ льготы, предоставленныя правительствомъ.“ Всѣ эти неудобства очевидно сочинены, а если отчасти и существуютъ, то всѣ онѣ такъ же могутъ озабочивать мелкаго, какъ и крупнаго землевладѣльца, а нѣкоторыя даже больше послѣдняго, чѣмъ перваго.

Если мелкій землевладѣлецъ (500 десятинъ) непремѣнно обязанъ имѣть управляющаго, если онъ долженъ будетъ „выписывать его изъ Россіи“ (а развѣ западный край Россіи не Россія?) и платить ему въ годъ *minimum* 300 руб.; то крупный землевладѣлецъ (5000 десятинъ) тѣмъ менѣе можетъ обойтись безъ управляющаго; то онъ долженъ выписывать его уже изъ за границы и платить ему въ годъ 3,000 рублей. Но дѣло въ томъ, что мелкій землевладѣлецъ рѣшительно не имѣетъ нужды въ управляющемъ, особенно при настоящемъ складѣ нашей гражданствен-

ности и социальных отношений. Онъ самъ можетъ заправлять своимъ небольшимъ хозяйствомъ; вести свою маленькую бухгалтерію; его семейные помогутъ ему въ этой несложной работѣ; много — много если ему понадобится личность, въ родѣ здѣшнихъ экономовъ, — для присмотра за работой и кое-какихъ мелкихъ услугъ и порученностей. Но и этотъ господинъ легко можетъ быть неуправляющій, выписанный изъ великой Россіи, съ 300 р. жалованья, а привезенный оттуда мелкимъ землевладѣльцемъ грамотный мужичокъ, съ русской честностью и сметой, съ 50 рублевымъ жалованьемъ, на господскомъ содержаніи. Даже не за чѣмъ вывозить подобнаго господина слишкомъ издали, его можно найти, съ большою пользою для дѣла, на мѣстѣ, — въ лицѣ грамотнаго, смысленаго, понимающаго народъ и веденіе здѣшняго хозяйства туземца — простолюдина. Такой надсмотрщикъ за добромъ и хозяйствомъ помѣщика съ охотою согласится исполнять свою должность во-все безъ жалованья, а только за бесплатную аренду какихъ нибудь 15—20 десятинъ земли.

Неудобство въ веденіи сельскаго хозяйства вольнонаемнымъ трудомъ равно касается и мелкаго и крупнаго землевладѣльца. Ужели послѣдній будетъ обрабатывать свою землю барщиной?... Если мелкому землевладѣльцу рабочія руки обойдутся въ 500 рублей, то крупному (при вышеуказанныхъ цифрахъ десятинъ) въ 5000, если не болѣе. Говоримъ: если не болѣе потому, что мелкій землевладѣлецъ, по причинамъ, указаннымъ выше, скорѣе найдетъ и дешевле найметъ рабочихъ, чѣмъ крупный. „Съ воюжъ и взять, — скажетъ здѣшний мужичекъ, какъ не съ богатаго на-на?“ Мелкій землевладѣлецъ не поженируется и самъ попроситъ пособія у сосѣдей въ обработкѣ земли, въ уборкѣ хлѣба съ поля, и нерѣдко управится съ своимъ хозяйствомъ посредствомъ трехъ толоковъ, во время которыхъ истратитъ рублей около 50 на привольное угощеніе услужливыхъ и дружелюбныхъ сосѣдей. Нужно только со стороны мелкаго землевладѣльца маленькое угиѣе приспособиться къ здѣшнему добрѣйшему народу, не корчить предъ нимъ барина, жить съ нимъ по сосѣдски, оказывать мелкія услуги въ его нуждахъ, чтобъ жить, что называется, припѣвалчи.

Конфискованныя и секвестрованные имѣнія точно разорены, но разорены такъ же мелкія, какъ и крупныя, такъ что затрата капитала на устройство ихъ понадобится относительно равно-

кѣркамъ, именно: если мелкій землевладѣлец употребить на этотъ предметъ 500 руб.: то крупный 5000 и даже болѣе, потому что послѣдній захочетъ поставить свой домъ и усадьбу на барскую ногу, тогда какъ мелкій ограничится ничтожною починкою своего домика мѣстными средствами и до окончанія этой работы прожить безъ скуки два-три мѣсяца въ крестьянской избѣ; а затрата 5000 р. слишкомъ будетъ чувствительна для большинства тѣхъ землевладѣльцовъ, которые переселятся въ западный край, тогда какъ 500 рублей найдутся у всякаго, особенно у людей, получающихъ пенсiю или жалованье по службѣ, проходимою на мѣстѣ приобрѣтенія поземельной собственности. Такихъ людей меньше затруднить, въ случаѣ дефицита, и взносъ въ казначейство небольшой ссудной суммы, чѣмъ крупнаго землевладѣльца, который долженъ вести свои дѣла очень осторожно, умѣючи, что называется съ прижимочкой, чтобъ выйдти, какъ говорятъ, на свое, быть состоятельнымъ плательщикомъ предъ казною и не разориться до рубашки.

Мы думаемъ, что на основанiи этихъ, а можетъ быть и другихъ, болѣе глубокихъ, соображенiй, правительство признало болѣе рациональнымъ и цѣлесообразнымъ усиленiе въ западномъ краѣ русскаго элемента посредствомъ возможно большаго распространенiя въ немъ средняго между крупнымъ и мелкимъ землевладѣнiя русскаго. Теперь, когда дѣло это нужно считать порѣшеннымъ, мы могли бы и не обращать вниманiя на газетныя объ немъ разглагольствiя, если бы эти разглагольствiя не возставали противъ важныхъ, очевидныхъ истинъ, не преслѣдовали своего рода панскихъ тенденцiй, не смущали, не сбивали съ толку людей, которые захотѣли бы посвятить свои средства и дѣятельность на усиленiе въ западной Россiи русскаго землевладѣнiя. Большинство этихъ разглагольствiй, какъ видятъ читатели, такъ несостоятельно, что мы коснулись ихъ мимоходомъ для того лишь, чтобы протезеры ихъ не могли сдѣлать лишняго хода, и чтобы, по случаю борьбы съ разными парадоксами, какими обставлена тема о землевладѣнiи въ западномъ краѣ разными панами, — высказать тѣ доводы и соображенiя, на которыхъ опирается истина, — чтобы сказать объ этомъ дѣлѣ послѣднее слово.

Естатн замѣтитъ, что таже газета постоянно трактуеть, о поднятїи интересовъ, объ огражденїи (?) въ западномъ краѣ русскаго землевладѣнїя “ (т. е. русскихъ землевладѣльцовъ), но ни разу не сказала, чего она хочетъ для этого землевладѣнїя, какихъ она домогается для него привилегїй, исключенїй. Известно, что у этого землевладѣнїя ничего не отнято, что оно никѣмъ и ничѣмъ не стѣснено въ мѣропрїятїяхъ къ улучшенїю своего хозяйства, къ поднятїю заводскаго и фабричнаго производства, что оно пользуется даже, какъ и должно быть, многими льготами и преимуществами предъ польскими панамн. Чтожъ ему дать еще, не нарушая законовъ справедливости и существующихъ постановленїй? Не возвратитъ ли, лично для него, крѣпостное право, съ незабвенною барщиной, или хоть съ продолженїемъ обязательныхъ отношенїй къ нему крестьянъ?.....

Правда, ему можно дать преимущество въ средѣ землевладѣльческихъ конгрегацїй и корпорацїй, его можно примкнуть къ мировымъ учрежденїямъ; но первое ему дано уже и *de jure*, и *de facto*, а къ мировымъ учрежденїямъ нельзя примкнуть землевладѣльцевъ какъ въ интересахъ самого землевладѣнїя, такъ и мировыхъ учрежденїй. Землевладѣлецъ есть одна изъ сторонъ, заинтересованныхъ въ томъ самомъ дѣлѣ, которое подлежитъ разбирательству этихъ учрежденїй. Занявшись миротворствомъ, землевладѣлецъ заброситъ бы свое хозяйство и поставленъ былъ бы въ искушенїе клонитъ вѣсы правосудїя на свою сторону — въ разбирательствѣ недоразумѣнїи между собой, или своими собратїями, и крестьянами.

IV.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ПОСРЕДНИКА.

Въ концѣ 1863 года, когда въ Вильнѣ не прекращались еще извѣстія о бродившихъ тамъ-сямъ мятежническихъ шайкахъ, когда, по временамъ, поражалъ воображеніе и тревожилъ сердце слухъ о казни того или другого виновника общихъ бѣдствій; великорусскіе люди, прибывшіе по вызову, на тяжелую службу въ сѣверо-западный край, собирались въ одну дружную семью, въ единственно-свободное время, за обѣдомъ въ Европейской гостинницѣ.

Тамъ, за длиннымъ столомъ, велась оживленная бесѣда, сообщались извѣстія и впечатлѣнія дня; толковали о мѣрахъ по крестьянскому дѣлу, о необходимости однообразнаго повсюду примѣненія преподанныхъ правилъ, о единствѣ цѣли и единствѣ въ стремленіяхъ къ достиженію ея. Собесѣдники были все свои люди. Рѣдко-рѣдко появлялось незнакомое лицо помѣщика изъ инфляндскихъ или жмудьскихъ уѣздовъ, не совсѣмъ еще успокоенныхъ, пріѣхавшаго прислушаться къ общественному мнѣнію, къ тону распоряженій главнаго начальника края, и выразить, вопреки въ систему, обжалованіе дѣйствій повѣрочныхъ комиссій.

Полякующее населеніе города уединилось тогда въ семьи и костелы, гдѣ оно возносило, какъ и теперь продолжаетъ возносить, горькія lamentаціи къ св. патронамъ старой Польши, къ идолу Рима, къ націи Франціи, моля о помощи противъ водворяемаго въ край русскаго порядка. Пріѣзжіе изъ уѣздовъ дѣятели съ восторгомъ сообщали о подъемѣ духа русскаго народа, о сочувствіи къ мѣрамъ, принимаемымъ для подавленія мятежа, о добродушномъ юморѣ бѣлорусскаго крестьянина, пробуждавшемся при облегченіи невыносимой дотогѣ участи.

Помню одинъ разговоръ: когда въ Опшяномъ уѣздѣ предсѣдатель повѣрочной комиссіи объявилъ сельскому обществу о совершившемся выкупѣ, поздравилъ ихъ съ согласіемъ на его условія владѣльца (что значительно сокращало процедуру выкупной операціи, и что — между прочимъ — не помѣшало владѣльцу обжаловать выкупной актъ, по настоянію единовѣрцевъ-помѣщи-

ковъ); предсѣдатель, объявивъ, что Государю Императору угодно, чтобъ каждый изъ крестьянъ на своемъ дробномъ участкѣ былъ бы столь-же полновластнымъ хозяиномъ, какъ и помѣщикъ въ своемъ большомъ имѣніи; объяснивъ за тѣмъ необходимую взаимную зависимость крупнаго и мелкаго владѣльцевъ, — ибо первому нужна работа, а второму угоды, невонедшія въ его надѣль, — онъ пригласилъ крестьянъ поблагодарить г-на В.....о за уступчивость его, и тѣмъ дать комиссіи увѣренность, что она оставитъ имѣніе въ совершенномъ мирѣ. Изъ толпы крестьянъ выступилъ подстарокъ, лѣтъ сорока семи; лицо его обросло бородами, ибо онъ не брился во время двухъ-недѣльныхъ путешествій комиссіи изъ деревни въ деревню, съ воли въ лѣсъ, изъ одной курной избы въ другую. Прежде-временно сторбленный станъ и глубокія морщины свидѣтельствовали, что мужичекъ навидался нудовъ. Онъ вышелъ изъ толпы; не спуская глазъ съ помѣщика, который сидѣлъ на лавкѣ понуривъ голову, онъ согнулся въ похвальной поклонъ и внятно проговорилъ: «дакуемъ-же (*dalekie*) васъ паночку, и все панство, что вы взбунтовались: инакъ-бы намъ въ вѣкъ такого добра не дочекаться.»

За однимъ изъ такихъ обѣдовъ, когда у насъ шла рѣчь о томъ какими способами, какими мѣрами, какими рядомъ мѣръ можно достигнуть полнѣйшаго объединенія здѣшняго края съ внутренними областями, отъ которыхъ долго отдѣляли его: невымершія шляхетскія городскія и мѣстечковыя привиллегіи, забитость народа, навязанные латинскою Польшею и въвѣшися въ складъ его жизни обычаи, предрасудки и превыше всего римскій обрядъ въ дѣлѣ вѣры, — обрядъ, который, идучи отъ принципа главенства папы, воплотился здѣсь въ есендзѣ, панѣ, шляхтичѣ, домохозяинѣ и безземельномъ и безотрадномъ батракѣ, затопивъ инстинкты свободной души и свободной совѣсти въ морѣ польскихъ и польско-жмудьскихъ кантычекъ, текстъ которыхъ, обязательный для всякаго движенія ума, души и сердца, при запуганности пеломъ и чистилищемъ, при одурающемъ свойствѣ звуковъ костельнаго органа, при безнравственномъ началѣ неженатаго есендзовства, при непонятности языка прекрасной въ сущности, хотя и извращенной литургіи — создалъ несуществующее въ другихъ христіанскихъ странахъ полу въ вѣрованіи, въ жизни, въ обычаѣ, въ отношеніяхъ землевладѣльца, будь то панъ, шляхтичъ, домохозяинъ — къ безземельному батраку. И это — въ народѣ всецѣло русскомъ, по происхожденію, по языку и по нѣкоторымъ бытовымъ особенностямъ, недобитымъ ревнивымъ и скользящимъ по верку латинскимъ поличествомъ.

Я расказывалъ, какъ въ деревнѣ, къ удивленію моему, крестьянинъ, говорившій со мною по русски, называлъ себя полякомъ, когда я спросилъ какого онъ вѣроисповѣданія. «Да ты по польски знаешь?» — Ни-ни. — «А въ костелѣ какъ тебѣ читаютъ?» — По польскому да по латинскому. — «Въ нашихъ же церквахъ случалось

тебѣ быть?» — И не разъ; мы часто на-мину (обѣдию) туда даемъ. Вотъ и теперь, чтобъ Бога подяковать за волю царскую, мы къ священнику ходили: всендѣ не умѣеть за Царя да за вольность нашу молиться.» — «А понимаеть-ли ты, что въ церкви священникъ читаетъ?» — Чему не понять: онъ по-просту читаетъ.— «Отъ чего же вы всѣ въ церковь не войдете?» — Нельзя, мы польской вяръ.— Значить, заключилъ я рассказъ: сущность полячества крестьянина не въ языкѣ вѣроисповѣданія и молитвы, а въ чемъ то другомъ, что едва ли не одно и самого поляка отъ русскаго отдѣляетъ,— въ вѣрѣ, да въ обычаяхъ. А при стремленіяхъ пановъ и шляхты къ старой гражданской Польшѣ, живущей доселѣ въ Царствѣ Польскомъ, не оттянете вы отъ Польши народъ переводомъ богослуженія польско-латинскаго на русскій языкъ; онъ останется еще крѣпче привязаннымъ къ костелу (*); а костелъ преисполненъ преданій и завѣтовъ старой Польски въ *Commissio Sanctorum*, въ братствахъ, въ календарѣ святыхъ, въ историческихъ воспоминаніяхъ, освященныхъ костельными торжествами....

Противъ меня сидѣлъ и внимательно слушалъ незнакомый всѣмъ намъ господинъ, съ подстриженною своєю борождою, съ астрелинымъ взглядомъ, съ улыбкою нѣсколько сардонической.

— Ничего вамъ госнода не сдѣлать, если не рѣшится пройти обратно весь тотъ путь, который прошли іезуиты для ополченія здѣшняго края.— Тамъ отозвался неожиданно и непрощенно сидѣвшій противъ меня незнакомецъ. И не въ одномъ русскомъ сердцѣ присутствовавшихъ собесѣдниковъ неприятно зазвучалъ дидактическій тонъ вмѣшавшагося въ разговоръ господина. Ну свойственно-ли русскому человѣку, въ основѣ понятій котораго сознательно или бессознательно лежитъ православная терпимость, даже подумать о возможности приняться за іезуитскую дѣятельность: въ которой воспитывается въ латинскомъ мѣрѣ людей начало римскаго папства? Намъ свойственнѣе повторять Святославою рѣчь «Иду на васъ», и ложиться въ землю костью— «мертвіи бо сраму не имуть», нежели пускаться въ лабиринтъ іезуитскихъ ухищреній, римскихъ подкоповъ, польско-латинскихъ вонючихъ камуфлетовъ, разряжающихся убійствами подъ покровомъ ночи, послѣ фанатической молитвы, оскорбляющей благость Божію въ костелахъ, называемыхъ христіанскими храмами!....

Послѣ обѣда подошелъ ко мнѣ маіоръ П. и спросилъ: — а вы не знаете кто этотъ господинъ? — «Нѣтъ.» — Презамѣчательный, батюшка, онъ латинянинъ, помѣщикъ Н. узда, фамилія его какая-то мудреная. Онъ являлся сегодня къ Михаилу Николаевичу: предлагалъ принять православіе, построить въ имѣніи церковь, пожертвовать на часовню четыреста рублей: просто чудеса! хо-

(*) Мы совершенно противнаго мнѣнія съ авторомъ, въ этомъ отношеніи.

тите съ нимъ познакомиться?» — Охотно, приходите ко мнѣ на верхъ чай пить.

Черезъ полчаса, сидя въ своемъ номерѣ, я услышалъ раздававшіеся по корридору зычный голосъ маіора и вкрадчивый голосокъ незнакомца, приближавшіеся ко мнѣ.

Изъ послѣдовавшаго разговора узналъ я, что господинъ съ мудреною фамиліею дѣйствительно пріѣхалъ съ предложеніемъ принять его съ четырьмя сыновьями въ православную церковь; жену и дочь онъ не тревожить, оставляетъ ихъ въ евангелическомъ исповѣданіи; желаетъ онъ вызвать изъ внутреннихъ губерній безземельныхъ (?) крестьянъ, отдать имъ всю оставшуюся у него за надѣломъ землю на выкупъ, на общихъ основаніяхъ; построить для нихъ церковь и присутствіемъ ихъ въ край надѣется вліять на обрусѣніе сосѣднихъ ополяченныхъ крестьянъ. Все это онъ дѣлаетъ не изъ религіознаго убѣжденія, ибо въ этомъ отношеніи ему болѣе нравится исповѣданіе жены, — легче какъ-то, промолвилъ онъ цинически, двигаетъ-же имъ политическая необходимость: онъ предвидитъ паденіе въ край латинства, да къ тому-жъ ему хочется воспользоваться тѣми льготами, которыя вѣроятно правительство дастъ православному населенію. Ополяченный латинскою вѣрою народъ онъ полагаетъ возможнымъ привлечь немедленно къ православію, предложивъ имъ, какъ поощреніе, уменьшенную оцѣнку ихъ надѣла, — но ужъ не такую, конечно, которая разорила бы помѣщиковъ, ибо и сіа могутъ пригодиться.

«Что же на все это отвѣчалъ вамъ Михаилъ Николаевичъ?»

— Когда я высказалъ началнику края все-то, что теперь передалъ вамъ, онъ еще разъ спросилъ меня: такъ сколько дѣтей вы присоединяете къ православной церкви? — Четырехъ, отвѣчалъ я. — «Ну хорошо: дастъ Богъ, эти сдѣлаются порядочными людьми.»

Много воды утекло со времени этого разговора, — прошло слишкомъ два года. Въ различныхъ концахъ этого края, много сужденій объ этомъ предметѣ пришлось мнѣ услышать. Помню одного О — го барина, который называлъ негодеемъ моего виленскаго знакома, а о себѣ сказалъ, что если бы его обстоятельства довели до необходимости отказаться отъ римской вѣры, то онъ ни за что не пошолъ-бы въ православіе: «что за охота? тѣже посты, тѣже лишенія, — да еще строже пожалуй: то ли дѣло протестантство: не тяготитъ, не обязываетъ, и желудокъ никогда не беспокоитъ.» — Потомъ, помню цѣлое общество Д — хъ помѣщиковъ, которые въ прозвѣтѣ всеподданнѣйшаго адреса выражали убѣжденіе свое въ необходимости разъ навсегда отказаться отъ вліяній Варшавы и Рима; просили назвать ихъ русскими, отобрать у нихъ всѣ польскія книги, позволить имъ бросить фамиліи навязанныя имъ польскими королями, и принять по нормандскому обычаю, новыя прозвища; перевести имъ римскую литургію на русскій языкъ, и, возвративъ право служить своему Государю на

всѣхъ степеняхъ государственной службы, дать имъ слиться съ русскими въ вѣрѣ.» Отчего же вы прямо не заявляли желанія присоединиться къ православной Церкви?— «Первоначальный текстъ адреса такъ и былъ мною составленъ; но предводитель нашъ (генераль русской службы) замѣтилъ, что этимъ можетъ оскорбиться правительство, которое заключило съ римскою церковью конкордаты. (Къ сожалѣнью, я забылъ удостовѣриться отъ рассказчика, представленъ ли былъ на самомъ дѣлѣ этотъ адресъ, или остался только прозектомъ.) Но какъ-бы то ни было, продолжалъ авторъ адреса, только скорѣе, скорѣе что нибудь нужно дѣлать; мы видимъ, что насъ тѣснятъ; контрибуціями хотятъ заставить продать имѣнія; поощряютъ великорусскихъ покушниковъ (дѣло было въ 1864 г.).— «Какъ нестыдно вамъ? вы сами знаете разстройство вашихъ хозяйствъ; вы знаете отсутствіе всякой промышленной дѣятельности въ краѣ; поощряя на покупку здѣсь имѣній великорусскихъ людей, правительство просто хочетъ прилива свѣжихъ силъ, свободныхъ капиталовъ.— «Да! хорошо если бы пріѣхали покупать имѣнія люди—нашъ братъ, съ которыми можно было-бы идти душа въ душу, рука въ руку,— а то найдутъ бородачи этиакіе....—

Помню еще въ томъ же уѣздѣ барыню, княгиню Л—ю, которая, послѣ утратительнаго разбора жалобы молодаго крестьянина-сироты на отнятіе мужемъ княгини всего скота, всего хозяйства покойнаго его отца,—отказывалась вознаграждать очевидную и доказанную несправедливость; и горячо защищаясь, что не она, а мужъ ея въ томъ виновенъ, глотала, въ перемѣшку со слезами нервного раздраженія, ложку за ложкой малину со сливками. Посредникъ,—письмоводителю котораго она, въ утро того же дня, дерзнула, съ цѣлію *être au courant des affaires*, дать денегъ, стоя предъ нею, взывалъ ко всѣмъ благороднымъ чувствамъ, которыхъ тайники предполагалъ онъ только заглушенными въ ней латинопольскою пыхою, взывалъ къ памяти ея мужа, къ дѣтямъ, которые, быть можетъ, несутъ на себѣ тяжесть проклятій и стонотъ неоправданныхъ бѣднѣе:—княгиня оставалась непреклонной. Собесѣдникъ напомнилъ, что сливки, которыя она кушаетъ, можетъ быть, идутъ отъ той коровы, которая отнята у сироты: княгиня возмущалась и бросила ложку, скушавъ послѣднія капли розовой жидкости. Собесѣдникъ сталъ взывать къ памяти ея славныхъ предковъ, столповъ и подвижниковъ православія и русской народности въ краѣ: княгиня положительно возмущалась, и изъ глубины своего кресла, обнаживъ немолодое уже плечико, съ драматическимъ жестомъ вскрикнула: *Taisez-vous, monsieur! mon pays se meurt, et vous voulez que je l'abjure.* (*)

(*) Что говорите вы? моя отчизна гибнетъ, а вы призываете меня къ отреченію.

Вспоминаю еще одно здѣшнее свѣтло, столбъ учести не чести краевой археологін, графа Т—а, который, показывая портреты предковъ, съ гордостью именовавъ дѣателей изъ своего рода, канцлеровъ, скарбіевъ, монахинь, служившихъ въ XVII и XVIII вѣкѣ вѣрою и правдою латинско-польской идеѣ на русской Литвѣ; онъ прошелъ мимо тутъ-же стоявшаго надгробнаго памятника, надпись коего скромно гласила славянскимъ полууставомъ, что въ 1558 году представился рабъ Божій Остафей Васильевичъ Т—чъ.

«Зачѣмъ держите вы, графъ, рядомъ съ ополченными предметами памятники православнаго родоначальника, предъ которыми потомки его могутъ устыдиться?»

— Ничего; вѣдь гораздо прежде еще предки мои были язычниками.... —

Таковы крайнія воззрѣнія на религію и на патриотизмъ; а вотъ образчики воззрѣній на общественное благоустройство.

Въ Д. уѣздѣ одинъ подпоручикъ Ку—вичъ подалъ посреднику жалобу на то, что сосѣдніе съ его усадьбою крестьяне не дадутъ ему владѣть землею, которую онъ недавно, мѣсяца три назадъ купилъ отъ ихъ бывшаго помѣщика. Въ уѣздѣ этомъ, отдаленномъ отъ центральнаго управленія, забытомъ людьми и начальствомъ, гдѣ военную власть держалъ въ рукахъ полякующій полковникъ, гдѣ предводительствовали протестующій доселѣ противу положеній 19-го февраля отставной генералъ-майоръ — въ лѣто спасенія 1864 царилъ во всей силѣ крѣпостное состояніе крестьянъ. Гг. помѣщики, съ помощію своихъ мировыхъ посредниковъ, такъ называемаго польскаго происхожденія, поспѣшили, предваряя правила, совершить квази-полюбовное разверстаніе угодій такимъ образомъ, что за крестьянами оставили ихъ усадебную, полевою и сколько приходилось между пахаты покосную землю, съ платомъ по три рубля отъ десятины. Оставшюся-же, въ лѣсныхъ покосахъ и пастбищахъ оставили за собою, опираясь на совѣтъ влиятельнаго собрата изъ Литвы, пролившаго въ нѣкоторомъ родѣ кровь за отечество, который писалъ такъ: «нигдѣ въ уставахъ не сказано, чтобы, ежели не достаетъ у крестьянъ пастбищной земли, на дѣлять ихъ таковою по моргу.» Такъ и слѣдали; ни въ одной уставной грамотѣ не показали ни лѣсныхъ покосовъ, ни пастбищъ, бывшихъ въ пользованіи крестьянъ за повинности; и отдѣленную, и легальнымъ способомъ отмежеванную отъ крестьянъ землю стали имъ отдавать за квази-добровольно условную работу отъ двухъ до пяти дней съ двора въ недѣлю. Какъ видите, уѣздъ составлялъ медвѣжій уголъ, непочатой край забытыхъ крестьянъ, которые два года только назадъ выдержали экспедицію храбраго Абрамсона (*), приходившаго оружіемъ и розгами разяснять темнымъ людямъ свѣтлыя стороны мѣстнаго положенія.

Возвращаюсь къ моему Ку—вичу. Жалоба на насилія крестьянъ до крайности удивила посредника, которому доселѣ прихо-

(*) Не Кренкенсапа-ли только?

дѣлось встрѣтиться только съ совершенно противоположными заявленіями. Назначивъ срокъ, на пути въ городъ, вмѣстѣ съ прибалтійскимъ барономъ, прѣхавшимъ въ уѣздъ поучиться хозяйству у полякующихъ, въ красный іюньскій полдень, прибылъ посредникъ на мѣсто. Миновалъ хорошенкій, уютный господскій домъ продавицы, стоящій вотъ-вотъ отъ большой дороги, миновавъ деревню въ двадцать семь разваливающихся хатъ, въ которыхъ жили злые обидчики скромнаго подпоручика; миновавъ деревенское поле съ перелѣскомъ, путники прибыли на спорную землю. Земля эта какъ разъ лежитъ между крестьянскимъ полемъ и межою г. Ку—вича, и на ней ясно видно продолженіе полосъ крестьянскаго поля, невспаханныхъ послѣ яроваго минувшею осенью и ожидающихъ удобренія подъ парь. Подпоручикъ предъявилъ купчую, писанную въ апрѣлѣ, по польски, на простой бумагѣ, нигдѣ неявленную, и въ которой послѣдняя статья говорила, что если означенная продажа не будетъ утверждена начальствомъ, то продавица обязана возвратитъ покупщику взятыя деньги восемьсотъ рублей. А продавица, изъ знатнаго дома Подбиятовъ, въ апрѣлѣ нуждалась въ деньгахъ, для облегченія участи мужа, сидѣвшаго за участіе въ мятежъ въ Двинигородской крѣпости. Крестьяне, объявляя о семъ, утверждали, что спорная земля составляла исконное ихъ пользованіе, и, въ послѣдніе десять лѣтъ, посѣвъ на ней господскаго льна, съ уборкою ихъ трудомъ, служилъ обезпеченіемъ исправнаго взноса государственныхъ повинностей.

Пошли по межѣ; дошли до озера; взглянули на разстилавшіеся дуга сосѣднихъ владѣльцевъ, рядомъ съ усадьбою г. Ку—вича, отъ которой новая межа дѣлала совершенно неправильное уклоненіе. На обратномъ пути, посредникъ, окруженный тяжущимися, увидѣлъ вдаль, вѣхавшую въ нимъ на встрѣчу телѣжку, въ которой сидѣли пани и слуга. «А вотъ и наша К....овская, сказали крестьяне. Посредникъ взялъ на лѣво — телѣжка взяла на право; посредникъ взялъ лѣвѣй — телѣжка взяла правѣе. Наконецъ на пути встрѣтился болотистый оврагъ, отъ котораго телѣжка повернула назадъ и остановилась у креста на распутиѣ. У этого креста сошлись посредникъ съ своимъ товарищемъ, тяжущіеся и пани, сидѣвшая въ телѣжкѣ.

Пани, прехорошенькая блондинка съ густыми русыми косами, сдавленными гарибальдійкой, на которой торчало красное перо — москальская крѣвь. Стройный станъ ея облекало черное суконное платье съ плерезами; станъ стягивалъ литовскій пасъ съ огромною бляхой, на которой красовались гербы Литвы и Польши. Черныя перчатки оканчивались у полулоктя лакированными раструбами. Изъ подъ черной сукни выглядывала кокетливо ножка въ лакированомъ крошечномъ сапожкѣ. У барона намокли углишки рта.

« Я мамъ гойоръ... и проч. начала кшнпшнвшпкать хороненькая мятежница.

Безстрастный посредникъ не понималъ по польски, невѣжда! «*J'ai l'honneur*.... и проч. принялась, грасируя пани.

Невѣжда посредникъ моталъ головой.

« Але штожь я буду дѣлать! я не умѣю говорить по московски. Мне срамъ говорить съ паномъ посредникомъ по хлопску...»

— Продолжайте, сударыня, я васъ понимаю.

« Я принесла плянъ,—начала мятежница, и продолжала очень чисто по русски;— чтобъ доказать, что земля, на которую притязаютъ хлопы, есть наша собственная; она называется Станиславувка, въ честь мужа моего, а не такъ, какъ ее называютъ.... эти... хлопы.

Посредникъ сталъ разсматривать плянъ 1814 года, на которомъ спорная земля значилась деревенскою. Свѣжею краскою наведена была новая межа, и позднѣйшими чернилами написана была злосчастная Станиславувка.

— Сударыня, началъ послѣ внимательнаго обсужденія посредникъ: спорная земля, и по вашимъ словамъ до прошедшаго года обеспечивала уплату крестьянами государственныхъ повинностей; купчая не имѣетъ ни малѣйшей тѣни законности; представленный вами плянъ поддѣланъ; я его приму къ дѣлу; мнѣ кажется, что крестьяне имѣютъ полное право на проданную вами г. подпоручику землю.

« Какъ легко отдавать чужое, произнесла патетически хороненькая пани, съ миною глубочайшаго презрѣнiя,—и разомъ, перемѣнивъ ее на привѣтливую, сказала: а можетъ панъ посредникъ не откажетъ заѣхать ко мнѣ выпить шклянку гербаты?»

Посредникъ уклончиво отговорился.

Отойдя въ сторону, сѣлъ онъ на край полевой канавы, досталъ изъ портфеля бумагу, и принялся писать на колѣняхъ изложение дѣла съ рѣшенiемъ. Подошелъ прибалтiйскiй баронъ.

« Послушайте, *cher collegue*, началъ онъ: *votre decision est injuste*; какъ основывать принадлежность земли на обязательствѣ обрабатывать ее, хотя бы-то для исполненiя государственныхъ повинностей...»

— Не знаю, баронъ; я не стою за непререкаемую справедливость моего рѣшенiя. Г-жа К...овская имѣетъ тридцать дней на обжалованье его въ губернскомъ присутствiи.

Рѣшенiе написано, подписано и объявлено. Въ него вошли условiя вознагражденiя крестьянъ за работу, на случай, если бы губернское присутствiе не признало ихъ правъ на землю.

Пани горделиво выслушала чтенiе; она отказалась подписать объявленiе ей рѣшенiя за неумѣнiемъ грамотѣ. Подпоручикъ отказывался—ибо дѣло его не касается; и только тѣмъ доводомъ убѣдился, что по его вѣдѣ просьбѣ и назначено было разбирательство. Пани сѣла въ телѣжку; изъ нея, какъ бы изъ труи-

фальной колесницы, послала ни къ кому лично не относившійся горделивый поклонъ и поѣхала.

Черезъ четверть часа тронулись и мы съ барономъ, отказавшись отъ принужденно-радушнаго приглашенія подпоручика отдохнуть у него въ домъ.

Въѣзжая въ деревню, издали, на другомъ концѣ ея, увидѣли мы телѣжку Г-жи К...овской и ее саму, разговаривающую съ какою-то женщиною.

« Видите ли, началъ баронъ, какъ вы несправедливы, обвиняя полекъ въ недоброжелательствѣ къ хлопамъ. Видите ли, какъ она добродушно разговариваетъ съ деревенской женщиною.

— Поручусь, баронъ, что собесѣдница ея жидовка.

Такъ и вышло. Когда мы ровнялись съ паней, добродушно бесѣдовавшей съ шинкаркою—этою шивкой принадлежавшей ей деревни, г-жа К...овская закричала:

« Господинъ посредникъ, господинъ посредникъ!.... я имѣю до васъ интересъ.

Посредникъ вышелъ: —Что вамъ угодно, сударыня?

« Вотъ хлопы обижаютъ гету бѣдную женщину.» Посредникъ занесъ въ свою книжку жалобу еврейки.

« Очень прошу васъ, начала опять хорошенькая мятежница, зайдѣте ко мнѣ пить гербату.»

— Послушайте, милая пани; мнѣ жаль вашей молодости,—сказалъ ей посредникъ....

« Ахъ! будьте мнѣ другомъ....

— Позвольте; мнѣ жаль, что вы, по легкомыслію своему, являетесь даже предъ крестьянами, которые, знаете, не имѣютъ повода вамъ доброжелательствовать, въ полномъ нарядѣ мятежницы: къ чему эти символы бесплоднаго возстанія, которое уже столько зла вамъ надѣлало и васъ лишило мужа?...

« Моего мужа скоро выпустятъ.... мнѣ обѣщаль П.....

— Но пока его выпустятъ, съ васъ возьмутъ штрафъ за эти глупые символы.»

Пани смѣяла посредника съ ногъ до головы: «Я думаю, что это дѣло полиціи.

— Да вѣдь дѣло общественнаго благоустройства, лежитъ близко къ сердцу каждаго гражданина.

« Я думала, что имѣю дѣло съ человѣкомъ цивилизованнымъ...»

Посредникъ представилъ ей барона, и продолжалъ:

— Вы сказали цивилизованный; да вѣдь во всѣхъ цивилизованныхъ странахъ каждый членъ общества есть хранитель общественнаго благоустройства.

« Да, то можетъ быть въ странахъ цивилизованныхъ, але не въ нашей барбазинской.... Да вы, что....

— Я вмѣстѣ съ другими изъ внутреннихъ губерній и пріѣхаль, чтобы внести въ страну вашу неизвѣстную ей цивилизацію.... по-

рядка и правды.... Поэтому, и серьезно, какъ чиновникъ, и сердечно, какъ человекъ, прошу васъ, снимите этотъ поясъ.

« Никогда! съ сердцемъ моимъ его отъ меня вырвать.

— До сердца вашего никому дѣла нѣтъ, а штрафъ заплатите.

« Нѣтъ, — вы гетого не сдѣлаете.

— Сдѣлаю, если не снимете пояса, и не отречетесь отъ вашихъ гадкихъ чувствъ, неприличныхъ такой хорошенькой женщины.

« Забѣдьте ко мнѣ гербату выпить.

— А поясъ снимете?

« Нѣтъ.... можетъ быть....

— Скажите навѣрное; и по русски говорить будете?

« О, да.

— Баронъ угодно?... Баронъ быстро выскочилъ изъ тѣлѣги... и два спутника зашли къ интересной пани.

Четверть часовое пребываніе въ домѣ несправимой мятежницы заслуживаетъ особаго описанія: но ей! ей! скверно вспоминать гостепримство, при которомъ, подавая вамъ чай, хозяйка отклебываетъ отъ него глотокъ, чтобы увѣрить васъ въ его безвредности — что-ли; при этомъ наповалъ ругаетъ русское правительство; не хочетъ сознаться, что между русскимъ и ополченнымъ литвиномъ единственное средостѣніе — это есендъ, та латинская чужаеда, которая запустила свои корни подъ здоровую славянскую древесину. И при этомъ слезы — нервныя, улыбка — сирены, жалобы — желчи, движенія — вакханки....

Недѣлю спустя, она заплатила двадцать пять рублей штрафа, по рѣшенію военного начальника.

Переносусь памятью въ глубь Жмуди, въ П.....й уѣздъ, перерѣзанный рѣчками, болотами, перелѣсками, лѣсами, и гдѣ пресловутая Зеленка (лѣсъ на границѣ П.....го и В.....го уѣздовъ) дала столь печальный пріютъ виновникамъ, вожакамъ и жертвамъ печальной памяти мятежа 1863 г.

Старая Жмудь, святая, какъ называютъ ее послѣдователи римскаго обряда, очевидноѣ другихъ областей сѣверо-западной нашей окраины, носить на себѣ слѣды религиозныхъ и политическихъ насилій олатиненной Польши. Безусловный фанатизмъ крестьянъ по отношенію къ обрядности, составляющей всю сущность ихъ вѣрованій, служить причиною, что всѣ навязываемыя здѣшнему краю латинскія обоготворенія пустили корни глубже, и живучи болѣе, чѣмъ гдѣ либо. Жмудь, изъ міра языческаго переведенная подъ мечъ крестоносцевъ и Ягеллы въ область христіанскую, съ трудомъ разставалась съ языческими обрядами и обычаями. Уважая этотъ рычагъ, индугентное римское духовенство создало для Жмуди особаго рода христіанство, въ которомъ, такъ сказать, всѣ лица Божества, всѣ обряды церкви, всѣ символы вѣрованій, весь календарь святыхъ примѣнены были къ языческимъ понятіямъ вроткаго, ди-

каго въ тѣсахъ своихъ, населенія — при единственномъ условіи безропотнаго повиновенія жрецамъ новаго закона.

Это язычество (*) каждому побывавшему на Жмуди дѣлается осязательнымъ. Празднованіе купалойца, о которомъ рассказано было въ «Виленскомъ Вѣстникѣ» 1865 г.; сдѣланный въ томъ-же Вѣстникѣ за 1864 годъ разборъ молитвенниковъ, этой единственной, созданной латинскимъ клиромъ для Жмуди литературы, и рассказъ «Святая Жмудь», въ «Вѣстникѣ западной Россіи», уясняютъ умственное состояніе жмудскаго крестьянства. Нравственное состояніе, столь сильно влияющее на гражданскій бытъ населенія, бросается въ глаза. Тамъ, гдѣ женщина, дѣвушка, считаютъ для себя оскверненіемъ преступную связь съ лицомъ, принадлежащимъ къ клиру; гдѣ всякое преступленіе, не исключая кровосмѣшенія и дѣтоубійства, покрываются снисходительною индугенціей, подъ единственнымъ условіемъ вѣры въ непогрѣшимость человѣка, стоящаго въ главѣ клира, тамъ должны являться воплощенными въ гражданскую жизнь всѣ виды разительнѣйшаго уродства.

И они являются. Являются въ формѣ огромныхъ семей, гдѣ всѣ братья и сестры, давъ обѣтъ безбрачія, представляютъ изъ себя прудоновскій фаланстеръ, въ которомъ дѣтки суть общее произведеніе и достояніе; тамъ онѣ воспитываются общими усиліями и проводятся на общій счетъ чрезъ четыре класса гимназіи — въ ступенямъ алтара. По упраздненіи монастырей, принимавшихъ въ 1831 году дѣятельное участіе въ мятежѣ, образовалось въ сороковыхъ годахъ братство краснаго шкаплера, которое переноситъ уставы монашескіе и ихъ дисциплину въ семейную и общинную жизнь: вотъ объясненіе уродства безбрачныхъ семей, изъ которыхъ набираются ретивѣйшіе девоты и девотки, вѣрнѣйшіе проводники въ народъ всякой политико-религіозной пропаганды.

Латинское понятіе духовнаго главенства и первенства породы и развило въ громадныхъ размѣрахъ батрачество. Люди, читающіе грамоту народной жизни по верхамъ, незнакомые съ ея азбукой, остаются весьма довольны сравнительнымъ благосостояніемъ жмудскаго и литовско-русскаго мужика-домохозяина, предъ тягостнымъ по видимому положеніемъ велико-русскаго крестьянина, связаннаго въ своей волѣ общинною обязанностію — заботиться о благосостояніи семьи, дома. Дѣйствительно, жмудскій крестьянинъ-домохозяинъ одѣвается въ сюртукъ, пьетъ кофе и кисленькое покуное вино, ѣстъ круглый годъ мясо: подбородокъ его, чисто выбритый, круглѣт и гладокъ. Въ божниче жмогусъ (**) ѣдетъ по праздникамъ въ телѣжкѣ съ женою — но не съ дѣтьми — на жмудскомъ рысаѣ. Поле жмогуса хорошо воздѣлано и даетъ обильный урожай. Произведенія своего поля жмогусъ ве-

(*) „Святая Жмудь“ въ 3 кн. Вѣст. Зап. Россіи.

(**) Жмогусъ — человекъ, такъ называютъ себя жмудины.

зеть даже изъ Россіенскаго уѣзда въ Ригу, гдѣ, впрочемъ, дагѣ этого берега Двины его не пускаютъ, обяывая, по нѣмецкимъ законамъ, продать зерно на этой сторонѣ, такъ, что изъ всѣхъ каждагодно ѣздящихъ съ хлѣбомъ въ Ригу, я не встрѣтилъ ни одного, который бы побывалъ въ этомъ городѣ.

Но такихъ жмогусовъ домохозяевъ одна шестая часть населенія, остальные безземельные и безправные (по мѣстнымъ условіямъ батракъ не имѣетъ голоса на сельскомъ сходѣ). Эти безземельные дѣлятся на батраковъ и кутниковъ. Люди эти, свободные въ своемъ *freye Bewegutig* обеспечены на столько, на сколько имъ служатъ ихъ физическія силы; батракъ въ полномъ смыслѣ вольная птица, но не дагѣ предѣловъ своего общества, изъ котораго собраніе домохозяевъ не легко выпускаетъ его, рассчитывая справедливо, что чѣмъ болѣе оно имѣетъ въ своемъ распоряженіи работниковъ, тѣмъ дешевле обойдется ему обработка его полей. Батракъ не женится потому, что быть его ничѣмъ не обеспеченъ. Женившійся сгѣшитъ попасть въ кутники, т. е. занимается у домохозяина уголь съ ключомъ огорода, за который по большей части отработываетъ личнымъ трудомъ. Самъ домохозяинъ есть личный собственникъ своего участка, и въ правѣ его собственности не участвуетъ ни одинъ изъ членовъ его семьи, которою онъ тѣмъ полновластнѣе распоряжается, что она всецѣло отъ него зависима. Здѣсь прекрасное семейное начало сходится съ самымъ грубымъ деспотизмомъ; нерѣдки примѣры, что дядя, выросившій, во время малолѣтства собственной семьи, сироту—племянника, пользовавшійся его работою до возраста дѣтей, по пришествіи этихъ въ силу, выгоняетъ сироту въ батраки, безъ всякаго сожалѣнія. Родной отецъ, выдавъ дочерей за людей, ему понравившихся, гонитъ родныхъ сыновей изъ дома, безъ всякаго выдѣла—и тѣ идутъ увеличивать толпу безземельныхъ батраковъ. Во время набора 1865 года, помню случай, когда отецъ, на волостномъ сходѣ, безъ милосердія приговорилъ отдать въ рекруты старшаго сына, домохозяина, женатаго, семейнаго, за то, что этотъ его, устарѣвшаго, вмѣстѣ съ другими сыновьями выгналъ изъ дома въ батраки.

Я помню здѣшнихъ помѣщиковъ, которые согласно утверждали, что въ Россіи не процвѣтетъ сельское хозяйство доколѣ не образуется въ ней по образцу западной Европы рабочей пролетаріатъ. Одинъ изъ крупныхъ богачей, имѣвшихъ вліяніе на сочиненіе мѣстнаго положенія, пресерьезно утверждалъ, что крестьянинъ долженъ ѣсть хлѣбъ съ мякиною, ибо мякина замѣняетъ ему мясо, такъ какъ она заключаетъ въ себѣ значительную долю фосфорана. Помню другаго, который, при вопросѣ о надѣленіи безземельныхъ, пресерьезно увѣрялъ, что крестьянину нуженъ самый крошечный участокъ земли, чтобы не обременить его несоизмѣрною съ его физическими силами повинностію; помню—увы—авторитетное мнѣніе неполява и не полякующаго, что безземель-

нихъ должно, какъ можно ограниченнѣе надѣлять, чтобы сохранить для землевладѣльцевъ достаточное число рабочихъ рукъ.

За то встрѣтилъ я помѣщика, который, говоря о бывшихъ отношеніяхъ своихъ сосѣдей въ крестьянамъ, выразился предъ жандармскимъ начальникомъ, что десять лѣтъ своей жизни онъ посвятилъ на улучшеніе быта крестьянъ, съ цѣлю искупить грѣхи своихъ предковъ. Но этотъ же самый господинъ, при отказѣ двухъ безземельныхъ крестьянъ принять надѣляемые имъ участки, вслѣдствіе того, что въ недавнее крѣпостное время, вмѣстѣ съ землею, были у нихъ отобраны помѣщикомъ и скотъ и хозяйственныя орудія и весь рабочій инвентарь, требовалъ, чтобы участки эти отдать не крестьянскому обществу, а ему г. М—товичу. Значить, лучший изъ помѣщиковъ хочетъ, чтобы, при опредѣленіи значенія отказа обезземеленнаго имъ крестьянина, повѣрочная коммиссія смотрѣла безусловно на фактъ нынѣшняго, свободно выражаемаго крестьяниномъ отказа, а отнюдь не на тѣ условія, при которыхъ совершалось, въ виду манифеста 19 февраля, обезземеленіе.

Этотъ же самый господинъ, предъ тѣми же лицами, коварно соболѣзнуя о многотрудныхъ и почти не исполнимыхъ обязанностяхъ мирового посредника въ здѣшнемъ краѣ, въ особенности по безчисленнымъ лѣснымъ порубамъ и полевымъ потравамъ, вкрадчиво выразилъ убѣжденіе, что отечественной жандармеріи необходимо сплотиться, по французскому образцу, въ первую инстанцію суда и расправы между помѣщиками и крестьянами.

Зашла рѣчь о безперемонномъ обезземеленіи крестьянъ въ крѣпостное время и безмилостивомъ изгнаніи несостоятельныхъ арендаторовъ и больныхъ кутниковъ въ нынѣшнее. Я спросилъ, почему онъ отрицаетъ у крестьянскаго общества право ходатайства за своихъ безземельныхъ членовъ?

« Мы развитѣ васъ, объяснилъ М—товичъ. Въ то время, какъ вы барахтались еще въ путахъ патріархальности, мы, выученные уроками предшествовавшей гражданской жизни при конституціяхъ польскихъ королей, выработали математическій взглядъ на отношенія къ державцамъ въ маестностяхъ нашихъ. Прежде всего свобода: до личности намъ дѣла нѣтъ. Важнѣе всего принципъ и выгода. Намъ нѣтъ дѣла пьеть-ли, должна-ли, болѣть-ли державецъ или работникъ: Иванъ не способенъ мнѣ платить или работать — я сажаю на его мѣсто Петра.

— Вы подшучиваете надъ патріархальностію; но развѣ возможенъ строго математическій взглядъ на помѣщика и на безземельнаго, при неравенствѣ ихъ отношеній?

« Я сказалъ, все дѣло въ принципѣ и въ правѣ. Право помѣщика и право крестьянина предъ закономъ совершенно равны: онъ свободенъ — и я свободенъ.

— Но при неравенствѣ вещественныхъ условій, и самое понятіе о свободѣ является отвлеченностію.

« Еще бы! вы бы захотѣли равенства, планировки, коммунизма, язвительно выпускали слова собесѣдникъ, возвышая при каждомъ изъ нихъ голосъ.

— Нѣтъ, я просто иду отъ сходства въ условіяхъ быта. Вѣдь, вѣроятно, и вы не откажете крестьянину въ нѣкоторомъ сходствѣ въ вамъ— хотя бы по отношенію къ семейной жизни.

« Нѣтъ-съ, откажу. Никакого сходства и быть не можетъ. У него потребности крошечныя, у меня большія.

— Но нѣтъ-ли тождества въ любви къ дѣтямъ?

« Нѣтъ-съ; у меня для дѣтей одна будущность; у него другая.

— Но сообразно потребностямъ и средствамъ, вѣрите-ли, что вы, съ вашимъ масштабомъ, а крестьянинъ съ его, оба желаете дѣтямъ одного и того же?

« Нѣтъ.»

— Одинаково-ли дороги дѣти вамъ и ему?

« Положимъ.... одинаково.

— При этой одинаковости, кто болѣе нуждается въ помощи ближняго: вы-ли, съ вашей недвижимостію и движимостію, или крестьянинъ, съ его ничѣмъ? кто слабѣе?

« Конечно я слабѣе; ибо, если бы мои потребности были, какъ у него, я былъ бы счастливѣе: я довольствовался бы меньшимъ, чѣмъ онъ.

Дѣло было послѣ обѣда; я вспомнилъ пословицу: гды бы те-тя былъ вуяшекъ, и убѣдился въ огромномъ вліяніи на логику въ обществѣ— бытовыхъ, религіозныхъ и гражданскихъ условій, въ которыхъ это общество обращается. Если М—товичъ, въ виду отвѣтственности предъ дѣтьми, считаетъ себя обязаннымъ защищать свое право, а крестьянамъ въ такой защитѣ отказываетъ, то причиною такого неравенства является единственно латинско-польская логика, выработавшаяся при урокахъ гражданской жизни, во время польско-королевскихъ конституцій, къ возвращенію которыхъ такъ пламенно стремились и Огрызко, издавая свои *Voluntina legit*, и хорошенькая пани К....овская, обожающая соединенные гербы Литвы и Польши, и княгиня Л—я, скорбящая о смерти ея отчизны, и графъ Т....ъ, собирающій коллекцію шляхетныхъ предковъ, и предводительствовавшій генералъ, который не доволенъ Положеніемъ 19-го февраля. Не чужды этихъ стремленій и латино-польскіе храмы, въ которыхъ такъ пламенно обоготворяются политическія воспоминанія.

(Окончаніе впродъ).

Вильна, 17 Апрелья 1866 года.

На снѣгу вѣковнхъ страданій и тѣснотъ здѣшняго края явились, по манію всеблагаго Провидѣнія, почти непрерывныя радости и торжества. Послѣ отдѣльныхъ праздниковъ и мѣстныхъ и обще-русскихъ, и религиозныхъ и религиозно-гражданскихъ, мы собрались въ домъ Царя царствующихъ праздновать вмѣстѣ три торжества: день рожденія нашего Монарха, двадцатипятилѣтіе Августѣйшей, Боговѣнчанной Четы ИХЪ ИМПЕРАТОРСКИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ и Воскресный день, такъ многознаменательно совпавшій съ двумя другими праздниками нашими. Сколько въ этотъ день пламенныхъ молитвъ затеплилось предъ престоломъ Божиимъ! сколько благородныхъ обѣтовъ, задушевныхъ восторговъ, заявленій безграничной преданности понеслось въ этотъ день и въ предшествовавшіе ему къ престолу Царя русскаго со всѣхъ концовъ необъятной Россіи, отъ всѣхъ сыновъ ея, безъ различія вѣрованій и народностей! Всѣ они дрогнули отъ раздающагося еще доселѣ въ сердцахъ нашихъ ужаснаго выстрѣла, хотѣвшаго поразить лучшее въ мірѣ сердце; на всѣхъ языкахъ и нарѣчійхъ понеслись проклятія выродку земли русской; во всѣхъ храмахъ Божіихъ, не исключая и тѣхъ, которые такъ еще недавно оглашались революціонными гимнами, русскіе молились и благодарили Бога за то, что Онъ совершилъ чудо и не допустилъ „сыну беззаконія озлобить Его“ (Царя), — за то, что не закатилось для Россіи ея „Красно-Солнышко“, что она не осталась сиротой послѣ „Ватюшки-Царя“, что надежды ея не унесены въ могилу „Царемъ-Надеждой.“ „Слава тебѣ Богу благодѣтелю нашему на вѣки вѣковъ!“

Праздникъ 17 апрѣля достойно вѣнчалъ рядъ незабвенныхъ и разнообразныхъ праздниковъ нашихъ. Храмъ Святаго Духа снова наполнился желавшими возблагодарить Царя царствующихъ за дарованіе въ этотъ день Россіи Царя, превзошедшаго самня широкія ея надежды, въ одинадцать лѣтъ совершившаго такіа дѣянія, для совершенія которыхъ мало, казалось бы, одинадцати десятилѣтій. Съ этой благодарной молитвой людей русскихъ сливалась и просительная, чтобы Господь сподобилъ Царя нашего праздновать пятидесятилѣтіе своего супружества съ обожаемой имъ и Россіей „Матушкой-Царицей“, изливалъ на нихъ обильно щедроты своихъ великихъ и богатыхъ милостей и сохранилъ ихъ на многая, на многая лѣта. Словомъ 17 апрѣля притекла въ домъ Божій праздновать, вмѣстѣ

съ г. главный начальникъ края, вся русская Вильна, безъ различіи вѣроисповѣданій. Литургію совершалъ преосвященный Александръ, епископъ ковенскій, а молебствіе высокопреосвященнѣйшій Іосифъ, митрополитъ литовскій и вилонскій, со всѣми мѣстными духовенствомъ. — Мѣститый нашъ архипастырь, и въ недавно-минувшіе праздники, не разъ изъявлялъ желаніе вознести вѣстѣ съ Вильной, свои молитвы о Царѣ и царствѣ русскомъ въ дождѣ Царя царствующихъ; но его немощи пересиливали его желанія; наконецъ 17 апрѣля, или Богу угодно было облегчить его страданія, или крѣпость духа взяла перевѣсъ надъ недугомъ тѣлеснымъ, только молитвы наши, освященные и окрыленные молитвами нашего приснопамятнаго архипастыря, содѣлались и теплѣе, и доступнѣе престолу Божію. Въ обычное время, произнесъ назидательное и многосодержательное слово о. ректоръ здѣшней семинаріи, архимандритъ Іосифъ. Слово это особенно замѣчательно обиліемъ меткихъ прижвненій къ недавнему событію въ жизни нашего ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА словъ св. писанія. Внимая этимъ словамъ, мы думали что внимаскъ предсказаніямъ пророковъ, сквозь иглу вѣковъ провидѣвшихъ наше 4 апрѣля, со всею его обстановкой. Весьма жалѣемъ, что обычная о. ректору скромность лишаетъ насъ возможности подѣлиться съ читателями воспроизведеніемъ этого слова на страницахъ „Вѣстника Зап. Россіи.“

По окончаніи богослуженія въ Св. Духовомъ монастырѣ, г. гражданскій губернаторъ, много военныхъ и гражданскихъ высшихъ чиновъ и разныхъ русскихъ людей и много другихъ лицъ почтили своимъ посѣщеніемъ, по приглашенію еврейскаго общества, главную синагогу еврейскую, въ которой совершено было благодарное молитвословіе, съ особенною торжественностью, благоговѣніемъ и патриотическимъ настроеніемъ. Общественный раввинъ произнесъ прекрасное слово, которое, съ его позволенія, мы и присевокупляемъ на концѣ этого очерка. Канторъ, съ хоромъ и музикою пропѣли 2, 20, и 70 псалмы Давида, и въ заключеніе народный гимнь. Канторъ, исполнявшій богослуженіе, могъ бы составить украшеніе любой итальянской оперы.

Г. главный начальникъ края принималъ поздравленіе отъ властей разныхъ вѣдомствъ, чиновъ военныхъ и гражданскихъ и представителей разныхъ сословій въ 11½ утра, а отъ православнаго духовенства по окончаніи богослуженія. Вечеромъ городъ былъ иллюминированъ съ рѣдкимъ усердіемъ, измѣщениемъ и разнообразіемъ.

ствъ. Далѣе за полночь улицы и тротуары были запружены гуляющими. Балъ съ ужиномъ, данный въ залѣ благороднаго клуба, былъ весьма блестящъ и оживленъ. За ужиномъ г. директоръ здѣшней гимназіи П. А. Безсоновъ, послѣ перваго тоста за здравіе ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА, сказалъ задушевную и восторженную рѣчь.

СЛОВО, СКАЗАННОЕ ВЪ ГЛАВНОЙ ВИЛЕНСКОЙ СИНАГОГѢ ОБЩЕСТВЕННЫМЪ РАВВИНОМЪ, г. ШТЕЙНБЕРГОМЪ, 17 АПРѢЛЯ 1866 ГОДА.

Изъ дому Господня благословіе вамъ, высоко-почтеннѣйшіе гости, удостоившіе раздѣлить съ нами въ скромной обители нашей статыни чувства радости и благоговѣнія въ нынѣшній высокопотожественный день рожденія нашего общаго Царя-Благодѣтеля. Да послужить это единеніе символомъ возрожденія взаимной любви и терпимости, взаимнаго согласія и единенія на благо и преуспѣяніе общаго нашего отечества! Аминь.

БРАТЯ ИЗРАИЛЬТЯНЕ!

Нынѣшній день, въ который празднуемъ рожденіе нашего Августѣйшаго Царя-Избавителя, совпадаетъ для насъ съ промежуткомъ времени, лежащимъ между нашими праздниками Пасхою и Пятидесятницею. Въ эту же самую эпоху праотцы наши, болѣе трехъ тысячелѣтій тому назадъ, привѣтствовали, съ воскресшею въ груди надеждой, своего великаго избавителя отъ египетской неволи и мрака, призывавшаго ихъ къ принятію божественнаго, свѣтозарнаго ученія, къ новой гражданской жизни въ обѣтованномъ отечествѣ. Какое счастливое совпаденіе нашего нынѣшняго отечественнаго торжества съ эпохою столь завѣтныхъ для нашего народа воспоминаній! Развѣ не съ такимъ же ликованіемъ, какъ предки наши во время оно, привѣтствуемъ нынѣ и мы нашего великаго Царя-Освободителя! Развѣ не воскресаетъ и въ нашей груди надежда на болѣе отрадную, болѣе утѣшительную будущность, — надежда, подобная той, которая затрепетала въ ту же пору въ груди унывавшихъ нашихъ праотцевъ, при видѣ своего избавителя Моисея, этого божественнаго провозвѣстника правственнаго свѣта и гражданского преуспѣянія? И не обращаетъ ли нынѣ и Монархъ нашъ наши взоры на отрадное очаровательное — впередъ, сулящее намъ и благотворный свѣтъ просвѣщенія, и новое отечество, съ болѣе обширнымъ просторомъ для дѣятельности?

Имя «Моисей» имѣеть двойное значеніе: спаситель и спасенный. Въ эти дни, когда природа освобождается изъ тяготящихъ надъ нею оковъ земли, въ эти дни, соответствующіе нашему нынѣшнему торжеству, древніе праотцы наши, освобожденные изъ-подъ рабскаго ига, привѣтствовали съ сердечнымъ ликованиемъ своего, Богомъ спасеннаго изъ водъ Нила спасителя. Чудесное спасеніе его служило имъ указаніемъ, что его блюдетъ промыслъ Божій, что Всевышній сберегъ его дни, дабы содѣлать его избавителемъ и просвѣтителемъ народа Своего.

И вотъ, мои братія, въ эти же самые дни, съ восторгомъ привѣтствуемъ нынѣ и мы нашего, спасеннаго Божиимъ Промысломъ, Избавителя. Господь спасъ Царя нашего чрезъ одного изъ спасенныхъ Царемъ же. Но вотъ еще одно знаменіе: спасшій Царя-Избавителя совершилъ это великое дѣло въ день своихъ именинъ, предъ молитвой и послѣ молитвы. Не есть ли это указаніе свыше, что онъ предъизбранъ былъ, съ самаго ранняго младенчества, въ исполненію этой священной миссіи? Кто же послѣ всего этого не узритъ мысленно въ недавнемъ событіи всемогущаго духа Господня, охраняющаго Монарха нашего для довершенія всѣхъ чадолюбивыхъ его помысловъ на благо отечества? Кто, послѣ совершившагося надъ нами чуда, не воскликнетъ съ Царемъ-Псалмопѣвцемъ: »Нынѣ познаю, что Господь спасаетъ Помазанника Своего, внемлетъ Ему съ святыхъ небесъ Своихъ: Могуцественна спасительная десница Его!« (Псал. XIX. 7).

Но мы, милые братія, мы русскіе израильтяне, въ особенности должны искренно славословить Царя царствующихъ, даровавшаго намъ еще на долго гуманное и чадолюбивое повровительство нашего Отца-Монарха. Мысль о томъ, что дорогая жизнь Его нынѣ намъ вновь дарована Вседержителемъ, должна усугубить нашу радость, какъ вновь ниспосланное величайшее благо. Впродолженіе одиннадцати лѣтъ царствованія нашего Царя-Отца АЛЕКСАНДРА Второго сколько цѣлительныхъ капель милости уже излилось животельною струею изъ благотворящей десницы Его на изнемогшій, алкающій обновленія и жизни народъ нашъ! Сколько средневѣковыхъ преградъ, отдѣлявшихъ насъ отъ русскихъ нашихъ соотчичей, разрушено безграничнымъ Его чадолюбіемъ!

Братья! Государь нашъ не забываетъ, что предки наши поселились въ Россіи съ самаго отдаленнаго времени. Государь нашъ желаетъ нашего единенія съ русскими. Довѣрimsя же вполнѣ этому прямодушному и добросердому народу съ достоинствомъ и добросовѣстностью! Подадимъ другъ другу, не руку безъ сердца, не слова безъ душевнаго ощущенія, а станемъ въ гражданскомъ отношенія сердцемъ и душою русскими. Вспомнимъ неизбвенныя слова нашего пророка Малахія (II. 10.): »Не отецъ ли единъ всѣмъ намъ? Не Богъ ли единъ создалъ насъ?« Прибавимъ еще: Не всѣ ли развѣ принадлежимъ мы одному Царю одного общаго для всѣхъ насъ отечества?

Вознесемъ же, братья, къ престолу Царя царей теплую молитву за здравіе и долгодѣіе нашего любимаго, Богомъ охраняемаго, **Монарха**, вдыхающаго въ насъ новыя надежды, новыя силы; но вмѣстѣ станемъ трудиться день и ночь, чтобы облегчить Ему и довѣренными отъ Него лицамъ трудное рѣшеніе Его великихъ предначертаній. Слова премудраго Соломона: »Бойся Бога, сынъ мой, и царя, и не смѣшайся съ иномышленниками,« неизгладимо запечатлѣны въ сердцѣ каждаго израильтянина. Эти завѣтныя слова всегда держали насъ вдалекѣ отъ всякихъ крамольныхъ козней и, съ Божіей помощью, охраняли насъ отъ нихъ и впредь. Но этого еще мало: мы должны всегда помнить, что отношеніе наше къ русскому отечеству есть отношеніе члена къ тѣлу, звѣна къ цѣпи, цѣлаго къ общему. И кто нерадѣетъ о развитіи природныхъ способностей, дарованныхъ ему Богомъ на благо и пользу общества, среди котораго онъ живетъ, тотъ пренебрегаетъ своею жизнью и жизнью всего общества. Возлюбите же, милне братья, ваше русское отечество всѣмъ сердцемъ, всей душою, потому что и вы дѣти его наравнѣ со всѣми прочими его сынами; но страна, питающая васъ своими благами, имѣетъ полное право требовать отъ васъ всякой умственной и вещественной помощи, всякаго содѣйствія ея преуспѣванію, какъ завѣщаетъ пророкъ Іеремія: »И споспѣшествуйте благоденствію страны, куда я поселилъ васъ, и молитесь за нее Господу Богу, ибо въ ея благоденствіи заключается и ваше собственное.« (Іерем. XXIX.)

О, Боже израиля! научи насъ содѣлаться достойными сынами великодушнѣйшаго изъ монарховъ **АЛЕКСАНДРА** Втораго. Воззри, о Боже, благосклонно на почву Россіи и благослови Твоею благодатію сѣмена челоуѣколюбія и просвѣтлѣнія, сѣянныя по ней **Помазанникомъ** Твоимъ. Дай имъ роскошно созрѣть на радость и утѣшеніе всего великаго отечества. Отжени всегда, о Боже израиля, отъ священной главы нашего Монарха всякій духъ крамолы и козней завистниковъ, и да исполнятся надъ Нимъ всегда слова Твои въ устахъ Псалмопѣвца: »Одѣну я **Помазанника** Моего лучезарнымъ сіяніемъ, враговъ его покрою стыдомъ, а на Немъ будетъ сіять вѣнецъ его.« (Псал. СXXXI. 17).

Ниспосли, о Боже израиля, Твои небесныя и земныя блага на Государыню Императрицу нашу, **МАРІЮ АЛЕКСАНДРОВНУ**, на Великаго Князя, Государя Наслѣдника прославленнаго престола, **Александра Александровича** и на весь Царствующій Домъ нашего отечества. Да сіяетъ Его слава изъ рода въ родъ!

Благослови, о Боже, нашего доблестнаго и любимаго начальника края **Константина Петровича фонъ-Кауфмана**, этого вѣрнаго исполнителя Монаршей воли! Благослови нашего начальника губерніи и всѣхъ вѣрныхъ сановниковъ, служащихъ истинному благу отечества.

»Благотвори, Господи, всѣмъ добрымъ и правосерднымъ».
Аминь! Аминь!

ПѢЧТО ОБЪ ОГРЫЗКѢ.

Въ № 286 „Московскихъ Вѣдомостей“ были сообщены изъ Вильны весьма интересныя свѣдѣнія объ Иосафатѣ Огрызкѣ, одномъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей послѣдняго возмущенія польскихъ всендзовъ и шляхты. Въ сообщаемыхъ свѣдѣніяхъ встрѣчается нѣкоторая неполнота, отъ чего эта замѣчательная личность утрачиваетъ свою настоящую фizioномію.

Въ означенной статьѣ можно полагать, что вся дѣятельность Огрызки въ Петербургѣ ограничивалась только изданіемъ газеты и подготовленіемъ молодежи къ всендзо-шляхетскому мятежу. Но не мѣшаетъ припомнить, что польская газета „Słowo“ издавалась Огрызкомъ съ небольшимъ въ теченіе мѣсяца. На листахъ ея едва ли можно было встрѣтить какіе либо слѣды заносчивыхъ или опасныхъ революціонныхъ идей. Не говоря уже о томъ, что обнародованіе подобныхъ идей было довольно затруднительно при существовавшихъ тогда строгихъ цензурныхъ правилахъ, и самъ редакторъ во все не имѣлъ (покрайней мѣрѣ не обнаружилъ) въ виду подобныхъ цѣлей.—Поводъ, по которому основана была имъ въ С.-Петербургѣ польская газета, былъ совершенно иной, болѣе прагматическій. Если судить объ Огрызкѣ по его газетѣ, или, по сличеніямъ съ русскими, то можно будетъ придти къ заключеніямъ совершенно противоположнымъ. Справедливость требуетъ сказать, что онъ отличался значительнымъ тактомъ и здравостію сужденій, особенно по польскому вопросу. Случалось даже, что онъ сдерживалъ либеральныя порывы русскихъ и возвращалъ ихъ къ благоумію (*). Нравственный складъ Огрызки составлялъ совершенство своего рода, о которомъ, вѣроятно, и не мечталъ самъ авторъ извѣстнаго польскаго катихизиса. Это былъ Конрадъ Валленроде pur sang.

Въ настоящее время ни для кого уже не составляетъ тайны истинная причина шляхетскаго возмущенія 1863 г. Замѣтимъ только, что одновременно съ распространившеюся вѣстью объ открытіи предварительныхъ работъ по освобожденію крестьянъ, обнаружались и первые признаки подготавливаемаго возмущенія. Дѣло началось съ привлеченія народныхъ массъ къ мятежу посредствомъ распространенія въ Царствѣ Польскомъ, а потомъ въ жмудьской и виленской латинскихъ епархіяхъ братствъ, въ которыхъ, разумѣется, только для виду, на первомъ планѣ, красовалось воздержаніе отъ ерѣвскихъ напитковъ. Поляки знали изъ опыта, что во всѣхъ войнахъ Рѣчи Посполитой и потомъ при послѣдующихъ возстаніяхъ, низшіе слои населенія всегда оставались

(*) Иначе нельзя было; того требовала политическая миссія Огрызки и даже простое благоуміе. Что сходило русскому, то не сошло бы поляку. (Ред.)

равнодушными къ борбѣ и не только не принимали участія въ возстаніяхъ, но, напротивъ, съ распростертыми объятіями встрѣчали враговъ республики, какъ своихъ избавителей. При существованіи подобной ненависти къ шляхетству и его духовенству, они хорошо понимали, что нечего и думать о возстановленіи Польши въ предѣлахъ Сигизмунда III. При помощи вышепомянутыхъ братствъ, пѣнія гимновъ въ костелахъ и другихъ манифестацій, революціонеры надѣялись увлечь за собою народъ и на всемъ пространствѣ страны возбудить безпощадную религіозную войну. Разжигая ненависть къ русскимъ и подготавливая всеобщее вооруженное возстаніе, поляки въ тоже время простерли предусмотрительность свою и на устройство администраціи въ будущей Рѣчи Посполитой, т. е., когда она окончательно отдѣлится отъ Россіи и составитъ независимое государство. Всѣ роли подготавливавшейся комедіи были розданы актерамъ для обученія. На долю Огрызки досталась самая незавидная и скромная роль министра юстиціи. Первый вопросъ, который предстояло разрѣшить Огрызкѣ, по вступленіи въ должность, былъ: какими законами будетъ управляться будущее государство? Дѣло нелегкое, если обратить вниманіе, что ни въ одной сторонѣ законодательство не представляетъ подобной запутанности, разнорѣчія и какой-то хаотической пестроты. Въ законодательство Рѣчи Посполитой вошло множество статутовъ, начиная съ вислицкаго и ленчицкаго, постановленія петриковскаго и другихъ синодовъ. Магдебургское право, литовскій статутъ, прусская корректура, нескончаемныя сеймовныя постановленія, папскія буллы, длинный рядъ конституцій, уложеніе Наполеона и, наконецъ, законы русскіе. Неоднократно польскіе законовѣды пытались составить нѣчто въ родѣ нашего „Полнаго Собранія Законовъ“, но изъ всѣхъ попытокъ наиболѣе удачная принадлежитъ монахамъ ордена піаровъ, которые и оставили, какъ памятникъ своего трудолюбія и эрудиціи, сборникъ польскихъ законовъ, извѣстный подъ названіемъ „*Volumina Legum*“. Сборникъ этотъ издавался ими въ теченіе пятидесяти лѣтъ съ 1732 по 1782 годъ, и въ настоящее время сдѣлался весьма рѣдкимъ, исключительнымъ достояніемъ немногихъ библіотекъ. Этотъ обветшалый сборникъ піаровъ, или вѣрнѣе юридическій пакгаузъ, не отворявшійся въ продолженіи цѣлаго столѣтія, вдругъ получилъ, по волѣ проэктируемаго государственнаго уложенія, по которому должна управляться страна въ 25 милліоновъ населенія. Необходимость перепечатки этого сборника была слишкомъ очевидна для Огрызки: нужно было снабдить всѣ города и мѣстечка Польши, Литвы, Галиціи и Познани экземплярами *Volumina Legum*; нужно было]чинамъ всѣхъ вѣдомствъ будущей польской администраціи имѣть подъ рукою однообразные юридическіе прецеденты для рѣшенія дѣлъ,—не руководствоваться же, въ самомъ дѣлѣ, въ трибуналахъ Рѣчи Посполитой московскимъ Сводомъ Законовъ. Дѣло остановилось за тѣмъ, гдѣ печатать? Если за границей, гдѣ нибудь въ Германіи, то

русскіе могутъ какъ нибудь провѣдать о томъ, начнутъ ломать себѣ голову, за чѣмъ и въ такое время печатаются за границей, а не въ Россіи польскіе законы, наконецъ догадаются въ чей дѣло и на границѣ перехватятъ все изданіе. Разумѣется, лучше всего было бы печатать въ Варшавѣ, но тутъ, ко всѣмъ невыгодамъ заграничнаго изданія, слѣдовало присоединить изощренную зоркость полиціи, которая изъ такой невинной вещи способна была поднять пренепріятную исторію. Самымъ безопаснымъ и удобнымъ мѣстомъ для печатанія польскихъ законовъ оказался С.-Петербургъ и потому уже, что предметъ, лежащій на глазахъ, всего менѣе видѣнь. О препятствіяхъ со стороны полиціи тутъ не могло быть и рѣчи; въ просвѣщенномъ взглядѣ ея на дѣло сомнѣваться было напрасно. Что же касается до цензуры, то весьма достаточно было представить ей предполагаемое изданіе въ видѣ историческаго памятника минувшаго польскаго законодательства, писаннаго отчасти на латинскомъ языкѣ и относящагося, какъ оно есть и на самомъ дѣлѣ, къ эпохѣ давно исчезнувшей, однимъ словомъ, къ области археологической, которая, какъ всѣмъ извѣстно, принадлежитъ къ числу самыхъ смиренныхъ. Тутъ могло возникнуть затрудненіе совсѣмъ иного рода: въ Петербургѣ нѣтъ такой типографіи, гдѣ бы достаточно было наборщиковъ, знающихъ польскій языкъ. Впрочемъ заведеніе типографіи въ Петербургѣ, кромѣ отпечатанія законовъ, требовалось и по другимъ соображеніямъ, не менѣе важнымъ, но и одно изданіе сборника законовъ было поводомъ достаточнымъ. Это понималъ даже и „Московский жондъ,“ у котораго, при II Отдѣленіи, тоже своя типографія.

Оставалось только закрыть глаза управленію с.-петербургской столицы, отъ котораго зависѣло открытіе типографіи. Понятно, что отказа не могло бы послѣдовать, еслибъ въ Петербургѣ издавалась польская газета. Тогда всѣ сомнѣнія въ разрѣшеніи открытія типографіи исчезли бы, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, издавать польскую газету безъ польской типографіи. Дѣло отъ того немножко усложнялось, но за то всѣ препятствія исчезали разомъ, и, ко времени отдѣленія Рѣчи Посполитой отъ Москвы отпечатаніе законовъ могло быть готово.

По наведеніи справокъ о томъ, можно ли ожидать правительственнаго согласія на изданіе польской газеты въ Петербургѣ, отвѣтъ послѣдовалъ утвердительный. Нужно замѣтить, что въ то время всѣ правительственныя учрежденія были наполнены поляками: не было въ Петербургѣ не только департамента, отдѣленія или комитета, но даже стола, гдѣ бы не сидѣлъ вельможный панъ. Мѣста секретарей и дѣлопроизводителей, какъ то случайно, но болѣею частію, непременно были занимаемы ими. При всѣхъ постройкахъ, при желѣзныхъ дорогахъ и въ полиціи они встрѣчались едва не на каждомъ шагу. Множество изъ нихъ медиковъ, адвокатовъ и ходатаевъ по дѣламъ, наводняющихъ всѣ судебныя

инстанціи произведеніями своего искусства. Но изъ всёхъ по-принцу наиболѣе лакомыми они почитаютъ мѣста инженеровъ, воспитателей и наставниковъ. То было странное время: русскіе, имѣвшіе дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ, должны были искать покровительства польскихъ чиновниковъ, а иначе просьба двигалась едва не черепашинымъ шагомъ; бумага же, поданная *ходокомъ* обѣтала всѣ инстанціи чуть не по телеграфу. Просьба Огрызки должна была идти чрезъ руки вельможнаго Сигизмунда Катоновича (*), человѣка очень умнаго, дальновиднаго и, что называется, мироотчиваго, который, по горячей преданности къ Россіи, сдѣлался даже московскимъ помѣщикомъ. Когда завязалось дѣло о новой газетѣ, то, гдѣ слѣдуетъ, было доказано по пальцамъ, какъ дважды два четыре, что съ изданіемъ польской газеты въ Петербургѣ вліяніе правительства на направленіе умовъ въ Польшѣ будетъ неизмѣримое, что отъ предложенія Огрызки получится такое могущественное орудіе, при помощи котораго можно будетъ управлять Польшей, какъ Чухломой или Пошехоньемъ. Короче, выгоды отъ изданія „*Słowa*“ обрисовались въ такомъ радужномъ свѣтѣ, что не было возможности защититься отъ соблазнительныхъ доводовъ краснорѣчиваго ходатая. Разрѣшеніе послѣдовало немедленно. Послѣ этого, разумѣется, не могло быть и рѣчи о какихъ либо препятствіяхъ къ открытію польской типографіи.

Нужно ли добавлять, что основывая газету, Огрызко никогда и не думалъ объ ея долговѣчности, или продолжительномъ существованіи. При самыхъ роскошныхъ расчетахъ подписная сумма не могла вознаградить и половины издержекъ за наборъ и бумагу. Не нужно имѣть большихъ свѣдѣній въ бухгалтеріи, чтобы понять, какихъ огромныхъ расходовъ потребовали два такихъ предпріятія, какъ изданіе газеты и заведеніе типографіи. Если присоединить къ тому превосходное изданіе *Volumina Legum*, въ 10 томахъ, in 4to въ два столбца, самымъ раззорительнымъ шрифтомъ, — изданіе, стоящее по меньшей мѣрѣ 52,000 рублей, то количество денегъ, бывшихъ въ распоряженіи Огрызки, окажется весьма значительнымъ. Кого же, послѣ этого можно увѣрить будто Огрызко напечаталъ *Volumina Legum* изъ любви къ науцѣ или къ археологіи. Богатые меценаты не чета бѣдному шляхтичу, но и тѣмъ не подѣ силу, изъ любви къ науцѣ, отдѣлять такіе громадные капиталы на подобныя изданія. Всякое правительство даже призадумается о такихъ издержкахъ. Фондъ, очевидно, былъ ассигнованъ изъ кассы народной. Между тѣмъ, Огрызко былъ человѣкъ бѣдный и существовалъ главнѣйшимъ образомъ жалованьемъ, которое получалъ въ частномъ домѣ, гдѣ занимался тѣмъ-то въ родѣ секретарства. Авторъ виленской замѣтки говоритъ, что Огрызко умѣлъ занскать расположеніе этого дома до такой степени, что ему было выдано отъ него 40,000 рублей. Можетъ

(*) Мы считаемъ нужнымъ привѣрить эту личность отъ гласности всеобщимъ

быть это и справедливо, но, если вѣрить слухамъ, то онъ считалъ расположеніе не цѣлаго дома, а только одной особы, носящей почтенную русскую фамилію; но происхожденія не чисто русскаго, и потому, довѣріе, которымъ онъ воспользовался, было не всеобщее цѣлаго дома, а индивидуальное, слѣдовательно не подлежащее холоднымъ и черствымъ законамъ разсудка. Кромя того, говорить, что онъ получилъ, по силѣ личнаго довѣрія, только 10,000 рублей, во всякомъ случаѣ, съ нѣкоторою основательностію, можно заключить, что и полученныя имъ даже 40,000, далеко не могли покрыть произведенныхъ на пользу жонда расходовъ.

Съ открытіемъ типографіи совершенно упразднилась потребность издавать газету „Słowo.“ Раззорительные расходы по ея изданію дѣлались уже отяготительными и побуждали озаботиться скорѣйшимъ ея прекращеніемъ. Способъ, къ которому прибѣгнулъ въ этомъ случаѣ Огрызко, превосходно обрисовываетъ его находчивый и изобрѣтательный умъ. Въ одномъ изъ номеровъ ея, онъ напечаталъ довольно невинное по своему содержанію письмо извѣстнаго Лелевеля, бывшаго членомъ временнаго революціоннаго правительства въ 1831 г. Авторъ этого письма принадлежитъ къ крайней демократической партіи, всю свою жизнь постоянно ратовалъ противъ польской аристократіи и духовенству; въ сочиненіяхъ его встрѣчается множество интересныхъ указаній на злоупотребленія этихъ двухъ сословій, преобладающихъ въ польскомъ обществѣ. Вся криминальность напечатаннаго письма заключалась по этому не въ содержаніи, а въ одномъ только имени стараго заговорщика, имени совершенно безвредномъ для русскихъ, выдохшемся и утратившемъ всякое обаяніе для самихъ поляковъ. Буря однакожъ, „согласно программѣ,“ поднялась страшная. Громъ и молнія посыпались на Огрызку со стороны московскаго помещика Сигизмунда Катоневича. Никѣмъ незамѣченное письмо Лелевеля было представлено брандеромъ гомерическаго размѣра, отъ котораго Россійская Имперія должна разлетѣться въ дребезги. Нелицѣмѣрная любовь къ Россіи и забота объ ея безопасности, въ совокупности съ оскорбленнымъ цензурнымъ цѣломудріемъ Сигизмунда Катоневича, проявились по этому случаю въ самомъ потрясающемъ видѣ. Взрывая небо и землю противъ Огрызка, Сигизмундъ Катоневичъ выдвинулъ неожиданно такое количество патриотизма, что русскіе, слушая его, должны были сгорѣть со стыда отъ своего равнодушія къ опасностямъ, грозившимъ ихъ отечеству. Оказывалась ясною, какъ день, вся необходимость, если не сжечь публично, чрезъ палача, злокачественную газету, то немедленно прекратить дальнѣйшее изданіе ея; что же касается до редактора, то въ волѣ правительства, для благотворнаго примѣра, посадить его въ крѣпость, или наказать строже.

Какъ было не повѣрить словамъ поляка, отдававшего себя на прозятіе изъ любви къ Россіи, общественному мнѣнію своихъ

земляковъ, раздраженныхъ за запрещеніе любимой газеты. Газета дѣйствительно тотчасъ же была прекращена, какъ вышло на повѣрку „собственно для освобожденія жонда отъ напрасныхъ расходовъ.“ Огрызку посадили въ крѣпость, но онъ просидѣлъ въ ней во все не шесть мѣсяцевъ, какъ сообщаетъ виленскій корреспондентъ, а всего около недѣль двухъ, много—трехъ. Превосходный столъ, отличныя вина, посѣщенія пріятелей, прогулки въ самой крѣпости дѣлали жизнь узника не только сносною, но даже завидною для многихъ, жившихъ на свободѣ. Весь Петербургъ тогда заговорилъ о несправедливомъ заключеніи Огрызки за письмо какого-то Лелевеля и запрещеніи издавать только что дозволенную газету, — объ умиравшей съ горести подругѣ его сердца и о странномъ стеченіи обстоятельствъ, приведшихъ его сидѣть въ томъ самомъ казематѣ, гдѣ нѣкогда сидѣлъ Костюшко (*). На биржѣ петербургскаго общественнаго мнѣнія, курсъ на Огрызкинѹ репутацию разомъ поднялся сто—на сто. По освобожденіи отъ узъ многострадальнаго заточника, всѣ смотрѣли на него, какъ на героя, жертву, какъ на благороднаго мученика, пострадавшаго за свои убѣжденія. Въ скромномъ объявленіи, онъ сообщилъ подписчикамъ, что, по независящимъ причинамъ (что правда, то правда, Сигизмундъ Катоневичъ), прекращаетъ изданіе газеты, но съ тѣмъ вмѣстѣ считая обязанностію покончить счеты свои съ ними, въ замѣнъ газеты, предлагаетъ желающимъ полное изданіе *Voluntaria Legum*, къ напечатанію котораго уже приступлено; остальнымъ же подписные деньги будутъ возвращены. Такъ окончилось редакторское поприще Огрызки.

Впрочемъ не совсѣмъ. Съ его стороны была сдѣлана впоследствии попытка овладѣть одной русской газетою, которая, какъ уже и было порѣшено на Литейной улицѣ, со всѣмъ было перешла въ его руки и подставной редакторъ уже принималъ поздравленія по этому случаю... но вдругъ, не знаю точно, который именно изъ русскихъ чудотворцевъ избавилъ нашу прессу отъ этого бѣдствія.

Много загадочнаго въ судьбѣ Огрызки. Непонятно, какими чарами этотъ политическій Калиостро такъ ловко умѣлъ приобрести и покровительство сильныхъ лицъ и капиталы. Не менѣе курьозна игра случая, помѣстившаго Огрызку на важный административный постъ въ томъ именно правительствѣ, разрушеніе котораго составляло настоящую цѣль всѣхъ его помысловъ и всей дѣятельности. По отсутствію понятій о нравственныхъ обязательствахъ и по своему двуличію, онъ едва ли не оставилъ за собою Адама Чарторыйскаго, отъ дѣятельности котораго до сихъ поръ еще

(*) Надо замѣтить, что Костюшко никогда не сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости. По взятіи въ плѣнъ подъ Мадювицами, онъ былъ привезенъ въ Петербургъ, гдѣ и жилъ, какъ свидѣтельствуетъ Нѣмцевичъ, въ дворцѣ графа Орлова, — пользовался отличными столомъ, библиотечкой и когда хотѣлъ, то прогуливался по городу въ экипажѣ. Домъ Орлова находился на Мойкѣ; потому этотъ домъ перешелъ во владѣніе графа Бобринскаго.

не может оправиться весь западный край Россіи. Высокое искусство, съ которымъ Огрызко эксплуатировалъ русское простодушіе, и вообще жизнь этого замѣчательнаго артиста послѣдняго польскаго мятежа, представляютъ въ высшей степени любопытный, хотя и незаконченный, какъ слѣдуетъ, романъ.

ГРОДНЕНСКІЯ ПИСЬМА

II.

Извѣстно всѣмъ, какинъ почитаніемъ пользуется издавна на Руси, во всѣхъ ея частяхъ и окраинахъ, св. Юрій т. е. Георгій Побѣдоносець. Утвердительно можно сказать, что это почитаніе началось у насъ вмѣстѣ съ введеніемъ христіанства изъ Византіи; оттуда же зашелъ къ намъ обычай употреблять изображеніе этого св. Великомученика на государственномъ гербѣ и нѣкоторыхъ другихъ государственныхъ орнаментахъ. И чѣмъ больше развивалась наша христіанская и государственная жизнь, тѣмъ повсѣмѣстнѣе распространялось особенное почитаніе св. Юрія. При Ярославѣ Мудромъ уже была построена въ Кіевѣ и по нынѣ существующая церковь Георгіевская; уже при этомъ незабвенномъ князѣ праздникъ св. Юрія былъ годичнымъ срокомъ для отдачи податей, для окончанія разныхъ сдѣлокъ и т. п.; уже съ древнихъ временъ народъ отиѣтилъ этотъ день разными поговорками, въ родѣ слѣдующихъ: „на Елорія роса—будутъ добрыя прося“, (1) „калина Юрія березовый листъ въ подушку, клади къ Успѣнію хлѣба въ кодушку“ (2), „Елорій съ тепломъ“ (3), „До Юрья карми всякаго дурня“ (4), т. е. не отказывалъ отъ мѣста даже плохому слугѣ.... А такъ—какъ до татаръ жила сѣверо-восточной и юго-западной Россіи шла почти однимъ путемъ, то и въ этой послѣдней части устанавливались и укрѣплялись общіе всей Россіи священно-народныя обычаи и праздники. Въ числу такихъ праздниковъ относится и день св. Юрія, т. е. 23 апрѣля. Въ наше время этотъ праздникъ почитается повсѣмѣстно въ Россіи не только кореннымъ православнымъ людомъ;

(1) Великорусская пословица.

(2) Малорусская пословица.

(3) тоже.

(4) Вѣлорусская пословица изъ Могилевской губ.

но и тѣмъ, который олатиненъ и отчасти ополяченъ въ западной Россіи,— празднуется по древней народной памяти.... И до сихъ поръ въ этотъ день поютъ нищіе въ разныхъ концахъ Россіи гимны и пѣсни въ честь св. Юрія. Существованіе этихъ пѣсень и по нынѣ въ западной Россіи (на ряду со многими другими обще-русскими духовными пѣснями) служитъ лучшимъ фактическимъ доказательствомъ того, что, несмотря на вѣковой польско-латинскій гнетъ въ этомъ краю, никогда не прерывалась нравственно-духовная нить между западной и остальной Россіей. Когда либо сообщу читателямъ тексты записанныхъ мною обще-русскихъ духовныхъ народныхъ пѣсень, которыя и нынѣ поютъ въ сѣверозападномъ краѣ; теперь же привожу два текста духовныхъ народныхъ пѣсень въ честь св. Юрія. Онѣ могутъ служить еще новымъ доказательствомъ того, что вѣковое рабство сельскаго люда западной Россіи не стерло съ его памяти слѣдовъ обще-русскаго историческаго происхожденія и религіи.... Вотъ эти тексты западно-русскихъ духовныхъ пѣсень въ честь св. Юрія, хотя и замѣтенъ въ нихъ отгѣнокъ мѣстнаго жаргона.

С В. Ю Р І Й.

(бѣлорусская народная легенда).

Въ недзелью порано
 Свѣтъ свитае;
 Господь людей побуждае:
 „Уставайте христіане,
 Да молитесь Господу Богу,
 Да не вѣруйте поганому цмоку (змѣй семиглавый гидра),
 Не давайте ему оброку—
 На годинѣ
 По дѣтинѣ,
 А на день по челоувѣку....
 Пришло время до самага царя:
 Хочь самъ иды,
 Хочь дочерь шли!
 Царь царевну убирае,
 Шевковые шнуры накладае,
 На лукошорье отсылае....
 Пришла царевна къ поганому цмоку;
 Ажь выходзиць поганый цмокъ.

Изъ яго роту агонь салле,
 А зъ ушой синій дымъ идзе.
 Обозвався святый Юрій:
 „Постой, царевна, не лякайся,
 „Моганаго цмока не пужайся!
 „Снидай съ себе шелковне нинуры,
 Да чешай цмока за крутые роги,
 „Да веди до батюшки своего“.
 А вже царь вратырку (фортечку) отчынае,
 Да на лукожорье выглядзе....
 Дочерь идзе
 И цмока ведзе.
 Пытаеця батюшка ее:
 „Хто табѣ, дочерь моя,
 „На гето научивъ?
 „Отписавъ бы ему палавину царства,
 „Тай дочерь сваю!“
 „Абозвався святый Юрій:
 „Не трѣба мнѣ палавины царства
 „И дочерь твая;
 „Поставь церковь на крутой горѣ,
 „Да малитесь Господу Богу
 „И Юрію святому“.

С В. Е Г О Р І Й.

(тоже легенда)

Приде часъ на Востоцы,
 До запада зайдзе!
 Возсия Господь весной
 И всѣмъ на Востоцы
 Предстательской вѣры!
 Они всѣ померли! (*)
 Страждовали мученика
 Славнаго Егорія;

(*) Что то неясное вступленіе. На мою просьбу объяснить эти строки, мой бацька—нищій сказалъ: »а хто яго знаець. Старыя словца вельми закрутуюцца и становяцца ани вельми крутыми«.

Славный же мученикъ
 Святый Егорій
 Мавъ отца тысячника,
 Матку христіанку.
 Научила его мати
 Вѣрѣ христіанской.
 Якъ навчился Егорій
 Вѣрѣ христіанской,
 Повивъ ажъ отца ко Христу
 Отъ вѣры поганской....
 Отець ставъ Богу вѣру проповѣдаты,
 Покрушивъ, ударивъ
 И божницу разбивъ....
 А клятмый царь тое услышавши,
 Слуги свои посылаетъ
 Егорія звати.
 Привели Егорія,
 И руцѣ связанны.
 А клятмый царь давъ его спрашуетъ:
 „На що ты мою божницу побьаше?“
 Не вбоявся Егорій предъ царемъ стояти,
 Тамъ Христа-Спасителя ставъ проповѣдати;
 Повелевъ же клятмый царь въ темницу вести,
 На колесо потягнувъ, ломиць ему воспи;
 А потымъ повеливъ свѣчами палици,
 Острымъ копьемъ бокъ ему пробияци;
 А потымъ повелелъ кончину приняци—
 Острымъ копьемъ голову съ плечъ зняци....
 А святые мощи якъ сонце сіяюць;
 На весь свѣтъ весна красная
 Всѣмъ намъ возсіяецъ!
 Ратуйся возбранный воеводо святы,
 Тебѣ пѣюць у собори и ангеловъ лики,
 Патріархи, священники,
 И всѣ чловѣки!
 Слава тебѣ, Господи, и Егорію!

Эти пѣсни записаны, въ Минской губерніи, въ г. Мозырѣ, отъ
 находжаго туда калѣки—переходжаго *Ивана Фимитязича Таропо-*

ва, изъ с. Замостья, Рѣчицкаго уѣзда, той же губерніи. — Эти, какъ равно и другія духовныя народныя пѣсни, извѣстныя въ народѣ подъ именемъ „*Божье слово*“, хранятся въ наше время почти исключительно въ устахъ *ходаковъ—нищихъ*, которые, по два по-три вмѣстѣ, бродятъ изъ села въ село, изъ городка въ городокъ, увѣщенные мѣшками и съ большими палками въ рукахъ. Эти *ходаки-нищие* составляютъ необходимую принадлежность каждаго храмоваго праздника и пр., особенно же въ дни Богородицы, св. Юрія, св. Михаила, св. Николая. Въ эти дни *ходаки-нищие* являются на погостъ церкви, гдѣ храмовой праздникъ, и поютъ гимны въ честь праздника. На „*Радовницу*“ т. е. на Ожииную недѣлю, они собираются также на кладбища. И туда гонятъ ихъ молитвенное настроеніе и расчетъ получить малую толку отъ богобоязненныхъ слушателей. Изъ разныхъ мѣстъ собираются нищие и, часто не зная другъ друга, они становятся почтительно въ кружокъ и поютъ „*Божье слово*“. Одинъ изъ нищенскихъ вожаковъ, или по ихнему „*поводзирей*“, держитъ шалку отверстіемъ вверхъ. Сюда то и сыплются жертвенные гроши, книши, буханци и все, что кому Богъ послалъ. Потомъ все собранное дѣлится по ровну.

Такія хожденія нищихъ повсемѣстны и обыкновенны въ западной Россіи. Если хотите, то прибавлю, что *ходаки-нищие* западной Россіи имѣютъ свой календарь. Вотъ нѣкоторыя выдержки изъ него: „черезъ недѣлю трѣба ици въ Вѣлу-Сороку (**), на Николу; а тамъ на Ивана у такое село и т. д.“ Въ памяти *ходаковъ-нищихъ* такъ расписанъ цѣлый годъ. Они бродятъ по нѣскольکو даже сотъ верстъ въ окружности по храмовымъ праздникамъ и праздникамъ въ честь мѣстныхъ чудотворныхъ иконъ. Такимъ образомъ, поя обще-русскія духовныя пѣсни, *ходаки-нищие* въ западной Россіи поддерживаютъ въ этой половинѣ нашего отечества ту нить, которая издавна связывала этотъ край съ остальной Россіей. Достойно замѣчанія, что двѣ наши лавры, кіево-печерская и почаевская, были съ древнихъ временъ такими пунктами, гдѣ сходявшіеся туда изъ разныхъ концовъ Россіи и даже сосѣднихъ славянскихъ земель *ходаки-нищие* научали другъ друга своимъ мѣстнымъ духовнымъ пѣснямъ. Разнося зау-

(**) Село въ Рѣчицкомъ уѣздѣ, Минской губер., въ которомъ есть чудотворный образъ св. Николая.

чинны пѣсни въ свои области, *ходаки-мице* въ тоже время служили духовно-нравственному объединенію всѣхъ частей Россіи....

Намъ извѣстно, что во время плѣненія почаевской лавры практическими базилианами эти послѣдніе ухватились всецѣло за слѣдующее: они записывали духовныя народныя пѣсни, пѣтые въ лаврѣ захожими туда изъ разныхъ концовъ славянскаго міра *ходаками-мицами*. Этого мало: они располагали эти пѣсни по особенно чувствуемымъ народомъ праздникамъ; они старались исправить въ текстѣ этихъ пѣсень литературныя шероховатости, подыскиваніемъ рیمъ, — снабжали эти пѣсни нотами, и все это издавали въ видѣ особыхъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ названіемъ „*Богогласниковъ*“. Объ этихъ сборникахъ упоминаю много разовъ, потому что пока мало еще знакомъ съ ними. Загѣчу кстати, что базилиане вносили въ эти „*Богогласники*“ пѣсни и своего произведенія, чисто въ католическомъ духѣ, съ поддѣлкою подъ народный ладъ, и безсовѣстно искажали текстъ дѣйствительно народныхъ пѣсень, навязывая имъ свои тенденціи. И эти Богогласники они пускали въ массу, чтобы отравленною ими духовно-народною поэзіею привить народу догму и мораль папизма. Подробнѣе поговорю объ этомъ послѣ. Теперь же заканчиваю свою загѣтку повтореніемъ высказаннаго прежде, что и приведенныя мною тексты западно-русскихъ духовныхъ пѣсень въ честь св. Юрія служатъ однимъ изъ лучшихъ доказательствъ того, что духовная связь между западной и остальной Россіей никогда не прерывалась.....

Григорій Кулажискій.

1 марта 1866 года
Гродна.

Объ учрежденіи воскресныхъ и праздничныхъ школъ при духовно-учебныхъ заведеніяхъ, архіерейскихъ домахъ, монастыряхъ и городскихъ соборахъ. Открытіе таковой школы при Житомирскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ.

Самымъ названіемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ опредѣляется ихъ назначеніе: съ одной стороны онѣ учреждаются пре-

имущественно для сословія, нуждающагося въ первоначальномъ образованіи, обыкновенно занятаго въ будни добываніемъ насущнаго хлѣба и могущаго употребить для духовнаго образованія одно праздничное время; съ другой, судя по времени преподаванія, эти заведенія, какъ и всѣ вообще образовательныя, и преимущественно элементарныя, должны быть проникнуты *религиозно-нравственнымъ характеромъ и направлениемъ.*

Этимъ назначеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ называются мѣста ихъ учрежденія. Очевидно, наши большіе и малые города, мѣстечки, равно какъ и другія мѣстности, въ коихъ существуетъ ремесленный и вообще промышленный міръ, нуждаются въ нихъ, и опытъ существованія прежнихъ, закрытыхъ въ настоящее время, воскресныхъ школъ, достаточно показываетъ, что сознаніе пользы подобнаго рода заведеній развито въ народонаселеніи, которое призывается къ образованію. Впрочемъ, эти послѣднія были у насъ открываемы не по общему, прежде обдуманному плану, а образовались вслѣдствіе частныхъ предпріятій и подъ вліяніемъ случайныхъ обстоятельствъ. Заведенія эти появлялись въ мѣстностяхъ, гдѣ было вдоволь дѣятелей, благопріятствовавшихъ существованію: гдѣ было кому заняться учрежденіемъ школы, собраніемъ нужныхъ матеріальныхъ средствъ и самымъ обученіемъ; но кто были эти дѣятели, каковы были ихъ намѣренія и цѣли, на это не было обращено надлежащаго вниманія, можетъ быть, по причинѣ новости этихъ у насъ заведеній. Не удивительно, если онѣ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не оправдали своего назначенія, и даже пошли въ перерѣзъ нашимъ интересамъ, что и подало поводъ къ закрытію всѣхъ вообще воскресныхъ школъ въ Россіи. Не смотря на то, идея существованія ихъ, въ основаніяхъ своихъ, очевидно, справедливая и въ примѣненіи къ практикѣ можетъ быть въ высшей степени полезною, при обдуманномъ и благонамѣренномъ ея осуществленіи. Воскресныя и праздничныя школы должны быть у насъ во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть промышленность и гдѣ, слѣдовательно, находятся работники и бѣдняки, нуждающіеся въ даровомъ образованіи, которому могутъ посвящать свободное отъ обыденныхъ занятій праздничное время, — тамъ только и необходимы подобныя заведенія; откройте тамъ ежедневную школу, она найдетъ мѣсте воскресной учениковъ. Здѣсь, между прочимъ, заключается одна изъ главныхъ причинъ неудовлетворительнаго состоянія приходскихъ училищъ, подвѣдомственныхъ министерству народнаго просвѣщенія: ежедневно посылать въ училище дѣтей несостоятельнымъ ремесленникамъ и даже незажиточнымъ земледѣльцамъ крайне не выгодно, потому что будь это дѣти взрослые, они теряютъ въ нихъ работниковъ, будь малолѣтнія — отъучиваютъ отъ занятій, которыя со временемъ должны доставлять средства къ содержанію. Впрочемъ, учрежденіемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ мы не отвергаемъ существованія теперешнихъ приходскихъ училищъ; пускай остаются онѣ и будутъ пріютомъ дѣтей, имѣющихъ болѣе

зажиточныхъ родителей; а бѣднѣйшія, обыкновенно занимающіяся въ будни работою, доставляющею необходимый кусокъ хлѣба, въ праздники и воскресные дни пойдутъ въ воскресную и праздничную школу. Притомъ, кому неизвѣстно, что нашъ низшій, ремесленный классъ, посвящаетъ свое время, свободное отъ ежедневныхъ занятій, чаще всего оргіямъ, или, по крайней мѣрѣ, посѣщенію народныхъ гульбищъ, кои мало доставляютъ питательной пищи для настоящихъ потребностей нашего духа. Не лучше ли посвятить эти досуги занятіямъ болѣе полезнымъ, каковы, напримѣръ, изученіе грамоты и письма и особенно главныхъ основаній нашей святой церкви! Стало бытъ въ нашихъ городахъ большихъ, среднихъ и малыхъ, мѣстечкахъ и вообще мануфактурныхъ и торговыхъ мѣстахъ необходимы воскресныя и праздничныя школы; только онѣ должны имѣть религіозно-нравственный характеръ, чтобы соответствовать главнымъ и кореннымъ потребностямъ христіанина, къ какому бы состоянію онъ ни принадлежалъ, — и самому названію. Цѣль эта будетъ достигнута, если передать этого рода заведенія, равно какъ и всѣ вообще элементарныя школы въ руки или вѣдѣніе православнаго духовенства, какъ такого сословія, для котораго распространеніе и поддержаніе въ народѣ религіозно-нравственныхъ понятій составляетъ главную задачу. И въ самомъ дѣлѣ, кому приличнѣе занимать народъ какимъ бы то ни было ученіемъ въ воскресные и праздничные дни, какъ не духовенству, которое и дѣломъ и словомъ обязано показать паствѣ, какъ должно проводить праздничное время, сообразно съ идеєю значенія его и назначенія? Ввѣривъ этого рода заведенія нашему духовенству, можно быть увѣренными на счетъ будущаго ихъ преуспѣянія.

Значить, гдѣ только можетъ быть нѣкоторое число лицъ, владѣющихъ образованіемъ, и гдѣ есть промышленный классъ народонаселенія, тамъ нужно открыть воскресныя и праздничныя школы. Значить, въ мѣстахъ нахождения духовныхъ академій, семинарій и уѣздныхъ училищъ, при архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ, особенно—если послѣдніе находятся въ мѣстностяхъ съ фабричнымъ и мануфактурнымъ населеніемъ, необходимо и учрежденіе часто поминаемыхъ нами заведеній. Какъ наставники, такъ и воспитанники духовноучебныхъ мѣстъ, безъ сомнѣнія, охотно посвящаютъ свои труды для занятій съ учениками воскресныхъ и праздничныхъ школъ,—заведеній столь полезныхъ и богоугодныхъ и по характеру и по времени преподаванія. Монашествующіе и бѣлое духовенство тѣмъ менѣе откажутся отъ занятій своихъ въ тѣхъ же школахъ, къ чему обязываютъ ихъ и обѣты, добровольно ими данныя. Если въ прежнихъ воскресныхъ школахъ, теперь закрытыхъ, занимались свѣтскія лица, и нѣкоторые изъ нихъ, можетъ быть, въ видахъ сообщенія питомцамъ политическихъ мнѣній, которыя нельзя назвать иначе, какъ бреднями дурно настроеннаго воображенія и утопіями,—то, для распространенія между народомъ истинъ вѣчныхъ, необходимыхъ для душевнаго спасенія, неужели не най-

дятся избранных дѣятелей въ нашихъ духовно-учебныхъ расадникахъ, архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ? Допустить это, значило бы уронить тѣ заведенія, что само по себѣ нелѣпо, не сообразно съ истиною.

Мало того: эти послѣднія заведенія, какъ намъ кажется, могутъ быть въ городахъ, мѣстечкахъ и другихъ мѣстахъ съ мануфактурнымъ и торговымъ населеніемъ, хотя бы въ нихъ не было духовныхъ учреждений, архіерейскихъ домовъ и монастырей. Обыкновенно въ нашихъ уѣздныхъ городахъ не менѣе двухъ-трехъ церквей, съ весьма рѣдкими исключеніями; при этихъ церквяхъ, особенно соборныхъ, два-три священника; епархіальной власти можно, при незначительныхъ усиліяхъ, дать имъ и причтъ изъ такихъ лицъ, кои были, по крайней мѣрѣ, въ низшемъ семинарскомъ классѣ. Если же число священно и церковно-служителей въ другихъ мѣстахъ не велико, то это показываетъ, что и народу тамъ немного; вообще у насъ количествомъ православнаго народонаселенія измѣряется количество мѣстнаго духовенства. Такимъ образомъ священно и церковно-служители извѣстныхъ мѣстъ, сложивъ свои силы, могутъ вполне удовлетворить потребностямъ мѣстныхъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ.

Но если гдѣ, то особенно въ юго-западной и западной Россіи чувствуется особенная потребность въ заведеніяхъ этого рода. Можно ручаться, что, не смотря на всѣ усилія правительства не допустить существованія въ краѣ латино-польской пропаганды, она у насъ не прекращаетъ своихъ занятій, въ чемъ едва-ли кто сомнѣвается; а потому и религіозныя и политическія побужденія заставляютъ насъ употребить всевозможныя усилія къ предотвращенію вредныхъ дѣйствій ея, по крайней мѣрѣ, на православное народонаселеніе. А кому неизвѣстно, что въ этомъ случаѣ недовольно однихъ воспретительныхъ мѣръ, а необходимо распространеніе въ народѣ православно-русскаго образованія, составляющаго единственно-вѣрную опору неприкосновенности церкви и государства. И кто въ состояніи осуществить это особенной важности требованіе, какъ не сословіе, совмѣщающее въ себѣ всѣ необходимыя для того качества? Стоитъ только взяться за дѣло съ искреннею готовностію и надлежащимъ усердіемъ, и можно ручаться за успѣхъ.

Воскресныя и праздничныя школы должны составлять элементарныя заведенія; слѣдовательно и объемъ преподаванія въ нихъ долженъ заключаться въ тѣсныхъ рамкахъ первоначальнаго обученія. По закону Божію—довольно сознательнаго изученія символа вѣры, десятословія, главнѣйшихъ повседневныхъ молитвъ, литургій и прочихъ частей православнаго Богослуженія. По части грамотности довольно умѣнія читать по славянски, читать и писать по руски, а также понимать читаемое; для счетности необходимо знакомство съ системою счисленія и первыхъ четырехъ дѣйствій съ простыми числами. Хорошо было бы обучать церковному пѣнію; такимъ образомъ, изъ охотниковъ у насъ образовались бы, въ болѣе замѣча-

тельныхъ мѣстахъ, церковныя пѣвческія хоры, чѣмъ могли бы быть замѣнены органы, которыми такъ гордятся латыняне, по причинѣ, будто бы, вліянія ихъ на молитвенное настроеніе и развитіе музыкальнаго вкуса. Хорошо было бы еще знать географію своей губерніи и сосѣдственныхъ; но эту науку можно преподавать не прежде составленія руководства для самихъ преподавателей. Тоже самое можно сказать относительно преподаванія, въ біографическихъ очеркахъ, исторіи своего края въ частности и всей Россіи вообще.

Для существованія воскресныхъ и праздничныхъ школъ нужны преподаватели; необходимы и матеріальныя средства для покупки разныхъ учебныхъ пособій. Принявъ за норму раздѣленіе занятій, существовавшее въ прежнихъ воскресныхъ школахъ, теперь закрытыхъ, можно предполагать, что въ академіяхъ, семинаріяхъ и уѣздныхъ училищахъ найдется довольно лицъ, готовыхъ удовлетворить потребностямъ, относительно преподаванія и части распорядительной, мѣстныхъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ; то же самое можно сказать объ архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ. Что же касается до священно и церковно-служителей меньшихъ городовъ и мѣстъ, то если бы нѣкоторые изъ нихъ пожелали за свои труды матеріальнаго вознагражденія, имъ, по приговору мѣстныхъ совѣтовъ, можно выдавать по 1 руб. сер. за два часа занятій въ школѣ чтеніемъ, письмомъ и ариметикою съ кружками учениковъ, изъ коихъ въ каждомъ должно быть не менѣе 4-хъ и не болѣе 6-ти. О преподаваніи закона Божія, при этомъ случаѣ, мы не упоминаемъ, потому что трудно предположить, чтобы между 3—4 священниками известной мѣстности не нашлось ни одного, готоваго преподавать этотъ предметъ безмездно (*).

Помѣщеніе воскресныхъ и праздничныхъ школъ въ мѣстахъ нахожденія духовно-учебныхъ заведеній можетъ быть въ классныхъ комнатахъ, въ праздничное время, обыкновенно, ни кѣмъ и ничѣмъ не занятыхъ. При архіерейскихъ домахъ и монастыряхъ можно помѣстить школу въ какомъ нибудь залѣ занимаемыхъ ими зданій, положимъ братской трапезѣ. Въ другихъ мѣстахъ, неизмѣющихся ни одного изъ этихъ заведеній, воскресныя и праздничныя школы могутъ найти пріютъ въ зданіяхъ, занимаемыхъ приходскими министерскими училищами, или въ училищахъ, заведенныхъ духовенствомъ при церквахъ, или, наконецъ, въ зданіяхъ, отведенныхъ для этой цѣли обществами, въ слѣдствіе сношеній съ ними мѣстныхъ духовныхъ властей.

Для первоначальнаго обзаведенія воскресныхъ и праздничныхъ школъ, довольно, на первый разъ, 100 р. с.; вполнѣдствіи эта сумма можетъ быть ежегодно отпускаема для обращенія, за вычетомъ необходимыхъ расходовъ на текущія потребности школы, на составленіе неподвижной бібліотеки, коей книги будутъ служить

(*) Вѣдныя священники дѣлаютъ самонужнѣшее и самотруднѣшее дѣло.

для пособія при преподаваніи и выдаваемы для чтенія, при надлежащемъ обеспеченіи, мѣстнымъ жителямъ. Сумма, требуемая какъ для первоначальнаго обузаведенія, такъ и послѣдующей ежегодной ассигновки, въ великорусскомъ краѣ составитъ изъ добровольныхъ приношеній всѣхъ сословій и преимущественно торговаго и фабричнаго; въ югозападной и западной Руси требуется непосредственнаго вспоможенія отъ правительства, которое можетъ употребить на этотъ предметъ суммы, составившіяся изъ 10—5-ти процентнаго сбора съ землевладѣльцевъ и штрафа за политическіе проступки. Таковыхъ на каждую школу пришлось бы ежегодно отпускать до 400 р. с., считая въ то число и жалованье преподавателямъ, кои того потребуютъ; слѣдовательно, на Волынскую губернію пришлось бы ежегодно расходовать въ пользу воскресныхъ и праздничныхъ школъ до 5 т. р. с. При такомъ условіи наши воскресныя и праздничныя школы были бы поставлены въ безопасное положеніе и утверждены на прочномъ основаніи. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что заведеніемъ воскресныхъ и праздничныхъ школъ можно бы поисправить нравственность нашего городского и ремесленнаго сословій; а кто не знаетъ, что она вообще была и есть въ состояніи не завидномъ, и что изъ городовъ порча разливается и на сельское народонаселеніе. Слѣдовательно, нравственный выигрышъ съ избыткомъ вознаградила бы не важную цифру матеріальной потери.

Въ настоящее время въ г. Житомирѣ находится духовное уѣздное училище, при которомъ, по общему плану, должна быть воскресная и праздничная школа. Ее можно бы открыть тотчасъ же, не ожидая общаго распоряженія; стоитъ только сдѣлать особое представленіе о дозволеніи высшею властію помѣстить при житомирскомъ уѣздномъ духовномъ училищѣ закрытую воскресную школу, бывшую при пѣвческомъ хорѣ здѣшняго архіерейскаго дома. Отъ нея осталась бібліотека, разныя учебныя пособія (географическія пособія, карты, аспидныя доски, счеты, бумага и проч.); осталось и денегъ болѣе 80 р. с. Стало бытъ всѣ необходимыя пособія для существованія школы есть подъ рукою; а преподавателями будутъ, вѣроятно, многіе изъ наставниковъ и лучшіе изъ воспитанниковъ духовнаго училища; примутъ, можетъ быть, участіе нѣкоторые изъ пѣвческаго хора волынскаго архіерейскаго дома. Программа и уставъ прежней воскресной школы, съ необходимыми измѣненіями и примѣненіями, могутъ служить руководствомъ для школы, предполагаемой къ открытію; при чемъ послѣднюю считать бы возобновленіемъ прежней, только съ измѣненнымъ названіемъ: *воскресной и праздничной школы при житомирскомъ духовномъ уѣздномъ училищѣ.*

Если представимъ, что латино-польская пропаганда въ краѣ не дремлетъ, распространяетъ между своими адептами понятія своего религіознаго и политическаго катихизиса и употребляетъ всевозможныя усилія къ парализированію русскаго элемента, то это дол-

жно усугубить нашу поспѣшность въ умноженію у насъ русскихъ учебныхъ заведеній—въ особенности для низшаго слоя народонаселенія, а слѣдовательно—въ немедленному открытію воскресныхъ и праздничныхъ школъ во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ Россіи вообще и особенно югозападнаго нашего русскаго края, подвергающагося сильному напору латинно-польскаго элемента.

СОСТОЯНІЕ УНИТСКОЙ ЦЕРКВИ НА УГОРСКОЙ РУСИ *).

Въ исходѣ 16-го столѣтія изобрѣтенная, для поработенія и уничтоженія восточной церкви, польскими іезуитами унія,—у насъ появилась около 1640 года, въ лицѣ мукачевскаго епископа Василія Тарасовича, измѣнившаго первыми православію, въ ряду своихъ предшественниковъ.— Съ этого времени болѣе ста лѣтъ боролся нашъ народъ за вѣру отцовъ своихъ; пока, наконецъ, 1768 г. духовенство наше, изнемогши подъ бременемъ утесненій, не находя другого спасенія изъ безвыходнаго горя, принуждено было купить право на достойную человѣка жизнь дорогою цѣною убѣжденія совѣсти и духовной независимости и повлекло за собою и всю массу простаго народа. И такъ, уже сто лѣтъ, какъ это деревце уніи окончательно насаждено въ нашу почву; при насаженіи котораго іерархи римской церкви надѣялись привить къ нему вѣточку изъ своего дерева и ожидали своихъ плодовъ; а наше духовенство думало подъ сѣнью сего вѣтвистаго дерева оградить себя отъ бурь грозной нетерпимости и улучшить свое бѣдное состояніе.

Теперь, по истеченіи столѣтія, разсмотримъ: каково состояніе сего деревца и какіе плоды принесло оно той и другой сторонѣ?

Русскій народъ, живущій въ Венгріи, въ церковномъ управленіи раздѣленъ на двѣ епархіи — мукачевскую и прашевскую. Начало первой точно не извѣстно; вторая же основана въ 1816 году изъ отдѣленныхъ отъ мукачевской епархіи приходоѡвъ. Во главѣ управленія сихъ двухъ епархій стоятъ епископы съ консисторіями, членами которыхъ,—въ качествѣ постоянныхъ мѣстныхъ совѣтниковъ,—суть каноники, всегда безбрачные или вдовцы, и другіе изъ благаго духовенства, избираемые по усмотрѣнію епис-

(*). Сообщено однимъ ученымъ уніятскимъ священникомъ изъ мукачевской епархіи. Ред.

копа и отличенные краснымъ поясомъ. Каноники, которыхъ въ мукачевской епархіи семь, а въ Прашевѣ пять,—избираются императоромъ изъ трехъ, представленныхъ епископомъ, одинъ. Императоромъ же избираются и епископы, не смотря на условіе у нихъ—избирать епископа духовенствомъ. До Іоанна Брадача, скончавшагося 1772 года, духовенство еще пользовалось правомъ избранія епископа, но съ этого времени государи уже сами избираютъ у насъ епископовъ. Также Брадачъ былъ первый епископъ, избранный изъ бѣлаго духовенства, давшій однакожъ обѣтъ жизни монашеской передъ рукоположеніемъ. Преемникъ его Андрей Бачинскій уже и сего обѣта не далъ, и съ тѣхъ поръ уже постоянно изъ бѣлаго духовенства избираются наши епископы. — Проводниками распоряденій епархіальнаго начальства между приходскими священниками названные, избираемые епископомъ, кругъ дѣйствія которыхъ, отличенныхъ тоже краснымъ поясомъ, состоятъ въ предсѣдательствѣ на собраніяхъ священниковъ, бываемыхъ дважды въ году, въ осеннее и весеннее время, въ надзорѣ за поведеніемъ священниковъ и надъ сельскими школами. — Обѣ эти наши епархіи подчинены латинскому остригомскому митрополиту, въ консисторію котораго должны посылаться для утвержденія всѣ супружескія тяжбы. Иго подчиненія латинскому митрополиту давно чувствуется нами и высвобожденіе изъ подъ него положено въ программу желаній и потребностей русскаго народа: неудобность сего подчиненія особенно возникаетъ при супружескихъ тяжбахъ, веденныхъ по причинѣ прелюбодѣянія. По законамъ церкви восточной, основаннымъ на словахъ св. писанія и преданія, — супружество по причинѣ прелюбодѣянія разрушается, а по законамъ западной церкви оно ни въ какомъ случаѣ не разводимо. Такъ случилось 1857 года, когда мукачевскою консисторію одинъ бракъ по прелюбодѣянью былъ разведенъ, а остригомскою латинскою консисторіей было такое разрушеніе брака отвергнуто и даже оспариваемо и самое право греко-унитской церкви разторгать супружество по причинѣ прелюбодѣянія. По сему поводу возникъ занимательный споръ между двумя консисторіями, въ которомъ въ имени нашей консисторіи протоіерей каноникъ Іоаннъ Чурговичъ принялъ на себя трудъ защищенія сего права восточной церкви. Сей знаменитый, блаженной памяти, мужъ нашъ, докторъ богословія, въ своемъ, на латинскомъ языкѣ писанномъ, сочиненіи такими неопровержимыми доказательствами

ни защищать право нашей церкви, что латинская митрополичья консисторія пришла совершенно въ тупикъ. Митрополитъ латинскій передалъ сочиненіе Чурговича богословскому отдѣлу пензенскаго университета; но и тамъ сочли лучшимъ хранить благоразумное молчаніе по сему вопросу.

Для обученія богословія у насъ существуетъ одна семинарія въ Ужгородѣ—Ungvár—, куда консисторіями обѣихъ епархій посылаются окончившіе 8-й классъ гимназій и принятые въ число духовенства воспитанники, по истеченіи 4 лѣтъ окончиваютъ курсъ богословскихъ наукъ. Всѣ предметы, за исключеніемъ пастырскаго богословія, преподаются на латинскомъ языкѣ, въ духѣ умѣренно латинскомъ. Для содержанія семинаріи отпускается правительствомъ изъ фонда церковнаго на cadaго воспитанника по 160 гульденовъ. Это богословское заведеніе основано въ 1771 г. Марією Терезіей и помѣщается въ старинномъ ужгородскомъ замкѣ. Посылаются еще изъ обѣихъ епархій по 2 воспитанника въ главную латинскую семинарію въ Вѣну.

Число благаго духовенства мукачевской епархіи въ 376 приходахъ и по другимъ должностямъ простирается до 487 человекъ, въ пряшевской же епархіи въ 186 приходахъ и въ другихъ занятіяхъ считается 207 лицъ. — Духовенство наше съ 1854 года получаетъ денежное пособіе изъ фонда церковнаго, дополняющее недостатокъ 300 гульденовъ— суммы жалованья приходскаго священника. Не смотря на такое пособіе, простирающееся отъ 160 до 180 гульденовъ,—приходское наше духовенство принуждено хозяйствомъ обезпечивать свое существованіе. Главными средствами для содержанія приходскаго священника служатъ: участки усадебной и полевой земли, обрабатываемый трудами прихожанъ, изъ которыхъ каждый, владѣющій полевой землею, долженъ священнику работать 2 дня въ году, а имѣющій только домъ и усадьбу—одинъ день. Прихожане должны также доставлять священнику известное количество такого зерноваго хлѣба, какій у нихъ родится, и платить за требосправленія по установленію епархіальнаго начальства. А чего еще недостаетъ изъ сихъ доходовъ къ окладу жалованья въ 300 гульденовъ, то доплачивается изъ фонда церковнаго наличными деньгами. Разумѣется, что есть и большіе приходы, въ доходахъ которыхъ изъ фонда ничего не доплачивается и въ которыхъ жизнь священника довольно обезпечена. Сверхъ сего священникъ имѣетъ жилище и

дрова. — У насъ нигдѣ нѣтъ діаконовъ, а только церковные пѣвцы, которые имѣютъ тоже участокъ земли, обрабатываемый своимъ или наемнымъ трудомъ, и получаютъ зерновой хлѣбъ, равно и плату за содѣйствіе священнику въ требосправленіяхъ.

Для обезпеченія судьбы вдовъ и сиротъ священниковъ, въ ярминецкой епархіи дѣлаются духовенствомъ по установленію ежегодныя складчины, которыя ежегодно раздѣляютъ между вдовами и сиротами. Въ мукачевской же епархіи стараніемъ блаженной памяти Поповича составленъ постоянный фондъ, въ который каждый приходскій священникъ обязанъ вносить 20 гульденовъ ежегодно, въ продолженіи 10 лѣтъ, — изъ каковаго фонда, состоящаго подъ надзоромъ консисторіи, каждая вдова получаетъ 52—60 гульденовъ, а сирота, до 18 года — по 20 гульд. На основаніи такого права вдовъ и сиротъ поповскихъ въ сему фонду, составленному единственно изъ взносовъ духовенства, — епископомъ Поповичемъ постановлено, что каждый духовный воспитанникъ, если хочетъ жениться на дѣвицѣ свѣтскаго званія, или хотя и священнической, но изъ другой епархіи — долженъ уплатить, въ пользу сего фонда, такую сумму, которая соотвѣтствуетъ пособию, получаемому вдовами въ видѣ процентовъ.

Для сиротъ — мальчиковъ священническихъ существуетъ въ Ужгородѣ заведеніе, основанное епископомъ Поповичемъ (1831) и поддерживаемое взносами жертвоприношеніями духовенства. Въ этомъ сиротскомъ домѣ мальчики, учащіеся въ гимназіи, получаютъ жилище и столъ. — Такое же заведеніе задумано основать и для сиротъ — дѣвицъ духовнаго званія, съ цѣлью дать имъ пріютъ и воспитаніе въ духѣ нашего обряда и народности. Потребность такого заведенія, въ которомъ бы кромѣ сиротъ обучались у другія дѣвочки, весьма чувствуется нами; такъ какъ женскій полъ нашего духовенства, воспитанный подъ враждебнымъ вліяніемъ латинскихъ сестеръ милосердія, совсѣмъ чуждъ нашей вѣры и народности. Основаніе сего заведенія уже положено жертвами нѣкоторыхъ нашихъ священниковъ; но какъ пожертвованной доселѣ суммы еще не достаточно для открытія его, — то исполненіе ожидаетъ еще больше покровителей изъ среды духовенства.

Всего монашескаго духовенства, въ 7-ми нашихъ монастыряхъ, считается около 50 лицъ. Оно надѣлено основателями землемъ; но въ убогихъ монастыряхъ часто принуждено и милостынею под-

держивать свое существованіе. Всѣ наши монахи носятъ бороды и рясы; но, къ прискорбію, часто мѣняютъ свою важную монашескую одежду на свѣтскую, модную. Въ послѣднее время монашество наше, правду сказать, не только количествомъ, но и качествомъ со дня на день упадаетъ.— Обыкновенно поступаютъ въ монашество люди молодые, едва окончившіе два-три класса гимназій, а часто и вовсе некончившіе никакихъ классовъ, а только выучившіеся читать. А между тѣмъ въ монастырѣ все ихъ ученіе ограничивается чтеніемъ, писаніемъ, пѣніемъ и нѣкоторыми только первоначальными познаніями, послѣ котораго уже отсылаютъ ихъ въ повчанскій монастырь для изученія богословія, которое имъ преподается на русскомъ языкѣ и изъ котораго они должны подвергаться ежегоднымъ испытаніямъ, въ Ужгородѣ, передъ профессорами богословскаго лица. Наши монахи не занимаются ученіемъ, за исключеніемъ монастыря повчанскаго, гдѣ они по волѣ основателя обязаны учить дѣтей въ первоначальной школѣ мѣстечка Повчъ. Бездѣйствіе, отсталость—суть причиною многихъ упрековъ, бросаемыхъ образованнымъ обществомъ въ нашихъ иноковъ. Для поднятія образованія и для сохраненія ихъ отъ совершеннаго упадка, непременно нужно бы имъ основать въ одномъ изъ монастырей домашнее 5 классное училище, для подготовленія своихъ новичковъ (послушниковъ) къ богословію.— Во главѣ монашества нашего, подъ властію епархіальнаго епископа, стоятъ протоиерей, избираемый братіею на три года и имѣющій мѣстопробываніе въ мукачевскомъ монастырѣ. Также избираются и настоятели прочихъ монастырей, то есть большинствомъ голосовъ на общемъ собраніи представителей всѣхъ монастырей. Это выборное начало у нашихъ монаховъ хотя и имѣетъ нѣкоторую выгоду, но вообще оно, по частой пережвнѣ настоятелей, не считается мѣрою, приносящею дальнѣйшую пользу нашему черному духовенству.

Хотя цѣлостъ и чистота греческаго обряда и подвержена у насъ нѣкоторымъ пережвнаніямъ; но все таки обрядъ у насъ гораздо чище сохранился, чѣмъ у галицкихъ и холмскихъ унитовъ. Въ нашихъ церквахъ повсюду суть иконостасы, и, за изытіемъ монастырскихъ и пѣкоторыхъ немногихъ другихъ церквей, повсюду только одинъ престоль. Нѣтъ у насъ, и никогда и не будетъ, ни *монстранцій* и органовъ, ни другихъ безобразныхъ принадлежностей латинскаго обряда, которыми такъ жалко изобилуютъ

унитскія церкви холмской и галицкихъ епархій. — Были у нашихъ священниковъ попытки, еще во время епископа Поповича, носить бороды, отчасти правда не изъ чистой любви ко греческому обряду, а просто изъ уваженія къ этому мужескому отличію и украшенію лица; — были попытки и подрясникъ латинскій замѣнить на греческій; но все это было запрещено епископомъ. На возраженіе одного воспитанника духовнаго: что мы, будучи обряда греческаго, должны соблюдать во всемъ обычаи и постановленія сей церкви, — епископъ Поповичъ замѣтилъ: „ли любовь къ вѣрѣ церкви нашей должны носить въ сердцѣ, а не въ одеждѣ.“ — Была попытка, въ послѣднее время, выбросить и колокольчики изъ храмовъ, какъ вещь не нужную; но это было запрещено, какъ равно и всякая переиѣна въ доселѣ утвердившемся у насъ обрядѣ. Съ прискорбіемъ должно здѣсь замѣтить, что въ прышевской епархій есть люди, которые позволяютъ себѣ нарушать неприкосновенность нашего обряда, даже въ прышевской архіерейской церкви допускаются безобразныя нововведенія изъ латинскаго обряда и оставленія ектеній, происходящія, конечно не изъ усердія къ славѣ Божіей.

Заботливостью бл. пам. епископа Поповича, запретившаго строить деревянныя храмы, у насъ, въ мукачевской епархій, подъ 26-лѣтнимъ управленіемъ его, воздвигнуто множество каменныхъ церквей, по большей части собственными средствами поселятъ, такъ, что нынѣ у насъ очень мало старыхъ деревянныхъ церквей и въ короткомъ времени повсюду будутъ замѣнены прочными каменными.

Подъ долгимъ правленіемъ Василія Поповича, отличившагося особенною любовью къ греческой церкви, — много сдѣлано въ пользу епархій мукачевской. Но послѣдніе годы жизни его были огорчены предательствомъ. Участіемъ одного молодого священника, приверженца ультрамонтанской секты — предательски донесено римскому нунцію и папѣ: что мукачевская епархія колеблется въ униі, что римскій католицизмъ въ ней клонится къ упадку. — Хотя правда, что епископъ Поповичъ отличался большою любовью къ постановленіямъ своей церкви, — что наше духовенство рѣшительно противится ученію о непогрѣшимости папы; но все таки оно, по нѣкоторымъ изъ нашего убогаго состоянія вытекающимъ причинамъ, необходимымъ почитаетъ держаться униі.

Въ епархій мукачевской есть около 50 приходоу, числящис-

ся 60 тысячи душъ, живущихъ среди мадьярскаго населенія, но они забыли свой русскій языкъ и говорятъ теперь только по-мадьярски, хотя впрочемъ называютъ себя еще русскими по вѣрѣ и по происхожденію. На основаніи ученія восточной церкви, по которому каждый народъ можетъ совершать свое богослуженіе на понятномъ для него языкѣ, — священники упомянутыхъ селеній стали требовать, въ послѣднее время перевода литургіи на мадьярскій языкъ. Но послѣку введеніе новаго языка въ богослуженіе унитской церкви зависитъ отъ папы, то епископъ Поповичъ и не могъ дозволить имъ употребленія мадьярской литургіи, предоставивъ однако право пользоваться своимъ языкомъ при богослуженіи въ пѣніи церковномъ, въ чтеніи св. писанія и при совершеніи таинствъ и другихъ требоисправленій. Трудами переводчика ихъ, священника Рохковича, они имѣютъ уже мадьярскую молитвенную книгу и катехизмъ.

Въ прошломъ году распространялось у насъ сочиненіе: „Братское привѣтствіе Ширава“, но оно тотчасъ было запрещено и отобрано епархіальнымъ блюстителемъ. Появленіе у насъ русской брошюры затревожило умы многихъ; даже правительство обратило на это свое вниманіе; но узнавъ, что брошюра чисто духовнаго содержанія, прекратило свое гоненіе неповинной брошюры. Прошлаго же года, изъ книгопечатни пештанскаго университета появился русскій букварь для нашихъ сельскихъ школъ, въ которомъ въ символѣ вѣры, была пропущена, вѣроятно какъ оечатка, — прибавка „и Сына“. Но и на этотъ букварь былъ наложенъ запретъ епархіальнымъ начальствомъ.

Объ отношеніи нашего духовенства къ латинскому должно сказать, что оно довольно холодно. Духъ гордости и преобладанія латинскаго духовенства разрушаетъ всякое дружелюбное отношеніе между нами. Не смотря на то, что въ нашемъ катехизмѣ преподается ученіе о единствѣ нашей вѣры съ латинскою, — простой нашъ народъ однако не видитъ сего единства и всегда различаетъ свою русскую вѣру отъ латинской, которую напѣвскою называетъ.

Наконецъ, русскій читатель, долженъ я вамъ сообщить смутную вѣсть, доходящую до насъ изъ ужанской жупы (comitatus Ung.), будто бы тамъ нѣкоторые русскія селенія, огорченныя злоупотребленіями священниковъ своихъ и подстрекаемыя латинскою пропагандою, хотѣли совратиться въ латинство. Епархіальное

наше правительство внесло тамъ слѣдственную комиссію противъ злоупотребленій нѣкоторыхъ священниковъ, обжалованныхъ прихожанами, и принимать всѣ возможныя мѣры, чтобы успокоить взволнованный народъ и предохранить его отъ измѣны вѣрѣ отцовъ. Нашъ народъ крайне бѣденъ и весьма тягостнымъ почитаетъ для себя содержаніе священника. А этою то слабю стороною его и воспользовались латинскіе дунехваты, чтобы лишить его вѣры, а потомъ и народности. — Но Господь Богъ, хранящій цѣлое тысячелѣтіе горсть русскаго народа, заброшеннаго въ ущелія Карпатовъ, вѣруемъ и надѣемся сохранить его и отъ сей измѣны!

ИЗЪ М. СМОРГОНЬ ВИЛЕНСКОЙ ГУБЕРНІИ ОПШЯНСКАГО УѢЗДА.

10-е апрѣля 1866 года останется навсегда въ памяти жителей м. Сморгонь и окрестныхъ съ нимъ селеній. Въстѣ о безпримѣрномъ злодѣяніи — покушеніи на жизнь Освободителя народа, обожаемаго Монарха, съ быстротою молніи огласившая Россію, повергла въ невыразимую скорбь и негодованіе и жителей м. Сморгонь. Всякій по своему старался выразить чувства любви и преданности Августѣйшему Монарху. Православные крестьяне, прихожане сморгонской церкви, на сходѣ, бывшей 8-го апрѣля, въ порывѣ скорби и негодованія къ злодѣю и безпредѣльной любви къ Царю-Батюшкѣ, тотчасъ же составили адресъ къ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, съ выраженіемъ вѣроподданнической любви ЕГО ВЕЛИЧЕСТВУ, и въ память чудеснаго избавленія ЕГО жизни отъ руки злодѣя рѣшили показать образъ во имя преподобныхъ Іосифа, Георгія и Зосими, чествуемыхъ православною церковію 4-го апрѣля. Кромѣ сего, не дожидая отъ правительства officialнаго извѣстія о злодѣяніи, постановили собраться въ приходскую церковь 10-го апрѣля и возблагодарить Вседержителя Творца за спасеніе жизни Помазанника Божія. И вотъ настало 10-го апрѣля. Съ утренней зарей до 8-ми часовъ утра народъ изъ окрестныхъ селъ и деревень толпами спѣшилъ въ церковь. Утромъ, мѣстнымъ священникомъ отслужено было всенощное бдѣніе, а ровно въ 10-ть часовъ заблаговѣстили къ обѣднѣ. По совершеніи проскомидіи, предъ литургіей, мѣстнымъ священникомъ сказано было народу

краткое слово, въ которомъ священникъ возбуждалъ православныхъ къ усердной молитвѣ о спасеніи Царя, убѣждалъ, уповая на Бога, не боясь и не обращая вниманія на угрозы враговъ, идти твердо и смѣло по пути, указываемому правительствомъ. На лицахъ народа замѣчена была — у нѣкоторыхъ радость о спасеніи Благодѣтеля — Царя, у другихъ удивленіе, откуда взялся извергъ, отважившійся на неслыханное злодѣйство, — а у иныхъ мрачныя лица выражали злобу и месть врагамъ. Нѣсколько десятковъ р. католиковъ выразили желаніе оставить латинство и присоединиться къ православной церкви, что дѣйствительно и исполнили. Вообще замѣтно, что многіе изъ латинствующихъ, съ которыми намъ приходилось говорить, значительно охладѣли къ есендзамъ и папству. Въ 11-ть часовъ утра началась божественная литургія. Разнородныя чувства утишились и слились въ одну общую благодарную молитву за спасеніе Царя. Народъ, во время литургіи, не могъ вмѣститься въ храмъ, поэтому, чтобы доставить возможность и остальнымъ соединить вмѣстѣ съ церковью свои молитвы, устроенъ былъ крестный ходъ на площадь предъ церковію. По окончаніи литургіи, въ преднесеніи св. креста, св. иконъ и хоругвий, крестный ходъ двинулся на площадь. Военскіе чины квартирующей здѣсь артиллеріи и пѣхоты, подъ начальствомъ любимаго и уважаемаго жителями подполковника Чернопятава, привѣтствовали крестный ходъ отданіемъ ему воинской почести. Умилительно было видѣть массу народа, около 3,000 человекъ, колѣно-преклоненною. Умилительно было видѣть старыхъ и юныхъ, мужей и младенцевъ, одними устами и однимъ сердцемъ благодарившихъ Бога о спасеніи Отца-Освободителя, о дарованіи ЕМУ здоровья, объ осуществленіи благихъ ЕГО предначертаній и мирнаго житія на многа лѣта. При провозглашеніи священникомъ Августѣйшему Монарху многолѣтія, нарѣвая батарея артиллеріи вторила звону колоколовъ и пѣнію елѣра и изъ четырехъ орудій выпустила 51 выстрѣлъ. По окончаніи молебна, войска и народъ окрошены были св. водою и прикладывались ко кресту. Отъ жителей м. Сморгонь, войска угощены были винною порціей и булками. При провозглашеніи госта за здравіе Августѣйшаго Монарха, громогласное и протяжное ура! долго раздавалось во всѣхъ концахъ и мѣстахъ базарной площади. Вечеромъ мѣстечко было иллюминировано.

Благодареніе Богу благодателю нашему всегда и за все! Въ

настоящемъ грустно-радостномъ избавленіи отъ смерти нашего Монарха видимъ какъ бы требованіе Богомъ у здѣшняго народа отчета за время, прожитое послѣ мятежа 1863 года. И слава Богу! успѣхъ видѣть громадный. До 1863 года этотъ же самый народъ, на всѣ радостныя, или печальныя вѣсти о судьбѣ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и ЕГО Августѣйшаго Дома оставался безгласнымъ и равнодушнымъ, до того поляки и латинство успѣли притупить у нихъ всѣ благородныя чувства. А теперь? Еще послѣ мятежа прошло только два года, и уже видимъ тотъ же народъ иначе глядящій на вещи, иначе глядящій на другихъ и на себя. Этотъ же самый народъ начинаетъ срывать съ глазъ своихъ плотную повязку, толстую напску скорлупу, начинаетъ различать истину отъ лжи и, при вѣсти о козняхъ, замышляемыхъ его Освободителю и будущему своему благоденствію, у него теперь, на мѣсто прежняго равнодушія и безчувственности, видны на глазахъ слезы благодарности Творцу на спасеніе жизни своего Освободителя, и на лицѣ видна серьезная дума, какъ защититься и оградить себя отъ домашнихъ враговъ.

С. И. Г.....тъ.

1866 года
11-го апрѣля.
М. Сморгонь.

ВИЛЬНА, 1-ГО МАЯ 1866 Г.

(Первый сѣверо-западный русскій праздникъ).

Вильна особенно счастлива на праздники. Даже общерусскія и общерелигіозныя торжества нерѣдко принимаютъ въ ней особый характеръ и личный оттѣнокъ. 1-е мая, совпавшее въ этомъ году съ днемъ воскреснымъ, вся Русь православная праздновала болѣе согласно, привольно и торжественно, чѣмъ какъ она обыкновенно празднуетъ день полного возрожденія растительнаго царства и начало прекраснѣйшаго изъ періодовъ года. Но виленскій праздникъ 1-го мая, кромѣ этого общаго всей Россіи значенія, имѣетъ и свое мѣстное и многознаменательное: онъ не только въ этотъ день торжествуетъ возрожденіе природы, воскресеніе царства растительнаго, но и умротовереніе и возрожденіе сѣверо-западной Россіи къ новой жизни. воскресеніе въ ней русской вѣры и народности

послѣ долгара цѣпененія ихъ подъ хладнымъ давленіемъ чуждой пропаганды. 1-го мая 1863 г. вдохновенный Богомъ Монархъ русскій указалъ этому многострадальному краю его архистратига, въ лицѣ графа *Михаила Николаевича Муравьева*; 1-го мая 1855 г. сей новый архистратигъ, съ соизволенія Повелителя Россіи, сложилъ съ себя бремя сугубаго правленія краемъ и тѣмъ показалъ, что гидра краколы, терзавшей его, подавлена, что главный подвигъ правителя оконченъ, что администрація страной вступать почти въ обычную колею своихъ отправленій, — что въ два года можно сдѣлать, при широкомъ умѣ, сильной волѣ и русскомъ сердцѣ, болѣе, нежели сколько могли бы сдѣлать природы, менѣе могучія, въ два десятилѣтія.

За то и Вильна крѣпко помнить и никогда не забудеть 1-го мая; за то она и празднуетъ его такъ торжественно и разнообразно, какъ не празднуютъ его нигдѣ въ Россіи. Вильна, какъ и должно быть, придала своему празднику и религіозный и народный характеръ. Въ Св. Духовомъ монастырѣ совершилъ литургію преосвященный Александръ. Послѣ литургіи, преосвященный, г. начальникъ губерніи (*), весь генералитетъ, всѣ чины военные и гражданскіе, въ парадныхъ формахъ, вся православная а отчасти неправославная, и даже нехристіанская, Вильна послѣдила на Георгиевскую площадь. Здѣсь, въ сослуженіи всего почетнѣйшаго виленскаго духовенства, преосвященный Александръ совершилъ молебствіе св. Благовѣрному князю Александру Невскому, съ колѣнопреклоненною въ концѣ молебна молитвою. Предъ молебномъ, отецъ ректоръ здѣшней семинаріи, архимандритъ Іосифъ сказалъ краткую, но многосодержательную и энергичную рѣчь, объясняющую значеніе торжества, а по окончаніи молебна провозглашено было многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, вѣчная память „православнымъ воинамъ и всѣмъ за вѣру и отечество убиеннымъ во время бывшаго злодѣйскаго мятежа“, — многолѣтіе высокопреосвященнѣйшему Іосифу, митрополиту литовскому и виленскому, преосвященному Александру, военачальникамъ, градоначальникамъ, всероссійскому воинству и всѣмъ православнымъ христіанамъ. При пѣніи многолѣтія Государю Императору, военный оркестръ исполнилъ народный гимнъ, сопровождавшійся громкимъ

(*) Г. главный начальникъ края наканунѣ выѣхалъ въ С. Петербургъ.

ура! прекратившихся по случаю слѣдующаго возгласенія протодиакона. По окончаніи молебствія, народъ, войска и гимназисты были окроплены отъ пресвященнаго св. водою.

Торжество это было полно глубокаго смысла и неописаннаго величія. Дружное сочетаніе молитвенныхъ возгласеній и пѣснопѣвній задранныхъ и заубойныхъ поминутно переносило нашу мысль и взоръ отъ земли на небо, съ неба на землю; громовое, широкое, полной могучею грудью воснѣваемое — многая лѣта, восторгало душу русскую, потрясало всѣ фибры сердца, какъ бы слышлось огласить своими звуками всю необъятную землю русскую; заунывное — вѣчная память мгновенно укрощало бурные порывы жизни, уносило мысль и чувство въ жизнь иную, заставляло вздохнуть къ Богу объ упокоеніи со святыми героевъ-мучениковъ, именами которыхъ покрыта св. Александровская часовня, воздвигнутая для увѣковѣченія ихъ памяти въ грядущихъ поколѣніяхъ. Самая площадь представляла картину рѣдкой живописности и торжественности. Вся она была переполнена собравшимися на религіозно-патріотическій праздникъ, окна прекрасныхъ домовъ, окаймляющихъ площадь, унижены были лицами зрителей; лучи солнца, поминутно выглядывавшаго изъ за легкихъ, безводныхъ облачковъ, словно обдавали золотымъ огнемъ дивный куболъ часовни-памятника, на крыльцѣ котораго совершалось молебеніе; на душѣ было и весело и грустно, но больше весело, чѣмъ грустно. Минюлетное облачко грусти, навѣянное воспоминаніемъ о мученической кончинѣ нашихъ собратій, быстро смѣнялось свѣтомъ вѣры, святостью принесенной ими жертвы, безконечностью ихъ райскаго блаженства, величию услугъ, оказанныхъ ими Россіи и православію.

Вечеромъ, на смѣну праздника религіознаго, явился праздникъ народный. Въ нижнемъ отдѣленіи Ботаническаго сада устроенъ былъ общенародный праздникъ; два хора военной музыки и хоръ пѣсенниковъ, съ 6-ти часовъ до 12-ти по полудни, исполняли преимущественно русскія пьесы и пѣсни; всѣ главныя аллеи сада и прудъ были ярко иллюминированы. Въ верхнемъ же отдѣленіи сада, гдѣ имѣеть лѣтнее помѣщеніе клубъ, праздникъ 1-го мая, кромѣ общаго, имѣлъ еще отчасти и свой личный характеръ. Здѣсь собрались отпраздновать этотъ незабвенный для западнаго края Россіи день всѣ сослуживцы графа Муравьева — военные и гражданскіе, съ своими семействами, болѣе торжественнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ семейнымъ образомъ. На собранныя деньги по подпискѣ, —

устроена была иллюминація этой части сада болѣе блистательная, чѣмъ въ нижнемъ саду: освѣщеніе по карнизамъ и наличникамъ оконъ и дверей двухэтажнаго клубнаго дома шкालивами, а фронта этого дома, двухъ деревъ на срединѣ площади и главной аллеи сада разноцвѣтными лампіонами и китайскими фонарями, — производило на зрителей волшебное впечатлѣніе, усугубляемое поперебѣнною игрою русскихъ пѣснь хороше военной музыки и разудалыхъ пѣніемъ пѣсенниками, квартирующаго въ Виднѣ, Оренбургскаго полка русскихъ народныхъ пѣсень.

Изъ сихъ послѣднихъ въ особенности заинтересовала публику своимъ содержаніемъ и отличнымъ исполненіемъ нарочно сложенная для этого торжества солдатская пѣсня. Восторженная публика заставила ее повторить нѣсколько разъ, а автора ея, артиллерій штабсъ-капитана г. Меньшикова, привѣтствовала русскимъ ура. Въ 10 часовъ сожженъ былъ весьма разнообразный фейерверкъ, и когда появились брилліантовья триумфальныя ворота и вензелевое изображеніе Государя Императора въ лавровомъ вѣнкѣ, — вся публика верхняго сада огласила воздухъ громовымъ воплемъ ура, подхваченнымъ еще звучнѣе огромною массою народа разныхъ сословій, вѣроисповѣданій, пола и возраста, наполнявшаго, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, весь довольно обширный, нижний садъ. Вслѣдъ за этимъ взрывомъ народнаго восторга, хоры музыки обонхъ садовъ проиграли гимнъ, повторенный, по потребованію публики, нѣсколько разъ и всегда оканчиваемый со стороны публики единодушными криками ура! Чудныя горы, у подножія которыхъ расположенъ верхній садъ, облитыя усиленнымъ бенгальскимъ огнемъ, дополняли волшебство картины; погода, которая сдѣлала бы честь и 1-му мая въ Неаполѣ, удвоила наслажденіе гуляющихъ.

Послѣ фейерверка, посѣтителѣ верхняго сада угощены были прекраснымъ ужиномъ, устроеннымъ въ огромной палаткѣ, раскинутой, для этого случая, на площади сада. За ужиномъ подняты были тосты: за здравіе Государя Императора и всего Царствующаго Дома, за главнаго начальника края, за графа Михаила Николаевича Муравьева — невидимо, такъ сказать, присутствовавшаго въ этотъ моментъ въ душахъ всѣхъ собравшихся отпраздновать умротвореніе нѣ края, за О. И. Комиссарова-Костромскаго, за начальника губерніи, за присутствующихъ, за успѣхъ русскаго дѣла въ сѣверо-западномъ краѣ и проч. проч., забыты были также, авторъ „Солдатской пѣсни“ и распорядители праздника, счумѣвшіе

угреть его къ полному удовольствію войскъ привлекать въ войскъ участіе. (*)

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Высочайшіе рескрипты и грамоты нѣкоторымъ іерархамъ западной Россіи.

I.

1. *Высокопреосвященному Иосифу, митрополиту литовскому и виленскому, о пожалованіи осыпаннаго драгоценными камнями посоха и предложеніе ево высокопреосвященства въ д. консисторію, по этому случаю.*

Пресвященный Митрополитъ Литовскій *Иосифъ!* Обозрѣвая пройденное вами многолѣтнее служеніе, МНѢ пріятно остановить вниманіе на незабвенныхъ заслугахъ, коими ознаменована многосторонняя и многополезная ваша дѣятельность. Возвративъ съ достойными сподвижниками вашими въ нѣдра православія миллионы душъ единоплеменнаго народа, вы неутомимо стремитесь къ утверженію вѣры православной во вѣрющей вамъ, искони русской, паствѣ, руководя ее словомъ и примѣромъ къ неразрывному соединенію съ прародительскимъ благочестіемъ и бдительно сохраняя въ этомъ единеніи. Недавнія событія показали, сколь благотворна и полезна такая ваша дѣятельность для православной церкви и русской народности. Во изъявленіе полнаго и совершеннаго МОЕГО къ вамъ благоволенія за столь важныя заслуги ваши, препровождаю при семъ Всемиловствѣйше жалуетый МНОЮ вамъ посохъ, осыпанный драгоценными камнями, усердно желая, да Божественный Пастырь-Начальникъ хранить и укрѣпляетъ васъ на новыя подвиги къ благу святой православной церкви и отечества.

Поручая СЕБЯ молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«*АЛЕКСАНДРЪ.*»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

27 Марта 1866 года.

(*) На другой день о праздникѣ въ саду посланы г. Начальникомъ губерніи телеграммы къ графу Муравьеву.

Его Высвопреосвященство, по этому случаю, дасть литовской консисторіи, отъ 31 минувнаго марта, за № 468, слѣдующее *предложеніе*:

«При отношеніи г. синодальнаго оберъ-прокурора, отъ 27-го марта, за № 1695, удостоился я получить Высочайшій рескриптъ отъ того же дня, о Всемиловивѣйшемъ пожалованіи мнѣ по-соха, украшеннаго драгоцѣнными камнями. Рескриптъ сей пре-провождая при семъ въ консисторію въ спискѣ и предлагаю оной объявить его всему духовенству литовской епархіи. Всемло-стивѣйшія слова рескрипта не только лестны милостивымъ вни-маніемъ ко мнѣ Государя Императора, но и знаменательны благосклонною, одобрительною оцѣнкою пути, пройденнаго здѣш-нею православною паствою и ея пастырями. Да потщится-же эта паства и ея пастыри дальнѣйшимъ слѣдованіемъ по тому же пути преуспѣянія, въ духѣ истиннаго православія и русской народно-сти. Надѣюсь, что по сему случаю духовенство литовской епар-хіи принесетъ теплыя молитвы Всевышнему о благоденствіи Го-сударя Императора и Августѣйшаго Дома. Надѣюсь, что оно помолится Господу Богу и о мнѣ недостойномъ, да укрѣ-питъ Онъ силы мои на дальнѣйшее служеніе Царю, отечеству и церкви православной и на благо ввѣренной мнѣ паствы.»

2. *Преосвященному Арсенію, митрополиту кіевскому и га-лицкому.*

Управляя старѣйшею въ Россіи святительскою каедрою, вы являете себя доблестнымъ преемникомъ приснопамятныхъ пред-шественниковъ вашихъ. Въ духѣ святой православной вѣры и истинно христіанскаго благочестія руководя ко спасенію Богомъ ввѣренную вамъ паству, вы знаменуете архипастырское служеніе ваше неутомимою ревностію о распространеніи между пастырями и пасомыми свѣта истиннаго просвѣщенія и объ улучшеніи духо-вно-правственнаго благосостоянія епархіи. Съ отеческими забота-ми о ея духовныхъ нуждахъ вы въ тоже время соединяете поле-зное и благотворное участіе въ высшемъ церковномъ управленіи, по званію члена святѣйшаго синода. Желая почтить столь важ-ныя заслуги ваши знакомъ особаго Нашего вниманія и благоволе-нія, Всемиловивѣйше сопричисляемъ васъ къ Императорскому ор-дену Нашему святаго апостола Андрея Первозваннаго, благовѣст-ника христіанства въ странѣ, гдѣ вы нынѣ подвизаетесь въ ар-хипастырскомъ служеніи церкви и отечеству. Святыя молитвы его да сохранять васъ на дальнѣйшее прохожденіе вашего поприща и да споспѣшествуютъ вамъ ко благому и плодотворному испол-ненію возложенныхъ на васъ обязанностей по устройству духов-но-учебныхъ учрежденій.

Препровождая къ вамъ знаки сего ордена и повелѣвая возложить ихъ на себя и носить по установленію, пребываетъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано :

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
27 Марта 1866 года.

3. Члену святѣйшаго правительствующаго синода, преосвященному архіепископу Василію.

Со времени достопамятнаго воссоединенія съ православною церковію бывшихъ чадъ ея, постоянно управляя вѣрною вамъ епархію, вы не преставали являть ревность на архіепастырскомъ вашемъ поприщѣ и опытность въ руководствѣ паствою. Во вниманіи къ отлично полезному и долговременному служенію вашему, важнымъ заслугамъ церкви православной и понесеннымъ трудамъ желая изъявить особенное Наше благоволеніе, Всемилостивѣйше сопричисляемъ васъ въ Императорскому ордену Нашему святаго равноапостольнаго князя Владиміра первой степени. Всевышній да сохранитъ васъ и укрѣпитъ силы ваши для дальнѣйшаго служенія святой православной церкви.

Препровождая при семъ знаки сего ордена и повелѣвая возложить ихъ на себя и носить по установленію, пребываетъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонны.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано.

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.
27 Марта 1866 года.

II.

Всеподданнѣйшее письмо высокопреосвященнаго митрополита литовскаго и виленскаго Іосифа Государю ИМПЕРАТОРУ, съ выраженіемъ вѣрноподданнической преданности его и подѣждано ему духовенства, по случаю избавленія ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА отъ угрожающей опасности.

Всепресвѣтлѣйшій Монархъ,

Благочестивѣйшій Государь!

Съ ужасомъ въ сердцѣхъ, со слезами на глазахъ, съ молитвою на устахъ, приняли мы недавно страшную вѣсть о святотатствен-

ночь покушеніи на жизнь Твою, Благостивѣйшій Государь. Вслѣдъ за тѣмъ, мы ликовали, со всѣмъ вѣрнымъ Твоимъ народомъ, о чудесномъ избавленіи Твоемъ. Тѣмъ радостию для Тебя, Всемилоствившій Государь, тѣмъ драгоцѣннѣе для всего Твоего народа, будутъ наступающія торжественныя празднества, столько же Государственныя, сколько и Царственно-семейныя.

Позвольте, Благочестивѣйшій Государь, и мнѣ, недужному старцу, отъ себя и отъ имени литовской православной паствы, принести Вамъ глубочайшее отъ души поздравленіе и вѣрноподданническое благожеланіе. Да осѣнитъ Всевышній, кровомъ крылу своею, Васъ, Всемилоствившій Государь, отъ всякія злыя напасти, и да испрошаетъ Онъ Вамъ вся благая, и какъ Отцу Царственному семейства, и какъ Отцу безчисленнаго русскаго народа!

Вашего Императорскаго Величества
преданнѣйшій вѣрноподданный и богомолецъ
Іосифъ митрополитъ литовскій.

18-го апрѣля 1866 г.

Вильна.

III.

Высочайшій рескриптъ на имя высокопреосвященнаго митрополита литовскаго и вилнскаго Іосифа, послѣдовавшій по вышесказанному всеподданнѣйшему его письму.

Преосвященный митрополитъ литовскій Іосифъ!

Искренно благодарю васъ и православную литовскую паству за выраженные вѣрноподданническія чувства радости объ избавленіи Меня отъ угрожавшей опасности. Съ особымъ удовольствіемъ Я принялъ ихъ, какъ новое доказательство неизмѣнной преданности престолу древле-православныхъ и единоплеменныхъ сыновъ Россіи, твердо устоявшихъ въ единствѣ вѣры, народности и государственнаго устройства, не смотря на всѣ превратности, ими испытанныя. Съ утѣшеніемъ смотря на эту твердость, которая несомненно и останется непоколебимою, молю Господа, по великой ко Мнѣ милости сохранившаго жизнь Мою, продлить дни вашего полезнаго служенія, столь памятнаго въ лѣтописяхъ русской православной церкви.

Поручая Сябя молитвамъ вашимъ, пребываю всегда къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

«АЛЕКСАНДРЪ.»

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ.

18 апрѣля 1866 г.

Корреспонденція въ „Виленскій Вѣстникъ“ изъ Шавель, Лепеля, Слуцка, Бѣлостока, Могилева и Ковна.

Изъ Шавель и Лепеля.

Въ то время, когда еще въ храмахъ Божіихъ и на улицахъ раздавалась торжественная пѣснь: »Христосъ Воскресе,» прискорбное извѣстіе о покушеніи на жизнь Августѣйшаго Монарха, принесенное въ наше захолустье телеграммою 5-го апрѣля, въ 7 часовъ по полудни, въ одно мгновеніе, какъ бурный громъ, пронеслось по всему городу и произвело на его разнородныхъ обитателей неописанное впечатлѣніе. Едва ли не каждый въ ту же минуту поспѣшилъ узнать другъ отъ друга пообстоятельнѣе какъ ходъ дѣла, такъ еще болѣе имя, фамилію и происхождение злодѣя. Послѣднее особенно интересовало и интересуется поляковъ, которые опасаются за свое будущее. Трудъ, впрочемъ, остался напрасенъ. Въ телеграммѣ, принесшей намъ извѣстіе о чудномъ спасеніи жизни Монарха, не было упомянуто ни имени, ни происхожденія злодѣя...

Отрадно-дивную картину на другой день представлялъ нашъ городокъ! Оживленныя улицы и дома опустѣли, лавки вслѣду до 11 часовъ были заперты. Не было живаго существа, которое бы не поспѣшило, сообразно съ догматами вѣры, помолиться Творцу за спасеніе драгоценной жизни обожаемаго Монарха.

Прежде всего, въ 9 часовъ, мѣстнымъ православнымъ священникомъ совершено было благодарственное, съ колѣнопреклоненіемъ, молебствіе въ зданіи гимназіи. За тѣмъ, въ 10-ть часовъ, тремя мѣстными и двумя полковыми священниками совершено было такое же молебствіе на дворѣ графа Зубова, въ присутствіи войска и при громадномъ стеченіи народа. Молебенъ начался краткою рѣчью, сказанною къ войску и народу мѣстнымъ священникомъ. Нельзя было не видѣть, съ какимъ благоговѣніемъ и усердіемъ эта разнообразная масса, состоящая изъ простолюдина и воина, знатнаго, нищаго и вельможи, русскаго, еврея и нѣкоторыхъ р. католиковъ, возносила теплыя молитвы къ престолу Всевышняго за спасеніе дорогой жизни Монарха. Не одинъ въ это время вздохъ, не одна теплая молитва, а быть можетъ, и не одна горячая слеза, какъ чистый кадильный фиміамъ, вознеслись къ престолу Всевышняго!.. Во все время молебна были подаваемы народомъ за престолъ деньги.

По окончаніи молебна, за которымъ слѣдовалъ разводъ войскъ, народъ отправился въ еврейскую синагогу, гдѣ, по примѣру русскихъ, потомки древняго Израиля молились за Государя. Молебенъ оконченъ былъ торжественнымъ гимномъ—»Боже Царя хра-

ни,» второй пропѣтъ былъ еврейскими мальчиками. Остальное время дня народъ ликовалъ въ домахъ, на улицахъ и площадяхъ.

Въ этотъ же день, въ память чудеснаго спасенія жизни Государя Императора, по предложенію г-на директора, сдѣлана была преподавателями и воспитанниками гимназій подписка на покупку лампы образъ Спасителя.

Извѣстіе о покушеніи на жизнь Монарха произвело не менѣе сильное впечатлѣніе и на поселянъ нашего околоса. При первой вѣсти, всѣ, отъ мала до велика, поспѣшили въ костелы помолиться Творцу за спасеніе жизни Царя-Освободителя. Рассказываютъ, что многие изъ нихъ были даже съ грудными дѣтьми. Но всендзы, эти главные представители польской мятежной пропаганды, и въ этомъ случаѣ не преминули заявить о себѣ и о своей ненависти къ русскому народу и его правительству. Получивъ отъ ближайшаго мѣстнаго начальства заявленіе помолиться вмѣстѣ со своими прихожанами за спасеніе жизни Монарха, нѣкоторые изъ нихъ, какъ кажется, злонамѣренно уклонились отъ прямой своей обязанности. Такъ рассказываютъ, что въ какомъ-то приходѣ одинъ изъ всендзовъ, не смотря на предварительно полученное увѣдомленіе отъ мѣстнаго начальства—помолиться вмѣстѣ съ прихожанами, не дожидая поселянъ уѣхалъ изъ дому, заявивъ, что онъ уже отслужилъ молебень въ 6 часовъ утра. Нужно было видѣть, съ какимъ негодованіемъ, ропотомъ и даже яростію встрѣтили эту гнусную выходку всендза собравшіеся поселяне. Вмѣсто ожиданнаго всендзовомъ сочувствія, они подняли шумъ и ругательства. »Это штуки,« говорили они. »Ксендзъ вретъ, онъ не служилъ молебна. Если онъ намъ не отслужить, то за деньги мы найдемъ другаго.« Не могу достовѣрно сказать, какъ и чѣмъ это дѣло кончилось. Замѣчу только въ заключеніе моего письма, что всендзы и нѣкоторые (а быть можетъ и всѣ) оставшіеся въ нашемъ краѣ поляки, пользуются малѣйшимъ случаемъ, чтобы подорвать народное довѣріе къ правительству. Искжая предъ народомъ самыя очевидныя истины, представляя ему все въ превратномъ видѣ, они въ то же самое время распускаютъ самыя нелѣпыя слухи. Такъ, напримѣръ, недѣли двѣ тому назадъ распушенъ былъ среди поселянъ слухъ, будто бы кредитныя билеты уже нигдѣ не принимаются. А для того, чтобы они получили какое либо значеніе и цѣну, необходимо каждую бумажку, съ приложеніемъ при ней 15 копѣекъ, заявить въ мѣстное казначейство, которое по совершеніи надъ нею операціи (обрѣзанія угловъ и приложенія особой печати) дастъ ей цѣнность, но уже не рубля, а 85 копѣекъ.

Корреспондентъ.

14 апрѣля 1866.

Изъ Леселя.

Горестную вѣсть о покушеніи на драгоценную особу Государя Императора и радостную о счастливомъ спасеніи этой дорогой для

насъ жизни Его Величества, мы получили на третій день поутру, т. е. 6-го числа по эстафетѣ г. витебскаго губернатора.

Мы не будемъ говорить, какое впечатлѣніе произвело это извѣстіе, оно понятно каждому русскому. Мы намѣрены сказать только, что каждый изъ насъ задавалъ вопросъ, кто такой извергъ рода человѣческаго, который дерзнулъ на жизнь любимаго нами Царя и благодѣтеля дорогой Россіи; каждый изъ насъ былъ того убѣжденія, что жестокій преступникъ былъ или умалишеннымъ, или никогда по чувству не былъ смыномъ Россіи, онъ не зналъ того, что жизнь Царя, котораго имя съ благоговѣніемъ 70 милліоновъ произносятъ, дорога для насъ, какъ и для будущаго блага Россіи.

7-го числа, т. е. на другой день, былъ благодарственный молебенъ въ городскомъ соборѣ, костелѣ и еврейской синагогѣ; не поддавшая скорбь и радость была въ душѣ каждого; всѣ служащіе, городское населеніе, квартирующій 62 пѣхотный суздальскій полкъ и уѣздная команда были въ храмахъ для принесенія Господу Богу молитвы за спасеніе Царя-Освободителя. Въ тотъ же день была отправлена эстафета къ г. витебскому губернатору, съ просьбою повергнуть Августѣйшему Монарху отъ служащихъ и всѣхъ сословій и исповѣданій г. Лепеля всеподданнѣйшее поздравленіе съ избавленіемъ Его Величества отъ угрожавшей опасности. Глубочайшая скорбь народа объ этомъ неслыханномъ преступленіи никогда не затихнетъ въ груди, равно, какъ и благодареніе Всемогущему Богу, который отвелъ руку преступника отъ драгоценной особы обожаемаго Монарха. Народъ возсылаетъ съ благоговѣніемъ во всѣхъ храмахъ горячія молитвы за спасеніе и здравіе Его Величества на славу и счастье Россіи. Въ ознаменованіе же, что Божіе Провидѣніе предохранило драгоценныя дни Августѣйшаго нашего Государа, служащіе и городское населеніе единодушно желали сдѣлать пожертвованіе на сооруженіе образа св. Александра Невскаго, который будетъ поставленъ въ городскомъ соборѣ и ежегодно 4 апрѣля, въ день спасенія Всемиловѣйшаго Императора, будетъ совершаемъ благодарственный молебенъ. Мы знаемъ, что на образъ св. Александра Невскаго служащіе и бѣдное христіанское городское населеніе жертвуютъ до 400 руб. сер., это служитъ явнымъ доказательствомъ преданности и любви его къ своему Государю и радости о его счастливоромъ спасеніи.

Мы только что кончили это заявленіе, какъ получили свѣдѣніе, что мировые посредники и крестьяне-собственники всего уѣзда отправили депутата къ начальнику губерніи съ просьбою представить всеподданнѣйшій адресъ Его Величеству по случаю этого плачевнаго событія.

Д. Юзефовича.

Г. Лепель.

Изъ Слуцка.

Въ минуту полученія въ Слуцкѣ ужаснаго извѣстія о святотатственномъ покушеніи на священную жизнь Государа Импера-

тога, всѣ вѣрнопопданнне русскіе всѣхъ сословіи, какъ громомъ пораженнне, въ тревожно-безотчетномъ состояніи духа молились, радовались и негодовали на звѣрскій поступокъ неизвѣстнаго изверга-злудья. Всѣ ожидали случая, чтобы выразить свои сладостныя чувства о сохраненіи драгоцѣннѣйшихъ для Россіи дней жизни Царя-Освободителя.

По извѣщеніи отъ военнаго начальника о назначеніи 13 апрѣля, для принесенія молитвъ и благодаренія Всевышнему за Его св. милость къ Царю и Россіи, всѣ чины и званія, безъ различія вѣроисповѣданій, даже евреи, наполнили обширную соборную церковь и церковный погостъ. Послѣ обѣдни и благодарственнаго молебна, при совершеніи которыхъ умирительно пѣлъ, отлично устроенный директоромъ гимназій, хоръ дѣтей гимназистовъ, когда на церковномъ погостѣ войска построились рядами и волненіе нѣсколькихъ тысячъ затихло, тотъ же хоръ гимназистовъ торжественно пропѣлъ народный гимнъ: »Боже, Царя храни,» а войска и народъ вторили продолжительнымъ уралъ! За тѣмъ, по русскому обычаю, начальствующіе и войска тутъ-же пили за здоровье Батюшки-Царя, при самомъ радостномъ и торжественномъ настроеніи всѣхъ присутствовавшихъ. Послѣ сего, по приглашенію еврейскаго общества, всѣ военные и гражданскіе чиновники и нѣсколько дамъ отправились въ еврейскую синагогу, для присутствованія при молебствіи. Обрядъ вѣтхозавѣтнаго моленія за Царя исполненъ здѣсь со всевозможною торжественностію и радостію, выражавшеюся на лицѣ каждаго молящагося. Народный гимнъ на русскомъ языкѣ, пропѣтый очень удовлетворительно, потомъ сыгранный на инструментахъ, и тосты шампанскаго заключили еврейскую молитву. При чемъ общество евреевъ представило военному начальнику всеподданнѣйшій адресъ для поднесенія Государю Императору, съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Квартирующая здѣсь батарея салютовала выстрѣлами, а молодцы донцы № 5 полка до поздней ночи, при свѣтѣ луны, пѣли, играли и танцевали, выкидывая ловко тачки пугачи, за которыя не постыдился бы и любой акеробать. Все населеніе Слуцка было въ движеніи далеко за полночь, расхаживая по улицамъ толпами въ праздничныхъ нарядахъ. День 13-го апрѣля былъ для случанъ праздникоуъ праздникъ и торжество изъ торжествъ, въ память котораго, по предложенію военнаго начальника, канитана корпуса жандармовъ Гинтера, открыта подписка на постройку въ г. Минскѣ часовни.

Да здравствуетъ на многіе лѣта нашъ Батюшка-Государь! Сердце Царево, по слову царственнаго Пророка, въ Рудѣ Божіей, а слѣдовательно, и священная жизнь Его Помазанника, до которой никакая злоба и дерзость злоумышленниковъ не въ силахъ прикоснуться. Преднамѣренное же страшное нечестивое дѣло обратилось въ знаменіе Промысла, бодрствующаго надъ судьбами любезнаго отечества нашего!

Михаилъ Лисовскій.

Изъ Вѣлостона.

По полученіи извѣстія о покушеніи на жизнь Государа Императора и о чудесномъ избавленіи Его отъ руки убійцы, преподаватели и ученики Вѣлостонской гимназіи пожелали увѣковѣчить въ своей гимназіи память спасенія Государа Императора. 15-го апрѣля, въ 10 часовъ утра собрались въ залу гимназіи всѣ учащіе и учащіяся для выслушанія благодарственнаго молебна. Г. директоръ сказалъ ученикамъ рѣчь, въ которой изложилъ фактъ покушенія на жизнь Государа и радостнаго спасенія Его драгоценной жизни; ученики отвѣчали громкимъ и продолжительнымъ »ура!« Послѣ молебна пропѣть былъ ими гимнъ: »Боже, Царя храни!« Затѣмъ всѣ учащіе и учащіяся изъявили желаніе въ память сего событія устроить въ залѣ гимназіи икону св. Александра Невскаго; на этотъ предметъ собрано 150 руб. сер. и подписка продолжается.

Изъ Могилева.

5-го сего апрѣля могилевскимъ губернаторомъ получена отъ главнаго начальника края депеша, слѣдующаго содержанія:

»Вчера въ 4-мъ часу по полудни, въ то время, когда Государь Императоръ, кончивъ свою прогулку въ лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ въ Его Величество изъ пистолета. Божіе Провидѣніе предохранило драгоценныя дни Августѣйшаго нашего Государа, преступникъ задержанъ, разслѣдованіе производится.»

Вслѣдствіе чего, 6-го апрѣля, было совершено во всѣхъ православныхъ церквахъ, римско-католическихъ костелахъ, лютеранской церкви и еврейскихъ молитвенныхъ домахъ города Могилева, при огромномъ стеченіи народа, благодарственное молебствіе за спасеніе Государа Императора.

Высокопреосвященнымъ архіепископомъ могилевскимъ и мстиславльскимъ молебствіе было совершено въ церкви Преображенія Господня, въ присутствіи г. начальника губерніи А. П. Беклемишева, г. начальника 29-й дивизіи Рудановскаго и прочихъ гражданскихъ и военныхъ чиновъ, при больномъ стеченіи народа.

По окончаніи литургіи передъ молебствіемъ, высокопреосвященнѣйшій Евсевій, сообщивъ извѣстіе о покушеніи на жизнь Государа и сохраненіи драгоценныхъ дней Его Величества, сказалъ предстоящимъ въ церкви нѣсколько краткихъ, но сильныхъ словъ. »У кого изъ вѣрноподданныхъ, говорилъ высокопреосвященнѣйшій, не содрогнулось сердце при извѣстии о покушеніи на такое ужасное, неслыханное въ русской землѣ злодѣяніе, мысль о которомъ могла быть порожденіемъ только преисподней, адской тьмы; только силою тьмы могла подняться рука безумнаго на Помазанника Божія, на Освободителя милліоновъ русскаго народа, на Царя, который въ непродолжительное время совершилъ уже столько злодѣяній къ счастью своихъ вѣрноподданныхъ. Вознесемъ же ис-

кренія молитвы благодаренія къ Спасителю и Богу нашему за спасеніе жизни Благочестивѣйшаго Государя Императора нашего.»

По окончаніи молебствія войсками исполненъ былъ церковный парадъ.

Вслѣдъ за тѣмъ представлялись г. начальнику губерніи депутаціи отъ дворянъ, чиновниковъ и гражданъ, съ ходатайствомъ свидѣтельствовать Его Императорскому Величеству общую и полную радость дворянства, чиновниковъ и гражданъ моголевскихъ за спасеніе жизни Государя Императора. При семъ г. исправляющій должность моголевскаго губернскаго предводителя дворянства В. О. Королько въ сильныхъ выраженіяхъ высказалъ *омерзение* представляемаго имъ Моголевскаго дворянства къ такому ужасному злодѣянію, какъ покушеніе на жизнь Русскаго Царя, и непоколебимую преданность онаго къ Монарху. Г. начальникъ губерніи на заявленія депутаціи, въ отвѣтъ имъ, выразивъ, что онъ никогда не сомнѣвался въ вѣрноподданническихъ чувствахъ всѣхъ сословій Моголевской губерніи, сказалъ между прочимъ: «я думаю, что всѣ мы въ настоящемъ случаѣ еще сильнѣе почувствовали, какъ неразрывно связаны Царь и Россія. Будемъ же всегда помнить и нустъ всѣ помнить, что кто посягаетъ на Царя, посягаетъ на Россію, и кто посягаетъ на Россію, посягаетъ на Царя.»

Городское общество христіанское и еврейское представило письменный адресъ къ Государю Императору.

Въ ознаменованіе своей радости за спасеніе Государя Императора городское общество собралось 5-го апрѣля, послѣ Богослуженія, и представило губернатору для роздачи бѣднымъ 300 рублей, постановивъ въ память этого избавленія, ежегодно, 4-го апрѣля служить въ городской думѣ благодарственное молебеніе и дѣлать вспоможеніе бѣднымъ.

Вечеромъ городъ Моголевъ былъ иллюминованъ.

Радость была всеобщая и бывшіе вечеромъ лица въ моголевскомъ клубѣ, поздравляя другъ друга съ спасеніемъ Государя, провозглашали тосты за здоровье Его Императорскаго Величества.

Радостная вѣсть о спасеніи Царя разнеслась по Моголевской губерніи того же 5-го апрѣля.

Изъ Ковны.

Спѣшимъ подѣлиться съ нашими читателями о томъ впечатлѣніи, которое произвело на жителей г. Ковны страшное, но вмѣстѣ съ тѣмъ радостное, по своимъ послѣдствіямъ, событіе, покушеніе на жизнь Государя Императора. Когда, по полученіи телеграммы, разнеслась эта вѣсть по городу, все еврейское населеніе почти опрометью кинулось къ синагогамъ, чтобы служить благодарственное Богослуженіе за спасеніе жизни Царя-Освободителя, не дожидая даже оффиціального о томъ оповѣщенія, такъ, что, почти внезапно, на нѣсколько часовъ прекратилась сама по себѣ въ г. Ковнѣ торговля

и вообще всякое обобщенное движение. Въ этой торжественной тишинѣ было истинно что то величественное! На другой день въ 11-ть часовъ утра высочайшеосвященнымъ архіепископомъ Антоніемъ Зубко, находящимся на покоѣ въ Можайскомъ монастырѣ, произведено было соборное служеніе молебствія съ коленопреклоненіемъ, въ присутствіи всѣхъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ города, а также отдѣльных частей войскъ, въ городѣ расположенныхъ. Толпа, прибывшаго для молитвы къ православному кафедральному собору народа, была такъ велика, что довольно обширный соборъ не могъ вмѣстить ее, и вся площадь передъ соборомъ была занята молящимися. Когда всѣми уважаемый, убѣленный сѣдинами, архіепископъ Антоній читалъ благодарственную молитву во время молебствія, то голосъ его дрожалъ, и онъ нѣсколько разъ останавливался отъ слезъ, которыя, такъ сказать, слышны были въ его голосѣ. Вечеромъ того дня всѣ русскіе люди г. Ковни собрались въ клубъ и обратились съ просьбою къ начальнику губерніи, объ исходатайствованіи имъ разрѣшенія послать всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору, почему и послана была о томъ телеграмма къ г. главному начальнику края. — Городъ иллюминированъ въ тотъ вечеръ жители, какъ могли, повсюду слышна была музыка, и при звукахъ народнаго гимна «Боже Царя Храни», воздухъ огласился крикомъ «ура», нѣсколько разъ повторившимся; затѣмъ слышались голоса, просящія повторенія гимна, и вновь раздались тѣ же восторженныя клики, что и продолжалось до поздней ночи. Въ тотъ же день начальникъ губерніи получилъ изъ всѣхъ уѣздныхъ городовъ телеграммы съ вопросами, дозволено ли будетъ выразить хоть какимъ бы то ни было пожертвованіемъ или другимъ способомъ вѣроподданническія чувства къ обожаемому Монарху. Описывая эти факты, мы сознаемъ, что въ нихъ не можетъ быть ничего новаго, и что въ тотъ же день дружно откликнулись такимъ же образомъ вся Россія; но не забыть объ нихъ ни сочинъ невозможно!

Н. Г.

Р ъ Ч ъ,

**сказанная инспекторомъ лит. сем. архив. Мисестомъ
послѣ освященія Подберезской церкви.**

Братія христіане, еще недавно вошедшіе въ священную ограду православной церкви, и нынѣ уже возлюбленныя ея чада! Приблизьтесь и услышите слово служителя олтаря Господня съ се-го священнаго мѣста.

Нынѣ у васъ совершилось великое дѣло Божіе. Вы, прежде исповѣдавшіе римскую вѣру, теперь возлюбили святую православную церковь, приобщились ея таинствъ, нападаетесь млекою ея

ученія, исповѣдуете православную вѣру также, какъ и вашъ пастиръ исповѣдывалъ ее предъ всѣми. И кто не возрадуется объ этомъ? Кто не восторжествуетъ теперь предъ Богомъ?

Нынѣ радуются о васъ наши архипастыри, слыша о вашей любви къ православію. Потому-то, какъ видите, самъ архипастиръ съ пастырями прибылъ къ вамъ, чтобы лично преподать вамъ свое благословеніе, помолиться съ вами и о васъ, и освятить храмъ сей. И онъ освященъ, какъ нѣкогда храмъ Соломоновъ. И благодать Христова излилась на него болѣе, чѣмъ тамъ, потому что самая неожиданность освященія его доказываетъ особенное явленіе здѣсь благодати Божіей. Какъ нѣкогда Соломонъ, такъ и архипастиръ нашъ молился, чтобы Господь услышалъ всѣхъ ближнихъ и дальнихъ, православныхъ и другихъ христіанъ, прибѣгающихъ съ молитвою въ храмъ сей подъ сѣнь православной церкви. И Господь услышитъ всѣхъ, — призывающихъ здѣсь св. Его имя; услышитъ молящихся къ Богородицѣ, прославляемой въ здѣшней древней и чудотворной ея иконѣ. Приходите сюда труждающиеся и обремененные грѣхами, и вы здѣсь найдете себѣ душевный покой. Ибо отъ православной церкви и ея таинствъ текутъ животворные потоки, изъ которыхъ пьющіе приобрѣтаютъ Божественное успокоеніе и спасеніе. Прибѣгайте сюда скорбящіе среди тревоженій мятежей и искушеній всякаго рода, и вы найдете здѣсь истинное утѣшеніе. Никтоже, никтоже, притекая въ храмъ сей, отойдетъ посрамленнымъ. Видите ли, возлюбленные, великую къ вамъ милость Божію. Въ этотъ священный день самъ Богъ приблизился къ вамъ, св. Ангелы, окружая, молятся и ходатайствуютъ о насъ, охраняютъ и защищаютъ насъ, какъ возлюбленныхъ чадъ Божіихъ и наслѣдниковъ Неба. Какъ не радоваться, какъ не торжествовать объ этомъ?

Услышалъ благочестивѣйшій нашъ Государь о вашей любви къ православію, и радуется, что вы приобщились къ той апостольской вѣрѣ, которую Онъ исповѣдуетъ. Радуется о васъ правительство и всѣ мы, вѣрные и русскіе сыны любезнаго нашего отечества Россіи. Ибо *что добро, или что красно, но еже жити брати азъ купю*, жить въ любви и согласіи, не только, какъ братьямъ одной русской крови, но и какъ чадамъ одной православной вѣры. Прежде, можетъ быть, вы насъ чуждались, а теперь вы съ нами одно, по происхожденію, по вѣрѣ и отечеству. И потому имя русскаго, православнаго будетъ теперь дорого и многочестно и для васъ, какъ и для насъ. Съ этого времени наши недруги не будутъ считать васъ поляками, какъ считали такими прежде, потому только, что вы исповѣдывали римскую вѣру. Ибо православная вѣра будетъ для васъ свѣтлымъ и чистымъ знаменемъ того, что вы родные сыны русской семьи. Какъ русскіе, мы будемъ теперь понятнымъ словомъ, едиными усты и единымъ сердцемъ прославлять Отца и Сына и св. Духа.

Напечатлѣйте же, возлюбленные братіе, навсегда запечатлѣй-

те въ своемъ умѣ и сердцѣ нынѣшнее священное событіе. Ваша любовь къ православной церкви и ея пастырямъ, которую вы теперь предъ всѣми показали, пусть не угасаетъ, а болѣе и болѣе возгарается съ теченіемъ времени. Горя этою любовью, не бойтесь исповѣдывать православную вѣру предъ своими ближними, хотя бы они принадлежали и къ римской церкви. Ибо за исповѣданіе сей св. вѣры готова у Господа награда въ будущемъ вѣкѣ: *всякъ, иже исповѣсться Мя предъ челоуки, говоритъ Спаситель Христовъ, исповѣсться ею и Азъ предъ Отцемъ Моимъ, иже на небесахъ* (Матѣ. 10, 32). И не только на небесахъ, но и на землѣ Господь наградитъ васъ за такое исповѣданіе. Онъ благословитъ васъ всякимъ благословеніемъ, утѣшитъ васъ всякими утѣхами, щедритъ васъ всякими благами и даруетъ вамъ истинное счастье, только если будете исполнять заповѣди Божіи и установленія православной церкви.

Ревностно исповѣдуя православную вѣру, неизмѣнно любите и благочестивѣйшаго нашего Государя, Отца и благодѣтеля, ибо Онъ даровалъ вамъ неоцѣненное благо: свободу отъ рабства и средства къ образованію, къ счастью и довольству въ жизни. Онъ всегда печется о васъ, назначая вамъ челоуколюбивыхъ и попечительнѣйшихъ правителей и начальниковъ. Этихъ начальниковъ, какъ исполнителей царственной воли, также отъ души любите, и, воздавая *всѣмъ должная: ему же урокъ, урокъ, а ему же дань, дань, а ему же страхъ, страхъ, и ему же честь, честь* (Рим. 13,7), молитесь за Царя, и за всѣхъ, *еже во власти суть, да, подъ ихъ покровительствомъ и защитою, тихое и безмолвное житіе поживемъ во всякомъ благочестіи и чистотѣ* (1 Тимов. 2, 2), въ надеждѣ полученія вѣчнаго спасенія. Аминь.

С Л О В О ,

произнесенное священникомъ владимірской Св.-Николаевской церкви Петромъ Левинскимъ на Божественной Литургіи, во время причащеннаго стиха, въ посвященной въ н. Подберезьѣ церкви.

Блаженни невидѣвшии и спровазивше. (Іоан. 20, 29).

Изъ евангельскаго чтенія, вы, братіе, слышали нынѣ, что Господь нашъ Іисусъ Христовъ, въ первый день по воскресенія Своемъ, вечеромъ, когда двери дома, въ которомъ собрались Его ученики, изъ опасенія отъ іудеевъ, были заперты, явился своимъ ученикамъ и, утѣшивъ ихъ радостнымъ привѣтствіемъ, въ доказательство того, что они видятъ предъ собою не какой либо призракъ, а Его Самаго, показалъ имъ прободенныя руки, ноги и

богъ Свой. Ученики Его — св. Апостолы — весьма утѣшились, уви дѣвъ воскресшимъ изъ мертвыхъ своего Господа. Но Апостоль **Тима** на этотъ разъ не могъ раздѣлить съ ними общей радости, потому что онъ не былъ тогда вмѣстѣ съ другими Апостолами. И когда они возвѣстили ему эту радостную вѣсть, то онъ имъ не повѣрилъ и сказалъ: если я самъ не увижу воскресшаго, если собственными руками не осяжу крестныхъ ранъ Его, то до тѣхъ поръ никому не повѣрю.

Когда прошло 8 дней, Господь опять благоволилъ явиться своимъ Апостоламъ. Тогда уже и Апостоль **Тима** былъ вмѣстѣ со всѣми ими. И когда Господь Исусъ Христосъ, какъ сердцевѣдецъ, знающій всѣ помысленія человѣческія, обратившись прямо къ сомнѣвавшемуся **Тимѣ**, открылъ предъ нимъ свои прободенныя руки, ноги и боги, то этотъ ученикъ Христовъ, прежде маловѣрный, вдругъ показалъ столь живую и высокую вѣру въ воскресшаго Господа, что палъ къ Его ногамъ и радостно воскликнулъ: *Господь мой и Бог мой!*

Что же Господь сказалъ **Тимѣ** на это искреннее и высокое его исповѣданіе? *Ты повѣрилъ, потому что увидѣлъ меня*, такъ отозвался къ нему Господь, *блаженны невидѣвшіе и слышавшіе.*

Блаженны невидѣвшіе и слышавшіе. Эти слова Господни особенно утѣшительны и для насъ. Мы теперь не можемъ тѣлесными своими очами видѣть Господа Исуса, подобно св. Его Апостоламъ; не можемъ осязать пречистыхъ ранъ Его своими руками, но мы можемъ вѣровать въ нашего Искупителя и вѣрою приобрести блаженство, потому что Самъ Господь называетъ вѣрующихъ, хотя и невидѣвшихъ Его, блаженными. — Кто же насъ направитъ въ истинной правой вѣрѣ? Гдѣ хранилище ученія вѣры, въ которому каждый прибѣгать можетъ и долженъ? Отвѣчаю: истинная св. церковь Христова есть надежная хранительница истинной и правой вѣры во Христа; ея пастыри и учителя суть надежные руководители въ преподаваніи сей правой вѣры. Эта церковь православная основана Самимъ Господомъ нашимъ **И. Христомъ** и Его св. Апостолами на Востокѣ, — въ той именно странѣ, которую Господь освятилъ своими стопами, въ которой Онъ родился по нѣнтію Св. Духа отъ Пресвятой Дѣвы **Маріи**, въ которой Онъ жилъ во плоти, училъ, творилъ великія чудеса, въ которой страдалъ и умеръ за насъ грѣшныхъ и откуда, по воскресеніи своемъ, вознесся пречистою своею плотію на небеса, — и уже изъ этой страны свѣтъ ученія Христова проникъ во всѣ концы міра. Въ этой церкви, насажденной на Востокѣ, хранятся всѣ благодатныя средства для нашего спасенія и для нашего блаженства и всецѣло и ненарушимо сохраняется въ ней и будетъ сохраняться истинное ученіе христіанское и истинная и права вѣра Христова, потому мы въ томъ можемъ быть увѣрены, что Самъ Господь **И. Христосъ** общалъ пребывать съ нею и въ ней, и дѣйствительно

пробываетъ и будетъ пребывать до окончанія века и опять потому, что по словамъ Господнимъ, и самыя врата адовы не одолѣютъ ее.

Такъ какъ сія церковь насаждена Самимъ Господомъ и Его св. Апостолами и неизмѣнно содержитъ ученіе Христова, то потому-то она справедливо называется церковію православною. И всякая частная церковь, если она согласно учитъ и неизмѣнно сохраняетъ тоже ученіе, какое проповѣдуетъ церковь Христова, насажденная на востокъ, тоже справедливо можетъ усвоить себѣ наименованіе церкви православной. А совокупность такихъ церквей, или всѣхъ вѣрующихъ, согласно съ церковію Христовою и апостольскою составляетъ церковь вселенскую, соборную или каеолическую. Напротивъ, гдѣ преподается ученіе вѣры не совсѣмъ согласное съ ученіемъ церкви восточной, какъ, напримѣръ, если гдѣ лишаютъ мірянъ въ таинствѣ Евхаристіи Пречистой Крови Христовой, вопреки ясной и опредѣленной заповѣди Господней, повелѣвающей допускать къ причастію оной всѣхъ вѣрныхъ, или, если напримѣръ другіе не принимаютъ семи спасительныхъ таинствъ, Самимъ Господомъ въ церкви установленныхъ, или же дѣлаютъ еще и другія отступленія, противныя Слово Божію и священному преданію церкви, то, воля ваша, а такой церкви, или такого общества, уже нельзя назвать православною, или право-вѣрующею церковію; она можетъ быть названа церковію рикскою, лютеранскою, но никакъ — православною.

Благодареніе Господу! мы — члены великой и славной земли русской имѣемъ то благодатное утѣшеніе, что мы, въ лицѣ предковъ нашихъ, приняли и твердо и неизмѣнно сохранимъ ту вѣру, которая насаждена на Востокъ. Потому-то и справедливо та церковь, къ которой мы принадлежимъ, называется церковію восточно-православно-каеолическою.

Нѣкогда и Литва была озарена свѣтомъ христіанскаго ученія, проникшимъ въ нее чрезъ Россію съ Востока-же. Вы всѣ, братія, литовцы, за исключеніемъ пришедшихъ къ вамъ поляковъ, безъ сомнѣнія, потомки тѣхъ православныхъ литовцевъ, которые, начиная отъ князей и до ихъ подданныхъ, за четырехста — пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, жили столь дружно съ русскими, что принимали русскій языкъ, русскіе обычаи и нравы, русское просвѣщеніе и русскую православную вѣру, и входили съ русскими въ тѣснѣйшее родственное единеніе, такъ что самая Литва преобразилась въ русскій край и называлась литовско-русскою землею. И счастлива была тогда сія литовско-русская земля! Но Господу Богу угодно было предать ее тяжкому и продолжительному испытанію. Чрезъ брачный союзъ одного изъ литовско-русскихъ князей — Ягайлы — сія литовско-русская земля подпала подъ владычество Польши; и этотъ князь литовскій, изъ видовъ честолюбія и въ угожденіе польской королевѣ, сдѣлался измѣнникомъ и своей народности и вѣры православной. Онъ и его преемники, для вѣдъ Польши, губили литовско-русскій народъ и насажденное здѣсь

православіе и для достиженія своихъ цѣлей, наводилъ этотъ край польскими панами, польскою шляхтою и злѣйшими врагами человѣчества— иезуитами и разными еседами. Много зла сдѣла-но и народу злѣйшему и вѣрѣ православною. Но не сила ихъ была побѣдить и искоренить совершенно вѣру и церковь Христо-ву, — которой и врата адовы одолѣть не могутъ, — и русскую народ-ность. Господь Богъ явилъ свою милость, вы сами видите и знаете, какъ пала гонительница ваша — Польша и, съ возвратомъ сего края подъ крѣпкую православную державу русскую, какъ подъ са-модержавнымъ скипетромъ русскихъ благочестивыхъ царей, воз-растаетъ ваше благоденствіе и вмѣстѣ восстанавлиются, крѣпи-теть, утверждается и красуется церковь православная.

По благодати Божіей и вы, бр., не отстали отъ многихъ дру-гихъ вашихъ собратій. Подъ руководствомъ своего, ревностнаго о спасеніи вашихъ душъ, пастыря, вы, вмѣстѣ съ нимъ и за нимъ, не поддаваясь никакому сомнѣнію, послѣдовали и вступили въ ту истинную церковь Божію, въ которой, безъ примѣси мудрованій человѣческихъ, будутъ возвышаться вамъ глаголы живота вѣчнаго и которой держась неотступно и неизмѣнно, вы можете дости-гнуть обѣщаннаго Спасителемъ для вѣрующихъ блаженства. Съ возвратомъ вашимъ на лоно православія, вы достигли еще и дру-гаго счастья; вы сикотились, вы слились съ великимъ и славнымъ народомъ русскимъ и на васъ теперь не осталось никакого пятна (подозрѣнія). Каждый изъ сыновъ Россіи и церкви православной радушно простретъ къ вамъ свои руки и приметъ васъ въ свои объятія; каждый убѣжденъ, что вы теперь истинные сыны цер-кви и любезнаго нашего отечества, — и благодарные и послушные вѣроподданые великаго и славнаго православнаго царя русскаго, столько васъ облагодѣтельствовавшего.

Правда, есть еще, бр., между вами держаніеся Ѳомннаго невѣрія, неслушающіеся ни убѣжденій своего духовнаго пастыря, столь ревностно желающаго со всѣми своими овцами предстать предъ Господа съ сими словами: «вотъ я и мои духовныя дѣти, которыхъ Ты далъ и ввѣрилъ мнѣ», — ни безкорыстныхъ, а осно-ванныхъ на одной любви христіанской нашихъ убѣжденій, — ни просьбъ и убѣжденій другихъ. Но мы уповаемъ, что Господь, разрѣшившій осязательнымъ образомъ Ѳомнно невѣріе, Ему Еди-ному извѣстными путями вразумить и коснѣющихъ еще въ обра-щеніи на путь истины. Быть можетъ приведетъ въ разумъ — од-нихъ — высокая торжественность всѣмъ понятнаго и умилитель-наго нашего православнаго богослуженія, другихъ правота и чистота нашего православнаго ученія, иныхъ опять добрый примѣръ собратій и желаемое для самаго великаго благодѣтеля, Царя-Осво-бодителя нашего тѣснѣйшее единеніе съ великою и славною семь-ею русскою. Пути Господни, ведущіе насъ ко спасенію, многи; но не всѣ и не всѣмъ намъ доведомы. Мы, говорю, только упо-ваемъ, что такъ или иначе, а Господь наставитъ всѣхъ васъ на

путь истины и введеть во св. православную церковь свою. Сакный св. храмъ сей, обновленный и вновь вновь православнымъ архіерейскимъ тайнодѣйствіемъ освященный и для всѣхъ васъ, во прежнему, открытый, со всѣхъ сторонъ будетъ привлекать васъ въ себя и какъ бы такъ взывать къ каждому изъ васъ, подобно Богу сомнящемуся: «прійди и виждь,— во мнѣ проповѣдуются спасительное ученіе Того же Распятаго и за всѣхъ на крестѣ муки претерпѣвшаго; прійди и послушай своими собственными ушами и посмотри на Того же Распятаго своими собственными очами и не буди *нестремъ, но стремъ*; прійди, и я напою еще тебя тою самою Пречистою Кровію, которая текла изъ ранъ Спасителя для омовенія грѣховъ всего міра, которой, если кто не будетъ пить, то не получить живота вѣчнаго.»

Господи! не нашими слабыми силами, а Твоею всемогущею Десницею насажденъ сей вертоградъ Твой, Ты Самъ умножи и утверди и всегда призрай на него съ высоты Твоей небесной. Аминь.

С Л О В О ,

сказанное послѣднѣе — настоятелемъ, а нынѣ священникомъ Подберезскаго прихода Вилемскаго уѣзда, Іоанномъ Стреласкимъ, при послѣднемъ его служеніи въ званиіи римско-католическаго патера, 29 марта 1886 года, въ недѣлю Ваіѣ.

Не буди нестремъ, но стремъ. (Іоан. 20, 27).

Этими словами отвѣтилъ Иисусъ Христосъ Апостолу Фомѣ, когда тотъ обнаружилъ свое невѣріе предъ братьями. Осматривая святѣйшія раны нашего Спасителя, Фома воскликнулъ: *Господи мой и Боги мой!* Тогда Иисусъ дополнилъ; *Фома, яко видѣлъ мя, спровадилъ еси, блаженъ невидѣвшій и спровадившій.*

Такимъ же образомъ и мы, служители св. алтаря, нужно будемъ воззвать къ своимъ слушателямъ, если они захотятъ сомнѣваться во святой истинѣ, которую я имъ намѣренъ объявить для ихъ счастья въ вѣчности: «Небудьте невѣрны, но вѣрны. Откройте ваши сердца для принятія истины вѣчной, ученія полезнаго и нужнаго христіанину, желающему любить Бога паче всего, а ближняго, яко самаго себе.

Иисусъ Христосъ родился въ городѣ Вилемсѣ, проповѣдалъ свое Божественное ученіе въ Палестинѣ; въ этомъ мѣстѣ Спаситель избралъ для себя Апостоловъ и учениковъ, которые имѣли послѣ обратиться всѣ народы къ св. вѣрѣ и познанію истиннаго Бога. Въ этой провинціи Иисусъ основалъ свою церковь изъ тѣхъ, которые увѣровали въ Его Божество и исповѣдали его Сыномъ Бо-

жизнь. Святой край Палестина находится на Востоке. На этом Востоке Апостолы, на основании некоторых церквей, для славы Божией, изложили первый апостольский символ для единства веры, разошлись по всему миру, проповедуя Евангелие. Кто же не видит, что св. вера получила свое начало от востока и что восточные народы первые начали верить в Бога Отца, Сына и св. Духа? От этих верующих на восток другие народы, какъ изъ источника, почерпали для себя познание о Богѣ и во всякой нуждѣ обращались къ восточнымъ учителямъ за совѣтомъ утверждения въ св. вѣрѣ. Единение христіанъ всего міра съ восточною церковію существовало до конца восьмага вѣка. Но гордость римскихъ папъ, желавшая господствовать надъ христіанскимъ міромъ,—повела ихъ къ тому, что они отделились отъ истинной восточной церкви, источника св. православно-каеолической вѣры, начали называть себя немѣющими грѣха, главою церкви Христовой, господами милостей Божіихъ и непогрѣшимыми раздавателями даровъ св. Духа, проливали подъ угрозой утраты спасенія души тѣхъ, которые въ одномъ лицѣ папы не хотѣли бы признать властителя всего міра и всей церкви, и отвергали бы его непогрѣшимость. Потерявъ любовь къ ближнему, взяли мечъ въ руки и наказывали смертію слабыхъ братій своихъ, вопреки примѣру Спасителя, который явной грѣшницѣ Магдалинѣ и разбойнику на крестѣ простилъ грѣхи и обѣщалъ царство небесное.

Кромѣ сказаннаго, послѣдовавшіе за папою впали въ многочисленныя заблужденія. Не смотря на то, что знали слово Божіе: *сже Богъ сочета, человекъ да не разлучаетъ*, папы, чтобы показать, что имѣютъ великую власть, соединенныхъ таинствомъ брака, своими разводами, мужа съ женою приводить въ гнѣву и брани. Св. Иоаннъ Креститель говоритъ: *недостойтъ имѣть жену брата своего*, а столица римская, вопреки тому запрещенію, позволяетъ брату брать въ замужество братнюю жену и благословляетъ такіа связи, а то дѣлаетъ для того, чтобы имѣть своихъ сторонниковъ.

Церковь православно-каеолическая ни въ чемъ не отступила отъ ученія Іисуса и до нынѣ въ чистотѣ сохранила заповѣди Божіи, равно и обряды первенствующихъ христіанъ. Объ этой истинѣ чрезъ долгое время изъ книгъ и примѣровъ я могъ достаточно убѣдиться и свидѣтельствовать объ этомъ предъ вами, дражайшіе братья.

Отвергнуши прежнія мои заблужденія, види, что православная церковь есть святая, въ которой можно получить спасеніе, всѣмъ сердцемъ, любовію и охотою возвращаюсь на лоно св. православной церкви и желаю, чтобы и вы, мои прихожане, послѣдовали примѣру своего пастыря, который въ продолженіе 14 лѣтъ училъ васъ евангельской истинѣ, служа, какъ сами говорите, по совѣсти въ духовныхъ вашихъ нуждахъ. Прошу, послѣдуйте примѣру того, который послѣдуетъ распятому Іисусу и истинѣ.

Я никогда васъ не обвинялъ, вы сами въ томъ увѣрены, когда моимъ учениемъ и просьбою сохранилъ васъ отъ бѣды и нечести во время неспокойствія въ здѣшнемъ краѣ. Ваше соединеніе съ православною церквію доведетъ васъ къ любви Бога и ближняго; чрезъ это вы обновите свои обычаи, сдѣлаетесь любезными нашему Государю Александру II-му и братьями русскими.

Вся Россія, вмѣстѣ съ своимъ Отцемъ Монархомъ, возрадуется, если всѣ, находящіеся подъ скипетромъ русскаго Императора Александра II-го, будутъ православными для блага отечества, матери Россіи, и для общаго покоя и мира.

Кто чувствуетъ въ сердцѣ благодарность къ всероссійскому Императору Александру II-му за его благодѣянія, тотъ не можетъ другимъ образомъ оказать большей благодарственной жертвы, какъ когда тѣмъ самымъ языкомъ, тѣми обрядами, какія сохраняетъ Государь и Россіяне, будетъ возносить горячія молитвы предъ престоломъ всевышняго Бога и Отца-Освободителя и Его Царствующій Домъ, прося о здравіи, благополучіи и долготѣи.

Уже Богъ не принимаетъ молитвъ того народа, который хочетъ хвалить св. Его имя языкомъ нечистымъ, языкомъ злымъ, языкомъ, который оскорбляетъ Бога пѣснями въ храмахъ, и говоритъ неправду предъ Богомъ и миромъ.

Братья! по моему призыву, присоединитесь къ православной церкви, во истинну каеволической святой. А отъ того будетъ слава въ вышнихъ Богу, и на земли людямъ миръ, будемъ истинными братьями русскими и вѣрными подданными нашему Государю. Аминь.

О ВЪ УЧИЛИЩАХЪ ДЛЯ ДѢВЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ (*).

По распоряженію г. оберъ-прокурора святѣйшаго синода, напечатаны свѣдѣнія объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія. При учрежденіи этихъ особыхъ воспитательныхъ заведеній для священнослужительскихъ дочерей, лежала въ основаніи та мысль, что, не говоря уже о недоступности воспитанія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, по его дороговизнѣ или по его исключительной сословности въ институтахъ для дѣвицъ дворянскаго происхожденія, самое направленіе этого воспитанія, его духъ, сущность, обстановка, совершенно не соответствовали будущей участи и назначенію

(*). Перепечатываемъ изъ «Сѣверной Почты» (№ 80) эту замѣчательную статью, какъ документальное подтвержденіе вѣрности взгляда нашего на училища для дѣвицъ духовнаго званія, высказаннаго въ III отдѣлѣ настоящей книжки Вѣстника.

дочерей духовенства. Изъ этихъ послѣднихъ требовалось воспитать твердо православныхъ христіанокъ, привыкшихъ къ строгому исполненію всѣхъ обычаевъ православной церкви и основательно наставленныхъ въ ученіи вѣри; опытныхъ, трудолюбивыхъ и самоработящихся домохозяйекъ, умѣющихъ и негнушающихся приложить ко всякому занятію собственныя руки; женъ и матерей, не мечтающихъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни, объ успѣхахъ въ обществѣ и выгодномъ супружествѣ, но способныхъ всецѣло предаться исполненію своихъ многостороннихъ семейныхъ обязанностей; готовыхъ довольствоваться самымъ скромнымъ существованіемъ и посвятить всю свою жизнь на честный трудъ и на пользу ближнихъ. Во всеподданнѣйшемъ докладѣ бывшаго оберъ-прокурора св. синода, графа Протасова объ открытіи этихъ училищъ было сказано, что ни одно изъ существующихъ женскихъ учебныхъ заведеній не можетъ служить образцомъ для воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, потому что назначеніе этихъ послѣднихъ совершенно отлично отъ всѣхъ другихъ состояній и сопровождается обстоятельствами, неизвѣстными во всякомъ другомъ быту. Жены священниковъ должны состоять въ особнхъ отношеніяхъ къ нимъ, и даже къ прихожанамъ ихъ, и должны быть столь нравственны, что, по правиламъ церковнымъ, извѣстная степень худаго поведенія священника разрушаетъ въ немъ самое священство. Эти соображенія приводятъ къ тому заключенію, что устройство воспитанія дѣвицъ духовнаго званія, согласно съ истинными потребностями его, тогда только можетъ быть вполне достигнуто, когда оно будетъ совершаться подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ духовнаго управленія.

Потребность доставленія различнаго образованія дочерямъ сельскаго духовенства ощущалась уже давно и весьма сильно, потому что молодымъ людямъ, окончившимъ курсъ въ семинаріи, приходилось при ихъ поступленіи на священнослуженіе вступать въ бракъ съ дѣвицами, не получившими болшею частью никакого воспитанія и невольно склонявшими ихъ къ грубымъ привычкамъ и образу жизни простыхъ поселянъ; такое положеніе и доставляло сельскимъ священникамъ глубокое нравственное страданіе и было для нихъ истиннымъ несчастіемъ. Еще съ 30-хъ годовъ духовное начальство принимало мѣры къ устройству въ нѣкоторыхъ женскихъ монастыряхъ воспитательныхъ отдѣленій для сиротъ духовнаго званія; но эти учрежденія составляли не болѣе какъ пріюты для призрѣнія беспомощныхъ дѣвочекъ и никакъ не могли быть называемы учебными заведеніями, такъ какъ кругъ обученія ограничивался въ нихъ одною грамотностью и нѣкоторыми руководѣніями. Первоначальная мысль о доставленіи правильнаго образованія дочерямъ духовенства и учрежденіе первыхъ двухъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія, царскосельскаго въ 1843 году и ярославскаго въ 1846 г., принадлежатъ всецѣло благодушной и просвѣщенной заботливости Ея Высочества Великой Княжны Ольги Николаевны (нынѣ Королевы Виртембергской), соблаговолившей съ

тѣмъ вмѣстѣ принять на себя званіе главной почетельницы этихъ училищъ; а своимъ послѣдующимъ умноженіемъ и усовершенствованіемъ эти заведенія обязаны благодѣяніямъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Александровны, удостоившей принять ихъ подъ Свое Августѣйшее покровительство.

Къ настоящему времени открыто въ 26-ти епархіяхъ 30 училищъ, въ коихъ воспитывается до 2000 дѣвицъ, и въ скоромъ времени будутъ открыты еще четыре училища. Эти заведенія двухъ родовъ: одни изъ нихъ, въ числѣ 11-ти (между которыми 7 устроены недавно въ юго-западныхъ губерніяхъ), имѣютъ счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, и за исключеніемъ одного, кіевскаго, были всѣ учреждены по распоряженію духовно-учебнаго управленія, съ полученіемъ содержанія изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; другія были устроены и содержатся на мѣстныхъ епархіальныхъ средства, находясь въ непосредственномъ завѣдываніи мѣстныхъ преосвященныхъ; три училища изъ числа этихъ послѣднихъ находятся при монастыряхъ, а два были открыты и содержатся частными лицами.

Всѣ эти заведенія имѣютъ близко сходные уставы и программу преподаванія, составленные по образцу правилъ, написанныхъ для царскосельскаго училища, по указаніямъ его основательницы, Великой Княжны Ольги Николаевны. Курсъ наукъ ограниченъ самыми необходимыми предметами, а именно: законъ Божій, языка русскій и славянскій, русская исторія и географія, всеобщая исторія и географія въ сокращенномъ объемѣ, арифметика до тройнаго правила включительно, рисованіе, сколько это нужно для правильнаго составленія узоровъ шитья, церковное пѣніе. Въ этой программѣ обученіе закону Божию не становится на послѣдній планъ преподаванія и не ограничивается краткимъ обзоромъ библейской исторіи и поверхностнымъ знаніемъ катихизиса, но производится основательно, тщательно и въ качествѣ главнаго предмета преподаванія; кромѣ св. исторіи и катихизиса преподается ученіе о православныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженій, исторія церкви вселенской и русской; но суботамъ, виѣ классовъ, заставляютъ воспитанницъ выучивать и объясняютъ имъ псалмы, каноны и разныя церковныя пѣсни; законоучители бесѣдуютъ съ ними о святыхъ истинахъ православія, объясняютъ имъ Евангеліе, читаютъ назидательныя духовныя произведенія; онѣ присутствуютъ при всѣхъ праздничныхъ богослуженіяхъ, принимая сами участіе въ чтеніи и пѣніи; ихъ приучаютъ къ соблюденію всѣхъ обычаевъ и постовъ, установленныхъ православною церковью, съ внушеніемъ имъ чувства священнаго уваженія къ ея постановленіямъ. Курсъ ученія раздѣленъ на три двухгодичные класса.

Относительно приученія воспитанницъ къ занятіямъ руководѣльнымъ установленъ слѣдующій порядокъ: онѣ обучаются рѣшительно всѣмъ необходимымъ руководѣльямъ и большею частью сами приго-

исполняютъ всю нужную для себя одежду; приучаются стирать бѣлье, катать и гладить его; поочередно дежуря, исправляютъ всѣ обязанности домашняго хозяйства, моютъ посуду, чистятъ разные вещи, прислуживаютъ за столомъ, стряпаютъ на кухнѣ, пекутъ хлѣбы, заготавливаютъ въ прокъ провизію, готовятъ разные припасы изъ молока, исполняютъ всѣ работы въ саду и огородѣ, на скотномъ и птичномъ дворѣ, даже приучаются жать, трепать ленъ и т. п.; вечеромъ дежурныя обязаны отдавать начальницѣ подробный отчетъ о количествѣ употребленныхъ припасовъ съ обозначеніемъ ихъ цѣнности.

Одни изъ училищъ предназначены исключительно для дочерей духовенства, но въ другихъ дозволено принимать дочерей причетниковъ, и это главнымъ образомъ потому, что большинство училищъ, открытыхъ на мѣстныхъ епархіальныхъ средства, имѣютъ назначеніемъ быть не только учебными заведеніями, но также приютами для призрѣнія безпомощныхъ сиротъ всего духовнаго сословія. Такимъ образомъ, заведенія этого послѣдняго рода принадлежатъ къ разряду благотворительныхъ учрежденій, и таковой ихъ характеръ отражается на самомъ ихъ устройствѣ: болѣею частію на ихъ содержаніе собраны скудныя средства; преподаватели наукъ, изъ членовъ мѣстнаго духовенства и учителей духовно-учебныхъ заведеній, исполняютъ свои обязанности безмездно, по одному усердію, или за самое ничтожное вознагражденіе; начальницѣ и воспитательницамъ положено до крайности малое жалованье; четыре училища устроены въ монастыряхъ и воспользовались готовымъ помещеніемъ. Во всѣхъ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія положено имѣть воспитанницъ на штатномъ содержаніи и своекоштныхъ пансіонерокъ, а въ нѣкоторыхъ еще приходящихъ ученицъ; въ четырехъ училищахъ допущено принимать пансіонерокъ и приходящихъ всякаго званія. Общее число воспитанницъ въ каждомъ заведеніи простирается отъ 30 до 120.

Отличительная черта училищъ дѣвицъ духовнаго званія, дѣлающая ихъ столь выгодными и благодѣтельными для бѣднаго средствами духовенства, заключается въ назначеніи чрезвычайно дешевой платы за воспитаніе. Въ небольшомъ числѣ училищъ, преимущественно находящихся въ монастыряхъ, плата за содержаніе своекоштной воспитанницы пищаю и одеждою назначена отъ 25 до 40 руб. въ годъ, а во всѣхъ остальныхъ отъ 50 до 60 рублей; въ облегченіе родителямъ допущено въ нѣкоторыхъ училищахъ принимать пансіонерокъ на своей одеждѣ, съ соразмѣрнымъ уменьшеніемъ количества платы. Если вспомнить, что за воспитаніе дѣвицъ въ свѣтскихъ институтахъ и въ пансіонахъ платится сотнями рублей, а съ приходящихъ дѣвицъ въ женскихъ гимназіяхъ берется за одно слушаніе уроковъ 40 руб. въ годъ, то благодѣяніе для духовенства отъ учрежденія особнхъ дешевыхъ училищъ для воспитанія его дочерей и незамѣнимость этихъ училищъ никакими

другими общественными учебными заведениями сдѣлаются очевидными.

Другая отличительная черта этихъ училищъ заключается въ томъ, что, частью изъ экономическихъ училищныхъ суммъ, частью изъ пожертвованныхъ на этотъ предметъ капиталовъ, всѣмъ окончившимъ курсъ воспитанникамъ дѣлается при ихъ выпускѣ приданое, и при вступленіи ихъ въ замужество за духовное лицо выдается денежное пособие. вспомошествованія этого рода составляютъ истинное и значительное благодѣяніе для бѣдныхъ семействъ. Первая мысль объ этомъ добромъ дѣлѣ и начало ея осуществленія принадлежать также благодущію Великой Княжны Ольги Николаевны: Ея Высочество изволила постановить о томъ въ уставѣ царскосельскаго училища и пожертвовать отъ себя этому заведенію 15000 руб. асс., для постоянного употребленія процентовъ съ этого капитала въ награжденіе выпускнымъ воспитанникамъ.

Училища, состояща подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, осмысли благодѣянiami Ея Величества: по заботливому желанію Государыни улучшить ихъ положеніе, были увеличены штаты на ихъ содержаніе, устроены для нихъ удобныя зданія, дарованы различныя служебныя выгоды начальникамъ и воспитательницамъ этихъ заведеній; Ея Величество изволило постоянно жаловать разные предметы на училищныя церкви, библиотеки и воспитанникамъ, а при каждомъ выпускѣ изъ царскосельскаго училища 2000 руб., для распределенія между выходящими воспитанницами, соразмѣрно ихъ успѣхамъ и поведенію. Кромя годовыхъ отчетовъ, Ея Величеству благоудно было получать изъ каждаго училища ежемѣсячныя вѣдомости о состояніи и содержаніи воспитанницъ, а изъ царскосельскаго даже еженедѣльныя; на долю этого послѣдняго заведенія выпало особенное счастье, и оно постоянно удостоивается многочисленными посѣщеніями своей Августѣйшей Благодѣтельницы.

Самая важная и достойная вниманія часть напечатанныхъ свѣдѣній объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія заключается въ описаніи плодовъ воспитанія въ этихъ заведеніяхъ. Представленныя по этому предмету свидѣтельства дѣйствительно составляютъ положительное доказательство; они заключаются въ фактахъ, приведенныхъ въ донесеніяхъ нѣкоторыхъ училищныхъ и епархіальныхъ начальствъ, и въ помѣщенныхъ отрывкахъ изъ писемъ бывшихъ воспитанницъ къ прежнимъ ихъ воспитательницамъ. Изъ совокупнаго содержанія этихъ свидѣтельствъ вытекаетъ убѣжденіе, что доставляемое въ этихъ училищахъ воспитаніе вполне достигаетъ предназначенной цѣли: ихъ воспитанницы проникаются чувствомъ христіанской вѣры, правилами религіозной нравственности, сознаніемъ долга къ ближнимъ и обществу, глубокою и трогательною благодарностью къ ихъ Августѣйшей Благодѣтельницѣ и ко всѣмъ бывшимъ ихъ благотворителямъ и воспитателямъ, и ревностнымъ желаніемъ доказать эту благодарность на дѣлѣ; онѣ вносятъ бла-

годѣтельное вліяніе просвѣщенія и почерпнутыхъ ими разнообразныхъ свѣдѣній въ свой семейный бытъ, и не только въ одномъ нравственномъ отношеніи, но и въ матеріальномъ, исполняя собственными руками даже самыя тяжелыя хозяйственныя и полевыя работы. Особенно замѣчательны и благотворны ихъ усердіе и труды въ обученію крестьянскихъ дѣтей и въ распространенію между лицами всѣхъ возрастовъ простаго народа правилъ религіозной нравственности и сознательныхъ понятій о христіанскомъ ученіи. Нимало не удивительно послѣ этого, что крестьяне нѣкоторыхъ селъ Ярославской губерніи обращались съ просьбою о назначеніи къ нимъ священника, женатаго на воспитанницѣ ярославскаго училища, а также, что число поступающихъ прошеній отъ священниковъ, даже отъ самыхъ бѣдныхъ, о принятіи ихъ дочерей своекоштными пансіонерками въ эти училища, далеко превышаетъ положенное штатное число воспитанницъ. Въ четырехъ первоначально учрежденныхъ училищахъ было положено имѣть на половину воспитанницъ штатныхъ и своекоштныхъ; но вслѣдствіе значительнаго числа прошеній о помѣщеніи дѣвицъ на собственномъ содержаніи, послѣдовало въ 1858 году разрѣшеніе сокращать, по мѣрѣ надобности, число казеннокоштныхъ воспитанницъ, съ увеличеніемъ приѣма пансіонерокъ. Вслѣдствіе этого дозволенія, въ настоящее время состоитъ въ этихъ четырехъ училищахъ 48 казеннокоштныхъ воспитанницъ и 235 своекоштныхъ. Это обстоятельство убѣдительно доказываетъ, что учрежденіе особыхъ благоустроенныхъ и дешевыхъ училищъ для образованія дѣвицъ духовнаго происхожденія вполне соответствовало существенной потребности духовенства, и что доставляемое въ нихъ воспитаніе приобрѣло его довѣріе.

Чрезвычайно жаль, что объемъ журнальной статьи не позволяетъ перепечатать пѣбликомъ послѣднюю главу изданной, по распоряженію Графа Д. А. Толстаго, и упомянутой выше книги, гдѣ именно говорится о воспитаніи дѣвицъ духовнаго званія: содержаніе этой главы въ высшей степени любопытно и назидательно, а помѣщенные отрывки изъ писемъ воспитанницъ производятъ истинно-отрадное и утѣшительное впечатлѣніе (*).

Ознакомясь съ этими свѣдѣніями, остается вполне согласиться съ справедливостью выведенныхъ изъ нихъ слѣдующихъ заключеній:

Эти училища образовали разсадникъ самыхъ полезныхъ, ревностныхъ и безворыстныхъ дѣятельницъ на поприщѣ научнаго, нравственнаго и христіанскаго просвѣщенія нашего простаго народа, т. е. непосредственныхъ исполнительницъ того великаго дѣла, которое составляетъ основу и залогъ преуспѣянія, благоденствія и могущества государства. Какія изъ числа всѣхъ прочихъ существующихъ у насъ воспитательныхъ женскихъ заведеній могутъ

(*) Эту главу мы помѣстимъ въ слѣдующей книгѣ «Вѣстника».

быть сравнены, по приносимымъ ими плодамъ, съ этими училищами! Исполненіе обязанности наставницъ въ сельскихъ школахъ представляетъ воспитанницамъ женскихъ духовныхъ училищъ достойное поприще дѣятельности на пользу народа; при томъ твердое и основательное религіозное воспитаніе, которое онѣ получаютъ, никто не можетъ быть полезнѣе ихъ въ этомъ дѣлѣ, и онѣ съ готовностію принимаютъ на себя исполненіе сопряженнаго съ нимъ труда, тогда какъ воспитанницы дворянскихъ институтовъ и городскихъ пансіоновъ никогда не согласятся и неспособны поселиться въ деревнѣ, чтобы быть наставницами крестьянскихъ дѣтей, къ тому же безмездно или за самое ничтожное вознагражденіе.

Вотъ новая сторона, несомнѣнно открывающая на дѣлѣ ту важную пользу, тѣ благотворные плоды, которыхъ слѣдуетъ ожидать отъ учрежденія и распространенія, подъ *наблюденіемъ духовнаго епархіальнаго начальства*, особаго училища для воспитанія дочерей духовенства.

ВЪЗНАНІЕ 8-й КН. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССІИ“ ЗА 18⁶⁵/₆₆ ГОДЪ.

О Т Д В Л Ъ I.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРІИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) **Уставъ** общежитія, данный суральскому монастырю итврополитомъ **Иосифомъ Солтаномъ** и маршаломъ в. кн. лит. **Ал. Нв. Ходковичемъ**. 1510 г. Стр. 1.— 2) **Выписки** изъ княжескихъ трибунальныхъ книгъ фундуерой князя **Раини Станиславскаго** на учрежденіе кромскаго монастыря. 1629 г. Стр. 6.— 3) **Привиллегія** короля **Владислава IV**, подтверждающая прежнія королевскія привиллегія, данныя виленскому Св. Духовскому братству и монастырю. 1633. стр. 18.— 4) **Фундуерная** запись **Федора Андреевича Самгушина**, данная князю монастырю на нѣкоторые имѣнія и угодья. 1542. г. Стр. 24.

О Т Д В Л Ъ II.

СКАЯ ЭМИГРАЦІЯ до и во время послѣдняго илѣта 1881—83. г. Глаза 11-я Стр. 45.
ЧАДЪ алатырскаго Кіево-Николаевскаго монастыря. **И. Шеструева**. Стр. 129.

О Т Д В Л Ъ III.

О объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія. Стр. 18.
НБЕ и мелкіе землеуладѣльцы въ западной Россіи. Стр. 23.

О Т Д В Л Ъ IV.

воспоминаній посредника. Стр. 149.
НА 17 Апрель. Стр. 163.
О, сказанное въ виленской синагогѣ раввиномъ **Штейнбергомъ**, 17 апрѣля. Стр. 165.
О объ **Огиркѣ**. Стр. 168.
ВЕНСКІЯ письма. 2-е. Стр. 184.
УЧРЕЖДЕНІИ воскресныхъ и праздничныхъ школъ при дух. учебн. завед., монастыряхъ и соборахъ. Стр. 179.
ОЯННЕ унитской церкви въ венгерской Русіи. Стр. 185.
М. СМОРГОНЬ (корреспонденція). Стр. 192.
НА 1 мая 1866 г. Стр. 194.
СЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ. **Въслѣчайшиѣ** рескрипты и грамоты нѣкоторымъ іерархамъ западной Россіи. Стр. 198.— **Корреспонденція** изъ **Шавель, Леселя, Слудка, Вѣлостова, Могилева** и **Ковна**. Стр. 202.— **Рѣчь**, сказанная архимандр. **Модестомъ** послѣ освященія **Подберезской** церкви. Стр. 208.— **Слово**, произнесенное священникомъ **Петромъ Левциемъ** на **Литургіи**, въ новоосвященной **Подберезской** церкви. Стр. 210.— **Слово**, сказанное вселюдномъ настоятелемъ, а нѣмъ священникомъ о. **Іоанномъ Стрелецкимъ**, при послѣднемъ его служеніи въ **Подберезскомъ костелѣ**, недавно обращенномъ въ правосл. церковь. Стр. 214.— **Объ училищахъ** для дѣвицъ духовнаго званія. Стр. 216.

СОДЕРЖАНИЕ 8-й кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 18⁵⁵/₅₆ ГОДЪ.

ОТДѢЛЪ I.

№ 12. МАТЕРИАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПРАВОСЛАВІЯ ВЪ ЗАПАДНОЙ РОССІИ.— 1) Уставъ обжектія, данный суральскому монастырю митрополитомъ **Коллежскимъ Солтаномъ** и маршалкомъ в. кн. лит. **Ал. Нв. Ходкевичемъ**. 1610 г. Стр. 1.— 2) **Выпись** изъ мнѣскихъ трибунальныхъ книгъ фундаментальной записи **Раки Огневской** на учрежденіе кронскаго монастыря, 1629 г. Стр. 6.— 3) **Привиллегія** короля Владислава IV, подтверждающая прежнія королевскія привиллегіи, данныя виленскому Св. Духовскому братству и монастырю. 1633. стр. 18.— 4) **Фундаментальная записъ** Федора Андреевича **Самгуницки**, данная мѣлѣцкому монастырю на нѣкотормя нѣвнн и угодья. 1542. г. Стр. 24.

ОТДѢЛЪ II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ до и во время послѣдняго мѣтежа 1831—63. г. Глава 11-я Стр. 45.
О НАЧАЛѢ алатырскаго Кіево-Николаевскаго монастыря. **И. Невоструева**. Стр. 129.

ОТДѢЛЪ III.

НѢЧТО объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія. Стр. 13.
КРУПНЫЕ и мелкіе землемладѣльцы въ западной Россіи. Стр. 26.

ОТДѢЛЪ IV.

ИЗЪ воспоминаній посредника. Стр. 149.
ВИДѢНА 17 Апрѣля. Стр. 163.
СЛОВО, сказанное въ виленской синагогѣ раввиномъ **Штейнбергомъ**, 17 апрѣля. Стр. 165.
НѢЧТО объ Огрызкѣ. Стр. 168.
ГРОДНЕНСКІЯ письма. 2-е. Стр. 184.
ОБЪ УЧРЕЖДЕНІИ воскресныхъ и праздничныхъ школъ при дух. учебн. завед., монастыряхъ и соборахъ. Стр. 179.
СОСТОЯНІЕ унитской церкви въ венгерской Руси. Стр. 185.
ИЗЪ М. СМОРГОНЬ (корреспонденція). Стр. 192.
ВИДѢНА 1 мая 1866 г. Стр. 194.
ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ. **Высочайшіе** рескрипты и грамоты нѣкотормъ іерархамъ западной Россіи. Стр. 198.— **Корреспонденція** изъ Шавель, Лемель, Слупска, Бѣлостока, Могилева и Ковна. Стр. 202.— **Рѣчь**, сказанная архимандр. Модестомъ послѣ освященія Подберезской церкви. Стр. 208.— **Слово**, произнесенное священникомъ Петромъ Левичкиемъ на Литургій, въ новоосвященной Подберезской церкви. Стр. 210.— **Слово**, сказанное ксендзомъ-настоятелемъ, а нѣдѣ съ священникомъ о. Іоанномъ Стрелецкиемъ, при послѣднемъ его служеніи въ Подберезскомъ костелѣ, недавно обращенномъ въ правосл. церковь. Стр. 214.— **Объ училищахъ** для дѣвицъ духовнаго званія. Стр. 216.

ВЕЩНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССИИ

ИСТОРИЧЕСКАЯ
ИСТИНА

Отъ Куды
Помыя
семья
русскихъ

и рече
Слуга
Кіевъ
се буди

мѣти
свѣдѣна
русскіи

ВИЛЬНА

1866.

ВѢСТНИКЪ

ЗАПАДНОЙ РОССІИ.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ

К. ГОВОРСКИМЪ.

ГОДЪ IV 18⁶⁵₆₆

ВИЛЬНА И.

ТОМЪ III.

ВИЛЬНА.

Въ Типографіи Губернскаго Правленія.

1866.

Дозволено Цэнзурою 22-го Июня 1886 года.

I.

№ 13.

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ІСТОРІІ УНІІ ЗАПАДНОЇ
РОССІИ.

1.

Выписъ изъ книгъ оршанскаго замка жалобы управляющаго имѣніями митрополита Ипатія Поцѣя на монаховъ кіево-печерскаго монастыря, что они при заступничествѣ казаковъ и кіевскихъ мѣщанъ не позволили ввести его во владѣніе принадлежащихъ этому монастырю имѣній, 1599 г.

Выписъ съ книгъ справъ кгородскихъ замку господарьскаго староства Оршанскаго.

Лѣта отъ пароженія Сына Божого тысяча пять сотъ девятьдесятъ девятого, мѣсяца октября четырнадцатого дня.

На врадѣ господарьскомъ кгородскомъ Оршаньскомъ передо мною Петромъ Григорьевичомъ Кублицкимъ, подстаростимъ Оршаньскимъ будучимъ, отъ вельможного паца его милости пана Андрея Сапѣги, старосты ор-

шаньского, державцы Ораньского, постановившысе очевидно служебникъ въ Бозѣ велебного отца Ипатія, архіепископа митрополита Кіевскаго, Галицькаго и всея Руси, архимандрита Печерскаго, на име панъ Ѳедоръ Пучковскій, оповѣ жаловалъ именовъ пана своего, его милости отъца митрополита на чернцовъ Кіевскихъ прозываемыхъ на Іону Корченина а на Оксентія Табора, которые дей пропомнѣвшы боязни Божое и срокости права посполитого, менуючысе быть капитулою Кіевскою, приспособившы до себѣ гулдайства лотровъ козаковъ и иныхъ постороннихъ людей немало, зъ разнымъ оружіемъ войнѣ належачымъ, въѣздяючы свовольне до тыхъ селъ Рускихъ въ положенью великаго княжества Литовскаго въ повѣтѣ Оршаньскомъ лежащихъ, къ монастыру Кіевскому Печерскому прислухаючихъ, яко до дворца подъ Могилевымъ прозываемаго села Печерска; села Цвиркова, села Борсуковъ, села Холмъ, села Озеранъ и села Тарасовичъ, такъ тежъ и до иныхъ селъ, подданныхъ его милости отъца митрополитовыхъ, которые дей за правомъ слушнымъ зъ ласки его королевской милости зъ монастыремъ Печерскимъ и зъ всеми добрами, ку нему належачыми, впродъ речоному отъцу митрополиту есть отданы; тогда дей тые впродъ речоные черицы Юна Корченинъ и Оксентій Таборъ, не вѣдати зъ явихъ причинъ набравшысе свое воли, педаючы ничего и о зверхность его королевское милости и старшого своего его милости отъца митрополита Кіевскаго архимандрита Печерскаго, отъ господара короля его милости поданого, и теперъ дей въ тыхъ селахъ лежать, подданныхъ деруть, липять, нищать и пустошати, гдѣжъ дей вжо немало и подданныхъ съ тыхъ селъ вышъ помененыхъ прочъ разогнали и пусто учинили; якожъ дей и дворянинъ господарьской панъ Янъ Кошыць теперъ въ тыхъ часехъ будучы въ сесь край Рускій посланный для отбиранья тыхъ, предъ мененыхъ селъ маенности Печерскихъ и поданья въ моду и во властность

его милости вышей реченому отцу митрополиту, и кгда дей тотъ дворянинъ его королевской милости панъ Янъ Кошыць въ року теперь идучомъ тысеча пять сотъ деветь десять девятомъ, мѣсяца октября дванадцатого дня, найпервей до того села и двора Печерска прѣхаль, (взявши возного) енерала повѣту Оршаньского, пана Оникея Зеньковича, и сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ и зъ слугами его милости отца митрополита пана моего, то есть со мною Федоромъ Пучковскимъ, Николаемъ Скиримоитомъ а Иваномъ Миничомъ, то пакъ того року, мѣсяца и дня вышь помененого, тые чернцы вышей поменены, Иона Корченинъ и Оксентей Таборъ, маючы при собѣ въ тойъ дворѣ Печерскомъ вранника, своего Юрья Рожановскаго, не мало гультаевъ помочниковъ своихъ зъ Могилева мѣщанъ, меновите, Лазара Кондратовича, болрына замку Могилевского, Никипора а Осипа Купріяновичовъ Гришковичовъ, Петрушу Кондратовича, Опанаса Пирожника, Игната Окулинича, которыхъ они сами лѣпѣй знаютъ и вѣдаютъ, затворившы дворные ворота передъ нами еще добре оподаь, ѣхать у дворъ не допушчали, дворенина его королевской милости словы неучтивыми соромотили, мовечы въ щипливе: „ты дей, дворянине, тутъ не ѣдь, будешъ забитый.“ Тогда дворянинъ его королевское милости, поднесшы листы королевскіе хотѣчи оповѣдать (волю) и росказанье его королевское милости, абы слухали. Тые чернцы Иона и Таборъ, не дбаючы на то ничего, дворенина не слухали и листовъ господарскихъ не учтившы, росказанью его королевское милости спротивили, еще тымъ большей пана дворанина соромотили и заразомъ съ кольку пулгакъ разъ-по-разъ на дворанина его королевское милости и на насъ стрѣлили; въ тотъ же часъ подъ стороною, при енералѣ будучою, подъ паномъ Лукашомъ Тросничемъ коня шерстью гнѣдого пострѣлили и насъ всихъ мало не позабивали, и увязыванья дворенину его королевское милости до тыхъ селъ вышей помененыхъ не

допустили. Што шырей и достаточнѣй на реляціи того енерала Оникея Зеньковича описано и должно есть.

При которомъ оповѣданью, тогожъ року, мѣсяца и дня, ставшы передо мною и на врадѣ очевисто енераль его королевское милости повѣту Оршанскаго Оникей Зеньковичъ, сознание свое устное учинилъ и того сознания своего квити подѣ печатью съ подписомъ руки своее и подѣ печатями стороны шляхты и съ подписомъ одного зъ нихъ ку записаню до книгъ вгородскихъ оршаньскихъ далъ написанный въ тые слова:

„Я Оникей Зеньковичъ, енераль повѣту Оршаньского, сознаваю то симъ моимъ квитомъ, ижъ року теперъ идучомъ тысеца пять сотъ девятыдесять девятомъ, мѣсяца октебра дванадцатого дня у ввоторокъ, будучы я взятый на справы господарскіе отъ дворенина его королевское милости пана Яна Кощыца при листахъ господарскихъ, ѣздиломъ на въ вязыванье до двора и до села Печерского, прислухающого до монастыря Кіевскаго Печерского въ повѣтъ Оршаньскомъ лежачого; а маючы я при собѣ сторону людей добрыхъ двухъ шляхтичовъ, пана Лукаша Трыстынича а папа Леона Семановича, тамъ же кгдамы зъ двораниномъ его королевское милости помеченымъ паномъ Кощыцомъ до того села Печерска приѣхали, хотѣчы, тотъ дворець и села къ нему прислухаючые подати въ моць, во владзу, за листами его королевское милости, отъцу Гипатею, архіепископу митрополиту Кіевскому, Галицькому и всея Руси, епископу Володымерскому и архимандриту Печерскому, тогды черцы Кіевскіе Іона Корченинъ а Оксентей Таборъ зъ урядникомъ своимъ нѣякимсь Юрьемъ Рожновскимъ, приспособившы до себе козаковъ и мѣщанъ Могилевскихъ не мало и иншихъ многихъ помочниковъ своихъ, о которыхъ оны сами лѣпѣй вѣдають и имены называти могутъ, зъ розными бронями войнѣ належачыми, зъ ручницами, зъ сагайдаки, зъ оцепы, которые, затворившы дворные ворота передъ нами еще добре оподаль, ѣхати

у дворъ не допускали, дворенина его королевское милости слова неучтивыми соромотили, мовечы въщипливе: „ты дей, дворенине, тутъ не ѣдь, будешь забитый!“ Тогда дворенинъ его королевское милости, поднесшы листы королевскіе, хотечы оповѣдать волю и росказаще его королевское милости спротнвили, еще тымъ болшей пана дворенина соромотили и заразомъ съ кольку пулгаковъ разъ-по-разъ на дворенина его королевское милости и на насъ стрѣлили, въ тотъ же часъ подь стороною при мнѣ будучою, подь паномъ Лукашомъ коня шерстью гнѣдого пострѣлили, который заразъ здохъ, и насъ всихъ мало не позабивали, и увязанья отьцу..... до тыхъ сель не допустнли. Што мною вознымъ енераломъ и то..... на тотъ часъ при мнѣ будучою панъ дворанинъ его королевское милости освѣдчившы, прочь есмо отъѣхали. А такъ я вышъ помененый Оникей енераль, што есми видѣлъ и слышалъ, правдиве до книгъ кгородскихъ Оршаньскихъ доношу и сознаваю. Писанъ року, мѣсяца и дня вышей помененого.“

У того квиту печатей притисненыхъ три, а подписы рукъ подписаны есть тыми словами: Оникей Зеньковичъ, енераль повѣту Оршаньского, власною рукою. Левонъ Семеновичъ власною рукою.

Котороежъ тое оповѣданье пана Федора Пучковско-го, также и сознание енерала его королевское милости милости Оникея Зеньковича, при квитѣ учиненое, до книгъ справъ кгородскихъ замку, господарьского староства Оршаньского записано есть, съ которыхъ книгъ и сесть выписъ подь моею печатю пану Федору Пучковскому есть выданъ. Писанъ у въ Оршы.

„Богданъ Бурый, писарь кгородской Оршаньскій.“

На оборотъ листа помяты:

„Protestacja oicza Pociela na szernczow Pieczarskich. — Protestacja rzednika imo. X. Pociela przeciwko szernczom Pieczarskim, iz oni nie dopuscili podania dworzanninowi w dobra Pieczarskie nazwanu Pieczarsk, Cwir-

kowe, Bersuki, Chemice, Oszegany u Tarasowice, w Oszegu roku 1599, die 14 oktobra, u owzem malo nie rozabywali podawcow od Peciela zeslanuch.

Нодавнинакъ хранится въ архивѣ бывшихъ греко-унитскихъ митрополитовъ при свят. прав. синодѣ, подъ №. 14 лит. А., писанъ на листѣ обмкволенной бумаги, мелкою скорописью. — Въ концѣ выписи приложена печать оттиснутая на красновосковой массѣ подъ бумажкою вырѣзанной въ видѣ короны. — Перегибы листа сгинули, а потому во многихъ мѣстахъ прочесть текстъ рукописи невозможно.

Сообщ. *Н. Григоровичъ.*

2.

Грамота митрополита кievскаго и галицкаго Ипатія Ноцья Антоцію Грековичу на архимандрію Выдубицкую и на кievскую протопоцію 1610 года, генваря 22 дня.

Ипатей Хотей Божею милостью Аръхепископъ, — митрополитъ Кіевскій Галицкій и всея росін, Епископъ Володымерскій и Берсетенскій.

Ознаймуемъ сим листомъ нашимъ кому о томъ ведати належало, ижъ отецъ Антоній Грековичъ священноеромонахъ служачы намъ часъ немалый заслугу данною справуючы на дворе нашемъ врадъ овой диаконскій, по которомъ мы дознавъши вшелякихъ цнотъ верьностьти и статечности и што кольвекъ одно яко цнотливому (добродѣтельному) належало, яко онъ намъ пану и пастыреву своему статечне заховаль, Ино мы нагорожаючы ему послуги его верные, продъ на станъ Презвитерскій рукоположенемъ нашимъ посветили, а потомъ наместникомъ albo протопоною нашимъ Кіевскимъ учынили семо его. Опатрившы его для слушнаго выхованя монастыромъ Выдубицкимъ названнымъ у кіева. А то для того, жебы онъ тамъ водлугъ чыну своего иноческаго мешкаючы хвалы Божое пилювалъ и повинности врадъ своего протопопъскаго постерегалъ, и единости светое скостемомъ рымскимъ принятое, на которую и попрысягнулъ неодстунуваль,

але иновъшемъ оную словомъ и деломъ залецалъ и помнажалъ, и насъ пастыра своего послушнымъ былъ, а до противниковъ тое единости светое и насъ пастыра своего никакo непрылепьялся; который же то вышъмененный монастырь ему отцу Антонію дали семо зо всеми пожитками дотого монастыра здавна належачымъ: сподаными, грунты, лесами, сеножатми, озерами также и спрысудами..... для колвекъ до того монастыра выдубицкаго належало, такъ яко и иные игуменове держывали, завсимъ на все дали есмо и симъ листомъ нашимъ даемъ до его..... пры тыхъ кондицияхъ своихъ вышъмененныхъ статечне тривати будетъ, и на то дали семо ему сестъ нашъ листъ знашою печатью и сподансомъ руки наше. Писанъ у Володымеры, року Божого нароженя тисеча шестсотъ десятаго. Мѣсяца Генваря 22 дня.

Ипатей Архипископъ.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ грекоуніатскихъ митрополитовъ за Н. 341; писанъ на листъ обик. бум., мелкою, кручкватомъ скрописью. Въ концѣ рукописи кодичес митрополита и печать его, отиснутая между листами рукописи, на арасно восковой мастикѣ.

3.

Выписъ изъ книгъ градскихъ луцкаго замка жалобы настоятеля братскаго монастыря, церкви сошествія Святаго Духа О. Юсифа Бобриковича съ братією на Мелетія Смотрицкаго за то, что онъ, будучи въ Вильнѣ, захватилъ много монастырскихъ книгъ и церковной утвари на 5,000 злотыхъ. 1629 года августа 29 дня.

Выписъ с книги градскихъ замку луцкого.

Лѣта Божого нароженя тисеча шестсотъ двадцать девятого мѣсяца Августа девятого дня.

На вrade кгородскомъ замку его королевской милости луцкомъ передомною княземъ Павломъ Друцкимъ Любецкимъ, подстаростомъ Луцкимъ, становши обличне вбогу велебный его милось отецъ Юсифъ Бобрыковичъ, старшій ректоръ монастыра виленскаго, церкви сослания (соществія) Святого Духа и именемъ своимъ и именемъ конвенту (собранія) своего братства, всѣхъ духовныхъ и свѣцкихъ дотога брацтва упривиліюваного належащихъ и описаныхъ соленитеръ (торжественцо), протестуется противко превелебному отцови Меленгтшови Смотрицкому на тотъ часъ архимандрите Дерманьскому. . . . онъ часовъ розныхъ и насъ барзей (болѣе) едучи на погребъ (погребеніе) до Борколабова зошлое (покойной) ее милости Княгини Соломирецкое а будучи еще на тотъ часъ зними одного вызнанія (исповѣданія) и пульмешканцемъ обуоче жительнымъ до того монастыра пострыжонимъ не мало апъператовъ (утварей) церковныхъ од (изъ) злота, сребра, перель (жемчуговъ) дорогихъ камней, на розныхъ материяхъ на охендатствн (облаченія) архиерейское, коштомъ великимъ презпомененое брацтво виленское до церкви своее справленыхъ и книгъ не мало кгрецкихъ и латинскихъ, теологскихъ (богословскихъ) мутуомодо (заимообразно) набравши и напозичавши (одолживши) и оними апъператами на розныхъ месцахъ оѣнции (требы) духовные отправаючи такіе и иныхъ книгъ заживаючи (употребляя) презъ часъ немалый, кгда (когда) часто и густо реквизитусъ (спрашиваемый) былъ одюмененого брацтва виленскаго абы самъ на месце светое сколь ихъ позычилъ (одолжилъ) одослалъ обетницами (обѣщаніями) толко кормачи и дотоль ихъ присобе затримуеть (задерживаетъ) а теперь свежо кгда протестанъ се столь листъ написавши, донего до дерманя послалъ, просечи оверненье тыхъ реченыхъ будучи онего водлугъ обетницъ частыхъ своихъ одошлоу тутъ до луцка не тягнуци кошту болшого водсыланю ихъ до Вильня теды помененый отецъ Смотрицкій

отмененшиши пропозиуумъ первое презъписанье свое
любо признаваетъ и самъ-же тые вси речи присобе маеть и
не своимнале(но)тогожь помененого монастыря братского
виленскаго быти твердить вернуть ихъ однакъ беневоле
(добровольно) нехотѣль але пущаючи указуетъ
имъ пана своего и жебы тамъ о справедливость знего до-
рогу ведали одсылаеть о чемъ протестансь бачичи быти
великую кривду (обиду) и шкоду (убытокъ) монастыря сво-
его внеодданю тыхъ речей которыхъ шацунокъ (оцѣнка)
переносить (превышаетъ) суму десети тисечей золотыхъ
полскихъ инемогучи водлугъ повинности своей отпоме-
неного брацтва виленского речей насобе соложной
одступовати, абы шкоды такъ великое братство виленъ-
ское церкви святого Духа презнего неотносило; але у па-
на преложеного (старшаго) надъ дѣдичествомъ архиманъ-
дрядства дерманскаго правые (законно) доходить хотечи
тую протестанщю своею рационе (касательно) невернения
тыхъ речей презъ отца мелентиуша Смотрицкого инеслуш-
не (незаконное) ихъ приемъ затриманье (удерживаніе).....
вшкоды которые толь правнымъ урости могутъ,
псованъесе (порчу) апъператовъ и книгъ за частымъ
ихъ итерумъ акты итерумъ (iterum) протестатуръ ко-
тороежь то оповаданье менованое особе за приня-
темъ моимъ урядовымъ докнигъ кгородскихъ луцкихъ есть
записано, скоторыхъ и еесь выпись подпечатію кгородскою
луцкою. Року теперешного тисеча шесть сотъ тридцать
третьяго мца апрѣля осмого дня есть выданъ. Писанъ
влуцку.

Корриговавъ Шолък.....

И Козаковичъ Проміцкій писарь Королевскій Луцкій.

На оборотѣ листа помѣта:

Protestatio jmsc oycа Jozepcha Bobrykoviца Rektora monastуra Vi-
lenskiego na xiqadna Smotryckiego 1620 a. 9 augusta.

Подлинникъ хранится въ архивѣ бывшихъ грекоунитскихъ митрополи-
товъ за Н. 77; писано на листѣ обыкновенной писчей бумагѣ, мелкою крѣч-
коватою скорописью безъ знаковъ; въ концѣ выписи приложена Луцкая пе-
чать, упомянутая на красновосковой мастикѣ подъ бумажкой.

Сообщ. Н. Григоровичъ.

№ 14.

ДОКУМЕНТЫ ОТНОСЯЩЕСЯ КЪ ИСТОРИИ АЛА-
ТЫРСКАГО КІЕВО-НИКОЛАЕВСКАГО
МОНАСТЫРЯ (*).

1.

**Отписка въ посольской приказъ путивлю-
скаго воеводы Микифора Плещеева, о при-
ѣздѣ изъ Литвы въ Путивль густинскаго
Троицкаго монастыря игумена Василія съ
братією и ладискаго Покровскаго дѣвн-
чьяго монастыря игуменьи Елисаветы съ
отцень духовныхъ, иг. Меодіемъ и сестрами
1638 года.**

Государю, Царю и Великому князю Михаилу Федо-
ровичу всеа Русіи холопъ твой Микифорка Плещеевъ
челомъ бьетъ. Нынѣшняго, Государь, 146 году Юня
въ 9-й день писалъ я, холопъ твой, къ тебѣ, Госуда-
рю, въ Посольской приказъ съ путивльцомъ сыномъ
боярскимъ съ Яковомъ Удачнымъ, что Юня въ 5-й
день пріѣхали изъ Литвы въ Путивль на твое Госуда-
рево имя изъ Прилуцкаго Густынскаго монастыря стар-
цы черной попъ Паенотей съ товарищи, а съ нимъ
прислалъ изъ товожъ Густынскаго монастыря игумень
Василей съ братією напередъ себя церковное строеніе
и животину монастырскую; а про игумена, Государь,

(*). Смотри „О началѣ алатырскаго кіево-николаевскаго мо-
настыря“ въ 8-й книжкѣ, отдѣлъ 11, стр. 129. Google

сказали, что де игумень и братья съ послѣднимъ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью монастырскою приѣдетъ въ Путивль послѣ ихъ, для того, чтобъ ему игумену выслать изъ тово монастыря въ Путивль послѣднее церковное строенье и рухлядь монастырскую не вдругъ напередъ себя, тайно. И Юняжь, Государь, въ 14-й день пришлн въ Путивль изъ тово Густынсково монастыря игумень Василей, и съ нимъ старцы и служки, и монастырскіе ихъ крестьяне пѣши, ограблены, а пришло, Государь, съ нимъ игуменомъ старцовъ изъ тово Гостынского монастыря чорныхъ поповъ пять человекъ, да дьяконовъ чорныхъ четыре человекъ, да старцовъ соборныхъ и рядовыхъ пятьдесятъ семь человекъ, да крестьянъ ихъ монастырскихъ одиннадцать человекъ съ женами и съ дѣтьми. И какъ де Государь, отпустя онъ игумень изъ тово Густынского монастыря первыхъ старцовъ съ церковнымъ строеньемъ въ Путивль, и послѣ де, Государь, тово первого отпуску отпустилъ онъ игумень изъ тово Гостынского монастыря другихъ старцовъ съ церковнымъ же строеньемъ, и съ рухледью и съ запасомъ монастырскимъ, и у тѣхъ де, Государь, старцовъ на дорогѣ Ковотопской урядникъ Сосновской то церковное строенье и рухледь и запасы всякіе пограбилъ, а ихъ де старцовъ попускалъ къ Путивлю пѣшихъ. И послѣ де, Государь, тѣхъ старцовъ онъ игумень хотѣлъ ѣхать изъ тово монастыря къ Путивлю съ достолнымъ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью монастырскою, и Прилуцкой де урядникъ Адамъ Марковичъ, довѣдався тотъ его игуменской подъемъ и прислалъ къ нему игумену въ монастырь поповъ Прилуцкихъ и войта и иныхъ многихъ мѣщанъ Прилуцкихъ, и говорили де ему игумену съ братьею и упрасивали его съ великимъ умоленьемъ, чтобъ онъ изъ тово Густынского монастыря не выѣзжалъ и жилъ бы въ томъ монастырѣ по прежнему. И послѣ де, Государь, той присылки въ тотъ же часъ пріѣхалъ въ Прилуки отъ князя

Вишневецкаго (*) коморникъ княжой Кончинской и прототъ де ево игуменской выходъ дождався тотъ Кончинской прислалъ съ Прилуцкимъ урядникомъ вмѣстѣ изъ Прилуки къ нему игумену въ монастырь Прилуцкихъ мѣщанъ и похолковъ своихъ и велели имъ взять въ Прилуки ево игумена и старцовъ и съ церковнымъ строеньемъ, а въ тое де, Государь, пору только было ему игумену выѣхать изъ тово монастыря со всѣмъ церковнымъ строеньемъ. И онъ де игумень съ братьею, покинувъ въ монастырѣ на возѣхъ церковное строенье и рухледь монастырскую и лошади, побѣжали изъ монастыря въ лѣсъ пѣши, а которые де, Государь, возы съ рухледью завезены были въ лѣсъ напередъ ево игумена, и тѣ де возы съ лошадьми и съ рухледью догнавъ тѣ похолки панскіе пограбили жъ. Да съ нимъ же, Государь, игуменомъ Васильемъ пріѣхали вмѣстѣ изъ Литвы въ Путивль на твое жъ Государево имя изъ Прилуцкаго уѣзду съ Подгорья Ладимского дѣвичьяго монастыря Покрова Пресвятей Богородицы игумень Меодей, да съ нимъ товожъ монастыря игуменья Елисавета Летинская съ сестрами, а сестръ съ нею соборныхъ и рядовыхъ пятьдесятъ стариць, а онъ де игумень Меодей всѣмъ имъ отецъ духовный, а поѣхали де, Государь, онѣ изъ тово Ладимского Покровского монастыря въ Путивль со всѣмъ церковнымъ строеньемъ и съ животиною, и какъ де, Государь, напередъ себя отпустили онѣ изъ тово монастыря съ церковнымъ строеньемъ и съ рухледью и съ запасы и съ животиною сорокъ стариць съ работники, а сами де онѣ, игумень и игуменья, остались на время въ

(*) Сынъ Михаила Корибута — Вишневецкаго Іеремія Михайла: воспитываясь у іезуитовъ онъ принялъ Римско-католическую вѣру, которой страстно былъ преданъ, жестоко мучилъ вояковъ и (въ послѣдствіи) основалъ кляшторы Доминиканскіе въ Прилукахъ, костелы въ Лубнахъ, Ромнѣ, Лохвицѣ и пр. Слалъ сильное увѣщательное посланіе къ нему митроп. Ісаія Кончинскаго 1631 г. въ 1 отд. 2-й кн. Вѣстника юго-зап. Россіи за 18⁶³/63 г.

томъ монастырѣ, покаместа тѣ старицы доѣдутъ до Путивля, и тѣ де, Государь, старицы какъ будутъ въ Путивльскомъ уѣздѣ въ урочищѣ Кишкиныхъ отъ Путивля въ тридцати верстахъ, и тѣхъ де ихъ старицъ перенявъ на дорогѣ въ томъ урочищѣ тотъ же урядникъ Сосновской съ городка съ Конотопъ пограбилъ всѣхъ, а грабежемъ де, Государь, взялъ у нихъ дватцать возъ со всякимъ церковнымъ строеньемъ, и съ рухледью и съ запасы, и старицъ де всѣхъ переграбилъ, и отпустилъ ихъ пѣшихъ. И послѣ де, Государь, тово онъ игумень и съ остатошными старицами проѣхалъ къ Путивлю Литовскіе сторожи въ мірскомъ платьѣ. А вѣстей, Государь, въ распросѣ мнѣ холопу твоему онѣ никакихъ не сказали. А для, Государь, чево пошли онѣ изъ тѣхъ монастырей на твое Государево имя, и про то мнѣ, холопу твоему, въ роспросѣ онѣ сказали, что пошли де онѣ изъ тѣхъ монастырей отъ гоненья Ляховъ за православную вѣру, и похотѣли быть въ православной христіанской вѣрѣ, и за тебя, Государя, Бога молить вѣчно, для тово, что де стало нынѣ у нихъ въ Полши и въ Литвѣ отъ Ляховъ на вѣру христіанскую гоненье великое и вѣдомо де имъ учинилось о вѣрѣ христіанской подлинно, что де въ нынѣшнемъ въ 146 году въ великой постѣ писалъ де изъ Луцка князь Коширской къ Лубенскому епископу Исаю въ Польсья, а епископъ Исаія писалъ въ Лубенской Преображенской монастырѣ къ игумену и къ нимъ игуменомъ въ монастыри, что де одноконечно король Польской, и паны радные и Ляцкіе арцыбискупы приговорили на соймѣ, что въ ихъ Полской и въ Литовской землѣ православной христіанской вѣрѣ не быть и христіанскіе церкви превратить на кастелы Ляцкіе, и книги русскіе и монастыри вывезть, а Кіевской де, Государь, митрополитъ Петръ Могила вѣры христіанской нынѣ отпалъ, и благословенъ де митрополитъ Петръ Могила отъ папы Римскаго нынѣ въ великой постѣ въ

патріархи, быть ему патріархомъ въ Вилнѣ будто въ христьянской вѣрѣ, а присегалъ де онъ митрополитъ кородю и всѣмъ паномъ раднымъ и арцыбискуномъ Лянкимъ на томъ, что ему Христьянскую вѣру ученьемъ своимъ поправить и уставить всее службу по повелѣнью папы Римскаго римскую вѣру, и книги Русскіе вывезть, а въ митрополиты де, Государь, въ Кіевъ въ Печерской монастырь на ево Петрово мѣсто Могилно благословленъ нынѣ Корсакъ бывшей владыко Пинскій. А что де, Государь, у нихъ церковного строенья и лошадей и рухледи всякой и запасу хлѣбного и животины всякой въ Литовской землѣ пограблено, и тому, Государь, грабежу принесли онѣ игумены ко мнѣ, холопу твоему, росписи, и подавъ росписи, били челомъ тебѣ, Государю Царю и Великому князю Михаилу Феодоровичу всеа Русіи, онѣ игумены, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ велѣлъ тѣ ихъ росписи послать изъ Путивля къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ. И я холопъ твой, взявъ у нихъ тѣ росписи послалъ къ тебѣ, Государю, къ Москвѣ подъ сею отпискою; а имъ игуменомъ и старцомъ и старицамъ, и служкамъ и монастырскимъ ихъ крестьянамъ велѣлъ побыть въ Путивлѣ до твоего Государева указу, Густынскаго монастыря игумену Василью съ братьею велѣлъ быть въ Молчинскомъ монастырѣ, а Ладинскаго монастыря игумену Меѳодію и игуменѣи и старицамъ въ Дѣвичемъ Духовномъ монастырѣ; а корму я холопъ твой давать имъ безъ твоего Государева указу не смѣлъ, потому что въ твоей Государевой прежней грамотѣ, какова твоя Государева грамота прислана ко мнѣ, холопу твоему, напередъ сего изъ Посольскаго приказу Мая въ 15 день написано: какъ прійдетъ изъ Густынскаго монастыря игумень съ братьею и его игумена и старцовъ велѣно принять и побыть имъ до твоего Государева указу въ Путивлѣ, а кормъ имъ давать ли или не давать, тово въ той твоей Государевѣ грамотѣ не указано. И о тѣхъ Го-

сударь игуменѣхъ, и о старцѣхъ и о старичѣхъ и о служкахъ, и о монастырскихъ ихъ крестьянѣхъ мнѣ, холопу своему, какъ ты Государь укажешь? Да Василей же, Государь, игумень съ братьею били челомъ тебѣ, Государю Царю и Великому князю Михаилу Теодоровичу всеа Русіи словесно, чтобъ ты, Государь, пожаловалъ велѣлъ имъ вмѣстѣ быть, гдѣ, Государь, ты ни укажешь: потому что де онѣ межъ себя приговорили и общались, что имъ всемъ вмѣстѣ быть. А дѣвичья, Государь, монастыря игумень Меодей и игуменья били челомъ тебѣ, Государю, о томъ же, чтобъ имъ быть въ одномъ мѣстѣ съ сестрами, гдѣ ты, Государь, укажешь.

На оборотѣ 1-й стороны адресъ: Государю Царю и Великому князю Михаилу Теодоровичу всеа Русіи. Потомъ помѣта: 146 году іюня въ 29 день съ Путникомъ Степкою Пановымъ. Вверху помѣта: Государю чтена. Указалъ Государь послать память въ приказъ Большаго-дворца, а велѣлъ тѣмъ старкомъ и старичамъ выписать монастыри гдѣ ихъ можно устроить, и доложить Себя Государю. А въ Путникъ послать Государева грамота, велѣтъ имъ дати Государева жалованья для ихъ скудости форму на мѣсяцъ примѣривъ къ нимъ, сколько пригожъ.

Подлинникъ хранится въ московскомъ главномъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ между малороссійскими дѣлами, связка 8, 1638 г. № 1.

2.

Царская грамота о дачѣ вышедшимъ изъ Ливтовской земли въ городъ Алатырь игуменѣ Елисаветѣ съ сестрами, причтомъ и служителями денежнаго и хлѣбнаго жалованья и угодій и о построеніи ими здѣсь новаго монастыря. 1639 г.

Отъ Царя и великаго князя Михаила Теодоровича всеа Росіи на Алатырь воеводѣ нашему Теодору Ивановичу Нащекину. Въ нынѣшнемъ во 147 году..... бря въ 14 по нашему указу велѣно Прилуцкого города Покровского Ладенского дѣвicha монастыря игуменію Елисавету

съ сестрами и отца ихъ духовнаго игумена Меѳодія и чернаго попа Елеѳерія и старца Іакова и пѣвцевъ и службниковъ, которые вышли изъ Литвы отъ гоненія Ляховъ за православную вѣру устроить на Алатарѣ въ Никольскомъ дѣвичя монастырѣ наше годовое жалованье денежныя и хлѣбныя руги учинить имъ окладъ: игуменьѣ денегъ пять рублевъ, а хлѣба восемь четвертей ржи, пятидесяти двумъ старицамъ по два рубля съ половиною, по четыре четверти ржи и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію денегъ десять рублевъ, десять четвертей ржи чорному попу Елеѳерію восемь рублевъ денегъ восемь четвертей ржи да старцу Іакову, да пѣвцамъ семи человекамъ по три рубля да по пяти четвертей хлѣба ржи, службникомъ осми человекомъ по два рубля съ половиною да по четыре четверти ржи а овса потомужъ всякому человеку. Да имъ же давать по шестидесять сажень дровъ, потому что люди не заводные, вотчинъ нѣтъ и привести дровъ не кому; да имъ же въ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ имъ быть велѣно, давать ведро вина церковнаго, по полопуду ладану, да на свѣчи по четыре пуда воску, да на кутью по шести четвертей пшеницы по два пуда патоки на годъ. А давать имъ тѣ церковныя доходы и наше денежное и хлѣбное жалованье въ началѣ лѣта году всегда, руга вѣсѣмъ сполна, потому что у нихъ община, на нынѣшній 147 годъ давать имъ сполна, какъ онѣ на Алатарѣ пріѣдутъ и кельи имъ поставить особно вѣсѣмъ вмѣстѣ, да въ монастырѣ имъ устроить трапезу теплую съ церковію, буде преже сего не устроена, и пѣвцамъ и службникамъ дворъ близко монастыря устроить, а прежнюю игуменью и старицъ велѣно вывести изъ монастыря, гдѣ пригоже. И февраля въ 1 день били челомъ Покровскаго дѣвича манаастыря игуменьи Елисавета съ со сестрами что де на алтарѣ въ Никольскомъ монастырѣ церковъ ветха де, пошатнулася, и кровли и паперти обломилась, службъ въ монастырѣ и трапезъ и поварни и хлѣбни нѣту, у нихъ общей хлѣбъ онѣ ѣдятъ всѣ вмѣстѣ въ трапезѣ, а поставить де имъ службъ въ томъ монастырѣ негдѣ, а кельи

гнилы, повалилися; а старыя де старицы выведенныя приходять къ нимъ съ великимъ воплемъ и плачемъ и со слезами и намъ де отъ тѣхъ слезъ къ церкви Божіей пройти неможно. Есть де на алатарѣжъ мѣсто пустовое подь городомъ подь стѣною, близко отъ Силанской башни, вверхъ по-Сурѣ рѣкѣ подлѣ острогу до орѣшника, что было дано Рословцемъ, дѣтемъ боярскимъ и тѣ де дѣти боярскіе по нашему указу взяты въ Севескъ, и нынѣ то мѣсто лежитъ пусто, ни за кѣмъ не записано, копають огороды выѣздные козакъ бездачно. И намъ бы ихъ пожаловать велѣть то пустовое мѣсто дати имъ подь церковь и подь кельи и подь всякіе монастырскіе обиходы и отцу ихъ духовному игумену Меоодию и служебникомъ ихъ поставить дворъ по близку того монастыря. И мы ихъ пожаловали велѣли тѣмъ мѣстомъ монастырь устроить и церкви и трапезы и кельи и службы, безъ чего быти нельзя, и отцу ихъ духовному игумену Меоодию и служебникомъ ихъ поставить близко монастыря дворъ на томъ мѣстѣ, о которомъ онѣ намъ били челомъ а Никольскаго монастыря прежнюю игуменью со старцами пожаловали велѣли въ томъ монастырѣ быти по прежнему. И нынѣ намъ били челомъ Кіевскіе старцы и игуменья Елисаветъ съ сестрами, а въ челобитной ихъ писано: пожаловали мы къ монастырю ихъ близко пустое мельничное мѣсто на рѣчкѣ на Стемосѣ, что преже сего была наша мельница и почему имъ въ новомъ монастырѣ быти, мельничнымъ мѣстомъ владѣть, наше жалованье на церковный обиходъ, на свѣчи и на ладонъ, и на вино церковное и на просвиры и на кутью и на пше-ницу и патоку, и хлѣбную и денежную ругу и дрова имать имъ, и о томъ у нихъ нашея жалованья грамоты нѣту, и намъ бы ихъ пожаловать велѣти имъ дать нашу грамоту почему имъ въ новомъ дѣвичь монастырѣ, отцу ихъ *) духовному съ братіею и служебникомъ подлѣ то-

*) Здѣсь въ монастырскомъ актѣ одной склейки не достаетъ, и дальнѣйшее пишется съ копій грамоты, находящейся въ

гожь монастыря быти и мельничнымъ мѣстомъ владѣть и наше жалованье на церковной обиходъ, на свѣчи и ладанъ и на вино церковное и просвиры и кутью и пшеницу и медь и хлѣбную и денежную ругу и дрова на алатарѣ имать. И мы игумень Елисавеѣ съ сестрами и отца ихъ духовнаго игумена Меѳодія пожаловали велѣли дать нашу грамоту что мы пожаловали велѣли имъ устроить на алатарѣ монастырь на пустомъ мѣстѣ близъ Силинской башни по берегу рѣки Суры, а въ немъ поставить двѣ церкви одна съ трапезою и отцу ихъ духовному и попу и служебникомъ дворы и мельницы устроить нашею казною и наше жалованье денежное и хлѣбное и на церковной обиходъ на свѣчи и ладонъ и вино церковное, на просвиры и на кутью, пшеницу и медь велѣли имъ давать на алатарѣ ежелѣтъ изъ нашихъ доходовъ по нашему указу сполна изъ приказу Казанскаго дворца. И какъ къ тебѣ придетъ сея наша грамота, и ты бѣ на алатарѣ въ Киевскомъ Бѣлорусскомъ старицамъ игумень Елисавеѣ съ сестрами и отцу ихъ духовному игумену Меѳодію съ братією пѣвцомъ и служебникомъ наше жалованье изъ казны денежное и хлѣбное, ругу и дрова *) и на церковный обиходъ свѣчи и ладонъ и вино церковное и на просвиры и на кутью пшеницу и медь давать на алатарѣ по вся годы съ начала лѣта по нашему указу сполна, и отъ обиды и насильства и всякаго бѣдства ихъ оберегать, чтобы нашею Государевою милостию изустроены, и въ покоѣ ни въ скудости были и чтобы обиды и насильства и бѣдства никакихъ небыло. А прочеть сію нашу грамоту и списавъ съ нее списокъ слово въ слово оставить у себя, а

Списокъ на столбцѣ послѣдующаго времени.

Изъ архива алат. киевониколаевскаго монастыря, свѣтка N 1.

архивъ нижегородской духовной консисторіи при дѣлѣ 1781 г. апр. 14 о собраніи свѣдѣній о монастыряхъ.

*) Доселѣ по нижегородской копіи; дальнѣйшее опять пишется по монастырскому акту.

сію нашу грамоту подлинную отдать игуменѣ Елисавеѣи
съ сестрами, и онѣ бы у себя держали и впредь до иныхъ
нашихъ воеводъ и приказныхъ людей. Писанъ на Моск-
вѣ лѣта 7147 году марта въ 1 день.

II.

ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ

до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—32 г.

(Продолженіе).

Г Л А В А 12-я.

Первые труды Шедо-Ферротт на пользу польской справы.—Протесты эмиграціи.—Крестьянская реформа.—Чарторыйскій, Мѣрославскій и Герцень.

Шедо-Ферротт, по времени, стоитъ первымъ работникомъ польской эмиграціи, въ новомъ, по сея теоріи, фазисѣ, въ который вступили польскія дѣла.

Централизация хотѣла добыть путемъ революціи начала къ возобновленію работы великаго будованья, разрушенной мятежомъ 1831 года, а Ламберовъ отель стремился предварительно положить тому основанія легальными путями, добывъ уступки и сдѣлавъ правительства въ отношеніи къ себѣ солидарными.

Ожидаемыя торжества по прибитіи Государа въ Варшаву, были признаны временемъ удобнымъ. Шедо-Ферротт, на сколько было ему возможно и пригодно, для удержанія польскихъ дѣлъ вотьгѣ и во мглѣ, рассказываетъ приготовленіе сторонниковъ Ламберова отеля. Если Шедо-Ферротт многое не договариваетъ, за то, для отвода, съ дипломатическою точностью, посвящаетъ насъ въ другія подробности.

По принципамъ Ламберова отеля, основаннымъ на старыхъ комбинаціяхъ, Шедо-Ферротт и самъ служить указаніемъ и самъ указываетъ, что признанную наилучшую систему для дѣйствій не предполагалось измѣнять: „2 мая 1856 года, пишетъ онъ, недѣли за три до пріѣзда Государа въ Варшаву, меня посѣтили три поляка, принадлежащіе къ высшей аристократіи. Эти господа, между которыми двое еще болѣе замѣчательны своею ин-

телигенцію, чѣмъ даже своимъ общественнымъ положеніемъ, обратилась ко мнѣ съ просьбою составить мнѣ записку, которая резюмировала бы нужды страны и надежды, связанныя съ появленіемъ Государя среди польскаго дворянства. Я принялъ съ предупредительностью ихъ предложеніе, и мы условились насчетъ предмета петиціи. Для меня было достаточно трехъ дней, и 5 мая я отдалъ имъ мою работу; они потребовали еще нѣсколько дней для переговоровъ съ своими политическими друзьями. Пренія съ лицами, которыя были признаны нужными для совѣщаній, вѣроятно, были довольно оживлены, потому что я получалъ мою записку только послѣ двѣнадцати дней, именно 17 мая послѣ обѣда. Замѣчанія, мнѣ сдѣланныя при возвращеніи моей рукописи, доказали, что въ полномъ собраніи, къ которому я не былъ допущенъ, были значительно сдѣланы первоначально заявленныя требованія. Изъ шести пунктовъ петиціи, какъ наименѣе нужныхъ для страны, два были вычеркнуты и одинъ значительно измѣненъ.

„Возстановленіе государственнаго совѣта въ Варшавѣ было вычеркнуто, какъ несвоевременное и могущее возбудить опасенія въ русскомъ правительствѣ; таже участь постигла 4 пунктъ, требующій введенія польскаго языка, какъ officialнаго, во всѣхъ административныхъ учрежденіяхъ. Пятый пунктъ испрашивалъ установленіе земскихъ властей выборными воеводскихъ совѣтовъ и областныхъ штатовъ,— учрежденія; обѣщанныя органическимъ статутомъ 1832 г., но онъ остался только въ видѣ проекта. Это исправленіе было измѣнено, согласно редакціи нижеслѣдующаго пункта 3: „И такъ петиція обратилась въ слѣдующіе четыре пункта; 1) возвращеніе эмигрантовъ; 2) амнистія ссыльныхъ; 3) участіе сельскаго дворянства въ администраціи края выборомъ судей и земскихъ чиновниковъ и 4) возстановленіе польскаго университета“. Тѣмъ ограничивались требованія поляковъ въ 1856 году. Вотъ чего было достаточно для того, чтобы императорское правительство сдѣлалось популярнымъ и ничто не могло бы покорить его могущества, если бы прямо и съ перваго раза сдѣланы были эти уступки“....

Шедо-Ферротти тѣмъ не ограничивается, полагая, что читатели не знакомы или забыли время конституціоннаго Царства Польскаго при Александрѣ Павловичѣ и желая морочить далѣе, онъ продолжаетъ: „Я позаботился о *переблѣненіи* моей записки молодымъ каллиграфомъ, мнѣ рекомендованнымъ первыми, ко мнѣ

обратившимися, и по прѣздѣ государя отправился во дворецъ лазенки, къ одному изъ значительнѣйшихъ лицъ свиты Государя и вручилъ ему записку, съ просьбою прочесть ее, и если найдетъ исполнимою, представить ее государю. На другой день я прибылъ опять въ 9 часовъ утра; я былъ немедленно принять вышесказаннымъ лицомъ; генераль очень похвалилъ мою работу, ея суть и форму и обѣщалъ доложить ее при первомъ удобномъ случаѣ. Я узналъ позже, что записка осталась въ его портфель, и что государь ничего не зналъ объ ней. Генераль —, конечно, одѣнилъ мою скромность, по которой я его не называю по имени.“

И такъ, въ запискѣ *Шедо-Ферроти*, которая предназначалась въ руководство великодушнѣ русскаго императора, заключались тѣ же требованія, которыя излагались въ инструкціяхъ польской эмиграціи, но прежде они поручались коноводамъ забуйнившей на улицѣ толпы — для того, чтобы на твердыхъ основаніяхъ поставить дѣло польской sprawy, а теперь они поручались *легальной* запискѣ, подобныя которой писали князь *Чарторыйскій* и графъ *Огинскій*. Эмиграція хотѣла избѣжать повторенія упрековъ, что она не умѣетъ остановиться во время, не умѣетъ выжидать *народной переклички* и во время отвѣтитъ: *естесьмы*. По словамъ *Шедо-Ферроти*, ктоже иной, какъ не генераль *** виновенъ во всемъ послѣдовавшемъ мятежѣ; не оставь онъ спасительную записку въ своемъ портфель и тѣмъ не парализируй ея волшебную силу, то не было бы и мятежа 1863 года. Отъ записки *Шедо-Ферроти* должно было остановиться шестьдесятъ два года дѣйствовавшее *regretium mobile* польскихъ конспирацій. Въ то время, когда мѣстные верховные мастера великаго *будованя*, по проекту Ламберова отеля, принялись за работу, польская эмиграція двумя протестами повѣстила туземцевъ, что если изъ среды ея и найдутся желающіе воспользоваться амнистіею, то сама она вовсе не признаетъ борьбу оконченною. Время можетъ вполне разъяснить, какія утѣшительныя надежды ублаживали польскую эмиграцію. Сѣраковский, одинъ изъ дѣятелей петербургской секціи некаль доступа въ дипломатическіе кабинеты, работа *regretium mobile* оживилась.

Протесты польской эмиграціи длинны, какъ всѣ польскіе эмиграціонные акты, приведемъ, потому, знаменательнѣйшія мѣста:

Демократическая партія заявляла 6 Юля. „Подписавшіе польскіе эмигранты считаютъ своимъ долгомъ протестовать противъ нея

(амнистія); польской эмиграці не нужня амнистія, ей не о чемъ себя утѣкать, ей не о чемъ сожалѣть, она поклялась уюствовать въ роли, которую она избрала, и она сама себя обрекла на изгнаніе.

„Послѣ возстанія 1831 года, *цѣлѣ* нація вынелъ изъ края. Польскіе эмигранты предъ ойчиною и образованнымъ міромъ объявляютъ, что они отталкиваютъ амнистію Александра II, какъ оттолкнуть амнистію и всякаго другаго изъ трехъ притѣснителей ойчизны, если бы тѣ вздумали ее предлагать, и что они возвратятся только тогда, когда изъ нея можно выгнать иноземцевъ.“

Аристократическая партія, въ своихъ актахъ, современн паденія революціонной партіи во Франціи и утвержденія въ ней имперіи, принявшая названіе *монархической*, протестовала 9 іюня.

„Недавній актъ русскаго правительства, упомянутый въ циркулярѣ министра иностранныхъ дѣлъ, отъ 15/27 мая сего года, объявляетъ милосердіе Императора Александра II относительно польскихъ выходцевъ и дозволяетъ свободное возвращеніе на родину тѣмъ изъ нихъ, которые, *раскаиваясь въ своихъ заблужденіяхъ* будутъ его испрашивать. Мы были о томъ увѣдомлены одновременно съ рѣчами, Императоромъ произнесенными въ Варшавѣ.“

„Существенное значеніе документовъ относится къ каждому изъ насъ, потому, не посягая на личныя мнѣнія, мы ни въ какомъ случаѣ не желаемъ вліять на совѣсть нашихъ собратьевъ изгнанія; нижеподписавшіеся желали только публичнымъ заявленіемъ объяснить правительствамъ и націямъ, намъ оказывающимъ великодушное гостепріимство, причины, которыя, въ совокупности, обязываютъ насъ терпѣливо и покорно, по волѣ Провидѣнія, оставаться въ положеніи, которое око намъ опредѣлило.“

„Мы были ограблены и осуждены заочно; (*) наше возвращеніе непремѣнно зависитъ отъ личной безопасности и семейныхъ расчетовъ; но амнистія, въ которой говорится о виновныхъ, заблужденіяхъ, о запоздаломъ раскаяніи, о несправивой ненависти, амнистія, которая возвращаетъ на родину, не возвращая имѣній, которая на закатѣ лѣтъ даетъ три года для испытаній, такая амнистія не отличается отъ подобныхъ ей, издаваемыхъ съ 1832 года.“

(*) Ещебы государственные преступники, мятежники, сражавшіеся съ войсками правительства, заслужившіе висѣлицу, но только избѣжавшіе эту заслуженную казнь бѣгствомъ за границу, чтобъ были оставлены при своемъ имѣніи и не были бы осуждены, потому только, что спаслись бѣгствомъ.

„Императоръ Россіи навѣрно былъ бы лучше, прісовѣтованъ и привлекъ къ себѣ болѣ польскихъ сердець, если бы, вмѣсто того, чтобы сказать: „я желаю, чтобы порядокъ, установленный нами отцемъ былъ сохраненъ“ — сказалъ бы, какъ говорилъ его дядя, Императоръ Александръ I: Россіи вамъ братски протягиваетъ руки; изъ всѣхъ выгодъ, которыя ей предоставляетъ побѣда (а нынѣ миръ), она выше всѣхъ ставитъ одну: поднять и возстановить уваженную и доблестную націю“.

Бнязь Чарторыйскій, казалось, забылъ, что его совѣты привели къ мятежу 1831 года, а порядокъ, установленный Императоромъ Николаемъ, сохранилъ спокойствіе русскихъ поляковъ, даже въ 1849 и съ 1854 по 1856 годъ. Но если эмиграція знала, на сколько прочны между ихъ соотчичами чувства, изъясляемыя Варшавою при восторженныхъ пріемахъ Государя, то вся она, совмѣстно съ туземцами, встрепенулась при новомъ, неожиданномъ, громовомъ ударѣ, который разилъ самое основаніе шестидесяти-пяти лѣтнихъ польскихъ комбинацій; *съ 1791 г. крестьянскій вопросъ былъ поднятъ въ Россіи.*

По возшествіи на престолъ, Государь, въ мартѣ 1855 года, среди тяжелой войны, сказалъ депутаціи с.-петербургскаго дворянства: „я увѣренъ, что дворянство будетъ въ полномъ смыслѣ слова благороднымъ сословіемъ и въ началѣ всего добраго.“ По прекращеніи войны, въ концѣ марта 1856 года, Государь посѣтилъ Москву и тамъ представлявшимся предводителямъ дворянства Московской губерніи заявилъ, что „настаетъ время прекращенія крѣпостнаго права; прошу васъ, господа, думать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе; передайте мои слова дворянству для соображенія.“ Во время коронаціи, въ августѣ того же 1856 года, въ Москвѣ собрались предводители дворянства всѣхъ губерній; товарищу министра внутреннихъ дѣлъ Левшину было поручено Государемъ войти съ ними по этому предмету въ переговоры. „Дворяне провинцій Виленской, Ковенской и Гродненской, пишетъ *Шедо-Ферротти*, подали примѣръ Россіи, по собственному побужденію, испрашивая въ 1857 году освобожденіе своихъ крѣпостныхъ крестьянъ. Это великодушное рѣшеніе слишкомъ согласовалось съ видами правительства, чтобы оно имъ не воспользовалось, дабы эту мѣру сдѣлать повсемѣстною. Циркуляръ министерства внутреннихъ дѣлъ обнародовалъ благородное рѣшеніе литовскаго (9)

дворянства, приглашая русское дворянство послѣдовать столь прекрасному примѣру.“

Нынѣ мятежъ разорвалъ мантию, для ослѣпленія и увлеченія толпы, ярею расписанную, которою прикрылась крамола; разборъ къ ней относившихся дѣлъ выяснилъ весь механизмъ. Сведенныя капитальныя данныя даютъ въ подлинныхъ документахъ положительныя свѣдѣнія, которыя избавляютъ отъ необходимости гипотезъ и догадокъ относительно эмиграціи; вопреки всѣхъ ея заявленій, наружу выходитъ, что крестьянскій вопросъ, 65 лѣтъ занимавшій шляхетство, становился на второй планъ; онъ былъ ему важенъ для будущаго властвованія надъ Польшею. *Бѣлые* — землевладѣльцы, хотѣли изъ современныхъ сложныхъ обстоятельствъ дать простоядинамъ какъ можно менѣе, дабы, заключивъ ихъ въ тѣсный кругъ настоятельной нужды, обратить въ покорное себѣ орудіе; *красные*, не имѣя собственности, проповѣдовали коммунизмъ, въ надеждѣ за чужое добро купить себѣ власть, и проповѣдуя свои теоріи, вели къ расторженію благоустроенныхъ обществъ; подъ маскою социалисто-баррикадныхъ бойцевъ-философовъ, они силились истребить права собственности, труда и сбереженія — единственныя рычаги, побуждающіе къ развитію человѣческаго прогресса и, домогаясь всесторонней оргіи, они въ средства избрали анархію.

На первомъ планѣ остановилась иноземная помощь. Слова герцога *Шаузея*, министра Людовика XV маркизу Польши: „анархія въ Польшѣ пригодна выгодамъ Франціи“, — нынѣ сохранили свое историческое значеніе. Вопреки заявленія всѣхъ партій о восстановленіи Польши собственными силами и средствами, на повѣрку вышло, что всѣ онѣ, когда отъ словъ предстояло перейти къ дѣйствіямъ, поняли, что, безъ иноземнаго вѣшательства, всякая борьба — только сумазбродная попытка; за Ламберовымъ отелемъ, и демократы кинулись въ дипломатію и, для вѣрнѣйшаго успѣха на дипломатическомъ поприщѣ, ублаживали себя и другихъ призраками легкой побѣды.

Собиралась гроза въ вѣковой кровавой драмѣ борьбы олатинившагося шляхетско-есендзовскаго міра съ православною Русью; готовился новый актъ, для котораго крестьянскій вопросъ былъ избранъ сюжетомъ. Высшіе путеводители бойцевъ: *Чарторыйскій*, *Мирславскій* и *Герценъ* готовились къ борьбѣ окольными путями, и пока первые два хлопотали объ иноземной помощи, послѣдній, какъ вѣрный союзникъ польской справы, замышлялъ сокрушить силы

Россіи. Всѣ они готовились оправдать слова *Мпрславскаго*, что союзники сдѣлали ошибку, устремясь на Брыгъ, что восточный вопросъ, который долженъ доставить преобладаніе западу, долженъ быть рѣшенъ въ Польшѣ. Торжество польской справы избавило бы западъ отъ восточнаго соперника и прибавило бы ему семьдесятъ миліоновъ чорнорабочаго народу; *Чарторыискимъ* и *Мпрславскимъ* открылось бы свободное поприще, съ готовыми уже бойцами, но старому, среди междоусобій и апархій, мечемъ и интригами искать власти, сознательно распѣвая: „еще польска не згинела,“ а герценовская компанія отправилась бы между Бѣлыми моремъ, Волгою и Ураломъ смотрѣть, хорошо ли русскій человѣкъ работать на западниковъ, гостеприимно принявшихъ ренегатовъ и, въ утѣшеніе русскому люду, проповѣдывать ему теоріи Сен-Симона, Фурье и Оужа, къ практическому примѣненію приспособленныя польскою централизаціею. Понятно, что, въ пылу радости и надеждъ, когда блеснуло зарево явно подготовляемаго пожара, Вакуиниъ воскликнулъ: „да здравствуетъ революція.“

Руководители, для успѣхавъ дѣлѣ, во чтобы то ни стало, должны были затормозить и исковеркать освобожденіе крестьянъ, съ грозою для нихъ придачею надѣла землю. Не смотря на всѣ опасенія русскихъ помѣщиковъ стародумовъ, на фокусы и стратегемы поляковъ, на раздраживающіе и разжитающіе возгласы *гериснистовъ*, не смотря на всѣхъ *Добродѣвыхъ* и *Благолюбыхъ*, не смотря на всѣхъ собирателей народныхъ пѣсень и сказокъ (*) и разглашателей по деревнямъ нелѣпыхъ вѣстей, — Россія, довѣряя царю, спокойно ожидала Его рѣшенія, и положеніе о крестьянахъ, пробиваясь чрезъ всѣ препоны и извороты, обильно нагоняемые его противниками и предателями-друзьями, стройно подвигалось впередъ, съ ужасающею для поляковъ быстротою. Идея, первоначально высказанная ГОСУДАРЕМЪ, приводилась въ точное исполненіе. Крестьянинъ получалъ личную свободу, съ такимъ ему предоставляемымъ надѣломъ, что ни въ какомъ случаѣ ему не могло угрожать, вмѣсто фактическаго, новое искусственное рабство, а вмѣстѣ съ тѣмъ право собственности и пользованіе землею были сохранены; трудъ, сбереженіе и способности увидѣли въ правительствѣ охраненіе, при которомъ только возможно правильное

(*) Прибавимъ и издателей раскольническихъ книгъ въ Петербургѣ.

развитіе общественнаго благоденствія. Полякамъ было желательнѣе легальными изворотами создать новый видъ рабства для хозяйства пановъ, а въ Россіи, поддерживая стремленія коммунизма, разрушить государственный строй. Это объясняетъ почему иной полякъ, съ польскою легальностью, *красный* въ Россіи, обращался въ ретиваго *благю* подъ роднымъ небомъ, на редной почвѣ. Мудрыя иѣры правительства, прежде даже, нежели земледѣльческое хозяйство успѣло примѣниться къ новымъ законоположеніямъ, *измѣнившимъ* вѣковой обычай, были оцѣнены даже *крупостниками*, — слово, пущенное въ ходъ, на потѣху герценистовъ, однимъ изъ *братскихъ столбовъ великаго будованія*, на русской землѣ питаемыхъ русскимъ хлѣбомъ. Потомство вполне оцѣнитъ слова министра внутреннихъ дѣлъ (*): „Для высшаго правительства въ настоящемъ случаѣ другое затрудненіе, — это устранить пагубное дѣйствіе *крайнихъ и преувеличенныхъ* иѣрій, выражающихся въ ту или другую сторону.“ *Варшавское агрономическое общество* арпагоновскимъ своимъ лепетомъ и *Колоколъ*, ехиднымъ своимъ шипѣніемъ, не заглушили звонкой, звучной пѣсни къ новой жизни призваннаго русскаго народа; крестьянскій вопросъ былъ жизненный для Ламберова отела. Съ трепетомъ въ сердцѣ помѣщика царства Польскаго и Западной Россіи, слѣдя тайными каналами за работами по крестьянскому вопросу въ С.-Петербургѣ, тревожно ожидали его разрѣшенія. Быстрота веденія дѣла служила очевиднымъ укоромъ хвастливымъ провозглашеніямъ польской интеллигенціи, которая, не смотря на все панское желаніе предупредить правительство, не могла привести агрономическое общество ни къ какому положительному рѣшенію, хотя въ немъ и предсѣдательствовала графъ *Андрей Замоискій*, представитель Ламберова отела въ Варшавѣ и племянникъ князя *Адама Чарторыйскаго*. Въ то же время дворянство въ сѣверо-западной Россіи, видя, что вопросъ *на каму* рѣшенія, хотѣли задержать его во чтобы то ни стало прямыми и окольными путями. „Вы склонили дворянъ литовскихъ губерній приступить къ коренному улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ,“ писалъ министръ внутреннихъ дѣлъ *Ланской* къ генералъ-губернатору В. И. Назимову въ Вильну, 21 января 1861 года. Въ продолженіи трехъ лѣтъ, открыта была полная воз-

(*) Отношеніе къ виленскому генералъ-губернатору отъ 11-го января 1861 года.

возможность каждому официальному и частному лицу высказаться по вопросу, приковавшему къ себѣ общее вниманіе. Представители помѣстнаго дворянства воспользовались, какъ и слѣдовало, этимъ правомъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ... Нѣтъ недостатка въ мѣстныхъ данныхъ и указаніяхъ; такого обилія матеріаловъ, изъ коихъ многіе отличаются несомнѣнными достоинствами и отчетливостью, едва ли было когда нибудь собрано у насъ при обсужденіи законодательнаго вопроса.

Министръ сообщалъ, что, допустивъ непосредственныя сношенія дворянскихъ предводителей по дѣлу, *получившему законодательный ходъ, нѣтъ достаточно основанія недопускать то же и по остальнымъ губерніямъ*, что окончательное Царское слово положить вонецъ вѣстимъ разномыслиямъ, и изъявлялъ свое удивленіе на заявленія предводителями дворянства о необходимости *тщательнаго и всесторонняго обсуждения* составленнаго проекта и *отказя и бездоказательныя* порицанія, а еще болѣе *недоверіе* къ сужденіямъ главнаго комитета и государственнаго совѣта потому только, что въ средѣ ихъ нѣтъ литовскихъ помѣщиковъ. Самое ожесточенное нападеніе направлено противу сохраненія крестьянамъ постояннаго наследственнаго пользованія ихъ участками, тогда какъ съ самаго начала предпринятой реформы, еще при первоначальныхъ сужденіяхъ, правительство имѣло всегда въ виду оставить крестьянамъ *постоянное* пользованіе землею. Въ концѣ министръ заявляетъ также свое удивленіе, что Ковенскій предводитель дворянства ссылается постоянно на такіе документы, *которые даже не могли быть ему извѣстны*, ибо назывались для высшихъ правительственныхъ лицъ.

Для польской sprawy, дипломатическія вѣсти Ламберова отеля были ободрительны, а приходившія изъ Петербурга были отчаянныя. Паны подали руку *краснымъ*, графъ Андрей Замоискій, съ агрономическимъ обществомъ, вышелъ на улицу, барскіе конюхи нанимали охотницъ увеличить толпы черни, слоняемыя *красными*, и въ февралѣ грозныя демонстраціи разлились по улицамъ Варшавы, но комбинаціи оказались несостоятельными, — 19-го февраля 1861 года указъ объ освобожденіи крестьянъ былъ подписанъ. Новая эра наступила для Россіи, послѣ уничтоженія уніи (1839 г.) это былъ первый ударъ, отъ котораго посыпались груды обломковъ великаго будованія. Демонстраціями и быстрыми приготовлениями къ мятежу оставалось не допустить примѣненіе цар-

скаго указа въ Западной Россіи, оградить отъ его распространенія Царство Польское.

Пока Ламберовъ отелъ велъ свое дѣло широкою тропою изъ извилистыхъ дорожекъ, всюду прокладывая путь къ торопливому оцолячиванію западной Россіи, *Мпрославскій* не сидѣлъ сложа руки. Истинъ сынъ имъ воспѣваемой шляхты; пронитанный чванствомъ до плоти и костей, безконечно наглый, безконечно дерзкій, изворотливый и хитрый, хвастунъ и балагуръ, пролазь, въ крамоуной кожѣ польскаго шляхтича, *Ноздревъ*, безъ личной отваги, — *Мпрославскій* не переставалъ себя величать диктаторомъ Польши. Послѣ всѣхъ подвиговъ сороковыхъ годовъ, при брани туземцевъ и неудачахъ эмиграціи, его значеніе стало меркнуть между польскими выходцами; но онъ не изъ числа людей упадающихъ духомъ, онъ взвѣсилъ свои шансы, началъ работать на собственну руку и находчиво себѣ составилъ новое положеніе, независимѣе и самостоятельнѣе прежняго.

Эмиграція 1831 года старѣлась, *Мпрославскій* понялъ, что старые бойцы уже не люди для дѣйствія; онъ обратился къ вѣшамъ, легче увлекаемымъ, легче подзадориваемымъ. Известны ему каналы централизаціи ему послужили для проведенія своихъ плановъ; онъ ударился въ литературу, обильно распространялъ вездѣ, гдѣ гнѣздилась польская молодежь, свои рѣчи *листонадоуы*; (*) въ своихъ сочиненіяхъ сарказмами разилъ аристократію, на посѣишище выставлялъ ихъ продѣлки, бичевалъ своихъ враговъ, какъ завистниковъ, клеветниковъ, шпіоновъ, продавцевъ ойчизны, онъ отдавалъ противниковъ на судъ польской публики; а самъ, рисуясь величайшимъ патріотомъ, самоотверженнымъ защитникомъ ойчизны, превозносилъ доблести польской націи, ея высочую, врожденную интеллигенцію, льстилъ молодежи и игралъ на струнахъ тщеславія старыхъ отдаленныхъ приверженцевъ; онъ пародировалъ своими сношеніями съ революціонными знаменитостями, и затѣвціемъ значенія централизаціи ловко сосредоточилъ въ своихъ рукахъ ея связи и сношенія. Такъ, петербургскіе столбы польской справы, студенты сороковыхъ годовъ, бредили *Мпрославскимъ* и его именемъ чаровали своихъ новобранцевъ. Его приверженцы (*Мпрославчики*), воспользова-

(*) Собраніе рѣчей, имъ произнесенныхъ въ годовщину ноябрскаго возстанія 1830 года.

шись амнистією, вербовали ему молодых приверженцевъ между туземцами, разсѣвали его сочиненія и воззванія въ учебныхъ заведеніяхъ, а между простолюдинами пускали его имя, идеализируя *Мърославскаго* какимъ то святымъ мученикомъ, томящимся въ изгнаніи, вдали молящимся Ченстоховской Божіей Матери за спасеніе польскаго народа. Молодежь, кинувшаяся путешествовать за границу, возвращалась очарованною диктаторомъ. На его призывъ стекались молодые бойцы въ легіоны *Гарибальди*.

Мърославскій, вмѣсто охладѣвшаго къ нему демократическаго товарищества, утратившаго свое значеніе съ высылкою централизаціи изъ Франціи и своєю силою амнистією (*), составилъ въ 1859 году новое общество *товарищества польской молодежи*, и имъ онъ заправлялъ безотчетно, безъ всякихъ совѣтовъ, безъ централизаціи сотоварищій въ управленіи; *Мърославскій* поднялъ знамя новой партіи, въ которой Польша должна была видѣть своихъ будущихъ избавителей. Онъ взялъ на себя приготовить къ военному дѣлу будущихъ бойцовъ, чрезъ *Гарибальди* добылъ помѣщеніе для заведенія польской военной школы въ Генуѣ, въ которую поступило около 150 человекъ изъ волонтеровъ, служившихъ у *Гарибальди*, а остальные члены новаго товарищества, кто былъ по богаче, съ самимъ *диктаторомъ* проживали въ Парижѣ, и тамъ, въ такъ называемой, „*польской читальни*“, предполагалось давать тоже полное образованіе.

Съ вызовомъ волонтеровъ къ *Гарибальди*, которые по польскимъ планамъ явятся изъ Италіи въ авангардѣ избавителей Польши, оскудѣвшіе финансы диктатора, по выходѣ его изъ централизаціи, стали быстро приходить въ самое цвѣтущее положеніе. *Мърославчики* принялись за весьма доходное ремесло—собирателей складчинъ на польскіе легіоны. На его воззванія тысячи летѣли къ нему отъ всего шляхетства туземнаго и изъ Россіи съ такою щедростію, что скоро *Мърославскій* сталъ считать приходъ уже сотнями тысячъ. *Мърославскій* зажилъ бариномъ въ *hotel du Maroc* въ квартирѣ *Куржины*, воспитанника, бѣжавшаго изъ высшей варшавской школы, парня лѣтъ 25, который былъ его помощникомъ, секретаремъ, кассиромъ. Расходы *Мърославскаго* были: на содержаніе *читальни*, на польскую школу въ

(*) Заграницею оставалось не болѣе 300 чел. и менѣе половины членовъ проживали во Франціи.

Италиі, а капиталъ, имъ собираемый на военныя издержки къ будущему мятежу, онъ называлъ *железнымъ*. Онъ общитывалъ и читальню и школу, а желѣзный капиталъ исчезъ въ неизвѣстности. Диктаторъ завелъ свою администрацію, своихъ агентовъ, свои сношенія; изъ Парижа онъ управлялъ всѣми уличными безпорядками Варшавы, получалъ отчеты въ расходахъ на произведенныя манифестаціи, на жалованье снятыхъ съ мѣстъ пригодныхъ ремесленниковъ, посылалъ инструкціи и воспользовавшись тѣмъ, что въ агрономическомъ обществѣ, въ виду устрашающаго указа, заговорили о необходимости дать надѣлъ крестьянамъ, *Миро-рославскій*, думая пановъ поймать въ западню, принялъ за *фактъ совершившійся* и написалъ цѣлую инструкцію для предстоящихъ дѣйствій.

„Надѣлъ крестьянъ, принятый агрономическимъ обществомъ, долженъ служить точкою исхода мѣрамъ, принимаемымъ къ народному возстанію и должно воспользоваться массами, которыя этия пригоднымъ рѣшеніемъ получили землю въ полную и вѣчную собственность, какъ основаніе національнаго возрожденія Польши. Дави правительство согласилось, чтобы это постановленіе изъ Варшавы было распространено на всѣ провинціи, помѣщики Литвы и Руси должны немедленно послать въ Петербургъ депутацію, которая соединилась бы съ варшавскою и слѣпо ей подчинилась.“

„Если бы Царь, хотя это и трудно предположить, прию согласился на всѣ требованія, то немедленно пустить слухъ, что онъ былъ напуганъ и подчинился приказаніямъ Варшавы.“

„Устроить при этомъ случаѣ національныя торжества, шумныя и многочисленныя народныя сборища, которыми бы руководила мелкая шляхта.“

„Въ промахутки должно заблаговременно готовиться и готовить населеніе въ постоянномъ ожиданіи внезапной войны.“

„Возстаніе должно быть произведено слѣдующимъ образомъ: массы сельскаго населенія, подготовленныя *экономическими аяніями*, которыя должны тому предшествовать, вооруженныя всѣмъ, что имѣютъ подъ рукою, но непремѣнно подъ начальствомъ дворянства, со всѣхъ сторонъ устремляются къ уѣздному городу, истребляютъ неожиданными атаками гарнизоны притѣснителей, баррикадируютъ улицы“ и проч.

Примеч. При нынѣшнемъ положеніи, народъ не долженъ допустить ни рекрутскаго набора, ни насильственнаго вооруженія.

„Варнавскій *капитулъ* обязанъ занимать вниманіе Европы журнальными корреспонденціями и депутаціями, высылаемыми къ правительствамъ Франціи и Англіи.“

„Съ одной стороны должно возбуждать въ западныхъ массахъ постоянную лихорадку, ожиданіемъ безпрестанно усиливающихся народныхъ манифестацій, жизненностью поляковъ и русскаго безскія. Для этой цѣли необходимо посылать во всѣ журналы нѣмецкіе, французскіе, англійскіе и итальянскіе сообщенія, а въ случаѣ недостатка и выдуманнаго — о волненіяхъ, которыя въ Россіи расшатываютъ царскую власть, увѣдомлять о расприхъ серьезныхъ и неопровержимыхъ, какъ бы возникшихъ между крестьянами, боярами и чиновниками, и съ особенною настойчивостью упоминать объ изнеможеніи финансовомъ, военномъ и административномъ, о *мстительномъ и всеразрушающемъ* вліяніи *поляковъ* на этотъ механизмъ, созданный Петромъ Великимъ и нынѣ разваливающимся.“

„Необходимо *убѣдить* *оселенную*, что могущество Царя можетъ быть сокрушено только поляками.“

„Съ другой стороны, сильно надоѣдать правительствамъ Франціи и Англіи, доставляя имъ изъ Варшавы, для этой цѣли, жалобы *фабрикованныя*, будто бы посылаемыя въ Петербургъ и тамъ оставленныя безъ вниманія. Должно замѣтить, что эти депутаціи сначала никакого удовлетворенія не получаютъ, но отъ этого наше усердіе не должно остывать, потому что наша главная цѣль — компроментировать Россію и кромѣ того добыть причины жаловаться на эти правительства за ихъ къ намъ равнодушіе.“

„Сообщаемъ конфиденціально нашимъ согражданамъ, что эти совѣты намъ были даны людьми, которые хорошо знакомы съ политическою тюмлерійскаго кабинета и которые намъ указывали на итальянцевъ, въ нѣсколько лѣтъ, патріотическимъ настанваніемъ, достигшихъ устраненія всѣхъ дипломатическихъ преградъ, и убѣдившихъ императора французовъ исполнить то, что онъ никогда не думалъ и не хотѣлъ дѣлать и, волею — неволею, заставили французское правительство помочь имъ къ возстановленію Италіи. Но да сохранитъ насъ Богъ употребить на это дѣло эмигрантовъ; это быдо бы дать западнымъ правительствамъ, мало симпатизирующимъ польскому движенію, наилучшее средство устраниваться отъ этого движенія. Особенно должно избѣгать интригаторовъ Ламберова отела, которые кинули родину, и которые совершенно изно-

сидишь, натирая передніи заграничныхъ министерствъ и служить посѣщениемъ всѣхъ мало къ намъ расположенныхъ.

„Національные эмиссары должны избѣгать слишкомъ частыхъ посѣщеній тюльерійскаго дворца, гдѣ они легко могутъ быть разгаданы; напротивъ того они должны болѣе держаться Пале-рояля, гдѣ они могутъ быть увѣрены, что найдутъ всевозможную поддержку и нужныя свѣдѣнія. Депутатъ G. L. M. можетъ доставить имъ всѣ къ тому необходимыя инструкціи и объясненія.

„Повторяемъ, что эти депутаціи не должны болѣе ничего ожидать отъ приносимыхъ жалобъ, какъ только проложить дорогу къ будущему сближенію между западомъ и возставшею Польшей и запутать тѣмъ русскихъ и нѣмцевъ мыслью, что правительства Франціи, Англіи и Итали въ тайныхъ сношеніяхъ съ польскими движеніемъ.

„Мы должны довольствоваться тѣмъ, что всякая варшавская манифестація къ намъ приближаетъ итальянцевъ, венгерцевъ и всѣ національности, которыя ищутъ расторженія австрійскихъ цѣпей.“ Въ этомъ отношеніи существуетъ полное соглашеніе между Мѣрславскими, Гарибальди и Клапеномъ.“

Мѣрславскій готовилъ новый мятежъ и новую борьбу; онъ старался поднять духъ націи и правственныя ея силы, старался поднять ее въ глазахъ Европы и распалить страсти къ предпримчивости и отвагѣ между польскою молодежью. Идеализировавъ павшую Рѣчь Посполитую, онъ пишетъ: „Въ московскомъ войскѣ русскій командуетъ, а полякъ *начальствуетъ*. Тщетно царь Николай рѣшилъ послѣ 1831 г. производство въ чины сдѣлать недоступнымъ для поляковъ въ его арміи; но онъ не могъ безъ нихъ обойтись. Всякій полякъ—студентъ или поднастерье, лакей или чиновникъ, писецъ или прикащикъ, приговоренный къ военной службѣ, всегда знаетъ, что, въ короткое время, онъ сдѣлается необходимѣе всѣхъ боярскихъ сыновей. Намъ рассказывалъ одинъ офицеръ, что предъ экспедиціею Перовскаго, всѣ поляки въ томъ краѣ были созданы въ Оренбургъ: сосланные, солдаты, даже случайно тамъ пребывавшіе, чтобы ихъ распределить въ войска инженерами, адъютантами, топографами и т. п. Довѣренность генераловъ и войскъ къ ихъ энциклопедической непогрѣшимости была такъ велика, что никто не заботился о потеряхъ арміи.....“

Герцену предстояла другая цѣль; и *Колоколъ* дѣйствитель-

но проводилъ, что „у насъ все позади отвратительно гадко“, а для изображенія настоящаго, его страницы пестрѣли всякаго рода дрязгами. Щеголяя разнообразіемъ, *Колоколъ*, изъ политико-соціально-философическихъ декретовъ, обратился въ покойную яму всякихъ сплетенъ. Если кому либо нужно было кинуть грязью въ кого нибудь, ему въ Россіи не достаемаго, то онъ могъ смѣло обращаться въ *Колоколъ*; его столбцы были отерты для всѣхъ мерзостей, клеветъ, лакейскихъ разсказовъ, ему сообщаемыхъ его корреспондентами; даже наглая ложь была такъ дорога *Герцену*, что, для помѣщенія подобныхъ извѣстій, онъ придумалъ особую рубрику: „Правда ли?“ *Герценъ* былъ увѣренъ, что всегда найдется такой нравственно или физически нечесанный и немытый, который повѣритъ и за удовольствіе себѣ поставитъ пересказать знакомымъ о томъ, что онъ вычиталъ въ *Колоколѣ*. Изъ *Колокола* русская публика могла узнать, какой городничій съ какою короткою знакомою дамою; ничѣмъ не брезгалъ *Герценъ*, чтобы найти читателей, образовать ихъ на свой ладъ, развращать понятія и вкусъ русскаго общества, кормить его всякими нахальными мерзостями, уничтожать всякія основанія о долгѣ и чести, — и все подъ видомъ неусыпныхъ заботъ о блистательной будущности.

А было время, когда *Колоколъ* былъ въ модѣ. Пользуясь настроеніемъ общества, когда послѣ крымской войны уязвленное народное чувство искало причинъ нашей неудачи, *Герценъ* своеобразно началъ указывать наши недостатки и, при первыхъ успѣхахъ, ставъ на ходули, взялся быть руководителемъ русскаго общества; нѣкоторые люди хвастали *герценизмомъ*, нашлись сообщники, подражатели и ослѣпленныя орудія; поляки не зѣвали, подзадоривали, наущали. Нашлись писатели, которые, считая строчки и листы, угодные требованіямъ сочувствовавшихъ журнальныхъ изданій, ругали съ плеча не только наше настоящее, но, вторгаясь въ завѣтныя архивы, искали въ нихъ только то, что можно было бы выставить скандальчиками; историческая литература запестрѣла историческими сплетнями; *Герценизмъ* хотѣлъ отнять даже народное наше достояніе, наше прошедшее; мужей, которыми гордится русская земля, подымали изъ могилъ, не для того, чтобъ изслѣдовать ихъ дѣянія, для назиданія современникамъ, а чтобы глумиться надъ дѣятелями, создавшими славу Россіи. Этотъ потокъ увлекъ неоперившихся въ знаніяхъ юношей, которые, съ зна-

нѣли нѣвольниковъ, судили и рѣдили по увлеченіямъ, необузданнымъ ни наукою, ни положительною думою; онѣ вывелъ на свѣтъ безбородыхъ и нечесаныхъ, не вѣсть откуда появившихся 'сотрудниковъ новой, такъ названной, *изобличительной* литературы и, прискорбно вспомнить, что поддались этому одуренію и мужи, несѣдѣвшіе въ наукѣ, которые поторопились отречься отъ своихъ прежнихъ убѣжденій.

Грустные слѣды на русской литературѣ, грустныя воспоминанія тогдашней жизни оставили послѣ себя два союзника: чадъ колонизма и *смадъ герценизма*. Хороши были тѣ гражданскіе добродѣтели, которыя *Колоколъ* навѣвалъ на русскую землю.

(Продолженіе будетъ).

КІЕВО-ВЫДУБИЦКІЙ МОНАСТЫРЬ, ВО ВРЕМЯ ЗАНЯТІЯ ЕГО УНІЯТАМИ.

(съ 1596—1637 г.)

9-го октября, 1596 года, въ Брестѣ Литовскомъ, въ православной церкви святителя Николая, торжественно былъ прочтенъ съ амвона пресловутый актъ уніи, чѣмъ было объявлено ея официальное существованіе на Руси. Чего только не дѣлалось нашими въ ихъ долгодѣтнихъ подготовкахъ въ такому торжеству папизма?... Пущены были въ ходъ противъ нашихъ православныхъ прѣдковъ и клевета, и униженіе, и насиліе, и лесть, и ложныя обѣщанія. Но между всѣми этими и подобными агитаціями главнѣйшимъ и дѣйствительнѣйшимъ образомъ обуславливало вышешюманутое торжество уніи, кажется, обѣщаніе щедрою рукою со стороны польскаго правительства правъ и матеріальныхъ выгодъ православнымъ епископамъ западной Руси, начинавшимъ увлекаться въ это время аристократическою широтою жизни вышешюманутого польскаго духовенства. Нѣсколько раньше, чѣмъ за годъ до окончательнаго утвержденія уніи, не безъ вызова, конечно, со стороны продажныхъ православныхъ архипастырей западной Рос-

сн, Сигизмундъ III своимъ королевскимъ словомъ общалъ православному митрополиту и епископамъ, подъ условіемъ принятія ими уніи, и уваженіе, и беспорное владѣніе всѣми церковными имѣніями, гдѣ они ни были, и по какимъ угодно документамъ. Въ своемъ письмѣ къ митрополиту кievскому Михаилу Рогозѣ, отъ 2-го августа, 1595 г., Сигизмундъ III, между прочимъ, писалъ, что „разкажетъ вѣдомъ своимъ, абы зстороны добръ церковныхъ, которые од предков розныи особом розданы, и за ведомости на которые бы тые посесорове (владѣльцы) права не мели абы были до церкви приведены, а тые которые бы право якое мели аренды не это з тых добр, которые держачи плотили; а по зенствію ихъ з свету абы таковыи маетности на церкви припадали также и захованю церквы при давной наданю ихъ вдобрах (имѣніяхъ), на которые хотя бы привилею жадного (никакого) не мели, бы се одно в евангеліяхъ вписано найдовали..... таковыи добра, которые бы за правомъ своимъ посесорове теперешни одержали до живота своего по смерти ихъ до церкви ворочатися мають, писалъ король,— а они ихъ нибому другому отдавати ани потвержати не мають, также и подане добр церковныхъ такъ тых на которые права сун, яко теж тых, на которые бы права не было, а толко въ евангеліяхъ старыхъ надавали вцале (совершенно) заховати хочем, добра и маетностѣ церковныи абы по смерти митрополита и иныхъ предложонныхъ (начальниковъ) духовныхъ у моцы и шафунку (распоряженіи) капитулы закону греческаго до толь заставляли аж до нас врод вакуючи кому поданы буде превилеи, которые от нас вже на то даны мають, хочемо им вцале заховати за позволенемъ вшихъ станъ речи посполитое на сейме валномъ вольно ми то будетъ конституцію себе варовати, до судовъ трибунальскихъ абы для перестереганя правъ своихъ по сродку себе двухъ особъ яко иные духовныи релии римское высажати позволяемъ“.... и пр. и пр., и все это въ томъ только случаѣ, „коли со стороны епископовъ православныхъ едностъ повшехная (всеобщая) утвержоная и вцале захованая будетъ и послушенство столицѣ святой апостольской римской отдаю от нихъ и заховано будетъ“ (*). Такая блестящая перспектива въ будущемъ, въ виду тогдашней бѣдности православнаго духовенства и богатства латинскаго, не могли не подѣйствовать обаятельно на южно-русскихъ православныхъ епископовъ и въ частности на кievскаго митрополита. Мы знаемъ уже, какъ въ 80 и

(*) Вѣст. Запад. Россіи 1864—1865 г. № 4-й.

90 годах XVI вѣка занимала кievскихъ митрополитовъ мысль объ увеличеніи ихъ владѣній, какъ они мало-по-малу, подъ самыми ничтожными предлогами, присваивали себѣ владѣнія выдубицкаго монастыря; теперь же представлялась митрополиту Рогозѣ полная возможность подъ предлогомъ патронатства, и прежде захваченныя и всѣ остальные обширныя владѣнія выдубицкаго монастыря закрѣпить за своею кафедрою. И дѣйствительно, съ принятіемъ уніи, кievскій митрополитъ, сейчасъ же, въ качествѣ патрона выдубицкаго монастыря, прибралъ въ свои руки всѣ его владѣнія и распоряжался ими совершенно полноправно въ лицѣ намістниковъ своей Кіево-Софійской кафедры и игуменовъ выдубицкаго монастыря. Нѣтъ ничего удивительнаго, что, съ переходомъ въ унію кievскаго митрополита, сейчасъ же введена была унія и въ выдубицкомъ монастырѣ. Не знаемъ достовѣрно, какъ она тутъ вводилась, охотно ли согласились православные монахи выдубицкіе принять унію, или же они разошлись въ другіе православные монастыри и были замѣнены пришлыми ренегатами. Во всякомъ случаѣ, намъ думается, что здѣсь дѣло не обошлось безъ насилия и борьбы,—особенно, если припомнимъ недовольство послѣднихъ православныхъ игуменовъ выдубицкаго монастыря на кievскихъ митрополитовъ, которые, вмѣсто покровительства этому монастырю, старались только обирать его. Безъ сомнѣнія, подобнымъ нерасположеніемъ къ нимъ руководился и дѣятельнѣйшій изъ послѣднихъ православныхъ игуменовъ выдубицкихъ Каллистъ, который въ свое время особенно старался защищать права выдубицкаго монастыря на его владѣнія, и оставилъ на память родамъ „Резстръ пожитковъ выдубицкаго монастыря“, въ которомъ подробно описалъ, чѣмъ прежде пользовался выдубицкій монастырь, и чего онъ лишился по милости кievскихъ митрополитовъ. Какъ бы то ни было, но измѣнникъ православія, митрополитъ Рогоза, какъ мы сказали прежде, тотчасъ же, послѣ принятія уніи, рѣшительно наложилъ свою „властную“ руку и на выдубицкій монастырь и на всѣ его обширныя и богатныя владѣнія.

Кіевскіе уніятскіе митрополиты обыкновенно не жили въ Кіевѣ, а имѣли тутъ только своихъ генеральныхъ намістниковъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ иногда соединяли въ себѣ должность и игуменовъ выдубицкихъ; эти то послѣдніе главнымъ образомъ и хозяйничали въ выдубицкомъ монастырѣ и его владѣніяхъ. Не заботясь о благѣ древняго монастыря, они старались только о томъ,

чтобы какъ можно больше извлечь выгодъ изъ его владѣній и потому подѣляться барышами съ митрополитомъ. Такъ дѣлалось во все время господства унѣтовъ надъ выдубицкимъ монастыремъ. Изъ извѣстныхъ намъ многихъ актовъ выдубицкаго монастыря унѣтскаго періода, всѣ почти они отзываются преслѣдованьемъ матеріальныхъ интересовъ: они представляютъ, или закрѣпленіе правъ на выдубицкія владѣнія, или разграниченія ихъ, или аренды, или тяжёбные споры за земли съ сосѣдними владѣльцами и пр. По заведеннымъ изстари порядкамъ монастырскія земли иногда закладывались денежнымъ людямъ за извѣстныя суммы, причёмъ кредиторы пользовались, въ видѣ процентовъ, доходами изъ заложенныхъ земель. Такимъ порядкомъ дѣлъ удачно пользовался, для своихъ выгодъ, и митрополитъ — унѣтъ Михаилъ Рогоза на счётъ выдубицкихъ владѣній: при немъ, напр., огромное владѣніе выдубицкаго монастыря — Багриновское было заложено нѣкому нану Григорію Мацевичу въ 100 злотыхъ. При подобныхъ закладахъ и арендахъ, вѣроятно, кое чѣмъ пользовались и намѣстники митрополичьи и игумены выдубицкіе. Такъ, въ 1617 году, намѣстникъ митрополичій и игуменъ выдубицкаго монастыря Антоній Грековичъ, напоминая письменно атаманамъ монастыря выдубицкаго, „абы десятину на монастырь Выдубицкій отдано было“, — между прочимъ внушительно намекалъ атаману свиноедскому Исаи, чтобы онъ „з мужами на Деснѣ, езь звиклій забивши, чью то милость и милость Грековича рыбкою обослалъ, або самъ привезъ; хочъ ведаю, прибавляя Грековичъ, и безъ езовъ того у насъ з ласки Божое досить есть (*)“. Чѣмъ пользовался собственно выдубицкій монастырь изъ доходовъ своихъ арендованныхъ земель, и въ особенности, какая изъ нихъ часть употреблялась на благоустройство монастырской церкви и др. неизвѣстно; кажется только, что во время плѣна унѣтскаго Выдубицкій монастырь далеко не процвѣтала.

Впрочемъ, и сами митрополиты кievскіе, какъ увидимъ ниже, горько ошиблись въ своихъ расчетахъ на владѣнія Выдубицкаго монастыря и на обѣщанную поддержку со стороны польскаго правительства. Періодъ уніи въ исторіи Выдубицкаго монастыря отличается почти постоянными притязаніями на его земли со стороны сосѣднихъ владѣльцевъ. На сосѣднія владѣнія Выдубицкаго мона-

(*) Вѣд. Мон. книг. актовъ VI, стр. 118.

отря очень часто объявляли свои права, — законно или незаконно, и Киево-Печерская Лавра (на часть выдубицких звѣринскихъ грунтовъ), и владѣльцы лѣсницкіе, князья Корецкіе (на грунта гниленцкіе), и трипольскіе владѣльцы Гапоновичевы (на грунта игнатовскіе), и владѣльцы Рожновскіе и князья Корецкіе (на владѣніа свиноедскія). Постоянствомъ и продолжительностію нападеній на владѣніа Выдубицкаго монастыря особенно отличались князья Корецкіе, — владѣльцы лѣсницкіе и свиноедскіе: въ продолженіи восторазсматриваемаго нами періода, кіевскіе митрополиты постоянно вели съ ними и фактическій и судебный споръ за грунта. Рѣзкостію же нападеній на владѣніа Выдубицкаго монастыря особенно отличалась тогда сильная сосѣдка его и соперница Киево-Печерская Лавра. Такъ, въ протестаціи своей на Киево-печерскую Лавру, отъ 19-го ноября 1612 года, игумень выдубицкій Антоній Грековичъ между прочимъ писалъ: „и жъ въ року 1612 мѣсяца августа 10 дня и нинхъ розныхъ дній и часовъ отецъ Плетенецкій, пренюмивши вни въ правѣ посполитомъ въ конституціи коронной писанныхъ, безправне, а чинячи явную опрессию (утѣсненіе) моцю (силою) и гвалтомъ (насилно) наславъ подданныхъ слугъ своихъ имени и прозвиска ни ему самому ведомими на грунтъ монастыря Выдубицкаго Звѣринецъ Неводничій названный тамъ же оwoцъсадовый, груши, деренъ и нини оwoцъ подъ небытность на тотъ часъ игумена, побралъ и на свой пожитокъ привернулъ, тамъ же на томъ кгрунте слугу подданного своего Семена Шебендюка гончара кгвалтовне поселилъ и проч. *)

Антоній Грековичъ цѣнилъ на этотъ разъ всѣ убытки монастырскіе въ 200 копъ литовскихъ. Можетъ быть такая претензія Грековича была нѣсколько и преувеличена **); но во всякомъ случаѣ вышеупомянутое нападеніе Лавры на Выдубицкій монастырь есть фактъ несомнѣнный. За отлучкою, или по другимъ причинамъ, Грековичъ официально протестовалъ противъ этого нападенія позже чѣмъ чрезъ три мѣсяца; городской судъ, чрезъ возныхъ, произвелъ разслѣдованіе, и нераньше, какъ чрезъ два года рѣшилъ, „абы Елесеи Плетенецкій съ капитулою печерскою публично перепросилъ ясне превелебного въ Возѣ его милость отца митрополиту кіевского, а потомъ и его милость отца Игумена Выду-

*) Выд. мон. книг. актовъ VI, стр. 8.

**) Сличая протестацію Грековича съ [показаніями возныхъ, разслѣдывавшихъ это дѣло на мѣстѣ, можно замѣтить въ ней нѣкоторыя несообразности и преувеличенія.

бницкаго— абы вси шкоды (убытки) монастырєви выдубицкому слушне нагородилъ,... а жебы една сторона за (описанныя) границы не переходила, але овшемъ на веки такое постановленіе держала, сами жежи собою положили за руку 600 копѣ грошей литовскихъ и сторону ображоную* (обиженную). Въ маѣ 1628 году, лаврскіе подданные опять сдѣлали нападеніе на имѣнія митрополіи кіевской Выдубицкаго монастыря. Въ протестаціи Велямина Рутского на Петра Могилу по этому случаю такъ писалось: „Року 1628, мѣсяца мая 29 дня, ваша милость кгвалтовне на добра митрополіи кіевское монастыря выдубицкаго подле монастыря печерскаго лежачіе наслали слугу своего Юрка Замалійскаго сколько десятъ и иныхъ бояръ и подданныхъ своихъ монастырскихъ тамєтін насланцы з власного расказаня велебности вашей в тихъ выдубицахъ атамана выдубицкаго, которій тамъ перевозъ и поромъ метрополен на рецѣ Днепру во власномъ кгрунте выдубицкомъ на урочищу у Козовищъ в обонхъ берегахъ догледалъ безъ жадной причины того атамана Семена Мнкульца и Степана Корца окрутне (жестоко) збили змордовали, руки ноги отбили ребра поламали бороды вырвали и заумерляхъ повинули поромъ поводовъ которій коштовалъ злотыхъ 200 скоторого ишла интрата (доходъ) зоставали и того перевозу забронили ку великой шкоте митрополіи кіевское* *). Вскорѣ, послѣ этого случая, Веляминъ Рутскій просилъ Сигизмунда III чрезъ своего коадьютора, епископа галицкаго Рафаила Корсака объ утверженіи права на этотъ перевозъ, и Сигизмундъ III въ августѣ мѣсяцѣ того же года далъ грамоту, въ которой писалъ, что онъ, „яко найвысшій опекунъ и промоторъ добръ и пожитковъ церкви Божіихъ з владзи и ласки королевское, ему митрополите кіевскому и поступкомъ тамечнымъ игуменомъ монастыря выдубицкаго, тихъ поромовъ и перевозу презъ реку Днепръ жежи обема берегами своими на Либедє волне безпечне мети и заживати позволяеть, а одъ перевозу плаченя одъ копей быдла вшелякого и взововъ наложистныхъ тому яко на перевозахъ королевскихъ вышгородскомъ кіевскомъ и иныхъ ведлугъ права и звычайя.... платити и выбирати мають волни и повинни будутъ оборочаючи то на поправу и оздобу того дому Божого и вихованє слугъ его подъ послушенствомъ велебного отца метрополиты кіевского теперъ и на потомъ будучаго в едности з светнымъ воецеломъ римскимъ буду-

*) Выд. мон. книг. актовъ IX стр. 21.

чихъ *). Но дѣло о вышесказанной обидѣ со стороны Лавры, о порубкѣ ея насланными подданными порома выдубицкаго и др., было запротестовано въ земскихъ книгахъ кievскаго воеводства въ июнѣ мѣсяцѣ (27 дня) 1629 года, и протянулось за 1633 годъ; потому что только въ этомъ году (отъ 10 марта) Владиславъ IV звалъ Петра Могилу въ главный трибунальскій любельскій судъ по этому дѣлу, для его рѣшенія. Вообще изъ всѣхъ спорныхъ дѣлъ, которыя въ этомъ періодѣ официально велись между Выдубицкимъ монастыремъ и его соперниками, кажется, только два вышеприведенныя дѣла съ Лаврою были рѣшены въ непродолжительномъ времени въ пользу Выдубицкаго монастыря; остальные же его тяжёбныя дѣла, особенно съ князьями Корецкими, владѣльцами лѣсницкими и свиноедскими, тянулись, какъ замѣчено выше, нѣсколько десятилѣтій, — изъ низшихъ инстанцій переходили въ высшія, и хотя, какъ будто, рѣшались въ пользу Выдубицкаго монастыря, но почему-то эти рѣшенія надолго оставались безъ исполненія **). Напр., дѣло съ князьями владѣльцами лѣсницкими было начато намѣстникомъ софійскимъ Яковомъ Крушинскимъ 1602 году, велось дѣятельно, безъ перерыва, и окончено уже въ 1644 году, когда Выдубицкій монастырь былъ въ рукахъ православныхъ, — „безъ суда, любовирию“. Дѣло съ владѣльцемъ Рожновскимъ продолжалось съ 1605 по 1617-й годъ, и едва окончилось съ владѣльцемъ Юріемъ Рожновскимъ, какъ опять началось съ его преемницею Марцибеллою Корецевою, которая вела этотъ процессъ за 1640-й годъ.

Такъ кievскимъ уніатскимъ митрополитамъ не удавалось спокойно и вполне владѣть угодіями Выдубицкаго монастыря, несмотря на то, что право на нѣкоторыя изъ нихъ они сохранили еще съ того времени, когда держались православія. Тѣмъ меньше королевская власть могла укрѣпить за ними стороннія владѣнія и монастыри православныя; по крайней мѣрѣ это можно сказать въ отношеніи къ кievо-печерской Лаврѣ и ея владѣніямъ, сосѣднимъ Выдубицкому монастырю, на которыя особенно претендовали кievскіе уніатскіе митрополиты. Правда, Сигизмундъ III нѣсколькими грамотами вводилъ во владѣніе Лаврою уніатскихъ митрополитовъ, и предоставлялъ имъ право именоваться архимандритами Лавры;

(*) Выд. мон. кн. акт. VI стр. 60.

(**) Причина понятна: лавра была православная, а магнаты, съ которыми тягались уніатскіе митрополиты, были люди сильные и не чужіе.

но фактически этого онъ не могъ осуществить, — а въ 1615 году и на бумагѣ отказался отъ своихъ прежнихъ требованій. „Ознаймуемъ снѣгъ листомъ нашимъ“, писалъ онъ въ грамотѣ, данной киево-печерской Лаврѣ, отъ 1 апрѣля, 1615 года, всимъ в обещъ и каждому зособна кому бы то ведати належало нынѣшнимъ и на потомъ будучимъ, ижъ што если были первой сего зешлому велебному в Бозе отцу Ипатію Поцю митрополиту киевскому и галицкому з ласки нашео государское дали певные добра монастыря печерскаго киевскаго такъ у великомъ княжествѣ литовскомъ, яко и на Бѣлой Руси въ разныхъ поветехъ лежачіе т. е. меновите (слѣдуетъ исчисленіе владѣній) монастырови печерскому здавна ведлугъ фундушей належачіе, но которомъ то звышъ реченного митрополита киевскаго смерти теперешній велебный отецъ Іосифъ Велиминъ Рудкій архіепископъ митрополитъ киевскій и галицкій и всея Руси для большое достойности своео митрополіи киевское тие добра вышменованные, власные монастыря печерскаго киевскаго правомъ доживотнымъ з ласки нашео государское одержалъ былъ, — а ижъ помененный велебный отецъ Іосифъ Велиминъ Рудкій митрополитъ киевскій и галицкій за показаніемъ тутъ передъ нами государемъ и въ канцеляріи нашей черезъ велебнаго отца Елесея Плетенецкого архимандрита печерскаго киевскаго и капитулы его певныхъ правъ фундушовъ привилеевъ давнихъ отъ некоторыхъ князятъ и пановъ тому монастыреви печерскому уступленныхъ на тие добра вышменованные случачихъ.... добровольне ставши очевисто у книгъ канцеляріи нашео уступилъ и права своего доживотного отъ насъ ему на тие добра и даны вышреченные случачого, вечно се зреть за которымъ теды таковымъ добровольнымъ уступленіемъ и зреченьемъ помененного отца Вельямина Рудкаго митрополиты киевскаго и за причиною нѣкоторыхъ пановъ радъ нашихъ, мы государъ ведечи бытъ речъ слушную, и прихилиючи до старыхъ правъ и фундушъ тому монастырю печерскому случачого тие добра вышменованные (вычисляются нѣкоторыя владѣнія), — такъ яко и тие маестности передъ тимъ мели и теперъ мають, также даны з иншихъ розныхъ маестностей, томужъ монастыреви печерскому киевскому здавна належачіе вышреченному отцу Елесею Плетенецкому архимандриту и капитуле монастыря печерскаго киевскаго ведле першихъ правъ привилеевъ и фундушевъ ихъ симъ нынѣшнимъ листомъ нашимъ приворочаемъ, которыхъ то маестностей и добръ вышменованныхъ пререченый отецъ архимандритъ съ капитулою

монастыря печерского кievского на потомные вечные часы спокoйно держати и уживати манть. А мы государь сами за себе и за вайяснѣйшіе петожки наши обещуемъ при тихъ добрахъ вышисованныхъ теперешнего отца архимандрита до живота его яко и по немъ наступающихъ архимандритовъ и капитулу монастыря печерского кievского спокoйно вечными часы при томъ всемъ захвати. И на то есмь пречестному велебному отцу Елесею Плетенецкому архимандриту монастыря печерского кievского и капитуле и всимъ потомъ будучимъ дали сей нашъ листъ зъ подписомъ руки нашею царское, до которого есмь и печать великого княжства литовского привесети розказали *).

Сигизмундъ III общалъ кievскимъ митрополитамъ, подь условіемъ принятія ими уніи, такую честь, какою пользовались латинскіе епископы; но онъ и того не выполнилъ. Множество заведенныхъ уніятскими митрополитами тяжбъ съ мірянами, на счетъ выдубицкихъ грунтовъ и проволочка въ дѣло-производствѣ по этимъ тяжбамъ, ясно свидѣтельствуютъ, что они не пользовались репутаціею — ни въ судахъ, ни въ народѣ, и даже въ средѣ самихъ уніятъ и латинянъ (особенно если допустимъ, что Борецкіе и другіе теперешніе обидчики выдубицкаго монастыря уже приняли въ это время унію или латинство). Чтоже касается до православнаго народонаселенія Кіева и его окрестностей; то оно въ разсматриваемый нами періодъ несомнѣнно питало сильную антипатію къ настоятелямъ Выдубицкаго монастыря съ подвѣдомыми имъ монахами-унитами. Уважаемый прежде Выдубицкій монастырь, съ его древнѣйшимъ великокняжескимъ храмомъ, теперь казался для православныхъ чужимъ: по ихъ понятію, въ немъ теперь нѣ было ничего святаго, достойнаго уваженія; имъ казалось теперь ничуть непередосудительнымъ, насильно вторгаться въ монастырскій храмъ и грабить тутъ все, что ни попадалось, не исключая и священныхъ сосудовъ. Православный народъ вездѣ волновался противъ уніятскихъ духовныхъ властей и въ особенности противъ митрополитовъ. Чтобы судить о непріязненныхъ чувствахъ, которыя питали православные къ уніятскимъ властямъ, стоитъ только припомнить нѣсколько словъ изъ окружнаго посланія Инатія Поцѣя къ уніятскимъ епископамъ и всему духовенству, писаннаго въ 1608 году. „Мыдо жили до

*) Выд. мон. кн. акт. V, стр. 4.

такого несчастнаго времени, писалъ митрополитъ, что человекъ еле можетъ найти кому бы могъ довѣряться, и то со страхомъ; наступило это и для меня бѣднаго и со всѣхъ сторонъ угрожаемаго человека потому, что если возстали такіа грозныя войны на св. католическій кощелъ и на вселенскихъ пастырей, то тѣмъ болѣе на нашу бѣдную церковь и на насъ самихъ, которые, какъ молодая лѣторосль, еще такъ не давно привита къ стволу римскаго кощела. Вотъ теперь враги божьяго кощела слятся выдернуть ее съ корнемъ, готовятся и вооружаются всѣми силами, нѣкоторые еле могучіе ходить, во вредъ намъ собираются на этотъ несчастный сеймъ.... Кого еще не постигнулъ бунтъ, но меня уже сильно обирають, грабать, злоумышляютъ и на здоровье и на честь. Недавно одинъ схизматикъ за эту унию моему архимандриту отрубилъ руку и.... разсѣкъ. Теперь и другой нѣкто Летинскій въ Львовѣ моему священнику, котораго я отправилъ г. католикамъ по ихъ прозвбѣ въ Подгорьѣ, разрубилъ руку и такъ ранилъ ее, что она еле еле виситъ“ (*). Очень можетъ быть, что престарѣлый митрополитъ унитовъ имѣлъ въ виду и свои кievскія дѣла, когда писалъ эту рекламу. По крайней мѣрѣ изъ другаго документа несомнѣнно видна отчаянная антипатія православныхъ кievлянъ-духовныхъ и мѣщанъ къ унитамъ вообще и въ частности къ унитамъ выдубицкимъ. Въ 1618 году Вельяминъ Рутскій въ коронномъ трибуналѣ протестовалъ, „что кievскіе духовные греческой религіи и кievскіе мѣщане— явные противники верховной власти митрополита и злоумышляютъ на его жизнь,“ — а затѣмъ писалъ, „что тѣ и другіе, издавна противясь верховной власти митрополитовъ своихъ, а особенно прежде блаженной памяти побойному отцу Ипатію Подею и теперь снова нынѣшнему отцу митрополиту, похваляясь на его здоровье и понося его безстыдно, неприлично и позорно межъ своими и межъ людьми публично, подвергаютъ его ненависти и вооружаютъ противъ него священно-служителей, чиновниковъ и его слугъ, вооружаютъ козацкую вольницу. Кромѣ того, они недавно основали въ Кіевѣ какое то братство и, утвердивъ оное своими присяжными письмами, безъ послушанія отцу митрополиту и безъ повиновенія его духовному суду, вознамѣрились нынѣшняго отца митрополита умертвить при удобномъ случаѣ, и этотъ свой умы-

(*) Вѣст. Зап. Рос. 1864 и 65 г. кн. VI. стр. 22.

селя, хотя дѣйствительно и не надъ особою о. митрополита, но надъ преподобнымъ о. Антоніемъ Грековичемъ, офиціаломъ кievскимъ и игуменомъ выдубицкимъ, безчеловѣчно выполнили. Потому что когда, въ настоящемъ 1618 году, онъ былъ посланъ отцомъ митрополитомъ на слѣдствіе по дѣлу, подлежащему духовному суду, въ Овручъ, и оттуда заѣхалъ въ свой монастырь Выдубичи, данный ему отцемъ митрополитомъ около Кіева, и какъ человекъ безопасный въ своемъ домѣ, ни предъ кѣмъ неповинный, и неожиданный ни отъ кого зла, разгостился и пробылъ цѣлый день, именно 22 февраля настоящаго 1618 года, — на слѣдующій день въ часъ по полуночи нѣсколько десятковъ козацкой сволочи явилось невѣсть откуда, окруживъ означеннаго покойнаго о. Антонія въ этомъ домѣ поймали, и какъ какого нибудь негодая схватили, связали и бросили въ прорубь въ Дѣвпръ и утопили. Вещи, домашнюю рухлядь, деньги, лошади, одежду и все его состояніе забрали. Этотъ безбожный поступокъ они совершили по приказанію и наставленію тамошнихъ кievскихъ духовныхъ, и не безъ вѣдома нѣкоторыхъ шляхтичей, “ прибавилъ митрополитъ (*).

Чѣмъ же вызывали уніаты кievскіе и въ частности выдубицкіе съ ихъ властями такую страшную антипатію въ православномъ населеніи Кіева? Задавши себѣ этотъ вопросъ, въ отвѣтъ на него мы не обѣщаемъ представить какихъ нибудь частныхъ особенныхъ причинъ антипатіи; кажется, онѣ были общія, только съ нѣкоторымъ мѣстнымъ оттѣнкомъ. Кіевъ издревле слылъ православнымъ священнымъ городомъ: тутъ возникло православіе, тутъ оно просіяло въ лицѣ угодниковъ печерскихъ; отсюда оно разливалось по всей землѣ русской; Кіевъ былъ каедромъ православныхъ первосвятителей русскихъ; хотя въ неблагополучные годы Кіева они и не жили тутъ. Предъ началомъ уніи, въ Кіевѣ было основано православное братство съ его учреждениями, къ которому живѣйшимъ образомъ примыкало все лучшее православное южнорусское населеніе. Кіевъ былъ, такъ сказать, центромъ жизни южнорусскаго православія. Понятно послѣ этого, какъ должна была отозваться въ сердцахъ православныхъ кievлянъ постыдная измѣна православію ихъ первосвятителей, — измѣна самому драгоценному достоянію, и измѣна тамъ, гдѣ народъ привыкъ въ-

(*) Вѣст. Запад. Рос. 1864 и 65 кн. VI. стр. 25—26.

дѣть оплотъ православію. Для образованныхъ кіевлянъ того времени, безъ сомнѣнія, небезъизвѣстно было, что эта измѣна случилась не изъ за чего другаго, какъ изъ за матеріальныхъ выгодъ, почестей и т. п.; это не могло быть тайною и для всей массы козачества и всего православнаго населенія, отличавшагося великодушіемъ и стойкостію за вѣру. Кромѣ того, православное населеніе Кіева ясно видѣло, какъ измѣна православію вознаграждалась на счетъ православія. Митрополиты-уніаты, завладѣвши софійскою кафедрою, со всѣми угодьями кіево-софійскаго монастыря, завладѣли и выдубицкимъ монастыремъ, съ его обширными землями, — усиливались было завладѣть и Кіево-Печерскою Лаврою съ ея богатыми угодьями, а кое что и отняли отъ нее. Мало того, захватывая владѣнія православныхъ для себя въ Кіевѣ, митрополиты-уніаты, содѣйствовали еще разширенію тутъ владѣній римско-католическихъ; по ходатайству Поцѣя, бискупскія и доминиканскія владѣнія на Подолѣ были очень распространены (*). Въ 1604 году королевскимъ указомъ кіевскому римско-католическому бискупу была отдана цѣлая часть Кіево-Подола за каналомъ къ горѣ Щекавицѣ, подъ коею находился и дворецъ бискупскій; потомъ кіевскій бискупъ отнялъ изъ подъ магистратскаго вѣдомства и все пространство земли за дворами до іорданской Оболони; къ этому со временемъ была присоединена и Оболонь и все урочище Кожевники; а наконецъ урядники бискупскіе заняли и замокъ на Кудрявцѣ со всѣми угодьями, принадлежавшими православному митрополитамъ. Какое чувство должно было овладѣвать кіевлянами въ виду такихъ несправедливостей папистовъ и измѣнниковъ уніатовъ, въ отношеніи къ православному населенію Кіева! Не забудемъ и того, что уніаты, — эти братья ренегаты, если не всѣ, то но крайней мѣрѣ многіе сгарали ревностію по уніи, и готовы были пропагандировать всевозможными средствами. Кіевское православное братство, стоявшее на стражѣ православія, зорко подмѣчало эти стремленія кіевскихъ уніатовъ, и направляло противъ нихъ соотвѣтствовавшія мѣры, — такъ что главнымъ образомъ участіемъ православнаго братства мы думаемъ объяснять бывшія неоднократныя нападенія на Выдубицкій монастырь и со стороны Кіево-печерской Лавры, и со стороны кіевского православнаго козачества.

(*) Опис. Кіев. Соф. соб. стр. 151.

Какъ же дѣйствовала уніятская пропаганда въ Кіевѣ, въ лицѣ намѣстниковъ митрополичьихъ, выдубицкихъ игуменовъ и самихъ митрополитовъ— главныхъ настоятелей Выдубицкаго монастыря? Къ сожалѣнію, въ архивѣ выдубицкомъ о семъ не сохранилось никакихъ документовъ, на основаніи которыхъ можно было бы удовлетворительно отвѣчать на этотъ вопросъ. Документы религиозно-нравственной миссіонерской жизни выдубицкаго монастыря уніятскаго періода, быть можетъ, нарочно тутъ уничтожены. Вѣроятно, сами патеры Выдубицкаго монастыря, уходя отсюда, сочли нужнымъ истребить, или унести тѣ документы, которые со временемъ могли быть уликою и позоромъ для ихъ памяти. При всемъ томъ, мы думаемъ не безъ основанія, что для кіевскихъ митрополитовъ-уніатовъ выдубицкій монастырь, (какъ и монастырь кафедральный Софійскій) былъ укрѣпленнымъ лагеремъ, откуда они думали было метать на православныхъ свои громы и молніи. Не даромъ они нитали къ игуменамъ выдубицкаго монастыря особенную довѣренность, — назначали ихъ своими генеральными намѣстниками; не даромъ въ игумены этого монастыря избирались большею частью личности энергическія и умныя.

Изъ кіевскихъ уніятскихъ митрополитовъ разбираемаго нами періода Михаилъ Рогоза меньше другихъ отличался духомъ пропагандизма. Увлеченный въ унію ловкими епископами Кирилломъ Терлецкимъ и Ипатіемъ Поцѣемъ, опутанный сѣтями коварной польской политики, онъ не могъ чувствовать особенной симпатіи къ уніи. Очень можетъ быть, что онъ даже рассказывалъ въ своей ошибкѣ, особенно предъ своею смертію. Его соблазнили матеріальныя выгоды; ими то, кажется, главнымъ образомъ онъ и старался пользоваться въ короткое время своей жизни на уніятской митрополичьей кафедрѣ. Живя вдали отъ Кіева, то въ Вильнѣ, то въ Новогрудѣ, и пользуясь значительными доходами изъ своихъ новопріобрѣтенныхъ владѣній, онъ апатично доживалъ свой вѣкъ, подъ прикрытіемъ и ублаживаньемъ своего соблазнителя, — хитраго и дѣятельнаго Ипатія Поцѣя. Если что нибудь предпринималось тогда противъ православныхъ со стороны уніатовъ, то все это, кажется, выходило отъ Ипатія Поцѣя, который былъ облеченъ титуломъ прототронія или первопрестолника, съ правомъ быть сотрудникомъ и потомъ преемникомъ слабую Рогозѣ. Безъ сомнѣнія, не безъ содѣйствія Поцѣя, въ 1599

гуду вышко определение генерального сейма— истребить могущественную силу православия— волновавшуюся Запорожскую Сѣчь.

8 апрѣля 1599 года, умеръ, какъ утверждаютъ современники, въ угрызеніяхъ совѣсти Михаилъ Рогоза; его мѣсто, конечно, занялъ Поцѣй. Но этотъ новый уніатскій митрополитъ не могъ не любить уніи, какъ своего исчадія; а время отъ времени онъ долженъ былъ больше и больше свыкаться и сродняться съ нею. Въ ней онъ видѣлъ свою великую будущность и вѣсть съ тѣмъ свою вѣковѣчную славу; а это не могло не разжигать страсти въ прозелитизму и безъ того пылкой натуре новопоставленнаго митрополита. По особеннымъ расчетамъ, главнымъ поприщемъ для своей миссіонерской дѣятельности онъ избралъ Литву; но вѣсть съ тѣмъ онъ не упустилъ изъ виду и юго-западной Руси, съ ея центромъ— Киевомъ. Вскорѣ, послѣ вступленія на митрополичью кафедру, онъ и сюда направилъ свою дѣятельность. Киево-печерская Лавра, бывшая оплотомъ православія, — прежде всего обратила на себя его вниманіе. Еще митрополитъ Рогоза домогался начальствованія надъ Лаврою; но, видно, его интересовало не столько честолюбіе, сколько лаврскія владѣнія, — и потому онъ успокоился было, когда архимандриты уступили ему кое что изъ своихъ владѣній. Не таковъ былъ Поцѣй: въ его планахъ было всецѣло и окончательно іерархически подчинить себѣ Лавру и подавить въ ней духъ православія, — и онъ сдѣлалъ-было противъ нея такой рѣшительный приступъ, что противъ него сильно заговорили предъ королею и иноки Киево-печерскаго монастыря и мирскіе чины, дорожившіе Лаврою. Вслѣдствіе такихъ жалобъ, Сигизмундъ III, отъ 22 декабря 1599 года, вызывалъ Игнатія Поцѣя на сеймъ для объясненія. „Тебѣ Игнатію Поцѣю, писалъ король, который называешь себя кіевскимъ митрополитомъ, владимірскимъ и брестскимъ епископомъ, какъ вѣрноподанному нашему дворянину, повелѣваемъ, дабы ты явился предъ нами и нашими радными панями на великій сеймъ въ Варшаву.... Долженъ же ты явиться на таковой по обвиненію вельможныхъ пановъ свѣтскаго суда: чиновниковъ, судей, членовъ духовныхъ и всѣхъ сословіи людей греческаго исповѣданія, военнаго, дворянскаго сословіи, равно какъ и городскихъ обывателей великаго княжества литовскаго и волынскаго воеводства, въ томъ, что ты..... дерзнулъ самовольно овладѣть кіевскою митрополіею, печерскою лаврою съ епископствомъ володимірскимъ, и

пользуешься не законно, какъ званіемъ, такъ и ихъ недвижимыи имѣніи и вообще всѣми достоинствами, къ нимъ принадлежащими“ (*). Неизвѣстно, чѣмъ кончился этотъ процессъ православныхъ съ Ипатіемъ Поцѣмъ; только чрезъ пять лѣтъ послѣ такого призыва короля, на одномъ коронномъ сеймѣ было рѣшено никому изъ духовныхъ не имѣть двухъ бенефіцій, или духовныхъ должностей, а въ 1615 году, какъ намъ уже извѣстно, Сигизмундъ III официально возвращалъ Лаврѣ многія изъ тѣхъ ея владѣній, которыя были заняты прежде униатскими митрополитами. Въ 1601 году на коронномъ сеймѣ запорожцамъ возвращены были прежнія ихъ привилегіи, а въ 1608 и 1609 годахъ сеймъ возвѣщалъ свободу всѣмъ вѣроисповѣданіямъ подъ зарукою нарушителямъ ея 10,000 польскихъ злотыхъ. Кажется польское правительство не слишкомъ усердствовало выданъ Поцѣмъ; но за то онъ самъ не уставалъ въ своихъ стремленіяхъ. Въ Кіевѣ Поцѣмъ покровительствовалъ доминиканцамъ, а потомъ достойнымъ сотрудникамъ и преемникамъ ихъ іезуитамъ; а правою рукою тутъ былъ сначала его намѣстникъ игуменъ выдубицкаго монастыря Іосифъ Быковскій, — а потомъ, съ 1611 года, извѣстный уже намъ Антоній Грековичъ, который за свою ревность не по разуму получилъ достойное возмездіе. Ненависть къ православнымъ, особенно послѣдняго, и духъ его пропагандизма можно видѣть отчасти уже и изъ того, что онъ въ арендныхъ листахъ ни подъ какимъ видомъ не позволялъ своимъ арендаторамъ передавать имѣнія выдубицкія православнымъ козакамъ (**).

Въ 1613 году скончался во Владимірѣ Волынскомъ Поцѣмъ, а въ 1618 году погибъ въ водахъ днѣпровскихъ и его ревностный намѣстникъ Антоній Грековичъ. Поцѣмъ наследовалъ бывшій коадьюторъ его Вельяминъ Рутскій. При немъ игуменство выдубицкаго монастыря не соединялось съ намѣстничествомъ митрополітской кафедръ, какъ было прежде; такъ, напр., въ 1618 году игуменомъ выдубицкимъ былъ Исаакій, а намѣстникомъ софійскимъ Александръ Вроховскій; въ 1621 году игуменомъ выдубицкимъ былъ Іоасафатъ Быковскій, а намѣстникомъ софійскимъ панъ Вацлавъ Саяковскій; а съ 1630-хъ годовъ намѣстникомъ софійскимъ былъ Мартинъ Корсакъ, а игуменомъ выдубицкимъ Евста-

(*) Вѣст. Зап. Рос. 1864 и 65 г. кн. VI, стр. 1—4.

(**) Вид. Мон. кн. акт. VI, стр. 116—117.

фій Пѣшековскій. Вельямина Рутскаго, сравнительно съ Ипатіемъ Поцѣмъ, обыкновенно считаютъ болѣе умѣреннымъ пропагандистомъ; но, кажется, что въ немъ было только поменьше рьяности и увлеченія, чѣмъ у его предшественника, который за то и почитался въ Вильнѣ натурою—двумя пальцами. Какимъ Рутскій былъ для Кіева, объ этомъ можно предполагать отчасти потому, что въ его время дѣйствовалъ тутъ, не безъ его инструкцій, Антоній Грековичъ, который наконецъ вывелъ изъ терпѣнія православныхъ. Преемники Грековича по игуменству и намѣстничеству, вѣроятно, тоже не чужды были его духа и дѣйствій; самое раздѣленіе этихъ уніатскихъ должностей, кажется, сдѣлано было съ цѣлью усилить миссіонерскую дѣятельность. Да и самъ Рутскій въ отношеніи къ Кіеву весьма не дремалъ; лучшимъ доказательствомъ тому служить, составленная имъ самимъ, секретная инструкція—какъ вести тутъ дѣло пропаганды. Этою инструкціею предписывалось (вѣроятно, между прочимъ намѣстникамъ софійскимъ и игуменамъ выдубицкимъ): 1) „имѣть связь съ о. епископомъ (?) и г. воеводою, и съ ними во всемъ сноситься; 2) предполагалось рукоположить суффрагана (викарнаго епископа), который жилъ бы исключительно въ Кіевѣ, завѣдывалъ всеми окрестными уніатами и изыскивалъ случаи къ распространенію уніи и къ предотвращенію всего вреднаго для нея; 3) предполагалось содержать при св. Софійн монастырь добрыхъ уніатовъ, людей благочестивыхъ и ученыхъ (какихъ по милости Божіей и теперь прискать не трудно, замѣчалось въ инструкціи) и училище уніатское; 4) рассчитывалось, что эти благочестивые и ученые уніаты съ легкостію завладѣютъ лучшими кіевскими монастырями—Николаевскимъ, Бяриловскимъ и златоверхнимъ Михайловскимъ,— то на основаніи какихъ нибудь привиллегій, то на какой нибудь рекомендаціи печерскаго архимандрита (?), то по другимъ поводамъ. Способъ отнятія этихъ монастырей, если г. воевода заблагоразсудитъ сей часъ же приступить къ этому дѣлу,—двойкій, говорилось въ инструкціи: а) воевода или его управленіе спроситъ каждаго игумена, по какому праву каждый изъ нихъ управляетъ монастыремъ, и если кто не имѣетъ на это привиллегій, отнять у него управленіе; б) пусть позоветъ къ суду митрополита за противозаконное владѣніе этими монастырями.“ Но успѣхъ такого плана предполагался только подъ двумя важнѣйшими условіями, во 1-хъ, когда подвоевода будетъ не еретикъ и не схизматикъ (т. е. не православный), а во

2-хъ, когда будетъ уничтожено зловерное для униі кievское православное братство. Большою помѣхою для униі въ Кіевѣ служить, говорилось въ инструкціи, три года назадъ тому (?) составленное схизматиками, безъ привилегіи его величества короля, новое братство въ Кіевѣ, гдѣ дѣлаются сходки и совѣщанія, слѣдствіемъ чего въ самомъ началѣ было то, что официалъ митрополита (предсѣдатель консисторіи) былъ утопленъ, потомъ слуга, собиравшій двойной сборъ, схваченъ съ деньгами, отведенъ въ дикое поле и прикванъ къ орудію, а въ настоящее время (?) попъ униатъ схваченъ, и куда его дѣвали неизвѣстно. Трудно думать о чемъ нибудь добромъ, продолжалось въ инструкціи, если это братство не будетъ уничтожено.“ Какъ поступать, чтобы воеводскія и подвоеводскія мѣста въ Кіевѣ были занимаемы не схизматиками, объ этомъ умалчивалось въ инструкціи, — а для уничтоженія братства рекомендовалось поступить такъ, какъ поступали съ ними въ Литвѣ, — именно: завести позывъ и уничтожить это общество королевскимъ секретомъ. Еще указывалось въ инструкціи на ирѣзавшихъ въ Кіевъ православныхъ владѣльцевъ иноземцевъ-грековъ и сербовъ, какъ на особенно вредныхъ дѣлу „св. единенія и славы Божіей;“ но помсчъ этому горю предоставлялось, вѣроятно, воеводамъ, подвоеводамъ-несхизматикамъ (*). По случаю посвященія въ Кіевѣ патриархомъ Теофаномъ православнаго митрополита и епископовъ, тутъ поднялась было сильная буря, въ которой принимали участіе отъ короля до послѣдняго кievскаго униата; но скоро, какъ извѣстно, эта гроза прошла, все мало по малу улеглось; Іовъ Ворецкій и другіе новопосвященные епископы утвердились на своихъ мѣстахъ, къ прискорбію униатовъ. Рутскій затѣялъ было другаго рода маневръ противъ православныхъ: для своихъ видовъ „зъедноченья,“ онъ вздумалъ было устроить, по образцу московской патриархіи, и въ польскомъ королевствѣ такую же единую патриархію униатскую, подъ предлогомъ которой думалъ-было прибрать въ свои руки и православныхъ. Съ этою цѣлью въ 1624 году онъ отправлялъ пословъ униатовъ въ Кіевъ къ духовнымъ православнымъ властямъ съ особенною инструкціею, въ которой тоже видится хитрый и вкрадчивый лжепастырь, каковымъ всегда былъ Рутскій. Въ этой инструкціи предлагалось послать: „оповѣднати або залѣтити православнымъ духовнымъ властямъ въ Кіевѣ

(*) Вѣст. Запад. Россіи 1864—65. кн. стр. 66—69.

отъ митрополиты кievскаго и всея Руси и отъ ихъ милости отцовъ пяти епископовъ, которые на тотъ часъ до Нова-Городка собралися были, — горячую милость прагненія (желанія) повою зъ ними, якъ зъ силами и братьею въ единомъ народѣ российскомъ рожиного“.... За тѣмъ предоставлялось въ инструкціи православной сторонѣ дѣйствовать самостоятельно, безъ пленнотенціи (полномочія) отъ своихъ братствъ, — самимъ назначить имѣсто, и время, и лицъ для переговоровъ, — только совѣтовалось назначить „особы въ личбѣ (числомъ) яко наименьшой, а не больше трехъ, — двухъ духовныхъ и третьяго свѣцкаго. Послашь, дагѣе, предлагалось объявить православнымъ и предметъ совѣщанія — способъ „зъедноченя одъ людей многихъ зацныхъ (знатныхъ) зъ наше и ихъ стороны поданный, абы былъ ново-фундованный въ ихъ краяхъ, яко и въ московскихъ, патриарха на добрахъ певныхъ духовныхъ, который бы на добрахъ тыхъ на вси потомные часы пребывалъ, и по благословеніе нигдѣ не посылалъ.“ Требовалось еще отъ пословъ тою же инструкцію, чтобъ они умѣли выставить, „же они (Рутскій съ своими епископами) тое не зъ жадноѣ (никакой) боязни и постраховъ любо теперешнихъ, любо за часомъ на речъ посполитою (чимъ ся они посполите (обыкновенно) хлюбить (хваляться) позвыкли) приходячихъ чинили, але зъ повинности пастьерской, которую они повинны къ овечкамъ мѣти.“ Наконецъ предлагалось послашь „освѣдчити поволность и братолобіе къ кievскимъ православнымъ духовнымъ властямъ“ (*) и проч. Чѣмъ отвѣтили на такой призывъ къ „зъедноченю“ кievскія православныя духовныя власти, неизвѣстно; извѣстно только то, что чрезъ пять лѣтъ послѣ этого призыва, именно въ 1629 году, октября 28, былъ въ Львовѣ соборъ униатовъ и не униатовъ для примиренія; но изъ этого ничего не вышло. А между тѣмъ, чѣмъ дальше, тѣмъ времена измѣнялись къ худшему для кievскихъ униатовъ: въ Кіевѣ, въ кievо-печерской Лаврѣ начали открываться соборы, на которыхъ православная власть открыто и смѣло высказывалась противъ уніи. Въ 1628 году, 15 августа, соборъ, бывшій въ Лаврѣ, заставилъ Смотрицаго отказаться отъ своихъ уніятскихъ убѣжденій, а въ 1629 году, 29 іюня, окончательно изрекъ ему анаѣему, какъ измѣннику православія. Съ возшествіемъ на польскій престолъ Владислава IV и съ утвержденіемъ на кievской митрополичѣй каедрѣ Петра Могила, Рутскій долженъ былъ нѣ-

(*) Вѣст. зап. Рос. 1864—1865 кн. IX, стр. 14—16. Digitized by Google

сколько угнать свои виды и планы, особенно когда опредѣленіемъ избирательнаго сейма въ 1632 году отъ него была отнята кафедральная Софійская церковь (хотя до извѣстнаго времени и оставлены были за нимъ ея владѣнія), а Выдубицкій монастырь предоставленъ былъ ему только до его смерти. Такъ, Рутскій видѣлъ теперь, что гнѣзда уніи въ Кіевѣ, на которыя онъ такъ много рассчитывалъ, разрушались. Можетъ быть, нѣкоторое время послѣ того, онъ и еще питалъ химерныя надежды на переѣзную обстоятельство, но скоро долженъ былъ убѣдиться, что ему былъ совершенно не по силамъ его соперникъ — Петръ Могила. Разоривши такъ неожиданно одно гнѣздо уніи, — изгнавши уніатовъ изъ Софійскаго монастыря и преобразовавши его по своему плану, Петръ Могила зорко слѣдилъ за другимъ пристанищемъ уніатовъ — Выдубицкимъ монастыремъ. На варшавскомъ сеймѣ 1635 года (14 марта), на случай переѣзны обстоятельство, онъ еще разъ выхлопоталъ подтвержденіе конституціи 1632 года, по которой, между прочимъ, Выдубицкій монастырь, по смерти Рутскаго, долженъ былъ перейти къ православнымъ, а взамѣнъ его православные должны были отдать уніатамъ Гродненскій православный монастырь, бывшій въ польской области. Въ 1637 году, марта 17, скончался Рутскій. Преемникъ его Рафаиль Корсакъ думалъ было закрѣпить и за собою Выдубицкій монастырь, но попытка его не удалась, благодаря настойчивости Петра Могила, который сейчасъ же предоставилъ его за своимъ коадьютантомъ. Уніаты по неволѣ уступили и перешли, по назначенію, въ польскую область въ Гродненскій монастырь. Убираясь отсюда съ неудовольствіемъ и ропотомъ, они унесли съ собою все, что только могли, и самую церковь монастырскую совершенно ограбили; только, по какому то странному случаю, они оставили здѣсь нѣсколько рукописныхъ богослужебныхъ книгъ, изъ коихъ нѣкоторые были наданы Выдубицкому монастырю игуменомъ его Антоніемъ Грековичемъ, какъ видно изъ его собственноручныхъ надписей на этихъ книгахъ. До настоящаго времени хранятся въ архивѣ Выдубицкаго монастыря изъ этого уніатскаго періода слѣдующія книги: въ 16 долю большаго листа — 1) Трифологіонъ мѣсячный, или краткая мѣсячная минея, за мѣсяць мартъ, безъ заглавнаго листа и безъ конца, съ такою надписью по начальнымъ листамъ: „Сію книгу купилъ и поддалъ монастырю Выдубицкому отецъ Антоній Грековичъ, игуменъ

выдубицкій и намѣстникъ протопопіи кievской, року тысяча шесть сотъ десятого, мѣсяца ноября 6 дня.“ Она писана уставомъ. 2) Такой же Трифологіонъ за мѣсяць сентябрь, безъ начала, съ надписью по листамъ:.... „монастырю Выдубицкому отецъ Антоній Гревовичъ игуменъ выдубицкій и намѣстникъ кievскій, року 1610, мѣсяца ноября 6 дня;“ писана уставомъ. 3) Такой же Трифологіонъ за мѣсяць октябрь, безъ начала и безъ конца; писанъ уставомъ, — въ четвертую долю малаго листа. — 4) Октоихъ съ 5-го по 8 гласъ включительно, въ серединѣ съ пропусками и безъ начала: писанъ частью уставомъ, а частью скорописью, — въ малый поллистъ. — 5) Минея избранная, или трифологіонъ, за августъ мѣсяць; писана уставомъ, съ надписью по листамъ: „Року божьяго нарощенья 1599 я многогрѣшная раба Божія Марія сію книгу отдаю до церкви въ салѣ Набѣломъ (Набѣло) заложенья святыхъ преподобныхъ Параскевы въ имени павловъ Белзскихъ ку чести и ку хвалѣ Бога и на вѣчную памятку небожичка Матеея малжонка моего и приписую си ку церкви той къ громадѣ всей, абы си жаденъ несмелъ отдалити з мѣсяца того, такъ свѣцкій яко и духовный человекъ; а хто бы си смѣлъ отдалити тую книгу рекомую Минею избранную съ тымъ хочу и буду мѣти судъ предъ милостивымъ и нелицемѣрнымъ праведнымъ судією въ дни страшнаго и праведнаго суда.“ Въ этой же книгѣ на добавочномъ переднемъ листѣ, часть котораго значительно испорчена, видится надпись: „Року Вожія 1609 мѣсяца марта дня 4, я рабъ Вожій Тимошъ Буликъ обиватель и козаць.... отменилемъ, албо выкупилемъ сію книгу.... Трифологіонъ мѣсячный урочистымъ стымъ.... за вирукою працы своей.... нѣ грѣховъ родителей моихъ.... и матки моея....“ (*) 6) Евангеліе учительное, или собраніе поученій на нѣкоторые недѣли и праздники, безъ начала и конца, — съ надписью: „Сія книга кievскаго монастыря Выдубицкаго бібліотечна власная надана монастырю кievо-выдубицкому отъ Іоанна а въ монашествѣ Іосифа Кичарскаго тоя же обители монаха“. 7) Трифологіонъ за ноябрь мѣсяць, съ прибавленіемъ богородичныхъ стихирь на все гласы; писанъ уставомъ. 8) Трифологіонъ за сентябрь мѣсяць также писанъ уставомъ. 9) Трифологіонъ за мартъ мѣсяць и дальше, — оканчивается 9 іюня, безъ начала и конца, — въ два столбца. 10) Осъ

(*) означаетъ испорченныя мѣста.

ногласникъ, писанный уставомъ, съ надписью на листахъ, кажет-ся, позднѣйшемъ: „Я рабъ Божій Михайло отнесилъ сію книгу охтай на осьмъ гласовъ и на весь тыждень за власные грони свои за три копы и за 23 грошей литовскихъ въ мѣсти Десни-кахъ до храму Преображенія Божьего и Спаса нашего Иисуса Христа; а хто бы смѣлъ сію книгу отъ того храму отдалити, абе взявши продати, анагема проклять буди, проклять въ сѣнь вѣци и въ будущемъ, и разсудитъ насъ много....“ Судя по сходству письма, всѣ вышеупомянутыя нами книги относятся къ одному времени, — именно къ концу XVI и къ началу XVII вѣка. Кро-мѣ книгъ еще находятся доселѣ въ Выдубицкомъ монастырѣ изъ уніятскаго періода небольшой колоколь съ надписью: „року АХЛТ“, и икона Ченстоховской Божіей Матери, какъ гла-ситъ давнее преданіе, сохранившіеся въ монастырѣ. Эта икона (довольно большая) съ давнихъ временъ считается чудотворною, и особенно почитается православными поклонниками тѣхъ мѣстъ нашего края, гдѣ еще живы остались преданія уніи, — преимущественно каменецъ-подольскими и волинскими поклонниками. Но въ са-момъ ли дѣлѣ эта икона осталась въ монастырѣ отъ періода у-ніятскаго и досталась ему отъ уніатовъ, — этого мы не беремся рѣшить, по недостатку данныхъ. Кромя же сказанныхъ памятни-ковъ уніятскаго періода, теперь въ Выдубицкомъ монастырѣ боль-ше ничто не напоминаетъ намъ объ уніи. Предшествовавшій уніи, продолжительный періодъ православной жизни выдубицкаго мона-стыря и затѣмъ вся послѣдующая его вѣковая исторія въ духѣ православія какъ бы заставляютъ насъ забыть то темное пятно, которое, въ продолженіи какихъ нибудь 40 лѣтъ, лежало на на-шемъ знаменитомъ древнѣйшемъ монастырѣ.

Свящ. П. Троицкій.

(Продолженіе впереди.)

III.

НОВЫЯ ЗАТЪИ ХОХЛОМАНОВЪ.

Quousque tandem, Catilina, abutere patientia nostra?....

Cicero.

Докогъ вы, о хохломаны, будете во зло употреблять терпѣніе благомыслящихъ людей русскаго царства? Докогъ будете подкапываться подъ единство всероссійскаго языка и всероссійской державы? Докогъ будетъ продолжаться ваше сепаративное пронырство, прикрывающееся лживою заботливостью объ интересахъ народа, научными интересами и педагогическими принципами, но очевидно стремящееся къ отдѣленію южно-русскаго народа отъ Россіи — сперва въ языкѣ и литературѣ его, а потомъ... надобно быть безумцемъ, чтобъ не видѣть, какая *потомъ* отдѣленность угрожаетъ народу послѣ отдѣльности его въ языкѣ отъ единокровныхъ своихъ братьевъ?! Докогъ вы, сепаративными вашими затѣями, будете благопріятствовать нашимъ всконнымъ врагамъ, полякамъ? И наконецъ — скажите: что такое вы, — безсознательное ли и слѣпое орудіе нашихъ враговъ, посредствомъ котораго они распространяютъ смуты въ Россіи, или вы сознательно и безчестно, подобно погибшему Герцену, отреклись отъ Бога, отъ православной церкви и отъ вашего православнаго отечества, жаждете его смуть, нестроенія и разложенія?.... Полно вамъ прятаться за ширмою гуманности, либерализма и педагогін! Полно вамъ морочить православный людъ вашими quasi-учеными разсужденіями о « педагогическомъ значеніи малорусскаго языка! » — Полно вамъ притворяться такими наивно-добрыми народолюбцами, что вотъ-де вы только для того и требуете преподаванія наукъ на малороссійскомъ нарѣчій въ южнорусскихъ школахъ, чтобы для учащихса облег-

чить путь къ просвѣщенію!— У васъ, по малороссійской пословицѣ, «*ателскій золосъ, но чортова дужка.*»

Казалось, что съ разгромомъ послѣдняго польскаго мятежа затихли-было и всѣ хохломанскія затѣи о самостоятельности малороссійскаго жаргона и о возведеніи его на степень самобытнаго, отдѣльнаго языка. Но, къ сожалѣнію, хохломанія [опять скажемъ по малороссійски] есть *такая задюка, у которой когда одну голову отрубить, то вмѣсто отрубленной сейчасъ вырастаетъ десять новыхъ головъ.* Теперь хохломанія подняла противъ насъ разомъ двѣ свои ядовитыя головы въ 93-мъ № *) „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 8-го апрѣля сего 1866 года. Передовая статья и весь фельетонъ этого № шипятъ змѣиною ненавистью къ единству общерусскаго языка и требуютъ, чтобы земство Черниговской губерніи непременно постаралось въ народныхъ училищахъ своего края сдѣлать обязательнымъ, при обученіи, исключительно малороссійское нарѣчіе, а церковно-славянскому и общерусскому языку позволило бы являться иногда въ этихъ училищахъ въ видѣ небольшихъ статейекъ въ хрестоматіи [въ «читальникѣ»], или въ книгѣ для чтенія сельскихъ учениковъ, «гдѣ они и могутъ читать ихъ, если пожелають.» Мы нарочно подчеркнули слова— «*если пожелають.*», чтобы читатели ясно видѣли, что, по приговору С.-Петербургскихъ Вѣдомостей, чтеніе славянскихъ и русскихъ книгъ въ южнорусскихъ народныхъ школахъ не полагается *обязательнымъ.*

Такъ-какъ, по общему закону усовершенствованія, люди, съ теченіемъ времени, должны дѣлаться умнѣе и благоразумнѣе, то можно безошибочно сказать, что лѣтъ чрезъ 30 послѣ нашего времени никто не повѣритъ, чтобы въ нынѣшнемъ 1866 году, въ просвѣщенной русской столицѣ, въ С.-Петербургѣ, между тамошними образованными и просвѣщенными людьми могло прозябать такое уродливое мнѣніе и желаніе о дарованіи педагогической и литературной самостоятельности областному нарѣчію, которое даже почти уже исчезло въ устахъ народа, соединившись съ общерусскимъ языкомъ, но которое петербургскіе умники, на зло здравому смыслу и исторіи, хотѣли бы воскресить и поднять на ноги. Никто не повѣрилъ бы этому, если бы не было 93-го № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ 1866 года. Для чести нашего времени, мно-

*) На этомъ № дѣло не кончилось; хохломанія участва свои выстрѣлы, возе не ожжется.

гіе члены черниговскаго земства покорнѣйше просятъ редакцію этой петербургской газеты, чтобъ она постаралась, если можно, истребить этотъ злосчастный №, дабы до нашихъ потомковъ не дошло свѣдѣніе о томъ, до какихъ нелѣпостей унижалась петербургская журналистика въ 1866 году.

Приглашаемъ читателей всмотрѣться и вчитаться, вмѣстѣ съ нами, въ этотъ 93-й № „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. И передовая статья, и фельетонъ — какъ мы сказали — заражены отчаянной хохломаніей. Передовая статья не подписана никѣмъ, слѣдовательно отвѣтственность за нее падаетъ на самого издателя; а подъ фельетономъ подписался какой-то «учитель.» Для чести учительскаго званія, не хотѣлось бы вѣрить, что этотъ *учитель* — не псевдонимъ. Впрочемъ, въ семьѣ не безъ уroda; бывають всякіе учителя.

Передовая статья, извѣстивши своихъ читателей, что черниговское земство назначило 2,800 р. с. на учрежденіе въ Черниговѣ школы для приготовленія народныхъ учителей, распространилась съ своими непрошеными совѣтами и наставленіями этому земству о томъ, какъ оно должно повести такую школу, или учительскую семинарію. *Первый непрошенный совѣтъ*: «такъ-какъ эта школа устроивается на суммы земства, то начальство кievскаго учебнаго округа [смущайте! смущайте!], нѣтъ сомнѣнія, не станетъ по-своему регламентировать ходъ дѣлъ въ этой школѣ.» А кому же прикажете регламентировать? А для чего же существуетъ училищное начальство, если не оно будетъ управлять училищами своего округа? А для чего существуетъ здравый смыслъ въ человѣческомъ родѣ, который (смыслъ) устами покойнаго Крылова сказалъ: «бѣда, какъ сапоги начнетъ тачать пирожникъ, иль пироги печи сапожникъ?»..... Стыдно вато намъ за „С.-Петербургскія Вѣдомости“!.....

Дайте: «Желательно, чтобы впредь до учрежденія губернскихъ «училищныхъ совѣтовъ» [которые слѣдуетъ открыть уже тогда, когда достаточное количество школъ будетъ требовать широкаго «дѣйствія со стороны значительнаго учрежденія], — желательно, «чтобъ открытіе сельскихъ школъ и назначеніе въ нихъ учителей «было раздѣлено между земскими учрежденіями и совѣтомъ учительской семинаріи», а отнюдь, т. е., не начальство учебнаго округа открывало бы школы и назначало учителей, — это само собою подразумевается въ желаніи „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Увы, опоздала почтеннѣйшая газета съ своимъ желаніемъ и совѣтомъ!

И губерніскіе и уѣздныя училищныя совѣты уже давно открыты въ Черниговской и Полтавской губерніяхъ, и уже давно, въ совокупности съ членами отъ кіевскаго учебнаго округа, начали свои дѣйствія, на томъ разумномъ основаніи, что сперва необходима дѣйствующая причина (causa efficiens), а потомъ уже надобно отъ этой дѣйствующей силы ожидать дѣйствія (effectus), а не на оборотъ, — какъ желаютъ „С.-П. Вѣдомости“, — тогда уже открывать училищныя совѣты, когда напередъ будетъ открыто много школъ.

Послѣ такого безвременнаго и страннаго желанія, „С.-П. Вѣдомости“ пустились въ разглагольствіе о томъ, «какъ поставить учительскую семинарію въ субординаціонныя отношенія къ дирекціи «училищъ и къ окружному начальству.» Примѣтно, что естественная и неизбѣжная подчиненность этой семинаріи училищному начальству очень и очень не нравится „С.-П. Вѣдомостямъ.“ «На рѣшеніе этого вопроса—говорятъ онѣ— можно потратить много бумаги «и чернилъ, но.... дѣло не подвинется.» А потому „С.-П. Вѣдомости“ рѣшили такъ: «Судя по тому, что мы знаемъ о черниговскомъ земствѣ [*позвольте спросить: а что вы знаете о нашемъ земствѣ?*], отъ него мы вправдѣ ожидать дѣйствій и отношеній наиболѣе «соотвѣтственныхъ успѣху дѣла.» Смотри, дескать, черниговское земство, не выпускай власти изъ своихъ рукъ! не позволяй начальству учебнаго округа регламентировать въ народныхъ школахъ! Чего добраго, — это несносное начальство заведетъ въ школахъ обученіе славянскому языку и катихизису, а потомъ и общерусскому языку, а для малороссійскаго нарѣчія не отдѣлится ни-малѣйшаго мѣстечка.... не устунай!....

«Другой важный вопросъ: ставить ли цѣлью ученія въ народной школѣ только грамотность, сопровождаемую нѣкоторыми [?!] «познаніями изъ предметовъ религіозныхъ и ариметическихъ, или «поставить цѣлью обученія въ народной школѣ возможно-широкое «образование?»— Этотъ вопросъ „С.-П. Вѣдомости“ рѣшили въ пользу «возможно-широкаго образованія», и средства къ тому предлагаютъ вотъ-какія: «Эти требованія [т. е. *возможно-широкаго образованія*] можно удовлетворить [*слушайте!*] безъ всякаго систематическаго преподаванія, однимъ объяснительнымъ чтеніемъ по хорошему-составленному читальнику.» А учителя, преподающіе въ учительской семинаріи и приготовляющіе сельскихъ народныхъ учителей, «должны быть поставлены въ возможно-менѣе официальное «положеніе, т. е. они [*послушайте, слушайте!*] не должны быть стѣ-

«снены *обязательными* учебниками.» Выходить слѣдующій результатъ: пусть учать и учатся *чему-нибудь* и *какъ-нибудь*. Какой вамъ еще нужно лучшей методы и системы? Никакого стѣсненія официальной подчиненностью, ни какой предписанной системы, никакихъ одобренныхъ правительствомъ учебниковъ, никакой— значить— отчетности, и широкое раздолье для чего хочешь! Учи, чему хочешь, и какъ хочешь! Ужъ не бывшія ли, постыдной памяти воскресныя школы взяты „С.-П. Вѣдомостями“ за образецъ для черниговской учительской семинаріи и для народныхъ школъ?... Кажется, что такъ. — Но это еще не все; вотъ, наконецъ, слѣдуетъ —

«Третій важный вопросъ»: [пропускаемъ утомительное многословіе „С.-П. Вѣдомостей“, съ умысломъ маскирующее этотъ вопросъ научными фразами, и буквально — словами Вѣдомостей — налагаемъ самый вопросъ:] «въ примѣненіи къ вопросу о народномъ образованіи въ южной Россіи, названный нами принципъ [т. е. примѣненіе народного образованія къ мѣстнымъ условіямъ] ведетъ къ узаконенію участія въ этомъ образованіи южно-русскаго народнаго языка и народной словесности». Вотъ оно-что! Вотъ о чемъ всѣ хлопоты! — С.-П. Вѣдомости признаются, что «есть немало людей, которые именно не желаютъ допустить южно-русскій языкъ въ школы — отъ наивнаго незнанія дѣла, отъ нежеланія знать, наконецъ — отъ излишней боязливости за то, на что, право, никто не можетъ и не хочетъ посягать. Всѣ они сходятся въ томъ, что одинаково подозрѣваютъ защитниковъ малороссійскаго нарѣчія въ злобныхъ политическихъ тенденціяхъ, хотя до поры скрываютъ ихъ» [*а разве это неправда?!?*]. — «Но, имѣя въ виду чисто и исключительно [*едва ли чисто и исключительно!*] педагогическіе интересы, мы не можемъ не признать важнаго [???] педагогическаго значенія малорусскаго языка, какъ отдѣльнаго отъ великорусскаго.» — Долгомъ считаемъ замѣтить редакціи „С.-П. Вѣдомостей“, что она, неосторожно играетъ съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, — того и смотри, вспыхнетъ, и выстрѣлъ попадетъ въ сердце самой редакціи. Во вторыхъ, да благоволитъ эта редакція вѣдать, что «*малорусскаго языка отдѣльнаго отъ великорусскаго*» никогда не было и нѣтъ на свѣтѣ; а такой языкъ существуетъ только въ воображеніи пайки хохломановъ, къ которымъ намъ не хотѣлось бы причислять и редакцію „С.-П. Вѣдомостей.“ Эта пайка сочиняла [можетъ быть, и теперь сочиняетъ?!] книжки на какомъ-то выдуманномъ ею «южнорусскомъ или малорусскомъ»

языкъ», составленномъ на половину изъ польскихъ словъ и на половину изъ русскихъ съ перековерканнымъ правописаниемъ; но этихъ книжекъ сельскіе жители южной Россіи не понимаютъ, и выдуманнаго языка не признаютъ своимъ. *Есть малорусское нарѣчіе русскою языка, такъ-какъ есть и костромское и вятское нарѣчіе— только! а особаго «малорусскаго языка» вовсе нѣтъ.*

Черезъ нѣсколько строкъ, „С.-Петербургскія Вѣдомости“ сами признаются, что «малорусскій народъ не хочетъ учиться грамотѣ въ «своемъ языкѣ [читай: не на своемъ, но на выдуманномъ шайкомъ «жосламаномъ»], и выражаетъ неудовольствіе [спасибо ему!], когда «ему дадутъ книги, писанныя мужицкимъ [читай: *униатско-польскимъ*] языкомъ, желая, чтобъ ихъ учили царскому языку, иначе— говорили они — мы будемъ всегда въ черномъ тѣлѣ.» — Послѣ такого признанія, затѣмъ же навязывать этому умному народу отвергаемое имъ обученіе на нелюбимомъ имъ, искусственно-польско-униатскомъ жаргонѣ? Очевиднѣе солнца, что малорусскій народъ уже рѣшилъ этотъ вопросъ не въ пользу этого нововозобрѣтеннаго и не известнаго ему нарѣчія и, слѣдовательно, не о чемъ уже и говорить. — Такъ вотъ же— нѣтъ! — „С.-П. Вѣдомости“ отчаянно пустились въ широковѣщательныя доказательства, что весь малорусскій народъ ошибается въ рѣшеніи этого вопроса, и во свидѣтельство призываютъ какого-то малороссійскаго *мирошника* [мельника], который восхищался, читая или слушая сочиненія *Вощика*. Мало того: „С.-П. Вѣдомости“ рѣшились даже увѣрять насъ, малороссовъ, будто у насъ въ присутственныхъ мѣстахъ доселѣ не пишутъ бумаги на чистомъ общерусскомъ языкѣ, и будто наши уѣздныя училища «не владѣютъ общерусскимъ языкомъ.» Эта послѣдняя выходка, очевидно, позаимствована „С.-П. Вѣдомостями“ изъ знаменитой своимъ позоромъ книгѣ Шедо-Феротти: *Que fera-t-on de la Pologne?* [стр. 211]. — Знаменитый своимъ безславіемъ авторъ этой книги вотъ какъ говоритъ на указанной страницѣ: «пусть будутъ въ Украинѣ презрѣны законныя права обычаевъ и мѣстныхъ привычекъ, пусть вездѣ тамъ будетъ введено *московское* нарѣчіе въ судебныхъ мѣстахъ, въ школахъ и церквахъ, — и вы увидите результатъ діаметрально противоположный тому, какого надѣялись «Московскія Вѣдомости». Тогда въ „Вѣстникѣ Западной Россіи“ [см. октябрь 1864. отд. III. стр. 66] сказано было вотъ-что г-ну Шедо-Феротти; «ты-ты, навязанный! Що се вы блязкаете? Чи се вамъ приснилась такая брехня, чи вы сами выдумали ее? У насъ на Украинѣ, отъ дѣдовъ-прадѣдовъ; отъ роду-вѣку, по всѣмъ шко-

ламъ и судамъ читають и пишутъ по-московски.» Просимъ покорно и редакцію „С.-П. Вѣдомостей“ подѣлиться этимъ отвѣтомъ съ г-омъ Шедо-Ферроти, да въ добавокъ къ этому отвѣту, просимъ принять къ свѣдѣнію, что въ Малороссіи два-три молодые священника, будучи по неосторожности охвачены повѣтріемъ неразумнаго прогресса, осмѣлились-было сказать своимъ прихожанамъ одну-другую проповѣдь на новосочиненномъ Кулишомъ и Вовчекомъ украинскомъ нарѣчій; но прихожане [простые мужички] жаловались на нихъ, что они «смѣются надъ ними въ храмѣ Божіемъ, проповѣдуя слово Божіе на шинкарскомъ нарѣчій.» — Что вы на это скажете, почтеннѣйшая редакція „С.-П. Вѣдомостей“?...

Въ заключеніе своей передовой статьи, „С.-П. Вѣдомости“ говорить, что они «съ крайнимъ отвращеніемъ встрѣтятъ неизбежныя въ этомъ вопросѣ толки о сепаратизмѣ политическомъ, пущенныя «въ ходъ незнаніемъ, подозрѣніемъ и недобросовѣстностью.» — Слѣдующимъ успокоить г-на сочинителя передовой статьи, что мы, жители Малороссіи, принадлежащіе къ черниговскому земству, видимъ въ его статьѣ только крайнее невѣжество, которое въ этомъ случаѣ ничѣмъ нельзя извинить, но для котораго слишкомъ много было бы чести, если бы статья подозрѣвать его въ сепаратизмъ. Дѣло объясняется очень просто: «сапожникъ взялся печь пироги.» Но этотъ сапожникъ взялся за несвойственное ему занятіе не по собственному, кажется, желанію, но будучи безсознательнымъ орудіемъ другой движущей силы.

Вотъ ужъ этого нельзя сказать «учителю», который подписался подъ фельетономъ 93-го № „С.-П. Вѣдомостей“: «*педагогическое значеніе малорусскаго языка.*» Объ немъ нельзя сказать, чтобъ онъ дѣйствовалъ безсознательно, — напротивъ того, онъ резонерствуетъ, хотя не вездѣ съ соблюденіемъ логической послѣдовательности, но очень самоувѣренно, докторальнымъ, безъ-апелляционнымъ тономъ; только та бѣда въ его резонерствѣ, что все оно выходитъ у него съ ложной точки отправленія, а потому и все совершенно ложно.

Свою статью «учитель» начинаетъ слѣдующимъ великолѣпнымъ противорѣчіемъ здравой логикѣ: допустивши [*и весьма справедливо*], что «малороссійскій языкъ — вовсе не языкъ, а нарѣчіе и даже «разнорѣчіе, что между языкомъ, какимъ говоритъ народъ въ Киевской и Нижегородской губерніи, такая же разница, какъ между «нарѣчіемъ Нижегородской и Костромской губерніи», онъ дѣлаетъ слѣдующій наивный вопросъ: «если такъ слабо различіе малорус-

«скаго языка отъ великорусскаго, то для чего же пугаться образо-
«ванія народа на этомъ языкѣ, какъ зародыша нравственнаго се-
«паратизма, который въ свою очередь станетъ зародышемъ сепаратизма политическаго?» А намъ кажется, что несравненно логичнѣе было бы спросить такъ: то для чего же не учить южнорусскій народъ на этомъ нарѣчїи, которое такъ мало различается отъ великорусскаго языка? Лучше и рациональнѣе будетъ — учить и учиться на общерусскомъ языкѣ; а то вѣдь и востромцы и нижегородцы потребуютъ, пожалуй, чтобы въ ихъ школахъ обучали не на общерусскомъ языкѣ, но именно на востромскомъ и нижегородскомъ нарѣчїи. — Прикѣчаете ли вы, г. *учитель*, какъ вы прорвавшись противъ логики и даже противъ собственныхъ вашихъ тенденцій? Ну, да это ничего, — далѣе пойдетъ лучше.

Что каждая провинція въ каждомъ государствѣ можетъ имѣть и имѣеть свои мѣстныя особенности въ обычаяхъ, нравахъ и языкѣ, это всѣмъ извѣстно, и, при отсутствїи злонамѣренныхъ наставниковъ и учителей, эта мѣстная особенность вовсе не препятствуетъ тѣмъ провинціямъ чувствовать и сознавать себя частями одного и того-же народно-государственнаго организма. Эльзасецъ и нормандецъ обидѣлись бы, если бы ктонибудь назвалъ ихъ не французами, и если бы въ ихъ школахъ обученіе происходило не на французскомъ языкѣ, но на эльзаскомъ или нормандскомъ нарѣчїи. Время ступеневываетъ всѣ эти провинціальныя особенности, и онѣ, дѣлаясь достояніемъ археографин, не имѣютъ ничего обязательнаго для современности. У насъ хотятъ сдѣлать это совсѣмъ иначе. «*Учитель*», призвавши во свидѣтельство г. Костомарова съ его статью: «*Дѣя русскія народности*», доказываетъ, что «разница частей быта и разница психическая между великоруссомъ и малоруссомъ производятъ разницу частныхъ представленій, которая выражается въ употребленїи языкомъ великорусскимъ и малорусскимъ.» При всемъ усиліи «*учителя*» сказать этими словами что-то глубоко-ученое, онъ сказалъ самую обыкновенную и всѣмъ извѣстную истину, которая одинаково приложима къ разности каждой провинціи отъ другихъ провинцій одного и тогоже царства. Но — чтобы по причинѣ такой разности устроить для каждой провинціи особенную провинціальную грамотность на областномъ нарѣчїи и провинціальную литературу... это — воля ваша — означало бы или крайнее тупоуміе, или какую-то злоумышленность.

Послѣ авторитета Костомарова, «*учитель*» обратился къ филологамъ, и пресерьозно доказываетъ, что нѣкоторые русскія слова въ

устахъ южнорусскаго народа имѣютъ нѣсколько отличное значеніе, нежели въ устахъ великорусскаго народа, на примѣръ: *казать*, *пытать*, *зубить*, *жаловать*, *уступать*, *лупый*, *уродливый*, и т. п. Прежде всего надобно замѣтить, что такихъ словъ очень немного, едва ли наберется нѣсколько десятковъ. Но «учитель», на основаніи случайной разности значенія нѣкоторыхъ, весьма немногихъ словъ въ малорусскомъ нарѣчій отъ такихъ же словъ въ общерусскомъ языкѣ, утверждаетъ, что «учить малорусскаго мальчика первоначальному чтенію не по-малорусски — значитъ задавать ему двойной трудъ: учиться читать и заучивать чужія [?!?] слова», [т. е. *не чужія, но тѣ же самыя слова, только нѣсколько съ особеннымъ значеніемъ*]. — Приглашаемъ и ученыхъ филологовъ и всѣхъ вообще здравомыслящихъ людей рѣшить вопросъ: изъ-за немногихъ словъ, имѣющихъ въ устахъ малороссіянина нѣсколько различное значеніе, нежели въ устахъ сѣвернаго жителя Россіи, стоитъ ли выдумывать и формировать особенный южнорусскій языкъ, отдѣльный отъ великорусскаго или, правильнѣе сказать, отъ общерусскаго языка? Стоитъ ли требовать, а правильнѣе говоря, какъ можно требовать, чтобъ въ школахъ русскаго царства рускіе мальчики, родившіеся въ Черниговской, Полтавской, или Киевской губерніяхъ, были обучаемы не на общерусскомъ языкѣ, который они любятъ и называютъ *царскимъ*, но на отжившемъ свой вѣкъ униатско-польскомъ нарѣчій, которое давно уже исчезаетъ да же въ устахъ народа, но которое хотятъ насильно возстановить петербургскіе умники ??? Повторяемъ: такихъ русскіхъ словъ, которымъ малороссы даютъ другое значеніе, нежели какое значеніе дается въ другихъ областяхъ Россіи, очень немного. И сельскій учитель, при чтеніи съ учениками, весьма легко могъ бы изъяснять подобныя слова слѣдующимъ образомъ: «*казать*» у насъ [т. е. у южноруссовъ] значитъ *говорить*, или *показывать словомъ*, а на общерусскомъ языкѣ значитъ — *показывать на самомъ дѣлѣ, ставить лицомъ*; или, *жаловать* у насъ значитъ *любить*, а на общерусскомъ языкѣ означаетъ — *дарить, удостоивать кого-либо чѣмъ-либо*, напр., Государь Императоръ пожаловалъ О. И. Комисарову почетственное дворянство.

Чтобы своимъ филологическимъ доказательствамъ доставить полное торжество, «Учитель» сравниваетъ подлинныя рассказы Вовчка съ переводомъ ихъ на общерусскій языкъ и находитъ, что г. Тургеневъ во многихъ мѣстахъ своего перевода не могъ сохранить всей точности, свѣжести и выразительности подлинника. При

всемъ нашему уваженію къ талантамъ и трудолюбію г. Тургенева, мы и прежде удивлялись и теперь не скрываемъ удивленія, что онъ удостоился разсказъ Вовчка переводомъ (?) съ волгавско-идеальнаго языка на дѣйствительно-существующій общерусскій языкъ, и ничѣмъ другимъ не можемъ объяснить эту странность, какъ только тогдашнимъ новѣтріемъ всяческой эксцентричности, которое охватывало и многихъ умѣйшихъ и достойнѣйшихъ людей. Но—пожили— г. Тургеневъ не могъ съ точностью перевести нѣкоторые словъ и выраженія знаменитаго Вовчка,— что жъ изъ этого слѣдуетъ? Неужели слѣдуетъ то, что надобно языкъ, сочиненный Булинымъ, Вовчкомъ и К°, узаконить для употребленія въ народныхъ училищахъ югозападнаго края, между тѣмъ какъ тамошніе жители вовсе не знаютъ и не понимаютъ этого искусственнаго языка, и свою прежнюю уніатчину совершенно бросили, стараясь говорить на общерусскомъ царскомъ языкѣ? Филологическія доказательства «Учмисл» очень не удовлетворительны.

Угадайте же, читатели, изъ чего будетъ состоять курсъ ученія народнои школы, по разумѣнію «Учмисл»? Можетъ быть, вы думаете— изъ катихизиса, славянскаго чтенія, священной исторіи, и проч.? Напротивъ того! этимъ предметамъ священники да дьячки учать; а «Учмисл» убѣдился, что «бывшіе дьячковскіе ученики почти всегда читаютъ не понимая,— и ученика, новашаго отъ «дьячка въ болѣе-раціонально устроенную школу гораздо труднѣе «выучить толковому чтенію, чѣмъ нигдѣ неучившагося. А это происходитъ отъ того, что дьячки начинаютъ учить со славянскаго «чтенія.» Значитъ— прочь славянское чтеніе!... «Учмисл» утверждаетъ, что теперь уже признано всѣми здравомыслящими, что «нравственное развитіе въ школѣ достигается не заучиваніемъ сен-тенцій прописной морали (?), въ которыхъ искусственно прибираются разныя, болѣе или менѣе невѣроятныя (?) случаи, имѣющіе «доказать, что добродѣтель торжествуетъ, а пороки наказываются.» Въ этомъ отношеніи не нравится «Учмисл» и «Книга для чтенія въ народныя училища», изданная начальствомъ кievскаго учебнаго округа. По словамъ «Учителя», самыя лучшія статьи этой книги— «О крещеніи Руси въ Кіевѣ», «Кіевочерская Лавра», «Уніа», и стихотвореніе Хомякова: «Кіевъ», «имѣютъ связь съ южнорусскою мѣстностію только по названіямъ». Изъ этихъ словъ «Учмисл» видно, что Хомяковъ описывалъ совсѣмъ не тотъ Кіевъ, что стоитъ на правомъ берегу Днѣпра, потому что его стихотвореніе «только по названію имѣетъ связь съ мѣстностію кievскою.» И Лавра,

надо полагать, описана совѣмъ не кievская, и Умiя также описана какая-то другая... «Учитель» продолжаетъ: «почти всѣ литературныя статьи этой книги, за немногими исключенiями, составлены изъ отвлеченностей, въ родѣ истиннаго благодетiя.» Уже это неслучное благодетiе! Острою костью зашло оно въ горлѣ нѣкоторыхъ господъ!— Вмѣсто катихизиса и всего того, что напоминаетъ о благодетiи, «Учитель» рекомендуетъ образовывать учениковъ южнорусскихъ народныхъ школъ по малороссiйскимъ сказкамъ и пѣснямъ, именно указываетъ на сказки, помѣщенные въ *Замѣтокъ о Южной Россiи* [Кулиша], «на дѣлнй разсказъ такъ же о загробномъ мирѣ, представляющiй христьянскiя нравственныя идеи въ народныхъ образахъ, и на множество пѣсень, гдѣ представляются удивительно симпатическiя семейныя отношенiя.»— «Что не ясно выражено въ поэзи народа изустной, то можетъ быть восполнено разсказами М. Вовча. Къ сказанному слѣдуетъ прибавить о необходимости участiя народной поэзи въ религiозномъ и историческомъ образованiи народа. На примѣръ: южнорусская поэзи представляетъ понятiя о Богѣ, по своей чистотѣ и симпатичности, удивительно-близки къ евангельскимъ. А какъ въ Германiи, и отчасти у насъ, принято учить въ народныхъ школахъ, между прочимъ, и пѣнiю, то спрашивается [спрашиваетъ Учитель]: неужели малорусскимъ мальчикамъ нельзя будетъ въ школахъ пѣть своихъ пѣсень?» [На примѣръ: у сосѣда хата бѣла, у сосѣда жинка мила; а у мене ни катинки, нема счастья, нема жинки.... Ил: не ходи, Грицю, на вечерниці,— бо на вечерницахъ дѣвки чаровниці....]— Вотъ вамъ и весь курсъ ученiя для малорусскихъ дѣтей въ народныхъ училищахъ, по совѣту «Учителя!» Учите ихъ по малороссiйскимъ сказкамъ и пѣснямъ,— вотъ и все!

Фельетонъ свой оканчиваетъ «Учитель» слѣдующимъ образомъ: «резюмируемъ же мы все, сказанное нами о необходимости участiя народнаго языка и поэзи въ образованiи малорусскаго народа.» Мы считаемъ первоначальное обученiе малорусскихъ мальчиковъ на языкѣ великорусскомъ затруднительнымъ. Чтенiе въ малорусской школѣ должно быть по-малорусски. Наконецъ, что касается до матеріала для чтенiя, то, конечно, онъ долженъ быть взятъ возможно-болѣе изъ близкаго ученику міра; а такой матеріалъ даетъ теперь только народная словесность и близки къ ней произведенiя.» При этомъ случаѣ «Учитель» сожалѣетъ, что «*Оповіданья изъ святаго Писанья*» и «*Дѣцо [нѣчто] про свѣтъ Божiй*», соч. Св. Опатовича, остановлены [и слава Богу!] на первыхъ вы-

пускахъ. Вотъ вамъ и весь résumé «Учитель!» — Читатели видятъ изъ этого перечня слѣдующія заманистыя и неуклюжія требованія хохломанской партіи для народныхъ школъ югозападнаго края нашей Россіи: 1) возстановить въ этихъ школахъ употребленіе прежняго униатско-польскаго нарѣчія, которое малороссіянами уже почти совсѣмъ забыто, и отъ котораго они сами съ презрѣніемъ отвращаются, предпочитая говорить на *царскомъ* языкѣ, — общерусскомъ. 2) Не учить въ этихъ школахъ ни церковно-славянскому чтенію, ни чтенію на общерусскомъ языкѣ. 3) Не учить ни ватиканису, ни священной исторіи, но учить читать малороссійскія сказки и пѣсни, по руководству Кулиша, Вовчка и другихъ непрошенныхъ, подобныхъ опекуновъ народа. 4) вмѣсто церковнаго пѣнія, учить дѣтей пѣть малороссійскія пѣсни... Передаемъ эти зловредныя затѣи рынныхъ хохломановъ суду общественнаго мнѣнія Россіи; а сами, чѣмъ начали эту статью, тѣмъ же и окончиваемъ: quousque tandem, chochlomani, abutemini patientia nostra?....

Одинъ изъ черниговскаго земства.

7-го мая
1866.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

«Одинъ изъ черниговскаго земства» не вполне исчерпалъ полезность сотрудниковъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Это не удивительно: софизмы послѣднихъ такъ вѣтвисты и такъ коренасты, что всѣхъ ихъ отразу и не подмѣтишь, за всѣми не угонаешься. Досаждемъ кратко не досказанное «Однимъ изъ черниговскаго земства.»

1) Одинъ изъ сотрудниковъ С.-П. Вѣдомостей говоритъ, что народъ «не хочетъ учиться на мужицкомъ (эпитетъ сотрудника или народа) нарѣчіи, а желаетъ, чтобъ ихъ учили царскому языку.» Если такъ, то кого же будутъ обучать на мѣстномъ нарѣчіи? конечно, дѣтей простого народа. Какъ же это, когда самъ народъ-то этого и не желаетъ? Вѣроятно «земство,» или точнѣе — боноводы украино или гетмано-фильской партіи употребятъ насилія или интригу: другихъ средствъ — навязать народу то, что онъ отвергаетъ, нѣтъ и быть не можетъ. Вотъ вамъ и прогрессъ, гуманность, либерализмъ, «народолюбіе,» которыми драпируются обыкновенно люди, бредящіе украинскими утопіями.

Такъ проговорился одинъ только панъ болѣ ловкій, или болѣ неосторожный; всѣ другіе упорно твердятъ, что желаніе обьособленія, или, покрайнѣй мѣрѣ, олитературенья малорусскаго просторѣчья есть «всеобъемлющее» (*) желаніе народа. Этимъ господамъ мы сказали такъ много на эту тему, что теперъ совѣстно повторять зады. Клевета на добрый, смышленный, неповинный народъ была такъ очевидна и безчестна, что даже одинъ изъ тойже партіи—волей не волей—заявляетъ теперъ, что народъ хочетъ учиться «царскому языку», а если окажутся еще упорствующіе въ противномъ заблужденіи, мы поставимъ ихъ лицомъ къ лицу съ оклеветаннымъ ими народомъ, и сей послѣдній приметъ ихъ весьма недружелюбно, а во всякомъ случаѣ не откажется, по указанію нужды, заявить свое мнѣніе по этому предмету путемъ печати народныхъ адрессовъ. Такая мѣра, конечно, поведетъ и къ раздѣлкѣ съ тѣми, которые вынудятъ ее. Иначе конца не будетъ этимъ бреднямъ разными утопіями, національностями, сепераціями, федераціями и всяческими политическими затѣями и диссонансами.

2) Авторъ передовой статьи 93 № С.-П. Вѣдомостей хочетъ увѣрить насъ, что мы (и другіе) «не желаемъ допустить въ школы южнорусскій языкъ (т. е. нарѣчіе) отъ наивнаго незнанія дѣла, отъ излишней боязливости за то, на что, *право*, никто не можетъ и не хочетъ посягать.» Вся сила рѣчи, весь аргументъ этой тирады заключается въ словѣ «*право*,» написанномъ нами, по этому случаю, курсивомъ. Покрайней мѣрѣ другой точки опоры для невинности украино-фильской затѣи, для обвиненія насъ въ наивномъ незнаніи дѣла, никогда и никѣмъ незаявлено. Говорили, правда, что украино-фильскія замашки имѣютъ въ виду реакцію латинопольской пропагандѣ; но мы положительно доказали, что цѣль этихъ замашекъ рѣшительно—противоположная, что осуществленіемъ хохломанскихъ притязаній также можно реагировать латинополонизму, какъ спиртомъ тушить пожаръ. Говорили еще, что малорусскій народъ почти одинъ разметалъ и затопталъ югозападную польскую крамолу, не поддався ни на какую приманку; но мы, въ свою очередь, много разъ сказали и доказали, что мыслей и желаній малорусскаго народа не надо смѣшивать въ мыслями и желаніями малорусскихъ революціонеровъ, что первый самъ по себѣ, а послѣдніе сами по себѣ, что ни одинъ, *рѣшительно ни одинъ*,

(*) Терминъ, употребленный въ томъ же смыслѣ и такъ же должно въ известномъ адрессѣ подольской шляхты.

изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ (а намъ всѣ они извѣстны) хохломановъ, ни однимъ словомъ, ни однимъ движеніемъ вальца, не заявилъ своей реакціи польскимъ бунтамъ. Вы хотите зажать намъ ротъ увѣреніемъ кого слѣдуетъ, въ нашей некомпетентности, въ «наибномъ незнаніи дѣла;» да полно такъ ли?! Вы сами, ни въ томъ увѣрени, — чувствуете въ своей душѣ нелѣдность этого извѣрота, вы сами знаете, что дѣло ваше, до самыхъ микроскопическихъ его атомовъ, мы знаемъ едва ли нелучше васъ самихъ. Назадъ тому два-три года, мы представили вамъ такіе образчики знанія, что вы не посмѣли упрекать насъ въ незнаніи, что вы замолчали и замолчали надолго. Теперь, когда вамъ вообразилось, что все сказанное [нами противъ хохломановъ забыто, вы принялись за старое и начали бомбардировку изъ бывшей резиденціи «Stowa» и «Основы», какъ изъ такого пункта, въ которомъ раздадутся вслѣдствіе выстрѣлы. Надѣмся вы не будете болѣе упорствовать во осуществленіи вашихъ стремленій, въ убавкиваньи себя и обманѣ другихъ незнаніемъ нами дѣла. Вамъ можетъ быть легко обмануть другихъ, но насъ очень трудно, намъ легко приподнять забрала подъ которыми вы такъ удобно скрываете свои приемы. А то, что вы называете, по принятому у васъ обычаю, доносомъ (смотри № 93 С.-Пет. Вѣд.), мы назовемъ исполненіемъ долга чести и присяги.

3) «Учитель» захотѣлъ поставить вопросъ на точкѣ филологическо-педагогической; эта попытка осталась также неудачною. Все, что сказалъ въ фельетонѣ 93 № С.-П. Вѣдомостей украинифиль, затавннійся до барашковой шапки мантии «Учителя», разметано въ щепы, назадъ тому два три года, въ разныхъ статьяхъ Вѣстника. Предоставляя ему право прочесть все сказанное въ этихъ статьяхъ, мы теперь только столкнемъ нѣсколько его сентенцій самихъ съ собою и выведемъ изъ этого сопоставленія нѣсколько заключеній.

Г. «Учитель» говоритъ сначала, что между языкомъ (такъ его называетъ «Учитель») малорусскимъ и великорусскимъ (т. е. русскимъ) весьма слабое различіе. Эту обмолвку «Учителя» весьма ловко подмѣтилъ «Одинъ изъ черниговскаго земства» и сказалъ на счетъ ея то, что уже знаютъ читатели. Но тотъ же самый «Учитель», который нашель между русскимъ языкомъ и малорусскимъ нарѣчіемъ такое же различіе, какое существуетъ между на-

рѣчями Нижегородской и Костромской губерніи, чрезъ нѣсколько стронъ, какъ ни въ чемъ не бывало, напелъ между ними такъ много разниды, что русскій языкъ для малоросса дѣлается чуть не китайскимъ, и что на русскомъ языкѣ потому, дескать, нельзя обучать дѣтя, что оно ничего не пойметъ изъ преподаваемаго. Чему тутъ вѣрить—сходству или различію языка съ нарѣчіемъ? Но допустить различіе, безъ котораго, въ самомъ дѣлѣ, немислима нужда въ отдѣльномъ существованіи нарѣчія, преподаванію его въ школѣ и проч., и на которое такъ сильно напиралъ г. «Учитель». Что-жъ изъ этого слѣдуетъ? Не больше (отнюдь не больше) того, что, при обученіи, непонятное слово русское надобно пояснить словомъ, заимствованнымъ изъ нарѣчія, если въ семъ послѣднемъ есть пригодный для того терминъ. Это *есм* играетъ въ предъидущей фразѣ весьма важную роль, потому что малорусское просторѣчіе, какъ говоръ народа, стоящаго на низкой ступени умственного развитія, вовсе лишено словъ научныхъ, техническихъ терминовъ, выражающихъ отвлеченныя понятія, касающіяся разныхъ знаній и проч. Всячески, изъ того, что дѣтямъ Малороссіи не понятны нѣкоторыя слова русскія не слѣдуетъ, что этихъ дѣтей нужно обучать на просторѣчьи ихъ околицы, а не на общерусскомъ языкѣ ихъ отечества; иначе въ заключеніи будетъ слишкомъ больше чѣмъ въ посылкахъ, а для учителя немножко стыдливо не умѣть построить правильнаго умозаключенія.

Но г. «Учитель» такъ снисходителенъ, что не изгоняетъ вовсе изъ употребленія въ школѣ языка русскаго, а только лишь желаетъ, чтобы первоначальное ученіе шло на мѣстномъ просторѣчьи; жаль только, что онъ не объясняетъ намъ эпохи, когда обученіе на провинціальномъ нарѣчьи должно кончиться и что такое будетъ въ этой педагогикѣ значить языкъ Россіи? Если онъ не будетъ языкомъ учебнымъ, то вѣроятно онъ будетъ преподаваться только, какъ языкъ—и даже, какъ языкъ иностранный.

Даже, если первоначальное обученіе должно идти на мѣстномъ нарѣчьи въ видахъ уясненія изучаемыхъ предметовъ и подготовленія къ изученію русскаго языка, то отчего эти предметы и непонятное въ русскомъ языкѣ сдѣлается понятнѣе отъ обученія на мѣстномъ просторѣчьи *сперва*, а *не послѣ*? Не лучше ли вмѣсто этой двойной работы распорядиться обученіемъ такъ, чтобы языкъ Россіи, языкъ русской исторіи, письменности, законодательства, администраціи былъ языкомъ учебнымъ въ русскихъ учебныхъ заве-

деніяхъ, а нарѣчіе являлось бы къ нему изрѣдка на подмогу, какъ толмачъ тѣхъ, весьма немногихъ, словъ и выраженій, которыя могутъ быть непонятны для дитяти. Польскій языкъ безконечно болѣе разнится отъ русскаго, чѣмъ малорусское нарѣчіе, однакожь преподаются покаякамъ въ школахъ предметы на русскомъ языкѣ. Намъ кажется, г. «Учитель», что объ этомъ предметѣ такъ долженъ разсуждать всякій, кого не сбиваетъ съ пути истинны издрваго смысла предвзятая мысль или упорство.

Но, къ чему намъ съ вами, украинофилы, выходить на арену научныхъ прѣвій, когда затѣя ваша, очевидно, только маскируется педагогико-философической драпировкой предъ простодушными зрителями! Растолкуйте намъ, господа, отчего это вы начинаете трактовать объ обособленіи языка и малорусской литературы тогда только, когда горизонтъ политическій затемняется недоразумѣніями, далеко не филологическими? Отчего это *III.* и *K^o* пригоняли свою «*сорохобню*» къ венгерско-польской революціи 1846—48 года; отчего это всяческія ваши затѣи и манифестаціи совпали съ затѣями и манифестаціями польскими 1862 года; отчего это и теперь вы принялись за старыя бредни на канунѣ европейской рѣзни, въ эпоху раздающагося еще доселѣ въ ушахъ и сердцахъ людей русскихъ выстрѣла? Отчего?....

Мы знаемъ, отчего, вы тоже знаете; между нами нѣтъ секретовъ. Назадъ тому около трехъ лѣтъ мы разбили васъ вездѣ, даже и тогда, когда вы прятались въ трущобы недомолвокъ и таинственностей. Мы объяснили значеніе вашей «Основы», когда вы бѣжали въ Галицію, мы указали характеръ вашей «Меты»; кудажь вы убѣжите теперь, когда мы заговоримъ съ вами еще откровеннѣе?.....

IV.

„ПРЕДЪ МЯТЕЖОМЪ.“

ДРАМА ВЪ 4-ХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

(Дѣйствіе происходитъ въ уездномъ городкѣ западной Россіи).

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Петръ Петровичъ Дубовакинъ — врачъ, лѣтъ 25, недавно пріѣхавшій на службу въ Западную Россію.

Кузьма — его лакей, лѣтъ 40, изъ малоруссовъ, холостякъ.

Полосатниковъ — военный врачъ, лѣтъ 30, сокашникъ Дубовакина.

Фройма — оборванный жидъ, лѣтъ 50, немѣющій опредѣленнаго занятія.

Голда — дочь Фройма, 19 лѣтъ.

Двѣ жидовки.

Нѣсколько жидовъ.

Пани Джипшиньская — старуха, шляхтянка, овдовѣвшая лѣтъ 15 назадъ.

Антося — дочь ея, лѣтъ 22.

Зузулинъ — молодой учитель мѣстной Гимизіи, 27 лѣтъ.

Исправникъ — почтенный старикъ, лѣтъ 60-ти.

Стряпчій — лѣтъ 32.

Шлеменъ — смотритель мѣстнаго еврейскаго училища, 35 лѣтъ.

Ксвндзъ Игнацій — толстый господинъ, 40 лѣтъ, охотникъ до рюмочекъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Сцена представляет большую комнату въ деревянномъ домѣ. Потолокъ увѣшанъ на сводахъ (*). Возлѣ правой боковой двери, въ углу, крестный белорусскій камень. На стѣнахъ висятъ старыя почерганные портреты. Возлѣ одной стѣны стоитъ простой желтый диванъ и предъ нимъ такой же столъ на одной ногѣ. Въ одномъ углу комнаты—кровать, всторонѣ чемоданъ, возлѣ него табуретъ, на которомъ стоитъ самоваръ. Дубованинъ сидитъ на диванѣ и читаетъ газету.

ЯВЛЕНІЕ 1.

ДУВОВАНИНЪ *(про себя)*.

И все не то я вижу, что говорили мнѣ.... Гдѣ же тутъ Русь?... гдѣ православіе?... Тыфу, красной патриотизмъ. *(Въ это время слышны за дощатою стальною женскіи волосы, натирающіи по-польски)*. Ахъ, какъ обворожительно постъ моя сосѣдка! Дай-ка, загляну въ щелку: такова ли она въ комнатѣ, какою я видѣлъ ее на улицѣ? *(глядитъ)*. Ухъ! духъ замираетъ, какъ хороша, какъ граціозна! *(Отворачивается и подымаетъ палецъ къверху)*. О, да это и въ любой столицѣ была бы не послѣднею красавицей! *(Розтѣкась)*. Право, всѣ врутъ.... *(съ увлеченіемъ)* всѣ врутъ: и Говорскій и Эремичъ, и Катковъ и Леонтьевъ, и Аксаковъ, и Аскочкенскій и вся ихъ банда героевъ „пракобрѣсія.“ Это *(сорячится)*, наконецъ, даже нѣско.... Поляки нѣкогда наши сосѣди и только....

ЯВЛЕНІЕ 2.

(Входитъ Фроимъ, робко отворяя двери и низко кланаясь; за нимъ вылаживаютъ еще нѣсколько жидовъ и жидовокъ).

ФРОИМЪ.

Васе високоблагородіе! Мамъ интересъ до васега високоблагородія.

ДУВОВАНИНЪ.

Входи, входи! Что нужно?

ФРОИМЪ *(съ ужасами и поклонами)*.

Моя курка дуже хороа ость, мамъ добредѣню!

(*). Они называются еще катиданн.

ДУБОВАКИНЪ.

Что такое?

ФРОЙНЪ.

Моя, знають, доцка больна больша, васа високоблагородіе!

ДУБОВАКИНЪ.

Ты некивасишь по-русски?

ФРОЙНЪ (*испулавшись, лукаво поправляетъ пейсы*).

Мы не уміемъ ни по-польски, ни по-русски.... Мы, знають, говоримъ хлопскимъ снзыномъ, егомость. У насъ е учены зиди. Вони хоросе умѣють по-русску....

ДУБОВАКИНЪ (*хитро*).

Во?... цурка?

ФРОЙНЪ (*перемтываетъ токъ, засыпая дробью*).

Ена, пана добродѣю, барво хора есть.... Ена на горенцку и главу цѣнжку и вниско такъ згѣ, такъ згѣ.... Боды паньска ласка—прошу зобачиць. (*Входитъ Голда*).

Я В Л Е Н І Е 3.

ДУБОВАКИНЪ (*про себя*).

Гм.... недурна (*Къ ней*). Что у тебя? Дай руку, покажи языкъ.

Г О Л Д А.

Вниско болеть, вниско....

ДУБОВАКИНЪ (*хитро*).

Что-сь?

ФРОЙНЪ (*во все это время находится въ раздумьи, касательно національности Дубовакина*).

Вона, вона зовсимъ нездорова и больна....

ДУБОВАКИНЪ.

Ничего,—пройдетъ. Это простуда. Пусть напьется малины. Пока и все.

ФРОЙНЪ.

Покорно благодарю, васа високоблагородіе. (*съ ужасками*). Боли милость васа, то у мене есть хворий дядьво. (*Въ это время глазитъ дядько; за нимъ еще дѣтъ женщины. Дубовакинъ видитъ ихъ. Они стоятъ, понуря голову и съ кислыми физиономіями*).

Я В Л Е Н І Е 4.

Ф р о й м ъ

(Вынимаетъ изъ за-пазухи бумажку и подаетъ доктору).

Васе.... васе высокоблагородіе! Зобацте, коли милость вася....

Д у в о в а к и н ъ *(беретъ).*

Что это за рецептъ? *(читаетъ глазами).* Ну, да.... и это хорошо.... Зачѣмъ же ты пришелъ ко мнѣ? Вѣдь тебѣ рецептъ прописалъ?

Ф р о й м ъ *(со вѣвзможными ужасками).*

Гмъ.... гм.... Воно такъ, тоцно такъ, васе высокоблагородіе!
(Беретъ рецептъ).

Д у в о в а к и н ъ.

Э, да ты, видно, большой чудакъ.... Вѣрно всѣхъ медиковъ обѣгалъ съ этимъ рецептомъ?...

Ф р о й м ъ.

Ни, только до васего высокоблагородіа.

Д у в о в а к и н ъ *(оборачивается къ жидамъ).*

А это кто? Что вамъ нужно?

(Жиды низко кланяются).

Ф р о й м ъ.

Вона, баццте, моя жона, а то друга дочка, Онѣ всѣ больніи и теперъ мы усѣ присли до васъ.

Д у в о в а к и н ъ.

Что у васъ?

Жиды *(въ одинъ голосъ).*

У мене зембы боляць, у мене они, у мене зембы....

Д у в о в а к и н ъ *(переходя отъ одного къ другимъ).*

Ну, ты поставь здѣсь пъявекъ, а ты вотъ здѣсь — мушку.
Ступайте! надобли...

Ф р о й м ъ.

А мозе милость вася — у мене есть хворый ойтоць и хворый сосѣдъ...

Д у в о в а к и н ъ.

Убирайтесь! Нѣтъ мнѣ времени.

Ф р о й м ъ.

Ви такой добрый, такой добрый, сто всѣ нагѣнныи кохаютъ пана.....

ДУВОВАКИНЪ (сз любопытствомъ):

Что — паненки ?

Ф р о й м ъ .

Все паненки хвалятъ васе высокоблагородіе.

ДУВОВАКИНЪ .

Вотъ какъ?! Я думалъ, что въ полгода.... меня еще не узнали....

Ф р о й м ъ .

Ой, вей, якъ хвалятъ!

Я В Л Е Н І Е 5 .

(Входитъ Полосатниковъ, жиды пятятся назадъ и уходятъ).

Полосатниковъ .

Здравствуй, о юноше, здравствуй! Ба! да у тебя сколько этихъ ободранцевъ! Ха, ха, ха. Фроймъ со чады, домочадцами и сосѣдами своими! Ха, ха, ха! Вотъ куда пруть! Представь себѣ, они сейчасъ были у меня. По заведенному порядку стали унижаться; потомъ началось дѣченье изъ одной цурочки.... вдругъ!...

ДУВОВАКИНЪ .

Ха, ха, ха! точь - вточь все это повторилось у меня съ прибавкою, развѣ, экзамена въ моей національности. Да чего они пришли ума не приложу. Вѣдь ты далъ имъ совѣтъ?

Полосатниковъ .

Какъ же. А когда они показали мнѣ рецептъ городского врача, то я ихъ просто спровадилъ. Что за удивительное племя! Э, да они уже ушлелись, и хорошо. Побесѣдуемъ. Что это ты не показываешься никуда? Эй, смотри, чтобы тебя ляхи не сбили съ толку! Они на это мастера!

ДУВОВАКИНЪ (садится).

Гм... гм.... Они ищутъ возрожденія и освобожденія.

Полосатниковъ .

Полно, братъ, молоть - то вздоръ! Вотъ я тоже былъ такихъ высокогуманныхъ взглядовъ, какъ пожилъ въ Питерѣ. А теперь, слава Богу, туманъ прошелъ. Мужики, братъ, здѣсь главное, а не эти паны, здѣшніе баши-бузуки!.... Да и паны-то все

ромсаты. Праднн нкъ блнн православное, онн же что? Онн просто, съ позволсннн сказатъ, драмь.

Д У В О В А К И Н Ъ .

Какъ?! Передовое сословіе! Гдѣ же послѣ этого прогрессъ!

Полосатниковъ *(берется за животъ)*.

Ха, ха, ха, ха, ха, ха! Охъ, укорилъ Пета! Ну, такъ и видно, чего ты вычитался. Ха, ха, ха. Шутки въ сторону: ты выкинь эту дурь изъ головы. Она не приведетъ къ добру. Знаешь ли хорошо эти бредни!

Д У В О В А К И Н Ъ *(обидясь)*.

Это, батюшка, выстраданное убѣжденіе, а не дурь, не бредни. Не извольте такъ легко относиться!....

Полосатниковъ *(оставая)*.

Представляешь ты, о южнне, комедію съ хвостомъ и только. Ну, прощай.

Д У В О В А К И Н Ъ *(прощаясь)*.

Прощай...

П О Л О С А Т Н И К О В Ъ .

Почему ты не бываешь у Зузудина? Охъ, хоть и математикъ, а добрая душа. Ты знаешь я не люблю ни математики, ни математиковъ, а его полюбилъ. Ну, прощай. *(Уходитъ)*.

Д У В О В А К И Н Ъ .

Эхъ, вы патриоты! Давно ли самъ былъ за поляковъ?! А теперь—вннть!... Вамъ бы сотрудничать въ „Домашней Весѣдѣ!“ Васъ ломитъ жизнь и ея пошлости.

Я В Л Е Н І Е 6.

(Входитъ Кузьма).

К У З Ъ М А .

Петръ Петровичъ! Чортова ляхва не дастъ покою: все бранитъ меня москалемъ, да еще какинъ то инкоментынъ. Еще бы надѣвались только надъ нашимъ братомъ, чортъ васъ берн! А те и вѣру такъ бранятъ, что я слушалъ—слушалъ, да....

Д У В О В А К И Н Ъ *(недовоально)*.

Что?

Кузьма *(нерпнительно)*.

И... и... заѣхалъ на зубань. Ей Богу же въ терѣзъ....
Петръ Петровичъ....

ДУВОВАКИНЪ (*вспрынулъ со стула*).

Какъ! что? Ссумасшедшій! Что ты надѣлалъ? О, Боже, что за новѣжество! Нѣтъ, ты будешь за это наказанъ! Да, какъ ты смѣлъ!... Да я, знаешь, велю тебя выпороть.... Ахъ, ты чурбанъ неотесанный!

КУЗЬМА (*примирительно*).

Да я только разъ, одинъ только разъ ударилъ бузару.

ДУВОВАКИНЪ.

Молчать! Ты хотѣлъ бы еще?! Ты меня обранилъ предъ хозяйками! Вонъ!... нѣтъ, ступай, извинись предъ хозяйкою....
(*Кузьма уходитъ*). Нѣтъ, постой, постой... я самъ объяснюсь.
(*Уходитъ. Кузьма про себя, пожимая головою есмь барину*).

Я В Л Е Н І Е 7.

КУЗЬМА.

Чудачекъ, ваше благородіе! Кажись парень и ничего - себѣ, а за ляхву стоитъ! Каролина бранится на чемъ свѣтъ стоитъ, а я буду молчать! Какъ бы не такъ! Кузьма дуракъ — дуракъ, а онъ все знаетъ, что на утѣ у этой проклятой паненъки (*показываетъ на хозяйскую стѣну*). Еге, да! она хочетъ женихаться съ барининой... Надѣнетъ черное платье, будто по мертвому, блюза въ землю, и будто пава идетъ мимо наннхъ окошекъ, держа книжечку въ рукѣ. Знай наннхъ! Сей ликирь и добрый человекъ, а кто его знаетъ....

Я В Л Е Н І Е 8.

ДУВОВАКИНЪ (*елетаетъ*).

Кузьма! Кузьма! (*про себя, въ раздумьи*). Нѣтъ.... иди просить прощенья.... Иди.... мнѣ совѣстно за тебя, за себя.... иди.

КУЗЬМА (*недовольно*).

Иду. (*Уходитъ*).

ДУВОВАКИНЪ (*волнуясь*).

Нѣтъ, не вынесу! Не могу вынести этого (*разныжась*). Что за много семейство! И чѣмъ они виноваты?... О, Боже! это жестоко! Гдѣ же гуманность, гдѣ нашъ прогрессъ? И мы считаемъ себя цивилизованными!.... Нѣтъ, мы просто басурманн этаки!

(*Бьютъ часы*): Ахъ, звали къ больному.... Очень опасеть.... Обѣщаль на консилиумъ. (*надъваетъ пальто*).... Да хороши мы! (*Уходитъ*).

(*Входитъ Кузьма*).

ЯВЛЕНИЕ 9.

Кузьма (*комично*).

Ну, раздобрилась пани хозяйка! Я, говорить, не ивию на тебя никакой кши — пши.... пши.... Чортъ одинъ разбере, что вона сказала—пши... (*обращаясь къ публикѣ*). Ну, слово мое свято: ей же ей онѣ ловять моего барына. Паненка все предъ зеркаломъ поправляетъ свою морду и такъ и сякъ. (*Дѣлаетъ гримасы*). А что сегодня говорила матка дочкѣ?! Я, знаете, пошелъ просить прощенія, „прости — дескать — моя мама за то, що ты же мене побила.“ Пришелъ къ дверямъ и слышу: „ты, цурка, говорить, должна поймать дурнаго москалька! Хочь онѣ и москалень, а на службѣ находится... И жалованіе беретъ и званіе, ну и прочее тому подобное.... Ну, ляхва, ляхва! Задалъ бы я вамъ перцу съ макомъ, а цыбули съ постарякомъ! (*Съ омерзеніемъ*). Тьфу!... (*Зановтъ опускается*).

Конецъ перваго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена представляетъ комнату, подобную той, которая была въ первомъ дѣйствіи; но съ такими особенностями: противъ зрителей дворъ, а по сторонамъ ея въ углахъ простыми ширмами отгорожены постели. Занавѣски у оконъ двухъ цвѣтовъ: одна половинка черная, а другая—бѣлая. На стѣнахъ, въ разныхъ мѣстахъ, висятъ вѣточки изъ засушенныхъ травъ и цвѣтовъ. Пани Бжицшинская, вся въ траурѣ, сидитъ у окна и мотаетъ нитки. Антося, тоже вся въ глубокомъ траурѣ, сидитъ на стулѣ и смотритъ въ книгу.

ЯВЛЕНИЕ 1.

ПАНИ БЖИЦШИНСКАЯ (*вздыхая*).

Ой, лайдаки, лайдаки! пся кровъ.... (*Падаеть клубокъ, она подымаетъ и ворчитъ*). Теразь пшекленте москаля тего наробили, цо нигдѣ не споткаешь кавалка хлѣба.... Дьяблы....

А н т о с я.

О, мамо, мамо! Трошечки почевай.... (*Хохочетъ*). Бендѣ кавалекъ хлѣба.... Ха, ха, ха....

П. ВЖИШИНСКАЯ.

Нехъ тылько поможе Панъ-Бугъ и Найсвѣтша Матка! (*Падаетъ клубокъ, она подымаетъ*). Цо то таке? Впшество пада,... чи не шийдзе кто колывѣкъ въ гостця?...

А н т о с я.

А панъ докторъ?! А, дурень, дурень нашъ младый сонсядъ!.. (*подумаетъ*). Ежели мамо, хцѣшь.... (*тонувъ полой*) впшеско бендзе по моему.... И панъ докторъ бендзе шуй кавалеръ?...

П. ВЖИШИНСКАЯ.

Запробуй, запробуй, дуречко!

Антося (*подбѣгаетъ къ зеркалу, оправляется и дѣлаетъ всевозможныя кокетливыя мины*).

Слово гонору дае, же бендзе такъ....

П. ВЖИШИНСКАЯ.

Запробуй, запробуй! Нехъ Панъ-Бугъ помага! Москаль завше дьябелъ: ему вольно робиць впшество.

Антося (*садится и дѣлаетъ разныя кокетливыя положенія*).

Ха, ха, ха! Мамуня! Такъ добже? а такъ?...

П. ВЖИШИНСКАЯ (*нѣжно*).

Добже, добже, моя вохана! добже.

(*Антося подбѣгаетъ къ матери и цѣлуетъ ея руку. За сценой слышенъ голосъ Дубовакина: „Они дома? Это хорошо.“ Антося, какъ мышь кинулась на свое мѣсто и взяла книгу*).

ЯВЛЕНІЕ 2.

Входитъ Дубовакинъ.

ДУБОВАКИНЪ.

Здравствуйте, здравствуйте, дорогія хозяйшки! Какъ поживаете?

(*П. Вжишинская указываетъ на стулъ и продолжаетъ мотать*).

Проше.

Антося (*сухо*).

День добрый! (*смотритъ въ книгу*).

ДУБОВАКИНЪ (*подходя къ Антосѣ*).

Что это читаете Антошино.... Антошино.... — право не знаю, какъ по-отчеству?

Антося (глядя въ окно).

Цо?... (сухо). У насъ нема тего....

ДУВОВАКИНЪ.

Что читаете?

А н т о с я.

А ниць.... „Литовске Господине,“ т. е. Вухарку.

ДУВОВАКИНЪ (зажмаетъ папироску).

Право, интересно знать, какъ приготовляются польскія кушаны. (Папироска гаснетъ. Онъ снова зажмаетъ).

А н т о с я.

Беды панъ научиса читаць по-польску, то бендзе знать....

ДУВОВАКИНЪ.

Пожалуста, пожалуста, научите! Польская литература, говорить, очень богата.... Ради Бога научите!

Антося (ласково).

Для чего-жь — можно!

ДУВОВАКИНЪ.

Сдѣлайте одолженіе. Вотъ будемъ читать эту книгу. Пожалуста, научите! (Нужно глядя въ глаза Антося). Можетъ быть, вы дорого цѣните ваши уроки? а?...

Антося (томно).

А ниць, ниць! проше сядаць! (шутливо угроза пальцемъ).
Проше трошечки цѣрливосци....

(Дубовакинъ садится рядомъ съ нею).

ДУВОВАКИНЪ.

Ну—съ. Начнемъ съ заглавія книги.

Антося (немного отодвигаясь).

Добже, добже.

(П. Бжипшинская, домотавъ клубокъ, уходитъ изъ комнаты съ язвительною улыбкою).

ЯВЛЕНІЕ 3.

ДУВОВАКИНЪ (пылая).

Я близорукъ. Позвольте ближе смотръть въ книгу. Ну, вотъ такъ. (Читаетъ). Ли-тов-ская.... го.... право, не беру.

Антося (*тоже всматриваясь въ книгу*).

Ха, ха, ха, Литевска Господня уложена....

Дубовакинъ (*прерывистымъ отъ волненія голосомъ*).

Какъ?... какъ?... покажите.

(*Антося встаетъ съ мѣста и приноситъ изъ другого угла букварь*).

А н т о с я.

ЛѢПѢЙ съ абецедла (*останавливается*). На цо пану польскій ензыкъ? Панъ... панъ не полякъ ...

Д у б о в а к и н ъ.

Это не мѣшаетъ мнѣ уважать поляковъ за ихъ патриотизмъ. Они народъ.... да (*Задыхаясь*). Они.... ну, будемъ читать, будемъ учиться.... (*салятся рядомъ*).

Антося (*улыбаясь*).

Проще мувиць — А.

Д у б о в а к и н ъ.

А.

А н т о с я.

В.

Д у б о в а к и н ъ.

В.

А н т о с я.

С.

Д у б о в а к и н ъ.

Какъ вы сказали?

Антося (*приближаетъ лицо къ книгѣ*).

Прошу читаць — С.

(*Дубовакинъ съ жаромъ цѣлуетъ ее въ щеку. Антося вспрыскиваетъ*).

А н т о с я.

Цо?! цо таке! варьятъ! Галганъ!...

(*Въ эту минуту входитъ П. Бжипшинская, Антося уходитъ*).

Я В Л Е Н І Е 4.

Д у б о в а к и н ъ (*меловко*).

Что это вы все сами по хозяйству, все сами....

П. Б ж и п ш и н с к а я.

Теразь кепске часы настомпили.

ДУВОВАЖИИЪ (раскланивается).

Прощайте.... Пора къ больному.... Прощайте... (Уходитъ).

П. ВЖИШНИНСКАЯ (сухо).

До виденія.

(Вбѣгаетъ Антося и бьетъ въ ладоши).

Я В Л Е Н І Е 5.

А н т о с я .

А цо, мамо, а цо, мамуня моя! Почекай, пань, почекай!...

П. ВЖИШНИНСКАЯ.

Хи, хе, хе! Добже, добже! Тшеба испь до всендза....

Антося (торжествуя).

Добже, мамо, добже.

(П. Вжипшинская надѣваетъ бѣлый котуръ съ черною вуалью, салонъ съ плерезами, беретъ четки, бормочетъ что-то и уходитъ).

Я В Л Е Н І Е 6.

Антося (ходитъ переваливаясь на стороны и прищелкиваетъ пальцами).

Ну, москаликъ, бендзешь монжъ хлопощъ! Далибугъ бендзешь!... Для мне вшиетко едно.... Монжъ москаль, абы тыльго кохаль.. и пейвнды... (Входитъ Кузьма).

Я В Л Е Н І Е 7.

Б у з ь и а .

Здравствуйте! Баринъ здѣсь?

А н т о с я .

Нѣтъ, ушелъ.

Б у з ь и а .

Давно ли? За ними прислали.

А н т о с я .

Недавно.... А что, гдѣ твой пань часто бываетъ? У паньства Тутуковскыхъ бываетъ? А у Чешевичей? Вѣрно часто бываетъ у Загоржинскихъ? Да, да? Тамъ есть вѣдь хорошия барышни?

Кузьма (почесывая затылокъ).

Все бы рассказалъ, да не скажу!...

А н т о с я (*съ мобоытствомъ*).

Для чего не скажешь Кузьма? Скажи, дружочекъ! Онъ вѣрно бываетъ часто у Загоржннскихъ? Такъ? бываетъ!...

К у з ь м а (*рѣшительно*).

Не скажу. Недавно вы бранили меня за курыцу, а я не бралъ вашей курыцы. Пфе!... не видалъ я курыцы!

А н т о с я.

Ну, ну!... Это ничего!... Хочешь выпить водочки?

К у з ь м а.

Благодарю поворно, коли ваша милость. Почемужъ?

А н т о с я (*подноситъ*).

Ну, выпей на здоровье.

К у з ь м а.

По нашему обычаю, попробуйте сперва сами. (*Въ сторону*). Такъ я и повѣру вашему брату! Нѣтъ, шалишь!...

А н т о с я.

Я не могу.

К у з ь м а.

Нужно губы помочить—иначе не приходится, сударыня.

А н т о с я (*дотрогиваетъ до рюмки губами*).

Ну, вотъ.... Скажи теперь....

К у з ь м а (*пѣтъ*).

Ну нѣтъ, у насъ будетъ позаборьствѣй. Видно — изъ картошки дѣлаютъ ее, а у насъ изъ хлѣба. Благодарю. Прощайте.

А н т о с я.

А скажи же!

К у з ь м а.

Да что болтать вздоръ! А право, онъ молодець у меня!

А н т о с я.

Да, скажи, Кузьма!

К у з ь м а (*уходитъ*).

Когда-нибудь да не теперь, а въ четвергъ.... (*про себя*). Наскочила коса на камень.

ЯВЛЕНІЕ 8.

А н т о с я *(вслѣдъ)*.

Лайдакъ! москаль! *(сѣдится и мечтаетъ въ слухъ)*. Пани докторова. Пфу!... Пани капитанова! Теды и панна Гонза, и панна Зося, и панна Юзя — вшипси бендонъ мнѣ заздросиць!... Пани Дубовикова! пани докторова! Тылько тшеба взенць шлюбъ у попа!... *(съ омерзениемъ)*. Пфе.... Эхъ, жондъ!... у попа.... А тамъ.... вшиство попъ, да попъ..... *(рѣшительно)*. Э.... ниць, ниць! Мои москальки бендонъ надзѣя Польски — ойчизны боханей. О, жебы вшиство такъ сѣ зробило! *(Падаеть на колѣно)*. О, Найсвѣнтша Матка и панъ Юзефъ и вшипси свенци! Проше вашей допомочи, жеби схизматяка и пшеплентаго москаля взенць въ лапы! А потымъ, пане Езусе, вшиство бендзе, вшиство....

(Входитъ Дубовакинъ и бросаетъ къ Антосю. Она вспримиваетъ).

ЯВЛЕНІЕ 9.

Д у в о в а к и н ъ.

О, ты моя черноокая! о ты, для которой я готовъ забыть все! о ты, для которой я готовъ.... да, я готовъ на все.... на все....

А н т о с я.

Что? что? уйдите, уйдите, господинъ докторъ!

Д у в о в а к и н ъ.

Не могу, не могу! Я люблю тебя! я хочу быть твоимъ мужемъ! Антося! дѣлай со мною, что хочешь; но не прогоняй отъ себя.... Иначе я.... застрѣлюсь.... да я все сдѣлаю съ собой! *(Становится на колѣни и беретъ ее за руки)*. Мнѣ все равно, что ты бѣдная шляхтянка! Я люблю тебя пламенно, нѣжно!... Неужели ты отвергнешь мою любовь?!... Неужели ты прогонишь меня?!

А н т о с я *(повѣся голову)*.

Да.... да.... и я люблю тебя..... но....

Д у в о в а к и н ъ.

Говори, говори, мой ангель, что это за но?

А н т о с я.

Да я люблю тебя; но ежели ты будешь ласковъ со мною и.... и....

ДУВОВАКИНЪ (*перебивая*).

Что ты говоришь?! Вся моя жизнь.... все мое существо будетъ у твоихъ ногъ, какъ и теперь оно предъ тобою....

А н т о с я.

И... и... чтобы ты всегда говорилъ со мною по-польски, а не на этомъ бараньемъ языкѣ, отъ котораго у меня болитъ языкъ.... Больше пока я ничего не желаю!...

ДУВОВАКИНЪ (*вспрыкиваетъ и беретъ ее за талию*).

И такъ я твой, ты моя?! ты любишь меня.... О! какъ я счастливъ!

А н т о с я.

Да, да,...

ДУВОВАКИНЪ.

Пока я не устрою свои дѣла, пожалуйста не говори никому.... А, да гдѣ же твоя матушка?

А н т о с я (*подходитъ къ окну*).

Пошла на базаръ. Да вотъ уже идетъ.

Вмуть къ дверямъ. П. Бжипшинская входитъ.

Я В Л Е Н І Е 10.

П. Бжипшинская (*съ удивленіемъ*).

Что то есть? Вы тутъ, панъ докторъ?...

ДУВОВАКИНЪ (*беретъ Антосю за руку*).

Здѣсь, здѣсь; но не безъ дѣла. Мы....

А н т о с я (*перебивая*).

Проше, мамо, благословиць насъ. Панъ докторъ муѣ важечный....

ДУВОВАКИНЪ.

Да, благословите насъ. (*Въ сторону*). Что-то какъ будто рветъ меня за сердце. (*Къ п. Бжипшинской*). Да, благословите насъ, мамуня! (*Становятся на колѣни*).

П. Бжипшинская (*радостно*).

Чи то до правды?! (*раздвываясь*). Нехъ панъ-Вуть благослови! Тилько проше жиць по нашему, по просту... И ойцець и дзядъ Антоси были людзе правдиве....

ДУВОВАКИНЪ (*перебивая*).

Буду! буду! благословите!

Антося (всторону).

Хвала Богу! Теразь паннѣ Загоржиньской фигу!...

П. Вжишинская (складывая руки надъ илз головами).

Нехъ панъ-Бугъ благослови! Найсвѣнтша Марія, Юзефъ и менченникъ Іозафатъ и шписци свѣнци! Нехъ Панъ-Бугъ благослови. (Плачетъ) Пхи, пхи... пхи...

Антося и Дубовакинъ (вмѣстѣ).

Дзенькуе, мамо! Благодарю мамуна. (встаютъ и цѣлуютъ руки п. Бжипшинской. Занавѣсъ опускается).

Конецъ второго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Сцена представляетъ маленькую чистенькую комнату учителя Зузулина. Драпри отдѣляютъ его постель. Возлѣ одной стѣны стоитъ столъ, заваленный книгами, бумагами и тетрадками; на другомъ столѣ газеты и журналы. Предъ диваномъ круглый столъ. На немъ самоваръ и весь чайный приборъ. Гости пьютъ чай.

Я В Л Е Н І Е 1.

З у з у л и н ъ.

Да, господа! жутко нашему брату жить между ляхами; но мы должны помнить, что не всякому выпадаетъ такая завидная доля, какъ намъ. Можетъ быть наши съ вами собственныя ииена не запишутся въ исторію; но, вѣрте, — настанетъ то время, когда добросовѣстный историкъ этого края скажетъ: предъ нитежомъ честнымъ русскимъ людямъ было очень, очень и очень тяжело жить и служить въ Западной Россіи! Мы же, умирая, вздохнемъ свободно, безъ упрека совѣсти въ измѣнѣ своимъ роднымъ православно-русскимъ началамъ. Мы люди непрактическіе въ подломъ смыслѣ этого слова, мы „непочише души, непожондне людзе“, и вотъ почему намъ невыносимо тяжело. Мы, господа, здѣсь миссіонеры родныхъ намъ началъ!

И с п р а в н и к ъ.

Я съ тридцатыхъ годовъ здѣсь; но, признаюсь, этого еще не бывало.... Я имѣю домишко и, право, не увѣренъ, что мерзавцы не сожгутъ его.

Стряпчій (протирая очки).

Ужь я какъ ни ухитрюсь, какъ ни лажу съ ними, все же

береть. Вчера, напр., были у нас гости: Сидоръ Петровичъ, да Петръ Даниловичъ съ семействомъ. Сидимъ и разговари-ваемъ себѣ.... Вдругъ въ окно летитъ камень.... Я бросился на улицу, разумѣется и слѣдъ простылъ. Чуть-чуть кто-то не помотчивалъ Татьяну Степановну! Сегодня же мальчикъ отворяетъ ставни и видитъ надпись, зоветъ меня. Что же написали они? „*Берегись, бѣстія, рыло!*“

Исправникъ.

Вчера.... да, вчера, моя жена распорядилась и пошла въ городъ. Я, знаете, собрался за пять лѣтъ спишь ей шелковое зеленое платье. Она пошла въ церковь, а потомъ зашла въ лавку купить мнѣ пачку Жювова. Народу было тамъ много. Какой-то мерзавецъ обрызгалъ ей все платье купороснымъ спиртомъ! мерзавецъ!

З у з у л и н ъ.

А вотъ я вамъ расскажу. Позавчера вхожу я въ четвертый классъ и вижу, что ученики пялятъ глаза въ потолокъ и ухмыляются. Чтобы за причина, думаю себѣ, анъ глядъ: на потолокъ виситъ привязанный за шею бумажный человѣчекъ. Знай, дескать, что и тебя ожидаетъ.... Я велѣлъ снять висѣльщика. Вхожу на каеодру и начинаю перекликать учениковъ.... Вдругъ подходитъ ко мнѣ одинъ изъ скромныхъ, повидимому, малыхъ и говоритъ: „г. учитель, позвольте мнѣ взять перо изъ вашего стола.“ Верн, отвѣчаю. Онъ отворяетъ ящикъ и на меня прыгаютъ мушки. Я не потерялся и говорю: „что это, господа? Эти шалости показываютъ вашу неблаговоспитанность. Вы будете за это наказаны.“ Съ этими словами я вышелъ изъ класса и, увидя съ удивленіемъ возлѣ класса сторожа, Якуба, спросилъ:—гдѣ г. инспекторъ?—Нѣтъ его, отвѣчалъ Якубъ.“— Я вошелъ въ классъ и началъ урокъ. Вдругъ влетаетъ искусственно запыхавшійся инспекторъ Евичъ и обращается ко мнѣ: „что, что случилось?“— Я прехладнокровно передалъ ему суть дѣла. Евичъ искусственно завопилъ: „ахъ, вы мерзкія дѣти!“ и потомъ, обратясь къ самому скромному ученику: „это вѣрно ты?“— Ученики сдерживаютъ улыбку, все сдерживаетъ ее и панъ Евичъ. Я васъ всѣхъ сегодня оставляю безъ обѣда,“ кричитъ Евичъ. Что же вышло?— вся эта комедія, устроенная Евичемъ, надзирателемъ (тоже ляхомъ) и Якубомъ, кончилась ничѣмъ. По окончаніи уро-

ковъ ученики разошлись на обѣдъ, проходя по корридолу мимо Евича!.... Однимъ словомъ скандалъ не удался, благодаря Бога! Да что и говорить— всего не перескажешь.... Видъ почти всѣ мои сослуживцы римско-католики; они за одно съ учениками: также носятъ чепарки, поясы съ пряжкой, изображающею *поеднанье Литвы съ Польшою*, также носятъ разныхъ Костюшекъ на галстукахъ и бѣленькихъ орликовъ на рубашкахъ....

Исправникъ.

А вотъ нашего отца Тимофея уже другой разъ кто-то провожаетъ ночью съ плевками и свистками....

Зузупинъ.

А сколько разъ били намъ окна, рѣзали наше верхнее платье! Это второстепенныя вещи. Это пустяки, о которыхъ имъ молчать. Вотъ уже цѣлую недѣлю не дають мнѣ спать — все хлопаютъ въ ставни.... Да что и говорить!.... Я чувствую, что такому положенію долго не продолжаться: или они, или мы, или или они! Я продалъ все лишнее и наготовѣ. Нѣтъ силъ больше выносить такое удушье....

Стряпчій.

Моя жена, хоть римлянка, но безъ фанатизма. Она, бывало, прежде хаживала со мною и въ церковь; теперь же, говорить: боюсь, — всендзъ общалъ на исповѣди предать меня проклятью.

Зузупинъ.

Нужно намъ русскимъ соединяться и поддерживаться, т. е. предупреждать другъ друга. Иначе насъ заведутъ эти ляхи.

Исправникъ (*передразнивая Зузулина*).

Соединяться! Соединяться! Молодой вы человекъ. Развѣ не видите, что дѣлается у насъ предъ носомъ. Вотъ ужъ полгода, какъ пріѣхалъ Дубовакинъ, а съ кѣмъ онъ соединяется? Ходить къ всендзамъ да сидить у хозяйки. Охъ, эта всендзовская *охмистрина*? Чтобъ она не спутала его! Что-то похоже на это. Онъ въ церкви еще ни разу не былъ. Кажись, онъ ходитъ въ костель. О Тимофее спросилъ его объ этомъ; а Дубовакинъ отвѣчалъ: можно быть честнымъ человекомъ, не ходя въ церковь.

Зузупинъ и Стряпчій. (*амьсть*).

Дуракъ!

Я В Л Е Н І Е 2.

(*Входитъ Полосатниковъ*).

П О Л О С А Т Н И К О В Ъ .

Ииѣю честь кланяться честному братству.

В с ѣ .

Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ, здравствуйте! Садитесь, садитесь! Чайку Ивану Ивановичу.

З у з у л и н ѣ (*наливая*).

Чайку нашему Ивану Ивановичу, чайку....

П о л о с а т н и к о в ѣ (*растегивая сюртукъ*).

Что новаго, господа?

В с ѣ .

Что у васъ новенькаго?

П о л о с а т н и к о в ѣ .

Пришла почта и привезла страшнѣйшую новость.

В с ѣ .

Пришла, говорите, почта? Что-жъ тамъ—скажите!

П о л о с а т н и к о в ѣ .

Плохое времячко. Въ Царствѣ Польскомъ перерѣзали много нашихъ спящихъ солдатъ.

В с ѣ (*вспрыкинувъ*).

Какъ! что вы говорите? что вы!!!

П о л о с а т н и к о в ѣ .

Вотъ газеты.

В с ѣ .

Давайте, давайте!

П о л о с а т н и к о в ѣ .

Да вотъ, вотъ.... (*читаетъ*). Ночью, во время сна, наши честные солдаты испустили свой духъ подъ ножами поляковъ....

В с ѣ (*крестятся*).

Господи! что это!

П о л о с а т н и к о в ѣ .

Другая новость: край нашъ на военномъ положеніи.

В с ѣ .

Слава Богу! Слава Богу!

Полосатниковъ

Сейчасъ я получилъ газеты; сейчасъ (къ Исправнику) пришла къ вамъ вѣстафета, и къ городничему.....

Исправникъ (*схвативъ шапку и убитая*).

Ко мнѣ!! Прощайте, господа! (*Уходитъ*).

В с ѣ (*вслѣдъ*).

Да возвращайтесь поскорѣ!....

(*Глубокое мысленное молчаніе. Въ это время оркестръ мучо напириваетъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Зузунинъ (*ходя по комнатѣ*).

Ахъ, ты, Господи, Господи!....

Полосатниковъ *сидя за столомъ, куритъ*).

Да, скверно, скверно....

Стряпчій (*стоитъ, заложивъ руки назадъ и надуетъ губы*).

У м-сь... да-сь!... некрасиво—канальство!

Полосатниковъ.

Господа! вѣдь я пришелъ, между прочимъ, просить вашей помощи. Что дѣлать съ Дубовакинымъ — вѣдь онъ просто пропадетъ. Бсендзы и дяховки опутаютъ его, непременно опутаютъ.

В с ѣ.

Ну Богъ съ нимъ! У него не достаетъ пемножеко вотъ тутъ (*Показываютъ на свои лбы*).

Полосатниковъ.

Не совѣмъ то, господа! Не говорите. Я учился съ нимъ и знаю, что онъ не дуракъ.... Одна бѣда: нѣтъ у него — почвн!.... Онъ, словно вѣтка, вѣтромъ колеблемая; и это не отъ мягкости характера, а отъ... отъ... отъ... воспитанія.

Зузунинъ (*тяжело вздохнувъ*).

Охъ, наше воспитаніе! воспитаніе! Изъ семействъ чуть ли не всѣ выносятся круглый нуль, касательно религіозныхъ и національныхъ началъ! Что же дастъ намъ нивола?! Она дастъ иногда учениковъ, а чаще—фразеровъ. Иногда цѣлую жизнь они гоняются за идеалами, только не за идеаломъ православнаго русскаго человека..... Благопріятели же наши (всѣхъ національно-

стей), — воспитанные въ духъ папской или лютеранской цивилизаціи не могутъ, какъ чертъ ладону, сносить той цивилизаціи, имя, которой „православно-русская гражданственность!“ Эти благопріятели — развратили насъ, одурили своимъ обаяніемъ, и теперь постоянно ловятъ насъ на удочку высокопарныхъ словъ: *прогрессъ, цивилизація, чуждость, свобода, человечность* и пр., и пр.... Мы ѣздимъ за-границу, или шляемся по кофейнямъ въ поискахъ за идеалами общечеловѣчности вмѣсто того, чтобъ быть сперва „правильно-русскимъ,“ а не прикрывать своей безцвѣтности въ религіозномъ и національномъ отношеніяхъ мантией общечеловѣчности!... Эта мантия сшита изъ чужестраннаго недоброжелательства къ намъ — изъ космополитизма!... Разорвать, растерзать нужно скорѣе эту мишурную мантию, иначе мы погибли.

Стряпчій (*направляя очки*).

Уи... да, да... Это такъ. Но все же больше таво.... Неужели религія должна, т. е. можетъ играть такую роль?

З у з у л и н ь.

Понимаю васъ, Василій Васильевичъ! Вы, къ сожалѣнію, не первый и не послѣдній... (*обращаясь къ зрителямъ*). Въ странѣ матеріальной цивилизаціи, въ странѣ, гдѣ *панство* — это не христіанское, а человѣческое ученіе убиваетъ все нравственное въ человѣкѣ, противудѣйствіе этому папизму очень естественно. Лютеръ былъ реакція папизму; но какъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ несовершенно и способно впасть въ крайность, то вотъ въ Европѣ эта реакція перешла чрезъ законную грань. Лютеране сперва возстали противъ злоупотребленій папства, а потомъ начали вырывать плевелы вмѣстѣ съ пшеницею... Вотъ причина, между прочимъ, явленія философіи XVIII вѣка! Глядите съ этой точки зрѣнія, вы не будете удивляться явленію во Франціи Вольтера и другихъ энциклопедистовъ! Что дѣлается теперь въ Италиі и вообще на западѣ!! Гдѣ тамъ Божественная религія?! Мы видимъ тамъ или польскій и испанскій фанатизмъ или, что почти тоже, полнѣйшій развратъ ума и сердца! Появленіе тамъ Бюхнеровъ, Ренановъ естественное явленіе отъ извѣстныхъ причинъ!... У насъ же что? Святое православіе не насилуетъ никого и не связываетъ совѣсти! Оно подаетъ вамъ идеаль боготодности; оно указываетъ путь къ ду-

ковому совершенствованію; оно, какъ нѣжная мать, путемъ любви и мира, путемъ строгаго цѣломудрія ведетъ своихъ чадъ не только къ счастію въ этомъ мірѣ, но— и къ блаженству въ будущемъ.

ЯВЛЕНІЕ 4.

(Входитъ Шлемкинъ).

Стряпчій.

Да, вы говорите правду; однако...

Зузулинъ (пожимая руку Шлемкину).

Здравствуйте, Соломонъ Абрамовичъ! Садитесь (къ Стряпчему). Да, Василій Васильевичъ, эти мысли не нравятся инглистамъ, которые, какъ червь, точатъ наше общество.

Стряпчій (поправляя очки).

Ум— дась!...

Полосатниковъ.

Да, Павелъ Митрофановичъ, я совершенно согласенъ съ вами.

Шлемкинъ (оправляясь).

Что за шумъ въ городѣ! говорятъ, на этихъ дняхъ вступитъ въ намъ полкъ и полковникъ Ручейкинъ будетъ военнымъ начальникомъ. Слава Богу! жидки наши очень рады. Право, забавный народъ мой единовѣрцы!... они и сами не знаютъ, чью сторону держать. Я увѣряю ихъ, что нечего бояться. Они, однако, хотятъ поднести хлѣбъ-соль полку.

В с ъ.

Даль бы Богъ; чтобъ это было искренно....

Шлемкинъ.

Постойте, господа,— половина дѣла дѣлается: образованіе пускаетъ свои корни. Современемъ, дасть Богъ, и германизмъ, и талмудизмъ, и кагализмъ исчезнутъ. Тогда мы, молодое поколѣніе примемся за массу. Это наше дѣло, т. е. дѣло образованныхъ евреевъ. Правительство сдѣлало для насъ все. Теперь нашъ чередъ. Старики перемрутъ, а теперешнія дѣтки будутъ не поляками, а русскими Моисеева закона.

В с ъ.

Даль бы Богъ!

Ш л е м б и н ъ .

Да, господа! Кто изъ насъ — образованныхъ евреевъ — не шарлатанъ, а честный человѣкъ, для того трудное теперь время! Того среда гонить и называетъ *мѣшаницемъ*.... Но много ли насъ? я затрудняюсь сказать....

П о л о с а т н и к о в ъ .

А, знаете, господа! я скоро ѣду въ полкъ. Требуютъ. Да и пора уже....

(Вбѣгаетъ съ попыхахъ исправникъ).

И с п р а в н и к ъ .

Слушайте, слушайте! Жандармы пріѣхали за Дубовакинымъ. Прощайте *(уходитъ)*.

В о з .

Какъ? Приходите, приходите!

(За сценой голосъ исправника; „зайду, зайду!“ занавѣсъ опускается).

Конецъ третьяго дѣйствія.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

Сцена перваго дѣйствія. Кузьма сидитъ на стулѣ и ѣсть изъ суповой чашки.

Я В Л Е Н І Е 1 .

К у з ь м а .

Охъ, Господи Воже мой! И начто Петръ Петровичъ дружить съ этою поганою ляхвою! И жениться хочетъ на этой принципсѣ *(показываетъ на хозяйскую стѣну)*. Ну, вотъ и поѣхалъ на допросъ. Говорять, сегодня пріѣдетъ назадъ. Да сраму-то, сраму! Хоть и съ офицеромъ поѣхалъ, а все неладно. Жалко мнѣ панича, жалко *(махнувъ рукою)*. Ну, пріѣдетъ, все расскажу ему, все чисто расскажу.... *(слышенъ почтовый колокольчикъ)*. А кто бы тамъ? — Не Петръ ли Петровичъ? *(идетъ къ окну съ чашкою)*. Такъ, такъ — онъ ѣдетъ. Скоро же сняли показанія *(поспѣшно ставитъ чашку въ каминъ — утирывается и молится)*. Ну вотъ — такъ. Теперь побѣгу. *(Растворяетъ двери и наталкивается на Дубовакина)*.

ЯВЛЕНИЕ 2.

ДУБОВАКИНЪ *(кинувъ на полъ шапку, про себя)*.

Ну что? Много узнали! Только проваглись на казенный счетъ и промялъ бока.... Воображаю, какъ безпокоится Антося! Бѣдное дитя! *(сромко)* Кузьма!.. Умываться сворѣй!... *(Кузьма уходитъ; выходитъ Антося)*

ЯВЛЕНИЕ 3.

А н т о с я.

Бондзь здрувъ!

ДУБОВАКИНЪ *(обнимая ее и цѣлуя)*.

Здравствуй, здравствуй, моя коханная Антося! Здравствуй!

А н т о с я *(разспянно)*.

А цо? Вшиство закончоно?

ДУБОВАКИНЪ.

Вшиство, слава Богу!

(Входитъ ксендзъ Инацій, Антося уходитъ).

ЯВЛЕНИЕ 4.

Б с. И г н а ц і й.

Здравствуй, магъ докторъ!

ДУБОВАКИНЪ.

Здравствуйте, отецъ святой *(цѣлуются)*.

Б с. И г н а ц і й.

Проше вудечки.... А цо нувего?

(Дубовакинъ беретъ съ камина водку и ставитъ на столъ предъ диваномъ).

ДУБОВАКИНЪ.

А, ничего— себѣ! Чистъ, какъ стеклушко! У тебя, говорить, собирается молодежь.... Ну, собирается, говорю,— играешь въ преферансъ. Такъ и отдѣлался.

Б с. И г н а ц і й *(выпиваетъ рюмочку за рюмочкой и глубокомысленно говоритъ)*.

Плохи времена!

ДУБОВАКИНЪ *(рисуюсь)*.

Да я чѣмъ виноватъ?

Б. С. ИГНАЦІЙ.

Тяжело теперь жить на свѣтѣ!

ДУВОВАКИНЪ.

Я въ лѣсъ не ходилъ, я и чистъ!

Б. С. ИГНАЦІЙ (*подпизъ и кивая головою*).

Упадокъ нравовъ, религій! Что наши казанія! что? Не позволяютъ трогать общества...

ДУВОВАКИНЪ (*ходя по комнатѣ*).

Посмотришь, согласишь, что еще скажетъ Европа.....

Б. С. ИГНАЦІЙ (*полусоннымъ голосомъ*).

Шпидзе Наполеонъ, шпидзе!

(Входитъ Кузьма).

ЯВЛЕНІЕ 5.

КУЗЬМА.

Вамъ письмо принести.

ДУВОВАКИНЪ.

Отъ кого бы это? (*читаетъ, дрожитъ и падаетъ на стулъ, взявшись за голову. Въ это время ксендзъ сидитъ на диванѣ, пьетъ рюмочку за рюмочкой*).

Б. С. ИГНАЦІЙ.

Да, кепська справа! кепська справа! (*подходитъ къ Дубовакину*). Прощай коханный, панъ докторъ (*беретъ за руку Дубовакина и уходитъ пошатываясь*).

ЯВЛЕНІЕ 6.

ДУВОВАКИНЪ (*не перемѣняя положенія*).Прощайте..... О, Боже! о Боже! что это въ самомъ дѣлѣ! (*подымается и падаетъ въ изнеможениі*).... Неужели они поступили такъ безчестно?!..., Неужели! Неужели они изрѣзали моего брата и еще жарили его мертвое тѣло? О, нѣтъ это выдумка (*вспрыскиваетъ*). О, нѣтъ!— это нахальство! Кузьма, мой Кузьма!КУЗЬМА (*озабоченно*).

Я здѣсь, здѣсь. Что случилось, Петръ Петровичъ? что?

(Дубовакину дурно, Кузьма суетится и вспрыскиваетъ ему водою лице).

ДУБОВАКИНЪ (очнувшись).

Вотъ!... не можетъ быть!... Да неужели невиннаго человѣка можно губить... Кузьма! Кузьма! (берется за голову и рыдаетъ) Тебя мой Сережа, я больше не увижу! Тебя, мой Сережа, истерзали хищные волки...

КУЗЬМА (дрожитъ).

Что, Петръ Петровичъ, что случилось!...

ДУБОВАКИНЪ.

О Боже! о Боже! за что же они погубили эту невинную овцу! Кузьма! Сергѣя Петровича, моего брата Сережу, поляки изрѣзали въ куски и потомъ еще жарили его на угольяхъ.

КУЗЬМА (всплеснувъ руками, крестится).

Господи! Господи! Помилуй насъ, Господи!...

ДУБОВАКИНЪ.

Нѣтъ! я отомщу за тебя!... я (хватается за сердце). Что это? У меня вотъ— здѣсь что-то порвалось. Кузьма! нозови барышню. (Кузьма уходитъ, выходитъ Антося).

ЯВЛЕНІЕ 7.

АНТОСЯ (сухо).

Чего хцѣшь?

ДУБОВАКИНЪ (бросается къ Антося).

Иди, иди, моя ненаглядная Антося! Моего брата поляки изрѣзали и потомъ жарили на угольяхъ!... О, прижми меня къ своей груди! (Антося не хотя поддается) Правда, ты не можешь сочувствовать этому внусному поступку? Я говорилъ тебѣ, что онъ овца, просто овца! Чѣмъ же онъ виноватъ!... Подлецъ, погубили его!

АНТОСЯ (освобождаясь изъ объятій).

Можетъ быть— того стоить....

ДУБОВАКИНЪ (вспыхнувъ).

Что? что? Ахъ ты дѣвченка! Господи! Господи! Неужели я съумашедшій! Что дѣлается на-сердцѣ, не могу понять!

АНТОСЯ (утѣшительно).

То ницъ, ницъ!... Бѣды бѣдѣе люблю? Мама хцѣ отдаць мне за еднего посесора....

ДУБОВАКИНЪ.

Что, что? Змѣя! Вонъ, проклятая! Вонъ! Видно, вы всё таковы! чтобы твоя нога здѣсь не была! Видно тебѣ нужно не мое пламенное сердце, а мои деньги (*топаетъ ногами*). Вонъ! вонъ! (*Антося плюнула на Дубовакина, показала ему кукишъ и убѣжала*).

ЯВЛЕНІЕ 8.

ДУБОВАКИНЪ (*ходитъ скорыми шагами*).

Да, видно всё они мерзавцы! Эту дѣвченку я полюбилъ, а вѣдь она постоянно холодна ко мнѣ. Только и вижу тогда вниманіе, когда нужны деньги на уборы и наряды (*Входитъ Кузьма и порывается что-то сказать, Дубовакинъ не замѣчаетъ ея*). Да, да, эта карга съ дочкою сдѣлали изъ меня дойную корову! Денегъ, денегъ, денегъ— вотъ чего имъ нужно! (*бьетъ себя по лбу*) О, Боже! А я чуть не сдѣлался мужемъ этой змѣи!

КУЗЬМА.

Дѣйствительно такъ, Петръ Петровичъ! Онѣ тѣже гадюки....

ДУБОВАКИНЪ.

Ты здѣсь? что?

КУЗЬМА.

Я говорю, стало быть, что хозяйева дурятъ васъ.... Я все знаю. Онѣ говорятъ, что намъ абы гроши московскіи, а тамъ— будетъ вѣнецъ, не будетъ— все единственно...

ДУБОВАКИНЪ.

Неужели! Неужели! мой добрый Кузьма! (*обнимаются и плачутъ*). Говори, говори, что знаешь.

КУЗЬМА (*утирая кулаками глаза*).

Вони все смѣются зъ васъ и дурнемъ называютъ.

ДУБОВАКИНЪ (*горячится*).

Сейчасъ, сейчасъ убирай вещи. Перейдемъ на постоянный дворъ.... Найму номеръ.

КУЗЬМА (*начинаетъ вытаскивать изъ подъ-кровати старые сапоги и ходитъ*).

Ну, слава тебѣ, Господи!

ЯВЛЕНІЕ 9.

(*Входитъ исправникъ и Зузулинъ*).

Исправникъ.

Хоть можете быть и неприятные гости, а ужъ извините.

З у з у л и н ь.

Простите, Петръ Петровичъ; но по долгу совѣсти замши....

Дубовакинъ (*пожимая руки*).

Чувствую, понимаю, зачѣмъ вы пожаловали, господа! Садитесь, дорогіе гости! я совершенно разбитъ! Учите, учите меня истинѣ.

Исправникъ.

Куда уже мнѣ отсталому консерватору! Вы же меня обижаете вездѣ обскурантомъ... Вотъ пусть Павелъ Митрофановичъ — онъ молодой, а я что?

ЯВЛЕНІЕ 10.

(*Входятъ Полосатниковъ, Стряпчий и Шлемкинъ*).

Дубовакинъ (*пожимая остлѣзъ руки*).

Чѣмъ я обязалъ такому вниманію?!...

В с ъ.

Мы пришли праздновать возвращеніе заблудшей овечки....
(*Входитъ Кузьма и складываетъ постель*).

ЯВЛЕНІЕ 11.

Исправникъ.

Петръ Петровичъ! Всѣ мы гуляли и слышали проходя мимо, что здѣсь у васъ происходило....

Дубовакинъ (*плачетъ и обнимается со остлѣзми*).

Охъ, Господи! Мнѣ легче, мнѣ легче!

Исправникъ.

Ну, господа! и ты братъ, Кузьма! Споемъ же гимнъ въ честь нашего Царя и торжества роднаго началъ.

(*Всѣ становятся на колѣни и поютъ „Боже, Царя храни!“ Оркестръ вторитъ. По окончаніи гимна занавѣсъ опускается*).

Григорій Булжневскій.

Б о н е ц ъ.

ПОЛЬША И ПОЛЯКИ.

ПОЛЬСКІЯ ЖЕНЩИНЫ.

Переводъ съ англійскаго сочиненія „Poland and the Poles.
The Polish Ladies.

by

Stuart Wilkinson. London“.

I

Все что случилось въ Афинахъ и Спартѣ, отъ начала ихъ исторіи до паденія Греціи, все это отлично извѣстно намъ здѣсь — въ Англии. Съ ранней юности заучиваемъ мы наизусть лѣтописи Рима и имена римскихъ императоровъ, изъ которыхъ многіе процарствовали только нѣсколько мѣсяцевъ; полстолѣтія занимаемся мы учеными изысканіями о сотняхъ индѣйскихъ расъ, большая часть которыхъ весьма слабо цивилизована, изучаемъ ихъ языкъ, обычаи и памятники, если таковыя есть, пренебрегаемъ же точными свѣдѣніями о странахъ ближайшихъ, которыя имѣютъ болѣе или менѣе прямое вліяніе на нашу собственную политическую жизнь.

Въ молодости, въ училищѣ, я узналъ, что Польша обширная, лѣсная страна, перерѣзываемая Вислой, и населенная великодушными и храбрыми народами. Намъ разсказывали о вѣжливости поляковъ къ женщинамъ, — о томъ, какъ на брачномъ пиру снимали башмакъ съ ноги молодой, наливали въ него вино и пили изъ него за здоровье юной четы. Подъ вліяніемъ такихъ предзанятыхъ иллюзій, я, уже въ зрѣлыхъ лѣтахъ, отправился въ Польшу, куда дѣла призвали меня въ первый разъ въ 1857 г. Дѣло было осенью, страна была спокойна и довольна. Вскорѣ, послѣ моего прибытія въ Варшаву, пріѣхалъ туда Императоръ Александръ, сопровождаемый многочисленной и блестящей свитой. Балы и пиры послѣдовали одинъ за другимъ, полная гармонія царствовала между поляками и русскими. Императоръ былъ въ восхищеніи отъ Варшавы, производилъ въ камергеры, назначалъ въ свою свиту польскихъ дворянъ. И прекрасныя и граціозныя польскія дамы не были забыты: многія изъ нихъ получили орденъ св. Екатерины; другія, коможе, фрейлинскій шифръ, украшенный брилліантами. Приглашенный на одинъ изъ этихъ баловъ, я пораженъ былъ сердечной гармоніей между поляками и русскими офицерами, кото-

рне были въ восхищеніи отъ прелестныхъ варшавянокъ и изъ всѣхъ силъ старались имъ понравиться. Принятый во многихъ польскихъ домахъ, я могъ изучать характеръ польскихъ дамъ. Онѣ во многомъ отличаются отъ нашихъ женщинъ. У насъ жена есть хозяйка дома, честь своего дома она поддерживаетъ съ величавымъ достоинствомъ. Домъ ея, это нѣчто въ родѣ крѣпости, въ которую попасть можно не безъ труда. Можно видать весьма часто англійскую леди у своихъ друзей или близкихъ родственниковъ и не имѣть чести быть приглашеннымъ въ число знакомыхъ ея дома. У насъ существуетъ много формальностей, пугающихъ иностранцевъ и заставляющихъ считать насъ безсердой расой. Чтобы быть хорошо принятымъ въ Англій, нужно быть рекомендованнымъ, представленнымъ, — словомъ, каждый пріѣзжающій иностранецъ долженъ приобрести себѣ что-то въ родѣ крестнаго отца.

Я не намѣренъ говорить ни за, ни противъ нашихъ обычаевъ, такъ сильно вкоренившихся въ наши нравы, я хочу только сказать, что въ Польшѣ дѣлается наоборотъ. Доступъ въ знатный домъ и высшее общество — легокъ; васъ предупреждаетъ убѣдительное приглашеніе, но вы должны также сообразоваться съ обычкновениями. Полька царствуетъ въ своемъ домѣ, какъ королева, она требуетъ, чтобы съ ней обращались, какъ съ монархиней, и каждый принужденъ выполнять это требованіе. Если хозяйка уже не молода, у ней есть дочери и родственницы, которыя, въ свою очередь, требуютъ должнаго вниманія отъ мужчинъ. Полька граціозна и кокетлива, одѣвается она фантастически, совершенно противоположно простому и скромному туалету англичанокъ. У нашихъ женщинъ одежда носитъ характеръ простой опрятности. Бѣлье, чулки, словомъ всѣ принадлежности, невидимыя глазомъ, совершенно соотвѣтствуютъ внѣшнему изяществу; у польскихъ же дамъ я видалъ, даже часто, при новомъ красивомъ платьѣ грязные чулки, а иногда, при быстромъ поворотѣ въ танцахъ красавицы, грязную и изорванную юбку.

Если англичанка къ вамъ благосклонна, значитъ она чувствуетъ къ вамъ истинное уваженіе, и постоянно сохраняетъ это чувство. Полька очаровываетъ въ съ своимъ кокетствомъ, вы ее слушаете въ увѣренности, что сердце вамъ симпатизируетъ. Но если вы ей надоели, если она получила отъ васъ все, чего добивалась, она бросаетъ васъ безъ сожалѣнія. У полякъ все страсть и капризъ.

Дайте этой страсти должное направление, и женщина будет дѣлать добро. Въ 1857 г. я познакомился съ молодой графиней С. Вы знаете, что въ Польшѣ всякій, имѣющій средства носить фракъ, покрываетъ себя титуломъ графа. Эта очаровательная женщина, которую изъ вѣжливости называли графиней, прочитала англійскій или нѣмецкій памфлетъ о судьбѣ молодыхъ дѣвушекъ, которыя, не имѣя возможности жить честно, отдаются пороку и униженью. Г-жа С., съ помощью кое-какихъ друзей, начала дѣйствовать въ видахъ исправленія этихъ несчастныхъ; она лично отыскивала погибшихъ твореній, бродившихъ по улицамъ вечеромъ, помѣщала ихъ на нѣсколько дней въ собственномъ домѣ, а потомъ отсылала въ деревню гдѣ основала убѣжище, посвященное св. Маріи Магдалинѣ, и гдѣ пятьдесятъ этихъ несчастныхъ женщинъ нашли пріютъ и работу. Г-жа С. только и думала о своихъ protégées; какъ истая полька, она пустила въ ходъ все свое кокетство, чтобы выманить у друзей своего мужа денегъ, столь нужныхъ ей для своего благотворительнаго дѣла. Многія изъ принятыхъ Г-жей С. были выданы за мужъ и снабжены приданымъ. Лѣтомъ она проводила по нѣскольку мѣсяцевъ въ деревнѣ и ежедневно посѣщала свое убѣжище. Тамъ лично ухаживала она за больными и, въ 1859—60 г., получила тифозную горячку, отъ которой и умерла. Убѣжище послѣ ея смерти было заброшено. Не думаете ли вы, что истинно христіанское милосердіе графини С. возбуждало удивленіе въ Варшавѣ? Ничуть! надъ ней даже смѣялись и дали ей прозвище Магдалины—командира.

Обыкновенно слѣпая и безпорядочная горячность польскихъ красавицъ производитъ много несчастныхъ катастрофъ; ревнивицы существуютъ еще въ Польшѣ, но дуэли въ настоящее время не такъ часты, какъ прежде, благодаря строгости насчетъ ихъ законодательства русскаго. Но въ прошедшее время можно было считать сотнями ежегодныхъ жертвъ интригъ польскихъ дамъ. Каждый мужчина вооруженъ былъ палашомъ, которымъ владѣлъ съ изумительною ловкостью. Звучъ сабель во время, или послѣ бала, былъ явленіемъ ничуть не рѣдкимъ, и торжествомъ красавицы было, что дуэль произошла изъ за ней, и что многіе изъ пламенныхъ поклонниковъ испустили въ ея честь послѣдній вздохъ. На балѣ графа З. имѣ показали даму, имѣвшую болѣе восьмидесяти лѣтъ отъ роду, которая въ молодости была причиной сотни дуэлей и смерти сем-

надцати кавалеровъ. Эта матрона, привезшая на балъ трехъ очаровательныхъ правнучекъ, была ещё хороша и величественна.

Безспорно, между польскими дамами есть много почтенныхъ особъ, даже изъ самыхъ кокетливыхъ, но, говоря вообще, нравственность — отнюдь не преобладающая черта въ польскихъ нравахъ.

Земли въ Польшѣ принадлежать отъ 5 до 6 тысячамъ семействъ, большей частью знатнѣйшихъ фамилій. Прежде, а отчасти и теперь, каждое изъ этихъ семействъ имѣетъ въ своей резиденціи прекрасный замокъ, гдѣ владѣтельница замка держитъ свой дворъ. Каждый богатый владѣтель имѣетъ больше или меньше многочисленныхъ кліентовъ, состоящихъ изъ шляхтичей — мелкихъ дворянъ. Шляхта состоитъ изъ потомковъ прежнихъ крестьянъ, которымъ ихъ помѣщики дали свободу съ тѣмъ, чтобы образовать изъ нихъ свиту для пышнаго появленія на сеймѣ. Такъ какъ въ Польшѣ не было средняго сословія, то освобожденные рабы стали дворянами и вассалами своихъ баръ. На ихъ жизненные надобности имъ даны были господами клочки дрянной земли, вслѣдствіе чего, шляхтичъ, чтобы не умереть съ голоду, долженъ былъ поставить себя въ зависимость отъ магната. Во многихъ польскихъ знатныхъ домахъ, шляхтичи живутъ, какъ дворенкіе, мѣтръ-д'отели, лакеи и т. д., а дѣвушки изъ этого мелкаго дворянства прислуживаютъ дамамъ и ихъ дочерямъ. Въ Польшѣ живутъ вессо, особенно въ деревнѣ. Обѣдаютъ роскошно, послѣ обѣда идутъ веселые танцы, полонезъ или мазурка. Молодые дѣвушки изъ шляхты танцуютъ съ молодыми людьми, и при этомъ случаетъ часто заводятся сношенія, которыя не всегда оканчиваются брачнымъ благословеньемъ. Замужнія дамы настроены не менѣе игриво и, справедливо сознавая свою собственную вѣтренность, онѣ снисходительны къ мужьямъ, заведшимъ шапни съ шляхтянками, которыя обыкновенно очень хороши собой. Эти любовныя отношенія ведутся безъ всякой тайны, а только лишь съ нѣкоторыми предосторожностями.

Мнѣ рассказывали, какъ о примѣрномъ благоразуміи, о генеральшѣ Ч., выбравшей заботливо и съ совѣтомъ медика дѣвушекъ изъ своихъ подчиненныхъ, которыя должны были забавлять ее сыновей и удерживать ихъ отъ заведенія въ Варшавѣ менѣе благоразумныхъ сношеній. Если одинъ изъ этихъ молодыхъ людей не доволенъ былъ своей метрессой, онъ отсылалъ ее обратно къ ге-

перальтѣ, и та озабочивалась загибать ее другою. „Молодыя вдовы“ награждались хорошими придаными и выдавались за мужъ за шляхтичей, служившихъ при домѣ.

Но не всегда связи эти оканчивались такъ прозаически. Подобная же интимность была причиной самаго ужаснаго эпизода польской исторіи. Это было около эпохи ея паденія въ 1770 г., когда Польша, совершенно деморализованная, потеряла всю нравственную силу политической системы. Воевода, графъ Потоцкій, владѣтель города Умани, въ Кіевской губерніи, имѣлъ у себя на службѣ польскаго козака, по имени Гонта, который былъ отчаянно влюбленъ въ молодую дѣвушку, вырощенную въ домѣ графа. Онъ просилъ ея руки, но графъ былъ влюбленъ въ паненку самъ, и когда Гонта сталъ настаивать, Потоцкій приказалъ самымъ звѣрскимъ образомъ выстегать его кнутомъ, привязавъ къ дереву, и потомъ прогналъ его отъ себя. Гонта поклялся отомстить графу и отправился къ гайдамакамъ, — что то въ родѣ шайки разбойниковъ, состоявшей изъ поляковъ, козаковъ и татаръ; онъ уговорилъ ихъ напасть на земли графа и истребить всѣхъ его приверженцевъ, въ особенности жидовъ, вѣрныхъ орудій всего польскаго дворянства. Гайдамаки нападаютъ яростно на владѣнія Потоцкаго, умерщвляютъ и грабятъ его вассаловъ. Больше одиннадцати тысячъ бѣглецовъ искало спасенія въ Умани, которую гайдамаки тотчасъ же обложили. Прусскій офицеръ, который былъ тогда въ Умани для покупки лошадей, которому Гонта позволилъ вмѣхаться, совѣтовалъ жителямъ и бѣглецамъ защищаться до послѣдней крайности, пока не подоспѣетъ помощь. Въ городѣ было около пятидесяти солдатъ и до тысячи человекъ, которые могли наскоро вооружиться, — сила почти достаточная для противодѣйствія полу-разбойникамъ, дурно державшимъ строй и дурно дисциплинованнымъ; но, по несчастію, командиръ позволилъ Гонтѣ уговорить себя отпереть ему ворота, повѣрилъ его обѣщанію, что гайдамаки только пройдутъ черезъ городъ, чтобы запастись хлѣбомъ и водкой. Лишь только шайка вошла въ городъ, командиръ отведенъ былъ на площадь, гдѣ гайдамаки сняли съ него кожу, въ присутствіи его семейства. Потомъ стали мучить дѣтей, выкалывая имъ глаза и отсѣкая члены. Несчастная мать, шесть мѣсяцевъ уже беременная, и привязанная къ дереву нагая, должна была смотрѣть на мученія мужа и дѣтей и наконецъ и сама была умерщвлена. Послѣ этого Гонта отправился въ городскую

ратуну и оттуда послалъ приказаніе убить всѣхъ бѣглецовъ въ Умани, вмѣстѣ съ жителями, запретивъ только трогать дѣтей и ложе пяти лѣтъ, которыя отведены были на площадь. Около шестнадцати тысячъ человекъ было убито гайдакаками. Поляки, по случаю внутреннихъ усобицъ, не имѣли войскъ для сопротивленія гайдакакамъ. Русскій фельдмаршалъ Румянцевъ отрядилъ подполковника съ тысячею солдатъ для удержанія гайдакаковъ. Офицеръ этотъ началъ переговоры съ Гонтой, льстилъ его гордости и удерживалъ его, пока поляки могли собрать нѣсколько нѣмецкихъ драгунъ и нѣсколько ротъ пѣхоты. Когда шайка была окружена со всѣхъ сторонъ, русскій офицеръ хитростью убѣдилъ Гонту положить оружіе. Начальникъ гайдакаковъ былъ взятъ и съ нимъ всѣ его приверженцы. Вмѣсто того, чтобы судить этихъ людей законнымъ образомъ, ихъ передали въ оковахъ шляхтѣ и жидамъ. Тутъ-то выказался характеръ польскихъ женщинъ во всемъ его безобразіи. Всѣ эти несчастные, больше восьми тысячъ, были казнены съ самой утонченной жестокостью. Насъ упрекали за жестокость надъ индійцами; убійцами англійскихъ женщинъ и дѣтей, за то, что мы обращали въ прахъ, изъ жерла пушки, достойныхъ соучастниковъ Нана Самба; но эта казнь, длившаяся только одинъ моментъ, была благодѣяніемъ въ сравненіи съ муками, изобрѣтенными польскими дамами для гайдакаковъ. Ни одинъ изъ этихъ разбойниковъ не былъ казненъ на мѣстѣ; большая часть жила три или четыре дня, мучимая съ невообразимой изобрѣтательностію. Во время обѣда, польскія дамы обсуживали родъ мученій для плѣнниковъ, стоицизмъ которыхъ, достойный американскихъ краснокожихъ, еще больше возбуждалъ бѣшенство ихъ прекрасныхъ непріятельницъ. Во многихъ мѣстахъ поляки употребляли гайдакаковъ вмѣсто мишени для стрѣльбы изъ пистолета. Праздники давались, друзья и сосѣди приглашались присутствовать при *autos-da-fé* бандитовъ — плѣнниковъ. Въ иныхъ мѣстахъ они играли роль подсвѣчниковъ. На ихъ груди просверливались раны и въ нихъ втыкались зажженные свѣчи, которыя и сгорѣли въ тѣлѣ этихъ несчастныхъ. Графъ Потоцкій далъ одной изъ своихъ домашнихъ дѣвушекъ, отецъ и мать которой были зарѣзаны въ Умани, двухъ плѣнниковъ, чтобы она могла насытить ими свое мщеніе. Она привязала ихъ къ столбамъ и заставила пожирать свое собственное мясо. Каждый день она отрѣзывала отъ разбойниковъ по какому нибудь члену, старательно перевязавъ раны,

изъ отрѣзанныхъ членовъ, искусно приготовляла кушанье и потомъ предлагала его жертвѣ, какъ единственную пищу. Вотъ, къ какой отвратительной жестокости можетъ привести пылкость польской кокетки. Въ Англіи не слыханы дѣла, до какихъ здѣсь приводитъ этотъ вертлявый и смѣшливый женскій бѣсъ! Не забудемъ, что почти повсюду при этихъ убійствахъ присутствовали р.-католическіе ксендзы нисколько не старавшіеся вліяніемъ своимъ предупредить ихъ. Если гайдамаки совершили злодѣяства, мы не должны забывать, что эти люди были отрѣбьемъ всѣхъ націй, людьми, рѣшительно незнавшими ни вѣры, ни религіи. Если же прекрасныя, молоденькія польки, по большей части получившія старательное воспитаніе, могли превзойти въ жестокости разбойниковъ, это вполнѣ доказываетъ страшную безчувственность, безсердечность. Интересующійся читатель можетъ найти много подробностей объ этомъ постыдномъ эпизодѣ польской исторіи въ тогдашнихъ журналахъ и описаніяхъ *).

Польская женщина всегда любила вѣшиваться въ политику. Паденіе республики совершилось отъ двухъ причинъ: іезуитовъ и вліянія женщинъ. Въ то время, какъ не только въ Англіи, но и во всѣхъ другихъ государствахъ, крестьянинъ, рабъ вначалѣ, освобождаясь мало по малу, съ теченіемъ времени образовалъ среднее сословіе, которое послѣ неоднократно возобновляемой борьбы, приобрѣло себѣ привилегіи; въ то время, какъ этотъ рабъ сталъ, можно сказать представителемъ національнаго богатства и цивилизаціи, ходъ дѣлъ въ Польшѣ представляется совершенно противоположнымъ. Здѣсь поселянинъ, свободный вначалѣ, постепенно дѣлался рабомъ, тогда какъ прежде онъ выбиралъ себѣ начальниковъ. Пастъ I, польскій король, былъ нечто иное, какъ крестьянинъ, котораго товарищи поставили во главѣ. Но съ теченіемъ времени власти эти присвоивали себѣ право за правомъ, привилегію за привилегіей. Прежде равные имъ, сдѣланы сначала ихъ вассалами, потомъ обложены податями, сперва не значительными, потомъ очень большими, сдѣланы *plebae adscripti*, и на-

*) Авторъ не имѣетъ яснаго понятія о гайдамакахъ: по дивнымъ приемамъ рѣзни, они точно походили на разбойниковъ, но по инициативамъ ихъ ожесточенія, по цѣли ихъ возстанія, это были защитники русской вѣры и народности, выведенные изъ терпѣнія тѣми варварствами, которыми ксендзы и ляхи хотѣли подавить и ту и другую въ областяхъ русскихъ.

конецъ рабани. Съ ними обращались жестоко и презрительно. Сѣтор содержался, какъ американскій негръ. Отъ былъ не чело-вѣкомъ, а вещью. Дворянинъ, убившій сѣтора штрафовался тале-ренъ. Сѣтор не имѣлъ собственности. Если пани нуждались въ деньгахъ, чтобъ выказать необузданную щирность въ Варшавѣ или Краковѣ, они приказывали управляющему продать скоть, принадлежавшій сѣтору. Но это ничто въ сравненіи съ другими спекуляціями польскихъ паней. Многія изъ нихъ забирали самыхъ хорошенькихъ крестьянокъ, держали ихъ въ домѣ у себя, давали имъ нѣкоторый родъ образованія — и все это для того, чтобы впоследствии продать ихъ старымъ развратникамъ. Эта спекуляція оказывалась выгодной. А матеры безъ всякаго стѣсненія обра-щались къ наяннѣ, и о цѣнѣ жертвъ спорили точно также, какъ при продажѣ негровъ. Горе несчастнымъ дѣвушкамъ, которыя не за-хотѣли бы подчиниться постыдному торгу, — самая жизнь ихъ за-висѣла отъ послушанія. Генеральша К. скончила значительныя сум-мы отъ продажи молоденькихъ крестьянокъ. И это она называ-ла умнымъ извлечь выгоды изъ своей *скотинки*. Однажды, въ январѣ мѣсяцѣ, въ началѣ царствованія императора Николая I, одинъ изъ моихъ друзей, живописецъ Р.—, самый рѣшительный изъ польскихъ патриотовъ, имѣлъ какое-то дѣло въ большомъ до-мѣ на Трубнои улицѣ, гдѣ г-жа К. занимала *bel-étage*. Спу-скался по черной лѣстницѣ, Р.— слышитъ рыданья въ чуланѣ гдѣ-то подлѣ. Онъ попробовалъ отворить его, но одинъ изъ слугъ старался ему помѣшать, говоря: „негодная дѣвченка запер-та здѣсь за ослушаніе своей госпожѣ“. Услыхавъ этотъ разго-воръ, бѣдная плѣнница начала умолять о помощи великодушное существо, заступавшееся за нее, и Р.—, обладавшій необыкновен-ной силой, вламывается въ чуланъ и находитъ прелесную дѣвуш-ку 15 лѣтъ, одѣтую въ одну рубашку, и со связанными за спи-ной руками. Она падаетъ къ ногамъ своего изъавителя, умоляетъ взять ее подъ свое покровительство, и говоритъ, что не можетъ слѣдовать за противнымъ старикомъ, которому хотять ее продать. Р.— отправляется къ самой г-жѣ К. и вѣжливо упрекаетъ ее за жестокость съ молоденькой дѣвушкой. Его приняли дружески и предложили самому взять эту жертву, заплативъ извѣстную сумму, такъ какъ онъ выразилъ такое къ ней участіе. Получивъ отказъ, г-жа К. приняла строгій видъ и объявила, что никому не позво-ляетъ вмешиваться въ свои дѣла. Предвидя, что несчастная под-

вернется еще сильнѣйшему волъзанію, Р — отправился къ полиціймейстеру, который, при немъ, приказалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ отправиться къ г-жѣ Б. и узнать о судьбѣ дѣвушки. На слѣдующее утро полиціймейстеръ сказалъ Р—, что неморальный субъектъ отосланъ въ деревню. Недѣлю спустя, Р— опять былъ въ домѣ на Трубной улицѣ. Когда онъ выходилъ, къ нему подошелъ тихонько мальчикъ изъ слугъ г-жи Б. и прошепталъ, что Ванда — имя дѣвушки — не была отослана, и что онъ слышалъ вздохи и стоны въ спальнѣ старой Б. Р— опять пошелъ къ полиціймейстеру и настоялъ, чтобы сдѣлать немедленно розыскъ. Тотъ пошелъ лично, въ сопровожденіи полицейскаго офицера и Р—. Г-жи Б. не было дома. Слуги отворили имъ всѣ комнаты, кромѣ одной, — спальни ихъ госпожи, которая была заперта и ключъ унесенъ. Послали за слесаремъ, и когда дверь была отперта, они увидали бѣдную Ванду, привязанную къ постели Б. Она была безъ всякой одежды и тѣло все въ ранахъ; булавки, иглы и втыканы ей были всюду: въ грудь, въ щеки. Получивъ первую необходимую помощь, она рассказала, что Б., возбужденная внимательствомъ Р— и полиціи, сначала привязала ее нагую къ постели и потомъ приказала лакею сѣчь ее розгами, а когда тотъ усталъ, генеральша сама продолжала бить ее. Вечеромъ, ложась спать, она накаляла на свѣчкѣ иглы и булавки и втыкала ихъ въ тѣло жертвы, осмыная ее неудобною для повторенія бранью; единственною ея пищею былъ ломоть хлѣба, который сообщникъ фурія ея лакей и любовникъ приносилъ каждое утро, и которымъ она хотѣла только сберечь жизнь своего товара. Генеральша домой не возвратилась. Распросы были сдѣланы въ ея имѣньяхъ, и оказалось, что много молодыхъ дѣвушекъ пропало, и никто не могъ отыскать ихъ слѣдовъ. Наконецъ лакей, схваченный полиціей, во всемъ сознался. Б. замучила до смерти семь дѣвушекъ, отъ 12—13 лѣтъ, — скупость и жестокость были ея страстями. Эта ужасная женщина арестована была въ С. Петербургѣ, гдѣ жила по фальшивому паспорту. Сообщникъ ея сосланъ былъ въ Нерчинскъ. Ванда нашла покровительницъ, но здоровье ея было навсегда разстроено; она умерла черезъ годъ или два.

Это не единственный примѣръ жестокости полковъ. Графиня З., г-жа Р., и другія заклееныи убійствомъ многихъ своихъ крѣпостныхъ, но такъ какъ не явилось обвинителей, то не было и судей. Г-жа Р., между прочимъ, отдала старону варшавскому

жду, давшему ей взаймы денегъ, хорошенькую жену одного своего крестьянина, а несчастный мужъ, очень любившій свою жену, былъ проданъ валаху, увезшему его въ Бессарабію. Онъ никогда больше не видалъ своей прекрасной жены. Все это могло происходить безнаказанно, потому что дворяне были единственными распорядителями въ своихъ помѣстьяхъ, правосудія не существовало, и потому протестъ былъ невозможенъ.

Между разными повинностями, или *dagenscsuzny*, которыя *сѣторі* были обложены на пользу своимъ господамъ, многія падали на долю женщинъ. Эти вынужденныя услуги, — еще и въ 1846 г. доходившія до страшнаго числа—121, — доказываютъ совершенное рабство и беззащитность крестьянина и его семейства. Напримеръ, первая изъ этихъ повинностей обязываетъ крестьянина съ его женою и всѣми взрослыми дѣтьми работать въ полѣ во время жатвы. № 33 заставляетъ женщину быть на караулѣ верхомъ восемь дней. № 107 обязываетъ дѣвушекъ являться на недѣлю въ господскій домъ *для домашнихъ работъ*. Кроме того всякій знаетъ, что *Jus regiae potestis* было въ силѣ въ Польшѣ до вцаренія Александра I. Короли польскіе, — слабыя орудія высшаго дворянства, были интриганты и развратники, тираны и деспоты, или занимались только своими частными дѣлами и удовольствіями, подобно двумъ Августамъ саксонскимъ, которые также дѣлали все возможное, чтобъ разорить Польшу и довести до ничтожества германскія свои провинціи, никогда не помнившая о распространеніи цивилизаціи, или о какомъ нибудь другомъ дѣйствіи на пользу человѣчества. Исторія Польши со времени Сигизмунда Августа напоминаетъ разбитый параличезъ организмъ, теряющій постепенно употребленіе членовъ, пока онѣмѣніе, дойдя до сердца, не окончится смертію; такое онѣмѣніе, дошедшее до сердца Польши, — это время Станислава Августа, а Фридрихъ Великій былъ тотъ хирургъ, разсѣкшій тѣло, которому никакое лѣкарство не могло уже возвратить жизни.

II

Послѣ трехлѣтняго отсутствія, я опять посѣтилъ Польшу, подъ конецъ 1860 года. Въ 1857 г., я ни въ Варшавѣ, ни въ другомъ какомъ польскомъ городѣ не слыхалъ разсужденій о политикѣ. Всякій доволенъ былъ гражданской администраціей, и не

желалъ никакихъ переменъ. Три года позже, Императоръ Александръ даровалъ полякамъ много привилегій и намѣренъ былъ даровать ихъ еще болѣе. Справедливый и безпристрастный наблюдатель не могъ не замѣтить намѣренія Императора сдѣлать все возможное для благоденствія Польши. Считая нужнымъ сказать не обинуясь, что большая часть польскихъ патриотовъ, которыхъ я имѣлъ случай видѣть въ ту эпоху, были очень довольны мѣрами Императора. Только женщины и есаиды были требовательнѣе: они хотѣли полной независимости Польши и истощали, будто по обязанности, всю свою грацію и кокетство для убѣжденія высшихъ чиновниковъ и русскихъ офицеровъ, что истинный интересъ Россіи требовалъ административнаго отдѣленія Царства отъ Имперіи. Онѣ упирали сильно на свой римско-католическій элементъ, а римское духовенство начинало уже дѣйствовать за кулисами въ это время въ пользу этого отдѣленія. Не смотря на то, согласіе между поляками и русскими не было еще возмущено, но смѣшанные браки стали рѣдки. Старинный законъ, изданный Петромъ Великимъ, предписываетъ, чтобы дѣтей, рожденныхъ отъ брака русскаго, или русской православнаго исповѣданія, съ женщиной, или женщиной другаго исповѣданія, воспитывать въ греко-россійской вѣрѣ. Я не скажу рѣшительнаго мнѣнія о достоинствѣ этого закона, имѣющаго, конечно, политическое основаніе, такъ какъ всѣ исповѣдующіе православіе суть русскіе. Но это умное постановленіе великаго императора, сильно споспѣшествовавшее смѣшенію русскаго элемента съ элементомъ чужеземнымъ, нужнымъ было Петру Великому для выполнения его великихъ плановъ. Дѣйствіемъ этого закона тысячи польскихъ семействъ постепенно сдѣлались русскими, и въ 1857 г. это условіе нисколько не мѣшало бракамъ русскихъ офицеровъ и чиновниковъ съ поляками.

Все пошло иначе въ 1860 г. р.-католическое духовенство представило страшнѣйшія затрудненія смѣшаннымъ бракамъ. Въ то время я познакомился съ молодымъ русскимъ офицеромъ, княземъ Г., очень хорошо принятымъ въ самый аристократическомъ польскомъ кругу. Богатый, красивый, съ изящными манерами, онъ не одну красавицу-польку заставилъ вздыхать, самъ же занялся исключительно одной, прекрасной Анной О., племянницей графини С. Старуха, такая же скряга, какъ и фанатичка, была въ восхищеніи отъ случая выдать замужъ племянницу безъ при-

даного. Молодые люди были совершенно счастливы, и свадьба назначена была въ половинѣ января, какъ вдругъ духовникъ графини началъ находить препятствія. Ксендзъ В., котораго я часто видалъ, былъ высокій, суровый человекъ; его лицо носило зловѣщее выраженіе ненависти и фанатизма. Онъ часто выговаривалъ мнѣ за то, что онъ называлъ нашей несправедливостью въ отношеніи къ Ирландіи и ирландцамъ. По его мнѣнію, Ирландія, какъ рим.-католическая страна, должна имѣть администрацію совершенно независимую, такую, какой онъ требовалъ для Польши. Онъ говорилъ съ энтузіазмомъ о р.-католической пропагандѣ въ Англіи, и выражалъ убѣжденіе, что, рано или поздно, англиканская церковь опять покорится ватикану. Когда я объяснилъ ему, что почти всѣ англійскіе прозелиты — бѣдняки или негодяи, увлеченные въ папизмъ только посредствомъ денежныхъ средствъ, или маленькихъ пенсіоновъ, патеръ В. называлъ эту мѣру превосходнымъ способомъ и хвалился, что и самъ употребляетъ ее для приведенія въ лоно церкви жидовъ и лютеранъ. Онъ громко порицалъ шведовъ, которые, по закону 16-го столѣтія, осудили на смерть нѣсколькихъ дѣвушекъ самаго низкаго сорта, обращенныхъ въ католичество іезуитами, хотѣвшими посмотрѣть, дѣйствуютъ ли еще старинные законы. Мы можемъ здѣсь присовокупить, что эти дѣвушки были прощены, съ условіемъ оставить Швецію. Двѣ или три изъ нихъ явились въ Петербургъ, гдѣ патеръ В., будучи еще при церкви св. Екатерины на Невскомъ Проспектѣ, платилъ имъ маленькую пенсію, положенную стокгольмскими іезуитами. *Достойный* священникъ, сердечно ненавидя православныхъ, какъ еретиковъ, убѣдилъ старую графиню, что бракъ католички съ схизматикомъ — самый тяжкій грѣхъ. Г-жа С. покорилась настойчивости ксендза. Молодые люди, друзья ихъ, и всѣ кто старался въ ихъ пользу, были оставлены безъ вниманія. Анна, энергически протестовавшая противъ насилія, была отослана въ деревню, откуда и убѣжала, но такъ какъ у ней не было паспорта, ее препроводили обратно къ тетѣ. Къязъ употребилъ всѣ способы спасти свою невесту, но въ одинъ прекрасный день ему сказали, что она уѣхала изъ Польши для поступленія въ монастырь за границей. Онъ отправился въ Римъ, надѣясь тамъ узнать что нибудь о судьбѣ Анны. Едва пріѣхалъ онъ въ столицу міра, какъ письмо, присланное патеръ В., извѣстило его о смерти тетки и племянницы, — обѣихъ умершихъ въ

въ Испаніи. Огромное состояніе графини были завѣщено какингъ то монастырямъ! Я не знаю, что случилось съ княземъ Г., но меня увѣрили, что онъ отправился въ кавказскую армію.

Два года спустя (въ 1862) я увидалъ Польшу во всеобщемъ волненіи. Существовала ультра-польская партія, преслѣдовавшая русскихъ съ страшной злобой. Ксендзы были во главѣ этой партіи. Я опять увидѣлъ патера Б., онъ не скрывалъ больше ненависти своей къ русскимъ. Онъ сравнивалъ ихъ съ Кореямъ, Дакотомъ и Авирономъ; онъ вспоминалъ ту *славную* эпоху, когда поляки занимали Москву, когда сынъ короля ихъ Владиславъ былъ избранъ царемъ русскимъ; но онъ забылъ, что русскіе, тогдаже прогнавшіе поляковъ, съ того времени много ушли впередъ, тогда какъ поляки постепенно пятились назадъ въ дѣлѣ истинной цивилизаціи.

Дамы были едва ли не больше (если это возможно) возбуждены, чѣмъ ксендзы. Тѣ же самыя хорошенькія женщины, которыя въ 1860 г. такъ весело танцовали съ русскими офицерами, теперь оскорбляли ихъ при всякомъ къ тому случаѣ. Мнѣ было объявлено повсюду, что если я желаю посѣщать русское общество, то буду исключенъ изъ польскаго, а такъ какъ мои дѣла поставляли меня въ болѣе близшее сношеніе съ поляками, чѣмъ съ русскими, — я былъ, такимъ образомъ, принужденъ по возможности избѣгать послѣднихъ. Это извѣстно было полякамъ. Польки говорили о русскихъ, какъ о варварахъ, злословили ихъ всевозможнымъ образомъ и навязывались мнѣ съ разными статьями, исполненными клеветы и злобы, а незаклучавшими въ себѣ и тѣни, истины, прося меня распространить ихъ посредствомъ англійской прессы. Можно догадаться, что я дѣлалъ совсѣмъ иное употребленіе изъ этихъ документовъ, тѣмъ болѣе, что не имѣлъ официальныхъ сношеній съ прессой. Я думаю, впрочемъ, что нѣкогда изъ моихъ соотечественниковъ сдѣлались жертвами жгучихъ глазъ варшавянокъ, потому что я читалъ во многихъ журналахъ нашихъ рекламы, очень похожія на тѣ, которыя были мнѣ ввѣрены. Да, я, говоря по совѣсти, не могъ понять и подлинной причины этого ожесточенія противъ русскихъ. Управление страной было уже вполне въ рукахъ поляковъ, даже употребленіе русскаго языка было прекращено. Единственные русскіе, еще жившіе въ Польшѣ, были солдаты и кое-какіе купцы. Не смотря на это, объявленъ былъ національный трауръ. Каждый облекся въ чер-

ное. Дамы носили длинныя кофты, отлично обрѣсывавшія ихъ фигуру, панты — куртки и низкія круглыя шляпы. Бю не слѣдовалъ модѣ, того считали русскимъ или иностранцемъ и дурно принимали. Тайное темное правительство потихоньку давало черезъ своихъ агентовъ, большую часть женщинъ, народъ различныхъ злобныхъ заявленій противъ русскихъ. Люди, наиболее подвергавшіеся этимъ неприяностямъ, были часовые: тысячу разъ видалъ я прекрасныхъ и изящныхъ дамъ, оскорблявшихъ солдатъ подъ ружьемъ. Сперва онѣ давали имъ разныя прозвища, потомъ плевали имъ на ноги, на шинели и мундиры, иногда даже въ лицо. Русский солдатъ, не получившій приказанія защищаться и не могшій оставить свой постъ, или поднять оружіе на дамъ, долженъ былъ терпѣть то, чего не перенесъ бы ни одинъ англійскій солдатъ. Офицеры увѣрили меня, что несчастные солдаты, возвратясь въ казармы, всегда должны были отчищаться. Не только простыя женщины, но и благородныя дамы называли русскихъ офицеровъ самыми гадкими словами, позволяли себѣ такія выраженія объ ихъ женахъ и дочеряхъ, какихъ не позволила бы себѣ самая развратная женщина. Секретное правительство запрещало лавочникамъ продавать что либо русскимъ. Дамы шпіюнили повсюду, слѣдя за исполненіемъ приказа, — и часто продавцы принуждены были просить русскихъ покупателей не компрометировать ихъ больше посѣщеніемъ ихъ лавокъ. Нѣкоторые жиды, не желавшіе жертвовать выгодами торговыхъ сношеній съ русскими, потеряли въ нѣсколько дней всѣхъ польскихъ покупателей и должны были еще претерпѣвать и другія неприяности, въ родѣ битья стеколъ, или оскорбленій на улицѣ. Мужчины были нѣсколько тише. Русскіе, всегда очень внимательные къ женщинамъ, заговорили-бъ съ ними иначе. Теперь каждый былъ занятъ приготовленіями къ возмущенію. Иные брали потихоньку уроки ѣзды верхомъ, другіе отправлялись дважды въ недѣлю упражняться въ воинскихъ эволюціяхъ, вооруженные только палками; но извѣстно было, что хорошее оружіе привезено украдкой и скрыто. Дамы ходили повсюду, упрасивая, ободряя и пуская въ ходъ все свое кокетство для возбужденія возстанія. Г-жа М., у которой я иногда пилъ чай, показала мнѣ великолѣпное знамя краснаго атласа, съ вышитымъ на немъ серебрянымъ польскимъ орломъ; она нѣсколько недѣль занималась этимъ знаменемъ и увѣряла меня, что всѣ ея друзья работали такія же, и что эти зна-

мена должны быть готовы къ январю мѣсяцу слѣдующаго года. Я получилъ также нѣсколько номеровъ журнала, написаннаго и напечатаннаго женщинами. Газета полна была брани на русскихъ и выразительно ободряла бунтъ. Что до меня, я могу похвалить польскихъ официальныхъ лицъ; онѣ были очень вѣжливы, даже слишкомъ вѣжливы, обѣщали все и не исполняли ничего. Я предпочитаю русскихъ чиновниковъ; они не особенно вѣжливы, но если вы заслужите ихъ довѣренность, дѣла ваши могутъ быть улажены удовлетворительно и съ должной скоростью. Не понималъ я, какъ русскіе, видя всѣ эти враждебныя приготовленія, не употребляли никакихъ энергическихъ мѣръ къ ихъ прекращенію. Дамы нѣсколько не скрывали возмущенія, готоваго разразиться при первомъ случаѣ. Изъ слѣдующаго обстоятельства увидѣлъ я, какую существенную роль играли польскія женщины въ этомъ возстаніи. Первый возбудительный толчокъ данъ былъ возмущенію ультрамонтанизмомъ. Такъ какъ русское правительство отвергаетъ свѣтскую власть папы, то іезуиты возбуждаютъ оппозицію противъ императора; они хотятъ оторвать отъ него Польшу, для того, чтобы создать новый центръ своей пропаганды. Изъ 7300 членовъ ордена св. Игнатія около 140 постоянно пребываетъ въ польскихъ провинціяхъ. Во время настоящаго движенія много сотенъ французскихъ и итальянскихъ іезуитовъ присоединилось къ своимъ собратьямъ въ Галиціи, Помераніи и Польшѣ. Орденъ этотъ, какъ извѣстно всякому, очень враждебенъ Россіи, за то, что былъ изгнанъ оттуда, въ 1817 г., вслѣдствіе многихъ золь, причиненныхъ имъ Россіи. Іезуиты завели сношенія, съ рим.-католическимъ духовенствомъ въ Польшѣ. Рим.-католическая церковь была объявлена въ опасности и сдѣланы первыя попытки противустать правительству, хотя это правительство собиралось дать Польшѣ истинно либеральныя учрежденія. Нѣтъ страны, въ которой духовенство имѣло бы такое чрезвычайное вліяніе на женщинъ, какъ въ Польшѣ. Полька, пылкая женщина, подвластная своимъ страстямъ, всегда имѣетъ грѣшки на душѣ; и вотъ, когда придетъ часъ раскаянья, она бѣжитъ къ духовнику, который, успокоивая совѣсть своихъ прекрасныхъ грѣшницъ, даетъ имъ постепенно какое ему угодно направленіе. Очень хорошо зная вліяніе полекъ на мужчинъ, всендѣзъ овладѣваетъ послѣдними посредствомъ ихъ женъ, сестръ и возлюбленныхъ.

III

Когда я прощался съ польскими дамами въ началѣ декабря 1862, онѣ обѣщали, что я найду Польшу свободною при моемъ возвращеніи въ Варшаву на слѣдующую осень. Не скажу, чтобъ я боялся дѣйствительнаго освобожденія Польши, потому что зналъ совершенную неспособность. Едва пріѣхалъ я въ Лондонъ, какъ тотчасъ же услышалъ новость о повсемѣстномъ возстаніи въ Польшѣ. Всѣ журналы наполнены были похвалами возмущенію, торжественно перечисляя военные подвиги мятежниковъ и описывая деморализацію русской арміи. Если я осмѣливался выражать сомнѣнія, мнѣ разумѣется отвѣчали, что я долженъ говорить въ пользу русскаго правительства потому только, что дѣла часто призываютъ меня въ Варшаву. Письма друзей моихъ, англичанъ и нѣмцевъ, изъ Польши и Литвы, сообщали мнѣ совсѣмъ иное. Я показалъ эти письма издателямъ нѣкоторыхъ журналовъ, но въ отвѣтъ получилъ, что народъ нашъ не имѣетъ симпатіи къ русскимъ, и что за извѣстія, касавшіяся Польши и помѣщенные въ журналахъ, было хорошо заплачено. Въ то же время я ежедневно видѣлъ разныхъ лицъ, въ національномъ траурномъ костюмѣ, прогуливавшихся по лондонскимъ улицамъ, и работавшихъ въ пользу, такъ называемаго, національнаго бунта. Въ одинъ прекрасный день я встрѣтилъ въ Хрустальномъ дворцѣ въ Сиденгамъ г-жу Е., жену одного варшавскаго банкира, восточнаго происхожденія. Эта хорошенькая женщина, принадлежавшая къ старинной, но обѣднѣвшей дворянской фамиліи, отдала руку купцу очень непривлекательной наружности, имѣя въ виду воспользоваться богатствомъ мужа на пользу движенія. Я не знаю какое дѣло Е. могла имѣть въ Лондонѣ, гдѣ она до того не была ни разу. Позже меня увѣрили, что она нашла способъ возбудить энтузіазмъ многихъ дамъ, принадлежащихъ къ нашей коммерческой аристократіи, а посредствомъ ихъ и мужей, сбравшихъ митинги въ честь Польши въ Лондонѣ и въ большихъ торговыхъ городахъ. Цѣль этихъ митинговъ была возбудить чернь къ демонстраціи, чтобъ подвигнуть правительство на войну съ Россіей. И дѣйствительно, г-жа С. имѣла значительный успѣхъ, потому что даже графъ Россель, ничего не зная объ истинныхъ зачищкахъ возмущенія и принимая за чистую монету выдумки, распространенныя лондонскими газетами, имѣлъ непростительное без-

разсудство (принимая во вниманіе его положеніе, какъ перваго министра) сказать, что Россія преступила свои права въ Польшѣ. Какое чудесное воззрѣніе, какой примѣръ нашимъ врагамъ, которые при первомъ случаѣ, ухватясь за это „преступленіе правъ“, найдённое лордомъ Джономъ у Россіи, могутъ вдругъ объявить насъ лишенными ихъ въ Ирландіи, Гибралтарѣ, Малтѣ, и т. д. Но я позабываю, что не хотѣлъ говорить о политикѣ. Такимъ образомъ, успѣхъ г-жи Е. былъ полонъ. Ей помогла другая особа, — нолька по мужу, г-жа Ч., жертвовавшая огромными суммами для распространенія въ англійской печати бюллетеней о такъ называемыхъ польскихъ арміяхъ, сфабрикованныхъ въ Пале-Рояль. По письмамъ моихъ друзей, извѣщавшихъ, что все было спойно въ большихъ городахъ, я отправился въ концѣ іюня въ Бовну и Вильну. Едва пріѣхалъ я въ этотъ послѣдній городъ, какъ встрѣтилъ на улицѣ богатаго помѣщика Н., съ которымъ часто имѣлъ дѣла. Н. былъ чрезвычайно богатъ. Въ молодости онъ служилъ въ гвардіи, но съ 1840 г. вышелъ въ отставку, чтобы заняться хозяйствомъ въ своихъ помѣстьяхъ въ Литвѣ и Польшѣ. Женившись на графинѣ П., онъ имѣлъ несчастіе въ нѣсколько лѣтъ потерять жену и старшихъ дѣтей, у него оставался только одинъ сынъ, молодой человекъ 16 л., образованный, добраго характера, — радость и надежда отца. Н. былъ приверженецъ къ русскому правительству. Онъ часто признавался мнѣ, что нечего было возлагать надеждъ на минимумъ національную партію, въ которой не было ни одного значительнаго дворянина, а состоявшей исключительно изъ духовенства и пролетаріата, которымъ было нечего терять, а все можно было выиграть. Онъ, на сколько могъ, старался воспитать сына въ тѣхъ же правдахъ, намѣреваясь отправиться съ нимъ въ С. Петербургъ и тамъ опредѣлить его въ гусарскій полкъ. Я нашелъ Н. одицетвореннымъ горемъ; онъ былъ въ слезахъ.

— Что случилось, дорогой М. Н.? спросилъ я.

— Я несчастнѣйшій человекъ въ свѣтѣ.

— Сынъ вашъ гдѣ? что съ нимъ?

— У меня нѣтъ больше сына.

— Что же съ нимъ? Вы его не оставляли?

— Да, я оставилъ его третьяго дня, и его уже больше нѣтъ.

Вотъ что случилось. Для того, чтобы сына не соблазнили, Н. жилъ съ нимъ въ загородномъ домѣ недалеко отъ Бовны. Они

жили совершенно уединенно и видали только отъ времени до времени графа П., сосѣда и двоюроднаго брата покойной г-жи Н. Графъ никогда не говорилъ о политикѣ. Онъ занимался науками и своими дѣлами. Двѣ его дочери, казалось, подражали примѣру отца. Н. былъ совершенно покоенъ. Сынъ его, подъ надзоромъ почтеннаго наставника, казалось, совершенно погруженъ былъ въ занятія, и семейство П. не пріѣзжало уже цѣлую недѣлю.

Въ одно прекрасное утро, за три дня до моего пріѣзда въ Вильну, Н. получилъ письмо отъ управляющаго инѣнбергъ, въ 16 верстахъ отъ города. Его просили пріѣхать осмотрѣть ново-выстроенный тамъ домъ. Такъ какъ это было дѣло, требовавшее отсутствія только на одинъ день, Н. предложилъ Леону отправиться вмѣстѣ въ это короткое путешествіе, но тотъ, подъ предлогомъ головной боли просилъ оставить его дома. Уѣзжая, Н. призываетъ наставника и проситъ его не оставлять сына ни подъ какими видомъ, и не позволять ему ни съ кѣмъ видѣться. Только что онъ уѣхалъ, молодой человѣкъ говоритъ учителю, что ему хочется спать. Учитель все такъ остается въ комнатѣ ученика, но видя, что тотъ крѣпко уснулъ, уходитъ въ свою комнату, а комнату Леона запираетъ на ключъ. На слѣдующее утро, желая узнать о здоровьи ученика, онъ входитъ въ комнату и находитъ ее пустою, а на столѣ письмо, адресованное на имя отца. Давно уже, безъ вѣдома отца, молодая графиня П. убѣждала Леона сражаться за отечество, но бдительно наблюдаемый отцемъ, Леонъ не могъ осуществить своего плана. Лишь только старикъ отправился, Леонъ, сказавшись больнымъ, обманулъ учителя. Онъ выпрыгнулъ изъ окна и явился къ графинѣ П., которая дала ему револьверъ, саблю и лошадь. Ксендзъ, жившій у графа, свелъ Леона въ банду Мацкевича, блуждавшую въ гѣсахъ, въ окрестностяхъ Ковны. Леона уже нѣсколько времени ожидали. Черезъ нѣсколько часовъ послѣ его прибытія, банда была атакована, и Леонъ, пораженный пулей въ грудь, взятъ въ плѣнъ. Письмо, адресованное сыномъ къ отцу, тотчасъ же было къ нему отправлено. Въ тотъ же вечеръ Н. поѣхалъ въ Вильну и явился къ генералу Муравьеву, прося прощенія молодому человѣку, котораго, какъ онъ полагаетъ, взяли въ плѣнъ. Генералъ только что получилъ извѣстіе о схваткѣ, въ которой было взято нѣсколько плѣнниковъ. Онъ просилъ Н. дожидаться слѣдующаго дня и отдалъ приказъ, что если между плѣнными окажется молодой Н.,

то прислать его немедленно въ Вильну. Я пріѣхалъ въ поне-
дѣльникъ. Н. опять пригласили къ генералу, только что полу-
чившему свѣдѣніе, что онъ, Леонъ, былъ въ числѣ плѣнныхъ, но
умеръ на рукахъ русскаго хирурга, вынужаго ему изъ груди пу-
лю. Я увидалъ Н., только что узнаваго о смерти сына, и на-
прасно старался утѣшить несчастнаго миллионера. Что же прои-
зошло съ графинями П.? Ничего не произошло; онѣ помирились
съ совѣстью, но ксендзъ, истинный виновникъ драмы, былъ аре-
стованъ.

Я оставилъ Вильну въ тотъ же вечеръ и отправился въ Петер-
бургъ. Я очутился въ компаніи съ флигель-адъютантомъ Им-
ператора и другимъ офицеромъ русской арміи, которые, послѣ
участія въ нѣсколькихъ стычкахъ, возвращались въ С. Петербургъ.
Слѣдующее я узналъ отъ флигель-адъютанта. „За недѣлю
до Троицы, я разбилъ инсургентовъ, оставившихъ въ моихъ ру-
кахъ до двадцати плѣнныхъ. Спустя нѣсколько дней является
дама среднихъ лѣтъ и проситъ меня за сына, юношу 15 лѣтъ,
бывшаго въ числѣ плѣнныхъ. Она говорила, что сынъ ея былъ
увлеченъ противъ воли бандой и просила возвратить его ей. Я
послалъ за плѣнникомъ, и такъ какъ онъ дѣйствительно оказал-
ся ребенкомъ, я объяснилъ ему важность его преступленія и посо-
вѣтовалъ матери держать его дома. За день до праздника, гу-
ляя, я встрѣтился съ нею. Она подошла ко мнѣ и сказала: бла-
годарю васъ, что позволили сыну моему провести праздникъ со
мною. Сударыня, я позволилъ ему навсегда остаться съ вами.
Я честная женщина, отвѣчала она, и потому скажу вамъ все.
У меня только одинъ сынъ, я люблю его всѣмъ сердцемъ, но онъ
принадлежитъ отечеству. Я не хочу васъ обманывать, мой Пята
останется со мной недѣлю, но потомъ онъ опять будетъ сражать-
ся. Послушайте, сударыня, просьба ваша о сынѣ могла быть ува-
жена, такъ какъ ему только 15 лѣтъ; но если онъ попадется во
второй разъ, съ нимъ поступятъ, какъ съ тридцати-лѣтнимъ; не
забывайте и того, что онъ поклялся никогда больше не присоеди-
няться къ бунтующей партіи. Дама поблѣднѣла, но не сказала
ни слова. Пятнадцать дней спустя, этотъ юноша опять былъ въ
числѣ нашихъ плѣнниковъ. Ихъ отослали въ Динабургъ, и я не
знаю дальше, что выпало на долю моего „protégé.“ Эта мать—
фанатичка, подстрекаемая ксендзами, пожертвовала единственнымъ
сыномъ.

Другой офицеръ, Е—., былъ въ Польшѣ во время кринской войны. Онъ очень хорошо принять былъ въ семействѣ г-жи Г., мужъ которой былъ богатый собственникъ въ Ковенской губерніи. У нихъ было два сына и двѣ дочери, — прекрасныя дѣти, старавшіяся сдѣлать пріятными для русскаго офицера тѣ мѣсяцы, которые онъ провелъ въ домѣ ихъ отца. Даже послѣ заключенія мира, когда полкъ молодого поручика возвратился въ Россію, онъ оставался довольно долго въ дружеской перепискѣ съ Г. и его семействомъ. Переписка происходила на русскомъ языкѣ; живя же въ домѣ Г., офицеръ пользовался у него прекрасною бібліотекою, въ которой были сотни русскихъ сочиненій.

Въ 1862 г., Е—., теперь уже капитанъ, посланъ былъ съ полкомъ въ Литву, и тамъ попросилъ позволенія посѣтить Г., о которомъ всегда говорилъ, какъ о человѣкѣ мирномъ, преданномъ законному правительству. Думая сдѣлать пріятный сюрпризъ своимъ прежнимъ друзьямъ, Е— явился прямо, безъ всякаго предварительнаго доклада. Его тотчасъ узнали, но приняли холодно. Прежнія дѣвочки стали прекрасными дѣвушками лѣтъ 19 и 20. Онъ говорили только о несчастіяхъ своей страны, и когда Е—, отвѣчалъ, что онъ совсѣмъ не знаетъ, въ чемъ заключались ихъ несчастія, старшая, болѣе граціозная, пустила въ дѣло все свое кокетство, доказывая Е—., что онъ, какъ нѣмецъ родомъ и симпатизирующій полякамъ, долженъ оставить свой полкъ и присоединиться къ польской партіи, говоря, что она будетъ ему покровительствовать и что онъ сдѣлаетъ блестящую карьеру. Е—. признавался, что ему трудно было устоять противъ соблазнительной пѣсни прекрасной сирены, и что сердце его было почти потеряно. Но внутренняя борьба его продолжалась недолго. На слѣдующее утро, пока все семейство еще спало, онъ потребовалъ экипажъ и уѣхалъ — съ тѣмъ, чтобъ никогда не возвращаться.

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, бунтъ вспыхнулъ, и Е—. увидѣли, что два сына Г. были въ числѣ мятежниковъ. Въ нѣмцѣ Е—. былъ въ отрядѣ, посланномъ противъ банды Мацкевича. Стычка началась на опушкѣ лѣса, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Трокъ; мятежники, какъ всегда, были разбиты и только 20 или 30 человѣкъ сопротивлялись. Е—. узналъ въ ихъ числѣ своего прежняго друга, Юліана Г., покрытаго кровью и съ однимъ глазомъ, вывернутымъ изъ орбиты. Онъ подходитъ къ нему

и, взявъ за руку, говорить: Слѣдуй за мною, я тебя спасу. Юліанъ кричитъ ему: оставь меня, измѣнникъ, и цѣлитъ въ ближайшаго возака, но другой возакъ прокалываетъ его пикой. Продолжая преслѣдовать банду, Е— находитъ въ разоренномъ домѣ втораго сына Г., Евгенія, сидящаго на стулѣ, съ пулей въ груди. Онъ кричитъ, воды, дайте мнѣ воды. Е—. подходитъ къ нему, говоря, вы не узнаете меня, Евгений? и подноситъ ему свою собственную кружку, но молодой фанатикъ отталкиваетъ ее и умираетъ. Я слышалъ потомъ, сказалъ Е—, что въ семействѣ этомъ, такомъ счастливомъ до того времени, виновницами вступленія братьевъ въ банды были ихъ сестры; онѣ же были причиною ихъ смерти и отчаянія отца, который теперь въ динабургской крѣпости. Я не знаю, что стало съ этими дѣвками, которыя, особенно старшая, удивительно хороши.

IV.

Мое пребываніе въ Петербургѣ было не продолжительно. Въ этомъ городѣ все было спокойно и не существовало никакихъ опасеній войны съ кѣмъ либо изъ за-Польши. Около половины августа я поѣхалъ въ Варшаву, гдѣ и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ. Здѣсь всѣ предосторожности были взяты для подавленія мятежа, въ особенности по отъѣздѣ великаго князя Константина. Намѣстникъ Императора, графъ Бергъ, далъ образецъ удивительнаго искусства и умѣнья выслѣживать истинныхъ авторовъ этого ужаснаго заговора. У насъ постоянно толкуютъ о польской революціи. Это большая ошибка; простой народъ не возмущался вовсе. Три милліона крестьянъ, многочисленныя горожане, нѣмецкіе колонисты, и даже крупныя собственники, всѣ они противъ бунта. У этого послѣдняго два дѣятеля, первый, вся вообще партія красныхъ, та самая, которая насылаетъ убійцъ на Наполеона III, и которая стрѣитъ ковы точно также во Франціи, Германіи, Италіи, Ирландіи, и даже Англій. Эта партія нигдѣ не находитъ столькохъ адептовъ, какъ въ Польшѣ, гдѣ мелкое дворянство — бѣдняки, невѣжи и лентяи, не можетъ забыть эпохи своего владычества. Невозможно сравнить шляхту съ нашей *джентри*, умной, трудолюбивой, и поддерживаемой богатыми и могущественными представителями нашихъ знатныхъ фамилій. Шляхта образуетъ есендзовъ, чиновниковъ низшаго разряда, и слугъ, т. е. всѣхъ тѣхъ, изъ кого состояли бан-

ды. Еще двигатели возстанія, это пани, эмигрировавшія въ настоящее время въ Парижъ; онѣ желали воспользоваться случаемъ для возвращенія власти, но всякій знаетъ, какъ это было неуспѣшно.

Женщины изъ мелкаго дворянства любятъ роскошь и удовольствія. Онѣ надѣются, что если власть дворянъ восстановится, на счетъ горожанъ и *shoprow*, онѣ станутъ богаты и найдутъ возможность удовлетворить своимъ прихотямъ, какія надежды и поощряли ксендзы и тайное правительство, платившее женщинамъ, принимавшимъ дѣятельное участіе въ движеніи, значительныя субсидіи. Эти женщины выказали дѣятельность и ловкость, достойныя лучшей цѣны. Русская любезность защищала ихъ сначала отъ строгаго порицанія. Русскіе никогда не оскорбляли женщинъ, ни полякъ, ни литвинокъ, и все, что наши журналы говорили по этому поводу, чистѣйшая выдумка. Даже съ тѣми женщинами, которыхъ виновность была доказана, всегда обращались съ уваженіемъ, какового требовалъ ихъ полкъ. И не смотря на жалую застѣчивость паней, личные обыски всегда производились женщинами, при отсутствіи мужчинъ. Я приведу здѣсь только нѣсколько примѣровъ, доказывающихъ виновность полякъ. Г-жа Мацѣвская, вдова русскаго чиновника, получавшая пенсію отъ Россіи, устроила у себя въ домѣ депо оружія для инсургентовъ. Съ помощью двухъ дочерей, она получала это оружіе и распредѣляла его согласно приказаніямъ *жонда*. Этой женщиной вооружены были жандармы-вѣшатели и кинжалщики, надѣлавшіе такъ много зла въ Варшавской губерніи. Это депо выдано было персіянинумъ Артеміемъ Вандурольфомъ, однимъ изъ агентовъ тайнаго правительства. Мелочная торговка, Маріанна Невинская, была разносчицею революціонныхъ публикацій не только секретнаго „журнала *жонда*“, но также и „*Czas*“, „*Chwila*“, нашего „*Morning post*“ и нѣкоторыхъ французскихъ журналовъ, прославившихся смѣшными баснями по поводу польскаго возстанія. Эта женщина занялась очень выгоднымъ ремесломъ, за газеты ей хорошо платили, и она нажила много денегъ, прежде чѣмъ открыли ея занятіе. Циркуляры *жонда* печатались дамами, Торхановской, Квятковской, Кастержской и другими. Сборъ податей, наложенныхъ *жондомъ*, производился женщинами, собиравшими ихъ съ помощью учениковъ гимназій. Убѣжище убійць, извѣстныхъ подъ именемъ „жандармовъ-вѣшателей“ былъ трактиръ мадамъ В., пользовавшаяся дурной славой, гдѣ женщины самаго послѣдняго разбора обольщали посѣтителей. Жен-

нины эти, искусно дирижируемая мадамъ В. и ея дочерями, были не только шпионами тайнаго правительства, но и наборщиками его. Много молодыхъ художниковъ, развращенныхъ этими тварями, покинули свои обычныя занятія и поступали во власть жонда, платившаго имъ деньги чрезъ посредство мадамъ В.; едва ли нужно и прибавлять, что эта хорошая женщина особенно заботилась, чтобы побольше жандармскихъ денегъ оставалось у ней въ рукахъ, въ ея пользу. Въ Варшавѣ много кофейныхъ домовъ, гдѣ прислуживаютъ дѣвушки, всегда хорошенкѣя и кокетливыя. Всѣ эти весталки также были на откупѣ у жонда и получали приказанія отъ почетныхъ дамъ города. Обыскъ былъ произведенъ въ одноѣмъ домѣ улицы Е., искали молодаго человѣка, командовавшаго бандой. Старательное и строгое розысканіе не привело ни къ чему; каждая комната была старательно осмотрѣна по нѣскольку разъ и сыщики хотѣли уже удалиться, какъ вдругъ полицейскій агентъ сдѣлалъ замѣчаніе, что молодая дѣвушка (дочь офицера въ отставкѣ), жившая съ родителями въ bel-étage, все стояла на одномъ мѣстѣ въ своей комнатѣ, въ которой они были два раза. Онъ сообщилъ русскому майору тутъ же при обыскѣ свое замѣчаніе, и тотъ, прощаясь съ барышней, потянулъ ей руку, проговоривъ какую-то вѣжливость. Дѣвушка, обрадовавшись, что наконецъ освобождается отъ этихъ гостей, неблаторазумно подала руку майору, тотъ потянулъ тихонько за руку прекрасную полку съ мѣста, — и вдругъ изъ-подъ огромнаго криволиня показалась мужская нога. Тотчасъ схватили егомосца, вытащили изъ этого потаснаго мѣста, и вытащенный оказался, предметомъ ихъ долгихъ поисковъ. Инсургентъ самъ признался, что въ ту минуту, какъ домъ былъ окруженъ, онъ попросилъ убѣжища только подъ кроватью дѣвушки, но что сама мать ея, женщина весьма известной фамиліи, спрятала его подъ криволиню дочери. Я расскажу вамъ еще анекдотъ, слышанный мною отъ молодаго пруссакъ, съ которымъ я видѣлся нѣсколько недѣль тому назадъ въ Берлинѣ. Вотъ почти его собственныя слова. Я пріѣхалъ въ Варшаву въ началѣ сентября, торопясь поскорѣе окончить свои дѣла, чтобы проѣхать черезъ Вильну въ Петербургъ. На другой день пріѣзда, я увидалъ около своего отеля молодую даму, изящно, но просто одѣтую, и самаго приличнаго вида. Черезъ три дня, возвращаясь къ обѣду, я встрѣтилъ ту же даму; она посмотрѣла на меня и спросила что-то по польски. Я отвѣчалъ ей по французски, что я мно-

странецъ и не понимая ея языка, она тотчасъ же продолжала весело и живо по французски. Мы такимъ образомъ прогуливались около полудня, наконецъ она замѣтила: „кажется, не совсѣмъ прилично намъ здѣсь разговаривать, желаю вамъ добраго утра“.

Удивленный такимъ неожиданнымъ прощаньемъ, я спросилъ, не могу ли я имѣть удовольствіемъ видѣть ее еще гдѣ нибудь.

— Но вы вѣдь иѣмецъ, вы не любите поляковъ.

— Напротивъ, отвѣчалъ я, я очень уважаю поляковъ, особенно польскихъ дамъ такихъ, какъ вы.

— О, вы славный обманщикъ!

— Нѣтъ, клянусь вамъ, отвѣчалъ я, совершенно очарованный ею, я могу васъ обожать.

— Докажите же это.

— Я готовъ, приказывайте.

— Приходите сегодня вечеромъ въ улицу П. № 21, ровно въ семь часовъ.

Она исчезла, а я спросилъ самъ себя: съ кѣмъ это я познакомился? Несомнѣнно съ женщиной прекрасной, изящной, образованной и уминой. Однако же способъ, съ которымъ она со мной познакомилась и безцеремонное приглашеніе къ себѣ заставили меня заключить, что я встрѣтилъ не обыкновенную камелию. Но такъ какъ я окончилъ всѣ дѣла и совершенно готовъ былъ уѣхать на слѣдующій день съ первымъ поѣздомъ, то я рѣшился продолжить свое приключеніе и отправился на свиданіе въ улицу П. Домъ подъ № 21 имѣлъ хорошій видъ; тѣмъ хуже, я не зналъ кого спросить. Однако я позвонилъ, и лакей въ либрѣ отворивъ мнѣ дверь, спросилъ: не изъ отеля ли Р.? Оказалось, что меня ждали. Меня провели въ *béi-étage* въ прекрасную гостиную, гдѣ я увидѣлъ незнакому-очаровательницу и почтенную пожилую даму. Мнѣ стало совѣстно, что я прелестную панну принялъ за героиню Дюма-сына, но все приключеніе было такъ таинственно, что я припомнилъ слова безумнаго короля Лира: „я желалъ бы, чтобъ теперь было время сна, и все было бы ужъ пройдено и кончено“. Обѣ дамы приняли меня съ самыми любезными видами. Леонора, молодая, представила меня, назвавъ по имени, своей матери. Чай былъ превосходенъ, и мы весело разговаривали о Франціи и Германіи, гдѣ эти дамы жили. Ни одного слова о политикѣ. Леонора была въ бѣлой мантильѣ; наружность ея была прекрасна. Потомъ мы заговорили объ искус-

ствахъ; она показала мнѣ альбомъ, наполненный ея рисунками, доказывавшими рѣдкій талантъ. Я восхищался ими. Это не самыя лучшія, сказала она; пойдите въ мой будуаръ, я покажу вамъ еще. Я послѣдовалъ за ней въ маленькую комнату, обитую розовыми обоями и украшенную рисунками подъ стекломъ и въ золоченыхъ рамкахъ. Такъ какъ это не романъ, а дѣйствительные факты, я не вдаюсь въ живописное разсматриваніе этой комнаты. Я какъ разъ очутился рядомъ съ польскою красавицею, держалъ ея руки въ своихъ и объяснялся въ пламенной любви.

— Нѣтъ, отвѣчала она, вы не любите меня, вы не можете, потому что не знаете меня.

— Напротивъ. Простите мое увлеченіе, я васъ обожаю! Приказывайте, что угодно, я радъ доказать мою любовь.

— Но, вы вѣдь уѣзжаете завтра съ первымъ поѣздомъ.

Какъ могла она знать о моемъ намѣреніи? Только выходя изъ отеля, я сказалъ объ этомъ хозяину, прося приготовить счетъ.

— Я уѣду съ тѣмъ, чтобъ возвратиться, какъ можно скорѣе, отвѣчалъ я.

— Поклянитесь доказать мнѣ вашу любовь; я потребую легкой услуги. Русскіе подстерегаютъ насъ. Я попрошу васъ только отвезти этотъ небольшой пакетъ въ Вильну, онъ очень важенъ, и я могу ввѣрить его только вполнѣ честному человѣку. Вотъ онъ; она отдала мнѣ маленькій запечатанный пакетъ, обвязанный зеленой лентой. Поклянитесь еще разъ, что свезете этотъ пакетъ въ Вильну, остановитесь въ отелѣ М. и отдадите пакетъ тому, кто придетъ за нимъ; я приму это за доказательство вашей любви ко мнѣ. Я предполагалъ, что Леонора потребуетъ чего нибудь совсѣмъ другаго, что она заставитъ меня, вслѣдствіе клятвы, вступить въ банду инсургентовъ, куда молодья польки увлекли тысячи поляковъ и сотни иностранцевъ. Поэтому требованіе прекрасной Леоноры показалось мнѣ очень умѣреннымъ, и я обѣщалъ исполнить требуемое. Она заставила повторить клятву надъ распятіемъ и потомъ осыпала меня самыми нѣжными ласками. Я былъ въ такомъ восхищеніи, что не понималъ больше, гдѣ я, и только въ половинѣ десятаго Леонора посоветовала мнѣ возвратиться домой, потому что запрещено было показываться на варшавскихъ улицахъ послѣ десяти часовъ. Влюбленный и счастливый, я ушелъ, рѣшившись какъ можно скорѣе возвратиться въ Варшаву для продолженія этого восхитительнаго знакомства. Я не видалъ больше

матери Леоноры; лакей проводить меня до дверей. Я скоро дошел до своей комнаты, и на слѣдующій вечеръ пріѣхалъ въ Вильну, въ назначенный отель. На утро послѣ пріѣзда въ мою дверь постучались. Вошелъ хорошо одѣтый господинъ и таинственно спросилъ, не привезъ ли я чего нибудь изъ Варшавы? Нисколько не сомнѣваясь, что это былъ человѣкъ, которому слѣдовало отдать пакетъ Леоноры, я спросилъ, что онъ ожидалъ у меня найти. Маленькій пакетъ съ крестомъ, былъ отвѣтъ. Дѣйствительно, на оберткѣ моего пакета былъ крестъ и двѣ буквы; я отдалъ его незнакомцу, прося дать росписку. На ней тоже былъ крестъ и буквы, какъ на пакетѣ. Я былъ доволенъ, что добросовѣстно исполнилъ порученіе неизвѣстной красавицы и занялся своими дѣлами. Возвратясь въ отель обѣдать, я узналъ что какой-то господинъ нѣсколько разъ уже спрашивалъ меня. Вотъ онъ опять идетъ, сказалъ швейцаръ. Красивый пожилой человѣкъ, высокій и съ усами, подходитъ ко мнѣ и проситъ поговорить безъ свидѣтелей. Я привелъ его въ свою комнату и тамъ онъ спросилъ пакета съ зеленой лентой. Я отвѣчалъ, что отдалъ пакетъ человѣку, приходившему за нимъ утромъ, и показалъ ему росписку.

— Несчастный, что ты надѣлалъ! вскричалъ старикъ, это былъ мой пакетъ. Теперь онъ въ рукахъ русскаго полицейскаго офицера. Я погибъ. Господинъ вышелъ и скрылся на улицѣ. Моя ошибка была невольная. Я попался опытному русскому полицейскому офицеру. Леонора должна была предупредить меня не отдавать пакета никому, кромѣ человѣка, который проситъ письма съ зеленой лентой. Зная истинный характеръ поляковъ, я съ первымъ же поѣздомъ уѣхалъ въ Петербургъ, откуда вернулся въ Берлинъ, ни минуты не останавливаясь въ Вильнѣ. Никогда больше не буду ухаживать за поляками, какъ ни будь онѣ хороши. Разсказавъ это, молодой человѣкъ увѣрялъ меня, что не поѣдетъ больше путешествовать по Польшѣ.

Я также могу привести много другихъ примѣровъ, доказывающихъ, что внутреннее правленіе секретной полиціи жонда было почти исключительно ввѣрено женщинамъ. Въ Польшѣ мы находимъ много семействъ, носящихъ нѣмецкія и многія другія фамиліи, но сдѣлавшихся совершенно поляками. Это также доказываетъ вліяніе полекъ, которыя, выйдя за мужъ за иностранцевъ, всегда воспитывали дѣтей въ польскомъ духѣ. Напр. Делевели, къ которымъ принадлежалъ знаменитый ученый, умершій въ Брислѣ

въ 1861 г., и начальникъ банды, часто упоминаемый въ журналахъ — прусскаго происхожденія, ихъ истинное имя Дельгофель фонъ Довеншпрунгъ. Чапскія происходятъ отъ знаменитаго Ульриха фонъ-Гуттенъ. Фамилія Чапскихъ есть только переводъ нѣмецкой фамиліи. Между извѣстными польскими фамиліями мы находимъ Бейеровъ, Денгольфовъ, Фалькерсамовъ, Гейденштейновъ, Платеровъ, Физгаусеновъ и много другихъ нѣмецкихъ именъ. Бутлеры происходятъ изъ Ирландіи; Флемминги, Гильденштерны изъ Швеціи; Материлано, Саллорони, Понятовскіе (Торелли) изъ Италіи. Дѣвица Пустовойтова, мнимый адъютантъ Лангевича, дочь русскаго маіора, женатаго на полькѣ.

Я уже говорилъ, что полька управляется своимъ духовникомъ. Это ясно доказываетъ, что несчастье Польши происходитъ отъ испорченности духовенства, попирающаго ногами принципы христіанской религіи. Можно и должно дать другое направленіе польскимъ женщинамъ. Должно доказать имъ, что истинный патриотъ долженъ стараться обезпечить счастье народа, просвѣщать его и распространять цивилизацію, соотвѣтствующую времени. Пусть онѣ поймутъ, что правленіе императора Александра II идетъ по пути, ведущему къ счастью націй. Но прежде всего польскихъ женщинъ должно освободить отъ пагубнаго вліянія духовенства, о которомъ справедливо можно сказать, что оно ничему не выучилось и ничего не забыло. Начать слѣдовательно, надо съ преобразования р.-католическаго духовенства въ Польшѣ, если оно не хочетъ понимать словъ Спасителя, „Date Caesari, quod est Caesaris et Deo quod est Dei“. Владычество его въ Польшѣ продлится не долго. Въ городахъ и въ нѣмецкихъ колоніяхъ, — уже тысячи реформатовъ и лютеранъ и число ихъ возрастаетъ ежедневно. Всѣ они ревностные приверженцы русскаго правительства. Въ деревняхъ же русское духовенство, даже не стараясь объ этомъ, образуетъ тысячи прозелитовъ. Крестьянинъ видитъ превосходство предъ своимъ гордымъ ксендзомъ, жестокииъ, несправедливыиъ, и часто безнравственнымъ, русскаго священника, истиннаго пастыря прихожанъ, подающаго въ своей частной жизни, съ женою и дѣтьми, примѣръ нравственности своей паствѣ. Поселянинъ принимаетъ р.-католическаго священника съ нѣкоторымъ страхомъ, а русскаго съ довѣріемъ, любовію и радушіемъ. Посредствомъ интригъ р.-католическое духовенство удержится еще на нѣсколько времени въ деревняхъ; но черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ, даже

безъ всякаго виѣнательства правительства, господствующаго религія польскихъ крестьянъ, будетъ греко-россійская *).

ЗАБЫТАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ СВА- ТЫНЯ НА ВОЛЫНИ.

СВЯТЫЕ УГОДНИКИ ВОЛЫНСКІЕ.

Великими и высокознаменательными чертами напечатлѣлась исторія православной церкви на Волини. Столько вѣковъ и такъ ярко цвѣла и развивалась здѣсь святая православная вѣра наша,—столько крови пролили и столько жизней положили наши предки за древнее благочестіе. Неужели же—думали мы много разъ—Господу Богу неугодно было прославить хоть кого нибудь изъ поборниковъ и подвижниковъ православной церкви волинской? Неужели всѣ они покоятся подъ спудомъ забытые, неизвестные, безъ прославленія? И обратили мы свои взоры на родныя почаевскія горы наши.... Тамъ, подъ кровомъ природной скалы Карпата, у самаго мѣста своихъ дивныхъ подвиговъ, нетлѣнно почиваетъ преп. угодникъ волинской, св. Іовъ, игуменъ почаевскій. И не одна только Волинь знаетъ и чтитъ святую память его: его святая мощи, подъ благодатнымъ освѣщеніемъ чудотворной иконы почаевской Божіей Матери, зовуть и привлекаютъ къ нему цѣлые сонны земляковъ и единовѣрцевъ нашихъ отъ самыхъ отдаленныхъ предѣловъ Галиціи, Кавказа и Сибири. Но неужели препод. Іовъ почаевскій и есть только одинъ святой угодникъ, котораго Господу благоудно было прославить въ церкви волинской?

Вопросъ этотъ вызванъ былъ распоряженіемъ нашего гражданскаго губернатора М. И. Черткова, которымъ онъ приглашалъ всѣ присутственныя мѣста Волинской губерніи избрать себѣ особенныхъ священныхъ покровителей изъ св. угодниковъ православной церкви и потомъ навсегда чтитъ память этихъ угодниковъ устройствомъ ихъ иконъ, возженіемъ предъ ними лампадъ, совершеніемъ молебновъ

*) Да, будетъ!... Есть много признаковъ того, что предсказаніе г. Вилькинсона исполнится.

въ день ихъ памяти, и т. п. Прекрасная мысль среди нашего ополяченнаго края! Но еще лучше было бы, думали мы, если бы эти присутственныя мѣста избрали своими покровителями и молитвенниками православныхъ угодниковъ волынскихъ. Но есть ли они, но кто они? Займемся посылнымъ рѣшеніемъ этихъ вопросовъ.

Въ „Словарѣ историческомъ о святыхъ, прославленныхъ въ российской церкви, и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, мѣстно чтимыхъ“, подъ 7-мъ числомъ сентября, значится память роднаго намъ угодника преподобнаго священномученика Макарія, архимандрита оврученскаго, родомъ изъ нашего же Овруча, изъ тамошней фамиліи Токаревскихъ (XVI в.) (*). Поблагословившись его именемъ, мы пошли далѣе, и по доброму началу открыли, что кромѣ священномученика Макарія, Волынь имѣла еще и имѣть святителя Стефана епископа Владиміра-волынскаго, котораго память чтится церковію 27 апрѣля (**), и преподобнаго Θεодора, князя острожскаго, котораго память, вмѣстѣ съ другими угодниками, почивающими въ дальнихъ пещерахъ Кіево-печерской лавры, гдѣ нетлѣнно покоятся и мощи св. Θεодора, — совершается 28-го августа (***). Такимъ образомъ, кромѣ св. Іова почаевскаго, вотъ еще три новыхъ родственныхъ волынскоі церкви святыхъ угодниковъ, носящихъ даже наименованія, заимствованныя отъ городовъ ея: Овруча, Владиміра, Острога.... Весьма было бы прилично, если бы эти святые угодники были избраны въ покровители присутственныхъ мѣстъ, состоящихъ въ упомянутыхъ городахъ.... Далѣе, мы вспомнили, что въ пещерахъ кіевскихъ есть мощи св. Іуліаніи дѣвы, княжны Ольшанской; церковь празднуетъ ея память 6 іюля, въ день обрѣтенія нетлѣнныхъ мощей ея (1624 г.). Фамилія Ольшанскихъ извѣстна на Волыни. Не родная ли намъ св. дѣва Іуліанія?... На серебряной дощечкѣ, найденной на ея гробѣ, значится, что святая Іуліанія была „дщерь князя Георгія Ольшанскаго, представившаяся дѣвою отъ рожденія своего въ шестое-надесять лѣто“. По древнему синодику, сохранившемуся у Кальнофойскаго, князь Юрій Дубровицкій-Ольшанскій былъ однимъ изъ благотворителей Печерской лавры и въ 1503 году сражался съ татарами. Это отецъ св. Іуліаніи. Кромѣ этого, извѣстно

(*) Словарь историческій о святыхъ стр. 153. Ополяченные потомки его нынѣ называются уже *Токарежевскими*.

(**) Тамъ же, стр. 222.

(***) Тамъ же, стр. 7, подъ именемъ Агафонъ, чудотв. печерскій.

евангеліе, писанное 1557 года „вздвигеніемъ благовѣрной и хри-
столобивой княгини, супруги Козмы Ивановича Заславскаго, На-
стасьи Юрьевны, урожденной княжны Ольшанской.“ Это сестра
св. Іуліанія (*). Такимъ образомъ, св. праведная Іуліанія нахо-
дится въ самомъ ближайшемъ родственномъ отношеніи къ уѣзд-
ному нашему городу Заславию, — родинѣ и бывшей нѣкогда сто-
лицѣ князей Заславскихъ, и по справедливости можетъ и должна
быть избрана въ покровители этого города.

Изъ житія преподобнаго Іова почаевского оказывается, что
онъ только конецъ жизни своей провелъ въ монастырѣ почаев-
скомъ, а до того времени болѣе 20 лѣтъ былъ игуменомъ въ
дубенскомъ, что на островѣ рѣки Иквы, Крестовоздвиженскомъ
монастырѣ (**). Въ память такого единенія двухъ обителей доселѣ
первовъ этого монастыря причислена къ Почаевскій лаврѣ, и сюда
ежегодно постановлено совершать крестный ходъ съ чудотворною
иконою почаевской Вожіей Матери изъ Почаевской лавры. Отсюда
уже видно, что св. Іовъ Почаевскій долженъ быть избранъ въ
покровители города Дубна?... Далѣе, въ числѣ первостоятелей
русской церкви свѣтлѣется пріснопамятное имя Петра, митропо-
лита кievскаго и московскаго и всея Россіи чудотворца, памятнаго
всему русскому народу пророчественнымъ благословеніемъ нашей
первопрестольной столицы и возвышеніемъ рода князей моско-
вскихъ и значеніемъ Москвы чрезъ перенесеніе митрополичей ка-
ѳедры изъ Владиміра въ только что возникавшую тогда столицу
великаго князя Іоанна Даниловича. Вся русская церковь празд-
нуетъ память его 21 декабря, вмѣстѣ съ святыми Алексіемъ и
Іоною 5 октября, а перенесеніе мощей его (1479 г.) 24 авгу-
ста. А между тѣмъ, этотъ великій святитель былъ, какъ гово-
рится наприм. въ нашихъ часословахъ „отъ волынскія земли, бла-
гочестиву родителю сынъ, отца именемъ Θεодора“, и по преданію
происходилъ изъ окрестностей г. Ковля, именно изъ мѣстечка
Ратнаго, гдѣ на рѣкѣ Ратѣ построилъ обитель во имя Спаса
Нерукотвореннаго образа, изъ игуменовъ каковой обители (по лѣ-
тописямъ ражской или ратской) и поставленъ потомъ во всерос-

(*) См. Русскіе святые, преосвящ. Филарета черниговск. Іюль,
св. Іуліанія Ольшанская, стр. 319. Словарь историческ. о святыхъ,
стр. 126.

(**) См. Житіе блаженнаго Іова, игумена Почаевского, изданное
въ Почаевск. лаврѣ.

сѣскіе митрополиты константинопольскимъ патриархомъ Аеанасіемъ 1308 года (*). Какой же другой святой угодникъ можетъ быть избранъ въ покровители г. Ковля, какъ не святитель Петръ московскій? Наконецъ, Почаевская обитель, въ которой сіяетъ чудесами чудотворная икона почаевской Божіей Матери, состоитъ въ уѣздѣ Бременецкомъ, Волынской губерніи. Само собою понятно, что покрову Божіей Матери всего ближе и естественнѣе ввѣрить присутственныя мѣста города Кременца.

Послѣ этого, только для Житомира, да четырехъ уѣздныхъ городовъ волынскихъ: Ровна, Луцка, Новоградъ-Волынска и Старо-Константинова не достаётъ особенныхъ, родныхъ имъ святыхъ угодниковъ, чтобы избрать ихъ въ покровители присутственныхъ мѣстъ, въ нихъ находящихся. Но самое наименованіе Старо-Константинова показываетъ, что ему всего приличнѣе встать подъ особенное священное покровительство *староаго Константина*, т. е. св. равноапостольнаго Константина Великаго, или какого нибудь изъ русскихъ царственныхъ угодниковъ этого имени, каковы наприм. св. Константинъ, сынъ Θεодора князя смоленскаго, 19 сентября, св. Константинъ князь муромскій, 21 мая, Константинъ Всеволодовичъ Ярославльскій, 3 Іюня, и др. Нечего и говорить, что по значенію Житомира, какъ губернскаго города Волынской губерніи, ему всего приличнѣе посвятить себя покровительству всѣхъ угодниковъ волынскихъ, подъ именемъ собора св. волынскихъ чудотворцевъ, какъ есть, наприм., соборы угодниковъ и чудотворцевъ кievскихъ, московскихъ, вологодскихъ и т. п. Что касается, наконецъ, Ровна, Луцка и Новоградъ-Волынска, то и для нихъ можно найти много угодниковъ въ русскихъ православныхъ святцахъ. Надобно только принять въ соображеніе мѣстныя и другія обстоятельства, чтобы сдѣлать надлежащій выборъ, хотя Ровна и можетъ избрать своею покровительницею св. Ольгу, такъ какъ она посѣщала землю Древлянскую, т. е. наше волынское Полѣсье, а Ровно одинъ изъ городовъ этого Полѣсья. Извѣстно также, что нѣсколько времени игуменствовалъ на Волыни извѣстный святитель новгородскій св. Нифонтъ, почивающій нынѣ въ кievскихъ пещерахъ (**); его и можно бы избрать въ покровители Луцка или

(*). Слѣды этого монастыря и теперь еще показываютъ возлѣ м. Ратнаго. Словарь историч. о свят., стр. 197.

(**) См. Очеркъ исторіи православной церкви на Волыни. С.-Петербургъ, 1855 г., стр. 30.

Новоградъ-Волинска и т. п. Память его совершается въ Кіево-печерской лаврѣ 8 апрѣля (*).

Но мы и на половину не кончили бы своего дѣла, если бы все значеніе православныхъ нашихъ волинскихъ угодниковъ захотѣли ограничивать одними только присутственными мѣстами Волинской губерніи. Въ присутственныхъ мѣстахъ иному не придется побывать въ теченіе всей жизни; между тѣмъ, для того, дабы память о святыхъ нашей губерніи могла принести питающіе плоды ее надобно провести въ кругъ народа. Такое вразумленіе прежде всего и болѣе всего возвыситъ народное сознаніе обитателей Волинской губерніи и укрѣпитъ его религіозное чувство. Чѣмъ славна Москва, что возвышаетъ ее въ собственныхъ глазахъ и такъ обаятельно влечетъ къ ней сердца цѣлаго народа русскаго, какъ не обиліемъ святыни, въ ней находящейся? Что привлекаетъ въ Кіевъ столько тысячъ народа и дѣлаетъ его столь дорогимъ и священнымъ для православнаго русскаго люда, какъ не религіозное его значеніе, какъ не нетлѣнныя тѣла угодниковъ, въ немъ почивающихъ? Скажите и волинскому народу, что онъ вовсе не такъ бѣденъ духовнымъ достояніемъ, какъ это ему доселѣ представляли, что и среди его выходили, подвизались и спасались родные ему святые мужи, цѣлою церковію російскою почитаемые и признаваемые, — и онъ поднимется въ своемъ собственномъ сознаніи, съ большимъ чувствомъ осѣнить себя православнымъ крестнымъ знаменіемъ, съ большимъ дерзновеніемъ помолится Богу, вѣра, что его молитва будетъ окрылена святыми и дѣйственными молитвами болѣе близкихъ ему молитвенниковъ. Но самое главное, чего надобно ожидать отъ распространенія свѣдѣній о святыхъ угодникахъ волинскихъ въ средѣ православнаго волинскаго народа — это возвышеніе православія, укрѣпленіе въ немъ сознанія его святости, древности и пораженіе латино-польскихъ притязаній, въ ихъ коренныхъ основаніяхъ и началахъ. Тогда всякій православный волинянинъ можетъ сказать поляку-паписту: „ты превозносишь свою вѣру, стараешься поражать насъ шумомъ и казистостію своихъ церемоній... А давно она здѣсь появилась, отчего появилась; много ли твоя хваленая вѣра содѣлала святыхъ угодниковъ на Волини (**)? Когда еще здѣсь не было и духу поль-

(*) Словарь истор. о свят., стр. 189.

(**) Чтобы помочь бѣдѣ, латиняне не разъ пускались на хитрости, на сочиненіе святыхъ. По преданію, въ м. Лабугѣ, З.....

скаго и латинскаго, вся эта страна была православною, въ ней уже ярче солнца сіяли представители и поборники св. православія волынской церкви: святитель Петръ, изъ Ратнаго, первостоятель московскій, преподобный Макарій изъ Овруча, постриженникъ овручскаго монастыря, архимандритъ овручскій, св. Феодоръ изъ Острога, князь острожскій, и проч. и проч. Противъ такихъ аргументовъ древности въ странѣ и святости православія не устоитъ никакая казуистика, ни польская, ни латинская, и превосходство православія предъ латинствомъ лучезарно будетъ сіять всѣмъ православнымъ и неправославнымъ обитателямъ Волыни.

Понятно само собою, какое особенное стараніе, послѣ этого, должно оказывать православное волынское духовенство въ дѣлѣ ознакомленія своихъ пасомыхъ съ памятью св. угодниковъ волынскихъ. Но, къ сожалѣнію, нужно сознаться, что духовенство волынское въ этомъ благомъ дѣлѣ не обнаруживаетъ должнаго старанія. Впрочемъ и духовенство наше очень мало виновато въ этомъ упущеніи. Въ волынской семинаріи хоть и говорятъ наставники о св. угодникахъ волынскихъ, но говорятъ вскользь, въ общемъ развитіи церковно-русской исторіи, а такіа лѣтучія фразы почти

уѣзда, во время татарскихъ набѣговъ, былъ убитъ въ день св. Пасхи, во время священнослуженія, священникъ Золотаревичъ. Прихожане погребли его въ церкви, въ томъ самомъ облаченіи, въ которомъ онъ служилъ. Когда, подъ покровительствомъ князя Любомірскаго, утвердились въ Городищахъ кармелиты, тогда, по сосѣдству, они рѣшились овладѣть и Лабунемъ. Не успѣвъ упросить Любомірскаго отдать имъ лабунскую каменную церковь, они перенесли сюда изъ Городища свою деревянную городищенскую каплицу, оказавшуюся ненужною за постройкою тамъ новаго каменнаго вѣштора, и, поставивъ ее прямо противъ церкви, когда Любомірскій былъ на сеймѣ, напали на эту церковь и насильно перенесли въ нее новопостроенную каплицу. Спустя нѣсколько времени въ отнятой церкви произошелъ пожаръ, вслѣдствіе котораго обрушился фронтонъ съ колонадою. Понадобилась перестройка; и тутъ то, при разломѣ въ одномъ мѣстѣ стѣны, найдены были нетлѣнные останки помянутаго священника Золотаревича. Ксендзы-кармелиты долго не задумывались, — они сняли съ Золотаревича ризы, которыя тоже оказались нетлѣнными, обрили ему бороду, подстригли въ кружокъ волоса, по уставу кармелитскому, и закупоривъ его мощи въ ящикъ, переслали къ своему провинціалу въ Вильну. Гдѣ теперь эти мощи — неизвѣстно; но мы смѣемъ догадываться: не они ли это ходятъ нынѣ по міру подъ именемъ какого то импровизированнаго латинскаго святаго Андрея Боболи?

всегда ускользаютъ изъ памяти воспитанниковъ. Они твердо помнятъ только память преподобнаго Іова, и его преставленіе, по распоряженію архіепископа волынскаго, нынѣ митрополита кievскаго Арсенія, празднуется (28-го октября) въ семинаріи. Объ остальныхъ угодникахъ волынскихъ знаютъ немногіе и немногое. При такомъ положеніи дѣла, и въ особенности по старой привычкѣ нашей дѣлать все только по указанію свыше, и въ настоящемъ случаѣ инициатива должна быть отъ начальства. И надобно признаться, никогда еще въ его рукахъ не было такъ много средствъ къ достиженію этой вожденной цѣли, какъ въ настоящее время.

И во-первыхъ, — благодаря пособію правительства, на Волыни строятся теперь много новыхъ храмовъ. Намъ кажется, что настоящій архипастырь нашъ оставилъ бы по себѣ незабвенную память на Волыни, если бы указалъ освящать нѣкоторые изъ нихъ во имя св. угодниковъ волынскихъ. А то, сколько намъ извѣстно, кромѣ почаевскаго храма, устроеннаго высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, у насъ даже нѣтъ другаго храма во имя преп. Іова почаевскаго. Кстати, и въ самомъ Житомирѣ строятся новый кафедральный соборъ; какъ было бы уместно посвятить его памяти св. угодниковъ волынскихъ! Само собою, о построеніи храмовъ на мѣстахъ жизни, прославленія или происхожденія нашихъ святыхъ угодниковъ и говорить нечего: это долгъ, свято исполняемый во всѣхъ мѣстахъ, во всей церкви православной, — къ сожалѣнію, только совершенно забытый у насъ на Волыни.

Послѣ этого, святое дѣло сдѣлало бы наше епархіальное начальство, если бы, по примѣру митрополита Арсенія, приказало, кромѣ преп. Іова, нарочито праздновать память и другихъ угодниковъ волынскихъ, особенно въ семинаріи, и какихънибудь 4—5 дней, посвященныхъ молитвѣ, не повредили бы дѣлу семинарской науки и образованія; а между тѣмъ, воспитанники, причувшись въ семинаріи праздновать память родныхъ угодниковъ, продолжали бы это святое дѣло и на приходоухъ, и такимъ образомъ становились бы проповѣдниками родной святости въ своей губерніи. Не страдаетъ же въ Кіевѣ ни наука, ни воспитаніе отъ того, что тамъ кромѣ урочныхъ праздниковъ воспитанники всѣхъ духовно-учебныхъ заведеній празднуютъ еще память св. великомученицы Варвары, священномученика Макарія. Слышали мы также, что въ волынской семинаріи думаютъ перестроить теплую

церковь. Какъ и соборъ житомирскій, ее бы тоже, по нашему, слѣдовало посвятить памяти какого нибудь изъ угодниковъ волынскихъ, или еще лучше цѣлому собору этихъ угодниковъ. Прилично было бы также вспоминать всѣхъ угодниковъ волынскихъ на литійныхъ эктенияхъ и въ другихъ молитвахъ, какъ это дѣлается наприм. въ кievской и другихъ губерніяхъ. Не мѣшало бы распорядиться праздновать всѣмъ волынскимъ угодникамъ, какъ на мѣстѣ ихъ жизни, происхожденія или прославленія, такъ и во всей Волынской губерніи. При нынѣшней свободѣ народа, это весьма возможно и доступно, а о нравственной пользѣ такихъ празднествъ и говорить нечего. Еще лучше было бы, еслибъ избранъ былъ какой нибудь особенный день для празднованія всѣмъ св. угодникамъ волынскимъ, и этотъ день, съ благословенія и утвержденія святѣйшаго синода былъ посвящаемъ общему волынскому празднику. Всего приличнѣе, конечно, назначить бы этотъ день осенью, когда народъ нашъ освобождается отъ работъ и когда вообще онъ какъ то болѣе бываетъ расположенъ праздновать, чѣмъ въ какое другое время года. Само собою разумѣется, что при этомъ весьма встаетъ было бы составить, или если гдѣ есть готовыя, напечатать службы всѣмъ угодникамъ волынскимъ, и разослать ихъ по всей Волынской губерніи, для всеобщаго употребленія. А то мы наприм. знаемъ положительно, что въ Почаевской лаврѣ есть аваиистъ препод. Іову почаевскому; его и теперь читаютъ тамъ предъ мощами св. угодника; есть также тропарь и кондакъ этому угоднику, также употребляемые въ Почаевской лаврѣ. А между тѣмъ неизвѣстно, по какимъ причинамъ они и доселѣ не напечатаны. Этого мало, возьмите вы какіе угодно святцы, московскіе или кievскіе, тамъ непремѣнно вы найдете указаніе всѣхъ угодниковъ, чтимыхъ въ предѣлахъ кievскихъ или московскихъ. Переберите же всѣ мѣсячныя минеи, напечатанныя въ Почаевской лаврѣ, пересмотрите всѣ ея святцы—и вы ни въ одномъ мѣстѣ не найдете даже намека хоть на одного изъ угодниковъ волынскихъ, если не вѣлчить сюда общаго всей русской церкви святителя Петра московскаго (*). Даже святому Іову Почаевскому не удѣ-

(*) Не можемъ не замѣтить, что на этотъ разъ немалую ошибку сдѣлалъ также и Народный кievскій календарь 1866 г. Въ своихъ святцахъ онъ помѣстилъ имена почти всѣхъ св. угодниковъ кievскихъ и кievо-печерскихъ, но не удѣлилъ ни одного мѣста ни одному угоднику волынскому. А между тѣмъ онъ назначаетъ себя

лено нигдѣ ни строчки. Это грустное умолчаніе не есть ли уловка почаевского уніята, которое ни въ одной изъ богослужебныхъ книгъ, издаваемыхъ уніятами въ Почаевской обители, нигдѣ не извѣстили ни одного угодника волынского, не исключая и самаго Іова почаевского (*). Но для уніатовъ въ этомъ случаѣ были свои собственные расчеты и интересы; а чѣмъ оправдываютъ себя ны, православныя? Когда латиняне захотѣли прославить своего мифро-визированнаго святаго Андрея Боболи, они долго не думали: послали въ Римъ и тамъ напечатали сотни службъ этому святому, наши средства переслать эти службы на Волынь, но которыми вѣроятно теперь служить не одинъ изъ есендзовъ волынскихъ.

Хорошо было бы напечатать жизнеописанія всѣхъ прославленныхъ на Волыни святыхъ и, въ даръ, или за умѣренную плату, разослать ихъ по церквамъ и въ особенности по сельскимъ училищамъ Волынской епархіи. Для этого нѣтъ надобности составлять новыя жизнеописанія; онѣ уже напечатаны въ жизнеописаніяхъ русскихъ святыхъ г. Муравьева, въ Историческомъ словарѣ о святыхъ, прославленныхъ въ російской церкви у пресвященнаго Филарета, архіепископа черниговскаго въ его помѣсячномъ изданіи „Русскіе святые“ и т. п. Намъ удавалось даже встрѣчаться нѣсколько разъ съ отдѣльными жизнеописаніями Макарія овручскаго, изданными въ С.-Петербургѣ и т. п. Можно развѣ не желать, чтобы всѣмъ этимъ жизнеописаніямъ дано было какое нибудь особенное единство. Для этого ихъ всѣхъ можно издать въ отдѣльной книжкѣ, съ приличнымъ предисловіемъ, въ которомъ было бы выяснено значеніе нашихъ угодниковъ, ихъ отношеніе къ Волыни и т. п. Само собою разумѣется, что при этомъ должно быть вмѣнено въ особую обязанность наставникамъ церковной исторіи въ волынской семинаріи, вмѣстѣ съ исторіею волынской церкви знакомить воспитанниковъ въ частности съ жизнью волынскихъ угодниковъ, прославившихъ своими подвигами и дѣятельностію эту исторію.

исключительно, можно сказать, для нашего югозападнаго края Россіи. Смѣемъ надѣяться, что при новомъ изданіи на будущій годъ редакторы кievскаго народнаго календаря поспѣшатъ поправить эту ошибку.

(*) Впрочемъ мы слышали, что почаевскіе базилиане хотѣли канонизовать препод. Іова, только, говорятъ, папа нашель, что гдѣ то препод. Іовъ неблагоклонно отзывался о римской вѣрѣ, и отказалъ въ канонизаціи.

Отъ епархіальнаго начальства обращаемся къ братствамъ волинской епархіи. Сколько намъ извѣстно, изъ нихъ официально заявили себя — братство лужское-покровское и острожское свято-Кирилло-Меодіевское. Последнее, какъ извѣстно даже путемъ официальнымъ, — собирается строить церковь въ Острогѣ во имя Свв. Кирилла и Меодія. Надѣемся, что оно устроитъ у себя хоть придѣлъ во имя роднаго городу Острогу святаго угодника печерскаго Теодора, князя острожскаго. Но на братствахъ волинскихъ, кромѣ этого, могутъ и должны лежать и другія обязанности въ отношеніи св. угодниковъ волинскихъ. Всѣмъ извѣстно, что главною причиною забвенія волинскимъ народомъ воспоминаній о свят. угодникахъ волинскихъ были латино-польская пропаганда на Волини. Ея вліянію обязаны мы тѣмъ, что православный волинскій народъ въ настоящее время гораздо болѣе знаетъ какого нибудь Яна-непомуцена, статуи котораго, къ стыду православія, и доселѣ еще красуются на всѣхъ перекресткахъ большихъ и малыхъ дорогъ волинскихъ, — или Антонія падуанскаго, о которомъ между волинцами ходитъ іезуитское убѣжденіе, что это тотъ же святой, что и преподобный Антоній печерскій и т. п., чѣмъ самаго даже Іова Почаевскаго. Было бы весьма законно, на мѣстѣ статуи Яна-непомуцена, какъ символа латинскаго преобладанія, поставить святыхъ иконы угодниковъ волинскихъ, ближайшихъ по мѣсту жительства, происхожденія, или прославленія къ тѣмъ мѣстностямъ, гдѣ стоятъ подобныя статуи; построить побольше русскихъ православныхъ часовень въ городахъ и селахъ съ этими иконами и т. п. А для того, чтобъ отбить въ народѣ охоту молиться до *świętego Antoniego*, налагать въ пользу церкви небольшіе штрафы на тѣхъ, которые бы ходили въ костелы на *отпусты* въ дни празднованія памяти этого латинскаго святаго, какъ это, знаемъ мы, сдѣлали прихожане одного села Заславскаго уѣзда, православные жители котораго ежегодно прежде собирались на одпустъ до *świętego Antoniego* у бернардиновъ заславскихъ; теперь уже не оказывается охотниковъ ходить на помянутый одпустъ (*).

(*) Впрочемъ мы не знаемъ, что и сказать объ этомъ отпустѣ. Довольно одного бѣглаго взгляда на Заславскій бернардинскій костелъ, чтобы замѣтить его православный характеръ; — и стоитъ онъ на востокъ и архитектура его — не латинская.... А народъ нашъ собственно и ходитъ въ заславскій костелъ на поклоненіе, потому, — что увѣренъ, что онъ тамъ чувствуетъ св. Антонія печерскаго. И преданіе говорить, что это именно и былъ нѣкогда православный

Далѣе, почему бы нашимъ волынскимъ братствамъ не освѣщаться хоть по мѣстамъ именами нашихъ св. угодниковъ волынскихъ? — Главное же, отъ нихъ болѣе всего можно ожидать распространенія жизнеописанія этихъ угодниковъ, ихъ иконъ, торжественнаго совершенія ихъ памяти и многоаго другаго, что изложили мы отчасти при изложеніи своихъ чаяній отъ волынскаго начальства епархіальнаго. Безсомнѣнія съ теченіемъ времени у насъ будетъ побольше братствъ, подобныхъ луцкому и острожскому, а съ тѣмъ вмѣстѣ, конечно, и шире распространится такъ дорогая для Волыни память нашихъ святыхъ угодниковъ волынскихъ.

Наконецъ, считаемъ долгомъ обратиться, отъ лица всѣхъ читателей волынскихъ чудотворцевъ, съ покорѣйшею просьбою во всѣмъ извѣстнымъ живописцамъ нашихъ столицъ, и въ особенности въ извѣстному уже своимъ прекраснымъ произведеніямъ по части церковной живописи, г. Солнцеву, — не благоугодно ли будетъ кому нибудь изъ нихъ взятыя составить общую икону для угодниковъ волынскихъ. По нашему крайнему разубѣнію, она могла бы быть составлена слѣдующимъ образомъ: замѣтитъ между прочимъ, что у насъ на Волыни, кромѣ святыхъ угодниковъ есть много православныхъ чудотворныхъ иконъ. По нашему мнѣнію, можно бы икону для волынскихъ святыхъ составить слѣдующимъ образомъ: Въ центрѣ иконы — чудотворная икона почаевской Божіей Матери съ ликами по сторонамъ, факсимиле которой можно получить въ Почаевской лаврѣ. Въ верху надъ нею почаевская гора, съ чудотворною стопою, а по сторонамъ — крестьянинъ, пасущій стадо, котораго Господь сподобилъ быть зрителемъ явленія Божіей Матери на горѣ почаевской, видѣвшій это чудо, а надъ нимъ въ облакахъ гербъ Волынской губерніи — красный крестъ въ голубомъ щитѣ. За тѣмъ, ниже въ горѣ, съ одной стороны естественная пещера и въ ней преподобный Іовъ почаевскій, молящійся предъ иконою почаевской Божіей Матери, какъ изображается онъ часто въ Почаевской лаврѣ, — съ другой стороны — другая пещера искусственная, и въ ней преподобный Теодоръ, князь острожскій съ княжескимъ вѣнцомъ у ногъ. Но образъ можно видѣть въ кіевскихъ пещерахъ надъ его мощами, также на общей иконѣ чудотворцевъ печерскихъ, изданной въ

монастырь во имя пр. Антонія. Такимъ образомъ народъ волынский является здѣсь болѣе преемникомъ древняго преданія, нежели читателемъ римско-католической святыни.

Кіевской лаврѣ, подѣ именемъ: „Соборъ преподобныхъ печерскихъ.“ За симъ ниже, съ той и другой стороны, видны селенія или городоуъ и надѣ однимъ изъ нихъ въ облакахъ чудотворная икона св. Николая Западнинецкаго; ея факсимиле можно получить изъ села Западнинець Старовоанстантиновскаго уѣзда, — а подѣ нею святитель Стефанъ Владимірскій, возвышающійся надѣ городоуъ;— его изображеніе такъ рѣдко, что мы не можемъ даже порекомендовать, гдѣ искать его; съ другой — въ облакахъ чудотворная икона Спасителя Боримельскаго; ея факсимиле въ м. Боремлѣ, Бременецкаго уѣзда, а подѣ нею надѣ городоуъ преподобномученикъ Макарій, архимандритъ овручскій; его изображеніе можно видѣть въ Переяславлѣ, Полтавской губерніи, гдѣ келѣвно почивають его мощи. За тѣмъ, еще ниже, подѣ иконоуъ почаевской Божіей Матери лики: митрополита Петра, общій типъ его изображенія извѣстенъ; и св. Іуліаніи, княжны Ольшанской, ея изобр. въ пещерахъ кіевскихъ надѣ ея мощами, — равно какъ и на иконѣ: „Соборъ преподобныхъ печерскихъ.“ Въ основаніе иконы можно бы положить видѣ Почаевской лавры, какъ представляется онъ съ великорусской стороны, т. е. съ востока, каковой можно получить изъ Почаевской лавры (*). Общая поднись можетъ быть слѣдующая: „Соборъ святыхъ угодниковъ волынскихъ.“ Не мѣшало бы также прѣ этомъ, подѣ ликоуъ каждаго изъ святыхъ — хотъ бы въ полусвѣтѣ на самой иконѣ — означить день памяти ихъ, мѣсто происхожденія и прославленія и т. п.....

Неизлишнимъ было бы наконецъ, если бы Почаевская лавра постаралась обзавестись небольшими дешевыми бумажными отдѣльными изображеніями волынскихъ угодниковъ, какъ есть, напр., тамъ изображенія почаевской Божіей Матери и пр. Іова почаевского. Только еще было бы лучше, если бы на нихъ были приложены краткія жизнеописанія этихъ святыхъ съ означеніемъ дня памяти ихъ, мѣста прославленія и т. п. Народъ, безъсомнѣнія, съ удовольствіемъ пріобрѣталъ бы эти изображенія и разнося ихъ по домамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ и знакомился со св. угодниками, на нихъ изображенными.

(*) Хорошо было бы гдѣ нибудъ помѣстить также на этой иконѣ видѣ церквей, построенныхъ у насъ св. великимъ княземъ Владиміромъ, каковы напр. Васильевская церковь въ Овручѣ, также Васильевская въ Владимірѣ Волынскомъ, — въ Олевскѣ и т. п. Видѣ ихъ можно получать съ мѣста.

Льстишь себя надеждою, что нашъ голосъ не останется гласомъ вопиющаго въ пустынь, и въ этомъ чаяніи оканчиваемъ свою статью, призывая Божіе благословеніе на это дѣло молитвами святыхъ славныхъ чудотворцевъ волынскихъ и всѣхъ святыхъ.

Русскій православный изъ Волны.

НѢКОТОРЫЯ ЧЕРТЫ ВОСПИТАНІЯ ВЪ УЧИЛИЩАХЪ ДѢВИЦЪ ДУХОВНАГО ЗВАНІЯ И ПРИНЕСЕННЫЯ ИМЪ ПЛОДЫ. (1)

О т ъ Р е д а к ц і и.

Въ примѣчаніи къ статьѣ: „Объ училищахъ для дѣвицъ духовнаго званія“, заимствованной изъ „Сѣверной Почты“ и перепечатанной въ предыдущей книжкѣ Вѣстника, мы обѣщались произвести на страницахъ нашего изданія ту часть изъ извѣстнаго сочиненія, съ вышепронисаннымъ названіемъ, которая озаглавлена такъ: „Нѣкоторыя черты воспитанія въ училищахъ духовнаго званія и принесенныя имъ плоды“. Теперь мы исполняемъ это обѣщаніе тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, что этотъ отрывокъ изъ вышеназваннаго прекраснаго сочиненія, составленнаго по распоряженію г. оберъ-прокурора (нынѣ и министра народнаго просвѣщенія), графа Д. А. Толстаго, есть новое доказательство благотворности училищъ для дѣвицъ духовнаго званія, такъ равно и обличеніе невѣрности взгляда на эти училища нѣкоторыхъ нашихъ публицистовъ и подтвержденіе рациональности и основательности тѣхъ убѣжденій, которыя высказаны нами въ III отдѣлѣ предыдущей книжки Вѣстника (стр. 13—28.)

При учрежденіи *особыхъ* училищъ для дѣвицъ духовнаго званія лежала въ основаніи та мысль, что не говоря уже о недоступности воспитанія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, но его до-

(1) Изъ сочиненія: „Объ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія.“

роговизнѣ, или по его исключительной сословности, въ институтахъ для дѣвицъ дворянскаго происхожденія самое направленіе этого воспитанія, его духъ, сущность, обстановка, совершенно не соотвѣтствовали будущей участи и назначенію дочерей духовенства.

Изъ этихъ послѣднихъ требовалось непременно воспитать твердо православныхъ христіанокъ, привыкшихъ къ строгому исполненію всѣхъ обычаевъ православной церкви и основательно наставленныхъ въ ученіи вѣры; опытныхъ, трудолюбивыхъ и самоработящихся домохозяекъ; жёнъ и матерей, не мечтающихъ объ удовольствіяхъ свѣтской жизни, но способныхъ всецѣло предаться исполненію своихъ многостороннихъ семейныхъ обязанностей, готовыхъ довольствоваться самымъ скромнымъ существованіемъ и, съ покорностью предъ волею Провидѣнія, посвятить всю свою жизнь на честный трудъ и на пользу ближнихъ.

Эти требованія истинно велики, и для ихъ удовлетворенія необходимы многія условія, установленіе и соблюденіе которыхъ немислимо въ нашихъ свѣтскихъ воспитательныхъ заведеніяхъ для дѣвицъ, по крайней мѣрѣ, еще на долгое время. Вотъ почему утвердилось сознательное убѣжденіе въ необходимости учредить для дочерей духовенства *особыя* училища, которыя находились бы подъ непосредственнымъ руководствомъ и надзоромъ духовнаго вѣдомства. Это мнѣніе, какъ мы видѣли, было высказано при самомъ приступѣ къ дѣлу, въ запискѣ, составленной по указаніямъ его основательницы, Великой Княжны Ольги Николаевны; оно было повторено во всеподданнѣйшемъ докладѣ оберъ-прокурора свѣтѣйшаго синода и подтверждаемо многими преосвященными въ ихъ представленіяхъ объ открытіи епархіальныхъ училищъ дѣвицъ духовнаго званія; это убѣжденіе раздѣляется всѣми людьми, которые вдумались въ этотъ вопросъ внимательно и рассмотрѣли его безпристрастно со всѣхъ сторонъ.

Остается взглянуть, какія были приняты особенныя мѣры къ достиженію особенныхъ цѣлей, указанныхъ при учрежденіи училищъ духовнаго званія; остается провѣрить дѣйствительно ли установленный въ нихъ порядокъ воспитанія рѣзко отличаетъ ихъ въ этомъ отношеніи отъ свѣтскихъ учебныхъ заведеній.

Вотъ, что читается въ годовыхъ отчетахъ, представляемыхъ Августѣйшей Покровительницѣ училищъ дѣвицъ духовнаго званія, относительно приученія воспитанницъ къ руководѣніямъ и къ занятіямъ по хозяйственной части:

«Каждый день постоянно двѣ воспитанницы, по очереди, дежурили по хозяйству подъ руководствомъ смотрительницы; онѣ сбивали масло, готовили творогъ, накрывали и убрали столы, мыли серебро и посуду; на кухнѣ чистили зелень и исполняли другія хозяйственныя работы, по своимъ силамъ. Въ теченіи лѣта онѣ работали въ огородѣ.»

«Каждый день занимаясь руководѣемъ, воспитанницы старшаго и средняго классовъ прочно и чисто шьютъ и кроютъ бѣлье и платья, мѣтатъ бѣлье, вышивають по канвѣ, вяжутъ чулки и перчатки, и вообще дѣлають все для нихъ нужное; онѣ сами изготовили бѣлье для выпускныхъ воспитанницъ; сверхъ того занимались шитьемъ священническихъ одеждъ и приготовленіемъ различныхъ церковныхъ украшеній. Ученицы младшаго класса шьютъ и вяжутъ довольно чисто и прочно.»

«Каждый день шесть воспитанницъ, по двѣ изъ каждаго класса, по очереди вступаютъ въ дежурство по хозяйству, подъ надзоромъ наставницы. Воспитанницы двухъ старшихъ классовъ оказали такіе успѣхи въ хозяйствѣ, что научились готовить всѣ употребляемыя въ училищѣ кушанья и печь хлѣбы, заготавливать въ прокъ провизію и готовить разные припасы изъ молока. По окончаніи дежурства, воспитанницы обыкновенно отдають начальницѣ отчетъ въ употребленной ими провизіи, съ означеніемъ цѣны каждому предмету. Младшія воспитанницы исполняютъ работы, соотвѣтственныя ихъ возрасту. Всѣ же вмѣстѣ, подъ руководствомъ бѣлевой, учились мыть бѣлье и почти ежедневно катають, гладятъ и складываютъ его. Въ теченіи лѣта воспитанницы ходили многократно на училищный огородъ, гдѣ, подъ руководствомъ огородника, сажали, пололи, поливали зелень, собирали сѣмена, убрали овощи съ грядъ, теребили ленъ и жали.»

«Дежурныя воспитанницы..... чистили ножи, вилки, подсвѣчники, мыли посуду, накрывали столы, служили во время кушанья.»

«Дежурныя воспитанницы участвуютъ въ выдачѣ провизіи и постепенно вводятся во всѣ подробности домашняго хозяйства. Вечеромъ даютъ подробный отчетъ, представляя записку о количествѣ всѣхъ употребленныхъ припасовъ, съ обозначеніемъ ихъ цѣнности. Лѣтомъ участвуютъ во всѣхъ огородныхъ работахъ.»

«Воспитанницы занимались ежедневно руководѣемъ; все бѣлье для своего употребленія онѣ приготовили сами и весьма порядоч-

но; болѣе искусныя даже шили платья, стегаи теплыя одежды, вязали себѣ теплыя чулки и перчатки.»

Эти донесенія вполне доказываютъ, что воспитанницы училищъ духовнаго вѣдомства не выходятъ изъ нихъ бѣлоручками и ни къ чему не умѣющими приложить собственныхъ рукъ; но дѣйствительно обучаются и пріучаются тамъ къ исполненію всѣхъ обязанностей исправной и трудолюбивой домохозяйки.

Весьма естественно, что нельзя представить доказательствъ столь же положительныхъ, и наглядныхъ относительно религіозно-нравственной стороны воспитанія въ этихъ училищахъ, такъ какъ судить объ этомъ предметѣ возможно только по разсмотрѣнію его внутреннихъ, духовныхъ свойствъ, а не по внѣшнимъ признакамъ. Однако и въ этомъ отношеніи можно указать на принятіе такихъ мѣръ, которыя неминуемо должны дѣйствовать къ развитію въ разумномъ существѣ, особенно въ юныхъ и чистыхъ созданіяхъ, чувства любви къ Богу, церкви, ближнему, съ укорененіемъ правилъ христіанской нравственности и сознанія долга къ самому себѣ и къ людямъ.

Воспитанницы пріучаются къ соблюденію всѣхъ обычаевъ и постовъ, установленныхъ православною церковью, съ чувствомъ священнаго уваженія къ ея постановленіямъ; онѣ присутствуютъ на всѣхъ праздничныхъ богослуженіяхъ, принимая сами участіе въ чтеніи и пѣніи; обученіе ихъ Закону Божию не ставится на послѣдній планъ преподаванія и не ограничивается краткимъ обзоромъ библейской исторіи и поверхностнымъ знаніемъ катихизиса, но производится основательно, тщательно и въ качествѣ главнаго предмета преподаванія; кромѣ св. исторіи и катихизиса имъ преподаютъ ученіе о священныхъ храмахъ и ихъ принадлежностяхъ, о дѣйствіяхъ и временахъ богослуженій, исторію церкви вселенской и русской; по субботамъ, внѣ классовъ, ихъ заставляютъ выучивать и объясняютъ имъ псалмы, каноны и разныя церковныя пѣсни; законоучители бесѣдуютъ съ ними о святыхъ истинахъ православія, объясняютъ имъ Евангеліе, читаютъ назидательныя духовныя произведенія. Всѣ эти занятія, при разумномъ и толковомъ объясненіи ихъ смысла, значенія и цѣли, знакомятъ и сближаютъ человека съ Богомъ; но узнать Бога— не значитъ ли полюбить Его и вступить на путь добра?

Еще въ стѣнахъ училища питомицы его пріучаются къ труду на пользу ближняго и къ дѣламъ благотворительности: воспитанницы

старшаго класса одного изъ училищъ занимались въ воскресные дни обученіемъ приходящихъ ученицъ, въ учрежденной при училищѣ воскресной домашней школѣ. Воспитанницы другаго училища посвящали праздничное время на заготовленіе разной одежды для бѣдныхъ. Въ прекрасномъ наставленіи, данномъ однимъ изъ пресвященныхъ учрежденному его заботливостью училищу, было между прочимъ сказано: «Въ случаѣ нужной помощи безвозмездною работою для бѣдныхъ и нищихъ надобно располагать дѣтей, чтобы онѣ дѣлали то охотно и съ любовію; кромѣ того, если у которыхъ будутъ заработаны деньги и онѣ захотятъ сдѣлать по какой нибудь вещи для бѣдныхъ, напримѣръ, рубашку, чулки, перчатки, и т. п., не только дозволить то, но и поощрять дѣтей въ томъ, и раздачу такихъ работъ ихъ для бѣдныхъ дѣлать однажды въ годъ, 12 ноября, какъ въ день Іоанна Милостиваго, патриарха александрійскаго; можно раздавать вещи бѣднымъ въ училищѣ, или отослать куда нужно.»

Изъ приведенныхъ указаній можно сдѣлать выводъ, что со стороны духовнаго вѣдомства приняты всѣ мѣры и приложено внимательное стараніе къ осуществленію цѣлей, предназначенныхъ училищамъ дѣвицъ духовнаго званія,— возникаетъ вопросъ: принесло ли это воспитаніе дѣйствительныя добрыя плоды и желанную пользу?

Нѣсколько изъ этихъ заведеній, учрежденные уже давно и давнія отъ 4-хъ до 9-ти выпусковъ воспитанницъ (бывающіе черезъ 2 года), могли бы представить многочисленныя данныя къ разрѣшенію предложеннаго вопроса; но, къ сожалѣнію, только тѣ училища, которыя имѣютъ счастье состоять подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Государыни Императрицы, представляютъ въ всеподданнѣйшихъ отчетахъ Ея Величеству свѣдѣнія о бывшихъ своихъ воспитанницахъ. Такимъ образомъ источники, изъ которыхъ можно бы почерпнуть требуемыя указанія—весьма ограничены; однако они существуютъ, и этого достаточно.

Пусть же на сдѣланный вопросъ отвѣчаютъ слѣдующія свидѣтельства:

Почтенная начальница ярославскаго училища, Е. П. Шипова, подъ истинно материнскимъ попеченіемъ которой воспитываются дѣвицы трехъ епархій, сообщала постоянно самыя утѣшительныя свѣдѣнія о бывшихъ ея воспитанницахъ, за жизнію и дѣявіями

конхъ по выходѣ изъ заведенія, она всегда слѣдитъ съ сердечнымъ участіемъ. Вотъ цѣлый рядъ ея отзывовъ:

«Полеза этого воспитанія выражается въ вышедшихъ изъ училища воспитанницахъ, изъ коихъ большая часть уже въ замужествѣ. Священники, вступившіе съ ними въ супружество, благословляютъ за судьбу свою Бога и Августѣйшихъ благодѣтелей училища, раздѣляя чувства признательности своихъ женъ къ мѣсту ихъ воспитанія. Сами же воспитанницы, увѣренныя, что Всеблагій и Премудрый промыслъ располагаетъ ихъ жребіемъ, совершенно довольны своею участію, хотя нѣкоторыя изъ нихъ, въ началѣ новой своей жизни, по недостатку средствъ къ содержанію, должны были сами исполнять всѣ труды домашняго хозяйства, не имѣя себѣ въ помощь никакой прислуги. Однако, занимаясь обязанностями по домохозяйству, онѣ не теряютъ изъ вида своихъ прихожанъ и стараются быть имъ полезными. Нѣкоторые отзывы поселянъ, имѣющихъ въ своихъ селахъ священниковъ, женившихся на воспитанницахъ училища, подтверждаютъ надежду, что воспитаніе въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія принесетъ со временемъ обильный плодъ.»

«Училищное начальство имѣло случай удостовѣриться въ томъ, что получаемое дѣвицами воспитаніе дѣйствительно соответствуетъ тѣмъ обязанностямъ, которыя предстоятъ имъ впослѣдствіи въ скромномъ семейномъ кругу сельскихъ священниковъ. Прекрасные примѣры супружества ихъ съ молодыми священниками служатъ и для духовенства лучшимъ убѣжденіемъ, что училище выполняетъ усердно свое предназначеніе, столь важное для улучшенія домашняго быта духовнаго сословія. Въ текущей годъ поступило огромное число просьбъ о принятіи въ число воспитанницъ будущаго приѣма не только на казенное содержаніе, но и пансіонерками, даже отъ бѣдныхъ родителей, жертвующихъ послѣдними средствами для помѣщенія своихъ дочерей въ училище.»

«Нѣкоторыя воспитанницы послѣдняго выпуска уже замужемъ и, большею частью, за священниками, поступившими въ приходы скудно удовлетворяющіе потребностямъ житейскимъ. Недостатокъ средствъ не имѣетъ вліянія на бодрость духа бывшихъ воспитанницъ. Онѣ съ основательными свѣдѣніями въ хозяйствѣ и привыкнувъ во всемъ наблюдать порядокъ и чистоту, водворили въ скромныхъ жилищахъ своихъ всю зависящую отъ нихъ благовидность; умѣя довольствоваться тѣмъ, чѣмъ Богъ ихъ надѣляетъ,

онѣ и при недостаткѣ средствъ въ сельскихъ приходяхъ, сохраняютъ всю бодрость духа и благопріемлемость своимъ, равно какъ приобрѣтенными умственными познаніями, доставляютъ много отряди своимъ мужьямъ.»

«Воспитанницы прежнихъ выпусковъ вполне оправдываютъ цѣль полученнаго ими воспитанія. Многія изъ нихъ завели шлоли и примѣромъ своей жизни такъ привлекли къ себѣ своихъ прихожанъ, что нѣкоторые крестьяне сосѣднихъ селъ обращались къ начальницѣ училища, съ просьбою объ исходайствованіи у преосвященнаго назначенія къ нимъ священника, женатаго на воспитанницѣ. Помѣщики отзываются съ похвалою о священническихъ женахъ, получившихъ воспитаніе въ училищѣ. Самъ преосвященный Нилъ, архіепископъ ярославскій, при своемъ объѣздѣ епархіи, имѣлъ случай убѣдиться въ томъ и въ глѣстныхъ выраженіяхъ отозвался о воспитанницахъ, которыхъ ему привелось видѣть въ ихъ домашнемъ быту, поставляя ихъ въ примѣръ другимъ священническимъ женамъ.»

«Его преосвященство по своемъ возвращеніи изъ объѣзда епархіи, сказывалъ мнѣ, что, обозрѣвая церкви, онъ входилъ въ дома многихъ священниковъ, и что жилища тѣхъ изъ нихъ, которые женаты на воспитанницахъ училища, имѣютъ отпечатокъ желаннаго у всѣхъ благоустройства, такъ въ нихъ все чисто, опрятно, въ порядкѣ и пріятно.»

«Костромскій преосвященный Платонъ, всегда обращающій отеческое вниманіе на воспитанницъ, выпущенныхъ изъ ярославскаго училища, благословляетъ Бога и Августѣйшихъ Благодѣтелей за учрежденіе училищъ дѣвицъ духовнаго званія, находя, что доставляемое въ нихъ образованіе вполне соотвѣтствуетъ состоянію священническихъ дочерей и имѣетъ благотворное вліяніе на окрестныхъ жителей тѣхъ мѣстъ, гдѣ находятся бывшія воспитанницы училища. О всѣхъ изъ нихъ, принадлежащихъ къ костромской епархіи, его преосвященство отзывается съ большою похвалою и всегда заботится, чтобы онѣ имѣли средства къ безбѣдной жизни и возможность употреблять на пользу приобрѣтеннымъ имъ познаніямъ.»

Архіепископъ ярославскій, преосвященный Нилъ, лично засвидѣтельствовалъ въ 1864 г. слѣдующими словами свое мнѣніе объ ярославскомъ училищѣ, въ представленіи святѣйшему синоду: «Ярославское училище дѣвицъ духовнаго званія, за послѣдова-

линии въ ономъ, въ послѣдніе годы улучшеніями, сугубо удовлетворяетъ благой дѣли воспитанія. Родители дѣтей сознаютъ это и, соображая, употребляютъ всѣ зависящія отъ нихъ мѣры къ опредѣленію дочерей въ училище. Съ другой стороны, и мнѣ не разъ приходилось радоваться за тѣхъ изъ воспитанницъ, которымъ судилъ Богъ сдѣлаться хозяйками и матерями. При благовоспитаніи своемъ онѣ, можно сказать, возвышаютъ домашній бытъ священника умѣніемъ всегда и во всемъ соблюсти приличіе и хозяйственный порядокъ, какой бы ни выпалъ жребій на долю семьи. И чѣмъ больше въ кругѣ духовенства будетъ являться такихъ лицъ, которыя, возросши въ мирномъ вертоградѣ, приносятъ оттолбъ миръ и счастье семейное, тѣмъ болѣе изъ рода въ родъ станутъ благословляться имя того, кто былъ виновникомъ добраго насажденія и чья рука хранить и поддерживаетъ оное.»

Это свидѣтельство преосвященнаго ярославскаго подтверждается слѣдующими фактами, изложенными въ донесеніяхъ начальницы училища: «Видимая польза, доставляемая воспитаніемъ въ училищахъ дѣвицъ духовнаго званія, возбуждаетъ болѣе и болѣе сочувствіе въ духовенствѣ къ этимъ благодѣтельнымъ учрежденіямъ, такъ, что по случаю предстоящаго въ текущемъ 1860 г. приѣма новыхъ воспитанницъ въ ярославское училище, отцы—священники спѣшатъ изъ разныхъ мѣстъ привозить въ училище своихъ дочерей, чтобы показать ихъ и подать прошеніе о принятіи ихъ на своекоштное содержаніе. Такихъ прошеній поступило уже до 50-ти и между ними отъ четырехъ священниковъ г. Костромы. На мой вопросъ имъ,— почему они не предпочитаютъ оставлять при себѣ своихъ дочерей, отправляя ихъ учиться въ женскую гимназію?— отвѣчали, что они находятъ гимназическое образованіе не достаточно соответствующимъ потребностямъ духовнаго званія, между тѣмъ, какъ въ духовныхъ женскихъ училищахъ, учрежденныхъ подъ милостивымъ покровительствомъ Государыни Императрицы, приобретаются всѣ качества и свѣдѣнія, необходимыя для жены священника, хорошей матери и хозяйки дома. Многіе очень скорбятъ, что штатъ каждаго приѣма ограничивается только 30-ю дѣвками, чрезъ что такъ много священниковъ лишены счастья видѣть своихъ дочерей образованныхъ соответственно ихъ назначенію; при этомъ выражаютъ желаніе о дозволеніи увеличить приѣмъ хотя 5-ю воспитанницами. Нѣкоторые готовы жертвовать послѣднимъ и подвергать себя разнымъ лишеніямъ, лишь бы увидѣть дочерей своихъ очастливленными приѣмомъ въ училище. Такъ,

въ прошломъ сентябрѣ мѣсяцѣ, одна жена священника Вологодской епархіи сдѣлала пѣшкомъ 350 верстъ, единственно чтобы посмотреть на ярославское училище и узнать можно ли подать прошеніе о принятіи ея дочери пансіонеркою отца; а на дняхъ она привозила представить свою дочь.»

«Жены сельскихъ священниковъ, изъ бывшихъ воспитанницъ, имѣютъ бесѣды съ прихожанами о духовныхъ предметахъ, читаютъ имъ священныя книги и сообщаютъ истинныя понятія о вѣрѣ и христіанскихъ добродѣтеляхъ. Многѣ случилось видѣть и дѣтей бывшихъ монаховъ воспитанницъ; нѣкоторые изъ нихъ, даже молодые 7-ми лѣтъ, читаютъ довольно бѣгло и съ разумѣніемъ произносятъ молитвы, понимая ихъ значеніе, и рассказываютъ очень мило различныя событія изъ библейской исторіи, а также басни и другіе стихи нравственнаго содержанія; нныя изъ нихъ, находясь съ матерями въ школахъ, передаютъ другимъ, что сами знаютъ.— Отъ нѣкоторыхъ изъ священниковъ, мужей воспитанницъ училища, я получала письма, исполненныя благодарности къ мѣсту воспитанія ихъ женъ, за то супружеское счастье, которое имъ досталось въ удѣлъ.»

Вотъ также свидѣтельства о плодахъ, принесенныхъ смоленскимъ училищемъ дѣвицъ духовнаго званія. Покойный епископъ Тимофей доносилъ святѣйшему синоду: «Многія изъ воспитанницъ нынѣ супругами священнослужителей и, по наблюденію моему и отзывамъ заслуживающихъ довѣріе лицъ, онѣ подають христіанскою жизнію благотворный примѣръ прихожанамъ; въ обращеніи и бесѣдахъ назидательны, особенно для крестьянскихъ дѣтей.»

Настоящій архипастырь смоленскій, преосвященный Антоній, доносилъ съ своей стороны: «Существованіе этого училища чрезвычайно полезно для епархіи, такъ какъ въ послѣднее время получены изъ многихъ мѣстъ требованія, касательно назначенія кончившихъ курсъ воспитанницъ наставницами въ открываемыя въ разныхъ мѣстахъ сельскія училища для дѣвочекъ.»

Исполненіе обязанности наставницъ въ сельскихъ школахъ, не только для однихъ дѣвочекъ, но и для мальчиковъ, представляетъ воспитанницамъ женскихъ духовныхъ училищъ достойное поприще дѣятельности на пользу народа; при томъ твердомъ и основательномъ религіозномъ воспитаніи, которое онѣ получаютъ, никто не можетъ быть полезенѣ ихъ въ этомъ дѣлѣ и онѣ съ готовностью принимаютъ на себя исполненіе сопряженнаго съ ними труда, тогда какъ воспитанницы дворянскихъ институтовъ и городскихъ

пансіоновъ никогда не согласятся и не способны поселиться въ деревнѣ, чтобы быть наставницами крестьянскихъ дѣтей, къ тому же за самое ничтожное вознагражденіе. Вотъ новая сторона, несомнѣнно открывающая на дѣлѣ ту важную пользу, тѣ благотворные плоды, которые слѣдуетъ ожидать отъ учрежденія и распространенія, подѣ направленіемъ духовнаго вѣдомства, особыхъ училищъ для воспитанія дочерей духовенства.

Теперь ясно обнаруживается, что по установленному порядку воспитанія въ этихъ заведеніяхъ, по его духу и направленію, по приносимымъ имъ плодамъ, — училища дѣвицъ духовнаго званія дѣйствительно и рѣзко отличаются отъ всѣхъ прочихъ женскихъ институтовъ и пансіоновъ.

Приведенныя свидѣтельства положительны и убѣдительны. Но, по счастью, существуетъ еще свидѣтельство другаго рода, несравненно сильнѣйшее и краснорѣчивѣйшее, чѣмъ всѣ посторонніе отзывы самыхъ правдивыхъ и достовѣрныхъ людей, свидѣтельство само за себя говорящее живымъ языкомъ — письма бывшихъ воспитанницъ къ своимъ воспитательницамъ. Въ нихъ изливаются, во всей простотѣ истины и откровенности, отражаясь, какъ въ зеркалѣ, всѣ внутреннія побужденія, помыслы, задушевныя чувства, возрѣнія на жизнь, ожиданія отъ нея, нравственныя качества и дѣла, написавшихъ ихъ.

Эти письма, написанныя не для огласки и безъ всякаго преднамѣреннаго расчета, но подѣ живымъ, часто мгновеннымъ впечатлѣніемъ окружающихъ событій и неожиданныхъ обстоятельствъ, составляютъ какъ бы фотографическіе снимки съ внутренней и внѣшней жизни ихъ сочинительницъ. Такихъ писемъ сотни и съ глубокимъ утѣшеніемъ можно сказать, что всѣ они сходны между собою по мыслямъ и чувствамъ, всѣ проникнуты однимъ общимъ имъ духомъ, который, слѣдовательно, проистекаетъ изъ одного общаго начала; это начало, очевидно, есть то воспитаніе и образованіе, которыя положены въ основу училищъ дѣвицъ духовнаго званія. Было бы невозможно выписывать изъ груди этихъ писемъ все, заслуживающее въ нихъ вниманія; достаточно привести нѣсколько отрывковъ, ничего въ нихъ не измѣняя, но съ пропускомъ всего, что могло бы навести къ обнаруженію именъ достойныхъ сочувственнаго уваженія ихъ сочинительницъ, чтобы не оскорбить въ нихъ чувство скромности.

Вотъ эти отрывки изъ разныхъ писемъ:

1. «Теперь скажу и о своей жизни. Съ самаго поступленія

нашего на мѣсто, мужъ мой и я желали непремѣнно открыть училище, но желаніе наше ограничивалось только 5-ю и 6-ю мальчиками, которыхъ ми и учили каждую зиму; только освобожденіе крестьянъ дало возможность мужу моему завести училище; объ этомъ онъ говорилъ не только въ церкви и домахъ, но даже неоднократно ходилъ на мірскіе сходы, чтобы вразумить и убѣдить родителей въ необходимости учить дѣтей своихъ грамотѣ. Наконецъ милостію Божіею желаніе наше исполнилось — училище для крестьянскихъ мальчиковъ открыто и притомъ въ нашемъ домѣ, гдѣ обучаются 60 мальчиковъ и 11 дѣвочекъ. Наставникъ ихъ мой мужъ; но когда ему недосугъ, тогда занимаюсь я. Лучшие изъ учениковъ, имѣющіе хорошіе голоса, выбраны для пѣнія и я съ ними уже пою въ храмѣ, чѣмъ и утѣшаю себя. Своихъ дѣтей у меня 6 человекъ; въ настоящее время мнѣ препятствуетъ приходская школа заниматься какъ бы хотѣлось съ своими дѣтьми.»

2. «У насъ нѣтъ собственнаго дома, а на квартирѣ тѣсной, да еще безъ хозяйственныхъ службъ, жить очень безпокойно даже при благопріятныхъ обстоятельствахъ. При всемъ томъ однакоже хозяйство наше идетъ своимъ чередомъ. О мелкихъ занятіяхъ умолчу, но не скрою, что въ прошлую зиму я дома выткала 50 аршинъ холста, 6 салфетокъ, скатерть и 6 полотенецъ; нитье, какое бы ни было, въ чужія руки не отдаю. Съ наступленіемъ весны открылось новое поприще для моей дѣятельности — это огородничество. Скажу вамъ еще объ одномъ болѣе интересномъ предметѣ: съ прошлаго мая мы открыли домашнюю школу, на первый разъ состоящую изъ 3-хъ учениковъ и 2-хъ ученицъ; тѣснота квартиры не позволяетъ имѣть ихъ большее число. Съ ними занимается мужъ мой, а въ отсутствіе его — я. Занятіе не веселое, но искреннее желаніе доставить пользу мальчикамъ и порадовать ихъ успѣхами родителей, услаждаетъ этотъ трудъ.... Въ такихъ занятіяхъ и заботахъ идетъ чередомъ первоначальная практическая моя жизнь. Я чувствую, что еще многому нужно учиться, чтобы быть полезною въ семействѣ и обществѣ, потому ко всему присматриваюсь я, по своимъ понятіямъ, достойное вношу въ свой бытъ, по мѣрѣ силъ моихъ, исполняя все своими руками.»

3. «Наконецъ желаніе мое исполнилось: 11-го декабря у насъ открыта школа и я вотъ уже другую недѣлю занимаюсь съ дѣтьми. Но какъ трудно было убѣдить крестьянъ, чтобы отдавали своихъ дѣтей для обученія; немногіе изъ нихъ согласились добровольно отдать дѣтей, а потому и число учениковъ не велико, вс-

го только 12 человекъ. Въ первые дни было очень трудно выучить ихъ языкъ, но теперь, благодаря Бога, они уже читаютъ по складамъ и выучили предначинательныя молитвы. Третьяго дня я выучила ихъ тропарю на Рождество Христово и заставляла пѣть. Мнѣ очень хочется, чтобы дѣти въ Рождество славили Христа въ домахъ своихъ родителей.»

4. Отъ только что выпущенной воспитанницы:— «Бывши въ Петербургѣ мы были у дяди, онъ меня оставлялъ у себя; но я не осталась, потому что не хотѣла безъ пользы у него жить; я непременно хочу быть полезною не только для себя, но и для другихъ, потому что мнѣ грѣшно было бы, если тѣ деньги, которыя издержаны были моею доброй благодѣтельницею N N и попеченіе Августѣйшей Покровительницы нашего училища, а равно заботы моею доброй наставницы, остались бы безъ всякихъ послѣдствій: одной молитвы за ихъ попеченія недостаточно, я хочу доказать свою благодарность на дѣлѣ. По прибытіи моемъ домой, я не замедлила исполнить свое желаніе: собрала нѣсколько сельскихъ мальчиковъ и дѣвочекъ, которые помѣстились въ нашемъ домѣ; сначала ихъ было не много, но потомъ число учениковъ дошло до 30-ти. Но мнѣ пришлось не долго съ ними заниматься; мое мѣсто заняли батюшка и сестры, а я опредѣлена въ.....ій духовный приютъ наставницею. Благодаря Бога, мною всѣ здѣсь довольны..... Милая N. N. благодарю васъ покорно за ваши заботы обо мнѣ: нужды я почти никакой не имѣю, но прошу васъ, пришлите мнѣ свой портретъ; какъ бы я желала имѣть его, а также батюшка мой, который васъ никогда не забываетъ въ своихъ молитвахъ, желалъ бы увидѣть васъ, если не лично, то по крайней мѣрѣ на портретѣ.»

5. Изъ перваго письма одной изъ воспитанницъ, послѣ вступленія ея въ замужество:— «Теперь поблагодарю васъ неоцѣненная N. N. за ваше ко мнѣ всегдашнее расположеніе и любовь, за вашу попечительность и заботу обо мнѣ во время моего пребыванія въ благодѣтельномъ и дорогомъ для меня училищѣ, за которое всегда буду благодарить Бога, въ особенности за милостивыхъ Высочайшихъ Покровителей училища и за всѣхъ благодѣтелей и наставниковъ моихъ, научившихъ меня всему доброму и полезному.» — Въ концѣ этого письма мужъ этой воспитанницы, сельскій священникъ, прибавилъ:

«Не знаяши васъ иначе какъ изъ почти ежедневныхъ рассказовъ жены моею и теперь изъ письма, которое она получила отъ

вась, — уважал вась и то благодѣтельное училище, въ которомъ находилась жена моя, почерпнувшая въ полученномъ ею воспитаніи такъ много полезнаго и добраго.»

Въ письмѣ другой воспитанницы есть слѣдующая приписка священника ея мужа: «Жена моя добрая и благоразумная, мать для дѣтей хорошая, только немного слаба изъ любви къ нимъ. За чѣмъ для вась лучшаго удовольствія, какъ знать это о вашей воспитанницѣ? Вѣнецъ вамъ за то отъ Бога, а моя сердечная благодарность. Хотя я не имѣю счастья знать вась лично, но вѣрьте, что съ того времени, какъ я милосердіемъ Божиимъ допущенъ къ престолу благодати, всегда молюсь за вась съ усердіемъ и любовью, какъ за родную.»

6. «Содержаніе вашего письма доставило мнѣ такое утѣшеніе, что я не могла начитаться вдоволь, особенно потому, что въ немъ находится ободреніе и поддержка въ моихъ занятіяхъ, кругъ которыхъ мнѣ хочется распространить, если это угодно будетъ Богу. Все, все, каждая строка, каждое слово, написанное вами, доставило мнѣ истинное удовольствіе. Всею душой перенеслась я въ мирный уголокъ моего воспитанія, живо сохраняя въ сердцѣ воспоминаніе о всѣхъ благодѣніяхъ нашей ангелоподобной матери Государыни Императрицы, которыми я пользовалась, находясь подъ вашимъ надзоромъ; за особенную милость Божию почитаю то, что имѣю случай быть не совсѣмъ бесполезною въ томъ обществѣ, въ которомъ Господь поставилъ меня. Это единственная лепта, которую я могу принести и приношу, по силамъ, въ благодарность за оказанныя мнѣ благодѣнія. Въ послѣднемъ письмѣ моемъ я вамъ говорила, что имѣю у себя 10 ученицъ..... Въ отношеніи къ себѣ я держу ихъ очень свободно, вслѣдствіе чего онѣ обращаются со мною, какъ съ старшею сестрою и любятъ меня, какъ родную мать. Пользуясь ихъ искренностью, я своими совѣтами, а иногда и выговорами, стараюсь искоренить дурныя наклонности, какія замѣчаю. Совѣстно сказать, родители моихъ ученицъ только желаютъ, чтобы дѣти ихъ умѣли читать и писать, а прочее имъ кажется лишнимъ! Впрочемъ я всѣми силами стараюсь убѣдить ихъ въ томъ, что всякому истинному христіанину необходимо знать Законъ Божій, убѣждаю ихъ также въ пользѣ знанія арифметики, которая въ ихъ быту чаще всего прилагается къ практикѣ..... Я была нездорова въ продолженіи цѣлаго мѣсяца; только благодаря Алютѣ (младшая сестра ея, также воспитанница училища), которая въ то время прѣѣхала къ намъ, классы мои не прекращались;

она часто бываетъ у насъ, но на короткое время, потому, что необходима дома: маменька все прихвариваетъ и все хозяйство лежитъ на сестрѣ.»

7. «Не могу выразить вамъ, какъ обрадовало всѣхъ насъ извѣстіе о принятіи Саши (младшей сестры) въ наше милое заведеніе. Всѣ благодарили Бога и благословляли Царицу и Великаго Князя Михаила Николаевича (принятая воспитанница поступила пансіонеркою Его Высочества) за Ихъ великія милости. Саша не вѣрила своему счастью и упросила паненьку дать ей самой прочитать это вожделѣнное для нея извѣстіе. Неопытная моя воспитательница, тысячу разъ благодарю васъ за подробное описаніе послѣдняго посѣщенія, которымъ удостоила училище Государыня Императрица; съ какимъ умилеціемъ перечитывала я каждую вашу строчку: все это такъ близко моему сердцу, такъ священо для меня, что я вполне раздѣляю съ вашими милыми воспитанницами тѣ чувства благоговѣнія, которыя онѣ ощущали въ эти незабвенныя для нихъ минуты. Я вполне увѣрена, что удостоившись слышать прощальныя слова и высокія наставленія Ея Величества, онѣ будутъ вѣчно помнить ихъ и свято исполнять. Скажу вамъ, незабвенная руководительница, что тѣмъ болѣе я отдаюсь временемъ (она выпущена за 6 лѣтъ передъ этимъ) отъ нашего мирнаго убѣжища, тѣмъ дороже становятся для меня правила, тамъ внученныя и будьте увѣрены, что они глубоко вкоренились въ каждой изъ насъ и что каждая изъ насъ руководствуется ими въ жизни.»

8. «Живу я съ маменькою, которая по старости лѣтъ уже очень слаба; по причинѣ ея немощи, я большею частью исполняю ея обязанности просфирни. Имѣемъ коровушку, за которою я сама ухаживаю, дою ее и теперь встаю въ 3 часа, чтобы проводить ее въ поле; есть у насъ также огорождъ, гдѣ я работаю; изъ руководѣль занимаюсь не столько для себя, какъ по заказамъ, а также работаю для церкви. Въ праздничные дни я большею частью занята чтеніемъ книгъ или тетрадей своихъ, а когда соберутся ко мнѣ старушки, то я читаю имъ житіе святыхъ или рассказываю имъ значеніе каждаго праздника».

9. «Теперь, добрая моя NN, я могу похвастать вамъ своими маленькими успѣхами, будучи увѣрена, что и вы порадуетесь тому, что доставляетъ мнѣ утѣшеніе: мои ученики теперь уже читаютъ въ церкви и поютъ на клиросѣ; не я одна, но и многіе съ удовольствіемъ слушаютъ, какъ хорошо дѣвятилѣтній мальчикъ чита-

еть молитвы послѣ причащенія. Родители этихъ дѣтей очень благодарны. Я никогда имъ не говорила о платѣ, но они сами приносили мнѣ деньги и просили не оставлять на будущее время ихъ дѣтей; мнѣ нужно было привести нѣсколько возовъ дровъ и я не думала, что они такъ скоро мнѣ ихъ доставятъ; когда узнали, что мнѣ нужно нѣсколько лошадей подъ дрова, то немедленно сами съ ними отправились. Такая деликатность у нашихъ крестьянъ мужичковъ рѣдкость».

10 «Этой весной мнѣ пришлось поработать болѣе, чѣмъ въ прошлый годъ: бывшая у насъ въ прислугѣ дѣвушка, которую я ко всему приучила и которая мнѣ много помогала — отонкла, и я всю весну была безъ прислуги, все дѣлала сама въ домѣ и огородахъ, такъ что не удалось отдохнуть и позаботиться о своемъ здоровьи, послѣ не легкихъ зимнихъ трудовъ. Лѣтомъ дѣла довольно, надобно будетъ съ такимъ усердіемъ заняться своимъ хозяйствомъ, чтобы осенью можно было, безъ ущерба для него, посвятить значительную долю времени опять школѣ. Слава Богу, благополучно окончился третій учебный годъ и окончили курсъ 30 дѣтей, которые посѣщали школу во все время, а всѣхъ перебивало до 80-ти.... Часто бывали чтенія изъ разныхъ полезныхъ для дѣтей книгъ, и при каждомъ удобномъ случаѣ развивались въ дѣтяхъ чувства религіозно-нравственныя и патриотическія. Радуетъ то, что дѣти, учившіяся въ школѣ, замѣтно развились и видимо превосходятъ своихъ сверстниковъ, для которыхъ они могутъ служить добрымъ примѣромъ во многомъ. Впрочемъ полныхъ плодовъ отъ ихъ образованія въ школѣ теперь не можетъ еще быть, потому что старшимъ изъ нихъ не болѣе 13 лѣтъ. Дай Богъ, чтобы они не забыли, не растеряли приобретеннаго въ ученіи, а развили и укрѣпили; мы же, съ своей стороны, хотя теперь они вѣдь школы, постараемся содѣйствовать этому.... Было бы необходимо имѣть два класса, но чтобы устроить это, пришлось бы совершенно стѣснить себя и жить, какъ въ клѣткѣ, да хорошо бы еще если клѣтка-то была крѣпкая, а то знаете, нашъ домъ не имѣетъ себѣ ровѣстниковъ, поправлять же его невозможно. Это обстоятельство насъ много беспокоитъ; тяжело жить вотъ уже 8 лѣтъ не устроившись и приходится много переносить лишений; но въ этихъ обстоятельствахъ помогаютъ мнѣ мысли, которыя вдохнули въ насъ въ незабвенномъ училищѣ—всегда и во всемъ покорятся волѣ Божіей и уповать на его милосердіе».

11. «Въ прошломъ письмѣ я вамъ говорила о своихъ домаш-

нихъ ученикахъ, число конкъ теперь увеличилось до 8-ми. Занятія мои идутъ съ успѣхомъ; ученики знаютъ уже нѣсколько молитвъ, которымъ не имѣющие читать ввучились по слуху. Утромъ и вечеромъ всѣ вмѣстѣ становятся на молитву и одинъ изъ нихъ, поочередно, читаетъ вслухъ. Въ первый разъ я не могла удержаться отъ слезъ и не могу дать себѣ отчета — были ли то слезы умиленія или же онѣ произошли отъ воспомнанія о незабвенномъ училищѣ. Въ субботу я отпускаю ихъ по домамъ до понедѣльника, но два брата и сынъ нашей работницы постоянно остаются дома. Къ Рождеству хочу ввучить учениковъ пѣть тропари и кондаки, и въ этомъ мнѣ поможетъ мужъ мой. Очень хочется въ первый день Рождества устроить для своихъ учениковъ и для тѣхъ, которые ходятъ по воскреснымъ днямъ, маленькую елку и подарю имъ по картиночкѣ, жаль что нѣтъ у меня маленькихъ книжекъ. — Я ничего еще не говорила вамъ о нашихъ воскресныхъ бесѣдахъ. Каждое воскресенье приходятъ извѣстные мнѣ ученики, къ сожалѣнію число ихъ не превышаетъ 15-ти. Въ воскресенье, 13-го ноября, было у меня 14-ть человекъ; объясняла имъ молитву Господню, т. е. почему она такъ называется, ея раздѣленіе, каждое прошеніе отдѣльно; потомъ учили всѣ въ голосъ 20-го числа учили: «Милосердія двери отверзи намъ» и первые два члена Символа вѣры. 27-го числа конецъ символа вѣры. Такъ какъ приближается Рождество Христово, то въ послѣднее воскресенье рассказывала я своимъ слушателямъ о Господѣ нашемъ Иисусѣ Христѣ, начиная съ введенія во храмъ Пресвятой Богородицы до крещенія Господня. Все это они поняли и тутъ же я показывала имъ картинки, которыя помогали имъ запомнить мою говоренное. Въ слѣдующее воскресенье буду рассказывать дальше о земной жизни Христа Спасителя. — Въ одномъ изъ послѣдующихъ писемъ той же воспитанницы: «Можетъ быть вамъ интересно знать, какъ вообще смотрятъ на мои занятія съ учениками? Большая часть прихожанъ нашихъ и особенно родители тѣхъ дѣтей, которыя у насъ учатся, въ простотѣ души отзываются такъ: «что у насъ за батюшка и за матушка, такихъ еще у насъ не бывало». Особенно же я въ большой чести у нихъ; подобный отзывъ въ устахъ народа утѣшительно слышать. Большинство же постороннихъ удивляются моему терпѣнію и говорятъ: «охота ей заниматься крестьянскими мальчишками, да съ ними и кровь-то всю перепортишь; сохрани Господи навязать на свою шею столько ребятъ».

12. «Часто сижу у его постели (умирающаго многа брата) и читаю молитвы, а Ваня слушаетъ, иногда и самъ повторяетъ за мною, и отъ этого ему становится не много легче. Его уже исповѣдали и причастили св. таинъ; предъ исповѣдью я старалась приготовить его къ сему таинству, а также и къ причащенію, представляла каковаго онъ удостоится блага, говорила какою награду получаютъ на небѣ праведники, что и языкъ не можетъ выразить. Вы можете себѣ представить, съ какииъ чувствомъ я разговаривала съ моиъ ученикомъ, и наконецъ я не выдержала и зарыдала въ то время, когда Ванюша сказалъ: «Мируша! если я буду на небѣ; то буду молиться за тебя Богу»; а я сказала—молись, молись Ваня не за меня одну, но и за папеньку и маменьку, за родныхъ, за Царя и Царицу, и за моиъ благодѣтелей».—Изъ продолженія того же письма, дописаннаго черезъ двѣ недѣли: «Утромъ я помогаю матушкѣ по хозяйству: затопляю печь, стряпаю, парю и мою посуду; вечеромъ хожу за коровами и овцами (у насъ нѣтъ пастуха), помогаю поить и донть. Вы можете быть удивитесь, что я иногда ношу и воду изъ колодца ушатомъ; но я теперь выросла и поздоровѣла, а потому и силы прибавились. Я еще не говорила вамъ, что читаю часы въ церкви. Крестьянскія дѣти любятъ меня, а я по немногу останавливаю ихъ; на примѣръ, у нихъ было въ большомъ употребленіи страшное слово — дьяволъ; я старалась внушить дѣтямъ, которыя по-старше, что это грѣшно, а маленькимъ, которыя не умѣютъ отличать худаго отъ хорошаго, говорила, что какъ скоро они произнесутъ это слово, то лукавый тутъ и есть; съ тѣхъ поръ дѣти изъ страха не говорятъ этого слова».—Объ этой самой воспитанницѣ начальница училища сказала въ всеподданнѣйшемъ полугодичномъ отчетѣ Ея Величеству: «Утѣнительно видѣть, какъ нѣкоторыя изъ воспитанницъ, немедленно по своемъ выпускѣ изъ училища, спѣшатъ обратить въ дѣйствительность внутреннія имъ добрыя правила и свое пламенное желаніе употребить на общую пользу полученное ими воспитаніе. Въ примѣръ могу привести воспитанницу послѣдняго выпуска NN. Въ четырехъ-мѣсячное пребываніе ея въ домѣ у отца, она успѣла приобрѣсти общую привязанность прихожанъ, особенно прихожанокъ, которыя не могли надивиться, что ихъ «ученая поповна» такъ съ ними привѣтлива, ласкова и такъ любитъ съ ними разговаривать. Увидя бѣдность своихъ родителей, она замѣнила имъ самую усердную работу и не рѣдко проводила цѣлыя дни, съ ранняго утра, въ полѣ

на работахъ. По выходѣ ея въ замужество (за священника), прихожанки съ плачемъ разставались съ нею и просили ея мужа, чтобы онъ берегъ и любилъ ее».

По поводу приведеннаго разсказа о томъ глубокомъ чувствѣ святой вѣры и христіанской любви, съ которыми юная бывшая воспитанница приготовляла и напутствовала своего умирающаго брата, весьма кстати припомнить, съ азанное въ донесеніи начальницы ярославскаго училища о кончинѣ двухъ ея воспитанницъ въ 1861 г. Одна изъ нихъ, младшаго класса, Екатерина Попова, очень страдала и на выраженное ей начальницею сожалѣніе о томъ, умирающая сказала: «ничего, Господь больше за насъ пострадалъ». Другая, бывшая по своимъ нравственнымъ и христіанскимъ качествамъ лучшею воспитанницею средняго класса, Александра Соболева, скончалась въ четвергъ на Святой недѣли; передъ самою кончиною она имѣла какое-то видѣніе ангела, запѣла радостную пѣснь: Христосъ Воскресе — и съ окончаніемъ ея переселилась въ вѣчность.

13. «Какъ я рада, что мы теперь уже на своемъ мѣстѣ, вблизи своихъ прихожанъ и своей церкви. Хотя мы живемъ не въ своемъ домѣ, но очень спокойно; матушка сидитъ съ нами только по вечерамъ, слушая чтеніе, которымъ мы занимаемся каждый день; я работаю, а мужъ мой читаетъ, когда же онъ устанетъ, то я замѣняю его; въ числѣ слушателей бываютъ еще двѣ работницы, сынъ одной изъ нихъ и братъ моего мужа; двухъ послѣднихъ я учу читать и писать.—Вчера, только что начала писать къ вамъ, должна была оставить это пріятное занятіе. Пришли исповѣдницы— 5 дѣвицъ нашего прихода, которыя остались у насъ ночевать, потому что далеко идти домой. Я читала имъ покаянныя молитвы послѣ исповѣди и предъ принятіемъ св. Таинъ; много разговаривала съ ними о покаяніи, о томъ, съ какими чувствами должно исповѣдываться и приступать къ причащенію, говорила, что не должно скрывать грѣховъ, что это тяжкій грѣхъ, что хотя священникъ и разрѣшаетъ отъ грѣховъ здѣсь на земли, но Господь не прощаетъ, потому что Ему извѣстны и тѣ грѣхи, которые, ради стыда, не были открыты духовному отцу. Послѣ этого разговора одна изъ дѣвицъ чистосердечно призналась, что ей стыдно было сказать одинъ грѣхъ; я совѣтовала ей усердно помолиться Господу и сознаться въ немъ духовнику. Теперь говѣльщицы ушли уже къ утрени. Какъ я рада, что матушка позволила этимъ дѣвицамъ переночевать въ ея домѣ. Мнѣ бы очень хотѣлось, что»

бы по-больше и на каждой недѣлѣ матушка пускала говѣящихъ, но это въ ея волѣ. Ахъ, если бы у насъ былъ свой домикъ и мы могли бы распорядиться по своему желанію! Благодаря Господу, я уже успѣла приобрести любовь тѣхъ прихожанъ, съ которыми познакомилась; они очень обходительны и ласковы со мною; не однократно я даже сама слыхала, какъ они говорили: «слава тебѣ, Господи, что у насъ такая хорошая, ласковая и умная матушка». На-силу я привыкла къ этому названію, всегда краснѣла, когда меня называли матушкою,—но теперь ничего».

14. «Наши ученики и ученицы замѣтно идутъ впередъ. Какъ пріятно видѣть, что многіе изъ моихъ учениковъ стараются своимъ домашнимъ передать то, что узнаютъ въ школѣ, особенно же учатъ своихъ младшихъ братьевъ и сестеръ молитвамъ и заповѣдямъ, которыхъ тѣ прежде и не знали, а если и знали, то неправильно. Старшіе ученики съ первой недѣли великаго поста читаютъ въ церкви, по-очередно. Можете представить себѣ, какъ рады бываютъ родители тѣхъ мальчиковъ, которыхъ я заставляю читать въ церкви, и съ какимъ удовольствіемъ слушаютъ они чтеніе своихъ дѣтей.... Дѣло образованія въ нашей школѣ идетъ не такъ быстро, какъ могло бы быть при постоянныхъ занятіяхъ; но ускорить его, при всемъ нашемъ стараніи, мы не можемъ, потому что какъ мужъ мой, такъ и я постоянно должны отрываться отъ занятій съ учениками, по своимъ обязанностямъ.... Сельскій священникъ по необходимости долженъ, такъ сказать, привязаться къ землѣ, чтобы имѣть безбѣдное существованіе, а занимаясь земледіемъ, онъ теряетъ изъ вида главнѣйшее — истинное образованіе своихъ прихожанъ. Если бы сельскіе священники не были вынуждены добывать главныя средства ихъ существованія отъ земледѣлія, то дѣло народнаго образованія быстро бы стало подвигаться».

15. «Трудно мнѣ было сначала привыкать къ деревенской жизни; но мало по малу эта жизнь сдѣлалась для меня пріятною: свѣжій воздухъ, прекрасное мѣстоположеніе, простота деревенскаго народа, все это чрезвычайно мнѣ понравилось. Дѣлаю я всякое дѣло: лѣтомъ ходила рожь молотить, убирала ленъ, большую часть котораго сама и отпрада, стираю бѣлье, мою поля, ношу воду съ рѣки. Кромѣ того занимаюсь шитьемъ разнаго рода для дома и на заказъ; также занимаюсь чтеніемъ св. Евангелія, а въ субботу и въ воскресенье обыкновенно собираются ко мнѣ нѣкоторые изъ прихожанъ, я читаю имъ что-нибудь изъ Священнаго пи-

санія и объясняю то, чего они не понимаютъ, а также и молитвы».

16. «По прежнему тружусь надъ обученіемъ моихъ дѣвочекъ и трудъ мой много облегчается тѣмъ, что я начинаю видѣть успѣхъ. Каждый день, хотя по получасу, я посвящаю на рассказы изъ св. исторіи и катихизиса и всѣми силами стараюсь внушить имъ правила нравственности. Не знаю, какъ вслѣдствіе моихъ внушеній онѣ ведутъ себя дома, но когда встрѣчаю своихъ ученицъ въ церкви, то вижу, что онѣ держатъ себя тамъ прилично, не смотрятъ по сторонамъ, не разговариваютъ, тогда какъ прежде это считалось у нихъ за ничто. Притомъ онѣ уже считаютъ за обязанность каждый праздникъ быть и у всенощной и у литургіи, а прежде исполняли это только по приказанію родителей. Я надѣюсь, что къ чему онѣ привыкнувъ съ малолѣтства, то останется у нихъ навсегда. Нѣкоторые дѣвочки учатся у меня уже по третьему году, съ этими даже очень пріятно заниматься, потому что онѣ учатся съ большею охотою, которая проявилась у нихъ отъ того, что понятія ихъ развиваются; онѣ стали уже многое понимать и читаютъ съ удовольствіемъ. Этого я болѣе всего желала и теперь уже онѣ такъ заинтересовались наукою, что просятъ меня научить ихъ всему, что только я знаю. Благодарю Господа Бога, что Онъ даровалъ мнѣ случай быть полезною хотя нѣсколькимъ членамъ общества. Вмѣстѣ съ благодарностью къ Богу, возслаю къ Нему усердныя молитвы о благоденствіи всемилоостивѣйшей нашей Государыни Императрицы Маріи Александровны, доставившей средства къ нашему образованію. Приношу и вамъ тысячу благодарностей за ваше попеченіе о моемъ воспитаніи; какъ за васъ, такъ и за добрѣйшую мою воспитательницу NN а всегда молюсь Богу, какъ за первѣйшихъ моихъ благодѣтельницъ».

17. «Безцѣнная NN будьте увѣрены, что труды какъ ваши, такъ и добрѣйшей нашей начальницы и всѣхъ нашихъ руководителей и наставниковъ были не напрасны. Они неопѣненно благотворны. Скажу про себя: я далеко не была бы тѣмъ, что я теперь, если бы не имѣла счастья воспитываться въ нашемъ милосердіи. Ради Бога, не считите это за самохвальство. Я говорю это по отзывамъ тѣхъ, которые меня знаютъ. Всѣ, къ кому я имѣю болѣе или менѣе близкія отношенія, довольны мною и любятъ меня. Во мнѣ особенно нравится другимъ постоянно кроткое, уважительное и ласковое со всѣми-обращеніе, къ которому я привыкла въ училище. Еще скажу; что польза отъ воспитанія нашего

въ училищѣ не ограничивается одними нами, но простирается и на другихъ. По выходѣ изъ училища я два года жила въ домѣ родителей своихъ и въ это время занималась обученіемъ сестеръ и братья, котораго, при помощи Божіей и содѣйствіи пашеньки, успѣла приготовить такъ, что онъ, по принятію его въ училищѣ, оказался много лучше прочихъ. Теперь же, по мѣрѣ силъ и возможности, я занимаюсь обученіемъ купеческихъ дочерей; употребляю 6 часовъ въ день на занятіе съ моими ученицами, которыхъ у меня 16....., я занимаюсь ими не безъ успѣха, судя по отзыву ихъ матерей. Наши воспитанницы знаютъ св. исторію и катихизисъ лучше своихъ братьевъ, которые обучаются въ уѣздномъ училищѣ (подразумѣвается о духовномъ).

18. Изъ поздравительнаго письма къ начальницѣ царскосельскаго училища Н. П. Шульцъ, по случаю празднованія годовщины основанія этого заведенія:— «Добрѣйшая моя благодѣтельница, — честь имѣю поздравить васъ съ наступающимъ праздникомъ открытія незабвеннаго училища. Вотъ уже будетъ 18 лѣтъ, какъ существуетъ наше благодѣтельное училище и празднуетъ свое основаніе. Сколько горячихъ молитвъ вознесется къ Господу о благоденствіи Великой Княгини Ольги Николаевны и Вашемъ здоровьи въ этотъ достопамятный день! Всѣ, имѣвшія счастье получить воспитаніе подъ Вашимъ надзоромъ и руководствомъ, горячо помолятся 22 октября за своихъ благодѣтелей. Въ числѣ другихъ, быть можетъ, и моя молитва услышится Господомъ! О, какъ бы желала я, въ этотъ день, побывать у васъ въ училищѣ, посмотреть на всѣхъ, кому я обязана своимъ воспитаніемъ, и преимущественно на васъ; какъ горячо поцѣловала бы ваши ручки, поблагодарила бы васъ, добрѣйшая моя благодѣтельница, за вниманіе и ласки, которыми вы меня удостоивали въ бытность мою въ училищѣ, поблагодарила бы и за то, что и послѣ выпуска не оставляете меня своими милостями».

19. «Несравненная моя воспитательница, — не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ за драгоценный вашъ подарокъ! Принимая отъ почталіона письмо, я чувствовала въ рукахъ карточку и съ особеннымъ любопытствомъ распечатывала его, желая узнать — чей бы могъ быть этотъ портретъ. Представьте же мое удивленіе и радость, когда глазамъ моимъ представился образъ нашей Августѣйшей Государыни и Благодѣтельницы. Я съ восторгомъ припала къ драгоценнымъ ручкамъ Ея Величества и долго, долго обливала ихъ слезами благодарности. . О! вы слишкомъ добры для не-

ня, несравненная NN. Смотри на вашъ милый образъ, я какъ будто снова слышу изъ устъ вашихъ прежнія наставленія и во взорахъ вашихъ вижу ободреніе и подкрѣпленіе въ моей настоящей жизни. А драгоценный портретъ всемилостивѣйшей Государыни Императрицы, подобно ангелу хранителю, постоянно будетъ напоминать мнѣ о моемъ долгѣ».

Высокій по своей простотѣ и возвышенности чувствъ, трогательный и умильный языкъ этихъ памятникѣвъ истины— не требуетъ никакихъ пояснительныхъ выводовъ и заключеній.

Какъ ничтожны и жалки становятся передъ ихъ неопровержимымъ свидѣтельствомъ, нападки нѣкоторыхъ на учрежденіе; какъ они иронически выражаются, этихъ училищъ для «*поповъ*»! Съ справедливою гордостью и радостно можно отвѣчать имъ, что эти училища для «*поповъ*» образовали разсадникъ самыхъ полезныхъ, ревностныхъ и безкористныхъ дѣятельницъ на почвѣ научнаго, нравственнаго и христіанскаго просвѣщенія нашего простаго народа, т. е. непосредственныхъ исполнительницъ того великаго дѣла, которое составляетъ основу и залогъ преуспѣванія, благоденствія и могущества государства. Пусть укажутъ эти порицатели: какія изъ числа всѣхъ прочихъ существующихъ у насъ воспитательныхъ женскихъ заведеній могутъ быть сравнены, по приносимымъ ими плодамъ, съ этими училищами «*поповъ*»!

Достаточно обратить вниманіе на любовь и признательность, наполняющихъ сердца *поповъ* къ воспитавшимъ ихъ наставницамъ и училищамъ; на попеченіе и заботы наставницъ о прежнихъ ихъ питомцахъ; на сердечную связь и дружескія отношенія, остающіяся между тѣми и другими—чтобы сказать съ убѣжденіемъ:

—„Счастливы училища, обладающія такими воспитательницами и возвращающія такихъ воспитанницъ; счастливы наставницы, умѣвшія воспитать такихъ питомецъ; счастливы воспитанницы, находившіяся подъ руководствомъ такихъ наставницъ.“

И взирая на всѣхъ ихъ, радостно и утѣшительно должно быть на сердцѣ ихъ благодущныхъ Основательницы и Покровительницы!

Государынѣ Императрицѣ видно, что милостивыя попеченія и благодѣянія Ея Величества приносятъ прекрасные плоды и что благодѣтельствовавшая Ею умѣютъ чувствовать сдѣланное имъ добро, сливаются въ одной общей и горячей молитвѣ къ Богу о благоденствіи ихъ Августѣйшей Благодѣлательницы и единодушно съ

тою изъ нихъ, которая была такъ обрадована полученіемъ фотографическаго изображенія Ея Величества, всё вмѣстѣ:

«Съ восторгомъ припадаютъ къ драгоценнымъ ручкамъ Ея Величества и домо, домо обмываютъ ихъ слезами благодарности».

ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.

Приглашеніе къ пожертвованію для западнаго края.

Въ апрѣлѣ минулъ годъ кончинѣ Благовѣрнаго Государа Цесаревича Николая Александровича. Эта невозвратная потеря была глубоко прочувствована изъ конца въ конецъ Россіи; но ни для одной мѣстности нашего отечества утрата этой свѣтлой личности не была такъ ощутительна, какъ для западнаго края, гдѣ Имя Почившаго съ умиленіемъ и благодарностью произносится понинѣ едва ли не въ каждой хижинѣ русскаго простолюдина. Независимо отъ денежныхъ и вещественныхъ пожертвованій на восстановленіе въ западныхъ губерніяхъ православныхъ святыхъ и на приобрѣтеніе какъ церковныхъ принадлежностей, такъ и богослужебныхъ книгъ, покойный Цесаревичъ принималъ самое живое участіе въ дѣлѣ образованія туземнаго русскаго простолюдина, находившагося подъ вѣковымъ гнетомъ польскихъ помѣщиковъ, тѣснившихъ его не въ одномъ матеріальномъ отношеніи, но и уничтожавшихъ въ корень всё его помыслы и законныя стремленія къ русской самобытности. Въ сколькихъ церквахъ, въ сколькихъ школахъ и братствахъ находятся видимые знаки сочувствія покойнаго Цесаревича къ русскому дѣлу, дары Его царственной щедрости, напоминающіе народу Его приснопамятное, хотя и скоротечное бытіе!

Немедленно, по полученіи извѣстія о кончинѣ Цесаревича, тайный совѣтникъ Батюшковъ, имѣя чрезъ наблюдающихъ за церковными постройками въ западныхъ губерніяхъ самыя точныя свѣдѣнія о неудобствахъ, съ какими помѣщено въ наемномъ деревянномъ домѣ вновь открытое въ г. Житомирѣ, для обширной волынской епархіи, училище священнослужительскихъ дочерей, и принимая во вниманіе громадную пользу, которую подобнаго рода

заведенія могутъ принести дѣлу полнаго и серьезнаго обрусѣнія полуополченнаго дравле русскаго края, просилъ, въ апрѣлѣ 1865 года, г. министра внутреннихъ дѣлъ о предоставленіи, изъ поступающихъ въ министерство отъ разныхъ лицъ пожертвованій на школы и церкви западныхъ губерній, денежныхъ средствъ на постройку для означеннаго училища каменнаго зданія и объ исходатайствованіи Высочайшаго Государя Императора соизволенія на присвоеніе этому русскому православному питомнику дорогаго имени покойнаго Цесаревича, съ тѣмъ, чтобы въ зданіи училища была устроена домовая двухъ-предѣльная церковь въ честь Рождества Богородицы и во имя св. Николая, чудотворца Мурлинійскаго, — дней рожденія и тезоименитства Почившаго.

Съ воспослѣдованіемъ Высочайшаго на это ходатайство соизволенія, министерство внутреннихъ дѣлъ поручило наблюдающему за церковными постройками въ Волынской губерніи избрать удобное мѣсто для сооруженія подъ означенное училище каменнаго дома, составить ему чертежъ и смѣту и, по одобреніи оныхъ свѣтскою и духовною мѣстными властями, представить на разсмотрѣніе и утвержденіе министерства.

Согласно данному предложенію, наблюдающій за церковными постройками проектировалъ чертежи и раздѣлки зданію, указавъ для него на принадлежащую городу мѣстность, какъ отвѣчающую гигиеническимъ условіямъ и во всѣхъ отношеніяхъ вполне для этой цѣли удобную. Кромѣ зданія проектированнаго по Высочайше утвержденному штату на 90 воспитанницъ, предполагалось выстроить при ономъ всѣ хозяйственныя службы, какъ-то: сарай, конюшни, молочныя и т. п., съ тѣмъ, чтобы воспитанницы могли основательно ознакомиться съ хозяйствомъ и, по выходѣ изъ заведенія, имѣли бы достаточныя практическія по этому предмету свѣдѣнія; но расходъ (169,870 р.), потребный на всѣ эти строенія, былъ несоразмѣренъ съ наличными денежными средствами министерства, вслѣдствіе чего необходимо было сдѣлать измѣненія въ чертежѣ и проектировать одно главное съ церковью зданіе по болѣе скромному плану, безъ хозяйственныхъ принадлежностей, оставляя устройство оныхъ до болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ.

Предѣланный такимъ образомъ чертежъ, отвѣчая первымъ потребностямъ училища, рассчитанъ на 62,497 р.

Министерство, желая скорѣйшаго осуществленія столь полезнаго предпріятія, испросило, 6 числа сего мая, Высочайшее Государя Императора соизволеніе на отдѣленіе съ этою цѣлію изъ поступаю-

щихъ отъ разныхъ лицъ денежных приношеній въ пользу школы и церкви западнаго края 22,676 р., съ тѣмъ, чтобы къ работамъ было приступлено въ нынѣшнемъ же году и чтобы пополненіе недостающей на сооруженіе упомянутаго зданія сумми было отнесено на частныя пожертванія, по открытой особо на этотъ предметъ съ Высочайшаго соизволенія тайнымъ совѣтникомъ Батюшковымъ подписать.

Приношенія на постройку каменнаго дома для Житомирскаго Цесаревича Николая Александровича училища для дѣвицъ духовнаго званія принимаются ежедневно отъ 11 до 5 часовъ, въ канцеляріи завѣдывающаго устройствомъ православныхъ церквей, на Гагаринской набережной, въ домѣ Опочининой, № 30. О пожертваніяхъ будетъ публиковано въ *Сѣверной Почтѣ*.

(Русск. Инв.)

О пожертваніяхъ на устройство православныхъ церквей и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ.

Въ № 269 «Сѣверной Почты» (10-го декабря 1865 года) напечатанъ былъ отчетъ о поступившихъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ, на устройство православныхъ церквей и народныхъ училищъ въ западномъ краѣ, денежных пожертваніяхъ и о произведенномъ изъ оныхъ расходѣ, а также о распредѣленіи и разсылкѣ, по назначенію, пожертвованныхъ съ тою же цѣлью богослужебныхъ предметовъ, книгъ, облачений и церковной утвари.

Изъ вышеупомянутаго отчета видно, что по 23-е ноября минувшаго года поступило въ министерство: наличными деньгами 82,534 руб. 7 коп. и государственными билетами 4% непрерывнаго дохода 42,500 руб., всего же 125,034 руб. 7 коп.

Съ этого времени, т. е. съ 23-го ноября 1865 года по 1-е число сего мая, поступило вновь на имя тайнаго совѣтника Батюшкова отъ разныхъ лицъ 3,049 руб. 68³/₄ коп.

Съ 23-го ноября 1865 по 1-е мая сего года произведены изъ денежных пожертваній слѣдующіе расходы и выдачи:

1. На покупку для православной церкви м. Дукоры, минской губерніи, игуменскаго уѣзда, серебряно-вызолоченаго потира съ полнымъ приборомъ, таковаго же ручнаго креста, полныхъ священническихъ облачений: свѣтлаго 1 и траурнаго 1, діаконыхъ:

свѣтлаго 1 и траурнаго 1; одежда на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ священнику означенной церкви, при отношеніи отъ 26-го февраля, за № 131 326 р.

2. На покупку для головчицкой православной церкви, мозырскаго уѣзда, минской губерніи, 2 серебряно-вызолоченныхъ потировъ съ полнымъ приборомъ, 1 таковаго же напестольнаго креста, 1 Евангелія, 3 подсвѣчниковъ, 5 лампадъ, иконы св. Александра Невскаго; полныхъ священническихъ облачений: свѣтлаго 1 и траурнаго 1, одежда: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1 и 1 катапетасмы, которые и отправлены къ военному пачальнику мозырскаго уѣзда, той же губерніи, при отношеніи отъ 26-го февраля, за № 132 550 р.

3. Братчику щучинскаго церковнаго братства, лядскаго уѣзда, виленской губерніи, князю А. П. Мещерскому, выдано въ Петербургѣ (16-го декабря, № 760) въ пособіе, на приобрѣтеніе для щучинской церкви различныхъ церковныхъ принадлежностей и для основанной при этомъ храмъ школы книгъ и учебныхъ пособій 600 р.

4. На приобрѣтеніе для игуменской городской церкви, минской губерніи, приличнаго колокола отправлено къ минскому губернатору, при отношеніи отъ 20-го февраля, за № 122 400 р.

5. На покупку для вновь устриваемой Богдановской церкви, пинскаго уѣзда, Минской губерніи, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранильницы, 1 дароносицы, 1 напестольнаго креста, 1 Евангелія, 2 хоругвей; накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, 1 кадила, 2 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 2 полумѣстныхъ, 4 лампадъ, 1 парн брачныхъ вѣнцовъ, 1 водосвятной чаши съ принадлежностью, 1 мирницы, 1 купели, 1 чаша для колива, 1 плащаницы; полныхъ священническихъ облачений: свѣтлыхъ 2, траурныхъ 1, стихарей пречетническихъ свѣтлыхъ 2, траурнаго 1; одежда: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ главному начальнику сѣверо-западнаго края, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману, при отношеніи отъ 30-го марта, за № 221 1,346 р.

6 На покупку, для православной церкви полоцкой духовной семинаріи 1 серебряно-вызолоченнаго потира съ полнымъ приборомъ, 1 запестольнаго креста, 1 водосвятной чаши съ приборомъ, 1 всенощнаго блюда, 1 панихидницы, 1 кадила, 4 лампадъ къ

мѣстнымъ иконамъ, 1 лампады на воздухъ, 7 подсвѣчниковъ; полныхъ облаченій: архимандритскаго свѣтлаго 1, траурнаго 1, священническихъ: свѣтлыхъ 2, траурныхъ 2, стихарей: діаконскихъ свѣтлыхъ 2, траурныхъ 2, причетническихъ: свѣтлаго 1, траурнаго 1; одеждъ: на престолъ: свѣтлой 1 и траурной 1, и на жертвенникъ: свѣтлой 1 и траурной 1, которые и отправлены къ ректору означенной семинаріи, архимандриту Никанору, при отношеніи отъ 7-го марта, за № 133 500 р.

7. Для поддержанія школы начальнаго образованія бѣдныхъ дѣвицъ въ г. Минскѣ, содержимой сестрами Меженскими, отправлено къ директору училищъ Минской губерніи, при отношеніи отъ 11-го марта, за № 159 1,500 р.

8. На покупку для церквей: *Булянской*, Слоניםкаго уѣзда, Гродненской губерніи, 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 напестольнаго креста, серебряно-вызолоченныхъ, и 1 креста запрестольнаго, 3 подсвѣчниковъ, 2 хоругвей, иконы Усѣкновенія главы Іоанна Предтечи, 2 полныхъ священническихъ облаченій, 1 стихаря, 1 одежды на престолъ съ покровомъ и 1 одежды на жертвенникъ, и *Островской*—Игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, серебряно-вызолоченныхъ: 1 дарохранильницы, 1 дароносицы и 1 напестольнаго креста, 2 хоругвей, 1 Евангелія, 4 лампадъ накладнаго серебра, 1 запрестольнаго креста, 1 полного священническаго облаченія; одеждъ: 1 на престолъ и 1 на жертвенникъ, которые и отправлены къ священникамъ означенныхъ церквей, при отношеніяхъ отъ 30-го марта, за №№ 219 и 222 1,167 р. 50 к.

9. На поддержаніе училища для дѣвицъ, содержимаго г-жею Вушмакъ, въ г. Шавляхъ, Ковенской губерніи, отправлено къ попечителю виленскаго учебнаго округа, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 156 1,000 р.

10. Въ возвратъ израсходованныхъ въ теченіе 1864 и 1865 гг. на укладку и отправку по назначенію богослужебныхъ принадлежностей, облаченій и книгъ, жертвуемыхъ частными лицами для православныхъ храмовъ и приходскихъ школъ западныхъ епархій, съ разрѣшенія г. министра 207 р.

11. Въ возвратъ израсходованныхъ завѣдывающимъ церковною постройкою въ Подольской губерніи, въ теченіи 1864 и 1865 гг., на наемъ помѣщенія для храненія книгъ и другихъ учебныхъ принадлежностей, пожертвованныхъ въ пользу сельскихъ училищъ той губерніи и на рассылку оныхъ, выдано съ разрѣшенія г. министра подполковнику де-Ливрону, 26-го марта, № 216 154 р.

12 На покупку для ержепольской церкви, Люцинскаго уѣзда, Витебской губерніи, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранильницы, 1 дароносицы, 1 Евангеліе, и накладнаго серебра: 1 запрестольнаго креста, 1 водосвятной чаши, 1 блюда для благословенія хлѣбовъ, 4 подсвѣчниковъ, 2 лампадъ, одежду съ принадлежностями: на престоль 1 свѣтлой, 1 траурной, на жертвенникъ 1 свѣтлой, 1 траурной, 2 литоновъ, 1 пары воздухонъ свѣтлыхъ и 1 пары траурныхъ, полныхъ священническихъ облачений: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, стихарей: свѣтлаго 1, траурнаго 1, хоругвей 2, плауаница 1 и пелень на аналон и столикъ 3. Всѣ эти вещи заказаны и, по изготовленіи, будутъ доставлены въ преосвященному Василю, архіепископу полоцкому и витебскому, ходатайствовавшему о снабженіи означенной церкви упомянутою утварью 993 р.

13 На приобрѣтеніе для вновь выстроенной въ с. Завидовѣ Гомельскаго уѣзда, Могилевской губерніи, православной церкви 3 колоколовъ отправлено къ могилевскому губернатору, при отношеніи отъ 15-го апрѣля за № 268 285 р.

14. На покупку, по ходатайству попечительницы кievскихъ богоугодныхъ заведеній, для вновь устраиваемой въ г. Кіевѣ, при домѣ Сулими, православной церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранильницы, 1 дароносицы; крестовъ: 1 напрестольнаго и 1 для трезбъ, Евангелій: 1 напрестольнаго и 1 молебнаго, и накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, антидорнаго блюда, 1 водосвятной чаши съ принадлежностью, 1 каддила, 3 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 2 лампадъ, 1 мѣрицы, 1 чаши для полива, 2 хоругвей, 1 плашаницы, полныхъ священническихъ облачений свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, діаконскихъ: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, пріетническихъ стихарей: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, одежду на престоль съ покровомъ: свѣтлой 1, траурной 1, на жертвенникъ: свѣтлой 1, траурной 1, пелень на аналон и столики 3, воздухонъ 2 пары и 1 катапетасмы. Вещи эти, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены по принадлежности 995 р.

15. На приобрѣтеніе богослужебныхъ принадлежностей для вновь строящихся храмовъ въ мѣстечкахъ: Орли, Докудовѣ и Мыго, Лидскаго уѣзда, Виленской губерніи, выдано въ распоряженіе князя А. П. Мещерскаго (при отношеніи 15-го апрѣля, № 264) 400 р.

16. На покупку богослужебныхъ принадлежностей и священныхъ облачений для церквей Гродненской губерніи, Волковыскаго уѣзда: а) *Ивашкевичевой*, 1 серебряно-вызолоченнаго потира съ

полнымъ приборомъ, 1 напрестольнаго креста и 1 траурнаго священническаго облаченія; б) Слонимскаго уѣзда: *Кочинской* церкви, 1 серебряно-вызолоченаго напрестольнаго креста, 2 хоругвей, церковной завѣсы, всенощнаго и панихиднаго блюда, облаченій на престоль, жертвенникъ, аналой и столикъ; в) *Дворецкой* церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 напрестольнаго креста и 1 Евангелія; г) *Горейской* церкви, 1 подсвѣчника на престоль и свѣтлаго священническаго облаченія, съ принадлежностью, и д) *Милькановичской* церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дароносицы, 1 напрестольнаго креста, 1 Евангелія и траурнаго священническаго облаченія. Всѣ эти предметы, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены по принадлежности 916 р.

17. На покупку, для церкви Казанской Божіей Матери, въ г. Поневѣжѣ Ковенской губерніи, 1 напрестольнаго креста серебряно-вызолоченнаго, 1 водосвятной чаши, 1 всенощнаго блюда, 1 сборнаго блюда, 1 купели, 2 хоругвей, 4 подсвѣчниковъ, 6 лампадъ, 1 кадила, 3 полныхъ священническихъ облаченій, 3 стихарей и 1 одежды на престоль и жертвенникъ. По изготовленіи сихъ вещей, онѣ будутъ отправлены по принадлежности 832 р.

18. На покупку, для вновь устраиваемой въ селеніи Великій Боръ, Рѣчицкаго уѣзда, Минской губерніи, православной церкви, серебряно-вызолоченныхъ: 1 потира съ полнымъ приборомъ, 1 дарохранительницы, 1 дароносицы, 1 напрестольнаго креста, 1 Евангелія и накладнаго серебра: 1 всенощнаго блюда, 1 водосвятной чаши, 1 кропила, 1 креста съ подножіемъ для панихидъ, 1 мирницы, 1 кадила, 5 лампадъ, 2 мѣстныхъ подсвѣчниковъ, 3 подсвѣчниковъ о 3 рожкахъ, 1 купели мѣдной, полныхъ священническихъ облаченій: свѣтлыхъ 2, траурнаго 1, стихара 1, одежду свѣтлыхъ и траурныхъ по 1 на престоль, жертвенникъ, аналой и столикъ, 1 катапетасми и 1 коврика для устланія предпрестольнаго мѣста. Всѣ эти предметы, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены по принадлежности 1,242 р.

19. Отправлено, согласно назначенію жертвователей, къ минскому губернатору, для передачи православному духовному братству г. Минска, имѣющему содѣйствовать утвержденію и процвѣтанію православной вѣры 300 р.

20. На покупку для юревичской церкви, игуменскаго уѣзда, Минской губерніи, колокола и паникадила, которые, по изготовленіи ихъ, будутъ отправлены на мѣсто 500 р.

и 21. Пожертвованный чиновникомъ Цѣхановѣцкимъ 5% государственнаго банка въ 1,000 руб. билетъ втораго выпуска, за № 15,152, съ купонами, въ пользу устраиваемаго Витебской губерніи и уѣзда Бабиницкой волости, сельскаго училища, отправленъ къ попечителю виленскаго учебнаго округа, для передачи по назначенію, 1,000 р.

Итакъ, съ 23-го ноября 1865 г. по 1-е мая сего года, израсходовано деньгами 14,213 р. 50 к. и отправлено билетами на 1,000 руб., а всего 99,139 р. 65 к.

Затѣмъ къ 1-му мая состоитъ на лицо въ с.-петербургскихъ: главномъ и губернскомъ казначействахъ 28,944 р. 10³/₄ к.

Вѣдомость вещамъ, отправленнымъ тайнымъ советникомъ Батюшковымъ, изъ числа прежде оставшихся и вновь поступившихъ отъ разныхъ лицъ:

Отъ Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Сергія Александровича и Государыни Великой Княжны Маріи Александровны парчевыя съ изображеніями хоругви—къ архимандриту Никанору, ректору полоцкой духовной семинаріи, для семинарской церкви, при отношеніи отъ 17-го марта за № 133.

Къ паричскому благочинному священному, Бобруйскаго уѣзда, Минской губерніи, отцу Антонію Смоличу, при отношеніи отъ 1-го декабря 1865 года, за № 717, пожертвованные для св. Михайловской церкви села Островицы, того уѣзда: а) Варварою Александровною Даниловою, серебряно-вызолоченные потиръ съ полнымъ приборомъ и напестольный крестъ, съ тѣмъ, чтобы въ этомъ краѣ совершаемо было, по уставу церкви, поминовеніе души усопшаго раба Божія «болярина Анастасія».

Къ настоятелю петропавловской церкви города Шавлей, Ковенской губерніи, при отношеніи отъ 15-го января, за № 44, пожертвованную въ пользу той церкви неизвѣстнымъ лицомъ чашу для благословенія хлѣбовъ (накладнаго серебра).

Къ учредительницѣ паричскаго училища для дѣвицъ изъ духовнаго званія, М. Я. Пущиной, при отношеніи отъ 24-го февраля, за № 127, пожертвованные купцомъ Грачевымъ, двѣнадцать маленькихъ образцовъ, для раздачи воспитанницамъ.

Къ ректору полоцкой духовной семинаріи, отцу архимандриту Никанору, при отношеніи отъ 7-го марта, за № 133, пожертвован-

ные для семинарской церкви: 1) супругою генераль-адъютанта Юлією Николаевною Зиновьевой, плащаница хромолитографированная; 2) потомственнымъ гражданиномъ, с.-петербургскимъ 2-й гильдіи купцомъ Ѡ. А. Верховцевымъ, серебряно-вызолоченные: дарохранительница и большой напрестольный крестъ; 3) купцомъ Грачевымъ, серебряно-вызолоченные кресты, благословенный и водосвятный, Евангелія напрестольное и малое для требъ, митра фіолетовая, шитая серебромъ, для траурнаго облаченія, и св. икона дванадцати праздниковъ, и 4) потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ В. Е. Сытовымъ, митра на бѣломъ атласѣ, шитая золотомъ, шелковая катапетасма и одежды на два аналоя и на два столлика, съ пеленами.

Къ священнику Іоанно-Богословской церкви села Приборова, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 157, пожертвованные для той церкви неизвѣстнымъ лицомъ напрестольный и молебный кресты, блюдо для святой воды (накладнаго серебра) и 59 экземпляровъ книгъ разнаго содержанія для школы.

Къ священнику св. Михайловской церкви, села Изабелина, Волковыскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 10-го марта, за № 158, пожертвованные для этой церкви и школы генераль-лейтенантомъ А. О. Россетомъ, двѣ св. иконы и 23 экземпляра разнаго содержанія книгъ.

Къ настоятелю Покровскаго монастыря въ городѣ Оршѣ, Могилевской губерніи, при отношеніи отъ 5-го апрѣля, за № 228, доставленные для этого монастыря Вѣрою Ивановною Набоковой риза, эпитрахиль, поясъ, поручи, подризникъ, одежды на престолъ и жертвенникъ, три пелены на аналои и 9 паръ воздуховъ.

Къ гродненскому губернатору, при отношеніи отъ 10-го апрѣля, за № 245, для православной церкви м. Друскеники, прибрѣтенные на оставшіяся отъ пожертвованныхъ особо подполковникомъ Понамаревымъ деньги серебряно-вызолоченные: кресты напрестольный и для требъ, Евангеліе напрестольное, плащаница и св. икона Спасителя и Богоматери для крестныхъ ходовъ.

Къ священнику Іоанно-Богословской церкви, села Приборова, Брестскаго уѣзда, Гродненской губерніи, при отношеніи отъ 19-го апрѣля, за № 286, пожертвованные для той церкви неизвѣстнымъ лицомъ: образъ св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, въ золоченой рамкѣ, и фотографическій портретъ Государа Императора, въ рамкѣ, для приходской школы.

Къ священнику св. Екаторининской церкви въ г. Минскѣ, отцу Никанору Смоличу, при отношеніи отъ 24-го апрѣля, за № 294, пожертвованная для этой церкви Елисаветою Алексѣевною Нарышкиною (урожденною княжною Куракиною) собственнаго ея писанія, икона св. великомученицы Екаторины.

Кромѣ сего, московскими 1-й гильдіи купцами: Ляминимъ, Вишняковымъ, Сиротининимъ и Грачевимъ сдѣланы въ минувшемъ мартѣ пожертвованія, для снабженія 507 нуждающихся въ богослужебныхъ принадлежностяхъ, православныхъ храмовъ кievской епархіи: 609 священническихъ, діаконыхъ и причетническихъ облаченій, съ подрясниками; 386 престольныхъ съ жертвенниками и аналойныхъ облаченій; 180 св. иконъ большаго размѣра и 250 меньшаго размѣра; 140 серебряныхъ вызолоченныхъ чашъ съ приборомъ; 112 такихъ же напестольныхъ крестовъ; 66 такихъ же дарохранительницъ; 23 такихъ же дароносицъ; 65 Евангелій; 18 водосвятныхъ чашъ; 17 всеощныхъ блюдь; 18 ковшей для теплоты; 21 купелей, 13 кадиль; 18 напестольныхъ подсвѣчниковъ; 19 антидорныхъ блюдь; 32 лампадь большихъ; 12 мирницъ; 46 мѣстныхъ подсвѣчниковъ; 5 выносныхъ подсвѣчниковъ; 7 паръ хоругвей и 29 плащаницъ. Означенныя вещи заготавливаются въ Москвѣ и будутъ доставлены въ Кіевъ на имя высокопреосвященнаго Арсенія, митрополита кievскаго и галицкаго, въ іюнь и іюль мѣсяцахъ текущаго года.

(*Сверн. Почта*).

ОСВЯЩЕНІЕ ЦЕРКВИ

во имя Св. Великомученика побѣдоносца Георгія,
приписной въ свидельской церкви гродненскаго уѣзда.

Въ 2-хъ верстахъ отъ м. Скидла, по большой дорогѣ въ Гродну на крутомъ берегу рѣки Котры находится деревянная церковь св. Великомученика Георгія, и поэтому называется: *Котранская-Юрьевская*. Искони къ ней принадлежалъ приходъ, но неизвѣстно, когда закрытъ и приписанъ къ свидельской церкви. — Тамъ находится особенно чтимая народомъ чудотворная икона св. Георгія на доскѣ въ большомъ размѣрѣ; — на подписи значится — по

жертвована въ сію церковь 1560 года Иваномъ Верещинскимъ; на иконѣ изображены различныя страданія съ славянскими надписями, что ясно доказываетъ существованіе въ сей странѣ древняго православія и русской народности. Но церковь Юрьевская отъ времени стала приходить въ ветхость, и наконецъ угрожало ей совершенное разрушеніе, подобно многимъ храмамъ, имѣвшимъ видъ гробовыхъ призраковъ. Пастыри сей церкви много думали и заботились объ изысканіи средствъ для поддержанія этой святыни, но аще не Господь созиждетъ домъ, всеу трудишася зяждущіи.... Бѣдность пастырей и пасомыхъ, стонавшихъ подъ тяжкимъ игомъ рабства, наложеннаго панами и есцдзовскою пропагандою, не допустили осуществиться общимъ желаніямъ и стремленіямъ пока не настало благотворное время возрожденія природнаго православія на русской почвѣ. Нашлись средства, явилось усердіе: пишущій сія строки, мѣстный священникъ, пригласилъ своихъ прихожанъ и братчиковъ къ дѣлу богоугодному; приобрѣлъ братчицу Надежду Борисовну княгиню Трубецкую, которой вкладъ составляетъ единственное и даже рѣдкое въ другихъ храмахъ украшеніе. Она для этой церкви прислала: всѣ образа къ иконостасу, писанные на деревѣ лучшимъ художникомъ, стоимостью на 500 р. с., — священныя сосуды — полновѣсныя серебряныя вызолоченныя, напрестольный крестъ, всѣ богослужбныя книги (полный кругъ) въ отличномъ переплетѣ, двѣ пары воздуховъ шолковой матеріи, двѣ плащаницы аплике, три кропила и полное священническое облаченіе красной шелковой матеріи. Княгиня Трубецкая — родная племянница вотчинника имѣнія Скиделя князя Константина Святопола Четвертинскаго, въ концѣ мая прошедшаго 1865 года прѣздомъ изъ заграницы посѣтила нашу церковь. По случаю ея бытности отслужена Божественная Литургія и молебень о здравіи братчицы; во время службы она стояла съ горящею свѣчею въ ряду съ нашими братчиками — бѣдными крестьянами; послѣ выхода изъ церкви привѣтствовалась съ каждымъ братникомъ, бесѣдовала съ ними очень ласково о нуждахъ церкви, объ улучшеніи ихъ быта и проч.; и тѣмъ сдѣлала на нихъ такое сильное впечатлѣніе, что они съ особеннымъ расположеніемъ воспоминають имя благочестивой братчицы. Таже братчица княгиня Трубецкая склонила дядю своего князя Четвертинскаго оказать содѣйствіе къ нуждамъ Юрьевскаго храма, въ которомъ подъ спудомъ погребены двое дѣтей его. — Имъ отпущено 60 корней строеваго лѣса. Г. главнымъ начальникомъ края, графомъ Муравьевымъ, отпущено на починку сей церкви 600

руб.; въ церкви имѣлось 100 руб.; собрано б. мировымъ посредникомъ Хотяницовымъ 28 руб.; недостающіе къ совершенному окончанію 197 руб. 36 коп. пожертвованы частію мѣстнымъ причтомъ, а частію прихожанами.

Такимъ образомъ Господу благодарю и споспѣшествующу во благихъ начинаніяхъ, возведенъ отъ разрушенія и поставленъ въ благовидное состояніе храмъ св. Георгія къ неописанной радости мѣстныхъ прихожанъ, которые теперь во время частныхъ службъ, собиравсь во храмъ, не могутъ налюбоваться красотой и благолѣпіемъ онаго въ противоположность прежнему запустѣнію; — при семъ наружномъ видѣ каждый, исполненный чувствомъ живѣйшей благодарности виновнику всѣхъ благъ Благодарителю - Монарху нашему, сердцемъ и устами восклицаетъ: *Коль возлюблена селенія Твоя Господи силъ! желаетъ и скончается душа моя во дворы Господни.* По благословенію высокопреосвященнѣйшаго архипастыря нашего, митрополита Іосифа, для освященія избранъ день 14 сего апрѣля — память св. Виленскихъ Мучениковъ. Наканунъ сего торжества изволили къ намъ прибыть изъ Гродны, къ общей нашей радости, преосвященнѣйшій Игнатій епископъ брестскій, изъ явившій желаніе священнодѣйствовать храмъ, къ тому времени собрались сосѣдніе священники и діаконы. — 14 апрѣля послѣ ранней Литургіи все духовенство съ народомъ, стесшимся изъ сосѣднихъ приходовъ въ огромной массѣ, отправилось крестнымъ ходомъ изъ скидельской церкви къ новоустроенной; образъ св. Георгія несенъ былъ руками священниковъ. Послѣ водосвятнаго молебна началось самое освященіе храма; народъ, невидавшій этого священнодѣйствія и находившіеся здѣсь католики тѣснились къ олтарю, чтобы посмотрѣть и послушать стройное пѣніе архіерейскаго хора. Давка была старшая по тѣснотѣ церкви — здѣсь едва могла помѣститься 10-я часть собравшагося народа. Во время Божественной Литургіи, совершенной преосвященнымъ Игнатіемъ въ сослуженіи духовенства, произнесено было священникомъ Езіорской церкви Адамомъ Михалевичемъ слово, приличное случаю и торжеству на текстъ: *Коль возлюблена селенія Твоя, Господи силъ!.....* Вся эта церемонія произвела въ народъ глубокое благоговѣнное впечатлѣніе, отъ коего видны были на глазахъ слезы радости и умиленія. Таковое событіе есть единственное въ памяти здѣшняго прихода, и оно останется на всегда въ устномъ преданіи.

Скидельскій Благочинный Свящ. А. Будзиловичъ.

О КАНУВИНСКОМЪ КОСТЕЛѢ.

Въ настоящее время, когда православіе наше, въ здѣнномъ краѣ, мощною силою стало выбиваться изъ подъ бывшаго гнета инославнаго исповѣданія, когда повсюду возстановляются и украшаются древнія святини наши, въ которыхъ, по стараніямъ недоброжелателей православной вѣры, уже господствовало заустѣніе; когда умы лучшихъ дѣятелей въ нашемъ краѣ напряжены къ тому, чтобы возстановить здѣсь православіе въ прежнемъ его величіи:— равнялось-бы религиозному индеферентизму и даже небреженію къ дѣламъ вѣры оставлять безъ вниманія самыя малѣйшіе предметы, могущіе служить къ возвеличенію протетической нашей вѣры и процвѣтанію въ прежнемъ ея блескѣ, тѣмъ болѣе, если дѣло касается предметовъ первой важности, каковы святыя храмы Божіи. Принося посильную жертву на алтарь всеобщаго утвержденія православія, считаемъ необходимымъ обратить вниманіе людей, сочувствующихъ сему дѣлу, на одинъ уголокъ въ нашемъ окологрѣбѣ; гдѣ до сихъ поръ находится памятникъ бывшаго польскаго самовластия въ западно-русскомъ краѣ.

По почтовой дорогѣ изъ г. Гродны къ Вильну, на 26 верстѣхъ отъ Гродны, есть кладбищенская церковь во имя св. Великомученика Георгія. Она была нѣкогда приходскою и называлась котранскою, отъ рѣки Котры, какъ и вся эта мѣстность на протяжении слишкомъ 4-хъ верстѣхъ по одну и по другую сторону рѣки носитъ названіе Котры, а нынѣ эта церковь приписана къ скидельской приходской и состоитъ въ завѣдываніи ея причта (*). Но не объ этомъ здѣсь рѣчь. Въ одной верстѣ отъ Свято-Георгіевской церкви находится принадлежавшій нѣкогда къ ней, нынѣ р.-католическій кладбищенскій костелъ во имя Святителя Николая.

Въ древнихъ актахъ онъ названъ прямо церквію. Въ архивѣ скидельской приходской церкви сохранился документъ на польскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «извлеченіе изъ протокола генеральнаго обзора церквей, произведеннаго въ 1681 году митрополитомъ всей Россіи»; имени его здѣсь не упомянуто, но судя по времени,

(*) Смотри выше.

это былъ кievскій уніятскій митрополитъ Кипріанъ Жоховскій. Въ сказанномъ актѣ, послѣ описи котранской приходской церкви, ея имущества, строеній и фундуша священника, послѣ перечисленія деревень, принадлежащихъ къ ней приходомъ, сказано: «что въ завѣдываніи преп. отца Іоанна Германовича состоитъ церковь во имя св. Николая-Ботранская», и замѣчено: «что фундуша при ней нѣтъ, только есть торги», и слѣдовательно доходы. Вѣроятно это была приписная церковь, построенная на кладбищѣ для удобства ближнихъ деревень. Самое посвященіе этой церкви во имя св. Николая, не употребительное въ западной церкви, показываетъ, что она назначалась, если не для православныхъ, то для уніатовъ, такъ какъ этого святителя издревле чтить особенно русскій народъ.

Въ другомъ позднѣйшемъ такомъ же экстрактѣ генеральнаго обзора есть еще яснѣйшее доказательство того, что эта церковь принадлежала обряду уніятскому, а никакъ не католическому. Въ этомъ экстрактѣ обзора, бывшаго въ 1737 году, послѣ подробной описи Свято-Георгіевской церкви, записано *Notandu* «(должно замѣтить), коего дословный переводъ съ польскаго языка слѣдующій: «въ четверти мили отъ церкви котранской, въ имѣніи гродненскихъ іезуитовъ, называемомъ Котра, находится часовня, или лучше церковь деревянная, старинная, какъ слѣдуетъ освященная блаженнымъ Іосафатомъ архіепископомъ полоцкимъ. Въ этой часовнѣ, или церкви, находится чудотворный образъ Пресвятой Дѣвы, при каковомъ образѣ есть не мало серебряныхъ табличекъ, драгоценностей и другихъ украшеній». Извѣстно, что римско-католическіе костелы всегда освящались римско-католическими епископами, а епископы уніятскіе освящали церкви, принадлежавшіе уніатамъ. Другое обстоятельство. Уніятскій ревизоръ церквей осматриваетъ эту церковь и записываетъ принадлежащее ей имущество. Если бы она принадлежала р.-католическому обряду, то уніятскому ревизору не было бы надобности осматривать ее, а тѣмъ болѣе помѣщать результатъ сего обзора въ официальномъ своемъ отчетѣ. Такъ она и оставалась въ завѣдываніи скидельскихъ уніятскихъ священниковъ до 1812 г. Въ этомъ году, во время всеобщихъ беспорядковъ по случаю войны Россіи съ Франціею, по рассказамъ старожиловъ случилось такого рода дѣло:

8-го мая, на канунъ Николина дня, пришли со всѣми принадлежностями крестнаго хода братчики скидельской церкви и езіорскаго костела; между ними возникъ споръ о томъ, какому брат-

ству тутъ первенствовать — уніятскому или католическому? дошло до крупныхъ разговоровъ, а наконецъ и до драки, такъ что въ самой церкви хоругвами и крестами одни другихъ избили до крови, тѣмъ, естественно, осквернилась святость храма, въ которомъ, по каноническимъ правиламъ, нельзя уже было отправлять богослуженія. Объ этомъ обстоятельствѣ упоминается въ указѣ брестской греко-уніятской консисторіи викарію скидельской церкви Іерониму Налевайкѣ, отъ 27 мая 1814 г., за № 299. Съ тѣхъ поръ служеніе въ этой церкви прекратилось и начался процессъ между скидельскимъ уніятскимъ священникомъ Пукштою и помѣщикомъ имѣнія Кашубиницы судьей Данкевичемъ. Между тѣмъ 9-го мая 1814 г. настоятель езіорскаго римско-католическаго костела бернардинъ, съ собранными такими же бернардинами и доминиканами, забравши съ собой изъ езіорскаго костела органы, прибылъ въ кашубинскую церковь и въ день св. Николая служилъ торжественную миссу, не смотря на то, что церковь вышеописаннымъ дѣйствіемъ братства была профанирована. Бывшій въ то время викаріей скидельской церкви Іеронимъ Налевайко донесъ о семъ греко-уніятской брестской консисторіи, которая сообщила объ этомъ въ виленскую римско-католическую консисторію; поднятъ былъ опять вопросъ, къ какому обряду должна принадлежать кашубинская церковь; назначено слѣдствіе на 20-е число апрѣля 1814 г. Производителями этого дѣла назначены были: со стороны латинскаго обряда: деканъ гродненскій Станиславъ Умотовскій и настоятель рожанецкій Іаковъ Янковскій, а со стороны уніятскаго: Оома Воциловичъ, протоіерей, деканъ гродненскій и Михаилъ Онацевичъ, экзаминаторъ гродненскій, а викарію Налевайкѣ предписано явиться къ 8-му апрѣля въ м. Жировицы въ греко-уніятскую консисторію съ документами (*). Между тѣмъ какъ первоначальная переписка объ этомъ предметѣ по случаю спора между Пукштою и Данкевичемъ находилась въ Петербургѣ у настоятеля скидельской церкви, ассесора духовной коллегіи Лопушинскаго; то къ нему 27 мая 1814 г. посланъ отзывъ о присылкѣ таковой переписки, а виленскую римско-католическую консисторію греко-уніятская консисторія просила отсрочить окончательное рѣшеніе дѣла до тѣхъ поръ, пока не будетъ получена помянутая переписка (**).

По полученіи таковой, согласно революціи епархіальнаго архіерея Іосафата Булгака, назначенъ депутатомъ по сему дѣлу со сто-

(*) Указъ Греко-Ун. конс. отъ 23 марта 1814 г. за № 161.

(**) Указъ греко-уніятской консисторіи отъ 12 іюня 1814 г. за № 327.

роны уніятскаго обряда протоіерей вице-президентъ консисторіи Іосафатъ Горбацевичъ съ тѣмъ, чтобы къ 29-му августа 1814 г. онъ отправился въ виленскую римско-католическую консисторію, а викарію скидельской церкви Налевайкѣ предписано явиться туда же съ нужными документами (*).

Но 30-го августа каѳедральный протоіерей, ассесоръ консисторіи и слонимскій благочинный Іоаннъ Дылевскій рапортомъ донесъ консисторіи: что онъ, въ качествѣ засѣдателя по дѣлу кашубинской церкви, былъ въ Вильнѣ въ тамошней римско-католической консисторіи, но викарій скидельской церкви Налевайко, не получивши изъ виленской митрополитальной унітской консисторіи необходимыхъ для дѣла документовъ, подалъ въ виленскую римско-католическую консисторію прошеніе объ отсрочкѣ слѣдствія до 9-го ноября 1814 г. Въ слѣдствіе этого викарію Налевайкѣ подѣ личною его отвѣтственностію предписано озаботиться отысканіемъ таковыхъ документовъ (**).

Въ концѣ октября поручено было протоіереею Іліи Мокржицкому 9-го ноября присутствовать въ качествѣ засѣдателя при производствѣ дѣла въ виленской римско-католической консисторіи (***).

Наконецъ, какъ викарій скидельской церкви Іеронимъ Налевайко не могъ, неизвѣстно почему, получить изъ виленской митрополитальной консисторіи нужныхъ для дѣла документовъ, то римско-католическая консисторія, отъ 9-го іюля 1815 г., за № 418, прислала въ греко-унітскую брестскую консисторію отзывъ слѣдующаго содержанія: « въ виленской римско-католической консисторіи, по рассмотрѣніи дѣла о спорномъ котранскомъ костелѣ, постановлено: такъ какъ изъ буллы папы Венедикта XIV-го, данной 12 мая 1750 г., назначающей въ этомъ костелѣ храмовые праздники съ полнымъ отпущеніемъ грѣховъ, принятой съ благоговѣніемъ, и данной къ исполненію управляющимъ виленскою епархіею, епископомъ виленскимъ Михаиломъ Зенковичемъ въ 1752 году, не меньше изъ инвентаря и люстраціи, сдѣланныхъ ученою комиссіею 11-го февраля 1774 г. и изъ многихъ другихъ дальнѣйшихъ документовъ оказалось: что костель котранскій (о которомъ было сомнѣніе) всегда принадлежалъ обряду латинскому и имѣеть всѣ его принадлежности, а особенно такъ называемыя *portafelia* (т. е. камень вмѣсто антимиаса), употребляемые единственно въ латин-

(*) Указъ тойже конс. отъ 15 іюля 1814 г. за № 410.

(**) Указъ тойже конс. отъ 7 сентября 1814 г. за № 557.

(***) Указъ греко-ун. конс. отъ 28 октября 1814 г. за № 764.

скихъ костелахъ, а находился онъ до 1812 г. только въ заведеніи скидельскихъ приходскихъ уніятскихъ священниковъ, наконецъ какъ со стороны обряда уніятскаго не дано достаточныхъ доводовъ тому, чтобы этотъ костель былъ посвященъ по уніятскому обряду Іосафатомъ (Кунцевичемъ); затѣмъ признать: что номинутый костель котранскій принадлежалъ обряду латинскому, состоялъ подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ виленскихъ енархіальныхъ, латинскихъ епископовъ, и потому всегда долженъ оставаться подъ ихъ управленіемъ и въ томъ же обрядѣ, а сверхъ того, по причинѣ происшедшей въ немъ въ 1812 г. драки, нужно новое освященіе его, обиженнымъ же при этомъ произшествіи предоставить вѣдаться формою суда. О чемъ рапортовать Стройновскому, епископу виленскому и кавалеру, а священнику Налевайкѣ вернуть представленные имъ документы чрезъ уніятскую брестскую консисторію».

Вотъ примѣръ самаго произвольнаго рѣшенія латинскаго присутственнаго мѣста, вотъ ясное доказательство, какъ самоуправно относилась церковь римско-католическая къ равноправной ей — уніятской! Самое первое доказательство тому, что костель кашубинскій долженъ принадлежать латинскому обряду представлена була папы 1750 г., тогда какъ за сто лѣтъ передъ тѣмъ онъ состоялъ подъ вѣденіемъ уніятовъ, и отъ основанія его до этого года папа даже не зналъ объ его существованіи. Еще доказательство: что здѣсь находится *portafelia*, употребляемая единственно въ латинскихъ костелахъ, — тогда какъ этотъ предметъ совмѣстно съ нашимъ антминсомъ находился и въ каждой церкви для отправленія здѣсь миссы латинскими священниками. Въ настоящее время есть еще не мало живыхъ свидѣтелей, которые хорошо помнятъ, что такъ называемые *portafelia* имѣлись въ церквахъ уніятскихъ. Наконецъ сказано: что со стороны обряда уніятскаго не дано ясныхъ доводовъ того, чтобы онъ былъ освященъ уніятскимъ епископомъ Іосафатомъ (Кунцевичемъ), тогда какъ имѣлся подъ рукою документъ, именно экстрактъ генеральнаго обзора, бывшаго въ 1737 г., гдѣ ясно сказано: »что этотъ костель, или лучше церковь, освящена епископомъ полоцкимъ Іосафатомъ.» Еще здѣсь усматривается одно довольно важное обстоятельство. Въ томъ же экстрактѣ 1737 г. упоминается, что мелкая шляхта, донимѣ по берегамъ рѣки Котры, принадлежала приходомъ къ свято-георгіевской церкви. Въ настоящее время мнѣ извѣстно нѣсколько личностей, которые показываютъ могилы своихъ отцевъ на геор-

гивскомъ нашемъ кладбищѣ, слѣдовательно, все это были уніаты, а не р. католики; р. католиками же стали они, вѣроятно, со времени присвоенія кашубинской церкви латинскимъ обрядомъ. Вотъ самыя прямыя соображенія: такъ какъ въ то время религія р. католическая была, такъ сказать, модною, исповѣданіе ея давало даже нѣкоторыя права, а къ тому нашлась возможность для здѣшней шляхты исправлять всѣ духовныя нужды по обряду р. католическому у себя дома; то неудивительно, что они измѣнили свой обрядъ, и сдѣлались р. католиками. Въ настоящее время большая половина крестьянъ деревни Кашубницевъ римскіе католики; отъ чего же они не всѣ православныя, тогда какъ въ другихъ деревняхъ скидельскаго прихода почти вовсе нѣтъ католиковъ: очевидное дѣло: Промыслъ Божій однимъ далъ твердость духа оставаться въ прежней вѣрѣ, а другихъ допустилъ къ измѣнѣ ей.

Священникъ *I. Хомичевскій.*

Освященіе костела на православную церковь въ м. Рудоминѣ—Виленскаго уѣзда.

Русская православная Вильна непрестанно украшается православными окрестностями. Въ 11 верстахъ отъ дороги въ Лиду есть мѣстечко Рудомино. Здѣсь былъ костелъ съ немалочисленнымъ приходомъ. Въ районѣ этого же прихода, лѣтъ 30 назадъ, бывшимъ помѣщикомъ поселено было нѣсколько православныхъ семействъ изъ Пинскаго уѣзда, Минской губерніи. Эта-то горсть православныхъ, устоявшая въ св. вѣрѣ противъ всѣхъ козней, разрослась нынѣ въ немалочисленный приходъ православный, присоединеніемъ большого числа латинянъ къ православію, такъ что понадобилось самый костелъ обратить на православную церковь, что и разрѣшено— по просьбѣ присоединившихся изъ латинства, бывшихъ прихожанъ этого костела. Освященіе костела на православную церковь, во имя Святителя и Чудотворца Николая, совершено нынѣ— 9 мая, въ самый праздникъ Святителя Христова. Освященіе совершилъ его преосвященство, Александръ, епископъ ковенскій, съ высшимъ виленскимъ духовенствомъ; на Вожегственной Литургіи произнесено было священникомъ виленскаго кафедральнаго собора Андреемъ Кургановичемъ, печатаемое въ слѣдъ за симиъ слово. Торжество

это было украшено присутствіемъ г. начальника губерніи С. Ѳ. Пандина, вилнискаго военнаго начальника Кн. Н. Н. Хованскаго и многихъ чиновныхъ особъ, ревнителей православія и русской народности въ странѣ.

С Л О В О ,

по освященіи храма въ м. Руденный, 9 мая 1866 года.

Христіане! пришла пора, Богъ и на васъ призрѣлъ своею милостію, — уже и вы имѣете желанный храмъ. Черезъ настоящее архипастырское священнодѣйствіе Самъ Богъ освятитъ это мѣсто въ жилище Себѣ. Онъ милосердный постоянно будетъ пребывать на семъ мѣстѣ своею спасительною благодатію и будетъ обильно изливать ее въ души всѣхъ приходящихъ сюда съ вѣрою. Здѣсь Онъ, Спаситель нашъ, будетъ невидимо находится среди васъ и своимъ присутствіемъ будетъ подкрѣплять ваши молитвы. Отсюда въ священныхъ таинствахъ вы будете почерпнать себѣ божественную помощь для борьбы со грѣхомъ, для укрѣпленія въ вѣрѣ и благочестивой жизни, ведущей къ вѣчному спасенію. Здѣсь и въ вашемъ счастьи и радости Богъ милостиво приметъ ваши благодаренія, и въ бѣдѣ и горести ниспослетъ утѣшеніе и болящимъ дастъ исцѣленіе, и слабымъ силамъ подкрѣпленіе. Здѣсь, въ словѣ евангельскомъ, Онъ будетъ къ вамъ бесѣдовать какъ отецъ къ дѣтямъ, наставляя васъ на всякое дѣло доброе и Ему угодное. Здѣсь въ таинствѣ причащенія своимъ пречистымъ тѣломъ и кровію Онъ будетъ входить въ ближайшее и тѣснѣйшее общеніе съ вами. Словомъ, храмъ сей будетъ для васъ неисчерпаемымъ источникомъ постоянныхъ и многообразныхъ благъ. Да, велико благодѣяніе, дарованное вамъ въ освященіи храма, — вы это понимаете, ваша непритворная радость видимо въ томъ удостоивается. Мы вполне сочувствуемъ вашему счастью и не сомнѣваемся, что вы отъ души изольете свои благодарныя чувства въ предстоящемъ молебномъ пѣніи. Не только теперь, но и во всю жизнь свою вы непрестанно будете прославлять Бога за настоящее счастье, — вы и дѣтямъ и потомкамъ своимъ заповѣдаете хвалить Бога вѣчно. Посмотрите, сколько среди васъ именитыхъ русскихъ людей: всѣ они по братскому сочувствію нарочно прибыли сюда раздѣлить вашу радость и слить свои сердца съ вами.

и въ одной хвалебной молитвѣ къ милосердному Богу, общему благодателю нашему.

Но позвольте на нѣсколько минутъ сдержать порывы общей радости, чтобы обратиться мыслію назадъ и посмотрѣть — что и какъ было во времена прошедшія.

Христіане! Вы, безъ сомнѣнія, живо себя представляете то безуміе, съ какимъ небольшое число поляковъ подняли въ здѣшнемъ краѣ мятежъ, три года тому назадъ; вамъ памяты тѣ хитрости и жестокости, какими они хотѣли и васъ втануть въ свои злодѣйскіе замыслы. Излишне для васъ, а для настоящаго торжества и не умѣстно было бы въ подробностяхъ раскрывать эту мрачную картину, въ которой все поражаетъ ужасомъ: довольно сказать, что и всендзы, вопреки совѣсти и званію, принимали живѣйшее участіе въ злокозненныхъ панскихъ затѣяхъ. вмѣсто того, чтобы возвѣщать истину и поддерживать законный порядокъ, они сдѣлались пособниками лжи, обмана и беспорядковъ. Они святотатственно стали сѣять вражду и ненависть съ того священнаго мѣста, которое предназначено для одной проповѣди о мирѣ и любви; а другіе до того омрачились въ помысленіяхъ своего сердца, что съ крестомъ въ одной рукѣ и съ оружіемъ въ другой пошли предводительствовать разбойничьими шайками мятежниковъ.

Но откуда въ панахъ произошло это дерзкое стремленіе, изъ за чего всендзы взялись имъ содѣйствовать? Откуда у тѣхъ и другихъ это слѣпое убѣжденіе, что здѣсь въ русской землѣ—Польша?

Страна эта въ старину Литвой называлась, она была лѣсомъ покрыта и населена дикимъ и бѣднымъ литовскимъ племенемъ. Занимала она пространство не большое,—часть Виленской и Ковенскую губернію. Эта страна лежала въ сосѣдствѣ съ землею русскою и ее завоевалъ было вел. князь русскій, Ярославъ Мудрый, и наложилъ дань на литовцевъ. По прошествіи нѣкотораго времени Литва опять стала жить сама собою и своихъ князей имѣть. Литовцы были тогда нехристи. Зная это, нѣмцы поселились недалеко отъ Литвы, гдѣ теперь Рига, и по приказу папы пошли воевать Литву и мечемъ принуждать ее къ принятію римской вѣры. Литовцы стали обороняться, стали по чаще изъ лѣсовъ показываться на свѣтъ Божій и мало по малу изъ дикихъ стали дѣлаться похожими на другихъ: у нихъ явилась отвага, нашлись смѣлые вожди, которые удачно побивали нѣмцевъ. Нѣмцы снеслись съ поляками и давай съ двухъ сторонъ одолавать Литву. Трудно пришлось Литвѣ; но нашла она себя подмогу въ до-

брыхъ сосѣдахъ. Возлѣ Литвы много было русскихъ княжествъ—волоцкое, витебское, мстиславское, минское, городненское и др.; стали сближаться литовскіе князья съ русскими князьями, роднились съ ними, входили въ дружбу и общими силами стали отражать враговъ. Родство и дружба князей сблизили и народъ русскій съ литовскимъ; русскіе стали селиться межъ литовцевъ, заводя у нихъ торговлю и ремесла. Полюбили литовцы русскихъ, присмотрѣлись къ ихъ жизни и благочестію, увидѣли, что ихъ вѣра хорошая и стали добровольно креститься въ вѣру православную. Князья литовскіе тому не мѣшали; будучи большею частію женаты на православныхъ русскихъ княжнахъ, они не запрещали своихъ дѣтей крестить по православному и, исключая двухъ или трехъ, сами принимали св. православную вѣру; они на своихъ семействахъ видѣли, что вѣра православная учитъ правдѣ, честности и добрымъ дѣламъ. Между тѣмъ одинъ изъ литовскихъ князей, отличавшійся особеннымъ умомъ и отвагою, сталъ соединять русскія княжества подъ своей властію, которую расширилъ даже до Кіева. Но не тѣснилъ онъ вѣры христіанской, не нарушалъ обычаевъ и нравовъ русскихъ, а потому не тяготылись русскіе властію литовскаго князя Гедимина, управлявшаго ими чрезъ русскихъ же воеводъ. Такимъ образомъ составилось Великое Княжество Литовское, но собственно литовскаго народу въ немъ было куда меньше въ сравненіи съ русскими. Потому и на Литвѣ принятъ былъ языкъ русскій, сами литовскіе князья говорили по-русски, по-русски судъ радили и бумаги писали. Тогда Литовское княжество, сильное русскими, стало страшно и нѣмцамъ и Польшѣ и другимъ сосѣдямъ. Дѣло пошло бы какъ нельзя лучше. Но нужно было внуку Гедимина, Ягеллѣ, поддаться коварному предложенію Польши. Случись на бѣду, тогда у поляковъ родъ королей вымеръ, осталась одна королевна. Сообразили поляки, что сильный литовскій князь весьма выгодный женихъ для ихъ королевны,—и вотъ зовутъ его быть ея мужемъ и ихъ королемъ. Ягелло согласился; но его при этомъ такъ опутали поляки, что и самого заставили переимѣнить вѣру православную на римскую и взяли съ него клятвенное обѣщаніе, что онъ не только Литву,—гдѣ тогда еще много было нехристей,—окрестить по римски, но и русскихъ своихъ подданныхъ переведетъ съ православія на римскій законъ. И вотъ прибылъ Ягелло въ Литву съ своей супругой и множествомъ польскихъ назовъ и ксендзовъ. И сталъ онъ литовцевъ приманками приводить къ римской вѣрѣ, а русскимъ людямъ приазывалъ, чтобъ изъ пра-

вославныхъ дѣлались римлянами. Простые литвяки, нехристи пошли на приманку—и то не всё, но православные о римской вѣрѣ и слышать не хотѣли. Тогда противъ русскихъ пошли гоненія. Литовскіе князья, наущаемые польскими панами и ксендзами, стали измышлять разныя стѣснительныя для православныхъ постановленія; не стали ихъ допускать ни въ какимъ должностямъ, во всёхъ дѣлахъ ихъ обижали и тѣснили, и такимъ образомъ сдѣлали то, что многіе въ литовскомъ княжествѣ древніе княжескіе и знатные роды, для своихъ выгодъ, мало по малу начали принимать римскую вѣру, а потомъ постепенно и со всёмъ ополчились. Но простой народъ былъ твердъ въ своей вѣрѣ, ни какъ нельзя было его сманить и принудить. Тогда ксендзы придумали хитрость—завели унию: оставимъ, порѣшили они, для народа божественную службу по русски, лишь бы онъ папу главою церкви почиталъ и этимъ пусть одно будетъ съ нами. Со временемъ, думали ксендзы, по немножку станемъ церковную службу измѣнять, а потомъ доведемъ народъ до того, что онъ совсѣмъ станетъ римскимъ по вѣрѣ. Но и тутъ предки наши не поддались обману,—они чуяли что-то не доброе въ этой униіи и слышать объ ней не хотѣли. Тогда поляки стали употреблять силу: пошли жолнеры мечами на унию народъ гнать, стали священниковъ увѣчить и убивать, церкви забирать и въ аренду жидамъ отдавать. Много пришлось тогда вынести мукъ нашимъ прадѣдамъ за то, что вѣры святой измѣнить не хотѣли. Сотни лѣтъ прошли, а поляки отъ народа не отступались, не оставляли его въ покоѣ, пока не сдѣлають его римскимъ. Хотѣли поляки и русскій языкъ вывести въ русской землѣ, и многіе годы того добивались. Съ христіанскимъ терпѣніемъ переносили это бѣдствіе наши предки: они вѣрили, что будетъ время, когда Богъ смиляется надъ ними. И Богъ не посрамилъ ихъ надежды. Когда царство русское оправилось отъ своихъ бѣдствій и невгодъ и пришло въ силу, оно съ готовностію откликнулось на вопли своихъ братьевъ, незаконно подпавшихъ подъ власть Польши и за свою вѣру терпѣвшихъ невыносимое гоненіе. Когда добрые совѣты не могли вразумить вольнодумныхъ поляковъ, Россія взяла подъ свое крыло западную Русь; народъ того только и ждалъ. Какъ только увидѣлъ онъ себя подъ властію Россіи, тотчасъ всё, кто насильно вовлеченъ былъ въ унию, добровольно ее бросили и воротились къ чистой вѣрѣ праотцевъ. Такимъ образомъ поляки своего не добились. Какъ слѣдствіе ихъ вѣковыхъ усилій, въ ихъ извращенныхъ умахъ составилось ложное убѣжденіе, что въ рус-

ской землѣ Польша. И достойно постигла ихъ заслуженная кара: они не только потеряли русскія земли, перешедшія къ нимъ отъ литовскаго княжества, но свой край сгубили. Это, однако, ихъ не образумило, — тѣмъ менѣе могла ихъ вразумить ласка, съ какою обходилось съ ними русское правительство. Они не хотѣли познать того добра, которое оказывала имъ Россія, принявши ихъ подъ свое покровительство. Въ своей гордости они потеряли даже способность видѣть то, что служило къ ихъ благосостоянію; подобно отверженнымъ душамъ, они только то и знаютъ, что сѣять раздоры да возбуждать мятежи.

Теперь посудите сами, можно ли назвать ту вѣру чистою христіанскою, которая дозволяетъ сѣять ненависть и вражду; можно ли оставаться въ той вѣрѣ, которой служители являлись споспѣшниками мятежа и разоренія?— Сынъ Божій приходилъ на землю, все вынесъ, все претерпѣлъ, отдалъ себя на самыя страшныя мученія и позорную смерть, чтобы людей примирить съ Богомъ и на землѣ водворить согласіе, миръ и любовь;—а тамъ Его служители въ Его же святое имя проповѣдуютъ раздоръ, вражду и ненависть.— Онъ нашъ Спаситель заповѣдуетъ своимъ послѣдователямъ: любите другъ друга; потому и узнаютъ всѣ, что вы мои ученики, если будете имѣть любовь между собою;—а есендзы, пастыри Христова стада, говорятъ пасомымъ, указывая на ихъ братьевъ русскихъ: не считайте ихъ братьями, оскорбляйте ихъ, презирайте. Въ какой мѣрѣ это справедливо, доказывать излишне: въ вашей же средѣ, христіане, есть не мало семействъ, которыя, бывъ переселены (*) сюда изъ дальнихъ мѣстъ, въ теченіе тридцати лѣтъ въ крайней степени на себѣ испытывали гибельные плоды этого ученія. Живю всегда въ моей памяти представляется образъ сѣдаго старика (**), теперь уже мирно почивающаго здѣсь, какъ онъ со слезами разсказывалъ о томъ, сколько имъ бѣднымъ пинчукамъ пришлось здѣсь выстрадать отъ панской злобы и отъ есендзовскихъ возней. Но вѣчный покой твоему праху, добрый старикъ, — ты теперь въ другомъ мірѣ радуешься, видя настоящее торжество вѣры и правды, и благословляешь Бога, что твои земныя и твоихъ братій страданія были не напрасны. Миръ насталъ и на мѣстѣ семъ, вражда уступила мѣсто любви, раздоръ привелъ къ единенію.

(*) Лѣтъ за 30 было выселено сюда изъ пинскаго уѣзда мѣстнымъ помѣщикомъ нѣсколько семействъ.

(**) Этотъ старикъ назывался Миронъ Артискій; онъ умеръ два или три года тому назадъ.

Будемъ же, Христіане, славословить Бога за Его благое смотрѣніе о насъ. Отъ глубины души возблагодаримъ Его за то, что Онъ Милосердный въ тяжкую годину бѣдствій подерѣплялъ нашихъ предковъ и не допустилъ имъ пасть подъ гнетомъ враждебныхъ и своекорыстныхъ всендзовскихъ злоумышленій. Слава Богу, что послѣ вѣковыхъ усилій и насилій польскихъ вы, хр., остались все таки русскими въ душѣ. И вотъ, когда свѣтъ истины коснулся вашихъ сердецъ, вы добровольно оставили то, что было навязано вашимъ предкамъ силою; вы присоединились къ единой истинной православной католической церкви, въ которой ученіе Христово во всемъ сохранилось неизмѣннымъ. Будьте же вѣрными дѣтьми этой церкви, а она не возмутитъ вашего покоя. Съ этихъ поръ съ сего священнаго мѣста вы будете слышать одно слово небесной любви: будьте только внимательными къ этому слову и съ своей стороны прилагайте стараніе о поддержаніи между собою взаимной любви и согласія,—а Богъ мира будетъ охранять васъ и благословлять во всемъ,— Онъ вамъ и здѣсь на землѣ даруетъ мирное и благополучное житіе, и въ будущемъ вѣкѣ на небѣ удостоитъ васъ своихъ неизрѣченныхъ и нескончаемыхъ благъ. Аминь.

Депутація отъ виленскаго учебнаго округа къ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву.

1-го мая, въ 11 часовъ утра, депутатами виленскаго учебнаго округа — окружнымъ инспекторомъ, Г. Э. фонъ-Траутфеттеромъ, директоромъ динабургской гимназіи, В. Н. Невзоровымъ, и директоромъ народныхъ училищъ Виленской и Гродненской губерніи, А. И. Садовымъ, поднесенъ былъ графу Михаилу Николаевичу Муравьеву альбомъ съ фотографическими портретами лицъ, служащихъ въ учебныхъ заведеніяхъ сѣверо-западнаго края. Депутаты представлены были попечителемъ виленскаго учебнаго округа, И. П. Корниловымъ, прибывшимъ по дѣламъ округа въ Петербургъ. Графъ принялъ депутатовъ привѣтливо и радушно. Обращаясь къ графу, попечитель прочиталъ ему отъ имени всѣхъ служащихъ въ учебномъ округѣ слѣдующій адресъ: „Ваше Сіятельство! 1-го мая 1863 года ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ вѣрилъ Вамъ управление сѣверо-западнымъ краемъ. Въ годовщину этого достопамятнаго дня, виленскій учебный округъ, въ лицѣ нашемъ, подноситъ Вамъ свой альбомъ, какъ чистосердечное выраженіе

чувствъ глубокаго къ вамъ уваженія и признательности за ваши великія государственныя заслуги по водворенію въ край образованія на русскихъ началахъ. Въ этомъ альбомѣ собраны имена людей, вызванныхъ въ край, по большей части, вами. Какъ представители виленскаго учебнаго округа, смѣло можемъ завѣрить, что округъ слѣдуетъ неуклонно по указанному Вами направленію и свято хранить и внушаетъ молодому поколѣнію непоколебимую вѣрность ГОСУДАРЮ и Отечеству.“ Графъ, видимо растроганный, выразилъ благодарность за поднесеніе альбома и адреса и сказалъ: „Я увѣренъ, что тотъ же духъ и тѣ же начала сохранились въ дѣятельности округа, которые руководили имъ во время моего управленія сѣверо-западнымъ краемъ, и что побужденіемъ къ этой дѣятельности служить общее и твердое убѣжденіе всѣхъ служащихъ въ округѣ, что только воспитаніемъ молодаго поколѣнія на православно-русскихъ началахъ можно соединить край въ одно неразрывное цѣлое съ остальной Россіей и доставить ему счастливую будущность. Скажу, что твердое русское направленіе, которому неуклонно слѣдуетъ виленскій учебный округъ, составляетъ его особенность. Успѣхъ учебныхъ заведеній сѣверо-западнаго края зависѣлъ не столько отъ моихъ распоряженій, сколько отъ той искренней готовности, съ которою вы, Иванъ Петровичъ, и достойные ваши сослуживцы-сотрудники старались ихъ усвоить и выполнить на самомъ дѣлѣ.“

Г. Э. Траутфеттеръ, передавая графу альбомъ, сказалъ: „Лестный для насъ выборъ, со стороны нашихъ сослуживцевъ, удостоилъ насъ высокой чести поднести вашему сіятельству этотъ альбомъ. Металлическая его оболочка назначена хранить на вѣчныя времена начертанія краткой лѣтописи достопамятныхъ распоряженій вашего сіятельства по виленскому учебному округу во время вашего управленія сѣверо-западнымъ краемъ. Мы осмѣлились прибавить наши фотографическіе портреты, какъ изображенія живыхъ свидѣтелей доблестной вашей дѣятельности. Пусть помнитъ потомство вашего сіятельства, и потомство наше, что вы и въ самый разгаръ мятежа и крамолы ревностно покровительствовали истинному просвѣщенію въ духѣ русской народности и православной вѣры.“

Поблагодаривъ еще разъ депутатовъ и пожелавъ виленскому учебному округу полнаго успѣха, графъ принялъ альбомъ и внимательно разсматривалъ каждую его подробность, а равно и находившіяся въ немъ портреты. Альбомъ сдѣланъ изъ серебра, въ

видѣ ларца. Рисунокъ для него составленъ учителемъ рисованія виленской гимназiи, В. В. Грязновымъ, а исполненъ художникомъ И. Соколовымъ. Кругомъ альбома славянскою вязью, изъ серебра, надпись: „графу Михаилу Николаевичу Муравьеву Виленскiй учебный округъ.“ На боковыхъ сторонахъ: на передней гербъ графа, на противоположной учебныя атрибуты; на остальныхъ двухъ—6 гербовъ сѣверо-западныхъ губернiй. На углахъ альбома четыре сидящiя фигуры мальчиковъ, въ одеждѣ тузовскихъ крестьянъ (Минской губернiи). На дощечкахъ, которыя держатъ дѣти, начертаны слова: „1-го мая 1863 года“ и „Бога бойтеса, Царя чтите“. На крышѣ альбома карта сѣверо-западнаго края, съ положеннымъ на ней вѣнкомъ изъ лавра и дуба; на внутренней доскѣ крыши вырѣзано: „Лѣтопись Виленскаго учебнаго округа съ 1-го мая 1863 года по 17 апрѣля 1865 года.“ Разсматривая внимательно фотографическiе портреты, графъ узнавалъ всѣхъ, кого случилось ему хотя бы разъ видѣть, и съ участiемъ спрашивалъ о многихъ изъ нихъ. По разсмотрѣнiи всѣхъ портретовъ, альбомъ внесенъ былъ въ кабинетъ и поставленъ среди множества другихъ альбомовъ, поднесенныхъ графу бывшими его подчиненными въ сѣверо-западномъ краѣ.

Во время бесѣды въ кабинетѣ графъ сказалъ, между прочимъ, что хотя здоровье его требуетъ спокойствiя и свѣжаго воздуха деревни, но что онъ не пощадитъ себя для ГОСУДАРЯ и отечества и надѣется, что тайное нравственное зло, пустившiе уже корни въ нашемъ обществѣ, будетъ раскрыто и причины зла обнаружатся. Прощаясь, графъ пригласилъ депутатовъ откушать у него въ тотъ же день хлѣба-соли. Обѣдъ былъ назначенъ въ 5 часовъ. За гостепрiимнымъ обѣдомъ шла оживленная бесѣда, особенно о народномъ образованiи въ сѣверо-западномъ краѣ, преимущественно, о воспитанiи дѣвицъ, какъ будущихъ матерей и первоначальныхъ воспитательницъ новаго молодого поколѣнiя, объ утвержденiи и развитiи въ западныхъ губернiяхъ православiя и постройкѣ православныхъ церквей. Графъ провозгласилъ тосты за виленскiй учебный округъ и за всѣхъ служащихъ въ краѣ по учебному вѣдомству, Попечитель въ свою очередь выразилъ признательность за постоянное его вниманiе и сочувствiе къ виленскому округу и присовокупилъ, что лестное мнѣнiе графа объ округѣ поддерживаетъ въ преподавателяхъ бодрость и увѣренность, что они вполне усвоили себѣ ту систему, на служенiе которой призваны. Послѣ обѣда, всѣ перешли въ кабинетъ, гдѣ бесѣда

продолжалась еще около часа. При прощаніи графъ изъявилъ желаніе видѣть депутатовъ предъ ихъ отъѣздомъ. 4-го мая, въ 10 ч. утра графъ принималъ ихъ, повторилъ имъ снова, въ самыхъ одобрительныхъ выраженіяхъ, довѣріе къ прямой русской дѣятельности виленскаго учебнаго округа и заключилъ увѣренностію, что борьба русскихъ учебныхъ заведеній съ враждебными началами увѣнчается успѣхомъ, если настоящая дѣятельность воспитателей не ослабѣетъ и не измѣнитъ направленія.

Слова графа Михаила Николаевича будутъ приняты всѣми служащими въ учебномъ округѣ, какъ изрѣченія челоуѣка, имя котораго провозносится нами съ глубокою признательностію и уже записано въ исторіи Россіи на ряду съ лучшими историческими именами.

(Сообщено).

Нѣсколько словъ о вышедшей въ Кіевѣ брошюрѣ: „КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ТЫСЯЩЕЛѢТІЯ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ.“

Въ Кіевѣ на дняхъ вышла изъ печати и поступила въ продажу весьма интересная брошюра: «КЪ ПРАЗДНОВАНІЮ ТЫСЯЩЕЛѢТІЯ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ (СЪ ОСКОЛЬДОВОЙ МОГИЛЫ)»,—съ видомъ Оскольдовой могилы въ 1836 году. Желающіе приобрѣсть настоящую брошюру могутъ обратиться въ Кіево-Никольскій монастырь. Цѣна 10 к. с.,— а для народныхъ и церковно-приходскихъ школъ 5 коп. Имѣя въ виду сообщить болѣе подробныя свѣдѣнія о вышедшей брошюрѣ, мы скажемъ въ настоящемъ обзорѣ, что, согласно докладу настоятеля Николаевскаго монастыря, архимандрита Θεоктиста, утвержденному его высокопреосвященствомъ, святѣйшаго синода членомъ, высокопреосвященнѣйшимъ Арсеніемъ, митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, въ Николаевскомъ монастырѣ 9 мая, въ день храмоваго его праздника, будетъ совершена предъ божественною литургіею панихида о упокоеніи души Оскольда, во св. крещеніи Николая, а послѣ литургіи и молебствія святителю Христову Николаю поставлена бронзовая доска съ нижепредставленною надписью; 2-го же іюля (въ день положенія честныя ризы во влхернскомъ храмѣ Богоматери), будетъ совершенъ крестный ходъ на Оскольдову могилу, если по предварительномъ сношеніи съ г.

начальникомъ губерніи, генераль-лейтенантомъ Н. Г. Казнаковымъ, воспослѣдуетъ на то разрѣшеніе св. синода.

Николаевскій монастырь, по поводу тысячелѣтія христіанства въ Россіи, въ день храмоваго своего праздника 9 мая, совершитъ домашнее торжество въ благодарность Господу Богу за вѣреніе молитвенному охраненію его мѣстности, гдѣ погребено тѣло перваго, извѣстнаго исторіи, русскаго князя-христіанина, отслужитъ панихиду о упокоеніи души Оскольда, вознесетъ усердную молитву къ святителю Николаю, именемъ котораго нареченъ былъ Оскольдъ во святомъ крещеніи. Предметъ этотъ не долженъ быть чуждымъ сердца всякаго православнаго христіанина, а тѣмъ болѣе всякаго православнаго жителя Кіева; и нѣтъ сомнѣнія, что хотя немногіе изъ нихъ, въ память и благодарность къ Оскольду, положившему начало христіанства въ Кіевѣ, присоединятъ къ монастырской молитвѣ и своё усердное моленіе ко Всевышнему о упокоеніи души его и испросятъ у святителя Николая ходатайства предъ Богомъ о принятіи ихъ моленія. Еще болѣе нѣтъ сомнѣнія, что всѣ православные жители Кіева примутъ искреннее участіе въ предполагаемомъ крестномъ ходѣ, во времени совершенія котораго, надѣмся, придутъ къ намъ въ Кіевъ изъ столицы Имперіи Россійской высокопреосвященнѣйшій владыка кіевскій, митрополитъ Арсеній и высокопревосходительнѣйшій начальникъ юго-западнаго края, г. генераль-губернаторъ Александръ Павловичъ Безаевъ. Этотъ крестный ходъ будетъ уже не домашнее торжество кіево-пустынно-Николаевскаго монастыря, а торжество всего Кіева, торжество всей православной Россіи. Судя по прежнимъ годамъ, въ этой порѣ (іюлю мѣсяцу) стекаются въ Кіевъ богомольцы со всѣхъ, даже отдаленнѣйшихъ концовъ Россіи; значить, по истинѣ вся земля русская приметъ участіе въ этомъ торжествѣ, а богомольцы, свидѣтели крестнаго хода, пронесутъ вѣсть объ этомъ торжествѣ по всей землѣ русской и, кто какъ суждетъ, расскажутъ всѣмъ и каждому, что-то былъ за крестный ходъ въ Кіевѣ, и такимъ образомъ незамѣтно проведется въ народное сознаніе свѣдѣніе о началѣ христіанства въ Россіи доселѣ у насъ мало извѣстное народу. А можетъ быть и благая мысль нашего высокопреосвященнѣйшаго митрополита, что постройка памятника должна быть дѣломъ всей православной Россіи, найдетъ сочувствіе сначала въ сердцахъ жителей Кіева, а затѣмъ и всѣхъ православныхъ христіанъ. Дай Богъ!!

Содержаніе статьи, которая какъ памятникъ будетъ вырѣзана на бронзовой доскѣ, слѣдующее:

„ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА

И

ТЫСЯЩЕЛѢТІЕ ПЕРВАГО КРЕЩЕНІЯ РОССОВЪ ВЪ КІЕВѢ.

„Россы Оскольдъ и Диръ были первоначально идолопоклонники. Въ 863/864 году по рождествѣ Христовѣ, они завладѣли городомъ Киевомъ, въ которомъ тогда было язычество и стали киевскими князьями. Въ томъ же 864-мъ году они съ своею дружиною отправились изъ Кіева на многочисленныхъ корабляхъ въ Константинополь, дабы отомстить грекамъ за избиеніе проживавшихъ тамъ по торговымъ дѣламъ россовъ. Прибывъ туда, они окружили сей городъ и въ предмѣстіяхъ его начали истреблять все. Жители Константинополя, съ часу на часъ, въ ужасѣ ожидали вторженія россовъ въ городъ. Но первосвятитель Фотій возбуждаетъ смятенный народъ къ упованію на помощь Богоматери и съ чудотворною ризою Ея совершаетъ крестный ходъ по стогнамъ и стѣнамъ Константинополя. Тогда россы, неспособно какъ, обратили тылъ свой, сняли осаду Константинополя и, пораженные чудодѣйственною силою Божіею, возвратились въ Кіевъ. А въ 866-мъ году Оскольдъ вмѣстѣ съ киевскими россами, принявъ св. крещеніе отъ епископа, посланнаго къ нимъ патриархомъ Фотіемъ, который, въ томъ же году, упомянулъ объ этомъ событіи въ своемъ посланіи къ восточнымъ святителямъ.»

»Въ 882-мъ году Олегъ, правитель сѣверной Руси, прибылъ изъ Новгорода къ высотамъ киевскимъ и остановилъ свои ладіи на берегу Днѣпра, противъ сей мѣстности. Укрывъ своихъ воиновъ въ ладіяхъ, онъ велѣлъ объявить Осколду и Диру, что варяжскіе купцы, отправленные новгородскимъ княземъ въ Грецію, хотятъ видѣть ихъ какъ друзей и соотечественниковъ. Оскольдъ и Диръ, не подозрѣвая обмана, вышли къ нему на это мѣсто. Воины Олега окружили ихъ, и Оскольдъ и Диръ подъ мечами ихъ пали къ ногамъ сего правителя. Тѣло Осколда погребено на мѣстѣ мученической кончины его.

»Вотъ почему это мѣсто имѣетъ историческое названіе «ОСКОЛЬДОВА МОГИЛА.»

»Блаженная княгиня Ольга построила тутъ церковь въ честь святителя Христова Николая, мирликійскаго чудотворца, потому

что Оскольдъ въ святомъ крещеніи наречень былъ Николаемъ. Въ 971 году эта Оскольдовская церковь была разорена Святославомъ I-мъ, но святымъ великимъ княземъ Владиміромъ вновь въ 990-мъ году возстановлена. Нынѣ существующая каменная церковь, на томъ же мѣстѣ, построена въ 1809-мъ году благотворительностію воронежскаго купца Самуила Никитича Мещерякова. Въ 1861-мъ году кіево-пустынный Николаевскій слупскій второклассный монастырь, которому издревле принадлежитъ сія мѣстность и церковь, съ благословенія высокопреосвященнѣйшаго Арсенія, митрополита кіевскаго и галицкаго и съ утвержденія Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго, построилъ здѣсь каменный домъ для священнослужителей и сію каменную ограду, при настоятелѣ архимандритѣ Θεоктистѣ. Въ настоящемъ 1866-мъ году исполнилась тысяча лѣтъ съ того года, когда князь Оскольдъ и многіе россы приняли христіанство.“

«Въ память тысячелѣтія христіанства въ Кіевѣ и сооружена доска сія, 9-го мая, въ день святителя и чудотворца Николая, съ благословенія кіевскаго митрополита Арсенія, при архимандритѣ Θεоктистѣ, въ 12-е лѣто царствованія Благочестивѣйшаго Государя Императора Самодержца Всероссійскаго АЛЕКСАНДРА НИКОЛАЕВИЧА.“

»Богу нашему слава во вѣки вѣковъ. Аминь.»

Нѣчто о р. католицизмѣ въ Россіи.

Недавно сообщили мы нашимъ читателямъ, говорится въ „Русскомъ Инвалидѣ,“ въ краткихъ чертахъ бѣглый историческій очеркъ р. католицизма въ Россіи. Очеркъ этотъ намъ ясно показалъ, что отношенія Россіи къ Риму, какъ центру католицизма, представляютъ три періода, совершенно различныхъ другъ отъ друга, по своему характеру. Съ первыхъ годовъ царствованія Петра до перваго раздѣла Польши, въ теченіе почти ста лѣтъ, католицизмъ, не имѣя важнаго значенія для государства, скромно и исподоволь старается только о своемъ распространеніи въ Россіи, ищетъ въ ней утвердиться и домогается успѣшно частныхъ льготъ, не носящихъ характера государственныхъ мѣръ. Послѣ воссоединенія части отторгнутыхъ Польшею русскихъ областей, въ царствованіе Екатерины Великой, католицизмъ откры-

то пытается завоевать себѣ политическое значеніе въ государственномъ строѣ и занять въ Россіи такое же мѣсто, какое занималъ при разьединенномъ, анархическомъ управленіи Рѣчи Посполитой. Онъ уже не просить, но требуетъ. Но благодаря твердымъ убѣжденіямъ императрицы Екатерины, благодаря ея ясному пониманію вещей, а отчасти также, благодаря невыгодному для р. католицизма настроенію умовъ въ Европѣ и ослабленію папской власти, эти польско-латинскія стремленія получаютъ надлежащій отпоръ, и притязанія римскаго двора уступаютъ мѣсто правильной организаціи въ интересахъ полной свободы вѣроисповѣданія и государственной самостоятельности Россіи. Безсилны, въ царствованіе Екатерины, римскіе происки оживаютъ послѣ ея смерти. Третій періодъ, продолжающійся съ начала царствованія императора Павла до нынѣшняго времени, представляетъ почти постоянную, скрытую борьбу римской курии противъ началъ, установленныхъ Екатериною. Нельзя сказать, чтобы преемники великой императрицы не понимали всего значенія ея политики; нельзя сказать, чтобы русское правительство когда либо отступало прямо отъ своихъ убѣжденій, но, тѣмъ не менѣе, латинство хитростию и безконечными спорами успѣваетъ урывками исторгать частныя уступки, и пользуясь обстоятельствами, поддерживаетъ свой принципъ всемірнаго господства и постоянного вмѣшательства во внутреннія дѣла другихъ государствъ, стараясь примѣнить этотъ принципъ и къ Россіи. Для этой цѣли римскій дворъ тщательно избѣгаетъ всякаго прямого и открытаго соглашенія, но предпочитаетъ систему частныхъ сдѣлокъ по отдѣльнымъ вопросамъ, которые возбуждаются при всякомъ удобномъ случаѣ, желая въ нихъ находить поводъ къ новымъ спорамъ. Для этой цѣли Римъ всегда сочувственно относится къ польскимъ мятежамъ и подъ рукою содѣйствуетъ осуществленію польскихъ мечтаній, обѣщающихъ и ему возстановленіе золотаго прошедшаго. Для этого, наконецъ, выдумываются и разныя небылицы, объ угнетеніи и гоненіи, о нарушеніи свободы вѣроисповѣданія, и т. д.

Событія послѣдняго времени опять оживили нивогда не угасавшую борьбу римскаго двора противъ нашего правительства и дали ему случай возобновить свои притязанія на вмѣшательство во внутреннія дѣла имперіи. Польскій мятежъ, раздутый при непосредственномъ участіи римско-католическаго духовенства и въ

особенности монашествующаго, въ средѣ котораго, къ сожалѣнію, неизвѣстная часть принимала самое отвратительное участіе во всѣхъ гнусностяхъ убійствахъ и грабежахъ, сопровождавшихъ предполагаемое возстановленіе Польши въ предѣлахъ 1772 года, представилъ удобный поводъ выдвинуть впередъ и вопросъ о р. католицизмѣ и придать возстанію релігіозный характеръ. Церковный трауръ, богослуженіе, процессіи и проч. послужили введеніемъ въ открытій мятежъ. Римско-католическое духовенство стало въ открытую оппозицію къ правительству и римскій дворъ поощрялъ эту оппозицію. Ксендзы и монахи открыто призывали къ бунту, папа этому не противился. Имена Фелинского и многихъ другихъ свидѣтельствуютъ о томъ, что высшее духовенство поддерживало возстаніе, и дѣятельно ему помогало. Римскій дворъ, такъ ревностно отстаивающій свое исключительное вліяніе на духовенство и церковь, такъ усердно защищающій свою каноническую власть надъ ними, не нашелъ въ эти дѣйствія *неканоническими*, не остановилъ ихъ своимъ вліяніемъ на совѣсти, предоставленныя ему вполнѣ, не нашелъ удобнымъ издать буллу или бреве для прекращенія кровопролитій, а между тѣмъ сносился съ епископами, помимо русскаго правительства, въ противность всѣмъ существующимъ законамъ и договорамъ. Но тотъ же римскій дворъ, послѣ изложенія мятежа, ревностно вступился въ дѣло, когда правительство стало ломать преступное противудѣйствіе и принялось за очищеніе церкви отъ личностей, осквернившихъ ученіе Христова проповѣдью объ убійствѣ и грабежѣ, когда оно закрыло излишніе монастыри, въ которыхъ гнѣздились его враги и враги общаго спокойствія, когда оно стало настаивать на точномъ исполненіи правилъ, предписанныхъ закономъ и признаваемыхъ самимъ папою, правилъ, изложенныхъ въ договорахъ и подписанныхъ его именемъ. Указы о реформѣ бѣлаго духовенства, о сокращеніи монастырей, о подчиненіи ихъ епископской власти и надзору правительства вызвали по обыкновенію противудѣйствіе части римско-католическаго духовенства, и вотъ опять римская курія вступаетъ какъ будто бы за права и интересы р. католической церкви, а въ сущности за свои собственныя, тѣсно сопряженныя съ возможностью вѣшываться въ дѣла и распоряженія нашего правительства, и снова возбуждаетъ вопросъ о привилегіяхъ римско-католической церкви, о независимости ея духовенства и папской власти.

Въ ожиданіи тѣхъ мѣръ, которыя правительство наше, имѣющее прямою обязанностью разъ на всегда обезпечить себя отъ безпрестанныхъ дрягъ и явнаго неповиновенія части духовенства, возбуждаемыхъ и поддерживаемыхъ посторонними вмѣнательствомъ, не лишнимъ будетъ обозрѣть, на какихъ узаконеніяхъ и договорахъ основано нынѣшнее устройство римско-католической церкви въ Россіи, и имѣеть ли римскій дворъ право на тотъ образъ дѣйствій, котораго онъ держится въ теченіе всего нынѣшняго столѣтія.

Когда дѣло идетъ объ отношеніяхъ папской власти къ русскому правительству, то обыкновенно ссылаются на соглашеніе, подписанное въ 1847 году въ Римѣ и извѣстное у насъ подъ названіемъ конкордата. Конкордатъ этотъ имѣеть ту важность, что обвиняеть римско-католическую церковь во всей Имперіи, со включеніемъ Царства Польскаго, и представляетъ общее основаніе положенія римско-католической церкви въ Россіи, безъ территориальныхъ различій, и потому долженъ считаться основнымъ закономъ для устройства ея. Но, къ сожалѣнію, римскій дворъ при подписаніи конкордата нашелъ удобнымъ опредѣлять ясно и непреложно только новыя преимущества, приобретаемыя римско-католическою церковью, какъ напримѣръ, увеличеніе числа епископскихъ кафедръ новою кафедрою херсонскою съ саратовскимъ суффраганствомъ, и успѣлъ избѣжать разъясненія важнѣйшихъ спорныхъ вопросовъ и категорическаго принятія коренныхъ условій, руководившихъ и руководящихъ нашимъ правительствомъ въ дѣлахъ р. католической церкви и имѣющихъ полную законную силу понинѣ. Благодаря этому, конкордатъ 1847 года страдаетъ какою-то неопредѣлительностію. Считаемо недлишимъ нѣсколько подробнѣе остановиться на содержаніи его, такъ какъ содержаніе это вообще мало извѣстно въ публикѣ.

Въ первыхъ десяти статьяхъ конкордата говорится исключительно объ учрежденіи въ имперіи семи римско-католическихъ епархій, вмѣсто прежнихъ шести (*), объ учрежденіи новаго саратовскаго суффраганства, херсонскаго кафедральнаго капитула и

(*) Архіепископство могилевское, епископства виленское (губ. Ковенская и Курляндская), минское (губ. Минская), луцкое (губ. Киевская и Волынская, каменецкое (губ. Подольская) и новое епископство херсонское (губ. Херсонская, Екатеринославская, Таврическая, Бессарабія, губ. Саратовская (по старому разграниченію Астраханская и Закавказье).

херсонской семинаріи, о жалованіи и содержаніи новыхъ лицъ и учреждений, и, наконецъ, объ отношеніяхъ епархіальнаго римско-католическаго начальства къ армяно-католикамъ.

Статья XI оставляетъ число епархій въ Царствѣ Польскомъ тоже, какое было опредѣлено нашимъ правительствомъ и принято буллою папы Пія VII 30-го іюня 1818 года.

Статья XII опредѣляетъ порядокъ избранія епископовъ и суффрагановъ. „Епископы, какъ епархіальные, такъ равно и суффраганы Россійской Имперіи и Царства Польскаго, будутъ назначаемы каждый разъ по предварительному соглашенію его императорскаго величества съ святѣйшимъ престоломъ; каноническое же ихъ утвержденіе будетъ совершаться его святѣйшествомъ обыкновеннымъ порядкомъ.“ Статья эта заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ въ ней идетъ рѣчь о весьма важномъ правѣ замѣщенія епископскихъ кафедръ, и при томъ о вопросѣ, уже неоднократно возбуждавшемъ споръ. — Нельзя не замѣтить съ перваго же раза, что слово *соглашеніе* возбуждаетъ сомнѣніе въ томъ, что должно быть, если соглашеніе не состоится. Объ этомъ конкордаты не говорятъ ни слова, но отвѣтъ мы можемъ легко найти въ исторіи. Екатерина Великая, не спросивъ папы, возвелъ Сестреничица въ санъ епископа. Такимъ же образомъ поступила она въ 1793 году, послѣ присоединенія Минской, Кіевской и части Волынской губерніи, и при утвержденіи въ нихъ трехъ римско-католическихъ епископствъ. Императоръ Павелъ, когда папскій нунцій Литта вздумалъ вѣшать въ назначеніе епископа, порѣшилъ вопросъ немедленнымъ удаленіемъ нунціатуры и своею властію поставилъ епископа. Регламентъ 1798 года опредѣляетъ прямо, что епископы всегда назначаются императоромъ и посвящаются митрополитомъ (архіепископомъ могилевскимъ) съ *благословенія папы*.“ О суффраганахъ тутъ же сказано, что они равнымъ образомъ посвящаются съ благословеніемъ папы, по предварительному согласію на то его императорскаго величества. Въ высочайшемъ декретѣ о порядкѣ подчиненія римско-католическаго духовенства въ Царствѣ Польскомъ (1817 года), составляющемъ основной законъ римско-католической церкви въ Польшѣ, статьи VII и VIII говорятъ, что капитулы, лишившіяся своихъ архипастырей, *могутъ* избирать трехъ кандидатовъ для замѣщенія открывшейся вакансіи и представляютъ о нихъ *намѣстнику* (т. е. правительству). Подобное же право

предоставленія кандидатовъ на мѣсто суффрагана принадлежатъ епископу, чрезъ правительственную комиссію духовныхъ дѣлъ.— Наконецъ, почти во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ вопросъ этотъ рѣшается такъ, что право назначенія принадлежитъ государственной власти, а папа даетъ только духовную инвеституру, и если эта инвеститура не послѣдуетъ, то избраннныя лица все-таки управляютъ епархією, а лице, неодобренное правительствомъ, ни въ какомъ случаѣ не допускается до отправленія должности. Въ такомъ смыслѣ назначеніе епископовъ рѣшается конкордатами французскимъ и австрійскимъ. Между тѣмъ текстъ нашего конкордата не только не рѣшаетъ этого вопроса, согласно съ прежними неопредѣленными узаконеніями, приведенными нами выше, но даже даетъ поводъ сомнѣваться въ ихъ дѣйствительности, устанавливая какое-то равенство между консистентностію папы и правительства, равенство, котораго никогда не было и быть не можетъ, если государство не хочетъ терпѣть важный ущербъ своему авторитету.

Въ слѣдующихъ статьяхъ (XIII—XXI) конкордата, говорится подробно о правахъ епископовъ въ отношеніи суда и управленія церковными дѣлами каждой епархіи. Судъ и управленіе церковными дѣлами каждой епархіи принадлежатъ *исключительно* епископу оной, *безъ нарушенія однако же канонической подчиненности святѣйшему престолу*. Затѣмъ опредѣляются дѣла, подлежащія предварительному разсмотрѣнію консисторіи (въ томъ числѣ сюда относятся дѣла о недѣйствительности монашескихъ обѣтовъ, рѣшаемыхъ на основаніи буллы Бенедикта XIV. *Si datum*). Мнѣніе консисторіи впрочемъ не обязательно для епископовъ; голосъ консисторіи совѣщательный и всѣ члены ея назначаются и увольняются епископомъ, съ согласія правительства. Всякій новый епископъ имѣетъ право составить вновь консисторію. Наконецъ въ статьяхъ XXI—XXIV опредѣляются отношенія и права епископовъ, касательно управленія епархіальными семинаріями и духовною академією. Администрація этихъ заведеній и преподаванія въ нихъ подчиняются вполнѣ власти епископовъ.

Вся эта, наиболѣе пространная и подробная часть конкордата имѣетъ цѣлю разъ навсегда опредѣлить подчиненность *всего* духовенства римско-католическаго закона епископской власти и очертить кругъ этой власти такъ, чтобы только въ дѣлахъ осо-

бенной важности и, при томъ въ дѣлахъ чисто догматическихъ и религиозныхъ, приходилось прибѣгать въ канонической власти папы, а затѣмъ не было бы никакихъ поводовъ къ вѣшателству въ дѣла административныя и распорядительныя. Конкордаты признаютъ вполне судебную и административную власть епископовъ, но тѣмъ не менѣе оставляетъ, къ сожалѣнію, нерѣшеннымъ одинъ пунктъ, весьма важный и возбуждавшій постоянно споры. Пунктъ этотъ — подчиненность монашескихъ орденовъ власти епископовъ. И въ отношеніи этого важнаго пункта конкордаты не даютъ отвѣта и слѣдовательно приходится руководствоваться ея прежними неостѣненными и незамѣненными законами. Законы эти суть: грамота папскаго нунція Арретти, данная въ 1784 году на имя могилевскаго епископа Сестренцевича, положеніи регламента въ 1798 года и вошедшія изъ этого регламента въ декретъ 1817 года статьи IV, X, XV, XVI, XVII, XX. Въ особенности важна тутъ статья XX, которая прямо говоритъ: епископы должны имѣть бдительный надзоръ за вѣншею полиціею монастырей, кои только чрезъ посредство епископа или ихъ консисторій могутъ входить съ представленіями къ правительству. Постановленія эти ясно подтверждены буллою папы Пія VII 30 іюня 1818 года, гдѣ прямо поставлено: „города и церкви внешенчисленные, а также приходы и мѣста, подвѣдомственные каждой изъ церквей, какъ равно и ихъ жителей обоого пола, какъ свѣтскихъ такъ и духовныхъ назначаемъ навсегда и подчиняемъ по духовнымъ дѣламъ поименованнымъ церквамъ и іерархамъ, вѣстѣ съ городами, территоріею, епархіею, бѣлымъ духовенствомъ и монашествующими обоого пола“... Несоблюденіе этихъ положительныхъ законовъ и стремленіе монашествующаго духовенства, при всякомъ удобномъ случаѣ, не подчиняться мѣстной духовной власти, а прибѣгать къ своимъ римскимъ генераламъ или орденскимъ провинціаламъ, а съ другой стороны, потворствованіе этому сепаратизму со стороны римскаго престола и нѣкоторыхъ епископовъ, стремящихся къ тому, чтобы какъ бы то ни было и гдѣ бы то ни было ослабить дѣйствія правительства, повели въ 1842 и 1846 годахъ къ изданію высочайшихъ указовъ объ уничтоженіи власти провинціаловъ и учрежденіи особыхъ визитаторовъ для надзора за монастырями. Визитаторы назначались епископами. Наконецъ въ Царствѣ Польскомъ, послѣдній мятежъ и преступное участіе въ немъ многихъ монаховъ

и монастырей вызвали послѣднюю монастырскую реформу. Всѣ эти мѣры вполне оправдываются прежними узаконеніями и ни папа, ни нѣкоторые польскіе епископы не имѣли и не имѣютъ права считать ихъ необязательными подѣ предлогомъ, что они не вошли въ конкордатъ.

Послѣднія двѣ статьи конкордата, XXX и XXXI, касаются назначенія приходскихъ священниковъ и постройки и починки римско-католическихъ церквей.

Но затѣмъ конкордатъ проходитъ молчаніемъ едва ли не существеннѣйшій пунктъ порядка сношеній римскаго двора съ р. католическимъ духовенствомъ въ Россіи, — пунктъ, рѣшенный положительно всѣми европейскими правительствами, рѣшенный и въ Россіи, но постоянно нарушаемый папскимъ престоломъ, и потому требующій самаго строгаго вниманія. Дѣло идетъ о порядкѣ принятія и опубликоваванія папскихъ буллъ и бревоувъ. Касательно этого вопроса еще Екатерина Великая постановила правила, подтвержденныя регламентомъ 1798 года, которымъ запрещается принимать и публиковать папскія буллы безъ разрѣшенія правительства. Тѣ же правила вошли и въ Сводъ законовъ (прив. въ ст. 47-й. XI т. части первой), въ которомъ сказано: „всѣ христіане римско-католическаго вѣроисповѣданія сносятся съ римскимъ дворомъ не иначе, какъ чрезъ министра внутреннихъ дѣлъ, который относитъ о семъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. *Никакія буллы, посланія и постановленія римскаго двора не могутъ быть приводимы въ дѣйствіе въ Имперіи, Царствѣ Польскомъ и Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ безъ высочайшаго ея императорскаго величества разрѣшенія, испрашиваемаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, но предварительномъ удостовѣреніи, что сіи акты не заключаютъ въ себѣ ничего противнаго государственнымъ постановленіямъ и священнымъ правамъ и преимуществамъ верховной самодержавной власти.*“ Въ декретѣ 1817 года XIX ст. прямо постановляется: „духовныя власти безъ вѣдома и дозволенія правительства не могутъ объявлять папскихъ буллъ.“ Всѣ эти постановленія опредѣляютъ и для русскаго правительства неоспоримое право, существующее во всѣхъ европейскихъ государствахъ, даже р. католическихъ, право не позволять иноземной власти дѣлать какія бы то ни было распоряженія, приводить ихъ въ исполненіе безъ согласія и разрѣшенія собственной государственной власти и право останавли-

вать всякое распоряженіе, несогласное съ коренными законами и съ видами правительства. Право это неоднократно нарушалось римскимъ дворомъ и не далѣе, какъ въ послѣднее время мы имѣли разительный примѣръ той незабывчивости, съ которой папскій престоль умѣетъ обходить и не исполнять условій, на которыхъ допускается его вліяніе на римско-католическую церковь и ея внутреннія дѣла, внѣ предѣловъ папской территоріи.

Такимъ образомъ, римскій дворъ, при заключеніи конкордата 1847 года, счуждалъ избѣжать прямыхъ объясненій по тремъ важнѣйшимъ пунктамъ, составляющимъ и до-нынѣ главный предметъ столкновеній романизма съ правительствомъ и непризнание которыхъ со стороны папскаго престола есть явное нарушеніе самостоятельности и автономіи русской государственной власти въ предѣлахъ собственной территоріи, въ отношеніи къ собственнымъ подданнымъ. Всякій конкордатъ носить на себѣ характеръ договора съ взаимными уступками, характеръ соглашенія требованій съ двухъ сторонъ. Конкордатъ же 1847 года есть только уступка со стороны русскаго правительства, гарантировавшаго католицизму полную свободу, новыя льготы и роскошную матеріальную обстановку и не получившаго взамѣнъ даже гарантіи своего кореннаго права, права не терпѣть чужестраннаго вѣшателства въ собственныя внутреннія дѣла и оградить себя и своихъ подданныхъ отъ враждебныхъ вліяній. Таковое враждебное вліяніе римскій дворъ вполне обнаружилъ постояннымъ стремленіемъ дѣйствовать помимо правительства поддержкою и возбужденіемъ оппозиціи въ римско-католическомъ духовенствѣ, поощреніемъ его въ противодѣйствію законной власти. Это доказываютъ дѣйствія Гутковского, Фелинсакаго, Ржевускаго, почти всего монашествующаго духовенства, и, наконецъ, послѣдніе поступки римскаго двора въ отношеніи къ русскому правительству. Оправдываются подобныя дѣйствія основными принципами папскаго владычества, всемірнымъ господствомъ р. католической церкви, независимостью ея отъ правительственной, свѣтской власти, подчиненіемъ церкви исключительно, единственному *непогрѣшимо* авторитету римскаго двора. Основныя начала эти, выработанныя еще въ тѣ времена, когда, при отсутствіи правильныхъ идей о государствѣ и о международномъ правѣ, право сильнѣйшаго считалось закономъ и не знало другой санкціи, кромѣ религіознаго авторитета папы, когда всеобщее *безначаліе* утверждало всеобщее *начальство* Рима,

надъ р. католицизмомъ, надъ христіанскимъ ученіемъ, установленнымъ еще римлянамъ или, какъ выразился одинъ публицистъ, „тотъ духъ эгоистическаго, деспотическаго, произвольнаго; безстыднаго и насильственнаго господства, который отличалъ имство во всѣ времена, вошелъ въ плоть и духъ его и сдѣлалъ изъ него не духовное правительство извѣстной мѣстности, епископскаго или патриаршаго надзора, а всемірную политическую секту, вводящую во всякій государственный организмъ двоевластіе.“ Мало того, что сказано: отдайте Богу Богови, а кесарю кесарю; Риму нужно еще свое, чуждое Богу и противное кесарю. Власть папская стала властію, благодаря разладу въ государственной жизни Европы. Она могла утвердиться только при подобномъ разладѣ; для поддержанія ея нуженъ разладъ, и вотъ, ради собственнаго существованія, а не ради успѣховъ христіанскаго ученія, Римъ поддерживаетъ внутренний разладъ или водворяетъ его тамъ, гдѣ его нѣтъ.— Собственное значеніе и величіе римлянамъ основывается на изрѣченіи *divide et impera* и вотъ главной задачей Рима стала забота о всегданнемъ поддержаніи раздора и разлада между правительствами или между подданными и правительствомъ подъ предлогомъ цѣлости и интересовъ церкви.

Но спрашивается, можетъ ли правильно организованное государство терпѣть подобный порядокъ вещей, можетъ ли оно допускать рядомъ съ законно основанною для цѣлага государственнаго союза верховною властію вышательство чуждой власти, равной или даже считающейся *всемогущею*, хотя бы это всемогущество и прикрывалось каноническими правами? Всемогущество исключаетъ всякую другую власть и согласить объ невозможно. Не поэтому ли римскій дворъ не желаетъ разъясненія недоразумѣній, разъясненія, могущаго кончиться развѣ только уступкою римскаго двора, какъ это вполне доказываютъ ифры, принятія въ отношеніи къ нему большинствомъ европейскихъ правительствъ, и въ томъ числѣ многими р. католическими. Не поэтому ли онъ избѣгаетъ рѣшенія вопросовъ, составляющихъ тему постоянныхъ споровъ съ нимъ и предпочитаетъ вертѣться въ безконечномъ кругу противурѣчій, затягивать дѣло, спорить о немъ, а между тѣмъ дѣйствовать по своему, прикрываясь неприкосновенностію своей канонической власти и втягивая въ кругъ этой власти все, что ему угодно? На то и каноническая власть его

ограниченна, чтобы ею можно было прикрывать все. Можно вообще ожидать отъ римскаго двора добровольнаго соглашенія какой бы то ни было уступки, и можно ли подчинять государственные интересы, внутреннее спокойствіе, необходимость упоменія совѣстей миллионъ р. католиковъ, проживающихъ въ разныхъ странахъ, надеждѣ на прочное соглашеніе, на чистосердечную, искреннюю уступку *sine reservatione mentale*? Можно ли ждать такой уступки отъ власти, приписывающей себѣ право разрѣшать и связывать совѣсти и уничтожать присяги?

Просмотрѣвъ исторію нашихъ сношеній съ римскимъ дворомъ, прослѣдивъ всѣ факты, свидѣтельствующіе объ отношеніяхъ его къ русскимъ римско-католикамъ и къ нашему правительству, обративъ особенное вниманіе на послѣднія 60 лѣтъ и на смыслъ нѣкихъ договоровъ съ Римомъ, а въ особенности конкордата 1847 года, трудно предаваться еще какой бы то ни было надеждѣ. Незачѣмъ продолжать бесплодныя попытки выйдти изъ заколдованнаго круга, образуемаго папскимъ всегосподствомъ надъ совѣстями и церковью. Признавать неприкосновенность причины и стремиться къ нахожденію формы для нейтрализованія этихъ самыхъ причинъ—дѣло бесплодное и исторія нынѣшняго столѣтія доказываетъ это вполнѣ. Но та же исторія показываетъ намъ также примѣры, какъ слѣдуетъ разрѣшать подобныя вопросы. Постановленія Екатерины составляютъ *minimum* законныхъ требованій всякаго самостоятельнаго правительства, и она сумѣла устоять на этихъ требованіяхъ и безъ согласія папскаго престола, прервавъ бесплодный споръ, признавая папство только по-колику оно власть епископская, и отнявъ у него всѣ средства непосредственнаго вѣншательства въ дѣла управленія мѣстною церковью. Подобнымъ же образомъ поступило французское правительство въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и подобнымъ образомъ поступитъ и всякое правительство, охраняющее свое достоинство и внутреннее спокойствіе и желающее положить конецъ неумѣстнымъ притязаніямъ.

Можетъ ли и долженъ ли пострадать при нынѣшнихъ обстоятельствахъ р. католицизмъ въ Россіи? Мы смѣло утверждаемъ, что нѣтъ. Р. католицизмъ во всѣхъ столкновеніяхъ съ папскою властью играетъ роль подчиненную. Только благодаря папскимъ интересамъ и его стремленію къ всевластію, р. католицизмъ становится въ оппозицію къ другимъ христіанскимъ религіямъ,

стремится выйти изъ общаго уровня, гнушается равенства съ другими религіями и ищетъ господства или борется съ господствующими церквами, гдѣ таковыя есть. Въ Россіи подобной борьбы быть не можетъ. Въ исторіи Россіи, съ незапамятныхъ временъ господствующее православіе всегда отличалось и отличается полною вѣротерпимостью. Вѣротерпимость проникла въ плоть и кровь народа, который съ благоговѣніемъ снимаетъ шапку предъ осяжимъ мѣстомъ, гдѣ водруженъ крестъ, *общій* символъ христіанства, уважаетъ всякую церковь, гдѣ молятся единому Богу. Вѣротерпимость издревле составляетъ отличительную черту русскаго правительства. Ни въ варяжской, ни въ удѣльной, ни въ московской Руси не было примѣровъ гоненій за вѣру. Свободно селились иновѣрцы въ допетровской Руси, свободно живутъ они въ ней и въ нынѣшнее время. Открытъ имъ доступъ во всякой гражданской дѣятельности, равнымъ образомъ они пользуются защитой закона, свободно строятъ церкви и молятся по своимъ обычаямъ и преданіямъ. Легко *господство* православія, господствующаго только потому, что къ нему принадлежитъ 55 милліоновъ изъ семидесяти пяти. Не слышно жалобъ ни отъ киргизовъ, ни отъ евреевъ и магометанъ; не слышно ихъ ни отъ армянъ, ни отъ протестантовъ и не будетъ ихъ ни отъ р. католиковъ, если римскія интриги и происки извѣстной партіи польско-ляхетскихъ фанатиковъ перестанутъ разжигать изувѣрство и поднимать русскихъ католиковъ на дѣло незаконное, на сопротивленіе государственной власти, на ненависть къ своимъ братьямъ христіанамъ, молящимся тому же единому Богу, хотя бы и не по правиламъ римско-католической церкви.

Участіе іезуитовъ въ послѣднемъ мятежѣ.

Извлекаемъ изъ «Кіевлянина» интересныя свѣдѣнія объ участіи іезуитовъ въ подготовленіи послѣдняго польскаго мятежа въ западномъ краѣ. Оказывается, какъ и слѣдовало ожидать, что самыя законы противъ іезуитовъ не спасаютъ насъ отъ ихъ пропаганды и что они все таки нашли возможность прокрасться къ намъ, жить среди насъ подъ чужимъ именемъ, подъ личиною священнослужителей и проч. Они работали смѣло и рѣшительно, совершенно усыпивъ вниманіе общественнаго мнѣнія. Научимся ли мы наконецъ не довѣрять кознямъ нашихъ враговъ, какой бы ли-

чиной, хотя бы даже религии, блага Россіи и вѣрноподданныхъ чувствъ ни прикрывались они? Не все ли равно для насъ, что просто іезуитъ, или ксендзь-іезуитъ, панъ-іезуитъ, учитель-іезуитъ, женщина-іезуитъ и проч.? Съ чего же намъ, отрещиваясь отъ простыхъ іезуитовъ, каюсь отъ нечистой силы, спокойно позволять себя морочить всѣмъ прочимъ, по ихъ духу и примѣру дѣйствующимъ ихъ ученикамъ? За то ли только, что они има другое носить?... Въ дѣлѣ искорененія во всевозможныхъ видахъ направленной противъ русскаго дѣла интриги важнѣе всего корень; вырвать корень, не поростутъ и вѣтви. Мы знаемъ, для чего и для кого работали іезуиты; что они хотѣли свергнуть и что утвердить и распространить; въ чемъ собственно былъ корень ихъ работы; противъ сего то и мы должны направлять главные наши усилія.... Не латинство ли въ западномъ краѣ создало намъ всѣ тѣ безобразія, съ которыми здѣсь борется и долго еще будетъ бороться русское общество? Не для латинства ли работаютъ всякаго рода іезуиты?... Слѣдующія извлеченія самымъ дѣломъ подтверждать сказанное нами.

«Такъ называемая въ юго-западной Россіи „польска интрига“ была въ значительной степени дѣломъ іезуитизма, и то не какъ принципа и не какъ идеи, но корпораціи, съ душою и тѣломъ, которая, дѣйствуя исподоволь, произвела всю реакцію, и которая теперь еще не теряетъ надежды на успѣхъ.

Іезуиты, послѣ уничтоженія ордена (21-го іюля 1773 года) буллою папы Климента XIV остались неприкосновенными въ Силезіи, подъ покровительствомъ прусскаго короля Фридриха II, и въ Полоцкѣ, подъ покровительствомъ Екатерины II; слѣдуя своимъ секретнымъ правиламъ, они образовали въ Россіи центръ своей корпораціи.

Въ этихъ секретныхъ правилахъ сказано, что въ случаѣ гоненій противъ ордена, генераль и центральное управление должно находиться въ монастырѣ, преобладающемъ численностію; въ случаѣ же уничтоженія всѣхъ монастырей— тамъ, гдѣ поселится (хотя секретно) нѣсколько іезуитовъ; и наконецъ, если бы преслѣдованіе ордена развилось уже до такой степени, что на всемъ земномъ шарѣ осталось бы два іезуита, то одинъ изъ нихъ будетъ генераломъ.

Такимъ образомъ, іезуитизмъ обеспечилъ свое вѣчное существованіе, и хотя гоненіе патеровъ никогда еще не достигало высшихъ предѣловъ, однако же остается фактомъ, что послѣ ихъ уничтоженія, они избрали Полоцкъ мѣстомъ своего центрального управленія, и послѣ возобновленія ордена буллою папы Пія VII въ 1834 году Россія по-неволѣ сдѣлалась рассадницей іезуитизма по всей землѣ.

Изгнаніе іезуитовъ изъ предѣловъ Россіи, въ 1820 году, совпало уже со временемъ усиленія ихъ въ другихъ государствахъ. Іезуиты исчезли изъ предѣловъ имперіи de jure, но не подлежатъ

никому сомнѣнію, что они остались здѣсь *de facto*, какъ таинное общество.

Извѣстно, что іезуитъ не обязанъ быть монахомъ; онъ можетъ быть и свѣтскимъ человѣкомъ; даже и оставшемуся въ монастырѣ дозволено носить свѣтскую одежду и быть свободнымъ отъ требованій монашескаго устава.

Мы не владемъ фактами о существованіи іезуитизма за все время съ 1820 года; мы переходимъ прямо къ 1856 году, когда нашимъ глазамъ въ Кіевѣ предстаетъ уже организованное общество іезуитовъ, ведущее свое дѣло смѣло и рѣшительно, — общество, имѣющее приверженцевъ и воспитанниковъ.

Іезуиты дѣйствовали вездѣ и всегда самымъ вѣрнымъ путемъ, — посредствомъ воспитанія молодежи, а какъ Кіевъ былъ центромъ просвѣщенія юго-западной Россіи, то потому здѣсь и образовался центръ іезуитизма.

Пропаганда направлялась двумя путями: она стремилась, во 1-хъ, дѣйствовать на университетскую молодежь, приготовленную въ университетъ іезуитскими адептами и самими іезуитами, разбросанными, какъ домашніе учителя, по помѣщичьимъ домамъ юго-западной Россіи, и во 2-хъ, отыскивать, посредствомъ избранныхъ адептовъ, между бѣднѣйшею молодежью людей болѣе способныхъ, съ цѣлью образовать изъ нихъ членовъ ордена.

Въ Кіевѣ фигурировало тогда (1856—1859 годъ и далѣе) нѣсколько личностей, дѣйствовавшихъ систематически на университетскую молодежь. Эти личности были II. К. и III., да ксендзъ Г., сосредоточивавшій (*), какъ кажется, высшую власть въ своихъ рукахъ.

Въ домахъ этихъ господъ происходили часто вечернія собранія, гдѣ сходилась или богатая, или же одаренная большими способностями университетская молодежь и гдѣ систематически преподавалась наука іезуитизма. Какъ принципъ жизни, проповѣдывалась преданность р. католицизму и шляхетству.

Р. католицизмъ выставлялся, какъ религія самая высокая, потому что онъ никогда и нигдѣ не подчинялся вліянію свѣтской власти, а слѣдовательно олицетворялъ чисто республиканскую идею.

Что касается шляхетства, то относительно его говорилось, что въ Польшѣ слово шляхтичъ означало тоже самое, что благородный (*szlachetstwo, szlachetny*), а слѣдовательно, только то, что было шляхтою, было благороднымъ; за предѣлами шляхетства все было низво, неблагородно. Эта послѣдняя фраза составляла стереотипъ проповѣди одного изъ патеровъ, которую онъ очень часто любилъ высказывать.

(*) О совершенно сходныхъ явленіяхъ въ сѣверо-западномъ краѣ, смотр. «Вѣст. Вѣст.» 1866 г. № 47, статья: Польская пропаганда въ домашнемъ воспитаніи.
(Ред. Вѣст.)

Далѣ проповѣдывалось, что такъ какъ одна Польша была избраннѣмъ государствомъ, то полякамъ, какъ избранному народу, должно чуждаться какъ германскаго, такъ и русскаго просвѣщенія,— какъ идей регрессивныхъ, поддерживающихъ абсолютизмъ, словомъ, какъ идей, вредныхъ для Польши.

Тутъ иезуитамъ помогла эмиграціонная литература, и они воспользовались, а быть можетъ и создали то влеченіе университетской молодежи къ чтенію эмиграціонныхъ сочиненій, которое составляло почти единственное занятіе ея въ это время.

Но иезуиты, покровительствуя эмиграціонной пропагандѣ, старались, оставляя въ дѣйствиіи все мистическое ея направленіе, устранять тщательно все, что въ эмиграціи дышало болѣе ясными демократическими понятіями.

Демократизмъ и иезуитизмъ суть двѣ діаметрально-противуположныя идеи. Иезуиты боялись демократизма, и для этой цѣли, не имѣя возможности обойти на своемъ пути демократическихъ тенденцій, которыя начали тогда созрѣвать во всей массѣ просвѣщенной Европы, старались, что и успѣли отчасти, передавать демократическія идеи въ самомъ искаженномъ видѣ и создали, если можно такъ выразиться, *иезуитскій демократизмъ*.

Съ цѣлью не допустить развиться въ молодежи болѣе яснымъ понятіямъ о жизни, они старались, чтобы вліяніе профессоровъ на студентовъ ограничилось только вліяніемъ съ кафедръ, и успѣли въ этомъ до такой степени, что студенты перестали сближаться съ профессорами въ общественной жизни и въ домашнемъ кругу.

Гораздо было легче посредствомъ систематическихъ комментариевъ извращать смыслъ университетскаго преподаванія, при разрозненности профессорскаго и студенческаго сословія. Однако же и это не вполне удалось.

Профессоръ П. В. П—овъ былъ популяренъ между студентами, но едва-ли во вредъ иезуитамъ.

Имъ не были страшны тѣ профессора, лекціи которыхъ полны были эффектовъ и подкожнаго жару (*), но тѣ профессора, лекціи которыхъ отличались спокойной критикой и исторической правдой (**).

Сказавъ объ одной сторонѣ вліянія иезуитовъ на молодежь, намъ слѣдуетъ разобрать ихъ дѣйствія относительно вербовки въ орденъ этой молодежи.

Дѣйствіе сосредоточилось на выборѣ молодежи со способностями, въ предоставленіи ей стипендій на извѣстныхъ условіяхъ

(*) Въ родѣ п—ровъ, П...., Ш...., Т....

Ред.

(**) Г....кій, С....кій, И....шевъ.

Ред.

во время пребыванія въ университетѣ, а впоследствии въ высылкѣ за границу и т. д.

Для этой цѣли нужны были деньги — и иезуиты вскорѣ нашли ихъ.

Краугольный камень иезуитскаго капитала положенъ былъ духовнымъ завѣщаніемъ помѣщика Александра Б., по которому завѣщано 25,000 руб. сер. для воспитанія бѣдной молодежи въ духѣ р. католицизма. Сумма эта была отдана въ вѣрныя руки и процентъ отъ ней составлялъ иезуитскую стипендію юго-западнаго края.

Но этой суммы было недостаточно, и патеры придумали другіе источники для ея увеличенія.

Основано было братство (Nierokalanego roszczenia N. Magyí Rannu); начали собираться подписки на постройку р. католическихъ костеловъ (*), (которые, впрочемъ, нигдѣ не строились), появились циркуляры еседза Проконя, капуцинскаго монаха изъ Люблина, которые призывали къ пожертвованіямъ, да наконецъ сумма увеличивалась еще отъ пожертвованій многихъ ханжей, нафанатизированныхъ иезуитами. Суммы хватило для десяти адентовъ, которые отыскались между университетскою молодежью нарочно подготовленнымъ сыщикомъ Н., который отысканныхъ отправлялъ къ еседзу Г., для окончательныхъ условій. Берущему вспомошествованіе давалось подписать условія обязательныхъ трудовъ, которые онъ долженъ выполнять за предоставленную денежную помощь.

Вотъ одно изъ этихъ условій:

1) Изучать исторію Руси въ духѣ р. католицизма и шляхетства, *которыя идеи ты усвоишь себѣ навѣрно послѣ серьезнаго и самостоятельнаго научнаго труда.*

2) Стараться изслѣдованія свои направлять къ цѣли разрушенія теорій русскихъ ученыхъ о Польшѣ, *которыя ложь и подложность фактовъ, принятыхъ въ основаніе, ты увидишь съ перваго раза.*

3) Представлять два раза въ годъ отчеты о своихъ трудахъ.

4) Стараться содѣйствовать господину П. расширять свое вліяніе на польскую молодежь. (**)

Кромѣ этой программы, данной какъ условіе полученія стипендіи одному, намъ извѣстно, между прочимъ, что другому поручено было заниматься изученіемъ теоріи Духинскаго о монгольскомъ происхожденіи Россіи, а третьему пописываніе патристическихъ стиховъ.

(*) О другомъ братствѣ, еседзами же устроенномъ, братствѣ трезвости, см. «Вил. Вѣст.» 1866 г. № 29.

Ред. Вил. Вѣст.

(**) Курскъ въ первомъ и во второмъ пунктѣ не былъ прописанъ въ первоначальной редакціи обязательства, а прибавленъ вслѣдствіе возраженій, сдѣланныхъ молодымъ студентомъ, пораженнымъ неопредѣленностью выраженій.

Прим. авт.

Стипендіи были въ ходу долгое время и есть нѣкоторыя указанія на то, что и по настоящее время ими пользуются нѣкоторые адепты.

Изъ того же самаго источника Горжковскій получилъ фондъ на путешествіе за границу. (*)

Изъ всего вышесказаннаго явствуетъ, что иезуиты употребляли въ дѣлѣмъ край польскій патриотизмъ, какъ орудіе для своихъ видовъ, что давало имъ отчасти оттѣнокъ людей, дѣйствующихъ въ интересахъ Польши. Дѣйствительно, это приниманіе средства за идею господствовало въ общественномъ мнѣніи до такой степени, что подписавшему эту статью даже въ 1862 году удалось встрѣтиться съ мнѣніемъ, будто все, что въ этомъ край называють иезуитизмомъ, составляетъ самую высокую патриотическую идею.

Иезуитская интрига достаточно разъяснена переданными фактами: намъ слѣдуетъ еще рассказать о борьбѣ иезуитизма съ прогрессивными личностями, а равно о томъ, какъ онъ, нахватавшись по-своему революціоннаго духа, разыгралъ роль въ послѣдней вспышкѣ, въ которой, однакожь, несуждено было ему погибнуть.

Между тѣмъ молодежь стала увлекаться демократическими идеями, что произвело на время разрывъ между ею и старымъ поколѣніемъ. Иезуиты постарались прибрать въ свои руки *старое* полѣніе, пользуясь удобнымъ случаемъ. Совершивъ это дѣло, они сочли минуту наиболее удобную для проведенія давно задуманнаго плана *католическихъ школокъ*.

И дѣйствительно, это было время самого великаго торжества иезуитовъ: получивъ разрѣшеніе на учрежденіе католическихъ школокъ, они немедленно составили для нихъ секретную программу и поспѣшили поднять по этому дѣлу шумъ въ польской журналистикѣ (**). Въ глазахъ помѣщиковъ легко могло показаться, что иезуиты своими школками открыли міру, что такое демократизмъ и какъ его понимать; что они, будто, тоже знаютъ народъ, стараются образовать его, но образовать съ цѣлью—привести его къ Польшѣ. Распространенію такого взгляда не мало содѣйствовали статьи въ польскихъ газетахъ, передавшія съ извѣстной точкой зрѣнія эти невинные, повидимому, педагогическіе факты. Такъ,

(*) О перепискѣ Горжковского въ интересахъ польской справы съ бібліотекаремъ императорской с.-петербургской публичной бібліотеки Ивановскимъ, который передалъ эту переписку для хранения въ виленскій музей, смот. статью Рачинскаго: Еще о Виленскомъ музеѣ, напечатанную въ *Вил. Вѣст.* 1865 г.

Ред. Вил. Вѣст.

(**) О томъ, какъ въ сѣверо-западномъ край устроили такія же школки и какой шумъ былъ съ этою же цѣлью поднять въ прежнемъ польскомъ «Виленскомъ Вѣстникѣ», издававшемся г. Киркоромъ, см. статью: Историческая замѣтка о Виленскомъ Вѣстникѣ. (*Вил. Вѣст.* 1866 г. № 74).

Ред. Вил. Вѣст.

напримѣръ: «Польская Газета», извѣщая въ № 48 за 1862 г. объ открытіи крестьянской школы въ с. Х—номъ, принадлежащемъ помѣщику Г—у, прибавляетъ: «Передавая свѣдѣніе объ этомъ достойномъ повсѣмѣстнаго примѣненія происшествіи, нашъ корреспондентъ справедливо замѣчаетъ, что гораздо лучше было бы не препятствовать и дѣтямъ *другихъ исповѣданій* учиться въ этой школѣ. Впрочемъ, мы надѣемся, что со временемъ это случится само собою; а теперь мы поблагодаримъ Бога и добрыхъ людей за то, что уже совершилось.»

Значеніе школъ еще яснѣе опредѣлено въ письмѣ г. Плуга, помѣщенномъ въ № 33 «Варшавской Газеты.» Въ статьѣ этой авторъ передаетъ извѣстіе, что по деревнямъ учреждается много школъ помѣщиками для крестьянскихъ дѣтей, и говоритъ, что теперешнія сельскія школы, управляемыя дячками, не могутъ дать желаемыхъ плодовъ для народнаго образованія. «Въ древнія времена (говоритъ корреспондентъ), въ этихъ странахъ кругъ образованія былъ обширнѣе; тутъ было много іезуитскихъ коллегій, а въ каждой изъ нихъ считалось до 700 учениковъ. Нынѣ много нѣтъ, но почему же прошлое не можетъ повториться?» Слѣдовательно, католическія сельскія школы были не что иное, какъ іѳима (или первый классъ) іезуитскихъ коллегій.

Въ то самое время, когда іезуиты завоевывали старое поколѣніе и создавали *католическія сельскія школы*, молодежь получила первую электрическую искру непосредственно отъ революціонной польской партіи.

Когда возстаніе начало обхватывать Царство Польское и проявлять себя уличными манифестаціями, въ предѣлахъ юго-западной Россіи появились первые эмиссары. Въ Кіевѣ прибыли Леви и Мацевичъ и началась дѣйствительная революціонная работа.

Далѣе, показавъ, какъ искусно іезуитско-католическая интрига воспользовалась демократическими увлеченіями молодежи, «Кіевлянинъ» продолжаетъ: интрига торжествовала всюду: помѣщики находились въ рукахъ іезуитовъ, университетская молодежь тоже, католическія сельскія школы дѣйствовали; но всего важнѣе было преподаваніе въ гимназіяхъ польскаго языка, гдѣ учителя были назначены, если не самые патеры, то лица, вполне имъ преданные. Вслѣдъ за открытіемъ преподаванія польскаго языка, въ Кіевѣ была основана бібліотека польскихъ книгъ для учениковъ.

Эта бібліотека была учреждена внезапно во время контрактовъ 1861 года.

По приглашенію лица, игравшаго роль въ учебномъ мірѣ, и котораго, мимоходомъ замѣтимъ, крѣпко прибрали въ руки іезуиты, помѣщики въ нѣсколько дней подписали довольно значительную сумму денегъ для основанія бібліотеки. Дѣло двигалось быстро и съ весны того же года была открыта для учениковъ бібліотека, составленная изъ значительнаго количества плохихъ беллетристическихъ сочиненій, да книгъ, воспрещенныхъ цензурою. Но

наиболѣе важно было то обстоятельство, что лекторія помѣщалась въ квартирѣ патера, и что его руками былъ вливаемъ прямо въ умы юношей ядъ, окрашенный фальшивымъ патриотизмомъ и эмиграціоннымъ мистицизмомъ. Прискорбно было смотрѣть на эту толпу молодежи, подчиненную вліянію обскурантовъ и фанатиковъ,—прискорбно было видѣть погибающую будущность страны, тѣмъ болѣе, что всѣ эти юноши казались жертвами, обреченными на гибель, какъ герои возмущенія, которыхъ поведутъ уничтожать гражданскій порядокъ въ странѣ прежде, чѣмъ они могутъ усвоить себѣ основныя понятія о гражданскихъ обязанностяхъ и гражданской чести!

И такъ, какую картину представляло наканунѣ возстанія наше общество, опутанное іезуитами, разъединенное и разобщенное? Іезуиты сосредоточивали въ своихъ рукахъ образованіе молодежи въ частныхъ домахъ, ибо домашніе учителя были, по большей части, изъ ихъ среды; они удерживали вліяніе на образованіе въ гимназіяхъ, на университетскую молодежь; въ ихъ рукахъ были и помѣщики, и большинство чиновниковъ, да наконецъ, они же основали и католическія сельскія училища, стремившіяся только къ тому, чтобы окатоличить народъ.

(Изъ Вил. Вост.)

РЕЛИГИОЗНЫЙ ФАНАТИЗМЪ.

Корреспондентъ газеты Nord пишетъ изъ Флоренціи: — Свѣдѣнія, полученныя изъ провинцій, подтверждаютъ предположенія, которыя, вопреки объявленіямъ министра внутреннихъ дѣлъ, я высказалъ относительно варфоломеевской ночи въ Барлеттѣ. Сцены убійствъ, которыя омочили кровью этотъ городъ, не должны были составлять отдѣльнаго факта; бунтъ распространялся и за предѣлы южныхъ провинцій. Барлета была только исходнымъ пунктомъ религіознаго фанатизма, который былъ подготовленъ издавна и долженъ былъ вспыхнуть въ различныхъ пунктахъ: случайныя причины и здравый смыслъ народонаселеній воспрепятствовали взрыву. Въ Неаполѣ, въ Палермо, напримѣръ, клерикалы были оболещены въ своихъ намѣреніяхъ мадзиніевскими заявленіями, на которые они сильно рассчитывали и которыхъ однакожь не было. Церемоніи страстной недѣли должны были также служить предлогомъ для клерикальной реакціи. Вотъ почему знаменитая процессія, которая совершалась въ Пистоѣ въ великую пятницу, на этотъ разъ была запрещена; войска были направлены къ этому городу, чтобы предупредить беспорядки, которые могли случиться.

Терпимость долго еще не будет принадлежностью р. католическаго духовенства, но можно предвидѣть, что оно мало-по-малу освободится отъ оковъ римско-католической церкви и при помощи нѣкоторыхъ обстоятельствъ положить наконецъ основаніе церкви національной и свободной.

Въ немаловажной части нашего духовенства замѣтно съ нѣкотораго времени серьезное стремленіе отдѣлаться отъ вліянія римской церкви и не обращать никакого вниманія на отлученія отъ церкви, которыми сыплется Ватиканъ, стараясь въ тоже время оградить свою нравственность вступленіемъ въ бракъ. У насъ есть уже немало женатыхъ священниковъ, немало такихъ, которые подверглись запрещенію вслѣдствіе политическихъ обстоятельствъ и которые тѣмъ не менѣе продолжаютъ съ согласія ихъ пастей отправлять службу и совершать таинства. Это нарождающееся преобразование нашего низшаго духовенства совершенно добровольно; оно поддерживается безъ всякаго правительственнаго вліянія, при посредствѣ общества, которое существуетъ уже четыре года, и издаетъ газету. Этотъ расколъ существуетъ уже на дѣлѣ въ римско-католической церкви; заблужденія свѣтской власти и антинациональная политика Ватикана могутъ только способствовать его развитію. Я не желаю, конечно, раскола; но я отъ души желаю бы измѣненій въ этомъ порядкѣ вещей, измѣненій, слѣдствіемъ которыхъ былъ бы союзъ между очищенною религіею и свободою. Этотъ союзъ могъ бы служить ручательствомъ противъ повторенія барлетскихъ неистовствъ, которыя главный органъ папской курии „*Unita Catolica*“ не считъ даже нужнымъ подвергнуть порицанію. Этотъ благочестивый журналъ, повидимому, даже одобряетъ ихъ, потому что онъ довольствуется тѣмъ, что сваливаетъ всю отвѣтственность за нихъ на наше правительство, которое, говоритъ онъ, не право тѣмъ, что позволяетъ протестантамъ пребывать и отправлять свое богослуженіе въ Италіи, что естественно раздражаетъ религіозное чувство христіанскихъ населеній. Таковъ духъ, проникающій эту власть, которой прогрессъ, цивилизація и кротость наши столь горячихъ защитниковъ во французскомъ парламентѣ. Какое жестокое осужденіе свѣтской власти заключается въ этихъ строкахъ!

Если эта власть неподвижна въ руководящихъ ее началахъ, то народъ римскій и даже жители Транстеврина ушли далеко по пути прогресса. Римское правительство должно было убѣдиться въ этомъ, если только оно сомнѣвалось, поведеніемъ народа въ теченіе двухнедѣльнаго юбилея, назначеннаго папою для молитвъ, съ цѣлю призвать благословеніе Божіе на его колеблющуюся свѣтскую власть. На углахъ улицъ и на площадяхъ проповѣдники держали самыя рѣзкія и самыя эксцентрическія рѣчи о покаяніи, которому народъ долженъ былъ подвергнуть себя, чтобы устранить великія бѣдствія, объ отеческомъ правленіи папы и о вѣчной гибели нечестивой Италіи. Предъ нѣкоторыми церквями были воз-

двигнуты востры и на нихъ, въ присутствіи священниковъ, нечестивыя книги были подвергнуты сожженію. Очевидно, что единственною причиною этого театральнаго представленія была политика. Правительство надѣялось фанатизировать умы, для того чтобы вызвать заявленія въ пользу власти, осужденной на смерть и поддерживающейся только иностранными штыками. Но результатъ не отвѣчалъ обѣщаніямъ; вмѣсто того, чтобы распалить религіозныя страсти, проповѣдники вынуждены были исзвать защиты у жандармовъ. Неудача была полная, и она должна была заставить папу потерять и послѣдній лучъ надежды на поддержаніе своей власти.

ПРИГЛАШЕНІЕ КЪ ПОЖЕРТВОВАНІЯМЪ.

Въ настоящее время, когда западная Россія сбросила съ себя рубище, надѣтое на нее всендзо-польскою интеллигенціей, и когда наша страна открыла подлинную свою физиономію и стала рядомъ съ своею родною сестрою — восточною Россіей, то оказалось, что гнѣтъ враждебной ей пропаганды причинилъ много порчи и бѣдствія въ здѣшнемъ краѣ въ разныхъ отношеніяхъ, а болѣе всего въ религіозномъ. Народъ православный, остававшійся въ невѣжествѣ, сбитый съ пути истины насильственнымъ набросомъ противоположныхъ религіозныхъ вѣрованій, а болѣе всего приведенный изувѣрствомъ шляхты въ крайнюю апатію и бѣдность, — потерялъ охоту и возможность не только къ благолѣпію и охраненію храмовъ своихъ, но даже къ снабженію ихъ самымъ необходимымъ. А потому сельскимъ пастырямъ, старающимся, по долгу своему, о благоустройствѣ церквей, предстоятъ не малыя трудности въ отысканіи средствъ для приведенія ихъ въ подобающее дому Божію благолѣпіе. Къ счастью, нуждамъ нашихъ церквей стали много помогать братія восточной Россіи. Въ надеждѣ, что и мой слабый голосъ откликнется въ добромъ сердцѣ, и найдетъ сочувствіе и состраданіе у благотворительной души, я считаю долгомъ своимъ просить ревнителей по Бозѣ обратить вниманіе свое на вопіющія нужды богусевичаго прихода.

Богусевичи были вѣногда порядочнымъ мѣстечкомъ, съ зажиточными прихожанами. Когда-же этимъ имѣніемъ овладѣлъ родъ Свенторжецкихъ, то мѣстечко совершенно ими опустошено, а прихожане сей церкви до того угнетены, что многіе пошли по міру, а оставшіеся приведены въ крайнюю нищету. При всемъ томъ церковь здѣсь была въ довольно благолѣпномъ состояніи, по усердію зажиточныхъ предковъ настоящихъ прихожанъ. Но въ 1862 году она сгорѣла, со всѣмъ имуществомъ. За то, на мѣсто церкви, величаво воздвигался римско-католическій каменный костель, и къ

означенному году былъ уже почти оконченъ. Въ довершеніи, злополучія богумшевицкаго прихода, въ 1863 г. Святоторженскій избутоваль здѣшнюю окрестность, составилъ значительную выайку и предалъ самой мучительной, извѣстной всѣмъ, смерти священника о. Даніила Конапасевича. Такимъ образомъ прихожане лишились и церкви и своего пастыря. Но съ подавленіемъ мятежа, произошла перемяна въ лучшему въ нашемъ уголкѣ. Въ Богумшевицахъ строятся новая церковь, а костель отданъ для передѣлки на православную церковь. Новое положеніе прихода, конечно, радуеть души наши, но при этой радости мы не можемъ не скорбѣть отъ нашего безсилія устроить надлежащимъ образомъ наши церкви, тѣмъ болѣе, что средства для сего нужны не малы, а на мѣстѣ ихъ совершенно нѣтъ. Помощи же мы только и можемъ надѣяться отъ усердной жертвы благотворителей, которыхъ я, именовъ Бога, умоляю своими избытками восполнить нашу скудость. При чемъ не лишнимъ считаю указать Христолюбивымъ благотворителямъ и на могилу покойнаго исповѣдника православія о. Даніила Конапасевича, присвокупля, что на устройство достойнаго его памятника, собрано уже отъ березинскаго благочинія 22 р. и 63 к., а отъ брагинскаго благочинія рѣчицкаго уѣзда 21 руб. и 78 к. Движимые религіознымъ чувствомъ благоволятъ прислать жертвы свои на нужды нашихъ церквей, — а чувствомъ патріотизма и уваженія къ подвигу патріота-мученика на памятникъ священника Даніила Конапасевича по слѣдующему адресу: Минской губерніи, въ уѣздный городъ Игумень, священнику богумшевицкой церкви Іоанну Рункевичу.

Священникъ *Іоаннъ Рункевичъ.*

1866 года,
Января 24 дня
м. Богумшевичи.

ИЗВѢЩЕНІЕ

Пустыньскаго Успенскаго монастыря

о постройкахъ по оному.

Могилевской губерніи въ Мстиславскомъ уѣздѣ съ древнихъ временъ существуетъ Пустыньскій Успенскій мужескій монастырь, извѣстный находящеюся въ немъ святынею чудотворною иконою Божіей Матери, явившеюся на источникъ при семъ монастырѣ, и дѣлебной водою сего источника.

Обитель сія, по отнятіи ея у православныхъ латинянами, цѣ-
лѣхъ два столѣтія находилась во владѣніи монаховъ базилианска-
го ордена, которые устроили въ обители великолѣпный храмъ по
образцу западныхъ костеловъ.

По возвращеніи уніатовъ въ нѣдра православной церкви, эта
обитель не могла поддерживать себя ни собственными своими сред-
ствами, конхъ вовсе не имѣла, ни средствами окрестныхъ жите-
лей, по положенію своему въ такой странѣ, гдѣ простой право-
славный народъ весьма бѣденъ, православнаго купечества, кото-
рое отличается своимъ усердіемъ ко храмамъ Божиимъ, совсѣмъ
нѣтъ; а помѣщики-поляки, которые хотя и благоговѣютъ къ на-
ходящейся въ этомъ монастырѣ святынѣ, но, по нерасположенію
своему къ православной вѣрѣ и русской народности, не оказыва-
ютъ поддержки существованію обители.

При столь бѣдственномъ положеніи своемъ, Пустынской мона-
стырь, возложивъ упованіе на помощь Божию, съ разрѣшенія ду-
ховнаго начальства, обращался чрезъ настоятеля своего игумена
Анатолія къ благочестивымъ чадамъ православнаго нашего оте-
чества, извѣстнымъ христіанскою благотворительностію въ храмахъ
Божіимъ, съ просьбою о вспомошествованіи на возобновленіе; и
ожиданія его оправдались.

По приглашенію настоятеля, изъ разныхъ мѣстъ богоспасе-
мой Россіи, какъ чистыя струи, потекли посильныя приношенія на
возобновленіе Пустынской обители. Движимые благочестивымъ чув-
ствомъ усердія, лица всѣхъ сословій, даже бѣдные достояніемъ,
но богатые добродѣтелію благотворительности, принесли посиль-
ныя жертвы свои на алтарь святой обители Пустынской, бывшей
нѣкогда твердымъ оплотомъ православія въ предѣлахъ Бѣлороссіи.

Признательная Христолюбивымъ благотворителямъ за ихъ го-
рячее участіе въ нуждахъ Пустынскаго монастыря, братія онаго
долгомъ считаетъ извѣстить ихъ о произведенныхъ и предпола-
гаемыхъ постройкахъ на пожертвованныя деньги.

Работы по монастырю начаты въ 1863-мъ году, и въ настоя-
щее время находятся въ слѣдующемъ положеніи:

А) О т е т р о е н ы :

1) Каменная, холодная, покрытая желѣзомъ, церковь, во имя
Рождества Пресвятыя Богородицы, на источникѣ, на коемъ яв-
лась святая чудотворная икона Божіей Матери Пустынская, и къ
коему народъ во множествѣ стекается съ вѣрою въ цѣлебную
силу воды сего источника. Эта церковь длиною $6\frac{1}{2}$ сажени, ши-
риною $4\frac{1}{3}$ сажени, а вышиною съ куполомъ 7 сажени, снабже-
на приличнымъ иконостасомъ и утварью. Внутри этого храма
подъ церковнымъ помостомъ на мѣстѣ источника устроено вмѣ-
стилище для воды съ водопроводными трубами.

2) Большое двухъ-этажное каменное, покрытое желѣзомъ, зда-
ніе, въ которомъ:

а) Посреди теплая, крестообразная церковь, во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, длиною съ папертью 15 сажень, шириною 8 сажень, вышиною до купола 7 сажень, украшенная благолепнымъ иконостасомъ, за который уплачено художнику 2,500 рублей, отличнымъ напикадиломъ, хоругвями, лампадами и прочее необходимо утварью. Церковь эта 1-го числа Октября истекшаго 1865 года освящена преосвященнѣйшимъ Евсевіемъ, архіепископомъ могилевскимъ, при многочисленномъ собраніи народа.

б) По правую сторону этой церкви пристройка 10-ти сажень длиною, 6-ти сажень шириною, и вышиною отъ уровня земли до крыши 4-хъ сажень и 2-хъ аршинъ. Въ этой пристройкѣ въ первомъ этажѣ братская трапеза, а во второмъ — помѣщенія для братіи и послушниковъ.

в) По лѣвую сторону таково же размѣра пристройка въ два этажа съ келліями для братіи и послушниковъ.

г) Внизу подъ братскою трапезою подвальный этажъ и въ немъ пекарня, кухня, кладовая и погребъ. Подъ церковію также подвальный этажъ съ четырьмя пневматическими печами для отапливанія церкви, братской трапезы и келлій.

3) Въ монастырской оградѣ два деревянные на каменномъ фундаментѣ флигеля для призывающихъ богомольцевъ, каждый на двѣ половины. При нихъ устроены необходимыя службы и хозяйственныя принадлежности.

Б) Стрѣла:

1) Каменная оградная стѣна вокругъ всего монастыря на протяженіи около 400 погонныхъ сажень. Эта стѣна на 280 погонныхъ сажень уже окончена, кромѣ только штукатурки, которую предполагается произвести по просушкѣ стѣны; на 67 сажень длины положенъ фундаментъ и цоколь, и выведено самой стѣны на половину ея вышины, а на остальномъ протяженіи предполагаемой стѣны положенъ только фундаментъ и цоколь.

2) Каменная колокольня среди оградной стѣны, по прозиту въ основаніи въ длину 8 сажень, ширину $4\frac{1}{2}$ сажени, вышиною съ куполомъ и крестомъ $17\frac{1}{2}$ сажень, и выведенная уже на полторы сажени отъ поверхности земли; желѣзо связаное и листовое для нея уже заготовлено; подъ нею будетъ въѣздъ въ монастырь.

3) По угламъ оградной стѣны, съ лицевой стороны, двѣ каменные часовни, оконченныя и покрытыя желѣзомъ, требующія только снаружи и внутри штукатурки, которая произведется слѣдующею весною.

4) Каменный двухъ-этажный корпусъ для помѣщенія настоятеля и братіи, длиною 10, шириною $6\frac{1}{2}$, вышиною 4 сажени. Для него уже положенъ фундаментъ и заготовлено связаное и листовое желѣзо и нѣкоторые другіе матеріалы.

5) Каменные службы, для коихъ фундаменты уже положены.

В) Сверхъ сего необходимо:

1) Возобновить настоящую большую холодную каменную церковь, во имя Успенія Пресвятыя Богородицы, въ которой находится святая чудотворная икона Божіей Матери, явившаяся на источникѣ при семъ монастырѣ. Оную церковь, по составленному и утвержденному проекту, предполагено передѣлать, сообщивъ ей подобающій православной святынѣ видѣ, съ возведеніемъ на ней приличнаго купола и устройствомъ въ ней благолѣпнаго иконостаса; на возобновленіе этой церкви листовое желѣзо для крыши и купола и нѣкоторые другіе матеріалы уже заготовлены. Этотъ храмъ желательно было возобновить прежде другихъ построекъ; но надобно было отложить до окончанія вновь устроеннаго теплаго храма, чтобы въ обители богослуженіе не превращалось, такъ какъ до построенія теплаго храма былъ въ монастырѣ только одинъ вышепозазанный большой храмъ.

2) Исправить старый каменный корпусъ, въ которомъ доселѣ помѣщалась братія и послушники монастыря и который предполагается употребить для помѣщенія въ немъ поселенскаго училища и самыхъ поселенскихъ мальчиковъ окрестныхъ деревень и селеній.

Не мало еще потребуются средствъ для окончанія начатыхъ построекъ. Но обитель уповаетъ, что Христолюбивые благотворители, которые своими великодушными жертвами дали ей возможность начать свое возобновленіе, помогутъ ей и докончить его во славу святаго имени Божія.

Для наблюденія за производствомъ вышепозазанныхъ работъ и построекъ согласно планамъ и фасадамъ, назначенъ епархіальнымъ начальствомъ строительный комитетъ изъ лицъ духовныхъ и епархіальнаго архитектора, при участіи мѣстнаго благочиннаго монастырей.

Нѣкоторые изъ Христолюбивыхъ благотворителей, сверхъ денежныхъ приношеній на возобновленіе обители, сдѣлали пожертвованія разными вещами, напримѣръ: одна неизвѣстная благотворительница пожертвовала колоколь въ 35 пудовъ вѣсомъ, другая — жемчугъ на чудотворную икону Божіей Матери, иные напрестольные кресты, евангелія, ризы и разныя другія вещи, кои всѣ внесены въ опись церковнаго имущества.

О полученіи монастыремъ пожертвованій, какъ денежныхъ, такъ и вещами, настоятель онаго письменно извѣщалъ благочестивыхъ жертвователей, коихъ адреса были сообщены, и въ то же время вносилъ имена, какъ ихъ самихъ, такъ и тѣхъ лицъ, которые означены въ ихъ письмахъ, въ монастырскіе синодики, для вѣчнаго поминовенія живыхъ о здравіи, а умершихъ о упокоеніи.

Такимъ образомъ Пустыньскій Успенскій монастырь, при благословеніи Божіемъ и усердіи благотворителей, начинаетъ приходить въ положеніе; приличное этому древнему памятнику православія

въ странѣ бѣлорусской. И если благотворительная помощь продолжится, о чемъ обитель усердно просить благочестивыхъ благотворителей, то со временемъ эта обитель будетъ благоустроеннѣйшимъ монастыремъ въ здѣшнемъ краѣ.

По жертвованію просить высылать или въ моголевскую духовную консисторію, или прямо, чрезъ г. Мстиславъ (Моголевской губерніи), въ Пустыньскій Успенскій монастырь на имя настоятеля игумена Анатолія, сообщая имена благотворителей съ именами ихъ ближнихъ и сродниковъ, живыхъ и почившихъ о Господѣ, для внесенія ихъ въ монастырскій синодикъ на вѣчное поминовеніе.

Пустыньская обитель святымъ долгомъ считаетъ возносить усердныя моленія ко Господу Богу, да Онъ, щедрый Мздовоздатель за оказанныя ей благотворенія, сторицею воздастъ благочестивымъ благотворителямъ за земныя временныя блага небеснымъ вѣчнымъ блаженствомъ. Пресвятая Владычица Богородица да хранитъ ихъ подъ Своимъ державнымъ покровомъ, даруя имъ все благопотребное для жизни настоящей и будущей.

*Моголевской епархіи, Мстиславскаго уѣзда, Пустыньскаго Успенскаго монастыря настоятель игуменъ
Анатолій съ братією.*

ДЕРЖАНІЕ 9-й кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 18⁵⁵/₆₆ ГОДЪ.

О Т Д Ъ Л Ъ I.

- 3. МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ УНИИ.** — 1) **Выписки** изъ книгъ оршанскаго замка жалобы управляющаго имѣніями митрополита Ипатія Поцѣя на монаховъ кіево-печерскаго монастыря о недопущеніи ввода во владѣніе принадлежащими этому монастырю имѣніями. 1599 г. Стр. 29. — 2) **Грамота** митрополита Ипатія Поцѣя Антонію Гревовичу на архимандрію выдобицкую и на кіевскую протопоію. 1610 г. Стр. 34. — 3) **Выписки** изъ градскихъ книгъ замка лудскаго жалобы настоятеля вилненскаго св. Духовскаго монастыря Іосифа Бобрковича на Мелетія Смотрицкаго о невозвращеніи симъ послѣднимъ забранныхъ въ монастырь церковныхъ вещей. 1629 г. Стр. 35.
- 4. ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРИИ АЛАТЫРСКАГО КІЕВО-НИКОЛАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ.** — 1) **Отписка** въ посольскій приказъ воеводи Н. Плещеева о пріѣздѣ изъ Лыты въ Путивль густинскаго игумена Василія съ братією и лядинскаго монастыря игумена Елисаветы съ сестрами. 1638 г. Стр. 38. — **Царская грамота** о дачѣ вышедшихъ изъ Лыты въ г. Алатырь игуменѣ Елисаветѣ съ сестрами денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разныхъ угодій. 1639 г. Стр. 45.

О Т Д Ъ Л Ъ II.

- ПЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ** до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г. (продолженіе). Глава 12-я. Стр. 143.
- ВО-ВЫДУБИЦКІЙ** монастырь, во время занятія его уніятами. Стр. 158.

О Т Д Ъ Л Ъ III.

- ВЫЯ** затѣи хохломановъ. Стр. 39.

О Т Д Ъ Л Ъ IV.

- ЕДЪ МЯТЕЖЕМЪ.** Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Г. Жульминскаго. Стр. 223.
- КЪША И ПОЛЯКИ.** Вильямсона (переводъ съ англійскаго). Стр. 251.
- ЖИТІЯ** православныхъ святыхъ на Волнни. Стр. 278.
- БОТОРЫЕ** черты воспитанія въ училищахъ духовнаго званія. Стр. 290.
- ВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.** — **Приглашеніе** къ пожертвованію для западнаго края. Стр. 312. — **Пожертвованія** на устройство церквей и училищъ въ западномъ край. Стр. 314. — **Освященіе** церкви въ м. Сидель гродненскаго уѣзда. Стр. 321. — **Панклубенскіе** костелы. Стр. 324. — **Освященіе** костела на православную церковь въ м. Рудоминѣ, вилненскаго уѣзда. Стр. 329. — **Слово** по освященіи этого костела. Стр. 330. — **Бреннкоръ**: «Къ празднованію тысячелѣтія перваго крещенія россовъ въ Кіевѣ». Стр. 336. — **Ничто** о католицизмѣ въ Россіи. Стр. 339. — **Участіе** іезуитовъ въ послѣднемъ мятежѣ. Стр. 352. — **Религіозный** фанатизмъ. Стр. 357. — **Приглашеніе** къ пожертвованію на богумельскую церковь. Стр. 359. — **Извѣщеніе** пустынскаго Успенскаго монастыря. Стр. 360.

СОДЕРЖАНИЕ 9-й кн. „ВѢСТНИКА ЗАПАДНОЙ РОССИИ“ ЗА 18¹³/₆₆ ГОДЪ.

О Т Д В Л Ъ I.

- № 13. МАТЕРИАЛЫ ДЛѢ ИСТОРИИ УНИИ. — 1) **Выписки** изъ книгъ оршанскаго замка жалобы управляющаго кнѣзями митрополита Ипатія Поцѣя на монаховъ кievo-печерскаго монастыря о недопущеніи ввода во владѣніе принадлежащими этому монастырю кнѣзьями. 1599 г. Стр. 29. — 2) **Грамота** митрополита Ипатія Поцѣя Антонію Гревовичу на архимандрію выдубицкую и на кievскую протопошію. 1610 г. Стр. 34. — 3) **Выписки** изъ градскихъ книгъ замка лудскаго жалобы настоятеля вилненскаго св. Духовскаго монастыря Іосифа Бобриковича на Мелетія Смотрицкаго о невозвращеніи семи послѣднихъ забранныхъ въ монастырь церковныхъ вещей. 1629 г. Стр. 35.
- № 14. ДОКУМЕНТЫ КЪ ИСТОРИИ АЛАТЫРСКАГО КIEVO-НИКОЛАЕВСКАГО МОНАСТЫРЯ. — 1) **Отписки** въ посольскій приказъ воеводи Н. Пещеева о пріѣздѣ изъ Литвы въ Путивль густинскаго игумена Василія съ брѣтїемъ и ладискаго монастыря игумена Елисаветы съ сестрами. 1638 г. Стр. 38. — **Царская грамота** о дѣлѣ вышедшихъ изъ Литвы въ г. Алатырь игуменьѣ Елисаветѣ съ сестрами денежнаго и хлѣбнаго жалованья и разныхъ угодій. 1639 г. Стр. 43.

О Т Д В Л Ъ II.

- ПОЛЬСКАЯ ЭМИГРАЦІЯ** до и во время послѣдняго польскаго мятежа 1831—63 г. (продолженіе). Глава 12-я. Стр. 143.
- КIEVO-ВЫДУБИЦКІЙ** монастырь, во время занятія его уніятами. Стр. 158.

О Т Д В Л Ъ III.

- НОВЫЯ** затѣи хохломановъ. Стр. 39.

О Т Д В Л Ъ IV.

- ПРЕДЪ МЯТЕЖЕМЪ.** Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ Г. Кузнецова. Стр. 223.
- ПОЛЬША И ПОЛЯКИ.** Видьянсона (переводъ съ англійскаго). Стр. 251.
- ЗАБЫТЫЯ** православныя святѣи на Волини. Стр. 278.
- НѢКОТОРЫЕ** черты воспитанія въ училищахъ духовнаго звѣнія. Стр. 290.
- ИЗВЛЕЧЕНІЕ ИЗЪ ГАЗЕТЪ.** — **Приглашеніе** къ пожертвованію для западнаго края. Стр. 312. — **О пожертвованіяхъ** на устройство церкви и училищъ въ западныхъ краѣ. Стр. 314. — **Освященіе** церкви въ м. Свидель гродненскаго уѣзда. Стр. 321. — **О нашубскомъ** костелѣ. Стр. 321. — **Освященіе** костела на православную церковь въ м. Рѣзанинъ, вилненскаго уѣзда. Стр. 329. — **Слово** по освященіи этого костела. Стр. 330. — **О брошюрѣ:** «Къ празднованію тысячелѣтїя перваго крещенія руссовъ въ Кіевѣ». Стр. 336. — **Нѣчто** о католикахъ въ Россіи. Стр. 339. — **Участіе** иезуитовъ въ послѣднемъ мятежѣ. Стр. 352. — **Религіозный фанатизмъ.** Стр. 357. — **Приглашеніе** къ пожертвованіямъ на богословскую церковь. Стр. 359. — **Извѣщеніе** пустынскаго Успенскаго монастыря. Стр. 360.

